Русский биографический словарь

Смеловский - Суворина

1909 г.

РУССКІЙ

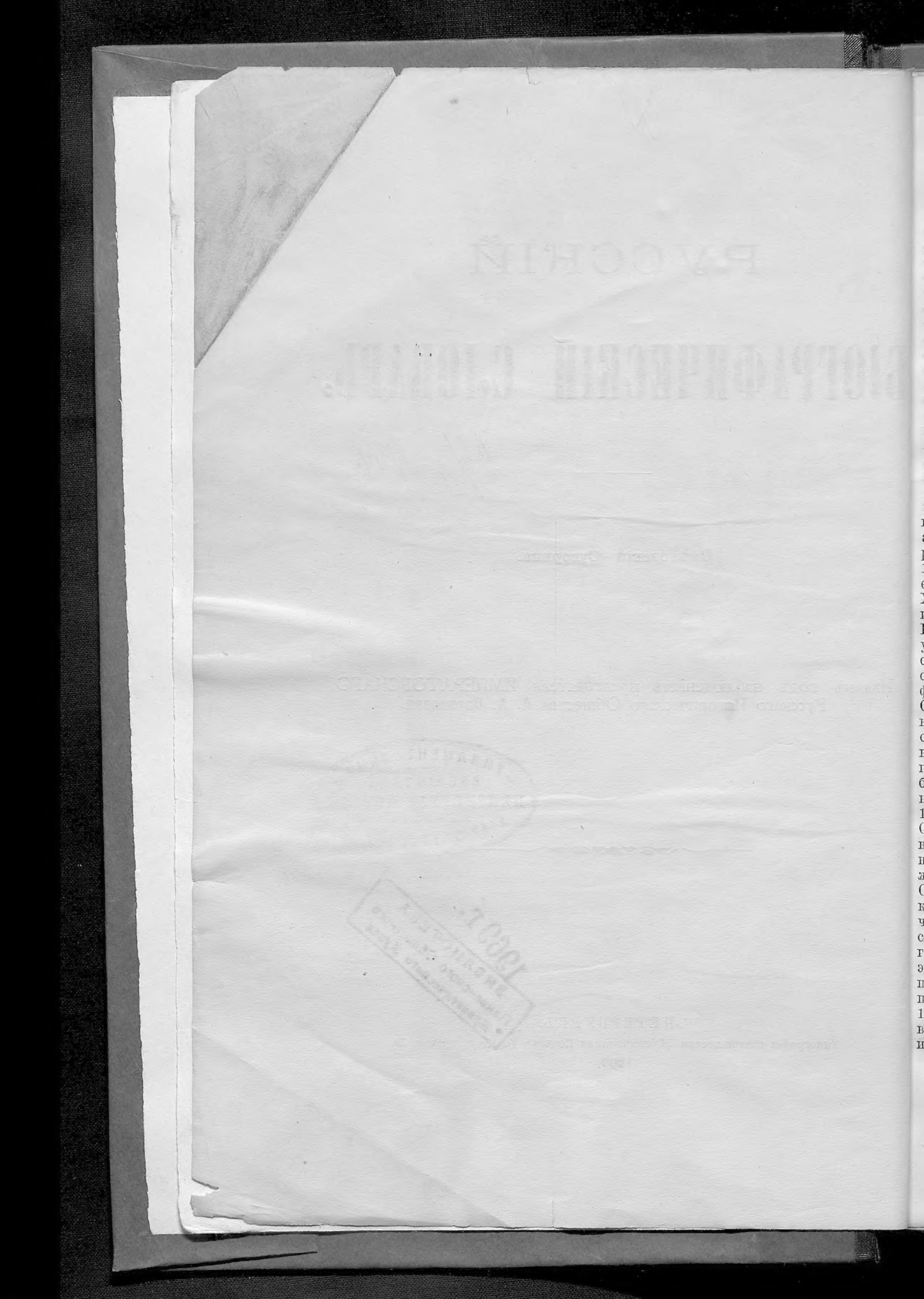
БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Смѣловскій—Суворина.

Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Историческаго Общества **А. А. Половцева.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1909.

С

Смѣловскій, *Иванъ Андреевичъ*, врачъ, профессоръ Медико-Хирургической академіи, происходилъ изъ духовенства, род. въ Кіевской губерніи 6 января 1762 г., умеръ 11 мая 1808 г. (По Змѣеву род. 5 февр. 1767 г. и обучался въ Харьковск. дух. семинаріи, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Тимофеемъ). Окончивъ курсъ Кіевской духовной академіи, гдѣ онъ усердно занимался латинск. яз. и, кромѣ обязательныхъ предметовъ, изучалъ съ особеннымъ рвеніемъ польскій, нѣмецкій, французскій, греческій и еврейскій языки, С. получилъ степень магистра и преподавалъ въ той-же академіи латинскій и греческій языки. Въ 1788 г., 28 августа, онъ вступилъ волонтеромъ въ Медико-Хирургическую С.-Петербургскую школу. Съ большимъ успѣхомъ пройдя курсъ послѣдней, былъ произведенъ лекаремъ въ 1790 г. и, назначенный въ 6-й баталіонъ Сибирскаго корпуса, состоялъ во время войны съ Швеціей на корельскихъ границахъ. Съ 1791 по 1794 г. С. служилъ уѣзднымъ лекаремъ въ г. Вытегрѣ, Олонецкой губерніи, 21 апр. 1791 г. былъ командированъ въ Петрозаводскъ для леченія усилившейся въ Олонецкомъ егерскомъ баталіонѣ цынги, а 2 іюня того-же года—въ г. Пудожъ для прекращенія эпидемической болѣзни; въ 1792 г. былъ посланъ въ Каргопольскій уѣздъ для прекращенія скотскаго падежа. Въ 1794 г. онъ перевелся въ Петербургъ въ Адмиралтейскій госпиталь, а въ 1795 и 1796 г. работалъ, кромѣ того, при «Сухопутной генеральной госпитали». 5 апрѣля 1796 г. С. прочелъ пробную лекцію «О болѣзненныхъ причинахъ вообще и о чахоткѣ». За эту лекцію Медицинская Коллегія опредѣлила его въ С.-Петербургское Медико-Хирургическое училище адъюнктомъ патологіи, терапіи и клиники («praxis medica») къ первому русскому клиницисту, профессору Базилевичу; 20 ноября того-же года С. получилъ званіе штабъ-лекаря «за присланную дѣльную обсервацію». Къ этому времени училище уже было значительно улучшено, чему способствовали, главнымъ образомъ, труды главнаго директора Медицинской Коллегіи, барона Васильева. Въ 1798 г. училище преобразовано въ Академію, при чемъ С. продолжалъ читать свой предметъ. 24 февр. 1799 г. Базилевичъ былъ избранъ ученымъ секретаремъ Медицинской Коллегіи и оставилъ академію; на свое мѣсто онъ рекомендовалъ С-го; послѣдній прочелъ 17 апрѣля 1799 г. пробную лекцію «о болѣзняхъ пасочныхъ сосудовъ», и 20 іюня ему было поручено самостоятельное преподаваніе патологіи, терапіи и клиники въ званіи адъюнктъ-профессора. Съ этого времени до 1805 г. онъ былъ единственнымъ профессоромъ терапевтомъ въ академіи; 22 февраля 1801 г. С. получилъ званіе экстраординарнаго профессора, а въ 1802 г.—ординарнаго. Каѳедра, занимавшаяся С-мъ, совмѣщала въ себѣ не только внутреннія болѣзни, но и нервныя, душевныя, кожныя, венерическія, глазныя и другія болѣзни.

Сюда же относилась и теорія медицины. Для успѣшнаго преподаванія этого необъятнаго курса былъ необходимъ всесторонне образованный и въ высшей степени даровитый человѣкъ, и такимъ дѣйствительно оказался С. Не получивъ высшаго медицинскаго образованія, не посѣтивъ никогда заграничныхъ врачебныхъ школъ, не имѣя степени доктора, онъ тѣмъ не менѣе справился съ своей задачей, благодаря своей необыкновенной энергіи. Чистовичъ полагаетъ, что С. преподавалъ свой предметъ не только теоретически, но и у постели больного. Авроровъ въ своемъ «Историческомъ очеркѣ каѳедры общей патологіи» приводитъ рапортъ С-го, поданный имъ въ конференцію въ 1805 г. Изъ этого рапорта, при которомъ авторъ его представилъ свой переводъ Hartman'овскаго анализа Brown'овской системы, видно, что С. очень тщательно слѣдилъ за научными теоріями своихъ современниковъ и относился къ нимъ критически. «Въ каждомъ изъ сихъ трехъ курсовъ, говоритъ онъ, принужденъ я былъ предлагать мое ученіе совсѣмъ въ другомъ видѣ.......; оставивъ предразсудокъ уваженія (praejudicium auctoritatis)». С. считалъ необходимымъ «держаться больше натуры живаго человѣческаго организма» и т. д. Тѣмъ не менѣе, онъ не имѣлъ совершенно самостоятельныхъ воззрѣній и былъ принужденъ довольствоваться изложеніемъ теоріи возбужденія Броуна, теоріей жизненной силы Рейля и т. д.

Въ 1805 г. С. перешелъ на вновь учрежденную каѳедру физіологіи, общей патологіи и діэтетики (гигіены) и оставался на ней 2 года (до самой смерти). Несмотря на появившіеся у него признаки чахотки, онъ продолжалъ правильное преподаваніе своего предмета, по временамъ поручая чтеніе лекцій своему адъюнкту Данилѣ Велланскому. Въ мартѣ 1808 г. онъ извѣстилъ конференцію о своей болѣзни, которая вскорѣ свела его въ могилу.

Кромѣ Академіи С. работалъ въ разныхъ госпиталяхъ, находился въ арміи во время Шведской войны, неоднократно былъ командированъ для прекращенія эпидемическихъ болѣзней и скотскаго падежа. Кромѣ того, С-му было также поручено леченіе воспитанниковъ Академіи. Послѣдняя очень высоко цѣнила С-го, какъ человѣка и какъ преподавателя. Въ протоколахъ ея сохранились слѣдующія слова: «Желая соблюсти въ кругѣ своемъ съ достодолжнымъ почитаніемъ память сочлена своего, покойнаго профессора надворнаго совѣтника Смѣловскаго, конференція положила, въ уваженіе отличныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ обществу образованіемъ юношества, въ признательность къ ревностнымъ трудамъ его, съ каковыми исполнялъ онъ поручаемыя ему начальствомъ разныя должности, записать сіе въ протоколъ, съ присовокупленіемъ, что потеря сего почтеннаго мужа, коего безпримѣрная кротость, человѣколюбіе и снисхожденіе, при обширныхъ и глубокихъ познаніяхъ, какъ въ медицинѣ, такъ и въ другихъ наукахъ и знаніяхъ, поистинѣ достойны подражанія,—навсегда пребудетъ чувствительнѣйшею для сотоварищей его и для воспитанниковъ» (прот. конференціи 1808 г., № 13). С. постоянно жилъ «пребѣдно» и оставилъ семью безъ всякихъ средствъ къ существованію. Усиленная дѣятельность его въ Академіи не давала ему возможности заниматься самостоятельными научными изслѣдованіями.

Кромѣ письменныхъ отчетовъ, представленныхъ С-мъ конференціи, ему принадлежатъ слѣдующіе научные труды: 1) 2 пробныхъ лекціи: 5 апрѣля 1786 г. и 20 іюня 1799 г. 2) «Критическое обозрѣніе Броуновой системы Гартмана» (P. K. Hartman's Analyse des Brownischen systems; 2 Theile, Wien, 1802); перев. съ нѣмецк., 2 ч., Спб., 1808 г., 8°, изданіе Академіи. 3) «Патологія» Гильдебранта, перев. съ нѣмецк. 4) «Особенная Физіологія и Всеобщая Патологія,» сочин. Эдинбургскаго врача, профессора и члена разныхъ врачебныхъ обществъ Грегори. Для классическаго при Имп. Мед.-Хир. Академіи употребленія, съ перваго Венеціанскаго изданія перевелъ проф. оной Академіи Ив. Смѣловскій, надв. совѣтникъ 1808 г.; посмертн. изд. Спб. 1809 г. 8°. Кромѣ того, по порученію Медиц. Коллегіи, онъ перевелъ съ русскаго на латинскій языкъ различные указы и инструкціи изъ описаній бывшей въ Москвѣ моровой язвы.

Петръ Крестовскій, Матер. къ исторіи каѳедры частной патологіи и терапіи И. В.-Мед. Академіи, диссерт. на степ. д-ра мед., СПб., 1898 г., 8°, стр. 1, 2, 23—32.—Павелъ Авроровъ, Истор. очеркъ каѳедры общей патологіи И. В.-Мед. Акад., СПб., 1898 г. 8°, стр. 1.—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи

писатели, вып. I, СПб., 1886 г. — В. Верекундовъ, Истор. очеркъ каѳедры діагностики и общей терапіи въ И. В.-Мед. Академіи, дисс. на степ. д-ра мед., СПб., 1898 г., 8°, стр. 14—16.—Исторія Имп. В.-Мед. Академіи за 100 л., составл. коммисіей, СПб., 1898 г., 4°, стр. 88, 97, 100, 126, 129 и др.—Я. Чистовичъ, Истор. перв. медиц. школъ въ Россіи, СПб., 1883 г.

Н. Кульбинъ.

Смѣловскій, *Тимоѳей Андреевичъ*, врачъ, профессоръ Имп. Медико-Хирургической Академіи, род. въ Малороссіи (по Ильину въ 1772 г., а по Змѣеву и Неустроеву—въ 1769 г.), умеръ 20 октября 1815 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Харьковской семинаріи, гдѣ учился вмѣстѣ со своимъ братомъ Иваномъ, въ 1788 г. пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ С.-Петербургскую генеральную госпитальную школу. Въ слѣдующемъ году былъ опредѣленъ подлекаремъ въ С.-Петербургскій Генеральный госпиталь; въ 1790 г. былъ назначенъ въ Смоленскій драгунскій полкъ, а въ 1793 г. посланъ назадъ въ госпиталь доучиваться; въ 1795 г. блестяще окончилъ курсъ школы и былъ оставленъ при госпиталѣ для дальнѣйшаго усовершенствованія. Въ 1796 г., по представленію профессора химіи въ Медико-Хирургическомъ училищѣ В. М. Севергина, С. былъ произведенъ въ адъюнкты химіи и ботаники. 15 Января 1799 г. С. былъ произведенъ въ штабъ-лекари за представленную имъ обсервацію.

Въ 1798 г. С.-Петербургское Медико-Хирургическое училище превратилось въ Медико - Хирургическую Академію; по утвержденіи новыхъ штатовъ, въ 1799 г. С. былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ ботаники и химіи; исполняя эту должность, онъ часто замѣнялъ Севергина. 27 мая 1802 г. конференція Медико-Хирургической Академіи предложила С-му присутствовать въ ея засѣданіяхъ вмѣсто Севергина. 11 ноября того-же года на мѣсто умершаго профессора Рингебройга былъ назначенъ С., который пріобрѣлъ въ Академіи репутацію неутомимаго труженика и очень способнаго преподавателя; при этомъ онъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ, и ему было поручено читать, кромѣ медицины, химію за Севергина и ботанику вмѣсто Соболевскаго; служебныя обязанности С-го были очень велики и разнообразны; лишь въ 1803 г. ему былъ назначенъ лаборантъ по химіи. Въ 1804 г. Севергинъ по слабости здоровья окончательно отказался читать лекціи химіи въ Академіи, и этотъ предметъ преподавался С-мъ до конца 1804 г., когда на каѳедру химіи былъ назначенъ Шереръ. Въ 1806 г., послѣ назначенія Петра Франка ректоромъ Академіи, были открыты первыя клиники; потребовалась научно-обставленная аптека, и С-му было поручено участвовать въ ея устройствѣ и въ составленіи списка медикаментовъ, необходимыхъ для аптеки и для клиникъ. Въ августѣ 1809 г. С. былъ посланъ въ Тверскую губернію для изслѣдованія открытыхъ тамъ минеральныхъ водъ; вернувшись, онъ представилъ научную работу объ этихъ водахъ. Въ сентябрѣ 1809 г., въ виду особыхъ его заслугъ, конференція Академіи признала его докторомъ медицины и хирургіи honoris causa.

Въ 1810 г. онъ разрабатывалъ въ засѣданіяхъ Медицинскаго Совѣта, вмѣстѣ съ профессорами: Бушемъ, Клигинымъ и Гаевскимъ, вопросъ «о замѣнѣ иностранныхъ лекарственныхъ матеріаловъ россійскими произведеніями». Въ 1810 г. С. снова взялъ на себя чтеніе лекцій по ботаникѣ. При новомъ преобразованіи Академіи въ 1808 г., С. былъ назначенъ профессоромъ фармаціи; 13 октября 1814 г. онъ былъ утвержденъ въ званіи академика, а черезъ годъ скоропостижно умеръ. Семьи и родственниковъ у него не было, и его имущество перешло въ собственность Академіи. Научные труды его: 1) Линней, «Философія ботаники», перев. съ латинскаго, СПБ., 1800 г., 8°. 2) «Вредъ отъ растеній, находящихся въ тѣни», «Ученыя извѣстія» 1802 г., стр. 51 (Прибавл. къ № 81 «СПБ. Вѣдомостей» 1802 г. 3) То-же, Прибавл. къ «Технич. журн.» (изд. Акад. Наукъ), ч. II, 1806 г., стр. 264. 4) «Краткое разсмотрѣніе Линнеевой системы», СПБ., 1808 г. 5) «Описаніе цѣлительнаго ключа Тверской губерніи, Кашинскаго уѣзда, въ дачахъ Олсуфьева съ показаніемъ особъ исцѣлившихся», Москва 1808 г. 6) То-же, «Всеобщій журналъ врачебн. наукъ», 1803 г., VI, 3. 7) «Систематическое исчисленіе растеній, находящихся въ саду Импер. Акад. Наукъ», СПБ., 1811 г. 8) Троммсдорфъ, «Аптекар-

ское искусство»; перев. съ нѣм. 1812 г. 9) «Наставленіе о собираніи, приготовленіи и сбереженіи нарывныхъ или шпанскихъ мухъ съ показаніемъ тѣхъ полуденныхъ губерній, въ коихъ онѣ преимущественно водятся». Прибавл. къ «Технич. журн.», 1810 г., ч. III, стр. 1118. 10) «Жабрикъ, маслянистое растеніе», «Труды Вольно-Эконом. Общ.», т. 62, стр. 31. 11) «Замѣчанія академика Т. Смѣловскаго, сдѣланныя при проѣздѣ его изъ С.-Петербурга въ Орловскую губернію для изслѣдованія травы, называемой Матріонкою», «Всеобщій журн. врачебн. науки», 1816 г., II, 183.

Л. Ильинъ, Краткій истор. очеркъ каѳедры фармаціи и фармацевт. отдѣленія И. В.-Мед. Академіи; СПБ., 1899,8°, стр. 11—26.—Я. Чистовичъ, Исторія перв. медиц. школъ въ Россіи, СПБ., 1883 г., 8°.—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, вып. I, тетр. II, СПБ., 1886 г., — То-же, выпускъ 1892 г.—Исторія Имп. В.-Мед. Акад. за 100 лѣтъ, составл. коммисіей, СПБ., 1898 г., 4°, стр. 93, 129, 184,—Профф. П. П. Сущинскій и С. Д. Костюринъ, Очеркъ исторіи каѳ. фармакологіи съ рецептурою; СПБ. 1898 г., 8°, стр. 6, 7.—Проф. И. П Бородинъ, Истор. очеркъ каѳ. ботаники въ И. В.-Мед. Акад., СПБ., 1898 г., 8°, стр. 2, 7, 10.—А. Н. Неустроевъ, Истор. розысканія о русск. поврем. изданіяхъ и сборникахъ за 1703 — 1802 г.г. СПБ. 1874 г., стр. 864.—Его-же, Указатель къ русск. поврем. изданіямъ, СПБ. 1898 г., стр. 624. — Митропол. Евгеній, Словарь свѣтскихъ писателей, стр. 172.

Н. Кульбинъ.

Смѣльскій, *Елеазаръ Никитичъ*, врачъ, почетный членъ и президентъ Спб. Общества русскихъ врачей, лейбъ-медикъ, происходилъ изъ духовнаго званія, род. 29 іюня 1800 г., умеръ 16 апрѣля 1881 г.; врачебное образованіе получилъ въ Спб. ИмператорскойМедико-ХирургическойАкадеміи, въ которой былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ. С. усердно работалъ въ академіи и 14 мая 1821 г. блестяще окончилъ курсъ, получивъ званіе лѣкаря I-го отдѣленія и золотую медаль; по существовавшему тогда правилу окончившимъ курсъ наиболѣе успѣшно предоставлялись мѣста въ гвардейскихъ полкахъ; поэтому С. былъ опредѣленъ батальоннымъ, т. е. младшимъ лекаремъ въ л. гв. Егерскій полкъ съ прикомандированіемъ къ лазарету Преображенскаго полка, а черезъ годъ переведенъ на такую же должность въ Семеновскій полкъ. Избравъ своею спеціальностью хирургію, онъ продолжалъ работать въ Академіи, гдѣ былъ ординаторомъ хирургической академической клиники. Руководителемъ его былъ знаменитый Бушъ, предоставлявшій своимъ ученикамъ полную возможность практически изучать хирургію; въ первый же годъ своей врачебной дѣятельности С. съ успѣхомъ сдѣлалъ много операцій и представилъ нѣсколько наблюденій въ Академію; послѣдняя наградила его званіемъ медико-хирурга. Въ августѣ 1824 г. онъ былъ командированъ въ артиллерійское училище, а въ 1825 г. совсѣмъ перешелъ туда на службу. Къ этому времени у него была готова диссертація (о катарактѣ), и 19 іюня 1825 г. онъ защитилъ ее и получилъ степень доктора медицины и хирургіи. Перейдя въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній, С. вскорѣ сталъ извѣстенъ генералъ-фельдцейхмейстеру великому князю Михаилу Павловичу и заслужилъ его расположеніе, выразившееся въ томъ, что 1 января 1826 г. онъ былъ опредѣленъ докторомъ ко двору Михаила Павловича, съ оставленіемъ въ прежней должности и съ порученіемъ пользовать больныхъ учебной артиллерійской бригады. Въ слѣдующемъ году Департаментъ государственныхъ имуществъ опредѣлилъ его главнымъ докторомъ Лѣсного института.

Между тѣмъ С. продолжалъ свою научную дѣятельность и печаталъ въ «Другѣ Здравія», въ «Военно-Медиц. Журналѣ» и др. изданіяхъ свои статьи, въ которыхъ заключались его собственныя наблюденія; хирургія уже не была его исключительной спеціальностью, и онъ занимался преимущественно нервными и внутренними болѣзнями. Въ 1840 г. С. былъ переведенъ, по распоряженію великаго князя Михаила Павловича, изъ Артиллерійскаго училища въ Пажескій корпусъ старшимъ врачемъ ; при этомъ ему было поручено общее наблюденіе надъ лазаретомъ артиллерійскаго училища. Въ 1843 г. былъ назначенъ членомъ Военно-медицинскаго ученаго комитета; въ 1849 г. занялъ въ этомъ комитетѣ должность непремѣннаго ученаго секретаря. Въ теченіе 25-ти лѣтъ онъ состоялъ при дворѣ Михаила Павловича, постоянно пользуясь его благосклонностью, а въ 1851 г. былъ уволенъ отъ этой должности по прошенію и 18 декабря того-же года великая княгиня Елена Павловна изъявила ему свою признательность въ особомъ рескриптѣ.

Въ 1857 г. С. сталъ главнымъ докторомъ военно-учебныхъ заведеній, а въ 1860 г. былъ назначенъ, кромѣ того, вицедиректоромъ Медицинскаго департамента военнаго министерства; въ 1867 г. сталъ членомъ Главнаго военно-госпитальнаго комитета, и ему было поручено завѣдывать Главнымъ военно-медицинскимъ управленіемъ.

14 мая 1871 г. исполнилось 50-тилѣтіе врачебной дѣятельности С-го и онъ былъ освобожденъ, по прошенію, отъ завѣдыванія Главнымъ военно-медицинскимъ управленіемъ, оставаясь непремѣннымъ членомъ Военно-медицинскаго ученаго комитета и членомъ Главнаго военно-госпитальнаго комитета. Этотъ день былъ отпразднованъ очень торжественно. Императорская Спб. Медикохирургическая Академія избрала С-го своимъ почетнымъ членомъ; въ то-же время онъ былъ назначенъ почетнымъ лейбъ-медикомъ Высочайшаго двора и совѣщательнымъ членомъ Медицинскаго совѣта Министерства внутреннихъ дѣлъ. Послѣ своего юбилея онъ прожилъ еще 10 лѣтъ, продолжая энергично работать; онъ участвовалъ въ комитетѣ для улучшенія военно-медицинской администраціи и военныхъ госпиталей, а также въ пересмотрѣ и изданіи новой фармакопеи. Принимая живое участіе въ дѣятельности Спб. Общества русскихъ врачей, въ которомъ онъ былъ секретаремъ и затѣмъ вицепрезидентомъ, С. былъ почетнымъ членомъ этого общества и Варшавскаго медицинскаго общества; имѣлъ чинъ тайнаго совѣтника; похороненъ въ Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Завѣдывая Главнымъ военно-медицинскимъ управленіемъ, онъ, стоялъ во главѣ всего военно-медицинскаго вѣдомства и въ томъ числѣ—во главѣ Медико-Хирургической Академіи; въ это время при его участіи было разработано новое положеніе объ Академіи, изданное 15-го іюля 1869 г. Въ Клиническомъ военномъ госпиталѣ сдѣлана была ревизія и клиническія отдѣленія были распредѣлены между профессорами.

С. напечаталъ: 1) «De cataracta.» Diss. D. M. Petrop. 1825, 8°. 2) Чилибуха и экстрактъ ея противъ паралича, «Военно-Медиц. Журн.» 1828 г., ч. 12, I. 3) Діэтетика юношества или наука сохранять здоровье дѣтей при воспитаніи. Спб. 1829 г., 8.° 4) Леченіе нервныхъ болей лица посредствомъ магнита, «Другъ Здравія», 1833 г., стр. 26. 5) О ваннахъ изъ животныхъ внутренностей, тамъ же, стр. 27. 6) Вліяніе минер. сѣрныхъ водъ на развитіе скрытой сифилитической болѣзни, тамъ же 1834 г., 12. 7) Въ Энциклопед. лексиконѣ Плюшара статьи «Адинамія» I, 195 и «Астенія» III, 349. 8) Объ органическихъ болѣзняхъ сердца, «Военно-Мед. Журн.» 1835 г., 25, и II. 9) Излеченіе костоѣды и полипа въ носу, «Другъ Здравія» 1835 г., 3. 10) Лѣченіе боли головы и судорогъ накожнымъ употребленіемъ уксуснокислаго морфія, тамъ же, 7. 11) Конвульсіи у ребенка, излеченныя корнемъ чернобыльника, тамъ же, 10. 12) Прекращеніе рвоты кислою капустою; тамъ же, 21. 13) Рѣчь въ торжеств. собр. Общ. русск. врачей 12 сент. 1835 г. «Другъ Здравія» 1835 г., 42. 14) Кровотеченіе со рвотою, тамъ же, 48; то же—въ Трудахъ Общ. русск. врачей, I, 137. 15) Aneurisma traumatica art. radialis, излеченная прикладываніемъ льда, тамъ же, 142. 16) Encephalitis ex insolatione (солнечный ударъ) съ эпилепт. припадками, тамъ же, 146. 17) Отчетъ о дѣятельности Общ. русск. врачей въ Спб. за 1836—40 гг. (за 4 года отдѣльно). Спб. 1836—1840 г.г., 8°. 18) Замѣчаніе о корн., «Другъ Здр.», 1836 г., 23. 19) Изслѣдованіе икоты, тамъ же, 47. 20) Способы лѣченія околоушныхъ железъ, тамъ же 50. 21) Умозрительная физіологія въ отношеніи къ практической медицинѣ, «В.-Мед. Журн.» 1837 г., ч. 29, I, съ замѣч. ред. Чаруковскаго; тоже, «Другъ Здр.» 1837 г., 6. 22) Случай злокачественной скарлатины, «В.-Мед Журналъ 1837 г., ч. 30, I. 23) О камешкахъ, зарождающихся въ легкихъ людей, Другъ Здравія 1841 г., № 1. 24) Рѣчь, сказанная Буяльскому въ пятидесятилѣтній юбилей его, Медиц. Вѣстн. 1865 г. № 44.

Медицинскій Вѣстн. 1881 г. № 16 и 17.—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели С.-Пб. 1886 г., то-же, вып. 1892 г. (перечислены печатн. труды).—Исторія Импер. В.-Мед. Акад. за сто лѣтъ, составл. коммисіей. Спб. 1898 г., стр. 216, 229, 255, 586, и въ прибавл. стр. 206.

Н. Кульбинъ.

Снегиревъ, *Веніаминъ Алексѣевичъ,* профессоръ Казанской духовной академіи, уроженецъ Нижегородской губерніи, сынъ сельскаго священника, род. въ 1841 г. и, по окончаніи курса Нижегородской семинаріи, поступилъ въ Казанскую духовную акаде-

мію, курсъ которой окончилъ въ 1868 г. и сейчасъ же назначенъ преподавателемъ логики и психологіи въ академіи. 30 іюня 1870 г. получилъ степень магистра за сочиненіе: «Ученіе о лицѣ Господа I. Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства» (Прилож. къ «Правосл. Собесѣдн.» 1870 г., III и 71 г., I, и отдѣльно Казань 71 г.) и 15 авг. того же года получилъ званіе доцента. 14 іюня 1872 г. избранъ и утвержденъ (14 авг.) экстраординарнымъ профессоромъ. Съ 1877 по 1886 г. преподавалъ логику и психологію въ Казанскомъ университетѣ. Временно преподавалъ въ академіи и метафизику въ весеннемъ семестрѣ 1884 г. и съ 15 ноября 1886 г. до конца 1887—8 уч. г. Кромѣ чтенія лекцій, на С-вѣ лежали и другія обязанности: такъ, напр., съ 1874 по 82 г. онъ былъ членомъ совѣта отъ отдѣленія, съ 1877 по 81 г.—членомъ Казанскаго комитета духовной цензуры. Умеръ 16 февр. 1889 г.

С. напечаталъ: 1) «Спиритизмъ, какъ философско-религіозная доктрина» («Правосл. Собесѣдн.» 1871 г., т. I, 12, 279; III, 9, 142 и 282). 2) «Вѣра въ сны и снотолкованіе» (Каз. 1874 г.).—3) «Психологія и логика, какъ философскія науки» (ib., 1876 г., т. II, 427—51).—4) «Науки о человѣкѣ» (ib., 1876 г., т. III, 62—89).—5) «Сонъ и Сновидѣнія» (ib. 1875 г., т. III, 208, 441 и 1876 г., т. II, 57, 136, т. III, 321 и отд.—6). «Физіологическое ученіе о снѣ и сновидѣніяхъ» (ib. 1882 г., т. II, 36, 117 и 1884 г., т. I, 266). Два послѣднія изслѣдованія дополнены и соединены въ одно подъ заглавіемъ: «Ученіе о снѣ и сновидѣніяхъ. Историко-критич. очеркъ» (Казань 86 г.) и удостоено совѣтомъ академіи преміи митроп. Макарія.—7) «Психологическія сочиненія Аристотеля» (вып. I, Каз. 1885 г. и раньше въ «Учен. Зап. Казанск. унив.,»—перев. соч. *περὶ ψυχῆς εδοδια*).—8) «Метафизика и философія» («Вѣра и Разумъ» 1890 г. и отд. Харьковъ 90 г.,—издано по смерти автора). 9) «О природѣ человѣческаго знанія и отношеніи его къ бытію объективному» («Вѣра и Разумъ» 1891 г.).—10) «Самознаніе и его личность» (ib. 1891 г.).—11) «Субстанціальность человѣческой души» (ib. 1891 г.).—12) «Нравственное чувство (опытъ психологическаго анализа)» (ib.).—13) «Сердце и его жизнь» (ib. 1892 г. № 7—8, 12—14. Все это и отд.). Кромѣ того, С-вымъ напечатаны критическіе разборы чужихъ трудовъ: 1) «Ересь антитринитаріевъ III вѣка», соч. Гусева (Протоколы академіи 1870 г., 127—31); 2) «Космологическое доказательство бытія Божія», соч. Попова (ib. 1871 г., 96—99); 3) «Православное христіанство въ Китаѣ», соч. Панова (ib. 1871 г., 371—2); 4) «Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства», соч. Милославскаго (ib. 1874 г., 13—19). Въ 1891 г. въ отдѣлъ рукописей библіотеки академіи поступило два тома лекцій С-ва составленныхъ студентами и провѣренныхъ доцентомъ ак. А. Н. Потѣхинымъ.

Довольно широкія познанія С-ва, полная ясность изложенія даже трудныхъ мѣстъ лекцій и стройность построенія заинтересовывали его слушателей. Интересъ къ лекціямъ С-ва усиливало и то обстоятельство, что слушатели очень скоро убѣждались, что имъ семинарія почти никакой подготовки не дала. На первой же лекціи С. заявилъ, что психологія должна быть своего рода естественной наукой. «Психологія должна всесторонне описать, классифицировать и объяснить всѣ душевныя явленія. «Лекціи С-ва по психологіи пользовались бо́льшимъ успѣхомъ у слушателей, чѣмъ по логикѣ. Это въ значительной мѣрѣ потому, что первыя лекціи были гораздо болѣе обработаны, болѣе оригинальны и доступны, а въ лекціяхъ по логикѣ онъ пользовался сравнительнымъ методомъ, подробно знакомя своихъ учениковъ со спеціальной литературой и давая иногда сырой матеріалъ. Логику онъ опредѣлялъ, какъ науку объ условіяхъ, законахъ и методахъ познанія истины, придавалъ большее значеніе гносеологіи, чѣмъ формальной части, и въ своемъ курсѣ придерживался Милля. Отъ философіи онъ требовалъ общедоступности изложенія и этого думалъ достигнуть при взглядѣ на психологію, какъ на центральную философскую науку, на которой основывается всякое философское знаніе. Цѣльнаго же построенія философіи съ этой точки зрѣнія онъ не сдѣлалъ, а умѣлъ коснуться только метафизической теоріи духа. Въ философскомъ развитіи С-ва можно различать два періода: богословско-философскій и метафизическій. Его книга—«Спири-

тизмъ, какъ религіозно-философская доктрина» (1871 г.) появилась въ такое время, когда этотъ вопросъ былъ очень моднымъ, привлекалъ всеобщее вниманіе и вызывалъ большую полемику. Причину этого сильнаго возбужденія онъ видѣлъ въ обострившейся борьбѣ спиритуализма и матеріализма. Матеріализмъ, думалъ С., противонаученъ, никогда невозможенъ въ строгой наукѣ. Въ спиритизмѣ многіе искали опытнаго доказательства дорогихъ для нихъ убѣжденій. Спиритизмъ тѣсно связанъ съ мистицизмомъ, который С., при широкомъ опредѣленіи, считаетъ первоначальнымъ, основнымъ, непоколебимымъ и неуничтожимымъ направленіемъ познающаго духа человѣческаго. Человѣкъ, всегда и на всѣхъ ступеняхъ своего развитія, мистикъ въ глубинѣ души, говоритъ С., мистикъ по самой природѣ своей. Своей жизнью и убѣжденіями онъ подтверждалъ это. Рядомъ съ этимъ направленіемъ, говоритъ дальше С., существуетъ непрочное и временное направленіе — раціоналистическое, которое растетъ соотвѣтственно съ ростомъ эмпирическихъ знаній и создаетъ человѣку иллюзію, что для его разума нѣтъ ничего тайнаго въ мірѣ, что то, что́ онъ не понимаетъ и не воспринимаетъ своими чувствами, не существуетъ вовсе. Между тѣмъ и другимъ направленіемъ неизбѣжно возникаетъ борьба, и оба они обращаются въ нелѣпость: мистицизмъ—въ грубое суевѣріе, а раціонализмъ—въ скептицизмъ. Церковь, по мнѣнію С-ва, и должна примирить оба направленія: мистицизму, вѣрѣ она должна указать на Откровеніе, которое только и можетъ вполнѣ удовлетворить природное, естественное стремленіе человѣка къ безконечному и вѣчному, а раціонализму, разуму—эмпирическую науку, которая рѣшаетъ только тѣ вопросы, въ которыхъ она компетентна. Цѣльное и разумное міросозерцаніе должно органически соединять оба направленія въ ихъ чистомъ видѣ», «должно быть единствомъ положительнаго знанія и вѣры, единствомъ эмпирической науки и откровенной религіи». Лучшій образецъ такой гармоніи вѣры и знанія С. видѣлъ у отцевъ и учителей древней христіанской церкви. Теперь онъ вѣрѣ придаетъ больше значенія, чѣмъ знанію, но впослѣдствіи говоритъ, что возможность полнаго постиженія истины только затруднена, а не отнята отъ человѣческаго ума. Съ установленіемъ этого взгляда онъ принимается передѣлывать свою систему. Онъ увлекся нѣмецкими философами, но очень скоро рѣзко разошелся съ Шеллингомъ, Гегелемъ и Кантомъ; «Критику чистаго разума» считалъ непролазнымъ болотомъ для нѣмецкой философіи, изъ котораго не могъ выбраться даже Шопенгауэръ, и осудилъ всю апріорную метафизику. Съ другой стороны, онъ тѣмъ болѣе не соглашался съ французскимъ позитивизмомъ, который въ значительной степени противорѣчилъ его взгляду на психологію. Эти поиски, начавшись съ отрицанія, привели его къ взгляду на конечную цѣль философіи, какъ на объединеніе и завершеніе научныхъ знаній, что дало бы возможность выработать такое міросозерцаніе, которое опредѣляло бы послѣдніе принципы бытія и объясняло бы всю вселенную. Но скоро онъ опять вернулся къ той метафизикѣ, съ которой началъ.

Н. П. Загоскинъ, Дѣятели Имп. Казанскаго Университета 1805—1900 г., 1900г., стр. 51.—П. Знаменскій, Исторія Казанской духовной академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842—70 г.), I, 244; II, 43—44; III, 335, 431.—С. Терновскій, Историч. записка о состояніи Казанской духовной академіи послѣ ея преобразованія, 1870—92 г., 1892 г., 35, 74, 128, 137, 144, 456.—В. Несмѣловъ, Памяти Вен. Ал. Снегирева, «Правосл. Собесѣдн». 1889 г., май, 97—154.—Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона, т. 30, 616, и «Малый Энцикл. Словарь» ихъ же, ст. 1277.—В. Межовъ, Русская историч. библіографія за 1865—76 г. г. вкл., III, № 33131.—III прибавленіе къ росписи кн. Глазунова, № 2480 и V прибавл., № 2041,7502.

А. Купаловъ.

Снегиревъ, *Иванъ Михайловичъ,* профессоръ Московскаго университета, извѣстный этнографъ и археологъ, род. въ Москвѣ 23 окт. 1792 г. и былъ сынъ профессора того же университета, Михаила Матв. С. (ум. 1820). Послѣ домашняго обученія поступилъ въ академическую гимназію при университетѣ (1802 г.); въ 1807 г. былъ произведенъ въ студенты, а въ 1810 г. — въ кандидаты. При этомъ онъ два раза получилъ серебряную медаль за сочиненіе по отдѣленіямъ этико-политическому и словесному. Первоначальныя основы своего образованія и общее направленіе С. получилъ въ филологической школѣ профессоровъ Буле, Маттеи и Тимков-

скаго. Эта школа дала ему прочный методъ для ученыхъ изслѣдованій. Самъ С. въ своихъ воспоминаніяхъ признаетъ вліяніе на него названныхъ профессоровъ. Въ 1815 г. онъ получилъ степень магистра словесныхъ наукъ и въ слѣдующемъ году сдѣланъ былъ преподавателемъ по каѳедрѣ римской словесности и древностей при Московскомъ университетѣ. Подъ вліяніемъ своихъ учителей—классиковъ С. настолько увлекся латинскимъ языкомъ, что искалъ людей, съ которыми можно бы было говорить по-латыни, а съ академикомъ Френомъ завязалъ переписку на латинскомъ языкѣ. И его первыя работы тоже были направлены въ область классической филологіи; такъ въ 1816 г. вышли его труды на латинскомъ языкѣ: «Dissertatio de profectibus Romanorum in disciplinis severioribus» и «Nova Chrestomatia «Latina». Нѣсколько позже появилась и его «Латинская грамматика» (3 изданіе 1836 г.). Но на этомъ и остановились работы С-ва по классической филологіи, хотя онъ еще долго былъ профессоромъ римской словесности; именно, съ 1816 г. онъ состоялъ преподавателемъ при университетѣ, съ 1819 г.—адъюнктомъ, съ 1826 г.—экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ латинскаго языка, а вскорѣ сдѣланъ былъ и ординарнымъ и оставался имъ до 1836 г. Въ это время онъ преподавалъ также русскую словесность въ гимназіи Московскаго Воспитательнаго дома (съ 1817 г. по 1827 г.), а съ 1828 г. назначенъ былъ цензоромъ.

Но С. не остановился на классической филологіи, хотя она и дала ему методы изслѣдованія; съ раннихъ поръ его тянуло въ другую область, въ область московской старины и русской древности вообще. Что онъ уже очень рано заинтересовался русской стариной, видно изъ его воспоминаній, гдѣ онъ разсказываетъ, какъ еще, будучи студентомъ, ѣздилъ съ своимъ отцомъ по Рязанской губерніи, и какое впечатлѣніе произвели на него видѣнныя имъ тамъ древности. Очевидно онъ не переставалъ интересоваться русскими древностями и послѣ, такъ какъ еще въ 1820 г. былъ выбранъ въ члены Общества любителей русской словесности и въ засѣданіяхъ этого общества дѣлалъ доклады о своихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ относительно русскихъ пословицъ, праздниковъ и проч. Въ 1827 г. онъ избранъ былъ въ члены Москов. Общества исторіи и древностей и семь лѣтъ подрядъ былъ секретаремъ этого общества. Такимъ образомъ съ самаго начала 20-хъ годовъ интересы С-ва были направлены въ область русской этнографіи, которая въ то время, какъ наука, не существовала. Не было ни научныхъ пріемовъ, ни подготовительныхъ работъ. По словамъ самого С. онъ въ своихъ трудахъ по этнографіи употреблялъ ученую методу, которую заимствовалъ у своихъ наставниковъ—Буле, Маттеи и Тимковскаго. Работы его увѣнчались успѣхомъ и къ началу 30-хъ годовъ онъ приготовилъ свой знаменитый трудъ: «Русскіе въ своихъ пословицахъ». Первый толчекъ къ изученію пословицъ далъ ему, по его собственнымъ словамъ, профессоръ Брянцевъ, любившій приводить ихъ въ разговорѣ и прекрасно ихъ знавшій. С. начинаетъ свое изслѣдованіе издалека, съ общаго объясненія пословицы, ея происхожденія и значенія, говоритъ о пословицахъ и притчахъ у евреевъ, грековъ и римлянъ, у новыхъ европейскихъ народовъ, у славянскихъ племенъ, наконецъ у русскихъ и перечисляетъ ихъ изданія. Затѣмъ онъ ставитъ вопросъ объ иностранныхъ источникахъ русскихъ пословицъ, объ отношеніи пословицъ и поговорокъ къ словесности. Всему этому посвящена первая книга его труда; со второй книги и до конца (всего 4 кн.) идетъ перечисленіе самихъ пословицъ. Онѣ расположены не по алфавиту, а по содержанію и въ слѣд. порядкѣ: 1) пословицы *антропологическія* (остатокъ язычества и суевѣрій, пословицы, рисующія нравы и обычаи, взгляды и міровоззрѣніе народа); 2) пословицы *физическія* (метеорологическія, астрономическія, агрономическія и медицинскія); наконецъ 3) пословицы *историческія* (хронологическія, топографическія и этнографическія). Пословицы неизмѣнно сопровождаются комментаріемъ. Для своего времени этотъ трудъ С-ва имѣлъ большое значеніе и былъ оцѣненъ. Имп. Николай I благосклонно принялъ его и выразилъ автору свое монаршее благоволеніе какъ за этотъ трудъ, такъ и за участіе въ изданіи «Ученыхъ записокъ» при Москов. университетѣ. Впослѣдствіи С. еще нѣ-

сколько разъ возвращался къ этому предмету съ новыми объясненіями и дополненіями. Онъ впрочемъ расширилъ область своихъ изслѣдованій и обратилъ вниманіе на простонародные праздники, суевѣрные обряды и даже на лубочныя картинки. Въ 1836 г. онъ былъ уволенъ отъ профессуры, вслѣдствіе преобразованія университета по уставу 1835 г. и съ этого момента еще болѣе отдался излюбленнымъ работамъ по археологіи и этнографіи. Такъ въ 1837—1839 г.г. онъ издалъ свой второй знаменитый трудъ — «Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды». Въ 1840 г. Академія Наукъ присудила автору за его трудъ демидовскую премію. По словамъ самого С-ва еще Кіевскій митрополитъ Евгеній предложилъ ему собрать и описать народные русскіе праздники; онъ даже далъ ему (въ 1825 г.) планъ сочиненія. И свой первый набросокъ сочиненія о праздникахъ С. читалъ митр. Евгенію. Когда московскій митрополитъ Филаретъ узналъ, что С. началъ писать о народныхъ праздникахъ, то замѣтилъ, что предметъ этотъ труденъ для изслѣдованія.

Какъ и въ предыдущемъ своемъ трудѣ, С. здѣсь не имѣлъ предшественниковъ и первый прокладывалъ дорогу. Предъ нимъ лежала тема обширная и никѣмъ еще незатронутая. При своемъ изслѣдованіи онъ пользуется указаніями Тредьяковскаго о народной пѣснѣ, Гютри — о старинныхъ русскихъ обычаяхъ. Онъ дѣлаетъ ссылки на Шлегеля,Ваксмута, Отфрида Мюллера, а въ началѣ книги высказываетъ сожалѣніе, что не могъ пользоваться только выходившими тогда въ свѣтъ сочиненіями о миѳологіи и древностяхъ Шеллинга, Гримма и Шафарика. Какъ въ книгѣ о пословицахъ, такъ и здѣсь, обильный матеріалъ собранъ былъ живымъ личнымъ наблюденіемъ, свѣдѣніями отъ другихъ и большимъ знаніемъ старой и новой русской литературы. Такого богатаго матеріала до С-ва не было собрано никѣмъ, никѣмъ не было и объяснено. Но есть и недостатки въ его работѣ: онъ все еще черезчуръ легко поддается внѣшнимъ сходствамъ и созвучіямъ и строитъ на нихъ миѳологическіе выводы. Несмотря на это, трудъ С. до сихъ поръ остается незамѣненнымъ и никто еще не собралъ всего матеріала о русскихъ праздникахъ, точно также, какъ не дано еще и объясненія пословицъ съ новой, научной точки зрѣнія. Нѣкоторыя историко-бытовыя замѣчанія С-ва донынѣ остаются неразвитыми далѣе. За это сочиненіе С. получилъ отъ Императора Николая I брилліантовый перстень (1839 г.).

Съ начала 40-хъ годовъ С. увлекается древностями монументальными, старымъ русскимъ художествомъ и въ особенности памятниками московской и подмосковной старины. Въ 1844 г. онъ окончилъ и напечаталъ свой третій знаменитый трудъ — «Лубочныя картинки». И здѣсь онъ первый прокладывалъ дорогу, такъ какъ до него никто не затрогивалъ вопроса о лубочныхъ картинкахъ. За изслѣдованіе ихъ онъ принялся еще въ 1822 г. и черезъ два года читалъ о нихъ докладъ въ Обществѣ любителей россійской словесности, но встрѣтилъ мало сочувствія своей новой работѣ. Нѣкоторые члены даже сомнѣвались, «можно ли и должно ли допустить разсужденія въ ихъ обществѣ о такомъ пошломъ, площадномъ предметѣ, какой предоставленъ въ удѣлъ черни».

До новѣйшаго изданія Д. А. Ровинскаго трудъ С-ва о лубочныхъ картинкахъ былъ единственнымъ цѣльнымъ трактатомъ по этому предмету. Ровинскій въ предисловіи къ своему труду отзывается о трудѣ С-ва съ величайшей похвалой. Вскорѣ послѣ этого труда С. былъ привлеченъ къ изданію «Древностей Россійскаго Государства», начавшихъ выходить съ 1846 г. Въ этомъ изданіи имъ написанъ текстъ въ выпускахъ I, IV, и V. Какъ извѣстно, изданіе прекратилось въ 1853 году. Къ концу этого періода своей жизни С. пользовался извѣстностью и слылъ авторитетомъ въ области археологіи и этнографіи. Какъ московскій старожилъ, связанный воспоминаніями дѣтства и семейными преданіями съ московскою стариною, С. въ теченіе всей своей жизни воспитывалъ въ себѣ любовь къ изслѣдованію московскихъ древностей и вообще исторіи русскаго быта. Никто изъ ученыхъ не зналъ такъ хорошо, какъ онъ, всѣ урочища древней столицы, никто больше его не исходилъ и не изслѣдовалъ до малѣйшихъ подробностей московскія церкви, монастыри и другіе остатки московской старины, никто не зналъ столько разныхъ сказаній и анекдотовъ, связан-

ныхъ съ разными мѣстностями и памятниками древней столицы. Затѣмъ, когда рѣшено было возобновить такъ наз. Романовскія палаты, то прежде всего обратились къ С-ву, какъ знатоку древностей. За эти труды ему высочайше пожалованъ былъ орденъ Станислава I степени. Одесское общество исторіи и древностей избрало С-ва своимъ членомъ. Имп. Археологическое общество въ Петербургѣ избрало его членомъ-корреспондентомъ. Тоже сдѣлала и Академія наукъ (1854 г.). Археографическая коммисія не разъ обращалась къ нему за содѣйствіемъ. Почтило его избраніемъ въ свои члены и Королевское Копенгагенское Общество сѣверныхъ антикваріевъ.

Не такъ успѣшно шли служебныя дѣла С-ва по цензурѣ. Какъ старшій цензоръ, С. весьма часто, за отсутствіемъ попечителя, занималъ его мѣсто предсѣдателя въ цензурномъ комитетѣ. Однако, при всей своей опытности и осмотрительности, онъ не избѣгъ неудовольствія, какъ цензоръ, за пропускъ статьи «Очеркъ исторіи университетской типографіи», помѣщенной въ «Моск. Вѣдомостяхъ»; въ ней говорилось о дѣятельности Новикова. С-ву предложили подать въ отставку и, хотя за него сильно хлопотали, тѣмъ не менѣе онъ былъ уволенъ отъ службы 15 февр. 1855 г. Отсюда начинается послѣдній періодъ его жизни, когда и надвигающаяся старость и нужда начинаютъ тѣснить бѣднаго труженика, такъ беззавѣтно отдававшагося изслѣдованію русской старины. За этотъ періодъ С. успѣлъ однако сдѣлать еще довольно много. Особенно занялся онъ описаніемъ московскихъ старинныхъ церквей и монастырей, напр. Знаменскаго монастыря, Новоспасскаго, Успенскаго собора и т. д. Въ 1865 г. онъ напечаталъ «Подробное историческое и археологическое описаніе города Москвы. Въ слѣдующемъ году въ «Рус. Архивѣ» появились отрывки изъ его воспоминаній; они отлично характеризуютъ личность С-ва и особенно его любовь и страсть къ древностямъ. Онъ мастерски умѣетъ обрисовывать лица, и всѣ выведенные имъ профессора или его знакомые встаютъ передъ читателемъ, какъ живые.

Въ концѣ своей жизни, гонимый нуждою, С. поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о пенсіи, но тамъ онъ скоро заболѣлъ; съ нимъ случился ударъ, и онъ умеръ въ Маріинской больницѣ 9 декабря 1868 г. Похоронили его въ Александро-Невской лаврѣ. Академія Наукъ и Московскій университетъ въ своихъ годичныхъ собраніяхъ (29 дек. 1868 г. и 12 января 1869 г.) публично признали за С-вымъ неотъемлемыя заслуги на поприщѣ историко-археологическихъ изысканій.

С. отличался упорствомъ и настойчивостью въ проведеніи разъ задуманнаго предпріятія. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ Анастасевичу (25 мая 1844 г.) «Кажется, я вамъ доставилъ брошюрку опыта о лубочныхъ русскихъ картинахъ—предмета моихъ изслѣдованій. Чѣмъ болѣе разсматриваю его на досугѣ, тѣмъ болѣе нахожу отношеній къ народности и связи съ внутреннею жизнью народа и его грамотностію, отдѣльною отъ школьной и принявшей особенную форму. Однакожъ, взявшись за какой предметъ, я не выпускаю его изъ виду и по мѣрѣ силъ и способовъ обрабатываю его». И далѣе С. проситъ Анастасевича указать ему: нѣтъ ли въ Польшѣ «опытовъ народнаго гравированія», сходныхъ съ русскими и можетъ быть послужившихъ имъ образцами.

Вопросъ о народныхъ пословицахъ занималъ С-ва всю жизнь. Онъ постоянно искалъ сближенія съ простымъ народомъ, желая у него перенять, схватить и понять народный духъ и міровоззрѣніе, выразившіеся въ пословицахъ и поговоркахъ. Нѣтъ уголка въ Россіи, куда бы не обращался С. съ просьбою о доставленіи ему мѣстныхъ поговорокъ.

Главная заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ первый у насъ началъ смотрѣть на эти важныя проявленія практической народной мудрости съ научной точки зрѣнія, обратилъ вниманіе на аналогическія соотношенія ихъ съ пословицами другихъ народовъ, указалъ на заимствованія нѣкоторыхъ у этихъ послѣднихъ и старался расположить ихъ въ порядкѣ по антропологическимъ и историческимъ соображеніямъ. При этомъ онъ не довольствовался подготовленными его предшественниками матеріалами, которые, впрочемъ, и не могли, кромѣ развѣ извѣстнаго изданія покойнаго Д. М. Княжевича, быть ему очень полезны. Онъ самъ лично допытывался, сколько могъ, у народа о его природномъ міровоззрѣніи, собиралъ,

записывалъ изреченія, въ которыхъ оно выражалось и обращался къ пособію другихъ лицъ, имѣвшихъ возможность и желаніе наблюдать изучаемый имъ предметъ въ самомъ его источникѣ.

Въ теченіе всей своей жизни С. былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ и, кажется, ни одного сочиненія не печаталъ, предварительно не посовѣтовавшись съ нимъ. Любилъ его также и Кіевскій митрополитъ Евгеній; онъ такъ довѣрялъ его честности и добросовѣстности, что передалъ ему всѣ свои матеріалы и черновыя наброски для словаря русскихъ писателей, поручивъ ихъ напечатать. С. дѣйствительно напечаталъ первый томъ «Словаря свѣтскихъ писателей» митрополита Евгенія.

Сочиненія С-ва:

1) «Dissertatio de profectibus Romanorum in disciplinis severioribus» (Москва 1816). 2) «Nova Chrestomatia Latina» (М. 1816). 3) «Nova Chrestomatia poetica» (М. 1818). 4) Географія митроп. Платона (напис. 1818, напеч. 1827). 5) Архіепископъ Московскій Августинъ. Біограф. очеркъ (М. 1824). 6) De origine, statu et incrementis Caesareae Universitatis Mosquensis . . . (М. 1830). 7) Латинская грамматика (3-е изд. 1836). 8) Русскіе въ своихъ пословицахъ. Ч. I—IV (М. 1831—1834). 9) Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды Ч. I—IV (М. 1837—1839). 10) Троицкая лавра (М. 1842). 11) Памятники московской древности (М. 1842—1845). 12) Новоспасскій монастырь (М. 1843). 13) Лубочныя картинки (М. 1844 г., 2-е изд. 1861). 14) Древности Россійскаго Государства (М. 1846—1853). 15) Русскія народныя пословицы и притчи (М. 1848). 16) Письмо къ графу А. С. Уварову о русской иконописи (СПБ. 1848). 17) О порядкѣ словъ латинскаго языка, по Цицерону (М. 1848). 18) Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. 15 выпусковъ (М. 1846—1854). 2-е изданіе—1854—1857 (вм. съ Мартыновымъ). 19) Путеводитель изъ Москвы въ Троицкую лавру (М. 1856). 20) Памятники древняго художества въ Россіи. 3 вып. (М. 1850). 21) Памятники Московской Древности. XI тетрадей (М. 1846). 22) Дополненіе къ собранію русскихъ пословицъ (М. 1854). 23) Успенскій соборъ (М. 1856). 24) Новый сборникъ русскихъ пословицъ (М. 1857). 25) Воскресенскія ворота (М. 1860). 26) Знаменскій монастырь и палаты бояръ Романовыхъ (М. 1861). 27) Новоспасскій ставропигіальный монастырь (М. 1863). 28) Покровскій монастырь (М. 1863). 29) Геосиманскій скитъ (М. 1863). 30) Богоявленскій монастырь (М. 1864). 31) Первая супруга Петра I Евдокія Θедоровна (Рус. Архивъ 1863, 541). 32) Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города (М. 1865). 33) Дворцовое царское село Измайлово (М. 1866). 34) Воспоминанія И. М. Снегирева (Рус. Архивъ, 1866, с. 513 и 735).

Переводы: 35) Письма принца Делинь (вм. съ профессоромъ Немировымъ, въ 10 т.). 36) Всеобщая миѳологія, сравн. съ исторіей, аббата Трессана (М. 1816). 37) Рустрингія, первонач. отечество перваго Россійскаго вел. князя Рюрика, соч. Гольмана (М. 1819). 38) Досуги моего уединенія, 2 части (М. 1820).

По смерти С-ва Ивановскій издалъ первый томъ собранія его сочиненій подъ заглавіемъ: «Старина русской земли« (М. 1871). Дальше это изданіе не продолжалось. Въ «Русскомъ Архивѣ» 1902—1903 г.г. напечатанъ «Дневникъ И. М. Снигерева».

Изданія С-ва:

39) Обозрѣніе Кормчей. Барона Розенкампфа (М. 1829). 40) Древнее сказаніе о побѣдѣ Дмитрія Донского (М. 1829). 41) Словарь русскихъ писателей. Кіевскаго митроп. Евгенія. Т. I.

Словарь профессоровъ Московскаго университета (М. 1855).—Русскій Архивъ 1866, 1902—1904 (Воспоминанія Снегирева).—Буслаевъ, по поводу смерти С-ва (Московскія университетскія извѣстія 1869, I, 56—62).—Голосъ 1868, №№ 250, 254, 258; 1869, № 63.—С.-Петербургскія Вѣдомости 1868, № 308 и 336).—Русскій Инвалидъ 1868, № 275 и 277).—Петербургская Газета 1868, № 131 и 178).—Современный Листокъ 1868, № 102).—А. Д. Ивановскій, Ив. М. Снегиревъ, біографич. очеркъ. СПБ. 1871 (на самомъ дѣлѣ біографіи нѣтъ, а есть пересказъ дневника Снегирева о предметахъ, совершенно не касающихся его жизни, и перепечатка изъ дневника же разныхъ рѣчей и проповѣдей, сказанныхъ гдѣ нибудь при торжественной обстановкѣ).—Историч. Вѣстникъ 1880, т. II (май), с. 205 (письмо Пушкина къ Снегиреву).—Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, т. I, 312. Письма И. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву» съ предисл. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго, С.-Пб. 1902.

Е. Тарасовъ.

Снегиревъ, *Михаилъ Матвѣевичъ*, ординарный профессоръ Московскаго университета, статскій совѣтникъ (отецъ Ив. Мих. С-ва), происходилъ изъ духовнаго званія и род. въ 1760 г. въ Александровой слободѣ (нынѣ г. Александровъ), Переяславль-Залѣсскаго уѣзда; отецъ его былъ священникомъ при церкви Рождества Христова въ этой слободѣ, а воспріемницею—императрица Елисавета Петровна. Обучась дома грамотѣ, С. на 10-мъ году отъ роду, въ февралѣ 1770 г., отвезенъ былъ отцомъ въ Троицкую Лаврскую семинарію, считавшуюся въ то время одной изъ лучшихъ, такъ какъ она находилась подъ особымъ покровительствомъ Платона (Левшина), впослѣдствіи митрополита московскаго, завѣдывавшаго ею съ 1762 г. и входившаго въ мельчайшія подробности преподаванія и быта учащихся. Вся жизнь послѣднихъ была точно регламентирована въ различныхъ инструкціяхъ, надъ составленіемъ которыхъ много работалъ Платонъ. Съ митрополитомъ Платономъ у С-ва сохранились съ этихъ поръ дружескія отношенія, которыя поддерживались впослѣдствіи обоюдными посѣщеніями. Въ 1783 г., будучи въ богословскомъ классѣ, С., вслѣдствіе поступившаго отъ Московскаго университета требованія, былъ зачисленъ 17 августа въ число студентовъ университета, въ которомъ слушалъ лекціи по философіи и юридическимъ наукамъ. Съ 27 сентября этого же (1783) года ему поручено было, по опредѣленію конференціи университета, преподаваніе въ Благородномъ пансіонѣ грамматики, россійскаго слога и христіанскаго закона. Окончивъ въ 1786 г. курсъ университета, С., 10 іюня того же года «за пріобрѣтенное имъ въ наукахъ знаніе», послѣ установленнаго испытанія, произведенъ былъ въ магистры философіи и свободныхъ наукъ, получилъ чинъ провинціальнаго секретаря и опредѣленъ былъ учителемъ высшаго русскаго класса въ университетской гимназіи. Къ этому времени относится и первое, извѣстное намъ, литературное произведеніе С-ва: «Мысли или положенія философическія на французскомъ, нѣмецкомъ и россійскомъ языкахъ» (М. 1787). Выпущенный въ свѣтъ въ Москвѣ въ 1787 г. сборникъ подъ названіемъ: «Распускающійся цвѣтокъ, или собраніе разныхъ сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ питомцами учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Вольнаго Благороднаго Пансіона», былъ составленъ подъ руководствомъ С-ва и его товарища по университету—В. С. Подшивалова. Это сборникъ, посвященный кураторамъ университета—И. И. Шувалову, И. И. Мелиссино и М. М. Хераскову, имѣлъ большой успѣхъ, вызвавшій въ 1789 г. въ Москвѣ появленіе другого сборника, изданнаго тѣми же лицами подъ названіемъ: «Полезное упражненіе юношества, состоящее въ разныхъ сочиненіяхъ и переводахъ, изданныхъ питомцами Вольнаго Благороднаго Пансіона, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ», посвященнаго издателями директору университета—П. И. фонъ-Визену. Въ 1793 г. С. поручена была должность переводчика при Конференціи Университета, которую онъ исполнялъ почти 10 лѣтъ, а въ 1795 г. получилъ чинъ губернскаго секретаря. Возведенный 10 іюля 1796 г. въ званіе экстраординарнаго профессора философіи за «усердное раченіе разныхъ по университету должностей», С. съ этихъ же поръ сталъ читать въ немъ курсъ логики и нравственной философіи. Въ слѣдующемъ году онъ въ торжественномъ собраніи Московскаго университета, бывшемъ 30 іюня 1797 г., произнесъ «Слово о пользѣ нравственнаго просвѣщенія», напечатанное отдѣльно (М. 1797), а также въ сборникѣ: «Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ Императорскаго Московскаго Университета русскими профессорами онаго, съ краткими ихъ жизнеописаніями» (изданіе Общества любителей россійской словесности, 4 части, М. 1819—23) и въ книгѣ: «И. М. Снегиревъ, біографическій очеркъ», (С.-Пб. 1871, стр. 411—421). 2 мая 1797 г. С. пожалованъ былъ въ коллежскіе ассесоры, и съ 1803 г., по предложенію бывшаго попечителя М. Н. Муравьева, исправлялъ должность секретаря при Цензурномъ комитетѣ и шесть лѣтъ былъ переводчикомъ при правленіи университета и архиваріусомъ—при совѣтѣ его же. Въ 1804 г. ему поручено было, по предложенію Муравьева, преподаваніе антропологіи, читанной имъ по 1810 г., и въ этомъ же году онъ былъ командированъ во Влади-

мірскую губернію для открытія въ ней гимназіи и обозрѣнія училищъ. Какъ членъ училищнаго комитета, С. въ 1808, 1809 и 1814 гг. обозрѣвалъ училища губерній: Вологодской, Владимірской, Московской, Рязанской и Ярославской. Въ 1809 г. онъ произведенъ былъ въ надворные совѣтники, а 15 апрѣля 1810 г.—утвержденъ ординарнымъ профессоромъ церковной исторіи. Затѣмъ, съ 1811 г. онъ былъ членомъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ и въ 1812 г. читалъ лекціи по логикѣ и философіи молодымъ людямъ, «обязаннымъ службою». Нашествіе Наполеона и пожаръ Москвы въ 1812 г. лишили университетъ большей части принадлежавшихъ ему зданій, архива, библіотеки и разсѣяли слушателей его по всей Россіи. Въ виду этого, по предложенію попечителя П. И. Голенищева-Кутузова, ректоромъ университета И. А. Геймомъ учреждена была временная коммисія для управленія текущими дѣлами университета и его округа «на время, пока университетъ соберется въ одно мѣсто и всѣ онаго части примутъ свое дѣйствіе». Коммиссія, открывшая свои дѣйствія 7 января 1813 г., имѣла предсѣдателемъ ректора и членами—четырехъ старшихъ профессоровъ, въ числѣ которыхъ былъ и С. Написанное имъ для своихъ слушателей, въ виду отсутствія подходящихъ руководствъ по церковной исторіи, «Руководство къ церковной исторіи» погибло во время пожара 1812 г. вмѣстѣ съ библіотекой и всѣмъ его имуществомъ. По возвращеніи въ Москву, С. съ 1813 г. продолжалъ въ университетѣ чтеніе церковной исторіи и исторіи философіи и былъ назначенъ деканомъ отдѣленія политическихъ наукъ, коимъ былъ по 1814 г.; съ 1813-го же года имъ читался въ Благородномъ пансіонѣ курсъ богословія. Въ 1815 г., 26 мая, онъ былъ назначенъ членомъ училищнаго комитета и съ этого же года былъ цензоромъ, въ 1817 г.—произведенъ былъ въ коллежскіе совѣтники и съ этихъ же поръ преподавалъ естественное, политическое и народное права, читанныя имъ до смерти. Въ 1820 г. С. пожалованъ былъ въ статскіе совѣтники и въ томъ же году, 16-го іюня, скончался; онъ погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, близъ своего товарища и друга—профессора А. М. Брянцева. Профессоръ А. Ѳ. Мерзляковъ, бывшій ученикъ С-ва, сочинилъ ему надгробную надпись въ стихахъ.

Отличаясь скромностью, С. напечаталъ нѣсколько переводовъ анонимно, такъ что извѣстенъ только одинъ имъ сдѣланный переводъ съ французскаго (совмѣстно съ Степаномъ Смирновымъ) книги: «Іудейскія письма къ Вольтеру, съ прибавленіемъ сокращеннаго комментарія», сочиненіе аббата Гене, М. 1808—1817, 6 частей. Кромѣ того, есть извѣстіе, что С. составлялъ «Славянскую грамматику» и «Хрестоматію со словаремъ», но были-ли онѣ изданы—неизвѣстно. Всѣ произведенія С-ва отличаются ясностью хорошо отдѣланнаго слога, такъ какъ онъ отлично владѣлъ языкомъ и умѣлъ съ большимъ искусствомъ выражать самыя отвлеченныя понятія преподаваемыхъ имъ наукъ. Въ продолженіе своей долгой службы въ университетѣ, С. отличался усердіемъ и ревностью въ исполненіи возлагаемыхъ на него должностей, прямодушіемъ, честностью и неутомимостью въ трудахъ. Лекціи его, обрабатывавшіяся имъ весьма тщательно, были, по словамъ одного современника, «поучительны по различнымъ свѣдѣніямъ и пріятны по ясности и легкости изложенія». Въ домашней своей жизни С. отличался простотой и скромностью своихъ требованій, и домъ его, закрытый для увеселеній, всегда былъ открытъ для слушателей и товарищей.

Дѣло Архива Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената о дворянствѣ Снегирева.—Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, ч. II, М 1855, стр. 420—22.—Воспоминанія Н. М. Снегирева, «Русскій Архивъ» 1896 г., стр. 513, 516, 527, 529, 531, 540—3, 546, 548—51, 554, 557—60, 737, 738, 745, 747, 755; «Русскій Архивъ» 1874 г., кн. I, стр. 1522; 1875 г., кн. III, стр. 377, 386; 1879 г., кн. III, стр. 63; 1881 г., кн. I, стр. 388, 390, 392, 399.—С. Шевыревъ, Исторія Императорскаго Московскаго Университета, М. 1855, стр. 267.—Н. В. Сушковъ, Московскій Университетскій Благородный пансіонъ, М. 1858, стр. 17, 56.—С. Смирновъ, Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи, М. 1867, стр. 535—36.—В. Сопиковъ, Опытъ Россійской библіографіи, №№ 6353, 8157, 9534, 10784.—Л. Н. Майковъ, Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій, С.-Пб. 1889, стр. 419.—П. Н. Страховъ, Историческій очеркъ Владимірской губернской гимназіи, вып. I, Владиміръ-на-Клязьмѣ, 1891, стр. 28, 38.—Митрополитъ Евгеній, Словарь

русскихъ свѣтскихъ писателеіі, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи, т. II, М. 1845, стр. 171—172.—А. Н. Неустроевъ, Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.г., С.-Пб. 1874, стр. 484, 556.—И. П. Давыдовъ, Біографическое свѣдѣніе о.... М. М. Снегиревѣ, въ: «И. М. Снегиревъ, біографическій очеркъ», С.-Пб. 1871, стр. 411—421.—А. В. Смирновъ, Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественный пользы, вып. I. Владиміръ. 1896, стр. 170—177; вып. III, Владиміръ. 1898, стр. 281—282.—И. Двигубскій, Краткая исторія Императорскаго Московскаго Университета съ 6-го іюля 1819 по 6-е іюля 1820 г.г., М. 1820, стр. 4—5 и «Московскія Вѣдомости» 1820 г., № 56.—Извѣстіе о М. М. Снегиревѣ, статья М. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1820 г., т. II, кн. 8, стр. 67—71.—«Московскія Вѣдомости» 1851 г., № 26.—Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ Императорскаго Московскаго Университета русскими профессорами онаго съ краткими ихъ жизнеописаніями, 4 части, М. 1819—23.

В. Модзалевскій.

Снельманъ, *Іоаннъ - Вильгельмъ,* профессоръ Гельсингфорскаго университета, сенаторъ, род. въ 1806 г. въ Стокгольмѣ, умеръ 1 іюля 1881 г. близъ Гельсингфорса. Отецъ С-на, коренной финляндецъ, былъ человѣкомъ разносторонне образованнымъ и интересовался особенно религіозно-философскими вопросами, но посвятилъ себя исключительно мореходству. І. В. С. первыя семь лѣтъ своей жизни провелъ въ Стокгольмѣ и здѣсь же получилъ начальное образованіе въ церковной школѣ. Въ 1813 г. родители С-на переселились изъ Швеціи въ Финляндію, въ Гамла-Карлебю, гдѣ С. нѣкоторое время посѣщалъ мѣстную школу. Затѣмъ его помѣстили въ Улеаборгскую тривіальную школу, курсъ которой былъ разсчитанъ на подготовку учениковъ къ университету. По окончаніи курса школы, С. въ концѣ 1822 г. поступилъ въ число студентовъ университета въ Або. Недостатокъ средствъ побудилъ его избрать духовную карьеру, скорѣе дававшую матеріальное обезпеченіе, почему онъ въ 1824 г. и поступилъ въ имѣвшуюся при университетѣ семинарію для практическаго обученія богословскимъ наукамъ. Впослѣдствіи однако тяготѣніе къ философіи и литературѣ побудило С-на измѣнить это намѣреніе и въ 1827 г. онъ сталъ дѣятельно готовиться къ кандидатскому экзамену, особенное вниманіе удѣляя занятіямъ философіей. Въ 1831 г. выдержалъ въ университетѣ, переведенномъ съ 1828 г. въ Гельсингфорсъ, кандидатскій экзаменъ и въ 1832 г. получилъ магистерскій вѣнокъ. Около 1830 г. изъ наиболѣе талантливыхъ преподавателей образовался такъ называемый «субботній кружокъ», занимавшійся преимущественно разработкой литературныхъ вопросовъ, и С. на первыхъ же порахъ занялъ въ этомъ кружкѣ видное мѣсто; въ связи съ участіемъ С-на въ этомъ кружкѣ стоятъ и его первые литературные опыты, которые онъ однако не оглашалъ въ печати. Послѣ сдачи кандидатскаго экзамена С. получилъ возможность посвятить значительную часть времени Эстерботническому отдѣленію, въ дѣлахъ котораго сталъ принимать энергическое участіе.

Осенью 1833 г. С. получилъ мѣсто преподавателя въ Гельсингфорскомъ лицеѣ, гдѣ преподавалъ, главнымъ образомъ, латинскій и греческій языки и логику. Наряду съ этимъ онъ самъ слушалъ лекціи по анатоміи и физіологіи. Около этого же времени С. выпустилъ свой первый печатный трудъ—сборникъ латинскихъ упражненій, принятый всѣми финляндскими учебными заведеніями. Покинувъ вскорѣ лицей изъ-за личнаго недоразумѣнія съ его директоромъ, С. защитилъ предварительно диссертацію на тему изъ философской системы Гегеля и въ 1835 г. былъ назначенъ доцентомъ философіи въ университетѣ. Къ этому времени относится первое появленіе его трудовъ въ иностранной печати: на страницахъ «Газеты шведскаго литературнаго общества» онъ выступилъ съ защитой Гегеля противъ нападокъ одного изъ критиковъ. Вскорѣ затѣмъ вышелъ въ свѣтъ, на шведскомъ языкѣ, первый значительный трудъ С-на—«Опытъ изложенія логики» 1-я (тетрадь), а за нимъ—1-я часть его «Элементарнаго курса философіи», излагавшая основы психологіи (2-я и 3-я части этого курса, излагавшія логику и ученіе о правѣ, были выпущены С-мъ въ 1840 г., почти одновременно съ другимъ его сочиненіемъ философскаго характера—«Объ академической наукѣ»). Наряду съ этимъ С. принялъ участіе въ литературной полемикѣ по вопросу о правѣ финляндской литературы на самостоятельное существованіе. Университетъ, въ которомъ С. читалъ лекціи, страдалъ отъ формализма и боязни

свободной мысли, и это послужило причиной цѣлаго ряда столкновеній между университетской администраціей и С-мъ, человѣкомъ независимымъ въ своихъ взглядахъ.

Столкновенія эти привели къ шумному процессу, завершившемуся въ 1839 г. для С-на денежнымъ штрафомъ и необходимостью покинуть университетъ. Борьба съ консисторіей, въ которой С. выступилъ убѣжденнымъ борцомъ за академическую свободу, пріобрѣла ему многихъ поклонниковъ и создала популярность среди молодежи.

По окончаніи своего процесса С. уѣхалъ изъ Гельсингфорса и поселился въ Ню-Карлебю, гдѣ отдался научнымъ и литературнымъ занятіямъ. Вынесенная имъ борьба за идеи пробудила въ немъ стремленіе къ публицистической дѣятельности, и онъ въ томъ же году сталъ издавать журналъ «Шпанская Муха», главное содержаніе котораго составляла литературная критика и отчасти статьи сатирическаго характера.

Въ Стокгольмѣ, куда С. прибылъ въ концѣ 1839 г. наблюдалось въ то время особенное возбужденіе въ области политической и литературной жизни. Оно увлекло и С-на, который вступилъ членомъ въ кружокъ литераторовъ-публицистовъ, извѣстный подъ названіемъ «Общества Фреи» (по названію газеты «Freja», около редакціи которой сгруппировались эти писатели). На страницахъ «Фреи» С. принялъ горячее участіе въ поднявшейся въ то время литературной борьбѣ; не вмѣшиваясь въ вопросы чисто политическаго характера, онъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ рядъ полемическихъ статей по вопросамъ народнаго образованія и политико-экономическимъ (разборъ идей Фридриха Листа). Интересуясь постановкой преподаванія философскихъ наукъ въ упсальскомъ университетѣ, онъ ѣздилъ въ Упсалу, а въ 1840 г. отправился съ научными цѣлями въ Данію, Германію и Швейцарію. Осенью 1841 г. С. вернулся въ Стокгольмъ и тамъ снова принялся за журнальную дѣятельность, причемъ особенное вниманіе обратилъ на себя оживленной полемикой о значеніи религіозно-философскихъ идей Штраусса. За два года публицистической дѣятельности въ Швеціи С. пріобрѣлъ себѣ у шведской публики репутацію неустрашимаго и находчиваго борца за свободныя убѣжденія. Помимо журнальной работы С. во время своего пребыванія въ Швеціи издалъ описаніе своего путешествія по Германіи («Германія, путевые очерки»), а также романъ «Четыре бракосочетанія или Критика любви». Уже незадолго до отъѣзда изъ Стокгольма С. выпустилъ свой капитальный трудъ, «Ученіе о государствѣ», написанный подъ вліяніемъ философіи Гегеля; въ этомъ сочиненіи С. обосновываетъ свою теорію о великомъ значеніи національности, которой онъ придерживался всю жизнь.

Въ концѣ 1842 г. С. вернулся въ Гельсингфорсъ и, послѣ неудачной попытки получить мѣсто преподавателя въ университетѣ, занялъ должность ректора высшей школы въ Куопіо. Школу эту С. скоро привелъ въ образцовый порядокъ и, по его иниціативѣ, въ этомъ городѣ было устроено еще нѣсколько школъ. Въ 1845 г. С. сталъ издавать въ Куопіо двѣ газеты: одну, предназначавшуюся для народа, на финскомъ языкѣ, «Другъ земледѣльца» («Maamiehen Ystävä»), и другую, для интеллигенціи, на шведскомъ языкѣ — «Сайма» («Saima»). «Другъ земледѣльца» заключалъ въ себѣ, главнымъ образомъ, статьи по земледѣлію, а также по литературѣ, исторіи и т. д., и пользовался среди народа значительнымъ вниманіемъ; впослѣдствіи С., за недостаткомъ времени, передалъ эту газету въ другія руки. «Сайма» быстро завоевала себѣ успѣхъ у читателей и заняла въ періодической прессѣ боевое положеніе; она была въ Финляндіи первымъ органомъ, занимавшимся разработкой общественныхъ вопросовъ. Въ ней С., какъ и прежде, выступилъ горячимъ борцомъ за свои взгляды и велъ ожесточенную полемику съ многочисленными противниками «Саймы» въ лицѣ другихъ газетъ и отдѣльныхъ личностей. Вліяніе «Саймы» на читателей было огромно, и она сослужила большую службу финскому культурному движенію, выдвинувъ на первое мѣсто вопросъ о просвѣщеніи массъ. «Сайма» много терпѣла отъ цензурныхъ стѣсненій и въ декабрѣ 1846 г. должна была прекратить свое существованіе. Лишившись своей газеты, С. получилъ возможность съ 1847 по 1849 годъ редакти-

ровать «Литературный Листокъ» («Litteraturbladet»), бывшій по своему содержанію преимущественно литературнымъ журналомъ, но отразившій на себѣ за эти два года замѣтное вліяніе редактора «Саймы».

Въ концѣ 1849 г. С. по прошенію, былъ уволенъ въ отставку отъ ректорской должности въ Куопіо. Въ слѣдующіе годы онъ подвергся чувствительнымъ матеріальнымъ затрудненіямъ, заставившимъ его, между прочимъ, въ 1851 г. занять мѣсто конторщика одного купца. Въ концѣ 1854 г. «Литературный Листокъ» снова возродился подъ редакціей С-на и снова сталъ живымъ органомъ съ серьезнымъ и разнообразнымъ содержаніемъ, такимъ же воинственнымъ и безпощаднымъ въ полемикѣ, какъ и «Сайма». Распространеніе его въ обществѣ было очень значительно. Послѣ многихъ препятствій, которыя обусловливались отчасти репутаціей С-на, какъ упрямаго и безпощаднаго борца за свои взгляды, а еще больше политическими обстоятельствами того времени, С. въ началѣ 1856 г. добился профессуры въ университетѣ: онъ занялъ упраздненную въ 1852 г. каѳедру философіи, возобновленную въ 1856 г. подъ названіемъ каѳедры этики и систематики университетскихъ наукъ. Въ теченіе семи лѣтъ профессорской дѣятельности С. прочелъ въ университетѣ курсы этики, психологіи, исторіи права, обществовѣдѣнія, международнаго и государственнаго права, а также курсъ педагогіи. Лекціи С-на, не отличаясь красотою и общедоступностью изложенія, были глубоки и богаты содержаніемъ и имѣли большое вліяніе на молодежь. Помимо преподавательской дѣятельности, С. принималъ въ эти годы близкое участіе во многихъ университетскихъ дѣлахъ.

Первыя мѣропріятія Императора Александра II, касавшіяся строя Финляндіи, постепенно утвердили С-на въ мысли, что единственнымъ путемъ къ осуществленію наиболѣе насущныхъ нуждъ страны является довѣріе къ благожелательности правительства. Этимъ объясняется неожиданный и поразившій многихъ переходъ С-на изъ партіи оппозиціи въ ряды наиболѣе горячихъ приверженцевъ правительственной политики. Съ этого времени онъ выступаетъ въ «Литературномъ Листкѣ» истолкователемъ и защитникомъ правительственныхъ мѣропріятій, ведетъ за нихъ полемику съ другими газетами, борется съ «молодой» Финляндіей и финляндскими эмигрантами, пропаганду которыхъ онъ считалъ препятствіемъ къ осуществленію реформъ.

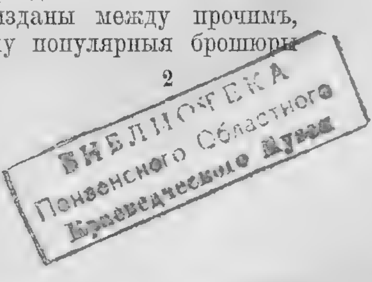
Въ 1861 г. С-ну были предложены должности сначала помощника директора, а затѣмъ директора сенатской канцеляріи, но онъ отказался, мотивируя свой отказъ желаніемъ продолжать ученую и публицистическую дѣятельность. Однако событія заставляли его принимать близкое участіе въ политической жизни Финляндіи и неоднократно исполнять различныя порученія правительства. Съ учрежденіемъ въ 1862 г. особой (такъ называемой «январьской») коммиссіи для разработки сеймовыхъ предложеній, С. попалъ въ число ея членовъ и принялъ большое участіе въ ея дѣятельности. Онъ засѣдалъ, между прочимъ, въ 7-мъ отдѣленіи Коммиссіи, долженствовавшемъ выработать предложеніе о податяхъ. Въ началѣ 1863 г., по желанію Императора Александра II, С-ну было повторено предложеніе званія сенатора и въ мартѣ этого же года состоялось утвержденіе его въ этомъ званіи, съ назначеніемъ исправлять должность начальника финансовой экспедиціи; такое назначеніе объяснялось давно уже пріобрѣтенной С. репутаціей опытнаго финансиста. Наряду съ сенаторской дѣятельностью, пользуясь исключительнымъ довѣріемъ правительства, продолжалъ участвовать въ обсужденіи тѣхъ или иныхъ мѣропріятій, а также въ исполненіи различныхъ порученій. Онъ, между прочимъ, принималъ весьма значительное участіе въ редактированіи тронной рѣчи, которою Императоръ Александръ II открылъ сеймъ 1863 г. Отказавшись нѣсколько ранѣе отъ предложеннаго ему дворянскаго званія, С. не имѣлъ права быть сеймовымъ депутатомъ, но зато принималъ близкое участіе въ обсужденіи сеймовыхъ работъ, какъ сенаторъ и какъ публицистъ. Въ своей сенаторской дѣятельности С. поставилъ себѣ, главнымъ образомъ, три задачи, осуществленіе которыхъ онъ считалъ существенно важными для народа: о правахъ финскаго языка, монетную реформу и реформу печати. Первыя двѣ реформы С-ну удалось провести, а третью удалось осуществить лишь на непродолжительное

время. Реформа языка была осуществлена Высочайшимъ рескриптомъ въ іюлѣ 1863 г. объ уравненіи правъ финскаго языка съ правами шведскаго въ дѣлахъ, касающихся финской части населенія края; проведеніе въ 1865 г. монетной реформы, давшей Финляндіи собственную монетную систему, является крупнѣйшей работой С-на, какъ начальника финансоваго управленія; закономѣрная свобода печати была временно установлена правительственными постановленіями въ іюлѣ 1865 г. Многія неблагопріятныя условія, при которыхъ С-ну приходилось дѣйствовать, не дали ему возможности провести другихъ задуманныхъ имъ реформъ. Возведенный въ 1866 г. въ дворянское достоинство, С. получилъ возможность участвовать въ слѣдовавшихъ затѣмъ сеймахъ въ качествѣ депутата. Здѣсь онъ неоднократно выступалъ съ рѣчами. Помимо указанныхъ выше реформъ, С., какъ сеймовый депутатъ и какъ публицистъ, внесъ свою долю труда въ осуществленіе ряда реформъ, оживившихъ Финляндію, каковы: постройка желѣзныхъ дорогъ, реорганизація церковнаго управленія, облегченіе положенія печати, школьная реформа, реформа воинской повинности и т. д. Въ тяжелое для Финляндіи время половины 1860-хъ годовъ, когда страну постигли страшные недороды, голодъ и всѣ связанныя съ ними бѣдствія, С. проявилъ горячую дѣятельность, составляющую одну изъ свѣтлыхъ страницъ исторіи его жизни.

Вскорѣ С. долженъ былъ оставить сенатъ. Нѣкоторыя рѣшенія сената въ дѣлѣ монетной реформы, принятыя по иниціативѣ С-на, многіе поступки его и мѣропріятія, а также его независимый и отчасти деспотическій характеръ, давно создали ему много враговъ и недоброжелателей какъ среди сенаторовъ, такъ и среди представителей правящихъ сферъ. Поводомъ къ удаленію С-на изъ сената послужили столкновенія между нимъ и генералъ-губернаторомъ графомъ Адлербергомъ, особенно по поводу постройки финляндской желѣзной дороги въ Петербургъ. Въ 1868 г. состоялась отставка С-на, и вмѣстѣ съ тѣмъ закончился наиболѣе важный періодъ его общественной дѣятельности.

Большую часть остальной жизни, попрежнему полной борьбы и труда, С. посвятилъ Обществу поземельнаго кредита въ Финляндіи, избравшему его въ 1869 г. въ свои предсѣдатели. Своими трудами онъ помогъ Обществу осуществить многія задачи. Нѣкоторыя мѣры С-на въ качествѣ предсѣдателя Общества и здѣсь вызвали противъ него сильную оппозицію, и на общемъ собраніи Общества въ 1881 г. онъ уже не былъ избранъ въ предсѣдатели.

Съ уходомъ С-на изъ сената онъ получилъ возможность посвятить значительную часть своего времени участію въ дѣятельности Финскаго литературнаго общества, членомъ котораго онъ состоялъ съ молодыхъ лѣтъ. Въ 1870 г. онъ былъ избранъ въ предсѣдатели этого общества, и въ этомъ званіи оказалъ ему значительное содѣйствіе по изданію многихъ важныхъ литературныхъ трудовъ. Съ отказомъ С-на въ 1874 г. отъ новаго избранія въ предсѣдатели общества, онъ былъ избранъ въ его пожизненные почетные члены. Въ 1870—1871 г.г. С. состоялъ предсѣдателемъ Финскаго ученаго общества, членомъ котораго по историко-филологическому отдѣленію былъ съ 1856 г., но не принималъ особеннаго участія въ занятіяхъ общества. Пользуясь бо̀льшимъ досугомъ, С. намѣревался заняться переработкой своего «Ученія о государствѣ», но не успѣлъ осуществить этого намѣренія и продолжалъ принимать участіе въ политической жизни Финляндіи, какъ сеймовый депутатъ и публицистъ. Оставивъ сотрудничество въ офиціальной газетѣ, С. нѣсколько лѣтъ совсѣмъ не выступалъ въ печати. Съ 1872 г. его статьи стали появляться на страницахъ новой газеты финскаго направленія «Morgonbladet», а съ 1876 г. онъ сталъ ея постояннымъ сотрудникомъ. Статьи эти касались, главнымъ образомъ, вопросовъ общественной жизни и развитія края, но онѣ не проводили новыхъ взглядовъ и относились скорѣе отрицательно къ вѣяніямъ времени, благодаря чему далеко не пользовались тѣмъ успѣхомъ, какъ нѣкогда статьи въ «Саймѣ» и «Литературномъ Листкѣ»; въ нѣкоторыхъ статьяхъ С. выступилъ даже горячимъ врагомъ либеральной партіи, чѣмъ вызвалъ рядъ нападокъ на себя. Въ маѣ 1881 г. съ большою торжественностью было отпраздновано 75-лѣтіе жизни С-на: были изданы между прочимъ, посвященныя С-ну популярныя брошюры

для народа и спеціальный альбомъ; въ Гельсингфорсѣ и многихъ другихъ городахъ Финляндіи были устроены въ честь его празднества. Въ концѣ 1870-хъ годовъ здоровье С-на сильно надломилось и въ іюлѣ 1881 г. онъ скончался въ деревнѣ, куда незадолго передъ тѣмъ переѣхалъ. Тѣло его съ большою торжественностью было погребено въ Гельсингфорсѣ.

Т. Рейнъ, Іоганъ Вильгельмъ Снельманъ, историко-біографич. очеркъ, Спб., 1903 г. (два тома).—«Снельманъ», ст. L. въ «Новомъ Времени» 1903 г., №№ 9961 и 9968.—«Вѣстникъ Европы» 1903 г., ноябрь, стр. 422—431 (въ «Литературномъ обозрѣніи»).

Вл. Грековъ.

Снѣсаревъ, *Василій Ивановичъ*, протоіерей Валковскаго собора, родился 1 января 1756 г. въ селѣ Левендаловкѣ (Валковскаго уѣзда Харьковской губерніи), умеръ 20 августа 1833 года въ г. Валкахъ. Отецъ С-ва былъ въ Левендаловкѣ звонаремъ при церкви Преображенія Господня, и къ этой должности готовилъ и своего сына. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ С. обнаружилъ глубокую религіозность. Изданный въ январѣ 1772 г. указъ о наборѣ всѣхъ неграмотныхъ причетническихъ дѣтей въ солдаты побудилъ родителей С-ва отдать его въ обученіе грамотѣ дьячку одного изъ ближайшихъ селъ. Во время этого обученія С. обратилъ на себя вниманіе экзаменатора іеромонаха Іеракса, который взялъ его съ собой и опредѣлилъ въ Харьковскій коллегіумъ въ число воспитанниковъ сиропитательнаго дома. Блестящія способности С-ва вскорѣ замѣтилъ и оцѣнилъ префектъ семинаріи и преподаватель въ ней богословія протоіерей Михаилъ Шванскій, въ теченіе долгаго времени принимавшій близкое участіе въ судьбѣ С-ва. По назначенію Шванскаго, С. иногда говорилъ проповѣди въ соборѣ; когда онъ окончилъ богословскій курсъ, Шванскій оставилъ его репетиторомъ богословскаго класса. Черезъ нѣкоторое время коллегіуму понадобился учитель греческаго языка, С. былъ отправленъ въ Нѣжинъ, «для узнанія разговорнаго языка греческаго, на два года, съ содержаніемъ частью отъ коллегіума, частью отъ благодѣтельнаго префекта». Пройдя въ Нѣжинѣ курсъ, разсчитанный на два года, въ восемь мѣсяцевъ, С., съ разрѣшенія префекта, отправился въ Кіевъ, гдѣ слушаніемъ академическихъ лекцій въ продолженіе времени, остававшагося до конца назначеннаго двухлѣтняго срока, усовершенствовалъ пріобрѣтенныя въ семинаріи познанія. Знаменитыя въ то время проповѣди протоіерея Леванды, съ которымъ С. сблизился и впослѣдствіи велъ постоянную переписку, внушили ему влеченіе къ проповѣднической дѣятельности. Возвратившись въ Харьковъ, С. занялъ мѣсто учителя греческаго языка въ коллегіумѣ и приходскаго священника при Рождественской церкви. Вскорѣ его проповѣди стали пріобрѣтать извѣстность и привлекать большое количество слушателей. Нерѣдко С. служилъ раннія обѣдни въ Покровскомъ монастырѣ и говорилъ проповѣди на греческомъ языкѣ. Черезъ непродолжительное время, по представленію Шванскаго, онъ былъ произведенъ въ протоіереи. Не любя шумной жизни большого города, С. давно добивался перевода изъ Харькова, и только послѣ многихъ хлопотъ его желаніе исполнилось: въ іюнѣ 1786 г. онъ былъ назначенъ въ г. Валки, гдѣ и служилъ до самой своей смерти. Его личныя достоинства привлекли къ нему любовь и уваженіе всѣхъ жителей, а краснорѣчивыя проповѣди, которыя онъ говорилъ почти при каждомъ служеніи, укрѣпляли его нравственное вліяніе на паству. Скоро онъ былъ назначенъ благочиннымъ всего Валковскаго уѣзда и исполнялъ эту должность въ теченіе 14-ти лѣтъ. Когда въ 1807 г. въ Валкахъ было открыто уѣздное училище, С. былъ назначенъ туда законоучителемъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ онъ объяснялъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ училищѣ Евангеліе, и этимъ собиралъ вокругъ себя не только учениковъ училища, но и многихъ поселянъ, нерѣдко приходившихъ ради этого изъ весьма отдаленныхъ хуторовъ. Во время посѣщенія Валокъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, въ вѣдѣніи котораго, какъ попечителя, находился Харьковскій университетъ, предлагалъ С-ву занять въ университетѣ каѳедру богословія, но онъ отказался отъ этого предложенія. По особому ходатайству графа Потоцкаго, С-ву—первому въ харьковской епархіи—была пожалована камилавка. Въ 1818 г. С. былъ вызванъ для проповѣди въ каѳедральный соборъ, и слѣдствіемъ этой поѣздки было назначеніе его духовникомъ по Валковскому благочинію и цензоромъ проповѣдей по Валковскому

уѣзду. Въ 1822 г., по ходатайству университета, С. былъ награжденъ наперснымъ крестомъ за долговременные труды по званію законоучителя, а въ 1830 г. получилъ золотой наперсный крестъ, украшенный короною, изъ Кабинета Его Величества.

С. въ своей дѣятельности священнослужителя часто проявлялъ истинно апостольскую ревность. Въ то же время онъ умѣлъ успокоить и утѣшить каждаго, кто въ этомъ нуждался; владѣя словомъ и проникнутый горячей вѣрой, онъ неоднократно невѣрующихъ приводилъ къ истинѣ. Добрый въ высшей степени, онъ благотворилъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, но въ то же время въ своей частной жизни былъ крайне нетребователенъ. Швейцарецъ Н. Ф. Вернетъ, кандидатъ богословія одного изъ университетовъ, лично знавшій С-ва, въ своей статьѣ «Валковское кладбище» (въ «Украинскомъ Вѣстникѣ») говоритъ: «Лучшее украшеніе прекрасныхъ и мирныхъ Валокъ составляетъ протоіерей В. Слѣсаревъ, кроткій служитель Церкви, ревностный и краснорѣчивый проповѣдникъ слова Божія, неутомимо побуждающій слушателей къ благочестію правиломъ и примѣромъ: онъ по справедливости достоинъ имени валковскаго Массильона».

«Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи», отдѣленіе II, стр. 211—256 (М., 1857 г.).—«Протоіерей Василій Іоанновичъ Слѣсаревъ», Николая Романовскаго («Странникъ» 1861 г., № 1, стр. 11—34).

Вл. Грековъ.

Снядецкій, *Андрей Андреевичъ*, профессоръ Виленскаго университета, химикъ, медикъ и общественный дѣятель—младшій братъ извѣстнаго астронома и ректора Виленскаго университета, — род. 30 октября 1768 г. (по другимъ свѣдѣніямъ—1766 г.) въ мѣстечкѣ Жнинѣ, Криницкаго прихода, Гнѣзненскаго воеводства, въ великомъ княжествѣ Познанскомъ.

Старшій братъ взялъ его на свое попеченіе и опредѣлилъ въ гимназію Новодворскаго въ Краковѣ, курсъ которой Андрей С. окончилъ съ золотой медалью, полученной имъ изъ рукъ короля Станислава-Августа въ 1787 г. Т. к. онъ отличался своими способностями къ математикѣ, то сначала ему совѣтовали спеціализироваться въ этой области, и братъ предполагалъ помѣстить его во французскую военную инженерную школу. Но въ немъ одержалъ верхъ интересъ къ естественнымъ наукамъ и, поощряемый совѣтами расположенныхъ къ нему Велепольскаго и проф. Яскевича (Jaskiewicz), онъ поступилъ на медицинскій факультетъ Краковскаго университета, гдѣ пробылъ три года. Послѣ этого онъ отправился за границу (въ 1791 г.); нѣкоторое время практически изучалъ медицину въ Вѣнѣ, затѣмъ отправился въ Италію—въ Павію, гдѣ поступилъ на медицинскій факультетъ и, проработавъ около двухъ лѣтъ у знаменитыхъ профессоровъ—Гальвани, Франка и др., получилъ степень доктора медицины и философіи 16 мая 1793 г. Изъ Павіи С. ѣздилъ въ Миланъ, гдѣ занимался въ библіотекахъ. Здѣсь онъ познакомился съ медицинской теоріей эдинбургскаго профессора Броуна (John Brown), которая отразилась на всей его послѣдующей научной дѣятельности. Уже тогда онъ подавалъ большія надежды и, какъ выдающійся и въ то же время общительный человѣкъ, пріобрѣлъ всеобщую симпатію. Для продолженія научныхъ занятій С. стремился въ Парижъ, гдѣ процвѣтала хирургія, но тамъ въ это время началась революція. Тогда онъ черезъ Швейцарію, Германію и Нидерланды поѣхалъ въ Англію, осенью 1793 г. Находясь въ Лондонѣ, С. писалъ на англійскомъ языкѣ замѣтки, вызванныя новыми впечатлѣніями. Онѣ тогда же были напечатаны въ одной изъ газетъ. Снабженный рекомендательнымъ письмомъ, С. изъ Лондона отправился въ Эдинбургъ, гдѣ два года занимался—главнымъ образомъ медициной и философіей—у Броуна и другихъ извѣстныхъ профессоровъ, встрѣтивъ съ ихъ стороны полную симпатію. Здѣсь же онъ началъ свою большую работу: «Teoryja jestestw organicznych». Кромѣ того, онъ практически занимался въ госпиталяхъ и ознакомился съ литературой своего предмета на англійскомъ языкѣ. Все это быстро подвинуло его впередъ. Въ 1796 г. онъ заѣхалъ въ Парижъ. Затѣмъ онъ работалъ въ Вѣнѣ и въ это время получилъ предложеніе занять каѳедру химіи и фармаціи въ Виленской академіи.

Въ 1797 г. С. уже читалъ здѣсь лекціи съ большимъ успѣхомъ, на польскомъ языкѣ. Стоя наравнѣ съ западно-европей-

скими учеными, онъ сразу высоко поставилъ изученіе химіи у себя на родинѣ. Прогрессивное направленіе своихъ ученыхъ воззрѣній онъ особенно горячо высказалъ во вступительной лекціи: «Mova o niepewnosci zdań i nauk na doswiadczeniu fundowanych». Уже очень скоро начинается его широкая извѣстность—съ появленіемъ его книги «Początki chemii», первой книги по химіи на польскомъ языкѣ (1800 г.). Съ этого времени начинается его обширная ученая корреспонденція. Вскорѣ выходитъ его «Teoryja jestestw organicznych» (1-й томъ—въ 1804 г.)—сочиненіе, въ которомъ С. особенно выдвинулся, какъ физіологъ. Отчасти находясь подъ вліяніемъ теоріи Броуна, С., какъ натурфилософъ, является предшественникомъ Дарвина. Вторая часть его работы посвящена преимущественно физіологическому изслѣдованію человѣка.

Помимо научныхъ занятій С., какъ врачъ, пріобрѣлъ въ Вильнѣ широкую популярность. Ставъ въ число лучшихъ профессоровъ Виленскаго университета, С. выступаетъ и въ качествѣ общественнаго дѣятеля, начавъ, въ 1805 г., вмѣстѣ съ профессоромъ Гродкомъ (Groddeks) изданіе газеты: «Dziennik Wilenski», въ которой, впрочемъ, первое мѣсто было посвящено наукѣ. Здѣсь появился цѣлый рядъ статей С-го. Важнѣйшей изъ нихъ была крупная работа «O fizycznem wychowaniu dzieci», только впослѣдствіи оцѣненная. Черезъ много лѣтъ С. вернулся къ ней—передѣлалъ и развилъ ее. Предназначая книгу для родителей, С. касается въ ней вопросовъ какъ физическаго, такъ и нравственнаго воспитанія. Въ мысли о непринужденіи дѣтей къ занятіямъ онъ сходится съ Фребелемъ. Одновременно съ первой редакціей этого труда написана С-мъ другая работа, примыкающая къ области педагогики—краткій учебникъ химіи для народныхъ школъ. Коммиссія по народному образованію не одобрила его, находя изложеніе недостаточно вразумительнымъ.

Какъ врачъ, С. особенно много началъ работать во время войны 1807 г., когда въ Вильну привозили множество раненыхъ. Въ это время произошло столкновеніе С-го, бывшаго предсѣдателемъ врачебнаго общества, съ губернаторомъ Римскимъ-Корсаковымъ. Отстаивая интересы общества, С. подписался подъ жалобой на губернатора. Высланный изъ Вильны, онъ только благодаря вліянію своего брата былъ возвращенъ. Въ 1812-13 годахъ С. работалъ въ лазаретахъ до тѣхъ поръ, пока самъ не заболѣлъ. Послѣ войны, оправившись, С. возвращается къ своей широкой дѣятельности. Участвуя во многихъ ученыхъ обществахъ, онъ отзывается и на общественные вопросы, сочувствуя польской молодежи и будучи однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ кн. Чарторыжскаго. Стремясь дѣйствовать главнымъ образомъ на средніе классы, С. основалъ общество «Шубравцевъ» («Towarzystwo szubrawcow»), открытое 11 февраля 1817 г., ставившее себѣ цѣли нравственнаго характера. Въ органѣ этого общества, выходившемъ подъ названіемъ: «Wiadomosci brukowe», С. принималъ дѣятельное участіе. Здѣсь появился цѣлый рядъ его сатирическихъ произведеній. Въ нихъ онъ изображаетъ и современную польскую жизнь, и западно-европейскіе (французскіе) порядки, и выдающіяся явленія частнаго характера. Въ отрицательномъ отношеніи къ романтизму онъ сходится со своимъ братомъ Яномъ. Сатирической литературой С. занимается только до тѣхъ поръ, пока остается въ составѣ общества «шубравцевъ». Въ 1822 г. онъ покинулъ его, и въ томъ же году оно было закрыто по распоряженію правительства. Въ томъ же году, послѣ двадцатипятилѣтней службы, С., не покидая ученыхъ занятій, оставилъ каѳедру въ университетѣ, но уже черезъ два года по просьбѣ друзей занялъ освободившуюся каѳедру въ клиникѣ, которую занималъ четырнадцать лѣтъ. По закрытіи Виленскаго университета (1830 г.) С. остался при медико-хирургической академіи (гдѣ съ 1827-го по 1830 г. завѣдывалъ клиникой) и получилъ званіе академика и орденъ св. Владиміра.

Конецъ жизни С. провелъ въ своемъ имѣніи, не переставая работать до самой смерти, постигшей его въ Вильнѣ 11 мая 1838 г.

Труды по физикѣ: Objasnienie niektórych punktów w nauce o cieple, w «Dziennik wilenski» 1818. I, 379.—Posrzezenie nader wielkiego gradu z przyłączeniem niektórych uwag na jego teoryi 1815, «Dzien. wil» II. 100.

По химіи: Początki chemii. I wyd. Wilno

1800. II wyd. Wilno 1807. III wyd. Wilno 1816—1817.—O rozpuszczeniu. rzecz do Towarzystwa Królewskiego przyjaciol nauk w Warszawie, posłana w maju roku 1805. Wilno. 1806.—Toż w rocznikach Towarzystwa. 1808. Tom. V. 521.—Rozprawa o nowym metalu w surowej platynie odkrytym, czytana na publicznem posiedzeniu Imperatorskiego Uniwersytetu Wileńskiego d. 28 czerwca 1808 roku. Wilno. S. a. (1808).—O tworzeniu nowych w wyrazo naukowych, zwlaszcza w chemii—«Pamitnik warszawski» 1817 VIII, 364.—List D. Franciszka Pacchiani, prof. fizyki w Pizie, do Wawrzynca Pignotti, historyografa Królewskiego, «Dzien. wil» 1805. II. 24.—O potrzebie połączenia nauki stosunków chemicznych z teoryo rozpuszczenia. Rzecz czytana na posiedzeniu naukowem Imperatorskiego wileńskiego Uniwersytetu d. 15 grudnia 1817, 1818, «Dzien. wil.» I, 2.—O żelazie meteorycznem rzeczyckiem, rozbiór. «Dzien wil» 1822. I, 481.

По технологіи: Doswiadczenia i postrzeżenia o bieleniu plócien i innych materyi lnianych, czytane na posiedzeniu akademii berlinskiej przez Hermbstaedta. «Dzienn wil» 1805. III, 338.—O wyrabianiu wódki z kartofli. «Dzien. wil. 1806. IV. 164.

По физіологіи: Teoryja jestestw organicznych. Warszawa T. I. 1804. Wilno T. II—1811.—Wydanie drugie. Wilno. 1838. T. I, II, III.—Wydanie trzecie w jednem tomie. Wilno. 1861.—Krótki wykład systematu Galla, z przyłączenem niektórych uwag nad jego nauką, «Dzien. wil» 1805. I, 16.

По медицинѣ: Niektóre wiadomosci o żółtej gorączce. «Dzien. wil» 1805. I, 49.—O gorączce «Dziennik med. chir. i farm. III. 335.—Przypadek wscieklizny bez ukąszenia, «Pam. Tow. lek. warsz». I, 430.—O wyziewach jadowitych i zarazach, tamże I 395.—Co to jest irrytacya, tamze II. 41.—Krotkie opisanie gorączki, jaka panowala w. r. 1812 i 1813 w Wilnie, jak i w caej Litwie, «Pam. lek.» I. 79.—Niektóre postrzezenia, tyczące sią chorob konwulsywnych, biorących początek z cierpień kolumny pacierzowej. «Dzien. med. chir i farm.» III. 175.—Postrzeżenie tyczące sie sposobu leczenia tak nazwanego krupu, czyli zapalenia krtani. «Dzien. med. chir. i farm». III. 1.—O zatrzymaniu uryny z przyczyny kamienia jednej tylko nerki. «Pam. lek». I. 167.—Szczególny przypadek zatrzymania uryny (ischuria) podany przez D-ra Karola Hastings. «Dzien. med. chir. i farm». III. 248.

По гигіенѣ: O fizycznem wychowaniu dzieci, «Dzien. wil» 1805—1806.—Toż. Warszawa. 1840. Toż, wydanie nowe. Wilno. 1856.—O pokarmach, napojach i sposobie życia w ogólnosci, we względzie lekarskim. «Dzien. wil» 1815. II. 174, 258, 384.

По судебной медицинѣ: O przypadkach pozornej smierci i sposobach przywracania tak obumarłych osób do życia. «Dzien wil». 1805. III. 487. 1806. IV. 25, 110.

По этикѣ: Mowa o niepewnosci zdań i nauk na doswiadczeniu fundowanych, przy otwarciu nauk w Szkole Głównej litewskiej r. 1779 na 1800 crytana. Wilno 1800.

По ветеринаріи: Niektóre uwagi o krowiej ospie, a mianowicie o szczepieniu jej owcom. «Dzien. wil» 1805. II. 1.

Zycie Jèdrzeja Sniadeckiego — Gniezno i leszno. Günther. 1840. 12°.— Jòsef Bieliński, Andrej. Sniadecki. Etiudz historii cywilizacyi Litwy». 1888. Leon Swiezawski, Jèdrzej S. Jego zywot naukowy i skoteczne stanowisko». («Zyciorysy sławnych polaków» Nr. 13»). Petersburg, 1900. 8°.—«Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива Министерства Народнаго Просвѣщенія», «С. Петербургъ». Т. I, 1893 г.; т. II—1897; т. III—1898; т. IV—1901.—Jòsef Bieliński, Universytet Wileński, tt. I—III. Krakow, 1899—1900. 8°. (Особенно т. III, стр. 327—333).—С. Бархатцевъ, «Изъ исторія Виленскаго учебн. округа», «Русскій Архивъ», 1874 г.; т. I, ст. 1177—1178—Encyclopedyja Powszechna, t. 23.

Ю. Верховскій.

Снядецкій, *Иванъ Андреевичъ*, ректоръ Виленскаго университета, извѣстный астрономъ, математикъ и польскій общественный дѣятель, род. въ 1756 г., 29 августа, въ великомъ княжествѣ Познанскомъ, въ Гнѣзненскомъ воеводствѣ, въ мѣстечкѣ Криницкаго прихода—Жинінѣ. Болѣзненный съ дѣтства, С. доставилъ немало заботъ своей любящей матери, Францискѣ, урожденной Гищинской. Отецъ его, окончившій высшую школу, заботился объ увеличеніи своихъ скромныхъ средствъ, желая дать образованіе дѣтямъ. Уже на девятомъ году Янъ, послѣ домашней подготовки, былъ отданъ въ коллегію Любранскаго въ Познани, гдѣ учился семь лѣтъ. Еще обучаясь тамъ, онъ слушалъ въ академической іезуитской школѣ лекціи ксендза Рогалинскаго по физикѣ. Здѣсь іезуиты пытались подчинить С-го своему вліянію.

Въ августѣ 1772 г. осуществляется давнишняя мечта С. — онъ пріѣзжаетъ въ Краковъ вмѣстѣ съ іезуитами, съ которыми тотчасъ же и расходится: по рекомендаціи Любранскаго и при содѣйствіи ректора Краковской академіи его принимаютъ въ Ягеллонскую бурсу. Въ этомъ же году С. получаетъ степень баккалавра философіи, а черезъ три года—степень доктора философіи (1775 г.).

Послѣ этого онъ началъ читать въ Краковской академіи лекціи по алгебрѣ, а черезъ нѣсколько времени и въ гимназіи Новодворскаго—по логикѣ, политической экономіи и другимъ предметамъ. Незадолго до профессорства въ гимназіи Новодворскаго онъ познакомился съ извѣстнымъ Коллонтаемъ, впослѣдствіи его другомъ. Они были близки по своимъ убѣжденіямъ: С. еще до реформъ Эдукаціонной коммисіи стоялъ въ оппозиціи къ старымъ профессорамъ, выказывая большую стойкость. Въ то же время онъ пріобрѣлъ много друзей. Они, во главѣ съ Коллонтаемъ, усердно способствовали его поѣздкѣ заграницу, которая состоялась въ ноябрѣ 1778 г. До отъѣзда онъ напечаталъ въ издаваемомъ имъ календарѣ статью о «Wodach mineralnych pomocnych zdrowiu ludzkiemu». Уже въ этой статьѣ ясно выразились тѣ требованія практической пользы, которыя С. предъявлялъ наукѣ. Снабженный рекомендательными письмами Мих. Понятовскаго, С. сначала отправился въ Германію, гдѣ долгое время работалъ въ Геттингенѣ. Здѣсь онъ неутомимо занимался астрономіей, физикой и математикой, а также въ свободное время и нѣмецкой литературой. Нѣмецкому языку онъ выучился въ нѣсколько мѣсяцевъ. При своихъ скромныхъ денежныхъ средствахъ С. скоро сталъ испытывать недостатокъ, но ему очень помогъ Коллонтай, выхлопотавшій ему частную матеріальную поддержку. Усиленный трудъ вредно отозвался на здоровьѣ С-го и по совѣту врачей онъ оставилъ Геттингенъ (1779) и выбралъ для постояннаго мѣстопребыванія Лейденъ, откуда совершалъ путешествія по Голландіи, заводя знакомства въ мѣстномъ ученомъ мірѣ. Со многими учеными завязалъ онъ отношенія и въ Парижѣ, куда пріѣхалъ въ началѣ слѣдующаго года (1780). Здѣсь, такъ же какъ и раньше, его научныя занятія были очень разнообразны. Кромѣ астрономическихъ наблюденій и вычисленій, онъ серьезно занимался химіей и минералогіей, а также изучалъ французскій языкъ, литературу и искусства. Онъ пріобрѣлъ извѣстность и симпатіи представителей ученаго міра. Извѣстный Кузенъ много помогалъ ему. Благодаря рекомендаціи Даламбера, испанское правительство предлагало ему мѣсто астронома въ Мадридѣ; по инниціативѣ ксендза Пирамовича, секретаря Эдукаціонной коммисіи, бывшаго тогда въ Парижѣ, С-му была предложена каѳедра высшей математики въ Краковской академіи. С., тотчасъ по окончаніи своихъ занятій въ Парижѣ, выѣхалъ въ Краковъ. Побывавъ въ Варшавѣ и получивъ тамъ степень доктора астрономіи и высшей математики, С. началъ свои лекціи въ Краковской академіи въ концѣ 1781 г. Вступительная рѣчь его была напечатана въ Варшавѣ. Онъ читалъ на польскомъ языкѣ, чѣмъ вызвалъ вражду старыхъ профессоровъ, читавшихъ по латыни. Дѣло дошло до вмѣшательства начальства, но побѣда осталась за С-мъ. Тогда же онъ писалъ крупную работу по алгебрѣ (оконченную въ 1783 г.). Въ ней С. является сторонникомъ аналитическаго метода. Замѣчателенъ высказанный здѣсь философскій взглядъ на математическія науки. Академія, обладавшая довольно скудными средствами, только послѣ многихъ хлопотъ со стороны С-го согласилась напечатать эту работу. Вообще здѣсь С-го не оцѣнили ни старые, ни молодые ученые. Это не мѣшало ему проводить реформы въ академіи и отстаивать свои взгляды. Такъ онъ одинъ отстоялъ Коллонтая въ 1782 г. Замѣчательна совмѣстная дѣятельность С-го и Коллонтая, направленная главнымъ образомъ на пользу народныхъ школъ. С. былъ секретаремъ и членомъ совѣта академіи; обратясь къ хозяйственнымъ дѣламъ, онъ пересмотрѣлъ расходныя книги и строгимъ контролемъ старался исправить существовавшіе недочеты. Ученыя же занятія С-го все разрастались. На второй годъ своей профессуры, занимаясь теоріей Коперника, онъ сталъ читать лекціи и по астрономіи. При немъ въ академіи развились практическія занятія. Его же

трудами была устроена въ Краковѣ астрономическая обсерваторія. Онъ оставилъ около сорока томовъ астрономическихъ вычисленій. Состоя въ научной перепискѣ со многими западно-европейскими учеными, С. опять отказался отъ предложеннаго ими мѣста въ одной изъ крупныхъ обсерваторій. Однако скоро онъ былъ вынужденъ временно оставить Краковскую академію: произошелъ разрывъ между нимъ и Коллонтаемъ; послѣдній ушелъ изъ ректоровъ; съ его преемникомъ С. не сошелся. Въ 1787 г. онъ уѣхалъ въ Парижъ, затѣмъ въ Англію и въ Голландію. Къ этому времени относится его знакомство съ извѣстнымъ Гершелемъ. Онъ работалъ въ обсерваторіяхъ, читалъ доклады (между прочимъ въ Оксфордѣ) и обновленный возвратился въ Краковъ. Онъ снова читалъ лекціи въ академіи, дѣла которой въ это время пошатнулись. Въ 1790 г. С. былъ посланъ въ Варшаву на такъ называемый «четырехлѣтній» сеймъ депутатомъ отъ Краковской коммиссіи по народному образованію. Снова сойдясь съ Коллонтаемъ, онъ черезъ него сблизился со многими вліятельными лицами и самъ пріобрѣлъ на сеймѣ извѣстное вліяніе, благодаря которому могъ потомъ поднять вопросъ о дарованіи правъ дворянства учителямъ, окончившимъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній. По поводу сейма появилась брошюра, приписываемая С-му: «Katechizm o tajemnicash Rządu Polskiego». Находясь въ Варшавѣ, онъ вмѣстѣ съ Тадеушомъ Чацкимъ задумалъ издать географическую карту своего отечества и много поработалъ надъ ея составленіемъ. Но изданіе это не состоялось.

По возвращеніи въ Краковъ, С. принялъ въ свое вѣдѣніе госпиталь Св. Лазаря и отпускаемыя на него суммы точно контролировалъ, не давая употреблять ни на что другое. Между нимъ и краковскимъ епископомъ по этому поводу возникло дѣло, и С. сумѣлъ удержать за академіей ея имущества.

Во время волненій по поводу раздѣла Польши въ 1792 г. С. вынужденъ былъ выѣхать изъ Кракова и поселился въ Пинчовѣ. Профессора въ это время не получали жалованья и пенсій, молодежь оставалась безъ образованія. С. обратился по этому поводу съ письмомъ къ королю Станиславу Августу, но оно осталось безъ послѣдствій. Академія избрала С-го ходатаемъ по своимъ дѣламъ на новомъ сеймѣ въ Гроднѣ. С. хлопоталъ и въ Коммисіи въ Варшавѣ, и въ Гроднѣ и, наконецъ (при помощи примаса Понятовскаго), у самого короля, но безъ результатовъ. Вскорѣ онъ сблизился съ королемъ и, отчасти благодаря его рекомендаціи, наконецъ встрѣтилъ поддержку у русскаго посла Сиверса. С. былъ боленъ, просилъ академію объ увольненіи, но въ концѣ концовъ всетаки остался, и только благодаря ему взамѣнъ первоначальнаго былъ составленъ новый проектъ, между прочимъ, обезпечивавшій за академіей всѣ ея имѣнія не только въ Польшѣ, но и въ Литвѣ. Онъ нигдѣ не выставилъ своего имени, отказался отъ наградъ со стороны короля и даже на время уѣхалъ съ нимъ изъ Гродно, между тѣмъ какъ неожиданный новый проектъ поднялъ шумъ на сеймѣ. Проектъ былъ утвержденъ, и сеймъ закрылся. Тогда С. поѣхалъ въ Краковъ, гдѣ былъ избранъ почетнымъ членомъ академіи.

Во время движенія Костюшки, въ 1794 г., С., выбранный комиссаромъ, взялъ на себя заботу о пріемѣ охотниковъ въ войско и доставленіи провіанта и денегъ въ Варшаву. Послѣ сдачи Кракова пруссакамъ С. долженъ былъ бѣжать въ Кальварію. Отъ страшнаго потрясенія онъ въ одну ночь посѣдѣлъ. Послѣ многихъ треволненій С. пріѣхалъ въ Живецъ къ своимъ друзьямъ Велепольскимъ, гдѣ жилъ въ теченіе года. Здѣсь онъ началъ работать надъ своей «Географіей», которую считалъ своимъ лучшимъ трудомъ. Приговоренный пруссаками къ временному изгнанію изъ Кракова, онъ только благодаря своимъ связямъ вернулся туда въ 1795 г. и даже уладилъ отношенія академіи съ прусскимъ правительствомъ. Въ 1796 г., во время осады Кракова австрійцами, онъ велъ переговоры отъ лица академіи. Онъ же (вмѣстѣ съ Богутецкимъ) былъ посланъ къ императору Францу ходатайствовать на сеймѣ объ уставѣ для академіи, объ улучшеніи школъ и т. д. Его близость со Станиславомъ Августомъ много способствовала положительному рѣшенію дѣла на австрійскомъ сеймѣ; но

для этого С. нѣсколько лѣтъ жилъ въ Вѣнѣ. Между прочимъ, онъ работалъ тамъ въ обсерваторіи, поддерживая письменныя и личныя сношенія съ ученымъ міромъ; въ это время получилъ отъ астрономическаго бюро приглашеніе участвовать въ журналѣ «Connaissance des temps», вступилъ въ число членовъ Товарищества двадцати четырехъ астрономовъ Европы; вмѣстѣ съ бар. Захомъ занимался наблюденіями надъ планетой Ceres. Въ 1800 г. С. былъ избранъ членомъ открытаго тогда въ Варшавѣ «Towarzystwa przyjaciół nauk». На тему, предложенную Товариществомъ, онъ написалъ свою большую работу о Коперникѣ, которую самъ перевелъ на латинскій языкъ. Цѣлью работы было, главнымъ образомъ, изложеніе теоріи Коперника и указаніе ея всемірнаго значенія. Въ это время С-му предлагали мѣста и въ Польшѣ, и заграницей; наконецъ Почобутъ выразилъ желаніе передать ему ректорство Виленскаго университета. С. отъ всего отказался. Онъ хотѣлъ остаться въ Краковѣ. Но вскорѣ ему пришлось оставить и академію. Въ 1802 г. онъ вышелъ въ отставку и отправился въ Дрезденъ. Авторъ біографіи Коперника встрѣтилъ заграницей самый лестный пріемъ. Въ это время онъ получилъ изъ Россіи предложеніе составить проектъ реформъ присоединенныхъ къ ней школъ, но отказался. Пробывъ нѣкоторое время въ Парижѣ, С. совершилъ второе путешествіе въ Голландію. Вернувшись оттуда опять въ Парижъ, онъ покинулъ его для Италіи и въ ноябрѣ 1804 г. былъ въ Миланѣ. Возвратясь въ Краковъ въ маѣ 1805 г., онъ вмѣстѣ съ письмомъ Чацкаго, предлагавшаго ему завѣдываніе Кременецкой обсерваторіей, нашелъ здѣсь письмо Чарторижскаго, предлагавшаго ему мѣсто астронома и ректора Виленскаго университета. Послѣ долгихъ уговоровъ друзей и видныхъ польскихъ дѣятелей, утомленный и больной С. согласился взять на себя ректорство, бывшее тяжкимъ бременемъ въ тѣ трудные годы (1807—1815).

Занявъ мѣсто Стройновскаго, С., избранный 8 ноября 1806 г., обновилъ Виленскій университетъ. Какъ сотрудникъ князя Чарторижскаго, онъ неуклонно шелъ къ намѣченной цѣли. Ясно видя причины упадка Польши, С. всѣми силами стремился поднять университетъ. Уже въ началѣ своей ректорской дѣятельности онъ приступилъ, вмѣстѣ съ Чацкимъ, къ переработкѣ университетскаго устава. 21 іюля 1807 г. послѣдній былъ уже утвержденъ, вмѣстѣ съ проектомъ школьной реформы. Среди профессоровъ С. стремился примирить партіи, среди студентовъ—поднять нравственность и религіозность. Въ противоположность Чацкому, развитіе среди нихъ политическихъ идей онъ считалъ излишнимъ. Онъ основываетъ новыя каѳедры (теологіи, хирургіи); устраиваетъ ботаническій садъ, лабораторіи, кабинеты; поднимаетъ изученіе новыхъ языковъ; въ первые же годы развиваетъ изученіе древнихъ языковъ и литературъ; поощряетъ литературныя занятія среди студентовъ (впрочемъ, въ рамкахъ классицизма). С. расширяетъ также дѣятельность университета, реформируя старыя и открывая въ округѣ новыя школы и гимназіи (въ Винницѣ, Витебскѣ, Могилевѣ). Его же стараніями къ университету отходятъ школы, предоставленныя монастырямъ, и С. самыми рѣшительными мѣрами достигаетъ искорененія монастырской системы воспитанія. Александръ I, по ходатайству С-го, предоставивъ особый капиталъ университету, обратилъ въ его собственность и имѣнія іезуитовъ; но за ними остались школы въ Бѣлоруссіи; они не могли примириться со взглядами С-го, и впослѣдствіи борьба между ними обострилась.

Въ 1810 г. окончилось первое трехлѣтіе ректорства С-го. Избранный снова, онъ помогъ университету пережить тяжелую эпоху войны съ Наполеономъ. Между прочимъ, онъ уберегъ отъ расхищенія университетскія имущества, спасъ казну университета и ради него лично имѣлъ дѣло съ Наполеономъ. Въ это же время интриги противъ С-го продолжались какъ со стороны іезуитовъ, такъ и со стороны нѣкоторыхъ враждебныхъ ему профессоровъ. Іезуиты торжествовали со времени переименованія Полоцкой іезуитской коллегіи въ академію іезуитскаго ордена (12 января 1812 г.). Ко всему этому въ 1813 г. С-го постигли тяжкія личныя огорченія (смерть Коллонтая и Чацкаго). Наконецъ, онъ заболѣлъ и въ 1815 г. оставилъ ректорство и на время уѣхалъ

Поддерживая свои сношенія съ учеными, а съ 1807 г.—и съ С.-Петербургской обсерваторіей, С. до конца не оставлялъ своихъ занятій и наблюденій по астрономіи. Отдыхая отъ пережитыхъ тревогъ, онъ занимался нѣмецкой литературой и философіей, главнымъ образомъ Кантомъ, къ которому, впрочемъ, относился отрицательно.—Оставаясь въ коммиссіи по народному образованію, онъ въ 1820 г. участвовалъ въ выборахъ новаго ректора и еще нѣсколько лѣтъ читалъ лекціи. 15 марта 1824 г. онъ окончательно вышелъ въ отставку. Въ это время онъ уже жалуется на непониманіе его со стороны молодежи. Оставивъ службу, С. нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Вильнѣ, а затѣмъ переселился въ Яшуны, имѣніе своей невѣстки (Балинской), гдѣ, навѣщаемый друзьями (между прочимъ—Мицкевичемъ) и прожилъ до самой смерти, послѣдовавшей въ сентябрѣ 1830 г.

Труды И. А. Снядецкаго. По метеорологіи. Meteorologia, «Dziennik wileński» 1816. I. 65. Rok meteorologiczny w Wilnie «Dziennik. wil.» 1817. I. 1. 1818. I. 1. 1819. I. 1. 1820. I. 1. 1821. I. 70. 1822. I. 89.

По геометріи: Предисловіе къ 1-му изданію работы Józef'a Czech'a: Euklidesa początków geometryi xiąg ośmioro i t. d. Wilno 1807.—Trygonometrya kulista analitycznie wyłożona Wilno. 1817.—Trygonometrya kuiesta, dzieło przystosowane do rozmiaru ziemi i do zadań astronomicznych. Wilno 1820. — O Józefie Ludurku Lagrange, pierwszym geometrze naszego wèku. «Dzien. wil». 1815. II 479, 641. Uwagi nad recenzyą Trygonomearyi Kulistej, umieszczoną w «Pamiętniku wtrszawskim» na miesiąc grudzień rok 1817. «Pam. warsz». 1818 luty 166.

По алгебрѣ: Rachunku algebraicznego teorya przystosowana do linij krzywych. Krakow. 1783 t. I II. — Prospekt dzieła pod tytulem: Bachunku algebraicznego teorya. O rozumowaniu rachunkowem. Rzecz czytana na sessyi literackiej Imperatorskiego wileńskiego Uniwersytetu 15 Kwietnia 1818. «Dzien. wil» 1818. I. 348. Rozbiór Krytyczny dzieł Paschalisa Poullin: Teorya przecięc ostrokręgowych. «Dzienn wil.» 1815 I, 578. Dodatek do karty 25 na początku 8 IV Algebry Sniadeckiego s. a.

По теоріи вѣроятностей: O rachunku losów. Rzecz czytana na sessyi literackiej Uniwersytetu wileńskiego. 15 listopada 1817. «Pisma rosmaite» III. 339. O początkach i wzoście rachunkow prawdopodobieństw. Wilno. 1828.

По архитектурѣ: Architektura Sebastyana hr. Sierakowskiego. Rozbiór Krytyczny. Dzienn. wil.» 1815. I. 90. 182.

По астрономіи: Obserwacie astronomiczne robione w Krakowie «RosznikiT. P. №» I. 462. O obserwacyach astronomicznych. Dysertacya czytana w posiedzeniu publicznem Towarzystwa Prsyjaciół Nauk dnia 15 maja 1802. «Roczniki T. P. N.». I 432 Toż «Pamiętnik Lwowski», 1816. O nowej planecie Cererze, położonej między Marsem i Jowiszem. «Nowy pamięt warszaw». 1802. Maj. O nowym planecie położonym między Marsem i Jowiszem postrzeżonym nasamprzód w Sycylii 1801 roku dnia 1 stycznia, przez Jana Sniadeckiego w Krakowie zaś 28 lutego 1802». Rocznik T. P. N. I 506. O nowej ruchomej gwiaździe na niebie odkrytej w końcu marca roku biegącego (1802) i nazwanej Pallas przez swego wynalazcę. «Rocznik T. P. N.» I 520. O Koperniku. Warszawa. 1802. Toż «Rocznik T. P. N. II. 83.

По географіи: O mappie Krajowej 1790. Geografia czyli opisanie matematyczne i fizyczne ziemi, Warszawa 1804 I wyd. Wilno 1809 II wyd 1818 r. wyd. III.

По философіи: O filozofii. Rzecz czytana na sesyi literackiej Uniwersytetu wileńskiego d. 15/27 Kwietnia 1819 «Dziennik wil». 1819, VII. Przydatek do pisma o filozofii. Rzecz czytana na sesyi literackiej cesarskiego Uniwersytetu wileńskiego d. 15 maja 1820. «Dzien wil». 1820. O loice i retoryce. «Pisma rozmaite» III, 185. O metafizyce. «Pisma rozmaite». II 333. Przemowa. Czytana na sesyliterackiej Uniwersytetu d. 15/27 pardzier nika 1821. Filozofia umysłu ludzkiego czyli rozważny wywód sił i działań umysłowych. «Pisme rosmaite» IV. Wilno 1822. Nowa filozofia w szkole francuskiéj, jej tres'c i porządek, uwagi nad nią. «Pisma rosmaite» IV Wtlno 1822. Treśc nauki Arystotelesa i dawnych dialektykow o sylegizmie Pisma rosmaite IV, Wilno, 1822. Pisma o filozofii Kanta. Krakow. 1821.

Ему же принадлежатъ:

Pisma rosmaite.—Tom I żywoty uczonych Polaków.—Tom II. Zagajenia i rozprawy w naukach Wilno i Warszawa 1814.—Tom III. Listy i rozmowy w naukach. Wilno 1818.—Tom IV Rozmowy filozoficzne i filozofia umys-

łu ludzkiego. Wilno. 1822. Uwagi tyczące dziejow polskich nad dziełem p. Villers. Tłum. z francuskiego. Warszawa 1823. Zywot literacki Nugona Kołłątaja. Wilno 1814. Zywot uczony i publiczny Marcina Odlanickiego Poczobuta Wilno, 1810. Zywot Piotra hr, Zawadowskiego. Wilno 1814. Mowa o religii. Warszawa 1811. Mowa przy otwarciu noworozporządzonych od przesin, Komisyi edukacyjnej matematycznych nauk miana w Krakowie d. 9 listopada 1781. In laudem Divi Stanislai Casimiritani. Oratio. Kraków, 1776, w 4-ce. Rozprawa na stopień doktorski. Zagajenie sesyi publicznej Uniwersytetu wileńskiego dnia 15 wrzesnia 1810 r., w rocznicę korónacyi Najjaśniejszego Imperatora Aleksandra I przy rozpoczęciu roku szkolnego nauk. Wilno. 1810, Calendarze na rok 1777 i 1778, Kraków.

M. Balinski, Zywot uczony i publicny Jana Sniàdeckiègo» T. I—Warszawa, 1839. Iósef Paszkowski, «Jan Sniadeski» (poglad filozofizny)—«Pielgrzym» 1841. M. Balinski, «Ian S. i Tadeusz Czaskt. Studia historyczne». Wilno. 1856. M. Balinski, Pamietniki o Ianie S., jego zyciu prywatnem i publicznem i dziejach jego Tom I i II.—Wilno. 1865. A. Skorski, «Filozofia Iana S». Poznań, 1873. Dr. Maurycy Straczewski. Ian S., jego stanowisko w dziejach oswiaty i filozofii w Polsce». Krakow. 1875. Dr. Teofil Ziemba,:«Ian S. na polu filozofii». («Rocznik b. tow. nauk». Krakow, 1877). J. I. Kraszewski, Listy Jana S. w sprawach publicznych odr. 1788 dor. 1830. Oratrzyl wstepemii przypiskami. Poznań. 1878. Dr. A. Skorski, Jan S. w obzk w spotczesnej metafizyki niemieckiej»: Lwow 1890. L. Swiezawski, Jan. S. Jego zycie i dzataenocs naukowa «Z portretem Jana S.(«Zyciorysy stawnych polaków». Nr. 6). Petersburg. 1898. 8o. Józef Bielinski, «Uniwersytet Wileński (1579—1831)». Tom I—II. Kraków 1899—1900. 8° («Fontes eet commentationes historiam scholarum superiorum in Polonia illusrantes». II). «Сборникъ матеріаловъ дль исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія». Т. I—1893; т. II—1897; т. III—1898; т. IV—1901. Особенно введеніе къ IV тому: А. Погодинъ—Виленскій учебный округъ 1803 — 1831 г. Lalande, «Bibliographie astronomique» 1803 Michaud, J.—Biographic universelle. Paris 1811—1862. Rabbe. «Vieillide Boisjolin u Sainte-Preuve.—Biographie universelle et portative des contemporains. Paris, 1836, vol. V. Mädler. J.—«Geschichte der Himmelskunde». 2 vol. Braunschweig. 1873. Brückner, Dr. A.—«Geschichte der Polnischen Litteratur». Leipzig. (»Die Litteraturen des Ostens in Einzeldarstellungen», Band I). Еще смотри: Bent kowski, — «Hist Lit. Polsk». «Astronomische Nachrichten»—XII, 1835, 310. «Kurjer litewski»—1831. «Rocznik Tow. Warsz» P. N., t. 2. «Kosmos»—Zesz XI, roszn XXII, 1897. «Encyklopedyja Powszechna», t. 23. «Брокгаузъ и Ефронъ—Энциклопедическій словарь.

Ю. Верховскій.

Собакины, московскій дворянскій родъ. Его родоначальникомъ считается *Данила Григорьевичъ Собака*, въ 1495 г. вмѣстѣ со своимъ братомъ Семеномъ Нагого перешедшій изъ Твери на службу къ московскому вел. князю Іоанну III; оба они были тверскими боярами. По преданію, прадѣдъ ихъ Ольгердъ Прега, въ крещеніи Дмитрій, въ 1294 г. выѣхалъ изъ Даніи къ вел. кн. Михаилу Ярославичу Тверскому, былъ у него въ боярахъ и женился на родной его сестрѣ, княжнѣ Ярославѣ Ярославовнѣ. Это преданіе, однако, недостовѣрно: судя по лѣтописи, у Михаила Ярославича было только двѣ сестры, неизвѣстныхъ по имени: одна изъ нихъ съ 1282 г. была за кн. Юріемъ Волынскимъ, а другая, будучи дѣвицей, постриглась въ 1291 г. Есть еще другая невѣрность: трудно допустить, чтобы въ теченіе двухъ столѣтій (1294—1495 г.) было только четыре поколѣнія. (Обыкновенно считаютъ въ столѣтіи три поколѣнія; а потому надо полагать, что между родоначальникомъ Собакиныхъ и Даниловй Григорьевичемъ пропущено нѣсколько поколѣній). Въ болѣе старыхъ родословныхъ записяхъ предокъ Собакиныхъ и Нагихъ названъ просто выѣзжимъ «изъ нѣмецъ»; (и пріуроченье его къ Даніи, повидимому, является позднѣйшимъ генеалогическимъ измышленіемъ, какъ то часто бываетъ въ дворянскихъ родословныхъ); а потому можно предполагать, что Собакины и Нагіе происходятъ отъ какого нибудь нѣмецкаго выходца въ Новгородъ, откуда потомки его (при тѣсныхъ отношеніяхъ съ Новгородомъ тверскихъ князей, изъ которыхъ многіе тамъ княжили) могли перейти на службу въ Тверь. (Очевидно лишь одно, что Данила Григ. принадлежалъ къ высшему служилому классу въ Твери и что его пра-правнучка Марѳа Вас. Собакина никакъ не могла быть дочерью *новгородскаго купца*, какъ это сказано у Карамзина и у Соловьева. Эта ошибка произошла оттого, что оба историка не обратили должнаго вниманія на генеалогическія подробности).

Наиболѣе выдающимися представителями рода С-ныхъ были слѣдующія лица.

Алексѣй Афанасьевичъ, въ 1658 г. стольникъ царицы Марьи Ильиничны, въ 1683—86 г.г. воевода въ Вяткѣ. Въ

1690 г. по извѣту человѣка боярина кн. Андрея Ив. Голицына возникло дѣло о непочтительныхъ разговорахъ про Царское Величество, которые были ведены кн. Голицынымъ, его тещей боярыней Акулиной Аѳанасьевной Хитрово, рожденной С-ной, и братьями боярыни, стольниками Степаномъ и Алексѣемъ Аѳанасьевичами С-ми. Вслѣдствіе этого всѣ они подверглись опалѣ. Указано было у братьевъ С-хъ отнять стольничество и написать ихъ въ дѣти боярскія по послѣднему городу, и сослать въ деревню до указа Великихъ Государей. Опала была непродолжительна. 26 декабря 1691 г. званіе стольника было имъ возвращено.

Р. Р. С., 2-е изд., с. 230.—Акты ист., V, с. 241.—Доп. къ акт. ист., VIII, с. 100; X. с. 31.—А. А. Э., IV, с. 434—436.—С. Г. Г. и Д.; IV, с. 655.—Оп. Арх. Мин. Юст., I, № 1721.—Туманскій «О жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго». СПБ. 1787 г., ч. VII, с. 109.

Василій (Богданъ) Степановичъ, средній, сынъ Степана Васильевича, отецъ Мареы Васильевны, третьей жены Іоанна Грознаго. У Степана Васильевича было три сына Василія, которые для отличія назвались «большой», «средній» и «меньшой». Что отцомъ царицы былъ именно «средній» Василій, доказываетъ слѣдующая запись «Новгородской Лѣтописи»: «Да той же осени (1572 г.), мѣсяца октября 28, въ недѣлю послѣ Дмитріева дни въ первую, женился царь православный на третьей царицы Мароы у Богдана у Собаки». Странно, что въ послужномъ боярскомъ спискѣ, помѣщенномъ въ Др. Рос. Вивл. Новикова, Вас. Степ. *средній* совсѣмъ не значится. Въ этомъ послужномъ спискѣ сказано, что въ годъ свадьбы царя Ивана Васильевича съ Мареой Вас. Собакиной боярство получилъ Вас. Степ. *большой*, а братья его (дяди царицы) Григ. Степ. и Вас. Степ. *меньшой* пожалованы чиномъ окольничаго. Можно предполагать, что въ годъ свадьбы царя Ивана Васильевича тестя его Василія Степановича *средняго* не было уже въ живыхъ.

Р. Р. С., II, 2-е изд., с. 228.—Др. Рос. Вивл., XIII, с. 88; XX, с. 52—54.—Новгородскія Лѣтописи. СПБ. 1879 г., т. II, ст. 107.—Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., IX.

Василій Степановичъ меньшой, въ монашествѣ *Варлаамъ*, ум. 1574 г. Въ 1571 г., передъ свадьбой царя Ивана Васильевича съ родной его племянницей Мареой Васильевной Собакиной, пожалованъ въ окольничіе. Въ 1572 г. участвовалъ во второмъ походѣ царя въ Новгородъ. Неизвѣстно, что побудило его принять монашество и въ какой монастырь онъ первоначально поступилъ. Можно только предполагать, что постриженіе его было добровольное и что онъ былъ отправленъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь Іоанномъ Грознымъ для ближайшаго наблюденія за инокомъ Іоной Шереметевымъ (въ міру Иванъ Васильевичъ большой). Единственнымъ источникомъ краткихъ свѣдѣній о Варлаамѣ служитъ посланіе Іоанна Грознаго къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Козмѣ, написанное, по справедливому мнѣнію А. П. Барсукова, не въ 1578 г., а между весною 1574 г. и весною 1575 г. Какъ видно изъ этого посланія, монастырская братія уважала Шереметева и не благоволила къ С-ну, и между Ш-мъ и С-мъ возобновились недружелюбныя отношенія, существовавшія уже раньше въ міру. Вѣроятно Варлаамъ позволялъ себѣ отступленія отъ монастырскихъ правилъ, и объ этомъ было доведено до свѣдѣнія царя, потому что онъ приказалъ «про его безчиніе посмирити, по монастырскому чину». Между тѣмъ три племянника Варлаама (сыновья его братьевъ), жившіе въ Москвѣ, пожаловались царю, что дядя ихъ терпитъ изъ-за Шереметева разныя притѣсненія отъ монастырской братіи. Царь приказалъ было отозвать Варлаама въ Москву, чтобы лично отъ него узнать, за что у нихъ съ Шереметевымъ вражда; но приказаніе это было отмѣнено по случаю похода въ Ливонію въ 1573 г. По окончаніи похода инокъ Варлаамъ былъ вызванъ въ Москву особою «злокозненною грамотою», написанною его племянниками «отъ имени царя». Грамота эта повидимому напугала братію Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, и С. былъ высланъ въ сопровожденіи старца Антонія, который явился къ царю съ «поминками», т. е. подарками отъ братіи. Когда царь сталъ распрашивать Варлаама, онъ, какъ сказано въ Посланіи, «заговорилъ вздорную, на васъ (т. е. иноковъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря) доводити учялъ, что будто вы про насъ негораздо говорите, съ укоризною; и азъ на то плюнулъ, и

его бранилъ; и онъ уродствуетъ, а сказывается правъ. И язъ его спрашивалъ о его жительствѣ, и онъ заговорилъ не вѣсть что, нетокмо что не знаючи иноческаго житія или платья, и онъ и того не вѣдаетъ, что на семъ свѣтѣ есть чернецы, да хочетъ жити и чести себѣ, по тому жъ, какъ въ міру.... А той самъ за свою душу отвѣщаетъ, коли не пщетъ своей души спасенія. А къ вамъ есмя его не послали, воистину потому: не хотя себя кручинити, а васъ волновати; а ему добрѣ хотѣлось къ вамъ; а онъ мужикъ очюнной, вретъ и самъ не вѣдаетъ что... Варлааму есмя не повѣрили ни въ чемъ». Гдѣ жилъ Варлаамъ по прибытіи въ Москву изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря—неизвѣстно; мы знаемъ только, что онъ умеръ въ 1574 г.

Р. Р. С., II, 2-е изд. с. 228.—Др. Рос. Вивл., XIII, с. 98; XIV, 317; XX, 52, 54.—Акты ист., I, с. 372—395.—Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., IX.—Барсуковъ, А. П., Родъ Шереметевыхъ. I, с. 323—324.

Калистъ (Калиникъ) Васильевичъ, ум. въ 1574 г., родной братъ царицы Маѳы Васильевны, третьей жены Іоанна Грознаго. Въ 1571 г. на свадьбѣ Іоанна съ Маѳой Васильевной, Калистъ Вас. былъ вторымъ дружкой, а жена его Софья—свахой; на другой день онъ былъ приставленъ къ мыльнѣ. Въ 1572 г., во время новгородскаго похода царя Ивана Васильевича, С. былъ рындой съ сулицею. Въ 1573 г. онъ участвовалъ въ ливонскомъ походѣ и слѣдовалъ за царемъ Ив. Вас. и царевичемъ Ив. Ив., «съ шеломомъ». По возвращеніи изъ похода пожалованъ въ кравчіе и въ 1574 г. казненъ. Г. Фр. Миллеръ говоритъ по этому поводу: «Страшно было кравчимъ быть при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, столь склонномъ къ подозрѣніямъ въ вѣрности: съ 1565 по 1574 гг. казнены сряду три кравчихъ, а именно: кн. Петръ Ив. Горенскій, Ѳед. Алексѣев. Басмановъ, Калистъ Вас. Собакинъ». Имя Калиста Вас. (Калиникъ) записано въ Синодикѣ.

Р. Р. С., 2-е изд. II, с. 228—229.—Др. Р. Вивл., т. т. XIII и XX.—Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., IX.—Устряловъ, Сказанія кн. Курбскаго, с. 390.—Щербатовъ, VIII, 350.—Голиковъ. XIII, 207.

Никифоръ Сергѣевичъ, ум. въ 1656 г.; имя его впервые встрѣчается въ 1627 г., когда царица Евдокія Лукьяновна пожаловала ему соболь на шапку. Такое милостивое вниманіе царицы объясняется близостью къ ней матери Никифора Сергѣевича,—Ульяны Степановны, и его жены, имя и дѣвическая фамилія которой неизвѣстны. Ульяна Степановна, овдовѣвъ въ 1625 г., вскорѣ попала ко двору, и въ 1628 г. занимала при царицѣ Евдокіи Лукьяновнѣ отвѣтственную должность кравчей, а затѣмъ была мамой царевича Алексѣя Михайловича и царевенъ. Жена Н. С. значилась въ спискѣ пріѣзжихъ боярынь царицы Евдокіи Лукьяновны. Въ 1629—31 г.г. С. былъ воеводой въ Курскѣ и получилъ царскія грамоты. 12 января 1634 г. царь Михаилъ Ѳеод. принималъ въ Золотой подписной палатѣ шведскаго посла Якова Руселя, а послѣ пріема посалъ къ нему С-на со своимъ государевымъ жалованьемъ «съ ѣствою и съ питьемъ». Въ томъ же 1634 г. С. былъ посланъ въ Боровскъ освѣдомиться, дѣйствительно-ли нездоровъ кн. Ѳед. Сем. Куракинъ, сказавшійся больнымъ. 22 августа 1634 г. ѣздилъ «со столомъ» отъ царя къ голштинскимъ посламъ. Въ 1635 г. былъ при пріемѣ царемъ литовскаго посла Александра Песочинскаго и при пріемѣ кизильбашскаго посла. Во время поѣздокъ царя на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь и въ Московскій Новодѣвичій монастырь находился въ числѣ сопровождавшихъ его лицъ. Въ 1645 г. С. пожалованъ изъ стольниковъ въ окольничіе и въ тотъ же день обѣдалъ за царскимъ столомъ: два мѣсяца спустя, при поѣздкѣ царя на богомолье, былъ «передъ государемъ по станамъ», т. е. приготовлялъ путь царю. Въ 1646 г. сопровождалъ царя Алексѣя Мих. въ Новодѣвичій монастырь и обѣдалъ тамъ за царскимъ столомъ. Осенью того же года объявлялъ государю польскаго посланника Юрія Ирича, отправлявшагося съ посольствомъ въ Кизильбаши. Въ 1647 г., марта 14, С. назначенъ воеводой во Псковъ. Сохранились довольно подробныя свѣдѣнія о бунтѣ, происшедшемъ при немъ во Псковѣ въ 1650 г. С. былъ отозванъ въ Москву и 25 марта на смѣну ему пріѣхалъ изъ Москвы другой воевода, окольничій кн. Вас. Петр. Львовъ. Сдавши ему городъ, С. хотѣлъ уѣхать, но псковичи не пустили его, говоря: «Когда воротятся по здорову наши челобитчики изъ Москвы, тогда тебя и

отпустимъ». Этимъ дѣло не кончилось: кн. Львовъ едва не былъ убитъ, а сыновья его и С-на были насильно взяты мятежниками для отсылки въ Москву вмѣстѣ съ ихъ челобитчиками. Въ челобитной, посланной Государю, псковичи жаловались, что С. во время своего воеводства бралъ изъ лавокъ всякіе товары безъ денегъ, а ремесленниковъ заставлялъ работать на себя безплатно. Писали они также, что когда они въ февралѣ просили С-на не отдавать хлѣба шведамъ до государева указа, то онъ грозилъ имъ ссылкою и смертною казнью. Когда 30 марта пріѣхалъ изъ Москвы во Псковъ для розыска окольничій кн. Θ. Θ. Волконскій, то «гилевщики», какъ называли тогда во Псковѣ бунтовщиковъ, послали за С-нымъ, поставили его на чапъ и порывались убить, крича: «Ты писалъ къ государю, что во Псковѣ хлѣбъ дешевъ, такъ мы тебя изъ Пскова не отпустимъ, поживи съ нами на дешевомъ хлѣбѣ». Неизвѣстно, когда именно С. уѣхалъ изъ Пскова, но, какъ видно, онъ оправдался въ глазахъ царя Алексѣя Мих.: осенью 1650 г. и въ 1651 г. С. нѣсколько разъ сопровождалъ царя въ с. Коломенское и на богомолье въ разные монастыри. Въ 1651 г. онъ былъ сборщикомъ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ. Въ день Рождества 1651 г. С. навлекъ на себя царскую опалу за мѣстничество съ кн. Хворостининымъ, но «того жъ дни пожаловалъ Государь окольничаго Никифора Собакина и дѣтей его, Василія и Григорія, по прежнему въ комнату». Въ 1653 г. С. завѣдывалъ наборомъ ратныхъ людей на засѣки, для охраны отъ нападенія татаръ. Въ этомъ же году онъ былъ назначенъ въ Судный Московскій приказъ. Въ 1654 г. объявлялъ царю грузинскаго царевича Николая Давыдовича, а во время похода противъ польскаго короля былъ оставленъ царемъ въ Москвѣ охранять царевенъ.

Р. Р. С., II, 2-е изд., с. 229.—Доп. къ акт. ист., III, 87—92, 133, 136, 241, 266, 268, 269, 510; VI, 414.—Разр. кн. II и III.—Дв. разр., т. т. II и III.—Р. И. Б., X, с. 204, 344.—Акты Моск. госуд. I, с. 258, 265; II, 399.—П. С. З., т. I, ст. 250, 284, 287.—Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царицъ—М. 1872 г., с. 358; прилож., с. 73.—Рождественскій С. В., Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI в. СПБ. 1897 г., с. 228, 229, 231. — Соловьевъ, Исторія Россіи, т. X, с. 169—172, 189—194.

В. Корсакова.

Собко, *Петръ Ивановичъ,* дѣйств. статск. совѣтн., профессоръ Института инженеровъ путей сообщенія и Горнаго института (по теоретической механикѣ), род. въ Кіевѣ 18 мая 1819 г., ум. 14 ноября 1870 г. въ С.-Петербургѣ. Несмотря на ограниченныя средства его матери, онъ былъ помѣщенъ ею въ 1829 г. не въ Дворянскій полкъ, куда онъ былъ зачисленъ, а въ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко, въ третій классъ. Окончивъ въ 1836 г. гимназію, когда она уже была преобразована въ лицей, С., отличавшійся еще въ гимназіи своими способностями къ математикѣ, поступилъ въ Институтъ корпуса путей сообщенія (въ 1837 г.). По окончаніи курса въ іюнѣ 1840 г. онъ былъ произведенъ въ поручики и затѣмъ назначенъ репетиторомъ въ институтѣ по раціональной механикѣ и составленію проектовъ по строительному искусству. Въ 1841 г. онъ напечаталъ въ «Журналѣ Главнаго Управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій» (т. II, кн. 1 и 2, стр. 30 и 92) «Извлеченіе изъ первой и второй публичныхъ лекцій трансцендентнаго анализа, читанныхъ академикомъ Остроградскимъ» и съ этихъ поръ сталъ дѣятельно сотрудничать въ этомъ журналѣ. Въ 1846 г. напечаталъ тамъ же «Проектъ висячаго моста черезъ Неву въ С.-Петербургѣ» (т. III, № 2, стр. 195), составленный имъ въ 1839—1840 г.г. подъ руководствомъ главнаго составителя этого проекта П. И. Кербедза, а вскорѣ затѣмъ издалъ для руководства воспитанниковъ Института путей сообщенія по курсу мостовъ, который онъ сталъ читать съ 1844 г., прекрасный атласъ мостовъ, вышедшій подъ заглавіемъ: «Чертежи курса построеній. Основанія каменныхъ зданій. Мосты». (Спб. 1849). Еще раньше, въ 1843 г. С. сталъ читать въ Горномъ институтѣ лекціи по теоретической механикѣ, которую онъ преподавалъ тамъ въ теченіе 12 лѣтъ до 1855 г., а съ 1846 по 1849 г.г. преподавалъ, кромѣ того, практическую механику и аналитическую геометрію въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Лѣтомъ 1849 и 1850 г.г. онъ предпринялъ вмѣстѣ съ профессоромъ О. С. Сулимою двѣ поѣздки для осмотра различныхъ сооруженій на Маріинской и Тихвинской системахъ, на каналѣ Сайма въ Финляндіи и на Николаевской желѣзной дорогѣ,

собирая матеріалъ для задуманнаго имъ курса строительнаго искусства. На основаніи собранныхъ имъ въ это время замѣтокъ напечатана была имъ вмѣстѣ съ Сулимою статья: «Гидравлическій растворъ, употребляемый при работахъ канала Сайма» («Журн. Главн. Управл. путей сообщ. и публичн. зданій». 1851, № 6, стр. 174). Въ 1854 г. онъ издалъ вмѣстѣ съ инженеромъ В. Глуховымъ «Памятную книжку для инженеровъ и архитекторовъ, или собраніе таблицъ, правилъ и формулъ, относящихся къ математикѣ, физикѣ, геодезіи, строительному искусству и практической механикѣ» (Спб. 1854 г. 16°), имѣвшую огромный успѣхъ, какъ практическая справочная книга, и вышедшую уже послѣ смерти С. вторымъ изданіемъ въ 1872 г. Лѣтомъ 1857 г. онъ предпринялъ путешествіе за границу, гдѣ успѣлъ осмотрѣть различныя замѣчательныя сооруженія и по возвращеніи принялся за составленіе «курса строительнаго искусства», но административная дѣятельность на с.-петербургско-варшавской желѣзной дорогѣ, на которой онъ занялъ должность главнаго инженера службы ремонта пути и зданій, помѣшала изданію этого курса. Въ 1869 г. онъ былъ назначенъ завѣдующимъ службой подвижного состава и тяги на той же дорогѣ и занималъ эту должность до самой смерти. Кромѣ упомянутаго выше курса мостовъ, С. читалъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія еще теорію устройства сооруженій вообще, курсъ дорогъ, обыкновенныхъ и желѣзныхъ (съ 1849 г.) и теорію сопротивленія строительныхъ матеріаловъ, при чемъ для изслѣдованія строительныхъ матеріаловъ по его проекту въ механической лабораторіи были устроены особенно точные приборы.

Печатные труды С.: «Чугунный судоходный мостъ», переводъ съ франц., («Журн. Главн. Упр. Путей Сообщ. и Публичн. Зданій», 1843, кн. 1, стр. 195); «Морской клей» (Тамъ же, 1845, т. II, № 4, стр. 21); «Пародѣйствующій механизмъ для забивки свай, ковки желѣза и ковки камней» (Тамъ же, 1846, № 3, стр. 146); «Механическая формовка гончарныхъ водопроводныхъ трубъ, кирпича, черепицы, изразцовъ и другихъ глиняныхъ издѣлій» (Тамъ же, 1847, № 3, стр. 107); «Историческій взглядъ на гидротехническія сооруженія въ Нидерландахъ» (Тамъ же, 1847, № 5 и 6, стр. 59 и 123; 1848 г. № 1, стр. 1); «Новые опыты надъ сопротивленіемъ воздуха при движеніи поѣздовъ» (Тамъ же, 1848, № 3, стр. 135); «Подъемные мосты» (Тамъ же, 1848, № 4, стр. 1); «Новыя изслѣдованія трубки Пито» (Тамъ же, стр. 70); «Изслѣдованіе расходовъ по движенію на желѣзныхъ дорогахъ» (Тамъ же, 1848, № 6, стр. 188); «Фашинные тюфяки, употребляемые при устройствѣ висячаго моста на Днѣпрѣ въ Кіевѣ» (Тамъ же, 1849, № 6, стр. 157); «Программа механики для II спеціальнаго курса военно-учебныхъ заведеній» (Спб. 1849. 8°). Издана Собко вмѣстѣ съ Остроградскимъ; «Теорія сопротивленія строительныхъ матеріаловъ» («Журн. Главн. Управл. Путей Сообщ. и Публичн. Зданій», 1850, т. XI № 1 и 2, стр. 27 и 73. Также отдѣльно. Спб. 1851. 8°); «Трубчатые мосты Конуэйскій и Британскій на Честеръ-Голигедской желѣзной дорогѣ, въ Англіи» (Тамъ же, т. XII, № 5, стр. 85); «Изслѣдованіе вопроса объ употребленіи желѣза въ сооруженіяхъ на желѣзныхъ дорогахъ» (Тамъ же, 1851, т. XIII, № 1, стр. 10); «Устройство дока въ Грэтъ-Гримсби» (Тамъ же, 1851, № 4, стр. 1); «Винтовыя сваи и якоря» (Тамъ же, 1851, № 6, стр. 141); «Предѣлъ безопаснаго существованія висячихъ мостовъ на проволочныхъ канатахъ» (Тамъ же, 1852, № 4, стр. 44); «Устойчивость деревянныхъ и металлическихъ мостовъ арочной системы. Разборъ системы Кулибина» (Тамъ же, т. XVIII, № 5, стр. 77); «Формулы для разсчета зубчатыхъ колесъ цилиндрическихъ. Формулы и примѣръ для разсчета колеса Понсле» (Спб. 1854); «Результаты опытовъ надъ механическимъ сопротивленіемъ камней, которые предполагается употребить въ Севастополѣ при сооруженіи памятниковъ адмираламъ» (Тамъ же, 1858, № 5, стр. 234.); «Нѣсколько словъ о компаніи русской лѣсной торговли» («Спб. Вѣдом.» 1858, № 72, и отдѣльно Спб. 1858); «Замѣтка на статьи г. инженера Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ, помѣщенныя въ «Journal de St. Pétersbourg» (Тамъ же, 1860, № 106 и отдѣльно Спб. 1860. 8°); «Одессо-Кіево-Курская желѣзная дорога. Инструкція для производства полевыхъ работъ,

относящихся къ опредѣленію вида поверхности земли и рода верхняго слоя, для составленія предварительнаго проекта» (Спб. 1859. 8°); «Положеніе о техникахъ, производящихъ изысканія для составленія предварительнаго проекта» (Спб. 1859. 8°); «О необходимости описанія замѣчательныхъ работъ, исполненныхъ въ Россіи» («Журн. Главн. Управл. Путей Сообщ. и Публичн. Зданій», 1861, № 4, стр. 95); «Программа данныхъ, относящихся къ опредѣленію отверстій трубъ и небольшихъ мостовъ» (Тамъ же, стр. 111); «Гельсингфорсо-Тавастгусская дорога» (Тамъ же, 1861, № 5, стр. 1); «О препятствіяхъ къ движенію на иностранныхъ желѣзныхъ дорогахъ отъ снѣжныхъ заносовъ» («Записки Русскаго Технич. Общества», 1868, № 6, стр. 357); «Бетонъ Ксанье, привилегированный во Франціи, Россіи, Англіи, Италіи и другихъ странахъ» (Спб. 1868. 12°). Кромѣ этихъ статей, имъ напечатанъ еще цѣлый рядъ критическихъ разборовъ иностранныхъ техническихъ книгъ.

Статья Д. Журавскаго въ книгѣ: «Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко» (Спб. 1881), стр. 457—460. LXXVI—LXXIX и CXL.—С. М. Житковъ. Біографіи инженеровъ путей сообщенія, вып. II (Спб. 1893), стр. 2, 80—85.—Его же, Институтъ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I (Спб. 1899), стр. 88, 111, 137, 140, 142—147. — «Русск. Архивъ», 1872 г., № 10, стр. 1984.—Списокъ лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I (Спб. 1883), стр. 44.—Систематич. указатель къ «Журналу путей сообщенія» за 1826—1865 г. (Спб. 1866).

П. Гуревичъ.

Соболева, *Софья Павловна,* писательница (писала подъ псевдонимомъ «В. Самойловичъ»), умерла въ Петербургѣ 27 октября 1884 г., родилась въ Шлиссельбургѣ, гдѣ ея отецъ строилъ шлюзы, и до восьми лѣтъ обучалась дома, а на девятомъ году поступила на полный пансіонъ къ г-жѣ Камератъ, которую впослѣдствіи всегда вспоминала съ любовью и уваженіемъ. Рано выйдя замужъ, С. испытала всѣ страданія неудачнаго брака и, принужденная разойтись съ мужемъ, посвятила себя труду воспитанія дѣтей. Получая ничтожный гонораръ за уроки и незначительный доходъ отъ изданныхъ ею нѣсколькихъ книжекъ для дѣтей, С. часто отказывала себѣ въ необходимомъ, но находила возможность помогать нуждамъ дѣтей, которыхъ беззавѣтно любила. Она не только обучала многихъ дѣтей безплатно и хлопотала о бѣдныхъ, но нерѣдко платила въ учебныя заведенія за ихъ обученіе, дѣлала имъ платье, покупала книги или игрушки. Умерла С. почти въ нищетѣ. Свою литературную дѣятельность она начала въ «Пантеонѣ», въ которомъ помѣстила свои первыя повѣсти; затѣмъ она сотрудничала въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ», «Русскомъ Словѣ», «Современникѣ» и одно время въ «Петербургскомъ Листкѣ». Изъ произведеній этого періода литературной дѣятельности С-вой назовемъ: «Еще разбитое сердце!..», повѣсть («Библіотека для Чтенія» 1862 г., кн. 10 и 11), «Pro и contra», мечты и думы надворной совѣтницы Лисицыной («Отечественныя Записки 1863 г., кн. 6), «Безвыходное положеніе», повѣсть («Русское Слово» 1864 г., кн. 2 и 3), «Доброе старое время», повѣсть («Русское Слово» 1865 г., кн. 4 и 5), «Исторія Поли», повѣсть («Современникъ» 1866 г., кн. 3). Съ 1867 г. С. посвятила себя почти исключительно дѣтской литературѣ, въ которой вскорѣ заняла одно изъ первыхъ мѣстъ, благодаря интересу, задушевности и художественной формѣ своихъ разсказовъ. Кромѣ «Дѣтскаго Чтенія» С. была сотрудницей «Семейныхъ вечеровъ», «Родника» и «Задушевнаго слова». Помимо произведеній, помѣщенныхъ въ этихъ журналахъ (напр. «Мельница на Флосѣ», по роману Джоржа Элліота, «Дѣтское Чтеніе» 1878 г., кн. 7 и 8; «Сантиметръ», тамъ же, кн. 6; «Старуха», тамъ же, кн. 7), С. издала нѣсколько отдѣльныхъ сборниковъ своихъ произведеній для дѣтей, напр., «На память стараго года», повѣсти и разсказы (С.-Петербургъ, 1874 г). Въ 1874 г. С. издала въ Петербургѣ «Очерки современнаго Египта», по роману Абу: «Феллахъ Ахметъ». Уже послѣ ея смерти, въ 1885 г., изданъ сборникъ, въ который вошла часть ея дѣтскихъ разсказовъ, подъ названіемъ «Какъ поживешь, такъ и прослывешь». Въ 1893 г. Девріеномъ въ Петербургѣ изданы «Девять разсказовъ для дѣтскаго чтенія» С-вой, съ рисунками академика барона М. Клодта. Изъ посмертныхъ дѣтскихъ разсказовъ С. назовемъ: «Маленькая нормандка» («Родникъ» 1890 г., кн. 8) и «Философъ въ клѣткѣ» («Родникъ»).

А. Кругловъ, «Другъ маленькихъ дѣтей» («Еженедѣльное Обозрѣніе» 1885 г., № 64, стр. 265—266).—Некрологъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1884 г., № 12).—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», выпуски 4, 5, 6, 7 и 8.—«Кохановская и Самойловичъ» («Женское Образованіе» 1885 г., Январь, стр. 87—90).—«Новь» 1888 г., кн. 7, стр. 160—161).

Вл. Грековъ.

Соболевскій, *Владиміръ Петровичъ*, тайный совѣтникъ, инженеръ путей сообщенія, директоръ Института инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I, род. 21 іюня 1809 г., ум. въ С.-Петербургѣ 20 декабря 1882 г. Сынъ извѣстнаго горнаго инженера Петра Григорьевича С-го, онъ на 15-мъ году поступилъ въ Военностроительное училище и, по окончаніи курса въ немъ, произведенъ былъ по экзамену въ инженеры путей сообщенія (1828 г.). Какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, былъ принятъ затѣмъ на высшіе курсы Института путей сообщенія. Произведенный по окончаніи курса въ Институтѣ (1830 г.) въ инженеръ-поручики, онъ сначала былъ назначенъ на работы строившихся тогда шлиссельбургскихъ шлюзовъ, а затѣмъ получилъ должность репетитора при Институтѣ путей сообщенія. Вскорѣ онъ также получилъ приглашеніе преподавать естественныя науки въ 1-мъ и 2-мъ кадетскихъ корпусахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1836 г. занялъ въ Институтѣ каѳедру минералогіи, а 3 февраля 1849 г. главноуправляющій путями сообщенія графъ П. А. Клейнмихель назначилъ его инспекторомъ классовъ въ Институтѣ, по указанію Я. И. Ростовцева, который, завѣдуя всѣми военно-учебными заведеніями, успѣлъ оцѣнить С-го, какъ преподавателя во 2-мъ корпусѣ. Въ 1856 г. С-му было поручено отправиться за границу для осмотра спеціальныхъ учебныхъ заведеній, а 20 ноября 1861 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Института путей сообщенія. Въ слѣдующемъ году онъ предложилъ преобразовать Институтъ въ открытое учебное заведеніе, и по одобреніи этого предложенія принималъ дѣятельное участіе въ выработкѣ положенія о коренномъ преобразованіи Института, что совершилось однако только въ 1864 г. Во время своего управленія Институтомъ, С. много заботился о расширеніи и улучшеніи въ немъ постановки учебнаго дѣла. Онъ обогатилъ запущенный институтскій музей многими моделями, хранившимися до тѣхъ поръ въ Академіи Наукъ, Эрмитажѣ и другихъ мѣстахъ, и устроилъ при Институтѣ химическую и механическую лабораторіи. Особенно же онъ заботился о расширеніи институтской библіотеки, постоянно пріобрѣтая для нея цѣнныя сочиненія и манускрипты, такъ что, найдя въ ней всего около 5,000 томовъ, и то почти исключительно на французскомъ языкѣ, онъ довелъ число ихъ до 35,000. Въ 1870 г. С. былъ командированъ для изслѣдованія наивыгоднѣйшаго направленія Уральской желѣзной дороги, а 23 января 1875 г. былъ назначенъ членомъ совѣта Министерства путей сообщенія. Съ 1844 г. до 1872 г. состоялъ также редакторомъ Журнала путей сообщенія. Особенно тяжело было для него редактированіе журнала во время управленія графа П. А. Клейнмихеля. Денегъ за труды не платилось ни редактору, ни его помощникамъ. Редакторъ долженъ былъ вымаливать у своихъ сослуживцевъ для журнала статьи, которыя иногда возвращались изъ кабинета главноуправляющаго разорванными въ клочки. О производящихся въ Россіи работахъ и вовсе было запрещено что-либо печатать. Только при управленіи К. В. Чевкина С-му удалось придать журналу должное значеніе въ технической литературѣ. Не мало напечаталъ С. въ Журналѣ путей сообщенія и своихъ собственныхъ статей, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ. Изъ нихъ слѣдуетъ указать слѣдующія: «Артезіанскіе колодцы» (1832 г., кн. 24); «Средства, служащія къ предупрежденію и уничтоженію фильтрацій въ гидравлическихъ сооруженіяхъ» (1837 г., 1 и 2 томы); Печь для обжиганія известковыхъ камней» (1838 г., т. 1); «Геогностическое обозрѣніе старой Финляндіи и описаніе Рускольскихъ мраморныхъ ломокъ» (1839 г. т. 1); «Новое улучшенное средство употребленія антрацита при проплавкѣ чугуна» (1841 г. т. 1); «Предохраненіе отъ ржавчины желѣза и чугуна посредствомъ цинка» (1845 г., т. 1); «Изслѣдованіе о выборѣ мѣста для заложенія артезіанскихъ колодцевъ» (тамъ же); «Проектъ соединенія Тихаго океана съ Атланти-

ческимъ посредствомъ канала черезъ Панамскій перешеекъ (1846 г., т. 4); «Освѣщеніе газомъ» (тамъ же); «Известь и ея употребленіе въ строительномъ искусствѣ» (1848 г., т. 8); «Пуцоллана невулканическаго происхожденія» (1848 г., т. 7); «Замѣтка о металлахъ и сплавахъ, употребляемыхъ въ строительномъ искусствѣ» (1851 г., т. 13 и 14); «Подвижные спуски при переѣздахъ на англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ» (1853 г., т. 17); «Описаніе паровозовъ, устроенныхъ для Земмерингской дороги» (тамъ же); «Мостъ черезъ рѣку Кинцигъ» (1853 г., т. 18); «Опыты надъ сопротивленіемъ изгибу деревянныхъ балокъ, скрѣпленныхъ желѣзомъ» (1854 г., т. 19); «Новый способъ раскружаливанія сводовъ» (тамъ же); «Замѣтки о разныхъ работахъ и изслѣдованіяхъ за границей» (1857 г., т. 26); «Спеціальныя учебныя заведенія по строительной части во Франціи, Бельгіи и Пруссіи» (тамъ же); «Свирскій каналъ и работы по улучшенію его узкой части отъ Шуряжскаго колѣна до села Загубья» (1863 г., т. 39).

Житковъ, Институтъ инженеровъ путей сообщенія, стр. 71, 88, 111, 119—120, 127, 150—151, 290—291, 482.—Житковъ, Біографическій словарь инженеровъ путей сообщенія.—В. М. Верховскій, Краткій историческій очеркъ развитія и дѣятельности вѣдомства министерства путей сообщенія за 100 лѣтъ его существованія, 1798—1898 г., стр. 204, 218.—Николаи, Краткія историческія данныя о развитіи мостового дѣла въ Россіи, стр. 44—45.—Е. Соколовъ, 50-лѣтіе Института и корпуса инженеровъ путей сообщенія, стр. 77 (Спб. 1859),—Списокъ лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія съ 1811 по 1882 г. Систематическій указатель къ Журналу Путей Сообщенія за 1826—1875 г.

П. Гуревичъ.

Соболевскій, *Григорій Ѳедоровичъ*, врачъ, профессоръ Медико-Хирургической Академіи, родомъ изъ г. Глухова, род. въ 1741 г., умеръ 4 января 1807 г. Съ 1749-го по 1753 г. онъ былъ придворнымъ пѣвчимъ въ Петербургѣ, затѣмъ поступилъ ученикомъ въ семинарію Троице-Сергіевой лавры и учился тамъ до піитики; въ 1757 г. поступилъ ученикомъ въ Спб. Генеральный сухопутный госпиталь; въ 1758 г. получилъ званіе подлекаря, а 29 апрѣля 1761 г. окончилъ курсъ госпитальнаго училища съ званіемъ лекаря. Научная подготовка, пріобрѣтенная въ Петербургѣ, не удовлетворила его и, получивъ увольненіе изъ училища, онъ тотчасъ-же уѣхалъ за границу, гдѣ учился болѣе 10 лѣтъ въ Парижѣ и Лейденѣ: въ послѣднемъ выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины, представилъ диссертацію и, защитивъ ее, 17 февраля 1775 г. получилъ дипломъ. Лейденскій профессоръ Гаубіусъ написалъ о немъ Императрицѣ Екатеринѣ II письмо, въ которомъ отзывался о немъ съ большой похвалой. Въ томъ-же году С. возвратился въ Петербургъ и экзаменовался въ Медицинской Коллегіи у Тихорскаго, Раушерта и Линдемана; 9 іюня онъ былъ утвержденъ въ ученой степени и получилъ право практики въ Россіи: тотчасъ послѣ этого онъ былъ назначенъ доцентомъ въ оба петербургскихъ госпиталя для преподаванія подлекарямъ и ученикамъ materiae medicae и ботаники, а также для обученія ботаникѣ аптекарскихъ учениковъ. Въ 1779 г. С-му было поручено завѣдывать ботаническимъ садомъ. Въ то же время онъ лечилъ больныхъ въ госпиталяхъ и съ успѣхомъ занимался медицинской практикой. Съ 1775 до 1779 г. С. очень много работалъ въ ботаническомъ саду и въ теченіе этого времени составилъ описаніе флоры Петербурга и его окрестностей. За это сочиненіе, представленное имъ 31 октября 1779 г. въ Медицинскую Коллегію, послѣдняя наградила его въ ноябрѣ того-же года званіемъ профессора ботаники; кромѣ того, она прибавила ему 100 р. къ ежегодному жалованью и дала средства для напечатанія названной работы. Гербарій, собранный С-мъ, былъ купленъ у него Медицинской Коллегіей за 1600 рублей для кабинета С.-Петербургскаго училища; этотъ гербарій состоялъ изъ 2200 растеній. 2 апрѣля 1780 г. С. былъ произведенъ Сенатомъ, по представленію Коллегіи, въ чинъ надворнаго совѣтника. Вскорѣ умеръ докторъ гвардейскихъ полковъ Баллоли; Императрица приказала представить ей кандидатовъ на освободившуюся вакансію; Медицинская Коллегія представила: Аша, Бахерахта, Маттеи, Горголи и С-го, и императрица избрала послѣдняго (15 марта 1782 г.). Въ 1793 г. умеръ профессоръ Тереховскій, и 23 іюня на его мѣсто былъ назначенъ С.; тогда же онъ началъ изданіе своихъ каталоговъ (петербур. фло-

ры). При этомъ ему было поручено читать ботанику и «materiam medicam»; руководствомъ служила ботаника Амбодика, которую С. по истеченіи нѣкоторого времени просилъ замѣнить «Ботаническою философіей» Линнея, переведенною на русскій языкъ Тимофеемъ Смѣловскимъ. По инструкціи Медицинской Коллегіи профессоръ ботаники былъ обязанъ описать на своихъ лекціяхъ и показать студентамъ каждое изъ растеній Ботаническаго сада порознь; это требованіе было до извѣстной степени исполнено, потому что лекціи читались въ теченіе цѣлаго года. Въ лѣтнее время С. дѣлалъ съ студентами экскурсіи для изученія петербургской флоры.

15 мая 1797 г. С. былъ уволенъ, по прошенію, отъ службы въ гвардіи съ пенсіей въ размѣрѣ 1004 р. въ годъ.

Въ 1800 г. онъ вышелъ въ отставку и изъ Академіи, но въ томъ же году вновь занялъ въ ней каѳедру; съ этого времени онъ читалъ только ботанику, а въ 1803 г. окончательно покинулъ академію. С. собралъ въ высшей степени замѣчательныя естественно-историческія коллекціи. Въ 1808 г., послѣ его смерти, у его дѣтей была куплена по Высочайшему повелѣнію за 9800 р. собранная имъ ботаническая коллекція, состоявшая изъ одного собранія въ 4000 сухихъ растеній и другого—въ 2500 растеній и 2000 сѣмянъ. Эта коллекція поступила въ ботаническій кабинетъ. У нихъ же была куплена минералогическая коллекція С-го, состоявшая изъ 500 штуфовъ минераловъ и окаменѣлостей. Для открытой въ 1808 г. каѳедры зоологіи въ 1809 г. была куплена за 1220 р. зоологическая коллекція С-го, состоявшая изъ 180 спиртовыхъ препаратовъ и до 50-ти чучелъ птицъ и, кромѣ того, изъ засушенныхъ рыбъ, 60-ти ящиковъ насѣкомыхъ и 400 раковинъ. Эти предметы составили основаніе зоологическаго музея Академіи. Кромѣ того, С-мъ была собрана библіотека, которая тоже была пріобрѣтена для Академіи у его наслѣдниковъ. Эта библіотека состояла изъ 1500 книгъ, въ числѣ которыхъ было 85 медицинскихъ. Рѣдкія книги были оставлены въ петербургской Академіи, а остальныя отосланы въ ея московское отдѣленіе.

С. напечаталъ: 1) De potiore dicto naturae ad medicinam rationalem, sive qua desquiritur, an medicos naturae potius ad rationalem quam ad empiricam, ducat praxin. Diss. D. M. Leidae 1775,4°, защищ. 17 февр. 2) Appendix ad Floram Ingricam s. catalogus plantarum circa Petropolim crescentium, a Doctore Gr. Sobolewsky, nuper detectarum et secundum ill. Linnaei systema naturae definitarum, quae in Flora Ingrica non reperiuntur Petrop. 1796—99, 4°.

Я. Чистовичъ. Исторія первыхъ медиц. школъ въ Россіи, СПБ. 1883,—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, вып. I. СПБ. 1886, тетр. II. Проф. И. П. Бородинъ, Историч. очеркъ каѳедры ботаники въ Имп. В.-Мед. Акад. СПБ. 1898, стр. 1, 2, 12.—Исторія Имп. В.-Мед. Акад. за 100 л. составл. коммисіей. СПБ. 1898 г. 4°, стр. 91, 120, 195, 204.—Проф. Н. А. Холодковскій, Очеркъ исторіи каѳедры зоологіи и сравнит. анатоміи И. В.-Мед. Акад.; СПБ. 1897 г., 8°, стр. 5.—Архивъ князя Ѳ. А. Куракина т. I, 1890 г., см. алфав. указ.

Н. Кульбинъ.

Соболевскій (Sobolewski), *Игнатій, графъ*, министръ и статсъ-секретарь Царства Польскаго, род. въ 1770 г., умеръ 26 сентября 1846 г. въ Генуѣ. Графъ С. отличался блестящими природными способностями и получилъ прекрасное образованіе. До 1790 г. онъ служилъ въ военной службѣ, а въ 1791 г. былъ секретаремъ польскаго посольства въ Парижѣ. Послѣ раздѣла Польши до 1806 г. оставался внѣ службы. Въ 1806 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ Совѣта Герцогства Варшавскаго, а въ 1811 г. былъ министромъ полиціи. Въ 1813 г. примкнулъ къ французамъ, взятъ былъ въ плѣнъ подъ Лейпцигомъ и привезенъ въ Петербургъ. Въ 1815 г. императоръ Александръ I назначилъ его на должность министра и статсъ-секретаря Царства Польскаго. Когда въ 1820 г. безпорядки на сеймѣ въ Варшавѣ стали принимать большіе размѣры, императоръ Александръ I назначилъ графа С-го, вмѣстѣ съ Новосильцовымъ, «для соглашенія противныхъ сторонъ и для принятія вѣрнѣйшихъ мѣръ къ упроченію благосостоянія Царства Польскаго». Въ 1822 г. С., вслѣдствіе разстройства здоровья, оставилъ занимаемую имъ должность; въ 1825 г. онъ снова вернулся на службу, былъ назначенъ управляющимъ Министерствомъ Юстиціи и состоялъ въ этой должности до 1830 г. Въ этомъ году, чувствуя свое здоровье снова разстроен-

нымъ, съ Высочайшаго разрѣшенія отправился для излеченія въ Италію, гдѣ прожилъ около десяти лѣтъ.

Encyklopedya powszechna. Изд. 1886 г. Warszawa.—Slownik naucny. U. Praze. 1869.—Справочный энциклопедическій словарь Крайия 1855.—«Воспоминанія моей жизни»—записки почетнаго лейбъ-хирурга Д. К. Тарасова. 1792—1866 («Русская Старина» 1871 г., т. IV, стр. 253)—«Podveczna encyklopedya powszechna» Adama Wislickiego. Warszawa. 1901.—Н. К. Шильдеръ, Императоръ Николай I и Польша въ 1825—1831 г.г. («Русская Старина» 1900 г., № 2, стр. 280—281, 287).

Вл. Грековъ.

Соболевскій, *Сергѣй Александровичъ*, библіографъ, библіофилъ и извѣстный въ свое время эпиграмматистъ, род. 10 сентября 1803 г., былъ незаконный сынъ А. Н. Соймонова. Мать С-го, Анна Ивановна Лобкова, рожденная Игнатьева, была родная внучка генералъ-поручика Степана Лукича Игнатьева (ум. 1747), С.-Петербургскаго коменданта временъ императрицъ Анны и Елисаветы. Положеніе С-го, съ дѣтства лишеннаго семьи, и жизненныя условія, окружавшія его въ ранніе годы, не остались безъ вліянія на его душевный складъ.

С. родился въ Ригѣ, но съ дѣтства постояннымъ его мѣстопребываніемъ была Москва. Здѣсь, благодаря своей матери, никогда не жалѣвшей для него средствъ, онъ получилъ очень серьезное первоначальное воспитаніе и образованіе. Занимаясь языками, онъ, между прочимъ, уже въ ранніе годы, настолько овладѣлъ латинскимъ языкомъ, что даже переводилъ отрывки изъ Исторіи Государства Россійскаго. Дальнѣйшее образованіе С. получилъ въ только что тогда основанномъ Благородномъ пансіонѣ при Главномъ педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Воспитаніе здѣсь было поставлено слабо и не имѣло твердаго нравственнаго вліянія на молодежь. Образованіе шло неровно; однако среди преподавателей, особенно въ старшихъ классахъ, выдавались Куницынъ, Арсеньевъ, Галичъ, Раупахъ, молодой Плетневъ, а также только что выпущенный изъ лицея Кюхельбекеръ. Послѣдній пріобрѣлъ особенное расположеніе воспитанниковъ. Горячо преданный литературнымъ интересамъ, онъ сумѣлъ своимъ преподаваніемъ русскаго языка и словесности во многихъ ученикахъ развить интересъ и склонность къ литературнымъ занятіямъ; таковы С. Д. Полторацкій, Н. А. Мельгуновъ, Н. А. Маркевичъ и др. С. уже здѣсь писалъ свои эпиграммы. Интересъ къ литературѣ развился у С-го очень широко. Онъ и по окончаніи курса въ пансіонѣ занимался словесностью славянскихъ нарѣчій, французской, португальской, англійской, нѣмецкой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ интересовался математикой, технологіей, механикой, архитектурой. Его многосторонность, такъ же какъ и неспокойный характеръ, побуждали его быстро сходиться съ очень разнообразными людьми. Изъ товарищей С. былъ близокъ съ М. И. Глинкой (не разъ упоминающимъ о немъ въ своихъ запискахъ) и особенно съ Л. С. Пушкинымъ. Съ ними онъ сохранилъ навсегда товарищескія отношенія. Впослѣдствіи онъ былъ опекуномъ дѣтей Л. С. Пушкина. Послѣдній ввелъ его въ молодой кружокъ своего брата. Знакомство съ А. С. Пушкинымъ скоро перешло въ близкія отношенія. Отлично окончивъ курсъ въ Благородномъ пансіонѣ, С. поступилъ на службу въ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, подъ начальство А. Я. Булгакова и А. Ѳ. Малиновскаго. Первый изъ нихъ оставилъ неодобрительные отзывы о С-мъ. Дѣйствительно, въ Москвѣ С. велъ крайне разсѣянную свѣтскую жизнь, перемежавшуюся кутежами, чему способствовали большія денежныя средства, предоставленныя ему матерью; но рядомъ съ этимъ онъ постоянно завязывалъ и поддерживалъ литературныя связи. Отсутствіе правильнаго воспитанія и твердаго положенія въ общественномъ кругу, въ который онъ долженъ былъ вступить, внесло въ характеръ С-го съ одной стороны черту нѣкоторой распущенности, съ другой—крайне щекотливаго самолюбія. Многихъ возстановлялъ онъ противъ себя сатирическими выходками, самоувѣренной манерой обращенія, (ему дано было прозвище: «Mylord qu'importe»). Но близкіе къ нему люди снисходительно относились къ его недостаткамъ, цѣня въ немъ, вмѣстѣ съ неистощимымъ остроуміемъ, не щадившимъ никого, образованность и развитой литературный вкусъ, склонность къ литературѣ и серьезное пониманіе ея интересовъ. Хотя служба С-го въ Архивѣ скоро прекратилась (въ 1828 г.), однако онъ успѣлъ

сблизиться съ кругомъ такъ называемыхъ «архивныхъ юношей», заключавшимъ въ себѣ въ то время «цвѣтъ» интеллигентной молодежи. Здѣсь были, между прочимъ, И. В. Кирѣевскій и братья Д. В. и А. В. Веневитиновы. Новый кружокъ привлекалъ къ себѣ симпатіи многихъ и разростался, благодаря молодымъ силамъ, примыкавшимъ къ нему извнѣ. Такъ, сюда присоединились окончившіе курсъ Московскаго университета М. А. Максимовичъ и М. П. Погодинъ, съ которыми вскорѣ сошелся С. Тогда же началось сближеніе С-го съ Мицкевичемъ, служившимъ въ канцеляріи кн. Д. В. Голицына, и завязываются тѣсныя отношенія съ Пушкинымъ и его кружкомъ. У него поэтъ, возвращенный осенью 1826 г. изъ ссылки, читалъ «Бориса Годунова» и вскорѣ послѣ того поселился вмѣстѣ съ нимъ. Еще въ первое время ссылки Пушкина на югъ, С., по его порученію, издавалъ, вмѣстѣ съ его братомъ, «Руслана и Людмилу»; имъ же были изданы «Братья Разбойники»; потомъ онъ печаталъ 2-ю главу «Онѣгина». Теперь, по своей близости къ Пушкину и Веневитиновымъ, С. принималъ непосредственное участіе въ ихъ литературныхъ планахъ и слѣдовательно—въ основаніи «Московскаго Вѣстника», начавшаго выходить въ 1827 г. подъ редакціей Погодина. С. находился въ числѣ главныхъ сотрудниковъ журнала и участвовалъ въ выработкѣ первоначальнаго соглашенія между ними. Въ это время въ немъ уже опредѣлились склонности библіографа и библіофила. Въ 1828 г. С. похоронилъ свою мать и послѣ этого надолго уѣхалъ заграницу. Путешествуя по Европѣ, онъ посѣтилъ Италію, Францію, Испанію, Англію. Отдавая часть своего времени развлеченіямъ, С. однако въ эту же первую поѣздку началъ собирать свою замѣчательную библіотеку, изучалъ книгохранилища и музеи, завязывалъ многочисленныя знакомства. Не разъ и потомъ совершая продолжительныя заграничныя поѣздки, С. сближался со многими интересными и выдающимися людьми своего времени. Въ Мадритѣ онъ былъ знакомъ съ гр. Монтихо и ея дочерью—будущею Императрицей Евгеніей; ихъ отношенія поддерживались и впослѣдствіи, такъ же, какъ и знакомство съ Людовикомъ-Наполеономъ. Къ литературнымъ связямъ, заключеннымъ въ Парижѣ, относится сближеніе съ Мериме и др. Въ Португаліи другомъ С-го былъ Visconde de Santarem. Португальской литературой С. особенно интересовался. Но кромѣ этихъ связей и литературныхъ интересовъ, поѣздки по Европѣ вызывались матеріальными обстоятельствами С-го и коммерческими цѣлями: послѣ смерти его матери, крупныя ея имѣнія перешли къ законнымъ наслѣдникамъ (Давыдовымъ и Апраксинымъ), ему же остались только деньги, отложенныя на его долю при его рожденіи; и потому, съ цѣлью поправить свои дѣла, С., бывшій пріятелемъ и сослуживцемъ по Архиву С. И. Мальцева, принялъ участіе въ учрежденіи Самсоніевской (Мальцевской) бумагопрядильной мануфактуры въ Петербургѣ и сначала для ознакомленія съ производствомъ, а потомъ по торговымъ дѣламъ предпринималъ частыя поѣздки. Вынужденный очень часто разлучаться со своими друзьями и пріятелями, С. однако до конца сумѣлъ сохранить съ ними близкія отношенія. Находясь въ Россіи, онъ жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. Когда, въ концѣ 40-хъ годовъ, фабрика Мальцева и С-го сгорѣла, послѣдній, провелъ нѣсколько лѣтъ заграницей, а затѣмъ нѣкоторое время жилъ въ Петербургѣ. Послѣдній періодъ жизни (съ 1852 г.) С. провелъ безвыѣздно въ Москвѣ, занимаясь, главнымъ образомъ, библіографіей и библіотекой. Въ обществѣ многіе члены новаго поколѣнія литераторовъ встрѣчали его довольно сухо, не одобряя его «диктаторскихъ пріемовъ». Но онъ поддерживалъ связь со своими давними литературными друзьями, изъ которыхъ жилъ въ Москвѣ «самый старый и лучшій другъ» его—кн. Вл. Ѳ. Одоевскій.—С. скончался въ Москвѣ 6 октября 1870 г. и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Незадолго до смерти С-го дѣла его сильно пошатнулись, онъ держалъ свои деньги въ акціяхъ французскихъ желѣзныхъ дорогъ, а дороги эти во время франко-прусской войны перестали приносить доходъ. Впрочемъ уже и раньше, желая поправить свои средства, онъ велъ переговоры о продажѣ своей библіотеки; но продажа не состоялась.

Книги, положившія основу библіотекѣ С-го, были оставлены ему его отцомъ. Библіотека, огромная (25,000 т.т.) и тщательно собранная, была въ высокой сте-

пени замѣчательна и по своей полнотѣ, и по рѣдкости многихъ изданій. Особенно выдавались своей полнотой отдѣлы географіи и путешествій (между ними — собраніе путешествій по Россіи на иностранныхъ языкахъ) и библіографіи, а также русской исторіи и археологіи. Наслѣдница С-го—С. Н. Львова продала эту замѣчательную библіотеку за 25.000 талеровъ Листу, лейпцигскому книгопродавцу, между тѣмъ какъ самому С-му нарочно пріѣзжавшіе изъ-заграницы спеціалисты предлагали 50 тыс. Листъ распродалъ ее съ аукціона. Было напечатано два каталога этой библіотеки: каталогъ иностранныхъ книгъ—на французскомъ языкѣ: «Catalogue de la collection précieuse de livres anciens et modernes formant la bibliothèque de feu M. Serge Sobolewski (de Moscou) . . . Leipzig 1873»—4448 заглавій книгъ, съ замѣтками о нихъ достоинствѣ и рѣдкости и со статьею Альберта Кона о С-мъ; каталогъ русскихъ книгъ—на русскомъ и французскомъ языкахъ: «Русская библіотека С-го. Catalogue de livres russes de la bibliothèque de M. Serge S. (de Moscou) . . . Leipzig 1874»—800 заглавій. Въ эти каталоги не вошли многія книги изъ библіотеки С-го, ранѣе пріобрѣтенныя Британскимъ музеемъ. Кромѣ того, переписка С-го съ разными лицами составляла 28 большихъ томовъ. Большую часть русскихъ книгъ изъ библіотеки С-го купилъ, по словамъ М. Н. Лонгинова, гр. Апраксинъ. Вся переписка С-го пріобрѣтена гр. Шереметевымъ. Архивъ С-го былъ отвезенъ въ принадлежащее гр. С. Д. Шереметеву с. Михайловское (Моск. губ.).

Собирая библіотеку, занимаясь библіографіей, С. дѣйствовалъ въ значительной мѣрѣ, какъ образованный любитель. Но однако онъ не былъ дилетантомъ: занимаясь своимъ любимымъ дѣломъ не исключительно, онъ занимался имъ серьезно,—и потому дѣятельность его оставила послѣ себя нѣкоторый слѣдъ, помимо библіотеки С. способствовалъ развитію библіографіи и библіотечнаго дѣла; находясь въ сношеніяхъ со спеціалистами, изучая музеи, библіотеки—общественныя и частныя, въ Россіи и заграницей,—онъ иногда извлекалъ и сообщалъ новые матеріалы; онъ сохранилъ нѣсколько рукописей; наконецъ—онъ оставилъ цѣлый рядъ работъ библіографическаго характера. Интересуясь развитіемъ своего дѣла и слѣдя за нимъ, С. находился въ личныхъ сношеніяхъ съ русскими библіографами (напр., съ Полторацкимъ, Геннади, Бартеневымъ, Березинымъ-Ширяевымъ); онъ всю жизнь велъ обширную переписку съ библіографами Западной Европы. Практически онъ приложилъ свое знаніе дѣла къ устройству и упорядоченію частныхъ библіотекъ, именно—Черткова и кн. С. М. Голицына, а также—Англійскаго клуба. С. содѣйствовалъ обогащенію какъ Чертковской, такъ и Имп. Публичной Библіотеки и Румянцевскаго музея. Мысль о публичной библіотекѣ въ Москвѣ, получившая особенное развитіе къ началу 60-хъ годовъ, встрѣтила дѣятельное сочувствіе въ С-мъ; онъ былъ въ числѣ лицъ (Лобковъ, Бецкій и др.), рѣшившихъ было пожертвовать на это дѣло свои библіотеки. С. сдѣлалъ нѣкоторый вкладъ въ литературу въ видѣ неизвѣстныхъ документовъ и матеріаловъ. Заслуживаютъ вниманія сообщенія С., относящіяся къ Екатеринѣ II, напечатанныя въ Русск. Архивѣ 1863 г.: «Нравственные идеалы Екатерины В.»; «Двѣ замѣтки ея»; «Филологическія занятія Екатерины II», «Письма Екатерины II къ А. В. Олсуфьеву». Надо замѣтить, что С-му достались собственноручныя рукописи Имп. Екатерины съ бумагами ея статсъ-секретаря П. А. Соймонова. Послѣ смерти С-го напечатана хранившаяся у него «Своеручная записка Екатерины II» (Русск. Арх. 1877 г.). Изъ сообщенныхъ С-мъ матеріаловъ, относящихся къ другимъ эпохамъ, назовемъ: «Путешествіе въ Св. Землю свящ. Лукьянова въ началѣ XVIII ст.» (Русск. Арх. 1863 г.) и «Записку объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости, составленную въ 1818 г. по повелѣнію Александра Павловича» (Русск. Арх. 1865 г). Онъ же передалъ Бартеневу 34 письма А. С. Пушкина къ брату и сообщилъ нѣсколько неизданныхъ стихотвореній его. Важнѣйшимъ трудомъ библіографическаго характера является составленное С-мъ многотомное изданіе: «Юрналы и камеръ-фурьерскіе журналы 1695—1747 г.г.», М. 1867. Какъ библіографъ, С. былъ сотрудникомъ Manuel de Brunet. Кромѣ того, имъ былъ напечатанъ рядъ преимущественно библіографическихъ статей, небольшихъ замѣтокъ и сообще-

ній, пополнявшійся и послѣ его смерти, гл. обр.—въ «Русск. Архивѣ», а также и въ другихъ изданіяхъ. Интересно письмо къ П. А. Муханову (1866 г.): «Древнѣйшая карта Россіи» («Лѣтопись занятій Археографич. Коммисіи». 1865 — 1866. Вып. 4-й. СПб. 1868); «О Псалтирѣ 1457 г.» («Библіогр. Зап. 1858, т. V, № 4, ст. 123—127). Характерна для нѣкоторыхъ чертъ личнаго характера С-го статья: «О вліяніи Смоленскаго бульвара (въ Москвѣ) на португальскій парламентъ (въ Лиссабонѣ)» (Русск. Арх. 1868, № 2).—Въ «Русской Старинѣ» находится біографическая замѣтка—«Разсказы объ И. А. Крыловѣ», сообщенные Кеневичемъ и С-мъ. Изъ литературныхъ статей гораздо важнѣе помѣщенная въ «Русск. Архивѣ»: «Таинственныя примѣты въ жизни Пушкина» (1870, № 7). Большинство статей С-го подписано знакомъ: X.

Къ сказанному нужно прибавить нѣсколько словъ объ издательскихъ работахъ С-го. Кромѣ хлопотъ по изданію поэмъ Пушкина, С. взялъ на себя изданіе Малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича (1827). Затѣмъ онъ собралъ матеріалы (выписки всего появившагося въ журналахъ) для двухъ несостоявшихся изданій: Пѣсенника и Сочиненій кн. Вяземскаго.—На «литературное имя», пріобрѣтенное С-мъ, указываетъ и то обстоятельство, что, живя въ Москвѣ, онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ, казначеемъ и одно время секретаремъ «Общества Любителей Россійской Словесности», когда оно возобновилось подъ предсѣдательствомъ Хомякова. Здѣсь С. былъ избранъ въ коммисію по изданію пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ. Онъ былъ еще почетнымъ членомъ Императорской Публичной Библіотеки и Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ.

Но широкой извѣстностью въ обществѣ (особенно московскомъ) С. едва ли не главнымъ образомъ обязанъ своимъ эпиграммамъ, экспромптамъ, стихотворнымъ шуткамъ и остротамъ, которые подхватывались на-лету, передавались изъ устъ въ уста и такъ или иначе пользовались успѣхомъ, особенно въ литературныхъ кружкахъ. Многіе годы онъ былъ «присяжнымъ пѣснопѣвцемъ» событій московской жизни. Часто его эпиграммы приписывались Пушкину, а иногда—и наоборотъ. Стихи С. на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, какъ и его остроты—двоякаго характера: одни изъ нихъ представляютъ собой шутливую игру словами, болтовню веселую и безобидную; другіе, напротивъ,—злую насмѣшку и сатиру, иногда довольно тонкую, а иногда—рѣзкую и желчную, полную раздраженія. Первые ограничиваются почти исключительно областью пріятельскихъ отношеній: напримѣръ, цѣлый рядъ шутливыхъ пьесъ, относящихся къ кн. Одоевскому. Кругъ вторыхъ разнообразнѣе. Особенной рѣзкостью отличаются эпиграммы на Ф. Ф. Вигеля. Въ нѣкоторыхъ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ С. впослѣдствіи серьезно и откровенно раскаивался; таковы стихи о Вигелѣ и «Канкриніада» (См. «Русск. Арх.»1874, № 8; особенно—1897, III, № 10, стр. 297—298; 1898, № 12; 1899, I). Сатира С-го, хотя ядовита и часто зла, по большей части неглубока; иногда она принимаетъ менѣе легкій оттѣнокъ. На первомъ же планѣ въ его юмористическихъ произведеніяхъ стоитъ бойкость стиха и оригинальность риѳмы, свободная игра словъ, непринужденность. Это могло усиливать впечатлѣніе ядовитости и мѣткости. Иногда онъ придавалъ имъ форму акростиховъ, пародій и т. п. Несомнѣнно, многое въ отношеніяхъ С. съ современниками стояло въ зависимости отъ его языка, которому онъ любилъ давать волю. Изъ современныхъ отзывовъ видно, что, будучи для однихъ «пріятнымъ развлеченіемъ», на другихъ остроуміе С-го, проявлявшееся неожиданно и мѣтко, дѣйствовало совсѣмъ иначе. Раздраженный Вигель выражается о С-мъ «cette obscénité de la tête aux pieds».

С. принадлежитъ къ числу людей, извѣстныхъ своей близостью съ цѣлымъ рядомъ выдающихся современниковъ. Поэтому большое значеніе имѣютъ немногіе дошедшіе до насъ матеріалы, которые говорятъ, главнымъ образомъ, о «литературныхъ» связяхъ С-го. Они прибавляютъ нѣсколько чертъ къ характеристикѣ и біографіи не только С-го, но и крупныхъ личностей, бывшихъ съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Нужно отмѣтить, кромѣ Пушкина, имена Жуковскаго, бар. Дельвига, гр. В. Сологуба, Кирѣевскихъ, кн. Вяземскаго, Баратынскаго, кн. Одоевскаго. Отношенія С-го съ современными литераторами

были довольно разнообразны. Нѣкоторые изъ нихъ оставили о немъ свои отзывы. Отзывъ Вяземскаго (по поводу ложнаго слуха о смерти С-го, въ 1830 г., въ Парижѣ, во время іюльской революціи, отъ полученной будто бы раны)—довольно холоденъ. Баратынскій, напротивъ, упоминаетъ о немъ очень дружественно. С. былъ однимъ изъ первыхъ его знакомыхъ въ Москвѣ и впослѣдствіи былъ съ нимъ близокъ, но, по складу своего ума, С. въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ больше цѣнилъ другого брата—Льва Абрамовича.—Гораздо тѣснѣе была связь С-го съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, особенно въ послѣдніе годы. Разнообразіе интересовъ того и другого и знакомство, завязанное въ ранней молодости, могутъ только до нѣкоторой степени объяснить близость отношеній этихъ двухъ людей, такъ не похожихъ другъ на друга по складу ума и характера.

Но наиболѣе интересенъ вопросъ объ отношеніяхъ С. и Пушкина. Извѣстно, что они находились въ частыхъ и пріятельскихъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Они *считались* очень близкими друзьями: гр. Сологубъ даже высказалъ убѣжденіе, что одинъ С., по своему вліянію на Пушкина, могъ бы удержать его отъ роковой дуэли, еслибы былъ тогда въ Петербургѣ. Еще въ 1826 г. С-мъ былъ устраненъ поединокъ Пушкина съ гр. Ѳ. И. Толстымъ («американцемъ»). На дружбу ихъ указываетъ и то, что С-мъ былъ заказанъ Тропинину извѣстный портретъ Пушкина. Пушкинъ напечаталъ для С-го экземпляръ «Цыганъ» на пергаментѣ. Но какого рода были ихъ отношенія, въ смыслѣ внутренняго содержанія, глубины и сердечности,—судить трудно. Данныя, относящіяся къ этому вопросу, очень противорѣчивы. Многіе факты, и прежде всего—изданіе произведеній Пушкина, порученное послѣднимъ С-му, заботы и хлопоты С-го въ пользу Пушкина—указываютъ на ихъ близость. Напечатанныя же письма Пушкина къ С-му, хотя и говорятъ о короткости отношеній, по всѣ они — внѣшняго, почти исключительно дѣлового характера; они очень мало похожи на письма Пушкина къ друзьямъ, хотя бы на переписку съ П. В. Нащокинымъ, также наполненную переговорами о дѣлахъ и деньгахъ. Отзывы Пушкина о С-мъ по большей части шутливы или поверхностны, хотя и дружелюбны, также какъ и прозвища, которыя онъ давалъ С-му (Калибанъ, Фальстафъ, и т. под.). Но нужно сказать, что и писемъ, и отзывовъ его извѣстно чрезвычайно мало. Перу же С-го принадлежитъ шутливое двустишіе, появившееся уже послѣ смерти Пушкина (см. «Русск. Стар.» 1886, т. LI, стр. 486 и у И. И. Панаева). Оно не выказываетъ чуткаго и любовнаго отношенія къ памяти друга. Но такія данныя не освѣщаютъ вопроса, вызываемаго свидѣтельствами и современниковъ, и біографовъ. Большая часть свидѣтельствъ мало касается внутренней стороны ихъ отношеній, но всѣ они—будучи сопоставлены — противорѣчиво освѣщаютъ сущность этихъ отношеній. Такъ—эпизодъ, разсказанный Е. М. Каратыгиной («Русск. Стар.» 1880, т. XXVII, стр. 565—574), въ соединеніи съ нѣсколькими другими данными, вызываетъ мысль о возможной внутренней холодности С-го—именно къ Пушкину; а отзывъ Л. Павлищева, наоборотъ, исключаетъ всякую возможность такого предположенія. Свидѣтельства Павлищева о С-мъ, несмотря на нѣсколько приподнятый тонъ, имѣютъ несомнѣнное значеніе. Пушкинъ, по его словамъ, «понялъ отлично», что С. «какъ нельзя болѣе душевно страдаетъ, и что эти страданья были спутникомъ всей жизни прикидывающагося беззаботнымъ неподражаемаго комика. Свою скорбь С. выразилъ Александру Сергѣевичу въ слѣдующей фразѣ: je suis un être malheureux, parce que je suis stigmatisé par le sobriquet d'un fils naturel» (Восп., стр. 176.).

П. Бартеневъ, Некрологъ, Русск. Арх. 1870 № 11, ст. 2140 и сл.—Я. Ф. Березинъ-Ширяевъ, О С. А. Соболевскомъ, Русск. Архивъ, 1871, ст. 1738—1740.—Его же, Мое знакомство и переписка съ С-мъ—Ibid., 1878, III, № 11, 374.—Его же, С. А. Соболевскій (Изъ воспоминаній библіофила). Изд. редакціи журн. «Библіографъ» (Н. М. Лисовскаго). СПб. 1892. Оттискъ изъ журн. «Библіографъ» 1892 г. (съ портретомъ С. въ текстѣ.).—Его же, О моемъ знакомствѣ съ П. А. Мухановымъ, Русск. Архивъ, 1879, I.—В. И. Грековъ, Памяти С. А. Соболевскаго. (Къ столѣтію со дня его рожденія). Новое Время, № 9887. 13 сент. 1903 (Приложеніе).—Л. Павлищевъ, Изъ семейной хроники. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ. Историческ. Вѣстникъ, 1888, кн. I—II и отдѣльно: М. 1890.—И. И. Панаевъ, Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ. СПб. 1876. Изъ воспоминаній Ольги N, Русскій Вѣстн., октябрь 1887; особенно стр. 694—695.—Посмертныя записки Н. В. Берга, Русская Старина, 1891 г., т. LXIX, кн. II, 254—261, 269;

кн. III, 588.—Гр. А. Растопчинъ, Голосъ изъ Иркутска по поводу кончины С-каго, Русск. Арх. 1871, ст. 383.—Кс. А. Полевой, Записки. СПб. 1888.—Вигель, Записки. М. 1891. ч. VII.—Л. Майковъ, Пушкинъ, Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. СПб. 1899.—Ник. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. II, СПб. 1889.—Біографія А. И. Кошелева (Н. Колюпановъ), т. I; особенно кн. 2, стр. 127—130 (М. 1889).—Старина и Новизна. Историческій сборникъ, кн. IV и V. СПб. 1901 и 1902 г.—Татевскій сборникъ. С. А. Рачинскаго. СПб. 1899.—Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы, собранные книгоиздательствомъ «Скорпіонъ». Ред. и примѣчанія В. Брюсова. М. 1903.—Изъ писемъ А. Я. Булгакова къ его брату. Русск. Архивъ, 1901, III, 1902, I, II.—Ефремовъ, Ванька Каинъ и г.г. Геннади и Соболевскій (Поправки). Русскій Архивъ, 1888, т. III.

Ю. Верховскій.

Собольщиковъ, *Василій Ивановичъ*, библіотекарь и архитекторъ Императорской Публичной Библіотеки, род. въ Витебскѣ 13 января 1813 г., умеръ въ Петербургѣ 19 октября 1872 г. Происходилъ изъ старообрядческой семьи. Отецъ С-ва держалъ въ Витебскѣ лавку самыхъ разнообразныхъ товаровъ, подобіе небольшого базара. Окончивъ курсъ въ мѣстной гимназіи, С. сталъ заниматься вмѣстѣ съ отцомъ торговлей, служа въ то же время писцомъ въ Витебскомъ губернскомъ правленіи. Въ 1830 г. онъ получилъ возможность перейти на службу въ Петербургъ, гдѣ занялъ въ канцеляріи римско-католической духовной коллегіи должность помощника столоначальника. Сознавая всю недостаточность гимназическаго образованія, С. сталъ самостоятельно изучать французскій и нѣмецкій языки и читать различныя книги научнаго содержанія. Чтобы облегчить себѣ возможность пользованія нужными ему книгами, С. послѣ продолжительныхъ усилій добился возможности поступить въ канцелярію Императорской Публичной Библіотеки (съ 31 января 1834 г.), съ которой и связана вся его дальнѣйшая дѣятельность до самой смерти. Прослуживъ въ Публичной Библіотекѣ около сорока лѣтъ, при четырехъ директорахъ ея—Оленинѣ, Бутурлинѣ, баронѣ (впослѣдствіи графѣ) Корфѣ и Деляновѣ, С. содѣйствовалъ развитію и процвѣтанію Публичной Библіотеки и тому положенію, которое она потомъ заняла среди европейскихъ государственныхъ книгохранилищъ. Еще при Оленинѣ, который, наряду со службой по Публичной Библіотекѣ, былъ президентомъ Императорской Академіи Художествъ, С. сталъ посѣщать въ качествѣ вольнослушателя рисовальные классы Академіи. Вскорѣ онъ посвятилъ себя спеціально архитектурѣ, которую изучалъ подъ руководствомъ профессора Майера. За исполненіе заданной ему Академіей Художествъ программы—«сдѣлать проектъ публичной библіотеки для губернскаго города» — С. получилъ званіе свободнаго художника архитектуры; начальство же Публичной Библіотеки повысило его въ помощники библіотекаря, а вслѣдъ затѣмъ (1844 г.) онъ былъ назначенъ архитекторомъ Публичной Библіотеки. Дѣятельность С-ва на пользу Публичной Библіотеки особенно широко развернулась при энергичномъ ея директорѣ графѣ Корфѣ. По мысли графа С. организовалъ при Публичной Библіотекѣ спеціальное «отдѣленіе иноязычныхъ писателей о Россіи», которое пріобрѣло потомъ извѣстность не только въ Россіи, но и за границей. Въ 1859 г. С., по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ въ Западную Европу для осмотра извѣстнѣйшихъ публичныхъ библіотекъ, а по возвращеніи его изъ этой поѣздки, ему поручено было построеніе новой читальной залы Публичной Библіотеки, создавшей С-ву своими многими достоинствами широкую архитектурную извѣстность. Къ архитектурнымъ работамъ С-ва примыкаютъ его печатные труды. Въ 1860 г. онъ напечаталъ очеркъ на русскомъ и французскомъ языкахъ «Обзоръ большихъ библіотекъ Европы въ началѣ 1859 года». Въ 1865 г. С. издалъ брошюру «Печное мастерство», а въ 1870 г. книгу «Что надо дѣлать въ домахъ противъ холода, сырости и духоты»? Въ книгѣ, которая была въ 1867 г. напечатана на тридцати языкахъ только въ одномъ экземплярѣ и поднесена барону Корфу по случаю его юбилея («Барону Модесту Андреевичу Корфу. Въ день пятидесятилѣтія его службы, 9-го іюня 1867 г.», Спб., 1867 г.), напечатана статья С-ва: «Воспоминанія стараго библіотекаря», живо рисующая пору блестящихъ преобразованій Публичной Библіотеки при баронѣ Корфѣ. Въ послѣднее время своей жизни С. служилъ архитекторомъ Публичной Библіотеки и хранителемъ отдѣла изящныхъ искусствъ.

Изъ его частныхъ архитектурныхъ работъ заслуживаетъ наиболѣе вниманія построенное имъ зданіе римско-католической духовной консисторіи, съ обширной церковью въ романскомъ стилѣ.

П. Петровъ, «Біографія В. П. Собольщикова» («Зодчій» 1872 г., № 12, стр. 206—208).—«Біографическія свѣдѣнія о членахъ Академіи и вообще о художникахъ, умершихъ въ 1870—1873 г.г.» («Отчетъ Императорской Академія Художествъ съ 4-го ноября 1872 г. по 4-е ноября 1873 г.», стр. 102—141). — Некрологи Собольщикова въ «Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1872 годъ», въ «Иллюстрированной Газетѣ» 1872 г., № 42, въ календарѣ Гатцука на 1873 г., въ «Гражданинѣ» 1873 г., № 3, стр. 78, въ «Русскомъ Архивѣ» 1874 г., № 12, въ «Всемірной Иллюстраціи» 1872 г. томъ VIII, № 200, стр. 287, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1872 г., № 289, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1872 г., № 269, въ «Русскомъ Мірѣ» 1873 г., № 275.—П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія», Спб., 1864—1866 г.г.—Энциклопедическ. словарь Брокгауза и Ефрона.

Вл. Грековъ.

Собольщиковъ, *Петръ Ивановичъ*, врачъ, изъ потомственныхъ дворянъ, почетный членъ и основатель Общества Кавказскихъ врачей, род. 4 августа 1811 г., умеръ 23 марта 1874 г.; учился въ Дерптскомъ университетѣ, въ 1839 г. окончилъ курсъ лѣкаремъ 2-го отдѣленія, въ 1840 г. посланъ въ Ахалцыхъ и затѣмъ въ Александрополь для борьбы съ чумою, въ томъ же году занялъ должность городового врача въ Тифлисѣ, а въ 1844 г. былъ назначенъ, кромѣ того, младшимъ членомъ Грузино-Имеретинской врачебной управы. Въ 1845 г. получилъ въ Московскомъ университетѣ званіе штабъ-лѣкаря, съ 1846 г. былъ врачемъ Тифлисскаго дѣвичьяго института, а съ 1854 г.—врачемъ тамошней духовной семинаріи, въ 1854 г. получилъ въ Петербургской Медико-Хирургической академіи степень доктора медицины и званіе инспектора врачебной управы, и въ слѣдующемъ году занялъ должность инспектора Тифлисской врачебной управы и врача при VII-мъ округѣ путей сообщенія. Въ 1862 г. былъ назначенъ управляющимъ медицинскою частью гражданскаго вѣдомства на Кавказѣ, а въ 1870 г.—совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; въ 1870 г. былъ уволенъ отъ службы на Кавказѣ. Главной заслугой С-ва было основаніе Общества Кавказскихъ врачей. Это общество избрало его своимъ почетнымъ членомъ и послѣ его смерти постановило учредить премію имени С-ва, съ тѣмъ, чтобы выдавать ее за научные труды, написанные на назначаемыя обществомъ темы. С. былъ почетнымъ членомъ Кіевскаго общества врачей, членомъ Кавказскаго географическаго общества, общества русскихъ врачей въ Москвѣ и русскаго бальнеологическаго общества. С. напечаталъ слѣдующіе труды: 1) «О чумной заразѣ», разсужденіе на званіе штабъ-лѣкаря въ Московскомъ университетѣ, 1845 г.—2) «Внѣматочная беременность», «В.—Медиц. Журн.» 1854 г., ч. 64, кн. II и въ «Другѣ Здравія», 1854 г., № 51.—3) Тоже, по-латыни, «Diss. inaug., observationem rarissimi graviditatis tubariae casus exhibens», дисс. на степ. д-ра мед.; Спб. 1855 г.—4) «Нѣсколько словъ о вращающихся и пишущихъ столахъ», газета «Кавказъ» 1854 г.—5) «Гермафродитъ», «Моск. Мед. Газета» 1859 г., № 15.—6) «Нѣсколько словъ по поводу статей о сельскихъ лѣчебницахъ и священникахъ-врачахъ ихъ»; тамъ же, №№ 22 и 23.—7) «Рѣзкая аномалія женскихъ половыхъ органовъ», тамъ же, 1860 г., № 25.—8) Докладъ о проектѣ Бастамова, «О мѣрахъ къ успѣшному распространенію оспопрививанія» «Проток. засѣд. Общ. Кавк. врачей» 1864—65 г., стр. 41.—9) «Хведуретскій минеральный источникъ», «Записки Кавк. отд. геогр. общ.», кн. V, 1864 г.—10) «Проектъ правилъ занятій въ обществѣ, съ предисловіемъ», «Прот. засѣд. общ. Кавк. врачей» 1865—66 г., в. I, стр. 4.—11) «Воздухъ и вода въ Тифлисѣ», «Кавказъ», 1865 г., №№ 38 и 39.—12) «О дезинфекціи», «Прот. засѣд. Общ. Кавк. врачей» 1866—67 г., стр. 189.—13) «Проектъ Кавказск. Народно-Врачебнаго Листка», тамъ же, 1867—68 г., стр. 60, 157.—14) «О прививкѣ оспы въ Берлинѣ», «Проток. засѣд. Общ. Кавк. врачей» 1868—69 г., стр. 161.—15) «Какое умѣнье нужнѣе всего въ обыденной жизни человѣка», Тифл. 1869 г.

«Проток. засѣд. Общ. Кавк. врачей» 1872—73 г.г. стр. 507.—Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. II; Спб. 1886 г., то же, тетр. III; Спб. 1886 г. и второе дополненіе къ книгѣ «Рус. вр. пис.» Спб. 1892 г., 8°.—«Медиц. Вѣстникъ» 1874 г., № 17.—Гассельблатъ и Отто, Album. academic. d. Kaiserl.

Univers. Dorpat, Юрьевъ, 1889 г. — Формулярный списокъ о службѣ Тифл. городов. врача, шт. лѣк. Собольщикова, февр. 22 дня 1847 г.

Н. Кульбинъ.

Собѣщанскій, *Францъ-Максимиліанъ* (Franciszek-Maxymilijan Sobieszczanski), Варшавскій археологъ и изслѣдователь мѣстной исторіи, род. 10 октября 1814 г. въ Быховѣ, Люблинской губерніи, умеръ 3 іюня 1878 г. въ Варшавѣ. Въ 1821 г. С. переселился вмѣстѣ съ своими родителями на Волынь и тамъ получилъ образованіе, а въ 1831 г. отправился въ Галицію и до 1835 г. былъ библіотекаремъ богатой цѣнными книгами и рукописями библіотеки графовъ Тарновскихъ. Онъ первый составилъ каталогъ этой библіотеки, а также ѣздилъ съ библіографическими цѣлями по Галиціи и въ Вѣну. Въ 1836 г. С. работалъ при типографіи и редакціи «Kwartalnika Naukowego» въ Краковѣ, откуда въ 1837 г. отправился въ заграничное путешествіе. Онъ побывалъ въ Германіи, Бельгіи, Франціи и Англіи, удѣляя наибольшее количество времени столицамъ и университетскимъ городамъ, въ которыхъ слушалъ лекціи по исторіи и археологіи у извѣстныхъ профессоровъ. Въ 1840 г. С. пріѣхалъ въ Варшаву и нѣкоторое время давалъ частные уроки, а также сотрудничалъ въ варшавскихъ періодическихъ изданіяхъ; въ 1846 г. онъ былъ, кромѣ того, редакторомъ журнала «Kmiotek». Въ томъ же 1846 г. поступилъ на службу въ Главную Варшавскую Библіотеку. Съ 1852 г. былъ членомъ Варшавскаго цензурнаго комитета, съ 1854 г.—старшимъ цензоромъ, а съ 1861 г.—предсѣдателемъ этого комитета и завѣдующимъ редакціей «Варшавскаго Дневника». Оставивъ въ 1863 г. государственную службу, С. сдѣлался однимъ изъ редакторовъ «Encyklopedyi Powszechéj» S. Orgelbranda, въ которой взялъ на себя отдѣлъ географіи, археологіи и библіографіи, а также сотрудникомъ «Tygodnika Illustrowanego». Въ теченіе многихъ лѣтъ С. состоялъ кромѣ того постояннымъ сотрудникомъ «Biblioteki Warszawskiéj». Съ 1853 г. онъ былъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, при чемъ принималъ преимущественно участіе въ отдѣленіи статистики. Кромѣ многочисленныхъ статей въ періодическихъ изданіяхъ и въ названной энциклопедіи, С. издалъ рядъ отдѣльныхъ трудовъ: «Bieg zycia i prace naukowe Michała Petki Polińskiedo», «Wiadomosci historyczne o sztukach pięknych u dawnej Polsce», Варш., 1847—1850 г.; «Rys historyczno-statyczny w zrostu i stami miasta Warszawy od najdaniejszych czasów do 1847 г.», Варш., 1848 г., «O życiu i sprawach Krzystofa Arciszewskiego», Варш., 1850 г.; «Ioachima Bilskiego, dalszy ciag kroniki polskiéj», Варш., 1851 г.; «Kilhanaście dni w powiecie opoczaúskim», Варш., 1853 г.; «Przewodnik po Warszawie», Варш., 1857 г.; С. значительно дополнилъ «Historyja literatury polskiéj» Кондратовича-Сырокомли (2-е изд., Варш., 1874 г.). По смерти С. остался приготовленный къ печати трудъ его: «Opis Warszawy».

«Biblioteka Warszawska» 1878 v., ks. VII, 178.— K. Estreicher», «Bibliografyja Polska XIX stólecia», т. IV и т. VI («Dopelnienia»), Кроновъ, 1878 и 1881 г.—«Słownikg Nauszny», т. VIII, 1870 г.,— «Encyklopedyja Powszechva», томъ XXIII. Варш. 1866 г.—«Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1878 г.», стр. 22,—Энциклопедич. слов, Брокгауза-Ефрона.

В. Г.

Содовскій, *Карлъ-Генрихъ-Вильгельмъ,* врачъ, род. въ Ригѣ 2 сентября 1797 г., умеръ 25 мая 1858 г.; въ 1817 г. поступилъ на медицинскій факультетъ Дерптскаго университета, въ 1820 г. уѣхалъ изъ Дерпта въ Берлинъ и продолжалъ тамъ свое врачебное образованіе, затѣмъ перешелъ съ той-же цѣлью въ Геттингенъ и Гейдельбергъ, послѣ чего вернулся въ Дерптъ и здѣсь защитилъ диссертацію патолого-анатомическаго содержанія (объ уплотненіи клѣтчатки) и въ 1824 г. былъ удостоенъ степени доктора медицины; затѣмъ поступилъ врачемъ въ имѣніе города Риги, позже былъ полицейскимъ врачемъ въ томъ-же городѣ, съ 1837 до 1838 г. завѣдывалъ водолѣченіемъ въ Дуббельнѣ, а съ 1842 до 1847 г. былъ хранителемъ городской библіотеки въ Ригѣ. Въ 1847 г. оставилъ службу и занялся частной практикой. Кромѣ медицины, С. занимался естественными науками, былъ членомъ Рижскаго литературно-практическаго гражданскаго общества и Императорскаго общества естествоиспытателей въ Москвѣ. Напечаталъ: 1) Diss.inaug. de telae cellulosae induratione. Dorpat. Livonorum, ex officina acad. I. C.

Schunmanni. 1824 г., 8°, 71 стр.—2) Lepidopterosum micropterorum species tres novae, observatae et descriptae; Bullet. de la société des naturalistes de Moscou, № V, 1829 г., стр. 142—145. 3) Lepidoptera Livoniae observata; тамъ же № VI,1829 г., стр. 171—182. 4) Six nouvelles espèces de Teignes de la Livonie, тамъ же, 1830 г., стр. 67—79. 5) Systematisches Verzeichniss des bis jetzt in den Ostseeprovinzen Russlands aufgefundenen Lepidoptern (Schmetterlinge), nebst Angabe ihren Flugzeit daselbst; in der Zeitschrift: Die Quatember; т. 1, тетр. 3, стр. 1—13, 1829 г.

Реке и Напіерскій, Allg. Schriftst. und Gelehrten Lex.; Митава, 1827 г.—Ad. Callisen, Medicinisches Schrifsteller-Lexicon; Copenhagen 1834 г.—Гассельблатъ и Отто, Album Acad. der Kaiserl. Univ. Dorpat, Юрьевъ, 1890 г.

Н. Кульбинъ.

Соймоновъ, *Владиміръ Юрьевичъ*, сенаторъ, тайный совѣтникъ, дѣятель по горному дѣлу, род. въ 1772 г., умеръ 20 августа 1825 г. Записанный по обычаю того времени въ дѣтствѣ унтеръ-офицеромъ въ гвардію, поступилъ въ Горное училище, откуда 1 января 1790 г. былъ выпущенъ въ Нерчинскій горный батальонъ и отправленъ заграницу для завершенія горнаго образованія, изучалъ горно-заводское дѣло въ Германіи и возвратился въ Россію въ ноябрѣ 1793 г. Произведенный въ оберъ-гиттенфервальтеры, онъ былъ посланъ на службу въ Колывано-Воскресенскіе заводы, гдѣ управлялъ Барнаульскимъ заводомъ. Въ 1797 г. былъ вызванъ въ Петербургъ, произведенъ здѣсь въ оберъ-бергмейстеры и назначенъ въ распоряженіе главнаго директора недавно возстановленной Бергъ-Коллегіи. Директоромъ этой Коллегіи былъ въ то время дядя Владиміра Юрьевича, М. Ф. Соймоновъ, который скоро началъ выдвигать своего даровитаго и свѣдущаго племянника. Уже въ 1798 г. Владиміръ Юрьевичъ былъ посланъ въ Верхотурье, гдѣ тогда работала рудоискательная партія. Ему здѣсь удалось отыскать мѣсторожденіе мѣдныхъ рудъ; въ этомъ же году, осматривая по порученію начальства удѣльныя имѣнія въ Тамбовской и Костромской губерніяхъ, онъ нашелъ квасцовыя и желѣзныя руды. Въ сентябрѣ 1800 г. былъ назначенъ вице-президентомъ Бергъ-Коллегіи, затѣмъ въ ноябрѣ 1802 г. перешелъ на службу въ департаментъ министерства финансовъ, но уже въ январѣ 1804 г. снова началъ служить по горному вѣдомству. Назначенный членомъ Кабинета Его Величества съ переименованіемъ изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ въ оберъ-берггауптманы 4 класса, онъ былъ по Высочайшему повелѣнію посланъ въ Москву для разбора и описи вещей Московской Оружейной Палаты. Въ 1806 г., когда Горное Управленіе въ Россіи было преобразовано, былъ назначенъ московскимъ бергъ-инспекторомъ, а въ октябрѣ того же года произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ 7 департамента. Этотъ постъ онъ занималъ до 1822 г., когда получилъ новое назначеніе въ Казань, для прекращенія цѣлаго ряда злоупотребленій и безпорядковъ въ Казанской губерніи, «съ тѣмъ, чтобы, дѣйствуя во всемъ на правахъ генералъ-губернатора, оставался тамъ до совершеннаго устройства той губерніи». С. энергично взялся за дѣло: устранялъ чиновниковъ, производившихъ злоупотребленія, регулировалъ полицейскую часть, исправлялъ пути сообщенія и въ короткое время въ значительной мѣрѣ улучшилъ положеніе губерніи.

Вскорѣ однако ему снова пришлось заняться своимъ любимымъ горнымъ дѣломъ. Императоръ Александръ I, обратившій въ послѣдніе годы своей жизни особенное вниманіе на горную часть, въ 1823 г. учредилъ въ Екатеринбургѣ особую временную горную коммиссію, предсѣдателемъ которой и былъ назначенъ С. Ближайшей причиной учрежденія коммиссіи было установленіе въ 1814 г. штейгеромъ Брусницынымъ факта нахожденія на Уралѣ богатыхъ золотыхъ розсыпей, и на вновь учрежденную коммиссію было возложено урегулированіе вопроса о золотыхъ пріискахъ. С. съ мѣстными уральскими горными дѣятелями принялся за дѣло и, отправившись на Уралъ въ маѣ 1823 г., къ ноябрю уже успѣлъ осмотрѣть Уральскіе золотые промыслы, собралъ множество описаній, плановъ, образцовъ породъ, разослалъ въ разныя стороны рудоискательныя партіи, открылъ до 100 новыхъ золотыхъ пріисковъ, и стремился развить частную предпріимчивость въ дѣлѣ добычи золота, привлекая къ горному дѣлу частныхъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей. Кромѣ

того, для руководства рудоискательнымъ партіямъ, С-мъ была составлена въ это время «Инструкція горнымъ партіямъ для геогностическаго описанія хребта Уральскаго и для пріисканія рудъ и золотосодержащихъ розсыпей». Ко времени закрытія коммиссіи, С. уже ясно понималъ недостатки горнаго дѣла на Уралѣ, опредѣлилъ и средства къ исправленію этихъ недостатковъ. На основаніи сдѣланныхъ здѣсь наблюденій, онъ составилъ отчетъ о занятіяхъ временной горной коммиссіи и проэктъ новаго устройства горнаго дѣла на Уралѣ. Проэктъ этотъ, предлагая расширеніе горнозаводской промышленности, указывалъ на необходимость расширенія частной инициативы въ горномъ дѣлѣ, предлагалъ разсылать ежегодно нѣсколько рудоискательныхъ партій по всему Уралу и, наконецъ, настаивалъ на учрежденіи особаго Горнаго генералъ-губернаторства изъ Пермской и Екатеринбургской губерній. Препровожденный министромъ финансовъ на разсмотрѣніе департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, проэктъ не нашелъ однако поддержки въ руководящихъ сферахъ, благодаря оппозиціи директора департамента Горныхъ дѣлъ Е. И. Мечникова. Вслѣдствіе этого только нѣкоторыя изъ его предположеній были приняты и нашли выраженіе въ изданномъ 15 іюня 1824 года Положеніи Комитета Финансовъ. Однако путешествіе по Уралу, предпринятое Императоромъ Александромъ I въ исходѣ 1824 г. показало Государю, что мѣропріятія, предложенныя С-мъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ тому положенію дѣлъ, какое существовало на Уралѣ. По возвращеніи въ Петербургъ С. имѣлъ возможность лично убѣдить Императора въ необходимости предложенныхъ имъ измѣненій. Государь согласился съ его доводами, но реформа горнаго дѣла все таки не состоялась. Въ апрѣлѣ 1825 г. С. былъ уволенъ въ отпускъ для поправленія здоровья, но 20 августа этого года умеръ.

Формулярный списокъ о службѣ.—Документы изъ собранія Гуляева.—Аносовъ «Объ Уральскомъ корундѣ» (Горный Журналъ 1829 г., № 1)—Чупинъ, «Горный промыселъ на Уралѣ при Александрѣ I (Горный Журн. 1878 г., № 8—9).—Смышляевъ, «Источники и пособія для изученія Пермскаго края».—Вагинъ, «Сперанскій въ Сибири».—Шильдеръ, «Императоръ Александръ I».—Кулибинъ, «В. Ю. Соймоновъ» (съ приложеніемъ документовъ изъ собранія М. В. Соймонова—Горн. Журн. 1894, № 2).

Е. Лихачъ.

Соймоновъ, *Михаилъ Николаевичъ,* поэтъ, род. въ Казани 1 мая 1851 г., ум. тамъ же 11 сентября 1888 г. По окончаніи курса въ казанской 2-й гимназіи, поступилъ въ 1868 г. на юридическій факультетъ Казанскаго университета, изъ котораго вышелъ въ 1872 г. со степенью кандидата правъ. Служилъ сначала въ канцеляріи прокурора казанскаго окружнаго суда, перешелъ затѣмъ въ адвокатуру и, наконецъ, занялъ должность секретаря казанскаго отдѣленія государственнаго банка. Любя литературу и особенно поэзію, онъ не могъ удовлетвориться своей службой и потому въ 1879 г. рѣшилъ покинуть Казань и переѣхать въ Петербургъ, гдѣ думалъ заняться литературнымъ трудомъ и сотрудничествомъ въ различныхъ журналахъ. Въ Петербургѣ онъ записался въ помощники присяжнаго повѣреннаго и вскорѣ получилъ работу въ редакціи одной ежедневной газеты, помѣщая кромѣ того свои стихотворенія въ «Русскомъ Богатствѣ», «Дѣлѣ», «Наблюдателѣ», «Живописномъ Обозрѣніи» и др. журналахъ. Всѣ они проникнуты глубокой скорбью, но скорбью не «міровой», а чисто субъективной. Матеріальная нужда заставила его однако сотрудничать въ различныхъ юмористическихъ журналахъ: «Будильникѣ», «Стрекозѣ», «Шутѣ», «Осколкахъ», и др. Невозможность работать такъ, какъ онъ мечталъ, живя еще въ Казани, и необходимость насиловать свой талантъ, въ связи съ матеріальными и другими невзгодами, мало-по-малу подорвали его здоровье. Онъ сталъ хандрить, весной 1887 г. заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, которое перешло въ скоротечную чахотку. Тогда онъ весною 1888 г. переѣхалъ въ Казань, гдѣ вскорѣ и умеръ. Уже послѣ его смерти вышелъ въ свѣтъ сборникъ его стихотвореній подъ заглавіемъ: «Недопѣтыя пѣсни» (Спб. 1891, изд. А. С. Суворина), съ его портретомъ и краткой біографіей.

Б. Н. Агаѳоновъ. Казанскіе поэты (Историч. Вѣстникъ, 1900 г., № 8, стр. 586—590.—А. Рузскій, Разборъ «Недопѣтыхъ пѣсенъ» въ «Волжскомъ Вѣстникѣ», 1891 г., № 104.

П. Г-чъ.

Соймоновъ, *Ѳедоръ Ивановичъ,* дѣйствительный тайный совѣтникъ, сибирскій губернаторъ, писатель (1682—1780 г.г.). Род. въ Москвѣ и происходилъ изъ старин-

ной, дворянской фамиліи. Отецъ его, Иванъ Аѳанасьевичъ Большій, былъ стольникомъ и владѣлъ всего лишь 22 дворами крестьянъ; тѣмъ не менѣе онъ далъ своимъ сыновьямъ, которыхъ у него было трое (кромѣ Ѳ. И. были еще: 1) Александръ Ивановичъ, служившій во флотѣ и умершій въ званіи оберъ-фискала при адмиралтействъ-коллегіи, и 2) Дмитрій Ивановичъ, умершій въ чинѣ генералъ-маіора артиллеріи), вполнѣ приличное по тому времени образованіе, такъ что Ѳ. И., до поступленія въ 1708 г. въ Московскую навигацкую школу, обладалъ довольно хорошимъ знаніемъ латинскаго языка. Въ 1713 г. по окончаніи курса въ навигацкой школѣ Ѳ. И., произведенный въ гардемарины, былъ посланъ для усовершенствованія въ морскомъ искусствѣ въ Голландію, гдѣ пробылъ три года. Возвратясь въ Россію, Ѳ. И. былъ пожалованъ въ мичманы и опредѣленъ на корабль «Ингерманландъ», гдѣ Петръ Великій, которому не разъ Ѳ. И. сопутствовалъ на морѣ, плавая по Финскому заливу во время войны со Швеціей, имѣлъ свой вице-адмиральскій флагъ. Въ 1719 г. Ѳ. И. былъ командированъ для описанія Каспійскаго моря и устья Волги. По представленіи журналовъ и картъ Петру Великому, былъ посланъ опять въ Астрахань для дальнѣйшей описи Каспійскаго моря до Астрабада. Къ 1721 г. опись западнаго и южнаго береговъ Каспійскаго моря до Астрабада была закончена, восточный же берегъ былъ изслѣдованъ лишь настолько, насколько это требовалось для опредѣленія ширины моря. Въ этомъ же году была составлена карта, которую Петръ Великій тогда же отправилъ въ Парижскую Академію Наукъ. На берегу Каспійскаго моря Ѳ. И. пробылъ до 1726 г., лишь изрѣдка уѣзжая въ Петербургъ или Москву для донесенія о положеніи дѣла въ мѣстѣ его командировки. Въ теченіе этого времени ему приходилось нести службы самаго разнообразнаго характера, быть въ персидскомъ походѣ и принять участіе во взятіи города Баку. Въ 1723 г. имъ было составлено подробное описаніе персидскаго похода, а семилѣтнее пребываніе на берегахъ Каспійскаго моря дало возможность ему составить напечатанныя впослѣдствіи въ 1763 г. въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, записки, озаглавленныя: «Описаніе Каспійскаго моря и чиненныхъ на ономъ Россійскихъ завоеваній, яко часть исторіи Петра Великаго». Переведенный въ 1727 г. изъ Астрахани на службу въ Балтійскій флотъ, Ѳ. И. въ 1730 г., когда была возобновлена должность прокуроровъ, былъ назначенъ прокуроромъ въ адмиралтействъ-коллегію, каковымъ пробылъ до 1732 г., когда былъ назначенъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссаромъ флота. Въ 1734 г. принималъ участіе, подъ командою адмирала Гордона, въ блокадѣ Данцига. Съ 1736 г. Ѳ. И. выступаетъ дѣятелемъ на гражданскомъ поприщѣ: въ этомъ году онъ прикомандировывается для разсмотрѣнія слѣдственныхъ дѣлъ помощникомъ барону Шафирову, завѣдывавшему Сибирскимъ приказомъ. Въ слѣдующемъ году на долю С-ва выпадаетъ дипломатическая миссія къ хану калмыцкой орды Дундуку, прикочевавшему къ Астрахани и Царицыну и намѣревавшемуся перебраться за Кубань, вслѣдствіе сильныхъ притѣсненій со стороны мѣстныхъ начальниковъ, назначенныхъ правительствомъ. Ѳ. И. выполнилъ съ успѣхомъ возложенное на него порученіе: добился того, что ханъ призналъ себя вассаломъ Императрицы и послалъ въ русскую армію 10000 калмыковъ, а также разорилъ совершенно Кубанцевъ. Въ 1738 г. Ѳ. И. былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ сената съ чиномъ генералъ-маіора. Опредѣленный въ адмиралтействъ-коллегію «для надзора при сочиненіи подробныхъ вѣдомостей съ 1734 г. по текущій о расходахъ денежной казны», Ѳ. И. открылъ цѣлый рядъ упущеній и самовольныхъ растратъ президента коллегіи Н. Ѳ. Головина, чѣмъ, конечно, заслужилъ нерасположеніе Головина и создалъ въ лицѣ его себѣ врага. Въ этомъ же году Ѳ. И. издалъ, предварительно исправивъ, атласъ Балтійскаго моря подъ названіемъ «Морской свѣтильникъ или описаніе Варяжскаго моря». Первая часть этого описанія была поднесена имъ Императрицѣ, и въ письмѣ, обращенномъ къ ней, выяснялась необходимость даннаго труда, такъ какъ до тѣхъ поръ приходилось пользоваться «Голландскимъ свѣтильникомъ», который въ русской территоріи «весьма неясно свѣтилъ». Въ слѣдующемъ году С. издалъ:

«Экстрактъ штурманскаго искусства изъ наукъ, принадлежащихъ къ мореплаванію, сочиненный въ вопросахъ и отвѣтахъ для пользы и безопасности мореплавателей», эпиграфомъ къ которому служило составленное самимъ авторомъ четверостишіе:

«Сѣверная звѣзда гдѣ западу не знаетъ,
Тѣмъ мореплавателей въ нощи провождаетъ.
Егда-жъ свѣтила міра лучи имъ сіяютъ,
Тогда желаемые Порты получаютъ».

Назначенный генералъ-кригсъ-коммиссаромъ въ адмиралтействъ-коллегію съ предоставленіемъ права «поступать ему въ коллегіи яко вице-президенту, а при томъ и должность свою править по коммисаріату», Ѳ. И. произвелъ тщательную ревизію военнымъ судамъ и Кронштадтскимъ крѣпостямъ, а также занимался изслѣдованіемъ фарватеровъ, ведущихъ отъ Кронштадта къ финляндскому берегу и составилъ планы и карты. Въ 1740 г. онъ подалъ обширное предложеніе о необходимости реформъ во флотѣ, такъ какъ тамъ замѣчались постоянные безпорядки и упущенія; но на заявленіе его не было обращено вниманія, вѣроятно въ силу постигшей его въ это время печальной участи. Обвиненный въ томъ, что «слыша отъ Волынскаго злодѣйскія разсужденія и непристойные разговоры, и видя его злоумышленныя письменныя сочиненія и прочіе злодѣйскіе поступки, не токмо, гдѣ должно не объявилъ, но и въ сообщеніе къ нему присталъ», Ѳ. И. долженъ былъ раздѣлить участь А. Волынскаго, съ которымъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ. Указомъ 7 іюля 1740 г. онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая манифестомъ Императрицы была замѣнена наказаніемъ кнутомъ и ссылкою въ Сибирь въ вѣчную каторгу съ вырваніемъ ноздрей. Причиною ссылки, если вѣрить преданію, былъ отказъ Ѳ. И., несмотря на многократныя убѣжденія Бирона, подписать показаніе, составленное о преступленіяхъ Волынскаго. Въ силу этого отказа не стѣснявшійся въ средствахъ Биронъ рѣшилъ включить въ число сообщниковъ Волынскаго и С-ва. Ѳ. И. былъ сосланъ въ Охотскъ, близъ котораго находился заводъ для выварки соли изъ морской воды, начавшій производство въ 1735 г. На этомъ заводѣ онъ и работалъ вмѣстѣ съ оберъ-прокуроромъ Скорняковымъ-Писаревымъ и генералъ-полиціймейстеромъ Антономъ Девіеромъ, которые были сосланы также вслѣдствіе нерасположенія къ нимъ Бирона. Высочайшимъ указомъ 14 марта 1742 г., Ѳ. И. былъ прощенъ, но о прощеніи своемъ онъ узналъ лишь благодаря счастливой случайности. Приговоренные въ каторжную работу при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ посылались безъ означенія мѣста и прозывались по имени отца, лишаясь права именоваться по фамиліи. Вслѣдствіе этого капитанъ, посланный отыскать его на заводахъ, чтобы «объявить ему прощеніе на публичномъ мѣстѣ, прикрыть знаменемъ, отдать шпагу, но къ должностямъ ни по военной, ни по гражданской службѣ не допускать, а дозволить ему жить, гдѣ пожелаетъ», долженъ былъ провести не мало времени въ поискахъ, прежде чѣмъ добраться до Охотска и тамъ случайно найти С-ва. По полученіи прощенія Ѳ. И. остался жить въ Охотскомъ портѣ, гдѣ впослѣдствіи ему было разрѣшено поступить на службу во флотъ. Промежутокъ отъ 1742 до 1753 г. въ біографіяхъ Ѳ. И. представляетъ пробѣлъ, такъ какъ за это время нѣтъ никакихъ, лично его касающихся данныхъ. Въ 1753 г. сибирскій губернаторъ (изъ моряковъ) Василій Алексѣевичъ Мятлевъ поручилъ С-ву отправиться въ Нерчинскъ, чтобы онъ тамъ изслѣдовалъ фарватеръ Шилки и Амура, построилъ нѣсколько ботовъ и развѣдалъ путь по Амуру. Ѳ. И. выполнилъ порученіе, составивъ подробные планы и описавъ берега съ большою точностью. Сверхъ порученія ему удалось измѣрить устья Аргуни и Шилки и ихъ фарватеры. На докладъ Мятлева о трудахъ С-ва Императрица Елизавета Петровна, указомъ 1757 г. 14 марта, отвѣтила пожалованіемъ «обрѣтающагося въ командѣ генералъ-поручика Мятлева при исправленіи коммиссій Ѳеодора Соймонова въ тайные совѣтники и въ Сибирь въ губернаторы съ жалованіемъ по двѣ тысячи рублей въ годъ». Вступивъ въ должность сибирскаго губернатора въ Тобольскѣ, Ѳ. И. показалъ себя талантливымъ администраторомъ, такъ что шестилѣтнее губернаторство С-ва было временемъ значительныхъ улучшеній въ жизни Сибирскаго края. Изъ дѣлъ Сибирскаго при-

каза видно, что С. открылъ въ Охотскѣ морскую школу, приказалъ построить нѣсколько новыхъ судовъ на озерѣ Байкалъ, при перевозкѣ товаровъ черезъ которое не мало судовъ разбивалось, приказалъ соорудить маякъ и гавань при Посольскомъ монастырѣ. По его инпціативѣ былъ уничтоженъ Анадырскій острогъ, который разорялъ камчадаловъ, коряковъ и другихъ инородцевъ, поставлявшихъ въ него провіантъ. Въ 1763 г. Ѳ. И. былъ уволенъ отъ должности Сибирскаго губернатора и по прибытіи въ Москву назначенъ сенаторомъ въ Сенатскую контору. Послѣ раздѣленія Сената на департаменты, Ѳ. И. поступилъ въ пятый, гдѣ и былъ до 1766 г. Кромѣ своей прямой обязанности, С. выполнялъ разнаго рода порученія Императрицы Екатерины II по управленію Сибирью; напр., Императрица просила его изложить свое мнѣніе относительно того, какими сборами обложить кочующіе народы Сибири, а также, отправлять-ли экспедицію на сѣверный полюсъ, проектъ чего подалъ Ломоносовъ, доказывавшій отсутствіе льда на полюсахъ. Въ 1766 г. Ѳ. И. былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и съ пенсіей и прожилъ еще 14 лѣтъ. Умеръ Ѳ. И. 11 іюля 1780 г. Погребенъ въ Высоцкомъ мужскомъ монастырѣ въ 2-хъ верстахъ отъ Серпухова, гдѣ находились жалованныя Соймоновымъ земли.

При обзорѣ всей дѣятельности С-ва бросается въ глаза та разносторонность, которая отличаетъ всѣхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ школы Петра. Вліяніе этой школы сказывается у С-ва даже во взглядѣ на науку, которая цѣнится за ея утилитарное значеніе. Всѣ сочиненія С-ва касаются чисто прикладныхъ знаній. Ѳ. И. напечаталъ: 1) «Краткое изъясненіе астрономіи;» 2) «Морской свѣтильникъ или описаніе Варяжскаго моря»; 3) «Описаніе Каспійскаго моря и чиненныхъ на ономъ Россійскихъ завоеваній» съ картою,—«Ежемѣсячныя Сочиненія», 1763 г.; 4) «Экстрактъ штурманскаго искусства для пользы и безопасности мореплавателей», 1739 г.; 5) «О торгахъ за Каспійское море древнихъ, среднихъ и новѣйшихъ временъ»—«Ежемѣс. Сочин.» 1765 г.; 6) «Карты Каспійскаго моря», изъ которыхъ одна была издана въ 1731 г.; 7) «Извѣстіе о торгахъ сибирскихъ»—«Ежемѣсяч. Сочин.» 1755 г.; 8) «Сибирь—золотое дно»—«Ежемѣсяч. Сочин.» 1761 г., и 9) «Письмо Россійскаго навигатора къ молодому Зейману»—«Ежемѣсяч. Сочин.» 1764 г. Кромѣ напечатанныхъ сочиненій Ѳ. И. осталась недоконченною въ рукописи его «Исторія Петра Великаго». Современники Ѳ. И. свидѣтельствуютъ о громадной начитанности и солидномъ образованіи его. Новиковъ въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ» говоритъ о С-вѣ, какъ о «мужѣ ученомъ и искусномъ въ латинскомъ, нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ; также въ астрономіи, физикѣ и другихъ наукахъ». Научныя свѣдѣнія давали возможность Ѳ. И. выполнять возложенныя на него порученія, изслѣдовать берега и фарватеры, съ большимъ успѣхомъ. Составленныя имъ руководства пользовались долго самымъ широкимъ употребленіемъ. Знакомство съ промышленностью и торговлею края, имъ изслѣдуемаго, было всегда самое обстоятельное, что давало возможность ему составить правильное мнѣніе объ экономическомъ положеніи края. Сочиненія его по этому вопросу были цѣнимы не только въ правительственныхъ сферахъ, но и лицами, посвятившими себя изученію родины. Въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» Академіи Наукъ работы С-ва являются одиѣми изъ самыхъ цѣнныхъ и по объему довольно пространныхъ, такъ что на нихъ приходится $^1/_3$ всего изданія, изъ чего можно видѣть, что сотрудничество С-ва являлось очень желательнымъ. Какъ человѣкъ, Ѳ. И. располагалъ къ себѣ мягкостью и прямотою характера, а также и справедливостью, качествомъ необходимымъ, но очень рѣдко встрѣчавшимся у администраторовъ того времени. Въ бытность свою сибирскимъ губернаторомъ Ѳ. И. былъ особенно любимъ сибиряками, какъ человѣкъ понимавшій ихъ интересы и хорошо знакомый съ ними. Упущенія, которыя замѣчались здѣсь повсюду, а также и застой, царившій во всѣхъ дѣлахъ, заставляли Ѳ. И. усиленно работать отъ ранней зари до поздней ночи. С. рѣдко прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ и всегда стремился смягчать приговоры, повторяя фразу: «я самъ испыталъ, каковъ кнутъ».

У Ѳ. И. было три сына и двѣ дочери.

Старшій сынъ Михаилъ Өедоровичъ (р. 1753,—ум. 17 октября 1804), дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Андрея Первозваннаго, былъ сенаторомъ и главнымъ директоромъ горныхъ и монетныхъ дѣлъ. Второй сынъ Юрій Өедоровичъ—статскій совѣтникъ. Третій Аөанасій Өедоровичъ — премьеръ-маіоръ.

Берхъ, «Жизнеописанія первыхъ Россійскихъ адмираловъ», часть II, стр. 113—164, Спб. 1832.—«Общій Морской списокъ», часть I, стр. 355—358.—Новиковъ, «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» 1772 г.—Изданіе Ефремова: «Матеріалы для исторіи русской литературы», Спб., 1867 г., стр. 101.—Евгеній митр., «Словарь свѣтскихъ русскихъ писателей, соотечественниковъ и чужеземцевъ, писавшихъ въ Россіи». Изданіе Московск. Погодина 1845 года, II томъ.—Абрамовъ Н., «Нѣсколько свѣдѣній о Өедорѣ Ивановичѣ Соймоновѣ, бывшемъ Сибирскимъ губернаторѣ». Чт. въ Имп. Общ. Истор. и Древност. Росс. 1865 года, книга III, стр. 191—196. — «Записка объ Артеміи Волынскомъ». Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древност. Росс. 1856 года, кн. 2 ст. V, стр. 135—170.

А. Гребенкинъ.

Соковнины, дворянскій родъ, происходящій отъ бароновъ *Икскюль*, или вѣрнѣе *Мейендорфъ-Икскюль*—одного изъ древнѣйшихъ родовъ Германіи, восходящаго къ XI в. *Свидигеръ фонъ-Мейендорфъ*, епископъ Бамбергскій, былъ Римскимъ папою подъ именемъ Климента II и ум. 10 октября 1047 г. Два брата, *Даніилъ* и *Конрадъ фонъ-Мейендорфъ*, переселились изъ Голштиніи въ Ливонію въ 1198 г. Изъ нихъ Конрадъ въ 1200 г. получилъ въ Эстляндіи отъ князя-епископа Рижскаго въ ленъ замокъ Икскюль, по имени котораго потомки его и стали писаться *фонъ Мейендорфъ-Икскюль* и только одна вѣтвь именуется нынѣ *Мейендорфъ*. Баронъ Іоганнъ фонъ-Икскюль выѣхалъ въ 1545 г. изъ Ливоніи къ царю Московскому Ивану Васильевичу Грозному и принялъ св. крещеніе съ именемъ *Өедора Ивановича*.

1) Сынъ этого Өедора Ивановича, *Василій Өедоровичъ*, по прозванію *Соковня*, собственно и есть родоначальникъ *Соковниныхъ*. Сыновья и внуки его ничѣмъ особеннымъ на службѣ не отличались. Изъ правнуковъ его выдѣляются сыновья московскаго дворянина Өедора Тимоѳеевича—*Прокофій Өедоровичъ* и *Иванъ Өедоровичъ*.

2) *Прокофій Өедоровичъ Соковнинъ* ум. въ 1662 г. Въ 1624—26 гг. онъ—воевода на Мезени и въ Кевролѣ. Въ 1627—40 г.г. дворянинъ московскій. Въ 1631 г. отправленъ посланникомъ въ Крымъ, откуда возвратился въ 1633 г. Въ 1635—37 г.г. воевода въ Енисейскѣ. Въ 1642 г. С. участвовалъ на земскомъ соборѣ по вопросу, удержать-ли за Россіей взятый донскими казаками Азовъ, или возвратить его туркамъ. Въ 1641—46 г.г. завѣдывалъ Каменнымъ приказомъ, который долженъ былъ стараться объ увеличеніи числа каменныхъ зданій въ Москвѣ. Въ 1648 г., на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Марьей Ильничной Милославской онъ шелъ, въ числѣ многихъ другихъ лицъ, за санями царской невѣсты «для береженья». Черезъ мѣсяцъ послѣ царской свадьбы С., уже въ чинѣ дворецкаго царицы, занималъ весьма важную и вліятельную должность въ домашнемъ царскомъ обиходѣ. 17 марта 1650 г., въ именины царя Алексѣя Михайловича, С. пожалованъ въ окольничіе. Въ 1650—52 г.г. сопровождалъ царя въ его загородныхъ поѣздкахъ. 5 апрѣля 1652 г. всрѣчалъ гробъ московскаго патріарха Іова, при перенесеніи его въ Москву изъ Старицкаго монастыря. Въ томъ же 1652 г., съ титуломъ намѣстника Калужскаго, находился, въ числѣ другихъ лицъ, въ отвѣтѣ съ литовскими послами. Въ 1654—56 гг., во время польскаго похода царя Алексѣя Михайловича, оставался въ Москвѣ оберегать царицу Марью Ильиничну и ея дворъ. С. умеръ въ 1662 г. въ глубокой старости.

Отъ брака съ Анисьей Никитичной *Наумовой* С. имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей: Өедора, Алексѣя, Өеодосію и Евдокію. Өеодосія была второй женой боярина Глѣба Ивановича *Морозова*, а Евдокія была замужемъ за бояриномъ кн. Петромъ Семеновичемъ Урусовымъ. Обѣ онѣ были убѣжденныя и ревностныя послѣдовательницы извѣстнаго расколоучителя, протопопа Аввакума, за что пострадали и умерли въ тюрьмѣ.

3) *Иванъ Өедоровичъ*. Въ 1629—58 гг. дворянинъ московскій. Въ 1628 г. на службѣ въ Валуйкахъ. Въ 1633 г. голова у стряпчихъ въ Москвѣ, когда ожидалось нападеніе крымцевъ. Въ 1639 г. участвовалъ во встрѣчѣ персидскаго посла. Въ 1647—49 г.г. товарищъ судьи на Земскомъ дворѣ, а въ 1649, въ Московскомъ

Судномъ приказѣ. Въ 1650 г. воевода въ Вяткѣ.

4) *Θеодоръ Прокофьевичъ*, ум. въ 1697 г., сынъ Прокофія Θеодоровича, пожалованъ въ стольники 6 января 1647 г. На свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Марьей Ильиничной Милославской, въ январѣ 1648 г., былъ въ числѣ поѣзжанъ. Въ 1648 и 1650 г.г. сопровождалъ царя Алексѣя Михайловича въ его загородныхъ поѣздкахъ. Въ 1658—60 г.г. служилъ у стола государева при пріемахъ грузинскаго царевича Николая Давидовича, а въ 1664 г. при пріемѣ англійскаго посла. Изъ письма патріарха Никона къ извѣстному радѣтелю просвѣщенія въ Москвѣ Θ. М. Ртищеву въ 1663 г. видно, что С. находился въ близкихъ отношеніяхъ, какъ съ патріархомъ, такъ и съ Ртищевымъ. Въ 1668—71 г.г. присутствовалъ въ Мастерской палатѣ царицы Марьи Ильиничны и въ 1669 г. былъ, кромѣ того, ея дворецкимъ. Въ 1670 г. отставленъ изъ дворецкихъ и пожалованъ въ думные дворяне. Въ 1675 г. воевода въ Чугуевѣ. При царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1676 году, когда знаменитый опальный бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ былъ отправленъ на воеводство въ Верхотурье, въ догонку за нимъ было послано изъ Москвы нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ С. Съ 1676 г. окольничій. Въ 1677 г. присутствовалъ въ Мастерской палатѣ царицы Натальи Кирилловны. Въ 1676—82 г.г. сопровождалъ царя Θеодора Алексѣевича въ загородныхъ поѣздкахъ. Въ 1677 г., по порученію царя Θеодора Алексѣевича, пріискалъ для царевича Петра Алексѣевича учителя въ лицѣ дьяка Челобитеннаго приказа, Никиты Моисеевича Зотова. Въ 1680 г. царь Θеодоръ Алексѣевичъ указалъ ему отпускать лекарства въ хоромы царицы Натальи Кирилловны и царевича Петра Алексѣевича. Въ 1681 г. встрѣчается его подпись вмѣстѣ съ подписями боярина кн. Никиты Ив. Одоевскаго и боярина Ив. Мих. Милославскаго на рядной записи кн. Сем. Юрьев. Звенигородскаго. Въ 1682 г. подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества. 29 іюня 1682 г. пожалованъ въ бояре. Затѣмъ, въ теченіе почти пятнадцати лѣтъ, имя его изрѣдка встрѣчается въ Разрядахъ, когда онъ участвовалъ въ Москвѣ въ крестныхъ ходахъ, или сопровождалъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей за городъ. 20 марта 1697 г. онъ былъ сосланъ, за преступленіе брата своего Алексѣя Прокофьевича въ дальнія деревни, но безъ лишенія званія боярина; съ нимъ же сосланы жена его и дѣти.

5) *Алексѣй Прокофьевичъ* казненъ 4-го марта 1697 г. Служба его началась въ 1648 г.: вскорѣ послѣ свадьбы царя Алексѣя Михайловича съ М. И. Милославской онъ зачисленъ въ стольники къ самой царицѣ, будучи повидимому еще ребенкомъ. Въ 1658 и 1660 г.г. былъ чашникомъ за торжественными царскими обѣдами въ честь грузинскаго царевича Николая Давидовича. Въ 1669 и 1670 г.г. дневалъ и ночевалъ сначала при гробѣ царевича Симеона Алексѣевича, а за тѣмъ Алексѣя Алексѣевича. Въ 1673 г. воевода въ Острогожскѣ. Въ 1680 г. межевалъ и описывалъ границы Васильцова стана въ московскомъ уѣздѣ. Въ 1682 г. стольникъ царя Петра Алексѣевича и при вѣнчаніи на царство царей Іоанна и Петра шелъ передъ «стряпнею»; вслѣдъ затѣмъ пожалованъ въ окольничіе. Въ 1689—90 г.г. начальникъ Конюшеннаго приказа; въ 1690 г. имѣетъ титулъ «ясельничаго». Въ 1697 г. участвовалъ въ заговорѣ стрѣлецкаго полковника Цыклера, открытомъ наканунѣ отъѣзда Петра Великаго за границу. Цыклеръ на пыткѣ главную вину сложилъ на С—на, который будто бы неоднократно говорилъ ему, что такъ какъ царь всюду ѣздитъ одинъ, то его легко можно убить, въ особенности во время какого нибудь пожара, и что стрѣльцы возмутъ (т. е. возведутъ на престолъ) по прежнему царевну Софью Алексѣевну, а она возьметъ царевича, т. е. князя Вас. Вас. Голицына. Такъ какъ Цыклеръ сомнѣвался въ желаніи стрѣльцовъ «взять» царевну, то С. будто бы сказалъ ему: «мы и тебя выберемъ на царство». С. показалъ на пыткѣ, что вслѣдъ за Цыклеромъ къ нему пріѣзжалъ зять Цыклера, Θеодоръ Пушкинъ, и тоже говорилъ объ убійствѣ царя Петра. С. не выдержалъ пытокъ, повинился во всемъ, что на него возводили, и былъ казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Пушкинымъ посредствомъ четвертованія. Весьма возможно, что одной изъ причинъ участія С—на въ заговорѣ Цыклера были странныя пріязненныя

отношенія Соковниныхъ съ Милославскими, съ которыми онъ въ послѣднее время даже породнился: дочь его Софья Алексѣевна (р. 1678, ум. 10 сент. 1746 г.) была замужемъ за комнатнымъ стольникомъ Александромъ Ивановичемъ Милославскимъ, который приходился царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ правнучатымъ (четвероюроднымъ) племянникомъ. Женатъ А. П. С. былъ на Татьянѣ Семеновнѣ *Чириковой*. Кромѣ дочери, у Алексѣя Прокофьевича было три сына: Василій, Өеодоръ и Петръ.

С. Г. Г. и Д., III, с. 381; IV, 408. — П. С. З., III, с. 130, 172, 280—282.—Акты ист., V, с. 424.—Доп. къ акт. ист., II, 240; VIII, 21; IX, 106, 114; X, 39.—А. А. Э., IV, 77.—Др. Рос. Вивл., III, с. 158; XIV, 52, 377; XV, 358—363; XX, 107, 116, 121, 277, 323, 326, 334.—Акты Моск. госуд., I, 540, 630.—Р. И. Б., II, 766; IX, 381, 390, 402, 464, 499; X, 180, 203, 260, 352, 362, 373, 381, 402, 414, 464. — Оп. Моск. Арх. Мин. Юст., I, №№ 1510, 1511; II, 65.—Разр. кн., I и II.—Дв. разр., III и IV.—Руммель, Родосл. Сборн., II, с. 401—405.—Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Родосл. книга, изд. 2, т. I, с. 382—384.—Д. Н. Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли. М. 1836 г., V, с. 71—74.—А. П. Барсуковъ. Списки городовыхъ воеводъ XVII в. СПБ. 1902 г., с. 57, 166, 181, 274, 287, 288.—Его же. Родъ Шереметевыхъ. СПБ., 1904 г., т. VIII, с. 224, 480 и прилож., с. VI. П. Е. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ. М. 1872 г., с. 109—111.—Г. В. Есиповъ. Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ. М. 1872 г.—С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, XI, 329.—Туманскій. Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій о жизни и дѣяніяхъ государя императора Петра Великаго. СПБ. 1787 г., V, с. 45 — 48. — Н. Г. Устряловъ. Исторія царствованія Петра Великаго, III, с. 19—22; прилож., с. 387—389.

В. Корсакова.

Соколовскій, *Алексѣй Андреевичъ*, врачъ, профессоръ Казанскаго и Московскаго университетовъ, сынъ священника, родился въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1822 г., умеръ 3 ноября 1891 г. Получивъ первоначальное образованіе въ мѣстной духовной семинаріи, вышелъ изъ философскаго класса и въ 1840 г. поступилъ на медицинскій факультетъ Казанскаго университета; въ 1845 г. окончилъ курсъ съ отличіемъ и, по рекомендаціи профессора Скандовскаго, былъ оставленъ ассистентомъ терапевтической клиники, въ томъ-же году выдержалъ экзамены на докторскую степень, въ 1848 г. назначенъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ судебной медицины, въ 1851 г. защитилъ диссертацію на степень доктора медицины «De typho» и былъ утвержденъ въ должности адъюнктъ-профессора, а въ слѣдующемъ году избранъ секретаремъ медицинскаго факультета. Въ 1857 г. былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ «врачебнаго веществословія», а въ 1859 г. ординарнымъ профессоромъ того же предмета; въ то же время читалъ и фармакологію съ рецептурой. Въ 1861—62 г.г. онъ работалъ отъ университета за границею и, по возвращеніи, былъ назначенъ деканомъ медицинскаго факультета.

Въ 1864 г. онъ выступилъ кандидатомъ на освободившуюся каѳедру экстраординарнаго профессора фармакологіи въ Московскомъ университетѣ и былъ избранъ. Въ Московскій университетъ С. явился уже во всеоружіи научной подготовки и сразу открылъ для врачей курсъ лекцій, обставленный опытами надъ животными, что было тогда совершенной новостью. Въ 1876 г. С. былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ. Вскорѣ за тѣмъ у него произошло столкновеніе съ начальствомъ по вопросу о распредѣленіи университетскихъ суммъ; онъ былъ назначенъ заслуженнымъ профессоромъ, а въ 1881 г. вышелъ въ отставку по болѣзни. Въ 1868, 1869 и 1870 г.г. С. былъ командированъ на Кавказскія и Липецкія минеральныя воды.

По словамъ его ученика и преемника, профессора Богословскаго, С. былъ прекраснымъ лекторомъ и руководителемъ научныхъ занятій. Изъ его лабораторіи вышло въ свѣтъ значительное число работъ, имѣвшихъ серьезное научное значеніе. Изъ собственныхъ трудовъ Соколовскаго главное значеніе имѣли тѣ, въ которыхъ выразилась его способность къ обобщенію научныхъ фактовъ и выработкѣ руководящихъ идей. Таковы, напримѣръ, его «Опытъ теоріи фармакологіи», «Курсъ фармакологіи органической», представлявшій первую попытку собрать и привести въ логическую связь весь матеріалъ, разсѣянный въ отдѣльныхъ научныхъ работахъ и т. д. Однимъ изъ недостатковъ С-го признаютъ сухость стиля его сочиненій, совершенно противорѣчившую его устному дару слова. По выходѣ въ отставку, онъ отдался изученію исторіи, а затѣмъ философіи и психологіи; результатомъ этихъ занятій было его сочиненіе «Религія любви и эгоизмъ». Затѣмъ онъ занимался психіатріей и приготовилъ къ

печати «Психологію», которой ему уже не пришлось увидѣть изданной. С-мъ напечатаны слѣдующія сочиненія:

1) De typho, дисс. на степ. д-ра мед., Казань, 1851 г. 2) О дѣйствіи различныхъ средствъ на нервную систему въ примѣненіи къ теоріи Дюбуа-Раймонда, Казань, 1858 г. 3) Питательныя вещества и напитки. Лекціи гигіены, «Учен. Записки Казанск. Унив.», 1859 г.; отд. оттиски, Казань, 1859 г. 4) Собраніе открытій и наблюденій, по предмету фармакологіи, сдѣланныхъ съ 1856 по 1859 г.г.; Казань, 1859 г. 5) Историческій очеркъ развитія фармакологическаго ученія, современный взглядъ на дѣйствіе и назначеніе лѣкарствъ, способъ ихъ обслѣдованія, «Моск. Мед. Газ.» 1864 г. №№ 12, 14 и 15. 6) Опытъ теоріи фармакологіи съ фармакологической техникой, Москва, 1866 г., 2 выпуска. 7) О дѣйствіи и значеніи углекислаго газа, «Протоколы засѣд. Русск. бальнеологич. общ.» (въ Пятигорскѣ), 1868 г. 8) Изъ фармакологической лабораторіи, «Труды II Съѣзда русск. естествоиспытателей и врачей», 1869 г. 9) Курсъ органической формакодинамики, основанной на химико-физіологическихъ началахъ, Москва, 1869 г., 650 стр. 10) Неорганическая фармакологія, Москва, 1871 г. 11) Руководство общей фармакологіи, Москва, 1873 г., 208 стр. 12) Руководство частной фармакологіи, Москва, 1875 г., 567 стр. 13) Основы общей и частной фармакологіи, Москва, 1878 г. 456 стр. (Послѣднія 5 сочиненій представляли постепенное развитіе руководства по фармакологіи). 14) Arbeiten aus d. pharmacologisch. Laborator. zu Moscau herausgegeben v. D-r. Sokolovsky, Москва, 1876.

Рѣчи и отчеты Моск. Унив., Москва, 1892 г., рѣчь проф. Богословскаго. — То же 1868 г., отчетъ. — Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. II, СПБ. 1886 г.; то-же, тетр. III, 1887 г. и 2-е дополненіе 1892 г.—Н. П. Загоскинъ, Дѣятели Имп. Казанск. Унив. 1805—1900 г.г., Казань, 1900г.— «Врачъ»; 1891 г. № 47.—Виларе, Энциклопед. медиц. словарь, вып. 19-й, СПБ. 1893 г.

Н. Кульбинъ.

Соколовскій, *Конрадъ,* извѣстный гитаристъ, умеръ въ Вильнѣ 25 декабря 1883 г. Былъ истиннымъ виртуозомъ на шестиструнной гитарѣ испанскаго строя и пользовался очень большими успѣхами. Неоднократно давалъ концерты въ Москвѣ.; былъ и композиторомъ пьесъ для своего инструмента. Ему, между прочимъ, принадлежитъ «Польскій» для гитары.

«Виртуозъ Конрадъ Соколовскій» ..ина («Московск. Вѣдомости» 1852 г., № 141, стр. 1450).

В. Г.

Соколовскій, *Павелъ-Конрадъ-Мартинъ,* учитель математики въ Дерптской гимназіи, род. 7 ноября 1788 г. въ Эрмесѣ (Лифляндіи), умеръ въ Дерптѣ 5 декабря 1862 г. Образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ съ 1806 по 1809 г. слушалъ лекціи на богословскомъ факультетѣ, занимаясь, однако, преимущественно математическими науками, къ которымъ чувствовалъ наиболѣе склонности. По окончаніи университетскаго курса посвятилъ себя учительской дѣятельности и съ 1809 по 1819 г. состоялъ учителемъ въ Валкскомъ уѣздномъ училищѣ. Въ 1819 г. назначенъ учителемъ въ Дерптское уѣздное училище, а въ 1820 г.—преподавателемъ математики въ Дерптскую гимназію. Напечаталъ: 1) «De mathesi quoque discenda a philologis et theologis futuris» (Дерптъ, 1824. 8°); 2) «Theorie der Parallellinien, zuerst geometrisch begründet» (1830. 4°).

Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat (Dorpat 1889), № 272, стр. 19.—Recke и Napiersky. Allg Schriftsteller—und Gelehrten-Lexikon. (Mitau 1832), т. IV, стр. 226.—«Inland», 1859, стр. 611.

П. Гуревичъ.

Соколовъ, *Александръ Васильевичъ,* профессоръ гражданскаго права въ Казанскомъ университетѣ, род. въ 1828 г. въ Казанской губерніи, происходилъ изъ духовнаго званія. Окончивъ въ 1849 г. курсъ въ Казанскомъ университетѣ со степенью кандидата юридическихъ наукъ и съ золотой медалью, 12 сент. того же года командированъ на два года въ Дерптскій университетъ для усовершенствованія, подъ руководствомъ проф. Отто, въ римскомъ правѣ, а оттуда на годъ въ С.-Петербургъ для практическаго изученія при Сенатѣ русскаго судопроизводства. Получивъ въ Дерптскомъ университетѣ 23 іюня 1853 г. степень магистра правовѣдѣнія и возвратившись обратно въ Казань, 9 іюня 1854 г. избранъ и 2 окт. утвержденъ адъюнктомъ по ка-

ѳедрѣ римскаго права, съ порученіемъ чтенія исторіи римскаго законодательства. Въ 1856—7 уч. году онъ также читалъ курсъ русскихъ государственныхъ законовъ, а по уходѣ изъ Казанскаго университета проф. Мейкова поручена ему 24 іюля 1858 г. вся каѳедра римскаго права.

30 марта 1860 г. С. утвержденъ и. д. экстраординарнаго профессора по этой каѳедрѣ, но 27 февр. 1861 г. перемѣщенъ на каѳедру гражданскаго права, освободившуюся послѣ проф. Мейера. Съ іюня 1861 г. по авг. 1862 г. находился въ заграничной командировкѣ съ ученою цѣлью. 13 окт. 1862 г. С. утвержденъ въ званіи и. д. ординарнаго проф. по каѳедрѣ гражданскаго права. Въ 1865—74 гг. преподавалъ по вакантной каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства. Кромѣ того, С. исполнялъ и другія обязанности. Такъ, онъ въ разное время былъ синдикомъ университета, секретаремъ и деканомъ юридическаго факультета. Наконецъ, С. былъ авторомъ проекта устава юридическаго общества въ Казани. Умеръ, будучи на службѣ, 4 дек. 1875 г.

Проф. Н. П. Загоскинъ, Дѣятели И. Казанскаго Унив. 1805—1900 г., 1900 г., стр. 115.—Некрологъ въ «Извѣстіяхъ и ученыхъ запискахъ Имп. Казанскаго Унив.» 1876 г., № 1, стр. 205—207.—В. И. Межовъ, Русская историч. библіографія за 1865—76 г. вкл., т. II, № 11100, 23646.—Необходимое дополнит. приложеніе къ «Настольн. словарю» Ф. Толля.

А. Купаловъ.

Соколовъ, *Александръ Кирилловичъ*, протоіерей Московской Троицкой, что́ на Грязяхъ, церкви, духовный писатель, род. въ Костромской епархіи въ 1818 г., умеръ въ Москвѣ 27 декабря 1884 г. Пройдя курсъ Костромской духовной семинаріи, поступилъ въ Московскую духовную академію, курсъ которой и окончилъ въ 1842 г. со степенью магистра богословія; былъ оставленъ при академіи въ качествѣ баккалавра по каѳедрѣ еврейскаго языка и состоялъ въ этой должности по 1854 г. Вмѣстѣ съ этимъ онъ съ 1844-го по 1854 г. былъ баккалавромъ въ той же академіи по каѳедрѣ церковной археологіи (первымъ въ Московской академіи баккалавромъ по этому предмету). Въ послѣдніе четыре года своей преподавательской дѣятельности С. исправлялъ обязанности секретаря по изданію «Твореній свв. Отецъ». Въ 1854 г. былъ посвященъ въ іерея къ Московскому Архангельскому собору, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ протоіереемъ къ Московской церкви Св. Троицы, что́ на Грязяхъ, гдѣ и оставался до самой смерти. Помимо этой должности, С. съ 1857-го до 1876 г. былъ назидателемъ арестантовъ въ Мясницкой части и съ 1858-го по 1875 г.—нищихъ въ Работномъ домѣ. Съ 1870-го года и до кончины онъ состоялъ сначала помощникомъ благочиннаго, а затѣмъ благочиннымъ Срѣтенскаго «сорока». Въ 1875 г. былъ назначенъ членомъ Комитета по пересмотру нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ. Наконецъ, съ 1880 г. былъ членомъ Контроля надъ дѣйствіями епархіальнаго свѣчного завода, а съ 1882 г. исполнялъ должность благочиннаго Ивановскаго сорока. Изъ трудовъ С-ва, кромѣ помѣщенныхъ въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. Отецъ» переводовъ съ сирскаго языка сочиненій св. Ефрема Сирина, имъ напечатаны: «Сношенія армянской церкви съ Восточною православною въ XII вѣкѣ» (въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ свв. Отецъ», 1847 г., ч. V) и «Жизнь св. Ефрема Сирина, характеръ его сочиненій и черты его ученія» (тамъ-же, 1849 г., ч.ч. VII и VIII).

Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, выпускъ 4-й.—Некрологъ въ «Голосѣ Москвы» 1885 г., № 1.—С. Смирновъ, Исторія Московской духовной академіи до ея преобразованія (1814—1870). Москва, 1879 г. (стр. 110, 129, 400, 403 и 550).

В. Грековъ.

Соколовъ, *Борисъ Алексѣевичъ*, переводчикъ и писатель. Главнымъ его трудомъ былъ «Словарь исторіи естественной: царства животныхъ, растеній и ископаемыхъ; на россійскомъ и латинскомъ языкахъ. Собранный изъ Россійскихъ сочиненій и переводовъ, особенно имѣющихъ предметомъ Естественную Исторію, Медицину и Экономію; съ показаніемъ при всякомъ названіи имени сочинителя, книги и пр.» (М. 1801). Кромѣ того, С. издалъ: 1) «Дѣтская библіотека, или собраніе изображеній, съ краткими описаніями древняго и новаго свѣта народовъ, ихъ нравовъ, одеждъ и прочаго, также собраніе изображеній, съ описаніями четвероногихъ, птицъ, земноводныхъ, рыбъ, насѣкомыхъ, червей, прозябеній

и прочаго» (2 ч. Москва 1802; 2-е изд., тамъ же, 1824); 2) «Новый русскій конскій заводчикъ, конюшій ѣздокъ, охотникъ и коновалъ, Л. Эвеста, съ присовокупленіемъ лѣчебниковъ: Бонифація Адесалута, Мартына Бемена, и Балтазара Шнумрена» (2 ч. Москва 1809; 2-е изд., 3 части, Орелъ, 1820).

Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина, (Спб. 1828), № 4438, 4556, 4963.

П. Гуревичъ.

Соколовъ, *Владиміръ Тимофеевичъ,* композиторъ; умеръ 3 мая 1890 г. Образованіе получилъ въ Медико-Хирургической Академіи, по окончаніи курса которой недолго занимался медициной и скоро вполнѣ отдался своему любимому искусству—музыкѣ. Особенно извѣстенъ С. своими романсами, которыхъ написалъ огромное число. Романсы эти были въ большомъ распространеніи въ 1850-хъ и 1860-хъ годахъ, и нѣкоторые изъ нихъ выдержали до четырехъ изданій. Особенною популярностью пользовался въ свое время романсъ «Море и сердце». На нѣкоторыхъ романсахъ С-ва отразилось вліяніе Даргомыжскаго, который долгое время руководилъ его музыкальными занятіями. Кромѣ романсовъ, С-ву принадлежитъ: рядъ дуэтовъ, квартетовъ, тріо, хоровъ; аранжировка на два, три и четыре голоса ряда романсовъ и пѣсенъ другихъ композиторовъ; перекладъ на одни мужскіе или женскіе голоса нѣкоторыхъ смѣшанныхъ хоровъ изъ «Жизни за Царя» и «Руслана и Людмилы», а также духовныхъ сочиненій Галуппи, Березовскаго, Бортнянскаго; рядъ переложеній для одного голоса популярныхъ фортепіанныхъ пьесъ; переложеніе многихъ пѣсенъ безъ словъ Мендельсона на два, три и четыре голоса. С. написалъ также нѣсколько музыкально-педагогическихъ статей, помѣщенныхъ въ журналахъ. Въ 1872 г. С. приглашенъ былъ въ качествѣ помощника инспектора въ Петербургскую Консерваторію, позже былъ преподавателемъ пѣнія въ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ.

А. И. Рубецъ, Біографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей, Спб., 1886.—П. Д. Перепелицынъ, Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, Спб., 1888 г.—Некрологъ въ «Русск. Календарѣ» Суворина на 1891 г.—Энциклопедическ. словарь Брокгаузъ-Ефронъ.

В. Г.

Соколовъ, *Григорій Ивановичъ,* писатель, цензоръ Одесскаго цензурнаго комитета, редакторъ «Записокъ Имп. Общ. сельскаго хозяйства Южной Россіи» (съ 1847 г. по 1852 г.); род. 26 января 1810 г. въ селѣ Марьевкѣ, Херсонской губерніи, ум. 25 марта 1852 г. въ Одессѣ. По смерти своего отца воспитывался у дѣда (по матери), которымъ на десятомъ году былъ отданъ въ пансіонъ Ришельевскаго Лицея, а оттуда черезъ 2 года перешелъ въ пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Въ 1825 г. по экзамену былъ зачисленъ въ студенты Московскаго университета по физ.-математическому факультету и, благодаря хорошей подготовкѣ, окончилъ университетъ всего въ три года. За тѣмъ поселился въ Одессѣ и въ 1830 г. поступилъ на службу въ канцелярію новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, при которомъ потомъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій. Въ то же время сотрудничалъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и «Литературныхъ Прибавленіяхъ» къ нему, помѣщая въ нихъ свои переводы. Въ 1839 г. былъ избранъ дѣйств. членомъ Одесскаго общества исторіи и древностей, въ которомъ впослѣдствіи состоялъ также членомъ редакціоннаго комитета «Записокъ», библіотекаремъ и хранителемъ музея. Кромѣ цѣлаго ряда статей, помѣщенныхъ въ «Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей», какъ, напримѣръ: «Записка о содержаніи старыхъ актовъ» (т. II, стр. 739), «Историческая записка о городѣ Елисаветградѣ» (т. II, стр. 384), «Папа - гіодоръ - Никовулъ» — некрологъ (т. III, стр. 518), С. перевелъ еще: «Исторію хановъ крымскихъ» (1840); «Путешествіе по Россіи» Гюльденштедта и «Физіологію и гигіену людей, посвятившихъ себя умственнымъ трудамъ» —Ревейлье-Паризо (1841). Въ 1843 и 1844 г. онъ открылъ въ упраздненной Елисаветградской крѣпости архивъ старыхъ дѣлъ, заключавшихъ много интереснаго матеріала для исторіи Запорожья, и составилъ бумагамъ этого архива опись, отправленную имъ въ Генеральный Штабъ.

Въ 1845 г. С. получилъ должность инспектора Ришельевскаго Лицея и занималъ ее до 1850 г., когда по болѣзни вынужденъ былъ перемѣнить эту трудную должность на цензорскую въ Одесскомъ цензурномъ комитетѣ.

Интересуясь сельскимъ хозяйствомъ, С. также принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ «Имп. Общ. сельскаго хозяйства южной Россіи». Избранный въ 1835 г. въ дѣйств. члены этого общества, онъ долгое время занималъ въ немъ должность секретаря, съ 1847 по 1852 г. былъ редакторомъ «Записокъ», издаваемыхъ этимъ обществомъ, а съ 1848 по 1850 г. и вице-президентомъ общества. За время своего напечаталъ въ «Запискахъ» много оригинальныхъ статей и пріобрѣлъ извѣстность, какъ спеціалистъ по сельскому хозяйству. Кромѣ изданнаго имъ въ 1848 г. перевода соч. Десмета: «Сокращенный курсъ шелководства», онъ напечаталъ въ «Запискахъ Имп. Общ. сельскаго хозяйства южной Россіи» слѣдующія статьи: «Объ овечьей оспѣ» (1837, № 2); «Наблюденія надъ разведеніемъ многостебельной шелковицы» (тамъ же); «Объ усовершенствованіи глиняныхъ строеній въ Новороссійскомъ краѣ» (1844, № 1); «Объ истребленіи саранчи» (1846, № 1); «Достоинство дойныхъ коровъ» (1847, № 9); «П. В. Шабѣльскій» — некрологъ (1847, № 8); «Полевица обыкновенная» (1848, № 4); «Коммерческій кризисъ» (тамъ же); «Салотопленіе» (1848, № 5); «Объ улучшеніи породъ овецъ и рогатаго скота въ Англіи» (1849, № 10, 11, 12); «Нѣсколько простыхъ началъ для улучшенія нашего степного коннозаводства» (1850, № 5, 7) и др.

Записки Одесскаго общества исторіи и древностей, 1853 г., т. III, стр. 522—527. — «Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія», 1852 г., ч. 74, стр. 62.—«Одесскій Вѣстникъ», 1852 г., № 26 и 31.—«Записки Имп. Общ. сельскаго хозяйства южной Россіи», 1852, № 4, стр. 249.—«Системат. указатель къ «Листкамъ» и «Запискамъ» Имп. общ. сел. хоз. южн. Россіи съ 1830 г. по 1894 г.» А. С. Бориневича (Одесса. 1895).—М. П. Боровскій, Историческій очеркъ 50-лѣтней дѣятельности Имп. Общ. сельск. хоз. южн. Россіи съ 1828 по 1878 г. (Одесса 1878).—Энцикл. словарь Брокгауза.—І. Михневичъ, Историч. обзоръ 40-лѣтія Ришельев. Лицея съ 1817 по 1857 г., стр. 66.

П. Гуревичъ.

Соколовъ, *Дмитрій Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, профессоръ С.-Петербургскаго университета, членъ-учредитель Императорскаго Минералогическаго Общества; род. въ 1788 г., образованіе получилъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ и по окончаніи курса, въ 1805 г., былъ оставленъ при корпусѣ преподавателемъ горныхъ наукъ. Въ 1822 г. онъ занялъ каѳедру минералогіи и геогнозіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Къ этому времени онъ не былъ еще извѣстенъ ни однимъ печатнымъ трудомъ, однако былъ избранъ на мѣсто уволеннаго Л. И. Панснера, такъ какъ вновь назначенный попечителемъ университета Д. П. Руничъ, уволившій многихъ профессоровъ, лекціи коихъ были признаны имъ зловредными для слушателей и противными христіанскому ученію,—видѣлъ въ немъ человѣка, отвѣчающаго его требованіямъ. Выпустивъ въ свѣтъ «Руководство къ минералогіи съ присовокупленіемъ статистическихъ свѣдѣній о важнѣйшихъ слояхъ и минералахъ» (СПБ. 1832, двѣ части), С. сталъ читать съ 1836 г. лекціи по минералогіи по собственному учебнику, пропедевтику къ ней — по Штурму и геогнозію — по своимъ запискамъ, которыя были имъ приведены въ систему и изданы въ 1839 г. подъ названіемъ «Курсъ геогнозіи». Этотъ учебникъ, бывшій первымъ въ Россіи на русскомъ языкѣ, С. въ 1842 г. совершенно передѣлалъ сообразно съ новыми научными теоріями и издалъ подъ названіемъ «Руководство къ геогнозіи». Обладая по своему предмету весьма обширными свѣдѣніями, свѣтлымъ и пытливымъ умомъ, превосходной памятью и лекторскимъ талантомъ, С. дѣлалъ свои университетскія лекціи весьма занимательными. Въ 1844 г. С. не пожелалъ болѣе оставаться въ университетѣ и покинулъ его послѣ 25-ти лѣтней службы, имѣя чинъ генералъ-маіора и все время (болѣе 30 лѣтъ) состоя одновременно и преподавателемъ Горнаго корпуса.

С-ву принадлежитъ нѣсколько сочиненій преимущественно по горному дѣлу, изъ которыхъ извѣстны слѣдующія: 1) «О металлоносныхъ пескахъ» («Отечественныя Записки» 1823 г., ч. XIII, №№ 34, 35); 2) «О костяхъ четвероногихъ животныхъ, погребенныхъ въ землѣ и преимущественно о тѣхъ, кои находятся въ Россіи» (тамъ-же, 1823 г., ч. XIV, №№ 36, 38; ч. XV, № 39; 1824 г., ч. XVII, № 46; ч. XVIII, № 48); 3) «О по-

вѣйшихъ открытіяхъ въ Россіи по минералогіи» («Указатель открытій» 1824 г.); 4) «Успѣхи геогнозіи» («Горный Журналъ» 1825 г.); 5) «Минералогическое описаніе острова Пергаса (тамъ-же 1825 г.); 6) «О тифонахъ, или смерчахъ» (тамъ-же 1825 г.); 7) «О нахожденіи лазуреваго камня въ Россіи» (тамъ-же 1825 г.); 8) «Объ открытіи золотосодержащихъ песковъ въ округѣ Камско-Воткинскаго завода« (тамъ-же 1825 г.); 9) «О нахожденіи малиноваго шерла въ Россіи» (тамъ-же 1825 г.); 10) «Описаніе матки Бразильскихъ алмазовъ» (тамъ-же 1825 г.); 11) «О бѣломорскихъ ископаемыхъ» (тамъ-же 1825 г.); 12) «Мысли объ уральскихъ золотоносныхъ розсыпяхъ» (тамъ-же 1826 г.); 13) «О чугунѣ, какъ строительномъ матеріалѣ» (тамъ-же 1828 г.); 14) «Краткое начертаніе горныхъ формацій по новѣйшему состоянію геогнозіи» (тамъ-же 1831 г.); 15) «Новая система минераловъ» (тамъ-же 1831 г.); 16) «О русскихъ горныхъ породахъ» (тамъ-же 1836 г.); 17) «О неравномѣрной расширяемости гранита» (тамъ-же 1841 г.). Кромѣ этихъ трудовъ С-ву принадлежитъ: «Историческое и статистическое описаніе Горнаго Кадетскаго Корпуса», СПБ. 1830 (составлено съ помощью В. Е. Клокова). Изъ переводныхъ статей его извѣстенъ «Опытъ новой химической системы минераловъ профессора Леоп. Гмелина», напечатанный въ «Горномъ Журналѣ» за 1825—1826 годы. Состоя почетнымъ членомъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ съ 1841 года, С. принималъ самое живое и постоянное участіе въ трудахъ его по составленію «Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка», взявъ на себя трудъ по объясненію терминологіи горныхъ наукъ. Состоялъ послѣдніе годы своей жизни инспекторомъ Института Горныхъ Инженеровъ и членомъ Ученаго Комитета Корпуса Горныхъ Инженеровъ. Умеръ 19 ноября 1852 г. въ С.-Петерб.

В. В. Григорьевъ, Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія, СПБ. 1870, стр. 40, 50, 55, 62—3, 71, 79, 98, 131, 198—9, 289, прилож., стр. 18, 55, 70, 93.—«Сѣверная Пчела» 1830 г., № 119; 1852 г., № 267, стр. 1066.—«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», ч. LXXIII, III, стр. 35.—Отчеты Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности за первое десятилѣтіе (1841—51), СПБ. 1852 г., стр. 396; за 1852—1865 г.г., СПБ. 1866 г., стр. 45—46.—В. С. Иконниковъ, Опытъ русской исторіографіи, т. I, кн. 2, Кіевъ. 1892 г., стр. 971.—Каталогъ русскихъ книгъ библіотеки Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, т. I, СПБ. 1897 г., стр. 1862.—А. Н. Шеміотъ, Общій списокъ членовъ Императорской Академіи Наукъ со дня ея основанія, стр. 40.—Записки адмирала А. С. Шишкова, ч. II, стр. 102.—Мѣсяцесловъ на 1854 г., стр. 231.—Надгробіе на Смоленскомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.

Соколовъ, *Дмитрій Михайловичъ*, членъ Россійской Академіи. Годъ рожденія его въ точности неизвѣстенъ, какъ и годъ поступленія въ Греко-славяно-латинскую академію, гдѣ С. получилъ первоначальное образованіе. Послѣ Академіи С. учился въ академической гимназіи и университетѣ. Уже въ бытность свою студентомъ университета, С. состоялъ переводчикомъ при Россійской Академіи и участвовалъ въ ея трудахъ по составленію Словопроизводнаго Словаря. 23 октября 1792 г. Росс. Академія избрала 8 человѣкъ изъ окончившихъ студентовъ своими сотрудниками: въ нихъ числѣ былъ и С.; а съ 9 февр. 1793 г. четверо изъ нихъ, вмѣстѣ съ С-вымъ, были уже дѣйствительными членами Академіи. Состоявшееся 14 мая 1793 г. засѣданіе Академіи, подъ предсѣдательствомъ ея президента княгини Ек. Ром. Дашковой, опредѣлило наградить золотыми медалями Д. С-ва, такъ же какъ и его друга и сотрудника Петра Соколова, за оказанное ими ревностное усердіе въ сочиненіи Словаря; въ 1802 г. С-мъ, въ сотрудничествѣ съ тѣмъ же Петромъ Соколовымъ и протоіереемъ Красовскимъ, подъ наблюденіемъ митрополита Гавріила, составлена русская грамматика. Въ послѣдніе годы своей жизни С. занималъ въ Академіи должность казначея. Умеръ въ чинѣ коллежскаго совѣтника 23 апрѣля 1819 г.

Извѣстія Имп. Россійск. Академіи за 1793, 1819, 1820 г.г.—Сочиненія и переводы, издав. Имп. Рос. Акад. ч. III (1808 г.)—Имянной списокъ всѣмъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членамъ Имп. Рос. Ак. со дня основанія оной по 1836 г.—Сухомлиновъ, «Исторія Имп. Рос. Ак.», в. I (стр. 13).—Красовскій, «Опытъ исторіи Имп. Рос. Ак. («Журн. Мин. Нар. Пр.», ч. 60, отд. III, стр. 38, 63, 64, —82).—Брок.-Ефр., «Энциклоп. Сл.» т, 30 а.

де-Жоржъ.

Соколовъ, *Егоръ Тимофеевичъ*, архитекторъ, род. въ 1750 г., умеръ въ 1821 г. Въ 1780-хъ годахъ состоялъ «за

архитектора» при строеніи Академіи Художествъ. Въ 1786 г., по представленію адъюнктъ-ректора Академіи Художествъ Ю.М. Фельтена, ему задана была программа: «сдѣлать прожектъ Сенату». Позже С. былъ опредѣленъ придворнымъ архитекторомъ. Въ 1795 г. въ Петербургъ изъ Варшавы были перевезены всѣ книги богатѣйшаго собранія, основаніе которому было положено еще въ первой половинѣ XVIII в. графами Андреемъ и Іосифомъ Залускими. Поручивъ приведеніе въ порядокъ этой библіотеки особой коммиссіи, Екатерина II повелѣла С-ву составить планъ зданію Публичной Библіотеки на томъ мѣстѣ, гдѣ она находится и въ настоящее время. Сооруженіе было задумано въ огромныхъ размѣрахъ, и въ немъ предполагалось помѣстить не только библіотеку, но соединить различныя пособія по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, какъ теоретическаго, такъ и практическаго характера. На вершинѣ зданія должна была помѣщаться астрономическая обсерваторія, внутри предполагались залы для кабинетовъ древностей, для физическихъ и астрономическихъ приборовъ. Это зданіе имѣлось въ виду соединить съ Аничкинымъ дворцомъ посредствомъ роскошнаго зимняго сада и портиковъ, украшенныхъ статуями, фонтанами и снарядами для гимнастическихъ упражненій, чтобы имѣть возможность предложить посѣтителю, наряду съ умственной пищей, отдыхъ, развлеченіе и прогулку. Уже было приступлено къ осуществленію этого широко задуманнаго плана; но смерть Императрицы Екатерины II прервала работы. Съ назначеніемъ въ 1800 г. главнымъ директоромъ Императорскихъ библіотекъ графа А. С. Строганова, было рѣшено достроить зданіе библіотеки по значительно сокращеннымъ планамъ, и оно было закончено въ 1801 г. по проекту архитектора Луи Руско.

П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія, СПБ. 1864—1866 г.г — Путеводитель по Императорской Публичной Библіотекѣ, СПБ., 1852 г., стр. 11.—Описаніе торжественнаго открытія Императорской Публичной Библіотеки, бывшаго Января 2 дня 1814 года, Спб., 1814 г., стр. 154.

В. Грековъ.

Соколовъ, *Иванъ Алексѣевичъ*, одинъ изъ лучшихъ русскихъ граверовъ на мѣди, род. въ 1717 г., умеръ въ 1757 г. Обучался въ художественныхъ классахъ при С.-Петербургской Императорской Академіи Наукъ, при чемъ рисованіемъ занимался подъ руководствомъ Шумахера, а гравированіемъ—у Элличера и Вортмана. Въ школѣ Вортмана С. въ непродолжительное время превзошелъ въ искусствѣ гравированія не только всѣхъ своихъ товарищей, но и самого Вортмана. Его гравюры, въ сравненіи съ гравюрами Вортмана, отличаются гораздо большей силой и блескомъ и ставятъ его на первое мѣсто среди всѣхъ русскихъ граверовъ рѣзцомъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Въ 1745 г. Вортманъ, вслѣдствіе болѣзни и старости, былъ уволенъ отъ службы въ «грыдоровальномъ департаментѣ» Академіи Наукъ, и С. былъ назначенъ главнымъ мастеромъ этого заведенія. Эту должность онъ занималъ до самой смерти. С. образовалъ много хорошихъ граверовъ, при немъ граверные классы были особенно многочисленны, и вообще онъ немало способствовалъ развитію гравировальнаго искусства въ Россіи. С. оставилъ много прекрасно выгравированныхъ портретовъ и другихъ граверныхъ работъ, изъ которыхъ самыми удачными являются портреты императора Петра III (съ оригинала Грота), портретъ Бирона, листы церемоніальныхъ шествій къ описанію коронованія императрицы Елизаветы Петровны, а также рядъ виньетокъ, заставокъ и чертежей къ разнымъ изданіямъ. Д. Ровинскій насчитываетъ 63 гравюры, сдѣланныя С-вымъ единолично или при участіи его учениковъ. Со смертью С-ва заканчивается продолжавшееся около тридцати лѣтъ существованіе Вортмановской школы, которая образовала много русскихъ граверовъ и оставила намъ очень солидное количество цѣнныхъ граверныхъ работъ разнаго рода.

Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ» 1889 г.—А. Новицкій, «Исторія русскаго искусства», М., 1899—1903 г.г.— Д. А. Ровинскій, «Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 г. до основанія Академіи Художествъ», М., 1870 г.—Энциклопедическ. словарь Брокгаузъ-Ефронъ.

В. Г.

Соколовъ, *Иванъ Дмитріевичъ*, профессоръ Харьковскаго и Новороссійскаго университетовъ по каѳедрѣ прикладной математики (механики), род. въ

1812 г. въ Новоржевскомъ уѣздѣ Псковской губ. Происходилъ изъ духовнаго званія и образованіе получилъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, курсъ котораго кончилъ въ 1835 г. Еще будучи въ институтѣ, помѣстилъ нѣсколько статей по математикѣ въ издававшемся тогда энциклопедическомъ лексиконѣ и написалъ прибавленіе къ переводу алгебры Бурдона, заключающее въ себѣ «краткое изложеніе способовъ рѣшенія численныхъ уравненій». Кромѣ того въ теченіе двухъ лѣтъ, подъ руководствомъ академика Тарханова, занимался «вычисленіемъ восхожденій и захожденій солнца» для академическаго календаря. По окончаніи курса онъ былъ сначала назначенъ учителемъ (20 янв. 1836 г.), а затѣмъ командированъ для пополненія своего образованія за границу, гдѣ слушалъ лекціи по математикѣ и механикѣ у Якоби, по астрономіи—у Бесселя, по физикѣ—у Неймана и Мозера. Въ это время онъ также представилъ въ Академію Наукъ свою работу: «Note sur la difraction de la lumière», напечатанную въ «Bulletin scientifique publié par l'Académie Impériale des sciences de S.Pétersbourg», т. IV, № 84, стр. 179. По возвращеніи изъ за границы, въ теченіе года преподавалъ высшую геометрію въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, получилъ въ 1839 г. за диссертацію: «О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ простыхъ опредѣленныхъ интеграловъ» въ С.-Петербургскомъ университетѣ степень доктора философіи и 22 декабря 1839 г. былъ назначенъ адъюнктомъ Харьковскаго университета. 27 февраля 1841 г. С. сдѣлался экстраординарнымъ профессоромъ, а 7 мая 1843 г.—ординарнымъ. Въ Харьковскомъ университетѣ онъ пробылъ до 1865 г., когда, получивъ званіе заслуженнаго профессора, былъ перемѣщенъ въ преобразованный изъ Ришельевскаго лицея Новороссійскій университетъ и назначенъ по выбору министра первымъ ректоромъ университета. Въ началѣ 1869 г. С. оставилъ Новороссійскій университетъ и былъ назначенъ помощникомъ попечителя казанскаго учебнаго округа. Въ этой должности онъ вскорѣ и скончался. Кромѣ весьма популярнаго въ свое время учебника тригонометріи («Элементарная теорія тригонометрическихъ линій и прямолинейная тригонометрія». 1853 г.), С-ву принадлежатъ еще слѣдующіе труды: «Изслѣдованіе нѣкоторыхъ предметовъ, относящихся къ варіаціонному исчисленію» (Харьковъ 1841); «Динамика» (Харьковъ 1860); «Прямой выводъ извѣстной теоремы Пуассона: (L,B)—Const. изъ уравненій движенія («Математическій Сборникъ», т. II, стр. 247); «Замѣтка на одно изъ примѣчаній къ послѣднему изданію аналитической механики Лагранжа».(Тамъ же. т. III, стр. 113); «О началѣ наименьшаго дѣйствія» (Тамъ же, т. V, стр. 179). О попыткахъ замѣнить паровыя машины воздушными» (Отчетъ о состояніи Императорскаго Харьковскаго университета за 1845—46 г.).

Маркевичъ, 25-лѣтіе Новороссійскаго университета. (Одесса. 1980 г.), стр. 140, 352—353, 652.—Актъ 25-лѣтняго юбилея Главнаго Педагогическаго Института, 30 сентября 1853 г. (СПБ. 1853 г.), стр. 61.—В. В. Григорьевъ, Имп. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія (СПБ. 1870 г.), прилож., стр. XIII.—В. И. Модестовъ, Отрывокъ изъ воспоминаній. («Историч. Вѣст.» 1884 г., № 11, стр. 287, 288, 291, 294.—Указатель къ, «Математическому Сборнику».

П. Гуревичъ.

Соколовъ, *Наѳанаилъ Петровичъ,* сынъ священника Саратовской епархіи, города Кузнецка, род. въ 1818 г. Изъ Саратовской духовной семинаріи поступилъ въ Московскую духовную академію, курсъ которой окончилъ въ 1842 г. со степенью магистра богословія. Послѣдовательно занималъ въ той-же академіи каѳедры философіи и церковной исторіи въ званіи, сначала, экстраординарнаго (съ 1847 г.), потомъ—ординарнаго (съ 1855 г.) и заслуженнаго (съ 1870 г.) профессора. Съ 1857 г. состоялъ главнымъ распорядителемъ академическаго журнала «Православный Собесѣдникъ». Съ 1873 г., вслѣдствіе исполнившагося 30-лѣтія службы въ академіи, оставилъ каѳедру и въ томъ-же году переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ приватнымъ членомъ въ духовно-учебный комитетъ при Св. Синодѣ. Еще въ 1847 году С. вышелъ въ свѣтское званіе, а въ 1870 году получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1878 г. С., по совѣту докторовъ, переѣхалъ въ Самару и здѣсь умеръ 16 января 1881 г.

Главныя сочиненія Соколова:

1) «Взглядъ на философію Гегеля» (Пр.

Соб. 1861 г. т. I); 2) «Соглашеніе евангельскихъ сказаній о Пасхѣ» (ib. т. II); 3) «Богъ и природа»—Ульрици, пер. съ нѣмецкаго, Казань 1867 г.; 4) «Церковная исторія»—Фр. Гасса, пер. съ нѣм., Казань, 1869—70 г.г.; 5) «Каббала или религіозная философія евреевъ» (Пр. Соб. 1870 г., т.т. 2 и 3; 1872 г. I, 1873 г. I). Сюда же нужно отнести еще и 2 рецензіи, помѣщенныя въ протоколахъ Академіи: 1) на сочиненія Алфіонова «Хиліазмъ первыхъ 3-хъ вѣковъ христіанства» (1874 г. стр. 192) и 2) Панова «Православное христіанство въ Китаѣ» (1871 г., стр. 367—370).

Знаменскій—«Ист. Каз. дух. академіи». Терновскій — «Истор. записка о сост. Каз. дух. ак. (стр. 456—458). Языковъ — «Обз. жизни и дѣят. покойныхъ русскихъ писателей и ученыхъ» в. I. Смирновъ — «Ист. Моск. дух. ак.» (стр. 461, 550). Хованскій—«Очерки по истор. гор. Саратова и Саратовской губ.» Сар. 1884 г. в. I (180 стр.). Некрологи: «Странникъ» 1881 г. кн. 2 (363 стр.); «Церковный вѣстникъ» № 5; «Церковно-общественный вѣстникъ» № 31; Брокгаузъ-Ефр.—Энцикл. Сл. т. 30-а.

Соколовъ, *Никита Петровичъ*, членъ Академіи Наукъ и Россійской Академіи, авторъ многихъ ученыхъ трудовъ; род. въ 1748 г. въ селѣ Крутцѣ, Владимірскаго (нынѣ Покровскаго) уѣзда. 10-ти лѣтъ отъ роду былъ отвезенъ своимъ отцомъ, служившимъ пономаремъ въ упомянутомъ селѣ, въ Троицкую Лаврскую Семинарію, куда и былъ принятъ 17 апрѣля 1759 г. Въ 1767 г. С. перешелъ въ богословскій классъ; въ ноябрѣ этого года въ Синодъ поступило отъ директора Академіи Наукъ графа В. Г. Орлова доношеніе о томъ, что Академіи Наукъ нужно десять человѣкъ молодыхъ людей «поведенія добраго и незазорнаго и разумѣющихъ латинскій языкъ». Въ этомъ же доношеніи было указано на учениковъ Троицкой Лаврской Семинаріи, которая уже въ то время выдѣлялась изъ среды другихъ. С., несмотря на свое желаніе быть въ числѣ этихъ десяти человѣкъ, не могъ быть выбраннымъ, такъ какъ ректору Семинаріи поручено было сдѣлать выборъ учениковъ изъ всѣхъ классовъ, кромѣ богословскаго. Чтобы получить право на отправку въ Академію, С. подалъ о томъ прошеніе, разрѣшенное архимандритомъ Платономъ въ утвердительномъ смыслѣ,—и въ самомъ началѣ 1768 г. онъ прибылъ въ Петербургъ. Вступивъ 10 января этого года на службу въ Академію Наукъ, онъ 20 марта уже былъ произведенъ при Академіи студентомъ и пожалованъ шпагою. Можно думать, что Троицкая Семинарія дала о С—вѣ весьма хорошій отзывъ, такъ какъ въ томъ же 1768 г. онъ былъ назначенъ «подъ команду» знаменитаго натуралиста Палласа, экспедиція котораго тогда снаряжалась; ея цѣлью было—изслѣдованіе и описаніе Россіи въ естественно-историческомъ отношеніи. Выступивъ съ экспедиціей 11-го іюня 1768 г., С. пробылъ шесть лѣтъ въ путешествіи, принимая, по отзывамъ Палласа, самое дѣятельное участіе въ трудахъ экспедиціи. Нерѣдко ему были поручаемы Палласомъ обозрѣнія и описанія въ естественно-историческомъ отношеніи цѣлыхъ мѣстностей, при чемъ исполненіе этихъ порученій бывало сопряжено съ большими затрудненіями и даже опасностями. Кромѣ того, С—ву принадлежатъ многія страницы описанія путешествія Палласа; такъ, напримѣръ, имъ написаны путевыя записки, вошедшія въ книгу: «P. S. Pallas; Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs», 1771—1776, ч. II, кн. I, стр. 319—23, 327—63; ч. II, кн. II, стр. 540—554, 567—571; ч. III, кн. II, стр. 581—624. Переводъ этой книги на русскій языкъ, сдѣланный Ѳедоромъ Туманскимъ и Василіемъ Зуевымъ, носитъ названіе: «Петра-Симона Палласа. Путешествіе по разнымъ мѣстамъ россійскаго Государства по повелѣнію Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ», и принадлежащія Соколову мѣста находятся: ч. II, СПб. 1786, кн. I, стр. 415—419, 426—470; ч. II, кн. II, стр. 251—272, 292—298; ч. III, СПб. 1788, кн. II, стр. 188—250. Описанія С—ва отличаются точностью и большими подробностями, такъ какъ онъ заносилъ въ свои путевыя записки все то, на чемъ останавливалось его вниманіе, и сообщалъ Палласу свѣдѣнія о свойствахъ почвы, рѣкахъ, озерахъ, рѣдкихъ и замѣчательныхъ животныхъ и т. п. Между прочимъ, по порученію Палласа, С—вымъ составлено было описаніе рыбной ловли на Хвалынскомъ морѣ, а также собрано нѣсколько коллекцій; по запискамъ же С—ва Палласъ часто исправлялъ ошибки, вврав-

шіяся въ его собственное сочиненіе. Труды С—ва не остались безъ награды: Палласъ въ своихъ сношеніяхъ съ Академіей Наукъ постоянно упоминалъ о трудахъ и способностяхъ своего помощника; о послѣднемъ, по окончаніи экспедиціи, сочувственно отозвалась и иностранная ученая печать. Кромѣ того, онъ удостоился похвалы и отъ Академіи Наукъ, увеличившей въ 1772 г., не въ примѣръ другимъ студентамъ, его жалованье на 200 рублей въ годъ. Находясь въ экспедиціи, С. прислалъ въ Петербургъ «Описаніе ловли красной рыбы при берегѣ Каспійскаго моря», которое было напечатано въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества къ поощренію въ Россіи земледѣлія и домостроительства», ч. XVIII, 1771 года, стр. 11—47.

Ученое собраніе Академіи и академическая коммиссія, основываясь на мнѣніи Палласа, что С. подаетъ надежды сдѣлаться со временемъ «надлежаще ученымъ человѣкомъ», рѣшили отправить его для довершенія образованія за-границу, на что и было получено согласіе директора Академіи графа Орлова. Постановленіе объ отправкѣ С—ва заграницу состоялось въ Академіи 3 сентября 1774 г., а въ ноябрѣ того же года онъ былъ уже въ Лейденѣ, избранномъ Академіей мѣстомъ ученія С—ва, при чемъ содержаніе его «въ разсужденіе отличнаго его, Соколова, поведенія и большихъ предъ прочими своими товарищами въ наукѣ успѣховъ», было увеличено съ 315 на 350 рублей въ годъ. Въ Лейденскомъ университетѣ С. началъ посѣщать лекціи по химіи, физикѣ, по всѣмъ отраслямъ естественной исторіи, анатоміи и физіологіи, но вскорѣ принужденъ былъ просить Академію о переводѣ своемъ въ Страсбургъ. Главное неудобство пребыванія своего въ Лейденѣ С. видѣлъ въ невозможности выучиться здѣсь нѣмецкому языку, а кромѣ того сырой, нездоровый климатъ этого города и гнилая, затопленная почва не давали ему возможности заниматься изученіемъ природы и собираніемъ коллекцій. Переселившись, по полученіи разрѣшенія отъ Академіи, въ Страсбургъ, С. вначалѣ слушалъ въ университетѣ лекціи по химіи, естественной исторіи и физіологіи; впослѣдствіи онъ слушалъ лекціи по тѣмъ же предметамъ, какъ и въ Лейденѣ, и еще по медицинѣ; особенное же вниманіе его обращено было на слушаніе лекцій и изученіе химіи и минералогіи. Съ послѣдней цѣлью имъ была составлена небольшая химическая лабораторія, при помощи которой онъ опытнымъ путемъ провѣрялъ прочитываемое въ книгахъ. Имъ были посѣщаемы рудники, стеклянные заводы, фабрики и мануфактуры, а также памятники древности; кромѣ того, онъ дѣлалъ экскурсіи въ мѣстности, изобилующія минералами и имѣющія значеніе по отношенію къ горному дѣлу, дѣлая при этомъ сравненіе находимыхъ здѣсь экземпляровъ съ тѣми, которые онъ видѣлъ еще во время путешествія по Сибири и т. д. Занятія С—ва въ Страсбургскомъ университетѣ были весьма успѣшны, и въ 1780 г. онъ былъ произведенъ отъ него медицины докторомъ «со всѣми къ сему титулу принадлежащими привиллегіями». Находясь за границей, С. присылалъ оттуда въ Академію отчеты, въ которыхъ довольно подробно излагалъ свою заграничную жизнь и ходъ своихъ учебныхъ занятій; отчеты эти, извлеченные изъ дѣлъ архива академической канцеляріи, впервые напечатаны въ «Исторіи Россійской Академіи» М. И. Сухомлинова», вып. III, СПб. 1876, стр. 348—356.

Возвратясь въ сентябрѣ 1780 г. въ Петербургъ, С. представилъ въ Академію Наукъ на званіе адъюнкта Академіи и въ «доказательство учиненныхъ въ наукахъ успѣховъ знанія» диссертацію, носившую заглавіе: «De tractatione metallorum cum sulphure», напечатанную въ «Nova acta academiae scientiarum imperialis petropolitanae», 1786 г., ч. I, стр. 193—208. Диссертація С—ва, получившая единогласное одобреніе со стороны членовъ ученой Конференціи Академіи, позволяла автору ея надѣяться на полученіе званія адъюнкта Академіи, но директоръ послѣдней С. Г. Домашневъ воспротивился этому назначенію и заявилъ Конференціи Академіи, что онъ не считаетъ возможнымъ допущеніе С—ва въ число адъюнктовъ, такъ какъ былъ личнымъ свидѣтелемъ его непорядочнаго образа жизни. Далѣе, когда въ апрѣлѣ 1781 г. С—вымъ была подана въ Государственную Медицинскую Коллегію челобитная о допущеніи его къ экзамену на степень доктора

медицины съ цѣлью полученія «вольно-медицской» практики, Домашневъ, въ свою очередь прислалъ туда отъ имени Академіи, но безъ ея вѣдома, письмо, прося въ немъ «дабы академическихъ элевовъ до медицской практики никоимъ образомъ не допускать», считая, что послѣдняя можетъ препятствовать имъ въ исполненіи ихъ должностей. Преслѣдованія со стороны Домашнева завершились секретнымъ приказомъ его экзекутору отъ 8 мая 1781 г., по которому С. посаженъ былъ въ Академической Коммиссіи подъ арестъ на шесть дней и ему было убавлено жалованье на половину. Вышеприведенные поступки Домашнева по отношенію къ С—ву побудили послѣдняго подать на имя императрицы просьбу, въ которой онъ, изложивъ ходъ своихъ занятій и поступки по отношенію къ нему директора, просилъ о допущеніи его къ докторскому экзамену и объ опредѣленіи его по знаніямъ къ соотвѣтствующей должности при Академіи; въ случаѣ неудовлетворенія своей второй просьбы,—С. просилъ объ увольненіи его вовсе отъ службы. Принятый императрицей подъ защиту, С. 16 сентября 1781 г. былъ допущенъ къ произведенному докторами: Ашемъ, Тихорскимъ и Горголи экзамену, послѣ котораго удостоенъ былъ званія доктора съ правомъ «производить медицинскую практику въ Россійскомъ государствѣ»; съ назначеніемъ же директоромъ Академіи княгини Е. Р. Дашковой, относившейся съ полнымъ довѣріемъ къ отзывамъ представителей науки о С—вѣ, онъ былъ назначенъ ею 10 марта 1783 г. адъюнктомъ по химической наукѣ. Въ слѣдующемъ 1784 г., въ засѣданіи Россійской Академіи 24 марта, С. по представленію княгини Дашковой, Н. А. Львова и Н. Я. Озерецковскаго, одновременно съ Хемницеромъ избранъ былъ въ члены Россійской Академіи, 6 сентября 1784 г. произведенъ въ надворные совѣтники, а 27 сентября 1787 г., по представленію той же Дашковой и по единогласному выбору членовъ ученой Конференціи, былъ «возведенъ до полнаго члена», т. е. получилъ званіе ординарнаго академика и ординарнаго профессора химіи при Академіи Наукъ.

Имѣя въ своемъ завѣдываніи, со времени поступленія на службу при Академіи адъюнктомъ, химическую лабораторію, С. съ 1787 г. и до своей отставки въ 1792 г. читалъ въ ней публичныя лекціи по химіи, которыя входили въ число лекцій публичныхъ курсовъ, открытыхъ при Академіи Наукъ въ 1785 г. и имѣвшихъ большое образовательное значеніе для тогдашняго общества. Изъ этихъ лекцій, читанныхъ академиками, особенно выдавались лекціи С—ва, читавшаго ихъ «съ особливою похвалою и славою» и сопровождавшаго ихъ опытами; лекціи его, по словамъ современниковъ, были полны научными свѣдѣніями, и число посѣтителей ихъ было весьма значительно. До нашего времени изъ этихъ лекцій С—ва дошла только вступительная, напечатанная подъ заглавіемъ: «Рѣчь о пользѣ химіи, говоренная при открытіи публичныхъ Химическихъ Лекцій 30 маія 1786 года» въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» 1787 года, мартъ, ч. IX, стр. 46—59, и въ «Исторіи Россійской Академіи» М. И. Сухомлинова, вып. III, СПб. 1876, стр. 152—158.

Въ теченіе академической службы С—въ не переставалъ представлять въ Конференцію Академіи свои ученые труды, которые печатались въ различныхъ ея изданіяхъ. Такъ, въ 1783 г. имъ былъ читанъ въ Конференціи мемуаръ: «De natura arsenici», напечатанный въ «Nova acta academiae scientiarum imperialis petropolitanae», 1786 г., ч. I, стр. 209—224; въ 1784 г. онъ читалъ мемуаръ: «Optima methodus parandi amalgama cupri», напечатанный тамъ-же, ч. I, стр. 247—252; въ сентябрѣ 1785 года имъ представлена была статья: «О пользѣ и употребленіяхъ можжевельника», напечатана въ «Мѣсяцсловѣ» на 1786 годъ и перепечатана въ «Собраніи сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ на разные годы», ч. X, 1793 г., стр. 257—267; тогда же имъ представлена еще статья: «О дѣлѣ молошнаго сахара и польза онаго», напечатана въ «Мѣсяцословѣ» и «Собраніи сочиненій», ч. X, 1793 г., стр. 281—287; въ ноябрѣ 1786 г. онъ представилъ: «О дѣланіи Англинскаго фосфора», напечатано въ «Новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», ч. VIII, февраль 1787 г., стр. 54—67; въ октябрѣ 1787 года: «Observationes duae: De modo, quo lumbrici terrestres et varia insecta, hotis agrisque noxia, vel necari, vel repelli

possunt.—De revivi ficatione nonnullorum insectorum in spiritu vini mortuorum», напечатано въ «Nova acta academiae» 1789 г., т. V, стр. 243—246; наконецъ, въ сентябрѣ 1791 г. Соколовъ доставилъ для «Географическаго календаря» на 1792 г. «Описаніе горы Чеконды на китайской границѣ», которое безъ имени автора было напечатано въ «Собраніи сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ», ч. X, 1793 г., стр. 329—340. Перечисленные труды С—ва по химіи, зоологіи, минералогіи и технологіи отличаются, для тогдашняго времени, несомнѣнными достоинствами, свидѣтельствуя о томъ, что авторъ ихъ умѣлъ оцѣнить какъ безотносительную важность предмета изслѣдованія, такъ и примѣненіе его къ жизни; кромѣ того труды С—ва свидѣтельствуютъ о научности его пріемовъ и о точности опытовъ и наблюденій. Кромѣ оригинальныхъ работъ, С—ву принадлежитъ нѣсколько переводовъ. Такъ, ему, какъ спеціалисту по химіи, порученъ былъ кн. Е. Р. Дашковой начатый и не оконченный адъюнктомъ Моисеенковымъ переводъ сочиненія Эркслебена: «Начальныя основанія химіи Іог. Христ. Полик. Эркслебена, доктора и профессора философіи при королевскомъ геттингенскомъ университетѣ. Съ нѣмецкаго на россійскій языкъ перевелъ Никита Соколовъ, медицины докторъ, химіи профессоръ, надворный совѣтникъ, Императорской Академіи Наукъ и Императорской Россійской Академіи членъ»; СПб. 1788 г. Трудъ этотъ, имѣвшій большое значеніе для своего времени, когда русская литература сильно нуждалась въ учебникахъ, руководствахъ и систематическомъ изложеніи науки, былъ для С—ва особенно труденъ тѣмъ, что на русскомъ языкѣ того времени не существовало научныхъ терминовъ, и переводчикъ долженъ былъ «всѣ почти термины вновь выдумывать». Затѣмъ С. участвовалъ въ переводѣ на русскій языкъ сочиненія Бюффона: «Всеобщая и частная естественная исторія графа де-Бюффона»; именно имъ, совмѣстно съ академиками Василіемъ Зуевымъ и Семеномъ Котельниковымъ, переведена III часть, содержащая въ себѣ исторію животныхъ (1-е изданіе 1789 г., 2-е—1794 г.; 3-е изданіе, исправленное и дополненное академикомъ Захаровымъ, 1806 г.; 4-е изданіе, совершенно сходное со 2-мъ, 1827 г., съ 7 гравированными рисунками). Для того, чтобы очертить дѣятельность С—ва при Академіи Наукъ вполнѣ, надо упомянуть о томъ, что ему, какъ знакомому съ языкомъ и бытомъ живущихъ въ Россіи инородцевъ, знающему достаточно калмыцкій языкъ и умѣющему разбирать калмыцкія рукописи, поручено было Академіей, по предложенію академика Гильденштедта, собираніе точныхъ свѣдѣній о калмыцкихъ рукописяхъ, находящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ и заключающихъ въ себѣ историческія свѣдѣнія о калмыкахъ.

Избранный въ члены Россійской Академіи (въ 1784 г.), С. былъ привлеченъ къ участію въ составленіи «Словаря Академіи Россійской», при чемъ на него было возложено объясненіе словъ техническихъ, употребляемыхъ въ химіи и фармаціи. Онъ равно принималъ участіе и въ составленіи обширнаго слово-производнаго академическаго словаря..

Не отличаясь отъ природы здоровьемъ вообще, С., вслѣдствіе упадка силъ, въ сентябрѣ 1792 г., подалъ въ Академію Наукъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности химика и отъ дѣйствительной службы при Академіи Наукъ. 30 сентября онъ былъ уволенъ Канцеляріей Академіи, а 4 октября 1792 года Конференція въ своемъ собраніи постановила: считать Соколова выбывшимъ изъ числа дѣйствительныхъ членовъ Академіи и включить его въ число академиковъ-экстерновъ, или почетныхъ членовъ Академіи. Получивъ увольненіе отъ службы, С. переѣхалъ на жительство въ Калугу, гдѣ, несмотря на мучительную болѣзнь, продолжалъ заниматься наукой. Такъ, имъ въ ноябрѣ 1793 г. прислано было въ Академію Наукъ «Описаніе пріисковъ земляного угля въ Калужскомъ Намѣстничествѣ, въ 1793 г.», при чемъ были приложены образцы каменнаго угля. Трудъ этотъ, по распоряженію княгини Е. Р. Дашковой, былъ напечатанъ въ «Мѣсяцословѣ историческомъ и географическомъ на 1794», стр. 1—17, съ приложеніемъ гравированной на мѣди карты. Въ 1794 г. изъ Калуги же С. прислалъ академику Ф. И. Кругу, занимавшемуся статистическими исчисленіями, списки умершихъ въ Калугѣ въ теченіе пяти лѣтъ. Къ этому времени от-

носится и принесеніе С—вымъ въ даръ Академіи Наукъ своей коллекціи минераловъ. Изъ Калуги С. переселился въ Москву, но прожилъ тамъ недолго: 7 апрѣля 1795 г. онъ тамъ скончался въ большой бѣдности. По отзыву академика М. И. Сухомлинова, «С. заслуживаетъ благодарнаго воспоминанія, какъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ ученыхъ 18-го столѣтія, которые своимъ многотруднымъ путешествіемъ по Россіи пріобрѣли право на сочувствіе и уваженіе и положили прочное начало для всесторонняго и добросовѣстнаго изученія своего отечества».

М. И. Сухомлиновъ. Исторія Россійской Академіи, вып. I, С.-Пб. 1875, стр. 18; вып. II, С.-Пб. 1876, стр. 123—168, 341, 364; вып. VII, С.-Пб. 1885, стр. 54, 488.—Митрополитъ Евгеній. Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, т. II, М. 1845, стр. 173—174.—В. Сопиковъ. Опытъ Россійской библіографіи, №№ 4797, 6733.—Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, тетр. 2, С.-Пб. 1887, стр. 112—113; тетр. 3, С.-Пб. 1887, стр. 65.—Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи, С.-Пб. 1883, стр. CCXCVII — CCXCVIII, приложенія. — Смирдинъ, Роспись Россійскимъ книгамъ, №№ 4410, 4429.—С. Смирновъ, Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи, М. 1867, стр. 536, 550—551.—Сочиненія и переводы, издаваемые Императорскою Россійскою Академіею, ч. II, С.-Пб. 1806, стр. 19, 30; ч. IV, С.-Пб. 1810, стр. 4.—Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae т. XIII, 6.—В. П. Шеміотъ, Общій списокъ членовъ Императорской Академіи Наукъ со дня ея основанія, стр. 10, 27.—А. В. Смирновъ, Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы, вып. II, Владиміръ 1897, стр. 157—175.—А. Н. Пыпинъ, Исторія русской этнографіи, т. I, С.-Пб. 1890, стр. 80. 100, 109—113 132, 133, 180, 184; т. IV, стр. 1892, стр. 247, 255, 257, 261.—Вѣстникъ Европы 1884 г., № 5, Спб. 255, № 6, стр. 569 и слѣд.; № 7, стр. 98.—Журналъ Мисистерства Народнаго Просвѣщенія 1896 г., № 1, стр. 96.—В. Кашпиревъ, Памятники новой русской исторіи, т. II, С.-Пб. 1872, отд. 2, стр. 79.—Списокъ находящимся въ статской службѣ чинамъ на 1793 г., стр. 114.

Соколовъ, *Николай Николаевичъ, или Парамоновичъ*, профессоръ Новороссійскаго университета и С.-Петербургскаго лѣсного и земледѣльческаго института по каѳедрѣ химіи, род. въ 1826 г. въ Ярославской губ., ум. въ Петербургѣ 13 іюля 1877 г. Происходя изъ купеческаго сословія, онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на камеральное отдѣленіе юридическаго факультета и по окончаніи курса въ 1842 г. перешелъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета. Получивъ въ 1847 г. степень кандидата, онъ вскорѣ отправился за-границу, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ работалъ по химіи у Либиха въ Гессенѣ и у Жерара въ Парижѣ, по кристаллографіи—у Германа Коппа и по приложенію физики къ химіи—въ лабораторіи Реньо. Въ 1851 г. появилась его первая работа: «О присутствіи креатинина въ мочѣ лошадей» (въ «Annal. der Chemie und Pharmacie», B. LVIII), сдѣланная С. по предложенію Либиха для доказательства общности явленій питанія во всѣхъ классахъ высшихъ животныхъ. Въ Гессенѣ же С. вмѣстѣ съ однимъ изъ ассистентовъ Либиха, Адольфомъ Штреккеромъ, произвелъ другое блестящее изслѣдованіе: «О нѣкоторыхъ продуктахъ, происходящихъ изъ гиппуровой кислоты» (тамъ же, т. LXXX), при чемъ изъ этой кислоты была ими получена бензолгликолевая кислота и открыта неизвѣстная до того гликолевая кислота. Вернувшись въ Россію прекрасно подготовленнымъ къ дальнѣйшей ученой дѣятельности, С. въ 1855 г. былъ командированъ Горнымъ Департаментомъ для изслѣдованія заводскихъ производствъ въ химическомъ отношеніи на Уралъ, гдѣ успѣлъ собрать богатый матеріалъ для своей диссертаціи на степень магистра химіи: «О перидатѣ, какъ продуктѣ металлургическихъ операцій», за которую въ 1857 г. и получилъ искомую степень. Въ слѣдующемъ году С. сталъ читать минералогію въ Горномъ институтѣ и сдѣлался редакторомъ химическаго отдѣла «Горнаго Журнала». Въ это же время С. вмѣстѣ съ профессоромъ А. Н. Энгельгардтомъ открылъ въ Петербургѣ частную публичную химическую лабораторію, образцово обставленную, при чемъ въ основу преподаванія была положена метода Либиха. Открытіе лабораторіи было встрѣчено очень сочувственно, и число лицъ, занимавшихся въ ней, превзошло всѣ ожиданія основателей лабораторіи. Однако она просуществовала всего около 2 лѣтъ, именно до перехода С. приватъ-доцентомъ въ петербургскій университетъ. Вмѣстѣ съ Энгельгардтомъ, С. въ 1859 г. сталъ издавать первый въ Россіи «Химическій Журналъ», выходившій въ теченіе двухъ лѣтъ (1859—1860). Журналъ этотъ много способствовалъ распространенію и укрѣпленію въ Россіи новыхъ унитарныхъ

воззрѣній Лорана и Герара. Въ первой же книжкѣ этого журнала С—вымъ напечатана была важная для исторіи химіи статья: «О современномъ направленіи химіи», посвященная разбору заслугъ Лорана и Герара и развитію теоретическихъ представленій послѣ смерти послѣдняго. Въ 1859 г. С., по защищеніи диссертаціи: «О водородѣ въ органическихъ соединеніяхъ», получилъ степень доктора химіи и физики и поступилъ приватъ доцентомъ въ С.-Петербургскій университетъ. Въ этой диссертаціи, также напечатанной въ «Химическомъ Журналѣ», С—вымъ описано открытіе глицериновой кислоты, сдѣланное имъ одновременно съ англійскимъ химикомъ Дебусомъ, а также проводится мысль о различіи водорода въ органическихъ соединеніяхъ. Въ 1860 г. С. былъ назначенъ членомъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія и Главнаго Правленія Училищъ, а въ 1861 г. сдѣлался адъюнктомъ по каѳедрѣ химіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Не найдя въ немъ почти никакой лабораторіи (за таковую нельзя было считать небольшую комнату почти безъ мебели и приборовъ), С. сдѣлалъ все, что могъ, для устройства ея, пожертвовавъ мебель, посуду и приборы изъ своей частной лабораторіи. Въ 1861 г. университетъ былъ закрытъ, и С. остался за штатомъ. Въ 1862 г. онъ снова вступилъ въ него вслѣдъ за его открытіемъ, былъ командированъ за границу и, въ 1864 г., избранъ экстраординарнымъ профессоромъ. Въ 1865 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ химіи въ Новороссійскій университетъ; въ 1869 г. былъ командированъ за границу для обозрѣнія лучшихъ лабораторій Зап. Европы и по возвращеніи ввелъ много усовершенствованій въ лабораторіи этого университета. За время пребыванія въ Одессѣ С-ымъ изданы были слѣдующіе труды: «О молочной кислотѣ, образующейся изъ β—іодопропіоновой кислоты» («Зап. Имп. Новороссійскаго Университета, 1869 г., т. III); «Разборъ соч. Абашева: О тепловыхъ явленіяхъ, обнаруживающихся при соединеніи жидкостей» (тамъ же, 1870 г., т. V); кромѣ того онъ перевелъ соч. Одлинга: «Лекціи животной химіи» (Одесса 1867). 5 іюня 1871 г. С. перешелъ профессоромъ химіи въ С.-Петербургскій лѣсной и земледѣльческій институтъ, и здѣсь вмѣстѣ съ П. А. Лачиновымъ сдѣлана была его послѣдняя работа: «О дѣйствіи амміака на ацетонъ» (1874). Послѣ его смерти, въ 1877 г., въ его бумагахъ была найдена Н. А. Меншуткинымъ работа: «Объ ангидридѣ глицериновой кислоты и превращеніи его въ пировиноградную кислоту».

Формулярный списокъ Соколова, хранящійся въ архивѣ С.-Перербургскаго Лѣсного Института, за № 811;—Н. Меншуткинъ, Памяти Н. Н. Соколова («Журн. Русскаго Химич. Общ.», т. X, вып. I).—П. Лачиновъ, Мои воспоминанія о Н. Н. Соколовѣ (тамъ же). Къ этому тому приложенъ и портретъ Соколова. — А. И. Маркевичъ, Двадцатипятилѣтіе императорскаго новороссійскаго университета. (Одесса 1890), стр. 384-386, 566, 621-622.— В. В. Григорьевъ, Имп. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія. (Спб. 1870), стр. 197, 198, примѣч. стр. XXII, LXXXV.—Модестовъ, Огрывки изъ воспоминаній, («Историч. Вѣстн.» 1884 г., т. XVIII, кн. XI, стр. 288-291, 293-294.—Энцикл. словарь Брокгауза.— Историч. очеркъ развитія С.-Петерб. Лѣсного Института 1803-1903, стр. 135-137.

П. Гуревичъ.

Соколовъ, *Петръ Ивановичъ*, членъ и непремѣнный секретарь Императорской Россійской Академіи, членъ Главнаго Правленія Училищъ, писатель; происходилъ изъ духовнаго званія, род. въ Москвѣ 24 іюня 1764 г. Въ 1783 г., по распоряженію Академіи Наукъ, вмѣстѣ съ Дм. Мих. Соколовымъ и Мих. Цвѣтихинымъ, былъ взятъ изъ Славяно-Греко-Латинской Академіи и опредѣленъ (6 апрѣля) въ Академическую Гимназію подъ руководство акад. И. И. Лепехина; несмотря на плохую подготовку, онъ вскорѣ (21 октября того же года) произведенъ былъ въ студенты; 2 ноября того же года былъ назначенъ по письменнымъ дѣламъ къ книжному магазину Академіи, 10 іюля 1784 г. причисленъ къ Императорской Россійской Академіи «для исправленія дѣлъ», и 9 августа того же года получилъ степень магистра. Назначенный за тѣмъ 9 ноября 1786 г. учителемъ россійскаго языка въ Академическую Гимназію, С. оставался въ этой должности около 18 лѣтъ; 30 октября 1792 г. назначенъ былъ «пріобщникомъ», а 9 апрѣля 1793 г. избранъ въ члены Императорской Россійской Академіи; въ 1797 г. (13 мая) опредѣленъ былъ къ музею и библіотекѣ Академіи Наукъ унтеръ-библіотекаремъ и издателемъ «С.-Петербургскихъ Вѣдо-

мостей» (которыя издавалъ до 1 января 1829 г.), въ 1800 г. (17 сентября) поступилъ преподавателемъ россійской грамматики, логики и риторики въ Училище Корабельной Архитектуры (гдѣ прослужилъ до 29 октября 1825 г.), въ 1802 г. (19 апрѣля) избранъ Непремѣннымъ Секретаремъ Императорской Россійской Академіи послѣ И. И. Лепехина; съ 31 августа 1802 г., въ теченіе почти двухъ лѣтъ, былъ, сверхъ того, командированъ въ канцелярію особо учрежденнаго комитета для образованія флота (гдѣ состоялъ до причисленія Комитета къ Департаменту Министерства Морскихъ Силъ); 22 апрѣля 1819 г. опредѣленъ библіотекаремъ I (русскаго) отдѣленія Библіотеки Академіи Наукъ и, наконецъ, 5 іюля 1824 г. назначенъ членомъ Главнаго Правленія Училищъ и членомъ Ученаго при немъ Комитета, будучи 1 апрѣля 1824 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Оставаясь все время Непремѣннымъ Секретаремъ Россійской Академіи, С. умеръ въ Петербургѣ 9 января 1835 года и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ, гдѣ въ 1836 г. надъ могилой его былъ поставленъ, на средства Россійской Академіи, мраморный памятникъ. Помимо исполненія своихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей, С. былъ казначеемъ Росс. Академіи; въ 1802—1804 г.г. былъ членомъ и секретаремъ Комитета для построенія главнаго дома Россійской Академіи и такого-же Комитета въ 1811—1815 гг.; въ 1826 г. былъ назначенъ членомъ Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій, съ 1818 г. до 1831 г. завѣдывалъ Академическою типографіею, которую довелъ до блестящаго состоянія; былъ редакторомъ «Журнала Департамента Народнаго Просвѣщенія» и завѣдывалъ изданіемъ адресъ-календарей при Академіи. Занятія С-ва при Академіи выразились первоначально изданіемъ «Начальныхъ основаній россійской грамматики, въ пользу учащагося въ Гимназіи при Импер. Академіи Наукъ юношества составленныхъ» (СПб. 1788 г., изд. 5-е СПб. 1808); дѣятельнымъ сотрудничествомъ его въ составленіи Академическаго словопроизводнаго (изд. 1794 г.), а затѣмъ алфавитнаго (изд. 1822 г.) «Словаря», надъ которымъ онъ трудился сначала вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Дм. Мих. Соколовымъ, а по смерти его въ 1819 г.—одинъ. Съ тѣмъ-же Д. М. Соколовымъ и И. И. Красовскимъ, онъ составилъ, по порученію Академіи, «Россійскую грамматику», 1-е изданіе которой вышло въ СПб. въ 1802 г. (изд. 2-е, 1809, изд. 3-е, 1819 г.) и за которую онъ получилъ отъ Александра I бриллiантовый перстень. Кромѣ того, по порученію той-же Академіи, С. занимался сочиненіемъ полной риторики (не изд.), переводилъ древнихъ и новыхъ писателей, принималъ дѣятельное участіе въ изданіи «Извѣстій Россійской Академіи», составилъ «Новый миѳологическій, иконологическій, историческій и географическій словарь, служащій къ объясненію древнихъ классическихъ писателей»; издалъ на счетъ Академіи составленный имъ, по порученію Комитета устройства учебныхъ заведеній, «Общій церковно-славяно-россійскій словарь...», 2 ч., СПб. 1834. Дѣятельность его по Академіи была чрезвычайно разнообразна, обширна и плодотворна: С. былъ преданный своему дѣлу человѣкъ и, можно сказать, ни одно предпріятіе Академіи не обходилось безъ его энергичнаго участія. «Вся оффиціальная переписка, все дѣлопроизводство, всѣ обязанности по управленію Академическимъ имуществомъ и т. п. лежали на П. И. Соколовѣ, какъ на Непремѣнномъ Секретарѣ Академіи и членѣ всевозможныхъ комитетовъ. И онъ оказался какъ нельзя болѣе на своемъ мѣстѣ. Устройствомъ типографіи и своимъ личнымъ трудомъ, добровольно принявъ на себя обязанности корректора и письмоводителя, онъ много содѣйствовалъ приращенію матеріальныхъ средствъ Академіи»: такъ характеризуетъ дѣятельность С-ва историкъ Россійской Академіи, М. И. Сухомлиновъ.

Кромѣ вышеназванныхъ, С-ву принадлежатъ еще слѣдующіе печатные труды: «Философъ, смѣющійся во снѣ человѣческимъ дѣяніямъ», перев. съ франц. (вмѣстѣ съ Дм. Мих. Соколовымъ), СПб. 1787; «Жизнь Михаила дел-Опиталя, Канцлера французскаго», перев. съ франц. (съ Д. М. Соколовымъ), СПб. 1787; «Одиссея, героическое твореніе Омира. Переведена съ эллиногреческаго языка», М. 1788, 2 ч., изд. 2-е, исправленное, СПб. 1815 г., 2 ч.; «Опытъ о переправахъ черезъ рѣки», соч. гр. Морини. СПб. 1800 (переводъ съ французской рукописи по повелѣнію Александра I); «Пчела, или собраніе разныхъ

статей въ стихахъ и прозѣ, извлеченныхъ изъ россійскихъ писателей прошедшаго и нынѣшняго вѣка, въ пользу и употребленіе юношества, россійскому языку и словесности обучающагося», ч. I, СПб. 1805 (соч. Ломоносова, Сумарокова, Державина, Хераскова, Хемницера, Дмитріева гр. Хвостова, Кутузова, Карабанова и др.); «Публія Овидія Назона Превращенія, переведенныя съ латинскаго» (прозою), изд. Росс. Академіи, ч. I, СПб. 1808; «Ликей, или кругъ словесности древней и новой, соч. I. Ф. Лагарпа», ч.ч. II и III, СПб. 1811 г., изд. Росс. Академіи; «Правила о употребленіи въ письмѣ буквы ѣ, съ присовокупленіемъ полной, азбучнымъ порядкомъ расположенной, росписи всѣмъ словамъ, съ сею буквою пишемымъ...», СПб. 1815; «Каталогъ обстоятельный Россійскимъ рукописнымъ книгамъ священнаго писанія, поучительнымъ, служебнымъ и до церковной исторіи касающимся, въ Библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ хранящимся», составл. по порученію Президента Академіи Наукъ С. С. Уварова, СПб 1818; «Каталогъ обстоятельный россійскимъ рукописнымъ книгамъ, къ россійской исторіи и географіи принадлежащимъ и въ Академической библіотекѣ находящимся», составл. по порученію С. С. Уварова, СПб. 1818; «Каталогъ обстоятельный богословскимъ книгамъ церковной и гражданской печати, находящимся въ 1-мъ отдѣленіи Библіотеки Импер. Академіи Наукъ», составл. по порученію С. С. Уварова, СПб. 1832. П. И. Соколовъ былъ членомъ: С.-Петербургскаго Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ (съ 25 мая 1812 г.), Общества любителей росс. словесности при Московскомъ Университетѣ (съ 18 марта 1816 г.), Казанскаго Общества любителей отечественной словесности (съ 19 января 1817 г.) и дѣйствительнымъ членомъ въ 3-мъ разрядѣ и секретаремъ Бесѣды любителей русскаго слова (съ 11 февраля 1811 г.), со времени ея учрежденія Шишковымъ, который всегда покровительственно относился къ Соколову, особенно за время Президентства своего въ Россійской Академіи. Эта близость его съ главою старой литературной партіи послужила поводомъ къ нападкамъ и насмѣшкамъ надъ нимъ со стороны литературныхъ дѣятелей слѣдующаго поколѣнія (Пушкинъ, кн. Вяземскій, Измайловъ, Плетневъ и др.). А. Ѳ. Воейковъ писалъ о немъ въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ»: «Вотъ онъ, съ харей фарисейской Петръ Иванычъ осударь, Академіи Россейской Непремѣнный Секретарь. Ничего не сочиняетъ, Ничего не издаетъ, Три оклада получаетъ И столовыя беретъ. На дворѣ Академіи грядъ капусты накопалъ, Не пріютъ пѣвцамъ Россіи, А лабазъ для дегтю склалъ. Въ академіяхъ бываютъ Чудаки, бывали встарь: Въ нашей —двое засѣдаютъ: Президентъ и секретарь».—Но въ характеристикѣ Воейкова много несправедливаго: С., несомнѣнно, былъ человѣкъ полезный и очень трудолюбивый, хоть и не очень одаренный.

Формулярный списокъ въ архивѣ Правленія Имп. Академіи Наукъ,—М. И. Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, тт. II, VII и VIII—«Сѣверная Пчела» 1835 г., № 11.—Словарь Старчевскаго, т. IX, г. 2. стр. 517.—Н. И. Гречъ. Опытъ краткой исторіи русской литературы, С.-Пб. 1822,—Державинъ, Сочиненія, подъ ред. Грота,—А. С. Шишковъ, Записки, Берлинъ. 1870,—И. И. Мартыновъ, Записки («Заря.» 1871 г.),—Р. П. Жихаревъ. Дневникъ студента.—В. Бурнашевъ, Знакомство съ Воейковымъ («Русск. Вѣстн.» 1871 г.. № 9, стр. 272—273),—Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. II, стр. 115, 118, 258.—«Русск. Арх.» 1867, 1871, 1875, 1889.—«Русск. Стар.» 1874, 1875.—«Соч. и переводы Росс. Академіи», ч. III, ч. VI, ч. VII, ч. X, XI и XII).—Письма Карамзина къ Дмитріеву, С.-Пб,. 1866.—Барсуковъ, Жизнь и труды Погодина, т. II, III и IV.—Сборн. II Одѣл. Акад. Наукъ, т. I, № VI,—Кочубинскій. Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія.—Н. Ѳ. Дубровинъ. Письма главнѣйшихъ дѣятелей.......С.-Пб. 1883 г.

Б. Модзалевскій.

Соколовъ, *Петръ Ивановичъ*, историческій живописецъ, род. въ 1753 г., умеръ 20 апрѣля 1791 г. въ Петербургѣ. Былъ крѣпостнымъ человѣкомъ княгини Голицыной, которая впослѣдствіи отпустила его на волю. 10-ти лѣтъ отъ роду С. поступилъ въ число воспитанниковъ-пансіонеровъ Императорской Академіи Художествъ гдѣ скоро оказалъ большіе успѣхи въ рисованіи (въ 1767 г. онъ, между прочимъ, получилъ серебряную медаль за рисунки съ натуры). Главнымъ наставникомъ С. въ живописи былъ Д. Левицкій; немалое вліяніе на развитіе художественнаго его таланта имѣлъ и А. Лосенко, продолжателемъ котораго С. является во многихъ отношеніяхъ. Въ 1770 г. С. получилъ малую золотую медаль за картину, написанную по программѣ: «изъ

россійской исторіи, о удержаніи Владиміромъ нанесеннаго отъ Рогнѣды на него соннаго и на тотъ часъ пробудившагося удара ножемъ». Въ этомъ же 1770 г. С. окончилъ курсъ Академіи и былъ оставленъ при ней пенсіонеромъ для усовершенствованія въ живописи. Въ 1772 г. С. былъ удостоенъ большой золотой медали за программную картину: «Кириллъ Философъ греческой: по изъясненіи разныхъ вѣръ показываетъ Великому Князю Владиміру завѣсу съ изображеніемъ страшнаго суда». Въ слѣдующемъ, 1773 г. С. былъ отправленъ на казенный счетъ за границу, откуда неоднократно присылалъ Императорской Академіи Художествъ свои произведенія. Въ Римѣ С. работалъ подъ руководствомъ П. Баттони и Натуара. Въ 1778 г. С., за присланныя изъ Италіи картины: «Меркурій и Аргусъ» (находится въ музеѣ Императора Александра III въ Петербургѣ) и «Дедалъ привязываетъ крылья Икару» (находится въ музеѣ Императорской Академіи Художествъ), былъ признанъ назначеннымъ въ академики. Въ 1782 г. С., за представленную имъ Академіи картину «Венера и Адонисъ» (находится въ музеѣ Академіи Художествъ), былъ избранъ въ академики. Еще съ 1780 г. С. началъ преподавать въ Академіи Художествъ живопись, а въ 1785 г. былъ возведенъ въ званіе адъюнктъ-профессора. Немногочисленныя художественныя работы С-ва свидѣтельствуютъ о его большомъ природномъ дарованіи, развитіе котораго остановила ранняя смерть. По замѣчанію одного стариннаго біографа С-ва (1804 г.), «онъ имѣлъ большія способности къ достиженію имени хорошаго художника и былъ бы отличенъ, если бы держался скоротечности въ работахъ и свободности, свойственной рукѣ Джордано, для которой былъ рожденъ. Но, прибывъ въ Римъ, слѣпо плѣнился манерою Помпео Батони, нимало таланту его не соотвѣтственной, а потому сдѣлался робокъ въ произведеніяхъ и уклонился отъ той стези, которую предназначала ему собственная способность...».

Біографія П. И. Соколова въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1804 г., часть I, стр. 351.—П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія, Спб., 1864—1866 гг.—А. Сомовъ, Картинная галлерея Императорской Академіи Художествъ. I. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи, Спб., 1872 г.—А. Новицкій, Исторія русскаго искусства, М., 1899—1903 гг.—Д. А. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, 1889 г. — Энциклопедическ. словарь Брокгаузъ-Ефронъ.

В. Грековъ.

Соколовъ, *Петръ Федоровичъ*, извѣстный живописецъ, родоначальникъ русской акварельной живописи, род. въ 1787 г. въ Москвѣ, умеръ тамъ же въ 1878 г. Въ 1800 г. поступилъ въ Академію Художествъ, гдѣ и обучался живописи подъ ближайшимъ руководствомъ профессора В. К. Шебуева. Въ бытность свою въ Академіи, С. въ 1807 и 1808 г.г. получилъ малую и большую серебряныя медали за рисунки съ натуры; въ 1809 г. онъ былъ награжденъ малою золотою медалью за картину по программѣ: «изобразить Андромаху, оплакивающую Гектора». Въ этомъ же году С. окончилъ курсъ Академіи съ званіемъ художника 14-го класса и былъ оставленъ при Академіи въ качествѣ пенсіонера для дальнѣйшаго усовершенствованія въ живописи. Ему была задана программа наболышую золотую медаль: «представить отъѣздъ Великаго Князя Дмитрія Донского на сраженіе съ приближавшимся къ Москвѣ Мамаемъ, пріемлющаго благословеніе на сіе рѣшительное дѣло спасенія Россіи отъ св. Сергія Радонежскаго чудотворца и прощающагося съ своею супругою». За написанную по этой программѣ картину С., однако, не получилъ большой золотой медали, дававшей ему право на поѣздку на казенный счетъ за границу, и въ 1810 г. оставилъ Академію. Вслѣдъ за этимъ онъ поступилъ въ качествѣ учителя въ одно семейство, черезъ посредство котораго имѣлъ возможность получать заказы, служившіе ему нѣкоторой матеріальной поддержкой. Историческая живопись не была истиннымъ призваніемъ С-ва. Послѣ первыхъ удачныхъ опытовъ въ акварели, онъ посвятилъ себя всецѣло акварельной портретной живописи, и скоро пріобрѣлъ на этомъ поприщѣ широкую и прочную извѣстность. С. былъ первымъ по времени русскимъ акварелистомъ, впервые показавшимъ, между прочимъ, различіе между акварельной и миніатюрной живописью. Портреты С., при замѣчательномъ сходствѣ, отличались прекраснымъ рисункомъ и пріят-

постью красокъ. Заказы на портреты съ теченіемъ времени поступали къ С-ву все въ большемъ и большемъ числѣ. Черезъ посредство графа Апраксина онъ былъ приглашенъ въ Аничковъ дворецъ написать портретъ великаго князя—впослѣдствіи императора—Александра Николаевича (тогда еще трехлѣтняго ребенка). Этотъ портретъ очень удался С-ву и доставилъ ему цѣлый рядъ новыхъ заказовъ отъ двора. Онъ написалъ для него значительное число портретовъ, среди нихъ — портретъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, великихъ княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны и многихъ иностранныхъ принцевъ, пріѣзжавшихъ къ русскому двору. Съ самаго окончанія курса въ Академіи С. жилъ въ Петербургѣ, хотя предпочиталъ ему Москву, куда часто ѣздилъ, особенно въ 1830-хъ годахъ, для изученія памятниковъ древности; въ Москвѣ онъ останавливался обыкновенно у Е. И. Маковскаго, съ которымъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ 1842 г., вслѣдствіе разстройства здоровья, С. долженъ былъ отправиться для леченія за границу. Находясь въ Парижѣ, онъ написалъ портреты многихъ лицъ парижской русской колоніи. Въ 1843 г. С. снова возвратился въ Россію и въ первое время поселился опять въ Петербургѣ, а въ 1846 г. переѣхалъ на постоянное жительство въ Москву. Въ 1848 г. С. жилъ въ имѣніи графини Орловой - Денисовой близъ Харькова и здѣсь сдѣлался жертвой свирѣпствовавшей въ то время холеры. Какъ человѣкъ, С. отличался благородными качествами души, веселымъ и открытымъ характеромъ, былъ интереснымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ. С. былъ женатъ на сестрѣ К. П. Брюллова. Въ Императорской Академіи Художествъ находится гипсовый слѣпокъ съ бюста С-ва работы И. П. Витали. Изъ работъ С. большою извѣстностью пользуется «Портретъ супруги барона Клодта». Въ музеѣ Императора Александра III въ Петербургѣ находится «Портретъ княгини Черкасской» работы С-ва.

П. Н. Божеряновъ, Петръ Ѳедоровичъ Соколовъ, «Русская Старина» 1890 г., № 6, стр. 656—660 (при этой же книгѣ приложенъ списокъ съ портрета П. Ѳ. Соколова работы Ив. Брюллова). — Воспоминанія А. П. Соколова въ «Русской Старинѣ» 1882 г., томъ XXXIII.—П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія, Спб., 1864—1866 гг. — А. Сомовъ, Картинная галерея Императорской Академіи Художествъ. I. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи. Спб. 1872 г.—А. Н. Андреевъ, Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ, Спб., 1857 г.—Д. А. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, 1889 г.—Каталогъ художественнаго отдѣла русскаго музея Императора Александра III, Спб. 1899 г.—Архивъ Брюлловыхъ, изд. редакціи журнала «Русская Старина», редакція и примѣчанія И. А. Кубасова. Спб., 1900 г.—Энциклопедическій словарь Брокгаузъ-Ефронъ.

В. Грековъ.

Соколовъ, *Яковъ Григорьевичъ,* архитекторъ. Художественное образованіе получилъ въ Императорской С.-Петербургской Академіи, куда поступилъ въ 1795 г. Въ архитектурномъ классѣ выказывалъ большіе успѣхи и въ 1806 и 1808 гг. получилъ большую и малую серебряныя медали за архитектурныя композиціи. Въ 1809 г. окончилъ курсъ Академіи съ золотой медалью за исполненную программу: «сдѣлать проектъ Морскому кадетскому корпусу въ городѣ Николаевѣ». Съ 1811 г. Соколовъ въ теченіе многихъ лѣтъ служилъ архитекторомъ Комитета городскихъ строеній въ Петербургѣ.

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія», Спб. 1864—1866 г.г.

В. Г.

Соленикъ (правильнѣе **Солонникъ**), *Карпъ Трофимовичъ,* знаменитый малороссійскій актеръ, род. въ 1811 г. въ г. Лепелѣ (Витебской губерніи), умеръ 7 октября 1851 г. въ Одессѣ. Происходилъ изъ дворянъ и былъ сынъ уѣзднаго землемѣра. Нѣкоторое время учился въ Виленскомъ университетѣ по математическому факультету, но страсть къ театру вскорѣ побудила его оставить университетъ. Въ началѣ 30-хъ годовъ поступилъ въ труппу Штейна, содержателя харьковскаго театра, на должность суфлера. Однажды, по внезапной болѣзни одного изъ актеровъ, С. взялся сыграть роль въ какой-то комедіи. Этотъ дебютъ обнаружилъ драматическій талантъ С-ка, и съ этого времени онъ сталъ выступать на сценѣ въ качествѣ актера, сначала въ очень незначительныхъ роляхъ. Черезъ нѣкоторое время актеръ труппы Штейна Млотковскій составилъ собственную труппу

и сдѣлался содержателемъ театра въ Курскѣ, куда пригласилъ и С-ка; здѣсь собственно и началась артистическая карьера С-ка. Его сценическіе успѣхи были чрезвычайно быстры, и въ короткое время онъ пріобрѣлъ любовь публики «отъ райка до креселъ» и широкую извѣстность въ провинціи. Антрепренеры провинціальныхъ театровъ наперерывъ приглашали его въ свои труппы, и С. постоянно переѣзжалъ изъ одного города въ другой, всюду встрѣчая самый радушный пріемъ; онъ игралъ въ Кіевѣ, Кишиневѣ, Воронежѣ, Одессѣ и многихъ другихъ городахъ южной Россіи, больше же всего — въ Харьковѣ, который онъ особенно любилъ. Скоро за нимъ утвердилась репутація «знаменитѣйшаго украинскаго актера». Неоднократно онъ получалъ приглашенія петербургскихъ и московскихъ театровъ, но всегда отъ нихъ отказывался: онъ не хотѣлъ покидать Малороссію, которую привыкъ считать своей родиной, такъ какъ провелъ въ ней большую часть своей жизни. Въ 1837 г., во время пребыванія въ Вознесенскѣ Императора Николая I, С. игралъ тамъ въ труппѣ Ерохина вмѣстѣ съ М. С. Щепкинымъ, и его успѣхъ былъ не меньше успѣха московской знаменитости. Умеръ отъ чахотки, на 41-мъ году жизни въ Одессѣ.

С-ку приходилось играть роли самаго разнообразнаго характера, но его талантъ былъ по преимуществу комическій. Умѣнье понять характеръ изображаемаго типа, неподдѣльный юморъ, простота, непринужденность, увлеченіе ролью,—вотъ характерныя черты игры С-ка.—Умный и наблюдательный, С. въ исполненіи малороссійскихъ ролей отличался отъ другихъ тѣмъ, что изображалъ украинцевъ не вялыми и наивными до глупости простаками, какъ это дѣлаютъ многіе актеры, а людьми, полными жизни и «себѣ на умѣ», нерѣдко скрывающими свой умъ подъ маской наружной простоты. Гоголь, который зналъ С.-ка по разсказамъ своихъ друзей и знакомыхъ, писалъ въ 1836 г. Н. Д. Бѣлозерскому изъ Петербурга за три мѣсяца до перваго представленія «Ревизора»: «Собираюсь ставить на здѣшній театръ комедію. Пожелайте, дабы была удовлетворительнѣе сыграна, что́, какъ вы сами знаете, нѣсколько трудно при нашихъ актерахъ. Да кстати: есть въ одной кочующей труппѣ Штейна, подъ дирекціею Млотковскаго, одинъ актеръ, по имени Солeникъ. Не имѣете ли вы о немъ какихъ нибудь извѣстій? и если вамъ случится встрѣтить его гдѣ-нибудь, нельзя ли какъ-нибудь уговорить его сюда? Скажите ему, что мы всѣ будемъ стараться о немъ. Данилевскій видѣлъ его въ Лубнахъ и былъ въ восхищеніи. Рѣшительно комическій талантъ! Если же вамъ не удастся видѣть его, то, можетъ быть, вы получите какое-нибудь извѣстіе о мѣстѣ пребыванія его и куда адресовать къ нему...»

К. Т. Солeникъ, замѣчательнѣйшій провинціальный актеръ, ст. Рымова («Пантеонъ» 1852 г., т. I, № 1, Смѣсь, стр. 31—37).—Нѣсколько словъ о Солeникѣ, Рымова («Харьковскія Губернскія Вѣдомости» 1857 г., № 44). — Воспоминаніе о Солeникѣ, знаменитѣйшемъ украинскомъ актерѣ, Н. Мизко («Основа» 1861 г., № 2, стр. 176—184).—Харьковскій актеръ Карпъ Трофимовичъ Солeникъ, ст. Н. Н. («Москвитянинъ» 1852 г., т. I, № 1, отд. VI, стр. 22 — 28). — Справочный энцикл. словарь Края, томъ 9.—Письма Н. В. Гоголя, изд. Маркса (томъ I, стр. 365).—Некрологъ въ Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1851 г., № 42.—Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока, 1895 г. (томъ III, стр. 14, примѣч. 2). — Разсказы М. С. Щепкина, М. А. Щепкина («Историческій Вѣстникъ» 1898 г., № 10, стр. 215—216).—Воспоминанія артиста Императорскихъ театровъ А. А. Алексѣева (Историческій Вѣстникъ 1892 г., № 7, стр. 107—108).

Вл. Грековъ.

Солнцевъ, *Гавріилъ Ильичъ*, «профессоръ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ» въ Казанскомъ университетѣ, род. 22 марта 1786 г. въ селѣ Радогощъ, Дмитровскаго уѣзда, Орловской губ., ум. 26 ноября 1866 г. въ Казани. Сынъ соборнаго священника города Дмитрова, первоначальное образованіе получилъ въ дмитровскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ поступилъ въ сѣвскую семинарію, по окончаніи курса которой опредѣлился на службу въ орловское губернское правленіе (1807 г.). Въ 1811 г., по своему желанію, былъ перемѣщенъ въ Москву, въ канцелярію 7-го департамента Прав. Сената. Въ свободное отъ служебныхъ занятій время онъ сталъ слушать лекціи въ Московскомъ университетѣ по отдѣленію нравственно — политическихъ наукъ и заниматься новыми языками, преимущественно нѣмецкимъ. Въ 1812 г., передъ оставленіемъ Москвы всѣ сенатскія дѣла и архивы были отправлены въ Казань, и С-ву было поручено сопровождать этотъ транспортъ до Казани. Сдавъ пору-

ченныя ему сенатскія дѣла, онъ уволился изъ сенатской канцеляріи и въ 1814 г. подалъ въ Казанскій университетъ прошеніе «о учиненіи ему на законномъ основаніи испытанія и о причисленіи его въ службу университета». 17 декабря того же года онъ былъ утвержденъ докторомъ обоихъ правъ, употребивъ на магистерскій экзаменъ, чтеніе публичныхъ лекцій и защиту диссертаціи менѣе полугода. Въ 1815 г. онъ подалъ прошеніе въ университетскій совѣтъ объ опредѣленіи его экстраординарнымъ профессоромъ «правъ знатнѣйшихъ, какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, съ присовокупленіемъ къ онымъ россійскаго законодательства». По разсмотрѣніи представленныхъ С-вымъ «въ подкрѣпленіе своего прошенія» сочиненій по самымъ различнымъ наукамъ, проходившимся на юридическомъ факультетѣ, совѣтъ единогласно призналъ его достойнымъ занять просимую имъ каѳедру, на что 9 іюня 1815 г. послѣдовало и утвержденіе министра. Вскорѣ онъ сталъ читать лекціи по римскому и общему германскому уголовному праву и, кромѣ того, «занималъ своихъ слушателей юридическими состязаніями, дабы пріучить ихъ доказывать каждую статью изъ правъ словесно и письменно, какъ на россійскомъ, такъ и на латинскомъ языкѣ», при чемъ преподаваніе его носило преимущественно практическій характеръ. Утвержденный 23 іюля 1817 г. въ званіи ординарнаго профессора, С. съ 3 іюня 1818 г. по іюнь 1819 г. состоялъ деканомъ отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, а съ декабря 1818 г. исполнялъ въ теченіе одного года и обязанности проректора. Въ 1819 г., «за выбытіемъ изъ университета многихъ наличныхъ профессоровъ юрид.-полит. наукъ», на него было возложено, кромѣ лекцій по его собственной каѳедрѣ, еще и преподаваніе «правъ россійскихъ: гражданскаго, уголовнаго, полицейскаго, государственнаго, естественнаго, частнаго, публичнаго, народнаго и др.» 29 октября того же года, по представленію казанскаго попечителя Магницкаго, благосклонно относившагося къ С-ву и давшаго о немъ въ своемъ донесеніи къ министру прекрасный отзывъ, С. былъ утвержденъ на одинъ годъ въ званіи ректора университета. Однако благосклонностью Магницкаго С. пользовался недолго. Послѣ увольненія значительнаго числа профессоровъ, почему-либо казавшихся неблагонадежными попечителю, всюду видѣвшему «духъ вольнодумства и лжемудрія», въ число неблагонадежныхъ попалъ и самъ С., только что успѣвшій сложить съ себя обязанность ректора. Послѣ того какъ кто-то донесъ Магницкому, что лекціи естественнаго права С-ва «основаны на разрушительныхъ началахъ», Магницкій тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о преданіи С-ва университетскому суду, при чемъ обвинительными документами должны были служить студенческія тетради съ записями лекцій С-ва. Противъ многихъ мѣстъ этихъ лекцій были сдѣланы собственноручныя примѣчанія Магницкаго, доказывавшія, что С. «опровергаетъ совершенно всѣ основанія общества и церкви», оправдываетъ самоубійство, проповѣдуетъ революціонныя идеи и т. п. Послѣ двухлѣтней работы коммиссія, разбиравшая дѣло С-ва, постановила весной 1823 г. приговоръ, по которому слѣдовало «удалить его навсегда отъ профессорскаго званія и впередъ никогда ни къ какой должности во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ не опредѣлять». Этимъ приговоромъ прекратилась непродолжительная служба С-ва въ университетѣ, въ теченіе которой онъ изъ незначительнаго чиновника сдѣлался извѣстнымъ профессоромъ и ректоромъ. Насколько справедливы были предъявленныя противъ него обвиненія, можно видѣть изъ того, что тотчасъ же послѣ увольненія изъ университета С. былъ назначенъ предсѣдателемъ казанской палаты уголовнаго суда, а лѣтомъ 1824 г.— казанскимъ губернскимъ прокуроромъ и въ этой должности онъ былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ свѣдущій и ученый юристъ и какъ человѣкъ неподкупной честности. Послѣднюю должность онъ исполнялъ въ теченіе 20 лѣтъ. Разставшись съ университетомъ, онъ продолжалъ заниматься научными трудами, преимущественно переводами, но большинство его работъ осталось въ рукописяхъ. По своей спеціальности онъ напечаталъ лишь «Естественное, частное, публичное и народное право Финке». (Казань, 1816, 8°).

Н. П. Загоскинъ, Дѣятели Императорскаго Казанскаго университета (1805—1900 гг.), стр. 115—116 (Казань 1900). — Его же, Историч. записка о четы-

рехъ отдѣленіяхъ Казанскаго университета за 1814—1827 гг. (Казань, 1899).—Его же, Матеріалы для исторіи каѳедръ и учрежденій Импер. Казанскаго университета (1804—1826), (Казань 1899 г.), № 81.—Владиміровъ, Историч. записка о 1-й Казанской гимназіи, т. I, ч. II, стр. 61.—Н. Буличъ, Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819), ч. II, стр. 55, 64, 90, 492, 524, 776—789 (Казань, 1891 г.). — Н. Агафоновъ, Краткія свѣдѣнія о жизни Гавріила Ильича Солнцева (Казань, 1867 г., перепечатано изъ «Справочнаго Листка», №№ 11 и 12). — Университетскій судъ надъ профессоромъ Солнцевымъ во время попечительства Магницкаго (Ученыя Записки Казанскаго университета по отдѣл. историко-филолог. и политико-юридич. наукъ, 1864 г., вып. I, стр. 267—288).—Архимандритъ Гавріилъ. Исторія Философіи, ч. VI, стр. 98—114 и 143. (Казань, 1840 г.).—М. И. Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію (Спб., 1889 г.), т. I, стр. 229—231.—Е. М. Ѳеоктистовъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Магницкій. (Русскій Вѣстникъ, 1864 г., іюль, стр. 14—15).—«Московск. Вѣдом.», 1866 г., № 273. (Некрологъ);—П. Суворовъ. Записки о прошломъ (М. 1898 г.), стр. 11—15;—Казанскій календарь на 1869 г., изд. Тилли, стр. 53—54;—Баронъ Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго (1861 г.); ч. II, стр. 190;—П. И. Михайловъ. Казанская старина. («Рус. Старина», 1899 г., №10);—П. А. Пономаревъ. Одна изъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ. («Историч. Вѣстн.», 1887 г., № 4, стр. 114—115);—Энцикл. словарь Брокгауза.

П. Гуревичъ.

Солнцевъ, *Ѳедоръ Григорьевичъ,* художникъ-археологъ, академикъ живописи исторической и портретной, почетный вольн. общникъ Императорской Академіи Художествъ, род. 14 апр. 1801 г. въ селѣ Верхненикульскомъ, Мологскаго уѣзда, Ярославской губ., ум. 3 марта 1892 г., въ Петербургѣ. Отецъ его былъ крестьяниномъ графа Мусина-Пушкина. Вскорѣ послѣ рожденія сына онъ уѣхалъ въ Петербургъ, получилъ мѣсто кассира при императорскихъ театрахъ и занималъ эту должность до своей смерти (1840). Мальчикъ-С. оставался въ деревнѣ съ матерью, которая на шестомъ году начала учить его грамотѣ, хотя безуспѣшно. Потомъ онъ учился у старичка-управляющаго имѣніемъ графа Мусина-Пушкина, и также съ малымъ успѣхомъ. Старикъ-учитель часто наказывалъ мальчика, особенно за тетради, которыя всегда оказывались запачканными и разрисованными. С. пробылъ въ деревнѣ съ матерью до 1815 г. Отецъ, замѣтивъ у сына страсть, взялъ его въ Петербургъ. Въ томъ же 1815 г. С. поступилъ пенсіонеромъ въ Академію Художествъ, гдѣ обнаружилъ быстрые успѣхи: въ рисовальномъ классѣ онъ пробылъ менѣе полугода и переведенъ былъ въ гипсовый, въ которомъ пробылъ тоже недолго и перешелъ въ натурный, избравъ своею спеціальностью историческую и портретную живопись. Въ академіи С. пробылъ $9^1/_2$ лѣтъ. Въ натурномъ классѣ онъ получилъ двѣ серебряныхъ медали. За картину «Крестьянское семейство» (1824 г.) онъ получилъ вторую золотую медаль и оставленъ пенсіонеромъ для дальнѣйшаго усовершенствованія. Для полученія первой золотой медали С. написалъ картину «Спаситель съ фарисеями по евангельской притчѣ о монетѣ» (1827 г.). Наиболѣе близкое отношеніе къ его художественнымъ работамъ въ спеціальныхъ классахъ имѣли профессора С. С. Щукинъ, А. Е. Егоровъ и отчасти А. Г. Варнекъ. Совѣтъ Академіи присудилъ С-ву за послѣднюю картину первую золотую медаль, при чемъ рѣшено было отправить его заграницу, только не въ Италію, а въ Китай, въ Пекинъ, на 4 года. Съ рекомендательнымъ письмомъ отъ вице-президента Академіи, А. Н. Оленина, С. отправился къ о. Іоакинфу Бичурину, только что вернувшемуся изъ Китая,—чтобы разспросить его и получить необходимыя свѣдѣнія о странѣ, куда его посылали. Бичуринъ отговорилъ молодого художника отъ поѣздки, запугавъ его тѣмъ, что въ Китаѣ ему придется пробыть безконечное число лѣтъ, ибо выбраться оттуда трудно. С. отказался отъ командировки, вышелъ изъ пансіонеровъ Академіи и сталъ жить уроками и тѣмъ, что писалъ портреты. Къ Оленину онъ долго не показывался, боясь его гнѣва.

Оленинъ обратилъ вниманіе на С. главнымъ образомъ по поводу его картины «Крестьянское семейство». Создавъ новую у насъ науку, «Отечественную археологію», Оленинъ, вознамѣрился сдѣлать его иллюстраторомъ своихъ ученыхъ сочиненій по русской археологіи. Нуждаясь въ деньгахъ, С. рѣшился наконецъ обратиться къ Оленину за работой. Оленинъ обошелся съ нимъ ласково и поручилъ ему нарисовать академическіе мундиры и картину «Липецкое сраженіе». За все это С. получилъ 500 р. Послѣ того Оленинъ предложилъ ему нарисовать «Рязанскія древности», найденныя въ 1822 г. (13 золотыхъ бляхъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями и

жемчугомъ, бармы, разныя кольца, перстни и мн. др.). С. рисовалъ съ такимъ искусствомъ и такъ похоже, что профессоръ перспективы, М. Н. Воробьевъ, замѣтивъ (въ кабинетѣ Оленина), на столѣ бляху, принялъ ее за настоящую и хотѣлъ сдвинуть рукою,—а это оказался рисунокъ Солнцева. Исполняя порученія Оленина и часто бывая у него, С. сдѣлался своимъ человѣкомъ въ его домѣ и встрѣчался здѣсь съ Крыловымъ, Брюлловымъ, Пушкинымъ, Гнѣдичемъ, Жуковскимъ и др. Послѣ окончанія «Рязанскихъ древностей» Оленинъ поручилъ ему рисовать керченскія и фанагорійскія древности, которыя и были окончены въ началѣ 1830 г. Оленинъ окончательно убѣдился въ талантахъ своего ученика и въ приверженности къ тому дѣлу, на которое онъ направлялъ его, а потому вскорѣ вывелъ его на ту дорогу, гдѣ С. такъ прославился и такъ много сдѣлалъ. 9 мая 1830 г. С., по Высочайшему повелѣнію, былъ отправленъ въ Москву и другіе города и монастыри, для срисовыванія старинныхъ одѣяній, оружія, церковной и царской утвари, скарба, конской сбруи и проч. древнихъ предметовъ. Оленинъ снабдилъ его наставленіями по предмету предстоящихъ занятій и рекомендательными письмами. По пріѣздѣ въ Москву С. усердно принялся за работу и мѣсяца черезъ полтора послалъ Оленину девять рисунковъ, въ томъ числѣ два печатныхъ, имъ раскрашенныхъ и изображающихъ шишакъ вел. князя Ярослава Всеволодовича. Кромѣ того С. послалъ 6 прорисей на прозрачной бумагѣ съ разныхъ украшеній, насѣченныхъ золотомъ, и съ нѣкоторыхъ старинныхъ оружій. Оленинъ въ своемъ письмѣ (отъ 24 іюля 1830 г.) благодарилъ его за присланное и предписывалъ ему съѣздить во Владиміръ, въ Юрьевъ-Польскій и въ Троицко-Сергіеву Лавру. Деньги на эти командировки отпускались изъ Академіи Художествъ. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы С. послалъ Оленину еще нѣсколько рисунковъ и между прочимъ латы или зерцалы царя Алексѣя Михайловича. При этомъ онъ предлагалъ срисовать и дѣтскія латы вел. князя Дмитрія Донского. Оленинъ въ своемъ письмѣ благодарилъ его, но далъ ему предостереженіе—быть осторожнымъ и «худо вѣрить всѣмъ наименованіямъ, даннымъ въ оружейной палатѣ разнымъ предметамъ старинняго нашего оружія, утвари, одѣянія и скарба». Особенно онъ совѣтовалъ остерегаться въ показаніяхъ о принадлежности тѣхъ или иныхъ вещей такому-то, будто-бы, знаменитому вельможѣ, князю или царю, и сообщаетъ, какъ П. С. Валуевъ, завѣдывавшій московской мастерской оружейной палатой, имѣлъ страсть произвольно приписывать старинные предметы разнымъ лицамъ, знаменитымъ въ исторіи, — или какъ Свиньинъ, съ своимъ пылкимъ воображеніемъ, фантазировалъ по поводу археологическихъ находокъ. Оленинъ учитъ С-ва поступать слѣдующимъ образомъ: «Если въ старинныхъ самыхъ описяхъ мастерской оружейной палаты не найдется подтвержденія, что такая-то вещь или предметъ принадлежитъ именно такому, то всякій разъ слѣдуетъ писать: доспѣхъ, латы, брони, зерцало, кольчуга, шлемъ, шишакъ, прилбица и проч., нарядъ, платье, кресла и проч., приписываемые такой-то особѣ». Мнимыя дѣтскія латы в. кн. Дмитрія Донского Оленинъ проситъ не срисовывать и увѣряетъ его, что онѣ Дмитрію никогда не принадлежали, «ибо въ томъ вѣкѣ, въ которомъ онъ жилъ (1349—1362), не токмо въ Россіи, но нигдѣ въ Азіи и въ Европѣ такого рода латъ не употребляли». Оленинъ обладалъ обширными историческими и археологическими познаніями и многому научилъ С-ва: первые годы археологической дѣятельности С-ва онъ былъ безусловнымъ его руководителемъ въ дѣлѣ знакомства съ археологическимъ матеріаломъ. Оленинъ старался привить ему даже методъ изученія и срисовыванія древностей. Вотъ образчикъ того, какіе подробные совѣты получалъ отъ него С. Въ концѣ августа 1830 г. Оленинъ пишетъ ему: «Поручаю вамъ весьма подробно карандашемъ означить на самыхъ рисункахъ: а) какъ, по преданіямъ мѣстнымъ, оружіе или другой какой либо предметъ, или особая часть онаго называлась? Какъ-то, въ головномъ оружіи: шлемы, шишаки, прилбицы, наплечники, мисюрки, и части ихъ: козырьки, переносицы, личины, наушія или лапитники, затыльники и кольчужныя къ нимъ сѣтки, и пр. и пр. б) всѣ сіи имена записывать вамъ въ особую тетрадь, съ ссылками или указаніями карандашемъ на нарисованные вами предметы подъ

сими именами. в) На всѣхъ вами вырисованныхъ подробностяхъ и на прописяхъ ставить явственно нумера или литеры, чтобы можно ихъ было, при отдѣлкѣ предметовъ (здѣсь въ СПб.) начисто, безошибочно размѣщать и, наконецъ, г) для надлежащаго эффекта, при окончательной отдѣлкѣ, нужно вамъ будетъ особые имѣть рисуночки, красками сдѣланные, хотя въ маломъ видѣ, общаго вида и цвѣта рисуемаго вами предмета или какой-либо важной части онаго». Наставленіе это доходитъ до тонкихъ мелочей. С. сознается, что онъ вполнѣ слѣдовалъ наставленіямъ своего руководителя, и чувствуетъ большую къ нему признательность. Въ томъ же письмѣ, гдѣ давались приведенныя наставленія, Оленинъ велитъ С-ву съѣздить во Владиміръ и срисовать тамъ видъ собора, въ маломъ размѣрѣ, и вырисовать подробности наружнаго вида его; затѣмъ побывать въ Троицкой лаврѣ, гдѣ нужно было срисовать древности, имѣющія какой-либо археологическій интересъ. Изъ Владиміра С. ѣздилъ въ Юрьевъ-Польскій и по дорогѣ заѣзжалъ въ село Лыково, близъ котораго въ урочищѣ Жары, въ Лѣсничьемъ Оврагѣ, найдены были остатки шишака вел. князя Ярослава Всеволодовича. С. долженъ былъ провѣрить по разспросамъ у мѣстныхъ жителей, какъ и при какой обстановкѣ былъ найденъ шишакъ. Осматривая урочище Жары, онъ дѣлаетъ предположеніе, что здѣсь произошло сраженіе, описанное въ лѣтописи, что Ярославъ былъ застигнутъ врасплохъ, невооруженнымъ, и его шишакъ былъ втоптанъ въ грязь и такимъ образомъ сохранился до нашихъ дней. Что онъ дѣйствительно принадлежалъ Ярославу, С. заключилъ изъ того, что спереди шишака изображенъ Михаилъ-Архангелъ съ надписью: «Архистратиже-Михаиле, помози рабу твоему Ѳеодору» (т. е. Ярославу, такъ какъ это его христіанское имя). Этотъ и другіе примѣры указываютъ, насколько хорошо зналъ С. наши лѣтописи и какъ умѣло опредѣлялъ древность найденной вещи. До Юрьева-Польскаго С. не добрался въ этотъ разъ, такъ какъ появилась холера. Оленинъ предписалъ ему вернуться въ Москву и оттуда въ Петербургъ. Всюду его задерживали карантины, а въ Москву совсѣмъ не пустили, и онъ, объѣхавъ ее, добрался до Петербурга, гдѣ знакомые уже служили по немъ панихиды. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Оленина С. занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ рисунковъ. За это путешествіе (въ Москву и Владиміръ) онъ получилъ отъ государя бриліантовый перстень. Зиму 1831—1832 г. С. продолжалъ приводить въ порядокъ рисунки, сдѣланные во время путешествія. Лѣтомъ 1832 г. онъ жилъ на дачѣ у Оленина (въ Пріютинѣ) и рисовалъ барельефы и военныя арматуры для Александровской колонны. Потомъ срисовалъ образъ Исаакія Далматскаго, съ котораго Веклеръ набиралъ мозаику. Въ это время работы С. чрезъ Оленина стали извѣстны императору Николаю I: 27 апр. 1833 г. С. былъ причисленъ къ Академіи и къ кабинету Его Величества. Лѣтомъ 1833 г. С. былъ отправленъ въ Новгородъ для археологическихъ занятій. По пріѣздѣ туда ему пришлось дожидаться разрѣшенія отъ митрополита, и это длилось бы долго, если бы ему не помогъ архимандритъ Деревенецкаго монастыря, о. Ефремъ, который пригласилъ С. въ свой монастырь срисовывать древности. Получивъ формальное разрѣшеніе отъ митрополита, С. срисовалъ въ Новгородѣ всѣ болѣе или менѣе достопримѣчательныя древности. Между прочимъ онъ донесъ Оленину, что въ сараяхъ Софійскаго собора, подъ кучами извести, нашелъ разломанныя рѣзныя ворота (изъ дерева), сдѣланныя по повелѣнію Ивана Грознаго. Пріѣхавъ въ Петербургъ, С. представилъ Оленину болѣе ста рисунковъ, а тотъ поднесъ ихъ имп. Николаю I, который остался очень доволенъ рисунками и велѣлъ спросить у художника, что онъ хочетъ въ награду: С. ничего не пожелалъ. Но ему назначено было пенсіонерское жалованье, прислана награда и объявлено монаршее благоволеніе. Рисунки съ новгородскихъ древностей помѣщены въ Московскую оружейную палату. Нѣсколько времени спустя Оленинъ отправилъ С-ва опять въ Москву «для продолженія художническихъ занятій по части русскихъ древностей». Предварительно С. долженъ былъ заѣхать въ Новгородъ для провѣрки нѣкоторыхъ предметовъ и оттуда проѣхать въ Торжокъ «для срисовыванія въ старинномъ семъ городѣ оставшихся достопримѣчательностей».—«Я не буду вамъ вновь пред-

писывать правилъ», говоритъ Оленинъ въ письмѣ,—«для лучшаго исполненія предписаннаго вамъ дѣла, припоминая старинную русскую поговорку: «ученаго учить—только портить». Такъ уже въ это время Оленинъ призналъ за С-вымъ самостоятельность, знанія и умѣнье, и какъ будто призналъ его вполнѣ подготовленнымъ для археологическихъ занятій. С. пробылъ съ мѣсяцъ въ Новгородѣ и Торжкѣ, гдѣ срисовалъ нѣсколько старинныхъ нарядовъ женщинъ, принадлежавшихъ къ купеческому сословію. Къ августу 1834 г. онъ прибылъ въ Москву, гдѣ и сталъ заниматься въ Оружейной палатѣ, въ соборахъ Успенскомъ, Архангельскомъ и др. Во время его занятій пріѣзжалъ иногда митрополитъ Филаретъ, который интересовался его работами и оказывалъ ему свое расположеніе. С. ѣздилъ въ Троице-Сергіеву Лавру, гдѣ между прочимъ срисовалъ окладъ евангелія князя Василія Дмитріевича. Чрезвычайно внимательно относился къ художнику и военный генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ, который зналъ его рисунки и такъ цѣнилъ, что хотѣлъ даже нѣкоторые изъ нихъ послать въ Парижъ для гравированія. Впрочемъ, это намѣреніе не состоялось, такъ какъ рисунки надо было уменьшить, и они съ текстомъ изданы были въ Москвѣ на средства Московскаго Университета, по ходатайству кн. Голицына. О своихъ московскихъ работахъ С. постоянно извѣщалъ Оленина, прося у него совѣтовъ. Между прочимъ онъ извѣщалъ его, что въ Оружейной палатѣ находится скипетръ будто бы Владиміра Мономаха. Оленинъ поручилъ ему произвести строгое и подробнѣйшее разсмотрѣніе всей царской утвари, принадлежащей къ скипетру: корону, бармы и державу; справиться съ архивными документами и сдѣлать заключенія о древности этихъ вещей. С. блестяще выполнилъ это порученіе и сдѣлалъ неожиданное открытіе. Рисуя скипетръ, онъ разсматривалъ въ подробности все: надо было нарисовать изображеніе двѣнадцати годовыхъ праздниковъ отдѣльно, которые находились поверхъ скипетра. Одинъ изъ праздниковъ закрытъ былъ украшеніями. С. сдвинулъ эти украшенія и увидѣлъ надпись 1638 г. Эту надпись Оленинъ поручилъ ему провѣрить. С. обратился въ архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и тамъ изъ одного дѣла узналъ, что когда довелось короноваться царю Михаилу Ѳеодоровичу, то не оказалось ни скипетра, ни державы. Поэтому въ Грецію посланъ былъ противень (рисунокъ-образчикъ), съ котораго и сдѣлали скипетръ и державу. Точно такъ же и бармы Мономаха сдѣланы были по противню въ Греціи, во время Михаила Ѳеодоровича. Такимъ образомъ С. доказалъ, что не только по открытому имъ на скипетрѣ году, но и по архивному описанію, по работѣ и грани камней—скипетръ, держава и бармы, такъ называемые Мономаховы, вовсе не принадлежали Мономаху. Въ ноябрѣ 1834 г. С. испросилъ разрѣшеніе побывать зимою въ Петербургѣ. Кромѣ домашнихъ дѣлъ ему хотѣлось привести въ порядокъ свои работы, докончить начатые рисунки и провѣрить ихъ съ прежде сдѣланными и хранившимися у Оленина. За свою археологическую и этнографическую дѣятельность С. 7 апрѣля 1835 г. получилъ орденъ св. Анны 3 степени. Отдохнувши среди родныхъ въ Петербургѣ и исправивъ недоконченные рисунки, С. въ началѣ лѣта 1835 г. опять отправился въ Москву. Надо замѣтить, что съ этого времени, въ теченіе 8 лѣтъ, хотя С. посѣщалъ и нѣкоторые другіе города, какъ-то: Рязань, Юрьевъ-Польскій, Смоленскъ и др., но главное пребываніе имѣлъ въ Москвѣ. Пріѣхавъ въ Москву, онъ изготовилъ образъ св. Бориса, найденный имъ въ синодальной ризницѣ, портреты царя Ѳеодора Ивановича, Скопина и нѣкоторые другіе рисунки. Въ октябрѣ 1835 г. всѣ эти рисунки онъ послалъ Оленину. Въ томъ же мѣсяцѣ С. получилъ отъ Оленина утвержденную совѣтомъ Академіи программу, заданную ему для полученія степени академика. Программа, составленная Оленинымъ, заключалась въ слѣдующемъ: «Представить на самомъ большомъ листѣ или на двухъ листахъ бристольской бумаги акварелью собраніе разныхъ произведеній искусства древнихъ, найденныхъ въ Россіи,—и особенно русскихъ старинныхъ издѣлій, оружія, утвари и одежды церковной и царской и нѣкоторыхъ нынѣшнихъ старобытныхъ костюмовъ, уцѣлѣвшихъ между простолюдинами. Все сіе расположить и сгруппировать пріятнымъ образомъ (въ одной рамкѣ), но притомъ такъ явственно и несбивчиво,

чтобы любопытнѣйшія части каждаго предмета были видны, и чтобы въ каждомъ изъ нихъ строжайше былъ сохраненъ отличительный его характеръ». Для выполненія заданной программы, С-ву предстояло нарисовать русскія древности, особенно старинные русскіе костюмы. Поэтому для соединенія въ одномъ изображеніи древне-греческаго искусства съ нашимъ древне-русскимъ, С., между прочимъ, задумалъ написать акварелью живописное произведеніе, изображающее «Свиданіе князя Святослава Игоревича съ греческимъ Императоромъ Цимисхіемъ». Какъ ни былъ опытенъ С. въ дѣлѣ срисовыванія древностей, но выполненіе программы, по его собственнымъ словамъ, было не легко для него. Оленинъ принималъ самое дѣятельное участіе въ его трудѣ: онъ помогалъ ему совѣтами, указаніями, содѣйствовалъ всѣмъ, чѣмъ только могъ, напр., дѣлалъ для него выписки изъ греческихъ писателей, описывающихъ вооруженіе своего времени, и пр. С. преодолѣлъ всѣ препятствія: черезъ годъ программа была исполнена (въ 1836 г.), и С. получилъ званіе академика. Почти одновременно съ приготовленіемъ программы С. занимался возстановленіемъ древнихъ царскихъ теремовъ въ Кремлѣ. Эти терема состояли изъ девяти комнатъ и были чрезвычайно запущены: въ нихъ жили какіе-то плотники. Императоръ Николай I, любитель и цѣнитель отечественной старины и историческихъ достопамятностей, задумалъ возстановить царскіе терема, драгоцѣнный памятникъ XVII в. Вице-президентъ московской дворцовой конторы, баронъ Боде предложилъ С-ву сдѣлать рисунки для возобновленія теремовъ. До этого представленные 14 проектовъ не нравились государю. С. сдѣлалъ рисунки и представилъ Боде, а этотъ прямо послалъ ихъ къ государю. Черезъ нѣсколько времени (1835 г.) Оленинъ извѣщалъ С-ва, что государь остался чрезвычайно доволенъ его рисунками. Весною 1836 г. С. получилъ отъ Боде предложеніе приступить къ работамъ по составленнымъ имъ рисункамъ. При возстановленіи теремовъ С. впервые ясно и наглядно обнаружилъ свои блестящія познанія въ области живописной археологіи. Началъ онъ съ дверныхъ наличниковъ, которые были лѣпные и закрѣплены бѣлой клеевой краской. Чего нельзя было разобрать, то онъ дополнялъ, сообразуясь съ общимъ характеромъ сохранившихся украшеній. То же самое дѣлалъ онъ и съ обстановкой теремовъ. На чердакахъ и въ подвалахъ загородныхъ дворцовъ (Измайловскомъ, Коломенскомъ и др.) были найдены имъ нѣкоторыя древнія вещи, напр. стулъ, кресло; по нимъ-то С. сдѣлалъ столько экземпляровъ, сколько требовалось для всѣхъ 9 комнатъ; отыскался карнизъ кровати, для которой сдѣланы были подходящія по рисунку колонны; нашлись наволочки, подушки, коверъ, вышитый царевной Софьей Алексѣевной, столъ царя Алексѣя Михаиловича, въ селѣ Коломенскомъ отыскали кафельную печку и, починивъ нѣкоторые испорченные кафели, пустили ее въ дѣло; отыскались и нѣкоторыя другія старинныя вещи. Собравъ весь этотъ скарбъ, дополнивъ недостающія вещи новыми, сдѣланными по рисункамъ, тщательно составленнымъ С-мъ съ разныхъ древнихъ украшеній и предметовъ, такимъ образомъ возобновили терема. Помощниками С-ва были: ученикъ Московскаго архитектурнаго училища Герасимовъ и вольнопрактикующій живописецъ Киселевъ. Къ концу 1836 г. работы были кончены. Въ это время Императоръ Николай I прибылъ въ Москву и осматривалъ терема, призванные къ жизни послѣ долгаго заброса и запустѣнія. Государь остался очень доволенъ теремами, обласкалъ С-ва, представилъ его Государынѣ, пожаловалъ ему орденъ св. Владиміра 4 степени и брилліантовый перстень. Уже и раньше Государь замѣтилъ С-ва; теперь же онъ окончательно обратилъ на него вниманіе и очень цѣнилъ его таланты. Государю повидимому нравились громадныя археологическія познанія С-ва, его любовь и пониманіе русскихъ древностей. При осмотрѣ какихъ-либо древностей Государь постоянно обращался за разъясненіями къ С-ву, если онъ былъ на лицо. Многія изъ вещей, находящихся въ Оружейной палатѣ и въ Благовѣщенскомъ соборѣ, Государь поручилъ С-ву срисовать. Напр., образъ Донской Б. Матери, царское мѣсто, всѣ головныя украшенія, такъ называемую корону Мономаха, короны—Астраханскую, Сибирскую, Казанскую и разныя др. вещи. Между прочимъ научной заслугой С-ва надо считать и его открытіе,

что Астраханская корона сдѣлана при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, а Сибирская для Алексѣя Михайловича по случаю ихъ похоронъ. Оленинъ благодарилъ С-ва за такое открытіе, а завистливый Малиновскій, смотрѣвшій за архивомъ, запретилъ пускать С-ва въ архивъ. Въ 1836 г. С ѣздилъ также во Псковъ вмѣстѣ съ художникомъ Брюлловымъ, который въ это время возведенъ былъ въ званіе профессора Академіи и, въ видѣ программы на это званіе, принялся за исполненіе громадной картины: «Осада Пскова». Для этой работы ему необходимо было посѣтить Псковъ, при этомъ онъ заявилъ желаніе, чтобы съ нимъ командировали и С-ва. Оленинъ надавалъ послѣднему очень много порученій по части срисовыванія древностей. По словамъ С-ва, Брюлловъ очень мѣшалъ ему, увлекалъ его по гостямъ или заставлялъ сидѣть около него въ качествѣ сидѣлки. Тѣмъ не менѣе С. срисовалъ извѣстный проломъ въ стѣнѣ Баторія. Въ Печерскомъ монастырѣ, куда они также ѣздили, С. срисовалъ древнія сабли, бердыши, копья, трубы и нѣкоторыя другія вещи, и все это было срисовано украдкой отъ Брюллова. Съ 1837 г. С., хотя время отъ времени и ѣздилъ въ другія города для занятій древностями, главное пребываніе, однако, имѣлъ въ Москвѣ. Здѣсь ему предстояло еще много работы и по непосредственнымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, и по порученіямъ Оленина. Такъ, сейчасъ же по возобновленіи теремовъ, Государь повелѣлъ С-ву возобновить находящіяся въ нихъ Рождественскую и Крестовоздвиженскую церкви. Затѣмъ, когда въ Петербургѣ найдены были походные иконостасы, по преданію, Петра Великаго, Грознаго и Елизаветы Петровны, то Государь приказалъ возобновить и ихъ. Также по Высочайшему повелѣнію С. принималъ участіе и въ устройствѣ Большого дворца, построеннаго на мѣстѣ прежняго, послѣ 1812 г., на половину деревяннаго. Открывши, при копаніи рвовъ для фундамента Большого дворца въ Москвѣ, церковь, наполненную пустыми дегтярными бочками, С. возобновилъ ее. Это—церковь во имя Воскресенія Лазаря. Возникновеніе русскаго архитектурнаго стиля также отчасти обязано С-ву, потому что архитекторъ Тонъ, пріобрѣвшій извѣстность постройками храмовъ и зданій въ русскомъ стилѣ, первый свой проектъ русскаго храма XVII вѣка составилъ по рисункамъ С-ва и Ефимова. Для внутренняго украшенія Большого дворца С. работалъ довольно много. Онъ приготовилъ рисунки для паркетныхъ половъ дворца, составилъ рисунки ковровъ для комнатъ, рисунки деревянныхъ дверей для залъ дворца (георгіевской, александровской, андреевской и екатерининской) и для парадныхъ комнатъ. Все это осматривалось и одобрялось самимъ государемъ. Почти два года (1839—1840) С. занятъ былъ по изготовленію рисунковъ для новаго Большого кремлевскаго дворца. Одновременно съ работами по внутреннему украшенію Большого новаго дворца (1837—1838; 1839—1840), С. занимался археологическими изысканіями, по порученіямъ Оленина, не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ; ѣздилъ въ Александровъ, Суздаль, Владиміръ и другіе города и исполнялъ его порученія такъ добросовѣстно и съ такимъ знаніемъ, что Оленинъ постоянно оставался имъ доволенъ и благодарилъ его. Особенно С. угодилъ ему открытіемъ «новаго археологическаго сокровища»;—то были бронзовыя двери храма временъ Василія, архіепископа Новгородскаго. На этихъ дверяхъ насѣчено золотой проволокой 12 годовыхъ праздниковъ и многихъ святыхъ. По порученію Оленина С. рисовалъ для академика Импер. Академіи Наукъ Броссе,—ковчегъ, находящійся въ ризницѣ Успенскаго собора въ Москвѣ,—тотъ самый ковчегъ, въ которомъ хранился гвоздь отъ Христова Креста (1838 г.). Къ концу этого періода дѣятельности С-ва накопилось его рисунковъ чрезвычайно много, и Оленинъ пробовалъ литографировать ихъ для предполагавшагося изданія «Древностей Россійскаго Государства». Но эти попытки и начинанія не удались и затянулись до 1846 г. 1839—1840 годы С. занятъ былъ приготовленіемъ рисунковъ для новаго Большого кремлевскаго дворца. Но въ то же время Оленинъ неоднократно давалъ ему разныя порученія, напр. С. сдѣлалъ точную копію съ рисунковъ, изображающихъ великаго князя Святослава Игоревича, а также рисунокъ «Послы московскіе во Флоренціи, въ XVI ст.» С. подтвердилъ также разными справками, что «татарскій» шишакъ, на-

ходящійся въ Оружейной палатѣ подъ именемъ «ерихонецъ», дѣйствительно принадлежалъ великому князю Александру Невскому, но впослѣдствіи разукрашенъ былъ разными камнями и насѣчками изъ золота, съ татарскими надписями. Не довольствуясь воспроизведеніемъ древностей, С. рисовалъ костюмы крестьянокъ Тульской, Тверской, Новгородской и др. губерній. Эти рисунки, сдѣланные акварелью, въ 1842 г. были представлены государю. За всѣ эти труды С. пожалованъ: 17 апр. 1839 г.—орденомъ св. Станислава 2-ой степени, а 22 августа 1841 г. получилъ знакъ отличія за безпорочную службу при грамотѣ за XV лѣтъ археологической и художественной дѣятельности. 1843 г. былъ тяжелымъ для С-ва, такъ какъ въ этомъ году умеръ его покровитель, руководитель и другъ, сотрудникъ въ его дѣятельности, А. Н. Оленинъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ С. постоянно съ благоговѣніемъ говоритъ о своемъ учителѣ въ дѣлѣ археологіи. Съ этихъ поръ Государь взялъ С-ва подъ свое личное покровительство и далъ ему цѣлый рядъ порученій и командировокъ, но уже не въ Москву, а въ Кіевъ.

Отсюда начинается новый періодъ дѣятельности знаменитаго художника-археолога. Государь послалъ его въ Кіевъ для обычныхъ изысканій по части русскихъ древностей. Въ концѣ 1842 г. кто-то донесъ Государю, что при поправкахъ и передѣлкахъ кіевскаго Успенскаго собора, производимыхъ по распоряженію митрополита кіевскаго Филарета, начали будто бы портить единственную въ своемъ родѣ живопись XVII в. Для провѣрки этого обстоятельства со стороны Академіи назначенъ былъ профессоръ А. Т. Марковъ, о чемъ и представлено особымъ докладомъ государю. Государь зачеркнулъ фамилію Маркова и надписалъ фамилію С-ва. Съ этого-то времени С. получалъ всѣ послѣдующія командировки прямо отъ Государя. Пріѣхавъ въ Кіевъ, С. немедленно приступилъ къ разсмотрѣнію живописи собора и нашелъ, что порчи никакой не замѣтно, но что древняя живопись возобновляется нѣсколько ярко. По просьбѣ митрополита С. показалъ живописцамъ, какъ слѣдовало возобновлять старинную живопись, и донесъ министру двора, князю Волконскому, что порчи никакой не найдено. Недѣли черезъ три, въ іюнѣ 1843 года, С. получилъ отъ князя Волконскаго предписаніе: осмотрѣть по окончаніи возложеннаго на него порученія, какъ въ Кіевѣ, такъ въ Витебскѣ, Могилевѣ и Черниговѣ, на возвратномъ пути, и снять рисунки съ имѣющихся тамъ древностей. С-въ исполнилъ это порученіе и, возвратившись въ Петербургъ, представилъ свои рисунки князю Волконскому. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ С-ву вновь предписано немедленно ѣхать въ Кіевъ и ожидать тамъ Государя. Надобно замѣтить, что всякій разъ, когда Государь посѣщалъ Кіевъ, С. долженъ былъ находиться тамъ и объяснять ему всѣ достопримѣчательности. Такъ Государь цѣнилъ и вѣрилъ въ его археологическія познанія.

Именно С. обратилъ особенное вниманіе на Кіево-Софійскій Соборъ, гдѣ и открылъ древнюю живопись XI вѣка. Она скрывалась подъ новой штукатуркою. Такое драгоцѣнное археологическое открытіе является одной изъ важнѣйшихъ заслугъ С-ва. Это было въ 1843 г. Государь, узнавъ объ открытіи, очень заинтересовался имъ и велѣлъ возобновить древнюю живопись. Съ тѣхъ поръ и стали извѣстны въ археологіи знаменитыя живопись и мозаики Кіево-Софійскаго Собора XI в. 27 апрѣля 1844 г. С. назначенъ членомъ учрежденнаго въ Москвѣ комитета для изданія снятыхъ имъ, подъ руководствомъ Оленина, рисунковъ съ русскихъ древностей. Но собственно изданіе ихъ началось съ 1846 г. и длилось до 1853 г. Императоръ Николай I пожертвовалъ 100 тыс. рублей на изданіе «Древностей».

Обработка текста была поручена Цельтману и Снигиреву. Текстъ описанія рисунковъ не отличается достоинствами. Редакторы изданія «Древностей» такъ враждебно относились къ С-ву, что на первыхъ оттискахъ съ рисунковъ не допустили подписи его имени. На это обратилъ вниманіе Императоръ Николай, приказалъ сдѣлать выговоръ коммиссіи изданія и повелѣлъ, чтобы имя С-ва выставлено было на каждомъ листѣ рисунковъ. 24 марта 1844 г. С. опредѣленъ въ С.-Петербургскую духовную семинарію наставникомъ и наблюдателемъ по классу иконописанія и оставался въ этой должности до 1867 г. Лѣтомъ 1844 г. С.

работалъ надъ возобновленіемъ древней живописи Кіево-Софійскаго собора. Любопытно, что митрополитъ Филаретъ былъ противъ возобновленія, на томъ основаніи, что это «повлечетъ староверовъ къ поощренію въ ихъ лжемудріяхъ». 24 сентября 1844 г., за сдѣланныя исправленія живописи въ Кіевскомъ Успенскомъ соборѣ и за возобновленіе всего Софійскаго собора, С. пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ; въ 1847 г. онъ получилъ орденъ св. Анны 2 ст. за преподаваніе въ С.-Петербургской духовной академіи; въ 1849 г. — за труды по возведенію Московскаго Кремлевскаго дворца, орденъ св. Анны 2 ст. съ коронами, золотую медаль и 1.200 р. награды. Въ 1852 г. за службу при СПБ. дух. семинаріи С-ву объявлено Монаршее благоволеніе. Работы по возобновленію древней живописи въ Кіевскомъ соборѣ продолжались до 1851 г., когда онѣ были окончены. Надпись вязью на одной изъ арокъ собора гласитъ, что «обновленъ сей храмъ по открытымъ древнимъ фрескамъ и украшенъ новою живописью подъ руководствомъ академика С-ва... Лѣта отъ Р. Хр. 1851». Кромѣ этихъ работъ, С. занимался и другими: дѣлалъ рисунки нѣкоторыхъ храмовъ, внутренности собора Кіево-Печерской лавры и участвовалъ во «Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ юго-западной Россіи», учрежденной въ 1844 г., подъ предсѣдательствомъ Бибикова. С. интересовался и пещерами, гдѣ нашелъ нѣсколько старинныхъ стеклянныхъ блюдъ и колпаковъ, въ которыхъ нѣкогда хранились мѵроточивыя главы. Въ общемъ, въ Кіевѣ С. бывалъ каждое лѣто съ 1843 по 1853 г. и привозилъ съ собою въ Петербургъ каждый разъ отъ 80 до 100 рисунковъ, сдавалъ ихъ при рапортѣ князю Волконскому, а тотъ передавалъ ихъ Государю. Сначала эти рисунки хранились въ Публичной библіотекѣ, а потомъ, по повелѣнію Николая I, помѣщены въ Московскую Оружейную Палату. При каждомъ посѣщеніи Кіева Императоръ Николай I бесѣдовалъ съ С-вымъ, ласкалъ его и дѣлалъ ему подарки. Въ награду за его работы Государь хотѣлъ отправить его въ Палестину и Римъ для отдыха и усовершенствованія. Но это не осуществилось за смертью Императора Николая I. Оффиціальныя командировки С-ва кончились въ 1853 г., когда началась Крымская кампанія. Новое царствованіе, занятое реформами, тоже мало интересовалось археологическими открытіями, и С. отступаетъ на задній планъ, хотя дѣятельность его далеко еще не закончилась. Но лучшій, блестящій періодъ жизни пройденъ и приближающаяся старость требовала отдыха или, по крайней мѣрѣ, ослабленія дѣятельности. До 1853 г. С. ѣздилъ отыскивать и срисовывать русскія древности въ слѣдующіе города: Псковъ, Новгородъ, Рязань (новую и старую), Москву, Троицкую Лавру, Новый Іерусалимъ, Александровскую слободу, Владиміръ на Клязьмѣ, Суздаль, Тверь, Изборскъ, Печору, Кіевъ, Орелъ, Юрьевъ Польскій, Витебскъ, Могилевъ. Можно сказать даже, что нѣтъ, кажется, такого древне-русскаго города, историческаго мѣста, монастыря или храма, въ которомъ С. не побывалъ бы. Ему приходилось много работать, много разыскивать и тщательно, по документамъ, изслѣдовать исторію отысканныхъ предметовъ, «иная вещь», говоритъ онъ, «покажется, бывало, очень интересной въ археологическомъ отношеніи, а посмотришь ее попристальнѣе, заглянешь въ опись, и окажется, что вещь то совсѣмъ не старинная, а сдѣлана сравнительно недавно». Въ своихъ археологическихъ поискахъ С. нерѣдко встрѣчалъ препятствія, воздвигаемыя невѣжествомъ и враждою хранителей древностей. Когда у С-ва не было рекомендательныхъ писемъ или оффиціальныхъ предписаній, онъ прибѣгалъ къ хитрости: выдавалъ себя за какого нибудь странствующаго богомольца, знакомился съ настоятелемъ церкви или монастыря и потомъ уже имѣлъ возможность осматривать интересующіе его предметы; чтобы расположить въ свою пользу, онъ долженъ былъ даромъ рисовать портреты настоятелей церкви, священниковъ, монаховъ. Иногда они дарили ему старинныя вещи, и у С-ва съ теченіемъ времени образовался небольшой музей древностей, за который ему давали 20 тыс. рублей. Впрочемъ, въ 1848 г. большая часть этой коллекціи была похищена у него въ его петербургской квартирѣ. Украдены были, между прочемъ, двѣ пищали, двѣ берендейки, бердыши, метательные копья, нѣсколько ста-

ринныхъ стрѣлъ, кушаки, два кафтана, два шишака, нѣсколько женскихъ украшеній и пр. Съ 1853 г. С. не получалъ никакихъ командировокъ, преподавалъ въ семинаріи, работалъ на Исаакіевскій соборъ и исполнялъ заказы отъ Святѣйшаго Синода. Синодъ очень хорошо относился къ С-ву. Сношенія начались съ 1842 г., когда Синодъ хотѣлъ поручить ему исправить древнюю стѣнную живопись въ Новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ. Хотя это не удалось, но въ слѣдующемъ году С. написалъ антиминсъ, печатные снимки съ котораго до сихъ поръ разсылаются по всѣмъ православнымъ церквамъ Россіи. Съ 1844 г. С. особенно много работалъ для Синода: писалъ разныхъ святыхъ, сдѣлалъ рисунки къ молитвеннику, который былъ посланъ въ подарокъ Наполеону III, приготовлялъ рисунки для Евангелія большого формата, писалъ вѣнчики, украшенія къ разнымъ грамотамъ и т. д. С. написалъ для Синода святцы, надъ которыми трудился $1^1/_2$ г., они состояли изъ 12-ти листовъ по 48 недѣль въ каждомъ, а въ каждой недѣлѣ 100 фигуръ. За всѣ эти работы Синодъ объявилъ С-ву свое благословеніе. Съ 1858 г. С. служилъ 8 лѣтъ въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, завѣдуя работами по изготовленію иконостасовъ для церквей западныхъ губерній. Во время его службы изготовлено и отослано до 200 иконостасовъ. С. составлялъ здѣсь эскизы для изображеній святыхъ, крестовъ, хоругвей и пр. Съ того же 1858 г. ему порученъ надзоръ за учениками Академіи изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Званіе попечителя крестьянъ-художниковъ оставалось за нимъ до самой смерти. Въ 1859 г. С. снова былъ командированъ во Владиміръ, «осмотрѣть тамошнія каѳедральную соборную и другія древнія церкви, для открытія древнихъ, писанныхъ на стѣнахъ, иконъ и вообще стѣнной живописи». Въ этомъ же году С. получилъ золотую медаль за работы по Исаакіевскому собору и причисленъ къ археологической коммиссіи (20 дек. 1859 г.) для отыскиванія старинной стѣнной живописи въ старинныхъ православныхъ церквахъ. Въ 1863 г. онъ былъ избранъ Академіей художествъ въ почетные вольные общники. Въ 1876 г. исполнилось пятидесятилѣтіе съ того дня, какъ С. получилъ званіе академика. Археологическое общество, въ воздаяніе свыше полувѣковой археологическо-художественной дѣятельности Ѳеодора Григорьевича, поднесло ему золотую медаль съ его портретомъ. Академія художествъ также присоединилась къ чествованію маститаго художника-археолога: С. возвенъ былъ въ званіе профессора и получилъ 2.500 р. награды. Въ 1886 г., въ память 60-лѣтней службы въ званіи академика, С. получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1888 г. за тридцатилѣтнее руководство крестьянами-мальчиками, воспитанниками Академіи, С. получилъ орденъ св. Станислава 1-й ст. Несмотря на преклонный возрастъ, С. всегда былъ занятъ: люди, бывавшіе у него, заставали его въ кабинетѣ за рисованіемъ или чтеніемъ; онъ продолжалъ работать надъ иконами для Исаакіевскаго собора (въ 70-хъ годахъ) мозаикой и красками. С. всегда отличался благочестіемъ, а въ послѣдніе годы жизни особенно любилъ ходить къ службѣ въ Александро-Невскую лавру даже и не въ праздничные дни; подавалъ бѣднымъ, которые по утрамъ положительно осаждали его домъ. По 3-ей улицѣ и Дегтярной (на Пескахъ, гдѣ былъ домикъ С-ва) устанавливались нищіе въ шеренгу и дожидались С-ва, который давалъ имъ всѣмъ по гривеннику. Въ обхожденіи съ друзьями и родственниками С. былъ очень ласковъ и любезенъ, любилъ пошутить и порасказать анекдоты изъ своей долгой и интересной жизни. Скончался онъ въ глубокой старости, на 92 году, въ Петербургѣ. Заслуги С-ва для русскаго искусства, для русскаго стиля и для отечественной археологіи—громадны. Въ теченіе своей болѣе полувѣковой неутомимой дѣятельности онъ неоднократно посѣтилъ для археологическихъ изысканій древнѣйшіе города и монастыри Россіи и повсемѣстно находилъ, критически изслѣдовалъ и сохранилъ въ своихъ превосходныхъ рисункахъ самые разнообразные памятники религіознаго, государственнаго и домашняго быта нашихъ предковъ, восходя до XII и XI вѣка. Семь громадныхъ томовъ монументальнаго изданія: «Древности Россійскаго государства» украшены рисунками, числомъ свыше 500, исполненными единственно С-вымъ.

Эти рисунки составляютъ лишь 10-ю долю всего количества произведеній С-ва, исполненныхъ съ необыкновеннымъ изяществомъ, живостью красокъ и точностью. Кисть С-ва воскресила въ живыхъ образахъ всѣ стороны быта до-петровской Руси. Въ рисункахъ С-ва любитель древности найдетъ наиболѣе чтимыя народомъ иконы; тутъ же кресты запрестольные и наперсные, церковная утварь, облаченія духовнаго сана; предметы древняго царскаго обихода: вѣнцы, скипетры, державы, бармы и т. п.; воинскіе доспѣхи, конскія сбруи, всякаго рода оружіе; древнѣйшія великокняжескія, царскія, боярскія и мѣстныя народныя одѣянія, и не только въ изображеніяхъ одеждъ, но въ портретахъ, таковы, наприм.: князья Репнины, Скопинъ-Шуйскій, цари: Михаилъ Θеодоровичъ, Алексѣй Михайловичъ, Θеодоръ, Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, патріархи: Филаретъ, Никонъ; царицы и царевны XVII в. и мн. др. Далѣе, въ рисункахъ С-ва воспроизведена древняя столовая и домашняя утварь, кресла, скамьи, столы, поставцы и проч., наконецъ, памятники древне-русскаго зодчества во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ; здѣсь фасады храмовъ и частныхъ зданій, разрѣзы, планы, отдѣльныя части: окна, двери, рѣшетки, своды, куполы съ приложеніемъ масштабовъ. С. много способствовалъ созданію своеобразнаго русскаго стиля въ архитектурѣ и въ мастерствахъ: столярномъ, токарномъ, гончарномъ, финифтяномъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ. Въ 1846—1848 г.г., по случаю свадьбы Великаго Князя Константина Николаевича, поручено было С-ву сдѣлать рисунки для разной утвари: фарфора, хрусталя, бронзы, золотыхъ и серебряныхъ вещей въ русскомъ стилѣ, что было тогда нововведеніемъ. Англійскій магазинъ отказался сдѣлать вещи по приготовленнымъ рисункамъ, находя, что они будутъ недостаточно красивы, и выписалъ образцы изъ Англіи. Но Сазиковъ выполнилъ заказы по рисункамъ С-ва, и вещи оказались лучше тѣхъ, какія выставлены были англійскимъ магазиномъ. Впослѣдствіи къ С-ву часто обращались русскіе фабриканты и даже англійскій магазинъ съ просьбою о рисункахъ. Рисуя съ натуры отечественныя древности, С. никогда не былъ единственно старательнымъ копировальщикомъ. Наоборотъ, онъ подвергалъ копируемые предметы критической оцѣнкѣ, провѣрялъ время сооруженія храмовъ, выдѣлки утвари, ковки и чеканки оружія, доспѣховъ и издѣлія облаченій, перечитывая лѣтописи, множество монастырскихъ хартій, грамотъ, актовъ, описей и т. п. Эти чисто ученые труды вознаграждались хронологическими открытіями: С. съ точностью опредѣлилъ принадлежность найденнаго шишака велик. кн. Александру Невскому, шлема Ярослава Всеволодовича, дверей временъ Грознаго, разныхъ знаменъ, доспѣховъ, предметовъ царскаго обихода и т. д. Онъ возобновилъ царскіе терема XVII вѣка; его стараніями и искусствомъ спасены и возстановлены нѣкоторыя святыни древняго Кіева. Художественно - археологическіе труды С-ва тѣмъ болѣе достойны уваженія, что въ нихъ онъ не имѣлъ предшественниковъ и почти не имѣетъ и преемниковъ. Онъ шелъ не по проторенной дорогѣ, но прокладывалъ ее самъ и, не ослабѣвая въ борьбѣ съ множествомъ препятствій, неуклонно шелъ къ своей цѣли. Для подобнаго подвига, помимо таланта и силы воли, надобно было страстно любить и родину и науку. Вся дѣятельность С-ва доказываетъ, что онъ любилъ ихъ горячею любовью. Перечень работъ С-ва, кромѣ мелкихъ и работъ на медали и на званіе академика:

1) Евангелистъ Матθей въ ростъ, съ ангелами по карнизамъ, клеевыми красками, на потолкѣ церкви въ женскомъ патріотическомъ обществѣ. 2) Евангелистъ Матθей, написанный въ парусномъ сводѣ, по фальшивому мрамору въ Казанскомъ соборѣ. 3) Золотыя бармы, найденныя въ Рязани. 4) Фаногорійскія и Керченскія древности. 5) Рисунки съ различныхъ остатковъ старины въ Москвѣ, Владимірѣ, Новгородѣ, Твери и др. городахъ. 6) Проектъ на возобновленіе комнатъ въ теремномъ дворцѣ и церквей Рождества Б-цы, Лазарева Воскресенія и Воздвиженія Животворящаго Креста. 7) Для вновь отстроеннаго кремлевскаго дворца рисунки: ковровъ, паркетныхъ половъ, дверей и др. внутреннихъ украшеній. 8) Реставрація древнихъ иконостасовъ на шелковыхъ тканяхъ. 9) Рисунки для восьми бронзовыхъ ковчеговъ (для храненія госуд. грамотъ). 10) Ри-

сунки для фарфоровыхъ чайныхъ сервизовъ въ др.-русскомъ стилѣ (къ бракосочетанію Велик. Кн. Константина Николаевича). 11) Молитвословъ, нарисованный на пергаментѣ для Импер. Александры Θеодоровны. 12) Молитвословъ для Импер. Маріи Александровны. 13) Молитвенники ангеламъ-хранителямъ для великихъ княгинь Маріи Николаевны, Ольги Николаевны и Маріи Александровны. 14) Такой же молитвенникъ для Импер. Маріи Александровны и сверхъ того — житіе избранныхъ святыхъ, въ числѣ 169 лицъ и нѣсколькихъ изображеній Богоматери. 15) Книга: «Праздники въ домѣ православнаго царя русскаго» (для Импер. Маріи Ал.). 16) Полная жизнь (въ рисункахъ) Сергія Радонежскаго чудотворца изъ 30 сюжетовъ и Служба св. Маріи Магдалинѣ, около 30 листовъ. 17) «Русскіе святые, предстатели передъ Богомъ за царя и святую Русь», книга съ 50 изображеніями и молитвами съ орнаментами (къ 25-ти лѣтнему юбилею Ал-дра II). 18) Альбомъ для Импер. Алекс. III, подъ названіемъ: «Знаменательные дни въ домѣ Импер. Ал-дра III». 19) 37 рисунковъ акварелью къ сочиненію Жиля, относящемуся къ изданію «Древностей Босфора Киммерійскаго». 20) Полныя святцы на 52 недѣли (генералу Хрулеву). 21) Полные святцы, въ меньшемъ размѣрѣ (для Святѣйшаго Синода). 22) Рисунки для разныхъ молитвословов, акаѳистовъ, антиминсовъ и пр., которые С-въ составлялъ для Синода въ продолженіе 40 лѣтъ. 23) Молитвословъ для кн. Волконской (молитвы утренния, литургіи и вечернія) и полные святцы, въ миніатюрѣ, акварелью, па пергаментѣ, болѣе 100 листовъ. 24) 24 листа рисунковъ къ литургіи Дмитревскаго. 25) 400 лицъ въ «Русскихъ святцахъ», изданныхъ Филаретомъ, архіеписк. Черниговскимъ. 26) Возобновленіе древней живописи и мозаики въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. 27) 3.000 рисунковъ русскихъ древностей, нарисованныхъ при поѣздкахъ по древнимъ городамъ Россіи. Изъ нихъ 700 изданы хромолитографіею въ «Древностяхъ Россійскаго государства», а остальные хранятся въ Московской Оружейной палатѣ. 28) Послѣ смерти С-ва у наслѣдниковъ осталось 300 рисунковъ русскихъ національныхъ одеждъ и разныхъ головныхъ уборовъ. 29) Въ Московской галлереѣ бр. Третьяковыхъ находится акварель С-ва: «Явленіе ангела первосвященнику Захарію».

Архивъ Академіи Художествъ, Дѣла: № 21 (1825), № 81 (1830), № 42 (1836), № 48 (1838); № 42 (1843) № 89 (1844) № 1 (1858) № 105 (1858) № 93 (1859) № 26 (1361), дѣла презид. № 11а (1825) № 31 (1828) № 9 (1830), №№ 12—14 (1831), № 32 (1832) и № 14 (1839).—«Русская Старина», 1876 г. т. 15—17 (I—III. V, VI), воспоминанія самого С-ва.—«Рус. Старина», 1887 г., т. 54 (713—377: Бѣлозерская, Біографическій очеркъ Θ. Г. Солнцева). — Вѣстникъ изящныхъ искусствъ, т. I, 1883 г., с. 471—482 (Статья г. Собко).— Извѣстія Имп. Русскаго Археологич. О-ва, VIII, 298 (Постановленіе о выбитіи золотой медали въ честь С-ва). — Верховецъ, Θ. Г. С-въ, художникъ-археологъ. Брошюра. СПБ. 1899 г., — Петровъ, Матер. для ист. И. Ак. Худ. II, 132, 167, 172, 190, 194, 195, 214. 222, 295, 328, 342, 431; III, 423, 430.

Е. Тарасовъ.

Соловьевъ, *Михаилъ Александровичъ*, профессоръ Решельевскаго лицея по каѳедрѣ энциклопедіи права, род. въ 1816 г. ум. 16 сент. 1856 г. Въ 1836 году окончилъ курсъ юридическаго факультета въ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ 1838, по приглашенію попечителя одесскаго округа Д. М. Княжевича, принялъ мѣсто исправляющаго должность адъюнкта по каѳедрѣ энциклопедіи и исторіи правовѣдѣнія въ Ришельевскомъ лицеѣ. Въ 1084 г. послѣ блестящей защиты диссертаціи С. получилъ степень магистра правъ, а въ 1842 г. утвержденъ профессоромъ того же лицея. Кромѣ энциклопедіи права на него было возложено чтеніе исторіи законовѣдѣнія и, временно, преподаваніе русскихъ государственныхъ и уголовныхъ законовъ. Однако такъ блестяще начатая профессорская дѣятельность скоро окончилась; вслѣдствіе слабаго здоровья, разстроившагося среди учебныхъ и служебныхъ занятій, С. въ томъ же году испросилъ себѣ сначала продолжительный отпускъ, а потомъ и чистую отставку и поселился въ своемъ небольшомъ помѣстьѣ въ Симбирской губерніи. Слабѣвшее съ каждымъ годомъ здоровье не позволяло ему возвратиться къ любимой дѣятельности.

Кромѣ магистерской диссертаціи «О значеніи законовъ и верховной власти» (Спб. 1841), обратившей на себя вниманіе своей содержательностью и стройностью (отзывъ о ней: «Москвит.» 1841 г., ч. III, стр.

189—194). С—вымъ были еще напечатаны: рѣчь «О развитіи русской жизни въ отношеніи къ законодательству» (актъ лицея за 1840 г.), нѣсколько научныхъ статей въ «Москвитянинѣ» 1840 года и литературная статья въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» за 1839 годъ.

Березинъ, Словарь;—В. Григорьевъ, Имп. Спбургскій университетъ, Спб. 1870 г., с. XIII, LXXIV;—І.Михневичъ, Историческій обзоръ сорокалѣтія Ришельевскаго лицея. Одесса 1857 г., с. 84;—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1856 г., ч. XCII с. 117—118;—«Спбургскія Вѣдомости» 1856 г. № 258;—«Отечеств. Записки» 1841 г., т. XVIII отд. VI, с. 49;—«Москвитянинъ» 1851 г. ч. I, с. 142.

А. Ш—въ.

Соловьевъ, *Николай Ивановичъ*, врачъ, авторъ многихъ статей по общественной гигіенѣ, литературный критикъ 1860 гг., род. 17 августа 1831 г. ум. 1 января 1874 г. Въ началѣ 1850 г.г. поступилъ въ Казанскій университетъ, откуда скоро перешелъ въ Кіевскій на медицинскій факультетъ, курсъ котораго и окончилъ въ 1855 г. со степенью лекаря. По окончаніи курса нѣкоторое время служилъ военнымъ врачемъ въ разныхъ госпиталяхъ и полкахъ. Въ началѣ 1860 г.г. попалъ въ Петербургъ, гдѣ сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Отечеств. Записокъ» (1861—1865 г.г.). Въ 1865 г. перешелъ въ журналъ «Всемірный трудъ», въ которомъ принялъ завѣдываніе критическимъ отдѣломъ. Кромѣ упомянутыхъ журналовъ С-въ принималъ еще участіе въ журн. «Эпоха» и «Время». Въ 1869 г. почти всѣ его статьи по литературнымъ и общественнымъ вопросамъ были изданы С. П. Анненковымъ подъ общимъ заглавіемъ: «Искусство и Жизнь» (3 т. т.). Въ этихъ статьяхъ С., какъ сторонникъ эстетической школы и послѣдователь идей Бѣлинскаго петербургскаго періода, Ап. Григорьева и Дружинина, выступилъ во имя эстетическихъ воззрѣній противникомъ идей Чернышевскаго, Писарева, Зайцева и др. С. пошелъ дальше своего предшественника—Дружинина, проводившаго въ своихъ статьяхъ принципы чистаго искусства, стараясь поставить искусство въ тѣсную связь съ жизнью. «Идеи морали неразрывно связаны съ идеями красоты, этика—съ эстетикой; нравственное чувство есть ничто иное, какъ чувство эстетическое, примѣненное только къ дѣйствительной жизни»—вотъ принципъ, исходя изъ котораго С. одинаково отвергалъ какъ чуждую жизни идеализацію, такъ и сухой реализмъ, требуя, чтобы искусство было художественнымъ выраженіемъ жизни безъ всякихъ предвзятыхъ цѣлей и политическихъ тенденцій. Статьи С—ва по литературнымъ вопросамъ стоятъ значительно выше его статей по общественнымъ вопросамъ. Пользуясь своимъ медицинскимъ образованіемъ, С. очень часто уличалъ своихъ противниковъ въ поверхностномъ знакомствѣ съ естественными науками, на которыя такъ любили они ссылаться, и тѣмъ подрывалъ кажущуюся стройность и логичность ихъ статей. Работы С-ва въ свое время надѣлали много шума и вызвали на него множество крайне рѣзкихъ нареканій со стороны критики. Въ концѣ 1860-хъ г.г., оставивъ критическое поприще, С. обратился къ малоразработаннымъ областямъ: народной медицинѣ и гигіенѣ. Первая его статья по этому вопросу: «Петербургъ и Москва въ санитарномъ отношеніи», помѣщенная въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1871 г., № 3, обратила на себя общее вниманіе. Съ этихъ поръ С. становится постояннымъ сотрудникомъ по указаннымъ отдѣламъ «Русск. Вѣстника», «Московск. Вѣдомостей» и «Московск. Медицинск. Газеты». Незадолго до смерти С., не смотря на крайне ограниченныя средства, предпринялъ поѣздку по Россіи для составленія санитарной карты Европейской Россіи. Результатомъ этой поѣздки былъ его послѣдній большой трудъ: «Санитарная карта Московскаго военнаго округа и г. Москвы», которую онъ демонстрировалъ въ 1873 г. въ Казани на съѣздѣ естествоиспытателей. Большинство статей С. по отдѣлу общественной гигіены очень цѣнны, такъ какъ С., при большой теоретической подготовкѣ, отличался громадной наблюдательностью. Умеръ С. въ Москвѣ отъ апоплексіи головного мозга въ крайней бѣдности.

Словари: Березина и Брокгауза-Ефрона;—Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи писатели», Спб. 1888, т. IV, стр. 139; Некрологи въ період. изданіяхъ 1874 г.: «Спбургск. Вѣдом.» №№ 10, 193; «Соврем. Извѣстія», №№ 1, 10, 14, 159; «Астрах. Справочн. Листокъ», № 5; «Голосъ», № 5; «Московск. Медицинск. Газета», №№ 2, 27, 28; «Московск. Вѣдом.», № 2; «Новое Время», № 18; «Иллюстр. Недѣля», № 5; Русскій календарь на 1875 г., с. 357;—«Русскій Архивъ» 1877, № 5, с. 91; «Московск. Вѣ-

дом.» 1898, № 360; «Новое Время» 1899, № 8209; —Статья М. Протопопова: «Русская Мысль» 1893, № 4, с. 130;—Въ статьѣ А. Волынскаго: «Сѣверн. Вѣстн.» 1894, № 1, стр. 179.

А. Ш—въ.

Соловьевъ, *Сергѣй Михайловичъ*, сынъ протоіерея Московскаго Коммерческаго училища, (род. 5 мая 1820 г. въ Москвѣ, ум. тамъ же 4 октября 1879 г.), является однимъ изъ крупнѣйшихъ представителей русской исторической науки XIX в. Въ семьѣ С. былъ одинокъ, такъ какъ его сестры, значительно старше его, были отданы въ пансіонъ, и это одиночество способствовало его раннему развитію. Онъ росъ сосредоточеннымъ, мечтательнымъ и прилежнымъ мальчикомъ, былъ очень религіозенъ и страстно любилъ чтеніе; въ особенности ему нравилась «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина, воспитавшая въ немъ патріотическія чувства. Въ С-вѣ мальчикѣ и юношѣ уже складываются основныя черты его позднѣйшаго умственно-нравственнаго облика. Сосредоточенность, любовь къ книжнымъ занятіямъ и необыкновенная въ нихъ точность и систематичность, религіозность и патріотизмъ—съ такими качествами ума и сердца прожилъ С. всю свою трудовую жизнь. До 13-ти лѣтняго возраста онъ учился Закону Божію и древнимъ языкамъ у отца, а для уроковъ по другимъ предметамъ посѣщалъ Коммерческое училище, потомъ обучался въ I-ой Московской гимназіи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1838 г. съ серебряной медалью за сочиненіе «О необходимости изученія древнихъ языковъ для успѣшнаго изученія языка отечественнаго». Съ 1838 по 1842 г. былъ студентомъ I отд. философскаго факультета (нынѣ факультетъ историко-филологическій) Московскаго Университета, окончивъ въ немъ курсъ кандидатомъ. Въ Университетѣ, благодаря вліянію тогдашняго ректора «скептика» Каченовскаго, а въ особенности Грановскаго, С. занимался всего болѣе любимымъ своимъ предметомъ—исторіею и рѣшился посвятить себя изученію исторіи отечественной; еще студентомъ онъ увлекся книгой Эверса «Древнѣйшее право Руссовъ»; указаніе этого замѣчательнаго ученаго на *родовой бытъ* у славянъ послужило для С-ва первымъ толчкомъ къ созданію его собственной теоріи родового быта въ русской исторіи.

С-ву во время его студенчества покровительствовалъ извѣстный меценатъ и просвѣщенный человѣкъ графъ С. Г. Строгоновъ, тогдашній попечитель Московскаго Университета; когда С. окончилъ курсъ въ Университетѣ, гр. Строгоновъ рекомендовалъ его, въ качествѣ учителя къ дѣтямъ, своему брату, бывшему министру внутреннихъ дѣлъ, графу Александру Гр. Строгонову, жившему въ то время съ семьей заграницей. Благодаря этому, С. имѣлъ случай съ 1842 по 1844 г. включительно, побывать во Франціи, Германіи и Австріи (собственно Чехіи) и расширить свое историческое образованіе наблюденіями надъ западно-европейской жизнію, личнымъ знакомствомъ съ нѣкоторыми представителями славянской науки, слушаніемъ лекцій, и самостоятельными занятіями. Въ Парижѣ онъ посѣщалъ лекціи Сорбонны и Collège de France, не удовлетворяясь, впрочемъ, высшимъ французскимъ преподаваніемъ: оно, за малыми исключеніями, представилось ему поверхностнымъ и фразистымъ. Гораздо плодотворнѣе оказались его самостоятельныя занятія дома и въ парижской королевской, въ настоящее время національной, библіотекѣ: путемъ этихъ занятій С. вырабатывалъ свои самостоятельныя воззрѣнія на общій ходъ историческаго развитія, которыя сложились у него окончательно уже въ 60-хъ годахъ и которыя онъ высказалъ печатно въ своихъ «Наблюденіяхъ надъ исторической жизнью народовъ». По этимъ воззрѣніямъ, въ основѣ общественно-политическихъ явленій въ исторіи всѣхъ народовъ находится родовое начало, родовой союзъ, который былъ наиболѣе развитъ у племенъ семитическихъ, а изъ аріо-европейцевъ у славянъ.

Въ Германіи С. всего дольше пробылъ въ Гейдельбергѣ, гдѣ слушалъ лекціи историковъ Рау и Шлоссера; въ Прагѣ познакомился онъ съ Ганкой, Палацкимъ, Шафарикомъ и другими чешскими патріотами, мечтавшими о духовномъ возрожденіи славянъ. За время заграничнаго своего пребыванія 22-хъ—24-хъ лѣтній С. исповѣдуетъ почти славянофильскія идеи и весьма скептически относится къ западно-европейскимъ началамъ, помѣщая корреспонденціи изъ Парижа и Праги въ Погодинскомъ «Москвитянинѣ».

Въ 1844 г. С. вернулся въ Москву, гдѣ въ то время въ университетскихъ и журнальныхъ сферахъ шла ожесточенная борьба между двумя направленіями русской общественной мысли—западниками и славянофилами. Первое направленіе брало верхъ въ университетѣ и вытѣснило изъ него Погодина; второе примыкало отчасти къ Погодинскому журналу «Москвитянинъ» и въ общемъ представленіи не только публики, но и западниковъ, смѣшивалось съ воззрѣніями «оффиціальной народности» Погодина. Лично Погодинъ отнесся къ С-ву недружелюбно, считая его своимъ соперникомъ по каѳедрѣ въ Московскомъ университетѣ, которую онъ мечталъ вскорѣ вновь занять. Въ 1845 г. С-ву удалось сдать экзаменъ на магистра русской исторіи, хотя и менѣе блестяще, чѣмъ можно было это ожидать, такъ какъ экзаменовался С. изъ главнаго предмета у Погодина, къ которому факультетъ долженъ былъ обратиться за неимѣніемъ въ своей средѣ спеціалиста по русской исторіи. Въ томъ же 1845 г. С. напечаталъ и защитилъ магистерскую диссертацію «Объ отношеніи Новгорода къ Московскимъ великимъ князьямъ» и занялъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру русской исторіи. Диссертація его, по той же причинѣ—за неимѣніемъ въ историко-филологическомъ факультетѣ спеціалиста по русской исторіи—была разобрана ученымъ, не принадлежавшимъ къ составу факультета, но не Погодинымъ уже, а, по порученію историко-филологическаго факультета, профессоромъ исторіи русскаго права въ Московскомъ университетѣ К. Д. Кавелинымъ, который представилъ о ней восторженный отзывъ и повторилъ его въ печатной рецензіи, помѣщенной въ западническомъ органѣ, петербургскомъ журналѣ «Отечественныя Записки». Въ этой диссертаціи С., исходя изъ своихъ воззрѣній на родовой бытъ славяноруссовъ, примыкалъ къ западническому направленію и былъ принятъ его представителями съ распростертыми объятіями. Въ 1847 г. С. получилъ степень доктора историческихъ наукъ за диссертацію «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», столь же восторженно привѣтствованную К. Д. Кавелинымъ въ обширной рецензіи, помѣщенной въ «Современникѣ». Этой диссертаціей совершенно опредѣляется дальнѣйшая ученая и служебная карьера С-ва: онъ пріобрѣтаетъ прочное положеніе въ наукѣ и на каѳедрѣ. Въ томъ же 1847 г. онъ избирается экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1850 г.—ординарнымъ. Въ 1851 году появляется первый томъ его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», и съ тѣхъ поръ ежегодно, до самой его смерти, въ теченіе *двадцати девяти лѣтъ*, выходитъ по тому этого главнѣйшаго его труда (причемъ нѣкоторые тома выдерживаютъ по нѣскольку изданій).

Съ точки зрѣнія фактической полноты изложенія событій русской исторіи, преимущественно внѣшнихъ, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» есть наиболѣе полное хранилище такихъ фактовъ. Она заключаетъ въ себѣ обзоръ событій на протяженіи *двадцати трехъ столѣтій*, начинаясь свидѣтельствами о теперешней европейской Россіи Геродота, т. е. съ V вѣка до Р. Хр., и прерываясь на Кучукъ-Канарджійскомъ мирѣ Россіи съ Турціей, заключенномъ въ 1775 г. Ни одинъ изъ русскихъ историковъ, ни до С-ва, ни послѣ него, въ своихъ попыткахъ изложить весь ходъ русской исторіи, не обнималъ такого огромнаго хронологическаго пространства.

По изложенію «Исторія Россіи» С-ва очень утомительна не только для обыкновеннаго читателя, но и для спеціалиста. Въ иныхъ томахъ ея изложеніе переходитъ въ простой пересказъ лѣтописи (въ допетровскихъ періодахъ) и въ выписку изъ архивныхъ документовъ (за XVIII-й вѣкъ). Общія же разсужденія автора, которыя онъ иногда предпосылаетъ историческому повѣствованію, или же сопровождаетъ ими изложеніе цѣлаго періода или эпохи русской исторической жизни, бросая взглядъ на пройденный имъ историческій путь,—такія разсужденія остаются незамѣченными обыкновеннымъ читателемъ, потому что они, такъ сказать, тонутъ въ обиліи подробнаго фактическаго изложенія. Къ такимъ разсужденіямъ напримѣръ слѣдуетъ отнести: о вліяніи природы сѣверовосточной Европы на характеръ исторіи Россіи; объясненіе вліянія христіанства на славяноруссовъ; различіе въ общественныхъ основахъ и въ ходѣ исторіи юга Россіи и сѣверовосточной Руси; значеніе Монгольскаго завоева-

нія и возвышенія Москвы; значеніе эпохи съ Іоанна III до Смутнаго времени и Смутной эпохи, «кануна» реформъ Петра В. въ Московскомъ государствѣ XVII в., и самихъ реформъ «перваго императора» и ихъ дальнѣйшей исторической судьбы при его преемникахъ. Большая часть перечисленныхъ разсужденій С-ва, до внесенія ихъ въ «Исторію», изложены въ отдѣльныхъ монографіяхъ; также въ отдѣльныхъ монографіяхъ появлялись фактическія изложенія историческихъ эпизодовъ и даже цѣлыхъ эпохъ. Какъ въ указанныхъ разсужденіяхъ, такъ и въ монографіяхъ, въ противоположность страницамъ «Исторіи», С. излагаетъ историческіе факты и свои мысли необыкновенно живо и мастерски обобщаетъ главнѣйшія стороны разсматриваемыхъ имъ историческихъ явленій.

Въ 60-хъ годахъ С. нѣсколько разъ былъ избираемъ въ деканы историко-филологическаго факультета, а въ 1864 г., по введеніи новаго университетскаго устава 1863 г., многіе члены Совѣта Московскаго университета желали видѣть С-ва ректоромъ этого университета, но ректорскаго поста онъ достигъ лишь въ 70-хъ годахъ и то, сравнительно, не надолго: въ 1877 г. онъ вынужденъ былъ покинуть не только ректорство, но и профессуру, и оставался въ Московскомъ университетѣ въ качествѣ «сторонняго преподавателя». Какъ членъ профессорской корпораціи, С. всегда стойко боролся за интересы науки и университетской автономіи. Кромѣ профессуры, С. занималъ и другія должности. Такъ онъ былъ въ шестидесятыхъ годахъ инспекторомъ Николаевскаго института въ Москвѣ, а въ 70-хъ—директоромъ Оружейной палаты. Незадолго до кончины, онъ сталъ во главѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ качествѣ его президента и былъ избранъ въ члены Академіи Наукъ по II-му ея отдѣленію, русскаго языка и словесности (кресло русской исторіи въ Академіи занималъ тогда А. А. Куникъ). С. преподавалъ также русскую исторію членамъ Императорской фамиліи и во главѣ ихъ великому князю Александру Александровичу, впослѣдствіи императору Александру III. Къ концу жизни С. имѣлъ чинъ тайнаго совѣтника и нѣсколько высшихъ степеней русскихъ орденовъ до Бѣлаго Орла включительно.

С. прежде всего является ученымъ, всецѣло преданнымъ интересамъ науки и далеко стоящимъ отъ современной общественной жизни. Въ области науки это былъ рѣдко встрѣчающійся среди русскихъ людей *систематическій и акуратный работникъ*, считавшій научныя занятія главнѣйшимъ своимъ жизненнымъ долгомъ и государственнымъ служеніемъ. Немного встрѣтится у насъ ученыхъ, оставившихъ послѣ себя столь большое количество научныхъ трудовъ, какое оставилъ С. Начиная съ 1842 г. тянется длинный рядъ написанныхъ имъ въ теченіе тридцати семи лѣтъ книгъ, статей и замѣтокъ. Списокъ всѣхъ сочиненій С-ва, составленный профессоромъ Н. А. Поповымъ и приложенный къ изданію монографій С., вышедшему въ Москвѣ въ 1882 г., заключаетъ въ себѣ слишкомъ 140 №№, въ числѣ которыхъ только одинъ № занятъ его «Исторіей Россіи» въ 29-ти томахъ. Кромѣ упомянутыхъ выше сочиненій въ этотъ списокъ вошли написанные С-мъ учебники и популярные курсы русской и всеобщей исторіи и цѣлый рядъ монографій и замѣтокъ по вопросамъ не только изъ русской исторіи, но и изъ всеобщей, по философіи исторіи и русской исторіографіи.

Большая публика не знакома со всѣми этими трудами С-ва. Онъ извѣстенъ ей лишь по своей многотомной «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», да по учебнику русской исторіи, выдержавшему съ 1859 по 1902 г. одиннадцать изданій. Поэтому большая публика не имѣетъ вѣрнаго представленія о С-вѣ, какъ историкѣ. Она смотритъ на него, какъ на передатчика фактической, внѣшней, государственной исторіи Россіи, притомъ передатчика весьма скучнаго, тяжелымъ слогомъ подробно излагающаго крупныя и мелкія событія изъ исторіи русскаго государства. Лишь ученые спеціалисты по русской исторіи, хорошо изучившіе всѣ его печатные труды, главные и второстепенные, большіе и малые, съ почтеніемъ относятся къ научнымъ заслугамъ С-ва. Попытаемся же на основаніи всѣхъ его трудовъ изложить основныя его воззрѣнія на задачи исторіи, какъ общественнаго процесса и какъ науки, и на главнѣйшіе вопросы изъ русской исторіи.

Исторія, по воззрѣнію С-ва, есть *наука народнаго самопознанія;* такъ онъ понималъ и задачу русской исторіи; а для

того, чтобы изучить свое народное самопознаніе, мы должны, прежде всего, *познать другіе народы* посредствомъ изученія ихъ исторіи и затѣмъ *сравнить себя съ ними.* Такимъ образомъ для историка Россіи необходимъ сравнительный методъ изученія, т. е. изученіе всеобщей исторіи, исторіи всѣхъ народовъ, какъ сошедшихъ съ исторической сцены, такъ и продолжающихъ на ней дѣйствовать. Только такимъ путемъ историкъ можетъ себѣ выработать взглядъ *всесторонній*, единственно правильный и научный. При изученіи частной исторіи отдѣльнаго народа для историка необходимо остановить свое вниманіе на слѣдующихъ основныхъ вопросахъ: 1) природа страны и ея вліяніе на жизнь народа; 2) умственное развитіе страны съ уясненіемъ, почему страна сдѣлалась способной къ его воспріятію и почему это развитіе приняло то или другое направленіе; 3) правительство, какъ существенная сторона народной жизни, и ея произведеніе, а потому является самой лучшей ея повѣркой. Вслѣдствіе сего для историка имѣютъ важное значеніе характеры правительственныхъ лицъ, при самыхъ противоположныхъ формахъ правленія, какъ въ неограниченныхъ, такъ и въ ограниченныхъ монархіяхъ и въ республикахъ; 4) народная масса, доступная для наблюденія историка только въ лицѣ ея вождей, во время народныхъ движеній. Подъ терминомъ «народъ» С. всегда понимаетъ не одни только низшіе классы того или другого племени, а совокупность всѣхъ его классовъ, всѣхъ слоевъ племени.

Сущность *историческаго процесса* заключается въ развитіи, *въ прогрессѣ*. Историческіе народы суть тѣ, которые способны развиваться: но, слѣдуя общему историческому закону, это развитіе не безконечно. Народъ, какъ живой организмъ, родится, живетъ и наконецъ вымираетъ; это мы видимъ изъ исторіи древнихъ народовъ востока и запада. Теперешніе европейскіе арійцы когда нибудь сойдутъ съ исторической сцены и на смѣну имъ могутъ придти народы монгольскаго, малайскаго или негритянскаго племени. Аналогія общественнаго организма, высшаго изъ организмовъ, съ организмомъ природнымъ, проводится С-мъ весьма послѣдовательно и доказательно. «Но—говоритъ онъ—если среди организмовъ природныхъ, чѣмъ выше организмъ—тѣмъ съ большей медленностью онъ развивается, тѣмъ большаго требуетъ для себя ухода, то нечему удивляться, что организмъ общественный такъ медленно совершенствуется, что истины относительно его образованія достаются человѣчеству съ большимъ трудомъ».

Изъ изложеннаго уже можно заключить, какъ С. разрѣшаетъ сложный вопросъ *о значеніи личности въ общественной жизни народа*, въ его исторіи. Личность, по его воззрѣнію, есть продуктъ своего народа, времени и среды, въ которыя она живетъ и дѣйствуетъ. Такъ называемые великіе люди въ исторіи—это такія историческія личности, которыя являются представителями своего народа въ извѣстное время, носителями и выразителями народной мысли, которыя, вслѣдствіе этого, удовлетворяя сильной народной потребности, выводятъ народъ на новую дорогу, необходимую для продолженія его исторической жизни. Такимъ «великимъ человѣкомъ» въ нашей исторіи былъ Петръ I.

Исторія, въ смыслѣ науки, должна быть основана на строгомъ, критическомъ изученіи всѣхъ историческихъ источниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, того пути, по которому она достигла теперешняго своего положенія какъ науки народнаго самопознанія. Это положеніе С. доказалъ, какъ обѣими своими диссертаціями, такъ и «Исторіей Россіи» и кромѣ того прилежнымъ изученіемъ прежнихъ писателей русской исторіи и историковъ и географовъ западно-европейскихъ, на что мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства въ его обобщающихъ, синтетическихъ воззрѣніяхъ на задачу и методъ историческаго изученія.

Посмотримъ теперь, какъ прилагалъ С. эти общія воззрѣнія къ русской исторіи.

Восточная половина Европы, занимаемая въ настоящее время Европейской Россіей, въ географическомъ и этнографическомъ отношеніи представляетъ совершенную противоположность Западной половинѣ Европы. Восточная половина—равнина, почти лишенная горъ, съ мало врѣзывающимися въ берега морями, имѣющая доступъ лишь къ одному *океану*—Сѣверному Ледовитому, плаваніе по которому весьма затруднительно и неудобно, но изобилующая рѣками, лѣсами и степ-

ными пространствами. Такое географическое положеніе естественно отразилось на характерѣ населенія страны, не имѣющаго столь рѣзкихъ различій, какъ насельники западной половины Европы, страны горъ и удобныхъ для дальнихъ плаваній океановъ. Эти же географическія условія повели къ тому, что восточная половина Европы естественно образовала одну государственную территорію. Основнымъ племенемъ, ядромъ этой территоріи, является, народъ русскій славянскаго племени, разселившійся среди трехъ другихъ племенъ, издавна обитавшихъ въ восточной европейской равнинѣ: литовскаго, финскаго и тюркскаго. Эта *колонизація* славяно-руссовъ шла преимущественно съ запада на востокъ, въ противоположность западно-европейской, шедшей въ обратномъ направленіи, съ востока на западъ, и представляетъ собою одно изъ любопытнѣйшихъ явленій всеобщей исторіи: поступательное движеніе арійцевъ-славянъ въ Азію; это явленіе составляетъ лишь эпизодъ въ болѣе общихъ массовыхъ народныхъ передвиженіяхъ арійскихъ племенъ въ т. наз. великомъ переселеніи народовъ V—VI в.в. по Р. Хр. и въ позднѣйшемъ, возникшемъ черезъ тысячу лѣтъ, въ XV и XVI в.в., и продолжающемся понынѣ движеніи западно-европейскихъ арійцевъ, германо-романцевъ въ Азію, Африку и на материки новаго свѣта.

Славянское племя колонизировало восточную равнину, главнымъ образомъ, пользуясь огромными и обильными орошающими ее рѣками и озерами, которыя задолго до появленія здѣсь славянъ служили удобнымъ путемъ для передвиженія разныхъ племенъ и отдѣльныхъ дружинъ. Издавна были извѣстны два водныхъ пути, связывавшихъ между собою море Балтійское: 1) съ Чернымъ (путь изъ Варягъ въ Греки) и 2) съ Каспійскимъ (путь изъ Варягъ въ Хвалисы, т. е. въ Иранъ). Эти-же озера и рѣки съ ихъ притоками распадаются въ началѣ нашей исторіи на 4 главнѣйшіе водные бассейна: 1) Озерный (сѣверный), 2) Днѣпровскій, 3) Западно-Двинскій и 4) Волжскій. Позднѣе колонизація славяно-руссовъ происходитъ еще въ двухъ рѣчныхъ бассейнахъ: Днѣстровскомъ (съ XII в.) и Донскомъ (съ XVI в.). Такъ какъ Волжскій бассейнъ съ своими притоками занимаетъ наибольшую территорію, то Московское княжество, образовавшись въ верховьяхъ одного изъ притоковъ Волги и укрѣпившись затѣмъ на самой Волгѣ, получило возможность подчинить своей власти сперва бассейнъ Волжскій, а затѣмъ и менѣе его обширные: Озерный, Днѣпровскій, Донской, Западно-Двинскій и Днѣстровскій: такъ возникла территорія государства Московскаго, а затѣмъ имперіи Всероссійской. Указавъ на сравнительное однообразіе природы и населенія восточной европейской равнины,—С. не могъ не отмѣтить въ то же время различія, встрѣчающіяся въ восточной Европѣ, какъ географическія, такъ и этнографическія. Онъ указалъ на *лѣсъ* въ средней и сѣверной Россіи и на *поле*—степь въ южной, какъ на характерныя ея географическія отличія, причемъ остроумно сравнилъ «степь» съ сухимъ моремъ, по которому, какъ пираты по воднымъ западно-европейскимъ морямъ, издавна «поляковали» и «казаковали» различные выходцы изъ глубины Азіи. Эти выходцы проникали въ русское «поле»—степь черезъ «Великія» Каспійскія ворота, между южнымъ отрогомъ Уральскихъ горъ и Каспійскимъ моремъ, и съ ними приходилось вести упорную и долгую борьбу славяно-руссамъ. Обратилъ онъ также должное вниманіе и на бытъ, нравы, и религіозныя вѣрованія инородцевъ восточной европейской равнины,—литовцевъ, финновъ, тюрковъ и монголовъ, которыхъ не знала западная Европа и съ которыми пришлось вступить въ сношенія и въ столкновенія славянскимъ насельникамъ восточной части Европы.

Славянскія племена восточной Европы, славяноруссы, жили *родовымъ бытомъ* который коренился въ кровномъ родствѣ между нѣсколькими семьями, имѣвшими одного общаго родоначальника, и который положенъ въ основу общественности и религіи славяноруссовъ. Города были родовыми общинами, огороженными поселеніями; родовыя собранія въ городахъ назывались вѣчами. Типичнымъ представителемъ такой родовой общины былъ Новгородъ. Малые, новые города, *пригороды* не имѣли своихъ вѣчъ, а были подчинены вѣчу старшаго города. Князья съ дружиной составляли сначала пришлый общественный слой, который скоро подчинился

общему родовому строю славянорусcовъ. Христіанство, внѣдрившее у насъ начатки образованности, постепенно смягчавшее нравы населенія и объединявшее Русь единствомъ религіи и церкви, не измѣнило родового строя, который былъ очень живучъ; не измѣнило этого строя и монгольское завоеваніе, и элементы родового быта мы наблюдаемъ на Руси не только въ XVI и XVII в.в., но даже и въ XVIII в. Такъ, напр., мѣстничество является однимъ изъ выразителей этого быта. Послѣ Ярослава, сына Владиміра Святого, вся Русская земля принадлежала *княжескому роду*, составляла общее его владѣніе; *удѣла* не было до XIII в., когда онъ возникъ на сѣверо-востокѣ Россіи, вслѣдствіе постепеннаго развитія тамъ со времени Ростовско-Владимірскаго князя Андрея Боголюбскаго начала *единовластія*. Это начало проявилось и выросло благодаря *новымъ городамъ*, построеннымъ сѣверо-восточными князьями, всѣмъ имъ обязаннымъ и неимѣвшимъ своихъ вѣчевыхъ собраній. Среди сѣверо-восточныхъ русскихъ княжествъ въ XIV в. укрѣпляется и возвышается княжество Московское, въ которомъ въ лицѣ великаго князя Іоанна III возникаетъ начало государственное. Возвышеніе Московскаго княжества, кромѣ указанной выше причины *географической*, произошло вслѣдствіе личнаго наслѣдственнаго характера Московскихъ великихъ князей, «собирателей Руси», постепенно развивавшихъ въ себѣ начало единовластія и умѣнье ловко пользоваться обстоятельствами. Въ томъ же XIV вѣкѣ западная часть Россіи «собирается» великими князьями литовскими изъ потомства Гедимина, образуя великое княжество Литовское; но это государство вскорѣ подпадаетъ чуждому вліянію сосѣдней съ нимъ Польши, съ которой потомъ и соединяется политически. Знамя русской государственности поднимается въ Москвѣ, и преемники Іоанна III, Василій Іоанновичъ и Іоаннъ IV, окончательно укрѣпляютъ русское государственное начало. Но это начало окрѣпло не безъ борьбы, оказавшейся особенно сильной при Іоаннѣ IV. Противъ него возстало *боярство*, опиравшееся на родовыя и дружинныя традиціи, и въ борьбѣ съ этими традиціями явился побѣдителемъ представитель государственнаго начала царь Іоаннъ IV.

Начиная съ Іоанна III, С. внимательно слѣдитъ за успѣхами Московской государственной власти, удѣляя, впрочемъ, нѣкоторыя страницы своей «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» обзору т. наз. «внутренняго» состоянія Московскаго государства: церкви, просвѣщенію, законодательству, нравамъ и обычаямъ разныхъ классовъ населенія и положенію дѣлъ въ юго-западной и сѣверо-западной Руси. Въ укрѣпленіи и развитіи государственнаго начала онъ видитъ *прогрессъ* русскаго общественнаго развитія.

Смутное время является критическимъ моментомъ для государственнаго русскаго начала. Въ это время обнаруживаются дружинные и родовые порядки, не вполнѣ еще искорененные Іоанномъ IV и объявляютъ войну «государственности» казаки, наслѣдники древнихъ степняковъ, «искатели зипуновъ». Первый самозванецъ подставляется боярами и находитъ поддержку въ казакахъ. Къ этимъ внутреннимъ русскимъ «нестроеніямъ» присоединяются внѣшнія. Польша пользуется нашими замѣшательствами. Сначала поддерживая перваго Лжедимитрія, она затѣмъ стремится дать намъ своего государя; но русское государственное начало торжествуетъ въ лицѣ всенароднаго избранника, Михаила Ѳеодоровича Романова.

Эпоха первыхъ Романовыхъ составляетъ преддверіе реформы Петра В. Московское государство, распространяя свои предѣлы преимущественно на востокъ и отчужденное отъ западной Европы и территоріально и культурно, приходитъ въ это время къ сознанію о необходимости заимствованія съ запада новыхъ средствъ для дальнѣйшаго своего преуспѣянія. Въ этомъ направленіи дѣйствуютъ и Московское правительство, принимая цѣлый рядъ реформъ, и отдѣльныя лица. Петръ Великій является однимъ изъ такихъ реформаторовъ: онъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, вполнѣ понявъ потребности своего народа въ исходѣ XVII в., удачно исполняетъ начатое раньше: онъ вводитъ европейскіе порядки въ государственную и общественную жизнь Московскаго царства и, устремляя свое вниманіе на западъ, укрѣпляется на Балтійскомъ морѣ и получаетъ преобладающее вліяніе въ Польшѣ.

Дальнѣйшій ходъ русскаго обществен-

наго развитія состоитъ въ усвоеніи правительствомъ и лучшей, образованнѣйшей частью русскаго народа, идей и началъ петровской реформы—участія въ жизни западно-европейскихъ государствъ и все большаго и большаго усвоенія европейскаго знанія, науки. «Птенцы Петра В.»—его первые сотрудники изъ иностранцевъ и русскихъ—бережно хранили завѣтъ перваго императора и были продолжателями его дѣла, передавъ этотъ завѣтъ своимъ дѣтямъ и внукамъ. Екатерина II, опираясь на этихъ дѣтей и внуковъ, могла пойти дальше въ дѣлѣ укрѣпленія русской государственности и по пути внутреннихъ реформъ и усвоенія Россіей европейскаго просвѣщенія.

Вотъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, та схема историческаго развитія русской общественности, которая проводится С-мъ въ двухъ его диссертаціяхъ и въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Остальныя его монографіи по русской исторіи разработываютъ эту схему хронологически дальше въ подробностяхъ съ фактической стороны, доводя ее хронологически до конца царствованія императора Александра I, т. е. до 1825 г. включительно.

Схема С-ва, начиная съ его диссертацій, а въ особенности при появленіи нѣкоторыхъ томовъ его «Исторіи», подвергалась не только оспариванію, но и осужденію. Самымъ ярымъ и неумѣреннымъ его отрицателемъ явился Погодинъ. Онъ ставилъ въ вину С-ву его теорію родового быта, произвольныя обобщенія и недостаточное изученіе фактовъ и подробностей. Но и Кавелинъ, привѣтствовавшій первые ученые труды С-ва, главнымъ образомъ, за общую идею, связывающую разрозненные до тѣхъ поръ факты и періоды русской исторіи,—и соглашаясь съ основною мыслью С-ва о родовомъ бытѣ,—упрекалъ его въ односторонности и въ недостаточномъ анализѣ историческихъ фактовъ. Онъ призналъ натяжкой объясненіе С-мъ многихъ явленій нашей исторіи географическими условіями страны и чрезмѣрнымъ увлеченіемъ его *родовымъ бытомъ*, въ прямомъ, непосредственно этимологическомъ значеніи слова; Кавелинъ понималъ этотъ бытъ лишь въ смыслѣ кровно-патріархальнаго, семейнаго, природнаго, въ противоположность юридическому, правовому порядку; не соглашался также Кавелинъ и съ гипотезой С-ва о *старыхъ* и *новыхъ городахъ*, предложивъ для объясненія перехода изъ кровно-патріархальнаго быта къ быту государственному свою гипотезу о *вотчинномъ* началѣ, развившемся въ сѣверо-восточной Руси. Еще больше нареканій на С-ва высказано было изъ лагеря славянофиловъ, при появленіи VI, VII, и VIII томовъ его «Исторіи», въ которыхъ С. излагалъ эпоху Іоанна Грознаго и Смутное время. К. С. Аксаковъ обрушился на С-ва за то, что тотъ совершенно игнорируетъ русскій общинный строй, городскую и сельскую общину и оставляетъ въ своей Исторіи массу русскаго народа въ сторонѣ, вслѣдствіе чего неправильно объясняетъ общественный строй Россіи и въ до-Московскую пору, и придаетъ чрезмѣрное значеніе государственному началу. Понимая «родъ» исключительно въ смыслѣ семьи и придавая особое значеніе *общинному* началу въ русской жизни, Аксаковъ выводитъ изъ этого послѣдняго начала и древне-русское *вѣче* и московскій *земскій соборъ* и развиваетъ цѣлую теорію о *земскомъ строѣ* русской земли и объ отношеніи этого строя къ государству. Въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка появлялись очень сухо изложенные тома «Исторіи Россіи» С-ва изъ эпохи XVII в., и когда все болѣе и болѣе входило въ моду «народническое» пониманіе исторіи, нападки на С-ва усилились. Ему ставили въ укоръ неправильное ученіе объ однообразіи племенного состава русскаго народа, вслѣдствіе чего онъ упустилъ изъ вниманія особенности областного строя удѣльно-вѣчевого періода и не отвелъ надлежащаго мѣста въ своемъ изученіи исторіи южно-русской, малорусской вѣтви русскаго народа, сосредоточивъ свое преимущественное вниманіе на дѣятельности московскаго правительства. Но всѣ эти нападки на С. принесли несомнѣнную пользу русской исторической наукѣ. Критическіе разборы и рецензіи томовъ его «Исторіи» составили цѣлую литературу (библіографію ея см. въ «Книжномъ каталогѣ Базунова, сост. В. И. Межовымъ»).

Въ наше время, когда измѣнились воззрѣнія на задачи исторіи сравнительно съ воззрѣніями 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годовъ XIX в., самыя воззрѣнія С-ва являются уже не современностью, а имѣютъ *исто-*

рическое значеніе. С. выступилъ со своими диссертаціями и «Исторіей» въ то время, когда въ русской исторической наукѣ не было строго опредѣленнаго общаго взгляда. «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина для большинства образованной публики являлась еще тогда русскимъ историческимъ алкораномъ, и когда С. выпустилъ I-й томъ своей «Исторіи», то раздавались такіе голоса: «дерзкій! въ Карамзины желаетъ попасть!» «Исторія русскаго народа» Полевого, несмотря на широко-поставленныя задачи и нѣкоторыя поправки въ Карамзинскомъ воззрѣніи, была мало извѣстна большинству, а потому это большинство все еще придерживалось Карамзина, т. е. желало видѣть въ исторіи Россіи прагматическое изложеніе политическихъ событій, съ прославленіемъ отдѣльныхъ историческихъ личностей и съ недостаточнымъ обоснованіемъ, или неправильнымъ пониманіемъ историческаго генезиса политическихъ явленій. У Карамзина первый русскій князь Рюрикъ, затѣмъ Владиміръ Св., Ярославъ и другіе выдающіеся князья, какъ Владиміръ Мономахъ и Андрей Боголюбскій, не говоря уже объ Іоаннѣ III и Іоаннѣ IV, являются сильными монархами; княжеско-удѣльный періодъ произошелъ вслѣдствіе непредусмотрительности Ярослава, раздѣлившаго Россію на отдѣльныя владѣнія между своими сыновьями, а всѣ княжескія распри этого періода—«маловажны для разума»; монгольское «иго» повело къ порабощенію и уничиженію Руси; вѣчевой строй древнихъ русскихъ городовъ едва затронутъ и не выясненъ, а Новгородъ Великій именуется «мятежнымъ» и «своевольнымъ»; государственная дѣятельность Іоанна III ставится выше дѣятельности Петра В. Личность Іоанна IV распадается на двѣ непохожія одна на другую: добродѣтельную въ юности и злодѣйскую въ зрѣлую пору жизни. Всѣ историческія личности поставлены у Карамзина внѣ условій времени, въ которое онѣ жили и дѣйствовали, а проявляютъ лишь психическія свойства, добрыя и злыя, одинаково возможныя у всѣхъ народовъ и во всѣ времена; послѣдующія эпохи русской исторической жизни лишь механически связываются съ предыдущими, а не являются ихъ неизбѣжными, логическими результатами, причемъ характеръ ихъ зависитъ нерѣдко отъ воли отдѣльныхъ личностей. Ученая разработка русской исторіи, идя по стопамъ *малой критики* Шлецера, ограничивалась изученіемъ частностей (типичнымъ выразителемъ такой учености былъ Погодинъ); а въ тогдашней публицистикѣ, сильно ограниченной цензурными условіями, выражались лишь общія разсужденія западниковъ, славянофиловъ и представителей «оффиціальной народности». Во всѣхъ такихъ разсужденіяхъ исторія являлась лишь ихъ оправданіемъ; историческіе факты *подставлялись* только, какъ доказательства отвлеченныхъ, умозрительныхъ теорій.

Не то видимъ мы въ историческомъ пониманіи С-ва. Ходъ русской исторіи является у него *органическимъ развитіемъ* народной общественной жизни. Начала этой жизни, возникая въ формахъ болѣе простыхъ, несложныхъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе усложняются, причемъ послѣдующая стадія ихъ развитія логически вытекаетъ изъ предыдущихъ. Эту-то заслугу С-ва и привѣтствовалъ Кавелинъ, который наряду съ нимъ является во главѣ группы ученыхъ русскихъ историковъ т. наз. *школы родового быта*, или *историко-юридической*. Школа эта впала во многія крайности, въ особенности впалъ въ эти крайности С.; но таковъ удѣлъ всѣхъ научныхъ, а въ особенности историческихъ ученій. Историческая наука, какъ наука о постепенныхъ измѣненіяхъ общественности у народовъ, настолько сложна, что каждый ученый историкъ способенъ отмѣтить не все, а лишь нѣкоторыя, группы явленій, синтезировать ихъ и затѣмъ, положить въ основу своихъ дальнѣйшихъ историческихъ наблюденій и выводовъ. Такими группами явленій въ русской исторической жизни у С. являются, главнымъ образомъ, пять: 1) вліяніе природныхъ условій страны на ходъ ея исторіи; 2) колонизація славянъ; 3) родовой бытъ ихъ; 4) московская государственность; 5) реформа Петра В. Въ настоящее время во всѣхъ этихъ группахъ уже сдѣланы дополненія и должныя поправки.

Справедливо указавъ на особенности географическихъ условій восточной половины Европы—Россіи, С. впалъ въ крайность. Онъ слишкомъ *обобщилъ* племен-

ное однообразіе *русскаго народа*, а потому не обратилъ должнаго вниманія на рѣзкое различіе, существующее между двумя отраслями русскаго народа: великоруссами и малоруссами. Исторія колонизаціи славяно-руссовъ признается въ настоящее время однимъ изъ самыхъ основныхъ вопросовъ въ исторіи русскаго народа, и русскій историкъ XX вѣка всегда съ признательностью вспомнитъ С-ва за научное обоснованіе этого вопроса.

Родовой бытъ несомнѣнно существовалъ у славяно-руссовъ, но во 1-хъ, существовалъ онъ далеко не столь продолжительное время, какъ то думалъ С.; во 2-хъ, этотъ бытъ вовсе не былъ такъ прочно организованъ именно въ *родъ*, т. е. совокупность семей, какъ училъ С. Московская государственность выросла не изъ тѣхъ только элементовъ, какіе отмѣтилъ С., и не являлась *первой политической, государственной* организаціей на Руси. Кіевское великое княжество Владиміра Мономаха, Новгородъ, Галичъ, Смоленскъ, Полоцкъ, княжество Литовское—развѣ это не государства? Это только государства не московскаго типа, а тоже русскія государства, но иного состава, иного характера. Никто не станетъ отрицать въ наши дни, что общественная жизнь народа не исчерпывается вполнѣ жизнью государства; но эти, такъ сказать, внѣ государственныя стороны народной жизни остаются у С-ва въ тѣни, частью не разработанными, частью совершенно не затронутыми. Петръ В. и его реформа сыграли важную роль въ русской исторической жизни, но «первый русскій императоръ» далеко не былъ выразителемъ всѣхъ стремленій русскаго народа его времени, и его «насажденіе», круто вводимое въ русскую жизнь, отразилось въ этой жизни не одними благами положительными, но и отрицательными послѣдствіями.

Такія дополненія и поправки неизбѣжны: ими сильна наука, потому что *наука постоянно движется*, постоянно идетъ впередъ—*въ этомъ заключается ея природа*. С. самъ хорошо это сознавалъ. Вотъ что онъ говорилъ по поводу предшествовавшихъ ему попытокъ раздѣленія русской исторіи на различные періоды и эпохи. «Обыкновенно каждый новый писатель старался показать неправильность дѣленія своего предшественника, обыкновенно старался показать, что и послѣ того событія, при которомъ предшествующіе писатели положили свои грани, продолжался прежній порядокъ вещей; что, наоборотъ, передъ этой гранью мы видимъ явленія, которыми писатель характеризовалъ новый періодъ, и т. д. Споры безконечные, ибо въ исторіи ничего не оканчивается вдругъ; новое начинается въ то время, когда старое продолжается. Но мы не будемъ продолжать этихъ споровъ, мы не станемъ доказывать неправильности дѣленія предшествовавшихъ писателей и придумывать свое дѣленіе, болѣе правильное. Мы начнемъ съ того, что объявимъ всѣ эти дѣленія правильными; *мы начнемъ съ того, что признаемъ заслугу каждаго изъ предшествовавшихъ писателей, ибо каждый въ свою очередь указывалъ на новую сторону предмета и тѣмъ способствовалъ лучшему пониманію его*»... Указавъ затѣмъ на необходимость внѣшняго дѣленія русской исторіи на періоды во время собиранія научныхъ фактовъ, чтобы оріентироваться въ нихъ, С. заявляетъ: «Но съ теченіемъ времени наука мужаетъ и является потребность соединить то, что прежде было раздѣлено, показать связь между событіями, показать какъ новое проистекало изъ стараго, соединить разрозненныя части въ одно органическое цѣлое, является потребность замѣнить *анатомическое изученіе предмета физіологическимъ*».

Въ заключеніе припомнимъ въ самыхъ общихъ чертахъ главнѣйшія заслуги С-ва въ области русской исторіографіи.

Своими трудами онъ укрѣпилъ въ русской исторіографіи ученіе объ *органическомъ процессѣ историческаго развитія*; онъ былъ сторонникомъ *сравнительнаго метода* изученія явленій русской исторіи съ явленіями исторіи всеобщей; онъ собралъ обширный фактическій матеріалъ по русской исторіи, поставилъ много основныхъ вопросовъ для ея изученія и разрѣшилъ нѣкоторые изъ нихъ, а въ другихъ далъ возможность дальнѣйшаго изученія и разрѣшенія и на своемъ ученомъ знамени начерталъ справедливый девизъ: *исторія есть наука народнаго самопознанія*. Девизъ этотъ онъ не вполнѣ оправдалъ въ своихъ историческихъ трудахъ, но громадна заслуга уже въ самомъ опредѣленіи.

Подъ этимъ знаменемъ, безъ сомнѣнія, и въ наши дни сознательно встанетъ каждый историкъ русскаго народа.

Библіографія главнѣйшихъ сочиненій С. М. Соловьева (указанія на всѣ остальныя см. въ упомянутомъ выше спискѣ при изд. его сочиненій 1882 г.). А) *Отдѣльныя книги.*

1) Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ (магистерская диссертація). 1-е изд. М. 1845 г.; 2-е изд. М. 1847 г.—2) Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома. М. 1847 г. (докторская диссертація)—3) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. М. и Спб., 1851—1879 г.г. 29 томовъ. Новое изданіе въ Спб. товарищества «Общественная Польза» (посмертное) s. a. in 8°, въ 2 столбцахъ, компактное; всѣ 29 томовъ вошли въ 6 большихъ книгъ.—4) Русская лѣтопись для первоначальнаго чтенія, 1-е изд. М. 1866 г.; 2-е изд. М. 1872 г.—5) Учебная книга русской исторіи. Изд. 1-е, М. 1859 г.; изд. 11-е, М. 1902 г. Переведена на французскій языкъ княж. Суворовой, Paris. 1879—6) Исторія паденія Польши. М. 1863 г., переведена на нѣмецкій языкъ, изд. въ Готѣ, 1865 г.—7) Курсъ новой исторіи, 2 ч., М. 1869 г.—8) Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ, М. 1872 г.—9) Общедоступныя чтенія о русской исторіи, 1-е изд., М. 1874 г.;—2-е изд. М. 1882 г.—10) Императоръ Александръ I. Политика-дипломатія Спб. 1877 г.

Б) *Сборники сочиненій.*

I) *Сочиненія С. М. Соловьева* Спб. 1882 г., томъ in 8°. Сюда вошли: 1) Начала русской земли (1877—1879 г.г.). 2) Древняя Россія (1856 г.). 3) Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра В. (1851 г.). 4) Историческія письма (1858 г.). 5) Прогрессъ и религія (1868 г.). 6) Восточный вопросъ (1876 г.). 7) Наблюденія надъ исторической жизнью народовъ. (Отъ китайцевъ и индусовъ и племенъ древняго востока до исторіи германскихъ и романскихъ племенъ въ началѣ X в. по Р. Хр. включительно) — монографія не окончена (1868—1876 г.г.).—Кромѣ того въ этомъ Сборникѣ напечатана монографія, указанная въ числѣ отдѣльныхъ книгъ подъ № 8.

II) *Собраніе сочиненій С. М. Соловьева*, Спб. Изданіе товарищества «Общественная Польза». S. a. (послѣ изданія 1882 г.) 8-е maj., въ 2 столбца. Въ этотъ сборникъ вошли: а) всѣ монографіи напечатанныя въ первомъ собраніи сочиненій С-ва; б) двѣ книги, означенныя выше подъ №№ 6 и 10, и в) слѣдующія монографіи по исторіографіи: 1) Писатели русской исторіи XVIII в. (1851 г.), 2) Н. М. Карамзинъ и его «Исторія Государства Россійскаго» (1853—1856 г.г.), 3) А. А. Шлёцеръ (1856 г.) и 4) Шлёцеръ и анти—историческое направленіе (1857 г.).

Оба сборника сочиненій С-ва далеки отъ образцовыхъ изданій. Составлены они безъ опредѣленной программы и трудно понять задачу, во имя которой редакторы вносили въ нихъ тѣ или другія монографіи, не слѣдуя ни хронологическому порядку ихъ написанія, ни систематическому ихъ распредѣленію по вопросамъ, которымъ онѣ посвящены. Изъ всѣхъ большихъ и мелкихъ статей, написанныхъ С-мъ, въ сборникъ вошла лишь одна двѣнадцатая часть (11 статей изъ 131).

Библіографическій перечень сочиненій С. М. Соловьева составленъ Н. А. Поповымъ (систематическій, напечатанъ въ «Рѣчахъ и отчетѣ, читанн. въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 12 января 1880 года») и Замысловскимъ (хронологическій, но очень неполный, напечатанъ при некрологѣ Соловьева въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1879, № 11).—Рецензіи, критическіе статьи и отзывы на «Исторію Россіи» напечатаны въ «Полномъ Собр. Сочиненій» Кавелина т. I (СПБ. 1897), «Полн. Собр. Сочин.» Конст. Аксакова, т. I, изд. 2 (М. 1889); Сергѣевичъ, «Вѣче и князь» (М. 1867); «Библіотека для чтенія» 1851, т. 109, 110, 111, 1862 г. № 12 (статья Н. Я. Вѣтвицкаго подъ заглавіемъ «Чиновничій элементъ въ разработкѣ русской исторіи»), 1863, № 11, 1864 г. № 3 (статья О. Миллера «Русскій народный эпосъ передъ судомъ г. Соловьева»); «Биржевыя Вѣдомости», 1869, № 333, 1875 г. № 322; «Всемірный Трудъ» 1870 г. № 2; «Вѣстникъ Европы» 1866 г. № 4, 1867 г. №№ 1 и 4, 1868, № 12, 1870 г., т. I, № 1, т. I, № 2, т. VI № 12, 1871 г. № 12, 1873 г. №№ 1, 12, 1875 г. № 12; «Голосъ» 1863 г. № 280, 1866 г. № 335; «Гражданинъ» 1877 г. № 2, «День» 1865 г. № 12 (ст. В. Елагина); «Древняя и Новая Россія» 1875 г. № 1, 1876 г. № 2 (рецензіи Е. Бѣлова); 1877 г. № 1 (статья «25-лѣтіе Исторіи Россіи Соловьева»); «Дѣло», 1870, № 5 (статья С. Шашкова «Опыты законодательныхъ собраній»), 1873, № 12 (его же «Недуги русскаго общества»); «Журналъ для Воспитанія», 1859 г. № 8; «Извѣстія Императорской Академіи Наукъ» т. IV, вып. 6 (статья И. И. Срезневскаго); «Кіевскія Университетскія извѣстія» (рецензіи Иконникова), 1875, № 8, 11, 1876, № 5, 12. 1877, № 7; «Книжный Вѣстникъ», 1864 г. № 20;

1866, № 4; «Молва», 1857, № 5 и 6; «Москва», 1867, № 59 (статья Ильи Бѣляева); «Московскія Вѣдомости» 1851, № 145 и 152, 1852, № 6, 13, 17, 26, 1853, № 30, 31, 32, 35 (статья Н. Калачова), 1856, № 46, 54, 59 (статья К. Н. Бестужева-Рюмина), 1860, № 209 (рецензія К. Дмитріева), 1861, № 12 и 52; 1861 г. № 51; «Московскія Университетскія извѣстія» 1866—67 г.г. № 2; «Московское Обозрѣніе», 1859 г. № 1 (статья К. Н. Бестужева-Рюмина «Современное состояніе русской исторіи, какъ науки»); «Московскій Курьеръ» 1861 г. № 56; «Отечественныя Записки» (статья К. Н. Бестужева-Рюмина) 1858, т. 119, 1859, № 7, 1860, № 11, 1861, № 1 и 10; «Рижскій Вѣстникъ» 1870 г. № 13; «Русская Старина» 1870, т. I, № 4, 1871, г. т. III № 1, 1873, т. VII, № 2, 1876 г. т. XV, № 3 (ст. К. Н. Бестужева-Рюмина), т. XV, № 4 (статья Н. П. Барсова), т. XVII, № 10; 1877, т. XVIII, № 3; «Русскій Вѣстникъ», 1856 г. т. II, № 8 статья Н. Попова), 1866 г. № 2 (статья А. С. Трачевскаго), 1867 г. т. 72, 1868 г. т. 78, № 12; «Русскій Инвалидъ», 1866 г. № 13, 1867 г. № 333, 1868 г. № 313; «Русскій Міръ» 1875, № 237; «Русское Слово» 1859, № 1 (статья Аполлона Григорьева), 1864 г. № 4 (статья Н. Шелгунова «Ученая односторонность»); С.-Петербургскія Вѣдомости», 1855, № 121, 1856, № 155, 1857 г. № 167, 1859 г. № 186, 1863 г. № 279 и 283 (статья И. Е. Забѣлина), 1865, № 339, 1869 г. № 16 и 23 (статья М. де-Пуле), 1875 г. № 297; «Сборникъ Государственныхъ Знаній» (статьи К. Н. Бестужева-Рюмина) т. I—IV; «Сибирь» 1876, № 27; «Современникъ» 1851 г. т. 29; 1852 г. т. 35 (статья А. Афанасьева), 1854, т. 47, 1860 г. № 11, 1861 г. № 8, 1863 г. № 11; «Современная Лѣтопись», 1869, № 43; «Современныя извѣстія» 1869 г. № 1; «Сынъ Отечества» 1851 г. № 12, 1856 г. № 6, 1871 г. № 263, 1874 г. № 278, «Сѣверная Пчела» 1852 г. № 20, 21, 113 и 114 (статья Ксенофонта Полевого), 1857, № 274 и 283. —Некрологи, статьи по поводу 25-лѣтія «Исторіи Россіи», юбилейныя статьи и пр... «Историческій Вѣстникъ» 1880 г. № 1 (статья проф. Герье), 1882 г. № 8; «Рѣчь и отчетъ, читанн. въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета 12 янв. 1880 г.» (статья Ключевскаго); «Древняя и Новая Россія» 1880 г. № 1 (ст. Барсова); «Нива» 1876 г. № 15, 1879 г. № 44, 1895 г. № 22; «Огонекъ» 1879 г. № 45; «Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей» 1879 г. кн. IV; «Русская Старина» 1879 г. т. XXVI; «Вѣстникъ Европы» 1879 г. № 11 и 12, «Всемірная Иллюстрація» 1872 г. № 179, 1879 г. № 503; «Церковный Вѣстникъ» 1879 г. № 41 (статья Кояловича), «Сынъ Отечества» 1899 г. № 268; «Русскій Вѣстникъ» 1894 г. № 11 стр. 6—16, 1896 г. № 2—5 («Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева»); «Живописное Обозрѣніе» 1895 г. № 19; «Одесскія Новости» 1899 г. № 4753 и 4754; «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1879 г. № 11 (статья Замысловскаго); «Записки Императорской Академіи Наукъ» т. 36 кн. 1 (статья А. Ѳ. Бычкова); «Новое Время» 1895 г. № 6904, 1897, № 7567, «Новости» 1889, № 274; «Гражданинъ» 1876, № 44; «Русскія Вѣдомости» 1895; № 233, 1896 г. №№ 123, 130, 158; «Книжки Недѣли» 1896, № 7. —Кромѣ того о С. М. Соловьевѣ и его сочиненіяхъ см. Н. В. Безобразовъ «С. М. Соловьевъ, его жизнь и учено-литературная дѣятельность» СПБ. 1894 (изъ серіи «Біографической библіотеки» Павленкова); К. Н. Бестужевъ-Рюминъ «Біографіи и характеристики» (СПБ. 1882); Влад. С. Соловьевъ «С. М. Соловьевъ» (Вѣстникъ Европы 1896 № 1); Біографическій словарь профессоровъ Московскаго Университета» (автобіографическая записка С. М. Соловьева); Ключевскій; «С. М. Соловьевъ, какъ преподаватель» (Изд. историч. общ. при Московскомъ Университетѣ, годъ I, М. 1896), его-же «Воспоминанія о студенческой жизни» (М. 1899), Танковъ «С. М. Соловьевъ, какъ профессоръ» кол. 1885), Кояловичъ «Исторія русскаго самознанія» (СПБ. 1884); Милюковъ «Главныя теченія русской исторической мысли»; Южаковъ «Соціологическіе этюды» т. II, В. Майковъ «Критическіе опыты», «Сто русскихъ литераторовъ» (изд. Вольфа); Лобановъ «Современные дѣятели»; Ѳ. Буслаевъ, «Эпизоды изъ исторіи Московскаго Университета»; Барсуковъ «Жизнь и труды П. М. Строева», его-же «Жизнь и труды Погодина» (съ т. VIII passim), Иконниковъ «Опытъ русской исторіографіи» т.т. I-II (Кіевъ 1892), Пыпинъ «Исторія русской этнографіи», его же «Характеристика литературныхъ мнѣній» (Вѣстникъ Европы 1872 г. кн. 5) его же «Послѣ Гоголя» (Вѣстникъ Европы 1896, № 2), Мякотинъ «К. Д. Кавелинъ и его взгляды на русскую исторію» (Русское Богатство 1898, № 2).

Д. Корсаковъ.

Соловьевъ, *Степанъ Ѳеодоровичъ*, извѣстный золотопромышленникъ и филантропъ, род. въ 1819 г., ум. въ С.-Петербургѣ 10 августа 1867 г. С. былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ золотопромышленниковъ. Его развѣдочныя партіи первыми прошли всѣ отдаленнѣйшія мѣста Россіи, гдѣ появлялись признаки золота. Такъ, онъ первый снарядилъ экспедиціи для поисковъ золота на Олекмѣ, за Байкаломъ, на Амурѣ, на Алтаѣ, въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи и, наконецъ, въ Ташкентѣ. На его же счетъ была снаряжена особая ученая экспедиція по Амуру. Онъ былъ также однимъ изъ щедрыхъ филантроповъ въ Петербургѣ. Къ числу его наиболѣе важныхъ пожертвованій слѣдуетъ отнести устройство имъ на Васильевскомъ островѣ сквера около памятника Румянцева. Весь его огромный домъ передъ скверомъ отдавался подъ безплатныя квартиры бѣднѣйшимъ жителямъ Петербурга. Дѣлая огромныя пожертвованія, онъ однако всегда старался, чтобы имя жертвователя осталось неизвѣстнымъ. Онъ написалъ также нѣсколько статей въ защиту свободы золотого и платиноваго дѣла въ Россіи. Одна

изъ нихъ: «Объ ассигновкахъ на золото» напечатана въ «Горномъ Журналѣ» за 1867 г.

Некрологи: «Горный Журналъ», 1867, кн. III, стр. 510;—«Вѣсть», 1867, № 96;—«Голосъ», 1867 г., № 235 (Вседневная жизнь);—«Спб. Вѣдомости», 1867 г., № 224;—«Сынъ Отечества», 1867, № 207;—«Торговый Сборникъ», 1867 г., № 33.

П. Г—чъ.

Соловьевъ, *Яковъ Александровичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, дѣятель эпохи освобожденія крестьянъ, родился въ 1820 г., умеръ въ Парижѣ 11 декабря 1876 г. Получивъ очень солидную подготовку дома, онъ прошелъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по окончаніи котораго въ 1843 г. поступилъ на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ, незадолго до того учрежденное по проекту графа Киселева для упорядоченія и улучшенія быта государственныхъ крестьянъ. С. былъ назначенъ чиновникомъ въ центральное кадастровое управленіе, гдѣ въ то время занимались уравненіемъ взимаемыхъ съ государственныхъ крестьянъ денежныхъ сборовъ, замѣняя систему сбора съ души, практиковавшуюся до этихъ поръ, системой сборовъ съ крестьянскихъ земель и промысловъ. Такимъ образомъ С. съ самаго же начала своей службы долженъ былъ ознакомиться съ положеніемъ крестьянъ въ Россіи и сразу же началъ работать надъ этимъ дѣломъ подъ руководствомъ такого знатока крестьянскаго вопроса, какъ графъ Киселевъ. Прослуживъ нѣкоторое время въ Петербургѣ въ центральныхъ учрежденіяхъ и основательно ознакомившись съ дѣломъ теоретически, С. получилъ мѣсто начальника одной изъ кадастровыхъ коммиссій, работавшихъ въ провинціи, сначала въ Смоленской, а потомъ во Владимірской и Самарской губерніяхъ. Знакомство съ бытомъ крестьянъ, подробное ознакомленіе съ ихъ жизнью, мѣстной промышленностью и торговлей, захватило С-ва, еще сильнѣе заставило его интересоваться своимъ дѣломъ, дало ему еще лучшую подготовку къ дальнѣйшей дѣятельности. Здѣсь же С. пріобрѣлъ и другое достоинство, которое очень пригодилось ему впослѣдствіи: онъ научился выбирать себѣ сотрудниковъ, что, разумѣется, имѣло большое значеніе для него, когда ему пришлось работать самостоятельно.

Въ 1857 г. министръ Внутреннихъ Дѣлъ С. С. Ланской, по рекомендаціи Н. А. Милютина пригласилъ къ себѣ на службу С-ва, какъ извѣстнаго уже въ то время знатока крестьянскаго дѣла, и поручилъ ему въ своемъ министерствѣ управленіе земскимъ отдѣломъ, только что тогда учрежденнымъ одновременно съ первыми Высочайшими рескриптами объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ. На этомъ посту С. былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей во всѣхъ предварительныхъ по этому поводу распоряженіяхъ, а съ открытіемъ дѣятельности редакціонныхъ коммисій былъ назначенъ въ нихъ представителемъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и принималъ самое дѣятельное и горячее участіе въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ вопросовъ по составленію положенія о крестьянахъ вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ, княземъ В. А. Черкасскимъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ и другими, отстаивая права крестьянъ и являясь самымъ ревностнымъ защитникомъ ихъ интересовъ.

На долю С-ва, какъ управляющаго земскимъ отдѣломъ, выпала и обязанность проводить Положеніе 19 февраля въ жизнь. Громадная работа эта требовала отъ него очень большой затраты энергіи и силъ и была тѣмъ болѣе тяжела, что приходилось сталкиваться съ самыми разнообразными интересами, разбираться въ той массѣ противорѣчій, которыя возникли отъ различнаго толкованія Положенія землевладѣльцами и крестьянами. С-ву однако удалось до конца сохранить строго честное и нелицепріятное отношеніе къ дѣлу. Оставаясь на точкѣ зрѣнія закона, онъ не поддавался ни своимъ сословнымъ симпатіямъ дворянина и землевладѣльца, ни тѣмъ началамъ, которыя онъ проводилъ, какъ членъ редакціонной коммисіи, но которыя онъ не считалъ себя вправѣ проводить, какъ исполнитель закона. Однако внѣшнія вліянія были слишкомъ сильны и С., уже не будучи въ состояніи бороться съ ними, не рѣшился и оставаться на своемъ посту и въ концѣ 1863 г. ушелъ изъ земскаго отдѣла.

Но безъ дѣла С. оставался не долго. Польскій мятежъ 1863 г. ясно показалъ правительственнымъ сферамъ, что

необходимо значительно измѣнить гражданскій порядокъ въ Царствѣ Польскомъ и ослабить революціонные элементы—польское шляхетство, экономически закрѣпощавшее крестьянское населеніе края и строившее свое благополучіе на обѣднѣніи низшихъ классовъ населенія. 19 февраля 1864 г. былъ изданъ Высочайшій указъ, по которому крестьяне, лично освобожденные въ Царствѣ Польскомъ еще въ началѣ XIX вѣка, получали право собственности на занимаемыя ими земли въ этомъ краѣ и право самоуправленія. Для проведенія этой реформы и для общаго замиренія и успокоенія края и былъ учрежденъ въ Варшавѣ Учредительный Комитетъ и устроены коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ. По рекомендаціи того же Н. А. Милютина, С. въ первой половинѣ 1864 г. былъ назначенъ членомъ этого учредительнаго комитета. При распредѣленіи обязанностей между отдѣльными членами его, на С-ва было возложено завѣдываніе дѣлами комитета, а вмѣстѣ съ этимъ завѣдываніе личнымъ составомъ крестьянскихъ коммисій и общее наблюденіе за ихъ дѣятельностью. Въ 1865 г. къ этому присоединилось предсѣдательство въ центральной коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ, учрежденной для разсмотрѣнія и утвержденія ликвидаціонныхъ табелей (уставныхъ грамотъ), разрѣшенія жалобъ на мѣстныя коммисіи и разработки проектовъ постановленій по всѣмъ предметамъ поземельныхъ отношеній владѣльцевъ имѣній и крестьянъ. С. съ обычной горячностью принялся за работу, но дѣло было далеко не легкое: нужно было одновременно приводить въ исполненіе указъ 19 февраля въ странѣ, гдѣ мятежъ не былъ еще вполнѣ потушенъ, и въ то же время изучать въ высшей степени сложныя и запутанныя мѣстныя земельныя отношенія. При быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, особенно необходимыхъ на первыхъ порахъ, нужно было строгое исполненіе закона и безпристрастіе къ сторонѣ явно враждебной. Особенно затрудняло С-ва то обстоятельство, что при отсутствіи въ Польшѣ крестьянской общины необходимо было изслѣдовать права на землю каждаго отдѣльнаго усадебника, которыхъ было до 70,000. Не мало доставляла хлопоть русскимъ чиновникамъ и вражда между мятежной шляхтой, видѣвшей въ указѣ 19 февраля мѣру, направленную противъ нея, и крестьянствомъ, раздраженнымъ противъ своихъ бывшихъ помѣщиковъ ихъ притѣсненіями и дѣятельностью во время мятежа. Для облегченія трудности положенія С. прежде всего пригласилъ къ себѣ на службу опытныхъ помощниковъ: онъ сформировалъ кадры крестьянскихъ коммисій изъ людей уже работавшихъ надъ этимъ дѣломъ въ Россіи; для большей быстроты ихъ дѣятельности самъ слѣдилъ за ними, переписывался со всѣми предсѣдателями этихъ коммисій, лично направлялъ ихъ дѣятельность и руководилъ ими. Благодаря удивительной настойчивости С-ва и быстрымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ, предложеннымъ имъ, работы по крестьянскому дѣлу шли быстро и скоро были закончены. Кромѣ того С. въ канцеляріи Учредительнаго Комитета руководилъ разработкой законодательныхъ проектовъ и административныхъ мѣръ, разсматривавшихся потомъ въ Комитетѣ, и былъ здѣсь же докладчикомъ по всѣмъ этимъ дѣламъ. 20 томовъ постановленій Учредительнаго Комитета остались результатомъ семилѣтней дѣятельности С-ва въ Польшѣ. Какъ истинно-русскій человѣкъ С. не забывалъ и русскихъ благотворительныхъ и общественныхъ учрежденій въ Варшавѣ. Понимая ихъ значеніе для усиленія русскаго вліянія въ краѣ, онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ учрежденіи ихъ и управленіи ими, заботился объ ихъ процвѣтаніи и защищалъ ихъ отъ всѣхъ нападковъ и оскорбленій со стороны польскаго общества. Вся его дѣятельность, какъ администратора, была направлена къ полному преобразованію всѣхъ отраслей управленія на началахъ, принятыхъ въ Имперіи, и къ подготовкѣ передачи края въ завѣдываніе обще-имперскихъ центральныхъ учрежденій.

Въ 1871 г, послѣ закрытія Учредительнаго Комитета, С., пожалованный въ сенаторы еще въ 1867 г., былъ назначенъ присутствовать въ 4-мъ департаментѣ Сената. Теперь дѣла было у него уже гораздо меньше, но, привыкшій къ работѣ, С. не могъ примириться съ своимъ положеніемъ, такъ какъ служба его касалась предметовъ, мало ему интересныхъ. Для поправленія здоровья С. уѣхалъ въ Парижъ, но здѣсь захворалъ и умеръ.

Тѣло его было перевезено въ Петербургъ и похоронено на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Еще въ началѣ своей дѣятельности, будучи предсѣдателемъ кадастровыхъ коммисій и работая въ провинціи, С. пользовался массою матеріала, бывшаго въ его рукахъ, но не попадавшаго въ оффиціальные отчеты и доклады, и на основаніи его написалъ нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій по статистикѣ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: «Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи» (М. 1855)—сочиненіе, удостоенное Императорскимъ Географическимъ Обществомъ золотой медали; «Настоящее и будущее Смоленской губерніи» (М. 1857); «Очеркъ хозяйства и промышленности Самарской губ.» (Журналъ Министерства Государств. Имуществъ, 1857, ч. 62, № 3); «Памятники и преданія Владимірской губ.» (Отечественн. Записки 1857, ч. 112 и 113); «О поземельномъ владѣніи въ Россіи» (Отечественн. Записки 1858 г., т. 116).

Некрологи: «Русская Старина» 1877 г. кн. II.—«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1876 г. № 270.—Джаншіевъ, «Эпоха великихъ реформъ».—Иванюковъ, «Паденіе крѣпостного права».—Матерьялы для исторіи упраздненія крѣпостного права (Берлинъ 1860).—Скребицкій, «Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II (Боннъ 1862—1868).—Семеновъ, «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II (Спб. 1889—1893) —«Русскій Архивъ», 1885 г. № 8.—«Русская Старина» 1880—1884 г.г. (passim), 1887 г. т. 54.

Е. Лихачъ.

Соловьевы, *Димитрій и Осипъ Алексѣевичи*, впослѣдствіи бароны, видные торговые дѣятели при Петрѣ Великомъ. Димитрій Алексѣевичъ былъ первоначально дворовымъ человѣкомъ Меншикова и черезъ него сдѣлался лично извѣстенъ Петру Великому. Въ 1705 г. государь назначилъ его оберъ-комиссаромъ въ Архангельскъ съ повелѣніемъ «вѣдать смоляный промыслъ и прочіе товары царскаго величества пріемомъ и покупкою и отпускомъ заморскимъ и продажею». С. былъ человѣкъ умный и предпріимчивый, способный къ торговымъ операціямъ. Нѣсколько позже выступаетъ его братъ Осипъ, исполнявшій тѣ же обязанности заграницей—въ Амстердамѣ, гдѣ онъ имѣлъ контору. Впослѣдствіи по поводу возникшаго дѣла С-выхъ былъ составленъ списокъ оборотовъ за 10 лѣтъ (съ 1706 г.): оказалось, что на товарахъ выручено ими прибыли 344.102 р. и заграницей получено 648.605 ефимковъ; изъ этого числа израсходовано въ Россіи 272.194 р. и заграницей 607.221 ефимковъ. Такимъ образомъ, среднимъ числомъ въ годъ приходилось, если считать ефимокъ по 90 коп., около 93 тысячъ—цифра по тому времени огромная! Послѣ учрежденія губерній въ Архангельскъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ извѣстный прибыльщикъ Курбатовъ, а въ сентябрѣ 1711 г. вышелъ сенатскій указъ: «Всѣ товары (казенные) велѣно принимать и у Города продавать и за море отпускать вице-губернатору Курбатову, да оберъ-комиссару Димитрію Соловьеву, вмѣстѣ». Съ этого времени начались безконечные раздоры между вице-губернаторомъ и оберъ-комиссаромъ, вызвавшіе новый указъ въ маѣ 1713 года: «Государевы товары, которые вѣдали у города Архангельска вице-губернаторъ Курбатовъ и оберъ-комиссаръ Соловьевъ обще, тѣхъ товаровъ вице-губернатору, кромѣ таможеннаго усмотрѣнія и пошлиннаго счета, ничѣмъ не вѣдать, для того, что отъ разныхъ управителей чинится въ торгахъ царскаго величества не безъ поврежденія: убытокъ отъ икры, что прислана къ веснѣ, упустя самую удобную пору—зимнее время. Вѣдать товары оберъ-комиссару одному». Съ этого времени Курбатовъ всѣми силами старался вредить С-ву и посылалъ на него доносы. Однако Курбатовъ самъ въ скоромъ времени попалъ подъ судъ по обвиненію въ различныхъ преступленіяхъ по службѣ. Находясь подъ слѣдствіемъ, Курбатовъ нашелъ однако возможность повредить своему врагу, выкравъ, посредствомъ подкупленнаго служителя у Меншикова письма, компрометирующія обоихъ С-выхъ и такимъ образомъ съ несомнѣнными доказательствами въ рукахъ въ октябрѣ 1716 г. писалъ Петру, находившемуся тогда заграницей. «Соловьевы три брата, Дмитрій, Ѳедоръ, Осипъ, превеликія казнѣ вашей умышленно утраты кражею государственныхъ пошлинъ учинили, о чемъ и по нынѣшнему изслѣдованію будетъ ясно, а паче изобличатся вины ихъ при пришествіи вашемъ, понеже я имѣю такія письма, противъ которыхъ они великаго оправда-

нія принесть не могутъ; но повинны будутъ пыткамъ и сыщется интересъ вашъ многій. Ежели о здѣшнихъ Соловьевыхъ учиненъ будетъ розыскъ крутой, а братъ ихъ Осипъ о томъ вѣдаетъ, опасно, чтобъ онъ, убоясь, не остался вовсе жить въ Амстердамѣ или гдѣ индѣ, и богатство свое тамошнее могутъ они скрыть. И въ нынѣшнемъ году изъ С.-Петербурга отпустили на корабляхъ, купленнаго изъ адмиралтейства поташу на 10.000 ефимковъ слишкомъ, подлогомъ, именемъ конторнаго своего писаря Гейтера и англичанина Коленза, у которыхъ ни малаго своего нѣтъ имѣнія и живутъ нынѣ у нихъ Соловьевыхъ въ домѣ. И за тотъ поташъ договорились они платить въ адмиралтейство заморскою солью по 10 алтынъ пудъ, и тѣми же именами откупили въ адмиралтействѣ во всей Финляндіи торговать однимъ имъ солью и табакомъ, о чемъ я увѣдалъ съ оберъ-фискаломъ». Въ результатѣ С-вы были отданы подъ судъ, причемъ они подъ пытками сознались во всемъ. Оказалось, что съ нихъ слѣдуетъ взыскать въ казну около 700,000 руб., а имѣнія у нихъ по описи явилось на 400,000 руб. Поэтому послѣднее было конфисковано, а они оба были отданы подъ стражу, подъ которой и находились до 21 октября 1721 г., когда Петръ приказалъ освободить С—выхъ, объявивъ: «понеже вѣдаютъ они, что достойны смерти по дѣламъ своимъ, тогобъ ради тѣ вины заслужили, особливо Осипъ въ установленіи торговъ впредь въ другія государства». Однако приказано было «взять съ него крѣпкія и надежныя поруки, чтобъ не ушелъ, понеже онъ записанъ бюргеромъ астрадамскимъ».

Императрица Екатерина I, обязанная своимъ возведеніемъ на престолъ кружку Меншикова, осыпала, какъ извѣстно, милостями всѣхъ членовъ кружка; не забыла она въ томъ числѣ и С—выхъ. Они были не только освобождены и возстановлены во всѣхъ своихъ правахъ, но даже указомъ 27 января 1727 г. Димитрій и два его брата, Осипъ и Ѳедоръ, были возведены въ баронское достоинство. Однако пережитыя испытанія надломили еще не старые годы Димитрія и онъ умеръ вскорѣ послѣ своего возстановленія въ правахъ.

Исторія Россіи, Соловьева, томъ XVI. Москва 1866 года.—П. Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго. СПБ., 1892 г.—Доклады и приговоры, состоявшіеся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Изд. Академіи Наукъ подъ редакціею Н. В. Калачева тома I и II; томы III и IV подъ редакціей Н. Ѳ. Дубровина. Голиковъ—Дѣянія Петра В.—Карновичъ, Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. — Дѣло Соловьевыхъ въ Государственномъ архивѣ.

В. Строевъ.

Сологубъ (Соллогубъ), *графъ Владиміръ Александровичъ*, писатель, род. въ 1814 г. По происхожденію внукъ польскаго магната, переселившагося въ Россію при императрицѣ Екатеринѣ II, онъ получилъ очень хорошее образованіе. Послѣ домашней подготовки, подъ руководствомъ лучшихъ гувернеровъ, онъ прошелъ курсъ юридическихъ наукъ въ Дерптскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ въ 1834 г. поступилъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ, въ качествѣ атташе при русскомъ посольствѣ въ Австріи. Вернувшись вскорѣ въ Россію, онъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Уже съ 1837 г. начинается его литературная дѣятельность: въ «Современникѣ» этого года были помѣщены его первыя повѣсти: «Два студента» и «Три жениха», встрѣченныя очень хорошо въ томъ литературно-аристократическомъ кружкѣ, къ которому принадлежали В. А. Жуковскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій, гр. Вьельгорскіе. Значительно уже большій успѣхъ въ публикѣ имѣла «Исторія двухъ калошъ»: напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 г., она обратила на автора общее вниманіе, благодаря проникающему ее гуманному настроенію. Уже въ этой повѣсти гр. С. обнаружилъ сатирическое отношеніе къ большому свѣту, представивъ его пустоту, эгоистичность, разоблачивъ его мишурный блескъ. Въ послѣдующихъ его произведеніяхъ проявляется то же отношеніе къ свѣту, хотя слѣдуетъ сказать, что сатира С. очень осторожна, скользитъ лишь по поверхности изображаемыхъ явленій, почему и можетъ быть относима къ тому роду, который характризуется эпитетомъ «улыбательный». Къ этому именно роду принадлежатъ произведенія С., вышедшія въ 1840—41 г.г., повѣсти «Большой свѣтъ, въ двухъ танцахъ» и «Аптекарша». Въ 1842 г.

вышелъ въ свѣтъ сборникъ всѣхъ изданныхъ ранѣе повѣстей С., подъ заглавіемъ «На сонъ грядущій». Сборникъ этотъ имѣлъ выдающійся успѣхъ, черезъ два года пришлось выпустить его вторымъ изданіемъ. Этимъ сборникомъ въ глазахъ критики значеніе С-ба опредѣлилось весьма рельефно, и Бѣлинскій писалъ слѣдующее: «Графъ Сологубъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между писателями повѣстей новой школы. Это талантъ рѣшительный и опредѣленный, талантъ сильный и блестящій. Поэтическое одушевленіе и теплота чувства соединяются въ немъ съ умомъ наблюдательнымъ и вѣрнымъ тактомъ действительности. Какъ всѣ истинные таланты, онъ не гоняется за необыкновенными идеалами и умѣетъ находить матеріалы для поэтическихъ изданій въ той прозаической существенности, которая у всѣхъ передъ глазами, но въ которой только немногіе провидятъ и жизнь и поэзію. Въ основѣ почти каждой его повѣсти лежитъ мысль, которая одна даетъ полноту и цѣлость сюжету. Поэтому очень трудно пересказывать содержаніе повѣстей графа Сологуба: въ нихъ важны не завязка съ развязкою, не внѣшнее событіе, а то внутреннее созерцаніе, котораго сюжетъ служитъ только выраженіемъ и которое поставляется и оцѣнивается созерцаніемъ же. Поэтому художественное достоинство повѣстей графа Сологуба преимущественно заключается въ подробностяхъ и колоритѣ». Черезъ два года послѣ этого, вмѣстѣ съ В. А. Жуковскимъ и гр. Ростопчиной, С. издалъ литературный альманахъ «Вчера и сегодня» и тогда же напечаталъ повѣсть «Княгиня» и водевиль «Букеты или петербургское цвѣтобѣсіе». Въ слѣдующемъ 1845 г. вышло въ свѣтъ самое важное изъ произведеній С-ба: «Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія». Начало этого произведенія, о которомъ Бѣлинскій говоритъ, что «оно—не романъ, не повѣсть, не очерки, не трактатъ, не изслѣдованіе, но то и другое и третье вмѣстѣ», появилось еще въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 г., а теперь книга была издана съ иллюстраціями, имѣла шумный успѣхъ и вызвала горячіе толки въ обществѣ. Наиболѣе сочувственно высказался о «Тарантасѣ» Бѣлинскій, увидѣвшій въ немъ яркое осмѣяніе славянофильства. «Нельзя, говорилъ критикъ, не согласиться, что юморъ автора «Тарантаса» тѣмъ болѣе исполненъ глубины и желчи, что онъ замаскированъ удивительнымъ спокойствіемъ, такъ что мѣстами читателю можетъ казаться, будто авторъ раздѣляетъ образъ мыслей своего жалкаго и смѣшного героя, этого маленькаго Донъ-Кихота въ миньятюрѣ и каррикатурѣ. Между тѣмъ ясно, что эта книга, по ея тонкому и глубокому юмору, принадлежитъ къ разряду книгъ въ родѣ «Epistolae obscurorum virorum», «Писемъ Юнія», «Lettres persanes» Монтескье. Славянофилы получили въ ней страшный ударъ, потому что ничего нѣтъ въ мірѣ страшнѣе смѣшного». Въ другой статьѣ, говоря о произведеніяхъ русской литературы за 1845 г., Бѣлинскій рѣшительно заявилъ, что «первое мѣсто между ними должно принадлежать «Тарантасу»: «Эта книга, писалъ критикъ, вдвойнѣ интересна—и какъ прекрасное литературное произведеніе, и какъ изящное великолѣпное изданіе. Въ послѣднемъ отношеніи «Тарантасъ»—рѣшительно первая книга въ русской литературѣ». Указавъ на то, что свою задачу осмѣянія славянофильства С. «выполнилъ съ необыкновеннымъ талантомъ», Бѣлинскій отмѣчалъ въ его повѣсти и нѣкоторые «недостатки довольно важные, какъ напримѣръ, увѣренія, будто русская критика пишется для забавы мужиковъ, которые, однакожъ, предпочитаютъ ей шутовъ въ ихъ мужицкомъ костюмѣ; что будто бы литература русская должна набирать идей и вдохновенія у постелей умирающихъ мужиковъ, сидя подлѣ нихъ въ качествѣ стенографа и записывая ихъ послѣднія слова, которыя,—какъ всѣмъ извѣстно, — касаются только разныхъ житейскихъ заботъ и распоряженій». Послѣ «Тарантаса» С. напечаталъ еще нѣсколько повѣстей и драматическихъ произведеній, изъ которыхъ особенный успѣхъ на сценѣ имѣли драма—«Мѣстничество» (1849 г.) и водевиль «Бѣда отъ нѣжнаго сердца» (1850), и вскорѣ послѣ напечатанія послѣдняго изъ этихъ произведеній онъ покинулъ Петербургъ, будучи назначенъ въ распоряженіе намѣстника Кавказскаго, между прочимъ для занятій статистическими и историческими изслѣдованіями. На Кавказѣ С. прослужилъ 6 лѣтъ, и за это время имъ

написано много этюдовъ кавказской жизни, рядъ фельетоновъ въ «Кавказѣ», рядъ альбомныхъ стихотвореній, а также біографія извѣстнаго кавказскаго героя, генерала Котляревскаго. Всѣ прозаическія статьи, посвященныя Кавказу, за исключеніемъ біографіи Котляревскаго, объединены подъ заглавіемъ «Сололакскіе досуги». Въ 1855—56 г.г. книгопродавцемъ Смирдинымъ было издано полное собраніе сочиненій С-ба. Въ это время С. пытается примкнуть къ общему, обличительному направленію литературы, пишетъ комедію «Чиновникъ», герой которой Надимовъ съ паѳосомъ говорилъ: «Крикнемъ на всю Русь, что пришла пора вырвать зло съ корнями». Фразы этого идеальнаго чиновника очень нравились тогдашней публикѣ, пьеса имѣла успѣхъ, хотя критика, въ лицѣ Добролюбова, Чернышевскаго и Н. Ф. Павлова, и указывала на серьезные недостатки этой тенденціозной комедіи. Послѣ «Чиновника» С. уже почти перестаетъ писать: въ 1865 г. онъ издалъ брошюру «Новыя свѣдѣнія о предсмертномъ поединкѣ А. С. Пушкина», а въ 1867 г. напечаталъ въ «Чтеніяхъ Общ. Люб. Рос. Словесности» двѣ статьи о значеніи Пушкина и кн. П. А. Вяземскаго въ русской литературѣ. Въ 1868 г. было имъ напечатано послѣднее его драматическое произведеніе, комедія «Разочарованные». Въ 1870 г., когда былъ возбужденъ вопросъ о тюремной реформѣ, онъ былъ командированъ за границу для изученія положенія европейскихъ тюремъ, и результатомъ его изслѣдованій было сочиненіе—«Исторія и современное положеніе ссылки». Въ 1877 г.—во время русско-турецкой войны, онъ находился при главной квартирѣ императора Александра II и въ слѣдующемъ году издалъ роскошно отпечатанный «Дневникъ военныхъ событій». Послѣдніе годы своей жизни С. болѣлъ, большею частью лѣчился за границею. Умеръ онъ въ 1882 г. въ Гамбургѣ. Послѣ его смерти были перепечатаны романъ его «Черезъ край» и его «Воспоминанія», сообщающія много любопытнѣйшихъ данныхъ объ аристократической средѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ и о литературныхъ кружкахъ того времени.

Сочиненія гр. В. А. С., въ 5 т. Спб. 1855—56. Воспоминанія Спб. 1887.—Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго, т. IX и X.—Соч. Добролюбова, т. I и II. Чернышевскій. Замѣтки о современной литературѣ Спб. 1889.—Панаевъ. Литературныя воспоминанія.—Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, т. I.—Н. Павловъ, Разборъ комедіи гр. Соллогуба «Чиновникъ» М. 1857..

А. Бороздинъ.

Соломаткинъ, *Леонидъ Ивановичъ*, художникъ-жанристъ, умеръ въ Петербургѣ въ 1883 г. Малороссъ по происхожденію, С. былъ сыномъ базарной торговки. Рано оставшись сиротой, онъ попалъ въ услуженіе къ странствующему торговцу. Слѣдуя своимъ художественнымъ стремленіямъ, онъ отправился въ Москву, чтобы тамъ найти возможность работать въ школѣ живописи. Добившись цѣли, но совершенно лишенный средствъ къ жизни, С. получилъ пріютъ у натурщиковъ, среди которыхъ было нѣсколько горькихъ пьяницъ. Эта компанія и научила С—на пороку, погубившему его талантъ и сведшему его впослѣдствіи въ могилу. Изъ Москвы онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ Императорскую Академію Художествъ (въ началѣ 1860-хъ г.г.), въ которой получилъ малую серебряную медаль за картину «Именины дьячка» (1861—1862 г.) и большую серебряную медаль за картину «Славильщики» (1864 г.). На академической выставкѣ 1861 г. привлекали къ себѣ вниманіе картины С-на «Охотникъ» и «Охотники». Въ 1866 г. С. получилъ отъ Академіи званіе классного художника 3-й степени, но страсть къ вину и соотвѣтственный этому образъ жизни помѣшали ему продолжать свое художественное образованіе: онъ постоянно проводилъ время въ различныхъ притонахъ, среди пьяницъ и босяковъ. Отравленный алкоголемъ и другими недугами трущобной жизни, онъ уже не въ силахъ былъ вернуться къ болѣе свѣтлому существованію. Однако горячая любовь къ живописи до самой смерти не угасала въ немъ, и онъ оставилъ въ общемъ до двухсотъ картинъ небольшого размѣра, написанныхъ въ разное время. Незначительность величины его картинъ объясняется, прежде всего, обстоятельствами, при которыхъ онѣ создавались: С. обыкновенно писалъ ихъ въ короткихъ промежуткахъ пьянаго разгула, среди самой случайной внѣшней обстановки, обыкновенно чужими красками и на чужомъ матеріалѣ. Странствующіе музыканты,

представители трактирнаго міра, вообще люди «подонковъ жизни» являются главными дѣйствующими лицами на его картинахъ. Въ противоположность нѣкоторымъ другимъ художникамъ-жанристамъ 1860-хъ г.г., С. въ своихъ картинахъ не преслѣдуетъ никакихъ морально-тенденціозныхъ цѣлей, а остается чистымъ художникомъ. Картины его, написанныя смѣлою и выразительною кистью, проникнуты теплымъ поэтическимъ чувствомъ и въ то же время юморомъ. Особенною популярностью пользуется картина С-на «Славильщики» («Городовые - Христославы»), распространенная въ олеографическихъ и гравюрныхъ воспроизведеніяхъ. Умеръ С. среди своихъ странствованій по различнымъ трущобамъ; трупъ его найденъ былъ на Пескахъ.

Н. Брешко-Брешковскій, «Живописецъ четвертаго сословія» (Россія» 1901 г., № 830).—Н. Брешко-Брешковскій, «Въ царствѣ красокъ», Спб. 1903 г.—Н. Брешко-Брешковскій, «Легендарный босякъ (Л. И. Соломаткинъ») «Отдыхъ» 1902 г., № 1).—Ѳ. И. Булгаковъ, «Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія», Спб., 1889—1890 г.г.—П. Н. Петровъ. «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія», Спб., 1864—1866 г г.—А. П. Новицкій, «Исторія-русскаго искусства», М., 1899—1903 г.г.—А. Бенуа, «Исторія русской живописи» (при Исторіи живописи въ XIX в. «изд. т-ва Знаніе»), Спб., 1901 г., ч. II, стр. 168.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о Соломаткинѣ, вошедшія въ настоящій очеркъ, сообщены Н. Н. Брешко-Брешковскимъ.

В. Г.

Соломка, *Аѳанасій Даниловичъ*, генералъ-лейтенантъ, генералъ-вагенмейстеръ, инспекторъ арсеналовъ и парковъ инженернаго вѣдомства. Родился въ имѣніи отца въ Кролевецкомъ уѣздѣ Черниговской губерніи въ 1786 г. и происходилъ изъ дворянъ. Воспитывался сначала въ Новгородсѣверскомъ народномъ училищѣ, а затѣмъ въ Черниговской гимназіи, закончилъ же свое образованіе въ артиллерійской школѣ (теперь Михайловское артиллерійское училище), куда былъ опредѣленъ по протекціи Аракчеева. Произведенный въ 1807 г. въ подпоручики, С. былъ назначенъ въ 15-ю Кіевскую артиллерійскую бригаду. Замѣчательно пунктуальный и исполнительный, С. сумѣлъ снискать расположеніе знавшаго его родителей графа Аракчеева и, благодаря послѣднему, быстро повышался въ чинахъ. Въ 1814 г. по просьбѣ Аракчеева, Императоръ Александръ I назначилъ С-ку вагенмейстеромъ своего штаба, а въ 1818 г. онъ былъ произведенъ въ полковники и назначенъ оберъ-вагенмейстеромъ Главнаго Штаба Его Величества. Въ этой должности С. состоялъ около десяти лѣтъ, причемъ пользовался расположеніемъ и довѣріемъ Государя, дававшаго ему иногда очень важныя порученія. Такъ во время своего посѣщенія Екатеринбурга императоръ поручилъ С-кѣ разсмотрѣть дѣла о ссыльныхъ и по его докладу возвратилъ изъ ссылки около 300 человѣкъ. Императоръ Николай I также относился очень благосклонно къ Соломкѣ и вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ, въ 1827 г. произвелъ его въ генералъ-маіоры и назначилъ генералъ-вагенмейстеромъ Главнаго Штаба Его Величества, а 3-го декабря 1834 г. ему пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 4-й степени. Вслѣдъ затѣмъ С. былъ назначенъ состоять при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, а въ 1837 г. былъ назначенъ инспекторомъ арсеналовъ и парковъ инженернаго вѣдомства съ оставленіемъ по артиллеріи и въ званіи генералъ-вагенмейстера. Въ этомъ послѣднемъ званіи С. сопровождалъ императора Николая I въ 1828 г. въ Сатуконо, Шумлу и Варну. Въ 1843 г. С. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ оставленіемъ во всѣхъ занимаемыхъ должностяхъ и продолжалъ еще служить болѣе 20-ти лѣтъ. Скончался С. въ Петербургѣ 9 марта 1872 г. За свою болѣе чѣмъ 40-лѣтнюю службу въ генеральскихъ чинахъ онъ имѣлъ всѣ высшіе русскіе ордена до ордена св. Александра Невскаго включительно и много иностранныхъ.

«Русскій Инвалидъ» 1872 г. № 66.—«Ежегодникъ Русской Арміи» за 1873 и 1874 г.г. ч. II,—«Иллюстрированная Газета» 1879 г. № 13.—В. С. Степановъ и Н. И. Григоровичъ «Въ память столѣтняго юбилея Императорскаго военнаго ордена св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія (1769—1869 г.) Спб. 1869 г. стр. 127 (4939) и LXXIII.

Е. Я.

Соломонія Юрьевна, великая княгиня московская, жена великаго князя Василія Ивановича, дочь боярина Юрія Константиновича Сабурова. Въ 1505 г.

великій князь Іоаннъ III, рѣшивъ выбрать жену для сына еще при своей жизни и не найдя подходящей среди иностранныхъ принцессъ, приказалъ собраться при дворѣ 1500 дѣвицамъ, представительницамъ знатнѣйшихъ русскихъ родовъ. Ко всеобщему удивленію, молодой Василій Ивановичъ выбралъ изъ нихъ С-нію, происходившую изъ незнатнаго рода, быть можетъ съ цѣлью воспрепятствовать сильному возвышенію родственниковъ невѣсты, которое обыкновенно очень тяжело отзывалось на дѣлахъ государства. Великій князь отецъ согласился съ выборомъ сына, и 5-го сентября 1505 г. была свадьба; вскорѣ послѣ нея умеръ Іоаннъ III, и С. сдѣлалась великой княгиней московской и всея Руси.

Высокое положеніе не дало ей, однако, ничего, кромѣ горестей и печалей. Однообразная жизнь взаперти—общая участь русскихъ женщинъ того времени—для нея не скрашивалась даже заботами о дѣтяхъ, которыхъ у нея не было; съ другой стороны, неимѣніе прямаго наслѣдника отвращало отъ нея сердце мужа—тѣмъ болѣе, что онъ былъ увѣренъ въ неспособности братьевъ править государствомъ послѣ его смерти. Въ лѣтописяхъ сохранился разсказъ, какъ великій князь, отправившись однажды въ объѣздъ и увидѣвъ въ полѣ птичье гнѣздо, заплакалъ и началъ горько жаловаться на свою судьбу: «Лютѣ мнѣ! кому уподоблюся азъ? не уподоблюся ни птицамъ небеснымъ, яко птицы небесніи плодовити суть, ни звѣремъ земнымъ, яко звѣри земніи плодовити же суть, не уподоблюся азъ никому же, ни водамъ, яко воды сія плодовити суть, волны бо ихъ утѣшающе и рыбы ихъ шумящеся». Пріѣхавъ въ Москву, онъ собралъ бояръ и началъ совѣтоваться съ ними: «Кому по мнѣ царствовати на русской земли и во всѣхъ градѣхъ моихъ и въ придѣлѣхъ? братіи ли дамъ? но братія своихъ удѣловъ не умѣютъ устраивати». Враждебно настроенные къ великой княгинѣ бояре сказали Василію: «Князь, де, великій государь, неплодную смоковницу посѣкаютъ и измѣщутъ изъ винограда». Тогда Василій приказалъ постричь С. Съ этимъ разсказомъ согласны и показанія всѣхъ другихъ лѣтописей, за исключеніемъ одной, которая, видимо изъ страха разгнѣвать государя, внесла извѣстіе, что великая княгиня *сама* постриглась. Далеко не такъ однако это произошло по свидѣтельству Герберштейна, бывшаго въ то время въ Россіи, а также одного найденнаго документа изъ дѣла о неплодіи великой княгини С-ніи Юрьевны. Изъ этихъ двухъ важныхъ источниковъ видно, что надъ С-ніей было наряжено цѣлое слѣдствіе, на которомъ между прочимъ допрашивали и брата великой княгини Ивана Юрьевича Сабурова, показавшаго, что великая княгиня огорчалась своимъ неплодіемъ и тщетно прибѣгала къ помощи знахарей и знахарокъ. Приводили къ ней какую то Стефаниду-рязанку, которая предсказала, что у великой княгини дѣтей не будетъ, но для сохраненія любви великаго князя дала ей наговорной воды съ совѣтомъ мочить этой водой бѣлье Василія. Приводили и какую-то безносую черницу, и та наговаривала, но ничего не помогло, и дѣтей у С. не рождалось. Великій князь, предварительно получивъ одобреніе митрополита Даніила, рѣшился передать это дѣло на судъ бояръ. Почти всѣ бояре, отчасти изъ угожденія великому князю, а отчасти изъ страха передъ переходомъ великокняжескаго стола къ князю Юрію Ивановичу, который несомнѣнно свою нелюбовь къ брату распространилъ бы и на его приближенныхъ, одобрили разводъ Василія, и нашлось только нѣсколько лицъ, которыя вооружились противъ развода. Къ числу ихъ принадлежалъ: Василій Патрикѣевъ, князь Семенъ Курбскій и знаменитый въ то время Максимъ Грекъ. Однако защита эта не помогла С-ніи: бракъ былъ объявленъ расторгнутымъ, 30-го ноября 1525 г. она была, подъ именемъ Софіи, пострижена въ Рождественскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ и отослана въ Суздальскій Покровскій монастырь. Герберштейнъ сообщаетъ намъ нѣсколько подробностей этого постриженія: С. плакала во все время обряда, когда же на нее собирались одѣть монашеское одѣяніе (кукуль), она вырвала его изъ рукъ митрополита, бросила на землю и топтала ногами. Присутствовавшій при этомъ приближенный великаго князя Иванъ Шигона ударилъ ее и сказалъ: «Смѣешь ли ты противиться волѣ государя?»—«А ты какъ смѣешь поднять на меня руку? спросила С.—«Именемъ великаго князя», отвѣчалъ будто бы Ши-

гона. Кромѣ того Герберштейнъ сообщаетъ о странныхъ слухахъ, ходившихъ по Москвѣ, будто бы послѣ постриженія С. оказалась беременною и въ монастырѣ родила сына, котораго назвала Георгіемъ, но не показывала окружающимъ, говоря, что когда онъ выраститъ, то отомститъ ея притѣснителямъ. Герберштейнъ прибавляетъ, что великій князь, узнавъ объ этомъ, послалъ въ монастырь, гдѣ содержалась С., боярина Ѳедора Рака и дьяка Потапа удостовѣриться въ истинности слуха. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло ни одного документа изъ этого слѣдственнаго дѣла и поэтому мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго объ этихъ слухахъ. Соломонія, проживъ въ монастырѣ 17 лѣтъ, умерла 18-го декабря 1542 г. и похоронена въ Покровскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ.

Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 199, IV, 135, 295, V, 261, VI, 29—30, 50, 244, 247, 251, 262, 264, 280, VII, 230, VIII, 6, 245, 251, 263, 271.—Никон. Лѣт. 172—173, 231;—Продолженіе Несторову лѣтописцу (Москва 1853) 241, 267—268;—Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ I, 421, 422, 424, 426;—Акты историческіе I. 176, 192.—Герберштейнъ «Записки о Московіи».—Соловьевъ, (изд. т-ва «Общ. Польза») I, 1509, 1652, 1653, 1654;—Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) VI, 207, VII, 83, 84, 108, пр. 277—280, 343, 402, IX, 110, 162, пр. 366, X, 45,—Костомаровъ «Русская исторія въ жизнеписаніяхъ» (СПБ., 1880) I, 367—371. Мордовцевъ «Русскія женщины» (Спб. 1874) 133—138.

Е. Лихачъ.

Соломонъ, *Христіанъ Христіановичъ*, докторъ хирургіи, профессоръ Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, род. 5-го февраля 1797 г., умеръ 12-го сентября 1851 г. во Франціи, въ Авиньонѣ. Медицинское образованіе С. получилъ въ Императорской Медико-Хирургической Академіи, которую и окончилъ со званіемъ лекаря, и въ 1817 г. былъ избранъ въ адъюнкты на мѣсто адъюнктъ-профессора хирургической клиники В. В. Пеликана; но прежде чѣмъ вступить въ эту должность, С. долженъ былъ поѣхать для научнаго усовершенствованія за границу, гдѣ и пробылъ пять лѣтъ. Вскорѣ по возвращеніи въ Россію (въ 1823 г.) С., вмѣстѣ съ профессоромъ Медико-Хирургической Академіи П. Савенкой, былъ командированъ въ Кронштадтъ для прекращенія среди матросовъ и вообще людей морского вѣдомства заразительнаго воспаленія глазъ, при чемъ С. былъ назначенъ окулистомъ военно-учебныхъ заведеній (впослѣдствіи С. помѣстилъ въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» подробное описаніе глазной болѣзни въ Кронштадтѣ). Съ возвращеніемъ С-на изъ-за границы, преподаваніе хирургіи въ Академіи было значительно реформировано: по представленію профессора Буша, эта каѳедра была раздѣлена на двѣ,—на каѳедру хирургической патологіи, или теоретической хирургіи, и каѳедру практической хирургіи. Въ 1825 г. послѣдняя каѳедра, равно какъ и хирургическая клиника, были поручены С-ну, получившему званіе ординарнаго профессора; въ помощь ему былъ назначенъ адъюнктъ для отдѣльнаго преподаванія десмургіи и ученія о переломахъ костей и вывихахъ. По увольненіи въ 1847 г. отъ должности профессора, С. былъ оставленъ при Медико-Хирургической Академіи въ качествѣ консультанта хирургической клиники и пользовался большою извѣстностью, какъ операторъ. Изъ научныхъ трудовъ С-на укажемъ сочиненія: «Tractatus anatomico-pathologicus de oculo humano» 1822 г., «Начальное основаніе оперативной хирургіи», «Оперативная хирургія» въ двухъ частяхъ, «Beobachtungen mehrerer Medullar-sarkome, welche in verschiedenen Theilen des Körpers ihren Sitz hatten», а также рядъ статей по оперативной хирургіи, офтальмологіи и другимъ медицинскимъ вопросамъ въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» 1824—1840 г.г., въ «Запискахъ по части Врачебныхъ Наукъ» 1844—1848 г.г., въ «Трудахъ Общества Нѣмецкихъ Врачей», въ «Трудахъ Общества Врачебныхъ Наукъ».

Проф. Григорій Прозоровъ, «Матеріалы для исторіи Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи», Спб., 1850 г., стр. 255, 256, 296, 301, 302, 335, 336.—Проф. Я. А. Чистовичъ, «Илья Васильевичъ Буяльскій, заслуженный профессоръ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи» («Русск. Старина» 1876 г., томъ XV, №№ 2 и 3).—«Сынъ Отечества» 1851 г., томъ V, кн. 10-я, стр. 577 (некрологъ).

В. Г.

Соломъ-Серенъ, тайша калмыцкій, принявшій русское подданство, сперва кочевалъ съ своимъ улусомъ у низовьевъ Волги, но въ 1677 г. съ другимъ калмыцкимъ тайшей Аюкаемъ съ улусными людьми согласился служить русскому царю: «учи-

нился подъ его Великаго Государя Самодержавною высокою рукой въ вѣчномъ подданствѣ». Въ томъ же году подъ Астраханью воеводой П. М. Салтыковымъ была заключена съ калмыцкими старшинами шерть (договоръ), по которой договаривающіяся стороны взаимно обѣщали «ссоръ и задоровъ не чинить». Впрочемъ, этотъ договоръ и принятіе тайшами русскаго подданства не исправили отношеній между калмыками и казаками. Въ сентябрѣ 1678 г. среди казаковъ распространились слухи, что къ Соломъ-Сереню были посланы «для дѣлъ государевы люди» и «онъ тѣхъ людей отъ себя не отпущаетъ». Основываясь на этомъ слухѣ, казаки начали непріязненныя дѣйствія противъ калмыковъ. Астраханскій воевода П. М. Салтыковъ «съ товарищи» послалъ для прекращенія ихъ и установленія мирныхъ отношеній Ивана Змѣева съ людьми вверхъ по Волгѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Салтыковъ доносилъ царю о происходящихъ съ калмыками неладахъ. Идя по Волгѣ, Змѣевъ повстрѣчался съ людьми Соломъ-Сереня и Аюкая и передалъ чрезъ нихъ тайшамъ приказаніе воеводы не воевать съ казаками. Въ январѣ того же года въ Астрахань прибыли послы отъ тайшей и били челомъ на притѣсненія казаковъ, которые въ свою очередь заявляли, что «калмыки ихъ казаковъ побиваютъ и городки разоряютъ и женъ и дѣтей ихъ емлютъ въ полонъ и лошадей и всякую скотину отгоняютъ». Московское правительство обратило вниманіе на астраханскія пограничныя неурядицы и поручило знаменитому князю К. М. Черкасскому устроить это дѣло. Сначала калмыки не поддавались увѣщаніямъ князя Черкасскаго. Въ февралѣ 1678 г. изъ Москвы къ нему въ помощь былъ посланъ стольникъ К. Козловъ съ указомъ государевымъ, которымъ на кн. Черкасскаго возлагалось устроить съѣздъ выборныхъ отъ калмыковъ и казаковъ съ цѣлью ихъ примиренія. Тайшамъ Соломъ-Сереню и Аюкаю были посланы богатые подарки—жалованье государево; калмыкамъ кн. Черкасскій долженъ былъ раздавать табакъ и звать ихъ на службу въ Малороссію на войну съ крымскими татарами, согласно шерти 1657 г. Въ 1679—1680 г. среди татаръ, калмыковъ и башкиръ распространились слухи объ успѣхахъ турокъ подъ Чигириномъ и они начали враждебныя дѣйствія противъ русскихъ. Возмущеніе тайшей Соломъ-Сереня и Аюкая продолжалось до 1683 г. и охватило низовья Волги отъ Царицына до Астрахани.

Дополн. къ Акт. Историч. т. т. VII, VIII, X; Соловьевъ. Исторія Россіи т. III.

В. Фурсенко.

Солошенко, *Семенъ Степановичъ,* штабъ-лѣкарь, писатель. Родился въ 1817 г. и происходилъ изъ крестьянъ. Медицинское образованіе получилъ въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи; по окончаніи курса со званіемъ лѣкаря былъ назначенъ въ С.-Петербургскій военный сухопутный госпиталь, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ госпиталь лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго и уланскаго полковъ. Далѣе С. снова служилъ въ С.-Петербургскомъ военномъ сухопутномъ корпусѣ, а съ 1845 г., въ теченіи почти 20-ти лѣтъ, состоялъ врачемъ I-го Кадетскаго корпуса, при чемъ въ 1846 г. получилъ отъ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи званіе штабъ-лѣкаря. Назначенный въ 1863 г. врачемъ Павловскаго военнаго училища, С. закончилъ свою службу въ должности врача управленія военно-учебныхъ заведеній (съ 1867 г.) и въ 1868 г. вышелъ въ отставку. С. принадлежитъ нѣсколько серьезныхъ работъ по медицинѣ: «Замѣчаніе о бугорчатой чахоткѣ («Отечественныя Записки» 1840 г. кн. VIII)»; «Удачные случаи лѣченія бугорчатки легкихъ черною нефтью и другими вспомогательными средствами» («Военно-Медицинскій Журналъ» 1862 г. ч. 84, отд. II) и отдѣльно (Спб. 1861 г.); «Отвѣтъ на разборъ вышеназванной работы Виреніусомъ. Спб. 1862 г. 8°. Скончался въ Петербургѣ въ 1869 году.

Л. Ѳ. Змѣевъ «Русскіе Врачи-Писатели», вып. I, Спб. 1886 г. тетр. 2, стр. 114.—«Военно-Медицинскій Журналъ» 1862 г. ст. Виреніуса.—«Медицинскій Списокъ» на 1860 г. стр. 358 и на 1865 г. стр. 214.

Е. Я.

Сольскій, *Семенъ Мартыновичъ,* энтомологъ и писатель, род. 27 іюля 1831 г., умеръ 11 февраля 1879 г. въ С.-Петербургѣ. Образованіе получилъ въ Ларинской гимназіи, а затѣмъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по камеральному фа-

культету. По окончаніи университетскаго курса (въ 1852 г.) со степенью кандидата, онъ въ октябрѣ того же года поступилъ на службу въ канцелярію Военнаго Министерства, гдѣ и служилъ до февраля 1878 г., когда былъ назначенъ членомъ отъ Военнаго Министерства въ Военно-Окружный Совѣтъ С.-Петербургскаго Военнаго Округа. Еще изъ университета С. вынесъ любовь къ энтомологіи, которой посвятилъ потомъ все свое свободное время. Особенно много занимался онъ изученіемъ жесткокрылыхъ и въ свое время считался однимъ изъ лучшихъ колеоптерологовъ. Онъ былъ однимъ изъ учредителей Русскаго Энтомологическаго Общества, въ которомъ впослѣдствіи, въ теченіе многихъ лѣтъ, исполнялъ должность секретаря, библіотекаря и, позднѣе, вице-президента (до 1878 г.). Будучи почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей, онъ занимался опредѣленіемъ жуковъ въ коллекціяхъ общества. Его собственныя богатѣйшія энтомологическія коллекціи были пріобрѣтены послѣ его смерти для Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. С. состоялъ почетнымъ членомъ «Société humanitaire et scientifique du S. O. de la France», членомъ-корреспондентомъ «Société Entomologique Belge», «Società Entomologica Italiana», «Société Entomologique de France», «Schweizerische Entomologische Gesellschaft», «Entomologische Verein zu Berlin», Имп. Русск. Геогр. Общ. и мн. др. ученыхъ обществъ.

Изъ трудовъ С-скаго слѣдуетъ указать: «Note sur quelques Coléoptères nouveaux ou peu connus» («Horae Societatis Entomologicae», т. IV, № 2, стр. 78—96); «Matériaux pour servir à l'étude des insectes de la Russie» (Ib., стр. 179); «Deux Staphylins nouveaux de Mexique» (Ib. стр. 105); «Замѣтка о чешуекрылыхъ окрестностей Петербурга» («Труды Русскаго Энтомологическаго Общества», т. IV, № 1 и 2, стр. 109); «Наставленіе къ собиранію насѣкомыхъ, паукообразныхъ и ракообразныхъ животныхъ во время путешествій» (Ib. стр. 111); «Coléoptères nouveaux» (Horae Soc. Entom.», т. V, № 2, стр. 29); «Staphylinides nouveaux» (Ib., стр. 113); «Etudes sur les Staphylinides de Mexique» (Ib., стр. 119); «Sur le genre Trigonurus Muls» (Ib., стр. 161); «Deux Coléoptères nouveaux de la Sibérie orientale» («Horae Soc. Ent.», т. VI, № 4, стр. 310); «Coléoptères de la Sibérie orientale» (Ib., т. VII, стр. 334—406); «Новыя или малоизвѣстныя Жесткокрылыя окраинъ Россійской имперіи и прилегающихъ къ ней странъ» («Тр. Рус. Энт. Общ.», т. VIII, стр. 31—84); «Prémices d'une forme entomologique de la vallée de Zarawschan dans l'Asie centrale» («Horae Soc. Entom.», т. VIII, № 1, стр. 133); «Matériaux pour l'entomologie de la Russie» (Ib. стр. 177); «Coléoptères de la Sibérie orientale» (Ib., стр. 232 — 277); «Description d'un charançon nouveau de la Sibérie orientale» (Ib., стр. 284); «Enumeration et description des Coléoptères de la famille Staphylinides recueillies par Mr. Solsky et le Baron de Nolken pendant leur voyage dans l'Amérique du Sud» (Ib., стр. 289—314); «Coléoptères de Russie» (Ib., т. IX, № 1, стр. 72); «Zur Kenntniss der Käferfauna Süd-Ost-Sibiriens, insbesondere des Amur-Landes. Longicornia. Bearbeitet von C. Blessig, mit Nachträgen und Bemerkungen von S. Solsky» (Ib., стр. 161—260); «Matériaux sur l'entomographie des provinces asiatiques de la Russie» (Ib., т. XI, № 4, стр. 273); «Matériaux pour l'entomographie de l'Amérique du Sud» (Ib., стр. 3); «Новыя и малоизвѣстныя жесткокрылыя окраинъ Россіи и прилегающихъ къ ней странъ» («Труды Русск. Энтомол. Общ.», т. XII, стр. 231—265: т. XIII, стр. 31—84); «Cryptocephalus bitaeniatus» («Horae Soc. Entom.», т. XVI, стр. 438); «Description de quelques nouvelles espèces de Staphylinides» («Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou», 1864, т. II, стр. 433); «Matériaux pour servir à l'études des insectes de la Russie. Coléoptères de la Russie orientale» (Ib., 1869, т. II, стр. 459); «Staphylins de l'Amérique meridionale et du Mexique» (Ib., 1869, т. IV, стр. 56); «Путешествіе въ Туркестанъ А. П. Федченко. Жесткокрылыя» («Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Московскомъ Университетѣ», т. XI, вып. V и т. XXII вып. II). Многіе изъ этихъ трудовъ вышли также отдѣльнымъ изданіемъ.

А. Богдановъ. Матеріалы для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся съ нею отраслямъ знанія, за 1850—1887 г., т. I («Извѣстія Императорскаго Общества Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Импера-

торскомъ Московскомъ Университетѣ», т. LV, листъ 24).—«Труды Русскаго Энтомологическаго Общества», т. XII, стр. LVIII.—Энциклоп. Словарь Брокгауза, т. XXX, стр. 841.—Н. А. Бунге. Указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ, медицинѣ и ветеринаріи за 1872—1874 г. (Кіевъ 1873, 75).

П. Гуревичъ.

Солярскій, *Павелъ Өедоровичъ*, протоіерей, духовный писатель, знатокъ еврейскаго языка, родился въ городѣ Владимірѣ въ 1803 г., умеръ въ С.-Петербургѣ 4-го мая 1890 г. Первоначальное воспитаніе получилъ во Владимірской семинаріи, откуда въ 1825 г. поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, курсъ которой окончилъ въ 1829 г.; степень магистра богословія получилъ 18-го декабря 1831 г. Въ сентябрѣ 1829 г. С. былъ назначенъ преподавателемъ церковной исторіи и еврейскаго языка въ Олонецкую духовную семинарію, гдѣ пробылъ четыре года. Въ октябрѣ 1833 г. былъ переведенъ въ Ямбургское духовное училище, а въ февралѣ 1835 г.—въ С.-Петербургское Александроневское. Рукоположенный въ мартѣ того же года митр. Серафимомъ во священники къ университетской церкви, С. поступилъ законоучителемъ въ І-ю Петербургскую гимназію (1835—1841 г.г.), а въ ноябрѣ 1841 г. занялъ каѳедру богословія въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ; въ 1850 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ логики и опытной психологіи въ томъ же Институтѣ. Въ качествѣ ординарнаго профессора упомянутыхъ предметовъ онъ оставался въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ до половины 1859 г. Съ этого времени С. занималъ только должность священника при университетской церкви. Въ 1879 г. былъ избранъ почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго университета и С.-Петербургской духовной академіи.

Главнымъ ученымъ трудомъ С-го надо считать его «Опытъ библейскаго словаря собственныхъ именъ» въ пяти томахъ (1879, 1881, 1883, 1884 и 1887 г.г.). По полнотѣ содержанія, тщательности и обстоятельности изложенія, это единственный въ своемъ родѣ трудъ для изученія Свящ. Писанія. Первые четыре тома обнимаютъ собою весь алфавитъ, въ пятомъ—дополненія и поправки. Къ каждому имени, кромѣ указанія на мѣста Свящ. Писанія, гдѣ оно встрѣчается, присоединены обширныя историческія, географическія, археологическія и филологическія примѣчанія. Изъ другихъ трудовъ С-го слѣдуетъ отмѣтить: 1) «Записки по нравственному богословію», въ трехъ томахъ (1860, 1862 и 1864 г.г.) и 2) «Нравственное православное богословіе». (2-е изд. 1875 г.).

Брокгаузъ, Словарь.—Кс. Ө. Надеждинъ, Исторія Владимірской дух. семинаріи, Влад. 1875 г. (списки).—И. Чистовичъ, Исторія С.-Петербургской Дух. Академіи. Спб. 1857 г., стр. 447.—В. Григорьевъ, С.-Петербургскій университетъ. Спб. 1870 г., стр. 313.—Д. Соловьевъ, 50—лѣтіе І-й С.-Петербургской гимназіи, Спб. 1880 г. стр. 152—153, 391.—К. А. Ивановъ, 50-лѣтіе С.-Петербургской V-й гимназіи, Спб. 1896 г., стр. 60.—А. Радонежскій, Историч. очеркъ С.-Петербургской V-й гимназіи, 1874 г.—Актъ двадцатипятилѣтняго юбилея Главн. Педагогическаго института, Спб. 1853 г., стр. 99—100. — А. Палама, «Азовскій Вѣстн.» 1874 г., № 54, 60, 62 (Изъ гимназическихъ воспоминаній).—«Всемірная Иллюстр.» 1890 г., т. XLIII, стр. 371. — «Церковный Вѣстникъ» 1890 г., № 19, стр. 328—329. — «Церковныя Вѣдомости» 1890 г., № 21 (некрологи).

А. Ш—въ.

Солярскій, *Өедоръ Павловичъ*, сынъ предыдущаго, библіографъ, умеръ 18-го сент. 1881 г. Окончивъ курсъ С.-Петербургскаго университета по историко-филологическому факультету въ 1861 г. со степенью кандидата, поступилъ на службу въ цензурное вѣдомство, гдѣ и оставался до смерти. До 1869 г. онъ занималъ должность секретаря С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, а затѣмъ помощника правителя дѣлъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Съ 1876 по 1878 г. С. былъ редакторомъ издававшагося при Главномъ управленіи еженедѣльнаго журнала «Указатель по дѣламъ печати». Кромѣ того имъ было помѣщено много статей и замѣтокъ по библіографіи и по исторіи новѣйшей русской литературы въ «Новомъ Времени» и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

В. Григорьевъ, С.-Петербургскій университетъ въ теченіи первыхъ 50-ти лѣтъ. Спб. 1870 г. (Списки).—«Петербургскій Листокъ» 1881 г., № 184.

А. Ш—въ.

Сомовъ, *Іосифъ Ивановичъ*, докторъ математики и астрономіи, ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета и Института корпуса путей сообщенія, членъ совѣта Морской академіи, род. 1-го іюня 1815 г. въ

с. Отрадѣ Клинскаго уѣзда Московской губерніи, ум. 26-го апрѣля 1876 г. въ С.-Петербургѣ. Получивъ среднее образованіе въ московской губернской гимназіи, куда былъ помѣщенъ своимъ отцомъ для приготовленія къ поступленію въ Морской кадетскій корпусъ, С. поступилъ затѣмъ въ Московскій университетъ на физико-математическій факультетъ, чтобы серьезно заняться математическими науками, къ которымъ онъ чувствовалъ сильную склонность, еще находясь въ гимназіи. По окончаніи университетскаго курса въ 1835 г., онъ былъ удостоенъ степени кандидата и сталъ работать надъ задуманнымъ имъ еще въ университетѣ обширнымъ трудомъ, вышедшимъ въ Москвѣ въ 1838 г. подъ заглавіемъ «Теорія опредѣленныхъ алгебраическихъ уравненій высшихъ степеней». Этимъ трудомъ, удостоеннымъ Академіей Наукъ Демидовской преміи, 23-лѣтній Сомовъ сразу обратилъ на себя вниманіе въ ученомъ мірѣ. Ранняя женитьба заставила его въ 1839 г. поступить учителемъ математики въ Московское Коммерческое училище, а въ слѣдующемъ году и въ Дворянскій Институтъ. Педагогическая дѣятельность не мѣшала однако и его ученымъ занятіямъ. Въ 1841 г. онъ защитилъ въ Московскомъ университетѣ диссертацію: «Объ интегралахъ алгебраическихъ ирраціональныхъ дифференціаловъ съ одною перемѣнной» и былъ удостоенъ степени магистра, а вскорѣ послѣ этого былъ приглашенъ Петербургскимъ университетомъ, по предложенію профессора А. Н. Савича, на мѣсто адъюнктъ-профессора. Въ Петербургскомъ университетѣ С. оставался въ теченіи 35 лѣтъ, читая различныя части чистой и прикладной математики, постоянно слѣдя за наукой и внося въ свои лекціи все то, что появлялось въ ней новаго. Сначала онъ читалъ высшую алгебру, тригонометрію, аналитическую и начертательную геометрію съ приложеніемъ послѣдней къ теоріи тѣней и перспективѣ; съ 1846—47 г. онъ оставилъ за собой только начертательную геометрію и взамѣнъ этого на старшихъ курсахъ сталъ читать статику и динамику съ гидростатикой и гидродинамикой, а съ 1855—56 г. вмѣсто статики сталъ читать аналитическую механику, преимущественно по Лагранжу и Пуассону. Съ 1860—61 г. онъ, кромѣ послѣдней, читалъ только дифференціальное исчисленіе съ приложеніемъ его къ геометріи, по Лангранжу, Коши и Дингеру. Послѣ защиты въ 1847 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ диссертаціи: «Аналитическая теорія волнообразнаго движенія эфира», за которую былъ удостоенъ степени доктора математики и астрономіи, С. былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ прикладной математики. За свою докторскую диссертацію онъ, кромѣ того во второй разъ былъ награжденъ Императорской Академіей Наукъ Демидовской преміей (въ 1848 г.). Въ 1850 г. онъ издалъ новую замѣчательную работу: «Основанія теоріи эллиптическихъ функцій», которая, по отзыву академиковъ Остроградскаго и Буняковскаго, явилась «первымъ на русскомъ языкѣ полнымъ, систематическимъ сочиненіемъ объ одной изъ замѣчательнѣйшихъ и труднѣйшихъ отраслей интегральнаго исчисленія» (см. разборъ этого сочиненія въ «двадцатомъ присужденіи учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ» (Спб. 1851), стр. 153—158). Трудъ этотъ доставилъ ему въ третій разъ Демидовскую премію. Въ 1857 г. онъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ прикладной математики, а въ 1866 г. заслуженнымъ профессоромъ. Кромѣ университета, онъ занимался также преподаваніемъ чистой и прикладной математики въ Пажескомъ корпусѣ (съ 1842 по 1849 г.), въ Институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ (съ 1849 по 1862 г.), въ Институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія (съ 1848 по 1869 г.), въ которомъ, по преобразованіи этого института (въ 1864 г.), назначенъ былъ ординарнымъ профессоромъ аналитической механики, и, наконецъ, въ бывшихъ офицерскихъ классахъ Морского корпуса и потомъ въ Морской академіи (съ 1849 по 1862 г.). Въ виду отсутствія хорошихъ пособій на русскомъ языкѣ по разнымъ отдѣламъ математики, онъ предпринялъ изданіе цѣлаго ряда учебниковъ по математикѣ, главнымъ образомъ по порученію Морского кадетскаго корпуса и Главнаго управленія военно-учебными заведеніями. Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе: «Аналитическая геометрія», руководство для военно-учебныхъ заведеній (1-ое изд. Спб. 1857; 3-ье изд. Спб. 1880); «Начальная алгебра» (1-ое изд. Спб. 1860; 7-ое изд.

1901); «Основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній (1-ое изд. Спб. 1861; 2-ое изд. въ 1879 г.); «Начертательная геометрія для военно-учебныхъ заведеній» (1-ое изд. Спб. 1862; 3-ье изд. въ 1881); «Таблицы обыкновенныхъ логариѳмовъ, чиселъ и тригонометрическихъ линій, для употребленія въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ» (Спб. 1862).

Въ 1857 г. С. былъ избранъ Императорской Академіей Наукъ въ С.-Петербургѣ членомъ-корреспондентомъ, а въ 1862 г., послѣ смерти академика М. В. Остроградскаго, и на его мѣсто ординарнымъ академикомъ. Съ этого времени С. является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Академіи, продолжая съ прежней энергіей работать надъ своей специальностью. Каждый годъ появлялись въ изданіяхъ Академіи одна или нѣсколько его работъ, заключавшихъ или новыя рѣшенія трудныхъ задачъ анализа, или поправки чужихъ выводовъ, или важныя обобщенія. Всего имъ напечатаны въ изданіяхъ Академіи слѣдующія работы: «Note sur la rectification graphique de l'ellipse» («Bulletin de l'acad. impériale de sciences de St. Pétersbourg», т. VIII, 1850); «Démonstration de quelques formules elliptiques de C. G. Iacobi» (Тамъ же, т. IX, 1851); «Mémoire sur les axes et les moments principaux des corps homogéres» (Тамъ же, т. XI, 1853); «Solution rigoureuse du problème de la rotation autour d'un point fixe d'un corps solide pesant, lorsque ce corps a deux moments d'inertie principaux égaux....» (Тамъ же, т. XIV, 1856); «Equation algébraique á l'aide de laquelle on détermine les oscillations très petites d'un système des points matériels» («Mémoires de l'acad. imp. des sciences de St. Pétersbourg VII серія, т. I, 1859); «Cas particulier de l'homographie plane» (Тамъ же, т. V, 1863); «Sur les accélérations de divers ordres» (Тамъ же, т. VIII, 1864; Прилож. къ V т. «Записокъ Императ. Академіи наукъ», № 5, 1864 г.); «Очеркъ жизни и ученой дѣятельности М. В. Остроградскаго» («Записки И. А. Н.», т. III (1863 г.), кн. 1, стр. 1—29); «Прямой способъ для выраженія дифференціальныхъ параметровъ перваго и второго порядка и кривизны поверхности въ какихъ-либо координатахъ ортогональныхъ или косоугольныхъ» («Mémoires de l'acad. des sciences de St. Pétersb.», 1865, т. VIII, Прил. къ VIII т. «Записокъ И. А. Н.»; 1865, № 4); «Объ ускореніяхъ различныхъ порядковъ въ относительномъ движеніи» («Bullet. de l'acad. des sciences de St. Pétersb.», 1866, т. IX; «Записки И. А. Н.». 1866 г. т. IX кн. 1, стр. 121); «Преобразованіе прямолинейныхъ координатъ въ эллиптическія» («Bull. de l'acad. de sciences de St. Pétersb.», 1866, т. X; «Записки И. А. Н.» 1866, т. IX, кн. 2, стр. 295); «Attraction d'un couche mince sur un points de sa surface» («Bulletin», 1869, т. XIII); «О рѣшеніи одного вопроса изъ механики, предложенномъ Абелемъ» («Bulletin», 1869, т. XIII; «Записки И. А. Н.», 1869, т. XV, кн. 2, стр. 247); «Замѣчаніе о доказательствѣ, предложенномъ Коши для общихъ уравненій равновѣсія» («Bulletin», 1870, т. XIV; «Записки И. А. Н.», 1870, т. XVII, кн. 1, стр. 83); «Общій способъ приблизительнаго спрямленія кривыхъ линій» («Bulletin», 1870, т. XV; «Записки И. А. Н.», 1870, т. XVIII, кн. 1, стр. 25); «Объ алгебраическомъ способѣ доказательства Гамильтонова начала, относящагося къ интегрированію уравненій динамики» («Bulletin», 1871, т. XVI; «Записки И. А. Н.», 1871, т. XIX, кн. 2, стр. 119); «Vitesses virt. d'une figure invar.» («Bulletin» 1873, т. XVIII); «О пріемѣ Гаусса для приведенія квадратной функціи къ суммѣ квадратовъ» («Bulletin», 1874, т. XVIII; «Записки И. А. Н.», 1874, т. XXIII); «Упрощеніе способа Гаусса для опредѣленія притяженія эллипсоидомъ» (Bulletin», 1874, т. XIX; «Записки И. А. Н.», 1874, т. XXIII); «Théorème barycentrique pour exprimer la durée d'un mouvement d'un point» («Bulletin», 1875, т. XX); «Forces qui ne changent pas, quand leurs points d'application reçoivent un déplacement fini» («Mémoires de l'acad. de sciences de St. Pétersb. 1876, т. XXII). Большинство этихъ работъ относится къ различнымъ вопросамъ раціональной механики и впослѣдствіи вошло въ обширный трактатъ объ этой наукѣ, надъ которымъ С. работалъ въ послѣдніе годы своей жизни. Первая часть этого труда (кинематика) вышла въ свѣтъ въ 1872 г., начало второй части (введеніе въ статику и динамику и 2 главы статики) было издано въ 1874 г.; окончаніе же этого тома, оставшееся въ рукописи, вышло уже послѣ смерти Сомова.

Посмертный трудъ этотъ является цѣннымъ вкладомъ не только въ русскую, но и въ европейскую математическую литературу, и въ 1878 г. вышелъ въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «Theoretische Mechanik von I. Somoff, übersetzt von A. Ziwet». Кромѣ упомянутыхъ работъ, С. напечаталъ еще «Démonstration des formules de M. Iacobi relative à la théorie de la rotation d'un corps solide» («Journal für die reine und angewandte Mathematic. von Crelle», т. XLII); «Méthode du calcul des fonctions elliptiques de troisième espèce» (Тамъ же, т. XLVII); «Construction des axes d'un ellipse» (Nouvelles annales de mathématique, Terquem'a, 1860 тода. XIX);«О способѣ Гауса для вычисленія междупредѣльныхъ интеграловъ по приближенію» («Журналъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій» 1854 г.); «Элементарный способъ вычисленія части поверхности или объема шара, заключающейся между плоскостями, не проходящими черезъ центръ» («Математическій Сборникъ», изд. Московскимъ математическимъ обществомъ, т. III (1868), стр. 79); «Замѣчанія, относящіяся къ началу наименьшаго дѣйствія» (Тамъ же, т. V, стр. 303); «Притяженіе точки однороднымъ многогранникомъ какой-либо формы силами, обратно пропорціональными квадратамъ разстояній» (Тамъ же, т. XIII, ст. 99). Въ послѣдніе годы своей жизни, чувствуя сильное утомленіе отъ многолѣтней педагогической дѣятельности и желая посвятить свои ослабѣвшія силы исключительно научнымъ работамъ, С. мало-по-малу отказался отъ преподаванія въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ началѣ 1876 г. онъ покинулъ и С.-Петербургскій университетъ. Въ томъ же году онъ былъ избранъ этимъ университетомъ въ почетные члены—званіе, котораго онъ удостоился отъ Московскаго университета еще въ 1867 г.

Некрологъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ» за 1876 г., № 117. 129.—Портретная галлерея русскихъ дѣятелей, изд. А. Мюнстера, т. II (Спб. 1869), стр. 56—57.—Григорьевъ. С.-Петербургскій Императорскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія (Спб. 1870), стр. 180—181, 396—397; прилож. стр. 51, XVI.—Статья Д. Бобынина въ «Энциклопед. словарѣ» Брокгауза и Ефрона, т. XXX, стр. 851—852.—Некрологи, «Газета Гатцука», 1876 г, № 23; «Голосъ»: 1876 г., № 117; «Иллюстрированная Недѣля», 1876 г., № 26; «Народная Школа», 1876 г., № 5, прилож., стр. 13.—В. Рождественскій, Памяти О. И. Сомова («Церковный Вѣстникъ»; 1876, № 18)—XVII-ое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ. (Спб. 1848), стр. 61—75.—Систематическій и алфавитный указатель статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ Императорской Академіи Наукъ (Спб. 1875).

П. Гуревичъ.

Сомовъ, *Матвѣй*, дьякъ; впервые упоминается въ 1613 г., при избраніи на царство Михаила Θеодоровича Романова, когда онъ подписался подъ избирательной грамотой; потомъ, въ 1618 г. онъ былъ приставомъ у шведскаго посла, и въ этомъ же году участвовалъ съ Θ. В. Шереметевымъ въ заключеніи Деулинскаго перемирія. Въ 1621 г. С. былъ посланъ на Двину, гдѣ и находился, сперва при воеводѣ князѣ Д. И. Пожарскомъ, а потомъ при воеводѣ Н. Д. Вельяминовѣ до 1626 г. Въ 1626 г. С. вмѣстѣ съ Вельяминовымъ былъ отпущенъ къ Москвѣ, но уже въ слѣдующемъ 1627 г. былъ отправленъ въ Вязьму, гдѣ служилъ подъ начальствомъ воеводы князя Д. П. Ахамашукова-Черкасскаго до 1628 г., когда получилъ приказаніе ѣхать въ Москву. Въ Москвѣ С. былъ назначенъ въ приказъ Большого Прихода, и здѣсь мы находимъ имя до 1637 г., послѣ чего извѣстія о немъ прекращаются. Одинъ только разъ служба его въ приказѣ была прервана: въ 1633 г. С. съ дворяниномъ Дашковымъ были отправлены въ Константинополь хлопотать о союзѣ съ султаномъ противъ Литвы, съ которой въ то время велась война, и о смѣнѣ крымскаго хана Джанибекъ-Гирея, дѣлавшаго въ союзѣ съ Польшей постоянные набѣги на южныя области Московскаго государства. Посольство это добилось своей цѣли, и пріѣхавшіе вслѣдъ за ними литовскіе послы получили надежду на дружбу съ султаномъ лишь при условіи мира съ Москвой.

Спиридовъ «Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ» (Рукоп. Имп. Публ. Библ.) XII, 66;—Акты историческіе II, 340, III, 178;—Собраніе Госуд. Грамотъ и Догов. I, 639;—Русск. Историч. Библ. X, 2, 18, 38, 41, 93, 123;—Книги разрядныя I, 599, 600, 601, 602, 929, 1035, 1152, 1247, 1337, II, 66, 304, 369, 451;—Соловьевъ (изд. т-ва «Общ. Польза») II, 1145—1157, 1248, 1249;—Бантышъ-Каменскій «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи» III, 115.

Е. Лихачъ.

Сомовъ, *Орестъ Михайловичъ*, писатель, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, родился въ Харьковской губерніи въ 1793 г. Воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ, основательно зналъ древніе языки и хорошо владѣлъ нѣмецкимъ, итальянскимъ и особенно французскимъ языками. Въ 1819—1820 г. С. былъ за-границей, о чемъ свидѣтельствуютъ письма его изъ Парижа, напечатанныя въ «Сынѣ Отечества» 1820 г. (ч. 66, № 51), «Благонамѣренномъ» 1820 г. (ч. X, № XI, стр. 348 и сл.) и въ «Трудахъ Вольнаго Общества любителей Россійской словесности» 1820 г. (ч. X, стр. 357—370), въ которомъ онъ былъ въ это время уже дѣйствительнымъ членомъ. Писать С. началъ рано: въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1816 г. (ч. I, стр. 354—356) напечатано уже его стихотвореніе «П. Г. Т-ву, при доставленіи ему прекраснаго стихотворенія г. Жуковскаго: Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ»; въ томъ же журналѣ за 1817 и 1818 г.г. онъ помѣстилъ нѣсколько своихъ стихотвореній и переводовъ съ французскаго и итальянскаго языка. Съ этихъ поръ С., еще въ 1819 г. избранный въ члены Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и переселившійся въ Петербургъ, сталъ ревностнымъ сотрудникомъ почти всѣхъ выходившихъ въ то время журналовъ; онъ жилъ исключительно литературными работами, нигдѣ не служа; только съ 1824 по 1826 г. онъ занималъ мѣсто столоначальника въ Главномъ Правленіи Россійско-Американской компаніи, гдѣ правителемъ канцеляріи былъ въ это время К. Ѳ. Рылѣевъ, съ которымъ С-ва связывали дружескія отношенія. Не обладая литературнымъ талантомъ, С. былъ, однако, весьма добросовѣстнымъ, знающимъ и любящимъ свое дѣло работникомъ. Перечислить всѣ его произведенія не представляется здѣсь возможности, вслѣдствіе большого ихъ числа; они находятся въ слѣдующихъ повременныхъ изданіяхъ: «Соревнователь просвѣщенія» 1818, 1819, 1820, 1821, 1822, 1823 и 1825 г.; «Благонамѣренный» 1818—1823, 1826 г.; «Невскій Зритель» 1820, 1821 г.; «Вѣстникъ Европы» 1822 г.; «Сынъ Отечества» 1823, 1824, 1825 г. (ч. 101, № 10: «Мои мысли о замѣчаніяхъ г. М. Дмитріева на комедію «Горе отъ ума» и о характерѣ Чацкаго»), 1827 г. (ч. 116, стр. 78—80—о Баратынскомъ), 1828, 1829 г.; «Украинскій Журналъ» 1824 г.; «Московскій Телеграфъ» 1825 и 1829 г. (ч. 25, № 2: «Хладнокровныя замѣчанія на толки г.г. критиковъ Исторіи Государства Россійскаго и ихъ сопричетниковъ»); «Сѣверная Пчела» 1826—1829 и 1833 г., гдѣ онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ Булгарина; «Сѣверный Меркурій» 1830 г.; «С.-Петербургскій Вѣстникъ» 1831 г. Изъ альманаховъ С. сотрудничалъ въ «Полярной Звѣздѣ» Бестужева и Рылѣева, 1823 г., «Литературномъ Музеумѣ» 1827 г. («Приказъ съ того свѣта. Повѣсть»), «Опытѣ россійской анѳологіи» Спб. 1828 г., «Денницѣ» 1830 г., «Царскомъ Селѣ» 1830 г., «Кометѣ Бѣлы» 1833 г., «Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ» 1828 г., «Сироткѣ» 1831 г., «Альціонѣ» 1832 и 1833 г.г., «Невскомъ Альманахѣ» 1827, 1829 и 1830 г.г., «Новосельѣ» 1831 г. (ч. I), «Русскомъ Альманахѣ» 1832 г. (сказки: «О Никитѣ Вдовиничѣ» и «Въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются»), «Утренней Звѣздѣ» 1833 г. и «Подснѣжникѣ» 1829 и 1830 г.г.; самъ онъ, вмѣстѣ съ бар. А. А. Дельвигомъ, а потомъ самостоятельно, издавалъ извѣстный альманахъ «Сѣверные Цвѣты» (съ 1827 по 1832 г.). Во всѣхъ этихъ изданіяхъ С. писалъ и подъ своею фамиліей, и подъ псевдонимами: Порфирій Байскій, Житель Галерной Гавани, Карасевъ, Осетровъ, Тарановъ-Бѣлозеровъ, Житель Васильевскаго Острова и др. Работая въ журналахъ различныхъ литературныхъ партій, С. въ 1830 г. сдѣлался, вмѣстѣ съ Дельвигомъ, редакторомъ «Литературной Газеты», перейдя изъ сотрудниковъ Булгаринской «Сѣверной Пчелы», гдѣ работалъ два года въ качествѣ постояннаго сотрудника,—въ органъ противоположной партіи, сгруппировавшейся около Пушкина, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ и который въ общемъ относился къ С-ву дружелюбно, цѣня въ немъ добросовѣстнаго и преданнаго дѣлу литератора. Когда умеръ Дельвигъ, С. непродолжительное время продолжалъ изданіе «Литературной Газеты», которая и до того лежала почти на немъ одномъ. Вращаясь въ кружкѣ Рылѣева и Бестужева-Марлинскаго, С. послѣ событій 14-го декабря 1825 г. былъ арестованъ по подозрѣнію

въ участіи въ дѣлахъ тайнаго общества, но скоро освобожденъ и объявленъ къ заговору непричастнымъ.

С. скончался въ Петербургѣ 27-го мая 1833 г. и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

По словамъ близко знавшаго его Греча, С. «отличался въ словесности нашей не блистательными твореніями, но основательными познаніями и большою дѣятельностью. Онъ былъ безспорно изъ лучшихъ переводчиковъ нашихъ (если не лучшій) съ французскаго и итальянскаго языковъ. С. почти одинъ изъ писателей нашихъ былъ литераторъ и дѣломъ, и званіемъ, что во Франціи называется «un homme de lettres»... Безпрерывныя письменныя работы, не по вкусу и не по выбору, а по необходимости и по требованію другихъ, отвлекли его отъ самостоятельныхъ произведеній, потемнили его воображеніе, изсушили тѣлесныя силы, разстроили здоровье и въ цвѣтѣ лѣтъ низвели въ могилу». Литераторъ по призванію, С. однако не оставилъ послѣ себя какихъ-либо крупныхъ произведеній; но почти все, что онъ писалъ, носило на себѣ признаки нѣкотораго дарованія, а такіе разсказы и повѣсти его изъ быта и исторіи Малороссіи, какъ «Юродивый», «Гайдамакъ» (напечатана въ «Звѣздочкѣ» 1826 г.), «Невскомъ Альманахѣ на 1827 г. и перепечатана въ «Русской Старинѣ» 1883 г., т. XXXIX, стр. 86—100), «Русалка», «Оборотень», «Ночлегъ Гайдамаковъ», «Сватовство», «Кіевскія вѣдьмы» и др. (напечатанныя въ разныхъ журналахъ и альманахахъ), казались нѣкоторымъ его современникамъ до того сходными съ украинскими повѣстями Гоголя, что Н. Полевой приписывалъ послѣднія, на первыхъ порахъ появленія ихъ, С-ву. Отдѣльно изданы С-вымъ слѣдующія произведенія и переводы: «О Романтической поэзіи. Опытъ въ 3-хъ статьяхъ», Спб. 1823—неудачная попытка разобраться въ современныхъ направленіяхъ изящной русской литературы и опредѣлить понятіе слова «романтизмъ»; «Три правоучительныя повѣсти для дѣтей» и «Майскій подарокъ дѣтямъ для обоего пола», съ 10 карт. Спб. 1830; «Разборъ рѣчи о Россійской Словесности, читанной въ Марсельскомъ Атенеѣ княземъ Э. П. Мещерскимъ», Спб. 1831; «Голосъ украинца при вѣсти о взятіи Варшавы» (подъ псевд. «Порфирій Байскій»), Спб. 1831; «Новые французскіе и россійскіе разговоры, составленные по образцамъ, находящимся въ сочиненіяхъ лучшихъ новѣйшихъ писателей и раздѣленные на 150 уроковъ, пересмотрѣнные и исправленные Авг. де-Сентомомъ и О. Сомовымъ», Спб. 1827, изд. 3—1837, изд. 4—1840, изд. 5—1844 г.; «Другъ молодыхъ дѣвицъ, или новыя повѣсти, служащія къ образованію ихъ склонностей, ума и сердца», соч. Бульи, 2 ч., Спб. 1831, перев. съ франц.; «Награда добродѣтели и благонравія»; «Новыя сказки для юношества обоего пола», соч. Бульи, перев. съ франц. съ В. Бурнашевымъ, Спб. 1835; «Записки полковника Вутье о нынѣшней войнѣ Грековъ», 2 ч., Спб. 1824—1825; «Новыя повѣсти, сочиненныя и поднесенныя дѣтямъ Герцогини Беррійской», соч. Бульи, 2 ч., на франц. и русск. язык., Спб. 1826; «Наваринская битва, или Ренегатъ. Историч. романъ», соч. Мока, перев. съ франц., Спб. 1831. Вмѣстѣ съ упомянутымъ выше Авг. С.-Тома, онъ перевелъ на французскій языкъ, подъ наблюденіемъ автора, IX томъ «Исторіи Государства Россійскаго».

«Литер. Прибавл. къ Русскому Инвалиду» 1833 г., № 49, стр. 391—392.—«Мѣсяцесловъ» на 1834 г., стр. 270.—«Русскій Инвалидъ» 1854 г., № 5 и «Сѣв. Цвѣтокъ» 1858 г., № 4 (статья А. Греча).—«Славянинъ» 1828 и 1829 (нападенія А. Воейкова).—«Дамскій Журналъ» 1829 г., ч. 26, стр. 59 (эпиграмма на него).—«Библ. для Чтенія» 1834 г., т. I, стр. 180.—«Сынъ Отеч.» 1821 г., ч. 69, стр. 52, 81, 117.—«Благонамѣренный» 1822 г., ч. 19, № 28, стр. 77.—«Историч. Вѣстн.» 1886 г., т. XXVI, ст. П. Н. Полевого.—Н. П. Петровъ, Очерки исторіи украинской литературы, Кіевъ. 1884 г. «Историч. Вѣстн.» 1885 г., т. XIX, стр. 457.—Сочиненія Н. И. Греча, т. III, Спб. 1855 г., стр. 365.—П. П. Винклеръ, Родословная С-хъ, Спб. 1893 г.—Записки Н. И. Греча;—Записки Кс. Полевого.—Записки и дневникъ А. В. Никитенко.—Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб. 1903 г.—Сочиненія Пушкина, изд. Литер. фонда.—Сочиненія Дельвига, изд. 1893 г.,—Сочиненія Рылѣева, изд. 1893 г.—«Русск. Стар.» т. IV, стр. 499—500; т. VII, стр. 466; т. XXXII, стр. 610; т. XXXIX, стр. 86—100; т. LX; стр. 595; т. LXXXIII, янв., стр. 181; т. LXXXV, мартъ, стр. 659—662; т. CVII, сент., стр. 663; т. CVIII, ноябр., стр. 266—269; т. CXI, сент., стр. 619—621.—Каталоги Смирдина, Ольхина и др.

Б. Гарскій.

Сонцовъ, *Александръ Борисовичъ*, тайный совѣтникъ, воронежскій гражданскій губернаторъ. На службу поступилъ въ 1764 г., а въ 1780 г. былъ курскимъ прокуроромъ. Три года спустя онъ былъ переведенъ на ту же должность въ Харьковъ, гдѣ прослужилъ болѣе десяти лѣтъ. Въ 1793 г. С. былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и въ слѣдующемъ году назначенъ поручикомъ правителя воронежскаго намѣстничества. Эту должность онъ занималъ до упраздненія въ 1796 г. намѣстничествъ, послѣ чего былъ назначенъ воронежскимъ вице-губернаторомъ. Произведенный 14 октября 1797 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники, С. 27 того же октября былъ назначенъ воронежскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а 9 іюля 1800 г. произведенъ въ тайные совѣтники. Вскорѣ послѣ этого одинъ изъ воронежскихъ однодворцевъ прислалъ императору Павлу I доносъ о злоупотребленіяхъ, дѣлаемыхъ будто-бы въ Воронежѣ гражданскимъ губернаторомъ. Императоръ Павелъ I повѣрилъ доносу и указомъ Правительствующему Сенату отъ 20 октября 1800 г. повелѣлъ отстранить С-ва отъ должности и отдать подъ судъ. Судъ однако призналъ его невиновнымъ и доносъ ложнымъ. С. снова былъ назначенъ воронежскимъ гражданскимъ губернаторомъ и въ этой должности состоялъ до самой своей смерти. Онъ скончался въ г. Воронежѣ 20 февраля 1811 г. Тѣло его погребено тамъ-же.

Кн. Н. Туркестановъ, «Губернаторскій Служебникъ» Спб. 1869 г. стр. 38 и 120.—«Сенатскій Архивъ» т. I, Спб. 1888 г. стр. 298, 304, 632 и 662.—«Русскій Вѣстникъ» 1811 г. ч. 14, № 6, стр. 86—88: «Корреспонденція изъ Воронежа» ст. Николая Шрамченко и тамъ-же, стр. 88—91 стихотвореніе Юшкова на кончину А. Б. Сонцова.—«Надгробная рѣчь отъ лица воронежскихъ гражданъ, сочиненная и говоренная воронежскимъ полицеймейстеромъ Алексѣемъ Замахаевымъ при выносѣ тѣла его превосходительства господина воронежскаго гражданскаго губернатора тайнаго совѣтника и разныхъ орденовъ кавалера Александра Борисовича Сонцова 1811 года февраля 23-го дня». Харьковъ 1811 г.

Е. Я.

Сонцовы *(Солнцевы)*—**Засѣкины**, князья, вѣтвь удѣльныхъ князей Ярославскихъ; родоначальникомъ ихъ считается князь *Димитрій Ивановичъ Солнце*, сынъ князя Ивана Ѳеодоровича Засѣки и внукъ князя Ѳедора Васильевича Ярославскаго, жившій во второй половинѣ XV вѣка. Изъ двухъ сыновей его младшій, князь *Василій Димитріевичъ*, постригся въ Троицко-Сергіевской лаврѣ подъ именемъ *Вассіана*, старшій же, князь *Петръ Димитріевичъ* является продолжателемъ рода. Изъ его потомковъ имѣются свѣдѣнія о слѣдующихъ:

1) Князь *Андрей Ивановичъ*, сынъ князя Ивана Андреевича упоминается съ 1611 г. въ чинѣ стряпчаго съ платьемъ; въ 1622 г. былъ пожалованъ въ стольники. 25 марта 1626 г. князь Андрей Ивановичъ былъ назначенъ воеводой большого полку въ Переяславль-Залѣсскій на обычное въ то время дежурство на случай прихода крымцевъ и при наступленіи осени былъ отозванъ изъ Переяславля. Въ 1629 г. С. снова былъ первымъ воеводой въ Переяславлѣ. Впрочемъ, его начальствованіе надъ войскомъ не выказало его съ особенно хорошей стороны: ему пришлось получить нѣсколько разъ выраженія неудовольствія царя за невыполненіе приказаній, присылавшихся ему изъ Москвы, и за злоупотребленіе данной ему властью въ пользу своихъ родственниковъ, помѣстья которыхъ находились на Украйнѣ. Въ 1634 г. мы находимъ его въ походѣ на поляковъ съ княземъ Д. М. Черкасскимъ; въ мартѣ 1637 г. онъ былъ назначенъ снова на южную Украйну, на этотъ разъ въ Крапивну. Въ 1640 г. князь Андрей Ивановичъ былъ назначенъ воеводой въ Воронежъ, гдѣ и пробылъ до 1642 г., когда былъ отозванъ въ Москву и посланъ въ Тулу съ княземъ А. Н. Трубецкимъ. Въ 1646 г. С. былъ снова отправленъ съ княземъ Трубецкимъ въ Мценскъ; послѣднее упоминаніе о немъ относится къ 1647 г., когда въ послѣдній разъ находимъ его въ спискахъ московскихъ дворянъ.

2) Князь *Андрей Михайловичъ*, сынъ князя Михаила Ивановича, упоминается впервые въ 1627 г., когда 2 февраля былъ пожалованъ въ стольники къ патріарху Филарету Никитичу; въ 1634 г., по смерти патріарха Филарета, былъ пожалованъ въ царскіе стольники и въ томъ же году участвовалъ въ польской войнѣ подъ начальствомъ князя Д. М. Черкасскаго; въ 1645 г., по смерти царя Михаила Ѳеодоровича, князь Андрей Михайловичъ былъ посланъ въ Переяславль-Залѣсскій,

Ростовъ, Ярославль, Кострому, на Двину и во всѣ поморскіе города приводить населеніе къ присягѣ царю Алексѣю Михайловичу. Въ 1646 и 1647 г.г. С. былъ воеводой въ полкахъ бояръ князей Одоевскаго и Трубецкого на Украйнѣ; въ 1648 г. онъ былъ отправленъ воеводой въ Рыльскъ, гдѣ пробылъ и 1649 г.; въ 1650 г. лѣтомъ онъ былъ посланъ въ Переяславль-Рязанскій для храненія отъ прихода крымцевъ и былъ тамъ до сентября 1653 г. Весною 1654 г. находимъ его головой сотни дворянъ въ походѣ царя на Литву, въ 1655 и 1656 г.г. онъ снова участвовалъ въ польскихъ походахъ царя и въ январѣ 1657 г. получилъ въ награду за службу 31 рубль придачи къ окладу. Въ февралѣ того же 1657 г. С. былъ отправленъ вторымъ воеводой въ Новгородъ при бояринѣ князѣ Г. С. Куракинѣ. Весною 1660 г. снова находимъ его въ Москвѣ, въ 1661 г. онъ получилъ еще придачи къ окладу и 18 апрѣля этого же года былъ отправленъ воеводой въ Нижній-Новгородъ, гдѣ находимъ его до 1662 г. Въ 1665 г. князь Андрей Михайловичъ былъ назначенъ судьей въ Судномъ Московскомъ приказѣ, гдѣ и пробылъ до самой своей смерти въ 1670 г.

3) Князь *Борисъ Андреевичъ*, сынъ князя Андрея Михайловича, до 1666 г. значится въ спискахъ жильцовъ, въ 1666 г. былъ пожалованъ въ стряпчіе, въ 1668 г. въ стольники и въ этомъ званіи въ 1671 г. участвовалъ подъ начальствомъ князя Ю. А. Долгорукова въ усмиреніи Разинскаго бунта; потомъ, въ1680 г. былъ подъ начальствомъ князя В. В. Голицына въ турецкой войнѣ, 11 апрѣля 1684 г. назначенъ воеводой въ Тобольскъ, гдѣ пробылъ до 1686 г.; въ 1687 и 1689 г.г. участвовалъ въ крымскихъ походахъ князя Голицына и за отличіе въ нихъ былъ награжденъ золотымъ.

4) Князь *Василій Андреевичъ*, сынъ князя Андрея Михайловича, 8 ноября 1653 г. былъ пожалованъ изъ жильцовъ въ стряпчіе, 27 ноября того же года—въ стольники, съ 1654 по 1657 г. участвовалъ во всѣхъ литовскихъ походахъ царя; въ 1661 г. въ польскомъ походѣ князя Ю. А. Долгорукова; въ 1668 и 1669 г.г. встрѣчается упоминаніе, что онъ былъ на службѣ въ Сѣвскѣ съ княземъ Г. С. Куракинымъ, въ 1670 г. былъ воеводой въ Брянскѣ, въ 1671 отозванъ въ Москву и посланъ съ княземъ Ю. А. Долгоруковымъ усмирять Разинскій бунтъ; въ 1679 г. онъ участвовалъ въ турецкомъ походѣ князя М. А. Черкасскаго. Послѣдній разъ упоминается въ 1862 г. въ чинѣ погребенія царя Ѳедора Алексѣевича.

5) Князь *Иванъ Андреевичъ*, сынъ князя Андрея Петровича Большого, внукъ князя Петра Дмитріевича, упоминается съ 1575 г., когда былъ головой въ Корелѣ; въ 1578 г. былъ переведенъ изъ Корелы въ Алыстъ первымъ воеводой для вылазокъ, въ 1580 г. былъ воеводой въ Новосилѣ на южной Украйнѣ, въ 1581 и 1582 г.г.—осаднымъ воеводой въ Дѣдиловѣ; въ 1583 г. однимъ изъ воеводъ въ походѣ подъ Казань для усмиренія луговыхъ черемисъ; въ 1584 г. былъ воеводой въ Михайловѣ и участвовалъ въ отраженіи крымцевъ отъ московскихъ границъ; въ 1585 г. былъ воеводой въ Бѣлевѣ, въ 1587 г. участвовалъ въ отраженіи татаръ отъ Крапивны; въ томъ же 1587 г. былъ письменнымъ головой въ Астрахани, въ 1591 г. находимъ его воеводой въ Брянскѣ, въ 1592 г.—осаднымъ воеводой въ Бѣлевѣ, въ 1593—воеводой въ Рязани, въ 1595—въ Пронскѣ. Въ 1597 г. онъ былъ посланъ въ Осколъ строить городскія укрѣпленія и оставленъ тамъ воеводой. 14-го сентября 1598 г. онъ былъ отозванъ изъ Оскола въ Москву. Въ 1601, 1602 и 1603 г.г. находимъ его воеводой въ Новосили, въ 1603, 1604 и 1605 г.г. воеводой въ Твери. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ не имѣется и годъ смерти его не извѣстенъ.

6) Князь *Иванъ Андреевичъ*, сынъ князя Андрея Михайловича, упоминается съ 1653 г., когда 8 ноября былъ пожалованъ изъ жильцовъ въ стряпчіе, 12 февраля 1654 г.—въ стольники, съ 1654 по 1657 г. участвовалъ въ походахъ царя на Литву, въ 1678 г. былъ въ Чигиринскомъ походѣ князя Г. Г. Ромодановскаго, въ 1679 г.—въ турецкомъ походѣ князя М. А. Черкасскаго и въ 1682 г. участвовалъ въ чинѣ погребенія царя Ѳедора Алексѣевича.

7) Князь *Иванъ Васильевичъ*, сынъ князя Василія Андреевича, генералъ-маіоръ, началъ службу въ 1689 г. истопникомъ царицы Прасковьи Ѳедоровны; въ 1695 г., подъ начальствомъ боярина А. С. Шеина, участвовалъ въ усмиреніи

стрѣлецкаго бунта, въ апрѣлѣ 1700 г. былъ записанъ солдатомъ и отданъ для обученія пѣхотному строю генералу А. М. Головину. По окончаніи обученія былъ направленъ къ Лифляндскому генералъ-губернатору князю Репнину съ производствомъ въ поручики и былъ опредѣленъ послѣднимъ въ Бутырскій Мушкатерскій полкъ, гдѣ скоро былъ произведенъ въ капитаны и въ этомъ чинѣ участвовалъ въ Нарвской битвѣ. Въ 1706 г. онъ былъ произведенъ въ подполковники, въ 1709 г., подъ начальствомъ Б. П. Шереметева, участвовалъ въ Полтавскомъ бою и за отличіе въ немъ былъ на полѣ битвы произведенъ царемъ въ полковники и назначенъ командиромъ Бутырскаго полка, во главѣ котораго въ 1711 г. участвовалъ въ Прутскомъ походѣ, а въ 1712 г.—въ походѣ въ Померанію и въ осадѣ Штетина. 1 января 1726 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ не имѣется и годъ смерти его неизвѣстенъ.

8) Князь *Юрій Михайловичъ*, сынъ князя Михаила Ивановича, въ 1638 г. былъ подъ начальствомъ князя И. Б. Черкасскаго на Украйнѣ. 3 марта 1642 г. былъ пожалованъ изъ жильцовъ въ стряпчіе и въ томъ же году отправленъ въ Тулу подъ начальствомъ князя А. Н. Трубецкого для береженія отъ нападенія крымцевъ; въ 1646 и 1647 г.г. онъ снова былъ на Украйнѣ, съ 1654 по 1657 г. участвовалъ въ польскихъ походахъ царя Алексѣя Михайловича и за участіе въ этихъ походахъ получилъ довольно большую по тому времени прибавку къ окладу; въ 1676 г. онъ былъ въ Путивлѣ подъ начальствомъ князя В. В. Голицына, въ 1678 г. составлялъ новыя переписныя книги по Березопольскому стану Нижегородскаго уѣзда и, наконецъ, въ 1679 г. былъ въ турецкомъ походѣ князя М. А. Черкасскаго. Послѣднее упоминаніе о князѣ Юріи Михайловичѣ относится къ 1686 г., когда по случаю вѣчнаго мира съ Польшей онъ получилъ небольшую придачу къ своему окладу.

Спиридовъ, «Сокращенное описаніе служебъ благородныхъ россійскихъ дворянъ (М. 1810) I, 275—278;—Древняя Россійская Вивліоѳика (2 изд.) IX, 205—224;—Кн. Долгорукій, «Россійская Родословная Книга» I, 165—167;—«Бархатная книга» (М. 1787) I, 131—132;—Общій Гербовникъ I, 1, Петровъ, «Исторія родовъ русскаго дворянства», (СПБ. 1885). 92;—Карамзинъ (изд. Эйнерлинга) IX; пр. 732, XI, 9, пр. 10;—Соловьевъ (изд. т-ва «Общ. Польза») II, 1308, III, 1370;—Акты Московскаго Государства I, 41, 79, 144, 250, 267, 268;—Акты археогр. Экспедиціи II, 44, III, 127—129, 268—279;—Акты историческіе II, 115—116, IV, 249;—Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ IV, 654;—Разрядная книга (Симбирскій Сборникъ М. 1845) 65, 85, 86, 93, 112, 113, 121, 137, 140, 141, 142, 144, 145, 149;—Дворцовые разряды I, 792, II, 48, 531, 661, III, 4, 102, 163, 416, 465, 591, Доп. къ т. III, 52, 82, 92, 261;—Формулярный списокъ князя Ив. Вас. Солнцова-Засѣкина въ Московскомъ Архивѣ Главнаго Штаба.

Е. Лихачъ.

Сопиковъ, *Василій Степановичъ*, род. въ 1765 г., ум. въ 1818 г., книгопродавецъ и библіографъ, авторъ «Опыта Россійской библіографіи», около 20 лѣтъ занимался книжной торговлей, сначала въ Москвѣ, а потомъ (съ 1788 г.) въ Петербургѣ, гдѣ служилъ у Кольчугина, распространявшаго изданія Новикова, и наконецъ—самостоятельно. Біографическихъ свѣдѣній о С-вѣ сохранилось мало. Совсѣмъ бѣденъ ими ранній періодъ его біографіи. Существенную роль въ его жизни играли именно книги. Работая на почвѣ, до него не обработанной, и не имѣя необходимой широкой подготовки, какъ библіографъ, С. много препятствій долженъ былъ побѣдить личной энергіей и любовью къ дѣлу. Занимаясь книжной торговлей, онъ учился и французскому языку и въ то же время много труда посвящалъ библіографіи; значительная доля его капитальной работы была сдѣлана еще въ періодъ его книжно-торговой дѣятельности.

Этой работѣ онъ былъ обязанъ и перемѣной, происшедшей въ его положеніи съ поступленіемъ на службу. А. Н. Оленинъ, какъ помощникъ главнаго директора Императорской Публичной библіотеки гр. А. С. Строганова, ходатайствовалъ передъ нимъ объ опредѣленіи С-ва на службу въ библіотеку, высоко цѣня его библіографическую работу. Онъ просилъ также о напечатаніи книги С-ва на счетъ Кабинета. 12 іюля 1811 г. С. былъ, одновременно съ Н. И. Гнѣдичемъ, назначенъ помощникомъ библіотекаря — по части русской словесности. 2 сентября 1811 г. Сперанскій извѣстилъ гр. Строганова, что С-ву, по Высочайшему повелѣнію, съ исключеніемъ его изъ купеческаго званія, «во вниманіе къ его трудамъ и отличному усердію въ отечественной библіографіи»,

данъ чинъ XIV класса—по ходатайству того же Оленина. Въ Публичной библіотекѣ завѣдыванію С-ва было поручено собраніе русскихъ и славянскихъ книгъ. Это обстоятельство, конечно, имѣло значеніе для его библіографическихъ работъ. На второй годъ службы С-ва въ библіотекѣ, въ концѣ сентября 1812 г., на него было возложено важное порученіе; его завѣдыванію были предоставлены рукописи и книги Публичной библіотеки, вазы и другія вещи—всего 189 ящиковъ, больше 3000 пудовъ—отправленныя на особомъ суднѣ подъ военной охраной изъ Петербурга, когда казалось, что армія Наполеона можетъ угрожать столицѣ. Конечнымъ пунктомъ путешествія С-ва предполагался Петрозаводскъ; но, вслѣдствіе трудностей путешествія, ему пришлось остановиться въ деревнѣ Устланкѣ на р. Свири, въ Олонецкой губерніи. 19 декабря 1812 г. С. возвратился въ Петербургъ и получилъ, какъ самъ говоритъ, «словесную и на письмѣ надлежащую признательность» Оленина и библіотеки за исполненное порученіе. Лично для С-ва московское разореніе 1812 г. въ матеріальномъ отношеніи не осталось безъ послѣдствій. «Я теперь въ нуждѣ послѣ московской моей потери», пишетъ онъ Калайдовичу осенью 1813 г.,—«но въ общемъ несчастіи всякое горе не столь чувствительно кажется, какъ въ собственномъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ его поразила погибель московскаго музея и другихъ сокровищъ нашего просвѣщенія.

Послѣ командировки С., наряду со службой въ Публичной библіотекѣ, снова отдался литературнымъ занятіямъ. Между прочимъ онъ издалъ переведенную Д. И. Языковымъ книгу Монтескье «О существѣ законовъ» и еще въ 1808 г. напечаталъ свой переводъ «Пиѳагоровыхъ законовъ и нравственныхъ правилъ». Послѣдній не отличается литературными достоинствами (митрополитъ Евгеній и по существу не особенно сочувственно отнесся къ его появленію), но для своего времени и эта сторона дѣятельности С-ва несомнѣнно имѣла значеніе. Продолжаетъ донынѣ приносить свои плоды работа С-ва «Опытъ россійской библіографіи», которой онъ и посвятилъ главнымъ образомъ свои силы—особенно по возвращеніи въ Петербургъ въ концѣ 1812 г. Она, вмѣстѣ съ его просвѣтительными стремленіями, ввела С-ва въ кругъ людей, выдвинувшихся на поприщѣ науки и просвѣщенія. Они высоко цѣнили труды С-ва въ области библіографіи и оказывали ему возможное содѣйствіе. Кромѣ А. Н. Оленина, С. былъ близокъ съ митрополитомъ Евгеніемъ и К. Ѳ. Калайдовичемъ. Митр. Евгеній подалъ С-ву мысль объ изданіи «Опыта» и даже лично принималъ участіе въ собираніи матеріаловъ для него, особенно въ отдѣлѣ славянскихъ книгъ, а также въ исторической части—по исторіи славяно-русскихъ типографій. Извѣстно также, что митр. Евгеній присылалъ С-ву замѣчанія на его книгу. Впрочемъ, степень непосредственнаго участія митр. Евгенія въ работѣ надъ «Опытомъ» вполнѣ точно не выяснена. Онъ же, по имѣющемуся объ этомъ извѣстію, написалъ біографію С-ва, которая, къ сожалѣнію, не сохранилась. Въ рукописныхъ «Матеріалахъ» къ словарю митр. Евгенія, находящихся въ Публичной библіотекѣ, есть только извлеченіе изъ формулярнаго списка С-ва. Калайдовичъ составилъ вступительную статью къ 1-му тому «Опыта». Онъ сообщалъ С-ву свои поправки, замѣчанія, дополненія; наводилъ для него справки и т. п. Хотя С. и жаловался однажды на его «ученую скупость», но очень часто въ письмахъ благодарилъ его за серьезное содѣйствіе. Его же онъ просилъ взять на себя составленіе росписи авторовъ къ «Опыту». Содѣйствіе С-ву оказывали и другія лица. А. Н. Оленинъ ходатайствовалъ передъ гр. Разумовскимъ (министромъ нар. просв.) о разрѣшеніи С-ву заниматься въ библіотекѣ академіи наукъ. Тогда было нелегко получить такое разрѣшеніе. Библіографическая работа С-ва была очень сложна: онъ привлекалъ къ ней всѣ доступныя пособія—печатныя и рукописныя—и лично хлопоча, и вступая въ переписку о книгахъ. Особенно трудна была работа С-ва по условіямъ его времени, когда «не было у насъ ни хорошо устроенныхъ и обширныхъ собраній русскихъ книгъ, ни порядочныхъ имъ описей» (Соболевскій).

Въ построеніи своей работы С. до нѣкоторой степени слѣдовалъ Дебюру (De Bures, «Bibliographie instructive ou traité de la connaissance de livres rares et singuliers...» Paris. I т.—1763, X—1782) и, главнымъ образомъ,—А. Н. Оленину («Очеркъ новаго

библіографическаго порядка для Импер. Публичн. библ.» Спб. 1809). Въ числѣ многихъ пособій были, между прочимъ, работы Бакмейстера, Шторха и митр. Евгенія и около ста различныхъ каталоговъ, среди которыхъ много рукописныхъ. Система, принятая С-вымъ для своего труда—расположеніе книгъ по алфавиту заглавій — была очень неудобна и для составителя, и для читателей, тѣмъ болѣе, что алфавитный списокъ авторовъ предполагался въ концѣ и былъ помѣщенъ только при 1-й части (книги церковной печати). Кромѣ того, сначала С. присоединялъ къ заглавіямъ книгъ многочисленныя выписки — иногда очень обширныя. Однако, С. постепенно отказался отъ своего нововведенія, дабы не слышать (какъ онъ писалъ) упрековъ отъ ученыхъ нашихъ библіографовъ. Планъ работы былъ задуманъ очень широко, и, можетъ быть, слѣдствіемъ этого явились многіе какъ недостатки, такъ и достоинства книги. По первоначальному плану С. предполагалъ довести свой трудъ до 1811 г. и составить его изъ слѣдующихъ частей: 1) Введеніе въ библіографію—науку совершенно новую въ Россіи, съ исторіею о началѣ и успѣхахъ книгопечатанія какъ въ Европѣ вообще, такъ и особенно въ Россіи, съ замѣчаніями о древнихъ русскихъ книгахъ и ихъ изданіяхъ и съ краткими изъ нихъ выписками. 2) Систематическій каталогъ всѣмъ книгамъ, составляющимъ главную роспись. 3) Полную роспись книгамъ, расположенную по азбучному порядку. 4) Роспись именамъ авторовъ, съ краткимъ обозначеніемъ ихъ сочиненій и указаніемъ, подъ какими номерами эти сочиненія находятся въ главной росписи. 5) Хронологическую роспись книгамъ церковной печати. 6) Полную роспись всѣмъ ландкартамъ, изданнымъ на русскомъ языкѣ. Изданіе состоялось не вполнѣ по этому плану, главнымъ образомъ — вслѣдствіе громадныхъ размѣровъ, какіе принимала работа, бывшая почти не по силамъ для одного человѣка. Сначала предполагалось издать 2—3 тома, но изданіе разрослось до пяти.

Когда вышелъ 1-й томъ—съ посвященіемъ императору Александру I,—обнимающій книги церковной печати, онъ былъ встрѣченъ съ интересомъ и сочувствіемъ, между прочимъ и такими выдающимися лицами, какъ М. М. Сперанскій, П. И. Кепленъ, митрополитъ с.-петербургскій Амвросій, архіепископъ рязанскій Ѳеофилактъ и др. Многимъ изъ нихъ Оленинъ послалъ тотчасъ по выходѣ 1-й томъ «Опыта». Архимандритъ Филаретъ (послѣ—митрополитъ московскій), выражая Оленину благодарность за присылку книги, призналъ ее «драгоцѣннымъ даромъ для любителей древности церковной». Самъ С. послалъ свою книгу, между прочимъ, М. Т. Каченовскому, желая услышать отзывъ о ней «Вѣстника Европы». Отзывы критики изрѣдка служили поводомъ полемическаго раздраженія С-ва—не всегда мотивированнаго—какъ, напримѣръ, серьезный разборъ Линде; однако, уже при появленіи первыхъ частей «Опыта», и критика, и многіе выдающіеся современники оцѣнили громадное значеніе этого «классическаго» труда.

Къ сожалѣнію, С-ву не пришлось довести до конца главной работы своей жизни и даже хотя бы лично издать то, что уже было имъ сдѣлано. Въ мартѣ 1814 года С. былъ нездоровъ и писалъ о своей болѣзни Калайдовичу: «Всего будетъ досаднѣе, если она (болѣзнь) не дастъ мнѣ кончить моей книги вторымъ изданіемъ». Развязка наступила черезъ четыре года, но не дала довести до конца и перваго изданія. Пятая, дополнительная часть была издана по матеріаламъ С-ва В. Г. Анастасевичемъ. Постоянно оказывавшій серьезную поддержку С-ву въ области литературныхъ занятій и на служебномъ поприщѣ, А. Н. Оленинъ простиралъ свои заботы и на частную жизнь С-ва, что особенно сильно сказалось во время послѣдней болѣзни библіографа. Оленинъ стремился оказать ему всю возможную помощь: ввѣрилъ попеченіямъ профессора-хирурга И. Ѳ. Буша, просилъ объ установленіи за нимъ надлежащаго ухода, хлопоталъ о созывѣ консиліума и о приглашеніи лейбъ-медика Каменецкаго. Но болѣзнь была неизлѣчима, и С. скончался 21 іюня 1818 г.

Заслуга С-ва въ области библіографіи общепризнана. Если говорить о мѣстѣ С-ва въ исторіи русской библіографіи, то хронологически ему не принадлежитъ первенства. По словамъ митр. Евгенія, «первый систематическій у насъ библіографъ—Бантышъ-Каменскій, а первый алфавитный и обстоятельный—Новиковъ...». Къ

числу библіогностовъ или рецензентовъ нельзя С-ва и причислить: въ этомъ у насъ честь первенства принадлежитъ Миллеру въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ». Но по внутренней цѣнности «Опытъ» С-ва, несмотря на многіе недостатки, сохраняетъ свое значеніе до настоящаго времени,—особенно въ отношеніи литературы XVIII вѣка. «Несправедливо сѣтовать на С-ва за неуклюжество его творенія, за перепначеніе его заглавій, за мелкіе промахи всякаго рода. Слѣдуетъ благодарить этого труженика и благодарить усердно за сдѣланную впервые попытку и за указаніе на множество книгъ, которыя были напечатаны до его времени и которыя уже не встрѣчаются въ нынѣшнихъ собраніяхъ, и не упоминаются даже теперешними библіографами» (Соболевскій).

На значеніе «Опыта» указываетъ и новое его изданіе (Суворина), вышедшее въ 1904—1906 г.г. подъ ред. В. Н. Рогожина, съ дополненіями изъ «Росписи» А. Смирдина и В. Плавильщикова.

«Опытъ россійской библіографіи, или полный словарь сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на славянскомъ и россійскомъ языкахъ отъ начала заведенія типографій до 1813 г., съ предисловіемъ, служащимъ введеніемъ въ сію науку, совершенно новую въ Россіи, съ исторіей о началѣ и успѣхахъ книгопечатанія какъ въ Европѣ вообще, такъ и особенно въ Россіи, съ примѣчаніями о древнихъ рѣдкихъ книгахъ и ихъ изданіяхъ и съ краткими изъ оныхъ выписками. Собранный изъ достовѣрныхъ источниковъ Василіемъ Сопиковымъ», 5 т. Спб. 1813—1821 гг.—«Пиѳагоровы законы и нравственныя правила. Перевелъ съ французскаго В. Сопиковъ», Спб. Въ медицинской типографіи. 1808.—Письмо В. С. С-ва къ К. Ѳ. Калайдовичу (сообщенное А. Ѳ. Бычковымъ, съ обширнымъ примѣчаніемъ редакція), «Библіографич. Записки», 1861 г., т. III, ст. 550—552.—Письма В. С. С-ва къ К. Ѳ. Калайдовичу. Сообщилъ И. Шляпкинъ. Приложеніе къ XLV-му тому «Записокъ Имп. Академіи Наукъ», № 2. Спб. 1883 г.—Акад. М. Сухомлиновъ, «Библіографъ В. С. С-въ», «Древняя и Нов. Россія» 1876 г.», т. I, стр. 61—68.—«Три книгопродавца минувшаго времени: В. С. Сопиковъ, В. А. Плавильщиковъ, А. Ф. Смирдинъ», «Библіографъ», 1892 г., № 1, стр. 38—40.—С. Соболевскій, «Новыя явленія въ русской библіографіи», «Русск. Архивъ», 1869 г., № 5.—Е. Шмурло, «Митрополитъ Евгеній какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804», Спб. 1888 г.—И. И. Срезневскій, «Воспоминаніе о научной дѣятельности Евгенія, митрополита кіевскаго», «Сборн. статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ», 1868 г., т. V. вып. 1-й.—И. Быстровъ, Замѣтка о С. въ «Сѣв. Пчелѣ» 1842 г., № 196.—С. Д. Полторацкій, «Матеріалы для словаря русскихъ писателей», «Русскій Вѣстн.», 1885 г., т. XVIII, № 22, кн. 2. (Современная Лѣтопись).—«Матеріалы для исторіи русской книжной торговли», Спб. 1879 г.—Губерти, «Матеріалы для русской библіографіи», т. I, предисловіе.—Григорій Геннади, «Литература русской библіографіи. Опись библіографическихъ книгъ и статей, изданныхъ въ Россіи», Спб. 1858.—Г. (Геннади), «Списокъ русскихъ анонимныхъ книгъ съ именами ихъ авторовъ и переводчиковъ. Дополненіе къ каталогу русскихъ книгъ Сопикова, Шторха, Плавильщикова, Смирдина, Ольхина, Глазунова и Базунова», Спб. 1874 г.—М. Н. Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты», Спб. 1867 г.—«Путеводитель по И. Публич. библіотекѣ», Спб. 1852 г.—Письмо митр. Евгенія къ Городчанинову, въ «Сборникѣ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наукъ», 1868 г., т. V, вып. 1-й.—«Записки къ словарю историческому о Русскихъ писателяхъ» митр. Евгенія, хранящіяся въ Имп. Публич. библ. (изъ древлехранилища Погодина). Въ нихъ имѣется: (144) Выписка изъ формулярнаго списка В. С. С-ва».—5 писемъ митр. Евгенія къ С-ву съ 27 іюня 1807 г. по 9 октября 1810 г. въ «Др. и Нов. Россіи» 1881 г., № 2, 314.—О своихъ письмахъ къ С-ву митр. Евгеній упоминаетъ въ письмахъ Ан-чу 1814 г. («Др. и Нов. Россія» 1880 г., № 10, 338—339); Город-ву 1809 г., 26 іюля и 30 августа («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1857 г., т. XCIV, стр. 9, 10) и 2 мая 1810 г. (ibid., 12).—«Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые П. Кеппеномъ, 1819 г., № 1, Обозрѣніе источниковъ для составленія россійской словесности», «Библіографическіе Листы П. Кеппена», 1825 г., № 3, стр. 33—41.—Некрологъ С-ва въ «Сынѣ Отечества» 1818 г., № XXX.—Анастасевичъ, «О необходимости въ содѣйствіи русскому книговѣдѣнію», «Благонамѣренный» 1820 г., ч. X, стр. 32—42.—Линде—разборъ трехъ первыхъ частей «Опыта» въ «Pamietnik Warszawski» 1815 г.—Извлеченіе изъ этой статьи—на русскомъ языкѣ—«Вѣстн. Евр.», ч. 90 (1816 г.). стр. 110—136 и 230—244.—Замѣчанія митр. Евгенія на «Опытъ росс. библіогр.» Сопикова, часть I. Сообщ. Е. Ф. Шмурло. «Библіографъ», 1888, № 4—5, отд. I, стр. 105—107.—Рецензія на 1-ю часть «Опыта», «Сынъ Отечества» 1813 г., кн. XLVIII.—Рецензія на 2-ю ч. «Опыта», ibid. 1814, № 37; «Современная русск. библіографія», стр. 196—200; «Современный наблюдатель Росс. Словесности», 1815, ч. 2, стр. 85—98.—Вступительный очеркъ Калайдовича переданъ по-французски въ статьѣ о словарѣ митр. Евгенія въ «Bulletin du Nord», 1828, т. II, издававшемся въ Москвѣ.—Указатель къ «Опыту Росс. Библ.» В. С. С-ва составленъ В. Н. Рогожинымъ. М: 1900. (Изъ «Чтеній въ И. Общ. Ист. и Др. Росс. при И. Моск. Унив.» за 1899 г.).—П. О. Морозовъ, «Алфавитный указатель именъ авторовъ, переводчиковъ, издателей и другихъ лицъ, упоминаемыхъ въ «Опытѣ Росс. Библ.» С-ва. Т. 2—5. Прилож. къ т. XXVIII «Записокъ И. Академіи Наукъ», № 5. Спб. 1876.—В. И. Саитовъ, «Критическія и библіографическія замѣтки и разъясненія къ опыту С-ва»,«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1878 г., № 6, ч. CXCVII и отдѣльно Спб. 1878.—«Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, составл. В. И. Межовымъ», Спб. 1869.—«Первое прибавленіе» къ этому каталогу, сост. имъ же, Спб. 1870.

Ю. Верховскій.

*

Соре, *Фридрихъ-Яковъ* (Frédéric Jacques Soret), нумизматъ, членъ Императорскаго археологическаго общества, род. въ Петербургѣ 2 мая 1795 г., умеръ въ Женевѣ 6 декабря 1865 г. Отецъ Ф.-Я. Соре, бывшій придворнымъ живописцемъ императрицы Екатерины II, въ 1800 г. переселился съ своимъ семействомъ изъ Петербурга въ Женеву. С. поступилъ впослѣдствіи въ мѣстный университетъ, гдѣ вначалѣ посвятилъ себя богословію, а нѣсколько позже занялся изученіемъ естественныхъ наукъ; съ 1819 же года изучалъ въ Парижѣ преимущественно минералогію. Въ 1822 г. великая княгиня Марія Павловна вызвала С. въ Веймаръ и поручила ему воспитаніе своего сына (впослѣдствіи владѣтельнаго великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго). Въ 1836 г. С. возвратился въ Женеву, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ правительственныхъ дѣлахъ Швейцаріи, а затѣмъ (до 1848 г.) занималъ постъ посланника нѣкоторыхъ второстепенныхъ германскихъ государствъ въ Парижѣ. Съ 1848 г. С. снова поселился въ Женевѣ, продолжая начатыя имъ еще въ 1837 г. изслѣдованія по нумизматикѣ. Хотя ему принадлежатъ работы по самымъ разнообразнымъ отраслямъ нумизматики, однако наибольшую цѣнность имѣютъ его труды по изученію и толкованію восточныхъ монетъ; въ изслѣдованіи этихъ послѣднихъ его трудъ облегчался основательнымъ знаніемъ семитическихъ языковъ, въ особенности арабскаго (въ послѣдніе годы своей жизни С., между прочимъ, составилъ грамматику этого языка). Первымъ трудомъ С., съ которымъ онъ выступилъ въ нумизматической литературѣ, былъ «Trois lettres de monnaies byzantines peu connues ou inédites», Genève et Paris, 1837. Чтобы судить о достоинствахъ этого еще перваго научнаго труда С., приведемъ отзывъ о немъ извѣстнаго французскаго нумизмата Соси («Rev. numism. fr.» 1838, p. 308): «Mr. Frédéric Soret, de Genève, qui comprend dignement le but et la valeur de la science numismatique, vient de débuter par un travail consciencieux qui place son auteur de prime rabord au rang des maîtres. Force de déduction, clarté et concision, voilà trois qualités qui distinguent la brochure de Mr. Soret». За этимъ первымъ трудомъ С. слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ. Ему принадлежитъ большое число статей по восточной нумизматикѣ (между прочимъ, о неизданныхъ восточныхъ монетахъ его собственнаго собранія), по древней нумизматикѣ, о монетахъ среднихъ и новыхъ вѣковъ. Послѣднимъ трудомъ С. по восточной нумизматикѣ, являющимся какъ бы общимъ результатомъ его прежнихъ изысканій въ этой области, были три письма къ Р. Шалону: «Sur les éléments de la numismatique musulmane» (въ «Revue de la numism. belge», 4-e sér., t. II, III et IV). Въ 1862 г., по желанію нѣкоторыхъ друзей С., въ честь его были выбиты одна серебряная и тридцать три бронзовыхъ медали, съ изображеніемъ его портрета.

«Некрологъ Ф. Я. Соре», статья А. Г. въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества», т. VI, вып. II, стр. 84—87.—Тамъ же, стр. 93 и 117.

Вл. Грековъ.

Сорокинъ, *Александръ Андреевичъ*, контръ-адмиралъ, членъ адмиралтействъ-коллегіи, первоприсутствующій въ коммиссіи по составленію смѣтныхъ исчисленій для постройки военныхъ судовъ. Род. въ 1763 г., ум. 27 апрѣля 1827 г. Образованіе получилъ въ морскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1776 г. Произведенный 11 марта 1783 г. въ мичмана, онъ въ слѣдующемъ году былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ, въ которомъ и провелъ почти всю свою службу. Въ 1788 г., уже въ чинѣ лейтенанта, командуя дупель-шлюпкою № 2, онъ участвовалъ въ сраженіи на Очаковскомъ лиманѣ и за отличіе въ этомъ дѣлѣ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1790 и 1791 гг., плавая на кораблѣ «Марія Магдалина», участвовалъ въ сраженіяхъ съ турецкимъ флотомъ въ Керченскомъ проливѣ, у Гаджибея и при Каліакріи, при чемъ за второе изъ нихъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени. Въ 1799 г. С., командуя фрегатомъ «Св. Михаилъ», участвовалъ въ блокадѣ и взятіи Корфу, во взятіи Неаполя и въ блокадѣ Александріи и за отличіе въ этихъ дѣлахъ былъ награжденъ орденами св. Анны 2-й степени и св. Іоанна Іерусалимскаго и произведенъ 28 ноября того же 1799 г. въ капитаны 1-го ранга. Кромѣ того, отъ неаполитан-

скаго короля онъ получилъ еще орденъ св. Фердинанда «За вѣрность и услуги». Далѣе С. командовалъ тѣмъ же фрегатомъ и отрядомъ судовъ, съ которыми плавалъ въ Средиземномъ морѣ, и въ 1802 г. приводилъ жителей Іонической республики «въ законное повиновеніе», за что отъ тамошняго сената получилъ золотую шпагу съ надписью: «отъ 7-ми островов». Въ томъ же году онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени и произведенъ въ капитанъ-командоры Черноморскаго корабельнаго флота, а въ 1805 г. за отличіе по службѣ—въ контръ-адмиралы. Въ слѣдующемъ году С., въ виду осады французами Гаэты и Капуи, перевезъ сардинскаго короля изъ Неаполя въ Сардинію, за что былъ награжденъ алмазнымъ перстнемъ. Переведенный въ томъ же 1806 г. въ Балтійскій флотъ, С. въ теченіе года командовалъ эскадрою, а затѣмъ былъ назначенъ членомъ адмиралтействъ-коллегіи; но, прослуживъ въ этой должности еще годъ, 29 октября 1808 г. вышелъ въ отставку. Послѣ девятилѣтняго пребыванія въ отставкѣ, С. 10 мая 1817 г. вновь поступилъ на службу и былъ назначенъ снова членомъ адмиралтействъ - коллегіи, а 2 марта 1824 г.—первоприсутствующимъ въ коммиссіи по составленію смѣтныхъ исчисленій для постройки военныхъ судовъ, съ оставленіемъ членомъ адмиралтействъ-коллегіи. Въ этихъ двухъ должностяхъ онъ оставался до самой смерти.

«Общій морской списокъ» т. V, Спб. 1890 г., стр. 105—107.—«Матеріалы для исторіи русскаго флота», т.т. XV, XVI и XVII.—В. С. Степановъ и Н. И. Григоровичъ, «Въ память столѣтняго юбилея Императорскаго военнаго ордена святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія (1769—1869 г.), Спб., 1869 г. стр. 52 (1409) и LXVIII.

Е. Я.

Сорокинъ, *Алексѣй Ѳедоровичъ*, инженеръ-генералъ, комендантъ С.-Петербургской крѣпости, членъ военнаго совѣта, родился 12 февраля 1795 г., ум. 22 февр. 1869 г., былъ сынъ унтеръ - офицера; С. воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса котораго вступилъ въ военную службу кондукторомъ 2-го класса въ инженерный корпусъ. Произведенный въ 1815 г. въ прапорщики, С. былъ оставленъ при инженерномъ департаментѣ. Здѣсь служебная карьера его подвигалась очень быстро, такъ что спустя двѣнадцать лѣтъ онъ былъ подполковникомъ гвардейскихъ инженеровъ и въ 1827 г. получилъ орденъ Почетнаго Легіона за составленіе «чертежей» для инженеровъ французской службы. По объявленіи въ 1828 г. войны Турціи, С. былъ прикомандированъ къ гвардейскому корпусу, съ которымъ и совершилъ всю кампанію, причемъ подъ крѣпостью Варною сначала участвовалъ въ осадныхъ работахъ, а затѣмъ, откомандированный на южную сторону крѣпости по порученію генералъ-адъютанта Бистрома, усилилъ русскую оборонительную позицію нѣсколькими новыми укрѣпленіями. За отличіе при осадѣ Варны С. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Въ 1829 г. на С-па было возложено завѣдываніе траншейными работами при осадѣ крѣпости Силистріи съ самаго начала ея обложенія. Здѣсь онъ повелъ дѣло быстро и умѣло, чѣмъ очень много способствовалъ взятію крѣпости, за что былъ произведенъ въ полковники. Завѣдуя траншейными работами, онъ въ то же время неоднократно принималъ участіе въ рекогносцировкахъ и схваткахъ съ турками. Во время одного изъ такихъ дѣлъ С. былъ раненъ осколкомъ гранаты въ голову и контуженъ въ руку и ногу. Кромѣ чина полковника за отличіе подъ Силистріей, С. былъ награжденъ еще орденомъ св. Георгія 4-ой степени (1 іюля 1829 г.). По окончаніи войны онъ возвратился въ Петербургъ и здѣсь занялъ должность начальника чертежной инженернаго департамента. Однако вскорѣ ему опять пришлось отправиться на театръ военныхъ дѣйствій—началось первое польское возстаніе, и С. былъ командированъ въ дѣйствующую армію. Участвуя въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ польскими инсургентами, онъ особенно отличился въ сраженіи подъ Остроленкою, когда подъ выстрѣлами польскихъ батарей возстановилъ мостъ черезъ рѣку Наревъ, и во время штурма Варшавы. За первое дѣло онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени съ бантомъ, а за второе—золотою шпагою съ надписью «За храбрость». Возвратившись послѣ взятія Варшавы въ Петербургъ, С. до самой венгерской кампаніи продолжалъ состоять начальникомъ чертежной

инженернаго департамента, причемъ въ 1837 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ 1848 г.—въ генералъ-лейтенанты. Въ слѣдующемъ 1849 г. былъ объявленъ походъ въ Венгрію, и С. получилъ новое назначеніе—начальникомъ инженеровъ дѣйствующей арміи. Онъ тотчасъ же отправился въ главный штабъ арміи и принялъ участіе уже въ первомъ большомъ сраженіи съ венгерцами подъ г. Вайценомъ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ сраженіи при мѣстечкѣ Тиссо-Фиредъ подъ г. Дебречиномъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, но особенно отличился при переправахъ черезъ рѣку Тейсу, черезъ которую въ теченіе этой кампаніи устроилъ три переправы: одну на понтонахъ, для другой построилъ три спеціальныхъ моста и третью тоже на понтонахъ. Всѣ эти переправы были устроены подъ выстрѣлами непріятельской артиллеріи. За отличіе въ венгерской кампаніи С. былъ награжденъ золотою, украшенною алмазами шпагою съ надписью «За храбрость». Назначенный по окончаніи венгерской кампаніи вице-директоромъ инженернаго департамента, С. занималъ эту должность около пяти лѣтъ. Когда въ 1854 г. выяснилась возможность англо-французскаго нападенія на балтійскіе берега, С. былъ назначенъ временнымъ комендантомъ Свеаборгской крѣпости и въ этой должности въ 1855 г. отстоялъ Свеаборгъ при бомбардированіи его союзнымъ флотомъ. По окончаніи войны, С. продолжалъ оставаться свеаборгскимъ комендантомъ до 1859 г., когда былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта. Два года спустя онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность коменданта С.-Петербургской крѣпости и въ 1862 г. утвержденъ въ этой должности съ оставленіемъ членомъ военнаго совѣта. Въ чинъ инженеръ-генерала С. былъ произведенъ въ 1865 г. За свою болѣе чѣмъ 50-ти лѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ онъ получилъ всѣ ордена до ордена св. Александра Невскаго включительно и имѣлъ много иностранныхъ орденовъ. Тѣло его погребено въ С.-Петербургской крѣпости возлѣ Петропавловскаго собора.

«Русскій Инвалидъ», 1869 г., № 26.—«Военный Сборникъ», 1869 г., т. 66, апрѣль.—«Ежегодникъ русской арміи» на 1870 г. ч. II.—«Иллюстрированная Газета», 1869 г., № 11,—В. С. Степановъ и П. Григоровичъ, «Въ память столѣтняго юбилея Императорскаго военнаго ордена святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія (1769—1869 г.), Спб., 1869 г., стр. 114 (1274) и LXVIII.

Е. Я.

Сорокинъ, *Евграфъ Семеновичъ*, историческій живописецъ, родился 6 декабря 1821 г. въ посадѣ Большія Соли, Костромской губерніи и уѣзда, умеръ въ Москвѣ въ 1892 г. Первоначальное ознакомленіе съ живописью С. получилъ у одного ярославскаго иконописца. Уже въ это время онъ проявлялъ большія способности къ собственной композиціи, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе заказчиковъ работъ по церковной живописи. Особенное участіе встрѣтилъ С. со стороны одного священника, церковь котораго онъ расписывалъ. По совѣту этого священника, къ пріѣзду императора Николая I въ Ярославль С. написалъ картину: «Петръ Великій, за обѣдней въ соборѣ, замѣчаетъ рисующаго его портретъ А. Матвѣева и предугадываетъ въ немъ даровитаго живописца». Эта картина была представлена Государю, который повелѣлъ опредѣлить С-на въ Петербургскую Императорскую академію художествъ. Въ 1841 г., по Высочайшему повелѣнію, С. былъ уволенъ изъ мѣщанскаго сословія и помѣщенъ въ академію художествъ, гдѣ и обучался живописи подъ ближайшемъ руководствомъ профессора А. Маркова. Уже въ слѣдующемъ, 1842 г. С. получилъ похвалу совѣта академіи за историческую и портретную живопись; въ 1843 и 1845 гг.—малыя серебряныя медали за рисунокъ съ натуры и за эскизъ «Убіеніе архидіакона Стефана»; въ томъ же 1845 г.—большую серебряную медаль за картину «Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя» и въ 1847 г.—малую золотую медаль за картину «Даніилъ со львами»; въ 1849 г. С. за написанную по программѣ картину «Янъ Усмошвецъ останавливаетъ быка, при владѣніи Россіею великаго князя Владиміра» (находится въ музеѣ академіи художествъ) былъ удостоенъ большой золотой медали и затѣмъ отправленъ на казенный счетъ на четыре года за границу для довершенія своего художественнаго образованія. Осматривая и изучая по пути все замѣчательное, «что касается до художествъ»,

С. посѣтилъ Германію, Бельгію, Францію, Испанію, Сирію и Египетъ. Въ Испаніи онъ сдѣлалъ, между прочимъ, копію съ картины Рибейры «Св. Павелъ». Въ 1859 г. С. возвратился въ Россію и занялъ должность преподавателя живописи въ Московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества, гдѣ и служилъ до самой смерти. Въ 1861 г., за написанную во время заграничнаго путешествія картину «Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы», С. былъ признанъ академикомъ. Значительное число изъ всѣхъ живописныхъ работъ С-на составляютъ образа разнаго рода. Ему принадлежатъ, между прочимъ, шесть образовъ въ иконостасѣ и стѣнныя изображенія евангелистовъ Марка и Іоанна, Тайной Вечери, Спасителя во славѣ и Нагорной проповѣди въ парижской православной церкви, фигуры св. Лаврентія и Стефана для сѣверныхъ и южныхъ дверей и нѣкоторые образа въ иконостасѣ московскаго храма Христа Спасителя; ему также принадлежитъ окончаніе и отчасти исправленіе на стѣнахъ этого же храма нѣкоторыхъ произведеній Ѳ. А. Бруни, незаконченныхъ вслѣдствіе смерти послѣдняго. За работы въ храмѣ Христа Спасителя С. въ 1878 г. былъ возведенъ въ званіе профессора. Въ первое время своей художественной дѣятельности С. занимался и жанровой живописью: ему принадлежитъ нѣсколько сценъ изъ итальянской и испанской жизни, напримѣръ: «Испанскіе цыгане» и «Свиданіе» (обѣ эти картины находятся въ собраніи К. Т. Солдатенкова) и «Нищая дѣвочка въ Испаніи» (находится въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ). Являясь въ общемъ прекраснымъ рисовальщикомъ и колористомъ, С. въ своихъ произведеніяхъ не чуждъ нѣкоторой условности и холодности, являющихся у него слѣдствіемъ продолжительнаго упражненія въ молодыхъ годахъ въ иконописи, а затѣмъ въ подчиненіи академической рутинѣ. Портретъ его написанъ Влад. Егор. Маковскимъ.

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія», Спб., 1864—1866 г г.—А. Сомовъ, «Картинная галлерея Императорской Академіи Художествъ. Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи», Спб., 1872 г.—А. Новицкій, «Исторія русскаго искусства», М, 1899—1903 г.г.—Д. А. Ровинскій, «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.», 1895 г.—А. Н. Андреевъ, «Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ», Спб., 1857 г.—И. Ѳ. Буслаевъ, «Новыя иконы академика Е. С. Сорокина», «Сборникъ на 1866 г. изданіе Общества Древне-Русскаго Искусства», стр. 151—156.—«Спаситель, благославляющій дѣтей, Е. С. Сорокина», «Всемірная Иллюстрація» 1876 г., т. XV-й.—«Іисусъ на Крестѣ» картина Е. С. Сорокина», «Всемірная Иллюстрація» 1876 г. т. XV-й, стр. 255.—А. Х., «Коллекція древней православной иконописи А. Е. Сорокина», «Московск. Вѣдомости» 1875 г., № 70.—Энциклопедическій словарь Брокгаузъ-Ефронъ, s. v.

В. Г.

Сорокинъ, *Павелъ Николаевичъ*, генералъ-лейтенантъ, командиръ 1-ой бригады 3-ей гренадерской дивизіи, герой Плевны. Родился въ 1816 г., умеръ въ Тамбовѣ 5 февраля 1889 г.; происходилъ изъ дворянъ Лифляндской губерніи. Воспитывался въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ (теперь Константиновское артиллерійское училище), откуда 15 марта 1837 г. былъ выпущенъ въ Капорскій егерскій полкъ съ производствомъ въ прапорщики. Въ томъ же году онъ перевелся въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ, въ которомъ прослужилъ болѣе 25 лѣтъ, причемъ въ 1848 г., въ чинѣ штабсъ-капитана—участвовалъ въ походѣ въ Венгрію, въ 1854—1855 г.г., въ защитѣ Балтійскаго побережья отъ нападенія союзниковъ, а въ 1863 г.—въ подавленіи польскаго возстанія. Произведенный 5 сентября 1855 г. въ полковники, С. въ 1863 г. былъ назначенъ командиромъ 31-го пѣхотнаго Александропольскаго полка и съ этимъ полкомъ закончилъ польскую кампанію. За отличія въ разныхъ дѣлахъ онъ былъ награжденъ орденами св. Анны 2-ой степени съ мечами и св. Владиміра 3-ей степени. Въ 1870 г. С. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ помощникомъ начальника 3-ей гренадерской дивизіи, а годъ спустя—командиромъ 1-ой бригады той-же дивизіи. Съ своей бригадой онъ принялъ дѣятельное участіе въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг. С. участвовалъ во многихъ сраженіяхъ этой войны и особенно отличился во время осады и взятія Плевны и при переходѣ черезъ Балканы. Подъ Плевной на долю С-на выпало съ одной только своей бригадой удержать 28 ноября 1877 г. стремительный натискъ всей арміи Османа-паши, пытавшагося прорваться. Въ своемъ донесеніи объ этомъ

дѣлѣ командиръ гренадерскаго корпуса говоритъ: «командиръ 1-ой бригады 3-ей гренадерской дивизіи генералъ-маіоръ Сорокинъ съ полною неустрашимостью находился въ огнѣ, ободряя робкихъ, въ то время, когда бригада его, еще не поддержанная резервомъ, изнемогала отъ натиска превосходнаго непріятеля». За Плевну С. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-ой степени съ мечами, а за Балканы—орденомъ св. Владиміра 2-й степени съ мечами. По возвращеніи изъ турецкой кампаніи, С. еще въ теченіе десяти лѣтъ командовалъ тою же бригадою. Произведенный 15 марта 1887 г. въ генералъ-лейтенанты, онъ былъ прикомандированъ къ гренадерскому корпусу на одинъ годъ, по истеченіи котораго былъ зачисленъ въ запасъ по армейской пѣхотѣ съ сохраненіемъ полнаго содержанія.

«Тамбовскія Губернскія Вѣдомости», 1889 г., №№ 15 и 17.—«Сынъ Отечества», 1889 г., № 39.—«Русскій Календарь» на 1890 г.—«Всеобщій Календарь» на 1890 г.

Е. Я.

Сорокинъ, *Павелъ Семеновичъ*, братъ Е. С. Сорокина, историческій живописецъ, родился въ 1836 г., умеръ въ 1886 г. Художественное образованіе получилъ въ Императорской академіи художествъ, гдѣ обучался, главнымъ образомъ, подъ руководствомъ профессора А. Маркова. Находясь въ академіи, получилъ нѣсколько серебряныхъ медалей за классныя работы, малую золотую медаль за программную картину «Призваніе св. апостола Андрея на проповѣдь» и похвалу за картину-икону «Богоматери всѣхъ скорбящихъ радости» 1853 г. (находится въ церкви Богоматери всѣхъ скорбящихъ въ Петербургѣ). Получивъ въ 1854 г. большую золотую медаль за картину «Вулканъ и четыре главныхъ циклопа вырабатываютъ стрѣлы для Юпитера», С. былъ отправленъ на казенный счетъ на шесть лѣтъ за границу въ Италію, но скоро вернулся въ Россію, не вынеся тоски по родинѣ. Черезъ два года онъ снова отправился въ заграничное путешествіе; во Флоренціи, по совѣту Императорской академіи художествъ, онъ дѣлалъ копіи съ существующихъ тамъ произведеній Беато-Анжелико, въ Римѣ написалъ «Распятіе Іисуса Христа» (1863 г.) и въ Парижѣ—«Воскресеніе Христово». Возвратившись въ 1870 г. изъ-за границы, С. поселился въ Москвѣ и служилъ тамъ преподавателемъ въ училищѣ живописи, ваянія и зодчества. С. былъ участникомъ живописныхъ работъ въ храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ и за произведенныя имъ тамъ работы въ 1883 г. былъ признанъ академикомъ.

П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія», Спб., 1864—1866 гг.—А. Н. Андреевъ, «Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ», Спб. 1857 г.—Энциклопедическій словарь Брокгаузъ-Ефронъ.

В. Г.

Соснецкій, *Иванъ Ермолаевичъ*, педагогъ-писатель, умеръ въ январѣ 1876 г. въ Рязани. Получилъ домашнее воспитаніе и съ 1842 г. служилъ учителемъ московскихъ уѣздныхъ училищъ. Въ 1850 г. С. выдержалъ при Московскомъ университетѣ экзаменъ на званіе учителя гимназіи по русской словесности, а въ 1853 г.—экзаменъ на степень кандидата юридическаго факультета. Затѣмъ въ 1854 г. С. былъ опредѣленъ на должность младшаго учителя въ 4-ю Московскую гимназію, и въ томъ же году—на должность старшаго учителя въ 3-ю Московскую гимназію, гдѣ и прослужилъ четырнадцать лѣтъ. Въ 1868 г. С. перешелъ на службу во 2-ю Московскую гимназію, въ которой оставался до 1873 г., а затѣмъ былъ преподавателемъ французскаго языка въ Рязани, гдѣ и провелъ послѣднее время своей жизни. Обладая большими способностями, С., уже въ бытность свою на службѣ, дѣятельно занимался пополненіемъ своего образованія; онъ вполнѣ овладѣлъ французскимъ языкомъ, а также основательно изучилъ многихъ греческихъ и латинскихъ классиковъ. Изъ сочиненій С-го напечатаны: 1) «Опытъ учебника русскаго языка при первоначальномъ образованіи», Москва, 1855 г.; 2) «Опытъ разбора образцовъ русской словесности», М., 1867 г.; 3) «C. Julii Caesaris Commentarii de bello Gallico», съ примѣчаніями и словаремъ, М., 1867 г.; 4) «Русская грамматика», С.-Петербургъ, 1868 г.; 5) «Рѣчи Цицерона противъ Катилины, съ примѣчаніями и словаремъ, М., 1869 г.; 6) «Краткое практическое руководство къ русскому правописанію»,

М., 1870 г.; 7) Исторія русской литературы», М., 1870 г.; 8) «Первая пѣснь Энеиды Виргилія, два текста—подлинный и по упрощенной конструкціи», М., 1870 г. и 9) «Сборникъ статей для чтенія и разбора по предмету русскаго языка въ уѣздныхъ, городскихъ и сельскихъ училищахъ, съ приложеніемъ образцовъ систематическаго диктанта», М., 1871 г.

П. Виноградовъ, «Краткій историческій очеркъ пятидесятилѣтія Московской III гимназіи (1839—1889 г.)», М. 1889 г., стр. 134—135.—Я. И. Вейнбергъ, «Воспоминаніе о Московской 3-й гимназіи» (приложеніе къ предыдущему очерку), стр. 17—19.—«Библіографическій указатель матеріаловъ по исторіи русской школы» № 5 (приложеніе къ журналу «Педагогическій Сборникъ» 1900 г., № 3), замѣтка Пав. Черняева.

В. Г.

Сосницкая, *Елена Яковлевна,* драматическая артистка, родилась въ 1799 г., ум. 9 января 1855 г., дочь не безызвѣстнаго въ свое время придворнаго опернаго пѣвца Я. Воробьева, переведеннаго въ концѣ 1790 гг. въ Петербургъ А. Л. Нарышкинымъ. Подъ руководствомъ кн. А. А. Шаховскаго въ театральномъ училищѣ С. получила свое образованіе. Въ январѣ 1815 г. она выступила съ большимъ успѣхомъ въ оперѣ «Жакондъ, или искатель приключеній», а въ октябрѣ того же года завоевала симпатіи публики превосходнымъ исполненіемъ роли Алексѣя въ оперѣ Кавоса «Иванъ Сусанинъ». Въ январѣ 1817 г. С. вышла замужъ за извѣстнаго уже тогда молодого артиста Ив. Ив. Сосницкаго и въ томъ же году впервые играла, вмѣстѣ съ мужемъ, роль Аглаи въ комедіи Грибоѣдова «Молодые супруги». Громкій успѣхъ, вѣроятно, послужилъ поводомъ къ ея переходу изъ оперы въ комедію, хотя, почти до 1821 г., она не оставляла окончательно оперу, участвуя, между прочимъ, въ «Красной Шапочкѣ» Буальде, «Волшебной Флейтѣ» Моцарта и др. Съ 1821 г. С. переходитъ въ комедію на роли субретокъ и бойкихъ, свѣтскихъ барынь. Къ лучшимъ ея ролямъ этого времени относятся: Сусанна въ «Свадьбѣ Фигаро», Дорина въ «Тартюфѣ», Лельская въ водевилѣ Шаховскаго «Ворожея», Троепольская въ комедіи Н. Куликова «Актеры между собой»; въ 1831 г. она попробовала сыграть роль Софіи въ «Горе отъ ума», но исполнила ее недостаточно хорошо. Почти ни одна изъ комедій Н. Хмельницкаго, Кукольника, П. А. Каратыгина и другихъ современныхъ писателей не обходились безъ ея участія. Съ нарожденіемъ новой комедіи Гоголя и Островскаго, С. перешла на роли пожилыхъ женщинъ и комическихъ старухъ: такъ въ 1836 г. она играла роль жены городничаго въ «Ревизорѣ», въ 1842—Агафьи Тихоновны въ «Женитьбѣ», въ 1853—Панкратьевны въ «Бѣдной Невѣстѣ» Островскаго. Въ упомянутыхъ роляхъ С. принадлежала къ числу лучшихъ ихъ исполнительницъ. Въ концѣ 1854 г. по болѣзни она принуждена была уйти со сцены, а въ январѣ слѣдующаго года—скончалась.

Пим. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», стр. 235, 243, 244, 246, 252, 253, 264, 266, 276, 278—279, 292, 294, 297, 299, 301—302, 316—317, 320, 312, 355. Спб. 1861 г.—А. И. Вольфъ, «Хроника петербургскихъ театровъ», Спб. 1877 г. т. I, стр. 3, 6, 18, 35, 49, 70, 89, 97, 100, 104, 125, 137, 145, 167, 177; т. II, стр. 74 и слѣд.—Р. Зотовъ, «Е. Я. Сосницкая», «Пантеонъ», 1855 г., т. XIX, Январь, кн. 1, стр. 1—6.—Его же, «Театральныя воспоминанія», Спб, 1860, стр. 52, 72, 86, 87.—Н. И. Куликовъ, «Театральныя воспоминанія», «Русск. Старина» 1892, № 8, стр. 466—468.—А. С. Пушкинъ, Сочиненія (указ.).—Н. Н. Божеряновъ, «Иллюстрован. исторія русскаго театра», Спб. 1903 г. т. I—II.—«Театралъ», карманная книжка для любителей театра. Спб. 1853 г., стр. 37.

А. Ш.

Сосницкій, *Иванъ Ивановичъ,* артистъ Императорскихъ театровъ, родился 18 февраля 1794 г., умеръ 24 декабря 1871 г. Отецъ С-го, Иванъ Семеновичъ, былъ театральный служитель. Въ 1799 г. пятилѣтній С. былъ отданъ въ театральное училище, гдѣ воспитанники обучались танцамъ, пѣнію, музыкѣ, живописи, театральной механикѣ и сценическому искусству, и лишь впослѣдствіи, по склонности учениковъ къ какому-либо изъ этихъ искусствъ, выяснялась дальнѣйшая ихъ карьера. Главнымъ классомъ считался балетный, подъ руководствомъ балетмейстера Дидло, который, замѣчая способности дѣтей къ танцамъ, вопреки склонностямъ къ другимъ искусствамъ, старался сдѣлать изъ нихъ непремѣнно танцовщиковъ. Такая участь готовилась и С-му. Черезъ годъ послѣ своего поступленія въ училище, С. игралъ дѣтскую роль въ одномъ изъ балетовъ. Въ 1807 г. онъ исполнилъ въ театрѣ роль маленькаго сына Пожар-

скаго въ драмѣ Крюковскаго «Пожарскій» и былъ замѣченъ публикой. Дидло считалъ его лучшимъ своимъ ученикомъ и даже однажды, за болѣзнью Дидло, С-му было поручено управлять представленіемъ одного изъ лучшихъ и сложныхъ балетовъ Дидло «Амуръ и Психея». Вмѣстѣ съ тѣмъ С. проявилъ удивительныя способности къ театральной механикѣ: такъ для одного изъ школьныхъ спектаклей, на которомъ присутствовалъ директоръ театровъ, А. Л. Нарышкинъ, онъ сдѣлалъ въ балетѣ «Зефиръ и Флора» Дидло всѣ механическія приспособленія для быстрыхъ перемѣнъ картинъ и полетовъ, за что и былъ награжденъ отъ директора театровъ часами.

Благодаря способности князя Шаховскаго опредѣлять истинныя драматическія дарованія, С. былъ выпущенъ изъ театральнаго училища въ 1811 г. на роли любовниковъ, петиметровъ и повѣсъ и опредѣленъ во временную труппу, составленную княземъ Шаховскимъ изъ учениковъ театральнаго училища, игравшую въ частномъ домѣ, по случаю пожара Большого театра. Князь Шаховской, замѣтивъ способности С. къ свѣтскимъ ролямъ, ввелъ своего ученика въ свѣтское общество, гдѣ молодой актеръ скоро сдѣлался общимъ любимцемъ, часто игралъ въ любительскихъ спектакляхъ и славился какъ искусный танцоръ. Въ домѣ князя Шаховскаго С. познакомился съ Н. И. Хмельницкимъ, Грибоѣдовымъ, Крыловымъ и другими лицами, имѣющими крупное значеніе въ исторіи русскаго театра. Пушкинъ, князь Вяземскій и много другихъ писателей считали С-го своимъ добрымъ знакомымъ. Въ домѣ Хмельницкаго впервые читалось «Горе отъ ума» самимъ авторомъ, и среди избранныхъ слушателей находился и С., которому впослѣдствіи Грибоѣдовъ дѣлалъ подробныя объясненія при постановкѣ своей комедіи. «Подъ такими то вліяніями школы,—говоритъ авторъ біографическаго очерка С-го, Д. К—ъ,—уроковъ князя Шаховскаго, примѣровъ талантливыхъ артистовъ большой сцены, общенія со свѣтскими и литературными кружками, сложилась артистическая личность С-го. Въ его натурѣ не было крупнаго драматическаго порыва, яркой горячности лирическаго чувства, порождающаго трагиковъ, но за то онъ былъ богато одаренъ гибкою воспріимчивостью, тонкимъ анализомъ и разнообразіемъ выразительныхъ средствъ,—однимъ словомъ—способностями, образующими актера высокой комедіи, которая и была его предназначеніемъ».

Слава С-го начинается съ исполненія имъ роли графа Ольгина, молодого изящнаго аристократа и остроумнаго фата въ комедіи князя Шаховскаго «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды». Пьеса эта, поставленная въ 1815 г., имѣла большой успѣхъ, благодаря осмѣянію въ ней моднаго литературнаго направленія въ лицѣ Жуковскаго и Карамзина и благодаря образцовой труппѣ въ лицѣ Валберховой, Асенковой, Ежовой, Грянскаго, Величкина и Рамазанова. Затѣмъ рѣдкая пьеса князя Шаховскаго, Хмельницкаго и Загоскина обходится безъ участія С-го, и нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ имѣли успѣхъ только благодаря С-му. Всѣ пьесы названныхъ авторовъ, будучи преимущественно передѣланы съ французскаго и давъ рядъ бойкихъ, остроумныхъ ролей,—позволили С-му проявить гибкость своего дарованія, изящность манеръ, искусство грима, искусство мимики и декламаціи, но не дали ему ничего для созданія художественныхъ типовъ и только служили преддверіемъ появленія «Горе отъ ума». Въ пьесѣ князя Шаховскаго «Ты и Вы, Вольтерово посланіе, или 60 лѣтъ антракта», С. игралъ Вольтера въ первомъ дѣйствіи молодымъ человѣкомъ, а во второмъ—глубокимъ старикомъ. И это изображеніе старца-философа было особенно удачно у С-го. Впослѣдствіи Бѣлинскій, по поводу игры С-го въ двухъ пьесахъ въ одномъ спектаклѣ, въ первой—дряхлаго старика, а въ другой—повѣсу-маіора, называетъ С-го Протеемъ: «невозможно требовать болѣе отреченія отъ личности. Въ этомъ его превосходство надъ Щепкинымъ»...

Въ пьесѣ князя Шаховскаго «Фальстафъ», передѣланной изъ хроники Шекспира, С. необыкновенно удачно справился съ оригинальнымъ образомъ фантазіи Шекспира. Послѣ этого С. переходитъ на роли классическаго репертуара, гдѣ тоже скоро стяжалъ себѣ славу; изъ любимыхъ публикой ролей С-го была роль Фигаро въ «Свадьбѣ Фигаро» Бомарше;

ранѣе С. игралъ Альмавиву въ той-же комедіи. Театръ Мольера имѣлъ въ лицѣ С-го Тартюфа, Арнольфа («Школа женщинъ») и Сганареля («Школа мужей»).

Въ 1829 г., благодаря хлопотамъ С-го, дано было разрѣшеніе на постановку части перваго акта «Горе отъ ума», гдѣ Чацкаго игралъ С. Въ 1830 г. были поставлены еще третій актъ, гдѣ С. игралъ Загорѣцкаго, и четвертый актъ, гдѣ С. сталъ играть Репетилова. Въ 1831 г. была поставлена вся комедія Грибоѣдова, и роль Репетилова осталась за С-мъ на всю жизнь.

«Лишь водевиль есть вещь,
а прочее все гиль»...

Произнося эти слова со сцены, С. пережилъ и перечувствовалъ ихъ болѣе, чѣмъ кто другой. Онъ присутствовалъ при рожденіи водевиля въ Россіи, ухаживалъ за нимъ въ дѣтскомъ его возрастѣ, пережилъ съ нимъ его молодость и зрѣлость и присутствовалъ при его кончинѣ—переходѣ водевиля въ оперетку. С. самъ переигралъ много водевилей и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ пользовался большою любовью публики.

Гоголь особенно былъ друженъ съ С-мъ, имъ руководилъ при постановкѣ на сцену своихъ комедій: «Ревизора», «Женитьбы» и «Игроковъ» и, въ свою очередь, пользовался совѣтами и указаніями С-го при постановкѣ этихъ пьесъ на сценѣ. Въ «Женитьбѣ» нѣкоторыя сцены измѣнены противъ первоначальнаго плана по указаніямъ С-го. Въ 1836 г. былъ поставленъ «Ревизоръ» въ первый разъ, и С. первый воплотилъ на сценѣ Сквозника-Дмухановскаго, трудясь надъ ролью, подъ личнымъ руководствомъ Гоголя, и разработалъ свою роль съ чисто виртуозною отдѣлкою. Гоголь былъ доволенъ С-мъ. Не обладая даромъ играть бытовыя роли, С. хорошо игралъ плута-чиновника, но придавалъ ему общее значеніе: передъ зрителями былъ ловкій петербургскій плутъ—чиновникъ, но не захолустный пройдоха-городничій, другими словами, исполненіе С—мъ роли Сквозника-Дмухановскаго существенно отличалось отъ ея исполненія Щепкинымъ, который, подобно Гоголю, создавшему нашъ бытовой театръ, является создателемъ бытовой и сословной игры на сценѣ. Эта неспособность С-го къ бытовому и народному репертуару не позволила ему позднѣе выступить въ пьесахъ Островскаго, къ которому С. относился неодобрительно, не будучи въ состояніи понять великаго значенія народнаго театра, представителемъ котораго и былъ по преимуществу Островскій. Въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ С. пишетъ про Островскаго: «у насъ въ репертуарѣ все еще господствуютъ тулупчики и очищенная».

Тридцатые и сороковые годы—годы наибольшей дѣятельности С-го. Въ «Женитьбѣ» Гоголя онъ игралъ Кочкарева; въ «Игрокахъ»—Утѣшительнаго, въ пьесахъ Полевого: Полонія въ «Гамлетѣ», Руджіеро въ «Уголино», Брандта въ «Дѣдушкѣ русскаго флота» и въ «Парашѣ Сибирячкѣ» роль Прохожаго. Всѣ эти роли С-мъ игрались съ выдающимся успѣхомъ. Въ комедіи Александра Дюма «Кинъ» С. особенно хорошо исполнялъ роль суфлера Соломона. Благодаря А. М. Каратыгиной, въ Петербургѣ была поставлена пьеска Альфреда Мюссе (proverbe) «Un Caprice», въ переводѣ названная «Женскій умъ—лучше всякихъ думъ». Эта пьеска была потомъ исполнена французскими артистами въ Петербургѣ и, благодаря имъ,—въ Парижѣ. Такимъ образомъ пословицы Мюссе сдѣлались модными. Успѣхъ этой пьески съ Каратыгиной раздѣлялъ и С. въ роли графа Шавиньи. «Вся прелесть этого небольшого акта, говоритъ А. И. Вольфъ, авторъ «Хроники петербургскихъ театровъ», заключается, конечно, въ умѣніи тонко вести разговоръ такъ, чтобъ зритель забылъ, что онъ въ театрѣ, и представилъ бы себѣ, что передъ нимъ болтаютъ не актеры, а настоящіе свѣтскіе люди. Каратыгиной и Сосницкому удалось довести публику до такой иллюзіи. Со стороны русскихъ артистовъ это настоящій подвигъ. Въ нашихъ великосвѣтскихъ салонахъ тогда, также какъ и теперь, по-русски не разговаривали и потому нѣтъ ничего труднѣе, какъ вести свѣтскую болтовню (une causerie) на нашемъ родномъ языкѣ». Позднѣе, въ подражаніе пословицамъ Мюссе, была написана А. М. Жемчужниковымъ «Странная ночь», гдѣ С. въ роли Ардатова имѣлъ блестящій успѣхъ. Съ конца сороковыхъ годовъ, С. начинаетъ рѣже появляться на сценѣ. Выдающіяся роли этого періода и слѣдующихъ лѣтъ до его кончины были: стараго предводителя дворянства Балагалаева въ ко-

медіи Тургенева «Завтракъ у предводителя», генерала Бородавкина въ комедіи А. А. Потѣхина «Виноватая» и старичка Мыкогорева въ комедіи Минаева «Либералъ». Послѣднюю роль С. игралъ не задолго до своей кончины, будучи 77 лѣтъ отъ роду.

С., какъ преподаватель сценическаго искусства, прославился своею ученицею В. Н. Асенковой, изящный, граціозный талантъ которой онъ открылъ и образовалъ. Въ своей кратковременной жизни Асенкова играла почти неразлучно съ своимъ учителемъ, и въ нѣкоторыхъ водевиляхъ—«Гусарская стоянка» Орлова, гдѣ С. игралъ садовника Ивана, «Дѣвушка-гусаръ» Кони, С. стяжалъ лавры вмѣстѣ съ своей талантливой ученицей. Другая знаменитая ученица С-го—В. В. Самойлова, въ талантѣ которой много было родственнаго съ учителемъ: прекрасная декламація въ соединеніи съ изяществомъ свѣтскихъ манеръ.

С. женился въ 1817 г. на дочери извѣстнаго пѣвца Воробьева, Е. Я. Воробьевой, ученицѣ князя Шаховскаго. Въ частной жизни С. отличался гостепріимствомъ и товарищесгвомъ. Славились его субботы, гдѣ обычными гостями были Пушкинъ, Брюлловъ и много другихъ замѣчательныхъ людей того времени, бесѣда которыхъ съ радушнымъ хозяиномъ была ему особенно полезна въ его артистической дѣятельности.

1 апрѣля 1871 г. торжественно праздновался шестидесятилѣтній юбилей службы С-го въ Александринскомъ театрѣ, въ присутствіи Двора и избранной публики. Спектакль состоялъ изъ 2-го дѣйствія «Ревизора» и «Завтрака у предводителя», гдѣ С. выступилъ въ двухъ своихъ коронныхъ роляхъ. Императоръ Александръ II въ антрактѣ посѣтилъ старца-артиста въ его уборной и пожаловалъ ему бриллiантовое украшеніе на медаль, полученную имъ еще въ 1861 г. Погребенъ С. въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ.

«И. И. Сосницкій» Д. К—а, въ «Ежегодникѣ Императорскихъ Театровъ, сезонъ 1892—93 г.г.»—«Лѣтопись русскаго театра» Арапова.—«Хроника петербургскихъ театровъ» А. Вольфа.—«Записки» П. А. Каратыгина.—«Закулисная хроника» А. А. Нильскаго.—«Очеркъ исторіи русской сцены въ біографіяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», С. Бурковскаго.—«Письма И. И. Сосницкаго», «Русскій Вѣстникъ», 1882 г., № 8.—Сочиненія Бѣлинскаго.

П. Перелецкій.

Сосновскій, *Антонъ Юрьевичъ*, уніатъ, протоіерей Клещельской церкви Гродненской губ., извѣстный церковный дѣятель первой половины XIX вѣка, род. 18 января 1775 г. въ мѣстечкѣ Клещеляхъ, умеръ 3 марта 1852 г. тамъ же. С. былъ сынъ небогатаго сельскаго уніатскаго священника и начальное образованіе получилъ въ приходскомъ училищѣ родного мѣстечка. Въ 1783 г. поступилъ въ Бѣлостокское духовное училище, по окончаніи курса котораго перешелъ въ Супрасльскую семинарію, курсъ которой и окончилъ въ 1797 г. Въ 1799 г. былъ посвященъ въ священники и назначенъ викарнымъ священникомъ св. Николаевской Клещельской церкви. Въ 1805 г., по смерти отца, С. былъ назначенъ настоятелемъ Клещельской церкви и членомъ Супрасльскаго капитула, въ 1808 г. былъ сдѣланъ Дрогичискимъ благочиннымъ, а по присоединеніи Супрасльской епархіи къ Брестской вошелъ въ составъ членовъ и Брестскаго капитула. Въ 1810 г. С. получилъ званіе брестскаго каноника, въ 1819 г. выдержалъ экзаменъ на богословскомъ факультетѣ Виленскаго университета съ аттестатомъ на званіе экзаменованнаго богослова. Назначенный въ 1822 г. вице-предсѣдателемъ брестской консисторіи, С. пробылъ въ Брестѣ еще три года до 1825 г., когда былъ назначенъ оффиціаломъ Виленской митрополичьей консисторіи. По упраздненіи въ 1827 г. Виленской епархіи, С. былъ оставленъ за штатомъ и удалился въ свой Клещельскій приходъ, гдѣ и оставался настоятелемъ до самой своей смерти, нося званіе старшаго соборнаго протоіерея Жировицкой каѳедры.

Дѣятельность С-го клонилась, главнымъ образомъ, къ борьбѣ за самостоятельность и самобытность уніатской церкви сперва съ католическими элементами, іезуитами и базиліанскими монахами, а потомъ и съ православнымъ теченіемъ, старавшимся, въ лицѣ епископовъ Іосифа Сѣмашки и Василія Лужинскаго, присоединить уніатскую церковь къ православію. Уже въ началѣ 20-хъ гг. С. въ званіи члена брестскаго капитула старается вырвать вліяніе на уніатскія церковныя дѣла изъ рукъ базиліанскихъ монаховъ, захватившихъ всѣ церковныя имущества и проводившихъ свои католическіе взгляды съ помощью множества школъ и училищъ,

монополію на учрежденіе которыхъ они присвоили себѣ. Видя въ этомъ большую опасность для самостоятельнаго существованія уніатской церкви и замѣчая въ ней уже сильное уклоненіе отъ греческихъ обрядовъ, С. рѣшилъ для противодѣйствія вліянію монаховъ выдвинуть значеніе бѣлаго духовенства, поднять его матеріальное благосостояніе и увеличить его просвѣтительное значеніе. Поддерживаемый своими товарищами по капитулу, онъ началъ цѣлую кампанію противъ базиліанъ: посылалъ въ Петербургъ протесты противъ незаконныхъ дѣйствій монаховъ базиліанскаго ордена, писалъ доклады по разнымъ вопросамъ, касающимся благосостоянія уніатской церкви, хлопоталъ, какъ у своего епархіальнаго начальства, такъ и въ Петербургѣ, доходилъ даже до Двора, добиваясь главнымъ образомъ разрѣшенія бѣлому духовенству основывать свои семинаріи и отнятія у базиліанъ наиболѣе богатыхъ приходовъ, отнятыхъ ранѣе базиліанами у бѣлаго духовенства и превращенныхъ ими въ монастыри. Къ этому времени относится его извѣстная записка «О средствахъ поднятія просвѣщенія въ уніатскомъ духовенствѣ» (напечатана въ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1874 г., №№ 19—24). Его дѣятельность почти не встрѣчала поддержки: уніатскій митрополитъ Іосафатъ Булгакъ покровительствовалъ базиліанамъ и относился враждебно къ начинаніямъ С-го, а тогдашній министръ иностранныхъ исповѣданій князь Голицынъ мало обращалъ вниманія на дѣла уніатской церкви и болѣе содѣйствовалъ базиліанамъ, чѣмъ Брестскому капитулу. Высочайшее повелѣніе 1822 г. о закрытіи нѣкоторыхъ базиліанскихъ монастырей и о воспрещеніи принимать въ орденъ лицъ католическаго исповѣданія оставалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ неисполненнымъ, неисполненнымъ же оставался и указъ объ основаніи семинаріи для бѣлаго духовенства, несмотря на всѣ протесты и хлопоты С-го. Только уже въ званіи оффиціала Виленской консисторіи С. успѣлъ провести нѣкоторыя реформы: онъ успѣлъ привести въ порядокъ дѣла консисторіи, доказать принадлежность нѣкоторыхъ церковныхъ имѣній бѣлому духовенству, отнять ихъ у базиліанъ и основать главную семинарію для бѣлаго духовенства въ Жировицахъ. Значительно измѣнилось положеніе дѣлъ съ перемѣной министра. Лишь только вступилъ на мѣсто князя Голицына извѣстный адмиралъ Шишковъ, какъ въ уніатской церкви начались коренныя реформы. Высочайшимъ указомъ 1827 г. постановлено допускать къ постриженію въ монахи только лицъ, знакомыхъ съ славянскимъ языкомъ и лишь изъ среды греко-уніатскаго духовенства, и учредить училища для уніатскаго духовенства на славянскомъ языкѣ. Этимъ указомъ наносился рѣшительный ударъ тенденціямъ базиліанскаго ордена, но политика русскаго правительства на этомъ не остановилась. Вновь поставленные уніатскіе епископы начали сильную агитацію среди мелкаго духовенства своихъ епархій въ пользу присоединенія уніатской церкви къ православію. С., такъ долго отстаивавшій родную ему уніатскую церковь отъ вліянія католицизма, не могъ остаться равнодушнымъ, когда начала угрожать опасность со стороны православія. Онъ сталъ противодѣйствовать агитаціи епископа Сѣмашки и по доносу своихъ враговъ въ ноябрѣ 1838 г. былъ арестованъ и отданъ подъ судъ. Епархіальное начальство рѣшило сослать его послушникомъ въ Костромской монастырь; однако вскорѣ С. получилъ помилованіе и остался на прежнемъ мѣстѣ въ Клещеляхъ. Послѣ возсоединенія уніатовъ С. уже не проявлялъ никакихъ признаковъ недовольства и спокойно жилъ до смерти въ своемъ приходѣ.

Не чуждъ былъ С. и научно-литературной дѣятельности. Нуждаясь для своей полемики съ базиліанами въ старинныхъ документахъ, С. старательно разыскивалъ ихъ въ монастырскихъ и церковныхъ архивахъ и библіотекахъ, нашелъ много древнихъ памятниковъ и рукописей, большую часть которыхъ передавалъ извѣстному западно-русскому историку Бобровскому и варшавскому профессору Шиманскому. Изъ трудовъ самого С-го извѣстны: «Объясненія Брестскаго уніатскаго капитула на вопросы митр. І. Булгака относительно его возникновенія, правъ, фундушей и современнаго (1819) состоянія» (Акты Виленской Археогр. Коммисіи, т. XVI № 231); «Объясненія каноника Ант. Сосновскаго о незаконномъ взиманіи латинскимъ духовенствомъ десятины съ рус-

скихъ уніатовъ» (1824) (Акты Вил. Арх. Ком., т. XVI № 233); «О потребности и способахъ просвѣщенія простого народа» (въ рукописи); «Библіографическая записка о книгѣ «Апокрисисъ» (въ рукописи).

Бобровскій, «А.Ю. Сосновскій», Спб., 1890 г.—Его же, «Къ біографіи А. Ю. Сосновскаго», Спб., 1892 г. Его же, «Матерьялы къ исторіи русской греко-уніатской церкви».—Его же, «Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Александра I-го», Спб. 1891 г.—Толстой, «Римскій католицизмъ въ Россіи», т. II.—«Записки митр. Іосифа Сѣмашко», т. I и III.—Кояловичъ, «Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ».—«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1891, №№ 5—7.—«Литовскія Епархіальныя Вѣдомости», 1888 г., №№ 49, 51, 52, 1889 г. №№ 1—6, 1874 г. №№ 19—24.

Е. Лихачъ.

Сосногорова, *Марія Александровна,* писательница, урожденная Данненбергъ. Родилась около 1820 г. и въ началѣ 1830-хъ гг. вмѣстѣ съ родителями переѣхала въ Крымъ. Здѣсь она вышла замужъ за офицера Славича (впослѣдствіи генералъ-маіора) и во время своихъ частыхъ поѣздокъ прекрасно изучила край. Свою литературную дѣятельность она начала въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ помѣщались ея статьи о крымскихъ достопримѣчательностяхъ и гдѣ въ 1869 г. (№№ 194 и 196) были напечатаны ея воспоминанія о Крымской кампаніи. Затѣмъ С. сотрудничала въ «Русскомъ Вѣстникѣ», гдѣ въ числѣ другихъ ея статей особенно замѣчательна: «Металлическіе памятники въ Крыму» («Русскій Вѣстникъ» 1875 г., т. 118, № 7, стр. 266—287). Кромѣ того въ 1878 г. С., вмѣстѣ съ Карауловымъ, издала прекрасный «Путеводитель по Крыму», выдержавшій пять изданій (въ 1871, 1874, 1880, 1883, 1889 гг.) и пользовавшійся широкою популярностью какъ за полноту своего содержанія, такъ особенно за ту массу интересныхъ историческихъ свѣдѣній о крымскихъ памятникахъ, которымъ издатели отвели большую часть «Путеводителя». Скончалась С. въ глубокой старости въ Крыму, въ окрестностяхъ Алушты, въ срединѣ декабря 1891 г. Псевдонимъ *Сосногорова* есть переводъ на русскій языкъ ея шведской дѣвичьей фамиліи—Данненбергъ.

«Историческій Вѣстникъ», 1892 г., № 2.—«Новое Время», 1891 г, № 5682.—«Путеводитель по Крыму» (Сосногоровой и Караулова), М. 1889 г. стр. I—II.—«Русскій Календарь» на 1894 г.—«Всеобщій Календарь» на 1894 г..—«Энциклопедическій Словарь», изд. Брокгауза и Ефрона, т. 30, стр. 9221.

Е. Я.

Софія Алексѣевна, царевна, правительница Московскаго государства, 6-ое дитя царя Алексѣя Михаиловича отъ брака его съ Маріей Ильиничной Милославской, род. въ сентябрѣ (17-го) 1657 г. Правительницей была съ 29 мая 1682 г. по 7 сентября 1689 г. Пострижена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ подъ именемъ Сусанны 21 октября 1698 года. Скончалась въ 1704 г., 3 іюля, погребена 4 іюля.

Для исторіи царевны С-и до появленія ея на политическомъ поприщѣ сохранились свѣдѣнія отрывочныя и случайныя. Въ Дворцовыхъ Разрядахъ подъ 1657 г. записано, что «Сентября въ 17 день родися Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михаиловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу дщерь, Государыня Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна». Рожденіе ея было отпраздновано по чину: «1-го октября, для рожденія Государыни Царевны и Великія Княжны Софіи Алексѣевны ѣли у Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича: святѣйшій патріархъ Никонъ, да служилые царевичи и царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ». Такіе обѣды въ честь Великой Княжны С-и бывали при жизни ея отца и впослѣдствіи. 4 октября 1657 г. царевну окрестили; крестилъ ее самъ патріархъ Никонъ въ Успенскомъ соборѣ. Крестины сопровождались богатымъ пиромъ. Этимъ-бы и должны быть исчерпаны всѣ свѣдѣнія о жизни царевны С-и. Однако, даже объ ея теремномъ пребываніи мы знаемъ больше. Вѣдь время ея жизни было тревожное, переходное время; Русь тогда дошла до грани, отдѣлявшей ее отъ иной, чуждой жизни, и если грань эта еще и не была перейдена, то все-же на Москвѣ не мало уже было людей, понявшихъ, что можно жить и не по завѣту предковскому, что и отъ еретическаго запада можно кое чѣмъ позаимствоваться. Царь Алексѣй стоялъ въ рядахъ такихъ новаторовъ; правда, его мягкій и даже слабый характеръ не давалъ ему возможности сдѣлаться реформаторомъ, но его тонкій, наблюдательный

умъ показывалъ ему за рубежомъ не мало примѣровъ для подражанія. Поэтому теперь строго-византійскій чинъ жизни московскаго двора смягчается, и теремныя затворницы получаютъ возможность хоть однимъ глазомъ выглянуть на свѣтъ Божій; молодость дочерей царя Алексѣя протекла уже совершенно иначе, чѣмъ молодость его сестеръ.

Теремъ московскихъ царевенъ раскрылъ свои двери для мужчинъ. Въ числѣ первыхъ, проникшихъ въ эти запретные прежде покои, былъ извѣстный Симеонъ Полоцкій. Онъ давалъ уроки царскимъ дочерямъ, и С. была одной изъ усерднѣйшихъ его учениць. Внѣшними дарами природа обдѣлила царевну С-ю: она не была красива; говорятъ, даже была безобразна—невысокаго роста, полная, съ громадной головой; но за то душевными своими качествами она, по словамъ Полоцкаго и его ученика Медвѣдева, оправдывала свое имя; это была, какъ говоритъ про нее одинъ изъ ея враговъ, «дѣва великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная». Постоянное общеніе съ такими свѣтилами науки того времени, какъ Симеонъ Полоцкій, Сильвестръ Медвѣдевъ и Каріонъ Истоминъ развило ея природный умъ, сдѣлало ее одной изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени, начитанной въ обычномъ тогда кругѣ литературныхъ произведеній—въ писаніяхъ духовныхъ: житія—преимущественно святыхъ женъ, поученія—все это было прочитано и изучено царевною, какъ на то намекаютъ Истоминъ и Медвѣдевъ въ тѣхъ виршахъ, которыя они ей посвящали и подносили. Наряду съ иными новшествами въ царскій дворецъ, и даже въ теремъ, проникли комидійныя дѣйства—театральныя представленія; Симеонъ Полоцкій ставилъ здѣсь свои сценическія произведенія: трагедію о Навуходоносорѣ, комедію о блудномъ сынѣ. Говорятъ, сама С. принимала участіе въ этихъ представленіяхъ. Болѣе того, царевна не останавливалась даже предъ самостоятельнымъ творчествомъ; она писала стихи, и до насъ дошла стихотворная надпись, составленная ею къ портрету князя В. В. Голицына. По мѣрѣ того, какъ жизнь теремныхъ затворницъ дѣлалась свободнѣе, свободнѣе становились и ихъ нравы; затворничество естественно вызываетъ потребность любви, привязанности, и въ терему царевенъ нашлись и предметы такой привязанности. Вслѣдъ за учеными монахами въ теремъ царевенъ стали проникать и другія лица, болѣе или менѣе близкія къ царскому семейству. При жизни царя Алексѣя это были по преимуществу представители семьи Милославскихъ—Нарышкины еще не свили себѣ прочнаго гнѣзда во дворцѣ,—при царѣ Ѳеодорѣ сюда попалъ и кн. В. В. Голицынъ. Этотъ даровитый человѣкъ, не чуждый западной культуры и свободный отъ многихъ старо-русскихъ предразсудковъ, обратилъ на себя вниманіе царевны С-и, и скоро произошло ихъ сближеніе, основанное на теплой сердечной взаимной привязанности; такъ сложилась и протекла жизнь царевны С-и до смерти ея брата Ѳеодора, до ея появленія на поприщѣ политической дѣятельности. Есть, правда, смутный намекъ, дающій возможность думать, что уже и при кончинѣ царя Алексѣя С. оказала нѣкоторое вліяніе на назначеніе наслѣдникомъ престола именно Ѳеодора, но свѣдѣніе это, не представляя собою ничего невѣроятнаго, тѣмъ не менѣе мало правдоподобно.

Впервые на политической сценѣ С. является у смертнаго одра своего брата, царя Ѳеодора. Обстоятельства придворной и государственной жизни въ это время сложились такъ, что дѣйствительно царевна не могла остаться бездѣятельной. Въ царствованіе болѣзненнаго, слабаго Ѳеодора его живыя, энергичныя сестры поневолѣ должны были пользоваться вліяніемъ на дѣла, хотя-бы потому, что различные придворные «ласковцы», желая упрочить свое положеніе, обратились къ тѣмъ именно членамъ царскаго дома, связь съ которыми могла быть наиболѣе прочной и долговременной. Терять это вліяніе царевны, и особливо честолюбивая С., не хотѣли—тѣмъ болѣе, что дѣло шло не объ одной лишь потерѣ вліянія: у постели умирающаго царя Ѳеодора снова столкнулись въ борьбѣ за корону партіи Милославскихъ и Нарышкиныхъ. При воцареніи Ѳеодора естественно первая партія взяла верхъ, и царевны не отказали себѣ въ зломъ удовольствіи свести счеты съ мачехой, царицей

Натальей, и ея семьей. Не пощадивъ ее въ свое время, онѣ едва-ли могли ждать отъ нея пощады, и потому появленіе царевны С-и въ палатахъ больного брата, внимательный уходъ за больнымъ, старанія развлечь его, облегчить ему его страданія—все это было вызвано чувствомъ самосохраненія: царевна приготовлялась къ борьбѣ, отъ которой не могла уклониться. Здѣсь-же, среди окружавшихъ царя бояръ, С. ищетъ себѣ сторонниковъ, пособниковъ; надо однако-же сознаться, что врядъ-ли многихъ могла расположить царевна въ свою пользу, въ пользу кандидатуры своего скорбнаго главою брата Іоанна; прежде всего, уже одна болѣе или менѣе правильная оцѣнка Іоанна и Петра должна была заставить большинство бояръ склониться на сторону послѣдняго: Іоанну можно было поставить въ упрекъ его слабоуміе, Петру—его молодость: но послѣдній недостатокъ съ годами проходитъ, тогда какъ первый лишь усиливается. Съ другой стороны, родовитое боярство, помня, что царь Ѳеодоръ и кн. В. В. Голицынъ уничтожили мѣстничество, должно было стать за Петра, тѣмъ болѣе что въ его малолѣтство эта родовая знать могла надѣяться возстановить свое значеніе. Такимъ образомъ домогательства С-и заранѣе должны были потерпѣть неудачу. И дѣйствительно, когда 27 апрѣля 1682 г. не стало царя Ѳеодора, всѣ условія успѣха были скорѣе на сторонѣ партіи Нарышкиныхъ. Не смотря на открытое недовольство царевенъ, царемъ сталъ Петръ.

Избраніе младшаго брата помимо старшаго являлось пораженіемъ партіи Милославскихъ и торжествомъ ненавистной царевнамъ мачехи. Естественно потому, что царевны не могли сдержать своихъ чувствъ, и наиболѣе рѣшительная изъ нихъ, С. не побоялась даже вынести на улицу, въ народъ, семейный раздоръ, царившій во дворцѣ. Въ день похоронъ Ѳеодора, она, вопреки всѣмъ обычаямъ и приличіямъ, приняла участіе въ погребальномъ шествіи, громко и, какъ кажется непритворно, убиваясь, причитая, что царя Ѳеодора отравили враги зложелательные, и моля не губить ее съ братомъ Иваномъ, котораго вражьими происками на царство не взяли, а отпустить ихъ живыми въ чужія земли. Разумѣется все это являлось открытымъ скандаломъ, и нѣтъ ничего страннаго, что царица Наталья съ малолѣтнимъ царемъ, не терпя соблазна, не достояла церковной службы; царевны не упустили случая увидѣть въ этомъ, и другимъ показать, враждебное отношеніе одной царской семьи къ другой.

Имѣя вліятельныхъ и энергичныхъ сторонниковъ, вродѣ кн. В. В. Голицына и боярина Ив. М. Милославскаго, царевна С. однако-же не считала еще своего дѣла проиграннымъ—тѣмъ болѣе, что положеніе Нарышкинскаго правительства отнюдь нельзя было назвать прочнымъ. Еще событія царствованія Ѳеодора Алексѣевича поставили правительство лицомъ къ лицу съ назрѣвшей смутой, возникшей на почвѣ различныхъ чиновничьихъ злоупотребленій, возбудившихъ смуту среди московскихъ стрѣльцовъ, въ войскѣ избалованномъ и мало дисциплинированномъ. Не встрѣчая поддержки со стороны царя Петра, стрѣльцы естественно должны были обратить свои надежды въ сторону царевича Іоанна. Этимъ тревожнымъ настроеніемъ стрѣлецкой массы—а въ Москвѣ было 19 стрѣлецкихъ полковъ, то-есть около 20.000 человѣкъ стрѣльцовъ—и воспользовалась царевна С-я со своею партіей. Нельзя ее обвинять въ созданіи стрѣлецкаго мятежа, но трудно было-бы ждать отъ нея, чтобы она этимъ мятежомъ въ своихъ видахъ не воспользовалась. Ея сторонники—преимущественно Ив. М. Милославскій, сошлись съ вліятельными стрѣлецкими начальниками—Циклеромъ, Озеровымъ и другими, и начали мутить стрѣлецкіе полки; между теремомъ царевенъ и стрѣлецкой слободой существовали постоянныя пересылки.

Утромъ 15 мая 1682 г. вспыхнулъ стрѣлецкій мятежъ, несомнѣнно руководимый сторонниками партіи Милославскихъ. Стрѣльцы съ барабаннымъ боемъ, съ пальбой вломились въ Кремль, крича, что идутъ мстить за царевича Іоанна, будто-бы изведеннаго Нарышкиными. Сверху выслали уговаривать мятежниковъ князя Ив. Андр. Хованскаго, боярина любимаго и уважаемаго стрѣльцами за доброту характера и за привязанность къ старымъ обычаямъ и даже къ старой вѣрѣ; кромѣ того, царица Наталія могла думать, что этотъ родовитый вельможа

будетъ стоять за нее. Стрѣльцы Хованскаго не послушались, и тогда, въ видѣ рѣшительнаго средства, царица вывела къ бунтовщикамъ на Красное крыльцо и царевича Іоанна, и царя Петра: пусть видятъ свою ошибку и поймутъ свое преступленіе. Есть извѣстіе, что выходила на Красное Крыльцо и царевна С. и, видя, что стрѣльцы готовы успокоиться, дала коварный совѣтъ выкатить имъ нѣсколько бочекъ вина, пославъ имъ въ то же время сказать: «ежели по росписи сей день не будутъ побиты, заутра отъ нихъ воспослѣдуетъ имъ зло». Какъ-бы ни было, а стрѣльцы не только не успокоились, а простерли свою дерзость до того, что ворвались въ царскія палаты и принялись избивать своихъ враговъ—наиболѣе вліятельныхъ лицъ Нарышкинскаго правительства, бывшихъ въ то же время и врагами царевны С-и. Разыскивая своихъ жертвъ, стрѣльцы побывали во всѣхъ закоулкахъ дворца, не входили только въ покои С-и. Правительство, растерявшись, не въ силахъ было совладать съ разнузданной массой, и вліяніе на дѣла естественно перешло къ тѣмъ, кто умѣлъ и хотѣлъ ею руководить—къ С—и и къ князю Хованскому; всѣ свидѣтели этихъ страшныхъ дней единогласно называютъ этихъ двухъ лицъ, какъ распорядителей и повелителей стрѣлецкой массы.

Стрѣльцы успокоились, лишь когда 17 мая имъ былъ выданъ на смерть братъ царицы, Ив. К. Нарышкинъ; его молва винила въ покушеніи на убійство царевича Іоанна, и стрѣльцы, являясь спасать царскій родъ, не могли оставить его въ живыхъ. Царица Наталія, нѣсколько дней прятавшая брата въ покояхъ вдовы Θеодора, царицы Марθы, которая одновременно и пользовалась симпатіями стрѣльцовъ, и была «въ любовномъ союзѣ» съ царицей Натальей, вынуждена была теперь выдать его стрѣльцамъ; ее убѣждали этой жертвой положить конецъ кровопролитію и бояре, и сама С. «остро» говорила царицѣ о необходимости отдать Ивана Кирилловича. Давъ ему въ руки образъ, она сама вмѣстѣ съ царицей-мачехой вывела несчастнаго Нарышкина стрѣльцамъ; тѣ его схватили и умертвили мучительною смертью.

Трудно обвинять при этомъ С—ю въ лицемѣріи: гибель Ивана Нарышкина ей лично едва-ли была нужна, и она искренно могла думать, что стрѣльцы будутъ остановлены страхомъ святыни и уваженіемъ къ лицамъ царствующаго дома.

Мятежники, перебивъ своихъ враговъ, тѣмъ самымъ избили противниковъ С—и, ослабили Нарышкинскую партію. Оставалось теперь лишь воспользоваться плодами событій. 18 мая, стрѣльцы, сойдясь къ Постельному крыльцу, то есть поближе къ терему, заявили царевнамъ, что неправильно царствуетъ младшій братъ помимо старшаго, а потому надо воцариться и Іоанну Алексѣевичу. Невольно напрашивается вопросъ, почему С. удовлетворилась лишь избраніемъ Іоанна, а не добилась и низложенія Петра; отвѣтомъ на это можетъ служить то соображеніе, что здѣсь расходились интересы С—и и Хованскаго; послѣднему совсѣмъ не было разсчета чрезмѣрно увеличивать власть С—и, а вмѣстѣ съ нею—и ненавистнаго старому князю Милославскаго; что это было такъ, косвенно подтверждается и позднѣйшимъ назначеніемъ молодого Ив. Ив. Хованскаго комнатнымъ стольникомъ именно къ царю Петру и тѣмъ благоволеніемъ, какое впослѣдствіи Петръ всегда оказывалъ роду Хованскихъ.

Однако, въ настоящую минуту С. была довольна и тѣмъ, что уже было достигнуто. Щедро наградила она стрѣльцовъ—19 мая имъ были пожалованы заслуженныя, но невыданныя имъ деньги—240.000 рублей, да въ награду по 10 рублей на брата, да животы побитыхъ бояръ,—но просьбу ихъ исполнить не согласилась; не хотѣлось ей, чтобъ власть царя Іоанна имѣла революціонное происхожденіе. Лишь когда 26 мая—правда не безъ давленія со стороны стрѣльцовъ—состоялся приговоръ бояръ и всѣхъ чиновъ людей объ избраніи на царство и Іоанна, царевна сама дала и брата склонила дать на это свое согласіе. Но этого было еще мало; царица Наталія могла править и за двухъ недѣеспособныхъ царей, какъ прежде правила за одного. Оставалось сдѣлать лишь послѣдній шагъ; стрѣльцы потребовали, и требованіе ихъ было исполнено: 29 мая правительницей за малолѣтнихъ государей стала Софія. Патріархъ Іоакимъ благословилъ ее на правленіе; по обычаю

она сперва отрекалась, наконецъ соизволила и дала свое согласіе. Немедленно по всѣмъ городамъ разослана была грамота, извѣщавшая русскихъ людей о происшедшемъ и пытавшаяся освятить захватъ власти царевной ссылками на византійскую царевну Пульхерію.

Первымъ дѣломъ новаго правительства было—организоваться; первою заботою правительницы стало занять всѣ правительственные посты своими людьми; люди эти были: бояре кн. В. В. Голицынъ, Ив. М. Милославскій, кн. Ив. Б. Троекуровъ, В. С. Волынскій, Ив. Ѳ. Бутурлинъ, кн. Н. Ив. Одоевскій, кн. Ѳ. С. Урусовъ, окольничіе И. П. Головинъ, Ив. Ѳ. Волынскій, М. Ст. Пушкинъ, стольники кн. Андр. Ив. Хованскій, кн. М. и В. Жировые-Засѣкины, думные дворяне В. Андр. Змѣевъ, Б. Ѳ. Полибинъ, А. Ив. Ржевскій, Ив. П. Кондыревъ, думные дьяки В. Семеновъ, Ем. Украинцевъ—за немногими исключеніями все не первыя имена московской родовой аристократіи. Совершенно особнякомъ среди нихъ стоитъ имя князя Ив. Андр. Хованскаго—начальника стрѣлецкаго войска; онъ не былъ сторонникомъ С—и, но не она и назначила его на этотъ постъ. Хованскій во время смуты самъ, силою вещей, сдѣлался стрѣлецкимъ начальникомъ. Разумѣется, онъ, одинъ изъ столповъ московскаго боярства, не могъ сочувствовать слишкомъ уже неродовитой правительственной средѣ, созданной партіей Милославскихъ. С., въ свою очередь, имѣла достаточно причинъ быть имъ недовольной; она работала при помощи стрѣльцовъ, а теперь эти стрѣльцы оказываются въ рукахъ Хованскаго; онъ, своимъ вліяніемъ на эту вооруженную массу, былъ ей прямо неудобенъ, тѣмъ болѣе что она и за сторонника своего его считать не могла; онъ—злѣйшій врагъ ея родственника Милославскаго, онъ женился на вдовѣ погибшаго во время мятежа Нарышкинскаго слуги думнаго дьяка Ларіона Иванова, его семья имѣла связи съ партіей Нарышкиныхъ—все это дѣлало для С—и необходимымъ рано или поздно отъ Хованскаго отдѣлаться.

Пока, однако, въ Москвѣ царила страшная анархія; правительство царевны не успѣло еще осмотрѣться, и поневолѣ приходилось считаться и съ Хованскимъ, и со стрѣльцами. Поневолѣ царевна должна была поэтому 6 іюня исполнить новыя требованія стрѣльцовъ: ихъ выборные получили безпрепятственный доступъ въ царевнины покои, стрѣлецкое войско получило звучный и почетный титулъ «надворной пѣхоты», и въ память майскихъ убійствъ, за то что стрѣльцы «постояли за домъ Пресвятой Богородицы и за Государей», имъ даны были похвальныя грамоты и повелѣно было воздвигнуть на Красной площади столпъ, съ прописаніемъ «подвиговъ» стрѣльцовъ и «измѣнъ» ихъ жертвъ. Со стороны стрѣльцовъ это, разумѣется, являлось попыткой оправдать себя предъ всею русскою землею, мщенія которой за майскія событія надворная пѣхота страшилась.

Сдѣланныя С—ей уступки придали смѣлости стрѣльцамъ и всѣмъ, кто на нихъ опирался, то есть князю Хованскому и его собратіи по вѣрѣ, раскольникамъ; въ рядахъ надворной пѣхоты, вдобавокъ, было не мало приверженцевъ старой, дониконовской вѣры. Раскольники, видя могущество стрѣльцовъ, задумали использовать его въ своихъ выгодахъ; уже черезъ три дня по окончаніи майскаго мятежа, въ полку Титова заговорили и о томъ, что надо за вѣру постоять; нашлись и стояльцы, во главѣ ихъ извѣстный Никита Пустосвятъ и инокъ Сергій. Князь Хованскій, заручившись предварительно обѣщаніемъ стрѣльцовъ поддержать его, сталъ ходатайствовать предъ правительницей о пересмотрѣ религіознаго вопроса, и настояніями своими вынудилъ правительство допустить извѣстное преніе о вѣрѣ въ Грановитой Палатѣ 5 іюля. Одного лишь не удалось добиться Хованскому: не смотря на всѣ запугиванья, С. твердо пожелала сама присутствовать на соборѣ, и потому его засѣданіе пришлось перенести съ площади, гдѣ, разумѣется, раскольники чувствовали бы себя свободнѣе, въ Грановитую палату. Религіозный диспутъ, какъ и надо было ожидать, породилъ настоящій соблазнъ; дѣло едва не дошло до драки между православными и сектантами, лишь личное вмѣшательство С—и спасло Аѳанасія, архіепископа Холмогорскаго, отъ побоевъ; раскольники поносили память царей Алексѣя и Ѳеодора, а когда правительница со слезами протестовала, грозя уйти съ царства, въ рядахъ рас-

кольниковъ-стрѣльцовъ послышались возгласы: «пора, государыня, давно вамъ въ монастырь, полно царствомъ-то мутить!». Но С—ю этимъ трудно было запугать; она знала настроеніе стрѣлецкаго войска, знала, что оно, боясь возмездія со стороны земли за майскіе дни, ни за что не разойдется съ правительствомъ, и смѣло говорила поэтому стрѣлецкимъ выборнымъ: «все это изъ-за васъ, на васъ надѣются раскольники. Если такъ и дальше будетъ, нельзя царямъ здѣсь жить. Пойдемъ въ другіе города и возвѣстимъ всему народу о такомъ непослушаніи и разореніи». Этою угрозою со стрѣльцами можно было сдѣлать что угодно; они отступились отъ раскольниковъ, главари сектантовъ были захвачены и разосланы въ дальнюю ссылку; Никита Пустосвятъ поплатился за свою дерзость головой. Мужество, самообладаніе и настойчивость царевны доставили ей побѣду.

Споръ о вѣрѣ долженъ былъ ускорить развязку давно подготовлявшагося столкновенія между царевною и Хованскимъ. С. могла убѣдиться въ своей власти надъ стрѣлецкой массой; двусмысленное же поведеніе Хованскаго, потакавшаго раскольникамъ, должно было его окончательно разссорить со дворомъ. Сознаніе такого разрыва побуждало стараго князя усиленно дѣйствовать и, сообразно его характеру, еще болѣе усиленно говорить. Онъ всѣми мѣрами старается привязать къ себѣ стрѣльцовъ, чтобъ обезпечить за собой ихъ поддержку въ рѣшительный моментъ.

Видя, что Хованскій началъ приготовляться къ борьбѣ—скрыть приготовленій онъ не сумѣлъ,—правительница рѣшила покончить съ нимъ прежде, чѣмъ онъ будетъ готовъ. Какъ и всегда, различные темные, тревожные слухи предшествовали рѣшительнымъ событіямъ. Софія воспользовалась однимъ изъ такихъ слуховъ, быть можетъ даже сама и создала его: болтали по Москвѣ, что 19 августа, на крестномъ ходу въ Донской монастырь, предположено избить весь царствующій домъ, исключая царевну Екатерину Алексѣевну; молва говорила, что сынъ Хованскаго, князь Андрей хочетъ на ней жениться, и царствовать на Руси будетъ родъ князей Хованскихъ. Какъ ни вздоренъ былъ этотъ слухъ, правительница воспользовалась имъ, чтобъ привести въ исполненіе свою давнишнюю угрозу: 20 августа дворъ покинулъ Москву и переѣхалъ въ Коломенское. Стрѣльцы переполошились и послали къ царевнѣ выборныхъ узнать, почему царское семейство уѣхало изъ Москвы; С. отвѣчала, что такіе «походы» царей въ Коломенское всегда бывали и не представляютъ собою ничего необычнаго, но сама тѣмъ временемъ подготовляла рѣшительный ударъ, стягивая подъ Москву понемногу служилое дворянское ополченіе. Явился въ Коломенское и Хованскій. Думая запугать правительницу, онъ сталъ грозить ей безпорядками со стороны новгородскаго дворянства: съ Новгородомъ у князя Хованскаго были давнишнія связи; еще въ 1679 г. онъ съ Новгородскими полками берегъ порубежныя мѣста отъ вражьихъ набѣговъ. Но онъ не зналъ, что новгородцы-дворяне, очевидно, чтобы очистить себя отъ всякаго подозрѣнія въ союзѣ съ врагомъ правительства, прислали С—и изъявленіе готовности постоять за государей. Поэтому С., въ свою очередь, могла испугать Хованскаго предложеніемъ произвести слѣдствіе по его заявленію; уличенный въ неправдѣ, князь молилъ оставить его слова безъ послѣдствій.

Чтобы приготовленія къ борьбѣ были менѣе замѣтны, дворъ постоянно мѣнялъ свое мѣстопребываніе; изъ Коломенскаго, куда ей удалось вызвать, вопреки желанію Хованскаго, стремянной полкъ, С. переѣхала въ Воробьево, отсюда—въ Павловское, далѣе—въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, опять въ Павловское, въ Хлябово и, наконецъ, въ Воздвиженское. Къ этому времени, то-есть къ 14-му сентября, приготовленія правительницы были кончены; недоставало лишь поводовъ къ расправѣ съ Хованскимъ; не смотря на всю свою неосторожность и несдержанность, старый князь не давалъ предлоговъ покончить съ нимъ.

Тогда пущено было въ ходъ довольно обычное въ такихъ случаяхъ средство—подметныя письма; въ этихъ извѣтахъ правительству, неизвѣстные доброжелатели доносили о самыхъ ужасныхъ замыслахъ князя Ив. Андр. Хованскаго и его старшаго сына.

Теперь можно было повести дѣло къ развязкѣ. 17 сентября, къ тезоименитству

царевны, съѣхались изъ Москвы въ Воздвиженское бояре; ждали и Хованскихъ, которымъ отправили для пущей вѣрности еще особое приглашеніе на встрѣчу гетманскаго сына. Собравшееся боярство приглашено было къ столу, пили за здравіе царевны, а затѣмъ тотчасъ-же началось у С—и «сидѣніе» съ боярами по поводу Хованскихъ. Думный дьякъ Шакловитый—одна изъ восходящихъ звѣздъ новаго правительства—прочелъ длинный списокъ различныхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ провинностей Хованскаго. Выслушавъ этотъ обвинительный актъ, дума постановила, даже безъ допроса обвиняемыхъ, казнить князя Ивана и сына его князя Андрея смертью. Князей привезли въ Воздвиженское, наскоро сказали имъ ихъ вины и, не слушая ихъ оправданій, поспѣшили привести въ исполненіе приговоръ. Думаютъ, что С. этимъ хотѣла уничтожить слѣды своего участія въ стрѣлецкой смутѣ; проще, кажется, предположить, что ей надо было нагнать страхъ на стрѣльцовъ, и цѣли своей она, надо сознаться, достигла.

Какъ ни смотрѣть на дѣло Хованскаго, а главными причинами его гибели приходится считать то, что онъ осмѣлился стать С—и поперекъ дороги, захвативъ власть надъ стрѣльцами, а также и его несомнѣнныя связи съ партіей царя Петра. Замѣчательно, что младшій сынъ Хованскаго говорилъ впослѣдствіи стрѣльцамъ, будто казнь эта учинена безъ указа великихъ государей и безъ розыска. Это правда; Петръ, или вѣрнѣе окружающіе его, никогда не дали-бы согласія на казнь человѣка, столь удобнаго имъ уже потому, что такъ неудобенъ онъ былъ для С—и.

Уже само по себѣ удаленіе двора изъ Москвы было тяжелымъ ударомъ для стрѣльцовъ, и они находились за послѣднее время въ постоянномъ волненіи. Теперь вѣсть о казни Хованскихъ и о грозныхъ боевыхъ приготовленіяхъ правительства, принесенная въ Москву младшимъ Хованскимъ и какимъ-то Языковымъ, заставила стрѣльцовъ подняться такъ грозно, что дворъ, потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ успокоить надворную пѣхоту, поспѣшилъ ради безопасности удалиться къ Троицѣ. Тамъ собралось значительное число служилыхъ людей, и это заставило стрѣльцовъ призадуматься. Правительница, ободреная сборомъ земской рати, отправила на Москву, для управленія городомъ, М. П. Головина. При его посредствѣ, а главное при участіи патріарха, состоялось примиреніе правительницы и стрѣльцовъ; надворная пѣхота принесла повинную и была прощена, но на условіяхъ: мятежей не заводить, выдать заводчиковъ, не своевольничать, повиноваться начальству, не укрывать въ своихъ рядахъ бѣглыхъ крестьянъ и всякихъ бродягъ, не вступаться въ дѣло Хованскихъ.

Но этого было мало; надо было въ стрѣльцахъ уничтожить самую память о майскихъ дняхъ. Потому имъ было внушено подать челобитную о разореніи столпа-памятника ихъ подвиговъ: столпъ былъ уничтоженъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ у стрѣльцовъ отняли громкое званіе надворной пѣхоты, замѣнивъ его прежнимъ наименованіемъ. Во главѣ стрѣльцовъ былъ поставленъ энергичный окольничій Змѣевъ, и тогда лишь, 6 ноября, дворъ вернулся въ Москву. Но все еще сильно было недовѣріе къ стрѣльцамъ: въ Кремлѣ караулы были поручены служилымъ людямъ, показавшимъ только что свою вѣрность и щедро награжденнымъ; особливо новгородское дворянство, котораго С. побаивалась,—ему дана была прибавка помѣстій, годовое жалованье и грамота похвальная. Нѣсколько недѣль спустя, Змѣева замѣнилъ во главѣ стрѣльцовъ Шакловитый, человѣкъ безусловно преданый С—и и лично ей близкій. Теперь правительница во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни могла опираться на своихъ людей, отнынѣ ея правленіе было обезпечено и могло идти правильнымъ ходомъ.

Первымъ дѣломъ правительства С—и было озаботиться уничтоженіемъ всѣхъ слѣдовъ проявленій той силы, которая создала это самое правительство. Энергичный преемникъ Хованскаго при первомъ-же случаѣ не замедлилъ показать стрѣльцамъ, что прошли времена своеволія, и цѣлымъ рядомъ удачно задуманныхъ мѣропріятій сумѣлъ обезоружить стрѣльцовъ, сдѣлать ихъ неопасными. Поводомъ для примѣненія различныхъ мѣръ строгости послужили безпорядки въ полку Бохина. Шакловитый, презирая угрозы

мятежниковъ, двинулъ противъ нихъ вѣрные ему стрѣлецкіе отряды; заводчикъ смуты, Ивашка Жареный, былъ схваченъ и казненъ, Бохинскіе стрѣльцы на нѣкоторое время лишены права держать караулы у дворца. Эта расправа должна была показать стрѣльцамъ, что ихъ не боятся. Не давая имъ опомниться, правительство продолжало прибирать ихъ къ рукамъ: для того, чтобъ очистить ряды стрѣлецкаго войска отъ нежелательныхъ примѣсей, указомъ 30 декабря 1682 г. было сдѣлано обязательнымъ строгое веденіе списковъ по полкамъ. Старики при этомъ должны были отчисляться отъ службы, подроставшіе стрѣльчата обязаны были занимать ихъ мѣста; всѣ бродяги, бѣглецы и даже преступники, произвольно приставшіе къ стрѣльцамъ, подвергались немедленному исключенію изъ списковъ. Еще важнѣе было другое постановленіе того-же указа: изъ 19 стрѣлецкихъ полковъ, стоявшихъ въ Москвѣ, въ столицѣ оставалось только 7, надежнѣйшихъ; остальные 12 должны были быть разосланы по границамъ на службу; взамѣнъ ихъ, изъ пограничныхъ стрѣльцовъ велѣно было набрать лучшихъ людей на 5 полковъ, и этихъ отборныхъ, вѣрныхъ людей направить въ Москву. Такимъ образомъ, подъ руками правительства постоянно была сила, на которую оно могло смѣло опереться.

Въ нѣкоторой связи съ этими мѣрами стоятъ также распоряженія, касающіяся холопей служилыхъ людей. Хотя въ общемъ майскіе дни не внесли смуты въ холопскую массу, но все-же были отдѣльные случаи неповиновенія господамъ, и даже многіе холопи, угрожая господамъ стрѣлецкой расправой, добились полученія отпускныхъ; многіе-же, пользуясь всеобщей растерянностью въ эпоху смуты, безъ дальнѣйшихъ околичностей бѣжали и теперь бродяжничали, что, разумѣется, отнюдь не способствовало успокоенію государства и водворенію въ немъ порядка. Поэтому 13 февраля 1683 г. изданъ былъ указъ, чтобъ бѣглыхъ холопей ловить, наказывать и возвращать къ господамъ; буде-же господа не пожелаютъ держать у себя этихъ неспокойныхъ людей—ссылать ихъ въ сибирскіе города на вѣчное житье. Для болѣе успѣшнаго проведенія этой мѣры, у помѣщиковъ и вотчинниковъ были затребованы списки ихъ крестьянъ и холопей; запрещено было держать у себя людей, не занесенныхъ въ эти списки, и для поимки такихъ непрописанныхъ бродягъ правительство во всѣ концы разсылало сыщиковъ.

Принявшись за вопросъ о помѣщичьихъ крестьянахъ и холопяхъ, правительство неизбѣжно должно было очутиться лицомъ къ лицу съ задачей, представлявшейся еще царю Алексѣю Михаиловичу и имъ не разрѣшенною. Дѣло въ томъ, что многіе крестьяне и холопи, тяготясь крѣпостною зависимостью, уходили въ города и садились въ посадское тягло. Вотчинники и помѣщики требуютъ своихъ людей обратно, и требованіе ихъ нельзя не признать справедливымъ; но и посадскіе люди дорожатъ лишними тяглецами и прямо заявляютъ правительству, что въ случаѣ, если эти новоприбылые плательщики будутъ изъ посада взяты, нельзя будетъ разсчитывать на правильное полученіе должныхъ податей. Поставленное въ необходимость считаться съ противорѣчивыми интересами людей служилыхъ и посадскихъ, правительство С—и рѣшило примириться съ существующимъ фактомъ, но воспрепятствовать его повторенію; 17 декабря 1684 г. издано распоряженіе, согласно которому крестьяне, вышедшіе на посадъ, могутъ тамъ оставаться; но если такіе выходы будутъ продолжаться и послѣ этого указа, помѣщики могутъ судомъ ворочать себѣ своихъ людей.

Стрѣлецкая смута затронула не только крестьянъ и холопей: на всѣ классы общества произвела она сильное впечатлѣніе, вездѣ и всѣхъ заставила о себѣ говорить, а между тѣмъ въ интересахъ правительства было какъ можно скорѣе заставить забыть эти печальныя событія, и потому 21 мая 1683 г. разосланъ былъ по городамъ указъ: «во всѣхъ городахъ и уѣздахъ учинить заказъ крѣпкій, подъ смертною казнью.... чтобъ всякихъ чиновъ люди прошлаго смутнаго времени никакъ не хвалили, никакихъ непристойныхъ словъ не говорили и затѣйныхъ дѣлъ не вмѣщали».

Заботясь объ уничтоженіи слѣдовъ мятежа, правительница С. вообще много сдѣлала для водворенія внѣшняго порядка

въ Московскомъ государствѣ. Въ 1684 г., въ февралѣ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ было указано, чтобъ они въ предѣлахъ города удерживали своихъ людей отъ всякихъ нарушеній благочинія: чтобъ они не становились съ лошадьми на неуказанныхъ мѣстахъ, не учиняли шума и дракъ, не оскорбляли прохожихъ, не оказывали-бы неповиновенія и наглости караульнымъ стрѣльцамъ, унимавшимъ ихъ.

Равнымъ образомъ, для установленія порядка, пришлось обратить вниманіе и на упорядоченіе торговли, внѣшняя сторона которой дѣйствительно оставляла желать большаго: цѣлымъ рядомъ распоряженій въ 1683, 1684 и 1685 годахъ правительство стремилось добиться того, чтобъ торговля совершалась въ указанныхъ для того мѣстахъ, а не гдѣ попало; чтобъ въ воскресные дни не производилась торговля, своимъ шумомъ, сутолокою, недоразумѣніями и ссорами нарушавшая святость дня; чтобъ въ монастыряхъ, по крайней мѣрѣ во время крестныхъ ходовъ и царскихъ посѣщеній, благочиніе не нарушалось обычнымъ въ этихъ мѣстахъ харчевнымъ торгомъ.

Наряду съ заботами объ улучшеніи внѣшнихъ формъ общежитія, царевна С. въ свое правленіе не мало сдѣлала для смягченія нравовъ, продолжая въ этомъ случаѣ дѣло своего брата, царя Ѳеодора. Это смягченіе нравовъ особенно замѣтно въ области уголовнаго законодательства: въ 1683 г., напр., смертная казнь за произнесеніе «непристойныхъ и затѣйныхъ» словъ была отмѣнена съ замѣною битьемъ кнутомъ и ссылкою, въ 1689 г. отмѣнена была для мужеубійцъ казнь окапываньемъ; однако-же, такъ какъ немедленно послѣ этого распоряженія правительству царевны С—и пришелъ конецъ, страшная казнь эта ея преемникомъ была удержана.

Царевна С., «дѣва великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ», вступивъ во власть, не забыла уроковъ своего учителя Симеона Полоцкаго; та любовь къ знанію, къ наукѣ, которою восхищались въ ней Медвѣдевъ съ Истоминымъ, въ ней не угасла; насколько тревожныя обстоятельства ея правленія позволили ей это, она подумала и о распространеніи науки на Руси. Еще ея предшественникъ, царь Ѳеодоръ, рѣшилъ создать въ Москвѣ извѣстную Словено-Греко-Россійскую Академію, но ему не суждено было привести въ исполненіе это предначертаніе, и лишь въ январѣ 1685 г. его сестра привела мысль его къ желанному осуществленію. Пышные стихи Сильвестра Медвѣдева увѣковѣчили это событіе; въ нихъ воздаетъ онъ хвалу Премудрости и царевнѣ С—и—ея насадительницѣ на Руси; она, царствомъ дивно управляя, «благоволи намъ свѣтъ наукъ явити.» Любовь царевны къ просвѣщенію и заботы ея объ его распространеніи засвидѣтельствованы и иноземцами-современниками; такъ объ этомъ говорятъ бывшіе тогда въ Москвѣ іезуиты Давидъ и Тихановскій, прибавляя при этомъ, что она не только не чуждалась латинскаго Запада, но, напротивъ, даже относилась къ нему благосклонно.

Это благосклонное отношеніе къ Западу, эта готовность у него поучиться сказывались не только тамъ, гдѣ дѣло касалось отвлеченной науки, но и въ области приложенія результатовъ ея къ жизни. Подобно своимъ предшественникамъ, и давая въ данномъ случаѣ примѣръ своему преемнику, царевна С. приложила не мало заботъ къ развитію у насъ промышленности. Еще въ 1682 г., едва принявъ власть, правительница уже вызываетъ изъ Гамбурга иноземца Захарію Павлова, желая развить у насъ производство бархата, атласа и вообще шелковыхъ тканей; въ слѣдующемъ году послѣдовалъ призывъ суконнаго дѣла мастеровъ, и такія приглашенія заморскихъ искусниковъ продолжаются за все время правленія С—и. Изъ другихъ мѣропріятій этого правительства необходимо указать еще уничтоженіе таможенъ по границѣ съ Малоросіей, чѣмъ впервые положено было прочное основаніе сліянію этого края съ Московскимъ государствомъ.

Подобно тому, какъ значительное число мѣръ внутренней политики царевны С—и было обусловлено майскими событіями 1682 г., и іюльскіе дни того-же года наложили замѣтный отпечатокъ на все ея правленіе. При ней гораздо болѣе сурово, чѣмъ при Ѳеодорѣ, не менѣе, если даже не болѣе сурово, чѣмъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ гнали раскольни-

ковъ; отчасти, повидимому, при этомъ играли роль воспоминанія Хованщины, но до извѣстной степени необходимо видѣть здѣсь и иной разсчетъ: царевна знала, что патріархъ Іоакимъ къ ней не расположенъ, и потому, являясь поборницей православія, она могла или думать привлечь его на свою сторону, или-же, на случай столкновенія съ нимъ, обезпечить себя отъ упрековъ въ невѣріи и нечестіи. Вотъ почему ея правленіе почти сплошь занято гоненіями на раскольниковъ и различными волненіями, вызванными этими преслѣдованіями. Еще въ ноябрѣ того-же 1682 г., который былъ ознаменованъ безумной попыткой Никиты Пустосвята (или, если считать сентябрьскіе годы, то въ 1683 г.), правительство разослало по епископамъ грамоты о повсемѣстномъ сыскѣ и преданіи суду раскольниковъ, при чемъ власти духовныя могли для этого требовать всяческой поддержки у свѣтскихъ властей. Черезъ годъ—новый, еще болѣе суровый указъ, повелѣвавшій ловить раскольниковъ и упорствующихъ въ своемъ заблужденіи казнить смертью—сжигать. Понятно, примѣненіе такихъ крайнихъ мѣръ произвело на раскольниковъ ужасное впечатлѣніе, сильное настолько, что они даже не останавливались передъ бѣгствомъ за рубежъ; толпы бѣглецовъ переходили Польскую и Шведскую границу, но не всѣмъ удавался такой переходъ: московскія власти отправляли за раскольниками погоню, забиравшую ихъ въ плѣнъ для отдачи духовенству на увѣщаніе. Другихъ манила казацкая воля; они бѣжали на Донъ и здѣсь надѣлали правительству не мало хлопотъ; они даже построили себѣ на Медвѣдицѣ укрѣпленный Кузьминъ-городокъ, взятый послѣ упорнаго сопротивленія лишь въ 1689 г. Отношенія правительства къ раскольникамъ обострились до того, что достаточно было простого оговора, простого подозрѣнія въ расколѣ, и обвиненный подвергался самому тяжкому наказанію.

Тѣ же соображенія, которыя заставляли С—ю гнать расколъ, принудили ее оказывать поддержку оффиціальной церкви. Православная церковь на Москвѣ въ это время дѣйствительно нуждалась въ такой поддержкѣ: съ одной стороны ей надо было бороться съ расколомъ, съ другой—не слѣдовало упускать изъ виду, что вмѣстѣ съ западными новшествами къ намъ могли проникнуть и различныя неправославныя, еретическія мнѣнія. Поэтому патріархъ Іоакимъ просилъ у правительства помощи и поддержки: «Повелите», пишетъ онъ, «да не безчестится честь архіереевъ и всего духовнаго чина отъ невѣждъ и досадителей многихъ». Откликаясь на этотъ призывъ, правительство приказало воеводамъ повсемѣстно оказывать поддержку духовенству въ борьбѣ съ расколомъ. Въ 1682 г., осенью, послѣ пренія о вѣрѣ, съ Москвы былъ отпущенъ въ епархію архіепископъ Холмогорскій Аѳанасій, одинъ изъ видныхъ стояльцевъ за православіе; по этому поводу двинскому воеводѣ князю Никитѣ Урусову посланъ былъ приказъ поддерживать всячески владыку противъ могущихъ явиться церковныхъ ослушниковъ. Идя еще далѣе въ этомъ направленіи, правительство простерло свое вниманіе къ церкви до того, что неоднократно, въ 1686 и въ 1688 годахъ, напоминало своимъ воеводамъ о неподсудности духовенства гражданскимъ властямъ, даже о воспрещеніи имъ вѣдать судомъ и расправою крестьянъ церковныхъ. И все-же, не взирая на эти стремленія правительства поставить церковь на подобающее ей мѣсто въ государствѣ, духовенство имѣло причины быть недовольнымъ царевною. Благосклонно относясь къ Западу, она, быть можетъ безсознательно, способствовала появленію на Руси церковныхъ лжеученій; больше того, одно изъ такихъ лжеученій, такъ называемая хлѣбопоклонная ересь находила себѣ поддержку во дворцѣ: однимъ изъ проповѣдниковъ этой ереси былъ извѣстный Сильвестръ Медвѣдевъ, съ которымъ патріархъ Іоакимъ безсиленъ былъ справиться въ силу его придворнаго положенія. Лишь съ полною перемѣною политическихъ обстоятельствъ церковь одержала верхъ въ борьбѣ съ еретиками.

Правительство царевны С—и, возникшее противъ желанія московской знати, составилось по большей части изъ представителей неродовитаго дворянства, и во всякомъ случаѣ изъ людей, не сочувствовавшихъ боярскимъ притязаніямъ; въ тяжелыя минуты Хованщины царевна удержала власть въ своихъ рукахъ исклю-

чительно благодаря единодушной поддержкѣ служилыхъ людей; поэтому не будетъ странно, если это правительство назвать правительствомъ дворянскимъ по преимуществу; можно-бы даже сказать, что это—первое изъ тѣхъ дворянскихъ царствованій, которыя затѣмъ занимаютъ у насъ весь періодъ XVIII вѣка. Вотъ почему нѣкоторыя мѣропріятія внутренней политики С—и направлены были въ сторону пользъ и выгодъ землеслужилаго дворянскаго сословія: ему озаботились возвратить холопей, бѣжавшихъ въ эпоху майской смуты; ему въ угоду положенъ былъ конецъ пополненію посада новыми тяглецами; даже о внѣшнемъ почетѣ дворянства позаботилась царевна, издавъ въ 1685 г. указъ, по которому, «будетъ кто напишетъ думнаго дворянина жену безъ вича, и имъ на тѣхъ людѣхъ . . . править безчестье». Наиболѣе важною мѣрою въ этомъ направленіи слѣдуетъ считать заботы объ межеваньи. Безпрерывная мобилизація помѣстныхъ земель сама по себѣ должна была создать значительную путаницу въ опредѣленіи границъ земельныхъ участковъ; сюда-же присоединилась и чрезмѣрно развитая чрезполосица владѣній. Вытекавшая отсюда неопредѣленность границъ больше всего пошла въ пользу монастырямъ въ прямой ущербъ служилымъ людямъ. Для приведенія земельныхъ отношеній въ извѣстный порядокъ, правительство съ начала 1683 г. усиленно принялось за межеваніе, разославъ по всѣмъ областямъ межевщиковъ и снабдивъ ихъ подробными инструкціями. Принявъ подъ свое покровительство служилое сословіе, царевна С. въ то же время продолжала придерживаться политики царя Ѳеодора по отношенію къ родовитому боярству; выслуга и даже придворный случай были теперь поставлены выше рода, и царевна строго карала всякую попытку возвратиться къ старымъ отношеніямъ, всякое, хотя-бы и замаскированное, мѣстничество.

Создавшееся въ эпоху смуты, въ ущербъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ и партій, правительство царевны С—и должно было поневолѣ считаться съ различными проявленіями ненависти и вражды; проявленія эти проходятъ черезъ все правленіе царевны, и чѣмъ ближе подходила неизбѣжная развязка, тѣмъ рѣзче, рѣшительнѣе и озлобленнѣе становились эти проявленія. Началось еще въ іюлѣ 1682 г.: одинъ изъ служилыхъ султановъ, Матвѣй, пустилъ среди стрѣльцовъ слухъ, будто бояре хотятъ стрѣльцовъ перебить,—очевидный намекъ на дѣйствительные или мнимые замыслы Нарышкинской партіи; за это его, послѣ пытки, четвертовали на Красной площади 14 іюля; тогда-же казненъ отсѣченіемъ головы за такія-же вѣсти ярославскій посадскій Бизяевъ и до смерти запытанъ московскій дворянинъ Михаилъ Вешняковъ. Недовольство, на время призамолкшее, не было однако-же задавлено этою расправою, и продолжало проявляться, направляясь или на саму царевну, или на царя Іоанна, которымъ она держалась, или-же на близкихъ и дорогихъ ей людей. Близкія отношенія царевны сперва къ князю Голицыну, потомъ къ Шакловитому создали ей дурную репутацію; ходилъ слухъ, что «царевна Софья была блудница и жила блудно съ боярами, да и другая царевна, сестра ея..... и бояре ходили къ нимъ, и ребятъ тѣ царевны носили и душили, и иныхъ на дому кормили». Такимъ отношеніемъ къ царевнѣ могутъ быть объяснены и заявленія стрѣльцовъ въ Грановитой палатѣ: «полно царствомъ-то мутить, безъ васъ пусто не будетъ».

Замѣтно въ средѣ противниковъ царевны С—и и презрительное отношеніе къ скорбному главою царю Іоанну. 22 октября 1684 г. бояре Бутурлинъ, Салтыковъ, окольничіе князь Хилковъ, Хитрово, Измайловъ, князь Жировой-Засѣкинъ, стольникъ князь Долгорукій и думный дворянинъ Мясновъ, получивъ приказаніе сопровождать царя Іоанна въ крестномъ ходу, и не подумали исполнить это повелѣніе, за что и подверглись опалѣ. 1 декабря того-же года пришлось опять наказать до 50 стольниковъ и стряпчихъ старшаго царя, своевольно не сопровождавшихъ его въ одномъ изъ подмосковныхъ «походовъ». Но примѣръ не подѣйствовалъ; уже черезъ недѣлю, 7 декабря, Иванъ Дашковъ позволилъ себѣ ругаться въ царскомъ дворцѣ. Неизвѣстно, чѣмъ собственно провинился стрѣлецкій капитанъ Тавкуновъ, сосланный вмѣстѣ съ женою на Верхотурье, но несомнѣнно, что его нельзя считать однимъ изъ друзей правительства царевны.

Недоброжелатели царевны обращали свою вражду и противъ ея сотрудниковъ—преимущественно противъ виднѣйшаго изъ нихъ, князя В. В. Голицына; ему грозили даже смертью. Передъ отправленіемъ во второй Крымскій походъ въ воротахъ хоромъ князя былъ найденъ гробъ съ надписью, что, въ случаѣ неудачи похода, его ждетъ смерть. Тогда-же произведено было покушеніе на его жизнь: въ сани его бросился убійца, но слуги удержали его; преступника безъ огласки казнили въ тюрьмѣ послѣ пытки.

Все это, разумѣется, постоянно напоминало царевнѣ слабость ея положенія и должно было заставить ее стремиться это положеніе упрочить; съ этою цѣлью она не брезгала никакими мелочами, никакими частностями, способными подчеркнуть ея выдающееся, высокое значеніе. Она даетъ аудіенціи посламъ; она, подобно царямъ, допускаетъ митрополитовъ къ рукѣ; она знаменуетъ торжественными богослуженіями 17 сентября, день своего тезоименитства; она не упускаетъ случая произвести торжественный выходъ въ храмъ или въ крестный ходъ, такъ какъ при этомъ всего удобнѣе было проявить царское достоинство; она въ храмѣ занимаетъ, подобно царямъ, особое мѣсто, ей кадятъ особо, а если забудутъ эту подробность церемоніала — царевна гнѣвается. Въ 1684 г. С. повелѣла чеканить свое лицо на монетахъ и медаляхъ, въ 1685 г. воздвигла себѣ новый каменный дворецъ, украшенный затѣйною живописью. Въ 1686 г. царевна принялась величать себя самодержицей, оформивъ это присвоеніе новаго титула указомъ 8 января 1687 г. Однимъ словомъ, не было упущено ничего, что могло-бы упрочить ея положеніе, а между тѣмъ положеніе ея не сдѣлалось нисколько прочнѣе: она по прежнему была лишь правительницей, замѣстительницей царей, а не избранницей Бога, Имъ помазанной и вѣнчанной на царство; власти ея не хватало надлежащаго освященія. И сама она, и ея приближенные отлично понимали это, и потому, когда приближалось время борьбы съ Петромъ Алексѣевичемъ, Шакловитый сталъ подумывать о царскомъ вѣнчаніи С—и; онъ даже приглашалъ къ себѣ стрѣлецкихъ выборныхъ, давалъ имъ деньги и предлагалъ имъ подать челобитную о царскомъ вѣнчаніи правительницы. Но вѣдь самъ Шакловитый въ свое время не мало поработалъ для того, чтобъ сдѣлать стрѣльцовъ менѣе предпріимчивыми и рѣшительными; теперь ему самому пришлось убѣдиться въ томъ, что дѣло свое онъ сдѣлалъ хорошо: стрѣльцы начали колебаться, и, не ожидая никакого толка отъ своей затѣи, Шакловитый долженъ былъ отказаться отъ ея осуществленія.

Благодаря особенностямъ своего происхожденія, правительство царевны С—и въ области внутренней своей политики работало далеко не въ томъ направленіи, въ какомъ несомнѣнно способно было работать, почему результаты дѣятельности его въ этомъ отношеніи оказываются болѣе низкими, чѣмъ можно было-бы думать. Внѣшняя политика царевны Софіи Алексѣевны еще менѣе соотвѣтствуетъ личнымъ качествамъ ея руководителя, князя Голицына и самой правительницы; политику эту дѣйствительно трудно назвать удачною. 19 октября 1683 г. (сентябрьскаго), князь В. В. Голицынъ получилъ почетный титулъ «Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя» съ порученіемъ вѣдать иноземными сношеніями Московскаго государства. Политическая обстановка Европы въ это время складывалась настолько опредѣленно, что ходъ русской внѣшней политики обозначался самъ собою. Всѣ три непосредственные сосѣда Россіи на Западѣ были въ это время значительно ослаблены: Швеція еще не оправилась отъ послѣдствій Фербеллинскаго пораженія и должна была устремить все свое вниманіе на возраставшій Бранденбургъ; Польша тоже не такъ давно понесла страшные удары отъ шведовъ, да вдобавокъ король Янъ Собѣсскій, гораздо лучшій воинъ, чѣмъ политикъ, въ это время втянулся въ войну съ Турціей, цѣной славянской крови помогая возрастанію и усиленію славянскаго врага — Австріи; Турція, борясь съ Австріей, Польшей и Венеціей, теряла силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охоту къ какимъ-бы то ни было наступательнымъ дѣйствіямъ въ сторону Днѣпра. Что касается прочихъ европейскихъ державъ, то для Россіи имѣла значеніе лишь Франція, въ виду ея отношеній къ Турціи и къ Габсбургской монархіи, да

Бранденбургъ, какъ возможный и естественный союзникъ на случай борьбы со Швеціей.

Надо сознаться, «великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель» довольно неясно представлялъ себѣ взаимоотношенія европейскихъ державъ и не совсѣмъ правильно понималъ интересы Россіи. Заключивъ въ началѣ 1683 г. миръ со Швеціей, Голицынъ повелъ затѣмъ долгіе переговоры съ Польшей касательно участія въ турецкой войнѣ. Съ 1683 г. переговоры эти тянулись по 1686 г, когда 21 апрѣля былъ заключенъ «вѣчный миръ». Россія получала въ вѣчное владѣніе Смоленскъ и Кіевъ, которые и безъ того держала довольно крѣпко, обязавшись за это вести трудную войну съ турками и татарами. Невыгоды этого мира для насъ настолько были замѣтны современникамъ, что одинъ изъ нихъ не побоялся обвинить Голицына въ томъ, что онъ былъ подкупленъ поляками суммою въ 100.000 рублей.

Осенью 1686 г. объявленъ былъ походъ на Крымъ; сборы должны были быть окончены къ 25 февраля 1687 г. Предводителями 150,000-наго войска были назначены самъ Голицынъ и Самойловичъ. Трудно объяснить себѣ выборъ Голицына въ полководцы; правда, еще при царѣ Ѳеодорѣ онъ водилъ русскія войска на крымцевъ, но особенными успѣхами не прославился. Вѣроятнѣе всего, что изъ политическихъ разсчетовъ царевна С. думала окружить своего любимца ореоломъ побѣдоносца, но ея планы потерпѣли неудачу. Въ маѣ 1687 г. начался походъ; выступивъ со сборныхъ пунктовъ на берегахъ рѣки Мерло, войска пошли не по Днѣпру, какъ казалось-бы наиболѣе выгоднымъ, а прямо черезъ сухую, безводную степь. Татары подожгли степь, и дойдя 12 іюня до Конскихъ водъ, Голицынъ убѣдился, что далѣе идти нельзя. На рѣчкѣ Карачакракъ созванъ былъ военный совѣтъ, рѣшившій возвратиться обратно.

Огорченная и испуганная неудачей своего любимца, царевна отправила къ Голицыну съ совѣтами другого своего довѣреннаго, Шакловитаго; возвратясь въ Москву, онъ донесъ правительницѣ, что ненависть казацкой старшины къ гетману Самойловичу даетъ возможность обвинить его въ поджогѣ степи и такимъ образомъ освободить Голицына отъ всякихъ упрековъ. Такъ и сдѣлали: 22 іюля Самойловичъ былъ низложенъ и отправленъ въ ссылку, 25—выбранъ его преемникомъ Мазепа, при чемъ нѣкоторое давленіе на избирателей было произведено Голицынымъ въ пользу именно этого кандидата.

Опала Самойловича дала царевнѣ возможность встрѣтить Голицына на Москвѣ, какъ побѣдителя; однако, всѣ торжества не могли прикрыть неудачи, замѣтной тѣмъ болѣе, что крымцы разоряли русскія окраины, доходили даже до Полтавы. Необходимо было продолжать начатое дѣло, и въ сентябрѣ 1688 г. объявленъ былъ новый походъ въ Крымъ. Голицынъ спѣшилъ сборами, ему хотѣлось идти ранней весной, чтобъ не имѣть недостатка въ водѣ и травѣ, и не бояться пожара. Въ февралѣ 1689 г. 112,000 русскаго войска пошли въ степь. Но, избѣжавъ повторенія ошибокъ перваго похода, надѣлали другихъ: ханъ съ главными силами своей орды былъ на Волыни, и Голицыну надлежало торопиться, чтобъ напасть на Крымъ раньше, чѣмъ подоспѣютъ его защитники; вмѣсто этого, русская армія двигалась такъ медленно, что ханъ подошелъ на выручку своихъ улусовъ еще прежде, чѣмъ Голицынъ дошелъ до Перекопа. Правда, въ стычкахъ въ Зеленой и въ Черной долинѣ русскія войска обратили татаръ въ бѣгство, и царевна С. задушевнымъ письмомъ благодарила Голицына, своего «свѣта, братца Васеньку»; но подойдя къ Перекопу и остановясь въ безводной солончаковой степи, «оберегатель» убѣдился въ невозможности продолженія похода, и 21 мая тронулся въ обратный путь.

Крымскіе походы окончились рѣшительной неудачей правительства царевны С—и, неудачей тѣмъ болѣе опасной, что здѣсь правительница впервые рѣзко разошлась съ царемъ Петромъ; онъ не одобрялъ всего этого предпріятія, онъ, говоря очевидно съ голоса своихъ иноземныхъ учителей, находилъ дѣйствія Голицына неудачными, и С—и стоило не малаго труда добыть подпись младшаго брата на похвальной грамотѣ, посланной войску, и на спискѣ наградъ полководцамъ и солдатамъ. Давъ свое согласіе на награжденіе Голицына съ товарищи, Петръ все-

же не удержался, чтобъ въ самой рѣзкой формѣ не показать своего гнѣва неудачливымъ воеводамъ, явившимся его благодарить (27 іюля).

Устремивъ все свое вниманіе въ сторону Крыма, правительство С—и безсильно было справиться съ другими вопросами, возникавшими одновременно. Важнѣйшимъ изъ такихъ вопросовъ было дѣло о Сибирской границѣ съ Китаемъ. Вольные колонизаторы Сибири, казаки, появясь въ долинѣ Амура, поставили здѣсь крѣпкій городокъ Албазинъ, охранявшій новыя русскія владѣнія. Въ 1685 г. подъ стѣнами Албазина явилось сильное китайское войско; въ 1686 г. оно возобновило свое нападеніе. Албазинскій воевода Толбузинъ былъ смертельно раненъ пушечнымъ ядромъ, но гарнизонъ не падалъ духомъ и отсидѣлся. При вѣсти о столкновеніи съ далекимъ и незнаемымъ врагомъ, въ Москвѣ всполошились; война съ Крымомъ не позволяла развить сколько-нибудь энергичныя дѣйствія на Востокѣ, и потому для заключенія соглашенія съ китайцами отправили окольничаго Ѳеодора Головина. Подъ Нерчинскомъ съѣхался онъ съ китайскими уполномоченными—миссіонерами-іезуитами Жербильономъ и Перейра; въ виду того, что Головину вмѣнено было въ обязанность проявлять крайнюю уступчивость и во что бы ни стало избѣгать разрыва сношеній и войны, китайцы настояли на срытіи Албазина, на отказѣ русскихъ отъ обладанія долиной Амура; границей между русскими и «хинскими» владѣніями установлено было теченіе рѣчки Горбицы—притока Шилки. Такъ, увлекшись безцѣльными и невыгодными крымскими походами, С. лишена была возможности отстоять русское дѣло тамъ, гдѣ то дѣйствительно было необходимо. Миръ съ Китаемъ заключенъ былъ 27 августа 1689 г.; извѣстіе о немъ пришло въ Москву уже тогда, когда правительство царевны С—и не существовало.

Захвативъ въ свои руки правленіе въ 1682 г., царевна С. тѣмъ самымъ доставила побѣду партіи Милославскихъ надъ партіей Нарышкиныхъ, и послѣдніе не могли простить ей своего пораженія. Вотъ почему С., если-бы и хотѣла, не могла ужиться въ мирѣ съ младшимъ царемъ; борьба двухъ партій поневолѣ затягивала въ себя брата и сестру. Къ тому-же приверженцы царевны въ упоеніи торжества первое время мало стѣснялись съ побѣжденными противниками, даже съ самимъ царемъ Петромъ; царевна С. воздвигла себѣ каменныя палаты, а брату построила деревянный дворецъ; въ то время какъ царевна брала себѣ безконтрольно казну по 1.000, по 2.000 рублей, царь Петръ нуждался въ деньгахъ; его сторонники подвергались опаламъ и ссылкамъ; не даромъ-же стольникъ Языковъ говорилъ: «Имя царя Петра видимъ, а бить ему челомъ не смѣемъ».

Все это, разумѣется, посѣяло раздраженіе между обѣими сторонами, и такимъ образомъ подготовлялось ихъ столкновеніе; оно было неизбѣжно, ибо царевна С. держала власть лишь по причинѣ неспособности братьевъ править; но эта неспособность съ каждымъ днемъ уменьшалась у возраставшаго царя Петра; понемногу, мало-по-малу, онъ начиналъ принимать участіе въ дѣлахъ. Съ 1687 г. князь В. В. Голицынъ получилъ приказаніе дѣлать доклады о дѣлахъ и младшему царю; съ начала 1688 г. Петръ является въ засѣданіяхъ боярской думы; осенью того-же года онъ самостоятельно начинаетъ распоряжаться въ арміи, среди иноземныхъ войскъ, къ великому неудовольствію «оберегателя»; 27 января 1689 г. царь Петръ женился на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной—ясно, что его малолѣтство проходило. Царевна С. не могла не предвидѣть такого оборота вещей и старалась со своей стороны сдѣлать все, что могло упрочить ея положеніе; но эти попытки вызывали въ Нарышкинской партіи, сознававшей ростъ своей силы, негодованіе: когда царевна стала именоваться самодержицей, царица Наталья, послѣ долгаго молчанія, позволила себѣ угрозу: «для чего учала она писаться съ великими государями обще; у насъ люди есть и того дѣла не покинутъ»—говорила она. Признаки надвигавшейся бури заставляли обѣ партіи тревожно присматриваться къ дѣйствіямъ противниковъ: двѣ постельницы царицы Натальи, Нелидова и Сенюкова, переносятъ вѣсти въ теремъ С—и; С. начинаетъ тревожиться все болѣе, тревожатся и близкіе ей люди, Голицынъ и Шакловитый, и своею тревогою, своими мѣрами предосторожности, приготовле-

ніями къ оборонѣ лишь ускоряютъ развязку.

Въ завязавшейся борьбѣ самъ царь Петръ едва-ли былъ главнымъ дѣятелемъ; имъ руководили, его настраивали его мать и князь Б. А. Голицынъ; не даромъ царевна и ея сторонники считали этихъ лицъ своими главными и наиболѣе опасными врагами. Эти-то враги, видя, что царевнѣ-правительницѣ не удались два важныхъ замысла: Крымскіе походы и попытка вѣнчаться на царство, думали, что не надо дожидаться, пока царевна изготовится къ борьбѣ, и рѣшились первые вызвать царя Петра на столкновеніе.

Открытая борьба началась 8 іюля 1689 г.; въ этотъ день ходилъ крестный ходъ изъ Кремля въ Казанскій соборъ въ память освобожденія Москвы отъ поляковъ. Царевна С., не упускавшая случая показаться народу въ блескѣ власти, тоже явилась къ богослуженію и пошла за крестами; царь Петръ заявилъ сестрѣ, чтобъ она въ ходъ не ходила, но С. ослушалась, и разгнѣванный царь самъ удалился въ Коломенское. Царевна поставила на своемъ, но лишь потому, что братъ не помѣшалъ ей; а помѣшать онъ можетъ, не даромъ-же стоятъ въ Преображенскомъ и въ Семеновскомъ селѣ его ненавистные озорники-потѣшные конюхи. Царевна поняла, что и ей нужна сила; правда, къ Москвѣ приближалась рать Голицына, но это была царская, а не царевнина рать. Обратились къ стрѣльцамъ, но тѣ выказали мало воодушевленія, какъ ни возбуждали ихъ Шакловитый и другіе преданные слуги царевны. Единственное средство, какимъ можно было поднять стрѣлецкую массу, это—выставить на показъ опасное положеніе царевны, и вотъ, отчасти чтобъ подогрѣть стрѣльцовъ, отчасти дѣйствительно страха ради, С. начинаетъ принимать чрезвычайныя мѣры предосторожности: она не выходитъ на богомолія безъ стрѣлецкой свиты, она обезпечиваетъ себя со стороны всякаго возможнаго насилія отъ Петра; 25 іюля младшій царь пріѣзжалъ изъ Коломенскаго поздравить престарѣлую царевну Анну Михаиловну по случаю ея тезоименитства; при этомъ наготовѣ было 50 стрѣльцовъ въ полномъ вооруженіи на случай тревоги, для отпора враждебнымъ дѣйствіямъ молодого царя, котораго боялись и не скрывали этой боязни.

Въ эти-же іюльскіе дни царевнѣ С—и суждено было въ послѣдній разъ пережить радостныя минуты—торжественную встрѣчу князя Голицына съ его ратью; но и эта радость была испорчена гнѣвомъ Петра на «оберегателя». Гнѣвъ этотъ очевидно произвелъ на царевну С—ю сильное впечатлѣніе, потому что она, вечеромъ того-же 27 іюля, послѣ всенощной въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, жаловалась сопровождавшимъ ее стрѣльцамъ на мачеху. Стрѣльцы увѣряли царевну въ своей преданности, особенно усердствовалъ Стрижевъ, выражавшій самыя преступныя намѣренія. Слухъ объ этомъ дошелъ до Петра, и когда Шакловитый явился къ нему въ Измайлово на именины царицы Евдокіи (царевна С—я, очевидно удержанная страхомъ, не поѣхала), царь потребовалъ выдачи Стрижева; Шакловитый отказался—и его заарестовали до слѣдующаго утра. Въ тотъ-же вечеръ, 4 августа, Петръ уѣхалъ въ Преображенское, въ свою штабъ-квартиру, гдѣ онъ могъ чувствовать себя всего безопаснѣе; эта мѣра самозащиты вызвала однако страшную тревогу противной партіи; царевна боялась, чтобъ Петръ со своими потѣшными не произвелъ-бы насильственнаго переворота; этотъ страхъ заставляетъ царевну тогда-же просить стрѣлецкихъ выборныхъ избавить ее отъ ея злыхъ враговъ—Бориса Голицына и Льва Нарышкина, а ночью 7 августа, напуганная подметными письмами, извѣщавшими о готовящемся набѣгѣ потѣшныхъ, царевна, собиравшаяся идти въ Донской монастырь, осталась, заперлась въ Кремлѣ и собрала подъ ружьемъ до 700 стрѣльцовъ.

Этотъ сборъ войскъ въ необычное время и далъ партіи Нарышкиныхъ давно ожидаемый поводъ нанести противникамъ послѣдній ударъ; обѣ партіи зорко слѣдили другъ за другомъ, и если Шакловитый отправилъ въ эту ночь нѣсколько соглядатаевъ въ сторону Преображенскаго, то и оттуда несомнѣнно высланы были развѣдчики; одинъ изъ нихъ, спальникъ Плещеевъ, былъ даже схваченъ въ самомъ Кремлѣ. Этотъ арестъ и послужилъ сигналомъ къ дѣйствію для нѣсколькихъ

стрѣльцовъ, стоявшихъ втайнѣ за Нарышкиныхъ; они рѣшили извѣстить царя Петра, что на его жизнь готовится покушеніе; чисто оборонительную мѣру царевны С—и и Шакловитаго они превратили въ наступательные замыслы. Напуганный Петръ той-же ночью уѣхалъ изъ Преображенскаго въ Троице-Сергіевъ монастырь. С—я въ 1682 году сама подала ему примѣръ, укрываясь здѣсь отъ стрѣлецкой опасности.

Вѣсть о бѣгствѣ царя къ Троицѣ пришла въ Москву утромъ 8 августа. С. и Шакловитый страшно испугались, и послѣдній даже сдѣлалъ попытку помѣшать распространенію этого слуха, хватая первыхъ болтуновъ; но убѣдившись, что вся Москва знаетъ въ чемъ дѣло, онъ отпустилъ ихъ на свободу. Стали дѣлать видъ, что случившемуся не придаютъ значенія, что этого ждали. Но на самомъ дѣлѣ С. понимала всю важность событій и сильно волновалась; въ эти тяжелые для нея дни она часто молится, ходитъ по церквамъ, въ молитвѣ ища успокоенія; 9 августа служитъ она панихиды по родителямъ своимъ, 11 и 12 числа ходитъ въ Донской монастырь, 14 и 15 участвуетъ въ торжественныхъ выходахъ въ Успенскій соборъ, 17 августа идетъ въ Новодѣвичій монастырь, 18 и 19—въ Донской, 26—опять въ Новодѣвичій. Но эти усердныя богомолья не только давали царевнѣ душевное успокоеніе: во время выходовъ ее сопровождали стрѣльцы, и она съ ними толковала, совѣтовалась.

Собравъ у Троицы значительныя силы, противная партія, съ Б. А. Голицынымъ во главѣ, перешла въ наступленіе. С—и отправленъ былъ прямой запросъ, чего ради собирала она ночью стрѣльцовъ; своимъ отвѣтомъ, будто эти войска должны были сопровождать ее въ богомолье, царевна лишь увеличила существовавшія противъ нея подозрѣнія. Желая ослабить сестру, царь Петръ начинаетъ вызывать изъ Москвы людей, могущихъ ему быть полезными; первымъ позванъ былъ Циклеръ; старый измѣнникъ понялъ, на чьей сторонѣ была сила, и безъ зазрѣнія совѣсти наговорилъ былей и небылицъ на царевну. Его показанія должны были сдѣлать отношенія Петра къ сестрѣ еще болѣе острыми, и потому всѣ ея попытки примириться съ братомъ остались безъ успѣха. Она послала къ Петру князя Ив. Бор. Троекурова убѣждать его вернуться,—царь наотрѣзъ отказался. Равно безплодной оказалась посылка П. И. Прозоровскаго. Въ бѣдѣ царевна прибѣгла даже къ помощи Іоакима патріарха, къ ней нерасположеннаго; патріархъ охотно ухватился за возможность выѣхать изъ Москвы и остался у Троицы. Переходъ святителя на сторону Петра въ глазахъ очень многихъ служилъ доказательствомъ неправоты дѣла царевны. Дѣло ея было, очевидно, проиграно, и всѣ, кому это было возможно, кто не слишкомъ крѣпкими узами связанъ былъ съ правительницей, спѣшатъ перейти на сторону Петра, побуждаемые къ тому-же его призывными грамотами.

Въ такой крайности царевна рѣшилась испытать послѣднее средство: обойдя Кремлевскіе соборы и отслуживъ напутственный молебенъ, она сама двинулась къ Троицѣ, думая уладить дѣло путемъ личнаго свиданія съ братомъ. Но ея противники отлично понимали всю силу ея личнаго вліянія, и пустили въ ходъ всѣ усилія, чтобъ только не допустить сестру до брата. По дорогѣ, на другой день, 30 августа ее встрѣчаютъ одинъ за другимъ спальники Волико-Гагинъ и Бутурлинъ, передавая ей требованіе вернуться обратно; царевна, однако, продолжала свой путь и добралась уже до Воздвиженскаго, памятнаго ей смертью князя Хованскаго. Здѣсь явился къ ней князь Троекуровъ и заявилъ, что ежели дерзновенно придетъ, то съ нею нечестно поступлено будетъ. Дорога отъ Воздвиженскаго до Троицы лежитъ подъ огнемъ монастырскихъ пушекъ; царевнѣ оставалось только вернуться. Горько жаловалась царевна на свою неудачу оставшимся ей вѣрными старымъ стрѣльцамъ, послѣ этой бесѣды еще разъ заставила ихъ цѣловать крестъ въ вѣрности; но она дальше жалобъ не шла и не могла идти, а противники ея готовили ей послѣдній, рѣшительный ударъ.

1 сентября въ Москву отъ Троицы явились стрѣлецкіе полковники Нечаевъ и Сергѣевъ требовать выдачи Шакловитаго, Медвѣдева, Петрова и другихъ сторонниковъ С—и. Царевна вспылила, едва не сняла Нечаеву голову; выйдя на Красное крыльцо, говорила со стрѣльцами и

народомъ о заслугахъ Шакловитаго, о своемъ правленіи; мертвое молчаніе служило ей отвѣтомъ. Какъ ни какъ, а Шакловитаго отстояли, и онъ еще имѣлъ время написать сказку ко всѣмъ чинамъ Московскаго государства для оправданія С—и; но у Троицы рѣшили поставить на своемъ. Готовясь, если понадобится, къ рѣшительной борьбѣ, разослали по городамъ требованіе денегъ и припасовъ, а въ Москву отправили на помощь Нечаеву полковника Спиридонова; его появленіе, отъѣздъ служилыхъ иноземцевъ къ царю Петру, боевыя приготовленія у Троицы—все это показало стрѣльцамъ, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно. 6 сентября являются они въ Кремль, требуя у царевны, чтобы она, во избѣжаніе безполезной борьбы, выдала Шакловитаго. Какимъ возмездіемъ за смерть Ивана Нарышкина должно было это показаться тѣмъ, кто видѣлъ руку царевны въ стрѣлецкомъ движеніи 1682 г.! Царевна отказалась было выдать вѣрнаго своего слугу, лучшаго своего друга; тогда стрѣльцы стали грозить ей мятежомъ. Дѣлать было нечего; обливаясь слезами, царевна поспѣшила приготовить Шакловитаго къ смерти; его причастили, и С. своими руками отдала его стрѣльцамъ.

Понимая, что теперь все кончено, царевна дала также боярамъ разрѣшеніе безпрепятственно ѣхать къ Троицѣ. Одинъ князь В. В. Голицынъ не воспользовался этимъ позволеніемъ; пораженный выдачей Шакловитаго, онъ уѣхалъ въ свою подмосковную. Уже позднѣе явился онъ къ Троицѣ и лишь для того, чтобъ выслушать указъ о ссылкѣ (9 сентября).

Затѣмъ рѣшена была и участь С—и. Младшій царь писалъ старшему брату: «Теперь, государь братецъ, настаетъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ . . . . Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ!» Кроткій царь Іоаннъ высказалъ полную готовность признать совершившееся. Отвѣтомъ на могущій возникнуть вопросъ, какъ это онъ такъ легко отказался отъ сестры, служатъ глухіе намеки на такіе планы вмѣшательства царевны С—и въ его семейную жизнь, которые неизбѣжно должны были поселить между братомъ и сестрою охлажденіе.

7 сентября изданъ былъ указъ объ исключеніи имени царевны С—и изъ титула; она оффиціально перестала быть правительницей. Черезъ нѣсколько дней явился въ Москву князь И. Б. Троекуровъ съ повелѣніемъ ей отъ имени царя Петра идти на жительство въ Новодѣвичій монастырь. Послѣ долгихъ отговорокъ царевна принуждена была подчиниться волѣ побѣдителя. Для «крѣпкаго ея содержанія» у монастыря былъ поставленъ преображенскій караулъ подъ начальствомъ князя Ѳ. Ю. Ромодановскаго.

Здѣсь кончается политическая роль царевны С—и, и отнынѣ свѣдѣнія о ней дѣлаются настолько-же отрывочными и случайными, какъ и до выступленія ея на поприщѣ политической дѣятельности. Удаляясь въ монастырь, она не отказалась отъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ; къ ней ѣздили сестры, и отъ нихъ, равно какъ и чрезъ свою женскую прислугу, царевна могла знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Вначалѣ она даже сдѣлала попытку завязать сношенія со своими былыми сотрудниками: когда князя В. В. Голицына везли въ ссылку, въ Вологдѣ встрѣтился съ нимъ стольникъ князь Крапоткинъ, привезшій ему отъ царевны С—и утѣшительное письмо и деньги; но Крапоткинъ скоро попался, и съ этого времени царевна С. лишена была возможности сноситься со своимъ другомъ.

Наставшія вслѣдъ за правленіемъ С—и времена были таковы, что многіе стали жалѣть о прошломъ и мечтать о возстановленіи власти правительницы. Сохранилось извѣстіе, правда довольно смутное, будто среди стрѣльцовъ составился заговоръ въ пользу царевны; заговорщики подкопались подъ Дѣвичій монастырь и хотѣли черезъ подкопъ увести ее на волю, но послѣ отчаянной схватки съ караульными солдатами были переловлены и казнены.

Другая, и на этотъ разъ гораздо болѣе достовѣрная попытка была сдѣлана все

тѣми-же стрѣльцами въ 1698 г., во время необычайнаго для русскихъ людей путешествія царя Петра за границу. Выведенные изъ терпѣнія дѣйствительно тяжелыми условіями службы, 4 стрѣлецкихъ полка на пути изъ Азова къ западной границѣ возмутились; вожаки возстанія, Проскуряковъ, Тума, Масловъ и другіе, самовольно отлучась, успѣли побывать въ Москвѣ и войти въ сношенія черезъ стрѣльчихъ и другихъ женщинъ съ царевнами. Поэтому, когда 6 іюня на берегахъ З. Двины вспыхнулъ открытый мятежъ и одинъ изъ смутьяновъ, Масловъ, вскочивъ на телѣгу, сталъ читать толпѣ призывное письмо отъ царевны С—и, никто не сталъ допытываться, подлинное-ли это посланіе или подложное. Всѣмъ было извѣстно, что царевна тосковала въ заточеніи, извѣстно было, что она дѣлала слабыя попытки заставить окружающихъ пожалѣть о прошломъ,—таковы ея разговоры съ караульными солдатами о томъ, что тяжелыя теперь настали времена, что прежде жилось лучше,—и никто не сомнѣвался, что дѣйствительно царевна кличетъ своихъ вѣрныхъ слугъ въ Москву, чтобъ поставили они ее на царство.

Мятежъ кончился погромомъ стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ. Побѣдитель, бояринъ Шеинъ, произвелъ кровавый розыскъ, но стрѣльцы, винясь на пыткахъ во многихъ винахъ, не говорили ничего о письмахъ царевны. Вернувшись изъ заграницы, царь Петръ возобновилъ слѣдствіе; при его ненависти къ «сѣмени Ивана Михайловича», къ партіи Милославскихъ, ему казалось невѣроятнымъ, что царевна С. была не причемъ въ этомъ дѣлѣ. Начались новыя, ужасныя пытки. Дознались при этомъ, что стрѣльцы хотѣли звать царевну С—ю на царство; потомъ одинъ какой-то стрѣлецъ, а за нимъ и другіе показали о письмѣ С—и. Тогда принялись за стрѣльчихъ, за прислугу царевенъ; пытками вынудили у нихъ кое-какія отрывочныя показанія; но можно-ли вѣрить этимъ вымученнымъ рѣчамъ?

Царь Петръ самъ учинилъ допросъ сестры; С. наотрѣзъ отказалась отъ всякаго участія въ мятежѣ, съ достоинствомъ и не безъ горечи объяснивъ, почему припутали и ея имя. «Такого письма, которое къ розыску явилось, отъ ней въ стрѣлецкіе полки не посылавано; а что тѣ стрѣльцы говорятъ, что пришедъ къ Москвѣ, было имъ звать ее, царевну, по прежнему въ правительство, и то не по письму отъ нея, а знатно потому, что она съ 190 года была въ правительствѣ».

Но для Петра, при его отношеніяхъ къ С—и, этотъ отвѣтъ былъ простымъ запирательствомъ; онъ хотѣлъ вѣрить въ ея участіе въ мятежѣ, а потому, страшными казнями изводя стрѣльцовъ, онъ повѣсилъ 195 человѣкъ подъ окнами Новодѣвичьяго монастыря. 5 мѣсяцевъ висѣли трупы стрѣльцовъ передъ глазами царевны.

11 октября для суда надъ С—ей царь созвалъ соборъ. Рѣшеніе его неизвѣстно; но по его-ли приговору, или самъ найдя это нужнымъ, Петръ рѣшилъ постричь сестру, чтобъ разъ навсегда отрѣзать ей возвратъ къ прошлому. 21 октября 1698 г. царевна С. стала инокиней Сусанной. Однако и послѣ этого опасенія Петра не улеглись; на караулѣ у монастыря поставленъ былъ сильный отрядъ—подполковникъ, капитанъ и сотня солдатъ. Князю Ромодановскому, которому былъ ввѣренъ надзоръ за узницей, данъ былъ слѣдующій строгій наказъ: «Сестрамъ, кромѣ Свѣтлой Недѣли и праздника Богородицына, который въ іюлѣ живетъ (18 іюля—Смоленской Богоматери), не ѣздить въ монастырь въ иные дни кромѣ болѣзни. Со здоровьемъ посылать Степана Нарбекова или сына его, или Матюшкиныхъ; а иныхъ, и бабъ и дѣвокъ не посылать; а о пріѣздѣ брать письмо у князя Ѳедора Юрьевича. А въ праздники бывъ не оставаться; а если останется—до другого праздника не выѣзжать и не пускать. А пѣвчихъ въ монастырь не пускать; поютъ и старицы хорошо, лишь бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ «спаси отъ бѣдъ», а въ папертн деньги на убійство даютъ».

При такомъ строгомъ надзорѣ жизнь старицы Сусанны должна была быть очень тяжела; внѣшняя ея обстановка была не дурна,—царь Петръ давалъ достаточно средствъ на прожитіе сестрѣ; въ 1700 году, напримѣръ, на содержаніе инокини Сусанны израсходовано разныхъ запасовъ на 5144 рубля 15 алтынъ $3^1/_2$ деньги. Но, разумѣется, ничто не могло

утѣшить царевну въ потерѣ власти и воли.

Въ соборномъ храмѣ Новодѣвичьяго монастыря на одной изъ гробницъ начертано: «Лѣта отъ сотворенія міра 7212, а отъ Рождества 1704 году Іюля въ 3 день въ понедѣльникъ на первомъ часу дни, на память святаго мученика Іоакинфа и въ пренесеніе мощей иже во святыхъ .Отца нашего Ѳилиппа Митрополита Кіевскаго и всея Россіи, въ тотъ день преставися раба Божія, Блаженныя памяти Благовѣрнаго и Благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и Блаженныя памяти благовѣрныя и благочестивыя Великія Государыни Царицы и Великія Княгини Маріи Ильиничны дщерь ихъ, Великая Государыня благовѣрная Царевна и Великая Княжна Софія Алексѣевна, а тезоименитство ея было сентября въ 17 числѣ, а отъ рожденія ей было 46 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ и 16 дней, во иноцехъ была 5 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ и 12 дней, а имя ей наречено Сусанна, а въ Схимонахиняхъ преименовано имя ей прежнее Софія, и погребена въ церкви Пресвятыя Богородицы Смоленскія на семъ мѣстѣ Іюля въ 4 день».

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, томъ III (стр. 398 и сл.), томъ IV (стр. 1—64)—Акты Историческіе, томъ V (стр. 131—134).—Дополненія къ Актамъ Историческимъ, томъ X, XI, XII.—Сборникъ Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, томъ IV (№ 132 и сл.).—Акты Археографической Экспедиціи, томъ IV.—Акты Западной Россіи, томъ V (стр. 168—227).—Древняя Россійская Вивліоѳика, томы VI, VII, VIII, XI, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XIX, XX.—Акты Тургенева, томъ II (стр. 280).—Сборникъ Муханова, изд. 2-ое (стр. 227 и сл).—Theiner, Monuments historiques, rélatifs aux règnes d'Alexij Michaelovitch, Théodor III et Pierre le grand, Czars de Russie (стр. 235—348).—Выходы Государей ,Царей и Великихъ Князей Михаила Ѳедоровича, Алексія Михайловича, Ѳедора Алексѣевича Всея Россіи Самодержцевъ (стр. 314 и сл.).—Розыскныя дѣла о Ѳеодорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ, изд. Археогр. Комм.—Русская Историческая Вивліоѳика, томъ V, XII, XVI.—Русская Вивліоѳика, Н. Полевого стр. 1—20, 32, 229, 301).—Воронежскіе Акты. Н. Второва и К. Александрова-Дольника, томъ I.—Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи.—Поповъ, Изборникъ . . . (стр. 253—256).—Сахаровъ, Записки Русскихъ Людей (Событія временъ Петра Великаго).—Vockerodt, Russland unter Peter dem Grossen, 1872, гл. III.—Лѣтописи Русской Литературы и Древностей,, томъ III («Врученіе книги . . . .»), томъ V («Исторія о вѣрѣ . . .» и «Замѣтка для біографіи Сильвестра Медвѣдева»).—Арцыбашевъ, Повѣствованіе о Россіи, томъ III, кн. VI, отд. II.—Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, томъ XIII, (гл. 2 и 3), томъ XIV (гл. 1, 2, 3).—Соловьевъ, Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ, чтеніе IV.—Погодинъ—Семнадцать первыхъ лѣтъ Петра Великаго.—Берхъ, Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича.—Брикнеръ, Исторія Петра Великаго, гл. II—V,: гл. XIII.—Устряловъ, Исторія Петра Великаго, томъ I, II, III.—Костомаровъ, Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ (біографіи Царевны Софіи и Петра Великаго).—Щебальскій, Царевна Софія.—Аристовъ, Московскія смуты въ правленіе царевны Софіи.—Забѣлинъ, Домашній бытъ Русскихъ Царицъ, гл. II.—Мордовцевъ, Русскія Историческія женщины. Женщина до-Петровской Руси, очеркъ XX.—Козловскій, Сильвестръ Медвѣдевъ.—Статья Е. А. Бѣлова въ Ж. М. Н. Пр.. 1887 г. № 1, 2.—Статья Е. Ф. Шмурло въ Ж. М. Н. Пр., 1898, № 1,—Rambaud, Histoire de la Russie (гл. XII).—Kleinschmidt, Drei Iahrhunderte Russisher Geschichte, гл. II.

М. Помяловскій.

Софія Витовтовна, княжна литовская, въ замужествѣ великая княгиня московская. Она была дочерью Витовта Кейстутовича, впослѣдствіи великаго князя литовскаго, отъ его второй жены Анны Святославны Смоленской, родилась около 1371 г., повидимому въ Трокахъ, гдѣ первоначально послѣ брака (а онъ былъ около 1370 г.) жила ея мать; о дѣтствѣ свѣдѣній не сохранилось. Въ 1386 г. она была помолвлена за Василія Димитріевича Донского, когда тотъ, бѣжавши изъ Орды, пробирался чрезъ Молдавію и Литву въ Москву. Нѣкоторые лѣтописцы при этомъ указываютъ, что будто Витовтъ принудилъ Василія Димитріевича дать слово жениться на его дочери. Вѣроятно, литовскіе князья мѣшали Витовту устроить судьбу дочери. «У меня была дочь, дѣвушка, жаловался онъ впослѣдствіи, и надъ ней я не имѣлъ никакой власти; были женихи, которые много просили ея руки, но я не могъ выдать ее, за кого хотѣлъ: они (Ягайло и Свидригайло, двоюродные братья Витовта) запрещали мнѣ и говорили, что я не долженъ ее выдавать, и боялись, что чрезъ нее у меня будутъ новые друзья»; они, между прочимъ, перехватывали и переписку Витовта.

Какъ бы то ни было, однако въ 1390 г. дѣло приняло иной оборотъ. Василій Димитріевичъ, ставши по смерти отца великимъ княземъ московскимъ, сдержалъ свое слово: по благословенію митрополита и по совѣту своей матери послалъ въ Литву

троихъ бояръ: Александра Поля, Андрея Бѣлеута и Селивана за невѣстой. Осенью того же года посольство прибыло въ Пруссію, въ г. Марбинъ (Маріенбургъ), гдѣ въ то время подъ покровительствомъ ордена жила семья Витовта. Вскорѣ же княжна С. была отправлена съ ними въ Москву; кромѣ вышеуказанныхъ лицъ ее сопровождалъ еще князь Иванъ Олгимонтовичъ Гольшанскій. Путь ихъ лежалъ изъ Данцига моремъ до Риги, а далѣе—чрезъ Псковъ и Новгородъ. Въ Москву С. прибыла («изъ за моря отъ нѣмецъ», по выраженію лѣтописца) 1 декабря (а по другимъ извѣстіямъ 30 декабря) 1390 г. Она была встрѣчена съ великимъ почетомъ: митрополитъ Кипріанъ и духовенство вышли за стѣны города со святыми крестами въ рукахъ и здѣсь привѣтствовали свою будущую Государыню. 9 января 1391 г. было совершено вѣнчаніе въ соборной церкви тѣмъ же митрополитомъ Кипріаномъ.

У С-и родились дѣти (по Хмырову—у нея было пять сыновей и четыре дочери, но имена ихъ не указаны): Юрій (въ 1395 г., умеръ въ 1400), Іоаннъ (въ 1396 г., умеръ въ 1417), Симеонъ (въ 1405 г., въ томъ же году и умеръ), Василій (10 марта 1415 г., ум. въ 1462), Анна и Василиса. Итакъ, трое сыновей умерли еще при жизни родителей въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ; остался въ живыхъ только Василій, который впослѣдствіи сталъ великимъ княземъ московскимъ; дочь Анна въ 1411 г. была выдана за византійскаго императора Іоанна Палеолога, но вскорѣ послѣ брака (черезъ 3 года) умерла отъ морового повѣтрія.

Благодаря браку съ С-ей и, можетъ быть, въ значительной мѣрѣ подъ ея вліяніемъ между Витовтомъ и Василіемъ Дмитріевичемъ завязались дружественныя отношенія, которыя долго не прерывались. Сохранилось извѣстіе, будто бы еще въ 1493 г. великій князь Василій Димитріевичъ и С. ѣздили въ Смоленскъ къ Витовту («на повиданье»). Въ 1396 г. весной, за двѣ недѣли до Пасхи, Василій Димитріевичъ ѣздилъ къ своему тестю въ Смоленскъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Кипріаномъ, былъ встрѣченъ Витовтомъ очень радушно и праздновалъ тамъ Пасху. Осенью того же года самъ Витовтъ послѣ рязанскаго похода навѣстилъ зятя въ Коломнѣ и пробылъ здѣсь нѣсколько дней.

Великая княгиня С. по пріѣздѣ въ Москву поддерживала связи съ родиной и своими близкими и неоднократно ѣздила гостить къ отцу и матери. Такъ въ 1398 г. (или въ 1399) она отправилась съ дѣтьми въ Смоленскъ, пробыла тамъ у отца и матери двѣ недѣли и уѣхала домой, получивъ богатые подарки, среди которыхъ особенно выдѣлялись святыя иконы «чудны зѣло обложены златомъ и сребромъ», и часть страстей Спасовыхъ. Въ 1414 г. въ одномъ замкѣ по Нѣману знаменитый путешественникъ того времени Гильбергъ де-Лануа посѣтилъ Витовта и встрѣтилъ здѣсь великую княгиню Московскую С-ю, которая гостила у родителей вмѣстѣ съ дочерью Анной. Въ 1423 г. княгиня С. снова ѣздила въ Смоленскъ со своимъ малолѣтнимъ сыномъ Василіемъ. Вмѣстѣ съ нимъ она посѣтила отца еще разъ въ 1427 г.

Въ 1415 г. С. была сильно больна и лежала при смерти передъ временемъ рожденія сына Василія, но потомъ быстро поправилась и надолго пережила своего супруга. Въ 1425 г. она осталась вдовой: 27 февраля Василій Димитріевичъ умеръ. Великая княгиня, по завѣщанію своего мужа, получила довольно обширныя и богатыя волости: нѣкоторыя изъ нихъ «въ опришнину», но большую часть въ пожизненное владѣніе. Эти волости давали княгинѣ значительный доходъ, такъ что она могла къ своимъ владѣніямъ прикупать новыя села и деревни, которыми уже распоряжалась по своей личной волѣ. Отъ Василія Дмитріевича сохранились три духовныя грамоты: въ первой, отъ 1406 г., великая княгиня Софія Витовтовна получила долю изъ коломенскихъ волостей, изъ московскихъ селъ, старинныя волости, что издавна были за княгинями, которыя и должны были перейти къ ней по смерти Василія Димитріевича, а впослѣдствіи ихъ слѣдовало передать будущей снохѣ; «въ опришнину» отдавались только два села, Богородицкое да Олексинское. По второй духовной грамотѣ, отъ 1423 г., волости были нѣсколько измѣнены; доля княгини увеличена, «въ опришнину» были отданы другія села: Гжеля и село Селицинское. Третья духовная, отъ 1424 г., повторяетъ вторую безъ какихъ либо существенныхъ измѣненій. Въ концѣ духовной грамоты было сказано: «А приказы-

ваю сына своего князя Василія и свою княгиню и свои дѣти своему брату и тестю великому князю Витовту, какъ ми реклъ на Бозѣ да на немъ... и своей братье молодшей».

Сохранилось извѣстіе (у Герберштейна), будто бы Василій Димитріевичъ, подозрѣвая жену свою Анастасію (Софію) въ невѣрности, отказалъ великое княженіе не сыну Василію, а брату Юрію; однако это сообщеніе—сказка, выдуманная и разсказанная Герберштейну людьми, озлобленными на потомство Василія Темнаго (Соловьевъ).

Такимъ образомъ, великая княгиня С., по смерти мужа, при малолѣтствѣ сына, наслѣдника престола, осталась въ главѣ правленія московскаго княжества; съ этого времени для нея открывается широкое поле государственной дѣятельности. Какъ только умеръ Василій Димитріевичъ, она созываетъ бояръ и сановниковъ и убѣждаетъ ихъ крѣпко стоять за ея сына Василія, а потомъ обратилась къ отцу, прося у него защиты и покровительства. Объ этомъ говоритъ и самъ Витовтъ: 15 августа 1427 г. онъ писалъ великому магистру Ордена, что къ нему пріѣхала дочь, великая княгиня московская, которая съ сыномъ и великимъ княжествомъ своимъ, съ землями и людьми подалась въ его опеку и обереганіе. Все это было тѣмъ болѣе необходимо, что Юрій Димитріевичъ, князь звенигородскій, дядя малолѣтняго Василія Васильевича, являлся серьезнымъ соперникомъ на великокняжескій столъ. Съ нимъ пришлось выдержать упорную борьбу, въ которой на долю Софіи Витовтовны выпала довольно видная роль.

Въ 1430 г. умеръ отецъ ея Витовтъ, поддерживавшій дочь и внука. Это обстоятельство давало большій просторъ политикѣ князя Юрія Димитріевича. Въ 1431 г. онъ тягался въ Ордѣ съ племянникомъ Василіемъ изъ-за великаго княженія московскаго. Софія Витовтовна привлекла на сторону сына московскихъ бояръ, которые и сами отлично понимали выгоды своего положенія при княженіи Василія, а потому стояли горой за послѣдняго. Въ начавшейся борьбѣ успѣху Василія много способствовалъ бояринъ Иванъ Димитріевичъ Всеволожскій, который въ то время былъ во главѣ московскаго боярства. Онъ, благодаря уму, ловкости и лести, сумѣлъ, несмотря на сильное противодѣйствіе князя Юрія, выхлопотать Василію ярлыкъ на великое княженіе. Дѣйствовалъ Всеволожскій не безкорыстно: онъ взялъ съ Василія обѣщаніе въ томъ, что Василій женится на его дочери. Однако С. нашла такой бракъ совершенно неподходящимъ, ни въ какомъ случаѣ не соглашалась на него и настояла на томъ, чтобы сынъ обручился съ княжной Маріей Ярославной, внучкой Владиміра Андреевича Храбраго.

8 февраля 1433 г. торжественно справлялась свадьба великаго князя Василія Васильевича. На нее пріѣхали и двоюродные братья Василія: Дмитрій (Шемяка) и Василій (Косой) Юрьевичи. Здѣсь разыгралась исторія съ драгоцѣннымъ поясомъ, которая и послужила ближайшимъ поводомъ къ страшной междоусобицѣ. На Василіѣ Юрьевичѣ былъ надѣтъ великолѣпный золотой поясъ на цѣпяхъ, осыпанный драгоцѣнными камнями. Этотъ поясъ имѣлъ свою любопытную исторію: онъ былъ подаренъ Димитріемъ Константиновичемъ, суздальскимъ княземъ, Димитрію Донскому въ то время, когда послѣдній былъ обрученъ съ его дочерью Евдокіей. Во время свадьбы (въ 1367 г.) тысяцкій Василій Вельяминовъ подмѣнилъ дорогой поясъ, положивши вмѣсто него другой, по цѣнности значительно уступавшій первому, и отдалъ его своему сыну Николаю, за которымъ была замужемъ Марія, старшая дочь того же Димитрія Константиновича Суздальскаго. Поясъ этотъ Николай отдалъ въ приданое Ивану Димитріевичу Всеволожскому, женившемуся на его дочери; а Иванъ Димитріевичъ сначала отдалъ его своей дочери, выданной за князя Андрея, сына Владимира Андреевича, а впослѣдствіи, по смерти Андрея Владиміровича, поясъ былъ подаренъ Василію Юрьевичу, нареченному жениху дочери князя Андрея, внучки Всеволожскаго. Василій Косой и щеголялъ въ немъ на свадебномъ великокняжескомъ пиру. Здѣсь намѣстникъ ростовскій Петръ Константиновичъ всмотрѣлся въ поясъ, узналъ его и разсказалъ его исторію великой княгинѣ. Софія Витовтовна, считая поясъ за родовую собственность, которая перешла въ чужія руки при помощи мошеннической продѣлки, собственноручно сняла его съ Василія Юрьевича и взяла себѣ. Племянники,

оскорбленные такой выходкой великой княгини, тотчасъ же оставили свадебное торжество, и вскорѣ началась продолжительная и кровавая распря.

Въ томъ же 1433 г., послѣ пораженія Василія III, С. принуждена была бѣжать изъ Москвы вмѣстѣ съ сыномъ и невѣсткой къ Твери, а потомъ на Кострому. Но за тѣмъ Юрій добровольно отдалъ Василію III Москву, и они въ нее вернулись. Однако, уже въ слѣдующемъ 1434 г. Юрій Димитріевичъ и его сыновья съ большимъ войскомъ нагрянули на Москву; черезъ недѣлю Москва сдалась, и великая княгиня С. попалась въ плѣнъ и была отослана въ Звенигородъ. Но Василій III, по смерти дяди Юрія, скоро снова утвердился на великомъ княженіи московскомъ и заключилъ съ двоюродными братьями мирный договоръ; тогда С., конечно, снова возвратилась въ Москву.

Въ 1440 г. княгиня ѣздила въ Переяславль вмѣстѣ съ боярами и дворянами. Въ 1444 г. (или 1445) въ Москвѣ случился великій пожаръ: почти весь городъ выгорѣлъ, не осталось ни одного дерева, даже каменныя зданія и церкви—и тѣ потрескались. Великая княгиня С. со всѣмъ семействамъ, боярами и дворомъ принуждена была уѣхать въ Ростовъ; по другимъ же извѣстіямъ, она направилась было въ Тверь, но по дорогѣ встрѣтилась съ Димитріемъ Шемякой, который и вернулъ ее обратно отъ рѣки Дубны.

12 февраля 1446 г., во время отсутствія великаго князя Василія Васильевича, когда онъ ѣздилъ въ Троицко-Сергіевскій монастырь на богомолье, Шемяка вмѣстѣ съ Іоанномъ, княземъ можайскимъ, неожиданно ночью напалъ па Москву и завладѣлъ ею: С. вторично попалась въ плѣнъ. Черезъ четыре дня (16 февраля 1446) былъ захваченъ великій князь Василій III, заключенъ подъ стражу и ослѣпленъ, а С. была сослана въ Чухлому. Вскорѣ, однако, Василію III удалось бѣжать, на его сторону перешла Москва, и онъ попрежнему занялъ великокняжескій столъ, а Шемяка былъ изгнанъ: онъ ушелъ въ Галичъ, потомъ въ Чухлому, а оттуда, захвативъ съ собой княгиню С-ю, въ Каргополь.

Тогда (въ февралѣ 1447 г.) Василій Васильевичъ послалъ къ нему боярина Василія Θеодоровича Кутузова со словами: «какая тебѣ честь и хвала держать въ плѣну мою мать, а свою тетку, или ты хочешь этимъ отомстить мнѣ? вѣдь я теперь сижу на своемъ великокняжескомъ столѣ». Шемяка, посовѣтовавшись съ боярами, отпустилъ С-ю на Москву въ сопровожденіи знатнаго боярина Михаила Сабурова. Всего въ плѣну великая княгиня пробыла ровно годъ. Великій князь Василій III выѣхалъ на встрѣчу матери въ Троицко-Сергіевскій монастырь. Здѣсь они и встрѣтились, а отсюда С. вмѣстѣ съ сыномъ поѣхала въ Переяславль.

И послѣ этихъ испытаній С. продолжала принимать участіе въ дѣлахъ московскаго государства. Въ 1451 г. она оставалась въ осадѣ на Москвѣ и защищала городъ отъ нападенія татаръ царевича Мазовши; а когда татары изъ подъ Москвы ушли, она извѣстила объ этомъ великаго князя Василія, который въ то время былъ за Волгой.

Умерла С. (въ иночествѣ Евфросинія и, какъ кажется, въ схимѣ Синклитикія) въ глубокой старости (около 82 лѣтъ отроду) 15 іюня 1453 г. и погребена въ московскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ она строила храмъ Вознесенья, начатый еще великой княгиней Евдокіей, супругой Димитрія Донского; храмъ этотъ С., впрочемъ, не окончила; она довела стѣны и своды только по кольцо, гдѣ быть верху, самый же верхъ не былъ сведенъ.

По смерти ея остались богатыя волости; у нея и въ Москвѣ былъ собственный дворъ за городомъ на Ваганьковѣ. Въ ея обширномъ завѣщаніи перечисляются 52 села, которыми, за исключеніемъ 6, она распорядилась по своей личной волѣ, она раздала ихъ своему сыну Василію Васильевичу, снохѣ — великой княгинѣ Маріи Ярославнѣ, внучатамъ, ихъ сыновьямъ—Іоанну, Юрію, Андрею и Борису, и княгинѣ Евфросиніи; болѣе всѣхъ былъ награжденъ любимый внукъ ея—Юрій.

До насъ дошелъ портретъ С., вышитый шелкомъ, золотомъ и жемчугомъ на саккосѣ митрополита Фотія. Княгиня Софія изображена здѣсь въ видѣ очень красивой молодой женщины во весь ростъ, въ роскошномъ княжескомъ нарядѣ. По мнѣнію Ровинскаго, всѣ такіе портреты отдѣлывались «по иконному», безъ малѣйшаго намека на натуру.

Историки изображаютъ С-ю женщиной

*

съ твердымъ характеромъ, умной, гордой и энергичной.

Полн. собр. рус. лѣт., т. т. IV (четв. новгородская), VI (вторая софійская), VIII (воскресенская), XI и XII (никоновская).—Архангел. лѣт..—Львовскій лѣтописецъ, ч. III.—Степенная Книга, I и II; Акты Ист., I, № № 12, 38, 41, 54, 262.—Дополненія къ А. И., I, стр. 10, 350.—Акты Археол. Эксп. I, стр. 31, 87.—Собр. Гос. Гр. и Дог., I; № № 39, 41, 42, 56, 57, 60, 63. 83.—Герберштейнъ Записки о Московіи.—Scriptores rerum prussicarum, т. III, стр. 448,—Карамзинъ, Ист. Г. Рос., V т.—Соловьевъ, Ист. Россіи, т. IV.—Бестужевъ-Рюминъ, Рус. Ист., т. II.—Иловайскій, Исторія Россіи, т. II.—Забѣлинъ, Домаш. бытъ рус. царицъ въ XVI и XVII вв.:—его же, Исторія г. Москвы, ч. I.—Иллюстриров. Газета, 1868 г. т. XXII, № 26 (крат. біографія и портретъ).—Васильевскій, ст. Жена Витовта (Анна Святославна) въ Виленскомъ Вѣстникѣ за 1870 г. № № 18, 19, 24, 40, 57, 59.—Мордовцевъ, Рус. историч. женщины.—Ровинскій, Подробный словарь гравированныхъ портретовъ, т. II;—Филимоновъ, Иконные портреты рус. царей (Вѣстникъ Общ. др.-рус. искусства 1875 г., 35).—Барбашевъ, Витовтъ и его политика до 1410 г..—его же, Витовтъ, послѣднія двадцать лѣтъ княженія.

М. Клочковъ.

Софія Димитріевна, дочь Димитрія Донского и Евдокіи Димитріевны суздальской (ихъ бракъ относится къ 1366 г.), родилась не раньше 1367 г. Въ 1387 г. (въ 1386—по никоновской лѣтоп.) она была выдана за князя Ѳеодора, сына Олега рязанскаго чѣмъ былъ скрѣпленъ недавній вѣчный миръ Москвы съ Рязанью. Въ 1402 г. стала великой княгиней рязанской: по смерти Олега, ея супругъ получилъ въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе рязанское. Годъ ея смерти неизвѣстенъ.

П. С. Р. Л., т. т. VI, VIII, XI.—А. И., I, №№ 38, 80; II, № 79.—Иловайскій, Исторія Рязанскаго княжества и др. общіе труды по ист. Ряз. кн.

М. К.

Софія Ѳоминична *(Зоя Палеологъ),* урожденная принцесса византійская, великая княгиня Московская, родилась около 1448 г., прибыла въ Москву и вступила въ бракъ съ Іоанномъ III 12 ноября 1472 г., умерла 7 апрѣля 1503 г.

Зоя Палеологъ происходила отъ послѣдней царственной фамиліи византійской. Отецъ ея, Ѳома Палеологъ, родной братъ византійскаго императора Константина XII, въ 1430 г. женился на принцессѣ Екатеринѣ, дочери Захарія II Чентуріоне, морейскаго господаря. Послѣдняго Ѳома лишилъ престола, а самъ занялъ его мѣсто въ Мореѣ. Вѣроятно, тамъ же и родилась у него дочь Зоя, но когда—съ точностью неизвѣстно. Обычно дата ея рожденія пріурочивается къ 1448 г. на основаніи свидѣтельства болонскихъ лѣтописцевъ, которые, описывая проѣздъ Зои черезъ Болонью въ 1472 г., по виду давали ей 24 года; косвеннымъ подверждeніемъ того же служитъ каррикатурное описаніе Зои, набросанное флорентійскимъ поэтомъ Пульчи: онъ, высмѣивая наружность Зои (въ томъ же 1472 г.), о возрастѣ ея не упоминаетъ, чѣмъ онъ не упустилъ бы воспользоваться, если бы Зоя была тогда въ лѣтахъ.

Дѣтство ея совпало съ бурей, пронесшейся надъ Византіей: Магометъ II, во главѣ многочисленнаго войска, нанесъ послѣдній ударъ угасавшей Византіи. Въ 1453 г. палъ Константинополь, и турки водворились въ немъ. Недолго послѣ этого могъ устоять въ неравной борьбѣ и отецъ Зои, Ѳома, господарь морейскій. Въ 1460 г., когда Зоѣ было около 12 л., онъ принужденъ былъ бѣжать отъ напора турокъ изъ Пелопонеса; безъ всякихъ средствъ къ жизни, съ одними надеждами на стороннюю помощь, Ѳома, оставивъ жену и дѣтей на о. Корцирѣ (нынѣ Корфу), направляется въ Италію, къ папѣ Пію II, чтобы здѣсь хлопотатъ о союзѣ противъ турокъ. Вліятельнымъ ходатаемъ и посредникомъ по его дѣламъ въ Италіи былъ извѣстный кардиналъ, грекъ Виссаріонъ, ревностный поборникъ флорентійской уніи. Виссаріонъ въ дальнѣйшей судьбѣ Зои принималъ самое горячее участіе. Папа принялъ Ѳому очень радушно и назначилъ ему пенсію.

Зоя съ своей семьей прожила на Корцирѣ около 5 лѣтъ. 1465 годъ былъ для нея очень несчастнымъ: она осталась круглой сиротой; въ этомъ году сначала умерла ея мать, а нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, 12 мая, скончался отецъ въ тотъ самый моментъ, когда она и два ея брата, Андрей и Мануилъ, подплывали къ берегамъ Италіи, такъ что имъ даже не удалось свидѣться послѣ долгой разлуки.

Заботы объ устроеніи ихъ жизни и ихъ воспитаніе взялъ на себя вѣрный другъ Ѳомы—кардиналъ Виссаріонъ. Сохранилось любопытное письмо Виссаріона, въ которомъ онъ начерталъ програму занятій и воспитанія дѣтей византійскаго принца. Написано оно было наставнику

ихъ, такъ какъ, по словамъ Виссаріона, Зоя и ея братья по своей молодости не могутъ полностью уразумѣть преподаваемыхъ имъ наставленій. Изъ этого письма узнаемъ, что папа по прежнему будетъ отпускать на ихъ содержаніе 3600 экю въ годъ (около 1.000 руб. ежемѣсячно). Повидимому, это было все, такъ какъ расходы Виссаріономъ разсчитаны только на эту сумму: 200 экю въ мѣсяцъ должны были идти на принцессу и принцевъ, на ихъ одежду, лошадей и прислугу; отсюда же слѣдовало дѣлать сбереженія на случай болѣзни и на непредвидѣнные расходы, а 100 экю предназначались на покрытіе расходовъ по содержанію скромнаго двора. Среди придворныхъ Виссаріонъ упоминаетъ одного медика, одного профессора греческаго языка, одного профессора латинскаго языка, переводчика и одного или двухъ латинскихъ священниковъ. Переходя къ воспитанію, Виссаріонъ говоритъ: знатность не имѣетъ цѣны безъ добродѣтелей, тѣмъ болѣе, что вы сироты, изгнанники, нищіе, не забывайте этого и будьте всегда скромны, любезны, и привѣтливы, занимайтесь серьезно ученіемъ, чтобы занять впослѣдствіи положеніе, вамъ приличествующее. По вопросу о религіи онъ указываетъ на волю ихъ отца, принца Ѳомы, который просилъ воспитать дѣтей въ лонѣ западной церкви, а потому они должны жить и одѣваться, какъ латины, посѣщать латинскую церковь и вести себя смиренно и покорно передъ папой. У васъ будетъ все, заключаетъ Виссаріонъ, если вы станете подражать латинамъ; въ противномъ случаѣ вы не получите ничего.

Зоя вполнѣ подчинилась этому требованію и съ того времени жила въ Римѣ и называлась на оффиціальномъ языкѣ возлюбленной дочерью римской церкви, питомицей апостольскаго престола.

Она была уже на возрастѣ, а потому ея бракъ, который соотвѣтствовалъ бы ея блестящему происхожденію, по словамъ Виссаріона, былъ предметомъ неусыпныхъ отеческихъ заботъ его.

Однако Зоя, сирота, воспитанница папы, не считалась особенно выгодной партіей. Такъ, въ 1466 г., когда венеціанская сеньорія на просьбу Якова II, короля кипрскаго, указать ему невѣсту отвѣтила предложеніемъ посватать принцессу Зою, Яковъ II на это не согласился; по словамъ о. Пирлинга, блескъ ея имени и слава предковъ были плохимъ оплотомъ противъ оттоманскихъ кораблей, крейсировавшихъ въ водахъ Средиземнаго моря.

Болѣе успѣха имѣло другое сватовство. Около 1467 г. папа Павелъ II черезъ кардинала Виссаріона предложилъ византійскимъ принцамъ выдать сестру за князя Параччіоло, знатнаго итальянскаго богача. Послѣдовало согласіе. Вскорѣ Зоя была торжественно обручена своему жениху. Но бракъ не состоялся. Тогда возникъ проектъ—выдать Зою за Іоанна III, великаго князя Московскаго.

Инціаторомъ проекта явился Виссаріонъ, который дѣйствовалъ, вѣроятно, съ вѣдома и согласія папы, такъ какъ расходы по путешествію пословъ въ Москву были приняты папой на свой счетъ. Сильный Московскій князь могъ возбуждать въ Римѣ надежды на помощь противъ турокъ и мечты па присоединеніе Руси къ папскому престолу. Начались предварительные переговоры. Русская лѣтопись повѣствуетъ: 11 февраля 1469 г. грекъ Юрій прибылъ въ Москву отъ кардинала Виссаріона въ великому князю съ листомъ, въ которомъ великому князю предлагалась въ невѣсты Софія, дочь аморейскаго деспота Ѳомы, «православная христіанка». Наши лѣтописи вездѣ называютъ принцессу Зою — Софіей, лишь въ одномъ мѣстѣ сдѣланъ намекъ па ея настоящее дѣвичье имя, и она названа Зинаидой. Вѣроятно, Зоя перемѣнила свое имя при бракѣ, каковой обычай у насъ былъ нерѣдокъ.

Великій князь, посовѣтовавшись съ митрополитомъ Филиппомъ, съ матерью и боярами, въ мартѣ мѣсяцѣ отправилъ въ Римъ Ивана Фрязина посмотрѣть царевну. Въ православіи невѣсты никто не усумнился, и до Москвы не дошло извѣстіе о томъ, что принцесса воспитывается въ латинствѣ.

Иванъ Фрязинъ русскихъ лѣтописей, Джанъ Батиста делла Вольпе римскихъ и венеціанскихъ источниковъ, былъ родомъ итальянецъ изъ Виченцы, принадлежалъ къ знатной и богатой фамиліи, человѣкъ былъ ловкій и предпріимчивый; въ 1455 г. онъ попалъ въ Россію, принялъ православіе, вошелъ въ довѣріе великаго князя и сдѣлался у него монетнымъ

мастеромъ. Порученное ему дѣло о бракѣ было не изъ легкихъ: невѣста была католичка, женихъ—православный, въ Римѣ папа мечталъ о подчиненіи русской церкви, въ Москвѣ объ этомъ не могло быть и рѣчи. Вольпе ловко лавировалъ между двухъ огней, слылъ въ Москвѣ за православнаго, въ Римѣ прикидывался истиннымъ католикомъ, и тамъ и здѣсь говорилъ льстивыя рѣчи, а попутно возбуждалъ въ Италіи надежды на сильную помощь противъ турокъ.

Царевна, по сказанію русскихъ лѣтописей, услышавъ, что великій князь и вся его земля—въ православной вѣрѣ христіанской, выразила свое полное согласіе на бракъ. Папа принялъ посла съ великой честью и тоже согласился; просилъ великаго князя прислать за невѣстой бояръ и далъ для нихъ двухлѣтнюю охранную грамоту.

Иванъ Фрязинъ привезъ въ Москву портретъ Зои (царевну на иконѣ написану). Вскорѣ же Іоаннъ III, обмысливъ дѣло съ митрополитомъ, матерью своей и боярами, отправилъ (16 янв. 1472 г.) того же Ивана Фрязина во главѣ съ посольствомъ въ Римъ за царевной С-ей; 23 мая онъ уже былъ тамъ. На другой день папа созвалъ совѣтъ, на которомъ обсуждался вопросъ о предстоящемъ бракѣ, о пріемѣ пословъ, а попутно о вѣрѣ русскихъ. 25 мая московское посольство явилось предъ тайной консисторіей и предъявило княжескую грамоту, въ которой Іоаннъ III билъ челомъ папѣ и просилъ посламъ его вѣрить. Послы представились Сиксту IV, выразили отъ имени великаго князя уваженіе и поднесли въ подарокъ шубу и 70 соболей. Папа принялъ и то и другое съ удовольствіемъ и похвалилъ великаго князя за намѣреніе вступить въ бракъ съ принцессой Зоей, дочерью апостольскаго престола. 1 іюня было совершено обрученіе Зои съ уполномоченнымъ отъ великаго князя. Торжество, происходившее въ базиликѣ св. апостоловъ Петра и Павла, было отпраздновано съ роскошью и блескомъ. Многочисленное изысканное общество окружало принцессу, самыя знатныя патриціанки Рима, Флоренціи и Сіенцы явились лично, кардиналы прислали представителей, королева Босніи Катерина и всѣ знатные соотечественники принцессы сопровождали ее къ алтарю.

Папа Сикстъ IV отнесся съ отеческой заботливостью къ сиротѣ: онъ далъ Зоѣ въ приданое, кромѣ подарковъ, около 6000 дукатовъ и разослалъ напередъ по городамъ письма, въ которыхъ во имя уваженія, подобающаго апостольскому престолу, просилъ принять Зою съ расположеніемъ и добротой. О томъ же хлопоталъ и Виссаріонъ; онъ писалъ сіенцамъ на случай проѣзда невѣсты черезъ ихъ городъ: «мы усердно просимъ васъ ознаменовать ея прибытіе какимъ-нибудь празднествомъ и позаботиться о достойномъ пріемѣ». Неудивительно, что путешествіе Зои было своего рода тріумфальнымъ торжествомъ. 24 іюня, простившись съ папой въ садахъ Ватикана, Зоя направилась на далекій сѣверъ. Ее сопровождала свита изъ грековъ, итальянцевъ и русскихъ, въ числѣ которой были Юрій Траханіотъ, князь Константинъ, Дмитрій—посолъ братьевъ Зои, и генуэзецъ Антонъ Бонумбре, епископъ Аччіи (его наши лѣтописи ошибочно называютъ кардиналомъ), папскій легатъ, миссія котораго должна дѣйствовать въ пользу подчиненія русской церкви.

Путь принцессы лежалъ изъ Италіи черезъ нѣмецкія страны до береговъ Балтійскаго моря; сѣвъ въ Любекѣ на корабль, она прибыла въ Ревель, а отсюда черезъ земли тевтонскаго ордена достигла границъ Московскаго государства. Многіе города Италіи и Германіи (по сохранившимся извѣстіямъ: Сіенна, Болонья, Виченца, Нюренбергъ, Любекъ) встрѣчали и провожали ее съ царскимъ почетомъ, въ честь принцессы устраивали празднества. Такъ, напр., въ Болоньѣ Зою принималъ въ своемъ дворцѣ одинъ изъ главныхъ мѣстныхъ сеньоровъ. Принцесса неоднократно показывалась толпѣ и вызывала общее удивленіе своей красотой и богатствомъ наряда. Съ необыкновенной пышностью было совершено посѣщеніе мощей св. Доминика, ее сопровождали самые знатные молодые люди. Болонскіе лѣтописцы повѣствуютъ о Зоѣ съ восторгомъ.

На 4-ый мѣсяцъ пути Зоя, наконецъ, вступила на русскую почву. 1-го октября она выѣхала изъ Колывани, скоро была въ Дерптѣ, куда явились встрѣтить свою будущую государыню посланные великаго князя, а потомъ направилась къ Пскову. Еще до прибытія Софіи сюда прискакалъ

отъ моря гонецъ съ извѣстіемъ, что ѣдетъ царевна, нареченная невѣста великаго князя. Псковичи стали медъ сытить и кормъ сбирать, а напередъ послали шесть большихъ убранныхъ судовъ, посадниковъ и бояръ, чтобы «съ честью» встрѣтить царевну. 11 октября около устья Эмбаха посадники и бояре встрѣтили царевну и били ей челомъ съ кубками и золотыми рогами, наполненными медомъ и виномъ. 13-го принцесса прибыла во Псковъ, гдѣ пробыла ровно 5 дней. Псковскія власти и знать одарили ее и свиту подарками и поднесли ей 50 руб. Ласковый пріемъ растрогалъ царевну, и она обѣщала псковитянамъ свое заступничество передъ будущимъ супругомъ.

Принцесса Зоя, при самомъ въѣздѣ на Русь, съ замѣчательнымъ тактомъ сумѣла показать себя въ выгодномъ свѣтѣ: она забыла латинство и явилась ревнительницей православія, что особенно было дорого для тогдашняго русскаго человѣка, и не оправдала надеждъ папы. Такъ, во Псковѣ, когда духовенство встрѣчало ее съ крестами въ рукахъ, а посадники—съ челобитіемъ, она прежде всего подошла подъ благословеніе къ священникамъ, направилась немедленно въ соборъ, прослушала молебенъ и приложилась къ иконамъ, а когда латинскій епископъ Антонъ, ея спутникъ, не хотѣлъ выразить почтенія передъ иконами, она настояла на этомъ.

21 октября царевна была въ Новгородѣ, а отсюда поспѣшила къ Москвѣ. Около Москвы произошло небольшое замедленіе по поводу извѣстнаго инцидента съ крестомъ папскаго легата Антонія. 12 ноября 1472 г. царевна вступила въ Москву; многочисленная толпа народа собралась посмотрѣть на нее. Прямо съ дороги она была привезена въ церковь, гдѣ митрополитъ благословилъ ее, а потомъ отвелъ въ хоромы великой княгини Маріи. Вскорѣ сюда же прибылъ и великій князь: женихъ и невѣста впервые увидали другъ друга. Тутъ же было совершено обрученіе, а черезъ нѣсколько часовъ, послѣ литургіи, въ Успенскомъ соборѣ митрополитъ Филиппъ (по Софійскому Врем.—коломенскій протопопъ Осія) повѣнчалъ ихъ. На торжествѣ присутствовали: мать великаго князя, его сынъ, братья, князья, бояре, свита, прибывшая съ царевной, и множество народа. Такъ византійская принцесса Зоя, питомица папы, стала Софіей Ѳоминичной, великой княгиней московской.

Пріѣхавши въ Москву, С. навсегда поселилась въ ней, лишь изрѣдка выѣзжая изъ нея, то въ минуту опасности, то на богомолье. Для нея въ Москвѣ были выстроены особыя хоромы и дворъ, но они вскорѣ же, въ 1493 г., сгорѣли, при чемъ во время пожара погибла и казна великой княгини. Семейная жизнь ея, повидимому, сложилась довольно удачно: у нея была многочисленная семья, 5 сыновей и 5 дочерей (изъ послѣднихъ двѣ вскорѣ послѣ рожденія умерли); въ 1474 г. родилась первая дочь, въ 1479—первый сынъ, Василій-Гавріилъ (впослѣдствіи—Василій III); одна изъ дочерей, Елена, была выдана за великаго князя Литовскаго Александра Казиміровича. Софія была любима своимъ супругомъ и имѣла на него значительное вліяніе. Будучи великой княгиней, С., однако, никогда не забывала, что она по своему происхожденію «царевна» византійская, и при случаѣ умѣла это обстоятельство подчеркнуть. Въ Троицкомъ-Сергіевскомъ монастырѣ хранится шелковая пелена, шитая руками С-и въ 1498 г.; на пеленѣ вышито ея имя, при чемъ она величаетъ себя не великой княгиней московской, а «царевной цaрегородской». Видимо, она высоко ставила свое прежнее званіе, если помнитъ о немъ даже послѣ 26-лѣтняго замужества.

Сохранилось извѣстіе (у Татищева), будто бы, благодаря вмѣшательству С-и, было сброшено Іоанномъ III татарское иго. Когда на совѣтѣ великаго князя обсуждалось требованіе ханомъ Ахматомъ дани, и многіе говорили, что лучше умиротворить нечестиваго дарами, чѣмъ проливать кровь христіанскую, то будто бы С-я горько расплакалась и съ упреками уговаривала супруга покончить съ данническими отношеніями и, положившись на воинскую силу и Бога, постоять за свою честь и вѣру святую. Однако, во время самой борьбы съ татарами С-и въ Москвѣ не было: она, передъ нашествіемъ Ахмата, ради безопасности, съ дѣтьми, дворомъ, боярынями и княжеской казной была отправлена сначала въ Дмитровъ, а потомъ на Бѣлоозеро; въ случаѣ же, если царь Ахматъ

перейдетъ Оку и возьметъ Москву, то ей было сказано бѣжать дальше на сѣверъ къ морю. Это дало поводъ Виссаріону, владыкѣ ростовскому, въ своемъ знаменитомъ посланіи предостерегать великаго князя отъ постоянныхъ думъ и излишней привязанности къ женѣ и дѣтямъ. С. вернулась въ Москву зимой, когда опасность миновала. Въ этомъ же году пріѣзжалъ къ ней изъ Рима братъ Андрей, былъ онъ у нея и еще разъ въ 1491 г., но долго не заживался. На него, а также на племянницу Марію, которую С. выдала за князя Василія Михайловича Верейскаго, она истратила много казны; между прочимъ великая княгиня отдала племянницѣ въ приданое дорогое украшеніе первой жены Іоанна III, за что послѣдній сильно разгнѣвался, такъ какъ собирался подарить его своей невѣсткѣ Еленѣ. Князь Василій Верейскій подвергся опалѣ и бѣжалъ въ Литву; лишь въ 1493 г. С. выхлопотала ему милость великаго князя: опала была снята. Жизнь С-и не ограничивалась тѣснымъ кругомъ семьи: она давала ауденціи иностранцамъ, отправляла привѣтствія чужеземнымъ государствамъ, писала письма къ ханшѣ. Венеціанскій посолъ Контарини разсказываетъ, что онъ въ 1476 г. представлялся великой княгинѣ С-и, которая приняла его вѣжливо и ласково и убѣдительно просила поклониться отъ нея свѣтлѣйшей республикѣ.

Въ послѣдніе годы своей жизни С-и пришлось испытать не мало горя. Іоаннъ молодой, сынъ Іоанна III отъ перваго брака, въ 1490 г. послѣ тяжкой болѣзни скончался. Враги С-и втихомолку клеветали, что онъ былъ отравленъ С-ей, будто бы хотѣвшей, во что бы то ни стало, возвести на великое княженіе своего сына Василія. У Іоанна молодого остался маленькій сынъ Дмитрій отъ супруги Елены. Являлся вопросъ, кому передать княженіе? Естественно, что С-и хотѣлось видѣть великимъ княземъ своего сына, но князья и бояре, не любившіе С-и, интриговали въ пользу внука Дмитрія. На сторону С-и стали второстепенные придворные люди, мелкіе князья, дѣти боярскіе, дьяки. Завязалась глухая упорная борьба; подробностей ея мы не знаемъ. Сначала казалось, что дѣло С-и и ея сына Василія окончательно проиграно: въ декабрѣ 1497 г. былъ открытъ заговоръ, въ которомъ былъ замѣшанъ Василій; тогда же Государь узналъ, что къ великой княгинѣ приходили какія то лихія бабы съ зельемъ. Раздраженный происками, онъ приказалъ С-и не являться на его глаза, Василія—заключить подъ стражу, бабъ—утопить и казнить заговорщиковъ. 4 февраля 1498 г. внукъ Дмитрій былъ торжественно вѣнчанъ на царство. Однако этимъ борьба далеко не закончилась. Въ январѣ 1499 г. самые знатные и приближенные бояре, бывшіе на сторонѣ невѣстки Елены и Дмитрія, князья Патрикеевы и князь Ряполовскій подверглись опалѣ за крамолу и измѣну, которыя, надо думать, состояли въ дѣйствіяхъ, направленныхъ противъ С-и и Василія. Съ этого времени великій князь снова началъ любить и жаловать свою жену. Въ мартѣ 1499 г. Василій былъ объявленъ великимъ княземъ Новгорода и Пскова, а 14 апрѣля 1502 г. былъ посаженъ на великое княженіе всея Руси самодержцемъ.

Недолго послѣ этихъ потрясеній прожила С.: она умерла 5 апрѣля 1503 г., будучи еще не въ преклонномъ возрастѣ (около 55 лѣтъ), и погребена въ Москвѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ.

О наружности С-и можно было бы судить по портрету, привезенному Иваномъ Фрязинымъ, но онъ не сохранился. Существуетъ фреска, на которой, въ числѣ лишенныхъ престола государей, окружающихъ папу Сикста IV, помѣщена и С.; но, судя по костюмамъ, это изображеніе, вѣроятно, сдѣлано не въ XV в., а гораздо позднѣе. Поэтъ Пульчи въ 1472 г. карикатурно изобразилъ Зою въ такомъ видѣ: это—гора жира, жирная масляница, «два турецкихъ литавра на груди, отвратительный подбородокъ, лицо—вспухшее, пара свиныхъ щекъ, шея, ушедшая въ эти литавры, два глаза, стоющіе четырехъ». Но патриціанка Клариса Орсини, тогда же познакомившаяся съ Зоей, нашла ее красивой. По отзыву болонскихъ лѣтописцевъ, она была невысокаго роста, обладала очень красивыми глазами и удивительной бѣлизной кожи.

Современники и ихъ ближайшіе потомки не любили С-ю; она считалась женщиной умной, но гордой, хитрой и очень коварной. Вся знать была противъ нея. Непріязнь къ ней сказалась даже и въ лѣтописяхъ. Такъ, по поводу ея возвра-

щенія съ Бѣлоозера, лѣтописецъ замѣчаетъ: «великая княгиня Софья... бѣгала отъ татаръ на Бѣлоозеро, а не гонялъ никтоже; и по которымъ странамъ ходила, тѣмъ пуще татаръ—отъ боярскихъ холоповъ, отъ кровопійцовъ христіанскихъ. Воздай же имъ, Господи, по дѣломъ ихъ и по лукавству начинанія ихъ»!

Рѣзкій отзывъ о С-и даетъ опальный думный человѣкъ Василія III Берсень Беклемишевъ въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ. Онъ говорилъ: «земля наша русская жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюда мать великаго князя Софья съ вашими греками, такъ наша земля и замѣшалась и пришли къ намъ нестроенія великія, какъ и у васъ въ Царьградѣ при царяхъ вашихъ». Максимъ на то Берсеню возражалъ: «Господине, великая княгиня Софья съ обѣихъ сторонъ была роду великаго: по отцѣ—царскаго рода, а по матери—великаго герцога италійской стороны». На то Берсень отвѣчалъ: «Какова бы она ни была; да къ нашему нестроенію пришла». Нестроеніе же это, по словамъ Берсеня, сказалось въ томъ, что съ того времени «старые обычаи князь великій перемѣнилъ», «нынѣ Государь нашъ запершися самъ третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ». Итакъ, по мнѣнію Берсеня Беклемишева, С.—виновница нестроенія на Руси, перемѣны обычаевъ, удаленія Государя отъ бояръ и усиленія его одной личной воли. Герберштейнъ въ своихъ запискахъ передаетъ, что Софья была весьма хитра и подъ ея вліяніемъ великій князь сдѣлалъ многое; между прочимъ она побудила мужа лишить царства внука Дмитрія и назначить на его мѣсто ея сына Гавріила. С. съ большой досадой переносила униженія своего мужа передъ татарами и ежедневно говорила, что она вышла замужъ за раба татаръ. Она убѣдила супруга притворяться больнымъ при пріѣздахъ ханскихъ пословъ, чтобы не выполнять при встрѣчѣ рабскаго обряда. Ей удалось, между прочимъ, выжить татаръ изъ Кремля, гдѣ они раньше останавливались въ собственныхъ хоромахъ. Особенно строгъ къ Софіи князь Курбскій. Онъ убѣжденъ, что «въ предобрый русскихъ князей родъ всѣялъ діаволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами»; обвиняетъ Софью въ отравленіи Іоанна молодого, въ смерти Елены, въ заключеніи Дмитрія, князя Андрея Углицкаго и другихъ лицъ, презрительно называетъ ее гречанкой, греческой «чародѣйцей».

Роль С-и и ея вліяніе на укладъ Московскаго государства съ разныхъ сторонъ обсуждались цѣлымъ рядомъ историковъ. Еще Щербатовъ придавалъ Софьѣ большое значеніе; Іоаннъ III, по его словамъ, на совѣтѣ съ матерью, митрополитомъ и боярами высказалъ мысль, что благодаря браку съ византійской царевной онъ можетъ получить право на константинопольскій престолъ, можетъ войти въ сношенія съ папскимъ дворомъ и съ другими европейскими державами, и самыя достоинства княжны могутъ составить счастіе государя и народа. Карамзинъ, повторяя въ основномъ Щербатова, прибавляетъ, что С. способствовала «великолѣпію нашего двора сообщеніемъ ему пышныхъ обрядовъ византійскихъ»; былъ принятъ византійскій гербъ; С-я, какъ пишутъ, «не переставала возбуждать супруга къ сверженію ига». Совершенно другую оцѣнку даетъ Полевой; онъ говоритъ: за С-ей наслѣдства не было, Іоаннъ III самъ искалъ сношеній съ Западомъ; вопросъ о роли С-и при сверженіи ига Полевой обходитъ молчаніемъ. Соловьевъ указываетъ, что царевна С-я принесла съ собой преданія имперіи, которыя способствовали укрѣпленію власти московскаго государя; благодаря ея внушеніямъ, произошла перемѣна отношеній Іоанна III къ князьямъ и боярамъ; вліяніе же С-и, которая, конечно, имѣла въ виду своего сына, сказалось въ вѣнчаніи Іоанномъ III внука на царство. Костомаровъ по существу повторяетъ Соловьева и отчасти Карамзина. С., по его словамъ, «могла только укрѣплять своего супруга въ помыслахъ самодержавія, а не зарождала ихъ въ немъ»; историкъ видитъ вліяніе С-и также и въ томъ, что Іоаннъ III началъ иногда титуловаться царемъ. Иловайскій, подводя итогъ всему тому, что было сказано изслѣдователями до него, предостерегаетъ: «вліяніе Софьи не слѣдуетъ преувеличивать». Бестужевъ-Рюминъ того мнѣнія, что бракъ С-и съ Іоанномъ III имѣлъ важное вліяніе на форму Московскаго государства и на всю внѣшнюю обстановку власти государей: въ Москвѣ появилось царское величіе,

византійскій гербъ, вѣнчаніе на царство, придворный этикетъ и придворные чины. Забѣлинъ отмѣчаетъ послѣдствія брака, сказавшагося въ домашнемъ быту московскаго государя: съ приходомъ С-и преобразовываются дворъ и дворецъ, устанавливаются торжественные чины и обряды на подобіе византійскихъ. Затѣмъ онъ подчеркиваетъ итальянское вліяніе, проникшее въ Москву съ С-ей: съ того времени идеалъ римскихъ и византійскихъ цезарей носился передъ взоромъ московскаго князя и далъ окончательную отдѣлку формѣ русскаго самовластія. Иконниковъ считаетъ, что женитьба Іоанна III на С-іи имѣла большое значеніе для развитія политическихъ понятій на Руси. По мнѣнію Пирлинга, С. считала себя наслѣдницей византійскаго престола, а потому бракъ далъ Іоанну III «реальныя права (по крайней мѣрѣ, наружно) на наслѣдство, котораго въ равной степени добивались государь и народъ»; эти права впослѣдствіи особенно рельефно выразились въ знаменитой теоріи: Москва—третій Римъ.

Успенскій тоже находитъ, что бракъ Іоанна III съ С-ей служилъ обоснованіемъ теоріи константинопольскаго наслѣдства, слѣдствіемъ его былъ «актъ передачи Іоанну III титула и правъ на Византію со стороны дѣйствительнаго наслѣдника престола Андрея Палеолога». По этому же вопросу Дьяконовъ пришелъ къ выводу, что Іоаннъ III, повидимому, отрицательно относился къ вопросу о реальномъ наслѣдствѣ константинопольскихъ царей. Болѣе рѣшителенъ въ выводахъ новѣйшій историкъ Савва. Онъ утверждаетъ, что послѣ брака съ С-ей Іоаннъ III не считалъ себя наслѣдникомъ Византіи; при борьбѣ съ татарами не С. или кто-либо другой внушилъ Іоанну III мысль о сверженіи ига, это была старая завѣтная мысль московскихъ князей; сомнительно, чтобы С-я принесла съ собой политическія идеи объ отношеніи государя къ своимъ подданнымъ. Указывая на то, что пышность московскаго двора выростала постепенно, Савва склоненъ отрицать и то, что съ пріѣздомъ Софіи въ Москвѣ появились придворные обряды, чины, этикетъ, тѣмъ болѣе, что С. не была свидѣтельницей блеска и величія византійской имперіи.

Полн. собр. рус. лѣт., т. т. IV (четв. новгород. и псков. первая), 151—161; 244—246; VI (софійская перв. и втор.), 16—48, 196—243; VIII (воскресен.), 154—243; XII (никонов.), 120—257; — Степенная книга, II, — Лѣтописецъ архангелогородскій, 178—209;—Лѣтопись Львова, ч. II и III;—Продолженіе др. рос. Вивліоѳики, ч. III;—А. А. Э., I, №№ 138, 172;—Слѣдственное дѣло Максима Грека (Сбор. кн. Оболенскаго, 1838 г., № 3),—Сказанія кн. Курбскаго, ч. I;—Библіотека иностр. писателей о Россіи, I, отд. I (Контарини); II, отд. I (Герберштейнъ);—Герберштейнъ, «Записки о москов. бытѣ» (переводъ Анонимова);—Migne, Patrologiae cursus competus, ser. gr., т. 156;—Длугошъ, Historia Poloniae;—Татищевъ, «Исторія Россійская» кн. V (Чт. Общ. ист. и др. рос., 1847 г., № 4);—Щербатовъ, «Исторія россійская», IV, ч. II;—Карамзинъ, «Исторія госуд. рос.», VI;—Полевой «Исторія рус. народа», V, 482; — Соловьевъ, «Исторія Россіи», V, гл. II;—Вешняковъ, «О причинахъ возвышенія москов. княжества», 138;—Забѣлинъ, «Домашній бытъ рус. царей въ XVI—XVII вв.», 42, 278;—его же,—«Дом. бытъ рус. царицъ въ XVI—XVII вв.», 3;—его же,—«Взглядъ на развитіе москов. единодержавія» (Ист. вѣст., 1881, апрѣль);—его же, Исторія г. Москвы», I;—Иконниковъ, «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ рус. исторіи», 362;—Костомаровъ, «Начало единодержавія въ др. Руси» (Ист. монографіи, XII);—его же,—«Рус. исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», I;—Иловайскій, «Исторія Россіи», II;—Тарновскій, «Изученіе византійской исторіи и ея тенденціоз. приложеніе къ др. Руси», вып. II;—Мордовцевъ, «Рус. историч. женщины»;—Бестужевъ-Рюминъ, «Рус. исторія», II, вып. I,—Пирлингъ, «Россія и востокъ»;—Бѣловъ, Объ историческомъ значеніи рус. боярства;—Успенскій, «Какъ возникъ и развился въ Россіи восточный вопросъ»;—его же—«Бракъ царя Ивана Васильевича III съ Софьей Палеологъ» (Ист. Вѣст., 1887, XII);—Дьяконовъ, «Власть москов. государей»;—Ровинскій,—«Подробный словарь рус. гравиров. портретовъ», II;—Жигаревъ, «Рус. политика въ восточ. вопросѣ», I;—Савва, «Москов. цари и византійскіе василевсы»;—Ключевскій, Курсъ русской исторіи, II, 148—150.

М. Клочковъ.

Софонія, епископъ сарайскій, или сарскій и подонскій на Крутицахъ въ половинѣ XIV вѣка. О немъ свящ. Діевъ въ своей «Повѣркѣ іерархическихъ каталоговъ» говоритъ, что онъ святительствовалъ ранѣе 1330 года и современенъ митрополиту кіевскому и всея Руси Ѳеогносту (1328—1352 г.г.), который давалъ сарскимъ епископамъ грамоты о невѣдѣніи церквей по рѣкамъ Дону и Ворону, отъ коихъ добровольно отказался епископъ С.

Діевъ, «Повѣрка іерархическихъ каталоговъ».

Здр.

Софонія, первый архіепископъ Туркестанскій и Ташкентскій, одинъ изъ видныхъ іерарховъ русской церкви XIX

вѣка, родился въ 1800 г. въ селѣ Эсько Тверской губерніи, сынъ священника, въ мірѣ Стефанъ Васильевичъ Сокольскій, первоначальное образованіе получилъ въ Бѣжецкомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ съ 1817 года по 1823 годъ въ Тверской семинаріи, откуда, по окончаніи курса, поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію въ число студентовъ VII курса, гдѣ и кончилъ курсъ со степенью магистра въ 1827 году. Воспитываясь въ духѣ церковности, подъ сильнымъ религіозно-нравственнымъ воздѣйствіемъ своихъ родителей, отрокъ Стефанъ, еще до поступленія въ школу, привыкъ слушать чтеніе своимъ отцомъ Библіи и Четій-Миней и самъ съ особенною любовію читалъ житія святыхъ пустынниковъ и мечталъ объ удаленіи въ монастырь для аскетическихъ подвиговъ. Церковное пѣніе и особенно церковный уставъ, изученіе которыхъ онъ началъ еще подъ руководствомъ одного изъ дьячковъ родного села, хорошаго пѣвца, чтеца и знатока церковнаго устава, сдѣлались для него навсегда любимыми предметами, которые впослѣдствіи онъ изучилъ основательно, особенно церковный уставъ. По окончаніи курса въ академіи Стефанъ Сокольскій привелъ въ исполненіе свою завѣтную мечту объ иноческой жизни: 6 сентября 1827 г. онъ былъ постриженъ въ монашество; того же сентября 8 рукоположенъ въ іеродіакона, 11—въ іеромонаха, а 16—опредѣленъ профессоромъ всеобщей исторіи и греческаго языка въ родную Тверскую семинарію, гдѣ на немъ лежала обязанность устнаго изложенія священнаго писанія для учениковъ всѣхъ классовъ; исправлялъ должность инспектора семинаріи съ 11 января 1828 г. по 16 февраля 1829 г., когда былъ переведенъ въ Вологодскую семинарію инспекторомъ и профессоромъ философіи, а съ 7 декабря 1829 г. по 16 февраля 1831 г. исправлялъ должность ректора и профессора богословія; въ то же время онъ изъяснялъ священное писаніе ученикамъ высшихъ классовъ; съ 30 марта 1829 г. по 27 февраля 1831 г. онъ управлялъ Вологодскимъ Спасо-Каменнымъ монастыремъ; 7 декабря 1829 г. утвержденъ цензоромъ проповѣдей, сочиняемыхъ лицами, служащими въ семинаріи и вологодскихъ училищахъ, и священнослужителями, имѣющими академическія степени. Въ 1830 г. ему поручена была ревизія вологодскихъ училищъ.

Служа въ Вологдѣ, іеромонахъ С. имѣлъ случай познакомиться, а затѣмъ и подружиться съ молодымъ послушникомъ Семигородной пустыни Д. А. Брянчаниновымъ, извѣстнымъ впослѣдствіи архимандритомъ Сергіевой пустыни, а затѣмъ епископомъ Кавказскимъ. Подъ вліяніемъ бесѣдъ съ нимъ, у о. С—и явилась мысль объ удаленіи въ пустынь и даже о принятіи схимы. Мысль эта не покидала его до конца жизни, о чемъ онъ говорилъ не разъ и въ частныхъ бесѣдахъ, и дважды въ торжественномъ публичномъ собраніи: во-первыхъ, въ рѣчи Святѣйшему Синоду при нареченіи во епископа («Нѣсколько словъ и рѣчей преосвященнаго Софоніи», изд. 1870 г., стр. 3) и во-вторыхъ, незадолго до кончины своей въ своемъ словѣ при окончаніи пятидесятилѣтняго служенія церкви и отечеству, исполнившагося 16 сентября 1877 г. («Церковный Вѣстникъ» 1877 г., № 45). Въ 1831 г., 29 ноября, С. былъ переведенъ инспекторомъ же и профессоромъ богословія въ Архангельскую семинарію, гдѣ ему поручено было изъясненіе священнаго писанія ученикамъ всѣхъ классовъ, а 19 іюля 1832 года назначенъ и ректоромъ архангельскихъ духовныхъ училищъ; того же года 5 февраля опредѣленъ присутствующимъ въ Архангельскую консисторію и строителемъ Пертоминскаго монастыря, съ 27 мая по 12 сентября того же года управлялъ Архангельскимъ монастыремъ, а съ 7 декабря того же года ему снова поручено было управленіе этимъ монастыремъ. Въ 1833 г., 16 декабря, опредѣленный цензоромъ проповѣдей, С. 10 мая 1835 г. переведенъ ректоромъ въ Орловскую семинарію, а 28 іюля того же года возведенъ въ санъ архимандрита Мценскаго Петропавловскаго монастыря и 28 августа—присутствующимъ въ Орловскую консисторію. Въ іюлѣ 1836 г. С. ревизовалъ ливенскія духовныя училища, за что получилъ благодарность коммиссіи духовныхъ училищъ. Мы должны здѣсь замѣтить, что годы службы архимандрита С—и въ г. Орлѣ были для него временемъ испытанія: онъ немало перенесъ непріятностей отъ тогдашняго орловскаго преосвященнаго Никодима, который сурово

обходился съ епархіальнымъ духовенствомъ и, не имѣя высшаго образованія, не жаловалъ ученое духовенство. Въ 1839 г., 5 мая, С. переведенъ ректоромъ же въ Подольскую семинарію и настоятелемъ Каменецкаго Свято-Троицкаго монастыря, а 5 іюля того же года назначенъ присутствующимъ въ Подольскую консисторію и цензоромъ проповѣдей. Въ сентябрѣ 1840 г. ему поручено было ревизовать шаргородскія и крутянскія духовныя училища; въ томъ же сентябрѣ онъ Высочайше утвержденъ вице-директоромъ тюремнаго комитета, а въ 1841 г. награжденъ орденомъ Св. Анны 2 степени. Слѣдуетъ замѣтить, что архимандритъ С. пользовался особеннымъ вниманіемъ и расположеніемъ преосвященнаго подольскаго Кирилла, замѣчательнаго проповѣдника и истиннаго монаха; 31 декабря 1843 г. архимандритъ С. вызванъ былъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди Слова Божія; тогда же опредѣленъ членомъ состоящаго при С.-Петербургской духовной академіи комитета для разсмотрѣнія конспектовъ о преподаваніи учебныхъ предметовъ въ семинаріяхъ и назначенъ присутствующимъ въ С.-Петербургскую консисторію. Можно было думать, что изъ С.-Петербурга архимандритъ С. будетъ назначенъ викарнымъ епископомъ, но случилось иначе: 10 апрѣля 1844 г. онъ былъ перемѣщенъ ректоромъ въ Ярославскую семинарію и 20 августа того же года опредѣленъ настоятелемъ Ростовскаго Богоявленскаго монастыря съ присвоеніемъ ему лично степени настоятеля первокл契наго монастыря; 26 апрѣля 1845 г. назначенъ присутствующимъ въ Ярославскую консисторію, а въ іюлѣ того же года—благочиннымъ монастырей Ярославской епархіи; тогда же ревизовалъ борисоглѣбскія и углицкія духовныя училища; 21 сентября того же года переведенъ ректоромъ въ Тверскую семинарію, а 15 ноября—присутствующимъ въ Тверскую консисторію. Въ іюлѣ 1846 г. ревизовалъ старицкія, ржевскія и кашинскія духовныя училища; 13 февраля 1847 года перемѣщенъ ректоромъ въ Могилевскую семинарію и назначенъ настоятелемъ Могилево-Братскаго монастыря, а 28 апрѣля того же года—присутствующимъ въ Могилевскую консисторію и цензоромъ проповѣдей. Въ 1848 г. 11 февраля назначенъ настоятелемъ посольской церкви въ Константинополѣ и за свою свыше двадцатилѣтнюю службу по духовно-учебному вѣдомству получилъ въ награду годовой окладъ жалованья—286 рублей. 21 апрѣля 1851 г. награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3 ст. Въ 1850 г. архимандритъ С. совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ и въ продолженіе четырехмѣсячнаго странствованія по Палестинѣ велъ путевой дневникъ, въ который заносилъ все, что обращало на себя его вниманіе. Онъ неоднократно ѣздилъ на Принцевы острова, въ Халкинское училище и на Аѳонъ, гдѣ посѣтилъ не только всѣ монастыри и скиты, но и самыя глухія келіи пустынножителей и даже облюбовалъ для себя одно уединенное живописное мѣстечко въ дебряхъ аѳонскихъ на случай исполненія его давнишняго желанія удалиться на Аѳонъ, и все, что находилъ интереснымъ, заносилъ въ свои путевыя записки. Живя въ Константинополѣ, архимандритъ С. съ особенною любовью занимался научнымъ изученіемъ типика великой вселенской церкви по первоисточникамъ (чиноположеній и богослуженій церковныхъ, внѣшняго и внутренняго строя греческой церкви) и вообще памятниковъ церковной археологіи и собралъ въ архивахъ и библіотекахъ обильный и цѣнный въ научномъ отношеніи рукописный матеріалъ. Къ сожалѣнію, почти весь архивный матеріалъ, собранный архимандритомъ С—ей за этотъ періодъ жизни, погибъ въ Константинополѣ. Въ 1853 г., 4 мая, архимандритъ С. прибылъ въ Россію въ четырехмѣсячный отпускъ, но рядъ политическихъ и военныхъ событій, вскорѣ затѣмъ послѣдовавшихъ, воспрепятствовалъ ему возвратиться въ Константинополь и въ свое время получить вмѣстѣ съ остальными вещами свой архивъ и библіотеку. Только въ концѣ 1863 г. ему доставлены были въ Херсонъ два чемодана полуизодранныхъ и полусгнившихъ листовъ и тетрадей, среди которыхъ были и отрывки веденныхъ имъ путевыхъ записокъ, которыми онъ и воспользовался, напечатавъ въ 1864 г. въ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» нѣсколько небольшихъ статей о своей поѣздкѣ по Палестинѣ, а потомъ издавъ ихъ отдѣльною

книжкою, въ коей помѣщена была и еще одна статья подъ заглавіемъ: «Ощущеніе и мысли при видѣ Іерусалима», напечатанная первоначально въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1851 г. Позднѣе онъ вполнѣ исчерпалъ сохранившійся архивный матеріалъ за указанное время въ книгѣ: «Изъ дневника по службѣ на Востокѣ и Западѣ преосвященнаго Софоніи, епископа Туркестанскаго и Ташкентскаго, въ бытность его архимандритомъ при заграничныхъ русскихъ посольствахъ». Спб. 1874 г., 8°, 307 стр. (переиздана въ полномъ собраніи сочиненій его, изд. въ 1876 г.). Замѣтимъ, что въ томъ же 1874 г. издана была брошюра: «Изъ дневника по службѣ на востокѣ преосвященнаго Софоніи, епископа Туркестанскаго и Ташкентскаго», Спб. 8, 45 стр. Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Константинополѣ архимандритъ С. перевелъ съ сирійскаго языка на русскій литургію іаковитовъ, чтобы дать возможность составить вѣрное понятіе о догматическихъ и обрядовыхъ разностяхъ сихъ христіанъ съ православными, заявившихъ о своемъ желаніи возсоединиться съ церковію православно-вселенскою чрезъ сирійскаго и дамасскаго митрополита Петра, прибывшаго въ Константинополь въ 1851 г. отъ лица патріарха іаковитскаго.

Въ 1865 г. переводъ этотъ былъ исправленъ авторомъ и напечатанъ въ «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Для той же цѣли онъ составилъ двѣ обширныя записки; одна подъ заглавіемъ «О іаковитахъ», а другая «О литургіи іаковитовъ»,—которыя въ 1853 г. были представлены въ Святѣйшій Синодъ, а въ началѣ 1863 г. напечатаны («Странникъ» за 1863 г., августъ, II, 1—62 стр.). Позднѣе, въ 1866 г. эти записки въ исправленномъ и переработанномъ видѣ, вмѣстѣ съ литургіею іаковитовъ, напечатаны въ Одессѣ особою книжкою (брошюрою) подъ заглавіемъ: «Современный бытъ іаковитовъ христіанъ инославныхъ и ихъ литургія. Софоніи епископа Новомиргородскаго», 8°, 135 стр. Въ 1874 г. этотъ трудъ преосвященнаго С—и переизданъ. Въ 1854 г., 15 марта, архимандритъ С. былъ командированъ во Псковъ для изслѣдованія поступковъ священника Лебедева и злоупотребленій и безпорядковъ во Псковской епархіи, а 4 мая того же года опредѣленъ временно присутствующимъ въ С.-Петербургскую консисторію и 2 октября 1855 года назначенъ настоятелемъ посольской церкви въ Римѣ. Въ бытность въ Римѣ архимандритъ С. отлично изучилъ итальянскій языкъ, на которомъ, какъ и на французскомъ, говорилъ свободно, и досуги свои посвящалъ на изученіе обрядовъ и быта пастырей и пасомыхъ римской церкви.

Плодомъ научныхъ занятій архимандрита С—и въ Римѣ, между прочимъ, была статья: «Папская торжественная мисса въ день Рождества Христова въ базиликѣ Святого Петра», напечатанная въ 1874 г. въ указанной выше книгѣ и ранѣе въ «Странникѣ» за 1861 г. (декабрь) подъ заглавіемъ: «Взглядъ православнаго на папскую торжественную миссу въ день Рождества Христова».

Какъ истинно русскій человѣкъ, любившій Россію, архимандритъ С. и на чужбинѣ строго держался ея православныхъ обычаевъ и порядковъ и любилъ истово совершать богослуженіе. Среди его духовныхъ сыновей и дочерей было много аристократовъ, проживавшихъ зиму въ то время въ Римѣ; духовною дочерью его была почившая въ Бозѣ великая княгиня Марія Николаевна, которая подолгу иногда проживала въ Римѣ, а августѣйшія дѣти ея слушали у него уроки Закона Божія. Нужно сказать, что архимандритъ С., въ качествѣ представителя Русской церкви стоялъ на высотѣ своего положенія и заслужилъ уваженіе папы Пія IX, у котораго дважды имѣлъ аудіенцію, ведя съ нимъ и его консисторіей, по порученію Святѣйшаго Синода, переговоры объ одномъ важномъ дѣлѣ, касавшемся польскаго католическаго духовенства.

Въ 1860 г., 7 мая, архимандритъ С. согласно прошенію уволенъ былъ отъ должности настоятеля посольской церкви въ Римѣ съ назначеніемъ пенсіи въ 600 р., въ 1861 г., 29 сентября, — командированъ Святѣйшимъ Синодомъ въ г. Эривань по дѣлу о присоединеніи къ Православной Церкви персидскихъ и турецкихъ несторіанъ. Въ 1859 г. въ Константинополь прибылъ несторіанскій священникъ города Урміи Михаилъ для переговоровъ съ восточными патріархами по вопросу о присоединеніи несторіанъ къ православной церкви. Вселенскій, Антіохійскій и Іеру-

салимскій патріархи отклонили отъ себя это дѣло и указали на преосвященнаго Кирилла, епископа Мелитопольскаго, тогдашняго начальника Іерусалимской миссіи, къ которому Михаилъ и обратился съ заявленіемъ, что до 30,000 несторіанскихъ семействъ, «находящихся въ Персидской провинціи, называемой Руми-Сехиръ», желаютъ принять православіе, и съ просьбою довести его заявленіе до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода. Просьба Михаила была исполнена преосвященнымъ Кирилломъ въ рапортѣ его Святѣйшему Синоду 11 іюля 1859 года (Дѣло архива Св. Синода по канцеляріи за 1859 г., № 3118).

По собраннымъ генеральнымъ консуломъ въ Тавризѣ даннымъ оказалось слѣдующее: около Урміи въ 50 или 60 деревняхъ живетъ до 8,000 семействъ несторіанъ, остальные живутъ въ турецкихъ предѣлахъ; по окончаніи послѣдней персидской войны около 80 семействъ Урмійскихъ несторіанъ переселились въ Эриванскую губернію и присоединились къ православію, но поддерживаютъ постоянныя сношенія съ своими соотечественниками. Въ послѣднее время между Урмійскими христіанами проявилось желаніе присоединиться къ православной россійской церкви, съ каковою цѣлію они и намѣревались вызвать въ Урмію нѣсколькихъ духовныхъ лицъ изъ эриванскихъ новообращенныхъ несторіанъ. Въ 1861 году несторіанскій священникъ Михаилъ прибылъ въ С.-Петербургъ съ тѣмъ, чтобы обратить вниманіе русскаго правительства на всеобщее, по его словамъ, расположеніе несторіанскаго общества къ соединенію съ православною церковію. Онъ увѣрялъ, что и та часть несторіанскаго общества, которая обитаетъ въ предѣлахъ Азіатской Турціи, вмѣстѣ съ своимъ патріархомъ и всею іерархіею послѣдуетъ примѣру его соотечественниковъ и соединится съ православною церковію, если Святѣйшій Синодъ окажетъ подобающее вниманіе къ сему дѣлу. Святѣйшій Синодъ рѣшилъ командировать архимандрита С—ю, знакомаго уже съ Востокомъ, для изслѣдованія расположенія умовъ несторіанскаго общества, желающаго соединиться съ православною церковію. Архимандритъ С. долженъ былъ «по точномъ изслѣдованіи и зрѣломъ соображеніи всѣхъ дознанныхъ обстоятельствъ дѣла донести Святѣйшему Синоду о томъ, какихъ послѣдствій, по его убѣжденію, можно ожидать Святой Церкви отъ расположенія несторіанъ, и какія сообразно съ тѣмъ потребуются отъ Русскаго Правительства мѣры для дальнѣйшаго дѣйствованія на несторіанское общество». Въ предложеніи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода отъ 23 октября 1861 г. сказано, что на всеподданнѣйшемъ докладѣ оберъ-прокурора о командированіи архимандрита С—іи въ Эриванскую губернію по возложенному на него порученію Его Императорскому Величеству благоугодно было написать собственноручно: «Хорошо и дай Богъ успѣха». Архимандритъ С., предъ отъѣздомъ въ Эривань, получилъ отъ митрополита Исидора имъ составленную секретную инструкцію. Поселившись въ Эривани, архимандритъ С. энергично принялся за порученное ему дѣло и въ іюнѣ слѣдующаго года (донесеніе его Св. Синоду отъ 20 іюня 1862 г.) представилъ Святѣйшему Синоду обстоятельный отчетъ, въ которомъ изложилъ систематически собранныя имъ цѣнныя свѣдѣнія о религіозномъ и общественномъ бытѣ сиро-халдейцевъ и изложилъ мѣры къ ихъ присоединенію къ православію. Плодомъ трудовъ его по научному изученію несторіанства была извѣстная его книга: «Современный бытъ и литургія іаковитовъ и несторіанъ и о церкви Армянской», вышедшая въ свѣтъ въ 1876 г. въ Петербургѣ, въ бытность его епископомъ Туркестанскимъ и Ташкентскимъ.

Болѣе года прожилъ въ Закавказьѣ архимандритъ С. и понесъ много трудовъ для успѣха порученнаго ему дѣла. Изучивъ основательно сиро-халдейскій языкъ, онъ исправилъ и дополнилъ богослужебныя книги персидскихъ несторіанъ. Относительно этихъ книгъ архимандритъ С. сообщаетъ цѣнныя свѣдѣнія экзарху Грузіи Евсевію въ донесеніи отъ 15 сентября 1862 г.: «Книги богослужебныя состоятъ изъ двухъ рукописей, изъ коихъ одна содержитъ въ себѣ основу суточныхъ службъ (вечерни и утрени) и литургію Іоанна Златоустаго, а другая—литургіи Василія Великаго и Григорія Двоеслова. Часть требника, содержащая въ себѣ чинопослѣдованія крещенія, муропомазанія, покаянія, причащенія, брака и водо-

освященія составляла особую переплетенную рукопись, но эта рукопись на шестой недѣлѣ Великаго поста потеряна священникомъ и діакономъ, ѣздившими въ деревню Гель для пріобщенія тамъ прихожанъ, и какъ она была въ одномъ экземплярѣ, то за утратою этой рукописи священникъ Ильинъ лишился всякой возможности совершать означенныя священнодѣйствія. Переложеніе всѣхъ означенныхъ службъ и чинопослѣдованій на сирійскій древній языкъ сдѣланы покойнымъ греческимъ архимандритомъ Паисіемъ: но оно во многомъ неисправно и не полно, почему въ бытность мою сдѣланы возможныя исправленія и пополненія, а именно: а) частію исправлено, а частію вновь написано на литургіи: всѣ ектеніи—большія, малыя и просительныя, пѣснь—Единородный Сыне, Пріидите поклонимся, пѣснь Херувимская, Вѣрую, Достойно есть, словомъ—все, что за литургіею поется на клиросѣ и возглашается священникомъ и діакономъ до самаго отпуста, со включеніемъ и сего послѣдняго. Проскомидія же и всѣ молитвы, глаголемыя тайно, неисправлены и остаются въ прежнемъ видѣ. На прочихъ службахъ исправлено все начало богослуженія, состоящее изъ Царю Небесный, Трисвятого, Пресвятая Троице и проч., потомъ Господи воззвахъ, Свѣте Тихій, Сподоби Господи, Боже ослаби, остави, Славословіе и Взбранной воеводѣ; б) восполненіе службъ состоитъ изъ переложенія на сирскій языкъ для всенощнаго бдѣнія: Богъ Господь со стихами и нѣсколькими тропарями и кондаками (переложены тропари и кондаки на Рождество Христово, Богоявленіе, Срѣтеніе, Благовѣщеніе, Вознесеніе, Сошествіе Святаго Духа, на день Кирика и Іулитты (храмового праздника) и на Успеніе Богородицы), полiелея съ нѣсколькими величаніями (на тѣ же дни), прокимновъ воскресныхъ на всѣ гласы и воскресныхъ стихиръ на хвалитехъ, всей службы на недѣлю Пасхи и всего чинобогослуженія отъ перваго дня праздника Пасхи до отданія съ присоединеніемъ всѣхъ литургійныхъ прокимновъ и причастныхъ тріодей постной и цвѣтной и всего года. Кромѣ того, сирская литургія положена мною на ноты, примѣнительно къ употребляемому у насъ придворному пѣнію, и обученъ по возможности нотному пѣнію и нашимъ напѣвамъ... причетникъ Бафаль. Что касается до потерянной рукописи, содержавшей часть требника, то и это лишеніе по возможности мною выполнено, именно: переведены на древне-сирскій языкъ молитвы надъ младенцемъ и родительницею въ первый день, въ осьмый (при нареченіи имени), въ сороковой и молитвы по случаю изверженія, а также заклинанія и весь чинъ оглашенія крещаемаго. Изъ самыхъ же таинствъ переложены чинопослѣдованія крещенія, мvропомазанія, покаянія и причащенія болящаго. Бракъ, елеосвященіе и погребеніе остались не переложенными частію потому, что я неуспѣлъ сего по краткости времени, частію потому, что елеосвященіе никогда тамъ не употребляется, а бракъ и погребеніе совершались и совершаются всегда по обряду церкви несторіанской, недалекому отъ нашего». Для лучшаго выясненія всѣхъ обстоятельствъ начатаго дѣла о присоединеніи несторіанъ къ православію, архимандритъ С. былъ вызванъ Святѣйшимъ Синодомъ въ С.-Петербургъ, куда и прибылъ въ январѣ 1863 г. По всестороннемъ обсужденіи дѣла и соображаясь съ отзывомъ по сему предмету русскаго посланника въ Тегеранѣ, Святѣйшій Синодъ нашелъ, что высшія политическія соображенія заставляютъ на время пріостановить возбужденное дѣло о присоединеніи несторіанъ къ православію. Замѣтимъ, что въ 1883 г. несторіане снова возобновили свои ходатайства о присоединеніи къ православной церкви чрезъ своего епископа Гавріила, прибывшаго въ Тифлисъ и поселившагося при экзархѣ Грузіи, покойномъ преосвященномъ Павлѣ; окончательно же присоединеніе къ православной церкви персидскихъ сиро-халдеевъ состоялось въ 1898 году (до 30,000 обоего пола душъ), 25 марта («Церковныя Вѣдомости» 1898 г., № 13). Въ 1863 г., 10 февраля, архимандритъ С. назначенъ епископомъ Новомиргородскимъ, викаріемъ Херсонской епархіи и хиротонисанъ 3 марта того же 1863 года; въ томъ же году онъ ревизовалъ Херсонское духовное училище, а въ 1864 г. опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 17 (30) іюня, преосвященный С. командированъ былъ въ Грузію, согласно желанію изъявленному Его Императорскимъ Высочествомъ, намѣстникомъ Кавказскимъ, имѣть его

своимъ сотрудникомъ «во-первыхъ въ дѣлѣ предварительныхъ разслѣдованій и соображеній, на основаніи которыхъ можно будетъ впослѣдствіи опредѣлить какъ церковный порядокъ принятія въ лоно православія ищущихъ общенія съ истинною Церковію несторіанъ, такъ и образъ дѣйствій (нашихъ) относительно будущей подчиненности ихъ духовенства Святѣйшему Синоду или Антіохійскому патріарху, или собственному автокефальному духовному правленію»; во-вторыхъ—«составленіе проекта училища для несторіанъ, которое приготовило бы дѣятелей ожидаемаго религіознаго единенія и въ то же время было бы очевиднымъ для этой націи знакомъ вниманія Русскаго Правительства».

Чтобы показать, съ какими чувствами и намѣреніями епископъ С. вторично отправился на Кавказъ и въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ ему пришлось жить тамъ во время первой командировки, приведемъ собственныя слова его изъ письма на имя высокопреосвященнаго Херсонскаго Димитрія отъ 16 мая 1864 года: «.... Что же касается до моего знанія языка сиро-халдейскаго, то оно едва ли можетъ найти въ настоящемъ дѣлѣ многостороннее приложеніе, если только не примѣнять его къ исправленію и пополненію церковныхъ службъ, требующихъ серьезныхъ трудовъ и усидчивости въ продолженіи не одного года. Кромѣ того, около двухъ лѣтъ уже, какъ я оставилъ этотъ языкъ и почти не имѣю никакой практики, а безъ практики легко забывается языкъ, изученный и не въ такомъ возрастѣ, какъ мой. Привожу это въ видахъ возможнаго выясненія вопроса, но отнюдь не уклоненія отъ порученій и трудовъ, какіе бы они ни были. И теперь, если-бы Святѣйшимъ Синодомъ признано было нужнымъ, я отнюдь не прочь отъ продолженія той работы относительно книгъ богослужебныхъ, которою я занимался живя въ Эривани, и плодомъ которой было, кромѣ исправленій и пополненій вечерни, утрени и литургіи, переложеніе на древне-сирскій языкъ таинствъ крещенія, миропомазанія, покаянія и причащенія болящихъ (объ этомъ подробно сказано въ донесеніи моемъ къ преосвященному экзарху). За составленіемъ русско-халдейскаго первоначальнаго учебника (въ родѣ азбуки), для котораго уже подготовлено мною очень немало, можно бы приступить къ переложенію и остальныхъ чинопослѣдованій изъ требника, т. е. брака, елеосвященія, погребенія и водосвятія, а затѣмъ къ исправленію и пополненію службъ, уже переведенныхъ. Но въ послѣднемъ случаѣ я бы не могъ обойтись безъ какого-либо сотрудника, если не изъ академиковъ, то изъ студентовъ семинаріи. Этотъ сотрудникъ, участвуя со мною въ занятіяхъ по переложенію, могъ бы усвоить себѣ все, что мною пріобрѣтено по обоимъ нарѣчіямъ древне-сирійскому и ново-халдейскому, и воспользоваться тѣмъ матеріаломъ, который собранъ мною и подготовленъ для составленія грамматики, словаря и мѣсяцеслова на сиро-халдейскомъ языкѣ. Самъ же я едва ли буду имѣть время и возможность разработать добытое и окончить дѣло многополезное, но и немало трудное. Всего лучше, если-бы этотъ просвѣщенный сотрудникъ былъ священникомъ или поступилъ бы туда во священники. Въ такомъ случаѣ онъ могъ бы быть и смотрителемъ и наставникомъ въ предполагаемомъ новомъ училищѣ и пастыремъ словеснаго стада, стада не малаго, но расточеннаго по горамъ и удоліямъ и нуждающагося въ лучшихъ пажитяхъ Слова Божія и вѣры Христовой. Предполагаемая побывка моя въ Грузіи не опредѣляется ни временемъ, ни мѣстомъ. Прежняя моя поѣздка туда же ограничивалась по предположительному разсчету пятимѣсячнымъ срокомъ. Имѣя это въ виду, я запасся въ Россіи необходимыми вещами примѣнительно къ означенному сроку и зимнему сезону (съ ноября по мартъ). Но при концѣ сего срока въ планѣ моихъ дѣйствій сдѣлано было Святѣйшимъ Синодомъ измѣненіе, и мнѣ пришлось вытерпѣть въ Тифлисѣ и Эривани до половины сентября самое знойное время года. Эта нечаянность стоила мнѣ сколько хлопотливыхъ въ чужой странѣ, гдѣ никого и ничего не знаешь, столько же и значительныхъ для меня непредвидѣнныхъ издержекъ по устройству новаго платья, обуви и т. п., для меня самого и для прислуги примѣнительно къ тамошнему климату. Квартированіе мое въ Эривани и Дарачичагѣ также соединено было съ немалыми трудностями и тѣснотою. Особенно непріятны частные переѣзды и перемѣщенія съ квартиры на квартиру и лишенія самонужнѣйшихъ вещей въ,

обыденной жизни, какъ то: кровати и стола. Опасаюсь, чтобы высказанныя неудобства не повторились. О трудностяхъ вообще въ пути для насъ—духовныхъ, а особенно по Кавказу, Делижанскому перевалу и Гокчинскому озеру, о преклонности моихъ лѣтъ и о старческихъ недугахъ, которые, возрастая, повторяются чаще и чаще, умалчиваю. Чувство долга и желаніе посильной пользы православію и отечеству, пользы, ожидаемой отъ меня начальствомъ, побѣждаютъ во мнѣ всѣ опасенія и страхи за себя и за свое видимо слабѣющее здоровье». Въ 1865 г., 4 апрѣля, преосвященный С. награжденъ орденомъ Св. Анны 1-ой степени; въ томъ же году, по возвращеніи изъ г. Тифлиса, въ іюлѣ ревизовалъ Херсонское училище. Преосвященный С. строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы богослуженія совершались съ благолѣпіемъ и съ соблюденіемъ предписаннаго въ Уставѣ церковномъ, нерѣдко говорилъ проповѣди, которыя время отъ времени печатались, преимущественно въ «Странникѣ», а потомъ изданы были отдѣльною книгою: «Нѣсколько словъ и рѣчей Софонія, епископа Новомиргородскаго», Херсонъ, 1870 г., 8°, 382 стр. По порученію архіепископа Херсонскаго Димитрія, довѣріемъ и расположеніемъ котораго преосвященный С. пользовался, обозрѣвалъ разные уѣзды епархіи, а Херсонскій уѣздъ съ Херсонскимъ училищемъ предоставленъ былъ въ полное управленіе его. Вообще же нужно сказать, что время служенія его въ качествѣ викарія Херсонской епархіи было временемъ отдохновенія отъ предшествующей «кочевой» жизни и приготовленія къ печати вышепоименованныхъ научныхъ трудовъ. Въ 1871 г., 12 ноября, преосвященный С. назначенъ на вновь открытую съ 1 января 1872 г. въ новопокоренной Туркестанской области архіерейскую каѳедру; резиденціей его избранъ былъ г. Вѣрный. Семидесятилѣтній старецъ явился умудреннымъ жизненнымъ опытомъ устроителемъ новой епархіи и, несмотря на свои преклонныя лѣта, показалъ необычайную энергію въ устройствѣ и сформированіи штатовъ архіерейскаго дома, каѳедральнаго собора и консисторіи, члены и чиновники которой были настолько неопытны, что преосвященному пришлось на первыхъ порахъ самому писать многія дѣловыя бумаги. Всѣхъ церквей въ епархіи было 26 и, обозрѣвъ большую часть ихъ лично, онъ озаботился изысканіемъ способовъ и мѣръ для приведенія ихъ въ благолѣпный видъ; самъ училъ духовныхъ лицъ совершать правильно богослуженія; будучи любителемъ и знатокомъ церковнаго пѣнія, обучилъ ему священно и церковно-служителей, а на спѣвкахъ своего хора самъ дирижировалъ. Паства его состояла изъ разныхъ иновѣрныхъ племенъ, которыя требовали со стороны преосвященнаго высокихъ трудовъ миссіонера. Грустно было видѣть преосвященному въ образованномъ свѣтскомъ обществѣ равнодушіе къ вѣрѣ, потрясеніе семейныхъ основъ и другіе недостатки въ нравственной жизни его, и С. старался дѣлать все, что только былъ въ силахъ, для поднятія религіозности и нравственности въ окружавшемъ его обществѣ. И надо удивляться, что преосвященный С. находилъ еще время исправлять и приготовлять къ печати поименованные выше свои ученые труды, а также проповѣди. Въ 1876 г. вышла въ свѣтъ его книга: «Слова и рѣчи», напечатанная въ С.-Петербургѣ; въ томъ же 1876 г. вышло въ свѣтъ полное собраніе его сочиненій, въ четырехъ томахъ.

За неутомимую пастырскую дѣятельность и ревностную попечительность объ устройствѣ ввѣренной ему паствы среди разноплеменнаго населенія преосвященный С. въ 1874 г. награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 2-ой степени, а въ 1877 г., по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія служенія его Святой церкви и Отечеству, Высочайшимъ указомъ Святѣйшему синоду отъ 16 сентября возведенъ въ санъ архіепископа. Желая выразить чувство искренней признательности С.-Петербургской духовной академіи, своей alma mater, преосвященный С. въ 1876 г. препроводилъ въ правленіе академіи 4.500 рублей съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала учреждена была стипендія его имени для одного изъ студентовъ, заявившихъ твердое намѣреніе принять духовный санъ. Сверхъ того онъ прислалъ въ совѣтъ академіи, который избралъ его почетнымъ членомъ, по 500 экземпляровъ каждаго изъ четырехъ томовъ своихъ сочиненій. Преосвященный С. скончался 26 ноября 1877 г.

Путинцевъ М., протоіерей. «Воспоминанія о С-іи, епископѣ Туркестанскомъ», «Душепо-

лезное Чтеніе» 1884 г., ноябрь, 249—285 стр., декабрь, 383—423.—Путинцевъ М., священникъ, «Извѣстіе о преосвященномъ С-іи, епископѣ Туркестанскомъ», «Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости» 1872 г., №31, стр. 322—396.—Сухоцкій А., протоіерей, «Къ свѣдѣніямъ о преосвященномъ С-іи, епископѣ Туркестанскомъ», «Иркутскія Епархіальныя Вѣдомости», 1872 г., № 31, стр. 396.—Васютинскій В., священникъ, «Прощаніе преосвященнаго С-ія съ гражданами и духовенствомъ г. Херсона», «Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости», 1872 г., № 6).—Спасскій, Анатолій, «Спро-халдейскіе несторіане и присоединеніе ихъ къ православной церкви», «Богословскій Вѣстникъ» 1898 г., май, 240—243 стр.—«Церковный Вѣстникъ» 1877 г., № 40 и 48.—Архивъ Святѣйшаго Синода: дѣло Синодальной Канцеляріи за 1859 г. отъ 11 іюля за № 3118; формулярный списокъ.

А. Никольскій.

Софоновъ, *Иванъ Игнатьевичъ*, дьякъ, упоминается съ 1606 г., когда 8 мая участвовалъ въ чинѣ свадьбы Лжедимитрія, потомъ въ 1613 г. былъ въ земскомъ ополченіи при князѣ Пожарскомъ, помѣчалъ грамоты, шедшія изъ ополченія, и въ рядахъ послѣдняго вошелъ въ Москву. Изъ Москвы, послѣ избранія царя, онъ вмѣстѣ съ воеводою Михаиломъ Бутурлинымъ былъ отправленъ къ Смоленску, вмѣстѣ же съ нимъ въ 1617 г. отступилъ къ Бѣлой. Въ 1618 г., во время осады Москвы поляками, С. находился въ Москвѣ у Калужскихъ воротъ; съ 1619 по 1629 г. имѣются лишь свѣдѣнія, что С. былъ въ Москвѣ при головѣ «для огней и для всякаго береженья», въ 1629 г. онъ кромѣ того былъ дьякомъ въ Разбойномъ приказѣ. Въ Разбойномъ же приказѣ С. былъ и въ 1630 и 1631 гг., а въ 1632 г. онъ былъ назначенъ въ Новгородъ, къ воеводѣ князю И. М. Катыреву-Ростовскому и пробылъ въ Новгородѣ до 1636 г., когда былъ отозванъ въ Москву. Послѣ этого извѣстій объ И. И. С-вѣ не имѣется, и годъ его смерти неизвѣстенъ.

Спиридовъ, «Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ» (рукоп. Имп. Публ. Библ.) X, 50—51.—Дворцовые разряды II, 270, 295.—Акты историческіе II, 408, III, 305, 307.—Собр. Госуд. Грамотъ и Договор. III, 147, 148, 176.—Книги разрядныя I, 91, 94, 211, 222—240, 518, 575, 664, 723, 765, 875, II, 300, 917, 302, 368, 680, 810.

Е. Л.

Софоновъ, *Игнатій Тимофеевичъ*, дьякъ, упоминается съ 1591 г., когда былъ посланъ съ войсками въ Серпуховъ, въ 1598 г. былъ дьякомъ въ Стрѣлецкомъ приказѣ, гдѣ встрѣчается до 1604 г. Въ 1598 же году С. участвовалъ въ соборѣ объ избраніи на царство Бориса Ѳедоровича Годунова и подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ; въ 1603 г. участвовалъ въ церемоніи пріема датскаго королевича, въ 1604 г. находился при представленіи царю персидскаго посла, но послѣ этого извѣстія о немъ прекращаются.

Лихачевъ, «Разрядные дьяки», Спб., 1888, 537.—Разрядная книга (Симбирскій Сборникъ), М., 1845, 150.—Акты Археогр. Экспедиціи II, 45.

Е. Л.

Софроній (Софоній), рязанецъ, жившій въ первой половинѣ XV в., авторъ «Похвалы вел. кн. Димитрію Ивановичу и брату его Володимеру Андреевичу»—литературнаго памятника о Куликовской битвѣ, извѣстнаго подъ именемъ «Задонщина». Въ большинствѣ рукописей С. называется «іереемъ рязанскимъ», а въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, напр. въ Тверской, «брянскимъ бояриномъ». Какихъ-либо другихъ біографическихъ данныхъ о немъ не сохранилось. Въ своей «Задонщинѣ», написанной, какъ показываетъ сравненіе, подъ очень сильнымъ вліяніемъ «Слова о полку Игоревѣ», С. сумѣлъ, оставаясь рязанцемъ, выказать себя такимъ же патріотомъ и печальникомъ за *всю* Русскую землю, какимъ былъ и пѣвецъ Игоря Святославича. Мѣстный элементъ, ясно видимый въ «Задонщинѣ», совершенно исчезаетъ въ другой, болѣе поздней ея редакціи, написанной подъ сильнымъ московскимъ вліяніемъ и извѣстной въ литературѣ подъ именемъ «Повѣданія». Въ противоположность «Задонщинѣ», имѣющей лирическій характеръ, «Повѣданіе» представляетъ изъ себя спокойный эпическій разсказъ о событіяхъ, прерываемый иногда отрывками изъ народныхъ сказаній о Куликовской битвѣ, благочестивыми размышленіями и молитвами. На болѣе раннія лѣтописи: Новгородскую IV-ю, Софійскія I-ю и II-ю, Ростовскую и Воскресенскую, ни «Задонщина», ни «Повѣданіе» не имѣли вліянія; напротивъ—въ болѣе позднемъ сводѣ: Никоновской лѣтописи и Синопсисѣ,—разсказъ о Куликовской битвѣ является передѣлкой «Повѣданія».

Н. М. Карамзинъ, «Ист. Гос. Рос.», т. V, примѣч. (указ.).—Евгеній, митр. «Словарь о писателяхъ духовнаго чина», т. II.—И. Снегиревъ, «Русск. Историч. Сборн.», т. I, кн. 1, М. 1838 г., (текстъ «Повѣданія» и пре-

дисловіе)—Д. Дубенскій, «Слово о полку Игоревѣ», «Русск. достопамятн.» М. 1844, ч. III.—И. Бѣляевъ, «Временникъ И. М. Общ. Истор. и Древн.», т. XIV, 1852 г. (предисловіе и текстъ «Задонщины»).—С. Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. IV, гл. III (указ.). — І. Назаровъ, «Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ», «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1858 г., ч. 99, стр. 31—107. — Варлаамъ, архим., «Описаніе сборника XV в. Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря», «Ученыя Записки II отд. Имп. Акад. Наукъ», кн. 5. (текстъ «Задонщины»). -И. И. Срезневскій, «Извѣстія II отд. Имп. Акад. Наукъ», т. VI и VII. (сводный текстъ «Задонщины» и предисловіе). — Филаретъ, «Обзоръ русск. духовн. литерат.», 1859 г., (указ.).—П. Строевъ, «Библіологическій словарь» (указ.). — К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, «Русская Исторія», т. I, 1872 г.—А. И. Смирновъ, „О «Словѣ о полку Игоревѣ»", гл. IV, «Филологич. Записки», 1878 г., вып. V, стр. 131—186. — И. Хрунуевъ, «О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву», «Чтенія въ Общ. Нестора лѣтописца», т. I, 1889 г.—С. П. Тимофеевъ, «Сказанія о Куликовской битвѣ», «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1885, № 8, стр. 203—231; № 9, стр. 19—45.— Е. Барсовъ, „Слово о полку Игоревѣ», какъ художеств. памятникѣ Кіевской дружинной Руси", М. 1887 г., т. I, стр. 435—454. — А. И. Смирновъ, «Русск. Филолог. Вѣстн.» 1890 г., № 2, стр. 268—288. (текстъ «Задонщины» съ предисловіемъ). — С. Шамбинаго, «Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ», «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1902 г., № 9, стр. 1—35. (критико-библіографическій очеркъ).

А. Ш—въ.

Софроній, архіепископъ Суздальскій и Торусскій, скончался 13 сентября 1654 г. въ Москвѣ во время морового повѣтрія. О немъ извѣстно, что до епископства онъ былъ съ 1652 г. архимандритомъ новгородскаго Хутынскаго монастыря. Въ 1654 г., 29 января, хиротонисанъ въ архіепископа суздальскаго, присутствовалъ на соборѣ объ исправленіи церковныхъ книгъ и въ томъ же году скончался. Тѣло его изъ Москвы перевезено въ Суздальскій соборъ въ 1716 г.

Діевъ, «Повѣрка іерархическихъ каталоговъ».

Здр.

Софроній, третій Иркутскій епископъ, въ мірѣ *Стефанъ Кристаллевскій*, по словамъ біографа его, родился 25 декабря 1703 г. въ мѣстечкѣ Березани Переяславскаго уѣзда нынѣшней Полтавской губерніи. Родители его были люди благочестивые изъ духовнаго званія; сестра его, инокиня Пакратія, жила въ Коробіевскомъ монастырѣ Переяславской (нынѣ Полтавской) епархіи. По окончаніи образованія въ Переяславской семинаріи, юноша поступилъ въ 1727 г. послушникомъ въ Красногорскій Золотоношскаго уѣзда Переяславской епархіи Покровскій монастырь, а 23 апрѣля 1730 г. былъ постриженъ въ иноки съ именемъ С—я и вскорѣ сдѣлался настоятелемъ этой обители. Въ 1742 г. повелѣніемъ императрицы Елисаветы Петровны С. сдѣланъ былъ намѣстникомъ Александро-Невскаго монастыря. Приведенныя свѣдѣнія объ епископѣ С—и нѣсколько расходятся съ тѣми данными о немъ, которыя находятся въ книгѣ Троицкаго Александро-Невскаго монастыря 1732 г., заключающей въ себѣ записи о братіи монастыря, начиная съ настоятелей сей обители, въ родѣ формулярныхъ списковъ. Тамъ записано слѣдующее: «Софроній прозваніемъ Назаревскій родился въ Малороссіи въ Черниговскомъ полку въ 704 г. Отецъ его Назарій Ѳедоровъ былъ посполитой человѣкъ, белцомъ ево Софронія звали Стефаномъ, учился въ Кіево-Подольскихъ школахъ и ходилъ до риторики, въ 730 году постриженъ въ мантію Переяславской эпархіи въ Спасскомъ Золотовскомъ (ошибочно вмѣсто Золотоношскомъ) монастырѣ того монастыря игуменомъ Гавріиломъ Польскимъ, по котораго въ 732 г. въ Кіевской епархіи въ катедрѣ Софійской преосвященнымъ митрополитомъ Поримфиномъ (искаженное «Рафаиломъ») во іеродіакона и іеромонаха во оной же Золотоновскій (Золотоношскій) монастырь посвященъ, отъ котораго тогда и грамота ставленная была дана ему, токмо оная у него послѣ того утерялась и послѣ посвященія во ономъ Злотоновскомъ (т. е. Золотоношскомъ) монастырѣ казначеемъ былъ два года, а потомъ взятъ по указу Переяславской епархіи преосвященнаго епископа Арсенія Богослова (sic!) въ домъ его архіерейскій, въ которомъ былъ экономомъ восемь лѣтъ по взятье въ Александро-Невскій монастырь,отъ котораго во оные годы въ 735 г. посланъ былъ въ Санктъ-Петербурхъ за дѣлами его архиерейскими, за которыми въ ходатайствѣ пробылъ два года, а означенная данная грамота оставлена была съ протчими пожитками у оставшаго въ томъ монастырѣ брата ево, кой былъ тогда намѣстникомъ и по отъѣздѣ ево умеръ, а по пріѣздѣ той грамоты отискать не могли, зачемъ отъ вышеозначеннаго преосвященнаго Арсенія въ прошломъ 741 году за рукою ево ему дана другая; рукодѣлія онъ

Софроній никакова не имѣетъ». За этимъ—другимъ почеркомъ: «Означенный іеромонахъ Софроній Назаревскій по опредѣленію преосвященнаго Ѳеодосія архіепископа Санкт-Петербурхскаго и архимандрита Александро-Невскаго подписанному іюня 1 дня 1745 г. опредѣленъ до дальшаго разсмотрѣнія за намѣстника і въ канцеляріи присутствующимъ» (49 л.). Іеромонахъ С. былъ однимъ изъ числа тѣхъ, которые присланы были изъ разныхъ епархій въ Александро-Невскій монастырь въ 1742 г., 26 января и 6 февраля.

Свѣдѣнія о С., извлеченныя изъ процитированной книги, несомнѣнно достовѣрныя, такъ какъ въ «книгѣ» записано то, что онъ самъ «о себѣ сказкою показалъ» (43 л.). Съ ревностію и любовію іеромонахъ С. потрудился на пользу Александро-Невскаго монастыря. Обладая величественной наружностью, свѣтлымъ умомъ и отличаясь строгою жизнію, іеромонахъ С. обратилъ на себя особенное вниманіе императрицы и получалъ отъ нея щедрыя пожертвованія на церковныя нужды. Императрица Елисавета Петровна, «великая мастерица въ художественныхъ женскихъ рукодѣліяхъ», собственноручно вышила и подарила въ 1751 г. іеромонаху С. епитрахиль, поясъ и поручи, шитые по серебряной парчѣ и красному бархату цвѣтными шелками, серебромъ и золотомъ въ знакъ особаго уваженія къ нему.

26 іюня 1747 г. скончался Иркутскій епископъ Иннокентій Неруновичъ, и только 23 февраля 1753 г. императрица Елисавета Петровна именнымъ своимъ указомъ повелѣла быть епископомъ Иркутскимъ намѣстнику Александро-Невской лавры іеромонаху С., а 12 апрѣля того же года указала, чтобы назначенный къ посвященію въ Иркутскіе архіереи С. отправлялъ божественное священнослуженіе въ саккосѣ, каковымъ преимуществомъ еще не пользовались Иркутскіе епископы. 18 того же апрѣля, въ недѣлю Ѳомину, въ Московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ іеромонахъ С. посвященъ былъ во епископа Иркутскаго и Нерчинскаго и при этомъ на него возложенъ былъ бѣлый саккосъ, серебряный, шитый золотомъ, серебромъ и шелкомъ, подарокъ и работа императрицы Елисаветы Петровны. Много предстояло трудовъ и заботъ преосвященному С. въ Иркутской епархіи, занимавшей площадь въ десятки тысячъ квадратныхъ верстъ, и потому естественно, что преосвященный долженъ былъ о многомъ подумать, многое предусмотрѣть, подыскать дѣльныхъ людей и запастись всѣмъ необходимымъ для епархіальнаго управленія, прежде чѣмъ отправиться въ столь далекое путешествіе. 2 декабря того же 1753 г. преосвященный С. извѣщалъ свою паству о скоромъ своемъ отбытіи изъ Москвы. Ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Иркутской епархіи до отъѣзда туда много помогъ преосвященному С. Московскій архіепископъ Платонъ (Малиновскій), который въ 1738 г. по лишеніи архіерейскаго сана и монашества съ мірскимъ именемъ Павла Малиновскаго былъ сосланъ въ Камчатку, но по просьбѣ преосвященнаго Иннокентія Неруновича оставленъ въ Иркутскѣ и сдѣланъ учителемъ, а также Іоасафъ Хотунцевскій, начальникъ Камчатской миссіи, возвратившійся въ Москву въ 1748 г. Преосвященный С. прибылъ въ Иркутскъ 20 марта 1754 года. Послѣ семнадцатилѣтняго управленія преосвященнаго С. Иркутская епархія, по свидѣтельству очевидца-историка, получила полное, въ возможной мѣрѣ, благоустройство и внутреннее и внѣшнее, сохраняющее понынѣ слѣды свои даже въ отдаленной Камчаткѣ, бывшей тогда подъ управленіемъ Иркутскихъ епископовъ. Особенно озабоченъ былъ преосвященный С. построеніемъ и украшеніемъ храмовъ Божіихъ, которые, по большей части, были деревянные и находились въ печальномъ состояніи, и опредѣленіемъ къ нимъ болѣе или менѣе достойныхъ причтовъ. Не только въ приходы, но и въ монастыри не шли монахи и лица бѣлаго духовенства изъ россійскихъ монастырей, даже по просьбѣ преосвященнаго С. и по указамъ Св. Синода. Тѣмъ не менѣе онъ и въ этомъ дѣлѣ былъ очень остороженъ и строгъ, такъ что и при немъ многіе приходы и храмы оставались безъ священноцерковнослужителей. Для лучшаго и всесторонняго ознакомленія съ религіозно нравственнымъ состояніемъ своей паствы преосвященный предпринималъ поѣздки по епархіи; въ январѣ 1756 г. онъ былъ за Байкаломъ, а лѣтомъ того же года въ Киренскѣ и Якутскѣ; въ 1758 г., въ январѣ и февралѣ, онъ снова за Байкаломъ обозрѣваетъ Нерчинскій округъ, а лѣтомъ того же года снова въ Якутской области.

Преосвященный С. любилъ совершать торжественныя и благолѣпныя священнослуженія, къ которымъ привыкъ въ С.-Петербургѣ. При немъ былъ хорошій архіерейскій хоръ пѣвчихъ изъ учениковъ архіерейской школы и изъ дѣтей, вызываемыхъ изъ епархіи для обученія церковному чтенію и пѣнію. По его приказанію въ этомъ хорѣ участвовали дьячки и дьяконы, и не только градскіе, но и изъ епархіи, по очереди, чтобы на дѣлѣ могли научиться чинному и благолѣпному богослуженію, за которымъ преосвященный признавалъ неотразимое и плодотворное религіозно-нравственное вліяніе на народъ. Ревнуя о просвѣщеніи народномъ, преосвященный С. указомъ отъ 12 декабря 1754 г. приказалъ, чтобы изъ каждаго монастыря было прислано нѣсколько человѣкъ изъ монастырскихъ слугъ или изъ крестьянскихъ дѣтей въ Иркутскъ для обученія при консисторіи на пользу монастырей. Онъ построилъ архіерейскій домъ въ 1755 г. и освятилъ 9 сентября того же года церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы; въ этотъ домъ онъ перевелъ изъ Жилкинской Заимки семинарію, и прилагалъ всѣ свои усилія къ благоустройству ея. Въ неустанномъ попеченіи о ней, преосвященный С. чуть не ежегодными указами (1754, 1758, 1760, 1763 гг.) вызывалъ дѣтей духовенства для обученія въ школу. Всѣ дѣла и заботы преосвященнаго С—я были направлены «къ возвышенію уровня религіозно-нравственнаго развитія Сибирскаго общества, значительная часть котораго въ то время состояла изъ людей сосланныхъ за пороки, бродягъ, язычниковъ и людей легкой наживы». Много страдало общество «отъ властныхъ чиновниковъ, пріѣзжавшихъ изъ С.-Петербурга на высокіе посты»; отъ развращенныхъ и беззаконныхъ дѣйствій одного изъ такихъ чиновниковъ—слѣдователя винокуренныхъ дѣлъ П. Н. Крылова—преосвященному С. пришлось защищать жителей гор. Иркутска. По доносу преосвященнаго императрицѣ помянутый чиновникъ, по приказанію изъ С.-Петербурга, былъ отправленъ въ Москву въ оковахъ. Скончался святитель С. 30 марта 1771 г., а погребенъ 8 октября того же года. «Со дня кончины святителя Софронія прошло 132 года», говоритъ біографъ его, протоіерей Милій Чефрановъ, «а между тѣмъ его гробъ, покрывало надгробное и одежды, естественно подлежащіе тлѣнію и разрушенію, пребываютъ нетлѣнными, а мощи святителя источаютъ чудеса, особенно исцѣленія всѣмъ, молитвенно и съ вѣрою обращающимся къ нему. Поэтому память о немъ все болѣе и болѣе возстанавливается и число почитателей его все болѣе и болѣе увеличивается». «Говорятъ, что еще при погребеніи въ 1771 г. замѣтно было нетлѣніе тѣла святителя Софронія и вслѣдствіе этого священники гор. Иркутска тогда же написали на деревѣ портретъ его, который и теперь въ Иркутскомъ соборѣ». Преосвященные архіепископы Нилъ и Парѳеній свидѣтельствовали мощи святителя С. Въ 1881 г. въ «Иркутскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ» напечатанъ указъ Св. Синода, въ коемъ сказано, что «Св. Синодъ, признавая необходимымъ для вящшаго прославленія иркутскаго святителя Софронія, скончавшагося въ 1771 г., имѣть въ виду большее число событій, свидѣтельствующихъ о благодатныхъ знаменіяхъ, бываемыхъ по молитвамъ прибѣгающихъ къ нему вѣрующихъ, опредѣлилъ: поручить и на будущее время продолжать начатую въ 1772 году запись такихъ событій».

Чефрановъ Милій, протоіерей, «Блаженный Софроній, 3-ій епископъ Иркутскій. Краткое повѣствованіе о его жизни, дѣяніяхъ и блаженная память о немъ», «Душеполезное Чтеніе», 1903 г. стр. 441—455, 603—617, 282—296, 736—742. 1904 г. стр. 441—452, 103—110, 276—304, 47, 83—49, 610—617, 144—149, 282—295.—Книга Троицкаго Александро-Невскаго монастыря 1732 г. (Рукопись Архива Св. Синода за № 2815). — «Церковный Вѣстникъ» за 1881 г., № 42, стр. 17.

А. Никольскій.

Софроній (*Младеновичъ*), игуменъ Знаменскаго монастыря, въ мірѣ Іоаннъ, родомъ сербъ, въ своемъ завѣщаніи, писанномъ на ново-греческомъ языкѣ, называетъ себя «уроженцемъ города Ветерскаго Неофитъ (Новый Садъ) называемаго». Пройдя низшія степени «причетничества»—свѣщеносца, чтеца, пѣвца, иподіакона, діакона, онъ рукоположенъ былъ православнымъ епископомъ Бачскимъ, Серединскимъ и Егарскимъ Виссаріономъ въ іерея къ храму великомученика Георгія въ Петроварадинскомъ «шанцѣ». Въ 1755 г. тотъ же епископъ возвелъ его въ чинъ протопресвитерства къ церквамъ въ Кралевскомъ Новосадскомъ градѣ и въ при-

лежащихъ сему протопопіату селахъ: Темеринѣ, Чуручѣ, Фулворѣ, Туріи, Сентъ-Фомашѣ и Вербасѣ и сдѣлалъ его своимъ епитропомъ. Вскорѣ онъ овдовѣлъ. Зная ревность Іоанна Младеновича въ пастырскихъ трудахъ и чистоту жизни его, Павелъ, православный архіепископъ Карловачскій въ 1756 г., 5 октября, поставилъ его экзархомъ Бачской епископіи. Въ 1757 г., 27 іюня, Іоаннъ Младеновичъ постриженъ во монашество въ общежительномъ монастырѣ Раковицѣ и нареченъ Софроніемъ. Въ 1759 г., 12 октября, іеромонахъ С. прибылъ въ Кіевъ, откуда отосланъ былъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ дѣлъ Кіевскою губернскою канцеляріею. Въ январѣ 1760 г. онъ прибылъ въ С.-Петербургъ, Св. Синодъ 15 февраля 1760 г. опредѣлилъ іеромонаха С. учителемъ греческаго языка въ Московскую Славяно-Греко-Латинскую академію и указалъ ему жительство имѣть въ Заиконоспасскомъ монастырѣ или же Греческомъ; а 14 апрѣля того же года, подтвердивъ свое опредѣленіе о назначеніи С. учителемъ въ Московскую академію, Св. Синодъ поручилъ ему переводить съ греческаго языка на россійскій изъ церковныхъ греческихъ авторовъ полезныя книги. Вслѣдствіе нежеланія ректора Московской академіи архимандрита Гедеона принять іеромонаха С. въ академію учителемъ, Св. Синодъ, 26 іюня того же 1760 г., опредѣлилъ: іеромонаху С. быть при Московской типографіи для перевода съ греческаго на русскій языкъ книгъ и за этотъ трудъ получать по третямъ 200 рублей въ годъ, а жительство имѣть въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ и получать въ пропитаніе изъ онаго монастыря одну братскую порцію. Въ 1770 г., 17 октября, по опредѣленію Св. Синода отъ 29-го сентября іеромонахъ С. произведенъ былъ въ игумены Московскаго Знаменскаго монастыря, гдѣ и былъ до 1776 г.; вѣроятно, въ этомъ или въ слѣдующемъ году онъ былъ уволенъ на покой въ Полтавскій Крестовоздвиженскій монастырь, гдѣ и скончался 25 августа 1781 г. Имъ были переведены: слова Св. Василія Великаго, поученія Іоанна Златоуста, напечатанныя въ 1773 г.; онъ исправилъ Тріодь Постную по греческому оригиналу и участвовалъ въ переводѣ «Пандектовъ».

Сергій, Знаменскій архимандритъ, «Историческое описаніе Московскаго Знаменскаго монастыря, что на старомъ Государевомъ дворѣ», М. 1866 г., 27 и 95 стр. — Филаретъ архіепископъ, «Обзоръ русской духовной литературы», II, 53 стр.—Смирновъ Сергѣй, протоіерей, «Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской академіи», Москва. 1855 г., 131 стр, —Дѣла Архива С. Синода: 1770 г. сент. 29. № 112; 1772 г. марта 5, № 8 и 1781 г. октября 13 № 464.

А. Никольскій.

Софроній (*Грибовскій*), архимандритъ Срѣтенскаго монастыря въ Пекинѣ, начальникъ восьмой миссіи, синологъ, умеръ 17 мая 1814 г. Малороссъ по происхожденію, съ низшихъ классовъ до философскаго обучался въ Кіевской духовной академіи, а съ 1782 г. переѣхалъ въ Москву, желая обучаться медицинѣ. Но въ томъ же году онъ вышелъ изъ госпиталя и вступилъ въ Молчановскую Софроніеву пустынь, гдѣ постригся въ монашество; въ 1787 г. опять перешелъ въ Москву и былъ принятъ въ число студентовъ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи. По окончаніи въ 1790 г. курса, С., въ санѣ іеродіакона, поступилъ къ новопостроенной церкви при Московскомъ университетѣ, занимая также должность университетскаго преподавателя катехизиса и проповѣдника. Вслѣдствіе назначенія, синодскимъ указомъ отъ 24 января 1793 г., на должность начальника восьмой миссіи, отправляемой въ Пекинъ, 27 января того же года былъ произведенъ въ іеромонаха, а 30-го въ архимандрита. 14 мая 1793 г. С. выѣхалъ изъ Петербурга въ Казань, гдѣ нашелъ уже миссію въ полномъ составѣ, и 29 сентября всѣ отправились въ дальнѣйшій путь черезъ Иркутскъ. Только въ концѣ ноября 1794 г. миссія прибыла въ Пекинъ. Желая нѣсколько поднять влачившую жалкое существованіе миссію, С., вскорѣ послѣ пріѣзда, отправилъ въ Петербургъ проектъ съ предложеніемъ слѣд. мѣръ: устроить школу, по примѣру іезуитскихъ школъ, назначать къ миссіи молодыхъ людей, какъ болѣе способныхъ къ изученію китайскаго языка, устроить библіотеку, увеличить денежныя средства миссіи и наконецъ продлить срокъ ея пребыванія въ Китаѣ до 15-ти лѣтъ. Но этотъ проектъ не встрѣтилъ сочувствія ни въ Синодѣ, ни въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и только при слѣдующихъ миссіяхъ большинство предложеній С. были приведены въ исполне-

ніе. Въ январѣ 1805 г. окончился семилѣтній срокъ пребыванія въ Пекинѣ восьмой миссіи, но она еще должна была дождаться слѣдующей миссіи, которая прибыла въ Пекинъ только въ январѣ 1808 г. Въ маѣ того же года, послѣ тринадцатилѣтняго пребыванія въ Китаѣ, С. отправился со всей миссіей въ обратный путь и въ концѣ 1809 г. прибылъ въ Петербургъ. Представивъ въ Синодъ найденную имъ первую грамоту митрополита сибирскаго Игнатія отъ 1695 г., а въ министерство иностранныхъ дѣлъ свои труды, о секретномъ составленіи которыхъ было указано въ данныхъ ему инструкціяхъ, С. былъ награжденъ пенсіей и опредѣленъ въ московскій Новоспаскій м-рь до излеченія отъ болѣзней, гдѣ и окончилъ свои дни въ 1814 г.

Во время пребыванія въ Пекинѣ С. были написаны двѣнадцать различныхъ сочиненій, касающихся, преимущественно, исторіи Китая и описанія быта его жителей. Изъ нихъ наиболѣе важныя: 1) «Хронологическое описаніе нынѣшняго манджуро-китайскаго государства» и 2) «Повѣствованіе о главныхъ народахъ, обитающихъ нынѣ въ Китаѣ и о настоящемъ ихъ правленіи»; послѣднее напечатано въ 1861 г. («Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др.», кн. 1). Сочиненія архим. С. не имѣютъ научной разработки, какъ составленныя на основаніи трудовъ предшественниковъ и католическихъ миссіонеровъ, не самостоятельны, страдаютъ тяжестью слога, но показываютъ въ авторѣ большую наблюдательность надъ окружавшей его средой и обычаями китайцевъ. Временемъ архимандрита С. оканчивается первый періодъ пекинской миссіи—періодъ ея упадка и преобладанія малороссовъ и начинается второй періодъ — постепеннаго обновленія, начиная съ начальника девятой миссіи о. Іоакинфа (Бичурина).

Архим. Николай (Адорацкій), «Православная миссія въ Китаѣ за 200 лѣтъ ея существованія», «Православн. Собесѣдн.» 1887, № 11, стр. 287—343, (тамъ же указаны какъ архивный матеріалъ, такъ и мелкая библіографія). —Его же. «Отецъ Іоакинфъ Бичуринъ», «Правосл. Собесѣдн.» 1886, № 2, стр. 165—180.— «Сибирскій Вѣстн.» 1822 г., ч. 19, 1823 г., ч. 13.—С. Смирновъ, «Исторія Московск. Славяно-Греко-Латинской академіи», стр. 387—388. М. 1855 г. — «Чтенія въ И. Моск. Общ. Истор. и Древн.» 1861 г., кн. I.

А. III—въ.

Софроній (князь *Цулукидзе*), архіепископъ Имеретинскій; скончался 1 января 1842 г. Родился онъ около 1760 г. и до постриженія въ монашество былъ послушникомъ у дяди своего архіепископа Рачинскаго Германа. Въ монашество постриженъ и въ іеродіакона рукоположенъ въ 1778 г., а въ іеромонахи въ 1783 г. Съ 1785 г. былъ епископомъ Рачинскимъ и передъ хиротоніей былъ возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1821 г., 19 ноября, назначенъ архіепископомъ Имеретинскимъ и Гурійскимъ—съ 1833 г. Съ 1834 г. онъ сталъ проситься на покой; на свое мѣсто онъ желалъ назначенія русскаго іерарха, а въ свое вѣдѣніе просилъ Рачинскую волость въ Грузіи. Соотечественники—князья, дворяне и духовенство,—просили его остаться у нихъ. Болѣзни, слѣпота, наконецъ—вспыхнувшій въ Гуріи народный мятежъ, нераспорядительность старца епископа объ успокоеніи народа чрезъ приходское духовенство,—все это были поводы къ увольненію его отъ управленія епархіею, что и совершилось 8 ноября 1841 г., послѣ чего онъ вскорѣ и скончался въ Кутаисѣ.

Дѣло Архива С. Синода 1834 г. № 322.

Здр.

Софроновъ, *Михаилъ*, адъюнктъ и наставникъ при Московскомъ университетѣ, писатель и переводчикъ. Род. въ 1729 г. въ Устюжнѣ. Образованіе получилъ въ Московской Заиконоспасской академіи, по окончаніи которой въ 1748 г. былъ взятъ въ Академію Наукъ для подготовки къ педагогической дѣятельности. Въ 1753 г. С. былъ удостоенъ званія адъюнкта и командированъ съ научной цѣлью на два года за границу. По возвращеніи изъ командировки, онъ получилъ назначеніе наставникомъ при Московскомъ университетѣ, и эту должность занималъ до самой смерти, которая послѣдовала въ 1758 г. Какъ писатель, С. ничѣмъ особенно важнымъ себя не заявилъ. Всѣ его оригинальныя статьи, напечатанныя въ современныхъ журналахъ, лишены серьезнаго значенія. Изъ его же переводовъ слѣдуетъ отмѣтить напечатанную въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» (1757 г.) статью французскаго неизвѣстнаго автора: «Метеорологическія наблюденія, чиненныя въ 1756 г.».

Шевыревъ, «Исторія Московскаго университета».—Энциклоп. словарь Брокг. и Эфрона, т. 31.

Н. С.

Соханская (Кохановская—литературный псевдонимъ), *Надежда Степановна*, писательница-славянофилка, род. 17 февраля 1823 г., скончалась 3 декабря 1884 г. Сочиненія самой С. даютъ много свѣдѣній какъ о ея предкахъ, такъ и о ней самой: въ 1862 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго напечатана была повѣсть ея, озаглавленная: «Старина. Семейная память», гдѣ С., со словъ своей матери и тетки, изложила преданія о лицахъ своихъ тетушекъ и бабушекъ. Съ другой стороны, много времени спустя послѣ смерти С., въ 1896 г. напечатана была остававшаяся до тѣхъ поръ въ рукописи ея автобіографія, написанная ею для П. А. Плетнева въ 1847—48 гг.; здѣсь С. подробно разсказываетъ о своей жизни вплоть до выступленія на поприще литературы.

Дѣдъ С., со стороны отца, былъ заднѣпровскій черниговецъ, женатый на благородной полькѣ. По женскому колѣну со стороны матери С. ведетъ свой родъ отъ кн. Константина Острожскаго, у котораго былъ любимецъ воспитанникъ, сирота; всѣ называли его «коханцемъ», а затѣмъ, постепенно забывая его отцовское имя, стали называть его Кохановскимъ (отсюда, конечно, и литературный псевдонимъ писательницы). За этого Кох—го, по преданію, и вышла замужъ противъ воли родныхъ сестра или дочь Константина—Марія. Позднѣе прапращурка С., овдовѣвъ, переселилась изъ малороссійскаго мѣстечка Лохвицы (нынѣ уѣздный городъ Полт. губ.) на ближайшій рубежъ русской Украйны—въ г. Корочу, гдѣ стала называться Лохвицкой, какъ переселившаяся изъ Лохвицъ. (Мать С. была урожденная Лохвицкая). Здѣсь, въ хуторѣ Веселомъ, близъ г. Корочи Курской губ., родилась С. 17 февраля 1823 г. Отецъ ея, служившій сначала въ гражданской, потомъ въ военной службѣ, умеръ, когда С. было два года; дѣти (С. и ея два брата) росли на рукахъ матери и ея двухъ незамужнихъ сестеръ. С. рано научилась читать и съ жадностью набросилась на книги, которыхъ въ домѣ было много; руководить ея чтеніемъ и занятіями было некому. Между тѣмъ ея мать и тетки, не поладивъ съ своимъ женатымъ братомъ, задумали купить себѣ имѣньице въ Малороссіи. С. послѣ долгихъ хлопотъ удалось въ мартѣ 1834 г. помѣстить въ харьковскій институтъ, а въ слѣдующемъ 1835 г. мать ея купила въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ. имѣніе Макаровку, гдѣ по окончаніи курса въ институтѣ жила до самой своей смерти С. Въ своей «Автобіографіи» С. яркими чертами рисуетъ неприглядную картину институтскихъ нравовъ за время ея пребыванія въ институтѣ: тамъ царила вопіющая несправедливость и процвѣтала система фаворитизма. С., какъ дѣвочка изъ бѣдной семьи, къ тому же не знавшая иностранныхъ языковъ, по поступленіи въ институтъ сразу была помѣщена въ число послѣднихъ ученицъ. Благодаря своимъ хорошимъ способностямъ, отличной памяти и рѣдкой усидчивости, она постепенно завоевала себѣ первое мѣсто въ классѣ и кончила курсъ съ первымъ шифромъ. Безъ сомнѣнія, здѣсь, въ этой тяжелой обстановкѣ, у С. выработались черты характера, которыми она такъ отличалась во всю свою послѣдующую жизнь: глубокая религіозность и крайняя безапелляціонность мнѣній. Изъ институтскихъ преподавателей наибольшее вліяніе оказалъ на нее преподаватель русскаго языка и словесности Мих. Ив. Ильенко: «Если былъ человѣкъ, который бы могъ имѣть вліяніе на мое литературное развитіе,—писала она И. С. Аксакову въ 1862 г., послѣ смерти М. И. Ильенко—то это былъ мой институтскій учитель русской литературы, человѣкъ съ глубоко развитымъ эстетическимъ вкусомъ, прямой, стойкій, какъ черниговскій хохолъ, насмѣшливый, благородный и краснорѣчивый». Еще въ институтѣ С. пробовала писать стихи и на выпускномъ актѣ (1-го іюля 1840 г.) пѣлись стихи ея сочиненія. По окончаніи курса С. пришлось поселиться въ деревенькѣ ея матери. Въ одной изъ своихъ первыхъ повѣстей «Первый шифръ» («Спб. Вѣдомости», 1849—1850 гг.) С. живо изображаетъ всю тяжесть и безвыходность положенія молодой дѣвушки, полной благородныхъ интересовъ и высокихъ порывовъ, посреди всеобщаго непониманія и равнодушія окружающихъ: С. не съ кѣмъ было говорить и нечего

читать. Однообразная, праздная, сѣренькая жизнь день-за-день давила ее, она готова была дойти до полнаго отчаянія, но отъ этого ее спасло глубокое религіозное чувство. Затѣмъ благодаря знакомству съ одной богатой сосѣдкой, въ имѣніи которой получалось много журналовъ, С. нашла богатый матеріалъ для чтенія. Современная беллетристика совершенно не удовлетворяла ее и она начала писать сама. Свою первую повѣсть «Маіоръ Смагинъ» она отправила редактору «Сына Отечества» К. П. Мосальскому, который напечаталъ ее («Сынъ Отеч.», 1844 г., № 6), но ничего не заплатилъ С. и не отвѣтилъ на ея письма. Свои слѣдующіе опыты С. послала къ Брамбеусу и Краевскому—отвѣта не было. Наконецъ, совершенно случайно въ ея руки попала разрозненная, забытая какимъ-то проѣзжающимъ книжка «Современника» изд. Плетнева. С. рѣшила сдѣлать послѣднюю попытку и написала Плетневу въ февралѣ 1846 г., прося его высказать свое мнѣніе о посылаемой ею повѣсти «Графиня Д*». Плетневъ заинтересовался молодой писательницей, но откровенно высказалъ ей, что какъ «Графиня Д*» (впослѣдствіи, въ 1848 г. напечатанная въ «Отеч. Зап.»), такъ и другая, присланная ею вслѣдъ за первой повѣсть «Мятель» (оставшаяся ненапечатанной) очень слабы. Тѣмъ не менѣе онъ замѣтилъ въ письмахъ С. проблески ума и таланта, прислалъ ей полное изданіе своего «Современника» и просилъ ее описать для него себя и свою жизнь. Отвѣтомъ на эту просьбу была «Автобіографія» С., написанная въ 1847 — 48 гг. Съ этихъ поръ собственно и начинается литературная дѣятельность С., причемъ въ ея сношеніяхъ съ редакторами журналовъ ей въ первое время оказывалъ содѣйствіе ея сосѣдъ по имѣнію извѣстный писатель Гр. П. Данилевскій, познакомившійся съ ней черезъ Плетневыхъ. Первыя, появившіяся въ печати, произведенія С. («Маіоръ Смагинъ» «Графиня Д*», «Первый шифръ», «Сосѣди») прошли незамѣченными, но въ 1856 г. въ «Пантеонѣ» была напечатана первая часть ея повѣсти «Гайка». «Пантеонъ» скоро пересталъ выходить, такъ что конецъ «Гайки» не былъ въ немъ напечатанъ, но и первая часть этой повѣсти возбудила общее вниманіе въ литературныхъ кругахъ; А. В. Дружининъ и М. Н. Катковъ обратились къ С. съ предложеніемъ сотрудничать въ ихъ журналахъ, и въ 1858 — 1862 гг. появились въ печати лучшія и болѣе крупныя ея произведенія: «Любила» (1858), «Послѣ обѣда въ гостяхъ» (1858), «Изъ провинціальной галлереи портретовъ» (1859), «Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина» (1859), «Гайка» (въ полномъ видѣ въ 1860 г.), «Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова» (1861), «Старина» (1862 г.). Въ 1863 г. повѣсти С. вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Критика заговорила о молодой писательницѣ; публицисты самыхъ различныхъ направленій единодушно признавали за нею крупный талантъ, удивительное знаніе народной жизни, рѣдкое мастерство разсказа и языка, чрезвычайную задушевность. То обстоятельство, что С. въ своихъ произведеніяхъ изображала бытъ народный и близкій къ народному, что она всегда стремилась сама проникнуть въ задушевный міръ народа и другимъ показать этотъ міръ и внутреннюю силу народа—наконецъ, та особенность ея міровоззрѣнія, что прошлому она отдавала предпочтеніе передъ настоящимъ—все это, естественно, сблизило ее съ славянофилами, которые ставили ея талантъ необычайно высоко: Хомяковъ, въ своей рѣчи, произнесенной въ 1860 г. въ Общ. Люб. Росс. Слов., сказалъ: «Никогда, можетъ быть, со времени нашего безсмертнаго Гоголя, не видали мы такой свѣтлой фантазіи, такого глубокаго чувства, такой художественной истины въ вымыслѣ, какъ въ произведеніяхъ, подписанныхъ именемъ г-жи Кохановской». Въ ея произведеніяхъ они видѣли зарю возрожденія литературы. Не совсѣмъ такъ оцѣнивали произведенія С. другіе критики; отдавая полную справедливость ея художественному таланту, они въ то же время отмѣчали ея общественный индифферентизмъ. Нужно вспомнить, что С. выступила въ литературѣ именно въ ту пору, когда подъ вліяніемъ многихъ предшествовавшихъ событій интересы литературные, стоявшіе на первомъ планѣ въ эпоху Гоголя и Бѣлинскаго, уступили мѣсто интересамъ общественнымъ. Приближалась эпоха реформъ, возникали новые вопросы, волновавшіе общество, новыя потребности и стремленія. Всему этому были совершенно чужды произведенія С. «Мы хотимъ знанія и знанія», восклицаетъ одинъ изъ

критиковъ — Н. Соколовскій по поводу произведеній С., «а намъ поютъ одну пѣсню: какъ герой любилъ героиню и какъ героиня любила героя». Ей ставили въ упрекъ пристрастное отношеніе къ прошлому, крайнюю идеализацію его, совершенно неумѣстную въ виду приближавшейся крестьянской реформы. «Изображайте крѣпостной бытъ, но безъ задней мысли, такъ какъ изобразилъ прошлый бытъ С. Т. Аксаковъ въ Сем. Хроникѣ», говоритъ другой критикъ — Мих. Де-Пуле, разбирая повѣсти С. «Если же авторъ увлекается поэтической стороной прошлаго быта (а ее, эту поэтическую сторону, мы не отрицаемъ: гдѣ жизнь, тамъ и поэзія), то онъ лучше сдѣлаетъ, если возьметъ эпоху отдаленнѣйшую, менѣе возмущающую читателей». Произведенія С. звучали полнымъ диссонансомъ въ общемъ хорѣ литературы 60-хъ гг., и послѣ 1863 г. ея литературная дѣятельность, такъ блистательно начавшаяся и подававшая столько надеждъ, начинаетъ понемногу замирать: если не считать различныхъ ея писемъ и корреспонденцій, напечатанныхъ, большею частью, въ «Днѣ» и другихъ изданіяхъ И. С. Аксакова, то послѣ 1863 г. С. написаны были только: «Рой Ѳедосій Саввичъ на спокоѣ», комедія «Слава Богу, что мужъ лапоть сплелъ», «Кроха словеснаго хлѣба» и «Севастопольскія воспоминанія». Въ общемъ С. въ литературѣ дала чрезвычайно мало сравнительно съ тѣми ожиданіями, которыя на нее возлагались; объясняется это какъ нѣкоторыми особенностями ея характера, такъ и той обстановкой, въ которой ей пришлось жить и дѣйствовать. Какъ выше было упомянуто, еще на институтской скамьѣ, вѣроятно, у нея начала развиваться безапелляціонность мнѣній, которая съ теченіемъ времени достигла высшей степени въ связи съ необыкновенно высокимъ мнѣніемъ о своемъ талантѣ и о самой себѣ. Она положительно не выносила критики и потому ея отношенія съ редакторами изданій и другими дѣятелями литературы скоро обострялись и прекращались. Получивъ, въ сущности, довольно скудное образованіе и большую часть своей жизни проведя въ своей глухой степной деревушкѣ, она, такимъ образомъ, сама лишила себя единственной возможности развивать свой талантъ Въ высшей степени неблагопріятно для ея литературной дѣятельности было и то обстоятельство, что расцвѣтъ ея совпалъ со смертью главныхъ представителей славянофильства — Хомякова († 1860) и К. Аксакова (1860); кружокъ славянофиловъ распался, съ 1860 г. пересталъ издаваться журналъ «Русская Бесѣда», и С., которая сразу тѣсно сблизилась съ славянофилами, осталась, по ея выраженію, безъ родного литературнаго угла. Въ 1873 г. С. сдѣлала попытку вновь выступить въ литературѣ, передѣлавъ въ сотрудничествѣ съ М. А. Беккеръ свою повѣсть «Изъ провинц. галлереи портретовъ» въ драму подъ заглавіемъ «Кража невѣсты»; драма эта была съ успѣхомъ поставлена на сценѣ въ Москвѣ, но это не измѣнило положенія С. Въ 1866 г. и въ 1877 г. С. ѣздила на Волынь, заинтересовавшись статьями въ «Днѣ» Аксакова о положеніи православія въ юго-западномъ краѣ. По этому дѣлу она сблизилась съ основательницей Кирилло-Меѳодіевскаго братства въ Острогѣ—гр. А. Д. Блудовой и пыталась организовать въ юго-западномъ краѣ братства и сельскіе банки. Своими краснорѣчивыми воззваніями она привлекла много пожертвованій на это дѣло, но тѣмъ не менѣе попытки ея не привели ни къ чему. Послѣдніе годы своей жизни она провела у себя въ деревнѣ, гдѣ и скончалась 3 дек. 1884 г. Въ самый годъ своей смерти С. еще разъ взялась за перо, возмущенная исповѣдью Л. Н. Толстого. Ея «Письма къ гр. Л. Н. Толстому по поводу его «Исповѣди» были помѣщены въ «Гражданинѣ» за 1884 г.

Послѣ смерти С. во многихъ періодическихъ изданіяхъ появились некрологи покойной, кромѣ того напечатано было многое, остававшееся неизданнымъ при ея жизни, а именно: «Автобіографическое письмо къ пріятельницѣ (А. В. Плетневой)» въ «Русск. Архивѣ» 1885 г., 4, отрывки изъ ея неоконченнаго романа «Степная барышня 40-хъ годовъ» въ «Руси» 1885 г., нѣкоторыя изъ ея писемъ къ С. И. Погодиной въ «Русск. Вѣстн.» 1889 г., ея «Автобіографія» въ «Русск. Обозр.» 1896 г. (отдѣльные оттиски были въ продажѣ), ея письма къ П. А. Плетневу и письма къ ней М. Н. Каткова въ «Русск. Обозр.» за 1897 г. и, наконецъ, ея въ высшей степени интересная переписка съ Аксаковымъ (1858—1884 г.) въ «Русск. Обозр.» 1897 г. Наслѣдники С—ой поручили послѣ ея смерти разобрать ея бумаги извѣстному библіофилу Ст. И. Пономареву, который съ присущимъ ему умѣньемъ и любовью составилъ опись бумагъ покойной и библіографическій указатель ея

печатныхъ трудовъ и всего напечатаннаго о ней—при ея жизни и послѣ ея смерти.

По поводу произведеній С—ой въ свое время появлялись въ печати болѣе или менѣе подробныя рецензіи. Главнѣйшія изъ нихъ: статья Гилярова (по поводу повѣсти «Изъ провинц. галлереи портретовъ»), «Русская Бесѣда», 1859 г., № 3. М. Де-Пуле (о повѣстяхъ «Любила», «Послѣ обѣда въ гостяхъ» и «Изъ провинц. галлереи портретовъ»), «Русское Слово», 1859 г., № 12. Н. Соколовскаго (о повѣсти «Гайка»), «Свѣточъ», 1860 г., № 6. А. А. Григорьева о повѣстяхъ С—ой вообще: «Явленія современной литературы, пропущенныя нашею критикою», «Время», 1861 г., № 9. О повѣстяхъ С—ой въ изданіи 1863 г. статья В. Островскаго: «Г-жа Кохановская и ея повѣсти», «Библ. для чтенія», 1869 г., № 7. Статья Чернышевскаго: Повѣсти Кохановской. «Современникъ», 1863 г., № 9. П. В. Анненкова въ его книгѣ «Воспоминанія и критическіе очерки», Отдѣлъ II. Статья Е. Н. Э—на (Эдельсона), «Библ. для чтенія», №№ 4 и 5. Пыпина. «Новыя данныя для біографіи Кохановской» (по поводу появленія въ печати Автобіографіи К.), «Вѣстн. Европы» 1896 г., № 12. С. Пономарева: П. А. Плетневъ и Н. С. Соханская, «Русское Обозрѣніе», № 6.

Н. Платонова.

Соханскій, *Георгій Дмитріевичъ*, генералъ-отъ-артиллеріи, совѣщательный членъ артиллерійскаго комитета Главнаго артиллерійскаго управленія, состоящій при Его Императорскомъ Высочествѣ генералъ-фельдцехмейстерѣ для порученій. Родился 26 ноября 1826 г. и происходилъ изъ дворянъ Черниговской губ. Воспитывался въ Дворянскомъ полку (теперь Константиновское артиллерійское училище). Произведенный въ августѣ 1845 г. въ прапорщики, онъ былъ назначенъ въ 13-ую артиллерійскую бригаду, въ которой прослужилъ десять лѣтъ. Во время Крымской кампаніи находился въ составѣ войскъ, дѣйствовавшихъ на восточномъ берегу Чернаго моря и въ Азіатской Турціи, и за отличія въ разныхъ дѣлахъ былъ награжденъ орденами св. Анны 4-ой степени и св. Станислава 3-й степени и переведенъ въ лейбъ-гвардіи 1-ую артиллерійскую бригаду. Назначенный въ 1860 г. старшимъ адъютантомъ штаба генералъ-фельдцехмейстера, онъ, по упраздненіи этого штаба, остался старшимъ адъютантомъ Главнаго артиллерійскаго управленія и въ 1864 г. былъ произведенъ въ полковники. Далѣе состоялъ начальникомъ отдѣленія Главнаго артиллерійскаго управленія (съ 1867 г.) и членомъ коммиссіи по развитію артиллерійскаго образованія и по разсмотрѣнію отчетовъ, доставляемыхъ изъ полигоновъ и изъ различныхъ частей. Произведенный въ 1870 г. въ генералъ-маіоры, онъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года былъ назначенъ помощникомъ начальника Главнаго артиллерійскаго управленія и въ томъ же году былъ командированъ для осмотра командъ и складовъ, расположенныхъ въ Одессѣ и Кіевѣ, и для указанія на мѣстѣ и разъясненія харьковскому, одесскому и кіевскому окружнымъ артиллерійскимъ управленіямъ того порядка, при которомъ должно совершиться преобразованіе складовъ на новыхъ началахъ. Вслѣдъ за тѣмъ на него было возложено порученіе осмотрѣть динаминскую крѣпостную артиллерію и повѣрить караульный нарядъ въ крѣпостяхъ Виленскаго военнаго округа, а по окончаніи русско-турецкой войны 1877—1878 гг. онъ былъ командированъ въ Одесскій округъ для указаній относительно разоруженія береговыхъ батарей Чернаго моря и для составленія штатовъ очаковскихъ, севастопольскихъ и одесскихъ береговыхъ батарей. По возвращеніи изъ этой командировки С. были поручены работы по пересмотру существующихъ положеній и штатовъ полевого управленія артиллеріею въ военное время и проектированію новыхъ положеній, а также по разработкѣ вопроса объ устройствѣ и организаціи парковъ и артиллерійскихъ учрежденій военнаго времени. Произведенный въ августѣ 1881 г. въ генералъ-лейтенанты, С. въ декабрѣ 1883 г. былъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ артиллерійскаго комитета Главнаго артиллерійскаго управленія и состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ генералъ-фельдцехмейстерѣ для порученій. Съ этого времени онъ ежегодно былъ командируемъ для производства инспекторскихъ смотровъ артиллерійскимъ частямъ и во время этихъ командировокъ осмотрѣлъ почти всѣ военные округа. Кромѣ того онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ разныхъ коммиссій по вооруженію, снабженію, организаціи и пополненію артиллеріи—въ коммиссія объ устройствѣ учебныхъ командъ артиллерійскихъ войскъ, въ коммиссіи объ опредѣленіи штатовъ полевыхъ батарей, парковъ и крѣпостныхъ артиллерій, въ коммиссіи по измѣненію существующаго порядка въ хозяйственномъ устройствѣ полевыхъ артиллерійскихъ частей, въ коммиссіи по опредѣленію цѣнъ и

условій коммерческаго заготовленія малокалиберныхъ винтовокъ на Ижевскомъ и Сестрорѣцкомъ оружейныхъ заводахъ, въ коммиссіи по разсмотрѣнію предложеній разныхъ частныхъ лицъ на поставку въ казну пороха и по устройству частныхъ пороховыхъ заводовъ, и во многихъ другихъ коммиссіяхъ. Тяжелая болѣзнь заставила С. въ началѣ 1892 г. просить объ увольненіи отъ службы, и 26 апрѣля того же года онъ былъ произведенъ въ генералъ-отъ-артиллеріи съ увольненіемъ въ отставку, послѣ чего прожилъ всего четыре дня. Скончался въ Петербургѣ 1 мая 1892 г., на 66 году отъ рожденія. Тѣло его погребено въ Александро-Невской лаврѣ.

«Русскій Инвалидъ» 1892 г., № 97, стр. 2 и 101, стр. 3, некрологъ, ст. Н. Д. (Дубровина ?).—«Новое Время» 1892 г., № 5809, стр. 4 и 5810, некрологъ, стр. 4.—«Правительственный Вѣстникъ» 1892 г., № 97, некрологъ, стр. — 3. «Петерб. Листокъ» 1892 г., № 119, некрологъ.—«Новости и Биржевая Газета» 1892 г., № 120, некрологъ.—«Русскій Календарь» на 1893 г., некрологъ, стр. 335.

Е. Я.

Сохацкій, *Павелъ Аѳанасьевичъ*, родился въ 1766 г. въ Полтавской губ., Прилуцкаго уѣзда, с. Свѣтличномъ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Первоначальное образованіе получилъ дома подъ надзоромъ отца, а на двѣнадцатомъ году поступилъ въ Кіевскую академію. Четыре года пробылъ онъ въ этомъ заведеніи, дошелъ уже до философскаго класса, но въ началѣ 1782 г. перебрался въ Москву въ гимназію при Московскомъ университетѣ. Московское Дружеское общество, начавшее свою дѣятельность именно въ 1782 г., энергично подбирало способную молодежь съ тѣмъ, чтобы, воспитавъ ее въ извѣстномъ направленіи, пользоваться ея трудами для своихъ просвѣтительныхъ цѣлей. Въ первую группу такихъ молодыхъ людей суждено было попасть С. съ его товарищами, между которыми впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ также и Рубанъ. Въ гимназіи обучался С. на счетъ Общества. Черезъ годъ, 15 ноября 1782 г., онъ окончилъ гимназію и поступилъ въ университетъ. Кружокъ университетской молодежи, въ которомъ пришлось теперь вращаться С., находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ Новикова и Шварца. Молодежь жила ихъ интересами, одушевлена была ихъ любовью къ просвѣщенію, заражена ихъ лихорадочной дѣятельностью. Немудрено, что С., юноша способный и развитой, легко отдался общему настроенію: онъ благоговѣлъ передъ Новиковымъ и Шварцемъ, сотрудничалъ въ журналахъ перваго, «Вечерней Зарѣ» и «Покоящемся Трудолюбцѣ», оплакалъ смерть второго (1784 г.) въ глубоко прочувствованной рѣчи, произнесенной на его могилѣ. Изъ великой школы общенія съ Новиковымъ и Шварцемъ вынесъ С. вѣру въ просвѣщеніе, и на всю жизнь отдался великому дѣлу образованія. Гимназія, пансіонъ, учительскій институтъ, университетъ,—во всѣхъ этихъ заведеніяхъ трудился С. не только на педагогическомъ, но и административномъ поприщѣ. По окончаніи университета онъ скоро получилъ степень магистра «философіи и свободныхъ наукъ» и поступилъ учителемъ въ риторскіе, латинскій и греческій классы обѣихъ гимназій. По удаленіи изъ университета Мельмана, С. сдѣлался его преемникомъ и тогда же получилъ званіе экстраординарнаго профессора и ректора латинскаго и греческаго классовъ гимназіи. Въ 1797 г. ему поручена была должность инспектора Учительскаго института. Въ 1801 г. онъ былъ сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ философіи и древней словесности. Въ преподаваніе С. внесъ много присущей ему живости и талантливости. Природное чутье помогало ему тонко чувствовать красоты лучшихъ произведеній древней словесности, а потому его эстетическіе комментаріи къ классикамъ приносили его слушателямъ большую пользу. Кромѣ философіи и классической словесности С. занимался съ успѣхомъ и русской словесностью. Преподавалъ онъ ее въ Университетскомъ пансіонѣ вмѣстѣ съ логикой и нравоученіемъ. Съ 1805 г. С. первому поручено было въ университетѣ преподаваніе эстетики. Открывая, такимъ образомъ, новый курсъ въ университетѣ, С. брался за трудную задачу, и, для своего времени, разрѣшилъ онъ ее блестяще. Знатокъ и любитель древности, воспитавшій свое эстетическое чувство на лучшихъ ея образцахъ, С. владѣлъ огромнымъ запасомъ свѣдѣній въ этой области. Въ своихъ лекціяхъ свѣдѣнія эти онъ умѣло освѣщалъ изложеніемъ теоретическихъ взглядовъ западныхъ философовъ и критиковъ, опираясь, главнымъ образомъ, на Винкельмана и теоретиковъ французскаго классицизма. Съ внѣшней стороны лекціи

С. оказались точно также очень удачными. Онъ сознательно стремился къ ясности и простотѣ въ изложеніи предмета новаго и отвлеченнаго. Для этихъ лекцій ему пришлось работать надъ терминами и, въ результатѣ, нѣкоторыя выраженія вошли въ употребленіе съ его легкой руки. Такимъ образомъ С. относился очень добросовѣстно къ своему новому дѣлу, много надъ нимъ работалъ. Если еще принять во вниманіе то мастерство изложенія, которымъ, по отзывамъ современниковъ, отличались всѣ его лекціи,—мы легко поймемъ, почему молодежь такъ интересовалась С. Жихаревъ, вообще относившійся къ университетской наукѣ очень легко, помянулъ добрымъ словомъ С.: «Прекрасно также говоритъ Пав. Аѳан.», читаемъ мы въ запискахъ Жихарева: «онъ основательно изучилъ свой предметъ и предлагаетъ его убѣдительно. Я не слыхалъ другихъ эстетиковъ, и потому не могу опредѣлить достоинство нашего профессора сравнительно съ прочими, но, признаюсь, слушаю его съ величайшимъ удовольствіемъ». Другой его ученикъ, Снегиревъ, говоритъ, что онъ «съ обильной ученостью соединялъ тонкій вкусъ и развитое чувство изящнаго, рѣдкій даръ слова, которымъ увлекалъ вниманіе своихъ слушателей. Студенты обязаны его краснорѣчивымъ лекціямъ развитіемъ вкуса и любовью къ изящному». Основныя свои воззрѣнія на изящныя искусства С. выразилъ въ словѣ, произнесенномъ 30 августа 1801 г., «О предметахъ, свойствѣ и вліяніи изящнаго вкуса на счастіе жизни». Изъ этой рѣчи можно видѣть, что С. вводилъ въ область своего изученія въ большомъ размѣрѣ и психологію. Философскіе и педагогическіе взгляды свои С. высказалъ въ прекрасной рѣчи «О главной цѣли воспитанія», сказанной 30 іюня 1793 г. въ торжественномъ собраніи Московскаго университета. Кромѣ этихъ дошли до насъ еще 2 рѣчи его: одна—похвальное слово Шувалову, а другая—торжественное слово на полувѣковой юбилей Московскаго университета, праздновавшійся 30 іюня 1805 г. Писалъ С. и оды на разные случаи, какъ, напримѣръ, на коронаціи императора Павла, на восшествіе на престолъ императора Александра I, на смерть Шувалова. Ученая дѣятельность не отрывала С. отъ литературныхъ занятій: до конца дней онъ отдавалъ всѣ свои досуги журнальной работѣ. Цѣлый рядъ журналовъ велся подъ его руководствомъ или при его участіи. Такъ онъ издавалъ: 1) вмѣстѣ съ Гавриловымъ съ 1790 по 1800 г., по предложенію куратора Мелессино,—«Политическій Журналъ», который продолжался затѣмъ однимъ Гавриловымъ подъ названіемъ «Историческій, Статистическій и Географическій Журналъ»; 2) въ 1791 г. вмѣстѣ съ Подшиваловымъ «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій»: 3) въ 1793—1799 гг. вмѣстѣ съ Подшиваловымъ—«Пріятное и полезное препровожденіе времени»; 4) въ 1799—1801 гг.—«Иппокрену или утѣхи любословія»; 5) въ 1802—1805 гг.—«Новости русской литературы»; 6) въ 1805 г.—«Минерву».

Въ журналахъ С появилось много раннихъ произведеній нашихъ писателей. Жуковскій, Нарѣжный и нѣк. др. печатали у него свои юношескіе опыты. С., какъ литераторъ, хотя и отличался симпатіями къ классицизму, но никогда не былъ упорнымъ противникомъ молодыхъ писателей и то обстоятельство, что онъ, въ теченіе, всей своей жизни является не только равнодушнымъ зрителемъ дѣятельности Карамзина, но порой даже несправедливымъ ея судьей, объясняется, вѣроятно, какими-нибудь посторонними причинами. Изъ ученыхъ его работъ извѣстны слѣдующія: 1) Филлеборново краткое начертаніе латинскаго слога. М. 1796; 2) Principia sermonis graeci М. 1796; 3) Цицероновы разсужденія о должностяхъ (de officiis), съ замѣчаніями. 1807; 4) Федонъ, разговоръ Платона, помѣщенный въ Эфемеридахъ. М. 1804 г.; 5) Уатсова умственная книга или Логика; 6) Мейнерсово Начертаніе и «Исторія изящныхъ наукъ» 1803 г.; 7) Чертежъ системы Эстетики 1803 г.; 8) Изъясненія объ изящныхъ наукахъ и искусствахъ. Теоретическая часть.

Скончался С. въ 1809 г., 18 марта, на 44-мъ году жизни, оставивъ у своихъ учениковъ память, какъ о хорошемъ ученомъ и отличномъ человѣкѣ.

Біогр. словарь профес. М. У-та.—Шевыревъ, «Исторія Моск. У-та».—«Р. Арх.» 1866, 1868, 1885, 1894.—«Русск. Стар.» 1874, 1877, 1890, 1892, 1888.—«Библ. Зап.», I.—Сб. Ак. Наукъ XVIII.—Зап. Вигеля, III.—Записки Жихарева.—Болотовъ «Памятникъ истекшихъ временъ».—Гротъ, Филол. розысканія, I.

В. Сиповскій.

Сохраничевъ, *Василій Степановичъ*, надворный совѣтникъ, медико-хирургъ, писатель. Родился въ 1810 г. и происходилъ изъ донскихъ казаковъ. Медицинское образованіе получилъ сначала въ Харьковскомъ университетѣ, а затѣмъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, по окончаніи которой былъ выпущенъ со званіемъ лекаря и назначенъ ординаторомъ Нарвскаго военнаго госпиталя. Въ слѣдующемъ году С. былъ переведенъ въ Якутскій пѣхотный полкъ, а въ 1840 г. получилъ отъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи званіе медико-хирурга. Далѣе, онъ служилъ младшимъ ординаторомъ С.-Петербургскаго 1-го военно-сухопутнаго госпиталя, старшимъ ординаторомъ (съ 1843 г.) того же госпиталя, инспекторомъ хозяйственной части и ординаторомъ (съ 1852 г.) больницы св. Ольги въ С.-Петербургѣ. Скончался С. въ С.-Петербургѣ въ декабрѣ 1854 г., на 45-мъ году отъ рожденія. С. былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Военно-Медицинскаго Журнала», гдѣ напечаталъ рядъ своихъ статей. Кромѣ того, онъ перевелъ на русскій языкъ нѣсколько большихъ иностранныхъ медицинскихъ сочиненій. Изъ нихъ наибольшимъ значеніемъ въ свое время пользовался переводъ сочиненія Сотена: «Съемно-неподвижный аппаратъ для леченія переломовъ, вывиховъ, рака, язвъ и проч.» (Спб. 1851 г. 8°, 108 стр. и Спб. 1854 г. 8° 52, стр.).

Л. Ѳ. Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели», Вып. I, Спб. 1886 г. тетр. 2, стр. 116.—«Медицинскій списокъ» на 1840 г. стр. 314.

Е. Я.

Соцъ, *Василій Ивановичъ*, цензоръ, писатель и переводчикъ; сынъ слѣдующаго; родился въ 1788 г. и образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ. По рѣшенію совѣта университета 31 августа 1804 г. произведенъ былъ студентомъ, а 26 декабря 1805 г. получилъ степень кандидата 12-го класса по выдержаніи экзамена при Ярославскомъ Демидовскомъ вышнихъ наукъ училищѣ. 15 января слѣдующаго года былъ назначенъ надзирателемъ и учителемъ ариѳметики, алгебры, геометріи, россійской словесности, всеобщей исторіи и географіи при благородномъ пансіонѣ этого училища, а затѣмъ (28 августа 1807 г.) ему поручено было также преподаваніе математики и въ самомъ Демидовскомъ училищѣ. Вскорѣ, однако, оставилъ службу въ этихъ заведеніяхъ; уволившись оттуда уже 2 августа 1809 г., онъ сперва назначенъ былъ переводчикомъ въ иностранное отдѣленіе адресовъ при канцеляріи С.-Петербургскаго военнаго губернатора (10 ноября 1809 г.), а потомъ, по увольненіи изъ этого отдѣленія (5 декабря 1810 г.), опредѣленъ въ департаментъ министерства полиціи (9 мая 1811 г.). Произведенный 31 декабря 1811 г. въ чинъ коллежскаго секретаря, 8 апрѣля 1813 г. помѣщенъ былъ столоначальникомъ въ Особенную канцелярію министерства полиціи, 31 декабря 1814 г. получилъ чинъ титулярнаго совѣтника, а 1 мая 1816 г. по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ секретаремъ по россійской части въ цензурный комитетъ при министерствѣ полиціи. Въ этой должности С. оставался по 16 ноября 1828 г., когда, по новому уставу о цензурѣ и по преобразованіи цензурнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ въ комитетъ цензуры иностранной при министерствѣ народнаго просвѣщенія, утвержденъ былъ въ должности старшаго цензора. За время службы своей въ цензурномъ комитетѣ при министерствѣ полиціи С. получилъ чины: коллежскаго ассесора (31 декабря 1829) и надворнаго совѣтника (31 декабря 1810), ордена: Анны 3-й степени (19 сентября 1817) и Владиміра 4-й степени (13 февраля 1826) и былъ награждаемъ за отличную и ревностную службу денежными суммами (въ 1819 и 1827 гг.). Въ это же время, на основаніи Высочайше учрежденнаго 3 сентября 1827 г. на одинъ годъ временного положенія для цензурнаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, занималъ должность цензора при этомъ комитетѣ (съ 20 сентября 1827 г.). Въ послѣдней своей должности—старшаго цензора комитета цензуры иностранной при министерствѣ народнаго просвѣщенія,—С. оставался до конца своей жизни, получивъ за отличную службу чины: коллежскаго (25 іюня 1830) и статскаго совѣтниковъ и ордена: Анны 2-й степени (31 марта 1830) и Анны 2-й степени съ короною (31 марта 1831).

Изъ оригинальныхъ произведеній и переводовъ Соца извѣстны слѣдующіе: 1) «Бѣлый арапъ», комедія въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго; играна

на петербургской сценѣ въ 1817 г.; 2) «Не вѣрьте предубѣжденію», комедія въ одномъ дѣйствіи, переводъ; играна тамъ же во второй половинѣ 1818 г.; 3) «Къ народу», стихотвореніе (подражаніе Томасу); читано въ собраніи С.-Петербургскаго Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, дѣйствительнымъ членомъ коего С. состоялъ уже въ 1818 г.; напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1818 г., ч. XLIX, стр. 127—32; 4) «Хронологическое обозрѣніе достопамятнѣйшихъ происшествій, прославившихся людей и важнѣйшихъ открытій и изобрѣтеній, отъ начала Міра до окончанія Веронскаго Конгресса» (составлено и издано совмѣстно съ А. Т.), Спб. 1823; 5) «Шотландскіе пуритане», романъ В. Скотта, переводъ, М. 1814; 6) «Опытъ библіотеки для Военныхъ людей», Спб. 1816 (рецензія на эту книгу помѣщена въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1816 г., ч. IX, отд. 1, стр. 36). Кромѣ того, мелкія критическія статьи по русской и иностранной литературамъ и другія замѣтки С. разбросаны въ «Сынѣ Отечества» (1818, 1819, 1822 гг.), «Благонамѣренномъ» (1818 г.) и «Московскомъ Телеграфѣ»(1826 и 1827 гг.). Скончался С. въ Петербургѣ, 11 сентября 1841 г., на 54 году отъ рожденія.

Дѣло Архива Департамента Герольдіи Правительственнаго Сената о дворянствѣ Соца.—Послужной списокъ 1811 и 1832 г.г.—Архивъ Капитула орденовъ, дополнительные формулярные списки за 1832 г., № 164. — Некрологъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1842 г., т. V, январь, извѣстіе и смѣсь, стр. 16.—Некрологъ въ «Сынѣ Отечества» 1841 г., № 38, стр. 363—64.—Некрологъ въ «Сѣверной Пчелѣ» 1841 г., № 205.—Дневникъ В. К. Кюхельбекера, «Русская Старина» 1875 г., т. XIV, стр. 75. «Русская Старина» 1893 г., т. 77, стр. 644.—П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра», Спб. 1861, стр. 265.— Каталогъ русскихъ книгъ библіотеки Императорскаго С.-Петербургскаго университета,—С.-Пб. 1897, стр. 871.—«Санктпетербургскія Вѣдомости» 1825 г., № 87.—«Сѣверная Пчела» 1825 г., № 116.—«Русскій Инвалидъ» 1825 г., № 232.—«Московскія Вѣдомости» 1825 г., № 77, 1828 г., № 97.—«Сѣверная Почта» 1819 г., № 89, стр. 1.—Мѣсяцесловъ на 1819 г., ч. I, стр. 495. — Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. I. Спб. 1899, стр. 649.

Вадимъ Модзалевскій.

Соцъ, *Иванъ Васильевичъ*, переводчикъ. Воспитывался въ гимназіи при Московскомъ университетѣ и самомъ университетѣ; служилъ впослѣдствіи учителемъ французскаго языка въ гимназіи и былъ коллежскимъ переводчикомъ при канцеляріи университета. Ему принадлежали слѣдующіе труды: 1) Новый лексиконъ, или словарь на французскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и россійскомъ языкахъ..., 2 части, М. 1784—86; 2) Новая французская грамматика, содержащая въ себѣ краткія правила французскаго языка, М. 1790; 3) Масонъ безъ маски, или подлинныя таинства масонскія, изданныя со многими подробностями точно и безпристрастно, Спб. 1784,—книга, направленная противъ масонства, переведена, по мнѣнію однихъ, съ англійскаго, другихъ—съ французскаго языковъ. (Нѣкоторые приписываютъ изданіе ея—Ивану Ивановичу Соцу).

Митрополитъ Евгеній, «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», т. II, М. 1845, стр. 175.—К. Н., Книжныя рѣдкости, «Русскій Архивъ» 1891 г., т. III, стр. 547.—Н. В. Губерти, Матеріалы для русской библіографіи, М. 1881, вып. II, № 71.—Сопиковъ, Опытъ Россійской библіографіи, №№ 3017, 5920, 6168.—Каталогъ русскихъ книгъ библіотеки Императорскаго С.-Петербургскаго университета, т. I. Спб. 1897, стр. 871.—Я. Березинъ-Ширяевъ, Дополнительные матеріалы для библіографіи, Спб. 1876, стр. 112.

Вадимъ Модзалевскій.

Спада (*Spada*), *Антоній-Францискъ*, писатель и педагогъ, умеръ въ Одессѣ 26 апрѣля 1843 г. (время его рожденія неизвѣстно). По нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ происходилъ изъ Ливорно; по другимъ—онъ былъ португальскимъ евреемъ, еще мальчикомъ былъ привезенъ во Францію, былъ крещенъ и воспитанъ капуцинами, а впослѣдствіи постриженъ ими въ монахи ихъ ордена. Когда во время революціи всѣ монастыри были уничтожены, С. бросилъ рясу и сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ. Какъ видно изъ оставшихся послѣ смерти С. его документовъ, онъ былъ подданнымъ великаго герцогства Тосканскаго, состоялъ одно время домашнимъ секретаремъ при испанскомъ посланникѣ въ Швеціи, а въ маѣ 1801 г. явился эмигрантомъ въ Россію въ качествѣ учителя словесныхъ наукъ. Въ Петербургѣ С. поступилъ въ домъ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Пользуясь домашней библіотекой князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, С. въ значительной степени расширилъ кругъ своихъ познаній; около этого времени онъ задумалъ капитальный трудъ—издать на французскомъ языкѣ полный «Историко-біографическій словарь замѣчательныхъ мужей Рос-

ciи»; но ему не удалось осуществить своего намѣренія. Приблизительно около этого же времени С. издалъ небольшую книжку: «Morceaux choisis de Chateaubriand» (St-Petersbourg, 1812). Въ 1812 г. С. получилъ мѣсто почетнаго библіотекаря Императорской Петербургской Публичной библіотеки, а затѣмъ—цензора при Петербургскомъ цензурномъ комитетѣ. Эта должность дала ему возможность еще болѣе укрѣпить и расширить свои познанія, главнымъ образомъ, въ области русской исторіи. Въ 1816 г. С. издалъ въ Петербургѣ сборникъ въ 4-хъ томахъ подъ заглавіемъ: «Ephémérides russes politiques, litteraires, historiques, nécrologiques». Отправившись въ путешествіе за границу, С. воспользовался случаемъ лично представить это сочиненіе различнымъ итальянскимъ ученымъ обществамъ и библіотекамъ; слѣдствіемъ этого было избраніе его въ дѣйствительные члены слѣдующими учрежденіями: падуанской академіей наукъ и искусствъ, пизанской академіей, флорентійскимъ обществомъ подъ названіемъ «Colombaria», флорентійской академіей художествъ, римской академіей св. Луки, понтаніанскимъ обществомъ въ Неаполѣ, археологической академіей въ Римѣ. Возвратившись изъ путешествія и получивъ увольненіе отъ должности цензора и библіотекаря Императорской Публичной библіотеки, С. въ 1819 г. уѣхалъ на жительство въ Одессу. Здѣсь, по ходатайству графа Кочубея, въ домѣ котораго С. жилъ продолжительное время, онъ въ концѣ 1827 г. получилъ мѣсто преподавателя французскаго языка и словесности въ Ришельевскомъ лицеѣ. Онъ, однако, не долго оставался на этой должности. Находясь внѣ службы, С. въ 1828 г. занялся извлеченіемъ изъ современныхъ газетъ свѣдѣній, относившихся къ тогдашней войнѣ Россіи съ Турціей, и результатомъ этихъ занятій явилась изданная имъ брошюра: «Précis historique et chronologique des événements militaires pendant la compagne contre les Turcs jusqu'à la prise de Varna en 1828». Въ слѣдующемъ году С. продолжалъ ту же работу и издалъ другую брошюру, являвшуюся продолженіемъ предыдущей, подъ заглавіемъ: «Précis historique et chronologique des événements militaires pendant la seconde campagne contre les Turcs depuis la prise de Varna jusqu'à l'occupation d'Adrianople le 8 août 1829». Въ началѣ 1829 г. С. поступилъ въ штатъ канцеляріи одесскаго градоначальника для иностранной переписки, а въ концѣ этого же года онъ былъ назначенъ библіотекаремъ Одесской Публичной библіотеки, а впослѣдствіи и цензоромъ иностранной литературы. Въ это время С. не покидалъ своихъ литературныхъ занятій и писалъ, главнымъ образомъ, французскіе стихи и статьи о драматическомъ искусствѣ, печатавшіеся въ «Messager da la Russie méridionale» и въ «Journal d'Odessa». Въ 1833 г. С., послѣ извѣстнаго археолога Бларамберга, принялъ въ свое завѣдываніе Одесскій городской музей древностей; значительное количество времени отдалъ онъ на этомъ новомъ для него поприщѣ историческимъ замѣткамъ. Когда было основанно Одесское общество исторіи и древностей, С., по званію директора музея древностей, былъ избранъ въ дѣйствительные члены Общества; въ 1840 г. онъ представилъ этому обществу историческое изслѣдованіе: «Sur les sicles et sur les poids et mesures des anciens Hebreux». Помимо этого труда, въ бытность свою членомъ общества, С. написалъ нѣсколько сочиненій по исторіи и литературѣ. Умеръ С. въ преклонномъ возрастѣ, отъ паралича легкихъ, въ чинѣ надворнаго совѣтника. До самой смерти онъ не переставалъ увеличивать свои научныя познанія, особенно въ исторіи; въ этомъ отношеніи большую службу сослужила ему его замѣчательная память: онъ «зналъ числа всѣхъ важныхъ происшествій въ мірѣ, имена всѣхъ владѣтельныхъ государей въ Европѣ, предковъ ихъ и родословную ихъ фамилій, зналъ также наизусть множество стиховъ изъ французскихъ классическихъ сочиненій...» (Ф. Ф. Вигель). Обладая богатымъ запасомъ воспоминаній, отличаясь наблюдательностью и даромъ слова, С. былъ весьма интереснымъ разсказчикомъ въ обществѣ. По словамъ біографа С. (Мазуркевича), «онъ оставилъ по себѣ узнавшихъ его память свѣтской любезности, всегдашней услужливости и литературной начитанности».

Некрологъ А. Ф. Спада Мазуркевича («Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», томъ I, стр. 591—592. Одесса, 1844). —«Изъ бумагъ В. Г. Теплякова», сообщ. А. Ѳ. Шидловскій (письма А. Ф. Спада къ В. Г. Теплякову: «Русская Старина» 1896 г., мартъ.

стр. 670—677.—Справочный энциклопедическій словарь Крайя, 1855.—Некрологъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1843 г., № 35, стр. 165. —«Записки Филиппа Филипповича Вигеля», часть VII, стр. 190—191, Москва, 1893 г.— «Записки графа М. Д. Бутурлина», «Русскій Архивъ» 1897 г., тетр. 5, стр. 23 и 24.

Вл. Грековъ.

Спасовичъ, *Даніилъ Осиповичъ*, статскій совѣтникъ, докторъ медицины и хирургіи, писатель. Родился въ 1797 г. Спеціальное образованіе получилъ на казенный счетъ на медицинскомъ факультетѣ Виленскаго университета, откуда въ началѣ 1823 г. былъ выпущенъ лекаремъ 1-го отдѣленія. Выдержавъ вслѣдъ затѣмъ докторскіе экзамены, онъ въ томъ же году 29 іюня защитилъ диссертацію подъ заглавіемъ: «De labrographia» (Diss. D. M. Viln. 1823, 8°,27) и получилъ степень доктора медицины. Въ слѣдующемъ году С. былъ назначенъ уѣзднымъ врачемъ Рѣчицкаго уѣзда, Минской губерніи, гдѣ прослужилъ семь лѣтъ, и въ это время получилъ въ 1828 г. отъ виленскаго университета званіе доктора хирургіи. Назначенный въ 1831 г. акушеромъ минской врачебной управы, С. черезъ годъ занялъ тамъ же должность инспектора, а съ 1836 г. сверхъ этого состоялъ еще врачемъ минскаго православнаго духовнаго училища. Выйдя въ 1864 г. въ отставку, онъ продолжалъ жить въ Минскѣ, гдѣ и скончался 18 декабря 1882 г., на 86 году отъ рожденія. Напечатавъ въ 1851 г. въ «Medicinische Zeitung Russland's» (№ 193) свою первую статью: «Lienitis carbunculosa et carbunculus Sibiricus», С. затѣмъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, былъ постояннымъ сотрудникомъ этого изданія.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели». Вып. I, Спб. 1886 г., тетр. 2, стр. 117.—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ писателей». Вып. IV. Спб. 1888 г., стр. 18.—«Медицинскій Списокъ» на 1840 г., стр. 315; на 1860 г., стр. 359; на 1870 г., стр. 227.

Е. Я.

Спасскій, *Василій Лукичъ*, провинціальный писатель, род. въ 1831 г., ум. въ 1884 г.; обучался въ Харьковскомъ университетѣ, а затѣмъ въ самомъ Харьковѣ преподавалъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Принимая дѣятельное участіе въ харьковской повременной печати, С. написалъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ мѣстнаго характера, преимущественно о грамотности и нищенствѣ. Наиболѣе извѣстнымъ и цѣннымъ трудомъ С. является «Характеристика Харькова въ отношеніи грамотности и просвѣщенія» (Харьковъ, 1874 г.), представляющая собой разработку данныхъ харьковской переписи 1873 г. Какъ общественный дѣятель С. также имѣетъ большое, но исключительно мѣстное значеніе.

Энциклопедич. словарь Брокгауза, т. XXXI, стр. 149.—Большая Энциклопедія. — «Статистическій Листокъ», изд. въ Харьковѣ, за 1884 г., №№ 2 и 3.

М. Л—ачъ.

Спасскій, *Григорій Ивановичъ*, оберъ-берггауптманъ, извѣстный историкъ и археологъ Сибири, дѣйствительный членъ Имп. Русскаго Географическаго общества, дѣйствительный членъ Имп. общества Ист. и Древн. Росс., членъ-корреспондентъ Археолого-Нумизматическаго общества, членъ Петербургскаго общества любителей наукъ, словесности и художествъ, а также многихъ другихъ ученыхъ и литературныхъ обществъ, ум. 29 апрѣля 1864 г., происходилъ изъ духовнаго званія; обучался въ Московскомъ университетѣ, хотя по окончательному образованію и былъ горнымъ инженеромъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1799 г. по «собственному желанію» поступилъ на службу въ Московское губернское правленіе подканцеляристомъ, въ 1800 г. перешелъ въ Бергъ-коллегію, изъ которой, прослуживъ до 1803 года, уволился, и въ томъ же году былъ назначенъ на службу въ Томскую губернію. Въ 1804 г. «для собранія нужныхъ топографическихъ и хозяйственныхъ свѣдѣній» былъ командированъ въ Красноярскій и Кузнецкій уѣзды. Въ 1806 г. «для собранія свѣдѣній по ученой части былъ употребленъ по отношенію бывшаго въ свитѣ посольства въ Китай гр. Потоцкаго». Въ 1807 г. назначенъ кузнецкимъ земскимъ исправникомъ, а въ 1809 г. уволенъ отъ этой должности и по «желанію своему и склонности» зачисленъ въ штатъ колывано-воскресенскихъ заводовъ съ переименованіемъ изъ губернскихъ секретарей въ соотвѣтствующій горный чинъ—«берггешворена». Проведя большую часть своей горной службы въ Змѣиногорскомъ рудникѣ, онъ въ 1817 г. былъ назначенъ сопровождать караванъ серебра въ Петербургъ, но отсюда уже не возвратился въ Сибирь, такъ какъ

получилъ повышеніе—былъ опредѣленъ въ горную экспедицію Кабинета Его Величества, съ оставленіемъ въ «штатѣ» заводовъ. Съ этого-то момента и начинается собственно литературная и ученая дѣятельность С., продолжающаяся и послѣ выхода его въ отставку, въ 1838 г., до самой смерти. Прекрасно изучивъ Сибирь во время службы тамъ и во время многихъ ученыхъ экспедицій, С. посвятилъ ей многолѣтніе литературные труды. Съ 1818 по 1825 г. онъ издавалъ «Сибирскій Вѣстникъ», а затѣмъ «Азіатскій Вѣстникъ». Оба эти журнала еще даже до сихъ поръ сохраняютъ свою цѣнность по обильнымъ матеріаламъ для исторіи и описанія Сибири. С. печаталъ старыя лѣтописи и другіе памятники Сибирской исторіи, путешествія по разнымъ краямъ Сибири, съ подробнымъ описаніемъ поселеній, свѣдѣній по естественной исторіи, съ обозначеніемъ мѣстныхъ промысловъ, народнаго быта и т. п., описанія мѣстныхъ сибирскихъ древностей, описанія сосѣднихъ азіатскихъ земель, разсказы о сибирскихъ нравахъ и обычаяхъ, статьи о сибирскихъ инородцахъ.

Въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» и отдѣльно были напечатаны имъ лѣтописи Строгановская и Саввы Есипова, а также и отрывки изъ лѣтописи Черепанова, путешествіе въ Китай казака Петлина въ 1620 г., другое путешествіе туда же боярскаго сына Байкова въ 1665—1668 гг. и т. д. Печатая самъ свои путешествія въ «Вѣстникѣ» («Путешествіе въ Тигрицкіе бѣки», ч. I; «Путешествіе по южнымъ Алтайскимъ горамъ въ 1809 г.», ч. III и IV и «Примѣчанія» къ этимъ путешествіямъ, ч. VIII), С. вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточивалъ въ своемъ изданіи и труды лицъ, которыя въ то время работали для описанія Сибири и сопредѣльныхъ ей земель. Онъ, напр., напечаталъ: «Путешествіе Геденштрома въ 1808—1809 гг.» (ч. XVI—XIX), «Путешествіе геодезиста Пшеницына и промышленника Санникова по островамъ Ледовитаго моря» (ч. XX), «Описаніе Байкала» (ч. XIII) и др. Много мѣста въ своемъ журналѣ онъ отводилъ также быту сибирскихъ инородцевъ («Народы, кочующіе въ верху рѣки Енисея», ч. I, II и III; «Киргизъ-кайсаки большой, средней и малой орды»—по запискамъ кап. Андреева, съ дополненіями П. К. Фролова и самого Спасскаго, ч. IX—X; «Забайкальскіе тунгузы», ч. XVIII—XX; «Очерки изъ исторіи нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ»). Самое главное, однако, мѣсто занимаютъ свѣдѣнія о земляхъ и народахъ, сопредѣльныхъ Сибири—между прочимъ, и обзоръ старорусскихъ сношеній съ ними. Сюда относятся такіе труды, какъ «Описаніе Монголіи», А. В. Игуменова (ч. V—VI), «Путешествіе отъ Сибирской линіи до города Бухары въ 1794 г.», выбранное изъ записокъ горнаго чиновника Бурнашева (ч. II и III), «Путешествіе отъ Сибирской линіи до Ташкента и обратно въ 1800 г.» (ч. VI), «Извлеченія изъ описанія экспедиціи, бывшей въ Киргизскую степь въ 1816 г.» (ч. IX и XI). Помѣщались также и отдѣльные переводы изъ иностранныхъ книгъ и матеріаловъ, относящихся къ Сибири. Такъ, онъ издалъ, съ переводомъ, латинскую рукопись неизвѣстнаго чужеземнаго автора, проживавшаго долго въ Сибири во второй половинѣ XVII-го вѣка, какъ впослѣдствіи оказалось—Юрія Крижанича, переписку Линнея, Лаксмана и Шлецера о Сибири (съ своими собственными примѣчаніями—ч. IX—X), переводы съ китайскаго. С., наконецъ, старательно собиралъ свѣдѣнія о до-русскихъ и первобытныхъ сибирскихъ древностяхъ—ему принадлежатъ почти всѣ статьи по этому предмету («О древнихъ сибирскихъ начертаніяхъ и надписяхъ», ч. I; «О сибирскихъ древнихъ курганахъ», ч. II; «О древнихъ развалинахъ въ Сибири», ч. III; «Памятники древности въ Сибири, Сѣверной и Восточной», ч. IV; «О чудскихъ копяхъ въ Сибири», ч. VII). Приведенныхъ указаній вполнѣ, кажется, достаточно, чтобы дать понятіе о характерѣ изданія.

Послѣ «Сибирскаго Вѣстника» С. началъ издавать другой журналъ («Азіатскій Вѣстникъ», содержащій въ себѣ «избранныя сочиненія и переводы по части наукъ, искусствъ и словесности стараго Востока, равно путешествія по симъ странамъ и разныя новѣйшія свѣдѣнія», 6 частей. Спб. 1825—27), но, отвлеченный другими занятіями, вскорѣ долженъ былъ прекратить его, лишь изрѣдка теперь обращаясь къ изученіямъ Сибири. Въ это время онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ изданіяхъ Географическаго общества («Списокъ съ чертежа Сибирскія

Земли 1642 г.», «Времен. Москов. Общества» 1849, кн. 3; «Сказанія о великой рѣкѣ Амурѣ», въ «Вѣстникѣ Географич. Общества» 1853, № 2), занимается въ Московскомъ обществѣ Исторіи и Древн. Россійскихъ (Книга Большому Чертежу, 1846) и, наконецъ, увлеченный изученіемъ древностей Черноморскаго края, а также нумизматикой, уѣзжаетъ въ Одессу, гдѣ и проводитъ почти весь остатокъ своей жизни. Къ трудамъ этого періода его научныхъ занятій относятся: «Босфоръ Киммерійскій, съ его древностями и достопамятностями», М. 1864 и «Археологонумизматическій сборникъ, содержащій въ себѣ сочиненія и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерійскаго въ частности», М. 1850.

Параллельно съ этой дѣятельностью С. шли занятія и по его первоначальной спеціальности — горному дѣлу; онъ напечаталъ нѣсколько статей по этому вопросу въ «Горн. Журналѣ» (напр., 1827, № 2), «Временн. Общ. Ист. и Др. Росс.» (1850, кн. 7) и др., а также въ 1841—43 гг. издалъ 3 тома «Горнаго Словаря». Дѣятельность С., какъ историка и археолога, является цѣлой эпохой въ исторіи изученія Сибири XIX-го вѣка. Самое же разнообразіе и плодовитость въ дѣятельности С. могутъ быть объяснены только его недюжиннымъ талантомъ и изумительной трудоспособностью.

Похороненъ С. въ Московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ.

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. 31, стр. 149. — Большая Энциклопедія, т. XVII, стр. 717—718.—«Сѣверная Пчела» 1864, № 107; 1860, № 220.—Отчетъ о дѣйствіяхъ Имп. Русск. Географическаго Общества за 1859 г., сост. Тернеромъ, стр. 9.—Пыпинъ, «Исторія русск. этнографіи», IV, стр. 351—354.—Дѣло Горнаго Отдѣленія Кабинета Его Величества за 1808 г. о принятіи на службу Гр. Спасскаго. (Общій архивъ Мин. Импер. Двора, по описи № 315—476, дѣло № 546—795). — Послужные списки чиновниковъ Колыванскихъ и Нерчинскихъ заводовъ за 1824 г. (тамъ же, по описи № 318—479, дѣло № 9).—Межовъ, «Сибирская Библіографія», т. I, II и III. — Письма Спасскаго и къ Спасскому: «Русскій Вѣстникъ» 1824, кн. 5, стр. 62—83.—«Сибирскій Вѣстникъ» 1824, ч. I, стр. 19—36 (письмо къ Свиньину).—«Извѣстія Русск. Археологическаго Общества», т. 8, вып. 5, стр. 552.—«Чтенія въ Обществѣ Ист. и Др. Росс.» 1869, № 3, стр. 231 и 232.

М. Л—ачъ.

Спасскій, *Иванъ Михайловичъ*, штабъ-лекарь, родился въ 1829 г., происходилъ изъ духовнаго званія. Въ 1830 г. поступилъ въ Московскую медико-хирургическую академію, гдѣ воспитывался на казенный счетъ, а въ 1833 г.—въ Петербургскую медико-хирургическую академію. Въ 1836 г. былъ выпущенъ лекаремъ II отдѣленія и назначенъ на Кавказъ по Черноморской линіи въ батальонъ № 7, въ 1839 г. лекаремъ въ бомборскій военный госпиталь, въ слѣдующемъ году—въ Днѣпровскій пѣхотный полкъ, а въ 1841 г. вышелъ въ отставку. Затѣмъ служилъ въ ахалцыхскомъ (1843 г.), бомборскомъ (1843 г.) и въ озургетскомъ (1844 г.) военныхъ госпиталяхъ. Въ 1844 г. получилъ въ Московскомъ университетѣ званіе штабъ-лекаря за сочиненіе «О жабѣ гортани и дыхательнаго горла» и опредѣленъ на службу въ екатериноградскій военный госпиталь. Въ томъ же году умеръ отъ ушиба.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. I, Спб. 1886 г.—Главн. в.-мед. управленіе, кондуитъ № 3715, въ книгѣ 16.

Ф. К.

Спасскій, *Иванъ Тимофеевичъ*, докторъ медицины, профессоръ Спб. медико-хирургической академіи, изъ духовнаго званія, родился въ 1795 г., умеръ въ 1859 г.; учился сначала въ семинаріи, а затѣмъ въ Петербургской медико-хирургической академіи, въ которой, уже студентомъ, проявилъ недюжинныя способности; окончилъ курсъ въ 1815 г. съ золотой медалью и, какъ первый по научнымъ успѣхамъ изъ всего курса, удостоился внесенія своего имени на мраморную доску академіи. Послѣ этого онъ былъ оставленъ адъюнктомъ при профессорѣ акушерства, судебной медицины и санитаріи Громовѣ и одновременно назначенъ ординаторомъ Морского госпиталя. Въ 1818 году С. отправился заграницу на 3 года на казенный счетъ для научнаго усовершенствованія, съ правомъ остаться тамъ на четвертый годъ безъ содержанія отъ казны. Въ теченіе этого срока онъ занимался зоологіей, сравнительной анатоміей, физіологіей и другими біологическими науками, а вернувшись черезъ 4 года въ Петербургъ, получилъ званіе штабъ-лекаря и должность адъюнктъ-профессора при каѳедрѣ минералогіи и зоологіи, которую въ то время занималъ профессоръ Теряевъ;

при этомъ онъ снова сталъ ординаторомъ Морского госпиталя. Въ 1824 г. С. удостоенъ степени доктора медицины и въ томъ же году замѣнилъ заболѣвшаго профессора Теряева, а съ выходомъ послѣдняго въ отставку въ 1827 г., оффиціально занялъ каѳедру и произведенъ въ званіе ординарнаго профессора зоологіи и минералогіи. На этой каѳедрѣ онъ оставался до 1833 г. Ординаторство въ госпиталѣ онъ оставилъ, но съ 1826 г. былъ младшимъ акушеромъ Петербургской, а съ 1831 г.—Выборгской частей. Въ 1833 г. С. перешелъ на каѳедру общей терапіи и фармакологіи съ рецептурой; кромѣ того онъ былъ врачемъ при департаментѣ народнаго просвѣщенія, а съ 1835 г. и врачемъ и профессоромъ судебной медицины въ училищѣ правовѣдѣнія. Въ слѣдующемъ году онъ былъ однимъ изъ членовъ комитета, избраннаго въ медико-хирургической академіи для выработки плана и программъ преподаванія, въ 1837 г. исполнялъ обязанности ученаго секретаря академіи и былъ избранъ въ званіе академика, а 28 ноября 1838 г., наканунѣ перехода академіи въ военное вѣдомство, уволенъ по прошенію въ отставку. Въ февралѣ 1839 г. ему былъ поднесенъ дипломъ почетнаго члена медико-хирургической академіи и къ степени доктора медицины добавлена, honoris causa, степень доктора хирургіи. Въ 1840 г. С. послали въ Вильну для обозрѣнія мѣстной медико-хирургической академіи въ ученомъ и учебномъ отношеніяхъ и для преобразованія ея въ медицинскій факультетъ, по соглашенію съ мѣстными властями; вернувшись, онъ состоялъ при министрѣ народнаго просвѣщенія для особыхъ порученій. Въ 1845 г. онъ былъ командированъ въ Дерптъ и Перновъ для обсужденія мѣропріятій, относившихся къ учрежденію ветеринарнаго института и окончательному устройству фармацевтическихъ заведеній въ Дерптскомъ учебномъ округѣ. Въ 1858 г. онъ заболѣлъ душевнымъ разстройствомъ, а черезъ годъ скончался.

По складу своего ума и характеру дѣятельности, С. былъ энциклопедистомъ; живыя способности его отличались разносторонностью; въ немъ уживались и теоретикъ и врачъ-практикъ; между прочимъ, онъ былъ врачемъ А. С. Пушкина, неоднократно лечилъ его, и поэтъ оставилъ ему на память свою трость съ серебрянымъ набалдашникомъ. Почти всѣ профессора того времени держали себя неприступно; С. представлялъ въ этомъ отношеніи исключеніе и пользовался большой любовью студентовъ. Когда возникъ вопросъ о допущеніи женщинъ къ второстепенной медицинской дѣятельности, и варшавянка Марія Назонъ подала прошеніе объ экзаменѣ на званіе дантиста, С. высказался за положительное разрѣшеніе этого вопроса. По отзывамъ своихъ современниковъ, онъ былъ увлекающимся человѣкомъ, «многообразованнымъ и хорошимъ латинистомъ», «однимъ изъ весьма дѣльныхъ представителей медицины того времени», «однимъ изъ лучшихъ русскихъ профессоровъ, у котораго студенты многому научились», «владѣлъ даромъ слова» и «пользовался заслуженной репутаціей и въ публикѣ и между врачами». Этимъ отзывамъ противорѣчатъ мнѣнія лейбъ-медика С. Вольскаго и неизвѣстнаго автора въ «Медицинскомъ Вѣстникѣ», но повѣрка фактическихъ данныхъ говоритъ противъ неблагопріятнаго освѣщенія его личности. Въ царствованіе Александра I С. былъ масономъ; онъ принадлежалъ къ ложѣ «zu den dreyen Degen» въ Галле, въ чемъ и признался во время слѣдствія, произведеннаго въ медико-хирургической академіи въ 1822 г. С. много работалъ на научномъ поприщѣ и оставилъ послѣ себя многочисленныя сочиненія, очень разнообразныя по содержанію. Въ архивѣ военно-медицинской академіи хранится рукопись его «Обозрѣнія общей терапіи», представляющая собою одну изъ первыхъ русскихъ учебныхъ программъ по этому предмету. Научные труды его.

«Entozoologiae historiae progressus et status hodierni brevis explicatio», дисс. на ст. д.-ра мед., Спб. 1824 г.; «Появленіе жабъ въ пищепріемномъ каналѣ человѣка», «Военно-Мед. Журн.» 1827 г., ч. 9, отд. III; «Внутреннее и наружное употребленіе опія», тамъ же 1833 г., ч. 21, отд. I, II и III; «Семіотика вообще и дѣтская въ особенности», тамъ же, ч. 22, отд. III; «Молоко и кумысъ», тамъ же 1834 г., ч. 23, отд. II; «Достоинства и необходимость медицины и врачей», «Другъ Здравія» 1834 г., № 2; «Дегтярная мазь противъ зуда», тамъ же, № 42; «Письмо къ издателю», тамъ же, № 55, прибавл. пер. съ нѣм. Гуфеландъ,

«Леченіе крупа», «Военно-Мед. Журн.» 1834 г., ч. 24, стр. 588—608; «Рафанія въ Вятской губ. и въ землѣ Войска Донского», тамъ же 1835 г., ч. 25, отд. II; «Уравнивающій способъ леченія», тамъ же, отд. III; «Выгоды сложныхъ рецептовъ», тамъ же, отд. IV; «Леченіе гонорреи кубебами», «Др. Здр.» 1835 г., № 17; «Козьмово средство въ ракѣ и мышьякъ въ костоѣдѣ», тамъ же, № 20; «Краткій очеркъ врачебнаго дѣйствія бань», «Военно-Мед. Журн.» 1835 г., ч. 26, отд. I; «Бальзамированіе у древнихъ египтянъ», тамъ же; «Болѣзнь, исцѣленіе и леченіе», тамъ же; «Нѣкоторые отрывки изъ общей терапіи», тамъ же, отд. III; «Краткое извѣстіе о 50-лѣтн. юбилеѣ Загорскаго», «Др. Здр.» 1836 г., № 42; «Возрасты въ антропологич. и врачебн. отношеніяхъ», тамъ же 1838 г., № 1; «Обозрѣніе общей терапіи», «Военно-Мед. Журн.» 1839 г., ч. 33, отд. I; «О вторичномъ прививаніи коровьей оспы-вакцины», тамъ же, отд. III; «Обзоръ судебной медицины для руководства воспитанниковъ училища правовѣд.», Спб. 1839 г.; То же для воспит. I и II класса., Спб. 1842 г.; «Чрезвычайное изобрѣтеніе или исторія одной книжицы» (о Ганнеманѣ), Спб. 1841 г.

«Формул. списокъ о службѣ и достоинствѣ ст. сов. Ивана Тимофеева сына Спасскаго» за 1848 г.—В. Верекундовъ, «Истор. очеркъ каѳедры діагн. и общ. терапіи въ И. В.-Мед. академіи», дисс. на ст. д-ра мед., Спб. 1898 г., стр. 34, 49—57, 80 и 136.—«Исторія И. В.-Мед. Акад.», сост. коммиссіей, 1898 г., стр. 179, 182, 216, 219, 220, 229, 267, 272. 277, 278, 293, 322, и прил., стр. 203.—Л. Ѳ. Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели», тетр. II, Спб. 1886 г. 2 дополн. 1892 г. — Проф. П. П. Сущинскій и С. Д. Костюринъ, «Очеркъ исторіи каѳ. фармакологіи съ рецептурой», Спб. 1898 г., стр. 21 и 24. — Проф. Н. А. Холодковскій, «Очеркъ исторіи каѳ. зоологіи и сравн. анатоміи", Спб. 1897 г., стр. 11, 12 и 6.—Евронинъ, «Ист. очеркъ каѳ. судебной медицины», дисс. на ст. д-ра мед., Спб. 1898 г., стр. 68.—А. І. Куценко, «Ист. очеркъ каѳ. академич. терапевт. клиники», дисс. на ст. д-ра мед., Спб. 1899 г.

Н. Кульбинъ.

Спасскій, *Михаилъ Ѳедоровичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, докторъ физики и химіи, ординарный профессоръ физики, завѣдующій физическимъ кабинетомъ и деканъ физико-математическаго факультета Императорскаго Московскаго университета, членъ Императорскаго Московскаго общества испытателей природы, Императорскаго Русскаго географическаго общества и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Сынъ діакона, родился въ 1809 г. въ селѣ Захаровкѣ, Ливенскаго уѣзда, Орловской губерніи. Воспитывался сначала въ Орловской духовной семинаріи, откуда по окончаніи философскихъ классовъ былъ отправленъ въ 1829 г. въ Главный педагогическій институтъ. Еще въ институтѣ С. съ увлеченіемъ сталъ заниматься метеорологіей и своими успѣхами въ этой наукѣ обратилъ на себя вниманіе академика Купфера, который привлекъ его къ участію въ магнитныхъ наблюденіяхъ въ Петербургѣ и составленію метеорологическихъ таблицъ, печатавшихся въ календарѣ Академіи Наукъ. Въ то же время С. напечаталъ нѣсколько статей на нѣмецкомъ языкѣ въ журналѣ Поггендорфа и принялъ дѣятельное участіе въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», гдѣ также напечатано нѣсколько его оригинальныхъ статей и нѣсколько переводовъ съ нѣмецкаго статей академиковъ Купфера и Ленца. Кромѣ того, въ студенческіе же годы, С. было переведено съ нѣмецкаго и напечатано сочиненіе Купфера «Руководство къ дѣланію метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій». Награжденный по окончаніи Главнаго педагогическаго института серебряною медалью, С. былъ оставленъ при институтѣ и въ 1836 г. отправленъ на казенный счетъ за границу для дальнѣйшаго изученія физики и для подготовленія себя къ профессорской дѣятельности. За границей С. преимущественно занимался въ Кенигсбергскомъ и Берлинскомъ университетахъ, гдѣ слушалъ лекціи профессоровъ Неймана, Мозера, Бесселя, Дове, Магнуса и другихъ. Въ то же время онъ не оставлялъ и научно-литературной дѣятельности, сотрудничая въ «Annalen der Physik u Chemie» Поггендорфа, гдѣ, между прочимъ, въ 1838 г. была напечатана его статья «О призмѣ Николя». Возвратившись въ томъ же году въ Петербургъ, С. получилъ предложеніе Академіи Наукъ опредѣлить напряженіе земного магнетизма въ Петербургѣ. Результатомъ этой работы явилась статья «Note sur l'intensité absolue des forces magnétiques terrestres (horizontales) à St.-Petersburg», напечатанная въ академическомъ изданіи «Bulletin scientifique publié par L'Académie Impériale des Sciences de Saint-Petersburg» (т. V, 1838 г.). Въ январѣ слѣдующаго 1839 г. С. полу-

чилъ въ Московскомъ университетѣ мѣсто адъюнкта по каѳедрѣ физики и физической географіи. Въ Москвѣ онъ занялся изученіемъ климата, печатая результаты своихъ метеорологическихъ наблюденій и изслѣдованій въ журналѣ Императорскаго Московскаго общества испытателей природы, «Bulletin de la Société Impérial des naturalistes de Moscou». Кромѣ того онъ перевелъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ «Лекціи о метеорологіи Л. Ф. Кемтца, профессора физики въ Галле» (2 тома, М. 1841 г.). Стремясь къ популяризаціи физическихъ и метеорологическихъ свѣдѣній, С. прочелъ въ 1841 и 1842 гг. рядъ публичныхъ лекцій по экспериментальной физикѣ, а также напечаталъ много популярныхъ статей, преимущественно по физической географіи и метеорологіи. Для занятія профессорской каѳедры С. необходимо было получить степень доктора. Темою для своей диссертаціи онъ избралъ климатъ Москвы, изученіемъ котораго занимался съ самаго начала своей службы въ Московскомъ университетѣ. Въ своей работѣ подъ заглавіемъ «О климатѣ Москвы, критическое изслѣдованіе» (М. 1847 г.) онъ вывелъ законъ, которому слѣдуетъ измѣненіе термометра и барометра въ теченіе года, указалъ на частныя отступленія отъ этого закона, на взаимную зависимость между перемѣнами температуры, атмосфернаго давленія и направленія вѣтра и далъ общія положенія характера климата Москвы. Послѣ блестящей защиты вышеупомянутыхъ положеній С. получилъ степень доктора физики и химіи и въ слѣдующемъ 1848 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, а еще черезъ два года ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ чтенія лекцій по физической географіи и метеорологіи на физико-математическомъ фукультетѣ на С. вскорѣ было возложено и чтеніе лекцій опытной физики на медицинскомъ факультетѣ. Затѣмъ, съ начала 1850-хъ гг., С. велъ съ С.-Петербургскою Главною Физическою Обсерваторіею ежедневно телеграфную корреспонденцію о состояніи погоды въ Москвѣ. Послѣднею крупною работою С. по метеорологіи была рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета въ 1851 г. «Объ успѣхахъ метеорологіи». Когда въ срединѣ 1850-хъ гг. среди петербургскаго и московскаго интеллигентнаго общества стало развиваться увлеченіе спиритизмомъ, то С. явился яркимъ обличителемъ спиритизма, напечаталъ о немъ нѣсколько статей и прочелъ публичную лекцію. Избранный въ 1854 г. деканомъ физико-математическаго факультета, С. занималъ эту должность до самой своей смерти. Кромѣ популяризаціи теоретическихъ свѣдѣній по физикѣ и метеорологіи онъ очень заботился и о практическомъ примѣненіи добытыхъ наукою данныхъ. Такъ онъ всегда охотно принималъ на себя составленіе проектовъ громоотводовъ и, между прочимъ, составилъ по просьбѣ комиссіи для построенія въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя проектъ постоянныхъ громоотводовъ при этомъ храмѣ, выполненный подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ. Кромѣ упомянутыхъ выше Императорскаго Московскаго общества испытателей природы и Императорскаго Русскаго географическаго общества, которому незадолго до смерти С. представилъ очень интересную свою работу о среднемъ долголѣтіи въ Россіи, онъ еще состоялъ директоромъ Комитета акклиматизаціи животныхъ и членомъ Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства и Московскаго физико-медицинскаго общества. Кромѣ того, послѣ смерти К. Ф. Рулье, онъ редактировалъ «Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ». (Изд. Имп. Моск. Об-ва Испытателей Природы). Скончался С. въ Москвѣ 28 января 1859 г., на 50 году отъ рожденія. Тѣло его погребено на Лазаревскомъ кладбищѣ.

Автобіографія въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета», т. II, М. 1854 г., стр. 440—442. — «Московскія Вѣдомости» 1869 г., № 29, ст. проф. Ал. Полухина, стр. 218.—«Слово, говоренное при отпѣваніи тѣла ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Михаила Ѳедоровича Спасскаго, 31-го января въ университетской церкви священникомъ оной професоромъ богословія Н. А. Сергіевскимъ», М. 1859 г.—«Энциклопедическій Словарь», изд. Брокгауза и Ефрона, т. 31, стр 150, ст. В. В. Б.—«Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12-го января 1860 года». М. 1860 г., отд. II, стр. 6.

Е. Я.

Спасскій, *Стефанъ*, врачъ и переводчикъ, родился въ 1795 г. Другихъ біографическихъ свѣдѣній о немъ не со-

хранилось. Перевелъ съ французскаго книгу Мажанди: «Приготовленіе и употребленіе сильно дѣйствующихъ ядовъ» (М., 1827 г., 8°., XXII+248 стр.).

Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», Спб., 1886, ч. I, стр. 116.

Н. С.

Спаѳари Милеску, *Николай Гавриловичъ* (Spatar Nicolas Milescu, Nicolaus Spatarius Moldavolacone baron et olim generalis Walachiae), переводчикъ Посольскаго приказа, писатель, русскій посланникъ въ Китаѣ. Родился около 1625 г., умеръ около 1709 г. С. называлъ себя Moldavolacon, и есть данныя, указывающія на происхожденіе его предковъ изъ Пелопонесса. Родина С.—дистикъ Молдавіи Веслуй, въ которомъ находилось его имѣніе Милештъ. Родители С., родственники господаря Александры Дуки, были богаты и знатны. С. получилъ очень хорошее образованіе. Въ Константинополѣ, подъ руководствомъ Гавріила Власія, онъ изучилъ древне-греческій, латинскій, арабскій, турецкій, новогреческій, славянскій, русскій и итальянскій языки и ознакомился съ богословіемъ, философіей, исторіей и литературой. Для довершенія образованія С. путешествовалъ въ Италію.

Возвратившись на родину, С. занималъ по службѣ знатнѣйшія должности. При господарѣ Стефанѣ Георгицѣ (съ 1653 г.) С. былъ его приближеннымъ и другомъ, сопровождалъ его въ походѣ на помощь валахамъ и трансильванцамъ и во время его, между прочимъ, изучалъ рукописи библіотеки монастыря Нямцу въ Сѣв. Молдавіи. Частая смѣна господарей не отзывалась на высокомъ служебномъ положеніи С., хотя иногда на него возлагались порученія, къ которымъ онъ, казалось бы, совсѣмъ не былъ подготовленъ; такъ, въ 1658 г. С. командовалъ отрядомъ въ 1000 ч., посланнымъ на помощь трансильванскому воеводѣ Боргаю. Особенно возвысился С. при господарѣ Стефаницѣ (съ 1659 г.), у котораго онъ былъ секретаремъ. Лѣтописецъ говоритъ, что С. «ходилъ съ провожатами впереди, какъ у князя, съ булавами и мечами, съ серебряными чепраками на лошадяхъ». Власть увлекла С., и онъ возмечталъ о возможности достичь господарства происками. Съ этою цѣлью онъ написалъ письмо, которое, свернувъ, вложилъ въ выдолбленную палку и переслалъ воеводѣ Константину Бессарабу-Старому, предлагая ему низложить Стефаницу. Но Константинъ Бессарабъ послалъ письмо С. Стефаницѣ, который за измѣну приказалъ палачу, въ своемъ присутствіи и своимъ ножемъ, отрѣзать С. носъ, чѣмъ, согласно обычному праву Молдавіи, навсегда лишилъ его возможности стать господаремъ. Опозоренный С. покинулъ Молдавію и перешелъ на службу къ волошскому господарю Григорію Гикѣ, который назначилъ его въ капи-кехьею въ Константинополѣ, гдѣ онъ, пользуясь сравнительнымъ досугомъ, перевелъ на румынскій языкъ Библію. Въ 1664 г., во время войны поляковъ съ турками, волошскій господарь задумалъ перейти на сторону Польши. С., узнавъ объ этомъ, донесъ султану, и господарь потерялъ престолъ. Преемникъ его, однако, настоялъ на удаленіи С. изъ Константинополя и ему пришлось искать покровительства курфюрста бранденбургскаго Фридриха-Вильгельма. Въ Бранденбургѣ С. жилось вначалѣ хорошо: курфюрстъ относился къ нему ласково, искусные нѣмецкіе доктора лечили его носъ и привели почти въ нормальный видъ, наконецъ, онъ имѣлъ возможность продолжать свои научныя занятія. Но польское правительство не забыло С. предательства волошскаго господаря и добилось выселенія С. изъ курфюршества. Опять онъ остался безъ пристанища. Временно онъ пріютился у бывшаго господаря своего и друга Георгія Стефана, жившаго въ Штетинѣ и старавшагося путемъ дипломатическихъ переговоровъ возвратить себѣ престолъ. Для поддержанія своихъ притязаній онъ послалъ С. къ стокгольскому двору, гдѣ онъ, по рекомендаціи Стефана, познакомился съ французскимъ посломъ Арнольдомъ де-Помпономъ, ученымъ, занятымъ въ то время доказательствомъ подложности катехизиса Кирилла Лукариса, на основаніи котораго кальвинистъ Клодъ отрицаетъ таинство преосуществленія даровъ. С. вмѣшался въ полемику, возникшую между кальвинистами и католиками, принявъ сторону католиковъ и православныхъ; онъ написалъ въ защиту патріарха Кирилла въ 1667 г. книгу противъ кальвинистовъ, озаглавленную «Enchiridion, sive Stella orientalis» (на латинскомъ и греческомъ языкахъ). Въ это же время, черезъ посредство Помпона, С.

высказалъ свое мнѣніе по поводу спора въ Москвѣ о времени преосуществленія. Въ началѣ 1668 г., послѣ смерти Георгія Стефана, С. отправился ненадолго въ Молдавію, а изъ нея въ Константинополь, гдѣ встрѣтился съ Досифеемъ, патріархомъ іерусалимскимъ, котораго зналъ еще въ молодости. Досифей и направилъ С. въ Россію, говоря, что С. «яко гранографъ, въ которомъ содержатся всякіе дела вселенныя». 1 марта 1671 г. С. изъ Адріанополя выѣхалъ въ Россію, чрезъ Венгрію и Польшу. Онъ провелъ три недѣли въ Варшавѣ и 15 мая двинулся къ рубежу черезъ Минскъ, Борщовъ, Дубровку. 28 мая С. объявился на границѣ въ сопровожденіи трехъ слугъ. Изъ Смоленска онъ направился прямо на Москву, въ которую прибылъ 3 іюня 1671 г. Онъ привезъ съ собою къ царю въ высшей степени лестную рекомендацію отъ патріарха и собранныя по пути политическія новости. Въ Москвѣ къ С., несмотря на грамоту патріарха, который зналъ подозрительность нашего правительства относительно религіозныхъ убѣжденій иностранныхъ пришельцевъ и потому особенно подчеркивалъ чистоту православія С., отнеслись недовѣрчиво и старались, гдѣ могли, собрать свѣдѣнія о немъ. Получились они не скоро: узнали, что С. «измѣнникъ, Турскаго Султана лазутчикъ», но этому не могло уже повѣрить московское правительство, потому что С .снискалъ расположеніе и милость А. С. Матвѣева, В. В. Голицына и доказалъ свою работоспособность солидными трудами. Первые полгода по прибытіи въ Москву С. былъ не у дѣлъ, но покровительство А. Матвѣева дало ему возможность получить въ посольскомъ приказѣ мѣсто переводчика съ эллинскаго, греческаго, латинскаго и волошскаго языковъ съ жалованіемъ 100 р. въ годъ (14 декабря 1672 г.). Окладъ этотъ быстро возрасталъ, и вскорѣ С. былъ переведенъ на предѣльный—132 р. въ годъ.

С. занялъ среди переводчиковъ первое мѣсто и, надо предполагать, былъ изъ нихъ самый образованный. Посольскій приказъ въ это время приступалъ къ «строенію книгъ», и С. принялъ участіе въ составленіи 3 большихъ государевыхъ книгъ. Затѣмъ, ему было отведено помѣщеніе при Симоновомъ подворьѣ и, по приказу Паисія Лигарида, онъ писалъ «Роспись святымъ бывшимъ Іерусалимскимъ и Антіохійскимъ патріархамъ». Вскорѣ онъ былъ поселенъ при митрополичьихъ хоромахъ и на него возложено было составленіе славянскаго греко-лат. лексикона; въ 1673 г. С. окончилъ составленіе Больш. Госуд. Книгъ; къ январю того же года относится написаніе имъ «Хрисмологіона (оракула) или Даніила пророка откровеніе на сонъ Новуходоносору и о четырехъ монархіяхъ». Составлена С. была лишь первая, «особая часть» этой книги, состоящая изъ предисловія, вступленія и изложенія. Въ предисловіи онъ объясняетъ царю значеніе исторіи, во введеніи—понятіе монархіи; изложеніе, раздѣленное на 12 главъ, посвящено обзору царствъ и дѣятельности государей халдейскихъ, персидскихъ, греческихъ, римскихъ и истолкованію II, III, IV, V, VII и X гл. книги пр. Даніила. Толкованія С. рѣзко отличаются отъ толкованій Хартейной книги. Они самаго разнообразнаго характера и касаются богословскихъ, философскихъ, историческихъ и даже бытовыхъ вопросовъ. Въ 1673 г. С. написалъ сочиненіе, озаглавленное: «Книга избранная вкратцѣ о девяти мусахъ и седмихъ свободныхъ художествахъ»; книга эта снабжена рисунками и писана «книжнымъ письмомъ». Состоитъ она изъ предисловія, излагающаго методъ и основанія книги, восьми главъ изложенія и заключенія со стихотворнымъ послѣсловіемъ. Первая глава изложенія—«О девяти мусахъ сказаніе и о Аполлонѣ», а остальныя семь вкратцѣ объясняютъ сущность семи свободныхъ наукъ. Заключеніе рѣшаетъ вопросъ о тѣлесной и духовной природѣ человѣка и о воскресеніи мертвыхъ. Къ тому же году относится написаніе С. «Избраніе на престолъ Михаила Ѳеодоровича». Къ сентябрю 1672 г. С. окончилъ составленіе книги «Аріомологіи», а въ концѣ 1672 г. онъ приступилъ къ составленію «Василіологіона». «Аріѳмологія дошла до насъ въ двухъ редакціяхъ; разнятся онѣ группировкой матеріала. Это очень любопытная и по содержанію и по методу книга: она начинается предисловіемъ, въ которомъ развивается мысль о необходимости закрѣпленія въ памяти этическихъ правилъ, чего С. думаетъ достичь помощью числа. Первая часть содержитъ рядъ свящ. чиселъ и перечисленіе свя-

занныхъ съ ними понятій и именъ: девять чиновъ ангельскихъ, семь художествъ, пять чувствъ, четыре стихіи, три благодати—иногда съ объясненіями; три времени міра: суетное, законъ, мессія, сирѣчь—предзаконіе, Моисей, Христосъ. Вторая часть посвящена увѣщаніямъ житейской мудрости, описанію нравовъ народовъ, людей и животныхъ и оканчивается примѣненіемъ числового метода для запоминанія этихъ свѣдѣній. Третья часть—этика—переводъ соч. Николая Рейсснера объ императорскихъ девизахъ или изреченіяхъ. «Аривмологія», повидимому, во многихъ отношеніяхъ оригинальное произведеніе С., какъ по методу, такъ и по весьма разнообразному содержанію. «Книга Василіологіонъ, се есть счисленіе или описаніе всѣхъ царей, иже бяху во всемъ мірѣ доблестнѣйшіи и мужественнѣйшіи отъ начала міра даже донынѣ» поднесена царю Ал. Мих. 5 мая 1674 г., причемъ указано изготовить еще два экземпляра ея. Книга лицевая (26 п.), роскошно издана. Предисловіе развиваетъ мысль: царь—«образъ Божій» на землѣ. Изложеніе посвящено біографіямъ 18 государей: вавилонскихъ, еврейскихъ, греческихъ, римскихъ и русскихъ. (Владиміръ Мономахъ, Алекс. Невскій, Дмитр. Донск., цари Ѳедоръ, Михаилъ и Алексѣй). Біографіи русскихъ государей очень кратки и легендарнаго характера. Къ 1674 г. относится окончаніе труда С. надъ сочиненіями: «Книга о сивилляхъ, колико быша и кіими имяны и о предреченіяхъ ихъ». Книга лицевая съ 12-ю изображеніями сивиллъ роскошно издана. Начинается книга предисловіемъ о пророчествахъ и прорицателяхъ и «предглаголаніемъ» съ «опредѣленіями философскими» на вопросы: «аще есть? что есть? чесо ради есть?». Изложеніе въ 12 главахъ, каждая посвящена одной изъ сивиллъ. По методу книга эта напоминаетъ «Хрисмологіонъ»; тенденція книги—согласіе предсказаній сивиллъ со Св. Писаніемъ и права русскихъ царей на Византію.

Въ 1675 г. С., быть можетъ, благодаря покровительству А. С. Матвѣева, былъ посланъ въ Китай, съ цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ порученій. Онъ долженъ былъ установить опредѣленный путь на Востокъ, если можно чрезъ Астрахань, завести правильныя торговыя сношенія съ Китаемъ, описать страны смежныя съ Россіей. 25 февраля С. былъ у руки государевой, 4 марта онъ выѣхалъ изъ Москвы въ званіи посланника, но съ приказомъ въ случаѣ нужды именоваться посломъ и съ грамотами равнаго содержанія на оба характера. Свиту С., предполагавшуюся многочисленной, составляли два подъячихъ Посольскаго приказа. На расходы дано ему 500 р. съ разсчетомъ по 49 коп. кормовыхъ въ день на человѣка. На 400 р. дано ему соболей. Въ грамотѣ на имя богдыхана, послѣ полныхъ титуловъ государей, шли предложенія дружбы, любви, переписки и обмѣна посольствами. Въ наказѣ С. повелѣвалось: переговорить о языкахъ грамотъ (I ст.), о титулахъ (II и III), объ освобожденіи, хотя бы за выкупъ русскихъ плѣнныхъ (IV), о китайскомъ посольствѣ (V), о вывозѣ изъ Китая серебра, драгоцѣнныхъ камней, шелка и др. мѣстныхъ цѣнностей въ обмѣнъ на русскія (VI), о водномъ пути въ Китай (VII). Далѣе ему поручалось: договорить мастеровъ для постройки каменныхъ мостовъ (VIII), вызвать китайскихъ купцовъ въ Россію (IX), послать двухъ боярскихъ дѣтей изъ Пекина для отысканія пути чрезъ Астрахань въ Россію (X), просить о переводѣ четырехъ, когда-то присланныхъ въ Россію китайскихъ грамотъ (XI), о свободѣ торга (XII), объ указаніи кратчайшаго пути въ Россію (XIII) и о принятіи всѣхъ статей безъ исключенія. Онъ везъ съ собою для богдыхана мѣха соболей, черныхъ лисицъ, сукна, янтарь, зеркала, «рыбій зубъ», всего на 800 р. Ближайшимъ поводомъ посольства С. явились пограничныя съ Китаемъ нелады изъ-за переселившагося въ 1667 г. «тунгузскаго племени князца Гантимура». На требованіе китайскаго шарандая выдать Гантимура, нерчинскій воевода Даніилъ Аршинскій послалъ грамоту къ богдыхану «съ предложеніемъ ему учинился бы подъ высокою его царскаго величества рукою». Недоразумѣнія все болѣе возрастали и, наконецъ, дѣло дошло до стычекъ съ оружіемъ въ рукахъ. Уладить ихъ было ближайшей задачей С.

Онъ шелъ путемъ Байкова, но долженъ былъ попытаться пройти чрезъ Туркестанъ. По прибытіи въ Тобольскъ, къ С. присоединилось 6 человѣкъ дѣтей боярскихъ, столько же помощниковъ кречатныхъ и 40 человѣкъ пѣшихъ и конныхъ служилыхъ

казаковъ. Для богдыхана онъ взялъ здѣсь 6 кречетовъ и горностаевъ на 100 р. Въ Тобольскѣ С. встрѣтилъ Ю. Крижанича, который потомъ писалъ: «пять недѣль есть здѣ постоялъ (С.), а ни единаго обѣда ни вечери безъ менѣ не ѣлъ». «Къ его посольству (онъ) вѣрно поработалъ», переведя ему описаніе голландскаго посольства 1666—1668 гг. съ голландскаго на латинскій языкъ и давъ нѣкоторыя указанія относительно Сибири и пути въ Китай. Впрочемъ, свѣдѣнія, сообщаемыя Крижаничемъ объ услугахъ его С., имъ преувеличены.

Тобольскій воевода Салтыковъ разузналъ, что въ Китай ходятъ двумя путями: русскіе—по сибирскимъ рѣкамъ до Нерчинска, бухарцы—на верблюдахъ чрезъ Барабинскую степь, Калмыцкіе улусы, монгольскую землю до перваго китайскаго пригорода; вторымъ путемъ шелъ Байковъ, но Салтыковъ, имѣя въ виду тогдашнія волненія татаръ Барабинской степи, направилъ С. по рѣкамъ. 2 мая С. двинулся на дощанникахъ вверхъ по Иртышу до Самарова, оттуда вверхъ по Оби до устья Кети. Съ 4 іюня по 8 іюля С. плылъ по Кети до Енисейска. Остановившись въ немъ, С. послалъ даурскаго нерчинскаго боярскаго сына Игнатія Милованова къ пограничному воеводѣ Мангутею для извѣщенія его о посольствѣ и съ просьбою о заготовленіи подводъ. Мангутей повезъ Милованова въ Пекинъ, гдѣ, послѣ крѣпкаго мѣсячнаго заключенія подъ стражею, ему объявили въ Монгольскомъ приказѣ о посылкѣ съ нимъ Асхань-Амбаня (вице-президента Посольскаго приказа), для встрѣчи и препровожденія С. въ Пекинъ. Съ 11 іюля С. плылъ по Енисею и, перейдя пороги 5 сентября, добрался до Иркутскаго острога. 12 сентября С. былъ у Байкальскаго озера и переправился чрезъ него на гребныхъ судахъ къ устью Селенги. Изъ Селенгинскаго острога онъ черезъ степь на верблюдахъ пошелъ по новому, еще никѣмъ неиспытанному пути къ Нерчинску, въ который прибылъ 4 декабря. Изъ него онъ направился вдоль Аргуньи, потомъ степью и чрезъ горы до пограничнаго китайскаго поселка (Почегорское) на р. Наунѣ; тамъ онъ былъ 26 января. 18 февраля явился сюда Миловановъ, а 26 Асхань-Амбань съ Заргучеемъ, секретаремъ и двумя подъячими. Послѣ семидневныхъ споровъ о формѣ свиданія, китайцы согласились видаться съ С. въ юртѣ, поставленной у квартиры нашего посла, войдя въ нее ранѣе его.

Асхань-Амбань гордо говорилъ съ С., требуя объяснить цѣль пріѣзда и предъявить царскую грамоту, но посланникъ заявилъ, что ее онъ никому, кромѣ богдыхана, не отдастъ. По докладу этого дѣла, богдыханъ велѣлъ везти С. «съ великою честью» въ Пекинъ. 10 мая С. подошелъ къ великой китайской стѣнѣ, 15—въѣхалъ въ Пекинъ. Къ нему немедленно явился сначала вице-президентъ, а затѣмъ и самъ президентъ Монгольскаго приказа въ сопровожденіи іезуита Verbiest'а съ требованіемъ въ приказъ царской грамоты и подарковъ. С. снова отказался выдать ихъ. Немедленно его заключили подъ крѣпкую стражу, заперли ворота и воспретили сношенія съ кѣмъ бы то ни было, внѣ подворья. С. и его свиту томила непривычная русскимъ жара; лишенные моціона, люди страдали и болѣли отъ скверной воды, караульщики взимали за все тройную плату. Они находились въ такомъ положеніи 20 дней (пока шли переговоры о порядкѣ врученія грамоты). Китайскіе вельможи утверждали, что богдыханъ грамоты не приметъ, такъ какъ обычай не разрѣшаетъ этого; іезуиты же, вообще много помогшіе С., говорили ему, что лишь приближенные богдыхана настаиваютъ на соблюденіи формальностей, самъ же онъ готовъ принять С. Согласились на томъ, что С. отвезетъ грамоты и подарки во дворецъ и тамъ положитъ ихъ на условленномъ мѣстѣ, въ присутствіи знатныхъ чиновъ государства. 5 іюня С. поѣхалъ во дворецъ и, положивъ грамоту и подарки, не говоря ни слова вельможамъ, возвратился въ подворье. С. лично дарилъ богдыхану 200 р. и двѣ лошади.

Приставъ отъ императора пріѣзжалъ спрашивать С., какъ ловятъ кречетовъ и какого звѣря «рыбій зубъ»? Іезуиты передавали С., что императоръ, прочитавъ грамоту царя, сказалъ: «къ отцу моему и предшественникамъ не бывало такихъ грамотъ отъ Бѣлаго Царя, надобно оную въ казнѣ беречь, какъ самое доброе дѣло». По врученіе грамоты министры запросили С., нѣтъ ли у него какихъ устныхъ приказовъ государя, и онъ, выписавъ изъ наказа 12 статей, представилъ ихъ въ Трибуналъ,

16 іюля была назначена аудіенція. За три часа до свѣта С. былъ уже у дворца, куда его допустили лишь при восходѣ солнца. Тамъ онъ, сидя въ шапкѣ (согласно условію), снова ждалъ въ обществѣ знатнѣйшихъ китайцевъ, пока ихъ ввели во внутрь дворца. По звону колокола и стуку бубна надо было падать ницъ. Продолжалось это съ $^{1}/_{4}$ часа. С. кланялся быстро и не до земли, а на замѣчанія мандариновъ отвѣтилъ: «Вы холопи богдыхана и умѣете кланяться, а мы богдыхану не холопи, кланяемся, какъ знаемъ». Послѣ поклоновъ, С. заставили бѣжать къ императору, но онъ заявилъ «мнѣ бѣжать не обычай» и чинно пошелъ, не снимая шапки. Во время первой аудіенціи богдыханъ не удостоилъ С. разговоромъ, и онъ ушелъ домой раздраженный, сдѣлавъ выговоръ министрамъ: заставили-де кланяться невѣдомо кому, а богдыханъ даже о здравіи царя не спросилъ. Министры оправдывались обычаями страны, а когда С. возвратился на подворье, его вновь заключили подъ стражу, якобы ради его же безопасности. Между свитой посланника и стражей начались недоразумѣнія, ссоры и драки. Во время второй аудіенціи богдыханъ черезъ іезуитовъ, стоящихъ на колѣняхъ, спрашивалъ С. о здоровьѣ государя, его забавахъ, пути въ Россію, о вѣрѣ и наклонностяхъ русскаго народа, о посланникѣ и его знаніяхъ. С. и его свиту угощали драгоцѣннымъ виномъ и сластями. Въ Пекинѣ С. прожилъ цѣлое лѣто. За это время ему 5 разъ посылали угощеніе со стола богдыхана, 2 раза приглашали къ столу со всей свитой. Дважды русскіе устраивали купаніе на рѣкѣ, ныряли и плавали, и самъ богдыханъ въ раззолоченной лодкѣ пріѣзжалъ смотрѣть на нихъ.

Въ дѣлахъ С. успѣлъ мало. Товары, взятые имъ для продажи и мѣны, расходились туго, такъ какъ китайцы обставили торговлю условіями, невыгодными для русскихъ. Мѣдь и желѣзо, несмотря на предложенную С. пошлину, было совсѣмъ запрещено продавать. Китайцы немилосердно мошенничали и даже крали. Однако С. удалось выгодно купить въ госуд. казну огромный лаллъ (около 2.672р).

13 августа С. было велѣно принимать подарки богдыхана на колѣняхъ, въ грязи двора, но онъ, сохраняя достоинство царскаго посла, принималъ ихъ стоя, употребивъ на споры, пререканія и церемоніи цѣлый день безъ пищи и питья. 29 августа, больше двухъ часовъ, на колѣняхъ подъ проливнымъ дождемъ С. выслушивалъ отвѣты на поданные имъ Трибуналу XII ст. Между прочимъ ему объявили, что грамота будетъ писана не иначе какъ отъ превеликаго престола къ нижнему и смиренному мѣсту, далѣе въ ней будетъ сказано: «дань или ясакъ, который ты намъ прислалъ (подарки царя), мы приняли, и для того посылаемъ къ тебѣ и ко всему государству твоему для службы твоей милость и жалованье». С. заявилъ, что, знай онъ ранѣе отвѣты министровъ, не подносилъ бы онъ подарковъ царя и не принималъ отъ китайцевъ, и что «понеже русскій государь не есть подданный богдыхана, то непристойно имъ того чинить и говорить». С. остались недовольны: «прибывшій посолъ С., человѣкъ весьма незнающій церемоній и упрямый. Если разсмотрѣть его слова и наружность, то онъ вовсе не покорятся законамъ нашего великаго государства». Ему было приказано выѣхать изъ Пекина 1 сент. Предъ отъѣздомъ съ него было списано два портрета: одинъ во весь ростъ (въ полномъ посланническомъ костюмѣ), другой поясной. Грамоты ему не дали, но словесно поручили доложить государю, что китайцы требуютъ: выдачи Гантимура, присылки впредь посла съ наказомъ ни въ чемъ не сопротивляться желаніямъ китайцевъ и запрещенія русскимъ порубежнымъ людямъ творить обиды—все это подъ угрозой закрыть русскимъ купцамъ доступъ въ Китай. Въ сопровожденіи того же Асхань-Амбаня на 60 телѣгахъ С. выѣхалъ изъ Пекина. Телѣги часто ломались, продовольствія не хватало. Съ 8 по 18 октября С. продержали на рѣкѣ Наунѣ, подъ проливнымъ дождемъ въ худыхъ юртахъ, запретивъ ему входъ въ близлежащее селеніе. 3 мая С. прибылъ въ Селенгинскъ, 16—въ Иркутскъ. Въ Енисейскѣ вещи его, по царскому приказу, были описаны воеводой Приклонскимъ. Это было отголоскомъ партійныхъ счетовъ въ Москвѣ и результатомъ паденія Матвѣева—покровителя С. 5 января 1678 г. С. вступилъ въ Москву, пробывъ въ посольствѣ 2 года и 8 мѣсяцевъ. Отъ іезуитовъ С. узналъ, что китайцы отчасти были рады русскому по-

оольству, давшему возможность распространить слухи, что цѣль его союзъ противъ Никанъ, отчасти не рады, такъ какъ оно подтвердило намѣреніе могущественнаго государя заселить своими подданными ихъ границы.

Впечатлѣнія, вынесенныя С. изъ его путешествія, были скорѣе отрицательныя. Ему пришлось перенести много трудовъ, лишеній и невзгодъ, благодаря малочисленности свиты, суровости климата Сибири и ея дикой природѣ. С. пишетъ о ней: «будто въ иной свѣтъ поѣхали и мало что не во адъ». Особенно его донимали мелководье и половодье сибирскихъ рѣкъ, «студни великія и снѣга», наконецъ, «фараоновы язвы: комары и песьи мухи». Очень лишь ему понравилась Енисейская земля: «вельми хороша, будто Волошская земля, а рѣка Енисей, будто Дунай—самая веселая и великая». Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ Китая, двойственны. Жители его, по характеристикѣ С., «суть хитры, вымышленники, лукавы, обманщики.... также и непостоянны... во многихъ скаредныхъ дѣлахъ валяются». Поразило С. ихъ высокое мнѣніе о себѣ: «говорятъ (китайцы) ,что всѣ иныхъ земель люди варвары суть и глядятъ однемъ глазомъ, а они обѣима», богдыхана же считаютъ земнымъ богомъ, а всѣхъ царей его подданными. Нѣкоторыя же предписанія ихъ нравственности С. высоко ставитъ: «иныя такія приказанія многія есть, что и старые наши ѳилосоѳіи, не токимо не писали, но и въ соніе не видали». О китайской матеріальной культурѣ С. говоритъ: «и всякое строеніе, такъ красно, что и у старыхъ римлянъ такъ не было».

Изъ путешествія С. привезъ нѣсколько сочиненій. Первое озаглавлено: «Книга, а въ ней писано путешествіе царства Сибирскаго отъ города Тобольска и до самаго рубежа государства китайскаго, лѣта 7183, мѣсяца мая въ 3-й день»—это путевой дневникъ С., составленный имъ по порученію Московскаго правительства. Въ немъ подробно перечислены всѣ мѣста, гдѣ проѣзжалъ нашъ посланникъ. Кромѣ этой книги онъ представилъ въ Посольскій приказъ статейный списокъ—«Описаніе Китайскаго государства», къ которому онъ присоединилъ «Описаніе Амура» и «Татарскую книжицу», описывающую покореніе Китая богодойцами и нравы этихъ народностей. Книги эти написаны отчасти въ пути, отчасти въ Москвѣ. Эти сочиненія С. очень цѣнны. «Онъ въ состояніи былъ оцѣнить мѣсто, какое занимала та или другая Сибирская рѣка по своей величинѣ въ ряду другихъ рѣкъ свѣта, или указать на неизвѣстность описываемыхъ странъ древнимъ и понять, что онъ первый вноситъ въ европейское знаніе точныя объ этихъ странахъ свѣдѣнія». С. готовился къ путешествію, собирая и читая сочиненія, относящіяся къ Сибири или Китаю, взявъ нѣкторыя изъ нихъ съ собою въ путешествіе, и есть данныя предполагать, что онъ составилъ карту своего пути. Его трудъ о Сибири—первое достовѣрное и цѣльное описаніе русскихъ владѣній за Ураломъ, а описаніе Китая—первое литературное произведеніе, болѣе достовѣрное для русскихъ, чѣмъ сочиненія іезуитовъ объ этой странѣ.

Вскорѣ по возвращеніи С. въ Москву, онъ былъ отданъ подъ судъ по обвиненію въ цѣломъ рядѣ преступленій. Отказъ выдать Гантимура—«мужа великаго, храбраго, будто исполинъ», о которомъ С. отзывался, что онъ «лучше всѣхъ твоихъ великаго государя ясашныхъ тунгусовъ»—считали превышеніемъ власти. С. обвиняли въ уступкѣ дани неясачныхъ инородцевъ, подвластныхъ Китаю, неумѣніи вести дипломатическіе переговоры, деспотизмѣ въ отношеніи свиты, во взяточничествѣ, вымогательствѣ, мошенничествѣ казеннаго имущества, тайныхъ сношеніяхъ съ китайскими вельможами и т. д. Возникъ запутаннѣйшій процессъ, въ которомъ С. очень ловко себя оправдывалъ и, повидимому, очистился отъ обвиненій. С. замѣшали еще въ дѣло по обвиненію А. С. Матвѣева въ чернокнижіи, но на очную ставку, просимую обвиняемымъ, не ставили. Въ 1681 г. С. присутствовалъ при спорѣ Лихудовъ съ С. Я. Бѣлободскимъ по вопросу, о которомъ онъ ранѣе уже высказывался—преосуществленіи хлѣбовъ. Въ 1687 г. С. переводилъ записку секретаря цесаря Я. Э. Говеля. Въ 1889 г.—былъ приставомъ при де-ля-Невильмъ и многое въ запискахъ послѣдняго составлено со словъ С. Въ 1691 г. объяснялъ титулъ «internuntius». Въ 1696 г.—перевелъ на лат. яз. грамоту Петра и Іоанна, предлагавшую походъ на турокъ и хана. Въ 1697 г. высказывался по вопросу о пап-

скомъ титулѣ. 1709 г.—послѣдній, въ которомъ встрѣчается имя С.

Труды С.

Хрисмологіонъ. Моск. Дух. Акад. № 25. Моск. Синод. библ., № 259. Румянц. Музей (Востоковъ—№465.). Изъ собранія Сулукадзева, № 2615. Ундольскаго, № 556. Гр. Уварова, № 1325. Гр. Толстого—Отд. I, № 56 Археограф. ком. (Барсуковъ—№ 141). Музей И. Р. Археол. Общ., № 23. Московск. Арх. М. Иностр. Дѣлъ, № 648—1159. Въ Арханг. Дух. Семинаріи, въ сборникѣ № 270. Флорищ. Пустынь, № 48. Имп. Акад. Наукъ, № 34,4,6 и № 17,12,4. Предисловіе напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1841 г., т. II, стр. 383—400.

Книга о Сивиллахъ. Подлинникъ въ Румянцевскомъ Музеѣ (Востоковъ—№ 427.). Древнѣйшій списокъ—Моск. Арх. М. Иностр. Дѣлъ, № 462—930. Выдержки напечатаны въ «Сказаніяхъ русск. народа». Сахарова, т. I, стр. 119—124. Изображенія пяти Сивиллъ у Буслаева. Ист. Очерки, т. II.

Мусы. Синод. Библ. № 527. Имп. Публ. библ.—Q, XVII, 13. Антоніевъ Сійскій монаст. въ сборникахъ, № 47 и № 207. Имп. Публ. библ.—Q, XVII, 29 (Списокъ неоконченный и спутанный).

Ариөмологія. Первая редакція, Флорищ. Пуст.—№ 140—148. Арх. Дух. Сем., № 229, (1036.). Ант. Сійск монаст., № 185 (1823). Тверской музей, № 3168. Вторая редакція. Гр. Уварова, № 2224 (175). Н. Кедрова—Имп. Публ. библ. (Бычковъ № 118).

Василіологіонъ. Моск. Арханг. Дух. Семин., сборникъ № 270. Рум. Музей (Востоковъ, въ сборн. № 413—неполный). Гр. Толстого, сборн. I, № 171, неполный.

Описаніе церкви св. Софіи. Арханг. Дух. Семин., № 270. Ант. Сійск. мон., № 207. Напечатано въ «Лѣтописяхъ Русской Литературы». Тихонравова, т. II.

Книга Іероглифская. Арх. Дух. Сем., № 270. Ант. Сійск. монаст., № 207.

Описаніе Китайскаго государства, описаніе рѣки Амура и Татарская книжица переписывались обыкновенно вмѣстѣ. Имп. Публ. Библ., F, IV, №№ 141,179 и 87. Лучшій списокъ № 141, древнѣйшій—№ 179. Погодина, №№ 1715 и 1716. Академіи Наук., № 17,9, 10, № 32, 12, 6 и № 32, 6, 18—послѣдній съ примѣчаніями, повидимому, Рассохина. Описаніе рѣки Амура издано: Спасскимъ, Г. И. «Вѣстникъ Имп. Русск. Географ. Общ.» 1853 г., кн. VII, от. 2—подъ заглавіемъ «Сказаніе о великой рѣкѣ Амурѣ». О немъ см. Ю. Арсеньевъ, О происхожденіи «Сказ. о вел. рѣкѣ Амурѣ», «Извѣст. Имп. Р. Геогр. Общ.», т. XVIII и отдѣльно, Спб. 1882 г.

Путешествіе черезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Николая Спафарія въ 1882 г. Дорожный дневникъ С. съ примѣчаніями Ю. Арсеньева. «Записки Императорского Русск. Географ. Общества по отдѣлу Этнографіи», томъ X, вып. 1. Спб. 1882. Отзывы: «Журн. Минист. Нар. Просвѣщ.», т. 223, 1883 г., № 6.—Г. Потанинъ «Путешествіе черезъ Сибирь Н. Спаөарія». Спб. 1882 г.—«Забайкальскія Губ. Вѣдомости» 1890 г. Прилож. къ №№ 35 и 41.—Письмо Н. Спаөарія къ боярину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву. Іюль 1676 г. «Русскій Архивъ» 1881 г., № 1. Съ примѣчаніями Ю. Арсеньева. О сочиненіяхъ С. смотр. Михайловскій, И. «Важнѣйшіе труды Николая Спаөарія» (1672—1677). Кіевъ 1891 г.

Д. Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей», М. 1836 г., т. V, стр. 75—85.—Словарь м. Евгенія, стр. 175—176.—Кедровъ. Н., «Николай Спаөарій и его Ариөмологія (Матеріалы для исторіи XVII в.)», «Журн. Мин Нар. Просвѣщенія» 1876 г., ч. CLXXXIII, январь.—Picot Emile, «Notices biografiques et bibliografiques sur Nicolas Spathar Milescu, ambassadeur du Tsar Alexis Michajlovic en Chine», Paris, 1883.—Сырку, П. А. «Николай Спаөари. Отзывъ ó книгѣ Пико», «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.» 1885 г., часть CCXXXIX, іюнь, отд. II.—Сырку, П., «Николай Спаөари до пріѣзда его въ Россію», «Записки Вост. Отд. Имп. Русскаго Археологическаго общества», т. III, вып. I—III. 1889 г.—Михайловскій, И. Н., «Очеркъ жизни и службы Николая Спаөарія въ Россіи», «Сборн. Истор.-Филолог. Общества при инстит. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ», Кіевъ, 1896 г., томъ I.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи, по указателю.—Андреевичъ, В. К. Исторія Сибири. Часть II, Спб., 1889 г. Палаузовъ, С. Н. Румынскія господарства Валахіи и Молдавіи въ историко-политическомъ отношеніи. Спб., 1859 г.—Когълнічеану. Летопісіціле църіі Молдоvіі, I—II, Іашіі, 1845—1852 р.—Устряловъ. Исторія царствованія Петра Великаго. Спб. 1858—1859 г., томъ II.—Пекарскій П., Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, томъ I.—Берхъ, В. Царствованіе Алексѣя Михайловича, т. I—II. Спб. 1831 г.—Новиковъ, Н. Исторія о невинномъ заточеніи ближняго бояр. А. С. Матвѣева. Спб. 1776 г.—Лавровскій. Л. Я. Нѣсколько данныхъ для

біографіи Паисія Лигарида, митроп. Газскаго «Христ. Чтеніе» 1889 г., №№ 11—12.

Памятники дипломатическихъ сношеній др. Россіи съ державами иностранными. Томы IV, V, VI, Спб. 1851—1871 г. - Дополненіе къ Актамъ Историческимъ, по указателю. Томы II, III, V—VII, IX - XI, XIII—XVII. XXIII—XXV.—Спасскаго, Г. Relatio de Sibiria, «С.-Петербургскій Вѣстникъ», 1822г.— Зубаревъ, Д., «О посольствѣ въ Китай Н. Спаѳарія», «Вѣстн. Европы», 1827 г., CLVI, № 23.—Ежемѣсячныя Сочиненія, часть II, сентябрь.—Продолженіе исторіи о странахъ, при рѣкѣ Амурѣ лежащихъ, когда оныя состояли подъ россійскимъ владѣніемъ, «Сибирскій Вѣстникъ» 1823 г., часть III.—Журналъ, веденный въ Пекинѣ по случаю прибытія изъ Россіи посланника Николая Гавриловича Спаѳарія, отправленнаго по Высочайшему Его Царскаго Величества повел. въ 1675 г., царствованія Китайскаго Хуидія Кансія въ 15-ое лѣто. Переводъ съ манчжурскаго, издана Г. Спасскимъ.-«Дипломатическое собраніе дѣлъ между россійскимъ и китайскимъ государствами съ 1619 по 1795 годъ». Составлено по документамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Кол. Иностр. Дѣлъ Н. Бантышъ-Каменскимъ, 1803 г. Переиздано съ прибавленіями В. М. Флоринскаго, Казань 1882 г.—«Посольство Спаѳари». Переводъ китайскаго текста. «Зап. Вост. Отд. Русскаго Археологическаго Общества», томъ II, вып. 1—4.—Царская Грамота Верхотурскому воеводѣ Хрущову о содѣйствіи къ скорѣйшему отправленію въ Китай Посольскаго Приказа переводчика Николая Спаѳарія. Историч. Акты, издан. Археографич. Комиссіей, 1843, т. 4.—Строевъ, П. «Библіологическій словарь».—Филаретъ, архіепископъ, «Обзоръ русской духовной литературы», Спб. 1884 г.—Соболевскій, А. И., «Переводная литература XV—XVII ст.», Спб. 1903 г.

В. Фурсенко.

Спафарьевъ, *Леонтій Васильевичъ*, генералъ-лейтенантъ по адмиралтейству, морской писатель, родился въ 1765 г., сынъ отставного морского офицера; воспитывался съ 1777 г. въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Произведенный въ 1779 г. въ гардемарины, онъ въ слѣдующіе два года, на корабляхъ «Св. Александръ Невскій» и «Три Святителя», плавалъ въ Балтійскомъ, Нѣмецкомъ и Бѣломъ моряхъ. Затѣмъ на кораблѣ «Георгій Побѣдоносецъ» онъ плавалъ на Средиземномъ морѣ, причемъ 1 мая 1783 г. былъ произведенъ въ мичмана. Въ 1797 г., плавая на кораблѣ «Саратовъ» уже въ чинѣ лейтенанта (съ 1 января 1782 г.), С. участвовалъ въ ревельскомъ и выборгскомъ сраженіяхъ, а затѣмъ въ теченіе шести лѣтъ плавалъ въ Финскомъ заливѣ. Назначенный въ 1796 г. командиромъ транспортнаго судна «Маргарита», С. въ томъ же году, 10 декабря, былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и затѣмъ послѣдовательно командовалъ слѣдующими судами: катеромъ «Диспачъ», фрегатомъ «Нарва», брантвахтенными фрегатами «Воинъ» и «Ревель» и фрегатомъ «Тихвинская Богородица», причемъ въ 1802 г. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Выйдя въ началѣ 1803 г. въ отставку, С. 10 ноября того же года снова поступилъ на службу и былъ назначенъ въ Ревель смотрителемъ балтійскихъ маяковъ. Прослуживъ здѣсь четыре года, С. былъ назначенъ директоромъ маяковъ Финскаго залива. Въ этой должности онъ прослужилъ почти двадцать лѣтъ, и ему пришлось много поработать надъ устройствомъ маяковъ и особенно телеграфовъ, причемъ въ 1810 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, 31 мая 1817 года въ генералъ-маіоры, а въ 1824 г. получилъ орденъ св. Анны 1-й степени. Состоя директоромъ маяковъ Финскаго залива, С. въ 1820 г. напечаталъ свое сочиненіе «Описаніе маяковъ Финскаго и Рижскаго заливовъ»—трудъ, высокоцѣнимый гидрографами. Назначенный въ 1825 г. командиромъ Ревельскаго порта, съ оставленіемъ и въ прежней должности, онъ былъ произведенъ 6 декабря 1829 г. въ генералъ-лейтенанты, а въ 1830 г. былъ переведенъ въ корпусъ флотскихъ штурмановъ. Оставивъ 9 марта 1838 г. совсѣмъ военно-морскую службу, С. былъ зачисленъ по морскому министерству и поселился въ Петербургѣ, гдѣ и жилъ до самой своей смерти. Скончался 30 января 1847 г., на 82 году отъ рожденія.

«Общій Морской Списокъ», т. V, Спб. 1890 г. Полный формулярный списокъ, стр. 113—114.—«Матеріалы для исторіи русскаго флота», т. XII, Спб. 1888, стр. 712; т. XV, Спб. 1893, стр. 535; т. XVI, Спб. 1902 г., стр. 30, 283, 414, 538; т. XVII, Спб. 1904 г., стр. 75, 185, 229, 275, 422 и 428.

Е. Я.

Спафарьевъ, *Михаилъ*, медынскій помѣщикъ, жилъ въ сельцѣ Михайловскомъ, напечаталъ въ «Земледѣльческой Газетѣ» слѣдующія статьи по сельскому хозяйству: «О пашнѣ и паханіи» (1835, № 63 и 64); «Опытъ неудачной посадки картофеля подъ зиму и сбереженіе его во все лѣто свѣжимъ» (1836, № 48); «Взглядъ на посѣвы озимой ржи, приспособляя ихъ ко времени,

когда они производятся, къ способу обработыванія земли и ея качеству» (1837, № 44, стр. 346—351); «Отзывъ о мукомольныхъ мельницахъ» (1837, № 21); «Объ истребленіи сорныхъ травъ на полѣ» (1837, № 36); «Отвѣтъ на замѣчанія г. Глинки о зимней вывозкѣ удобренія подъ кормовой горошекъ» (1837, № 42).

П. Г—чъ.

Спедикати. *Доминикъ*, докторъ медицины, писатель, итальянецъ, принятъ на русскую службу 22 апрѣля 1770 г. въ Ливорно на должность подлекаря; по пріѣздѣ въ Россію экзаменовался въ медицинской коллегіи и 4 іюля 1779 г. произведенъ въ лекаря, въ 1788 г. уволенъ, но затѣмъ снова служилъ въ Россіи, имѣлъ уже докторскій дипломъ и зарекомендовалъ себя научными трудами. Въ 1794 г. медицинская коллегія назначила его старшимъ докторомъ въ Кронштадтскій адмиралтейскій госпиталь, при чемъ у нея вышелъ конфликтъ съ адмиралтейской коллегіей, желавшей предоставить эту должность доктору Луи Дебу. Медицинская коллегія отвѣтила адмиралтейской, что д-ръ С. назначенъ не безъ основаній, а въ уваженіе того, что онъ все время своей службы находился во флотѣ и отличилъ себя разными сочиненіями, тѣмъ паче, что онъ и старше Дебу; пошла переписка, и спору не предвидѣлось конца; наконецъ самъ С. сталъ просить президента медицинской коллегіи барона Васильева (письмомъ 20 дек. 1794 г.), чтобы его уволили отъ этого мѣста, во избѣжаніе неудовольствій отъ адмиралтейской коллегіи, «такъ какъ, по извѣстнымъ в. прев-ству обстоятельствамъ, мѣста сего принять мнѣ неможно». Тогда медицинская клолегія рѣшила дѣло тѣмъ, что назначила въ Кронштадтскій госпиталь нейтральное лицо, доктора Ивана Янике, съ жалованьемъ 800 р., а С. опредѣлила старшимъ докторомъ въ Ревельскій полевой госпиталь, но съ меньшимъ жалованьемъ (600 р.).

Я. Чистовичъ, «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи». Спб. 1883 г.

Н. Кульбинъ.

Сперанскій, *Александръ Николаевичъ*, священникъ Маріе-Магдалининскаго храма при московской городской больницѣ, проповѣдникъ, родился въ 1816 г. въ Коломнѣ (Московской губ.), умеръ 21 декабря 1885 г. въ Москвѣ. По окончаніи курса семинаріи со степенью студента, С. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимался педагогическою дѣятельностью: онъ нѣкоторое время состоялъ учителемъ въ Коломенскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ былъ переведенъ на должность инспектора и учителя въ Перервинское духовное училище. Послѣ этого онъ былъ рукоположенъ въ Москвѣ въ діакона къ Троицкой, что въ Кожевникахъ, церкви, а черезъ нѣсколько лѣтъ—въ священники къ Маріе-Магдалининской церкви при московской городской больницѣ, гдѣ онъ служилъ около тридцати лѣтъ, до выхода своего за штатъ. При всей трудности и сложности своихъ обязанностей С., даже во время эпидемій, не прибѣгалъ къ чьей бы то ни было помощи и всегда самъ отправлялъ всѣ требы. Весь свой незначительный досугъ С. посвящалъ чтенію какъ духовной, такъ и свѣтской литературы. Почти всѣ свои служенія С. сопровождалъ живыми и сердечными поученіями, нерѣдко представлявшими собою блестящую импровизацію. Нѣкоторыя изъ его проповѣдей были напечатаны въ «Московскихъ Церк. Вѣд.».

Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей» (выпускъ IV).— «Священникъ А. Н. Сперанскій» - некрологъ N. въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ» 1886 г., № 1, стр. 49—50.

Вл. Грековъ.

Сперанскій, *Владиміръ Васильевичъ*, приватъ-доцентъ Московскаго университета по каѳедрѣ классической филологіи, родился въ 1855 г., умеръ 1 іюля 1887 г. близъ станціи Одинцово Московско-Брестской желѣзной дороги. Сынъ московскаго священника, С. получилъ образованіе сначала въ Московской духовной семинаріи, а затѣмъ на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета, который онъ окончилъ въ 1878 г. Вскорѣ же С. былъ приглашенъ читать римскую словесность въ Новороссійскомъ университетѣ, гдѣ онъ прослужилъ въ общемъ около двухъ лѣтъ. Уже вступительная лекція молодого профессора привлекла къ нему вниманіе молодежи, а его дальнѣйшая дѣятельность только укрѣпила за нимъ всеобщія симпатіи; лекціи его, несмотря на нѣкоторую сухость и непопулярность предмета, собирали всегда большое число

слушателей. Въ то же время С. дѣятельно продолжалъ свою собственную научную подготовку, особенно много занимаясь миѳологіей и археологіей. Въ 1882 г. С. возвратился въ Москву, откуда былъ командированъ Московскимъ университетомъ съ научными цѣлями за границу. Вернувшись въ 1885 г. снова въ Москву, С. былъ назначенъ привать-доцентомъ Московскаго университета по каѳедрѣ греческой литературы. Уже въ это время болѣзнь его настолько обострилась, что заставляла его долгое время откладывать начало своего курса. Какъ и въ Одессѣ, С. въ Московскомъ университетѣ скоро пріобрѣлъ себѣ репутацію талантливаго лектора и большое расположеніе учащейся молодежи. Глубокій знатокъ классической филологіи, С. въ то же время былъ человѣкомъ разносторонняго образованія и широкихъ общественныхъ взглядовъ. Онъ обладалъ серьезной философской подготовкой и въ то же время поэтической душой; онъ страстно любилъ музыку и ей отдавалъ часы своего досуга отъ научныхъ занятій. Высокими качествами своей души онъ привлекалъ къ себѣ симпатіи всѣхъ, кто его зналъ. С. умеръ на 32-мъ году жизни и не успѣлъ оставить послѣ себя печатныхъ трудовъ. Уже много спустя послѣ его смерти, въ «Revue Philosophique» (1897 г.) былъ напечатанъ переводъ съ рукописи отрывка изъ диссертаціи его: «Essai sur l'origine psychologique des métaphores».

«Памяти В. В. Сперанскаго», М. В-на, «Русскія Вѣдомости» 1887 г., № 185.—«Русскія Вѣдомости», 1887 г., №№ 180 и 181.—Энциклопедич. слов. Брокгаузъ-Эфрона, т. 31

В. Г.

Сперанскій, *Иванъ Яковлевичъ*, штабъ-лекарь и писатель по медицинѣ, род. въ 1815 г., умеръ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Въ 1832 г. С. кончилъ гимназію и поступилъ казеннымъ воспитанникомъ въ Московскую медико-хирургическую академію. Въ послѣдней онъ пробылъ четыре года и тотчасъ по ея окончаніи (1836 г.) былъ назначенъ лекаремъ во Владимірскій пѣхотный полкъ съ прикомандированіемъ къ Московскому военному госпиталю. Защитивъ въ 1843 г. диссертацію: «О гноеточивомъ воспаленіи глазъ» (М. 1843 г.) въ Московскомъ университетѣ и выдержавъ испытаніе на званіе штабъ-лекаря, С. вскорѣ былъ назначенъ старшимъ лекаремъ въ Рязанскій пѣхотный полкъ, а въ 1850 г. приглашенъ ординаторомъ въ Бобруйскій военный госпиталь, откуда, спустя шесть лѣтъ, былъ переведенъ ординаторомъ же въ Архангельскій военный госпиталь. Наконецъ, въ 1862 г. С. получилъ назначеніе состоять старшимъ врачемъ при 4-й конной артиллерійской бригадѣ, и въ этой должности пробылъ до 1867 г., когда вышелъ въ отставку. Кромѣ уже упомянутой диссертаціи, С. написалъ цѣлый рядъ статей и трудовъ изъ области медицины, которыя печаталъ или въ «Другѣ Здр.», или въ «Протоколахъ Курскаго Общества Врачей», или же, что чаще всего, въ обоихъ изданіяхъ сразу. Всѣ произведенія С. характеризуютъ его, какъ трудолюбиваго наблюдательнаго, а также знающаго свое дѣло спеціалиста. Изъ нихъ нужно указать на слѣдующія: «Осложненіе сифилической болѣзни съ степною сыпью» («Другъ Здр.», 1863 г., № 21 и «Проток. Курскаго Общ. Врачей», 1862—63, XIII); «Фиброзный ракъ выхода желудка» («Др. Здр.» 1863 г., № 22 и «Проток. etc.», 1862—63, XIII); «Родильное воспаленіе матки» («Др. Здр.», 1863 г., № 23 и «Проток.», 1862—63 XIII); «Практическія наблюденія» («Др. Здр.», 1863 г., № 37 и «Проток.», 1862—63, XVI и XVIII); «Отвѣтъ современнымъ медикамъ» («Протоколы», 1863—64, I); «Свинцовый цвѣтъ кожи отъ холода» и «Случай гангренозной рожи на привычномъ мѣстѣ» (оба—«Протоколы» 1863—64, VI); Emphyema thoracis съ продырявленной грудной полостью и счастливымъ исходомъ» («Протоколы», 1863—64, V); «Замѣтки изъ практики» (Тамъ же); «О ленточномъ глистѣ въ Архангельскѣ» (Тамъ же 1864—65, I); «Острое идіопатическое воспаленіе паренхимы печени съ нарывомъ, вскрывшимся въ кишку» (Тамъ же, 1864—65, III); «Нѣсколько болѣзней разомъ» («Др. Здр.» 1867 г., № 7 и «Проток.» 1865—66); «Паралičъ, съ сухой гангреной нижнихъ конечностей, послѣ тифа» («Др. Здр.», 1867 г., №№ 20 и 21; «Проток.» 1866—67); «О холерѣ» («Др. Здр.» 1867 г., №№ 37 и 38; «Проток.» 1866—67); «Случай гемороя съ отдѣленіемъ ложныхъ перепонокъ» (Проток.», 1867—68).

Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели», ч. I и II Спб., 1886—87, стр. 116 и 128.

Н. С.

Сперанскій, *графъ Михаилъ Михайловичъ*, государственный дѣятель временъ Александра I и Николая I (1772—1839 г.).

I.

Сперанскій родился 1 января 1772 г. въ селѣ Черкутинѣ, владимірскаго уѣзда, гдѣ отецъ его, Михаилъ Васильевичъ, былъ священникомъ. Семи лѣтъ отданъ былъ отцомъ во владимірскую духовную семинарію; по окончаніи семинарскаго курса, какъ одинъ изъ лучшихъ студентовъ, переведенъ былъ студентомъ въ главную александро-невскую семинарію, которую также прекрасно окончилъ (1791 г.) и былъ оставленъ при ней преподавателемъ математики, физики, краснорѣчія; затѣмъ преподавалъ философію и сдѣланъ былъ префектомъ семинаріи. Благодаря связямъ, которыя давно уже образовались между Черкутинымъ и извѣстнымъ протоіереемъ Самборскимъ, въ свою очередь близкимъ къ кн. Куракину, Сперанскій принятъ былъ на службу къ кн. А. Б. Куракину, опредѣлившему его вскорѣ (1797 г.) въ канцелярію генералъ-прокурора. Несмотря на частыя смѣны генералъ-прокуроровъ при Павлѣ (Куракинъ, Лопухинъ, Беклешовъ, Обольяниновъ), Сперанскій продолжалъ возвышаться и тогда уже сталъ извѣстенъ лично и государю и цесаревичу Александру Павловичу. Вступленіе на престолъ Александра I сразу измѣнило положеніе Сперанскаго; Д. П. Трощинскій, пользовавшійся тогда большимъ довѣріемъ государя, взялъ къ себѣ въ помощь Сперанскаго, который былъ назначенъ статсъ-секретаремъ (19 марта 1801 года); скоро Сперанскій занялъ мѣсто въ канцеляріи новаго непремѣннаго совѣта. Тогда же Сперанскій сталъ проникаться конституціонной идеей; государь хотѣлъ въ день своего коронованія обнародовать всемилостивѣйшую свою грамоту русскому народу, которая должна была стать magna charta Россіи; сохранился текстъ этой грамоты съ незначительными стилистическими поправками Сперанскаго. Къ этому же времени относится сближеніе Сперанскаго съ молодыми друзьями Александра — Кочубеемъ, Строгановымъ, Новосильцевымъ и Чарторыйскимъ; можно считать доказаннымъ, что Сперанскій не только былъ освѣдомленъ о намѣреніяхъ неофиціальнаго комитета, но и принималъ косвенное участіе въ работахъ, составляя записки и проекты для молодыхъ друзей Александра (Корфъ и вел. кн. Николай Михаиловичъ), слѣдовательно, и Сперанскаго можно считать однимъ изъ авторовъ неудачной реформы 1802 года. Сперанскій пользовался въ чиновномъ мірѣ такой репутаціей, что изъ-за него произошелъ споръ между Трощинскимъ, желавшимъ сохранить Сперанскаго при совѣтѣ, и Кочубеемъ, тянувшимъ Сперанскаго въ новое министерство внутреннихъ дѣлъ; споръ разрѣшенъ былъ государемъ въ пользу Кочубея; Сперанскій, несомнѣнно, хотѣлъ служить подъ начальствомъ Кочубея. Безъ преувеличеній можно сказать, что всѣ главныя бумаги, въ изобиліи выходившія тогда изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, написаны Сперанскимъ; онѣ упрочили положеніе и репутацію его. Въ 1803 г. онъ выступилъ впервые съ крупнымъ проектомъ. Ему поручено было отъ государя, впрочемъ не лично, а чрезъ Кочубея, составить планъ устройства судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ имперіи; проектъ извѣстенъ пока лишь въ черновомъ видѣ (напечатанъ Н. А. Бычковымъ, въ XI т. «Истор. Обозрѣнія»). Записка эта практическихъ послѣдствій не имѣла; она любопытна тѣмъ, что Сперанскій считалъ Россію далеко не готовой для конституціоннаго строя, какимъ онъ его понималъ; здѣсь же указаны основы этого строя: свобода всѣхъ состояній, существованіе общественнаго мнѣнія, уложеніе гражданское и уголовное, судъ въ рукахъ населенія, публичное судопроизводство и свобода печати. Едва ли правильно мнѣніе (Семевскій, «Былое» 1906 г., № 1), что Сперанскій высказался такъ въ угоду Кочубея; увидимъ ниже, что такое мнѣніе свое онъ проводилъ всю жизнь свою; въ полномъ соотвѣтствіи стоятъ и слова, сказанныя тогда Сперанскимъ Дюмону, что онъ не вѣритъ въ возможность установленія политической свободы въ Россіи.

Государь зналъ Сперанскаго лично еще съ 1797 г.; но въ болѣе близкія отношенія къ нему Сперанскій сталъ лишь съ 1806 г., когда ему нерѣдко приходилось докладывать государю вмѣсто гр. Кочубея, часто прихварывавшаго. Государь оцѣнилъ талантъ Сперанскаго и, очевидно, тогда уже въ умѣ своемъ предназначилъ Сперанскому высокую роль. Въ 1807 г., отправляясь на осмотръ войскъ въ Витебскъ,

государь взялъ съ собой, между другими, и Сперанскаго; Сперанскій вышелъ тогда изъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Послѣ заключенія Тильзитскаго мира для государя Александра Павловича настали самые тяжелые дни, дни испытаній. По всей странѣ разлилось глухое, мѣстами весьма сильное неудовольствіе перемѣною политики, заключеніемъ союза съ Франціей и слѣдствіями, вытекавшими изъ этого союза. Въ кругахъ руководящихъ образъ дѣйствій государя подвергался рѣшительной критикѣ, о которой государю было извѣстно изъ предупрежденій, которыя ему присылались частью отъ новаго союзника изъ Парижа, частью отъ новаго врага—изъ Англіи; въ дѣлахъ комитета 1807 г. сохранилось также не мало доказательствъ тогдашняго возбужденнаго состоянія умовъ.

Тѣмъ болѣе государь привязывался къ лицамъ, при помощи которыхъ онъ разсчитывалъ облагодѣтельствовать народъ, тотъ народъ, который еще такъ недавно его привѣтствовалъ и оставилъ его при первыхъ же встрѣтившихся неудачахъ.

Съ 1808 г. Сперанскій нерѣдко уже обѣдаетъ у государя; впрочемъ, ст.-секр Молчановъ въ 1808 г. удостаивался этой чести значительно чаще Сперанскаго. Должно отмѣтить, что Сперанскаго приглашали къ столу обыкновенно тогда, когда у государя обѣдалъ французскій посолъ Коленкуръ; вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что Сперанскаго считали сторонникомъ Франціи и союза съ нею. Такъ, въ обществѣ Коленкура Сперанскій обѣдалъ у государя 4 іюля 1808 г., затѣмъ 5 августа.

8 августа 1808 г. Сперанскій былъ назначенъ членомъ коммиссіи составленія законовъ. Характеръ этого назначенія виденъ изъ письма Сперанскаго къ гр. Кочубею: «при отъѣздѣ кн. Лопухина въ Кіевъ *мнѣ досталась* коммссія законовъ, въ которую, безъ чаянія и желанія моего, опредѣленъ я членомъ». Будто бы случайно и противъ желанія своего, Сперанскій призванъ былъ къ важнѣйшему дѣлу своей жизни. Впрочемъ, къ занятіямъ въ коммиссіи онъ приступилъ нѣсколько позже. 2-го сентября 1808 г. императоръ Александръ Павловичъ выѣхалъ въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ; опасенія руководящихъ круговъ достигли къ этому времени величайшаго напряженія; сдѣланы были совершенно исключительныя усилія, чтобы повліять на Александра I; тѣмъ ближе, казалось бы, онъ долженъ былъ привязаться къ людямъ, всецѣло и искренно раздѣлявшимъ его взгляды, его систему. Въ числѣ немногихъ лицъ, сопровождавшихъ государя, былъ и Сперанскій; это обстоятельство безусловно выдѣляло его среди сильныхъ міра, указывало на исключительное уже положеніе. Сперанскій кратко извѣстилъ мать свою о поѣздкѣ въ чужіе края на два мѣсяца; зятя своего онъ уговаривалъ въ письмѣ же не пріѣзжать къ нему въ Петербургъ, потому что онъ долженъ быть въ отлучкѣ; по обыкновенію никакихъ свѣдѣній политическихъ въ письмахъ къ родственникамъ нѣтъ. Впечатлѣнія, которыя вынесъ Сперанскій изъ первой своей поѣздки за границу, характеризуются обыкновенно фразой, будто бы сказанной Сперанскимъ государю въ отвѣтъ на его вопросъ: какова ему кажется Германія?—«Постановленія въ нѣмецкой землѣ лучше нашихъ, но люди у насъ умнѣе»—отвѣчалъ Сперанскій.

16-го октября государь уже вернулся въ Петербургъ; слѣдовательно, въ $1^1/_2$ мѣсяца Сперанскій могъ ознакомиться лишь съ нѣкоторыми порядками въ Германіи. Вообще о путешествіи его въ Эрфуртъ сохранилось немало преданій, но они болѣе, чѣмъ сомнительны. При разставаніи Наполеонъ подарилъ Сперанскому табакерку со своимъ портретомъ, осыпанную брилліантами. По возвращеніи въ Петербургъ въ свитѣ государя, Сперанскій сталъ лицомъ, очень близкимъ къ Александру Павловичу. По камеръ-фурьерскому журналу онъ обѣдалъ у государя 23 октября, 14 ноября, 5, 12, 19 и 27 декабря. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сперанскій быстро поднимается по іерархической лѣстницѣ, а главное—кругъ его дѣйствій расширяется: 16 декабря 1808 г. онъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи (на мѣсто Новосильцева), 20 декабря ему повелѣно докладывать государю по дѣламъ коммиссіи составленія законовъ съ предписаніемъ Лопухину особенно и исключительно по сей части употребить д. с. с. Сперанскаго; 28 декабря государь вручилъ Сперанскому «бумаги, до внутренняго управленія новоприсоединенной Финляндіи относящіяся», и повелѣлъ ему по дѣламъ этимъ сноситься съ министерствами и докладывать ему, госу-

дарю. Но было дѣло и болѣе важное; «въ концѣ 1808 года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, ваше величество, говоритъ Сперанскій въ пермскомъ письмѣ, начали занимать меня постояннѣе предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ вашихъ мыслей, доставляя вамъ бумаги, прежде къ вамъ вошедшія, и нерѣдко удостаивая провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся. Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій вашего величества надлежало, наконецъ, составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія».

При самомъ началѣ своей работы Сперанскій, который въ теоріи совершенно правильно цѣнилъ силу общественнаго мнѣнія, подалъ государю записку, которая потомъ (20 апрѣля 1809 г.) была сообщена всѣмъ министрамъ,—записку «о составѣ статей для напечатанія въ газетахъ»: Цѣль этихъ статей направлять общественное мнѣніе, исправлять и опровергать невѣрные слухи; составлять статьи взялся самъ Сперанскій, настолько онъ былъ озабоченъ враждебнымъ правительству настроеніемъ. Впрочемъ, мысль Сперанскаго осуществилась нѣсколько позднѣе; какъ и въ 1804 г., рѣшено было при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ издавать «Сѣверную Почту» или «Новую С.-Петербургскую Газету»,—редакторомъ былъ назначенъ Козодавлевъ (товарищъ министра вн. д.); первый номеръ газеты вышелъ лишь 3 ноября. Но что могло сдѣлать офиціальное изданіе, когда какъ разъ въ апрѣлѣ—августѣ при участіи Сперанскаго изданы были мѣры, чрезвычайно возбудившія общественное мнѣніе противъ Сперанскаго—указы 3 апрѣля и 6 августа 1809 г. Если первый указъ (о придворныхъ званіяхъ) раздѣлилъ общество на два лагеря, вызвалъ негодованіе аристократическихъ кружковъ и сочувствіе служакъ, много терпѣвшихъ отъ чинопроизводства не по заслугамъ, а по рожденію и протекціи; то сочувствіе этого класса къ Сперанскому превратилось въ ненависть послѣ указа 6 августа 1809 г. Насмѣшки и обвиненія, слова: дьячекъ, поповичъ, поповскій сынъ, великій преобразователь, иллюминатъ, революціонеръ, сыпались на Сперанскаго.

Сперанскій желалъ привлечь общественное мнѣніе на сторону правительства; правительство держалось и должно было держаться во внѣшней политикѣ системы, къ которой общество относилось вполнѣ отрицательно,—поэтому слѣдовало ли еще болѣе раздражать общество уколами сравнительно мелкими? Только дѣйствительный государственный интересъ оправдываетъ принятіе мѣръ, непопулярныхъ самихъ по себѣ; государственный дѣятель долженъ знать общественное настроеніе, считаться съ нимъ. Сперанскій, понимавшій это въ теоріи, на практикѣ совершенно разошелся съ теоріей. Далѣе, какой государственный интересъ продиктовалъ эти мѣры, особенно второй указъ? Тогдашнее чиновничество оставляло желать весьма многаго, оно было необразованно; правительство желало и должно было желать заставить Россію учиться. Но зачѣмъ же было придавать указу 6 августа обратную силу? Придавать тогда, когда намѣревались ввести Россію въ число правовыхъ государствъ? Даже, если бы не было такого напряженнаго положенія, вполнѣ достаточно было бы объявить, что поступающіе на службу съ 1810 г. будутъ производиться въ чины по такимъ-то правиламъ. Сперанскій не могъ не знать, какъ нелегко было людямъ его поколѣнія, получить высшее образованіе, когда въ Россіи собственно былъ только одинъ университетъ (въ Москвѣ). Указъ 6 августа не могъ не показаться жестокою насмѣшкою надъ тѣми, кто отдалъ лучшіе свои годы и силы на службу государству.

Затѣмъ Сперанскій долженъ былъ отказаться *лично* отъ участія въ этомъ дѣлѣ; указъ 3 апрѣля, проведенный кѣмъ либо другимъ, менѣе оскорбилъ бы нашу знать, чѣмъ указъ, приписанный «поповичу»; ради успѣха своего дѣла, большого дѣла—Сперанскій долженъ былъ дѣйствовать осторожнѣе и склонять къ тому же государя. Образъ дѣйствій Сперанскаго поражаетъ тѣмъ болѣе, что по плану государственнаго образованія новыми политическими правамииа надѣлялось, по преимуществу, на наше высшее дворянство.

Въ своемъ «Планѣ» Сперанскій мѣтко обрисовалъ общественное неудовольствіе, совершенно, опять-таки, справедливо общее недовольство онъ считалъ однимъ изъ главныхъ признаковъ того, что «настоящая

система правленія несвойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа и что настало время перемѣнить ее и основать новыхъ вещей порядокъ». Въ такихъ условіяхъ нельзя было раздражать общественное мнѣніе подобными указами.

II. Планъ всеобщаго государственнаго образованія.

Среди этого шума, какъ будто не слыша его, заслоненный государемъ, Сперанскій работалъ надъ планомъ новаго образованія Россіи. Кажется, можно доказать, что онъ работалъ не одинъ. Одно изъ качествъ Сперанскаго—всегдашнее умѣнье организовать работу подчиненныхъ ему лицъ. Среди бумагъ подчиненнаго ему М. А. Балугьянскаго хранятся: Plan du Code du droit public, написанный въ началѣ 1809 г., и Mémoire sur le droit public—въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1808. Едва ли было случайнымъ совпаденіемъ то, что Балугьянскій какъ разъ одновременно со Сперанскимъ сѣлъ за ту же работу. Работа Балугьянскаго имѣетъ подготовительный характеръ; она имѣла вліяніе на планъ Сперанскаго, хотя, конечно, онъ значительно измѣнилъ ее.

Самое изложеніе Балугьянскаго показываетъ, что онъ писалъ для кого-то. Такъ передъ перечисленіемъ основныхъ правъ гражданина, Балугьянскій пишетъ: слѣдующіе параграфы извлечены изъ французской конституціи; *не знаю*, должны ли они принадлежать всѣмъ подданнымъ или предоставлены только привилегированнымъ состояніямъ или, въ крайнемъ случаѣ—всѣмъ свободнымъ людямъ. Всѣ права эти находятся въ «Habeas corpus» и Declaration des droits ameriquaine»: опредѣленно указанъ источникъ «Плана» и предложено нѣсколько возможныхъ варіантовъ.

Разбирая пунктъ жалованной грамоты о представленіи на утвержденіе монарха приговоровъ судебныхъ, лишающихъ дворянина чести,—Балугьянскій прибавляетъ: думаю, что постановленіе это противно независимости и достоинству судебной власти. Сперанскій и въ «Планѣ» и послѣ также полагалъ необходимымъ приговоры сената сдѣлать окончательными. По самому животрепещущему вопросу—объ отношеніяхъ между господами и крѣпостными—Балугьянскій полагалъ, что отношенія эти опредѣляются закономъ; Сперанскій—имѣть право пріобрѣтать недвижимую собственность населенную, но управлять ею не иначе, какъ по закону.

Населеніе имперіи Балугьянскій дѣлитъ на четыре класса: дворянство, именитые граждане, ремесленники (industrieux) и рабочіе; между первыми тремя онъ распредѣляетъ права общія и особенныя; Сперанскій раздѣлилъ населеніе на только три состоянія, отнеся ремесленниковъ къ рабочему классу; терминъ «рабочій» Сперанскимъ удержанъ.

Многоэтажная система выборовъ, отличающая планъ Сперанскаго, предложена Балугьянскимъ: первоначальныя собранія въ округѣ (district) и въ городахъ; изъ нихъ въ уѣздныхъ городахъ образуются собранія нотаблей; изъ нихъ въ губерніяхъ собранія (chambres) депутатовъ трехъ первыхъ сословій—états généraux или то, что называется во Франціи теперь collège électoral или соединенные collège électoral и conseil générale.

Законодательныя права, по Балугьянскому, гораздо ограниченнѣе таковыхъ же у Сперанскаго, а именно у Балугьянскаго нѣтъ государственной думы; губернскія собранія помогаютъ государю совѣтомъ, знаніями, опытностью въ законодательствѣ, когда его величеству угодно будетъ призвать нѣкоторыхъ лицъ изъ нихъ въ свой совѣтъ, сенатъ или министерства; они же представляютъ государю списокъ лицъ наиболѣе достойныхъ (идею списковъ Сперанскій удержалъ); затѣмъ они содѣйствуютъ исполненію мѣръ, предписанныхъ правительствомъ, и избираютъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ. Они же имѣютъ право представлять государю (rémonstrances) и сенату о замѣченныхъ злоупотребленіяхъ и подавать государю петиціи (и это удержано Сперанскимъ).

Нѣсколько отличаясь, собранія Балугьянскаго, его нотабли, états généraux очень близки къ думамъ волостнымъ, окружнымъ и т. д.

Есть и отдѣльныя замѣчанія, такія же, какъ у Сперанскаго: Балугьянскій тоже противникъ освобожденія дворянства отъ службы.

Но есть другія предположенія, отъ которыхъ Сперанскій отказался, какъ отъ совсѣмъ несоотвѣтствовавшихъ нашей дѣйствительности, напр. предположенія о пожизненныхъ должностяхъ: митрополита

предсѣдателя синода, генералъ-прокурора, великаго цензора, великаго канцлера, великаго казначея, фельдмаршала и адмирала. Лица эти—стражи конституціи, оберегатели правъ трона, интересовъ религіи, гражданскихъ и политическихъ правъ народа. Въ извѣстныхъ случаяхъ лица эти образуютъ тайный совѣтъ императора (война, миръ).

По всей вѣроятности, при посредствѣ Балугьянскаго Сперанскій ознакомился съ политической литературой того времени и разнообразными конституціями. Обращеніе къ Балугьянскому было тѣмъ необходимѣе, что парламентарная практика была совершенно чужда Сперанскому, между тѣмъ какъ Балугьянскій недурно ее зналъ и самъ много разъ бывалъ въ парламентѣ. Сотрудничество Балугьянскаго можетъ быть подтверждено «пестротою» плана Сперанскаго: основныя положенія его позаимствованы изъ сочиненій и конституцій, далеко не сходныхъ между собою.

«Планъ» сшитъ изъ лоскутковъ, взятыхъ или изъ политической литературы или изъ конституцій французскихъ: 1791 г., 1793, 1799 г., 1804 г. Больше всего заимствованій сдѣлано изъ конституціи 1799 г.; очень много взято у оракула того времени—Монтескье, не мало изъ деклараціи правъ, изъ Блекстона, Руссо и др.

Основное начало, изъ котораго вытекаетъ законодательство: «не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ»—переводъ французскаго: Ne fais pas a un autre, ce que tu ne veux pas qui te soit fait (Конст. 1793 г., арт. 6). Другое основное положеніе—«начало и источникъ сихъ силъ (власти) въ народѣ»—взято изъ деклараціи. Строго проведенный принципъ раздѣленія власти на законодательную, судную и исполнительную взятъ у Монтескье; изъ этого же источника—отвѣтственность министровъ предъ законодательнымъ собраніемъ; болѣе точныя указанія случаевъ, когда министры должны быть привлекаемы къ отвѣтственности—изъ конституцій 1791, 1793 и 1799 гг.; право державной власти не утверждать рѣшеній законодательнаго собранія, требованіе имущественнаго ценза для лицъ, обладающихъ политическими правами—изъ деклараціи и конституцій; исключеніе изъ этого числа лицъ, кои по образу жизни и воспитанію не позволяютъ предполагать ни довольно разума, ни столько любочестія, чтобы допустить людей, ихъ занимающихъ, къ участію въ составленіи закона (домашніе слуги, ремесленники и рабочіе люди, поденщики, хотя бы они и имѣли собственность), заимствовано у Монтескье; идея раздѣленія гражданъ на обладающихъ политическими правами и необладающихъ—у Сіэйса. Опредѣленіе гражданской свободы (никто безъ суда наказанъ быть не можетъ и т. д.)—у Блекстона, можетъ быть, изъ конституцій. Раздѣленіе Россіи на 4 степени: волость, округъ, губернія и государство — съ современнаго Сперанскому устройства Франціи; составленіе волостными и окружными думами списковъ 20 лучшихъ гражданъ—опять у Сіэйса. Право государственной думы самой собираться взято изъ конституціи 1791 г. Основной принципъ судоустройства — избраніе судей населеніемъ—опять заимствованъ: «les juges serons elus par les justiciables» (Сватиковъ).

Планъ Сперанскаго долго оставался малоизвѣстнымъ русскому обществу. Ученымъ и публицистамъ приходилось довольствоваться тѣмъ, что помѣщено было Н. И. Тургеневымъ въ его книгѣ «La Russie et les Russes»; къ сожалѣнію, бумаги Сперанскаго, оказавшіяся у Тургенева, были спутаны. Н. К. Шильдеръ въ приложеніяхъ ко II тому «Имп. Александръ I»—изложилъ весьма подробно планъ этотъ по рукописи. В. И. Семевскій издалъ («Историч. Обозрѣніе», т. X) планъ по другой рукописи цѣликомъ, и съ этого времени планъ Сперанскаго сдѣлался прочнымъ достояніемъ русской мысли. Рукопись носитъ названіе «Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ»; она черновая и, слѣдовательно, едва ли русская наука имѣетъ право успокоиться на достигнутомъ успѣхѣ: несомнѣнно, была рукопись, которую Сперанскій представилъ государю императору; по всей вѣроятности, на этой рукописи должны быть помѣты государя. Нельзя даже ручаться за то, что чистовая и черновая окажутся тождественными. Сперанскій писалъ чрезвычайно много, легко сравнительно измѣнялъ взгляды, легко передѣлывалъ; вотъ почему представляется чрезвычайно важнымъ отыскать чистовую рукопись, всеподданнѣйшій докладъ Сперанскаго.

Сличая изложеніе Шильдера съ «пла-

номъ», напечатаннымъ Семевскимъ, нетрудно замѣтить, что обѣ рукописи весьма значительно расходятся между собою. Въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ рукопись Шильдера точнѣе, т. е. представляетъ собою, вѣроятно, уже слѣдующую редакцію, напр. по вопросу о имущественномъ цензѣ, какъ условіи политическихъ правъ, рукопись Шильдера даетъ больше, чѣмъ рукопись Семевскаго; равнымъ образомъ въ отдѣлѣ— о дѣйствіи державной власти въ порядкѣ законодательномъ — въ рукописи Семевскаго очевидный пропускъ (утвержденіе закона); отдѣлъ объ устройствѣ министерствъ носитъ въ рукописи Семевскаго совсѣмъ черновой характеръ, на стр. 50 — Сперанскій полагаетъ 7 министерствъ, на стр. 53 къ семи прибавляетъ еще четыре; причемъ на стр. 50 признается возможнымъ министерство народнаго просвѣщенія отнести къ министерству внутреннихъ дѣлъ, казначейство — къ министерству финансовъ, а на стр. 53 — оба эти управленія должны быть самостоятельны. Въ рукописи Шильдера эти колебанія Сперанскаго сглажены, число министерствъ—одиннадцать.

Съ другой стороны, въ рукописи Семевскаго нѣтъ ничего о кабинетѣ, у Шильдера—есть; но то, что у него сказано о кабинетѣ, взято изъ совсѣмъ другого проекта, проекта о правительствующемъ и судебномъ сенатахъ.

Главною цѣлью «Плана» Сперанскаго было водворить въ Россіи законность, т. е. ввести въ русскую жизнь то начало, на отсутствіе котораго такъ долго уже и безполезно жаловалось поголовно все населеніе имперіи. Для достиженія этой завѣтной цѣли надлежало дать Россіи сводъ дѣйствующаго права и затѣмъ ввести такой порядокъ, при которомъ господство закона было бы не фикціею, а дѣйствительностью. Сперанскій мечталъ и вѣрилъ тогда, что въ самомъ непродолжительномъ времени сводъ законовъ будетъ готовъ; оставалось установить порядокъ, который расчищалъ бы дорогу для свода и сохранилъ бы силу свода въ русской жизни. Молодая мысль Сперанскаго остановилась не безъ основанія на томъ положеніи, что это достижимо и возможно лишь при условіи надѣленія подданныхъ правами политическими. Сто лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ «Плана»; въ продолженіе этихъ ста лѣтъ немало было сдѣлано попытокъ для водворенія начала законности путемъ реформ
или перестановки высшихъ правительствен-
ныхъ установленій и образованія новых
учрежденій; и теперь мы можемъ сказат
что всѣ онѣ оказались безуспѣшны, вс
онѣ не достигли цѣли. Исходною точк
Сперанскаго было его искреннее убѣжден
что того же желаетъ государь Александр
Павловичъ: великій переворотъ въ Росс
долженъ былъ совершиться совершенно ми
но, по иниціативѣ самой верховной вл
сти. Русская конституція должна бы
быть не слѣдствіемъ столкновенія нар
и власти, а слѣдствіемъ великодушнаг
свободнаго обращенія власти къ нар
для водворенія правды на русской зем
На взаимныя отношенія власти держав
и новыхъ политическихъ установлен
Сперанскій смотритъ, какъ идеалистъ; та
же безусловно онъ смотрѣлъ на отношен
отдѣльныхъ классовъ между собою. Мол
дымъ свѣжимъ идеализмомъ проникну
весь «Планъ»: верховная власть и всѣ с
народа должны слиться во-едино для д
стиженія столь высокой цѣли. Если
основной идеѣ «Плана» должно отнестись
величайшимъ одобреніемъ, то этого н
какъ нельзя сказать о разработкѣ н
и о способахъ примѣненія ея къ русск
жизни. Новый строй требуетъ прежде вс
го новаго административнаго раздѣлен
Россіи, дабы поставить въ іерархическ
порядкѣ новыя учрежденія. Россія раз
ляется на губерніи и области (губерн
пока можно оставить старыя); губерніи
на округа (2—5 округовъ въ губерні
слѣдовательно, округъ равенъ 2—5 у
дамъ); округа— на волости (волость ино
равна уѣзду, иногда меньше его).

Равнымъ образомъ населеніе импер
раздѣляется по новому, а именно на т
состоянія: 1) дворянство, 2) среднее с
стояніе и 3) рабочій народъ. Основа
дѣленія—обладаніе тѣми или другими пр
вами. Права должны быть различаемы-
гражданскія и политическія; первыя, кро
того, дѣлятся на общія гражданскія и о
бенныя гражданскія.

Низшее состояніе, рабочій народъ (кр
стьяне, мастеровые, ихъ работники, д
машніе слуги), можетъ пользоваться тол
общими гражданскими правами, Mag-
Charta русскаго народа: 1) никто бе
суда не можетъ быть наказанъ; 2) ник
не обязанъ отправлять личную службу

произволу другого, но по закону, опредѣляющему родъ службы по состояніямъ; 3) всякій можетъ пріобрѣтать собственность движимую и недвижимую и располагать ею по закону; но пріобрѣтеніе собственности недвижимой населенной принадлежитъ извѣстнымъ только состояніямъ; 4) никто не обязанъ отправлять вещественныхъ повинностей по произволу другого, но по закону или добровольнымъ условіямъ.

Среднее состояніе (купцы, мѣщане, однодворцы, поселяне, имѣющіе недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ) имѣютъ общія гражданскія права и при наличности имущественнаго ценза имѣютъ также и политическія права.

Высшее состояніе—дворянство—обладаетъ какъ общегражданскими, такъ и особенными правами (свобода отъ *очередной* службы и право владѣть населенными имѣніями), равнымъ образомъ, при наличности ценза имущественнаго, дворяне обладаютъ политическими правами.

Лица первыхъ двухъ состояній, обладающія политическими правами, участвуютъ въ судѣ и законодательствѣ, содѣйствуютъ исполнительной власти, наблюдая за нею, и въ необходимыхъ случаяхъ привлекаютъ ее къ отвѣтственности. Для этого, всѣ такія лица въ *волости* образуютъ волостную думу, которая избираетъ волостное правленіе, провѣряетъ дѣйствія правленія, выбираетъ депутатовъ въ окружную думу, дѣлаетъ окружной думѣ представленія объ общественныхъ нуждахъ, составляетъ списокъ 20-ти отличнѣйшихъ обитателей волости. Волостная дума собирается разъ въ три года.

Изъ депутатовъ волостныхъ думъ также каждые три года образуются окружныя думы, которыя выбираютъ членовъ окружнаго совѣта, окружный судъ и депутатовъ въ губернскія думы; принимаютъ денежный отчетъ отъ окружнаго начальника и дѣлаютъ по отношенію къ округу все то, что по отношенію къ волости — волостная дума.

Изъ депутатовъ окружныхъ думъ образуются каждые три года губернскія думы, которыя выбираютъ депутатовъ въ государственную думу и затѣмъ дѣлаютъ то же по отношенію къ губерніи, что окружная дума—къ округу.

Государственная дума собирается сама, безъ всякаго созыва, ежегодно въ сентябрѣ. Срокъ ея дѣйствій опредѣляется количествомъ дѣлъ, ей предлагаемыхъ. Державная власть можетъ отсрочить ея засѣданія до слѣдующаго года и вправѣ также уволить всѣхъ ея членовъ; въ послѣднемъ случаѣ назначаются новые члены, выбранные губернскими думами. Кромѣ общихъ собраній дума образуетъ въ своей средѣ шесть комиссій (законовъ государственныхъ, гражданскихъ, уставовъ и учрежденій, министерскихъ отчетовъ, представленій о государственныхъ нуждахъ, финансовъ). Дѣла думѣ предлагаются однимъ изъ министровъ или членовъ госуд. совѣта, такимъ образомъ иниціативы законодательной дума не имѣетъ; но она вправѣ сама дѣлать представленіе о государственныхъ нуждахъ, объ уклоненіи отъ отвѣтственности и о мѣрахъ, нарушающихъ коренные законы; слѣдовательно, думѣ принадлежало право широкаго контроля надъ высшими органами исполнительной власти. Значеніе думы въ государствѣ видно изъ положенія: никакой законъ не можетъ имѣть силы, если не будетъ онъ составленъ въ законодательномъ сословіи.

Еще шире участіе населенія въ порядкѣ судебномъ:—верховная инстанція—судебный сенатъ составляется изъ лицъ, выбранныхъ губернскими думами, приговоры сената окончательные. Судебная власть цѣликомъ и вполнѣ верховною властью передана въ руки населенія; отвѣтственность за правосудіе отнынѣ должна уже лежать на населеніи и выбранныхъ имъ судьяхъ; верховная власть оставила себѣ только надзоръ за формами суда, чтобы онѣ повсемѣстно были одинаковы. Средоточіемъ дѣйствій властей исполнительной, судебной и законодательной служилъ государственный совѣтъ; въ немъ всѣ дѣйствія соединяются и чрезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются. Всѣ законы, а равно уставы и учрежденія первоначально разсматриваются въ совѣтѣ, затѣмъ предлагаются соотвѣтствующимъ учрежденіямъ и, разсмотрѣнные ими чрезъ совѣтъ, поступаютъ на утвержденіе государя. Высокое это учрежденіе есть довѣренный органъ верховной власти, въ которомъ она устанавливаетъ принципы всякаго новаго закона, а потомъ въ немъ же разсматривается, насколько представленный на утвержденіе законъ или уставъ соотвѣтствуетъ ея первоначальнымъ намѣ-

реніямъ. Поэтому совѣтъ состоитъ изъ лицъ, призванныхъ въ него высочайшимъ довѣріемъ.

Съ перваго взгляда этотъ планъ можетъ показаться чрезвычайно подробнымъ, стройнымъ, обнимающимъ русское государственное устройство отъ волости до державной власти. Вникая въ него, нельзя однако не отмѣтить многочисленныхъ противорѣчій, недомолвокъ; нельзя не признать, что въ самомъ Планѣ заключаются положенія, которыя должны были отсрочить введеніе его въ жизнь на долгіе и долгіе годы.

Такъ, признавая собственность основаніемъ политическихъ правъ, Сперанскій не опредѣлилъ ценза; мало этого, по его же словамъ, «волостную думу составляютъ всѣ владѣльцы *недвижимой* собственности». Представители капитала, слѣдовательно, забыты здѣсь, во-первыхъ; а во-вторыхъ, всякій мѣщанинъ, владѣвшій домами въ уѣздномъ городѣ, членъ ли думы волостной?

Волостная дума выбираетъ волостное правленіе и депутатовъ въ окружную думу; а въ порядкѣ судномъ оказывается, что сверхъ волостного правленія есть волостной судъ (изъ трехъ лицъ) и волостной совѣтъ, изъ состава котораго судъ приглашаетъ присяжныхъ. Какъ образуется совѣтъ, ничего не сказано; можетъ быть, совѣтъ замѣняетъ «правленіе»? Присяжныхъ двое; одинъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, изъ того состоянія, къ которому принадлежитъ подсудимый. А если подсудимый рабочаго состоянія, то это уже невозможно?

Излагая дѣйствія губернской думы, Сперанскій ничего не говоритъ о томъ, что онѣ должны выбирать также сенаторовъ, хотя всѣ выборы этихъ думъ указаны подробно; ниже оказывается: по смерти или увольненіи сенаторовъ, мѣста ихъ замѣщаются державной властью изъ лицъ, избранныхъ въ губернскихъ думахъ и внесенныхъ въ *государственный избирательный списокъ*. Что это за списокъ, приходится догадываться, потому что губернскія думы, окончивъ свои занятія, посылаютъ три списка: одинъ министру юстиціи (лица, выбранныя въ правленія волостныя и въ суды окружные и губернскіе); второй—канцлеру государственной думы (лица, выбранныя въ совѣты окружные и губернскіе); третій—въ государственную думу (списки 20-ти отличнѣйшихъ обывателей губерніи). Какой изъ этихъ списковъ государственный и въ какомъ должны быть кандидаты въ сенатъ судебный?

Существовавшія тогда сословія и классы бытовые Сперанскій слилъ въ три состоянія; при этомъ онъ (сынъ священника, поповичъ) забылъ о духовенствѣ и его дѣтяхъ.

Къ рабочему классу отнесены: мастеровые, ихъ работники, всѣ помѣстные крестьяне и домашніе слуги. Понятіе «помѣстные» крестьяне — весьма неопредѣленное; тогда были крестьяне: казенные, экономическіе, удѣльные, поссесіонные (заводскіе), владѣльческіе—всѣ ли эти разряды обобщены однимъ новымъ названіемъ или только нѣкоторые? Нѣсколько ниже—въ волостную думу «казенныя селенія отъ каждаго пятисотеннаго участка посылаютъ въ думу одного старшину», слѣдовательно, казенные крестьяне выдѣлены изъ среды остального крестьянства. Такія же недоумѣнія вызываетъ терминъ «мастеровые»; они также отнесены къ рабочему классу, лишенному политическихъ правъ; какъ будто подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть цеховыхъ ремесленниковъ, о которыхъ ничего не сказано; естественно возникаетъ недоумѣніе, отчего же они лишены политическихъ правъ, но мѣщане (ремесленники тоже мѣщане) отнесены къ среднему состоянію и, владѣя собственностью, могутъ пользоваться политическими правами?

Отдѣлъ о государственной думѣ, который, казалось бы, уже въ силу его новизны слѣдовало изложить весьма тщательно, возбуждаетъ нѣсколько серьезныхъ недоумѣній.

Срокъ полномочій представителей не указанъ: дѣйствіе государственной думы пресѣкается двоякимъ образомъ: 1) отсрочкою его до будущаго года; 2) «совершеннымъ всѣхъ чиновъ ея увольненіемъ»,—слѣдовательно, если бы извѣстный составъ думы понравился правительству, оно имѣло бы право держать такую думу неопредѣленное время. Между тѣмъ выборы членовъ въ государственную думу—очередное занятіе губернскихъ думъ, которые собираются разъ въ три года, причемъ всѣ губерніи въ отношеніи къ выборамъ раздѣляются на пять классовъ, а выборы располагаются такъ, чтобы въ двухъ близко смежныхъ губерніяхъ никогда вмѣстѣ выборовъ не

было и чтобы въ десяти губерніяхъ они ежегодно совершались. Такой порядокъ, казалось бы, приводилъ къ тому, что составъ государственной думы ежегодно обновлялся.

Еще большее затрудненіе—отношеніе государственной думы къ государственному совѣту. «Въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго въ главныхъ ихъ отношеніяхъ соединяются и черезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются». «Никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ совѣта и не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія державной власти».

Сперанскій не предвидитъ случаи столкновенія двухъ законодательныхъ собраній и сословій.

Еще болѣе недоразумѣній должно было возникнуть при проведеніи этого плана въ жизнь. Провести его можно было двоякимъ способомъ: изложить заключавшіяся въ немъ начала въ манифестѣ и даровать Россіи сразу новое бытіе. На это какъ будто и намекаютъ слова Сперанскаго: «блистательнѣе, можетъ быть, было бы всѣ установленія сего плана, пріуготовивъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ стройности и не произвели бы въ дѣлахъ смѣшенія. Но ваше величество предпочли твердость сему блеску и признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить» и т. п.

Второй путь былъ: ввести въ жизнь новыя и реформированныя высшія учрежденія и затѣмъ уже черезъ нихъ провести намѣченныя реформы.

Полагаю, что ни тотъ, ни другой путь не привелъ бы къ скорому завершенію дѣла.

Въ первомъ случаѣ надлежало сначала переустроить всѣ высшія учрежденія и затѣмъ все областное управленіе, поставить на новыхъ началахъ губернаторскую власть, раздѣлить губерніи на округа, округа на волости, *даровать всей Россіи* гражданскія права (не исключая и крѣпостныхъ), выдѣлить гражданъ, имѣющихъ права политическія, и изъ числа ихъ тѣхъ, кто обладаетъ не только правомъ выбора, но и правомъ представительства. При тогдашнихъ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ дарованіе всѣмъ гражданскихъ правъ было невозможно безъ продолжительныхъ подготовительныхъ работъ и правительственныхъ разъясненій, а иначе выборы явились бы жалкою комедіей.

«Никто безъ суда наказанъ быть не можетъ, никто не обязанъ исполнять вещественныхъ повинностей по произволу другого, но по закону или добровольнымъ условіямъ»,—такія слова манифеста не могли быть не поняты во многихъ мѣстахъ, какъ упраздненіе властью государя крѣпостного права. Смѣло можно сказать, что намѣченныя въ планѣ административныя и соціальныя реформы потребовали бы десятилѣтія напряженной работы, если не больше: въ два года (1810—1811 и начало 1812) Сперанскому не удалось, какъ извѣстно, окончить переустройство министерствъ. Онъ былъ высланъ изъ Петербурга, а уставы отдѣльныхъ министерствъ далеко не были закончены.

Сколько же времени потребовалось бы на всѣ, указанныя въ планѣ, реформы?

Оставался, слѣдовательно, второй путь—какъ будто и указанный самимъ Сперанскимъ: по реформѣ государственнаго совѣта и новомъ образованіи министерствъ—«государственное уложеніе въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не только будетъ составлено, но и во всѣхъ частяхъ успѣетъ быть разсмотрѣно; слѣдовательно, съ 1-го сентября можно положить первыя начала его введенію; для сего манифестомъ, сообразнымъ тому, какой изданъ былъ въ 1766 г., назначить выборъ депутатовъ *изъ всѣхъ состояній* (курсивъ нашъ), взявъ предлогомъ изданіе гражданскаго уложенія, созвать думу къ 15 авг., двѣ недѣли употребить для разсмотрѣнія депутатскихъ наказовъ, собраніе назвать государственною думою, перваго сентября открыть думу, дѣйствіе которой начнется разсмотрѣніемъ гражданскихъ законовъ; «между тѣмъ распоряженія депутатовъ будутъ надлежащимъ образомъ испытуемы и пріуготовляемы; если не встрѣтится какихъ-либо непреоборимыхъ препятствій, то съ Божіею помощью предложится государственное уложеніе» и т. д.

Къ сожалѣнію, Шильдеръ, опубликовавшій эту записку Сперанскаго, поданную, по его словамъ, государю, не отмѣтилъ, откуда онъ взялъ эту записку, гдѣ ея рукопись.

То, что Сперанскій написалъ такую записку, это не подлежитъ сомнѣнію; но

возможно сомнѣваться, чтобы онъ рѣшился подать ее государю. Въ черновыхъ бумагахъ Сперанскаго встрѣчаются записки, которыя онъ иногда сгоряча намѣревался представить, но которыя впослѣдствіи онъ замѣнялъ другими, значительно измѣненными. Прежде всего, выборъ и собраніе депутатовъ предлагается произвести не безъ хитрости; во-вторыхъ, сами депутаты должны быть испытуемы и если выдержатъ испытаніе, то имъ предложено будетъ на утвержденіе государственное уложеніе! Нельзя не признать такія предложенія недостаточными для государственной власти, оскорбительными для государя, который по собственному почину хотѣлъ дать Россіи политическія права. Съ другой стороны, Сперанскій не могъ не пожелать испытать депутатовъ раньше предложенія имъ своего проекта государственнаго переустройства. Собраніе депутатовъ должно было согласиться, въ нѣкоторой своей части, на самоуничтоженіе, такъ какъ по новому государственному уложенію политическими правами могли впредь пользоваться лишь два первыхъ состоянія: дворянство и среднее состояніе, и эти два класса могли остаться участниками въ политической жизни на основаніи ценза, ценза повышеннаго для представительства. Такъ, наше первое собраніе государственной думы, которое было бы названо учредительнымъ, должно было начать съ акта самопожертвованія. Но это самопожертвованіе простиралось и дальше: большинство его, дворяне, должны были согласиться на значительное видоизмѣненіе крѣпостного права, послѣ котораго оно, можетъ быть, для нихъ оказалось бы невыгоднымъ; и они же должны были отказаться отъ того, что такъ цѣнили, чего такъ долго добивались и съ такимъ трудомъ добились ихъ предки—освобожденія отъ службы, ибо потомственное дворянство, по проекту Сперанскаго, пріобрѣтается происхожденіемъ и службою, не менѣе 10 лѣтъ.

Разсчитывать, что планъ новаго образованія государства, предполагаемый рядъ крупнѣйшихъ политическихъ, административныхъ и соціальныхъ реформъ, можетъ пройти легко и скоро въ нѣсколько мѣсяцевъ и быть принятымъ, могъ или ослѣпленный фанатикъ или человѣкъ, находившійся въ состояніи самогипноза. Сперанскій не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Онъ былъ участникомъ, правда не ближайшимъ, всѣхъ реформъ царствованія Александра I; онъ не могъ не видѣть, какія затрудненія, тренія встрѣчали планы государя; онъ не могъ не знать, къ какимъ ничтожнымъ результатамъ привело обсужденіе крестьянскаго дѣла въ неофиціальномъ комитетѣ.

Сперанскій могъ составить «Планъ» по указаніямъ государя, исполняя его волю; могъ предложить порядокъ, которымъ «Планъ» вводился въ жизнь. При всемъ томъ, онъ не могъ не указать государю величайшихъ затрудненій, которыя должны были возникнуть при проведеніи «Плана». И тогда должно было послѣдовать значительное измѣненіе «Плана». Не этимъ ли и объясняется нѣкоторая небрежность «Плана»? Вмѣсто того, чтобы разрабатывать его въ подробностяхъ, Сперанскій предложилъ, вѣроятно, государю на первое, по крайней мѣрѣ, время ограничиться реформами административными и притомъ въ области центральныхъ учрежденій. Огромную, колоссальную реформу онъ свелъ къ тому, чтобы «посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы». Онъ убѣдилъ государя вернуться къ той точкѣ зрѣнія, что самодержавная власть *пока* должна быть сохранена.

Этотъ сокращенный планъ, который вѣроятно и находился въ кабинетѣ государя, первоначально разсматривался въ комитетѣ предсѣдателей. Разсмотрѣніе его предсѣдателями приводитъ къ тому же заключенію, а именно то, что предъ ними былъ не первоначальный проектъ; первая часть проекта — образованіе государственнаго совѣта—разсмотрѣна была пятью лицами, изъ которыхъ трое съ 1 янв. 1810 г. стали предсѣдателями департаментовъ совѣта (гр. Кочубеемъ, Завадовскимъ и кн. Лопухинымъ), т. е. порядокъ предварительнаго разсмотрѣнія былъ, такъ сказать, предрѣшенъ.

Планъ образованія лежалъ на столѣ у государя въ октябрѣ 1809 г., въ декабрѣ того же года означенныя лица, а за ними и еще нѣкоторыя (Аракчеевъ и Румянцевъ) уже читали учрежденіе совѣта; и что же? Это учрежденіе объявленное манифестомъ 1 января 1810 г., *кореннымъ* образомъ расходится съ планомъ; именно въ «Пла-

нѣ» о совѣтѣ говорится—въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія частей *законодательной, судной и исполнительной*, въ главныхъ ихъ отношеніяхъ, соединяются и черезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются».

Въ образованіи государственнаго совѣта вышеприведенныя слова замѣнены слѣдующими: «всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству соображаются», т. е. государственный совѣтъ разсматривается, какъ *единое* законодательное сословіе имперіи. Послѣ преобразованія законодательной части перешли къ новому образованію исполнительной, т. е. министерствъ, и затѣмъ сената, то есть судебной части. Необходимость реформы сената Сперанскій видѣлъ прежде всего въ совершенныхъ уже преобразованіяхъ совѣта и министерствъ; слѣдовательно реформа законодательства предполагалась уже законченной. Весьма существенная часть «Плана» — отвѣтственность министровъ предъ думою—замѣнена инымъ порядкомъ, болѣе бюрократическимъ (см. ниже).

Проектъ реформы сената внесенный въ совѣтъ, также весьма существенно расходится съ «Планомъ»; во вступительной запискѣ къ этой реформѣ Сперанскій развиваетъ взгляды, противоположные тѣмъ, что составляютъ основу «Плана» (ниже); оттого, конечно, и его проектъ сената встрѣтилъ возраженія, какъ справа, такъ и слѣва.

Весьма рѣшительное доказательство наконецъ—слова пермскаго письма, которыми Сперанскій оправдывается отъ обвиненія, будто бы учрежденіемъ совѣта онъ стѣснилъ государеву власть, — «другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по государеву ли повелѣнію дѣла вносятся въ совѣтъ? Не единымъ ли словомъ его? Но зависть или клевета лучше желаютъ казаться слѣпыми, нежели быть безгласными».

Какой смыслъ было Сперанскому оправдываться въ этомъ обвиненіи, если вслѣдъ за образованіемъ совѣта предполагалось образованіе думы, дарованіе населенію политическихъ правъ?

Съ большимъ тактомъ Сперанскій не говоритъ въ этомъ письмѣ о томъ, онъ ли отклонилъ государя отъ первоначальнаго его намѣренія или самъ государь принялъ такое рѣшеніе. Скорѣе можно предполагать первое.

То, что въ домѣ Сперанскаго не было «Плана», слѣдуетъ и изъ нижегородскаго письма къ государю, гдѣ онъ о бумагахъ своихъ говоритъ такъ: однѣ (бумаги) касаются плана общаго образованія, составленнаго подъ вашимъ покровительствомъ и по непосредственнымъ вашимъ приказаніямъ. Оригиналъ этого плана долженъ находиться въ кабинетѣ вашего величества, а французскій переводъ по вашему приказанію былъ отосланъ въ свое время принцу Ольденбургскому. Работа эта, государь, главная и единственная причина всего того, что случилось со мной, слишкомъ исключительна, чтобы позволить ей смѣшаться съ другими бумагами въ министерскихъ канцеляріяхъ. Я буду въ Сибири, государь, но я не перестану вѣрить, что рано или поздно ваше величество вернетесь къ тѣмъ же основнымъ идеямъ; онѣ запечатлѣны въ вашемъ сердцѣ; не я ихъ предложилъ; я ихъ нашелъ совершенно образовавшимися въ вашемъ умѣ; и ихъ исполненіе можетъ и должно быть видоизмѣнено или отложено до болѣе спокойнаго времени, но основанія ихъ не должны быть оспариваемы».

Слова эти, написаныя въ мартѣ 1812 г., тотчасъ послѣ пріѣзда въ Нижній-Новгородъ, безусловно относятся къ плану, который проводился въ теченіе двухъ лѣтъ и который Сперанскому не удалось завершить.

Изъ всего этого позволительно сдѣлать выводъ: извѣстные намъ (по Тургеневу, Шильдеру и Семевскому) планы не представляютъ изъ себя послѣдней редакціи плана Сперанскаго.

Чѣмъ же замѣнилъ онъ свои конституціонныя идеи 1809 г.? «Не зная плана правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, устрашились вредныхъ установленій.»

Слова эти сохраняютъ силу, отчасти, и до настоящаго времени. Центральный пунктъ реформы, предпринятой по плану Сперанскаго, составленному въ концѣ 1809 г., была реформа сената и потому

представляется наиболѣе удобнымъ прежде всего разсмотрѣть эту часть его проекта; тѣмъ болѣе, что именно она и встрѣтила самыя сильныя возраженія и, въ концѣ концовъ, заваляласъ въ канцеляріяхъ.

Проектъ Правительствующаго и Судебнаго Сената.

Вслѣдъ за преобразованіемъ министерствъ Сперанскій поставилъ на очередь разсмотрѣніе своего проекта о преобразованіи сената, правильнѣе, о раздѣленіи сената на два самостоятельныхъ учрежденія: сенатъ правительствующій и сенатъ судебный *).

Проектъ этотъ разсматривался сначала въ комитетѣ предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта въ 1811 г., а затѣмъ и въ общемъ собраніи совѣта въ засѣданіяхъ.

Во введеніи къ образованію сената Сперанскій опредѣленно говоритъ, что сила законодательная не можетъ принадлежать сенату. «Въ настоящихъ установленіяхъ нашихъ сіе непосредственно принадлежитъ государю въ его совѣтѣ. Если бы въ какой либо эпохѣ бытія нашей имперіи и можно бы предполагать необходимость установить особенное законодательное сословіе на началахъ, общему довѣрію болѣе свойственныхъ, то установленіе сіе не можетъ быть вмѣщено въ сенатѣ, ибо это равносильно преобразованію судебнаго и исполнительнаго сословія въ законодательное, и, превративъ сенатъ въ законодательное сословіе, вмѣстѣ съ тѣмъ должно учредить другія два совсѣмъ новыя установленія, изъ коихъ одно должно быть средоточіемъ верховнаго суда, а другое верховнаго исполненія, ибо, еще разъ примѣтить должно, три сіи установленія ни въ какомъ государствѣ благоустроенномъ не могутъ быть сливаемы воедино. Но время ли помышлять нынѣ въ Россіи о законодательномъ сословіи въ истинномъ его разумѣ, нынѣ въ трудномъ положеніи финансовъ, въ трудномъ сопряженіи политическомъ и въ совершенномъ недостаткѣ всякаго рода положительныхъ законовъ и учрежденій. Когда же сіе время настанетъ, когда не прихотьми или подражаніемъ, но силою и движеніемъ обстоятельствъ имперія наша придетъ въ сію эпоху: тогда, какъ всѣ статьи установленія сего будутъ готовы, трудно ли будетъ приложить имъ приличное имя? И должно ли нынѣ въ неопредѣленномъ ожиданіи сей эпохи оставлять настоящее устройство сената въ его безсиліи и смѣшеніи единственно для того, чтобы сберечь и сохранить имя его для другихъ установленій?»

Слова эти, безспорно, доказываютъ, что Сперанскій не отказывался совсѣмъ отъ идей 1809 г.; законодательнымъ, политическимъ учрежденіемъ должна быть государственная дума, а не сенатъ. Реформой сената Сперанскій подготовляетъ, очищаетъ путь для думы.

Проектъ былъ подготовленъ Сперанскимъ тщательно. Въ канцеляріи составленъ былъ краткій историческій очеркъ сената, заключавшій въ себѣ всѣ указы и другія законоположенія, относившіяся къ сенату за время 1711—1783 г. На рукописи этой есть помѣты Сперанскаго; далѣе въ его рукахъ былъ любопытный проектъ новаго устройства сената 1788 г. съ собственноручными помѣтами Екатерины II. Для Сперанскаго же А. Энгельсономъ составлена особая записка о дѣятельности сената за 1802—1810 гг. Изъ приложенной вѣдомости видно, что весьма распространенные упреки сенату въ медленности нельзя считать справедливыми, такъ:

въ 1777 г. въ сенатъ пост.	3.093 д.	рѣш.	2.512 д.
„ 1805 „ „ „ „	40.660 „	„	27.815 „
„ 1806 „ „ „ „	42.530 „	„	31.813 „
„ 1807 „ „ „ „	44.711 „	„	34.822 „
„ 1808 „ „ „ „	47.223 „	„	38.618 „
„ 1809 „ „ „ „	51.542 „	„	45.181 „

Несомнѣнно, что въ послѣдніе передъ 1810 г. дни сенатъ работалъ очень напряженно, но наличныхъ силъ его нехватало на работу, такъ быстро разраставшуюся. А главное «качество» сенатской работы далеко не соотвѣтствовало количеству. «Меморіи не только цѣли своей не соотвѣтствуютъ, но и виду меморій не имѣютъ. Онѣ суть только копіи съ журналовъ и состоятъ изъ огромныхъ кипъ бумагъ. За одну недѣлю ихъ бываетъ обыкновенно по цѣлой стопѣ и болѣе, а въ годъ около 50 стопъ. Разсматривать же

---

*) Проектъ напечатанъ у Шильдера, Александръ I, т., но не вполнѣ; предисловія нѣтъ. Мы пользовались рукописнымъ текстомъ архива Гос. Совѣта. Дѣла Комитета предсѣдателей 1810—1811 гг., гдѣ этотъ важный проектъ сохранился въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

ихъ особливо, дѣлать по онымъ соображенія не только затруднительно, но и совсѣмъ неудобно». Ревизія судовъ въ Россіи почти исчезла, ибо не только, палаты должны по предписанію сената, у себя пополнять дѣла, но даже и себѣ сенатъ предоставилъ это право въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчены упущенія, т. е. сенатъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ себя принудилъ исполнять обязанности нижней или первой инстанціи; въ результатѣ такого порядка, при множествѣ инстанцій, отсутствіе надлежащей ревизіи судопроизводства.

«Замѣчанія сдѣланы мною, писалъ Энгельсонъ, не въ обиду сему судилищу, но единственно съ тѣмъ, чтобы обратить на нѣкоторые безпорядки вниманіе таковой особы, которая имѣетъ въ рукахъ власть къ поправленію оныхъ, ибо я вывелъ тутъ примѣры, гдѣ сенатъ, сей хранитель законовъ, явнымъ образомъ сдѣлался не только нарушителемъ оныхъ, но сверхъ того изданнымъ отъ себя указомъ безъ доклада государю императору постановилъ узаконеніе отяготительное для народа, вопреки указамъ предписаннымъ».

На критикѣ сената правительствующаго, какъ органа административнаго, Сперанскій останавливался меньше. Въ этомъ отношеніи его идеи извѣстны уже изъ его же проекта 1803 г.: совмѣстное сосуществованіе сената правительствующаго и комитета министровъ и раньше и впослѣдствіи казалось Сперанскому совершенно неправильнымъ: оно становилось еще болѣе, если можно такъ выразиться, неправильнымъ, послѣ изданія устава и наказовъ министерскихъ. Къ такому заключенію Сперанскій пришелъ какъ по соображеніямъ теоретическимъ, такъ и практическимъ. Узаконеніями опредѣлены были степени и предѣлы власти министровъ. Все что превышало ихъ власть, должно быть представляемо, ими на высочайшее разрѣшеніе. Въ области законодательной разрѣшеніе таковое принадлежитъ державной власти, дѣйствующей въ государственномъ совѣтѣ; въ области управленія—державной власти, дѣйствующей въ правительствующемъ сенатѣ.

Разборъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству сената правительствующаго и комитета министровъ, приводилъ Сперанскаго опять къ заключенію о томъ, что комитетъ министровъ долженъ быть поглощенъ сенатомъ.

Дѣла, которыя должны разсматриваться въ правительствующемъ сенатѣ, Сперанскій дѣлитъ на три категоріи;

1) неподлежащія въ частности ни одному министру (обнародованіе законовъ);

2) дѣла, и по существующимъ законамъ, принадлежащія сенату: заключеніе контрактовъ и подрядовъ на «важныя» суммы, дѣла винныя (откупныя), опредѣленіе къ мѣстамъ;

3) дѣла, которыя должны представляться на высочайшее воззрѣніе.

Разрѣшеніе дѣлъ первыхъ двухъ категорій не представляло затрудненій, такъ какъ они и раньше разрѣшались сенатомъ. Но какъ поступить съ дѣлами третьей категоріи, т. е. требовавшими высочайшаго разрѣшенія? Если бы можно было разсчитывать на постоянное присутствованіе въ правительствующемъ сенатѣ государя, то вопросъ этотъ разрѣшался бы самъ собой; но разъ это невозможно, то какимъ образомъ, черезъ кого дѣла эти будутъ докладываемы государю? Чрезъ одно лицо? Опытомъ, однако, уже доказаны неудобства, проистекающія отъ единоличныхъ докладовъ. Остается, слѣдовательно, предоставлять такіе доклады каждому министру, но въ совокупномъ присутствіи всѣхъ министровъ; выгоды послѣдняго образа докладовъ очевидны: остальные министры могутъ свободно заявить здѣсь же свое мнѣніе наряду съ мнѣніемъ министра докладывающаго. Но такой совмѣстный докладъ и есть комитетъ министровъ, а слѣдовательно комитетъ министровъ есть не что иное, какъ особое засѣданіе правительствующаго сената въ высочайшемъ присутствіи, и слѣдовательно правительствующій сенатъ долженъ имѣть въ будущемъ два рода засѣданій: въ высочайшемъ присутствіи и безъ государя. Дѣла, которыя требуютъ соблюденія полной тайны, должны быть разсматриваемы въ кабинетѣ.

Итакъ, всѣ дѣла текущаго управленія будутъ разсматриваемы и разрѣшаемы въ правительствующемъ сенатѣ.

Переходя къ сенату судебному, Сперанскій старался прежде всего поднять его значеніе въ глазахъ населенія. Лучшимъ средствомъ для этого ему представлялось измѣнить самый составъ высокаго учрежденія, которое должно состоять какъ изъ членовъ по назначенію такъ и по выбо-

ру, причемъ тѣхъ и другихъ должно быть поровну (ср. Планъ).

Только симъ способомъ можно доставить сенату ту степень свободы, независимости и уваженія, которыя должны принадлежать высшему въ имперіи судебному сословію. Затѣмъ рѣшенія сената — окончательныя; никакія жалобы на рѣшенія общаго собранія сената не должны быть допускаемы. Сперанскій справедливо указывалъ, что при тогдашнемъ судоустройствѣ у насъ было 7 инстанцій и, несмотря на это, повсюду раздавались жалобы на «неправосудіе». Сперанскій понималъ, что нелегко провести въ русскую жизнь запрещеніе подавать государю жалобы на рѣшенія сената; тѣмъ не менѣе, для утвержденія законности въ жизни онъ считалъ это существенно необходимымъ и нельзя не согласиться, что обновленный въ своемъ составѣ судебный сенатъ, поставленый столь высоко, сдѣлался бы учрежденіемъ совершенно независимымъ отъ административной власти, и въ то же время верховная власть была бы освобождена отъ массы мелкихъ, сравнительно, дѣлъ. Дѣло, разсуждалъ Сперанскій, изъ департамента сената, въ которомъ засѣдаетъ до 7 сенаторовъ, переносится въ общее собраніе, гдѣ присутствуетъ до 50 сенаторовъ, на томъ основаніи, что 50 человѣкъ разсудятъ лучше, нежели семеро; а затѣмъ не рѣдко рѣшеніе общаго собранія сената разсматривается *однимъ* рекетмейстеромъ, т. е. одинъ оказывается умнѣе 50! Выходъ изъ такого положенія вещей Сперанскій видѣлъ въ установленіи запрещенія жалобъ на рѣшенія сената; съ этою же цѣлью, очевидно, онъ и вводилъ въ сенатъ выборныхъ членовъ: если бы и обновленный сенатъ оказался не на высотѣ своего положенія, то отвѣтственность за такое положеніе падала бы и на населеніе. Нельзя не признать, что независимое положеніе сената, его широкія права по пересмотру судебныхъ рѣшеній, ревизіи и управленію судебными мѣстами Имперіи, могли обезпечить населенію законность, въ которой оно столь сильно нуждалось.

По дѣламъ тяжебнымъ Сперанскій проектировалъ считать окончательными рѣшенія департамента по большинству голосовъ; въ дѣлахъ по отчужденію *казенной* собственности въ случаѣ протеста министра юстиціи дѣло переносится въ общее собраніе сената, гдѣ и рѣшается окончательно.

Приговоры по дѣламъ уголовнымъ, соединенные съ лишеніемъ правъ чести и правъ дворянства, постановленные общимъ собраніемъ, утверждаются государемъ. Помилованіе, конечно, остается прерогативой монарха. Дѣла по важнымъ государственнымъ преступленіямъ, напр. измѣна, заговоръ, разсматриваются верховнымъ уголовнымъ судомъ; наконецъ, изъ сенаторовъ, по ихъ выбору, образуется верховный совѣстный судъ, въ который поступаютъ дѣла по опредѣленію общаго собранія сената, разсмотрѣннаго государственнымъ совѣтомъ.

Чтобы приблизить верховное судилище къ населенію, Сперанскій принималъ мысль объ устройствѣ сенатовъ въ четырехъ городахъ имперіи: Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани. Каждый сенатъ состоялъ изъ четырехъ департаментовъ: по тяжебнымъ казеннымъ дѣламъ, частнымъ тяжебнымъ, уголовнымъ и межевымъ (временно).

Проектъ Сперанскаго былъ сначала разсмотрѣнъ въ комитетѣ предсѣдателей совѣта. Любопытны ихъ отзывы. Вліятельное положеніе Сперанскаго чувствуется въ робости критики. Завадовскій и Лопухинъ представили рядъ второстепенныхъ возраженій: должности министра юстиціи и генералъ-прокурора не должны быть соединены въ одномъ лицѣ; сенаторы должны быть особами 3-го класса; приговоры о лишеніи дворянства, тѣмъ болѣе жизни, должны быть вносимы къ государю, но не подписываемы имъ (Завадовскій); предсѣдатель сената долженъ наблюдать, чтобы сенаторы собирались въ опредѣленное время и высиживали опредѣленные часы (Лопухинъ) *).

Графъ Кочубей оказался значительно либеральнѣе Сперанскаго; онъ боится, какъ бы при либеральныхъ правилахъ проекта не вкрались «противныя» начала; ему кажется, что часть исполнительная недостаточно ясно отдѣлена отъ судебной. Что скажутъ въ просвѣщенной Европѣ? Что скажутъ, когда съ проектомъ сличатъ установленія даже Наполеона, желающаго управлять азіатами?

Недовольный тѣмъ, что давалъ проектъ Сперанскаго, очевидно, ждавшій политиче-

*) Отзывъ Мордвинова см. Архивъ гр. Мордвиновыхъ т. IV, № 934.

ской реформы, Кочубей переходитъ къ подробностямъ, ярко характеризующимъ тогдашніе нравы въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ. Нужно ли министрамъ и членамъ государственнаго совѣта быть сенаторами по званію своему? Часто видѣлъ, отвѣчаетъ себѣ бывшій министръ, большую храбрость, когда не было министра, по части коего дѣло производилось, но лишь только являлся онъ, то слѣдовало молчаніе или самое подлое снисхожденіе. Примѣры сего вліянія и весьма недавно въ сенатѣ были.

Предполагавшееся уничтоженіе комитета министровъ радовало кн. Кочубея; въ комитетъ министры будто бы возили дѣла на пароконныхъ телѣгахъ съ фельдъегерями; конечно, это гипербола, но фактъ, что благодаря этому учрежденію, неопытности нѣкоторыхъ министровъ, государь безусловно заваленъ былъ мелкими дѣлами.

Вслѣдъ затѣмъ проектъ былъ внесенъ въ общее собраніе государственнаго совѣта (засѣд. 17, 24 и 31 іюля и 7 авг. 1811 г.). Замѣчаній сдѣлано было немало; наиболѣе существенныя принадлежали Попову, гр. А. Н. Салтыкову и кн. А. Н. Голицыну. Первые двое находили проектъ прежде всего не «ко времени»,—вводить въ жизнь новое установленіе во время войны, финансоваго разстройства при всеобщемъ недостаткѣ въ людяхъ! По существу же проекта выставлено было до 25 отдѣльныхъ возраженій (Алексѣевъ, А. Н. Голицынъ, Вейдемейеръ, Кампенгаузенъ, Мордвиновъ, А. Н. Салтыковъ, Поповъ, Кошелевъ, Вязьмитиновъ). Порядокъ рѣшенія дѣлъ—запрещеніе приношенія жалобъ на рѣшенія сената, новый порядокъ назначенія сенаторовъ, раздѣленіе сената судебнаго на четыре округа, участіе министровъ въ сенатѣ, канцелярія, верховный совѣстный судъ и т. д.—вотъ предметы, затронутые въ государственномъ совѣтѣ. Сперанскимъ составленъ былъ сводъ сдѣланнымъ замѣчаніямъ, къ своду приложена записка, въ которой онъ горячо защищаетъ свой проектъ, уступая противникамъ только въ мелочахъ. Въ послѣднемъ засѣданіи предсѣдательствовалъ государь. По открытіи засѣданія былъ прочитанъ сводъ замѣчаній и государь спросилъ, находятъ ли члены государственнаго совѣта сводъ содержащимъ въ себѣ силу всѣхъ поданныхъ мнѣній. Послѣ единогласнаго утвердительнаго отвѣта, государь поставилъ на разрѣшеніе вопросъ, существуютъ ли причины, необходимыя для введенія новаго учрежденія сената? Большинствомъ 18 противъ 3 этотъ вопросъ рѣшенъ былъ утвердительно. На поставленный государемъ вопросъ, благовременно ли нынѣ ввести новое установленіе, 9 членовъ высказались въ положительномъ, а 12—полагали: отложить до удобнѣйшаго времени. Государь согласился съ мнѣніемъ меньшинства, но (и это представляется намъ весьма интереснымъ) другою рукою на журналѣ приписано: «предоставляю себѣ назначить опредѣлительную эпоху». Приписка, сдѣланная другою рукою на журналѣ, фразы, значительно видоизмѣняющей рѣшеніе, представляется намъ весьма интересной и даже нѣсколько загадочной.

Особый порядокъ для исковъ къ казнѣ принятъ былъ 16 противъ 1; 20 противъ 1 голоса признано было, что сфера сената вполнѣ достаточно отдѣлена отъ сферы совѣта; раздѣленіе на 4 округа прошло 13 голосами противъ 9; опредѣленіе въ сенатъ по выборамъ 15 голосами противъ 7. Противъ этого пункта особенно сильно возражали гр. Н. И. Салтыковъ и сынъ его гр. А. Н. Салтыковъ, которые считали такое нововведеніе противнымъ самодержавію и даже цѣлостности Имперіи, опаснымъ при условіи запрещенія жалобъ на опредѣленіе сената. Нововведеніе это обратится въ источникъ злоупотребленій тѣмъ болѣе, что населенію запрещается искать прибѣжища подъ сѣнью закона.

Самый важный пунктъ новаго устава—запрещеніе жалобъ на рѣшенія сената—въ совѣтѣ по прочтеніи за него высказалось 9 членовъ противъ 13; государь опять утвердилъ мнѣніе меньшинства. Противъ этого пункта горячо возражали Поповъ и Голицынъ: народъ русскій привыкъ исконі почитать въ лицѣ государя земное божество, верховнаго судью. Всякій твердо былъ увѣренъ, что слезы и вопль угнетенной невинности всегда могутъ достигнуть къ престолу монаршему. Горестно было бы лишить народъ сей утѣшительной надежды. Какія основанія могутъ побудить самодержавную власть удѣлить судному департаменту одну изъ существеннѣйшихъ своихъ принадлежностей — окончательное рѣшеніе судныхъ дѣлъ? Пока въ Россіи

нѣтъ свода законовъ, возможны частыя ошибки; слѣдовательно, будутъ жалобы, въ какомъ же положенія окажется государь? Къ чему государю связывать себя словомъ, когда общее мнѣніе, что *только* государево вліяніе на всѣ части управленія можетъ доставить дѣламъ правильное рѣшеніе?

Остальныя замѣчанія редакціоннаго характера. Нѣкоторые члены совѣта, не присутствовавшіе на засѣданіи, отозвались письменно. Въ сводѣ замѣчаній, сдѣланныхъ Сперанскимъ, помѣщено было и замѣчаніе Мордвинова. Но Мордвиновъ въ общемъ былъ въ восторгѣ отъ труда Сперанскаго и писалъ ему: сожалѣю, однако, что помѣстили меня въ число спорящихъ. Мои замѣчанія недостойны были ни опроверженія, ни выписки. Я препроводилъ ихъ къ вамъ при запискѣ, въ которой писалъ, что сообщаю не въ видѣ критики. Мнѣніе мое о семъ преизящномъ трудѣ вашемъ подробно изложено въ первой бумагѣ, которую я подалъ; мнѣніе мое утвердилось еще болѣе по прочтеніи опроверженія вашего на противныя сужденія».

Иначе отозвался старикъ Державинъ: «Судъ на судѣ, сенатъ на сенатѣ, чиновникъ на чиновникѣ, почти равносильные по одному и тому же дѣлу. Многосложныя машины слабо дѣйствуютъ, скоро и безпрестанно портятся. Когда и порознь съ оберъ-секретарями не умѣли ладить, что же теперь будутъ дѣлать съ привилегированными рекетмейстерами? Зачѣмъ рукамъ собираться, когда ихъ дѣло только писать, что приказано. Это дѣло головъ, но онѣ не подписываютъ не только протоколовъ, но и журналовъ... Почитаю сіе преобразованіе еще неполнымъ, ибо нѣтъ въ немъ твердаго основанія... Кажется мнѣ, что все это можно бы сдѣлать проще, короче, яснѣе и удобнѣе, не столь убыточнымъ и болѣе охраняющимъ единство власти монаршей, безъ коей Россія благополучна быть не можетъ».

Итакъ, вопреки желанію Сперанскаго, въ совѣтѣ поставленъ былъ вопросъ о самодержавіи. Нѣкоторые члены совѣта и такой старый дѣлецъ, какъ Державинъ, въ выборныхъ сенаторахъ и, главнѣйше, въ запрещеніи приносить жалобы на рѣшенія сената, усмотрѣли ограниченіе правъ самодержавной власти. Такая постановка не могла быть пріятной для Сперанскаго. Однимъ изъ рѣшительнѣйшихъ доводовъ Сперанскаго было утвержденіе, что проектъ этотъ предусмотрѣнъ манифестомъ 1 января 1810 г. и что за устройствомъ законодательной части (государственный совѣтъ) и исполнительной (министерство) необходимо переустроить и судебную часть. Освобожденный отъ зависимости министрамъ, судебный сенатъ, наполовину составленный изъ выборныхъ членовъ, по мнѣнію противниковъ Сперанскаго, послужилъ бы мостомъ, который долженъ былъ соединить самодержавную Россію съ Россіей конституціонной. Противники Сперанскаго догадались объ этомъ раньше, чѣмъ онъ предполагалъ и хотѣлъ. И Сперанскій не могъ не видѣть своего пораженія; въ двухъ существеннѣйшихъ пунктахъ большинство совѣта было противъ него; правда, государь утвердилъ его, Сперанскаго, мнѣніе, за которое высказалось меньшинство, но Сперанскій не могъ скрыть отъ себя, что среди большинства были люди, очень близкіе къ государю (гр. Н. И. Салтыковъ, кн. А. Н. Голицынъ) и что они заподозрѣли его въ покушеніи на самодержавную власть монарха.

Настроеніе Сперанскаго ясно обрисовывается изъ представленнаго имъ государю доклада по окончаніи преній въ совѣтѣ. Въ архивѣ государственнаго совѣта намъ попались два списка этого доклада: одинъ черновой, не конченный; другой—чистовой. Между ними разница, характерная и для Сперанскаго, и для эпохи. Въ черновомъ докладѣ, безъ конца, Сперанскій предлагалъ государю ввести реформу, ввести ее *незамѣтно*.

Сперанскій признаетъ, что всѣ мнѣнія государственнаго совѣта сводятся къ двумъ положеніямъ: хорошо, да не время.

Сперанскій не скрываетъ, что «время» въ данномъ случаѣ только предлогъ; ему представляется, что противники ухватились за несвоевременность проекта, не имѣя возможности возражать чего либо по существу. Правительствующій сенатъ составляется изъ министровъ; можно ли допустить, что министры будутъ содѣйствовать учрежденію, которое устанавливается противъ мнѣнія большинства министровъ? За «своевременность» проекта подали голоса только трое изъ министровъ (Козо-

давлевъ, б. Кампенгаузенъ и Барклай-де-Толли). Иначе, разсуждаетъ Сперанскій, и быть не могло, такъ какъ проектъ лишаетъ министровъ драгоцѣннаго права докладывать лично государю императору и по докладамъ этимъ объявлять высочайшіе указы безъ всякой отвѣтственности; проектъ лишаетъ министровъ права раздавать чины и награды почти по произволу. Равнымъ образомъ устройство судебнаго сената не можетъ быть пріятно и почти всему наличному составу сената. Съ другой стороны, исключительно частныя возраженія противъ отдѣльныхъ пунктовъ доказываютъ истину и силу проекта, обезпечиваютъ ему успѣхъ, который былъ бы яснѣе для всѣхъ, если бы извѣстно было предполагаемое устройство суда и управленія въ губерніяхъ. Далѣе, по обычаю своему, Сперанскій ссылается на общественное мнѣніе и настроеніе: общее недовольство судомъ будетъ отнынѣ сильнѣе, такъ какъ проектъ доказалъ возможность новаго порядка: старый терпѣли, какъ неизбѣжное зло. Теперь необходимо, заключаетъ Сперанскій, дать успокоиться воспаленію страстей: холодный разумъ укажетъ всѣмъ,—кому яснѣе выгоды сего учрежденія (т. е. сената). Но вотъ что важно и что зависитъ исключительно отъ высочайшаго разрѣшенія: судебныя дѣла могутъ нѣкоторое время подождать, но дѣла, поступающія въ I департаментъ сената и министерскій комитетъ такъ неустроены, что если терпѣніе (очевидно ваше, т. е. государево) дошло до той степени, что неугодно вамъ еще нѣкоторое время ждать, то часть сію можно устроить такъ,—и далѣе Сперанскій предлагаетъ рядъ мѣръ, которыми существенная часть его проекта сената правительствующаго можетъ быть осуществлена незамѣтно:

1) Въ I департаментѣ сената оставить членами однихъ министровъ, остальныхъ размѣстить по другимъ департаментамъ подъ предлогомъ большого количества дѣлъ.

2) Наименовать государственныхъ министровъ и велѣть имъ присутствовать въ I департаментѣ сената и комитетѣ.

3) Рескриптомъ на имя предсѣдателя ввести въ I департаментѣ обряды, положенные (по проекту) для обыкновенныхъ собраній правит. сената.

4) Комитету министровъ предложить вмѣсто его инструкціи руководствоваться правилами, предложенными (въ проектѣ) для особаго присутствія правительствующаго сената.

5) Переименовать оберъ-прокурора I департамента въ статсъ-секретари и т. д.

Очевидно, этотъ докладъ писанъ былъ въ первые дни послѣ неудачи, въ моментъ, когда Сперанскій не совсѣмъ легко отдавалъ себѣ отчетъ въ происшедшемъ: только въ такой моментъ Сперанскій могъ посовѣтовать государю ввести реформу столь унизительнымъ путемъ. Въ чистовомъ экземплярѣ онъ справедливо осуждаетъ подобный способъ дѣйствія. «Люди противодѣйствовавшіе возмечтаютъ, что правительство не имѣло довольно твердости, чтобы идти прямо противъ пустыхъ предубѣжденій, и потому рѣшилось лучше взять околичный путь. Путь сей, всегда унизительный, можетъ быть допускаемъ въ одной только крайности обстоятельствъ. Все это будетъ имѣть видъ нѣкоторой хитрости, недостойной правительства. Люди, которые противодѣйствовали сему учрежденію не столько открытыми ихъ мнѣніями сколько потаенными путями, возмнятъ, что они въ самомъ дѣлѣ устранили ихъ разглашеніемъ и принудили правительство уклониться съ прямого пути». Указавъ далѣе на цѣлый рядъ затрудненій, отчасти принципіальнаго, отчасти практическаго характера, съ которыми встрѣтилось бы правительство, идя по первому пути, Сперанскій предлагаетъ государю: опредѣлить рѣшительно время, когда новое устройство можетъ быть введено, за 2—3 мѣсяца манифестомъ назначить выборы въ сенаторы (приложенъ и проектъ манифеста), учредить предварительный комитетъ изъ предсѣдателей департаментовъ совѣта и министра юстиціи, при манифестѣ издать и самое учрежденіе, назначить соотвѣтствующихъ лицъ на должности предсѣдателей и министра, управляющаго письмоводствомъ. Самые выборы Сперанскій полагалъ произвести обыкновеннымъ порядкомъ, т. е. такъ, какъ производились тогда дворянскіе выборы, внушивъ дворянству, чтобы оно выбирало лицъ, заслуживающихъ особаго довѣрія и уваженія, какъ по ихъ нравственнымъ свойствамъ, такъ и по опытности въ службѣ; не позволялось избирать только находящихся на дѣйствительной военной службѣ; избираемые должны были имѣть не менѣе 35 лѣтъ; окладъ жалованья имъ назна-

чался дворянствомъ, но не менѣе 3.000 руб. въ годъ.

Какъ извѣстно, государь не утвердилъ этихъ предположеній Сперанскаго; слѣдовательно, осенью 1811 г. онъ потерпѣлъ сильное пораженіе.

Тогда же государю были поданы любопытные Refléxions sur le projet du statut de senat dirigeant par M. B. Août 1811: — Мемуаръ этотъ, надо думать, написанъ М. А. Балугьянскимъ; въ архивѣ государственнаго совѣта есть мемуары его, помѣченные только двумя упомянутыми иниціалами; и по содержанію онъ обнаруживаетъ того же уважаемаго юриста, какимъ былъ Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій. Очень можетъ быть, что дружественная Сперанскому партія или убѣдила Балугьянскаго самостоятельно выступить съ политическимъ трактатомъ, или устроила дѣло такъ, что отъ имени государя ему приказано было подать мнѣніе по поводу проекта Сперанскаго.

М. В. устанавливаетъ прежде всего двѣ точки, съ которыхъ должно смотрѣть на проектъ Сперанскаго: 1) какъ на реформу только сената или 2) какъ на образованіе сословія (corps) законодательнаго.

Въ первомъ случаѣ М. В. не находитъ нужнымъ много распространяться: ясно, что новое устройство во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше прежняго, и потому авторъ ограничивается второстепенными замѣчаніями.

Иное дѣло, если смотрѣть на этотъ проектъ, какъ на первый шагъ къ конституціи: М. В. горячо доказываетъ и своевременность подобной мѣры и то, что русскій народъ вполнѣ заслуживаетъ этого. Русскій народъ флегматиченъ, трудолюбивъ, разсудителенъ и способенъ принять свободу. Направленный своимъ геніемъ къ торговлѣ и искусствамъ, онъ походитъ болѣе на англичанъ, голландцевъ, народы сѣвера, всегдашнихъ друзей свободы, чѣмъ на французовъ легкомысленныхъ, хвастливыхъ, то суевѣрныхъ, то невѣрующихъ, привыкшихъ къ деспотіи, попиравшихъ права отечества и вѣру свою. Всякій законодатель дѣлалъ изъ своего народа, что хотѣлъ. Александръ хочетъ славы, онъ будетъ ее имѣть, если установленныя имъ учрежденія дадутъ просторъ духу, а не свяжутъ цѣпи рабства. Для этого М. В. проектируетъ на-ряду съ сенатами судебнымъ и правительствующимъ сенатъ законодательный. Никакой законъ, никакой расходъ не могутъ имѣть мѣсто безъ согласія сената законодательнаго. Сенатъ законодательный составляютъ двѣ палаты, сенатъ и палата депутатовъ. Въ первую верхнюю палату входятъ: принцы крови, верховные сановники, члены государственнаго совѣта, министры, сенаторы—члены сенатовъ правительствующаго и судебнаго и лица, особо назначенныя туда государемъ. Депутаты нижней палаты избираются: дворянствомъ по 1 на губернію, императорскими (крупными) городами, академіей наукъ и университетами, духовенствомъ—по одному съ епархіи, отъ банковъ, большихъ промышленныхъ компаній. Избранными могутъ быть только собственники; исключеніе сдѣлано лишь для духовенства; профессорамъ (университетовъ) лучше бы предписать избирать *не* профессора.

Въ общемъ конституція М. В. весьма любопытный трактатъ; но еще знаменательнѣе отношеніе его къ проекту реформы сената: въ умахъ современниковъ тѣсно сплелись планъ Сперанскаго и дарованіе Россіи конституціи: то отступленіе, которое долженъ былъ сдѣлать Сперанскій, не всѣмъ еще выяснилось, какъ не выяснились еще и причины его отступленія.

Рядомъ съ конституціей Балугьянскаго существуетъ еще проектъ извѣстнаго Розенкампфа.

Противники Сперанскаго стояли на той же почвѣ, что и его союзники: независимое положеніе суда въ Россіи равнялось въ ихъ глазахъ введенію представительнаго образа правленія. Такъ ли это?

Одновременно обсуждалось и проводилось въ жизнь преобразованіе министерства. Въ ученой литературѣ давно выяснено, насколько несовершенно было первое (1802 г.) учрежденіе министерствъ. Сперанскій въ общемъ вѣрно уловилъ нѣкоторые существенные недостатки внутренней организаціи министерствъ. Главный недостатокъ реформы 1802 г. Сперанскій сводилъ къ тремъ основаніямъ: 1) недостатокъ отвѣтственности министровъ; 2) недостаточно точное раздѣленіе дѣлъ и 3) недостатокъ учрежденій (дѣла, не бывъ раздѣлены на свои степени, всѣ попрежнему стекаются въ однѣ руки и естественно производятъ пустое многодѣліе и

безпорядокъ). Все это было совершенно вѣрно, и практика 1802—1810 гг. дала убѣдительныя доказательства несовершенства реформы 1802 г. Сначала Сперанскій предложилъ новое раздѣленіе государственныхъ дѣлъ въ порядкѣ исполнительномъ (манифестъ 25 іюля 1810 г.), а почти черезъ годъ (манифестъ 25 іюня 1811 г.) издано было общее учрежденіе министерствъ.

Какъ проведены были эти реформы и какова была при этомъ роль Сперанскаго?

Въ составленіи проектовъ этихъ учрежденій онъ принималъ живѣйшее участіе. Министерства организованы были почти совсѣмъ такъ, какъ проектировалъ ихъ Сперанскій въ своемъ планѣ. Немало сохранилось доказательствъ и другого рода. Прежде всего для разсмотрѣнія учрежденій министерствъ образованъ былъ особый комитетъ, изъ предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта. Въ рескриптѣ канцлеру Н. П. Румянцеву (27 мая 1810 г.) читаемъ: «какъ предметъ сей не принадлежитъ отдѣльно ни къ одному изъ департаментовъ государственнаго совѣта, то призналъ я нужнымъ особый порядокъ для сего рода дѣлъ». Журналы комитета этого свидѣтельствуютъ, какъ сравнительно мало измѣненій онъ внесъ въ первоначальные проекты; комитетъ вносилъ только нѣкоторыя измѣненія; такъ, проектъ министерской инструкціи комитетъ нашелъ удобнымъ по образу производства, краткости и единообразію. Вторая часть наказа министерства финансовъ вызвала, кромѣ нѣсколькихъ замѣчаній, положеніе: заняться по сношеніи съ министромъ финансовъ прочнымъ образованіемъ государственнаго казначейства въ видѣ отдѣльнаго министерства и, кромѣ того, оставить въ своемъ дѣйствіи нейтральную коммиссію и экспедицію государственныхъ доходовъ. Эти проекты вносили отдѣльные министры и затѣмъ исправляли по соглашенію съ государственнымъ секретаремъ на основаніи замѣчаній, сдѣланныхъ въ комитетѣ. Уже послѣ ссылки Сперанскаго морской министръ (марк. Траверсе) просилъ возвратить ему «оригинальные и скопированные, существующіе по морскому министерству постановленія и законы, истребованные отъ него бывшимъ государственнымъ секретаремъ по случаю внесенія проекта образованія министерствъ». Сохранилась краткая записочка-письмо Сперанскаго къ гр. Н. П. Румянцеву. Сперанскій имѣлъ въ рукахъ на часъ трудъ Вестмана—учрежденіе министерства иностранныхъ дѣлъ; Сперанскій наскоро сдѣлалъ небольшое извлеченіе изъ проекта; отмѣтимъ, что въ существенномъ идеи Вестмана мало различаются отъ его собственныхъ идей,—и что наиболѣе рѣзкое отличіе въ томъ, что Сперанскій проектировалъ для этого министерства три департамента, тогда какъ Вестманъ—только два. Въ еще болѣе оживленныхъ сношеніяхъ были тогда Сперанскій съ Гурьевымъ, министромъ финансовъ; сохранилось немало записочекъ Сперанскаго къ Гурьеву, помѣченныхъ днями; то онъ сообщаетъ Гурьеву начала финансовой системы—«начала сіи не мои и весь трудъ мой состоитъ только въ выборѣ ихъ изъ лучшихъ извѣстныхъ вамъ писателей»,—то онъ предваряетъ Гурьева, о чемъ, вѣроятно, съ нимъ будетъ говорить государь; то онъ обращаетъ вниманіе министра финансовъ на банкира Ралля, то оговаривается съ Гурьевымъ, какъ провести въ департаментѣ экономіи изъятія по случаю новаго налога на вино въ пользу Финляндіи, Курляндіи и литовскихъ губерній, на что онъ, Сперанскій, получилъ повелѣніе; «если завтра пожалуете, то и о семъ, можетъ быть, побесѣдуемъ», заключаетъ Сперанскій.

Сперанскій вѣрно изобразилъ свою роль въ этой реформѣ въ пермскомъ письмѣ; по его словамъ, имъ составленъ былъ общій уставъ, составленіе же частныхъ уставовъ возложено было на отдѣльныхъ министровъ. «Здѣсь и начались трудности, ибо каждый министръ, считая ввѣренное ему министерство за пожалованную ему деревню, старался наполнить ее людьми и деньгами. Тотъ, кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель государства—это былъ я». Сперанскому одному пришлось вести тяжбу противъ восьми сильныхъ.

Едва ли этотъ отзывъ преувеличенъ; при господствѣ личныхъ отношеній, понятна вражда, которую долженъ былъ возбудить противъ себя смѣлый организаторъ. Эти нападки, также нападки за сенатъ,—онъ и считалъ въ письмѣ изъ Нижняго-Новгорода главною причиною своей погибели, когда говорилъ, что Планъ былъ главной и единственной причиной того, что съ нимъ случилось.

*

Безусловно Сперанскій принималъ большое и сильное участіе въ подготовленіи, исправленіи и окончательной отдѣлкѣ вносимыхъ въ совѣтъ и комитетъ председателей проектовъ учрежденій и министерскихъ наказовъ; онъ былъ душою всего этого сложнаго дѣла. Оно вылилось въ двухъ названныхъ манифестахъ 1810 и 1811 гг.

Манифестомъ 1810 г., 25 іюля, было обнародовано новое раздѣленіе государственныхъ дѣлъ; комитетъ министровъ въ засѣданіи 4 августа могъ уже распредѣлить дѣла согласно новому образованію министерствъ. Огромное это дѣло далеко не было закончено къ началу 1812 г., оно остановилось, очевидно, вслѣдствіе паденія Сперанскаго.

Спрашивается, насколько удачно было это переустройство министерской системы?

Самая сильная сторона реформы Сперанскаго—внутренняя организація министерствъ. Недостатки положенія 1802 г. къ 1810 г. сказались сильно (записки Кочубея, Трощинскаго). Отнынѣ коллегіальное начало уничтожено и министерства организованы, какъ строго бюрократическія учрежденія. Министерства «установлены на тотъ конецъ, чтобы непрерывнымъ дѣйствіемъ ихъ и надзоромъ доставить законамъ и учрежденіямъ скорое и точное исполненіе»; министръ имѣлъ полную возможность понуждать всѣ подчиненныя ему мѣста и лица къ исполненію законовъ и учрежденій; всякое дѣло по своему усмотрѣнію министръ можетъ предназначить къ своему разрѣшенію.

Учрежденіемъ министерствъ Сперанскій чрезвычайно гордился: «смѣю утверждать съ достовѣрностью, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ. Оно лежитъ теперь покрыто пылью и прахомъ, но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ». Послѣднія слова не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Въ 1814 г. министерства находились въ такомъ же положеніи, въ которомъ ихъ оставилъ Сперанскій въ 1812 г.

Безусловно, по своей организаціи строго бюрократической они значительно превосходятъ учрежденія 1802 года. Въ министерствахъ, одинаково устроенныхъ, хорошо дисциплинированныхъ, верховная власть получила сильное и надежное орудіе для проведенія въ жизнь своихъ предначертаній; къ тому же министерства оказались оружіемъ чрезвычайно гибкимъ. Нельзя, однако, восхищаться этимъ учрежденіемъ въ той мѣрѣ, въ какой имъ восхищается самъ творецъ ихъ. Избранныя Сперанскимъ системы очень хороши при условіи дѣйствительной отвѣтственности министровъ предъ собраніемъ представителей. Послѣ отказа отъ учрежденія думы вопросъ о министерствахъ слѣдовало пересмотрѣть; быть можетъ при тогдашнихъ условіяхъ, при отсутствіи отвѣтственности, невыгодно было для дѣла ввѣрять министру столь огромную власть и давать въ его распоряженіе вѣдомство, въ которомъ всѣ и каждый были въ полной зависимости отъ него. Вмѣсто рѣшенія этого вопроса Сперанскій ограничился созданіемъ новаго порядка отвѣтственности, весьма далекаго отъ прежняго.

Вслѣдствіе спѣшности и того, что основанія плана мѣнялись, явилось противорѣчія, замѣченныя уже тогда (Сборн. Имп. рус. ист. общ., т. 90, стр. 60), противорѣчія весьма важныя въ порядкѣ, коими министры должны были испрашивать отмѣну, ограниченія и дополненія прежнихъ положеній: по ст. 228 они должны были по такимъ предметамъ обращаться въ государственный совѣтъ, а по ст. 235—въ правительствующій сенатъ, а по ст. 232 могли даже обратиться непосредственно къ Государю! Между тѣмъ вопросъ этотъ чрезвычайно важный: Сперанскій хорошо зналъ, что именно такимъ путемъ ослаблялась и даже уничтожалась сила закона. Существеннымъ недостаткомъ положенія 1802 года Сперанскій считалъ то, что «дѣла, не бывъ раздѣлены на свои степени, всѣ по прежнему стекаются въ однѣ руки и естественно производятъ многодѣліе и безпорядокъ», т. е., что рѣшеніе всякаго дѣла зависѣло отъ министра, который былъ поэтому заваленъ мелочами. Сперанскій опредѣлилъ кругъ дѣлъ, которыя директора департаментовъ имѣли право разрѣшать сами. Практическихъ послѣдствій отъ этого не было: чиновники подчиненные отвѣчали передъ министромъ только за вѣрность въ изложеніи дѣла на бумагѣ; избѣгая отвѣтственности, подносили всѣ дѣла на разрѣшеніе министра.

Недостатки эти—слѣдствіе послѣдовательно проведеннаго уничтоженія коллегіальнаго начала въ министерствахъ. Въ

настоящее время послѣ продолжительнаго опыта можно сказать, что въ монархическомъ государствѣ при безотвѣтственности министровъ управленіе выигрываетъ при сохраненіи въ министерствахъ нѣкоторыхъ коллегіальныхъ органовъ. Сперанскій сознавалъ это и самъ организовалъ въ министерствахъ совѣты министровъ и общія присутствія департаментовъ; но составъ этихъ учрежденій, изъ лицъ вполнѣ зависимыхъ отъ министра (или директора) привелъ къ тому, что значеніе ихъ было ничтожно; и въ комитетѣ 1826 г. признано было необходимымъ составить совѣты изъ людей, независимыхъ отъ министра; хотя это не осуществилось, но во всѣхъ министерствахъ послѣдовательно возникъ цѣлый рядъ коллегіальныхъ учрежденій (мануфактурный совѣтъ 1828 г., коммерческій—1829 г., ученые комитеты и т. п.).

Раздѣленіе дѣлъ по министерствамъ 1811 г. въ теоріи значительно совершеннѣе перваго раздѣленія 1802 г.: оно систематично, ибо выходитъ изъ начала, что исполнительный порядокъ есть приведеніе въ дѣйствіе закона, и потому, какъ раздѣляются законы, такъ же должно быть раздѣлено и управленіе. Сообразно этому получается пять главныхъ частей управленія: а) внѣшнія сношенія = 1) министерство иностранныхъ дѣлъ; б) устройство внѣшней безопасности = 2) военное и 3) морское министерства; в) публичная экономія—народная промышленность=4) министерство внутреннихъ дѣлъ, доходы= 5) министерство финансовъ, расходы = 6) государственное казначейство, провѣрка счетовъ=7) государственный контроль; г) устройство внутренней безопасности = 8) министерство полиціи; д) устройство и надзоръ суда=9) министерство юстиціи.

Сверхъ того Сперанскимъ указаны были части управленія, которыя не могли быть подведены подъ указанное начало, а именно дѣла духовныя и, наконецъ, такія части, какъ учебныя заведенія, почты и пути сообщенія, которыя всѣ могли бы быть отнесены къ министерству внутреннихъ дѣлъ, но которыя по соображеніямъ практическимъ удобнѣе и целесообразнѣе было бы выдѣлить въ самостоятельныя вѣдомства. Отсюда возникли: 10) министерство народнаго просвѣщенія, 11) главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, 12) главное управленіе почтъ и 13) путей сообщенія. Большая заслуга Сперанскаго, что всѣ крупныя задачи управленія онъ выдѣлилъ въ самостоятельныя министерства, не подчиняя все управленіе интересамъ фискальнымъ и полицейскимъ (Коркуновъ). Два вѣдомства — полиціи и финансовъ—поглощали народныя силы и сбереженія; главы этихъ вѣдомствъ всегда являлись господами нашего внутренняго управленія: не только комитетъ министерствъ, но и совѣтъ и сенатъ послушно склонялись предъ требованіями этихъ двухъ министровъ. Нельзя поэтому не одобрять идеи раздѣленія министерства финансовъ, и противоположенія ему министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ вѣдомства земледѣлія, торговли и промышленности. Идея эта нѣтъ-нѣтъ да и проскальзывала во внутренней политикѣ; только съ 1905 г. явилось отдѣльное министерство торговли и промышленности.

Отказаться отъ этой идеи значило быть равнодушнымъ къ производительнымъ силамъ страны. Совершенно правильно также выдѣленіе контроля въ самостоятельное вѣдомство, хотя организовать контроль Сперанскому не удалось.

Ошибки Сперанскаго сводятся къ пренебреженію общественнымъ мнѣніемъ съ одной стороны и къ переоцѣнкѣ силы центральныхъ учрежденій — съ другой. Созданіе новыхъ учрежденій потребовало значительнаго увеличенія чиновниковъ и расходовъ; и то и другое было одинаково не по средствамъ Россіи. Уже первое образованіе министерствъ отвлекло лучшія силы изъ провинціи, реформа-же 1810 — 1811 г. имѣла послѣдствіемъ полное обезлюденіе провинціи. Облагороженная, на виду, хорошо оплачиваемая, со скорой карьерой—канцелярская служба въ столицѣ стала привлекательна для молодого поколѣнія; еще недавно презираемая, служба эта стала конкуррентомъ военной службѣ.

Въ виду недостатка въ деньгахъ и людяхъ, а также иногда и высшей политики, созданная имъ система центральныхъ учрежденій не разъ подвергалась болѣе или менѣе сильнымъ измѣненіямъ; въ 1817 г. образовано такъ наз. соединенное министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; далѣе весьма неудачнымъ оказалось названіе министерства полиціи,

чѣмъ и обусловилось его скорое (въ 1819 г.) присоединеніе къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Новое образованіе Государственнаго Совѣта.

Проектъ сенатовъ не прошелъ, т. е. былъ отложенъ и до сихъ поръ не увидѣлъ свѣтъ. Министерства были преобразованы на началахъ, указанныхъ Сперанскимъ; реформу ихъ ему не удалось довести до конца и скоро дѣло его было испорчено обстоятельствами времени и людьми, наслѣдовавшими ему. Только одна часть его плана — реформа государственнаго совѣта была проведена цѣликомъ.

Реформа эта вызвала тогда, вызываетъ и теперь не мало нареканій. Сперанскій справедливо указывалъ, что судятъ о части, не зная цѣлаго. Но и въ настоящее время многіе склонны видѣть въ совѣтѣ не то, чѣмъ онъ долженъ былъ быть по замыслу Сперанскаго (Покровскій), т. е. продолжаютъ смотрѣть на учрежденіе 1810 г. 1 января, какъ на пробную конституцію, «парламентъ по назначенію, нѣчто неслыханное и невиданное». Цѣль созданія такого удивительнаго учрежденія раскрылъ самъ организаторъ его, Сперанскій, въ отвѣтѣ, поражающемъ своею «до цинизма доходящею откровенностью», т. е. что совѣтъ долженъ «отвѣтствовать» за возвышеніе податей, налоговъ и т. п.

Совѣтъ поставленъ, конечно, не вполнѣ удачно; въ значительной степени это объясняется его исторіей; по первоначальному «Плану» онъ долженъ былъ быть довѣреннымъ совѣтомъ около государя (см. выше); затѣмъ Сперанскій отступилъ, призналъ необходимымъ сохранить самодержавіе, уничтожилъ государственную думу, короче, рѣшился ввести законность при сохраненіи самодержавія. Если и можетъ быть рѣчь о какомъ либо ограниченіи власти, то только нравственномъ, т. е. что государь Александръ Павловичъ рѣшился избрать себѣ совѣтниковъ и отнынѣ утверждать мнѣнія большинства. Но, если государь и принялъ такое рѣшеніе для себя, то прежде всего оно нигдѣ выражено не было. Ст. 2 образованія гласитъ что всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ, а ст. 3—«никакой законъ, уставъ и учрежденіе *не исходитъ* изъ совѣта и не можетъ имѣть совершенія *безъ утвержденія* верховной власти».

Отсюда ясно, что закономъ въ русской жизни отнынѣ становилось то, что разсмотрѣно совѣтомъ, какъ таковое, и утверждено государемъ. Этимъ путемъ Сперанскій устанавливалъ важное различіе между закономъ и указомъ; но вмѣстѣ ясно, что совѣтъ имѣлъ только законосовѣщательное значеніе.

Тѣмъ не менѣе многіе поняли тогда, понимаютъ и теперь, что совѣтъ имѣлъ законодательное значеніе. Причины такого явленія— манифестъ и тѣ пышныя формы, въ которыя облекъ производство дѣлъ въ совѣтѣ Сперанскій. Члены совѣта—законодательное сословіе; формула утвержденія—«вняв мнѣнію совѣта»; послѣ прекрасныхъ разъясненій Коркунова едва ли нужно доказывать, насколько эти блестящія формы не соотвѣтствовали дѣйствительности. Однако Сперанскому должно поставить въ вину, что многіе тогда поняли дѣло иначе. Особенно важно, даже подозрительно, мнѣніе Мордвинова, ближайшаго соратника Сперанскаго, назначеннаго предсѣдателемъ департамента экономіи при участіи Сперанскаго: «самодержавный государь, удѣляя подданнымъ своимъ часть своей власти, долженъ былъ назначить и предѣлы оной». Манифестъ долженъ былъ быть написанъ проще и яснѣе. Сперанскій хвалился тѣмъ, что въ совѣтѣ законы обсуждались съ неслыханною до того времени свободою. Едва ли исторія повторитъ такой отзывъ: самое обсужденіе многочисленныхъ проектовъ Сперанскаго (финансы, финляндскія дѣла, сводъ законовъ) указываетъ на робость критики; многія мнѣнія въ совѣтѣ очень краснорѣчивы, вѣрнѣе многорѣчивы, наполнены общими мѣстами, пышными вступленіями — это правда, но отсюда до дѣловитости и свободы еще очень далеко. Организація дѣлопроизводства въ совѣтѣ Сперанскій также значительно стѣснилъ свободу сужденій, что замѣтили его современники: канцелярія вмѣсто того, чтобы имѣть только служебное значеніе, весьма вліяла на самыя мнѣнія, ибо подготовляла дѣла. Въ первые годы Сперанскій самою близостью своею къ государю давилъ, можно сказать, государственный совѣтъ. При немъ государственная канцелярія вмѣстѣ съ комис-

сіей составленія законовъ образовали министерство преобразованій. Нечего и говорить о томъ, что онъ совершенно вышелъ изъ той объективной роли, въ которой долженъ пребывать государственный секретарь; образчики его отношенія къ мнѣніямъ совѣта (о сенатѣ) были приведены выше. Если у него и была мысль о томъ, что государь долженъ бы всегда утверждать мнѣнія большинства, то онъ самъ же толкнулъ государя на противоположную дорогу. Къ тому же журналы совѣта Сперанскій докладывалъ государю *лично*; впослѣдствіи былъ принятъ гораздо болѣе правильный порядокъ отсылки журналовъ (меморій) совѣта государю.

День открытія совѣта (1 января 1810 г.) былъ днемъ торжества Сперанскаго; государь прочиталъ въ собраніи рѣчь, написанную Сперанскимъ; манифестъ объ образованіи совѣта — также произведеніе его пера; несомнѣнно, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ назначеніи какъ членовъ совѣта, такъ и предсѣдателей его департаментовъ. Такъ, Н. С. Мордвиновъ вызванъ былъ въ Петербургъ рескриптомъ отъ 24 декабря 1809 г., рескриптъ сопровождался пояснительнымъ письмомъ Сперанскаго Мордвинову. Самъ Сперанскій въ этотъ день назначенъ былъ государственнымъ секретаремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ директоромъ коммиссіи составленія законовъ.

Сперанскій имѣлъ основаніе предполагать, что правильно поставленный, независимый судъ будетъ на стражѣ закона (см. выше); на первое время и это казалось ему достаточнымъ. Исходною точкою его плана было убѣжденіе, повторенное въ нижегородскомъ письмѣ, что идеи эти, т. е. идеи правды и закона, онъ нашелъ въ душѣ монарха; онъ могъ и долженъ былъ вѣрить, что монархъ всегда будетъ охранять какъ независимость суда, такъ и силу его рѣшеній. Дорогое ему всегда начало законности торжествовало и безъ политической реформы, трудность которой онъ оцѣнилъ.

Въ настоящее время ясно, что средства, предложенныя Сперанскимъ первоначально (политическая реформа), были дѣйствительнѣе, чѣмъ попытка организовать независимый судъ и поставить его на стражѣ общественнаго блага.

Безъ особеннаго преувеличенія можно сказать, что первое время государственный совѣтъ занятъ былъ, главнымъ образомъ, разсмотрѣніемъ проектовъ государственнаго секретаря.

Департаментъ законовъ, а затѣмъ общее собраніе, 43 засѣданій посвятили проекту первыхъ двухъ частей гражданскаго уложенія.

Комиссія составленія законовъ «досталась» Сперанскому въ августѣ 1808 г.; приступилъ онъ къ занятіямъ въ комиссіи лишь послѣ возвращенія изъ Эрфурта. Еще къ началу 1808 г. комиссія эта, стала въ своей работѣ на вѣрную точку зрѣнія: вмѣсто *собиранія* и *исправленія* законовъ рѣшено было только *извлечь* дѣйствующіе законы изъ массы разновременно изданныхъ законовъ и утвердить ихъ на непоколебимомъ основаніи права. Но у комиссіи, и въ особенности у руководителей, не хватило умѣнья найти правильный методъ для осуществленія правильно поставленной задачи. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Сперанскій принялся распоряжаться въ комиссіи. По общему признанію историковъ-юристовъ (Корфъ, Дмитріевъ, Филипповъ), для столь сложнаго дѣла ему прежде всего не хватало знанія; легкость, съ которою онъ взялся за него, поразительна, она можетъ быть объяснена лишь нашими традиціями XVIII вѣка: Сперанскій, не составлялъ исключенія изъ правила, по которому каждый сколько нибудь образованный человѣкъ считалъ себя вправѣ заниматься составленіемъ законовъ. Сперанскій тогда еще не зналъ нѣмецкаго языка; слѣдовательно, къ его услугамъ была англійская и французская юридическія литературы. Общепризнано, что онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Наполеонова кодекса. При такихъ условіяхъ и Сперанскому казалось легче сразу составить *уложеніе*, тѣмъ болѣе, что образецъ (французскій) былъ передъ глазами.

Первымъ шагомъ Сперанскаго было, какъ всегда у него, преобразованіе самой комиссіи, новые штаты комиссіи.

Перемѣны эти не были существенны: до Сперанскаго во главѣ работъ стояли референдаріи, послѣ его «реформъ»— начальники отдѣленій. Въ совѣтъ комиссіи вошли вліятельные люди (кн. Лопухинъ, гр. Завадовскій, Новосильцевъ, кн. Чарто-

рыйскій, гр. Потоцкій, самъ Сперанскій и сенаторы Алексѣевъ и Карнѣевъ; санкція этихъ лицъ должна была обезпечить успѣхъ трудамъ комиссіи. Въ такомъ видѣ комиссія просуществовала недолго, лишь до 1 янв. 1810 г., когда она была обращена въ учрежденіе, при государственномъ совѣтѣ состоящее. Совѣтъ комиссіи былъ упраздненъ, члены его назначены были членами преобразованнаго совѣта. Теперь комиссія получила начальника въ лицѣ директора, который по самому званію своему засѣдалъ въ департаментѣ законовъ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Директоромъ ея былъ назначенъ Сперанскій. Всѣ предварительныя начертанія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, также уставовъ и учрежденій, составленныхъ внѣ комиссіи, отнынѣ должны были чрезъ государственнаго секретаря поступать въ комиссію и съ ея мнѣніемъ поступали въ департаментъ законовъ.

Такимъ образомъ комиссія собственно обращалась въ одно изъ отдѣленій государственной канцеляріи (Майковъ).

Что же помѣшало слить ихъ въ одно учрежденіе? «Званіе государственнаго секретаря, отдѣльно взятое, нетрудно, но соединенное со званіемъ директора комиссіи законовъ и въ связи съ работами всякаго рода, на меня возложенными лично,—весьма тягостно и для силъ моихъ невозможно» — отвѣтъ Сперанскаго, данный имъ въ 1812 г., когда онъ сознавалъ всю трудность составленія свода. Въ концѣ 1809 г., когда все это соображалось, мотивы были, кажется, другого рода. Къ законодательнымъ работамъ своимъ Сперанскій тогда и въ 1810 г. еще относился легко: изъ своего времени Сперанскій удѣлялъ утро каждаго понедѣльника дѣламъ совѣта: что было одобрено, выработано имъ въ утро, что его писцы успѣли переписать на бѣло, то и вносилось въ совѣтъ.

Мотивы реформы были въ значительной степени личные. До 1810 г. главою комиссіи оставался кн. Лопухинъ; по свидѣтельству Ильинскаго, «кн. Лопухинъ нерасположенъ былъ къ Сперанскому, а Розенкампфъ прибѣгалъ болѣе къ князю, и тѣмъ сдѣлались надъ комиссіею начальники въ чувствованіяхъ и усердіи несогласны». Для удаленія Лопухина, прежде всего, и была произведена реформа; во-вторыхъ, она же обосновывала исключительное положеніе Сперанскаго: всякое дѣло, касавшееся уставовъ или учрежденій, составленное и внѣ комиссіи, вносилось съ его заключеніемъ въ совѣтъ, и наконецъ благодаря званію директора, онъ становился членомъ департамента законовъ, хотя и не равноправнымъ остальнымъ.

Когда Сперанскій начиналъ свои работы по составленію Уложенія, онъ разсчитывалъ на помощь и содѣйствіе иностранныхъ ученыхъ, особенно французовъ; въ числѣ корреспондентовъ комиссіи числилось не мало знаменитыхъ иностранныхъ юристовъ, но дѣйствительной помощи отъ нихъ не было, да и могла ли она быть, разъ до Сперанскаго комиссія хотѣла (и правильно) составить русское уложеніе изъ русскихъ законовъ. Манифестъ 1 января 1810 г. объявилъ Россіи, что первая часть гражданскаго уложенія уже окончена и что другія части непрерывно послѣдуютъ за нею. Эта первая часть и была вручена государемъ гр. Н. П. Румянцеву въ тотъ же достопамятный день. Но Россія такъ и не увидѣла этого гражданскаго уложенія.

Сперанскій свернулъ съ правильной дороги, на которую не безъ труда стала комиссія въ 1808 г.; онъ пересталъ извлекать статьи уложенія изъ русскихъ законовъ. Государственный совѣтъ разсматривалъ сначала первую часть (права лицъ), затѣмъ и вторую (вещественное право).

Совѣтъ при разсмотрѣніи требовалъ отъ Сперанскаго на каждую статью ссылки изъ русскихъ законовъ, изъ которыхъ велѣно было составить уложеніе. Требованія этого комиссія исполнить вполнѣ не могла, хотя и пробовала отписаться канцелярскимъ путемъ, подводя иногда многіе законы подъ одну статью (Ильинскій). Къ концу 1810 г. совѣтъ окончилъ разсмотрѣніе первыхъ двухъ частей; онѣ были напечатаны для пересмотра ихъ въ исправленномъ видѣ, но больше уже до ссылки Сперанскаго въ совѣтъ не поступало. Третья часть гражданскаго уложенія представлена была въ 1813 г., но въ 1815 г. по представленію Трощинскаго пересмотръ, начатый въ 1814 г., былъ совѣтомъ остановленъ.

Мнѣніе Карамзина (Записка о древней и новой Россіи) нашло сильное сочувствіе въ совѣтѣ—и тамъ раздались голоса, что все это почерпнуто изъ Наполеонова уложе-

нія и совсѣмъ «противно духу россійскихъ законовъ и даже по грамматической словесности недостаточно; что первая часть написана такъ, чтобы, возмутя море, утопить одну муху».

Въ пермскомъ письмѣ Сперанскій защищаетъ и эту свою дѣятельность, называя ложью или незнаніемъ обвиненіе въ томъ, будто уложеніе есть переводъ съ французскаго или близкое подражаніе. Сходство, котораго онъ отрицать не могъ, объяснялъ тѣмъ, что «въ источникѣ своемъ, т. е. въ римскомъ правѣ, всѣ уложенія всегда будутъ сходны». Но можно ли считать римское право—источникомъ русскаго уложенія—этого Сперанскій еще не зналъ и въ Перми.

Въ первомъ торжественномъ собраніи совѣта государь вручилъ гр. Н. П. Румянцеву, кромѣ первой части гражданскаго уложенія, и планъ финансовъ. Разсмотрѣніе финансоваго плана поставлено было въ числѣ предметовъ, на которые совѣтъ долженъ былъ обратить свое вниманіе въ первыхъ же своихъ собраніяхъ, ибо этого требовало положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Планъ этотъ также былъ представленъ государю Сперанскимъ; въ дѣйствительности же Сперанскому принадлежитъ только переработка записки, составленной все тѣмъ же М. А. Балугьянскимъ. Передѣлка Сперанскаго подверглась въ 1809 г. обсужденію по словамъ гр. М. А. Корфа за обѣдами въ домѣ гр. С. Потоцкаго, по словамъ Сперанскаго—въ комитетѣ, который собирался въ домѣ Гурьева. Вѣроятно, были и тѣ и другія собранія; въ домѣ Потоцкаго въ собраніяхъ принимали участіе, кромѣ двухъ авторовъ и хозяина дома, Мордвиновъ, Кочубей и Кампенгаузенъ. Во всякомъ случаѣ плану заранѣе обезпечено было сочувствіе и поддержка со стороны главныхъ финансовыхъ дѣятелей, ибо съ 1 января 1810 г. Мордвиновъ сталъ предсѣдателемъ департамента экономіи, Гурьевъ — министромъ финансовъ, а Кампенгаузенъ—сначала государственнымъ казначеемъ, а затѣмъ (съ 1811 г.) государственнымъ контролеромъ. Вѣроятно, бывшій (до 1810 г.) министромъ финансовъ Голубцовъ признанъ былъ неспособнымъ усвоить новыя идеи, и тогда же предрѣшено было замѣнить его Гурьевымъ, о назначеніи котораго впослѣдствіи въ Перми Сперанскій отозвался очень характерно: его считали за честнаго человѣка и устрояли *подъ его руководствомъ*; но и онъ вздумалъ умничать». Можно допустить, что для проведенія финансоваго плана образовался кружокъ изъ вліятельныхъ лицъ, во главѣ которыхъ стали Сперанскій и Мордвиновъ; къ этому кружку примкнули и другіе, въ томъ числѣ и Гурьевъ (тогда, въ 1809 г. товарищъ министра финансовъ); позволительно думать, что Гурьевъ присоединился не по внутреннему убѣжденію своему, ибо съ начала 1812 г. онъ перешелъ на сторону враговъ финансоваго плана.

Положеніе русскихъ финансовъ тогда было дѣйствительно тяжелое, по смѣтѣ 1810 г. доходовъ—105 м. р., расходовъ—230 м. р., ассигнацій—517 м. р., курсъ которыхъ быстро падалъ. Денежныхъ знаковъ, бывшихъ въ обращеніи, было:

Золота	24 м. р.
Серебра	195 м. р.
Мѣди	98 м. р.
Ассигнацій	577 м. р.

Планъ Балугьянскаго - Сперанскаго въ главныхъ чертахъ своихъ сводился: 1) къ изъятію изъ обращенія ассигнацій, для чего долженъ былъ образоваться капиталъ погашенія; 2) къ твердому устройству монетной системы, 3) къ установленію равновѣсія между расходами и доходами,—это все предметы государственнаго хозяйства; въ области народнаго хозяйства прежде всего развитіе торговли. (Куломзинъ, 45 т. Сб. И. Р. И. О.).

Послѣ Сперанскаго наиболѣе горячимъ сторонникомъ этого плана былъ Н. С. Мордвиновъ, который, какъ въ своихъ мнѣніяхъ, такъ и въ мнѣніяхъ департамента экономіи, настойчиво проводилъ, прежде всего, изъятіе ассигнацій чрезъ замѣну ихъ банковыми свидѣтельствами.

Въ теоріи, конечно, трудно возражать противъ основныхъ положеній плана; и объ этомъ, финансовомъ, вопросѣ приходится повторить то же, что выше сказано было о политической реформѣ Сперанскаго: основныя положенія плана вѣрны и тѣ же сто лѣтъ, отдѣляющія насъ отъ 1810 г., убѣждаютъ въ томъ, какъ важно государству вмѣсто бумажныхъ денегъ имѣть звонкую монету, насколько выгоднѣе внутренніе и внѣшніе займы новыхъ вы-

пусковъ бумажныхъ денегъ; противъ равновѣсія расходовъ съ доходами никто, разумѣется, спорить не будетъ.

Другой вопросъ—*какъ* достигнуть этого? Улучшить государственное хозяйство страны, кажется, труднѣе даже, чѣмъ провести политическую реформу.

На Сперанскомъ и его друзьяхъ прежде всего лежитъ отвѣтственность за выборъ времени для финансовыхъ реформъ: Россія была въ войнѣ съ Турціей, отношенія къ Франціи выяснились, опасность войны съ нею должна быть принята во вниманіе; страна страдала и несла сильные убытки отъ континентальной системы; предстояли большія и крупныя реформы административнаго характера, которыя должны были, прежде всего, привлекать все вниманіе правительства: при такихъ условіяхъ нужна была сугубая осторожность во всѣхъ финансовыхъ мѣрахъ.

Во-вторыхъ, кружокъ Сперанскаго былъ проникнутъ слишкомъ большимъ оптимизмомъ и ставилъ вопросъ слишкомъ рѣшительно. Вотъ письмо Сперанскаго къ Мордвинову (октябрь 1810 г.): «Я тѣмъ болѣе утвердился въ вашихъ (Мордвинова) заключеніяхъ и, сколько голосъ мой ни маловаженъ, буду защищать начала сіи вездѣ и передъ всѣми; буду, какъ Кассандра, провозвѣщать бѣдствія, кои неминуемо изъ легкихъ и половинныхъ мѣръ и поправленій временныхъ и несовокупныхъ должны послѣдовать. Успѣха не надѣюсь, но буду все дѣлать для очищенія совѣсти».

Но кружокъ Мордвинова повидимому легкомысленно смотрѣлъ на дѣло. Что другое можно сказать о письмѣ Н. С. Мордвинова государю по поводу принятыхъ департаментомъ, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ, мѣръ; письмо отъ 12 января 1812 г., наканунѣ краха, въ немъ Мордвиновъ не только сулитъ Александру Павловичу незабвенный памятникъ въ исторіи народа, обѣщаетъ, что, слѣдуя намѣченной финансовой политикѣ, государь не только въ состояніи будетъ облегчить народъ отъ откуповъ, многихъ личныхъ повинностей, но и приготовить безъ всякихъ налоговъ запасный военный капиталъ и даже вообще по всѣмъ частямъ государственнаго управленія составить особые капиталы, которые современемъ могли бы достаточны быть не токмо каждой изъ нихъ съ подвѣдомственными ей вѣтвями въ предначертанное совершенство, но и *на содержаніе всѣхъ оныхъ независимо отъ налоговъ*!

Государств. совѣтъ очень скоро въ 1810 г. согласился на финансовый планъ,—новое доказательство слабости тогдашняго совѣта и неосновательности возлагавшихся на него надеждъ. Манифестомъ 2 февраля 1810 г. объявлено было: новый выпускъ ассигнацій отнынѣ пресѣкается. Отнынѣ все производство государственнаго ассигнаціоннаго банка будетъ состоять въ одномъ промѣнѣ ветхихъ ассигнацій на новыя. Далѣе, очевидно, для вящшаго подкрѣпленія, купечеству Петербурга, Москвы и Риги повелѣно было выбрать по одному сочлену своему въ число директоровъ банка. 20 іюня 1810 г. главною непремѣняемою монетою объявленъ серебряный рубль; 29 августа велѣно было всѣ подряды и поставки казенные заключать на серебро; обѣщано было усилить, сколь возможно, чеканку серебряной монеты и послѣ всего этого въ 1812 г. (Сперанскаго уже не было) съ апрѣля правительству пришлось прибѣгнуть къ новымъ выпускамъ ассигнацій и установить правило, что всѣ подати, налоги могутъ быть платимы исключительно ассигнаціями; въ 1812 г. выпущено было ассигнацій на 142 м. р., а въ слѣдующемъ—120 м. р., итого 262, такъ что къ 1814 г. ассигнаціонный долгъ возросъ съ 577 м. р. до 834 м. р. Критическое положеніе русскихъ финансовъ въ 1812-1814 годы слишкомъ извѣстно. Образовать капиталъ погашенія также не удалось. Капиталъ предполагалось составить: а) продажею государственныхъ имуществъ (оброчныхъ статей, казенныхъ лѣсовъ, арендныхъ имѣній и др.) и внутреннимъ займомъ въ 100 м. р., на 183 м. р. предполагалось продать государственныхъ имуществъ, съ разсрочкою операціи на 5 лѣтъ; заемъ также раздѣлялся на 5 частей. Для большаго успѣха продажи купцамъ 1 гильдіи и иностраннымъ капиталистамъ дозволено было покупать и населенныя казенныя имѣнія и владѣть ими на помѣщичьемъ правѣ.

Продажа пошла чрезвычайно слабо, заемъ не удался; между тѣмъ продажа имѣла роковыя послѣдствія для класса казенныхъ крестьянъ. 15-ый пунктъ манифеста 2 февраля обѣщалъ лучшее устройство сего класса людей, который терпѣлъ «важныя

отягощенія. Въ огражденіе ихъ на будущее время въ теченіе сего года приняты будутъ всѣ нужныя мѣры». Вслѣдствіе же назначенія казенныхъ земель въ продажу повелѣно было прекратить переселенія казенныхъ крестьянъ, и даже тѣхъ, у которыхъ земли было совсѣмъ недостаточно. Въ двадцатыхъ годахъ предъ правительствомъ, по свидѣтельству тогдашняго министра финансовъ Канкрина, раскрылась тяжелая картина бѣдственнаго положенія казенныхъ крестьянъ, когда даже въ «лучшихъ» губерніяхъ приходилось по 2—3 десятины на ревизскую душу, а въ нѣкоторыхъ и по одной. Недостатокъ земли у казенныхъ крестьянъ чувствовался всегда, но особенно ощутителенъ онъ сталъ съ 1812 г., когда переселенія были пріостановлены по случаю предположенной продажи оброчныхъ статей.

Средствъ для погашенія ассигнацій было недостаточно; хуже было то, что доходовъ не хватало на расходы, а между тѣмъ близилась война. Единственнымъ средствомъ оказалось возвышеніе налоговъ; эта всегда тяжелая операція была проведена и слишкомъ стремительно и безъ всякаго вниманія къ тѣмъ, кто платилъ налоги. Сперанскій разсуждалъ довольно правильно, когда писалъ, что отъ паденія курса ассигнацій многіе плательщики налоговъ и податей выиграли, и что, слѣдовательно, они должны быть привлечены къ погашенію ассигнацій чрезъ возвышеніе налоговъ и податей. Въ письмѣ своемъ онъ отмѣчаетъ, что къ 1810 г. доходы государственные состояли въ 125 мил. руб, а къ 1812 г. они были увеличены до 300 мил., т. е. въ два года на 175 мил. р. Если бы Сперанскій былъ опытнѣе, онъ понялъ бы, что нельзя повышать налоги въ такомъ размѣрѣ, что это не только должно вызвать сильнѣйшій ропотъ, но можетъ привести страну къ полному кризису въ народномъ хозяйствѣ. Если страна могла справляться съ подобнымъ возвышеніемъ налоговъ, то благодаря лишь новому, исключительному паденію ассигнацій, ибо если въ 1810 г. 1 ассигнаціонный рубль равнялся половинѣ серебрянаго, въ 1812 г. за серебряный рубль давали 4 и даже 5 р. ассигнаціонныхъ; уже въ 1811 г. недоимки образовалось 30 мил. р. Затѣмъ въ манифестѣ 1810 г. прибавки въ податяхъ установлены были на 1810 г., а увеличеніе подушной подати объявлено *единственно* на текущій годъ; въ 1811 г. всѣ налоги, кромѣ подушной, обращены были въ постоянные, а въ концѣ 1810 г. введена въ губерніяхъ, гдѣ не было откуповъ, пошлина на винокуреніе; въ 1811 г. сдѣлана новая перепись, увеличившая число плательщиковъ; манифестъ 29 января 1812 г. объявилъ населенію, что доходы и расходы найдены въ соразмѣрности и что потому повелѣно расходы текущіе удовлетворить изъ доходовъ; а манифестомъ 11 февраля опять установлены надбавки въ податяхъ и новыя пошлины—*единственно* на погашеніе долговъ. Оба эти манифеста написаны Сперанскимъ послѣ долгихъ и тяжелыхъ преній въ совѣтѣ, ибо безнадежное положеніе финансовъ въ 1812 г. выяснилось вполнѣ. Первоначальный дефицитъ на этотъ годъ опредѣлялся въ совѣтѣ въ 106 мил. р. (234 мил. доходовъ и 340 мил. расходовъ). Тогда и въ совѣтѣ раздались голоса противъ того пути, по которому шло правительство.

Сочувствіе общества вызвали только таможенный тарифъ 1811 г. и торговое уложеніе. Первый, построенный на началахъ покровительственной системы, оказалъ большую поддержку нашей промышленности, совершенно разоренной континентальной системой.

Участіе Сперанскаго въ дѣлахъ по управленію Финляндіей.

Когда Сперанскій принялъ въ завѣдываніе финляндскія дѣла, страна эта de jure оставалась еще шведской провинціей. Государь Александръ Павловичъ вступилъ въ сношенія съ населеніемъ ея, обѣщалъ ему сохраненіе старинныхъ правъ, устройство управленія, религіи, принялъ отъ него присягу на вѣрность, созвалъ и лично открылъ и закрылъ сеймъ въ Борго, на которомъ подтвердилъ обѣщаніе о сохраненіи конституціи финляндской; все это сдѣлано было раньше, чѣмъ законный обладатель страны—король шведскій отказался отъ своихъ правъ на Финляндію.

Мотивы, которыми руководствовался императоръ Александръ I, очевидно, весьма разнообразны: желаніе поскорѣе кончить затянувшуюся и непопулярную въ Россіи войну и желаніе обладать новымъ населеніемъ не по праву силы, не по праву завоеванія, стремленіе привязать обитате-

лей Финляндіи къ новому отечеству; наконецъ едва ли было цѣлесообразно въ глазахъ государя уничтоженіе финляндскаго политическаго строя, приближающагося къ тому новому строю, который онъ собирался дать Россіи. Такимъ образомъ задача Сперанскаго опредѣлялась слѣдующими положеніями: 1) Финляндія присоединялась къ Россіи и составляла отнынѣ одно цѣлое съ нею; 2) Финляндія получала отдѣльное, особое управленіе и 3) Финляндія сохраняла свое *политическое* бытіе, т. е. становилась въ иныя отношенія къ коронѣ, чѣмъ остальная Россія. Задача, данная Сперанскому, была тѣмъ труднѣе, что съ одной стороны условія присоединенія Финляндіи къ Россіи, характеръ ея «политическаго бытія», т. е. конституціи, умышленно не были выяснены, а съ другой стороны представляется доказаннымъ, что финляндскіе сторонники соединенія съ Россіей стремились къ возможно большему расширенію конституціонныхъ правъ Финляндіи.

Сперанскій,—что съ нимъ случалось рѣдко,—едва ли правильно опредѣлилъ теоретически свою задачу словами: «Финляндія есть *государство*, а не губернія». Если эту фразу понимать буквально, то пришлось бы считать Сперанскаго родоначальникомъ ученія о Финляндіи, какъ отдѣльномъ государствѣ; на дѣлѣ Финляндія представляла собою лишь автономную провинцію Россіи.

Ближе подошелъ Сперанскій къ истинному взгляду на вещи въ словахъ: «власть державная должна была искать усилить себя подробностями управленія». Въ этихъ словахъ заключается мудрый завѣтъ Сперанскаго его преемникамъ по управленію финляндскими дѣлами. Только съ перваго взгляда такая роль можетъ показаться не вполнѣ достойною представителя русскаго монарха, но только такимъ путемъ можно было и соединить Финляндію тѣснѣе съ Россіей, и въ то же время сохранить ей и старые законы, обычаи и конституцію.

Вступленіе Сперанскаго въ финляндскія дѣла произошло такъ:

Въ ноябрѣ 1808 г. особымъ комитетомъ (Аракчеевъ, Кноррингъ и Спренгпортенъ) представленъ былъ государю проектъ управленія Новой Финляндіей; государь утвердилъ проектъ, кромѣ § 11: «генералъ-губернаторъ представляетъ всѣ дѣла по принадлежности чрезъ министровъ, отъ коихъ равнымъ образомъ получаетъ высочайшія повелѣнія». Противъ этого § государемъ написано: «*кромѣ сего пункта, всѣ же представленія дѣлать ко мнѣ*». Слѣдовательно, уже тогда было рѣшено государемъ дать финляндскимъ дѣламъ особое направленіе. Вслѣдъ затѣмъ, въ декабрѣ 1808 г. (см. выше) дѣла эти поручены были Сперанскому. Такъ какъ новый любимецъ государя не зналъ ни языковъ края, ни законовъ и обычаевъ его, то помощникомъ его былъ назначенъ бар. Ребиндеръ, въ свою очередь, взявшій себѣ въ помощь двухъ финляндцевъ: Блэкборна и Валлена. Такъ возникло въ Петербургѣ зерно канцеляріи по финляндскимъ дѣламъ; во главѣ ея сталъ Сперанскій, остальные чины были уроженцы новаго края. Сперанскій отнынѣ долженъ былъ дѣйствовать: suavirter in modo, fortiter in re. Первое ему удалось вполнѣ; во всякомъ случаѣ по отношенію къ новымъ подданнымъ Россіи онъ, по указанію свыше, дѣйствовалъ совсѣмъ иначе, чѣмъ по отношенію къ своимъ соотечественникамъ, и добился, конечно, обратнаго результата: финскіе дѣятели (Спренгпортенъ, Маннергеймъ, де-Геeръ, Тенгстренъ, Колоніусъ, позже Армфельдъ и Аминовъ) смотрѣли на Сперанскаго, какъ почти на «своего» человѣка, не только льстили ему въ глаза, съ похвалою отзываясь о немъ императору, но и въ мемуарахъ своихъ сохранили теплые отзывы о немъ.

Насколько же Сперанскій держался fortiter in re?

Первое важное, крупное дѣло—сеймъ въ Борго. Въ приготовленіяхъ къ сейму Сперанскій принималъ весьма дѣятельное участіе.

Созывъ сейма, впрочемъ, былъ уже предрѣшенъ. Церемоніалъ открытія составленъ былъ въ Петербургѣ при участіи Сперанскаго. Напрасно, однако, нѣкоторые изслѣдователи (Ординъ) преувеличиваютъ роль Сперанскаго въ составленіи церемоніала, предполагая даже, что Сперанскій о многомъ даже не докладывалъ государю. Въ вопросахъ церемоніальныхъ Сперанскій никогда не былъ авторитетомъ.

На сеймъ Сперанскій выѣхалъ въ свитѣ государя 13 марта изъ Петербурга; рѣчь государя сочинена была Сперанскимъ, равно какъ и грамота 15 марта. Въ грамотѣ го-

сударь торжественно подтверждалъ свое обѣщаніе вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались. Въ рѣчи своей государь обѣщалъ сохранить конституцію, коренные законы.

Общеизвѣстна полемика, которая завязалась изъ-за значенія употребленныхъ въ этихъ актахъ словъ «конституція» и «конституціи» (Мехелинъ, Даніельсонъ, Ординъ и др.).

Сперанскій въ бумагахъ своихъ употребляетъ слово «конституція» въ разныхъ смыслахъ: то онъ разумѣетъ вообще всякое государственное устройство и въ этомъ смыслѣ говоритъ о конституціи Россіи въ 1803 г., когда онъ писалъ свой первый большой проектъ, то, напротивъ, подъ конституціей онъ разумѣетъ монархическое правленіе, ограниченное торжественнымъ актомъ монарха. Но едва ли можетъ быть сомнѣніе, въ какомъ смыслѣ это слово употреблено здѣсь, конечно—въ послѣднемъ смыслѣ; и, когда Сперанскій ставилъ это слово, онъ исполнялъ волю своего государя. Чрезъ годъ въ проектѣ наказа финляндскому генералъ-губернатору совершенно ясно сказано: «Намѣреніе мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобы дать народу самое бытіе *политическое* (нашъ курсивъ); чтобы онъ считалъ не порабощеннымъ Россіи, но привязаннымъ къ ней собственными его очевидными пользами; для сего:

1) сохранены ему не только гражданскіе, но и политическіе его законы» и т. д.

Но конституція—конституціи рознь. На долю Сперанскаго выпало опредѣлить, какая же отнынѣ конституція предназначалась Финляндіи.

Государственное устройство Финляндіи и ея отношенія къ Швеціи основывались на двухъ актахъ: 1772 и 1789 гг. (актъ соединенія и безопасности). Теперь Россія вступала на мѣсто Швеціи и самодержавный императоръ замѣнялъ конституціоннаго короля; не могло быть сомнѣнія, что оба указанные акта не могли вполнѣ сохранить своей силы; съ этимъ согласны и финскіе историки (по актамъ этимъ государь, напр., долженъ исповѣдывать евангелическую религію, пришлось бы соблюдать актъ о престолонаслѣдіи 1643 г.). Кажется, съ финской стороны, однако, сдѣланы были попытки къ тому, чтобы государь присягнулъ въ сохраненіи этихъ конституціонныхъ актовъ (инцидентъ вечеромъ 17 марта въ Борго между Маннергеймомъ и Сперанскимъ), но Сперанскій рѣшительно отклонилъ подобную попытку. Для послѣдующихъ отношеній было бы очень важно въ самомъ началѣ выяснить вопросъ о конституціи исчерпывающимъ образомъ; Сперанскій отъ этого уклонился; внѣ сомнѣнія, онъ дѣйствовалъ такъ по указаніямъ свыше; политическія права Финляндіи должны были выясниться путемъ практики; государь не вполнѣ открывалъ свою мысль. Можно догадываться, что Финляндіи предназначалась такая же, приблизительно, конституція, которая вырабатывалась тогда и для всей Россіи. Дѣйствительно, прежде всего ограничили дѣятельность сейма разсмотрѣніемъ вопросовъ, предложенныхъ ему правительствомъ; слѣдовательно, инціатива законодательства должна была оставаться за правительствомъ. Сейму поставлено было четыре вопроса (о милиціи, податяхъ, монетѣ и устройствѣ управленія), и Сперанскій зорко слѣдилъ, чтобъ сеймъ не выходилъ изъ указанныхъ ему предѣловъ; было стремленіе подвергнуть обсужденію вопросъ о конституціи, но безуспѣшно. Чинами сейма сверхъ того, подано было государю много петицій; это обстоятельство—опять-таки въ соотвѣтствіи съ правомъ государственной думы представлять на высочайшее воззрѣніе о нуждахъ страны.

Утвержденіе выработанныхъ законопроектовъ, по плану, принадлежитъ монарху. Постановленія финскаго сейма Сперанскій всегда называлъ по французски «avis» (совѣты); представленныя на утвержденіе государя, эти «avis» утверждены были съ нѣкоторыми измѣненіями.

Слѣдовательно, Сперанскій по отношенію къ Финляндіи хотѣлъ установить правило, что верховная власть можетъ вносить измѣненія въ постановленія сейма, оттого онъ и называлъ ихъ «avis». Послѣ этого становится понятно, почему онъ не хотѣлъ на-чисто объяснить Финляндіи, какъ должно понимать слово «конституція» Въ то же время—далекій и въ планѣ отъ мысли дѣлать изъ законодательнаго сословія комедію—Сперанскій охранялъ свободу преній на сеймѣ. Когда генералъ-губерна-

торъ Спренгпортенъ сдѣлалъ попытку властно говорить на сеймѣ, Сперанскій по жалобѣ маршала сейма де-Геера сейчасъ же пресѣкъ эту попытку, разъяснивъ генералъ-губернатору, что онъ вправѣ давать разъясненія сейму лишь тогда, когда сеймъ будетъ просить его объ этомъ. Государь, закрывая сеймъ, высказалъ это словами: «Никакое вліяніе, никакая власть, кромѣ вашей, не осмѣлились переступить порогъ этой двери. Я охраняю независимость вашихъ мнѣній». Такое отношеніе Сперанскаго къ сейму достигло цѣли: результатомъ его работъ русское правительство не могло не остаться довольнымъ: Финляндія разоружилась, приняла русскую монету и выработанный Сперанскимъ въ Петербургѣ проектъ управленія Финляндіи прошелъ на сеймѣ.

Управленіе организовано было въ Финляндіи такъ: надзоръ верховный ввѣренъ былъ генералъ-губернатору. Около него поставленъ былъ совѣтъ, въ которомъ генералъ-губернаторъ былъ предсѣдателемъ. Идея областного (губернскаго) совѣта— одна изъ излюбленныхъ идей Сперанскаго (она проведена и въ «Планѣ», а позже въ сибирскомъ учрежденіи). Въ Финляндіи совѣтъ поставленъ былъ вполнѣ самостоятельно; даже при раздѣленіи голосовъ поровну, голосъ предсѣдателя не давалъ перевѣса; но генералъ-губернаторъ могъ, остановивъ исполненіе, дѣлать представленіе верховной власти. Совѣтъ раздѣлился на два отдѣленія: судебное и хозяйственное.

Члены новаго совѣта были избраны на сеймѣ, т. е. государь позволилъ сословіямъ указать лицъ, которыхъ считали достойными этой чести. Любопытно, что сословія выбрали гораздо больше, чѣмъ сколько требовалось. Всѣ избранные получили мѣста: или въ совѣтъ, или на другія должности. При томъ уваженіи къ избирательному принципу, которое имѣлъ тогда Сперанскій, трудно было и ожидать другой постановки дѣла.

Въ общемъ представляется, что во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Сперанскій дѣйствовалъ осторожно, сообразуясь съ выгодами Россіи, по наставленіямъ государя. Онъ добивался того, чтобы Финляндія присоединилась къ Россіи не только на словахъ, но и на дѣлѣ, чтобы финскій народъ не сожалѣлъ о перемѣнѣ владычества. Сперанскій относился къ финнамъ благожелательно, не думая мелкими ограниченіями или придирками умалить значеніе великаго и благожелательнаго акта. Осторожность Сперанскаго понятна: Финляндія была присоединена къ Россіи—союзницѣ Франціи; когда закрывался сеймъ въ Борго, тѣмъ болѣе при заключеніи мира въ Фридрихсгамѣ, призракъ грозной войны съ Франціей уже достаточно обрисовался; сохранить Финляндію за собой, не сдѣлать изъ нея второго герцогства варшавскаго—задача, которая не могла не тяготѣть надъ Сперанскимъ, тѣмъ болѣе, что скоро въ Швеціи наслѣдникомъ престола былъ избранъ маршалъ Наполеона, Бернадоттъ.

Распустивъ сеймъ, государь не только не назначилъ времени созыва слѣдующаго сейма, но, какъ извѣстно, во все послѣдующее время (1809—1825 гг.) и не созывалъ больше сейма. Хотя въ ближайшіе годы (съ 1809 года по конецъ 1811 года) Сперанскій стоялъ во главѣ финляндскихъ дѣлъ, но едвали въ этомъ вопросѣ онъ не дѣйствовалъ по указаніямъ государя, который въ своей политикѣ былъ гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Однако Сперанскій не могъ не видѣть опасности отъ столь отвѣтственной роли, какъ единоличнаго совѣтчика государя по совершенно чуждымъ ему дѣламъ. Напримѣръ, въ бытность еще въ Петербургѣ финской депутаціи духовенство (евангелическое) просило государя, чтобъ рѣшенія по церковнымъ вопросамъ восходили до государя; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на сеймѣ, когда уже выяснилось устройство совѣта (сената), духовенство ходатайствовало о передачѣ дѣлъ церкви на рѣшенія проектированнаго совѣта. Мотивъ—боязнь обременять драгоцѣнное время государя мелкими сравнительно дѣлами. Сперанскій поддержалъ ходатайство; хотя едва ли это было послѣдовательно со стороны министра, желавшаго усилить вліяніе Россіи въ Финляндіи подробностями управленія; казалось бы не трудно было Сперанскому разобраться въ вопросѣ, почему желаніе финскаго духовенства такъ быстро измѣнилось въ противоположную сторону; тогда, можетъ быть, подъ выставленнымъ мотивомъ онъ увидѣлъ бы нѣчто другое.

Еще въ 1802 г. учреждена была комиссія для преобразованія управленія Выборгской губерніи. Въ 1809 г. она была

преобразована въ коммиссіи финляндскихъ дѣлъ.

Съ учрежденіемъ комиссіи 1809 г. выдвигался вопросъ о «старой» Финляндіи— «и вмѣстѣ съ тѣмъ находя нужнымъ, чтобы и прежняя Финляндская губернія, коей устройство поручено было особенной комиссіи, получила сколь можно успѣшнѣе приличное ей образованіе, признаніе» и т. д.

Учрежденіе этой комиссіи не удовлетворило финляндцевъ; да и дѣйствительно дѣятельность ея совершенно незамѣтна: мало ли члены ея были освѣдомлены съ финляндскими дѣлами, не имѣли ли они достаточно авторитета въ глазахъ какъ правительства, такъ и общества,—фактъ тотъ, что комиссія эта была почти незамѣчена. Какъ бы вмѣсто нея въ Петербургъ прибыла депутація офицеровъ бывшей финской арміи (ген. Аминовъ, Гриппенбергъ и др.). Барклай де-Толли въ конфиденціальномъ письмѣ къ Сперанскому далъ краткую характеристику главныхъ ея членовъ (27 ноября 1809 г.). Черезъ полгода гр. Армфельдъ, съ позволенія государя, представилъ ему свои замѣчанія о Финляндіи, въ которыхъ писалъ: «Величайшимъ счастьемъ этого народа (финскаго) было видѣть господина Сперанскаго исполнителемъ воли новаго монарха. Такъ какъ дарованіе и либеральные принципы этого статсъ-секретаря имперіи извѣстны и соотвѣтствуютъ великимъ и гуманнымъ планамъ императора Александра I для общаго блага, то остается желать только одного: зная, насколько обремененъ этотъ министръ, нужно пожелать, чтобы при немъ учреждено было особое бюро для дѣлъ Финляндіи; нужно, чтобы начальникомъ этого кабинета былъ человѣкъ вполнѣ честный, способный и трудолюбивый, и чтобъ подчиненные ему избирались изъ среды финской молодежи, изъ самыхъ выдающихся поведеніемъ и способностями подданныхъ»... Слова Армфельда заключаютъ въ себѣ, конечно, очень тонкую критику Сперанскаго, именно—его нѣкотораго невниманія и проистекающей отсюда медлительности въ теченіи финскихъ дѣлъ. Но, съ другой стороны, что же значитъ предложеніе образовать около Сперанскаго бюро? Во-первыхъ, у Сперанскаго давно уже былъ товарищъ— Ребиндеръ, у котораго, въ свою очередь, были помощники, и всѣ они были финляндцы; во-вторыхъ, — работала комиссія 1809 г.; не знать ея Армфельдъ не могъ, ибо тамъ были членами тотъ же Ребиндеръ, Егергорнъ? Остается предположить, что искусный дѣятель—Армфельдъ—указывалъ на необходимость реформировать комиссію, положеніе и составъ которой его и друзей его не удовлетворилъ.

Чѣмъ же комиссія 1809 г. навлекла неудовольствіе довольно вліятельнаго кружка? Можетъ быть, отвѣтъ на это заключается въ письмѣ Сперанскаго къ дѣлопроизводителю комиссіи Емину отъ 18 авг. 1810 г. Сперанскій сообщаетъ Емину высочайшее повелѣніе, «чтобы по части образованія прежней Финляндіи», Еминъ, до внесенія дѣлъ на разсмотрѣніе комиссіи, *предварительно представлялъ* работу его величеству. Съ какой стати было бы обременять государя предварительными свѣдѣніями, когда у него немного оставалось времени и на разсмотрѣніе окончательныхъ рѣшеній комиссіи? Въ рукахъ опытнаго, искусившагося въ бюрократическихъ пріемахъ, Сперанскаго такое предварительное представленіе не значило ли, что послѣ дѣла возвращались въ комиссію съ состоявшеюся уже Высочайшею резолюціею, и въ такомъ случаѣ комиссія вмѣсто рѣшенія дѣла по существу должна лишь указать способы къ наискорѣйшему и легчайшему исполненію высочайшей воли. Къ подобному пріему министры прибѣгали нерѣдко. Это предположеніе представляется тѣмъ вѣроятнѣе, что во второмъ пунктѣ письма Сперанскій уполномачиваетъ Емина не стѣсняться для старой Финляндіи заимствованіями изъ законовъ и постановленій въ новоприсоединенной Финляндіи.

Нѣсколько странная роль, предложенная теперь Емину, производителю дѣлъ, указываетъ на желаніе обойти самую комиссію; вѣроятнымъ представляется и то, что соображенія Емина дополнялись, освѣщались, измѣнялись Армфельдомъ, который пользовался тогда огромнымъ вліяніемъ на государя и былъ въ глазахъ его авторитетомъ по шведо-финскимъ вопросамъ. Сперанскій, сколько можно догадываться, не перечилъ восходящему на придворномъ горизонтѣ свѣтилу. Отношенія между ними были тогда очень хорошія, Армфельдъ пока даже льстилъ Сперанскому (письмо отъ 1 сент. 1810 г.).

Въ августѣ 1810 г. Сперанскій даетъ наставленія Емину; въ своемъ всеподдан-

нѣйшемъ отчетѣ за 1810 г. о комиссіи отзывается уже такъ: она «едва успѣваетъ пересматривать дѣла уголовныя и заниматься собираніемъ свѣдѣній къ образованію Старой Финляндіи» и далѣе предлагаетъ устроить на будущее время финляндскія дѣла довольно близко къ плану Армфельда: дѣла ввѣряются особому статсъ-секретарю или канцлеру юстиціи, при которомъ должна быть комиссія изъ четырехъ членовъ: двухъ финляндцевъ и двухъ здѣшнихъ. Сперанскій сталъ на точку зрѣнія Армфельда, но не вполнѣ, а только на половину.

На первый разъ это предложеніе какъ будто было оставлено безъ вниманія. Скоро, однако, въ апрѣлѣ 1811 г. возникло дѣло, которое указало государю, что финляндскія дѣла во всякомъ случаѣ требуютъ большаго къ себѣ вниманія. Это—дѣло о высочайше утвержденныхъ инструкціяхъ генералъ - губернатору и прокурору (совѣта).

По словамъ Сперанскаго, онъ не былъ «ни первымъ, ни послѣднимъ редакторомъ сихъ инструкцій», а проекты были составлены упомянутымъ уже профессоромъ Колоніусомъ и представлены въ Петербургъ вмѣстѣ съ замѣчаніями тогдашняго генералъ-губернатора Барклая де-Толли; въ Петербургѣ, по словамъ Сперанскаго, проектъ былъ нѣсколько измѣненъ и затѣмъ утвержденъ.

Въ Финляндіи инструкціи произвели весьма неблагопріятное впечатлѣніе, а совѣтъ финляндскій полагалъ даже, что ими ограничивается дарованная краю конституція, такъ какъ инструкціи утверждены были безъ вѣдома совѣта.

Сперанскому, хотя онъ и не былъ авторомъ, пришлось ликвидировать это дѣло. Генералъ-губернатору Штейнгелю Сперанскій разъяснилъ, что финляндскій совѣтъ устроенъ не по праву конституціи, но *по единому усмотрѣнію правительства.* Финляндія никогда не имѣла особеннаго совѣта. Утвержденіе правъ ея никакой не имѣло связи съ симъ установленіемъ. Права могли существовать и безъ совѣта и были даже утверждены прежде его учрежденія... Примѣчатели предполагаютъ, что для составленія сихъ инструкцій надлежало прежде сообщить ихъ совѣту и истребовать его мнѣніе. На сіе нѣтъ никакого положенія въ законахъ. *Сіе могло быть и не быть по усмотрѣнію правительства.*

Слова эти очень характерны для Сперанскаго, они показываютъ, какъ онъ понималъ финляндскую конституцію и какое значеніе въ его глазахъ имѣли постановленія сейма. Это—avis и ничего больше. То, что учрежденіе совѣта было разсмотрѣно и принято сеймомъ, не придавало совѣту никакой политической силы; совѣтъ какъ будто оставался учрежденіемъ по усмотрѣнію правительства, а сеймъ—учрежденіемъ законосовѣщательнымъ.

Но слова эти сказаны въ письмѣ къ Штейнгелю, сказаны въ минуту понятнаго раздраженія. При другихъ политическихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, благодаря данному случаю и послѣдовало бы разъясненіе, какъ слѣдовало понимать финляндскую конституцію. Но въ 1811 г. правительство въ лицѣ Сперанскаго вмѣсто разъясненія поспѣшило отступить. Взгляды Сперанскаго остались извѣстны только генералъ-губернатору, а на дѣлѣ тому же генералъ-губернатору поручено было государемъ составить подъ своимъ предсѣдательствомъ небольшой комитетъ изъ двухъ или трехъ членовъ совѣта, при участіи автора инструкцій Колоніуса и въ комитетѣ этомъ разсмотрѣть: 1) въ чемъ не сходство инструкцій съ *коренными законами*; 2) чѣмъ замѣнить статьи, оказавшіяся неудачными, и 3) по окончаніи дѣла представить его на усмотрѣніе государя. Пока же, до разсмотрѣнія, дѣйствіе инструкцій повелѣно было пріостановить. Если Сперанскій настоялъ на томъ, что обсужденіе инструкцій въ совѣтѣ финляндскомъ не состоялось, то нетрудно видѣть, что по существу онъ поспѣшилъ сдѣлать уступку финляндцамъ: но уступка эта удобная лично для Сперанскаго, такъ какъ она отсрочивала моментъ необходимаго объясненія, едва ли соотвѣтствовала интересамъ государственнымъ.

Съ другой стороны, пріостановленіе высочайше утвержденныхъ инструкцій, пересмотръ ихъ—подобные факты должны были убѣдить Сперанскаго въ необходимости настаивать на измѣненіи порядка обсужденія финляндскихъ дѣлъ. Съ весны 1811 г. онъ уже не сопротивляется идеямъ Армфельда о преобразованіи комиссіи и учрежденіи особой должности статсъ-секретаря по финляндскимъ дѣламъ. Армфельдъ на-

ставилъ, чтобы какъ статсъ-секретарь, такъ и члены комиссіи были обязательно уроженцы великаго княжества.

Учрежденіе комиссіи было написано Сперанскимъ; 8 сент. 1811 г. Сперанскій могъ извѣстить Армфельда объ утвержденіи его доклада, а 26 окт. 1811 г. данъ былъ указъ о преобразованіи комиссіи.

Организація комиссіи остается пока не совсѣмъ выясненной; дѣлопроизводство въ ней пока дозволено было на шведскомъ языкѣ, но составлялась ли она исключительно изъ финляндскихъ уроженцевъ, это обстоятельство для насъ не выяснено, несмотря на утвержденія Коркунова, Бородкина. Дѣло въ томъ, что въ концѣ декабря 1811 года членами ея были назначены Сперанскій и Розенкампфъ, именно 26 дек. 1811 г. Армфельдъ извѣстилъ Сперанскаго о назначеніи его членомъ финляндскаго комитета по случаю возсоединенія Старой и Новой Финляндіи,—«давая вамъ новый случай употребить вашъ признанныйталантъ на пользу его службы».

Во всякомъ случаѣ съ преобразованіемъ комиссіи активная роль Сперанскаго по финляндскимъ дѣламъ кончилась.

Но за время управленія Сперанскаго этими дѣлами совсѣмъ подготовлено было еще одно крупное и очень важное дѣло, которое и послужило причиной назначенія Сперанскаго въ Финляндскій Комитетъ, именно присоединеніе Старой Финляндіи къ Новой.

Мысль о возсоединеніи обѣихъ Финляндій—мысль сравнительно старая: она высказывалась финляндскими дѣятелями еще во время аньяльской конфедераціи.

Старая Финляндія (завоеванія по Ништадскому и Абовскому мирнымъ договорамъ) имѣла всегда особое управленіе. Абовскій трактатъ § 9 обезпечилъ населенію присоединяемаго края сохраненіе старыхъ привилегій. Обѣщанія Елизаветы были подтверждены въ 1764 г. Екатериною. Областныя реформы Екатерины не успѣли еще пустить корней въ Старой Финляндіи, какъ Павелъ I приказалъ возстановить въ ней всѣ тѣ присутственныя мѣста, кои «по прежнимъ тамошнимъ правамъ и привилегіямъ существовали до открытія намѣстничества». Александръ Павловичъ повелѣлъ (1801 г. сент. 9) оставить въ настоящемъ образѣ правленіе Финляндской губерніи, какъ состоящее на особыхъ правахъ.

Безусловно обособленное положеніе этой губерніи не могло не привести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Вопросъ этотъ озабочивалъ русское правительство, образовавшее еще въ 1802 г. особую комиссію. Послѣ присоединенія остальной части Финляндіи у государя явилась мысль соединить обѣ части въ одно. Со времени появленія Армфельда въ Петербургѣ вопросъ этотъ снова былъ поднятъ. Армфельдъ писалъ докладныя записки (мемуары) на эту тему. Въ дѣлахъ государственнаго совѣта при журналѣ, въ которомъ обсуждалось это дѣло, сохранились двѣ записки—одна на французскомъ, другая на русскомъ языкахъ. Можетъ быть, что первая написана Армфельдомъ, вторая—Сперанскимъ. Первая, французская, записка доказываетъ крайне бѣдственное, нищенское положеніе Старой Финляндіи подъ русской властью; авторъ записки считалъ своимъ долгомъ удостовѣрить, что не государи Россіи виновны въ столь плачевномъ положеніи Финляндіи, а тѣ лица невѣжественныя, которымъ ввѣрялось управленіе: они-то, не зная ни языка, ни законовъ страны, извратили ея установленія и довели ее до матеріальнаго и нравственнаго упадка. Средство поправить зло одно—возсоединеніе (reunion) съ той Финляндіей, qui vient d'être incorporée à la Russie.

Если эта записка Армфельда, то онъ не отрицалъ, что Новая Финляндія инкорпорирована Россіей.

Русская записка—по изложенію, повидимому, принадлежащая Сперанскому—исходитъ изъ того положенія, что нельзя ни образовать управленія въ Старой Финляндіи по шведскому образцу, оставляя ее въ числѣ русскихъ губерній, ни распространить на нее общія начала губернскихъ учрежденій. Первое невозможно потому, что 1) шведскія гражданскія права тѣсно связаны съ правами политическими, 2) въ сенатѣ и министерствахъ трудно соображать финляндскія дѣла съ нашими узаконеніями. Второе предположеніе также невозможно, потому что намъ при этомъ придется затронуть весьма сильно права личныя и вещественныя, сохраненіе которыхъ обѣщано населенію; слѣдовательно придется или выкупить эти права или нарушить обѣщаніе.

Итакъ, и русская записка приходитъ

къ тому же выводу, что и французская: средство одно—возсоединеніе обѣихъ Финляндій. Зато, утѣшаетъ авторъ русской записки, бѣдность, упадокъ земледѣлія и нравовъ не будутъ болѣе въ предверіяхъ самой столицы въ укоризну закону и управленію. Авторъ нѣсколько смущенъ тѣмъ только, что старая Финляндія ставила рекрутовъ и давала доходъ казначейству. Но доходъ маловажный, а въ Финляндіи предположено современемъ возстановить милицію.

Это было внесено сначала въ комитетъ предсѣдателей 28 ноября, не вызвало тамъ никакихъ возраженій, а затѣмъ единогласно 4 декабря прошло и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта; манифестомъ 11 декабря 1811 г. возвѣщено было населенію.

Отчего столь важное дѣло прошло такъ незамѣтно и въ высшихъ установленіяхъ имперіи и въ обществѣ? Въ обществѣ, конечно, оттого, что національное самосознаніе развито было чрезвычайно слабо. Въ правительственныхъ учрежденіяхъ была еще одна особая причина,—вопросъ былъ предрѣшенъ государемъ, и Сперанскій явился первымъ вѣстникомъ царской воли. Почти за мѣсяцъ до внесенія дѣла въ комитетъ предсѣдателей государь далъ рескриптъ боргоскому епископу Алопеусу—«остановившись на проектѣ соединить старую и новую Финляндію» (26-го октября 1811 г.); Алопеусъ съ восторгомъ отвѣчалъ Сперанскому—отъ 2 ноября; 4 ноября Сперанскій писалъ офиціально кн. Голицыну: «изъ прилагаемаго при семъ въ спискѣ высочайшаго рескрипта... ваше сіятельство усмотрѣть изволите намѣренія государя императора, чтобы при присоединеніи старой Финляндіи къ новой...»

Что же значило обсужденіе дѣла въ комитетѣ предсѣдателей и совѣтѣ?

Какой ироніей звучатъ послѣ этого слова пермскаго письма!

Приблизительно тѣмъ же началамъ автономіи Сперанскій сочувствовалъ и въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Въ іюнѣ 1811 г. съ нимъ бесѣдовалъ кн. Огинскій, извѣстный сторонникъ автономіи Литвы, объ отдѣльномъ управленіи литовскаго *княжества*. Сперанскій, въ докладѣ своемъ, предлагаетъ сообразно намѣреніямъ и видамъ государя учредить въ Петербургѣ комитетъ изъ лучшихъ польскихъ дворянъ *подъ предлогомъ* жалобъ на неуравнительность повинностей. Удобнѣе, продолжаетъ Сперанскій, составить комитетъ не по выбору (слишкомъ громко), а по назначенію, тѣмъ болѣе, что у Огинскаго есть уже списокъ людей примѣчательныхъ; сообразивъ сей списокъ съ тѣмъ, который доставленъ былъ отъ Северина Потоцкаго, кажется, легко будетъ сдѣлать хорошій выборъ. Предсѣдателемъ комитета Сперанскій предлагаетъ гр. Завадовскаго (поляки его уважаютъ и любятъ), а *нашимъ* это назначеніе преградило бы толки о комитетѣ.

Итакъ, по образцу финляндской коммиссіи предполагалось образовать польско-литовскую для введенія автономіи въ западномъ краѣ.

Вновь присоединенная къ Россіи по Шенбрунскому миру часть Галиціи, т. наз. Тарнопольская область устраивалась при посредствѣ Сперанскаго. Для устройства управленія туда посланъ былъ сенаторъ Тейльсъ, который сносился съ Петербургомъ чрезъ Сперанскаго. Чрезъ Сперанскаго же шли бумаги по управленію Молдавіей и Валахіей. Митрополитъ и экзархъ Гавріилъ просили Сперанскаго ходатайствовать предъ государемъ за бѣдный, шесть лѣтъ уже раззоряемый народъ; лучшимъ средствомъ къ этому экзархъ считалъ учредить коммиссію молдаво-валахійскихъ дѣлъ, которая занялась бы устройствомъ края. 5 марта 1812 г. Сперанскій извѣстилъ митр. Гавріила объ учрежденіи этой коммиссіи.

Не всѣ дѣла внѣшней политики проходили через руки Сперанскаго, но во всякомъ случаѣ важнѣйшія изъ нихъ. Участіе Сперанскаго въ дѣлахъ внѣшнихъ наглядно показываетъ, въ какихъ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ ему приходилось бывать, въ атмосферѣ какого притворства и обмана приходилось дѣйствовать.

Какъ и многіе государи, Александръ Павловичъ велъ свою политику, помимо офиціальныхъ представителей своихъ. Извѣстно нѣкоторое недовѣріе, которое государь имѣлъ къ способностямъ тогдашняго канцлера, гр. Н. П. Румянцева и своего посла въ Парижѣ кн. А. Б. Куракина. По мысли Сперанскаго рѣшено было отправить въ Парижъ для непосредственныхъ переговоровъ съ Наполеономъ,

для развѣдыванія положенія и для наблюденія К. В. Нессельроде, тогда совсѣмъ еще молодого человѣка; Нессельроде долженъ былъ вести переписку со Сперанскимъ, который представлялъ ее государю. Министерство иностранныхъ дѣлъ о перепискѣ этой ничего не знало. Переписка эта чрезвычайно характерна для тогдашнихъ отношеній. Нессельроде совершенно правильно указываетъ на неизбѣжность войны Наполеона съ Россіей, указываетъ и то, что война будетъ въ 1812 г. Письма Нессельроде начинаются 15 марта 1810 г. и кончаются въ сентябрѣ 1811 г. Главными свѣдѣніями Нессельроде снабжалъ Талейранъ, измѣнившій своему отечеству. Онъ носитъ въ письмахъ названія «mon couzin Henry», «Anna Ivanovna», «le jurisconsulte», «notre libraire» (предлогомъ переписки, были сношенія Сперанскаго съ французскими юристами). Самъ Сперанскій называется «mon zemillant cousin», «le voyageur» и «Caroline». Александръ Павловичъ—«Louise»,«M-llvo» и «Savant». Есть подозрѣніе (вел. кн. Николай Михаиловичъ), что и другія лица, доселѣ считавшіяся вполнѣ преданными Наполеону, задолго до 1812 г. продали его. Благодаря этой перепискѣ, Сперанскій былъ освѣдомленъ въ наиболѣе важныхъ, интимныхъ нитяхъ политики государя.

Дѣло Бека, арестованнаго скоро послѣ высылки Сперанскаго, показываетъ, что Сперанскій, очевидно безъ вѣдома государя, старался проникнуть въ иностранныя сношенія глубже, чѣмъ, можетъ быть, этого хотѣлъ государь. Къ тому, что раскрыто Корфомъ и Шильдеромъ, добавимъ, что Сперанскій интересовался личностью Бека, его жалованьемъ, обѣщалъ ему свою помощь; Бекъ давалъ Сперанскому и такія бумаги, на которыя не имѣлъ разрѣшенія, и съ своей стороны обращался къ Сперанскому съ просьбой по своимъ личнымъ дѣламъ; Бекъ былъ въ связяхъ со старикомъ гр. Паленомъ и т. п.

Преступленія со стороны Сперанскаго здѣсь никакого не было, но безтактность нѣкоторая, конечно, была допущена.

Ссылка Сперанскаго.

17 марта 1812 г. дѣятельность Сперанскаго внезапно прервалась. Къ 8 часамъ вечера онъ былъ вызванъ во дворецъ; ночью съ 17 на 18 отправленъ въ сопровожденіи частнаго пристава Шипулинскаго въ Нижній-Новгородъ.

Что могло заставить государя Александра Павловича поступить тамъ жестоко со своимъ любимцемъ?

Изслѣдователи выходили изъ предвзятой мысли, что въ дѣятельности Сперанскаго не было ничего такого, что могло бы навлечь столь жестокую кару. Сперанскій палъ невинно, палъ жертвою или гнусной интриги со стороны лицъ, расчитывающихъ унаслѣдовать его положеніе, или личныхъ разсчетовъ монарха—«итакъ патріотизмъ, требованія общественнаго мнѣнія прикрыло собою сведеніе личныхъ счетовъ оскорбленнаго мстительнаго сердца. Страшныя слова, измѣна, предательство, были пущены въ ходъ съ рѣдкимъ умѣньемъ, была найдены подходящіе исполнители и простое по сущности дѣло затмилось настолько что потребовалось почти сто лѣтъ, чтобы нѣсколько распутать его и найти путеводную нить среди цѣлаго лабиринта преднамѣренной лжи и противорѣчивыхъ показаній».

Такое отношеніе историковъ къ катастрофѣ Сперанскаго имѣло свои основанія: бар. Корфъ не ставилъ задачею своею критическій разборъ дѣятельности Сперанскаго, для другихъ—Сперанскій остался носителемъ высшихъ политическихъ идеаловъ; паденіе Сперанскаго было крушеніемъ либеральныхъ идей, торжествомъ режима Аракчеева.

Въ настоящее время позволительно, прежде всего, поставить вопросъ, оправдалъ ли Сперанскій надежды и довѣріе своего государя, какъ первый министръ?

Сперанскій явился и въ эти годы 1809—1812 года политическимъ дѣятелемъ безъ строго опредѣленной программы; конституціоналистъ 1809 года обратился въ 1810 г. въ приверженца самодержавія, прикрытаго внѣшними формами конституціонныхъ учрежденій. Неутвержденіе проекта реформы сената не заставило Сперанскаго ни отказаться отъ своего положенія, ни прекратить своей реформаторской дѣятельности. Не имѣя опредѣленной программы политической, Сперанскій не имѣлъ ея и въ области общественныхъ отношеній; взгляды его на крестьянское дѣло оставались неопредѣленными и интересами этого класса онъ

способенъ былъ жертвовать въ угоду другимъ своимъ взглядамъ.

Какъ практическій государственный дѣятель Сперанскій не обнаружилъ искусства проводить въ жизнь свои идеи, принятые государемъ, указывать имъ легчайшіе пути: ему не удалось ни составить уложенія, ни переустроить финансовъ. Какъ государственный секретарь, онъ не обнаружилъ умѣнія редактировать манифесты: то манифестъ (объ образованіи совѣта) выражалъ на словахъ больше, чѣмъ слѣдовало, то между отдѣльными манифестами замѣчались противорѣчія.

Была еще одна отрицательная черта у Сперанскаго: неумѣніе привлечь на свою сторону русское общественное мнѣніе; напротивъ онъ скоро сталъ положительно предметомъ общественной ненависти; невѣрно было бы объяснить это тѣмъ, что Сперанскій выскочка, что онъ «поповичъ»; представитель либеральнаго режима, Сперанскій могъ бы привлечь къ себѣ расположеніе общественныхъ круговъ, какъ сумѣлъ онъ это сдѣлать въ Финляндіи,—въ Россіи онъ не считалъ это нужнымъ.

Слѣдовательно, Сперанскій, какъ дѣятель, не оправдалъ довѣрія государя; и если бы дѣло ограничилось этимъ, онъ вѣроятно, получилъ бы отставку болѣе или менѣе почетную, потому что на Сперанскаго возложено было слишкомъ много дѣлъ и чрезвычайноважныхъ дѣлъ. Но къ неудовольствію или разочарованію государя въ дѣяніяхъ Сперанскаго присоединилось разочарованіе въ личности Сперанскаго. Дѣйствія Сперанскаго никогда не отличались прямотой и искренностью, и, однако, онъ умѣлъ многимъ казаться человѣкомъ преданнымъ и расположеннымъ. Александръ Павловичъ, возвысивъ Сперанскаго, приблизивъ къ себѣ, имѣлъ право считать его «своимъ» человѣкомъ, съ которымъ онъ могъ и не стѣсняться. Сперанскій не щадилъ болѣзненнаго самолюбія государя и въ отзывахъ о немъ позволилъ себѣ то, чего не имѣлъ права позволять; и не только въ отзывахъ, но и въ дѣйствіяхъ. Дѣло Бека показываетъ, что Сперанскій не прочь былъ проникать въ сферы, ему не подлежащія; затѣмъ Сперанскій въ своей дѣятельности вовсе не былъ одинокъ: финансовый планъ, извѣстный подъ его именемъ, былъ произведеніемъ кружка, члены котораго почти всѣ прошли въ совѣтъ или министры. Государь не захотѣлъ видѣть около себя такого человѣка, и Сперанскаго постигла участь, которой раньше подвергся Паленъ, гр. Панинъ и нѣкоторые другіе.

Представить себѣ, что государь повѣрилъ «измѣнѣ» Сперанскаго — значитъ умалить умъ Александра; допустить, что выслалъ Сперанскаго для примиренія съ общественнымъ мнѣніемъ, для возбужденія патріотизма—значитъ и унижать характеръ государя и преувеличивать значеніе этого событія. Должно въ этомъ сложномъ дѣлѣ различать двѣ стороны: отставку и ссылку; первая вызвана была неуспѣхомъ политики Сперанскаго; вторая—его отзывами о государѣ. Для такой катастрофы нуженъ былъ поводъ, нужно было дѣло, которое раскрыло бы окончательно глаза государю, убѣдило бы его, что дальше такая политика продолжаться не могла.

Представляется, что въ литературѣ пока мало было обращено вниманія на связь, между удаленіемъ Сперанскаго и удаленіемъ Мордвинова и на перемѣну, немедленно же воспослѣдовавшую, въ положеніи двухъ высшихъ учрежденій: государственнаго совѣта и комитета министровъ.

По свидѣтельству Мордвинова, «17 марта (?), въ воскресенье, день катастрофы Сперанскаго, въ совѣтѣ читали проектъ манифеста финансоваго характера, составленнаго уже не Сперанскимъ и составленнаго на противоположныхъ началахъ, въ коемъ обѣщалось населенію сложить въ будущемъ году новые налоги, установленные манифестомъ 11 февраля, далѣе оглашались возможность удвоить число ассигнацій и введеніе 6% облигацій. За принятіе манифеста высказались четыре министра (Гурьевъ, Балашовъ, Дмитріевъ и Козодовлевъ) и два члена совѣта (Алексѣевъ, Соблуковъ); два (Румянцевъ и Чичаговъ) высказались за перемѣну финансовой политики, но постепенную, не столь рѣшительную. Но большинство совѣта послѣ возраженій Мордвинова, Кочубея, Кампенгаузена полагало отвергнуть манифестъ. Послѣ этого засѣданія Мордвиновъ отказался отъ должности, затѣмъ послѣдовало сліяніе двухъ департаментовъ совѣта—законовъ и экономіи—въ одинъ и назначены были новые члены въ совѣтъ: Армфельдъ и Поповъ; помощникомъ статсъ-секретаря—Розенкампфъ».

Разсказъ этотъ не совсѣмъ точенъ и требуетъ поясненія: 30 марта кн. Лопухинъ, предсѣдатель департамента законовъ, старый непріятель Сперанскаго, назначенъ былъ предсѣдателемъ соединенныхъ департаментовъ и ему повелѣно было предсѣдательствовать во всѣхъ департаментахъ; предсѣдателемъ совѣта назначенъ былъ Н. И. Салтыковъ—также противникъ Сперанскаго; за такимъ назначеніемъ Лопухина, очевидно, гр. Кочубей, Мордвиновъ и Аракчеевъ, какъ предсѣдатели департаментовъ, остались безъ дѣлъ. Далѣе 3 апрѣля повелѣно было соединить департаменты законовъ и экономіи и этимъ соединеннымъ департаментамъ повелѣно было разсмотрѣть прежде всего мѣры, принятыя въ 1810 г. по всѣмъ частямъ государственныхъ финансовъ, и департаментъ этотъ долженъ былъ обсудить способы возстановить и усилить довѣріе къ благонамѣренности и постоянству мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ по части финансовой.

Конечно, послѣ этого Мордвиновъ долженъ былъ уйти въ отставку и 2 апрѣля онъ подалъ объ этомъ прошеніе.

Что могло заставить правительство произвести столь странную реформу въ совѣтѣ? Кромѣ крайне неудовлетворительнаго положенія финансовъ, выразившагося въ страшномъ паденіи курса (мѣстами 19 руб. серебра за 100 р. асс.), обсуждался въ совѣтѣ вопросъ о содержаніи арміи. Мнѣніе Гурьева, проведенное потомъ въ апрѣлѣ 1812 г. чрезъ комитетъ министровъ, сводилось къ тому, что слѣдуетъ продовольствіе и снабженіе арміи расположить по возможности на землю; т. е. войска имѣютъ право забирать то, что имъ необходимо, выдавая владѣльцамъ квитанціи, которыя замѣнены будутъ 6% облигаціями правительства; такимъ путемъ казначейство избавится отъ необходимости высылать въ армію звонкую монету и ассигнаціи. Барклай де Толли, на заключеніе котораго, какъ главнокомандующаго, посланъ былъ журналъ комитета министровъ, высказался за предложеніе Гурьева съ нѣкоторыми измѣненіями въ томъ смыслѣ, такъ какъ «не все же можно» возложить на землю и въ армію необходимо высылать и серебряную монету. Такъ дѣло и было утверждено государемъ.

Такимъ образомъ наша армія снабжалась провіантомъ и фуражемъ и лишь по окончаніи всѣхъ войнъ съ 1816 г. правительство приступило къ ликвидаціи своихъ обязательствъ; общеизвѣстно, что большинство губерній пожертвовало впослѣдствіи всѣми своими претензіями государству (Московская, Калужская, Лифляндская, Смоленская и др.).

Судя по разсказу Мордвинова, эта мѣра въ числѣ прочихъ и не прошла въ совѣтѣ. Мордвиновъ и бывшіе съ нимъ за одно считали, очевидно, поднятіе курса ассигнацій единственнымъ выходомъ изъ труднаго положенія.

Сужденіями въ совѣтѣ государь остался недоволенъ; недоволенъ онъ былъ вполнѣ и финансовой политикой. Два главныхъ дѣла Сперанскаго были скомпрометированы въ глазахъ государя.

Мы не знаемъ, въ какихъ словахъ осуждалось въ совѣтѣ предложеніе Гурьева; судя по позднѣйшему, аналогичному мнѣнію его въ 1821 г., можно думать, что осужденіе было рѣзкое, даже съ угрозами.

23 марта Сперанскій привезенъ былъ Шипулинскимъ въ Нижній - Новгородъ. Здѣсь Сперанскій проживалъ подъ строгимъ и не всегда искуснымъ полицейскимъ надзоромъ. Сначала Сперанскій не отдавалъ себѣ полнаго отчета въ происшедшемъ; онъ считалъ его слѣдствіемъ искусной интриги: если бы Балашовъ не предупредилъ его двумя недѣлями, то былъ бы на его теперешнемъ мѣстѣ. И въ письмѣ къ родственникамъ и въ разговорѣ съ друзьями, поспѣшившими въ Нижній, онъ не скрывалъ надежды, что настоящее его положеніе скоро измѣнится къ лучшему. Гордая нота увѣреннаго въ правотѣ своихъ идей дѣятеля звучитъ и въ письмѣ къ государю. Сперанскій не избѣгалъ нижегородскаго общества, онъ желалъ съ нимъ жить въ ладу и мирѣ; старался также узнать настроеніе народныхъ массъ. Къ величайшему своему огорченію увидѣлъ, какъ широко распространилась молва о немъ, какъ измѣнникѣ и предателѣ; открытіе это причинило величайшую боль его душѣ, но Сперанскій имѣлъ твердость и мужество не показать никому, какъ жестоко онъ страдалъ. Въ сердцѣ его не нашлось мѣста злобѣ и ненависти къ тѣмъ, кто такъ мстилъ ему за его стремленіе утвердить въ Россіи начало законности и права. Иное дѣло его враги; они не оставили его въ покоѣ; однимъ

изъ самыхъ ярыхъ ненавистниковъ его продолжалъ быть гр. Растопчинъ; паденіе Сперанскаго не удовлетворило его: Сперанскій сталъ Растопчину орудіемъ, на которомъ тотъ разсчитывалъ создавать свой «патріотизмъ» народныхъ массъ. Есть основаніе думать, что онъ готовилъ ему судьбу Верещагина.

Сперанскій надѣялся поселиться въ деревнѣ, около Нижняго; вмѣсто этого 15 сентября въ Нижній, гр. П. А. Толстому, командовавшему ополченіемъ, пришло повелѣніе отправить сего вреднаго человѣка (Сперанскаго) подъ карауломъ въ Пермь, съ предписаніемъ губернатору отъ имени государя имѣть его подъ тѣснымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе. Ближайшею причиною такого распоряженія былъ разговоръ Сперанскаго у нижегородскаго преосвященнаго Моисея, въ которомъ Сперанскій позволилъ себѣ съ похвалою отозваться о Наполеонѣ, въ частности объ его отношеніи къ духовенству.

23 сентября 1812 г. Сперанскій былъ привезенъ въ Пермь частнымъ приставомъ Козловымъ; скоро прибыла его семья. Въ Перми Сперанскому жилось значительно хуже, чѣмъ въ Нижнемъ: надзоръ полиціи былъ сильнѣе, отъ него всѣ отворачивались, слово «измѣнникъ» бросали ему въ глаза, суровый климатъ, полное безденежье, отсутствіе друзей сломили духъ Сперанскаго. Онъ сталъ просить, сталъ домогаться облегченія своей участи; онъ не получалъ жалованья, не получалъ того, что ему слѣдовало. Первоначально онъ обратился къ гр. П. А. Толстому, прося его переслать письмо къ государю; послѣ неудачи, онъ рѣшился написать государю чрезъ Балашова: письмо зашито было въ шапку гонца и при письмѣ серебряныя деньги. Въ отвѣтъ на это Сперанскому повелѣно было производить жалованье по 6.000 р. въ годъ, вмѣстѣ съ тѣмъ губернатору пермскому (Гермесу) было разъяснено, какъ онъ долженъ обходиться съ Сперанскимъ. Огорченіемъ Сперанскому былъ выговоръ отъ государя за неприличную посылку письма въ шапкѣ, а также и за посылку серебряныхъ денегъ. Послѣ этого измѣнилось какъ матеріальное, такъ и нравственное положеніе опальнаго; пермское общество открыло ему свои двери и Сперанскій сумѣлъ скоро пріобрѣсти его любовь и уваженіе.

Въ душѣ Сперанскаго начался переворотъ, который приближалъ его міросозерцаніе къ новому настроенію государя. Въ письмахъ своихъ онъ заговорилъ о «лжеименномъ» разумѣ, которымъ избаловались люди. Глубокимъ смиреніемъ, безразличіемъ нравственнымъ проникнуты строки: «я долго взиралъ на преступниковъ, закономъ осужденныхъ, публично наказанныхъ и сосланныхъ, съ внутреннимъ отвращеніемъ; нынѣ смотрю на нихъ съ *нѣкоторою отрадою*. Это ангелы добродушія въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что мы называемъ часто честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ».

Духъ смиренія не вполнѣ овладѣлъ Сперанскимъ: «я живу здѣсь изрядно, весьма уединенно и спокойно; возвратиться на службу не имѣю ни большой надежды, ни желанія; но желаю и надѣюсь зимою переселиться въ маленькую мою новгородскую деревню, гдѣ теперь живетъ моя дочь и семейство, и тамъ умереть, если только дадутъ умереть спокойно; люди и несправедливости ихъ по благости Божіей мало-по-малу изъ мыслей моихъ исчезаютъ».

Незадолго передъ этими письмами Сперанскій отправилъ свою семью изъ Перми въ упоминаемую имъ деревню «Великополье». Бар. Корфъ справедливо считаетъ причиною отправки дочери—желаніе Сперанскаго возвратить себѣ царскую милость. Дочь повезла съ собою письмо, такъ называемое пермское.

Письмо это лучше, чѣмъ письма къ друзьямъ, письма иногда длинныя на семи страницахъ, даетъ отчетъ о настроеніи автора его. Сперанскій рѣшительно защищаетъ всѣ главнѣйшія свои преобразованія: совѣтъ—всѣ послѣдствія его оправдали; министерства устроены такъ, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ; сенатъ—необходимо долженъ быть переустроенъ по его предположеніямъ; законы—Сперанскій не могъ сдѣлать столько, сколько хотѣлъ, но въ два года онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ во все время съ Петра Великаго было исполнено; финансовая система его спасла государство отъ банкротства.

Изгнанникъ, онъ попрежнему ревнивъ къ славѣ своего государя: онъ догадывается, что государя стараются уловить системой ложныхъ страховъ и подозрѣній, и предостерегаетъ отъ нихъ государя, ибо

такая система всегда приводитъ къ безславію и бѣдствію; онъ напоминаетъ, что онъ напротивъ, всегда старался питать и возвышать въ душѣ своего государя ту любовь къ человѣкамъ, ту терпѣливость къ ихъ слабостямъ, ту кротость и снисхожденіе, коею Богъ и природа въ благости своей одарили государя.

Въ награду всѣхъ горестей своихъ, въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, онъ проситъ позволенія провести остатокъ своихъ дней въ маленькой своей деревнѣ; и онъ былъ бы вполнѣ счастливъ, если бы въ этой уединенной жизни государю угодно было поручить ему окончить какую либо часть законовъ: гражданскую, или уголовную, или судебную.

Цѣль письма—вернуть довѣріе государя; для этого Сперанскій оправдывается въ сдѣланныхъ имъ преобразованіяхъ и, понимая невозможность уже сразу занять прежнее мѣсто, проситъ предоставить ему одно дѣло—составленіе свода.

Литературныя занятія Сперанскаго посвящены были религіи. Онъ перевелъ книгу Ѳомы Кемпійскаго, занимался Biblia polyglota. Въ новомъ письмѣ изъ Перми къ государю (9 іюля 1814 г.) Сперанскій близко подходитъ къ сокровеннымъ желаніямъ государя въ словахъ: «да будетъ миръ сей эпохою лучшихъ дней человѣчества, твердымъ союзомъ не только политическаго, но и *нравственнаго* порядка образованія, новымъ залогомъ благоустройства и счастія...»

Такъ правильно схватилъ Сперанскій новое настроеніе Александра, живя въ глуши, отдаленный отъ него на нѣсколько тысячъ верстъ; что же было, когда онъ часто видѣлся съ государемъ!

Теперь, въ отвѣтъ на это письмо, гдѣ онъ повторялъ свою просьбу о позволеніи жить въ деревнѣ, онъ получилъ благопріятный отвѣтъ. Онъ сталъ ближе къ Петербургу, онъ надѣялся, что скоро возвратится туда, куда его такъ неотразимо тянуло. Его дѣйствительное настроеніе, дѣйствительная надежда выразилась въ словахъ Кочубею, будто первымъ движеніемъ государя было вызвать его въ Петербургъ; второе—проводить за присмотромъ въ деревню.

Но Сперанскій гораздо лучше схватывалъ идеи своего государя, чѣмъ его чувства. Онъ принужденъ былъ прожить еще два года въ Великопольѣ, въ той же ссылкѣ, только гораздо болѣе приличной. За образомъ жизни его тщательно продолжали наблюдать. Въ Великопольѣ Сперанскій въ строгомъ уединеніи прожилъ почти два года, поклонникъ св. Терезы и Франциска обратился въ ревностнаго почитателя св. Саввы Вишерскаго. Повидимому, погруженный въ занятія, воспитаніе и образованіе дочери, Сперанскій на дѣлѣ не терялъ надежды на призывъ въ Петербургъ.

Политическая обстановка въ Петербургѣ измѣнилась: главные враги Сперанскаго (Армфельдъ, Балашовъ, Растопчинъ) сошли со сцены. Въ 1812—1814 гг. Россіей управляли гр. Н. И. Салтыковъ и Молчановъ при посредствѣ комитета министровъ, получившаго особыя полномочія тотчасъ послѣ удаленія Сперанскаго. Правленіемъ комитета министровъ государь остался чрезвычайно недоволенъ; конечно, обстоятельства, въ которыхъ приходилось дѣйствовать комитету министровъ, были чрезвычайныя, но и картины раскрывшихся послѣ окончанія войны злоупотребленій были также чрезвычайныя; государь не показалъ своего гнѣва старому своему воспитателю гр. Н. И. Салтыкову,—даже, напротивъ, возвелъ его въ княжеское достоинство, но ст.-секр. Молчановъ отданъ былъ подъ судъ, а комитетъ министровъ (учрежденіе, къ которому Сперанскій всегда относился непріязненно, въ которомъ засѣдали его враги) попалъ подъ опеку гр. Аракчеева. Въ государственномъ совѣтѣ возстановленъ былъ тотъ нормальный порядокъ, который учрежденъ былъ образованіемъ 1810 г.; старый единомышленникъ Сперанскаго Мордвиновъ снова занялъ постъ предсѣдателя департамента экономіи.

Такимъ образомъ преемники Сперанскаго не только не доказали, что ихъ система лучше системы его, но скорѣе наоборотъ.

При совершившихся тогда (1814—1815 гг.) перемѣнахъ въ высшей администраціи, при замѣнѣ цѣлаго ряда министровъ (Разумовскій, Румянцевъ, Дмитріевъ, Балашовъ, Шишковъ), Сперанскій могъ разсчитывать на возвращеніе, но вопреки ожиданіямъ его этого не послѣдовало. Тогда онъ рѣшился уже прямо проситься снова на службу; сперва (въ Нижнемъ) онъ надѣялся, что сила обстоятельствъ заставитъ

государя вернуться къ его, Сперанскаго, идеямъ и гордо заявлялъ о своей непоколебимости; позже (въ Перми) онъ оправдывался, доказывалъ правоту воззрѣній и дѣйствій и просилъ либо возможности спокойно дожить свой вѣкъ, либо позволенія работать надъ составленіемъ законовъ; теперь въ Великопольѣ онъ просится на мѣсто, которое угодно будетъ предоставить ему, а мотивомъ просьбы выставляя ту страшную репутацію, которая сложилась вокругъ его имени; невозможность при такихъ условіяхъ передать своей дочери честнаго имени.

Первый разъ (насколько извѣстно) Сперанскій обратился изъ Великополья непосредственно къ государю чрезъ Вязьмитинова съ поднесеніемъ записки, мысли по поводу манифеста 25 декабря 1815 г. (отъ 6 января 1816 г.), въ которой онъ почти отрекался отъ прежняго своего міросозерцанія. Сперанскій сознавался, что пытливость разума часто ввергала его въ изысканія болѣе тонкія, нежели *основательныя*; изысканія сіи были въ свое время предметомъ бесѣдъ, коихъ ваше величество меня удостаивали. Священный союзъ — величайшій актъ, когда либо бывшій со времени введенія христіанской вѣры; онъ чистое изліяніе преизбыточествующей Христовой благодати — строители государственнаго порядка до сихъ поръ не примѣчали, пренебрегали основного, коренного начала — Божію силу, Божію премудрость; вмѣсто прежнихъ *дряхлыхъ* и *худородныхъ* стихій основано новое политическое право, коего твердость врата адовы не одолѣютъ.

Сперанскій спѣшитъ начертать, какіе предметы должны прежде всего обратить на себя вниманіе новаго христіанскаго направленія политики: «1) народное просвѣщеніе и воспитаніе должны быть почерпаемы изъ ученія Христова; 2) улучшить содержаніе колодниковъ, ибо кто можетъ утверждать, чтобы въ числѣ осужденныхъ не было тѣхъ, которыхъ Христосъ называлъ меньшею своею братіею; и 3) уравнительное распредѣленіе государственныхъ податей и тяжестей всякаго рода, ибо нельзя умолчать, что есть подати, коихъ и простая языческая нравственность едва бы потерпѣла».

Мысли эти, кромѣ сознанія Сперанскаго въ прежнихъ его заблужденіяхъ, интересны и тѣмъ, что онѣ вполнѣ совпали съ правительственной политикою, хотя, конечно, не онѣ повліяли на нее: въ 1817 г. откупы замѣнены казенною продажею вина, народное образованіе поставлено именно на началахъ, предлагаемыхъ Сперанскимъ, и чины библейскаго общества, весьма вліятельнаго въ эти годы, усиленно стали заботиться объ улучшеніи быта заключенныхъ. Не Сперанскій принесъ либеральныя идеи въ 1801—1812 гг., но былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ ихъ распространителей; не Сперанскій принесъ и мистико-реакціонныя идеи 1815—1825 гг., но онъ же явился однимъ изъ первыхъ глашатаевъ ихъ.

Тѣмъ не менѣе это письмо не достигло цѣли.

Тогда онъ попытался обратиться къ посредничеству расположеннаго къ нему Кочубея. Всегда уклончивый В. П. Кочубей уклонился отъ щекотливаго посредничества на томъ основаніи, что съ нимъ «ни одинъ разъ и слова не было вымолвлено о васъ», и что вообще онъ вовсе не у дѣлъ.

Кажется, одновременно съ обращеніемъ къ Кочубею, Сперанскій въ іюлѣ же 1816 г. обратился и къ посредничеству тогда уже всемогущаго Аракчеева.

Обращеніе къ прежнему противнику принесли другіе результаты, чѣмъ къ союзнику и покровителю. Конечно, Сперанскій могъ своеобразною лестью, щедро разсыпанною въ позднѣйшей перепискѣ, подкупить Аракчеева; но что для избалованнаго вельможи значила лесть бѣднаго изгнанника? А между тѣмъ, судя по тону переписки, защита была дѣйствительная, можетъ быть не изъ легкихъ: Сперанскій, по его же словамъ, стремился, чтобъ новый покровитель всегда смѣло могъ сказать: *«я его защищалъ, но онъ стоитъ моей защиты»*. Обычно непріязненное чувство къ гр. Аракчееву не позволяетъ нашимъ историкамъ (Корфъ, Шильдеръ) допустить мысль, что Аракчеевымъ руководило чувство справедливости и пониманія государственныхъ интересовъ, т. е. не могъ же онъ не понимать, что Сперанскаго *надо* возвратить къ государственной дѣятельности. Былъ, можетъ быть, еще одинъ вопросъ, по которому послѣдовало сближеніе между Сперанскимъ и Аракчеевымъ — это военныя поселенія. Отношеніе Спе-

ранскаго къ нимъ требуютъ дальнѣйшихъ разысканій. Впослѣдствіи, по настояніямъ Аракчеева онъ написалъ брошюру о поселеніяхъ, т. е. исполнилъ ту работу, отъ которой имѣлъ гражданское мужество отказаться его старый, принципіальный противникъ Карамзинъ; Великополье онъ продалъ подъ военное поселеніе (съ того времени оно и называется Сперанскою); переписку по этому дѣлу, въ которой Сперанскій и старался поднять цѣну имѣнію и болѣе чѣмъ сильно заискивалъ предъ Аракчеевымъ, послѣдній показывалъ государю... Но въ запискахъ Ильинскаго есть нѣчто болѣе интересное: онъ увѣряетъ, что онъ подалъ Сперанскому проектъ о поселеніи изъ крестьянъ вмѣсто рекрутскихъ наборовъ; Сперанскій доложилъ проектъ государю, «и сей велѣлъ населить прежде въ одной изъ польскихъ губерній». Военныя поселенія начались такъ, какъ указываетъ Ильинскій.

Въ письмахъ къ Аракчееву, которымъ надо полагать предшествовали переговоры, Сперанскій указалъ, какъ могло бы совершиться его возвращеніе на службу: или послѣ суда или образомъ «самымъ простымъ хотя, несравненно менѣе удовлетворительнымъ, предоставивъ ему оправдаться противъ словъ дѣлами. Сперанскій, какъ бы по старой привычкѣ, приложилъ проектъ приказа—«нынѣ, по подробномъ разсмотрѣніи, находя донесенія сіи недоказанными, Его Величество соизволяетъ его употребить паки на службу».

Указомъ 30 августа 1816 г. Сперанскій назначенъ былъ пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Предложенный Сперанскимъ проектъ приказа не прошелъ вполнѣ; приказъ данъ былъ въ формѣ болѣе оскорбительной для Сперанскаго и его товарища по несчастью Магницкаго; Сперанскій, уже подъ конецъ жизни, увѣрялъ, что эта форма придумана была Аракчеевымъ, а что «государь совсѣмъ иначе былъ къ нему расположенъ» но это едва ли справедливо: государь тогда не хотѣлъ еще видѣть Сперанскаго и ему было приказано отправиться прямо въ назначенную губернію: государь простилъ его, но далеко не вполнѣ. Управленіе пензенской губерніей должно было убѣдить всѣхъ, насколько и какъ измѣнился Сперанскій. Постъ, занятый Сперанскимъ, былъ однимъ изъ труднѣйшихъ; безъ преувеличенія можно сказать, что немногіе счастливцы уходили съ подобныхъ мѣстъ безъ суда, безъ безконечныхъ тяжбъ и съ чистой репутаціей.

Пребываніе Сперанскаго въ Пензѣ интересно, какъ время его примиренія съ петербургскими сферами, явное обращеніе нѣкогда политическаго дѣятеля въ хорошаго чиновника; въ частности оно интересно измѣненіемъ его взглядовъ на задачи управленія.

Въ Пензѣ Сперанскій открылъ путь къ государю. До сихъ поръ ни одно изъ его писемъ къ Александру неудостоено было личнаго отвѣта; путь этотъ Сперанскій нашелъ чрезъ кн. А. Н. Голицына. Сперанскій всегда былъ религіозенъ, всегда былъ наклоненъ къ мистицизму, къ внутреннему христіанству. Тѣмъ радостнѣе было для него мистическое настроеніе государя: создавалась почва для новаго сближенія. Въ рядѣ писемъ кн. А. Н. Голицыну Сперанскій и въ восторгѣ отъ манифеста объ образованіи соединеннаго министерства и отъ дѣятельности библейскаго общества; въ Пензѣ библейское дѣло росло по малу, но ежедневно; Сперанскимъ обѣщано Голицыну лично вступить по дѣламъ этого общества въ сношеніе съ дворянствомъ. Зная любовь государя и Голицына къ всякаго рода пустынникамъ и затворникамъ Сперанскій проситъ Голицына испросить у государя разрѣшеніе ему краткаго отпуска для посѣщенія «пресловутой» Саровской пустыни; онъ надѣялся тамъ найти, судя по разсказамъ, силу внутренняго христіанства. Онъ не хотѣлъ просить отпуска обычнымъ порядкомъ чрезъ министерство полиціи («почтутъ сіе пустосвятствомъ»), онъ надѣялся что Голицынъ исходатайствуетъ ему отпускъ и самъ же сообщитъ ему о результатѣ. Дозволеніе было дано. Съ удовольствіемъ Голицынъ, а за нимъ и Александръ I, узнавали, что отнынѣ Сперанскій всѣмъ пытливымъ тонкостямъ авторовъ предпочитаетъ чтеніе Ефрема Сирина; Сперанскій шелъ даже дальше: онъ опрашивалъ Голицына, что значитъ вообще чтеніе самыхъ истинныхъ пророческихъ книгъ, когда надо идти къ Богу живыми путями.

Къ этому времени Сперанскій окончилъ переводъ Ѳомы Кемпійскаго, который онъ пожертвовалъ библейскому об-

ществу; государь соизволилъ приказать напечатать переводъ на свой счетъ. Сперанскимъ переведены были «Избранныя мѣста изъ твореній Таулера». Въ противоположность Голицыну и Александру Сперанскій не хотѣлъ, однако, заимствовать полезное чтеніе изъ постороннихъ кладезей, отчего не попытаться—изъ собственныхъ источниковъ, у него уже готовы были «Избранныя мѣста изъ бесѣдъ св. Макарія Великаго». Въ Перми и деревенскомъ уединеніи Сперанскій прошелъ твореніе отцовъ церкви; также основательныя знанія позволяли ему отнестись совершенно критически къ модному тогда мистику—Бему.

По дѣламъ библейскаго общества Сперанскій осмѣлился принести лично поздравленія государю и получалъ отвѣты уже лично отъ государя,—отвѣты, ярко обрисовывающіе тогдашнее мистическое настроеніе государя.

Съ Аракчеевымъ Сперанскій поддерживалъ весьма почтительныя отношенія; переписка касалась, главнымъ образомъ, продажи Великополья. Въ самыя дружелюбныя сношенія вступилъ Сперанскій съ Гурьевымъ, о которомъ онъ такъ рѣзко отзывался еще въ пермскомъ письмѣ. Надо признать, что и Гурьевъ былъ весьма любезенъ со Сперанскимъ, сообщалъ ему свои предположенія, спрашивалъ мнѣнія составителя финансоваго плана. Тяжело читать отвѣты Сперанскаго—«сіи (Гурьева) превосходныя учрежденія ставятъ наше правительство на такой высотѣ финансовыхъ соображеній, къ которой и сама Англія доходила вѣками»... «Въ одной Англіи можетъ министръ говорить съ такимъ достоинствомъ» ....«остается желать, чтобы всѣ благонамѣренные люди считали долгомъ совѣсти поддерживать правительство въ его видахъ».

Благодаря Гурьеву Сперанскій получилъ высшій губернаторскій окладъ жалованья, по представленію Гурьева ему продолжена была аренда; наконецъ, за успѣшныя операціи по винной продажѣ, за возстановленіе казеннаго Брилевскаго завода Гурьевъ же исходатайствовалъ Сперанскому 5.000 десятинъ земли въ саратовской губерніи. Это показываетъ насколько полно было примиреніе Сперанскаго съ курсомъ, котораго держалось тогдашнее правительство.

Кн. Голицынъ, Аракчеевъ, Гурьевъ—всегда держались другихъ убѣжденій, чѣмъ Сперанскій. Можно заподозрить, что въ перепискѣ съ ними Сперанскій не искрененъ, что онъ до извѣстной степени подделывался подъ ихъ политическіе и общественные взгляды. Письма къ Кочубею, который по своимъ воззрѣніямъ стоялъ всегда весьма близко къ Сперанскому, указываютъ, что перемѣна воззрѣній Сперанскаго вовсе не была такъ глубока: «Если бы теперь вопросили, какія же для внутренняго устройства Россіи учрежденія наиболѣе нужны,—не теряясь въ воздушныхъ высотахъ, можно было бы съ достовѣрностью отвѣтить: всего нужнѣе учрежденіе или уставъ объ управленіи губерній. Мысль о лучшемъ губернскомъ уставѣ сама уже приведетъ къ другимъ учрежденіямъ для внутренняго гражданскаго порядка необходимымъ,—къ учрежденіямъ, кои во *всѣхъ случаяхъ должны предшествовать* преобразованіямъ политическимъ, если желаютъ, чтобы сіи последнія когда-либо у насъ возникли съ прочною пользою и безъ потрясеній». Словомъ: добрая администрація есть первый шагъ; въ администраціи правила и учрежденія занимаютъ первое мѣсто; выборъ и нарядъ исполнителей второе.

Передъ нами почти прежній Сперанскій, Сперанскій последней редакціи знаменитаго «Плана»; разница и существенное лишь въ томъ, что тогда онъ начиналъ съ верховъ, т. е. центральной администраціи,—теперь, ставъ ближе къ провинціи, онъ на первое мѣсто ставитъ реформу губернскихъ учрежденій.

Цитата приведена изъ письма къ Кочубею, написаннаго Сперанскимъ по поводу весьма извѣстнаго проекта 1816 г. о намѣстничествахъ. Вѣроятно, по этому же поводу написана Сперанскимъ записка. Россія есть и всегда была государство военное. Гражданскія установленія ея—средства, а не цѣль; они не имѣютъ самостоятельности ни въ людяхъ, ни въ законахъ, ни въ учрежденіяхъ. Однако теперь время перейти отъ воинскихъ началъ управленія къ гражданскимъ. Необходимость этого перехода доказывается такъ же, какъ въ первыхъ редакціяхъ «Плана» доказывалась зрѣлость Россіи къ политической реформѣ: состояніемъ умовъ, общимъ неопредѣленнымъ недовольствомъ, упадкомъ

значенія чиновъ и орденовъ, ропотомъ и т. п. Реорганизація управленія центральнаго и мѣстнаго необходима въ связи съ экономическимъ и образовательнымъ подъемомъ страны. Сперанскій цифрами доказываетъ, что одного дворянства не хватитъ на всѣ государственныя должности, что только путемъ привлеченія къ государственной службѣ и образованію другихъ сословій правительство можетъ обезпечить себѣ достаточный контингентъ служащихъ. Еще разъ Сперанскій подчеркиваетъ необходимость составить сводъ законовъ и на этотъ разъ предлагаетъ (вѣроятно, разумѣетъ себя), чтобы лицо, которому поручено будетъ столь важное дѣло, было освобождено отъ всякихъ другихъ занятій. Въ этой запискѣ любопытна не лишенная мѣткости характеристика русскаго управленія, какъ, «военнаго». Въ общемъ Сперанскій стоитъ на той же точкѣ, на которую онъ ступилъ съ конца 1809 г., когда выдвинулись всѣ трудности политической реформы, а равно (позже) и составленія законовъ. Пребываніе въ Пензѣ убѣдило его въ правильности прежнихъ взглядовъ на губернаторскую власть. По «Плану»—губернаторъ имѣетъ надзоръ надъ движеніемъ всѣхъ частей (полиціи, фабрикъ, торговли, почты, учебныхъ заведеній, казеннаго хозяйства) и всѣ предписанія министерствъ къ нему обращаются; онъ отвѣтствуетъ министерству, а управляющіе отвѣтствуютъ ему, т. е. губернаторъ не чиновникъ одного министерства внутреннихъ дѣлъ или полиціи, а хозяинъ губерніи, лицо отвѣтственное предъ всѣми министрами за все, происходящее въ губерніи, хозяинъ, ограниченный совѣтомъ депутатовъ всѣхъ состояній губерній, имѣющихъ собственность.

Въ Пензѣ Сперанскій воочію убѣдился, какъ далека была дѣйствительность отъ его предположенія и съ горечью писалъ: «губернаторъ есть хозяинъ губерніи; но въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ соединяются и вѣдаются хозяйственныя части, въ казенной палатѣ, онъ можетъ имѣть одно только случайное участіе. Губернаторъ есть надзиратель порядка въ присутственныхъ мѣстахъ; но всѣ чиновники, къ надзору сему опредѣленные, не состоятъ въ его вѣдомствѣ и даже за нимъ сами надзираютъ». Губернаторъ, по Сперанскому, совершенно не имѣлъ способовъ быть въ дѣйствительности хозяиномъ губерніи. Положеніе лично Сперанскаго, какъ губернатора, было иное, чѣмъ, такъ сказать, обыкновенныхъ губернаторовъ: почти всѣ министры немедленно вступили съ нимъ въ весьма предупредительную переписку (Аракчеевъ, кн. Голицынъ, гр. Кочубей, Козодавлевъ, Кампенгаузенъ, Гурьевъ); тѣмъ не менѣе, такой опытный дѣлецъ, такой самостоятельный, самолюбивый и властный характеръ, какъ Сперанскій, живо почувствовалъ всю призрачность губернаторской власти, полную невозможность при тогдашнемъ составѣ сдѣлать что нибудь дѣйствительно полезное для губерніи. Слѣдуетъ припомнить, что тогда все казенное хозяйство (вино, соль, оброчныя статьи) вѣдалось вице-губернаторами, непосредственно подчиненными министру финансовъ; такъ что ближайшій помощникъ губернатора былъ чиновникомъ другого вѣдомства, и столкновенія между ними были довольно обычнымъ явленіемъ. Что же оставалось дѣлать Сперанскому? Сперанскій понималъ, для чего онъ назначенъ; что, конечно, онъ *не* долженъ былъ доказывать, что дѣятельность его не антиправительственна; онъ *не* долженъ былъ даже доказать, что онъ можетъ, имѣетъ способности управлять; но онъ долженъ былъ доказать, что онъ способенъ своею дѣятельностью не раздражать общество и людей. Для этого надо было поладить съ петербургскими и мѣстными властями, а равно и съ пензенскимъ обществомъ—во-первыхъ; а, во-вторыхъ, не слишкомъ долго засиживаться въ Пензѣ, ибо при долговременномъ пребываніи невозможно было сохранить добрыя отношенія со всѣми.

Послѣднюю мысль нѣсколько позже высказалъ Сперанскому замѣчательно опредѣленно гр. Кочубей, тогда управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отчего отзывъ его получаетъ особое значеніе: «я у васъ спрашиваю, можете ли вы ласкаться, чтобы не имѣли вы впослѣдствіи чрезъ нѣсколько лѣтъ величайшихъ затрудненій и непріятностей по управленію вашему? Не приводя въ примѣръ всѣхъ предыдущихъ генералъ-губернаторовъ царствованій прошедшихъ и настоящаго, я не вижу, чтобы отправленіе, отъ высшаго правленія зависящее, имѣло то единство и ту систему, отъ коихъ въ админи-

страціяхъ провинціальныхъ пользы ожидать можно».

Сперанскій понималъ это не хуже Кочубея; съ Петербургомъ у него установились наилучшія отношенія; возвращеніе его на службу привѣтствовали очень многіе его друзья, бывшіе сослуживцы и подчиненные. М. А. Балугьянскій восклицалъ: Restitueris patriae, amicis, bonis omnibus, restitueris fortuna superior! Бар. Аминовъ поспѣшилъ послать Сперанскому медаль, выбитую офицерами старой финляндской арміи въ честь Александра Павловича, напоминая, что онъ, Сперанскій, принималъ большое участіе въ благополучіи Финляндіи. С. М. Броневскій въ дружественномъ письмѣ вспоминалъ, что Сперанскій научилъ его молитвѣ «Господи, помилуй»! Бетсонъ, генеральный французскій консулъ, посылалъ привѣтъ тому, кого имѣлъ счастье видѣть еще въ Эрфуртѣ; Хавскій прислалъ ему свое сочиненіе «О наслѣдствѣ» и т. д.

Со своими подчиненными Сперанскій обходился ласково, выхлопоталъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, имъ много наградъ, на пріемахъ давалъ средство отъ зубной боли. Всего труднѣе, казалось бы, ему было поладить съ дворянствомъ, которое было вооружено противъ него; къ пензенскому дворянству принадлежала семья Вигелей, глава которой Ф. Ф. Вигель былъ врагомъ Сперанскаго вездѣ, гдѣ только могъ. Но, съ другой стороны, Сперанскому въ этомъ отношеніи много помогъ старый и вѣрный его другъ — А. А. Столыпинъ, тоже пензенскій помѣщикъ; и скоро Сперанскій, который всегда умѣлъ, когда хотѣлъ, очаровывать людей, пріобрѣлъ любовь и уваженіе пензенскаго дворянства. У губернаторовъ того времени бывали нерѣдко столкновенія съ губернскими предводителями дворянства; у Сперанскаго, напротивъ, съ тогдашнимъ пензенскимъ предводителемъ Кишинскимъ завязались и надолго сохранились наилучшія отношенія. При первомъ же значительномъ возмущеніи крестьянъ помѣщичьяго села Кутли Сперанскій далъ дворянству доказательство своего отношенія къ больному и животрепещущему вопросу... Затѣмъ Сперанскій и самъ сталъ пензенскимъ помѣщикомъ, пріобрѣтя имѣніе Холеневка. Въ Пензѣ онъ пріобрѣлъ такую общую любовь, которой удостаивались лишь немногіе губернаторы; это признаетъ и Вигель. Дворянство и купечество торжественно провожали Сперанскаго; на одномъ транспарантѣ была надпись:

„Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ".

Когда Сперанскій возвращался изъ Сибири, мѣстное общество опять устроило ему торжественную встрѣчу.

Итакъ, Сперанскій блистательно доказалъ, что онъ истинный христіанинъ, что дѣятельность его никого не возбуждаетъ противъ правительства, что онъ человѣкъ вполнѣ «спокойный», что онъ не только не врагъ дворянства, а, напротивъ, пользуется полными симпатіями этого сословія. По мѣрѣ того, какъ стали выясняться столь благопріятные результаты, Сперанскій усиленно сталъ хлопотать о томъ, чтобы выбраться изъ Пензы. Главнымъ образомъ чрезъ старыхъ своихъ доброжелателей—К. В. Нессельроде и В. П. Кочубея—онъ сталъ домогаться сенаторства, дабы этимъ почетнымъ званіемъ закончить свою служебную карьеру и выйти затѣмъ въ отставку. Конечно, онъ былъ увѣренъ, что теперь его не отпустятъ со службы, и что любимое его занятіе—составленіе законовъ—не минуетъ его.

Сибирь.

Но государь еще не хотѣлъ видѣть его, не потому, чтобы онъ боялся встрѣтиться съ тѣмъ, кто призывалъ его къ суду Божіему, а потому, что не простилъ совсѣмъ личной обиды; поэтому Сперанскій назначенъ былъ (22 марта 1819 г.) сибирскимъ генералъ-губернаторомъ; не столько генералъ-губернаторомъ, сколько ревизоромъ. Назначеніе это сначала, кажется, не порадовало Сперанскаго; по крайней мѣрѣ, онъ въ перепискѣ съ высокими своими корреспондентами не скрывалъ огорченія. Но уже изъ рескрипта государя онъ могъ увидѣть, что назначеніе это, сводилось къ тому, что ему приходилось вмѣсто обычныхъ 1.500 верстъ, отдѣляющихъ Пензу отъ Петербурга, сдѣлать 12.000 в. Затѣмъ онъ утѣшился мыслью, что путешествіе его будетъ небезполезно для обширнаго края; онъ даже мечталъ, что и Жуковскіе и Мерзляковы изъ рода тунгусовъ и остяковъ воспоютъ имя его,

какъ греки воспѣвали Кадма или скандинавы — Одина. Во всякомъ случаѣ Сперанскій не думалъ и не хотѣлъ посвятить богатыя силы свои Сибири; проревизировать управленіе края, намѣтить средства для исправленія и поскорѣе въ Петербургъ, — «я не болѣе, какъ на годъ и много если на годъ съ половиною долженъ отправиться въ Сибирь». Такъ, Сибирь была лишь второю ступенью для возвращенія себѣ почтнаго положенія въ Петербургѣ.

27 мая 1819 г. Сперанскій вступилъ въ свою новую должность въ Тобольскѣ; 9 февраля 1821 г. онъ выѣхалъ уже изъ Сибири (изъ Тюмени); онъ выѣхалъ бы раньше, если бы не былъ задержанъ государемъ. Войти глубоко, войти съ любовью въ сибирскія дѣла, Сперанскій не хотѣлъ. Напрасно Козодавлевъ (игравшій въ исторіи Сперанскаго двусмысленную роль, теперь сильно заигрывавшій опять съ Сперанскимъ) интересовался, дошло ли до Сперанскаго извѣстіе, что онъ подалъ въ комитетѣ министровъ по сибирскимъ дѣламъ отдѣльное мнѣніе; напрасно бывшій союзникъ Армфельда и Балашова увѣрялъ Сперанскаго, что онъ «врагъ самовластія, а особливо пашинскаго»; что онъ любитъ «муниципальное правленіе, магистраты и прочее сему подобное»; что онъ «до коронныхъ чиновниковъ по губерніямъ небольшой охотникъ: они только подкрѣпляютъ *такаіемъ* самовластіе мѣстныхъ начальниковъ»; напрасно также онъ послалъ Сперанскому въ подарокъ книгу Прадта «Sur les colonies» и совѣтовалъ прочитать madame Stahl sur la révolution française. Сперанскій понималъ лучше, на какихъ началахъ устроить сибирское управленіе въ будущемъ, чтобы всѣ остались довольны, убѣдились бы, что онъ недаромъ прокатился въ Сибирь, и чтобы проекты его не встрѣтили возраженій Аракчеева, Гурьева, Голицына, спорить съ которыми сколько нибудь крупно онъ теперь не хотѣлъ и не могъ. Сперанскій всегда былъ аристократъ духа, который былъ не прочь, чтобы остяцкіе Мерзляковы воспѣвали его и его любимую дочь, но искренней любви къ низшимъ классамъ населенія у него не было. Онъ былъ очень доволенъ, что его Великопольe купили подъ военныя поселенія за 140.000 р. асс.; въ дневникѣ его попадаются фразы—въ Екатериненбургѣ—«умные люди, хотя я съ бородами». Въ Томскѣ—«духоборцы. Незначительная сволочь до 10 человѣкъ». «Весь путь отъ Канскаго до Красноярска есть садъ; но деревни бѣдны, грязны; обыватели большею частью народъ пьяный и лѣнивый». Въ проведенные имъ въ Сибири полтора года онъ много занимался дѣлами, разбиралъ безконечное число жалобъ, временами онъ находилъ, что недаромъ Провидѣніе прислало его сюда, но все же мыслями былъ въ Петербургѣ, или спѣшилъ углубляться въ Геродота, Шлегеля,—Geschichte der alten und neuen Literatur, записывалъ самъ все время показанія барометра, училъ Жоржа; порой даже замѣтно, что этотъ сильный умъ старѣетъ, занятъ мелочами. Попрежнему доносилъ Голицыну объ успѣхахъ библейскихъ обществъ; въ какомъ городѣ находилъ отдѣленіе общества, тамъ Сперанскій спѣшилъ вступить въ число членовъ; гдѣ не было (Нерчинскъ, Якутскъ), основывалъ товарищества. Всѣмъ, что попадалось ему по пути, Сперанскій интересовался чрезвычайно живо: развалинами, мѣстными обрядами, инородцами, ихъ обычаями, животными, растеніями,—всему искалъ объясненія; надъ всѣмъ этимъ царила масса жалобъ, жалобъ безъ конца. Только опытныя руки Сперанскаго могли разбираться въ этомъ морѣ жалобъ, исковъ, дрязгъ и пр.

Результатомъ наблюденій и работъ въ Сибири явилось обширное сибирское учрежденіе 1822 г.

Въ сибирскомъ учрежденіи 1822 г. отразились обычныя свойства работы Сперанскаго. Обстоятельства и условія на этотъ разъ были гораздо менѣе благопріятны, чѣмъ прежде; самъ Сперанскій былъ не тотъ; сибирскимъ учрежденіемъ онъ держалъ экзаменъ своего рода, причемъ онъ хорошо зналъ желанія и мысли своихъ негласныхъ экзаменаторовъ. Предметъ ему былъ мало извѣстенъ: недолго онъ тамъ пробылъ и все время мысли его были далеко отъ Сибири. Тѣмъ не менѣе онъ желалъ доказать urbi et orbi, что его недаромъ посылали въ Сибирь. Какъ нѣкогда къ «Плану», манифестамъ,—къ сибирскому учрежденію присоединено не мало разсужденій хорошаго идейнаго содержанія, въ которыхъ высказано много хорошихъ словъ и мыслей.

Что касается до сути дѣла, то Сибирь получила немного, не такъ много, какъ думала она сама. И въ Сибири Сперанскій завоевалъ общественное мнѣніе— ошибки 1809—1812 гг. онъ не повторялъ.

По его предложенію, Сибирь прежде всего раздѣлена была на двѣ Сибири; обычный пріемъ Сперанскаго, но пріемъ чисто-бюрократическій: увеличеніемъ числа чиновниковъ обезпечить лучшее управленіе. Послѣ этого единство Сибири распалось, образовались двѣ крупныхъ области, правители которыхъ могли вести отдѣльную политику. Съ точки зрѣнія централизаціи—это было выгодно для государства. Для обезпеченія большей законности Сперанскій ввелъ въ сибирскую жизнь коллегіальное начало, идею совѣтовъ. Только съ перваго взгляда введеніе коллегіальнаго начала можетъ показаться противорѣчіемъ прежнимъ идеямъ Сперанскаго. Приверженецъ единоличнаго начала въ организаціи исполнительной власти въ центральныхъ органахъ, Сперанскій всегда и въ «Планѣ», и въ устройствѣ Финляндіи, и позже въ запискѣ о губернскихъ учрежденіяхъ — высоко ставилъ коллегіальное начало—«безотчетное и личное дѣйствіе губернскаго правленія, писалъ Сперанскій въ запискѣ около 1827 г., должно подчинить надзору мѣстному, не личному и самовластному, каковъ есть надзоръ генералъ-губернатора, и не слабому и ничтожному, каковъ есть надзоръ прокурора, но надзору коллегіальному, постоянному, на твердыхъ правилахъ установленному, имѣющему власть не только заявлять за тысячу верстъ безпорядки и злоупотребленія, но прекращать ихъ, остановляя зло не спустя мѣсяцы и годы, но въ самомъ его началѣ; держать чиновниковъ въ строгой дисциплинѣ; преслѣдовать виновныхъ судомъ». Для Сибири Сперанскій остановился на бюрократическихъ совѣтахъ, составленныхъ изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, объединенныхъ въ совѣтѣ, имѣвшемъ однако ничтожное значеніе: при генералъ-губернаторахъ образованы совѣты главныхъ управленій, при губернаторахъ—губернскіе совѣты, въ округахъ—окружные совѣты. Наибольшее значеніе должны были имѣть совѣты главнаго управленія. Въ этотъ послѣдній совѣтъ Сперанскій проектировалъ включить бригаднаго начальника внутренней стражи, окружного начальника путей сообщенія и совѣтниковъ главнаго управленія по штату. Въ учрежденіи первая часть этой статьи измѣнена такъ: положено шесть штатныхъ чиновъ совѣта: три по представленію генералъ-губернатора и три по представленію отъ министерства.

Есть мнѣніе (Прутченко), что мотивомъ измѣненія было желаніе ослабить совѣтъ; что Сперанскій стремился окружить генералъ-губернатора возможно вліятельнымъ совѣтомъ и потому включилъ туда двухъ лицъ военнаго званія, начальствующихъ отдѣльными частями и не находящихся въ непосредственной зависимости отъ генералъ-губернатора. Едва ли съ этимъ мнѣніемъ можно согласиться; генералъ-губернаторы штатскіе у насъ рѣдкое исключеніе; а при военномъ генералъ-губернаторѣ (не говоря уже о томъ, что въ Сибири нерѣдко губернаторы были также и командующими расположенными тамъ войсками) военные чины совѣта главнаго управленія давали меньшую гарантію самостоятельности, чѣмъ члены по назначенію отъ министерствъ.

Совѣты главнаго управленія имѣли *совѣщательное* значеніе; это положеніе совершенно ясно выражено было въ § 257.

Составленное такимъ образомъ учрежденіе не обезпечило ни плодотворности работы, ни закономѣрности ея (Прутченко). Очень скоро жизнь дала яркое доказательство того, насколько новое управленіе осталось чуждымъ, разобщеннымъ съ населеніемъ. Дѣло, въ которомъ Сперанскій принималъ живѣйшее участіе, это положеніе о земскихъ повинностяхъ въ Сибири. По иниціативѣ Сперанскаго рѣшено было замѣнить натуральныя повинности денежными, снять съ населенія тяжелую дорожную повинность, образовавъ постепенно изъ бродягъ и ссыльныхъ рабочія команды, содержаніе которыхъ отнести на счетъ земскихъ повинностей.

Несмотря на нѣкоторую настойчивость, обнаруженную Сперанскимъ, дѣйствовавшимъ чрезъ сибирскій комитетъ, мѣры эти въ жизнь не прошли. Легко написать на бумагѣ—образовать изъ ссыльныхъ и бродягъ рабочія команды и содержать ихъ въ строгой дисциплинѣ; чѣмъ на дѣлѣ были эти команды, какъ онѣ себя вели, какія жалобы поднялись на нихъ—это легко тоже себѣ представить; затѣмъ,

главное, сибирскому крестьянину, нерѣдко жившему безбѣдно, но, за отсутствіемъ почти рынковъ сбыта, замѣнить натуральную повинность денежною было крайне тяжело (возраженіе Канкрина). Чрезвычайно любопытна резолюція императора Николая I, который призналъ, что «лучшіе судьи удобнѣйшаго исполненія земскихъ повинностей суть сами жители. Они ближе знаютъ, гдѣ, что и кто можетъ исправить деньгами, гдѣ, что и кто самъ собою, своими руками и своею лошадью». Государь приказалъ опросить мѣстныхъ жителей.

Никто никогда не скажетъ, чтобы государь Николай Павловичъ былъ сторонникомъ участія общественныхъ силъ въ управленіи, а Сперанскій предоставилъ этимъ силамъ еще менѣе возможности вліять на управленіе, хотя бы только доставленіемъ свѣдѣній, чѣмъ это допускалъ императоръ Николай I.

Планомѣрности не было, не было и закономѣрности; если какіе чины совѣтовъ главнаго управленія и проявили нѣкоторую самостоятельность, такъ это какъ разъ чины, назначенные отъ министерства. Сибирское учрежденіе написано Сперанскимъ какъ бы мимоходомъ.

Ни дѣтство и юность, проведенныя въ провинціи, ни время ссылки, ни пензенское губернаторство, ни обладаніе деревнями не дали ему ни необходимыхъ свѣдѣній, ни опыта: интересы его всегда были въ другомъ мѣстѣ, и провинціальная жизнь казалась ему всегда слишкомъ мелочной.

22 марта 1821 г. Сперанскій возвратился въ Петербургъ. «Выѣхалъ 17 марта 1812 г. Возвратился 22 марта 1821 г. Странствовалъ 9 лѣтъ и 5 дней». Государь пріѣхалъ изъ Лайбаха въ Царское Село 26 мая, 6 іюня Сперанскій былъ принятъ государемъ; лишь 31 августа государь говорилъ съ нимъ о причинахъ ссылки его.

Возвращеніе Сперанскаго первоначально чрезвычайно взволновало общественные кружки: разсчитывали, что онъ скоро займетъ прежнее положеніе, т. е. станетъ во главѣ гражданскаго управленія и что, слѣдовательно, Россія снова вступитъ въ пору реформъ, необходимость которыхъ чувствовалась тогда можетъ быть сильнѣе, чѣмъ когда либо. Самъ Сперанскій также надѣялся на нѣчто въ этомъ родѣ. Но этого не только не произошло, но Сперанскій даже не получилъ болѣе никакой отдѣльной части (министерства) въ свое управленіе. Онъ назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта, въ награду получилъ 3.486 десятинъ земли въ пензенской губерніи, затѣмъ ему же поручалось управленіе комиссіей составленія законовъ,— на время отсутствія кн. П. В. Лопухина. Для разсмотрѣнія его отчета о Сибири и тѣхъ мѣрахъ, которыя предполагалось принять по сибирскому управленію, учрежденъ былъ сибирскій комитетъ (Кочубей, Гурьевъ, Аракчеевъ, Голицынъ, Кампенгаузенъ и Сперанскій). Въ комитетѣ этомъ, состоявшемъ изъ лицъ, съ которыми Сперанскій былъ въ перепискѣ, предположенія Сперанскаго прошли въ общемъ легко; особаго оживленія въ правительственную дѣятельность они не внесли, такъ что занятія эти, равно какъ и отдѣльныя порученія, многократно дававшіяся Сперанскому, не могли отвлекать его вниманія отъ законодательной работы. Но въ комиссіи законовъ, гдѣ начальникомъ оставался его старый недоброжелатель кн. Лопухинъ, а главнымъ почти единственнымъ работникомъ былъ сильнѣйшій врагъ его Розенкампфъ,—положеніе Сперанскаго было неопредѣленное.

Сперанскій поспѣшилъ представить государю обозрѣніе дѣлъ комиссіи (21 августа 1821 г.); въ обозрѣніи онъ не пощадилъ комиссіи; онъ указывалъ не только на весьма значительную неполноту трудовъ комиссіи и на неудовлетворительное исполненіе замѣчаній государственнаго совѣта, но обвинялъ даже комиссію въ спутанномъ и затемненномъ «какъ бы съ намѣреніемъ» слогѣ, своды комиссіи представляли изъ себя безобразную смѣсь (Майковъ).

Во всякомъ случаѣ приговоръ этотъ сдва ли справедливъ; самолюбіе Сперанскаго было слишкомъ задѣто всѣмъ, что случилось съ выработанными имъ частями уложенія, чтобы онъ могъ быть безпристрастнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ, работѣ своего врага. Обстоятельства перемѣнились и теперь для исправленія сдѣланнаго комиссіей Сперанскій предлагалъ сдѣлать то же, что въ 1812 г. враги его сдѣлали относительно его финансовыхъ мѣръ, а именно —«чтобы, назначивъ, писалъ Сперанскій государю, для этого рода занятій особый день въ недѣлю, приказано было комиссіи вносить въ это засѣданіе совѣта по порядку ея

работы. Какъ членъ совѣта я (Сперанскій) буду дѣлать и вносить письменныя примѣчанія. Совѣтъ будетъ ихъ разсматривать и судить», т. е. работы комиссіи будутъ обличены не частнымъ мнѣніемъ лицъ, а цѣлымъ сословіемъ.

Предложеніе Сперанскаго было принято государемъ и въ этомъ смыслѣ данъ былъ на имя Лопухина рескриптъ, коимъ Сперанскому не только предписывалось особо заниматься симъ дѣломъ, представлять свои изъясненія и примѣчанія на статьи, но ему поручалось составленіе журналовъ этихъ засѣданій совѣта и докладъ ихъ государю. Неудивительно, что скоро, чрезъ пять мѣсяцевъ, Розенкампфъ уволенъ былъ изъ комиссіи.

Сперанскій сталъ во главѣ дѣла, но комиссія ему не была подчинена; мѣсто Розенкампфа занялъ Багульянскій, старый пріятель и сослуживецъ Сперанскаго. Тѣмъ временемъ въ государственномъ совѣтѣ начались пренія по вносимымъ Сперанскимъ проектамъ комиссіи (съ 21 ноября 1821 г. по 21 декабря 1822 г., 49 засѣданій: изъ 1343 разсмотрѣнныхъ статей осталось безъ перемѣны только 622). Въ общихъ собраніяхъ первенствовалъ въ замѣчаніяхъ Мордвиновъ; одно дѣло—глава о бракѣ—причинило большую непріятность Сперанскому: онъ временно разсорился съ кн. А. Н. Голицынымъ и получилъ замѣчаніе отъ государя. Исправленное совѣтомъ уложеніе (первыя двѣ части котораго три раза были разсмотрѣны совѣтомъ) все-таки не увидѣло свѣта: введенію его въ дѣйствіе противился самъ Сперанскій; несмотря на внесенныя по его же инціативѣ поправки и передѣлки, онъ продолжалъ считать работу слабою, нуждающеюся въ коренной передѣлкѣ. Образъ дѣйствія Сперанскаго во всемъ этомъ дѣлѣ представляется загадочнымъ: къ чему же было заставлять государственный совѣтъ такъ работать, посвятить ему 49 засѣданій, вызвать столько споровъ.

Въ августѣ 1824 г. въ совѣтъ внесенъ былъ проектъ уголовнаго уложенія, но и это дѣло скоро, въ началѣ слѣдующаго года остановилось.

Въ совѣтѣ Сперанскій, конечно, былъ виднымъ членомъ, но поведеніе его было очень осторожное. Во время бурныхъ преній въ совѣтѣ по проекту Гурьева объ установленіи пошлинъ съ наслѣдства, противъ которыхъ съ жаромъ возставалъ Мордвиновъ, увлекшій за собой и департаментъ, и общее собраніе, Сперанскій сталъ на сторону Гурьева; съ другой стороны, нѣкоторыя мнѣнія Мордвинова изложены Сперанскимъ. Къ искусному перу Сперанскаго въ затруднительныхъ случаяхъ государственная канцелярія также охотно прибѣгала (по дѣлу гр. Каменскаго съ поваромъ-французомъ, когда кн. А. Г. Куракинъ очень рѣзко отозвался о дѣйствіяхъ гр. Каменскаго).

Въ частной жизни Сперанскій поддерживалъ хорошія отношенія съ представителями тогдашняго высшаго служебнаго общества въ Петербургѣ: съ главнымъ своимъ покровителемъ Аракчеевымъ Сперанскій работалъ въ комитетѣ по военнымъ поселеніямъ; въ началѣ 1825 г. имъ и была издана брошюра «О военныхъ поселеніяхъ», имѣвшая цѣлью примирить общественное мнѣніе съ этимъ крайне непопулярнымъ учрежденіемъ. Въ душѣ своей Сперанскій, конечно, держался совсѣмъ другого взгляда на поселенія; но кто же рѣшился бы тогда громко критиковать ихъ?..

Въ общемъ кредитъ Сперанскаго падалъ и довольно сильно: съ 1823 г. онъ обратился въ рядового члена совѣта, которому иногда давались порученія законодательнаго характера (уставы о коммерціи, коммерческомъ судопроизводствѣ, о банкротствѣ); государь въ 1824 и 1825 гг. совсѣмъ не принималъ Сперанскаго съ бумагами, несомнѣнно, что онъ охладѣлъ къ нему; есть извѣстія, что государь недоброжелательно относился къ тому, чтобы близкія ему лица входили въ сколько-нибудь тѣсныя сношенія съ Сперанскимъ. Въ 1822 г. Сперанскій, на ряду со всѣми лицами, состоявшими на государственной службѣ, далъ подписку о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ и массонскимъ обществамъ; давъ подписку, Сперанскій прибавилъ: «въ 1810 и 1811 гг. повелѣно было разсмотрѣть массонскія дѣла особому секретному комитету, въ коемъ и я находился. Дабы имѣть о дѣлахъ сихъ нѣкоторое понятіе, я вошелъ съ вѣдома правительства въ массонскіе обряды; для чего составлена была здѣсь частная и домашняя ложа изъ малаго числа лицъ по системѣ и подъ предсѣдательствомъ доктора Фесслера, въ коей былъ два раза. Послѣ

чего, какъ въ сей, такъ и ни въ какой другой ложѣ, ни тайномъ обществѣ не бывалъ; да и сами собранія сіи, не принадлежавшія къ числу правильныхъ и установленныхъ ложъ, сколько мнѣ извѣстно, сами собою прекратились».

Частная жизнь Сперанскаго въ эти годы ознаменовалась чрезвычайно важнымъ для него событіемъ: дочь его, столь имъ любимая, единственная радость его на землѣ, Елизавета Михаиловна вышла замужъ за А. А. Флорова-Багрѣева, черниговскаго гражданскаго губернатора, родственника гр. В. П. Кочубея. Съ этого времени начинается обширная переписка Сперанскаго съ зятемъ: старикъ очень занятъ былъ свадьбой, онъ постоянно въ «свѣтѣ», то у Кочубеевъ, то у Васильчиковыхъ, то у Лобановыхъ, то у кн. Прозоровской. Сперанскій дѣятельно хлопочетъ объ «Аннѣ I ст.» для зятя, устраиваетъ его дѣла, сообщаетъ, что весь городъ толкуетъ о свадьбѣ ихъ; даетъ, конечно, наставленія будущему зятю; съ Багрѣевымъ Сперанскій откровеннѣе и разговорчивѣе, чѣмъ со своими родными, которые слишкомъ далеко стоятъ отъ своего знаменитаго родственника; зятю онъ сообщаетъ о нѣкоторыхъ слухахъ, о наградахъ и передвиженіяхъ по службѣ.

Сперанскій въ началѣ царствованія Императора Николая I.

Вступленіе на престолъ императора Николая измѣнило положеніе Сперанскаго: при Николаѣ Павловичѣ онъ занялъ то мѣсто, на которое имѣлъ полное право, къ которому давно готовился: онъ поставленъ былъ во главѣ составленія свода законовъ, онъ сталъ офиціальнымъ юрисконсультомъ русскаго правительства. Принципіальнаго разногласія между нимъ и новымъ самодержцемъ не могло быть не только потому, что Сперанскій «смирился», не только потому, что Сперанскій давно уже сталъ сотоварищемъ Аракчеева и кн. А. Н. Голицына. Еще до ссылки своей Сперанскій убѣдился въ необходимости сохранить, по крайней мѣрѣ, до поры до времени самодержавіе и считалъ возможнымъ утвердить законность, различить «законъ» и «указъ» при сохраненіи самодержавія: это и было идеаломъ Сперанскаго съ 1810 г., отъ котораго онъ съ горечью отступилъ въ 1816 г.; императоръ Николай, безусловно, намѣревался и искренно хотѣлъ водворить самую строгую законность въ царствѣ своемъ; онъ прекрасно увидѣлъ, въ какомъ хаосѣ пребывало тогдашнее управленіе Россіей; съ создавшимся положеніемъ вещей онъ не хотѣлъ мириться. Были и другія черты у императора Николая, сблизившія его со Сперанскимъ: вѣра въ форму, вѣра въ силу предписанія, приказы, стремленія къ наибольшей централизаціи.

Николай Павловичъ не ввѣрилъ Сперанскому никакой отрасли управленія, считая его недостаточно положительнымъ человѣкомъ, но зато составленіе законовъ поручено было Сперанскому: работа Сперанскаго—лучшее дѣло тридцатилѣтняго царствованія Николая I. О кончинѣ Александра Павловича Сперанскій узналъ 27 ноября въ Невской лаврѣ; Сперанскій явился туда на молебенъ о здравіи, по полученіи письма Елизаветы Алексѣевны, въ которомъ стояло: «il y a un mieux décidé, mais il est tres faible». Во время причастнаго въ Невскій явился генералъ Нейдгартъ и объявилъ горестную вѣсть; въ одно мгновеніе ока она разлилась по всей церкви и обнаружилась рыданіемъ.

Для Сперанскаго настали трудные и тяжелые дни; о тайномъ обществѣ онъ, вѣроятно, зналъ. Въ домѣ у него тогда проживалъ такой видный декабристъ, какъ Батеньковъ. Можетъ быть, Сперанскій зналъ, что новые люди пытались осуществить то, что онъ надѣялся ввести въ Россіи совершенно мирнымъ путемъ; онъ, можетъ быть, зналъ, что имя его и его политическаго друга Мордвинова произносилось декабристами, что они расчитывали на нихъ.

Впрочемъ, у себя дома Сперанскій рѣшительно запретилъ всякіе разговоры о политикѣ, объ отреченіи цесаревича. Со времени катастрофы онъ сталъ чрезвычайно остороженъ; даже когда онъ получалъ явно-несостоятельныя приказанія онъ позволялъ себѣ лишь одно слово: «чудаки». Батеньковъ вздумалъ было провѣрить городскіе слухи о томъ, что цесаревича удаляютъ, но Сперанскій прервалъ его словами: ежели не хочешь погибели себѣ, то не занимался бы тѣмъ, что до тебя не относится.

13 декабря Сперанскій вызванъ былъ во дворецъ для составленія манифеста; сперва это дѣло было поручено Карамзину, но редакція послѣдняго не удовлетворила Николая I; тогда и обратились къ искусному перу Сперанскаго. Проектъ Сперанскаго былъ принятъ; имъ же было написано письмо отъ государя цесаревичу Константину Павловичу.

Такое приближеніе очень обрадовало Сперанскаго; вернувшись домой онъ сказалъ дочери, что императоръ обѣщаетъ новаго Петра Великаго. Когда присутствовавшій при разговорѣ Батеньковъ огорчился такимъ отзывомъ, замѣтивъ Елизаветѣ Михайловнѣ, по уходѣ Сперанскаго, что всѣ думаютъ о себѣ, о Россіи—никто; то послѣдняя отвѣтила: у васъ странныя желанія, менѣе всего надѣялась ихъ отъ математика. Перестаньте о ненужномъ хлопотать; это ихъ дѣло (указавъ на малютку). Время все сдѣлаетъ, а мы должны теперь радоваться.

Если Николай Павловичъ произвелъ на Сперанскаго такое впечатлѣніе, что онъ готовъ былъ видѣть въ немъ Петра I, то первыя впечатлѣнія Николая Павловича о Сперанскомъ были обратныя, въ чемъ Николай Павловичъ и сознался впослѣдствіи: «Михаила Михайловича не всѣ понимали, и не всѣ довольно умѣли цѣнить; сперва и я самъ, можетъ быть, больше всѣхъ былъ виноватъ противъ него въ этомъ отношеніи. Мнѣ столько было наговорено о его либеральныхъ идеяхъ; клевета коснулась его даже и по случаю 14 декабря, но всѣ эти обвиненія разсыпались какъ пыль». Дѣло въ томъ, что нѣкоторые подсудимые показали, что надежды свои на успѣхъ они строили на содѣйствіи Мордвинова, Сперанскаго и другихъ. Показанія эти были разслѣдованы самымъ секретнымъ образомъ; производившій разслѣдованіе Боровковъ пишетъ: «по точнѣйшимъ изысканіямъ обнаружилось, что надежда эта была только выдуманною и болтовнею для увлеченія легковѣрныхъ».

Какъ членъ совѣта, Сперанскій былъ судьею въ дѣлѣ декабристовъ; нечего и говорить о томъ, что такой законникъ, какъ Сперанскій, долженъ былъ чувствовать въ судѣ, который менѣе всего походилъ на правильный судъ. Сперанскому выпала болѣе активная роль: онъ былъ избранъ въ ту комиссію суда, которой предоставлено было опредѣлить степень преступности и мѣру наказанія каждаго обвиненнаго. Участіе его, какъ юриста въ этой комиссіи, вѣроятно, значительное, тѣмъ болѣе, что онъ же избранъ былъ послѣ въ комиссію всего изъ трехъ лицъ для составленія всеподданѣйшаго доклада. Приговоръ комиссіи, принятый судомъ, извѣстенъ: пятерыхъ четвертовать, 31 человѣка казнить отсѣченіемъ головы, прочихъ сослать въ вѣчную каторгу и т. д.

Есть вполнѣ достовѣрное свидѣтельство, что Сперанскій чувствовалъ себя очень разстроеннымъ въ эти мѣсяцы.

Такимъ же, какъ въ Верховномъ судѣ, Сперанскій былъ и въ комитетѣ 6 декабря 1826 г. Комитетъ этотъ (Кочубей, Толстой, Васильчиковъ, Голицынъ, Дибичъ и Сперанскій) долженъ былъ составить программу новаго царствованія, намѣтить рядъ преобразованій административныхъ и соціальныхъ. Вопроса политическаго не поднималось; послѣднее обстоятельство не противорѣчило идеямъ Сперанскаго, ибо комитетъ ставилъ ту же цѣль, что его планъ въ послѣдней редакціи, т. е. образовать вокругъ самодержавнаго государя учрежденія, вполнѣ обезпечивавшія законный ходъ въ жизни. Комитетъ началъ свою работу съ пересмотра узаконеній о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ (совѣтъ, комитетъ министровъ, министерства и т. д.). Въ вопросахъ этихъ Сперанскій давалъ разъясненія, иногда весьма пространныя. Сперанскій старался провести обломки прежняго своего плана: раздѣлить сенатъ на два—судный и правительствующій, уничтожить комитетъ министровъ, заставить министровъ дѣйствовать рѣшительнѣе, брать на свою отвѣтственность тѣ случаи, которые могутъ быть разрѣшены по *разуму* законовъ, а не обращаться при всякихъ мало-мальски сомнительныхъ случаяхъ за разрѣшеніемъ къ верховной власти. Но проводя этотъ проектъ, Сперанскій не напоминалъ ни о предположенныхъ въ 1811 г. высокихъ правахъ судебнаго сената, ни о дополненіи его *выборными* членами; для обновленія сената, для усиленія его онъ теперь останавливался на мысли, что въ сенатѣ могутъ быть назначаемы не только особы третьяго, но и четвертаго класса. Въ «Планѣ» 1810—12 гг. видна попытка приблизить населеніе къ монарху, воспрепятствовать бюрократіи стоять стѣною

между монархомъ и населеніемъ; теперь, въ комитетѣ 6 декабря, Сперанскій ни о чемъ подобномъ не говоритъ и не думаетъ.

Въ вопросахъ мѣстнаго управленія комитетъ принялъ мысль Сперанскаго объ учрежденіи общихъ присутствій при губернаторахъ и въ уѣздахъ, т. е. почти тѣ же совѣты, которые Сперанскій далъ для Сибири; мысль эта не была осуществлена. Въ «законѣ о состояніяхъ», выработанномъ въ комитетѣ, послѣдній также слѣдовалъ авторитету Сперанскаго. Отношеніе Сперанскаго къ крѣпостному вопросу извѣстно: онъ мирился съ крѣпостнымъ правомъ настолько, что никогда не ставилъ уничтоженіе его въ основу своихъ проектовъ даже эпохъ 1810—1812 гг., вопросы политическіе и финансовые въ глазахъ его всегда имѣли первенство предъ разрѣшеніемъ крестьянскаго дѣла. Сперанскій и теперь указывалъ длинный и долгій путь постепенныхъ мѣръ, послѣ которыхъ можно было ограничить крестьянскія работы и повинности на помѣщиковъ условіями, опредѣленными въ договорахъ между обѣими сторонами. Сперанскимъ же составлены были записки о дворовыхъ, принятыя комитетомъ; ихъ основная мысль—рядомъ мѣръ съ одной стороны затруднять увеличенія этого класса, а съ другой ускорить сокращеніе его: въ переписи обозначить отдѣльно дворовыхъ отъ крестьянъ, запретить вторыхъ переводить въ дворовые, запретить ставить крестьянъ въ рекруты вмѣсто дворовыхъ и vice versa, дозволить дворовыхъ вмѣсто крестьянъ и т. п. Сперанскій же указалъ на необходимость улучшенія быта казенныхъ крестьянъ; эта его мысль и привела къ образованію новаго министерства государственныхъ имуществъ.

Сводъ законовъ.

Несмотря на то, что императоръ Николай вначалѣ нѣсколько колебался въ довѣріи своемъ къ Сперанскому, послѣдній уже въ январѣ 1826 г. представилъ государю четыре записки съ своими предположеніями объ окончаніи дѣла; Сперанскій не щадилъ комиссіи законовъ ни ея устройства, ни ея членовъ. Доводы Сперанскаго были уважены; государь рѣшилъ взять это дѣло въ непосредственное свое вѣдѣніе. Для этого учреждалось II-ое Отдѣленіе Собственнаго Его Величества канцеляріи; комиссія составленія законовъ была упразднена, дѣла ея переданы въ новое учрежденіе Но не Сперанскій сталъ во главѣ II отдѣленія; на это мѣсто назначенъ былъ М. А. Балугьянскій, управленіе же всѣмъ дѣломъ и доклады государю возложены были на Сперанскаго. Едва ли вѣрно объясненіе Корфа, что дѣло устроилось такъ по иниціативѣ самого Сперанскаго, опасавшагося возбудить снова зависть своихъ враговъ. Сперанскій безусловно разсчитывалъ, вернувшись изъ Сибири, на то, что онъ займетъ мѣсто министра. Гораздо правильнѣе второе указаніе Корфа, что государь назначилъ Сперанскаго по *необходимости*, не найдя вокругъ себя никого, кѣмъ бы онъ могъ замѣнить Сперанскаго. Николаю Павловичу извѣстно было мнѣніе Александра I о Сперанскомъ и онъ не видѣлъ причины пока измѣнить это мнѣніе. Слова, сказанныя имъ Баулгьянскому: «смотри же, чтобъ онъ не надѣлалъ такихъ же проказъ, какъ въ 1810 г.: ты у меня будешь за него въ отвѣтѣ», — опредѣленно рисуютъ положеніе, занимаемое тогда Сперанскимъ: его талантомъ и знаніями хотѣли пользоваться, но онъ долженъ былъ находиться подъ присмотромъ. Въ этомъ, конечно, было много обиднаго лично для Сперанскаго, но возможность выполнить свое любимое дѣло, дать Россіи сводъ, заставила его стать выше разсчетовъ самолюбія; исторія должна только преклониться предъ рѣшеніемъ Сперанскаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Николай Павловичъ далъ рѣшительное указаніе, что должно составить II отдѣленіе,—сводъ или уложеніе? Подъ первымъ разумѣли сводъ законовъ существующихъ, съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ всякихъ измѣненій въ существѣ ихъ. Подъ вторымъ—таковой же сводъ, но съ дополненіями и исправленіями. Государь приказалъ слѣдовать первой системѣ безъ всякихъ измѣненій. Рѣшеніе это, вѣроятно, было принято по предложенію Сперанскаго; если это такъ, то въ этомъ находится прямое указаніе, въ какомъ направленіи совершалось измѣненіе идей Сперанскаго; обширныя его записки 1805—1812 гг. написаны въ убѣжденіи *сходства* русской исторіи съ исторіей запада; къ Николаевскому времени онъ постепенно перешелъ къ убѣ-

*

жденію противоположности началъ нашей жизни съ началами западной жизни: всѣ западныя государства получили богатое наслѣдство: римскіе законы, Россіи же изъ римскаго наслѣдства ничего не досталось; законодательство наше должно все почерпать изъ собственныхъ своихъ источниковъ. Нашъ сводъ долженъ быть по составу Corpus juris Юстиніановъ, содержаніе же его совершенно отличное.

Составить сводъ Сперанскій рѣшилъ такъ же, какъ составленъ былъ образецъ, т. е. Corpus, но по началамъ, установленнымъ Бекономъ: 1) законы, вышедшіе изъ употребленія исключить; 2) всѣ повторенія также; 3) статьи свода излагать словами законовъ; 4) многочисленныя статьи сократить (мотивъ, разсужденія, случай); 5) изъ законовъ противорѣчащихъ избирать тотъ, который лучше другихъ. Это послѣднее правило Бекона Сперанскій замѣнилъ другимъ: изъ двухъ несходныхъ между собою законовъ надлежитъ слѣдовать позднѣйшему, не разбирая лучше ли онъ или хуже прежняго. 6) провѣрить сводъ, дабы не вкрались въ него законы новые подъ видомъ старыхъ; 7) кромѣ общеимперскаго свода, мѣстные законы изложить въ особенныхъ сводахъ (остзейскомъ, западныхъ губерній).

Сперанскій образовалъ II отдѣленіе, пригласилъ туда нѣсколько профессоровъ университета (кромѣ Балугьянскаго, Плисовъ, Куницынъ, Даниловичъ), пригласилъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, воспитанниковъ царскосельскаго лицея, московскаго университета; нѣкоторые ему были предложены, напримѣръ Дибичъ пишетъ Сперанскому: государь императоръ узналъ, что старшій адъютантъ егерскаго полка штабсъ-капитанъ Кутузовъ имѣетъ наклонность и способность къ занятіемъ по части законовѣдѣнія, поэтому нельзя ли его принять; конечно, Кутузовъ былъ принятъ. О работахъ этихъ лицъ Сперанскій докладывалъ государю, докладывалъ такъ сказать мастерски, т. е. онъ умѣлъ испрашивать своимъ подчиненнымъ щедрыя награды, почетныя и денежныя. Работу канцелярій Сперанскій всегда умѣлъ образовать, такъ что съ этой стороны Сперанскій былъ обставленъ хорошо.

Общеизвѣстны результаты этой работы: въ апрѣлѣ 1830 г. напечатано было первое полное собраніе законовъ (45 т. т., 48 част., начиная съ уложенія ц. Алексѣя Михаиловича по 12 декабря 1825 г.), а въ концѣ 1832 г. готовъ былъ печатаніемъ и сводъ законовъ, въ 15 т. т., заключавшихъ въ себѣ до 42.000 статей.

По мѣрѣ окончанія трудовъ этихъ, волненіе все болѣе охватывало Сперанскаго; сохранилась масса черновыхъ его записокъ, записочекъ (особенно К. Г. Рѣпинскому) съ разными замѣтками, сомнѣніями, вопросами о судьбѣ свода. Интересно, что Сперанскому не хотѣлось и въ количествѣ отстать отъ Юстиніанова Corpus,—онъ пишетъ въ черновой: число всѣхъ статей въ сводѣ 36 т., а съ приложеніями до 42 т., въ Corpus'ѣ — 45 т. статей; своду своему онъ даетъ девизъ «Structura nova veterum legum» (Baco, Aph., 62). Для достиженія такихъ результатовъ изъ архивовъ всѣхъ государственныхъ, сенатскихъ и коллежскихъ архивовъ были собраны сперва реестры всѣхъ узаконеній; по нимъ составленъ общій реестръ; затѣмъ обратились къ первоисточникамъ: осмотрѣно было болѣе 3.000 книгъ сенатскихъ протоколовъ, важнѣйшія постановленія свѣрены съ подлинниками, хранившимися въ кабинетѣ его величества или въ сенатскомъ архивѣ; уложеніе ц. Алексѣя Михаиловича взято было изъ московской окружной палаты и т. д.

Колоссальность работы, количество ее внѣ сомнѣнія; но затѣмъ долженъ былъ подняться вопросъ о качествѣ.

Относительно перваго полнаго собранія Сперанскій могъ не опасаться критики; конечно, онъ не могъ разсчитывать, чтобы въ собраніи не было пропусковъ, но огромность собраннаго матеріала была очевидна, и нѣкоторые пропуски не имѣли существеннаго значенія, такъ какъ собраніе и не предполагалось для практическихъ цѣлей: ученые же критики могли высказаться много позднѣе, ибо только *послѣ изданія* собранія и свода могла явиться наука русскаго права.

Иное дѣло сводъ.

Правда, до нѣкоторой степени сводъ былъ уже провѣренъ, ибо по мѣрѣ составленія свода отдѣльныя части его подвергались ревизіи въ соотвѣтствующихъ вѣдомствахъ, и затѣмъ образованъ былъ при министерствѣ юстиціи особый комитетъ для ревизіи всего свода.

Любопытно, что на составъ этого комитета

Сперанскій имѣлъ вліяніе; такъ онъ доноситъ Императору докладною запискою, что, по его, Сперанскаго, мнѣнію, въ извѣстный комитетъ могутъ быть употреблены сенаторы: Энгель, Барановъ и Болгарскій; есть далѣе черновая его докладной же государю о томъ, что Барановъ жалуется на разстроенное здоровье, Энгель просится къ водамъ; сначала въ этомъ комитетѣ предсѣдательствовалъ управляющій министерствомъ юстиціи кн. А. А. Долгоруковъ, позже за его болѣзнью предсѣдательствованіе перешло къ Д. В. Дашкову. Вообще съ ревизіей свода у Сперанскаго было не мало хлопотъ; напр., въ департаментѣ внѣшней торговли былъ уже составленъ сводъ; Канкринъ предлагалъ Сперанскому дополнить департаментскій сводъ тѣмъ, который будетъ присланъ изъ II отдѣленія, и затѣмъ исправленный и дополненный департаментскій сводъ представить въ государственный совѣтъ. Сперанскій на это не согласился; черезъ нѣсколько времени въ этотъ департаментъ присланъ былъ изъ II отдѣленія Уставъ Внѣшней Торговли; тогда департаментъ отвѣчалъ, что, сдѣлавъ сличеніе своего свода со сводомъ II отдѣленія, онъ не открылъ ничего такого, чѣмъ бы должно было дополнить уже составленный сводъ. Сперанскій объяснялъ въ отвѣтѣ, что присланъ Уставъ внѣшней торговли, въ которомъ таможенныя узаконенія попадаются случайно, а таможенный уставъ доставленъ будетъ позднѣе. Переписка эта едва ли не свидѣтельствуетъ, что нѣкоторыя вѣдомства были не прочь стать причастными къ кодификаціи, раздѣлить со Сперанскимъ славу дѣла.

Пройдя черезъ всѣ эти мытарства, Сперанскій не безъ волненія ждалъ приговора совѣта. Представлялось четыре возможныхъ рѣшенія:

1) признать сводъ единственнымъ основаніемъ для рѣшенія дѣлъ;

2) наряду со сводомъ допустить и обращеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ самому тексту законовъ;

3) признать сводъ средствомъ лишь вспомогательнымъ;

4) нѣкоторое время пользоваться текстомъ законовъ, а съ точно указаннаго времени замѣнить ихъ сводомъ.

Это послѣднее рѣшеніе (не указанное у Корфа) и было принято въ совѣтѣ послѣ историческаго засѣданія 19 января 1833 г., въ которомъ государь Николай Павловичъ произнесъ обширную рѣчь. Сводъ становился обязательнымъ при рѣшеніи дѣлъ закономъ съ 1 января 1835 г., а оставшіеся до этого времени два года должны быть употреблены на ревизію свода.

Въ засѣданіи этомъ государь императоръ, снявъ съ себя Андреевскую звѣзду, надѣлъ ее на Сперанскаго.

Для вторичной ревизіи свода образованъ былъ особый комитетъ при государственномъ совѣтѣ: предсѣдатель гр. Головкинъ, члены Новосильцевъ, Кушниковъ, кн. Долгоруковъ и двое сенаторовъ; Сперанскій и министръ юстиціи присутствовали съ правомъ совѣщательнаго голоса; для справокъ приглашались государственный секретарь и начальникъ II отдѣленія. При министерствѣ юстиціи былъ особый же комитетъ подъ предсѣдательствомъ Дашкова изъ четырехъ сенаторовъ. Сколько можно судить, критика свода производилась чрезвычайно усердно; Дашковъ уже въ мартѣ 1833 г. имѣлъ до 300 замѣчаній.

Результаты ревизіи къ 1839 г. могутъ быть сведены къ такимъ цифрамъ:

Всѣхъ статей въ сводѣ (безъ приложеній) было 35.730, изъ нихъ измѣнено 7.581 статьи.

Великое дѣло было совершено, Россія получила сводъ законовъ,—никто не ожидалъ и не могъ ни требовать, ни надѣяться, что сводъ русскій будетъ составленъ безошибочно. Самъ Сперанскій, по словамъ Корфа, никогда не считалъ сводъ окончательнымъ трудомъ: онъ смотрѣлъ на него, какъ на очищенный матеріалъ для составленія впослѣдствіи настоящихъ уложеній. Безусловно въ сводѣ много повтореній, противорѣчій, недомолвокъ, отсутствіе общихъ руководящихъ началъ, множество статей праздныхъ и даже странныхъ. Составленный такъ не систематично, сводъ предопредѣлилъ направленіе послѣдующаго нашего законодательства, которое и продолжало развиваться шагъ за шагомъ, исходя изъ разныхъ вѣдомствъ, иногда совершенно противоположныхъ въ своихъ направленіяхъ. Случайно составляемые и включаемые въ сводъ законы, чрезвычайно увеличивались въ числѣ. Первое изданіе свода, колоссальное, включало съ приложеніями 42.000 статей, третье его изданіе 1857 г. уже насчитывало болѣе 100.000 статей; принятое было правило при помѣ-

щеніи новой статьи указывать точно, какія именно статьи она отмѣняетъ, скоро замѣнено было формулой: «въ отмѣну подлежащихъ статей».

Все это, конечно, вѣрно; но причина этому лежитъ какъ въ сводѣ Сперанскаго, такъ и въ направленіи послѣдующихъ кодификаціонныхъ работъ.

Затѣмъ наиболѣе важнымъ представляется вопросъ, насколько соблюдено обѣщаніе не включать въ сводъ чего-либо новаго, насколько дѣйствительны оказались мѣры, принятыя Сперанскимъ, противъ того, чтобы подъ видомъ старыхъ статей не пробрались новыя статьи.

Составителю свода приходилось нерѣдко соединять нѣсколько статей въ одну, толковать разумъ отдѣльныхъ статей,—при этомъ невозможно было имъ, воспитаннымъ на римскомъ правѣ, отрѣшиться отъ давно и прочно усвоенныхъ воззрѣній. Бумаги Сперанскаго, переписка его указываютъ на сношенія съ западными, по преимуществу германскими юристами (Миттермайеръ, Савиньи). Въ настоящее время можно считать доказаннымъ (Филипповъ, Винаверъ, Кассо, Пергаментъ), что иногда статьи X тома не имѣютъ себѣ источниковъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, они заимствованы изъ сочиненій иностранныхъ юристовъ и иностранныхъ кодексовъ (Нольде).

Надо думать, что такія отступленія были допущены незамѣтно для составителя и главнаго редактора свода; бумаги Сперанскаго позволяютъ установить и тотъ фактъ, что иногда отъ него требовалось творчество.

При обсужденіи нѣкоторыхъ вопросовъ или мѣръ государственный совѣтъ неоднократно обращалъ вниманіе на недостаточность нашего законодательства; такія дѣла (по утвержденіи государемъ) передавались Сперанскому, дабы онъ принялъ ихъ во вниманіе при составленіи свода.

Такъ, напр. Сперанскому переданы были труды комитета 1817 г. объ уничтоженіи кнута, какъ орудія наказанія; мнѣніе Дибича о необходимости усилить наказаніе за хищеніе казенной собственности; мнѣніе особаго комитета объ установленіи правилъ для обузданія ябедничества; записка Воронцова и кн. Куракина о гильдіяхъ. Въ 1824 г. государственный совѣтъ обратилъ вниманіе на довольно обычную тогда формулу приговора: по лишенію дворянства отдать въ военную службу, въ случаѣ неспособности къ ней сослать въ Сибирь на поселеніе. Совѣтъ усмотрѣлъ въ этой альтернативѣ несправедливость: физическій недостатокъ сильно увеличивалъ наказаніе виновнаго, ибо онъ этимъ самымъ не только извергался изъ общества, но наказывался даже разрушеніемъ семейныхъ связей. Поставлено было передать Сперанскому, чтобы онъ имѣлъ въ виду его при составленіи свода.

Итакъ, иногда по требованію или указанію верховной власти Сперанскій, долженъ былъ проявить свою инициативу.

Затѣмъ, судя по черновымъ Сперанскаго, противорѣчіе въ законахъ ставило его иногда въ затрудненіе. Выше было приведено, какъ Сперанскій вообще поступалъ при противорѣчіи, но онъ самъ же отмѣтилъ въ черновой, что есть два рода противорѣчій: одни въ законѣ, а другія—въ самыхъ началахъ различныхъ законовъ. Неудивительно, поэтому, что современная критика отмѣтила *иные, иностранные* источники для многихъ статей, хотя бы X тома Свода, слѣдовательно подъ видомъ старыхъ законовъ все-таки пробрались въ наше законодательство законы новые.

Составленіе свода было послѣднимъ большимъ дѣломъ въ неутомимой дѣятельности Сперанскаго; онъ занятъ былъ послѣ этого составленіемъ отдѣльныхъ сводовъ для остзейскаго края и для западныхъ губерній. Первый сводъ не былъ конченъ при жизни, второй—законченъ, но никогда не былъ обнародованъ, такъ въ 1840 году состоялось рѣшеніе о распространеніи на губерніи отъ Польши возвращенныя общихъ русскихъ законовъ (Нольде). Подъ руководствомъ Сперанскаго составленъ былъ особой коммиссіей—Сводъ военныхъ постановленій, сводъ объ инородцахъ, кочующихъ въ Сибири; онъ причастенъ былъ къ кодификаціоннымъ работамъ Финляндіи и Царства Польскаго; онъ разрабатывалъ новое уголовное уложеніе.

Сверхъ того, въ послѣдніе годы Сперанскій сталъ довѣреннымъ юрисконсультомъ царя и правительства: во всякихъ сколько нибудь затруднительныхъ случаяхъ спѣшили узнать мнѣнія Сперанскаго; сравнительно чаще другихъ съ вопросами обращался къ нему гр. Бенкендорфъ.

Вопросъ о продолженіи Свода не менѣе интересовалъ и занималъ Сперанскаго.—

Кромѣ кодификаціонныхъ работъ, II отдѣленіе составило также руководства по законовѣдѣнію. Такъ въ 1833 г. великій князь, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, писалъ Сперанскому, что въ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ не изучается одинъ изъ главныхъ предметовъ образованія, именно военные законы: причины—неимѣніе преподавателей и отсутствіе учебныхъ руководствъ. Сперанскій отвѣчалъ, что руководство по гражданскимъ законамъ будетъ кончено въ апрѣлѣ 1834 г., тогда же будетъ законченъ во II отдѣленіи сводъ военныхъ постановленій и затѣмъ II отдѣленіе приступитъ къ составленію и руководства. Когда отвѣтъ Сперанскаго доведенъ былъ до свѣдѣнія государя, послѣдній предписалъ докладывать ему объ успѣхахъ составленія учебной книги.

Но преподавателей русскихъ законовъ не было не только въ военноучебныхъ заведеніяхъ, ихъ не было и въ университетахъ, дѣла не могло быть, какъ не было и руководствъ. По мѣрѣ приближенія къ окончанію работъ Сперанскій понялъ, что на немъ лежитъ нравственная обязанность дать Россіи не только сводъ и собраніе законовъ, но и преподавателей, которые могли бы растолковать эти сокровища подростающему поколѣнію. Сперанскій предполагалъ для этого пригласить лучшихъ студентовъ его almae matris, духовной академіи, назначить имъ стипендіи и заставить ихъ слушать лекціи, частью въ университетѣ (по римскому праву у проф. Шнейдера и по латинской словесности у проф. Грефе), частью во II отдѣленіи (по публичному праву у Плисова, по гражданскому у Куницына и у Балугьянскаго); юридическое свое образованіе и кандидаты законовѣдѣнія должны были завершить въ Берлинѣ подъ руководствомъ Савиньи. Сперанскимъ же одобренъ проектъ учрежденія училища правовѣдѣнія. Сперанскій лично приглашенъ былъ прочесть наслѣднику цесаревичу юридическій курсъ, которому онъ давалъ названіе «бесѣдъ» (1835—1837 г.). Для путешествія наслѣдника цесаревича по Россіи Сперанскій составилъ маршрутъ по Сибири. Въ совѣтѣ Сперанскій послѣдній годъ усиленно занимался, кромѣ вопросовъ кодификаціонныхъ еще финансовыми; онъ былъ въ живой перепискѣ съ гр. Канкринымъ по поводу подготовляемой имъ реформы денежнаго обращенія, изъятія столь ненавистныхъ нѣкогда для Сперанскаго ассигнацій.

Незадолго до смерти Сперанскаго постигло огорченіе въ совѣтѣ: не прошелъ выработанный въ комитетѣ подъ его предсѣдательствомъ проектъ новаго образованія петербургской полиціи (Сперанскій, Кокошкинъ, Курута, Степановъ, Веймарнъ, Корніолинъ-Пинскій); Сперанскій привыкъ до извѣстной степени, что нѣкоторые его проекты отвергались, какъ слишкомъ либеральные: теперь случилось обратное, творецъ «плана» оказался слишкомъ консервативнымъ, слишкомъ большимъ сторонникомъ полиціи. Основаніе этого проекта: поставить полицейскія учрежденія столицы внѣ зависимости отъ губернскаго правленія, расширить судебно-исправительную власть полиціи и преобразовать управу благочинія. Со свойственною Сперанскому систематичностью, онъ раздѣлилъ управленіе столицы на четыре степени: управленіе частью (кварталами), округомъ, общее управленіе и главное управленіе. Судебно-полицейская власть полиціи расширена и чрезвычайно регламентирована; система тѣлесныхъ наказаній—также: легкое наказаніе, строгое, строжайшее.

Служебное положеніе Сперанскаго мало измѣнилось: онъ оставался членомъ государственнаго совѣта; онъ засѣдалъ въ двухъ департаментахъ совѣта, что случалось очень рѣдко: законовъ и Царства Польскаго. Въ 1838 г. по смерти Новосильцева Государь Николай Павловичъ, судя по разговору его съ Корфомъ, думалъ было одно время назначить Сперанскаго на высокій постъ предсѣдателя совѣта и комитета министровъ, но преемникомъ Новосильцева назначенъ былъ кн. Васильчиковъ, а Сперанскій сдѣланъ былъ лишь предсѣдателемъ департамента законовъ.

Въ 1837 г. Сперанскій получилъ высшую награду — бриллiантовые знаки къ ордену Андрея Первозваннаго; 1 января 1839 г. онъ пожалованъ былъ графскимъ титуломъ. Онъ достигъ высшихъ земныхъ почестей; матеріальное его положеніе обрисовывается такъ: онъ получалъ жалованья и столовыхъ 22 т. р. асс. въ годъ, имѣлъ два имѣнія (полтавской и пензенской губ.) въ 2.715 душъ, дохода съ которыхъ получалъ 75.733 р. асс., на имѣніяхъ былъ большой долгъ въ 459 т. р.,

такъ что Сперанскому приходилось платить % въ банкъ почти 34 т. р., около 10 т. р. асс. онъ раздавалъ своимъ родственникамъ, которыхъ онъ поддерживалъ всегда очень щедро; 11 февраля 1839 г. Сперанскій скончался. Кончиной его больше всѣхъ, конечно, не говоря о дочери и родныхъ, пораженъ и огорченъ былъ императоръ Николай I. «Другого Сперанскаго мнѣ не найти»—нѣсколько разъ сказалъ государь.

Дѣйствительно, Сперанскій былъ совершенно исключительнымъ явленіемъ въ нашей высшей администраціи первой половины XIX в. Безъ особаго преувеличенія онъ можетъ быть названъ организаторомъ бюрократіи въ Россіи. До него, до его эпохи, высшій служилый классъ тѣсно связанъ былъ съ помѣстнымъ дворянствомъ; если въ среду его и попадали иногда случайные люди недворянскаго происхожденія, то они очень скоро сливались въ господствующій классъ, растворялись въ массѣ его. До Сперанскаго гражданская служба въ общественномъ мнѣніи стояла очень невысоко; Сперанскій поднялъ ее на чрезвычайную высоту, онъ сообщилъ ей важность, ибо стянулъ управленіе Россіей въ центральныя учрежденія, сдѣлалъ ихъ распорядителями народнаго блага; гражданской служебной карьерѣ онъ сообщилъ своеобразную привлекательность, возможность постояннаго движенія впередъ, движенія въ ту эпоху чрезвычайнаго; мало того, онъ придалъ ей прелесть возможныхъ опасностей и таинственности. Сперанскій былъ своего рода Пушкинымъ для бюрократіи: какъ великій поэтъ, точно чародѣй, владѣлъ думами и чувствами поколѣній, такъ точно надъ развивавшимся бюрократизмомъ долго парилъ образъ Сперанскаго.

Въ Сперанскомъ ярко обозначились господствующія типическія черты бюрократа: своеобразная универсальность, энциклопедичность, гибкость характера и ума, удивительная работоспособность и самоувѣренность.

Онъ легко и охотно брался за все: одновременно перестраивалъ политическій, административный и соціальный строй Россіи, исцѣлялъ ея финансовыя затрудненія, сочинилъ для нея кодексъ законовъ, устраивалъ ея отношенія къ Финляндіи, подавалъ совѣты относительно польско-литовскихъ дѣлъ, рѣшалъ вопросы образованія, внѣшней политики, изслѣдовалъ масонство. Это совершенно исключительная универсальность, не та, что отличаетъ нашихъ дѣятелей XVIII в., по преимуществу петровской эпохи; то были мастера, если не на все, то на многія руки. Сперанскій же въ расцвѣтѣ своей дѣятельности и силъ былъ универсаленъ на бумагѣ; эта та универсальность, которая имѣетъ своимъ источникомъ либо энциклопедическій словарь, либо такъ называемое послѣднее слово науки, т. е. недавно вышедшее сочиненіе. Взявшись за за разрѣшеніе наиболѣе трудныхъ, сложныхъ общественныхъ вопросовъ, Сперанскій работалъ одинъ или въ сообществѣ съ немногими въ глубокомъ убѣжденіи, что его рѣшеніе есть и наилучшее и наилегчайшее, что мнѣнія лицъ, въ данномъ дѣлѣ непосредственно заинтересованныхъ, нечего и спрашивать.

Умъ Сперанскаго отличался необыкновенною гибкостью, онъ легко усваивалъ сущность самыхъ разнородныхъ предметовъ; но, можетъ быть, благодаря гибкости, это не былъ умъ оригинальный; творческой силы у него было мало: всѣ его учрежденія суть заимствованія съ чужихъ образцовъ, измѣненія, перекраиваніе существующаго; даже въ лучшихъ, наиболѣе полныхъ созданіяхъ своихъ—Собраніи и Сводѣ—Сперанскій не былъ ни изобрѣтателемъ методы, ни, конечно, авторомъ содержанія. Въ первую половину его дѣятельности въ немъ было слишкомъ мало національнаго чувства, чтобы творчество его могло стать оригинальнымъ; во вторую, когда онъ безусловно сталъ на національную почву, умъ его, привыкшій къ подражанію, не могъ уже подняться на высоту самостоятельнаго творчества; любимую свою и драгоцѣннѣйшую идею законности, Сперанскій такъ и не сумѣлъ воплотить въ русскую жизнь.

Наиболѣе несимпатичной чертой Сперанскаго была, несомнѣнно, чрезмѣрная гибкость его характера; напрасно было бы думать, что она явилась слѣдствіемъ катастрофы 1812 г., она всегда была въ Сперанскомъ: въ школѣ онъ былъ уже любимецъ товарищей и начальства, поступивъ на гражданскую службу, по протекціи кн. Куракина, онъ благополучно сохранялъ свое мѣсто и подвигался впередъ послѣ опалы своего покровителя, умѣлъ нравиться всѣмъ вовсе непохожимъ другъ на друга генералъ-

прокурорамъ Павловскаго времени; выступивъ при Александрѣ подъ эгидою Трощинскаго, онъ очень скоро перешелъ къ гораздо вліятельнѣйшему тогда Кочубею; паденіе Кочубея и его товарищей въ свою очередь не только не увлекло за собою Сперанскаго, а подняло его на необычайную высоту самостоятельнаго политическаго дѣятеля; это положеніе оказалось не по плечу Сперанскому, и въ этомъ ясно сказалось, какъ трудно для бюрократіи всякое самостоятельное творчество... Изгнанія Сперанскій не перенесъ; страданія его или бѣдствія, скажемъ прямо, были невелики и непродолжительны; и не такія страданія, какъ ссылка въ Пермь или даже въ деревню, не могли сломать истинныхъ политическихъ борцовъ...

Но было бы крупною несправедливостью полагать, что организаціей бюрократіи исчерпывается дѣятельность Сперанскаго; онъ рано сталъ дорогъ всему русскому обществу; онъ всегда представлялся интеллигенціи несчастнымъ борцомъ, жертвою тѣхъ идей, къ которымъ большинство стремилось, осуществленія которыхъ ждали съ нетерпѣніемъ. Въ основѣ этого представленія лежитъ вѣрный фактъ: Сперанскій не только былъ всегда поклонникомъ идеи законности, но и всю долгую свою карьеру пытался провести ее въ жизнь. Проводить ее можно было разными путями: Сперанскій пошелъ сверху; въ борьбѣ за эту идею онъ потерпѣлъ крушеніе; съ трудомъ поднявшись, одинокій, израненный, онъ не оставилъ дѣла, которое считалъ святымъ: онъ сузилъ арену своей дѣятельности, направилъ всѣ свои усилія противъ одной изъ нѣсколькихъ причинъ господства беззаконія,—отсутствія Свода и вытекавшаго отсюда поголовнаго невѣжества юридическаго. На этотъ разъ заслуженный успѣхъ увѣнчалъ опытнаго и искушеннаго борца. Исторія и отечество не забудутъ его заслуги и простятъ ему его вольныя и невольныя слабости. Онъ дѣйствовалъ въ эпоху, которую исторія когда-нибудь охарактеризуетъ, какъ одну изъ наименѣе правдивыхъ эпохъ въ жизни человѣчества.

Передъ главною заслугой Сперанскаго блѣднѣютъ качества, которыя, однакожъ, должны быть отмѣчены, ибо они не часто встрѣчаются въ нашей исторіи: его честность и нравственная чистота.

Для составленія этого очерка авторъ пользовался бумагами Сперанскаго, хранящимися въ И. П. Библіотекѣ и Архивѣ Государственнаго Совѣта; въ послѣднемъ—дѣлами комитета предсѣдателей 1810—1811 гг., дѣлами б. II отдѣленія собст. Е. Вел. канц.

Изданы слѣдующіе труды Сперанскаго: Обозрѣніе историч. свѣд. о сводѣ законовъ. Предисловіе къ полн. собр. законовъ. О военныхъ поселеніяхъ. Матеріалы собран. для коммиссіи о преобразов. губернск. и земскихъ учрежденій. Сборн. ист. матеріаловъ, извлеченн. изъ архива собств. Е. И. В. канцеляріи (бумаги относящіяся къ служебной дѣятельн. Сперанскаго). Проектъ освобожденія крестьянъ—Бартеневъ—Девятнадц. вѣкъ. О монетномъ обращеніи Чт. общ. ист. и др. 1872 г., № 4. Проектъ гражданск. уложенія Арх. гос совѣта (журн. департ. законовъ).

Введеніе въ уложеніе государственныхъ законовъ—Ист. Обоз. т. X; Планъ устройства судебныхъ и правительст. мѣстъ—Ист. Обозр. т. XI; Планъ финансовъ Сб. И. Р. И. О., т. 45; Отчетъ за 1810 г.—Сб. И. Р. И. О., т. 21. Въ архивѣ историч. и практич. свѣдѣній Калачева 1859—1861 г. рядъ произведеній Сперанскаго: объяснительн. записки содержанія и расположенія свода, о законахъ, о силѣ и дѣйствіи свода, о законахъ земскихъ объ учрежденіяхъ, относящихся до экономіи государственной, о ипотекѣ, состояніи, о губернск. учрежденіяхъ, дополненія къ нимъ. Въ Русс. Старинѣ — Мысль о новыхъ билетахъ казначейства 1873 г., Записка импер. Николаю—1899 г., № 3; Записка о вѣроятн. войны съ Франціей—1900 г., № 1; Афоризмы Сперанскаго—1900 г., № 5. Двѣ записки о политич. дѣлахъ—1900 г., № 11; Записка о силѣ правительства—1902 г., № 12; О новомъ изданіи словаря З. И. Н. 1368 г., XIV т. кн. 2-я.

Письма Сперанскаго.

Друж. письма Массальскому, Спб. 1862 г. Въ память гр. М. М. Сперанскаго, Спб. 1872 г. (Письма Сперанскаго и къ Сперанскому, дневникъ). Письмо о религіи къ Словцову, Москвитянинъ, 1845 г., мартъ. Въ Рус. Архивѣ помѣщены за 1868 г. письма къ дочери; 1870 г. Цейеру, Броневскому, Лопухину и Столыпину; Голицыну—1876 г.; Александру I изъ Перми—1892 г.; Имбергу—1900 г.; Словцову—1900 г.; о духоборахъ—1901 г.; Руничу—1904 г.; къ Голицыну—1905 г.; въ Русс. Старинѣ—Техелеву—1880 г.; Александру I—1881 г.; Руссову—1895 г.; о сводѣ законовъ—1898 г.; Николаю I—1901 г.; Аракчееву—1901 г.; Уварову—1903 г.; также есть въ Запискахъ Державина, въ Архивѣ Нессельроде т. III; Архивъ гр. Мордвиновыхъ (ред. Бильбасова, ост. III, IV и пос. т. п.).

Сочиненія, посвященныя Сперанскому.

Корфъ, „Жизнь гр. Сперанскаго“, 2 тт. Дополненія къ этой книгѣ даны *И. А. Бычко-*

вымъ. „Изъ бумагъ А. Ѳ. Бычкова“ въ Русс. Старинѣ 1902 и 1903 гг. „Александръ I и его приближенные“, „Бумаги біографія Сперанскаго, ссылка Сперанскаго, Сперанскій въ Нижнемъ - Новгородѣ и Перми, Сперанскій—въ Великопольѣ и Пензѣ. Учрежденіе сибирскаго комитета.

Дмитріевъ.—Сперанскій въ своей государств. дѣятельности Р. Арх. 1868 г.

Южаковъ—М. М. Сперанскій, его жизнь и дѣятельность.

Семевскій—Біографія въ словарѣ Ефрона и Брокгауза.

Новковскій — въ „Біографическ. очеркахъ“.

Чернышевскій —Русскій реформаторъ, современникъ 1861 г., № 12.

Романовичъ-Словатинскій.—Государственная дѣятельность Сперанскаго („Кіев. Ун. Изв.“, 1873 г., № 2).

Корфъ—Смерть гр. Сперанскаго (Р. С. 73 т.).

Дума *Магницкаго* при гробѣ Сперанскаго (ibid); Мысли Рунича при погребеніи Сперанскаго (ibid.).

Чистовичъ—Въ память гр. М. Сперанскаго (Христ. Чт. 1871 г., № 12).

Никитенко—Рѣчь о Сперанскомъ. З. А. Н. 1872 г.

Общіе труды по русской исторіи XIX в., содержащіе болѣе или менѣе значительныя данныя о С—мъ:

Богдановичъ—Ист. Россіи въ царств. Имп. Александра I; *Пыпинъ*—Обществ. движеніе въ Россіи; *Шильдеръ*—Имп. Александръ I; его же—Имп. Николай I; *Исторія Россіи въ XIX в.*, изд. Гранатъ (ст. *Покровскаго*, Имп. Александръ I; *Рожкова*—Финанс. реформы Канкрина; *Кизеветтеръ*—Комитетъ 6 декабря) *Schiemann*—Russland unter Nicolai I, 2 тома. *Поповъ*—Эпизоды 1812 г. *Дубровинъ*—„Русск. жизнь въ началѣ XIX в.“ и его же „Послѣ отечественной войны“ (ст. въ Р. С. 1899—1904 гг.).

Отдѣльныя монографіи, въ которыхъ есть оцѣнка дѣятельности Сперанскаго:

1) **Дѣятельность 1801—1812 гг.** *Tourgueneff*—La Russie et les Russes.

В. Кн. Николай Михайловичъ—Гр. П. А. Строгановъ. Его же—Дипломат. сношенія съ Франціей.

Семевскій—Былое 1906 г., № 1; *Иконниковъ*—Гр. Мордвиновъ; *Swatikow* — Die Entwürfe der Aenderung; *Рождественскій*—Ист. ог. мин. нар. просв.; *Бильбасовъ*—Архивъ Мордвиновыхъ; *Чернышевскій*—Русск. реформаторъ (Современн. 1861 г., № 12); *Щегловъ*—Ист. Гос. Совѣта.

2) **Кодификація.** *Пахманъ*—Исторія кодификаціи.

Майковъ —Комиссія составленія законовъ, „Ж. М. Ю.“. 1905 г., №№ 7, 9 и 10.

Нольде—Очерки по исторіи кодификаціи.

Его же—Забытая попытка кодификаціи. „Ж. М. Н. Пр.“ 1907 г.

Филипповъ—Значеніе Сперанскаго въ исторіи русскаго законодательства, „Р. М.“ 1889 г., № 4.

Коркуновъ—Теоретическія воззрѣнія Сперанскаго на право, „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1894 г., № 10.

Его же – Значеніе Свода Законовъ, „Ж. М. Н. Пр.“ 1894 г., № 9.

Курдиновскій—Пр. Пухштартъ и наука гражд. права въ Германіи. „Ж. М. Н. Пр.“ 1894 г., № 7.

Майковъ—Сперанскій и студенты законовѣдѣнія. „Р. В.“ 1892 г., № 8.

3) **Сибирь.** *Вагинъ*—Истор. свѣдѣнія о дѣятельности Сперанскаго въ Сибири

Щаповъ—Сибирское общество до Сперанскаго (И. С. О. Р. Г. О. 1873 г.). Что далъ Сперанскій (ibid. 1876 г.).

Ядринцевъ—Сперанскій и его реформы въ Сибири.

Прутченко—Сибирскія окраины и областныя установленія.

Максимовъ—Сибирь и ссылка. Трехсотлѣтній юбилей Сибири (Р. С. 1881 г.).

Ласкинъ—Изъ прошлаго Сибири (ibid. 1902 г., т. 90).

Бирюковъ—Эпизоды изъ жизни Словцова (ibid. 1904 г., т. 97).

4) **Финляндскія дѣла.** *Бородкинъ* — Исторія Финляндіи.

К. Ординъ—Покореніе Финляндіи.

Даніельсонъ — Соединеніе Финляндіи съ Росс. державою.

По отдѣльнымъ вопросамъ. *Семевскій* — Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I и II.

Рождественскій—Сословный вопросъ въ русскихъ университетахъ („Ж. М. Нар. Пр.“ 1907 г., № 5).

Иконниковъ – Сенатъ въ царств. Екатерины II (Р. А. 1887 г.).

Шугуревъ—Ист. евреевъ въ Россіи.

Печоринъ—Госуд. ассигнаціи до замѣны ихъ кредитн. бил.

Божерьяновъ – Гр. Канкринъ.

Соколовскій—Русск. массонство.

Дубровинъ—Наши мистики-сектанты. Автобіографія Фотія.

Записки, въ которыхъ упоминается о С—мъ (главнѣйшія): Вигеля, С. Глинки, Державина, Мартынова, Нессельроде, Михайловскаго-Данилевскаго, Панаева, Черепанова, Дмитріева, Брадке, И. Б. Пестеля, Рибопьера, Ильинскаго, Шеппига, Батенькова, Ганиблова, сен. Лебедева, Безобразова, Граббе, Муромцева, Фалдѣева, Сухотина, Бутурлина, Грибовскаго, Геце, Снегирева, Мѣшкова, Бантышъ-Каменскаго, Сербиновича, Богуславскаго, сен. Соловьева, Бѣляева, М. Бестужева, Завалишина, Санглина, фонъ-Визина, А. Тургенева, Мурзаковича, Никитенко, Растопчина, Вигорова, Корфа, Харитонова, Инсарскаго, Ростиславова, Дивова, Рунича, Александрова и др.

С. Середонинъ.

Сперанскій, *Петръ Александровичъ*, протоіерей Большого придворнаго собора Императорскаго зимняго дворца; по окончаніи курса Костромской духовной семинаріи, поступилъ въ Петербургскую духовную академію, откуда вышелъ первымъ студентомъ въ іюнѣ 1843 г. Въ томъ же году, 31 октября, былъ назначенъ бакалавромъ той же академіи, и 23 мая 1844 г. опредѣленъ былъ священникомъ церкви при миссіи въ Неаполѣ. 29 сентября 1845 г. удостоенъ степени магистра богословія. Въ теченіе 1845 и 1846 гг. совершалъ богослуженія въ Палермо и Неаполѣ въ присутствіи Ихъ Величествъ и 2 марта 1846 г. былъ награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями; 29 апрѣля того же года былъ прикомандированъ къ церкви петергофскаго дворца, а 26 августа 1849 г.—къ Большому придворному собору. 17 апрѣля 1855 г. награжденъ саномъ протоіерея. Съ 19 октября 1856 г. по 27 мая 1857 г., по случаю путешествія Государыни Императрицы Александры Өеодоровны въ Италію, былъ командированъ съ походною императорскою церковью въ Ниццу для совершенія богослуженія при Ея Величествѣ. Съ 5 іюня по 18 сентября 1857 г. съ тою же походною церковью находился въ Германіи въ свитѣ Государыни Императрицы Маріи Александровны, а съ 11 сентября 1859 г. по 24 мая 1860 г. вновь находился съ походною императорскою церковью въ Ниццѣ для отправленія богослуженія при Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Өеодоровнѣ; здѣсь при немъ былъ окончательно отстроенъ и освященъ русскій православный храмъ. Въ качествѣ придворнаго священника С. пользовался высокою благосклонностью какъ государей Николая I и Александра II, такъ и ихъ Августѣйшихъ супругъ, что подтверждается рядомъ полученныхъ имъ орденовъ и неоднократными денежными наградами. Скончался онъ въ 1867 году 16 августа.

Формулярный списокъ за 1866 годъ, извлеченный изъ дѣла за 1867 годъ № 29, хранящійся въ канцеляріи завѣдующаго придворнымъ духовенствомъ.

Н. Никольскій.

Сперанскій, *Филиппъ Васильевичъ*, протоіерей и педагогъ въ Петербургѣ, сынъ пономаря новгородской епархіи, низшее и среднее образованіе получилъ въ Александро-Невскихъ училищѣ и семинаріи, а высшее — въ Петербургской духовной академіи. По окончаніи академическаго курса со степенью кандидата, 12 октября 1833 г. С. былъ назначенъ учителемъ гражданской исторіи и греческаго языка въ Новгородскую духовную семинарію, но въ 1838 г. возвратился въ столицу, былъ рукоположенъ во священника къ Воскресенскому собору всѣхъ учебныхъ заведеній и опредѣленъ законоучителемъ въ Маріинское межевое училище, гдѣ съ 1843 г. состоялъ также и преподавателемъ словесности; нѣсколько позже безплатно преподавалъ Законъ Божій въ артиллерійской фейерверкерской школѣ и въ классѣ донскихъ урядниковъ, а съ 1846 г. состоялъ увѣщателемъ въ военно-судной комиссіи при Петербургскомъ баталіонѣ внутренней стражи. По упраздненіи межевого училища, 18 іюля 1851 г., С. былъ опредѣленъ членомъ во временную комиссію для разсмотрѣнія отчетовъ Комитета по построенію Христорождественской церкви въ Малой Коломнѣ, 25 мая 1854 г. удостоенъ сана протоіерея, а въ 1858 г. утвержденъ мѣстнымъ благочиннымъ округа; послѣднюю должность проходилъ до 12 сентября 1867 г. Въ разное время, главнымъ образомъ за свою педагогическую дѣятельность, С. былъ награжденъ набедренникомъ (1844), скуфьею (1846), камилавкою (1849), денежными подарками, золотымъ наперснымъ крестомъ (1852), и, наконецъ, изъ Кабинета Его Величества—золотымъ наперснымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями. Умеръ С. 2 февраля 1868 г. Нѣкоторыя изъ его проповѣдей помѣщены въ «Странникѣ» и въ издававшемся при немъ «Сборникѣ проповѣдей».

Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи. Выпускъ III. СПБ 1873 г., 316—317 стр.

Н. Никольскій

Спетъ (*Speeth, Iohann-Peter*), *Иванъ Ивановичъ*, бессарабскій областной архитекторъ, рисовальщикъ и граверъ. Род. въ Мангеймѣ въ 1772 г. Первоначальное образованіе получилъ въ Мюнхенѣ, гдѣ отецъ его былъ придворнымъ музыкантомъ. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду С. отправился во Франкфуртъ-на-Майнѣ въ ученіе къ одному изъ своихъ дядей по матери, Георгу Веберу, извѣстному въ свое время архитек-

тору. Подъ его руководствомъ С. скоро оказалъ въ области архитектуры такіе выдающіеся успѣхи, что уже на двадцатомъ году жизни ему поручили разработку плана и постройку большого дома на одной изъ лучшихъ улицъ Франкфурта. Эта первая работа С. была выполнена настолько съ полнымъ знаніемъ дѣла, что тотчасъ по ея окончаніи онъ получилъ чрезвычайно лестное для такого молодого архитектора предложеніе—составить планы предполагавшагося къ постройкѣ новаго женскаго монастыря. Планы, по признанію спеціалистовъ, были разработаны блестяще, но въ исполненіе приведены они не были, такъ какъ къ этому времени монастыри подверглись секуляризаціи. Нѣсколько опечаленный этой неудачей, С. оставилъ Франкфуртъ и переселился въ Гейдельбергъ, гдѣ съ жаромъ набросился на изученіе исторіи искусства вообще и своей спеціальности въ частности, не оставляя въ то же время и творческихъ работъ. За этотъ періодъ онъ нарисовалъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе крупныхъ вещей карандашомъ и сепіей, набросалъ и разработалъ нѣсколько архитектурныхъ проектовъ, большинство которыхъ было напечатано въ «Ideemagasin» Baumgarten'a, и, что особенно важно, такъ какъ свидѣтельствуетъ о его глубокихъ познаніяхъ въ исторіи архитектуры,—сдѣлалъ рядъ замѣчательно удачныхъ и выдержанныхъ по стилю рисунковъ для реставрировавшихся тогда извѣстныхъ руинъ Гейдельбергскаго замка. Относящійся къ этому же времени его проектъ купаленъ для курорта Schwalbach'a былъ удостоенъ высшей награды, а за другой проектъ—«Памятникъ павшимъ воинамъ», первый призъ имъ былъ раздѣленъ съ историческимъ живописцемъ Kallianer'омъ. Въ качествѣ придворнаго архитектора, мѣсто котораго онъ вскорѣ получилъ сначала въ Гейдельбергѣ, а затѣмъ въ Вюрцбургѣ, С. соорудилъ много правительственныхъ зданій и реставрировалъ цѣлый рядъ старинныхъ построекъ. Особенно дѣятельно работалъ онъ въ Вюрцбургѣ, гдѣ построилъ также много частныхъ домовъ и между прочимъ давалъ уроки рисованія нѣкоторымъ особамъ королевскаго дома. Наполеоновскія войны упразднили существованіе Вюрцбурга какъ самостоятельной политической единицы, и С., лишившись мѣста придворнаго архитектора, вынужденъ былъ нѣкоторое время заниматься постройкой исключительно частныхъ домовъ. Въ 1824 г. онъ разработалъ проектъ моста черезъ Дунай около Вѣны, но проектъ не былъ одобренъ. Въ 1826 же году С. перешелъ на службу въ Россію. Къ этому времени въ Россіи началось нѣкоторое оживленіе въ области архитектуры, въ особенности церковной, и чтобы поставить это дѣло на должную высоту, за отсутствіемъ русскихъ спеціалистовъ, были приглашены нѣкоторые иностранцы. Рекомендованный гр. Кочубеемъ императору Николаю I и графу Воронцову, С. получилъ назначеніе бессарабскаго областного архитектора. На него возлагались широкія надежды въ смыслѣ обновленія стиля воздвигающихся построекъ. С. энергично принялся за работу, составилъ рядъ плановъ, но осуществить ему удалось только одинъ изъ нихъ, и то не до конца,—постройку собора въ Кишиневѣ,—такъ какъ въ 1831 г. онъ внезапно умеръ. Вся дѣятельность С. совпала съ періодомъ наполеоновскихъ войнъ, когда, наряду съ политическими переворотами, радикальный переворотъ совершался въ Германіи и въ области архитектуры. Живя въ переходную эпоху, С., какъ истинный сынъ своего времени, выработалъ своеобразный и оригинальный стиль, комбинацію старыхъ формъ съ нарождающимися новыми, стиль безъ застывшихъ очертаній, вѣчно мѣняющійся и обладающій всѣми качествами памятниковъ переходныхъ эпохъ. Къ тому же на одареннаго богатой фантазіей С. глубокое впечатлѣніе произвели Египетская экспедиція Наполеона и «Путешествія» Нибура и, подъ вліяніемъ этого, въ своемъ стилѣ, концентированномъ и безъ того изъ различнѣйшихъ контрастовъ, онъ сталъ культивировать еще восточныя формы. Импонирующее, величественное и обширное было любимѣйшей темой его творчества, и онъ съ такимъ увлеченіемъ схватился за египетское зодчество именно потому, что нашелъ въ немъ всѣ эти качества. Его рисунки обнаруживаютъ несомнѣнный художественный талантъ и великолѣпную перспективу. Изъ нихъ наиболѣе извѣстны: 1) «Портретъ художн. Георга Пфорре», въ профиль; 2) 12 видовъ Гейдельбергскаго замка; 3) Ландшафтъ съ животными; 4) «Двѣ коровы» и 5) «Всадникъ».

Nagler, „Künstler-Lexikon", Bd. 17.—„Allgemeine Deutsche Biographie". Bd. 35, S. 144—146.

Н. С—въ.

Спиридовъ, *Алексѣй Андреевичъ*, генералъ - кригсъ - комиссаръ, родной братъ извѣстнаго адмирала екатерининскихъ временъ. Родился въ 1714 г. Отецъ его въ чинѣ майора занималъ при Петрѣ I должность выборгскаго коменданта. Получивъ образованіе въ одномъ изъ военныхъ учебныхъ заведеній, С. долгое время служилъ въ арміи и дослужился до чина пѣхотнаго генералъ-поручика. Отвѣтственный постъ генералъ-кригсъ-комиссара занималъ въ семилѣтнюю войну. Умеръ С. въ 1782 г.

П. Н. Петровъ, «Для немногихъ», сборникъ, Спб., 1875 г., стр. 68.—Его же, «Генеалогія и геральдика дворянскихъ родовъ», т. I, Спб., 1885 г.—Масловскій, «Русская армія въ семилѣтнюю войну».

Спиридовъ, *Алексѣй Григорьевичъ*, адмиралъ, главный командиръ Ревельскаго порта, сынъ знаменитаго сподвижника графа А. Г. Орлова-Чесменскаго. Род. въ 1753 г., умеръ 18 марта 1828 г. въ г. Ревелѣ. Воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1760 г., но главное свое морское воспитаніе С. получилъ въ совмѣстномъ плаваніи со своимъ отцомъ, котораго сопровождалъ въ кампаніяхъ съ 8 лѣтъ, раздѣляя съ нимъ всѣ трудности и опасности. Въ томъ же 1760 г. былъ произведенъ въ гардемарины, а черезъ два года блистательно выдержалъ на мичмана, имѣя всего только 10 лѣтъ, но по малолѣтству былъ оставленъ при морскомъ корпусѣ. Вотъ какой отзывъ дала адмиралтействъ - коллегія объ экзаменѣ С.: «Такъ какъ всѣ математическія науки обучилъ и знаетъ изрядно и корабельный экипажъ и тактику; что до младшихъ морскихъ оберъ-офицеровъ принадлежитъ, знаетъ изрядно; индуитъ и состоянія добраго; на морѣ служилъ въ остъ-зее двѣ кампаніи». Въ томъ же 1762 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о производствѣ С. въ мичманы. Послѣ того въ продолженіе четырехъ лѣтъ онъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1768 г. былъ произведенъ въ лейтенанты и командовалъ трехмачтовымъ гальотомъ, плавая изъ Кронштадта въ Ригу.

Въ слѣдующемъ году С. отправился на кораблѣ «Св. Евстафій» въ составѣ эскадры адмирала Спиридова (отца) въ Портъ-Магонъ и участвовалъ въ морской экспедиціи при дессантной высадкѣ у Корона, во время которой былъ контуженъ. Затѣмъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-аншефу графу А. Г. Орлову «за достоинства и хорошія способности», съ оставленіемъ въ спискахъ флота, и, находясь въ этой должности, участвовалъ въ Чесменскомъ сраженіи на кораблѣ «Три Святителя». Послѣ этого сраженія С. отправился на англійскомъ военномъ фрегатѣ «Вангулей» въ Ливорно, а оттуда былъ командированъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о Чесменской побѣдѣ. За свою службу въ Архипелагѣ былъ награжденъ табакеркой и 2.000 рублей. Послѣ этого С. былъ назначенъ адъютантомъ къ вице-президенту адмиралтействъ-коллегіи, графу И. Г. Чернышеву, и командовалъ всѣми вооруженными придворными яхтами. Въ 1771 г. былъ произведенъ въ полковники арміи, оставаясь въ спискахъ флота. По этому поводу С. былъ вызванъ въ адмиралтействъ - коллегію, гдѣ его спросили, желаетъ ли онъ служить во флотѣ или въ сухопутной арміи. С. изъявилъ желаніе продолжать службу во флотѣ; тогда онъ былъ откомандированъ обратно во флотъ въ соотвѣтствующемъ чинѣ капитанъ-лейтенанта и отправленъ въ Средиземное море съ тѣмъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ ему была предоставлена возможность командовать фрегатомъ или какимъ-либо другимъ судномъ, если онъ окажется къ этому способнымъ.

На слѣдующій годъ онъ былъ назначенъ въ командировку въ Молдавію въ составѣ посольства князя Г. Г. Орлова, въ качествѣ «кавалера посольства» и въ томъ же году вернулся обратно въ Петербургъ. Затѣмъ С. долгое время не занималъ никакой должности, и когда было сдѣлано представленіе о назначеніи его въ Данцигъ командовать «пинкомъ» на мѣсто капитанъ-поручика Машина, то наслѣдникъ Цесаревичъ отставилъ С. отъ этой командировки, говоря, что для этого назначенія нуженъ офицеръ исправный. Въ 1777 г. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга и, командуя кораблемъ «Азія», плавалъ между Ревелемъ и Кронштадтомъ, послѣ чего былъ командированъ въ донскую флотилію. Въ 1779 г. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга и, командуя кораблемъ «Вячеславъ», отправился въ составѣ эскадры контръ-адмирала Хметевскаго въ Сѣверный океанъ къ Нордъ-Капу; на обратномъ пути ему пришлось за-

зимовать къ Копенгагенѣ, гдѣ онъ сумѣлъ себя и свою команду такъ хорошо поставить, что онъ и его экипажъ пріобрѣли лестную репутацію, и по возвращеніи изъ Копенгагена С. получилъ благодарность отъ вице-президента адмиралтействъ-коллегіи графа И. Г. Чернышева за такое умѣніе поддержать репутацію русскаго флота. Въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ командуя кораблемъ «Азія», С. плавалъ въ составѣ эскадры вице-адмирала Борисова изъ Кронштадта въ Ливорно и во время этого плаванія удачно провелъ черезъ Гибралтарскій проливъ купеческія суда. По возвращеніи изъ плаванія онъ былъ назначенъ завѣдывающимъ интендантской коммиссіей. Затѣмъ въ продолженіи двухъ лѣтъ С., командуя кораблемъ «Св. Георгій Побѣдоносецъ», плавалъ въ составѣ эскадры вице-адмирала Чичагова изъ Кронштадта въ Ливорно. Во время шторма, который засталъ эскадру въ Средиземномъ морѣ, С. отсталъ отъ эскадры, потерявъ ее изъ виду. Обо всемъ происшедшемъ онъ написалъ письмо русскому послу въ Мадридѣ, Зиновьеву. Это письмо Зиновьевымъ было отправлено на разсмотрѣніе Императрицѣ Екатеринѣ II, которая положила на немъ слѣдующую резолюцію: «не могу хвалить особое хожденіе корабля, назначеннаго въ составъ эскадры». Въ это время С. былъ уже капитаномъ бригадирскаго ранга. Въ томъ же плаваніи онъ былъ представленъ, вмѣстѣ съ другими выборными офицерами эскадры, вице-адмираломъ Чичаговымъ шведскому королю въ г. Пизѣ, путешествовавшему инкогнито подъ именемъ графа Стака.

Въ 1783 г. С. былъ произведенъ въ капитаны генералъ-маіорскаго ранга, а въ слѣдующемъ году въ контръ-адмиралы. Въ 1785 г., имѣя свой флагъ на кораблѣ «Мстиславъ» и командуя эскадрой изъ 2 кораблей и 7 фрегатовъ, привелъ ее изъ Архангельскаго порта въ Кронштадтъ. Во время своего пребыванія въ Архангельскомъ портѣ, онъ написалъ письмо вице-президенту адмиралтействъ - колегіи графу И. Г. Чернышеву, въ которомъ излагалъ способы перевода судовъ черезъ мелкія мѣста Архангельскаго порта, годные при всякой погодѣ, взамѣнъ стараго способа, годнаго только при попутномъ вѣтрѣ и хорошей погодѣ. Этотъ проектъ былъ прочитанъ въ адмиралтействъ-коллегіи, которая его одобрила и приказала Архангельскому порту произвести испытанія. Послѣднія дали блестящій результатъ, и проектъ былъ принятъ. Въ 1788 г. С. былъ назначенъ флагманомъ въ составъ эскадры адмирала Грейга, крейсировавшей въ Балтійскомъ морѣ. Во время войны со Швеціей онъ участвовалъ въ Гогландскомъ сраженіи и въ блокадѣ Шведскаго флота въ Свеаборгѣ въ 1788 г., а въ слѣдующемъ году, имѣя свой флагъ на кораблѣ «12 Апостоловъ», крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ и былъ въ Эландскомъ сраженіи; затѣмъ имѣя флагъ послѣдовательно на корабляхъ «Св. Іоаннъ Креститель» и «Св. Николай», участвовалъ въ Красногорскомъ и Выборгскомъ сраженіяхъ. Въ 1791 г. С. замѣнялъ вице-президента графа И. Г. Чернышева, по случаю болѣзни послѣдняго, въ этомъ же году былъ награжденъ за 18 морскихъ кампаній орденомъ св. Георгія 4-ой степени, въ слѣдующемъ назначенъ командиромъ Ревельскаго порта, въ 1793 г. былъ произведенъ въ вице-адмиралы, въ 1796 г. получилъ право на входъ во дворецъ къ обѣденному столу и въ 1797 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1 степени. Въ томъ же году С. была поручена постройка казармъ и адмиралтейства въ Ревелѣ, а также заготовка морской провизіи. За постройку въ Ревелѣ дамбы онъ получилъ монаршую благодарность и ему же была поручена постройка бассейна въ Ревелѣ, чтобы дать возможность гребнымъ судамъ приставать къ купеческой гавани. Въ 1799 г. былъ произведенъ въ адмиралы, но въ томъ же году былъ уволенъ со службы въ отставку за недонесеніе Государю о буйномъ поведеніи одного офицера.

Черезъ три мѣсяца С. былъ обратно принятъ на службу и назначенъ главнымъ командиромъ Ревельскаго порта. Въ 1797 г. С. было Высочайше повелѣно представить планъ доковъ Ревельскаго порта и ему же было поручена постройка этихъ доковъ, но въ слѣдующемъ году послѣдовала отмѣна постройки, а взамѣнъ того было приказано обложить камнемъ необходимую часть гавани. За порядокъ, найденный комиссіей въ госпиталяхъ Ревельскаго порта, С. получилъ благодарность отъ адмиралтействъ-коллегіи. При немъ Ревельскій портъ посѣтила англійская эскадра, подъ командой адмирала

Нельсона. Въ 1803 г. С. былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Ревелѣ, оставаясь въ то же время и въ прежней должности. Въ 1807 г. былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Въ 1861 г. назначенъ командиромъ Архангельскаго порта, а также военнымъ губернаторомъ въ Архангельскѣ. Въ 1812 г. былъ награжденъ алмазными знаками къ ордену св. Александра Невскаго, а въ слѣдующемъ по собственному желанію былъ переведенъ главнымъ командиромъ въ Ревельскій портъ, гдѣ пробылъ до своей смерти. Умеръ С. въ 1828 г., оставивъ послѣ себя одного сына и двухъ дочерей.

«Матеріалы по исторіи русскаго флота» т.т. X, XI, XII, XIII, XIV, XVI, XVII.—Огородниковъ, «Исторія Архангельскаго порта».—Петровъ, Генеалогія.—Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ, т. VII.—Общій морской списокъ, т. V, ст. 115.—Веселаго, «Описаніе архива Морского министерства», т. т. III, V, VI, VII, VIII и IX.

В. Ш.

Спиридовъ, *Григорій Андреевичъ*, адмиралъ, герой Чесменскаго боя, родился въ 1713 г., ум. въ Москвѣ въ 1790 г. Вся жизнь его сложилась и протекла на морѣ. Съ десятилѣтняго возраста (1723 г.) онъ является уже вольноопредѣляющимся во флотѣ—явленіе довольно обычное въ XVIII в. Пять лѣтъ подрядъ С. ежегодно ходилъ въ плаваніе въ качествѣ волонтера и только въ 1728 г. вступилъ въ дѣйствительную службу гардемариномъ. Свѣдѣнія о первой половинѣ его жизни скудны и сухи: сначала онъ опредѣленъ былъ въ Астрахань и нѣсколько лѣтъ, командуя гекботами «Св. Екатерина» и «Шахъ-Дагай», совершалъ рейсы отъ Астрахани до береговъ Персіи. Въ 1732 г. онъ переведенъ въ Кронштадтъ, въ 1737—въ Азовскій флотъ, въ 1741—командированъ оттуда въ Архангельскій портъ. Каждый годъ онъ дѣлалъ кампаніи—сначала на Каспійскомъ, затѣмъ на Балтійскомъ и Азовскомъ моряхъ. Въ то же время идетъ постепенно его производство. Въ Архангельскѣ на С. обратилъ вниманіе главный командиръ этого порта, вице-адмиралъ Бредаль, который, занявъ постъ главнаго начальника Азовской флотиліи во время турецкой войны (1735—1741 г.), въ февралѣ 1737 г. взялъ С. къ себѣ въ адъютанты «ранга капитанскаго», и послѣдній сопровождалъ адмирала во все время продолженія войны, принимая непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Званіе адъютанта было за нимъ сохранено и по производствѣ въ лейтенанты.

Съ 1741 г. служба С. связывается надолго съ сѣверными морями. Два раза (1742—43 и 1752 гг.) онъ совершаетъ переѣздъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ на новопостроенныхъ корабляхъ и попрежнему—ежегодныя кампаніи и плаванія съ флотомъ изъ Кронштадта по Балтійскому морю, иногда по Невѣ «до Невскаго монастыря». Вѣроятно, молодой лейтенантъ успѣлъ выдвинуться и обратить на себя вниманіе, о чемъ можно судить по разнообразію и значенію даваемыхъ ему порученій: въ 1747 г. ему было поручено командованіе фрегатомъ «Россія», на которомъ ѣхалъ въ Киль принцъ Голштинскій Августъ; въ 1749—онъ былъ командированъ присутствовать въ московской адмиралтейской конторѣ; въ 1750—командовалъ придворными яхтами.

Въ 1754 г. С., произведенный въ капитаны 3-го ранга, получилъ новое отвѣтственное порученіе: по указу адмиралтействъ-коллегіи, велѣно было ему ѣхать въ Казань—надзирать за отправкою корабельнаго лѣса изъ заповѣдныхъ казенныхъ дачъ для петербургскаго адмиралтейства. Напрасно С., находившійся въ это время гдѣ-то около Бѣлгорода, очевидно въ отпуску, отговаривался отъ командировки, отписывая въ коллегію, что онъ «находится болѣнъ, и отъ полкового лѣкаря свидѣтельствованъ, и нашелся слабъ и немощенъ, за которыми ѣхать ему никакъ не возможно»; въ правительственныхъ сферахъ царилъ еще старый суровый взглядъ на службу: въ отвѣтъ на «доношеніе» С. коллегія категорически велѣла ему ѣхать «въ самой крайней скорости» и не представляя никакихъ отговорокъ, пригрозивъ описью недвижимаго имущества и предупредивъ, что на немъ взыщется, если, за нескорымъ его пріѣздомъ, выйдетъ какой-нибудь непорядокъ и «казнѣ Ея Императорскаго Величества убытокъ». Въ то же время и бѣлгородская губернская канцелярія получила приказъ «означеннаго Спиридова выслать немедленно, не пріемля никакихъ отговорокъ». Пришлось ѣхать. Очевидно, дѣятельность С. въ Казани удовлетворила

коллегію, потому что, немедленно по возвращеніи оттуда, онъ былъ назначенъ въ коммисію для разсмотрѣнія регламента и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ въ должность ротнаго командира при морскомъ корпусѣ.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ однообразныхъ плаваній по Балтійскому морю, С. принялъ участіе въ Семилѣтней войнѣ. Въ 1760 и 1761 г.г., въ самый разгаръ войны, главныя усилія русскихъ были направлены на взятіе прибрежной крѣпости Кольберга: эта крѣпость была необходима для подвоза провіанта и снарядовъ изъ Россіи. Крѣпость была обложена съ суши и съ моря. С. принималъ участіе въ осадѣ, командуя флагманскимъ кораблемъ «Св. Дмитрій Ростовскій». Съ нимъ были малютки сыновья 8 и 10 лѣтъ. Кампанія 1760 г. кончилась неудачей. Весною 1761 г. возобновились операціи противъ «досадной намъ крѣпостцы». С., командуя кораблемъ «Св. Андрей Первозванный», снова участвовалъ съ флотомъ въ блокадѣ. 20 августа рѣшено было высадить, въ помощь осадному корпусу, десантъ, и начальство надъ двухтысячнымъ отрядомъ «онаго морскаго войска» было поручено «г-ну флота капитану Григорію Спиридову». Отрядъ сослужилъ хорошую службу, участвуя сначала въ выгрузкѣ провіанта, а затѣмъ двинутый и въ огонь. Благодаря распорядительности С., операція была произведена удачно. Самъ С. все время былъ въ огнѣ, и адм. Мордвиновъ доносилъ Императрицѣ, что онъ «неоднократно о храбрыхъ поступкахъ флота капитана Спиридова слышалъ, въ чемъ и данный ему Спиридову отъ гр. Румянцева аттестатъ засвидѣтельствуетъ».

Въ 1762 г. С., произведенному въ контръ-адмиралы, поручено было командованіе эскадрой, посланной въ крейсерство къ берегамъ Помераніи. Эскадра начала плаваніе 1-го іюня. Въ бурю и густой туманъ, растерявъ часть кораблей, С. къ 15-му іюля дошелъ до Кольберга. Эскадра стала на рейдѣ на якорь, и отсюда по два корабля поочередно направлялись въ крейсерство. Значеніе похода свелось къ «экзерциціи»,—ни о какихъ столкновеніяхъ не было слышно, «прикрывать» транспорты было не отъ кого. 29-го іюня эскадра и крѣпость, расцвѣтившись флагами, торжественно праздновали тезоименитство Имп. Петра, а 7-го іюля съ берега пришли вѣсти о переворотѣ: были получены отъ гр. Румянцева экземпляръ печатнаго манифеста Екатерины II и присяжный листъ. С., собравъ на шканцахъ командировъ всѣхъ судовъ и офицеровъ своего корабля, громогласно прочелъ манифестъ. Затѣмъ послѣдовала присяга и благодарственный молебенъ. Переворотъ былъ принятъ безропотно, по крайней мѣрѣ въ шканечномъ журналѣ не упоминается о какихъ-либо инцидентахъ. Такъ же послушно присягнула и команда: сверженный Императоръ, видимо, и во флотѣ не пользовался симпатіей. Въ августѣ 1762 г. эскадра, въ составѣ 7 кораблей, вернулась отъ Кольберга въ Ревель, втянулась въ гавань и разоружилась.

Въ 1762—63 г.г. С. находился въ Петербургѣ, при адмиралтействѣ; его имя упоминается на парадахъ, при торжественныхъ посѣщеніяхъ Императрицею адмиралтейства и судовъ эскадры. Осенью 1763 г. учреждена была при адмиралтействъ-коллегіи «морская россійскихъ флотовъ и адмиралтейскаго правленія комиссія». Въ число членовъ ея (4) былъ назначенъ С.; дѣятельность этой комиссіи неизвѣстна.

4-го мая 1764 г. С. былъ произведенъ въ вице-адмиралы и командовалъ Кронштадтской эскадрой въ Балтійскомъ морѣ. Въ іюлѣ адм. Полянскій (подъ начальствомъ котораго С. служилъ въ 61-мъ г. во время Кольбергской экспедиціи), заболѣвъ, передалъ С. начальство надъ ревельскимъ флотомъ, въ октябрѣ же, когда Полянскій скончался, С. оффиціально былъ назначенъ главнымъ командиромъ Ревельскаго порта, а еще черезъ годъ (5 дек. 1765 г.) переведенъ главнымъ командиромъ порта въ Кронштадтъ.

Въ 1768 г. англичанинъ Грейгъ, капитанъ флота русской службы, внесъ въ коллегію проектъ новой системы оснастки и парусовъ. Опыты были назначены на кораблѣ «Трехъ Іерарховъ» въ Ревельскомъ портѣ, и С. поручено присутствовать при нихъ. Вернувшись въ Петербургъ, С. далъ въ адмиралтействъ-коллегіи отчетъ о предложенномъ нововведеніи; по его наблюденію, система Грейга, облегчая оснастку, дѣйствительно, увеличивала нѣсколько ходъ судовъ, но примѣнимость ея зависѣла отъ конструкціи корабля; по представленію С., рѣшено было, по системѣ,

принятой въ англійскомъ флотѣ, предоставить капитану каждаго корабля ввести на своемъ кораблѣ или отвергнуть нововведеніе, на свой страхъ и рискъ.

Въ ноябрѣ 1768 г. началась война съ Турціей. Одновременно съ движеніемъ сухопутныхъ армій кн. Голицына и гр. Румянцева начались приготовленія и къ морской войнѣ. Сдѣланы спѣшныя распоряженія о заготовленіи матеріала и постройкѣ судовъ въ Тавровѣ, Павловскѣ и другихъ донскихъ верфяхъ, а адм.-коллегіи указано «примыслить родъ вооруженныхъ судовъ, коими бы противъ тамошнихъ морскихъ судовъ съ пользою дѣйствовать могли»; къ обсужденію этого дѣла были привлечены адмиралы С. и Сенявинъ, «ибо первый въ нужныхъ мѣстахъ самъ былъ, а второму дѣйствовать». По указаніямъ С., рѣшено было строить только небольшія, мелко-сидящія суда (не глубже 9 ф. при нагрузкѣ), maximum на 16 пушекъ 12 фунт. калибра.

Между тѣмъ въ Петербургѣ создался смѣлый и широкій планъ дѣйствій: по проекту гр. Алексѣя Орлова, рѣшено было сдѣлать попытку поднять противъ Турціи грековъ Балканскаго полуострова, острова Архипелага, черногорцевъ и другихъ ея подданныхъ-христіанъ. Орловъ жилъ въ Италіи и руководилъ оттуда готовящимся возстаніемъ.

Посылка эскадры была рѣшена, и выборъ палъ на С. «Мы поручили нашему вице-адмиралу Спиридову нѣкоторую экспедицію, чего ради адм.-коллегія имѣетъ чинить ему по его требованію всевозможныя вспоможенія»—гласилъ секретный указъ коллегіи отъ 20 марта 1769 г. Хотѣли, кажется, сохранить экспедицію въ тайнѣ, но слухи о ней распространились по городу; пьяные матросы болтали на улицахъ—«Идемъ на Азовъ». 4 іюня С. былъ произведенъ въ адмиралы и оффиціально назначенъ начальникомъ вооруженнаго для похода флота.

Назначеніе было трудное и отвѣтственное; плаваніе должно было итти такими водами, гдѣ до тѣхъ поръ не виданъ былъ россійскій военный флагъ. Флотъ, никогда не ходившій дальше Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, былъ совершенно не приспособленъ къ такому дальнему плаванію и находился въ весьма печальномъ состояніи. Многія суда протекали. Было предложено для охраненія кораблей отъ течи обшить подводную часть дюймовыми сосновыми досками съ шерстью; работа стала производиться съ поспѣшностью; отсюда вся эскадра получила названіе «обшивной».

Въ гавани шла усиленная работа по снаряженію назначеныхъ кораблей въ путь; императрица торопила С. выступленіемъ—отъ Орлова приходили тревожныя извѣстія о близости возстанія и о необходимости присутствія русской эскадры въ турецкихъ водахъ. Наконецъ, 18 іюня императрица осматривала готовыя въ путь суда эскадры и собственноручно возложила на адмирала орденъ св. Александра Невскаго. Въ ту же ночь эскадра снялась съ якоря и двинулась въ путь.

Всего шло 7 линейныхъ кораблей (84-хъ и 66-и пушечныхъ), одинъ 36-ти пушечный фрегатъ и 7 мелкихъ военныхъ судовъ. Адмиралъ держалъ флагъ на «Евстафіи». Полномочія С. были велики—онъ долженъ былъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, по соглашенію, конечно, съ Орловымъ; наравнѣ съ послѣднимъ, онъ могъ выдавать свидѣтельства каперамъ («арматорамъ»); могъ, по своему усмотрѣнію, издавать манифесты къ «варварскимъ республикамъ для отвлеченія ихъ отъ турецкаго повиновенія». На чрезвычайные расходы ему было отпущено 480,000 рублей. Самъ онъ получилъ 700 р. въ мѣсяцъ и 4 тыс. р. подъемныхъ, всѣ офицера третное жалованье не въ зачетъ. Правительство, не жалѣя издержекъ, старалось обставить какъ слѣдуетъ эскадру и поощрить людей, на которыхъ возлагалось столько надеждъ. Черезъ нѣсколько дней по выступленіи эскадры, императрица снова слала С. приказаніе торопиться и идти безъ замедленія.

Суровая дѣйствительность, однако, давала себя знать. Уже 6-го іюля самый большой корабль «Святославъ», не выдержавъ шторма, отсталъ и пошелъ чиниться въ Ревель. Наступили, по донесенію С. «столь сильныя и мрачныя погоды съ большой стужею, что рѣдко когда половину эскадры видѣть было можно». До Копенгагена добрались только 30 августа, и тутъ пришлось остановиться до 12 сент. и подождать отставшія суда. «Святославъ» такъ и не поспѣлъ. Письмо С. изъ Гулля (гр. Чернышеву) отъ 25 сент. носитъ самый

мрачный характеръ, близкій къ отчаянію. «До сего числа еще ни одинъ часъ не прошелъ, когда бы я безъ прискорбности пробылъ», жалуется адмиралъ. Изъ 15 судовъ дошло съ нимъ до Гулля только 10, остальныя или потерпѣли аваріи и остановились для починки, или просто растерялись. Изъ матросовъ лишь единицы были привычны къ морю, большинство же вовсе никогда не плавали; отъ перемѣны воздуха, отъ холода, мокроты и качки—на эскадрѣ къ 25-му сент. было уже до 600 больныхъ, свыше 100 умерло, да за стоянку въ Гуллѣ умерло 83. Недоставало свѣжей провизіи. Въ Гуллѣ не оказалось лоцмановъ, и приходилось опять ждать. Англичане, по признанію С., съ улыбкой говорили объ этомъ несчастномъ плаваніи. Около середины октября выступили изъ Гулля; по выходѣ въ море эскадра окончательно разсыпалась, и въ началѣ ноября адмиральскій корабль «Св. Евстафій» *одинъ* дошелъ до Гибралтара и, не останавливаясь, спустился къ о. Миноркѣ; 18 ноября онъ сталъ на якорь въ Портъ-Магонѣ. Въ теченіе всего декабря сюда подбирались мало-по-малу отставшія суда эскадры. Къ концу мѣсяца собралось въ П.-Магонѣ 4 линейныхъ корабля и 4 мелкихъ судна. Корабль «Сѣверный Орелъ» совсѣмъ разломался и былъ оставленъ со всѣмъ экипажемъ и грузомъ въ Портсмутѣ; починить его было нельзя, и С. распорядился къ слѣдующей веснѣ построить въ Портсмутѣ новый корабль и прислать къ нему, съ экипажемъ и грузомъ, «Сѣвернаго Орла». Изъ отставшихъ нѣкоторые корабли могли присоединиться къ эскадрѣ только въ маѣ слѣдующаго (1770) года. Да и изъ собравшихся въ П.-Магонѣ «рѣдко кто не требовалъ, отъ претерпѣнія жестокихъ бурь и валовъ, нужнаго исправленія». Бомбардирскій корабль «Громъ» былъ негоденъ къ дѣлу, такъ какъ тяжелая артиллерія съ него—мортиры и гаубицы—находилась на кораблѣ «Ростиславъ», присоединившемся къ эскадрѣ только въ концѣ марта.

Императрица, съ нетерпѣніемъ ждавшая прибытія С. на мѣсто назначенія, была крайне недовольна медленностью движенія. «Можно-бъ имъ прійти изъ Кронштата въ Гибралтаръ въ 6 недѣль», писала она Орлову: «Гибралтаръ вашимъ казался концъ свѣта, и такъ въ знакомыхъ мѣстахъ и портахъ мѣшкали Богъ вѣсть для чего; если сіе не приписать незнанію, то отчего же произошло, что много больныхъ находится?» Судя по оправданіямъ С. (донесеніе имъ Екатеринѣ отъ 26 дек.), императрица и ему выразила свое неудовольствіе; но упреки эти врядъ ли имъ заслужены. Корабли, данные С., были совершенно неприспособлены для дальняго плаванія и, очевидно, весьма неудовлетворительной постройки; каждая буря выводила нѣсколько судовъ изъ строя и заставляла укрываться въ портахъ и чиниться; на нѣсколькихъ коробляхъ сломались мачты; Эльфинстовъ, командовавшій второй эскадрой, посланной вслѣдъ С., доносилъ также о жалкомъ состояніи своихъ кораблей: на одномъ нѣтъ ни одного годнаго блока, всѣ приходится перемѣнить; помпы почти недѣйствительны; корабль «Святославъ» рискуетъ не выдержать сотрясенія отъ своей крупной артиллеріи...

Не лучше былъ и личный составъ: выше упоминалось донесеніе С. о массовыхъ заболѣваніяхъ матросовъ вслѣдствіе непривычки къ морю; офицеры, по донесенію Орлова, также не обладали ни знаніями, ни любовью къ своему дѣлу.

Говоря короче, у Россіи въ описываемое время не было настоящаго флота и императрицѣ оставалось одно утѣшеніе,—что этотъ походъ поправитъ дѣло: «все закоснѣлое и гнилое наружу выходитъ, и онъ (флотъ) будетъ современемъ круглехонько обточенъ».

Самъ С., будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, чуть не въ каждомъ донесеніи жаловался на слабость и болѣзни и униженно оправдывался, извиняясь за медленность движенія. «Въ мысляхъ припадая къ стопамъ В. И. В., приношу мое рабское благодареніе, усматривая изъ онаго письма высокоматерній недостойному мнѣ рабу вашему монаршій милосердный выговоръ и наставленіе».

Черезъ нѣсколько дней по приходѣ С. въ Портъ-Магонъ, прибылъ туда же генералъ-маіоръ Орловъ, присланный братомъ съ отрядомъ сухопутныхъ войскъ. Отношенія его къ адмиралу врядъ ли были оффиціально установлены. С. доносилъ, что будетъ поступать «по совѣтамъ и приказаніямъ графовъ, изъ которыхъ гр. Ѳ. Гр. по милости своей жалуетъ меня какъ своими разсужденіями, такъ одобряетъ и къ будущимъ дѣйствіямъ».

Въ началѣ января гр. Алексѣй Орловъ потребовалъ присылки въ Ливорно кораблей, на которыхъ онъ могъ бы присоединиться къ эскадрѣ и начать военныя дѣйствія; С. отправилъ корабль, фрегатъ и пакетботъ; этотъ небольшой отрядъ опять былъ разсѣянъ бурей и собрался въ Ливорно только въ февралѣ, причемъ пакетботъ сѣлъ на мель, и его едва стащили. А между тѣмъ остальная эскадра, подъ начальствомъ С. и Ѳ. Орлова, подошла къ берегамъ Греціи и стала въ бухтѣ Витуло,—на Майнѣ, южномъ полуостровѣ Мореи. Здѣсь высадили десантъ, и тотчасъ вспыхнуло возстаніе; отряды майніотовъ организовались подъ начальствомъ русскихъ офицеровъ. Эскадра, покинувъ Витуло, по рѣшенію С. и Ѳ. Орлова, раздѣлилась и приняла участіе въ осадѣ крѣпостей Корона и Наварина, одновременно осажденныхъ и съ суши. С. находился въ отрядѣ, стоявшемъ подъ Корономъ. Наваринъ, послѣ нѣсколькихъ дней бомбардировки съ судовъ и суши, сдался на капитуляцію (10 апр. 1770 г.), но осада Корона успѣха не имѣла. Черезъ нѣсколько дней послѣ взятія Наварина, прибылъ къ эскадрѣ главнокомандующій, А. Орловъ,—и на общемъ совѣтѣ рѣшено было снять осаду. Эскадра собралась въ Наваринской бухтѣ.

А между тѣмъ дѣла на полуостровѣ шли все хуже; греки-повстанцы,—смѣлые и жестокіе во время первыхъ успѣховъ,—при столкновеніи съ серьезными силами проявили постыдное малодушіе и стали разбѣгаться; слабые русскіе отряды были разбиты и оттѣснены къ берегу. Наконецъ, во время попытки осадить крѣпость Моданъ, христіане потерпѣли полное пораженіе, и остатки русскихъ войскъ, потерявъ всю артиллерію, едва пробились къ Наварину. Этотъ злосчастный день, по выраженію Орлова, «отнялъ всю надежду имѣть успѣхи на землѣ». Турки большими массами надвигались къ Наварину, и къ нему же приближался многочисленный флотъ, чтобы запереть въ бухтѣ нашу эскадру. Въ это же время, какъ нельзя болѣе кстати, подошла вторая эскадра, подъ начальствомъ к.-адмирала Эльфинстона. 15-го мая получено было отъ него извѣстіе, что онъ идетъ навстрѣчу турецкому флоту и проситъ подмоги. Въ тотъ же день С. выступилъ съ 4 линейными кораблями по указанному направленію, принялъ по дорогѣ высаженный-было Эльфинстономъ на берегъ десантъ и 22 числа присоединился къ послѣднему. Эльфинстонъ со своими 9 кораблями (изъ нихъ 3 линейныхъ) имѣлъ уже два столкновенія съ турками и даже принудилъ ихъ отступить подъ защиту береговыхъ баттарей. Соединившись съ кораблями С., эскадра снова двинулась разыскивать непріятеля; С. не поднялъ своего флага, чтобы турки при встрѣчѣ думали, что имѣютъ передъ собою только одну эскадру. При встрѣчѣ турецкій флотъ изъ 18 судовъ сталъ быстро отступать. Три дня продолжалась погоня, но безуспѣшно; турецкіе корабли, болѣе быстроходные, въ концѣ концовъ скрылись изъ виду. А между тѣмъ гр. А. Орловъ, тѣснимый турками, рѣшился покинуть Наваринъ; онъ взорвалъ крѣпостныя стѣны, а самъ съ оставшимся у него линейнымъ кораблемъ и мелкими судами присоединился къ эскадрѣ С. и Эльфинстона. Онъ нашелъ «командировъ между собою въ великой ссорѣ, а подкомандныхъ въ уныніи и неудовольствіи»: англичанинъ не хотѣлъ подчиниться С., старшему его по чину. Орловъ, чтобы примирить ихъ, самъ принялъ главное начальство и повелъ флотъ къ о. Паросу. Началась опять погоня за непріятельскимъ флотомъ: единственная надежда была—уничтожить его и овладѣть моремъ. Наконецъ, 22-го вечеромъ непріятель былъ усмотрѣнъ въ Хіостскомъ проливѣ. На утро разыгрался Чесменскій бой.

Къ этому времени успѣли подойти многія отставшія суда изъ эскадры С. Русскія силы состояли изъ 9 линейныхъ кораблей, 3 фрегатовъ и 18 мелкихъ, отчасти наемныхъ судовъ. Турецкія—изъ 16 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ и около 60 мелкихъ судовъ. Но если русскій флотъ былъ далеко не въ блестящемъ видѣ, то за нимъ было одно неоспоримое преимущество: и адмиралъ, и гр. Орловъ, и матросы—плохіе моряки, но вѣрные и честные воины, воодушевленные и дѣйствительно готовые пасть или побѣдить; турецкая же армада находилась въ состояніи полнаго разложенія: громадные корабли нелѣпой конструкціи, загроможденные баттареями съ разнокалиберными орудіями, никакого порядка, никакого знанія въ морскомъ дѣлѣ; мѣста капитановъ продавались

за деньги. По отзыву очевидца, этотъ флотъ, годный лишь для взысканія податей, готовъ былъ уничтожиться самъ собою.

Утромъ 23-го начался бой. Нападеніе повели русскіе. Головной корабль «Европа» отклонился въ сторону, и флагманскій «Св. Евстафій» очутился впереди. «Поздравляю васъ матрозомъ!» крикнулъ съ мостика С. капитану «Европы», когда «Евстафій» проходилъ мимо него: адмиралъ заподозрилъ трусость, не зная настоящей причины отклоненія «Европы» отъ курса. «Евстафій», впереди всѣхъ, сближался все больше съ турецкимъ флотомъ, паля изо всѣхъ пушекъ. С., съ полученнымъ отъ императрицы образомъ на груди, съ обнаженной шпагой, ходилъ по мостику, наблюдая за боемъ. На ютѣ играла музыка. Наконецъ, «Евстафій» столкнулся вплотную съ непріятельскимъ адмиральскимъ кораблемъ. Завязалась рукопашная свалка; на турецкомъ кораблѣ начался пожаръ, охватившій все судно. Предвидя неминуемую катастрофу, С. и Ѳ. Орловъ на катерѣ покинули свой корабль. И дѣйствительно, нѣсколько минутъ спустя, мачта турецкаго корабля, вся въ пламени, рухнула на палубу «Евстафія»; огонь попалъ въ крюйтъ-камеру, и оба корабля взлетѣли на воздухъ. Турецкій флотъ послѣ этого отступилъ и укрылся въ гавани. Въ слѣдующую ночь (съ 25-го на 26-ое) русскіе, заготовивъ 4 брандера, атаковали его тамъ. С., бывшій теперь на кораблѣ «Три Іерарха», въ рупоръ отдавалъ приказанія, распоряжаясь атакой. Послѣ короткой перестрѣлки, были пущены брандеры; одному изъ нихъ удалось зажечь непріятельскій корабль; пожаръ разлился со страшной силой по турецкому флоту, скученному безпорядочно въ глубинѣ бухты; взрывы слѣдовали одинъ за другимъ. Къ утру все было кончено. Русскіе успѣли захватить только 1 корабль и 6 галеръ—весь остальной флотъ погибъ въ пламени.

«Слава Господу Богу и честь всероссійскому флоту! Съ 25-го по 26-е непріятельскій военный турецкій флотъ аттаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и въ пепелъ обратили, и оставили на томъ мѣстѣ престрашное позорище, а сами стали быть во всемъ Архипелагѣ, нашей Всемилостивѣйшей Государыни господствующи»—такъ доносилъ С. гр. Чернышеву.

Впечатлѣніе, произведенное Чесманскимъ боемъ въ Россіи, Турціи и заграницей, было громадно.

„Когда, по манію его, бросалъ перунъ—
„Орелъ, въ превыспренной отвагѣ,
„Флотъ Турковъ при Чесмѣ—сжегъ Россъ въ Архипелагѣ,
„Тогда Орловъ-Зевесъ, Спиридовъ—былъ Нептунъ!"

Такъ воспѣлъ подвигъ русскаго флота Державинъ.

На побѣдителей посыпался дождь наградъ и милостей. «Нептунъ-Спиридовъ» получилъ орденъ Андрея Первозваннаго и деревни.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Орловъ уѣхалъ въ Петербургъ, сдавъ главное начальство С.; уволенъ былъ Эльфинстонъ, разбившій на камняхъ свой корабль «Святославъ»—и С. остался главою русскаго флота въ Архипелагѣ. Онъ занялъ о. Паросъ и сдѣлалъ его своей базой; устроилъ здѣсь докъ для исправленія судовъ, возвелъ укрѣпленія, сухопутныя войска расположилъ на островѣ лагеремъ. Сюда постоянно подходили къ нему подкрѣпленія изъ Кронштадта, и лѣтомъ 1771 г. эскадра его состояла уже изъ 10 линейныхъ кораблей, 2 бомбардирскихъ и 20 фрегатовъ, не считая мелкихъ судовъ. Небольшіе отряды постоянно высылались въ крейсерство, захватывая купеческія суда. Въ январѣ 1771 г. С. принялъ въ русское подданство 18 островов архипелага; донося объ этомъ А. Орлову, онъ излагалъ свой проектъ—сохранить за собою часть этихъ острововъ послѣ мира, перечисляя всѣ выгоды этого дѣла; англичане, по его мнѣнію, за одинъ такой островъ «не одинъ милліонъ червонцевъ съ радостью бы дали». Суммы, отпущенныя С., были исчерпаны, и онъ былъ такъ стѣсненъ, что пришлось ему занять подъ вексель на свое имя у одного грека 1000 червонцевъ.

Отъ времени до времени, предпринимались болѣе крупныя экспедиціи для нападенія на турецкіе берега; но эти экспедиціи, шедшія съ перемѣннымъ успѣхомъ, никогда не давали крупныхъ результатовъ: среди грековъ и албанцевъ, деморализованныхъ первыми неудачами, возстаніе не разгоралось, а русскіе десанты были слиш-

комъ слабы для рѣшительныхъ дѣйствій.

Все это время здоровье С. было слабо. По его выраженію, «послѣдовавшіе при старости лѣтъ припадки до такого безсилія довели, что совсѣмъ одряхлѣлъ». Поэтому, когда лѣтомъ 1772 г. заключено было перемиріе, и Орловъ, давно уже вернувшійся изъ Петербурга, пріѣхалъ къ флоту,—С. съ его разрѣшенія оставилъ свой постъ и поѣхалъ отдохнуть въ Ливорно—«въ лучшій передъ Архипелагомъ климатъ».

Дѣйствительно, въ Италіи здоровье его поправилось «съ старостью лѣтъ его сходно», и онъ въ январѣ слѣдующаго года вернулся уже къ флоту—«по усердію и ревности, съ великою радостью, для продолженія службы по прежнему». Впрочемъ, въ письмахъ его Чернышеву прорываются порою нотки крайней усталости и нерѣшительности, плохо гармонирующія съ этой «великой радостью».

Въ мартѣ 1773 г. С. вернулся къ флоту и вскорѣ, за отъѣздомъ Орлова, снова принялъ главное командованіе. Весною и лѣтомъ онъ предпринялъ еще одну крупную экспедицію къ берегамъ Сиріи и Египта, для поддержки вспыхнувшаго тамъ возстанія. Экспедиція сожгла нѣсколько городовъ, доковъ и мелкихъ судовъ, высаживала нѣсколько разъ десанты, но успѣха не имѣла, и нѣкоторыя высадки стоили довольно крупныхъ потерь,—и С. оставалось лишь утѣшаться тѣмъ, что его движеніе отвлекло на азіатскій берегъ крупныя непріятельскія силы. Здоровье его опять разстроилось, и въ іюнѣ онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, жалуясь на постоянные припадки и головныя боли. Орловъ, дававшій всегда самые лестные отзывы о С., поддержалъ его просьбу; въ ноябрѣ послѣдовалъ указъ, которымъ С. въ силу его просьбы увольнялся отъ службы; за многолѣтнюю безпорочную службу и исключительныя заслуги ему по день смерти было оставлено, въ видѣ пенсіи, «полное жалованіе его чина».

Въ февралѣ 1773 г. онъ оставилъ эскадру и уѣхалъ въ Россію. Не смотря на дряхлость и болѣзни, онъ прожилъ еще 17 лѣтъ и умеръ въ Москвѣ въ 1790 г.

„Общій морской списокъ" т. II,—„Матеріалы по ист. русскаго флота т. т. VI, VIII—XII, по указателю.—Краткая біогр. Сп.—см. рядъ статей ф.-Эттигнера „Генер.-адмиралы и адмиралы царствованія Екатерины II".—„Сынъ Отечества" 1849 г. т. 3-й, кн. 5-я отд. 1-й. Некрологъ С-ва, „Кронштадтскій Вѣстникъ", 1867 г. Описаніе Корейской экспедиціи см. Соловьевъ, „Исторія Россіи" изд. „Т-ва Общ. Пользы" кн. 6-я, стр. 578—581, 655, 663—666, 748, 749, 924.—Записки гидрографическаго департамента, VII „Архипелагская экспедиція". Стихотв. Державина—„СПБ. Зритель" 1828 г. ч. 1-я кн. 1-я, стр. 56. „Энциклоп. словарь" Брокгауза т. 31, Спб., 1900 г., с. 223,—„Настольн. энциклоп.", изд. А. Гранатъ, т. VIII Спб. 1899 г., 4635.

Д. Муретовъ.

Спиридовъ, *Григорій Григорьевичъ*, оберъ-полицеймейстеръ Москвы въ концѣ XVIII ст. и гражданскій губернаторъ ея въ началѣ прошлаго вѣка, младшій изъ четырехъ сыновей извѣстнаго адмирала екатерининскихъ временъ. Родился въ 1758 г. Службу началъ пажемъ, долгое время былъ офицеромъ въ Семеновскомъ гвардейскомъ полку, съ чинѣ капитана участвовалъ въ шведской войнѣ при Екатеринѣ II и по окончаніи этой кампаніи вышелъ въ отставку въ чинѣ бригадира. Оберъ-полицеймейстеромъ Москвы С. былъ назначенъ въ 1798 г. при императорѣ Павлѣ и занималъ эту должность въ теченіе трехъ лѣтъ вплоть до 1800 г., когда разстроенное здоровье вынудило его уйти на покой. Но наполеоновскія войны вновь пробудили въ немъ воинственный духъ, и онъ, уже сравнительно пожилой человѣкъ, вступаетъ въ 1805 и въ 1812 гг. добровольцемъ въ Переяславльское ополченіе и въ его рядахъ во время Отечественной войны участвуетъ въ многочисленныхъ стычкахъ съ частями французской арміи. Послѣ изгнанія французовъ С., по указанію его друга гр. Растопчина, былъ назначенъ сначала комендантомъ, а затѣмъ гражданскимъ губернаторомъ Москвы. Въ качествѣ послѣдняго С. много способствовалъ реставраціи города, разрушеннаго французами и самими русскими. Вмѣстѣ съ отставкой гр. Растопчина покинулъ службу и С. Умеръ онъ 4 мая 1822 г.

П. Н. Петровъ, „Для немногихъ", сборникъ, (Спб. 1875, стр. 69.—Его же, „Генеалогія и геральдика дворянскихъ родовъ".

Спиридовъ, *Матвѣй Григорьевичъ*, извѣстный русскій генеалогъ, сенаторъ, сынъ знаменитаго адмирала Григорія Андреевича С., родился въ 1751 г., умеръ въ 1829 г.; біографическія свѣдѣнія о

внѣшнихъ событіяхъ въ его жизни довольно скудны; извѣстно, что по достиженіи совершеннолѣтія онъ поступилъ на военную службу; въ 1772 г. былъ уже поручикомъ; въ 1779 г. получилъ придворное званіе—камергера; въ началѣ 1780 г. состоялъ членомъ военной коллегіи, а нѣсколько позже былъ назначенъ сенаторомъ. Женившись на дочери извѣстнаго историка М. М. Щербатова, онъ, повидимому, оставилъ службу, поселился въ Москвѣ и подъ вліяніемъ и руководствомъ своего тестя началъ заниматься исторіей, особенно же генеалогіей русскаго дворянства, въ области которой онъ явился однимъ изъ первыхъ піонеровъ. Первымъ историческимъ трудомъ С. былъ «Родословный россійскій словарь, содержащій въ себѣ историческое описаніе родовъ князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ».... На основаніи свѣдѣній изъ лѣтописей, разрядныхъ и степенныхъ книгъ, статейныхъ списковъ и другихъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ въ «Словарѣ» приведены подробныя данныя о происхожденіи русскихъ и служившихъ въ Россіи иностранныхъ родовъ, указаны заслуги, службы и чины ихъ представителей и пр. Этотъ трудъ, начатый составленіемъ при участіи Щербатова, а послѣ смерти послѣдняго продолженный однимъ С. и посвященный «благородному россійскому дворянству», замѣчателенъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ немъ авторъ его возвысился до современныхъ научныхъ требованій въ смыслѣ указанія источниковъ: каждый отдѣльный фактъ сопровождается точнѣйшимъ указаніемъ рукописи или книги, откуда онъ почерпнутъ. Всего было издано двѣ части: въ первую (М., 1793 г., стр. CX IV+376+XIX) вошли дворянскія фамиліи на букву *А*, во вторую (М., 1794 г., стр. 628)—большая часть на букву *Б*. Выпуская первый томъ, С. въ предисловіи къ нему высказываетъ надежду на скорое появленіе въ свѣтъ и остальныхъ, повидимому, уже бывшихъ почти готовыми къ печати; изданіе, однако, далѣе второй части не пошло. И. Острогдазовъ полагаетъ, что даже уже выпущенные два тома были уничтожены самимъ С., который былъ недоволенъ этимъ своимъ трудомъ вслѣдствіе его неполноты и погрѣшностей. Возможно, что именно этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснять и величайшую рѣдкость этихъ книгъ: 1-й томъ сохранился всего въ трехъ экземплярахъ (въ Румянцевской и Чертковской библіот. въ Москвѣ и у И. Острогдазова), второй же имѣется только у послѣдняго. Слѣдующій трудъ С., подъ заглавіемъ «Краткій опытъ историческаго извѣстія о россійскомъ дворянствѣ, извлеченъ и сочиненъ изъ степенныхъ, статейныхъ, чиновныхъ и др. разныхъ россійско-историческихъ книгъ, съ показаніемъ нѣкоторыхъ, въ родословной, Бархатной называемой, книгѣ показанныхъ родовъ»—вышелъ въ Москвѣ въ 1804 г. Имени автора не указано, а вмѣсто него посвященіе (также дворянству) подписано буквами «Дмстперв»; основываясь на нихъ, извѣстный библіографъ Сопиковъ приписывалъ это сочиненіе Дмитревскому, но несомнѣнно, что оно принадлежитъ С., такъ какъ одинъ изъ своихъ позднѣйшихъ трудовъ («Сокращенное описаніе служебъ») онъ прямо называетъ продолженіемъ «Краткаго опыта», изданнаго въ 1804 г.; загадочныя же буквы, по предположенію А. А. Васильчикова, означаютъ: «Далъ Матвѣй Спиридовъ трудъ первый» *). Въ 1810 г. въ Москвѣ вышелъ новый трудъ С., полное заглавіе котораго таково: «Сокращенное описаніе служебъ благородныхъ россійскихъ дворянъ, расположенное по родамъ ихъ, съ показаніемъ, отъ кого тѣ роды начало получили, или откуда какіе родоначальники выѣхали, или которыхъ ни происхожденіе, ни выѣзды издателю неизвѣстны; со вмѣщеніемъ такого же описанія служившихъ въ древности Россіи, также и иностранныхъ, въ россійской службѣ бывшихъ, служащее продолженіемъ краткому опыту историческаго извѣстія о россійскомъ дворянствѣ, въ 1804 г. напечатанному». Вышло 2 части (1-я—IV+343 стр.; 2-я—335+II+1 стр.); Сопиковъ и митроп. Евгеній указываютъ и 3-ю, что невѣрно; самъ С. въ началѣ рукописи, находящейся въ Имп. Публичной библіотекѣ (см. ниже), говоритъ: «Въ 1810 г. началъ я издавать собранныя мною службы благородныхъ русскихъ ро-

*) Невѣрно, что первый, ибо еще десятью годами раньше появился упомянутый уже его «Словарь»; но это обстоятельство можетъ служить лишнимъ доказательствомъ, что «Словарь» С. дѣйствительно былъ уничтоженъ, и авторъ, стараясь о немъ забыть, не признавалъ его даже въ качествѣ своего первенца, хотя бы и неудачнаго.

довъ подъ назв.: «Сокращенное описаніе»... etc., и двѣ части напечаталъ, а семь еще, цензурою удостоенныя, уже приготовлены были къ печати, но всѣ онѣ сгорѣли въ Москвѣ вмѣстѣ съ домомъ моимъ, французами сожженномъ». Напечатанные томы представляютъ также величайшую библіографическую рѣдкость. Въ Импер. Публичной библіотекѣ хранится (F, IV, № 61, ч. I) рукопись С.: «Записки стариннымъ службамъ русскихъ благородныхъ родовъ»: этотъ громадный и въ своемъ родѣ знаменитый трудъ, заключающій въ себѣ 15 частей in folio, состоитъ изъ компиляцій фактовъ, часто мало достовѣрныхъ, извлеченныхъ изъ разрядныхъ, степенныхъ, лѣтописныхъ, статейныхъ, чиновныхъ, родословныхъ и пр. списковъ, книгъ и рукописей; однако, онъ имѣетъ ту громадную и незамѣнимую ничѣмъ цѣнность, что въ немъ сохранены показанія многихъ документовъ и рукописей, или просто уже утраченныхъ или же сгорѣвшихъ въ 1812 г. при московскомъ пожарѣ. Наконецъ, Н. И. Лихачевъ въ своемъ изслѣдованіи: «Разрядные дьяки XVI в.» приписываетъ С. еще одинъ трудъ, именно—«Историческое извѣстіе о старинныхъ чинахъ въ Россіи» (напеч. въ «Древн. Росс. Вивліоѳикѣ», ч. XX, изд. 2-ое, М. 1791 г., стр. 131—277); авторомъ этой обширной статьи обыкновенно считался М. М. Щербатовъ, что менѣе чѣмъ вѣроятно, такъ какъ въ текстѣ Щербатовъ величается «знаменитѣйшимъ историкомъ нашимъ», чего самъ онъ, конечно, написать не могъ. Характерной чертой этого труда С., какъ впрочемъ и другихъ, является широкое пользованіе свѣдѣніями, почерпнутыми изъ такъ наз. вымышленныхъ разрядныхъ книгъ.

Чего либо крупнаго и самостоятельнаго С., какъ историкъ, не представляетъ; онъ прежде всего замѣчательный труженикъ и компиляторъ, чрезвычайно добросовѣстный и скромный; благодаря его огромному трудолюбію, современная наука имѣетъ въ своемъ распоряженіи много цѣнныхъ историческихъ данныхъ, которыя въ противномъ случаѣ погибли бы для потомства. Свои взгляды С. рѣдко высказываетъ, по несомнѣнно, что они у него общи съ взглядами Щербатова, который, какъ извѣстно, былъ убѣжденнымъ сторонникомъ и защитникомъ главенствующаго и владычествующаго положенія въ государствѣ крупнаго дворянства. Что С. дѣйствительно исповѣдывалъ тѣ же взгляды, ясно хотя бы изъ того, что всѣ его историческіе труды трактуютъ именно о дворянствѣ и посвящены ему же.

С. въ свое время, еще до начала занятій исторіей, былъ извѣстенъ и какъ переводчикъ; ему принадлежатъ переводы слѣдующихъ произведеній съ французскаго языка: «Объ украшеніи города Кашемира» Вольтера («Трудолюбив. Муравей». № 23); «О древнихъ и новыхъ титулахъ европейскихъ» («Старина и Новизна», 1772 г., ч. I); «Краткія и нравоучительныя повѣсти: 1) «Смѣлый Гасконецъ». 2) «Авторъ». 3) «Вуатуръ». 4) «Вольтеръ». 5) «Цырано це-Бержеранъ». 6) «Торопливый воръ». 7) «Повѣшанный въ сапогахъ». 8) «Сонъ». 9) «Горацій, храбрый защитникъ своего отечества». 10) «Два человѣка чрезвычайной силы». 11) Поцѣлуй». 12) «Избавленная невинность». 13) «Слѣпая любовь». 14) «Благополучіе государей». 15) «Плоды наукъ». 16) «Счастливое превращеніе». 17) «Хорошая покупка». 18) «Осмѣянный капуцинъ». 19) «Спасенный матросъ». 20) «Неустрашимость двухъ женъ». 21) «Вымышленные сны». 22) «Человѣкъ на медвѣдѣ». 23) «Супружеская любовь» и 24) «Разумное рѣшеніе» (ibid., 1773 г., ч. II).

Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, Спб., 1821 г.; новое изд. Суворина, Спб. 1904, №№ 7732, 7832, 10428.— Г. Г. Геннади, „Русскія книжныя рѣдкости“, №№ 111, 112.— Его же, „Словарь русскихъ писателей“, т. I, стр. 211.—А. Д. Чертковъ, „2-е прибавленіе къ каталогу“, М., 1845 г., № 7, стр. 35.—П. И. Бартеневъ, „Каталогъ библіотеки А. Д. Черткова“, М., 1863 г., № 1278.—Межовъ, „Русская историч. библіографія за 1800—1854 г.“, т. II, № 18796; т, V. № 42793.—Плавильщиковъ, „Роспись россійск. книгамъ для чтенія“, ч. 2, Спб., 1820 г., № 3013.—Смирдинъ, „Роспись россійск. книгамъ“, Спб., 1828 г., № 2374, стр. 179.—И. М. Остроглазовъ, „Книжныя рѣдкости“, „Русск. Архивъ“, 1892 г., стр. 405, № 315.—Его же, „Библіографическія замѣтки“, ibid., 1890 г., кн. 7, стр. 331—340.—А. Н. Неустроевъ, „Историч. розысканіе о русск. повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“, Спб., 1874 г., №№ 166, 179, 180—Его же, „Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ“, Спб., 1898 г., стр. 647.—Митроп. Евгеній, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“, ч. II, М. 1845 г., стр. 176.—„Справочный энциклоп. словарь“ Крайя, т. 9., Спб., 1855 г., стр. 544.— „Русск. энциклоп. словарь“ Березина, т. II, отд. IV, Спб., 1877 г., стр. 244.—„Энциклоп. словарь“ Брокгауза, т. 31, Спб., 1901 г.—Л. М.

Савеловъ, „Матеріалы для библіографическ. указаній по генеалогіи", „Библіогр. Записки", 1892 г., ч. III, № 46,313.—Его же, „Библіографич. указатель по исторіи, геральдикѣ и родословію россійскаго дворянства", изд. 2, Острогожскъ, 1898 г., №№ 878—880, стр. 43—44.—А. П. Барсуковъ, „Обзоръ источниковъ и литературы русскаго родословія", Спб. 1887 г., стр. 27—28 (прилож. къ „Записк. Импер. Акад. Наукъ", т. XIV).—А. Е. Бурцевъ, „Библіограф. описаніе рѣдкихъ и замѣчательн. книгъ", т. VI, Спб., 1901 г., № 1748, стр. 43-44; № 2042, стр. 216—217.—„Списокъ всѣхъ россійс. писателей отъ Рюрика до нашихъ дней", „Новости Иностр. Литер.", 1822 г., № 20, стр. 97—105.—„Гербовое дѣло о родѣ Спиридовыхъ въ архивѣ департам. герольдіи и правит. сената".—П. Н. Петровъ, „Для немногихъ, сборникъ замѣтокъ по генеалогіи и геральдикѣ", Спб. 1875 г.—Его же, „Исторія родовъ русск. дворянства", т. I, Спб., 1886 г.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVI в.", Спб., 1898 года, стр. 125—128, 129, 348, 406—408.—Изложеніе реферата Н. П. Лихачева: „О нѣкотор. событіяхъ и лицахъ, внесенныхъ въ наши генеалогич. сборники изъ вымышленныхъ разрядныхъ книгъ", „Правит. Вѣстн.", 1887 г., № 20.—Е. Е. Замысловскій, „Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича", стр. 132 (объ ошибкахъ Спиридова).—„Родословіе Спиридовыхъ", „Всемір. Иллюстр.", 1874 года, ч. XI, № 264.—Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга", изд. 2, т. II, Спб., 1895 г., изд. 1-е („Русск. Стар.", Спб. 1875 г.).—А. Бобринскій, „Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ", ч. II, Спб., 1890 г.—„Архивъ Государств. Совѣта", т. IV, ч. 3, Спб., 1896 г., стр. 520.

Н. Сербовъ.

Спиридовы—дворянскій родъ, восходящій къ концу XVI в. Опредѣлить однако вполнѣ точно его историческіе корни очень трудно, и отъ рѣшенія этой задачи отказался и самъ изслѣдователь о своемъ родѣ, Матвѣй Григорьевичъ С., составившій обширное изслѣдованіе «О службѣ русскихъ дворянъ» и пользовавшійся для своего труда богатыми матеріалами вотчиннаго департамента. Первый изъ С., о которомъ сохранились нѣкоторыя отрывочныя извѣстія, назывался *Иваномъ* (отчество неизвѣстно) и былъ въ 1580 г. посланъ изъ Порхова въ Холмъ «прибавочнымъ» воеводою въ «большой полкъ». Сынъ его, *Алексѣй Ивановичъ*, значился царедворцемъ. Сынъ же послѣдняго, *Степанъ*, по прозванію *Уланъ*, былъ городовымъ клинскимъ дворяниномъ, въ 1616—19 гг. находился въ Москвѣ при осадѣ послѣдней Владиславомъ, въ 1623 г. за службу получилъ въ вотчину сельцо Ерасимово съ деревнями и пустошами, затѣмъ нѣкоторое время значился по первой статьѣ, въ 1634 г. былъ подъ Смоленскомъ и умеръ въ 1653 г. Степанъ Алексѣевичъ имѣлъ двухъ сыновей—*Онисима*, умершаго бездѣтнымъ и пресѣкшаго, слѣдовательно, собою прямую линію рода, и *Алексѣя*, служившаго съ 1653 г. въ рейтарскомъ строю. Алексѣй Степановичъ былъ впослѣдствіи записанъ въ московскіе дворяне, участвовалъ въ одной изъ войнъ съ поляками, въ 1657 г. женился и послѣ своей смерти (1682 г.) оставилъ четырехъ сыновей: *Силу*, *Никона*, *Митрофана* и *Андрея*. Первый изъ нихъ, Сила Алексѣевичъ (род. 1659 г.), былъ стряпчимъ, затѣмъ получилъ чинъ поручика и въ 1700 г. былъ отставленъ отъ службы; сохранились еще нѣкоторыя свѣдѣнія о его внукѣ, *Василіи Васильевичѣ*, служившемъ при Елизаветѣ Петровнѣ ростовскимъ воеводою. Позднѣйшихъ извѣстій объ этой старшей вѣтви рода не сохранилось, и повидимому угасла она на этомъ же колѣнѣ. Второй сынъ, Никонъ Алексѣевичъ (род. 1680 г.), въ 1692 г. былъ назначенъ стряпчимъ, черезъ 2 года стольникомъ, въ 1694—97 гг. служилъ воеводой въ Дмитровѣ и оставилъ подробное описаніе этого уѣзда, съ 1699 г. былъ воеводою и въ 1712 г. умеръ, оставивъ единственнаго сына *Ивана*, флотскаго поручика, съ смертью котораго (1738 г.) угасла и вторая линія рода С. Третій сынъ, Митрофанъ Алексѣевичъ, прапорщикъ рейтарскаго строя (1687—1700), оставилъ трехъ сыновей, изъ которыхъ о *Василіи* и *Ѳедорѣ* ничего не извѣстно, младшій же изъ нихъ, *Иванъ Митрофановичъ*, служилъ во флотѣ, достигъ чина капитанъ-командора, въ 1762 г. оставилъ морскую службу и умеръ бездѣтнымъ. Такимъ образомъ, всѣ три старшія линіи рода С. раньше или позже угасли, и только четвертый сынъ Алексѣя Степановича, Андрей Алексѣевичъ (род. 1680 г.), оказывается продолжателемъ фамиліи до нашихъ дней, и его потомство прославило родъ С., сдѣлавъ его историческимъ. Самъ Андрей Алексѣевичъ дослужился до чина маіора и въ послѣднее время своей жизни занималъ должность коменданта въ Выборгѣ (при Петрѣ I). Онъ оставилъ трехъ сыновей,—*Василія Андреевича*, дослужившагося до чина лейтенанта и бездѣтнымъ

утонувшаго въ 1720 г.; *Григорія Андреевича*, знаменитаго адмирала, героя Чесменскаго боя (см. отдѣльно), и *Алексѣя Андреевича*, военнаго генералъ-комиссара (см. отдѣльно). Послѣдній изъ нихъ потомства тоже не оставилъ, Григорій Андреевичъ же имѣлъ четырехъ сыновей: *Андрея* (род. 1750), умершаго въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ (1770); *Матвѣя Григорьевича*, сенатора и извѣстнаго генеалога (см. отд.); *Алексѣя Григорьевича*, адмирала и главнаго коменданта Ревельскаго порта (см. отд.) и *Григорія Григорьевича*, московскаго губернатора (см. отд.), умершаго бездѣтнымъ. О единственномъ сынѣ Алексѣя Григ. *Алексѣѣ Алексѣевичѣ*, извѣстно только, что онъ былъ камеръ-юнкеромъ. Наибольшее же потомство оставилъ Матвѣй Григорьевичъ—шесть сыновей и одну дочь. 1) *Григорій Матв.* (род. 1777 г.) — служилъ въ войскахъ, въ чинѣ поручика службу оставилъ; имѣлъ одного сына, *Григорія* (р. 1815 г.), о судьбѣ котораго свѣдѣній не сохранилось. 2) *Алексѣй Матв.*— ст. сов., въ царствованіе Александра I служилъ въ московскомъ почтамтѣ и въ 1817 г. ѣздилъ съ какимъ-то дипломатическимъ порученіемъ въ Бухару; род. въ 1728 г. и ум. при Николаѣ I. 3) *Иванъ Матв.* (род. 1787 г., ум. 1819 г.)—полковникъ, имѣлъ сына *Николая*. 4) *Александръ Матв.* (род. 20 апр. 1788 г.)—при Николаѣ I былъ начальникомъ юрбургской таможни, дѣйствит. ст. сов.; отъ брака съ Настасьей Николаевной Гавриловой имѣлъ пять сыновей: *Николая*, *Михаила*, *Григорія*, *Петра* и *Алексѣя Александровичей*. 5) *Андрей Матв.*—коллежск. асес., служилъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 8 департаментѣ сената. 6) Наконецъ *Михаилъ Матвѣевичъ* (род. 1797 г.)—декабристъ перваго разряда, членъ общества соединенныхъ славянъ. Родъ С. внесенъ въ VI ч. родословной книги Московской губ.

Гербовникъ, II стр. 101.—П. Н. Петровъ, «Исторія родовъ русскаго дворянства», т. I, Спб., 1885 г., стр. 497.—Его же, «Для немногихъ», сборникъ, Спб., 1875 г. стр. 67—69.—М. Г. Спиридовъ, «О службѣ русскихъ дворянъ», Спб. 1810 г.—Его же, «Записки стариннымъ службамъ Россійскихъ благородныхъ родовъ» (рукопись Импер. Публичн. библ.).—С. М. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изд. «Общ. Польза», кн. V, стр. 1129.—«Энц. слов.», Брокгауза, т. 31, Спб., 1900 г., с. 223.

Н. С—въ.

Спиридонова, *Маргарита*, писательница 1830-хъ годовъ. Напечатала въ «Дамскомъ Журналѣ» (1830 г., ч. 32, № 42) небольшую статью: «Историческое преданіе объ основаніи Москвы», въ которой разбираетъ различныя версіи и преданія по этому вопросу и доказываетъ, что основателемъ древней столицы долженъ считаться Юрій Владиміровичъ Долгорукій.

Николай Книжникъ (кн. Н. Н. Голицынъ), «Словарь русскихъ писательницъ 1759—1859 гг.», «Русскій Архивъ», 1865 г., № 9—10, стр. 1208; отд. изд. Спб., 1899 г., стр. 236.

Спиридоновъ, *Александръ Федоровичъ*, инженеръ, генералъ-майоръ, родился въ 1821 г. На службу вступилъ въ кондукторскую роту Главнаго инженернаго училища кондукторомъ въ 1836 г. Въ 1838 г. произведенъ въ полевые инженеръ-прапорщики. Въ 1860 г. опредѣленъ для особыхъ порученій при начальникѣ инженеровъ первой арміи. Въ 1867 г. произведенъ въ генералъ-майоры. Послѣднее время былъ начальникомъ инженеровъ Туркестанскаго военнаго округа. Участвовалъ въ походахъ при усмиреніи Венгріи въ 1843 г. и на Кавказѣ противъ горцевъ въ 1841 г. Умеръ 3 ноября 1867 г.

«Ежегодникъ русской арміи» 1869 г., стр. 29 о.

Ф. К.

Спиридоновъ, *Матвѣй Никифоровичъ*, упоминается въ 1645 г., когда по восшествіи на престолъ царя Алексѣя Михаиловича былъ посланъ въ Англію съ извѣстіемъ объ этомъ, затѣмъ въ 1647 году по возвращеніи изъ Англіи былъ воеводой въ Управо-Кокшайскѣ, въ 1653 г. былъ въ посольствѣ въ Литву въ свитѣ главнаго посла князя Б. А. Репнина, въ 1658 г. упоминается въ званіи стрѣлецкаго головы; въ томъ же 1658 г. посланъ былъ въ Сѣвскъ съ княземъ Федоромъ Куракинымъ для сбора ратныхъ людей и подъ начальствомъ Куракина же ходилъ противъ измѣнившаго Россіи гетмана Выговскаго и запорожскихъ казаковъ, послѣ похода, уже 23 февраля 1660 г., получилъ въ награду за службу ковшъ серебряный, сорокъ соболей, придачу къ окладу и 500 ефимковъ на покупку вотчины. Послѣднее извѣстіе о С. имѣется подъ 1666 г., когда онъ присутствовалъ у патріарха за столомъ во

время одного торжественнаго обѣда въ званіи стрѣлецкаго полковника.

Спиридовъ, «Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ» (рукоп. Публ. Библ.) XII. 70.—Дворцовые Разряды III, 6, 350, доп. къ т. III, 141, 217, 219.—Акты историч.; IV. 52; Русск. Историч. Библ. X, 498, 581. Бантышъ-Каменскій, «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи» I, 180.

Е. Л.

Спиридоновъ, *Никифоръ*, дьякъ, въ 1620 г. былъ въ Новгородѣ при воеводѣ князѣ Д. И. Мезецкомъ, въ 1631 г. встрѣчалъ при представленіи царю голландскихъ и англійскихъ пословъ, въ 1632 г. былъ дьякомъ Костромской четверти, въ этомъ же году участвовалъ въ пріемѣ Голштинскаго посла и въ 1633 году былъ посланъ съ бояриномъ княземъ Сулешевымъ собирать даточныхъ людей съ тѣхъ служилыхъ людей, которые сами на службу уже не ходили. Послѣ 1633 г. извѣстій о С. не имѣется.

Дворцовые разряды II, 282, 288, 333.—Спиридовъ, «Записки о старин. службахъ русск благородн. родовъ» (рукоп. Имп. Публ. Библ.) XII, 69.

Е. Л.

Спиридоновъ, *Павелъ*, по прозванію *пятой*, дьякъ, упоминается съ 1634 г., когда пріѣхалъ въ Москву изъ-подъ Смоленска съ извѣстіемъ о сдачѣ воеводы М. Б. Шеина, въ 1635 г. посланъ въ Мангазею, гдѣ былъ при воеводѣ до 1638 года, когда получилъ приказаніе ѣхать обратно въ Москву. Въ 1641 г. находился въ Тулѣ при воеводѣ князѣ Черкасскомъ «для приходу крымскаго царя и крымскихъ и ногайскихъ людей»; по возвращеніи въ Москву въ 1642 г. былъ назначенъ въ приказъ Казанскаго дворца, гдѣ упоминается до 1648 г. Въ это время служба его въ приказѣ прерывалась лишь въ 1642 г., когда онъ принималъ участіе въ земскомъ соборѣ по вопросу объ удержаніи Азова; и въ 1645 г., когда онъ былъ отправленъ въ Вязьму для размежеванія съ поляками. Въ 1648 г. С. былъ въ Вологдѣ при воеводѣ И. А. Полевѣ, потомъ 2 февраля 1653 г. онъ былъ назначенъ въ Казань, гдѣ былъ до 1655 г. при воеводѣ бояринѣ М. М. Салтыковѣ. Послѣ этого извѣстія о С. прерываются и самый годъ его смерти неизвѣстенъ.

Спиридовъ, «Записки о старин. службахъ русск. благородн. родовъ» (рукоп. Имп. Публ. Библ.) XII, 69—70.—Дворцовые разряды II, 479, 655, 756, III, 339, 363, 446, 490.—Акты историч. III, 398, 492, IV, 46, 53.—Собр. Госуд. Грамотъ и Договоровъ III, 380.—Акты Археогр. Экспедиціи III, 379, 380, 493.—Русск. Историч. Библ. X, 301, 335, 363, 375, 404.

Е. Лихачъ.

Спиридонъ, преподобный, «просфорникъ» печерскій XII в. Селянинъ по происхожденію, онъ пришелъ въ Печерскую обитель при игуменѣ Пименѣ (1132—1141 гг.), которымъ и былъ приставленъ печь просфоры вмѣстѣ съ преп. Никодимомъ. Придя въ обитель совершенно безграмотнымъ, въ скоромъ времени, хотя уже былъ не молодъ, научился читать божественныя книги. Умеръ около середины XII в. Мощи его почиваютъ въ Антоніевой (ближней) пещерѣ. Память же празднуется 31 октября. Сказаніе о препод. С. и Никодимѣ помѣщено во второмъ посланіи черноризца Поликарпа къ архимандр. печерскому Акиндину.

Патерикъ Печерскій.—Филаретъ, Русскіе святые, ч. III, стр. 297, (31 окт.),—Димитрій Мѣсяцесловъ святыхъ, всею русского церковью чтимыхъ (31 окт.), Н. Барсуковъ «Источники русск. агіографіи», ст. 510.—Леонидъ, Святая Русь, № 55.—Филимоновъ Иконописн. подлинникъ, стр. 183.

А. Ш.

Спиридонъ (*Грицiановъ*), архимандритъ, ректоръ Саратовской семинаріи и настоятель Спасо-Преображенскаго саратовскаго монастыря, великороссіянинъ, сынъ священника, воспитывался въ Нижегородской духовной семинаріи (1813–1824 гг.) и въ Московской духовной академіи (1824—1828 гг.), гдѣ 12 декабря 1826 г. постриженъ въ монашество, а 31 того же мѣсяца произведенъ въ санъ іеродіакона. Въ 1828 г., по окончаніи курса академіи, получилъ санъ іеромонаха и опредѣленъ въ Псковскую семинарію инспекторомъ и профессоромъ философіи и греческаго языка; въ томъ же году ему порученъ былъ классъ чтенія Священнаго писанія, который занималъ до 1 сентября 1833 г. 22 октября 1829 г. онъ былъ опредѣленъ ректоромъ псковскихъ духовныхъ училищъ; 6 декабря слѣдующаго года произведенъ въ архимандриты въ псковскій Спасо-Мирожскій монастырь. Въ 1831 году, 16 января, назначенъ членомъ псковской консисторіи, цензоромъ проповѣдей мѣстнаго духовенства и благочиннымъ надъ монастырями. Въ 1833 году

въ октябрѣ, опредѣленъ ректоромъ Саратовской семинаріи и учителемъ богословскихъ наукъ. 12 ноября сдѣланъ настоятелемъ саратовскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, а 1 декабря присутствующимъ Саратовской консисторіи. За заботы о благоустройствѣ семинаріи былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 2 ст. (1839 г.) и тѣмъ же орденомъ съ короною (1846 г.). Опредѣленіемъ св. синода отъ 15—16 апрѣля 1849 г. уволенъ отъ должности ректора семинаріи. Скончался въ 1855 г. въ должности настоятеля саратовскаго Спасо-Преображенскаго монастыря.

Дѣло духовно-учебнаго управленія по 1 ст. 1 отд. № 321, 1848 г. отъ 12 ноября.

Спиридонъ (*Симеонъ Потемкинъ*), братъ посла во Францію, зять Мих. Ал. Ртищева, архимандритъ Покровскаго монастыря въ Москвѣ, раскольникъ и защитникъ раскола. Умеръ въ 1665 г., 2 ноября. Въ посланіи діакона Ѳеодора къ сыну Максиму находятся слѣдующія свѣдѣнія о С.: «И бысть старецъ честенъ, и боголюбивъ зѣло и премудръ, и писанію святыхъ книгъ искусенъ вельми, умѣя убо самъ гречески и латински языкъ до конца, и польскій, и ученый бѣ человѣкъ, и вся дни живота своего надъ книгами просидѣлъ, и вина и сикира, сирѣчь питія піянственнаго отнюдь не пія отъ юности: имя ему бѣ въ мірѣ Симеонъ, Потемкиныхъ дворянъ честныхъ по роду, живый въ Смоленскѣ до мору, послѣ же мору взятъ бысть въ Москвѣ, и мало поживъ и пострижеся на Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ Убогомъ за Яузою, во иноцѣхъ Спиридонъ имя ему, окольничему оному Ѳеодору Ртищеву дядя бѣ по сродству плотскому, по старомъ благочестіи церковномъ великъ поборникъ бысть зѣло, и на всѣхъ еретиковъ и отступниковъ правыя нашея вѣры, паче же на римляны, и унѣяты, яко левъ рыкая; и въ Полшѣ тамо тѣхъ еретиковъ многихъ припре и посрами, и вси езуиты и кардиналы римскіе бояхуся его, не могуще противиться глаголомъ устъ его». Изъ этого отрывка видно, что С. представлялъ въ то время изъ себя замѣтную личность. Знакомый съ западно-европейскимъ міромъ, знавшій языки греческій, латинскій и польскій, слывшій за «мужа мудра», извѣстный самому царю (Алексѣю Михаиловичу), который даже, говорятъ, предлагалъ С. новгородскую каѳедру,—онъ въ то же время былъ столь великимъ поборникомъ въ старомъ благочестіи, что готовъ былъ лучше идти на висѣлицу, чѣмъ на новыя книги. Плодомъ его ревности осталась книга, состоящая изъ 9 «словъ». Содержаніемъ этихъ «словъ» является взглядъ автора на переживаемое время. Свои «слова» С. писалъ въ виду приближающагося тогда 1658 г. По примѣру другихъ противниковъ церковныхъ исправленій, онъ стоялъ на почвѣ ходячихъ эсхотологическихъ чаяній. Считая свое время близкимъ къ кончинѣ міра, онъ не допускалъ возможности исправленій въ вѣрѣ въ послѣднія времена, и исправленія Никона называлъ «уготовленіемъ пути антихристу». По его мнѣнію, седмиглавый змій «нынѣ творитъ брань» съ чадами церкви, «да устелетъ путь гладокъ своему Антихристу сыну погибели»; всякій, «преступивый едино слово отъ ученія Христова», отпадаетъ отъ Христа и «подаетъ руки своя лжехристу, грядущему сыну погибели». Поэтому всякая перемѣна въ новыхъ книгахъ признавалась «присвоеніемъ къ антихристу». Особенно же ополчался С. противъ исправленія Никономъ текста Символа вѣры. Всѣ такія отступленія «ухитри врагъ поставити, яко да вси отступающіи отъ вѣры погибнутъ въ непрощенномъ нечестіи, сирѣчь въ хуленіи Пресвятаго Животворящаго Духа, Господа Истиннаго». Далѣе онъ съ особенною настойчивостью проводитъ мысль, что антихристу должно предшествовать великое отступленіе отъ вѣры. «Горе не брегущимъ во прелестѣхъ, яже строитъ сатана прежде пришествія антихристова, и чающимъ, яко не насѣяше прелестей въ мірѣ антихристъ пріидетъ, яко отъ самого антихриста прелесть начнется. А сего не внимаютъ, яко пришествіе антихристово будетъ по дѣйству сатанину, той строитъ сему путь гладкій». Что же касается самого явленія антихриста, то это произойдетъ скоро, хотя неизвѣстно, когда именно: «главизны того, что будетъ..., уже являются». О личности антихриста въ «Словахъ» сказано, что онъ явится въ образѣ человѣка, котораго съ особой радостью встрѣтитъ еврейскій народъ. «Евреи въ множествѣ воздадутъ ему честь, нарекутъ его своимъ месіяшкомъ». За евреями присоединятся всѣ народы, ненавидящіе креста истиннаго Бога. Имъ откроетъ антихристъ свое имя, которое «никогда же нигдѣ же отъ

вѣка не слыхано», послѣ чего всѣ народы назовутъ его богомъ. Таково главное содержаніе трехъ (2—7—8) словъ, въ которыхъ авторъ передаетъ свой взглядъ на переживаемое время. Эта часть его сочиненій является самой важной, содержаніе же остальной посвящено деталямъ главной идеи о пришествіи антихриста и кончинѣ міра, и нѣкоторымъ другимъ второстепеннымъ вопросамъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ важный вопросъ, долго волновавшій старообрядческій міръ, вопросъ о перекрещиваніи. Перекрещиваніе съ безусловностью вытекало изъ «Словъ» С. Такъ во второмъ изъ нихъ раскольники читали: «Новые македоніане непрощеннымъ нечестіемъ недугующи—хульницы Святаго Духа Бога истиннаго: къ таковыхъ дѣйству не снидетъ благодать. Добрѣ глаголютъ святыхъ отецъ правила, яко еретическое крещеніе нѣсть крещеніе, но оскверненіе, и помолившійся съ еретики чуждъ христіанства: то како крестившійся отъ еретикъ не чуждъ будетъ христіанства».

Изъ бѣглаго обзора содержанія «Словъ» становится вполнѣ понятнымъ тотъ интересъ, какой проявили ревнители стараго благочестія къ этимъ сочиненіямъ. Въ «Словахъ» С. старолюбцы находили отвѣты на всѣ тѣ вопросы, которые въ то время съ особой силой захватывали старообрядческій міръ. Въ одномъ изъ пустозерскихъ посланій, именно въ отвѣтѣ Іоанну, находится интересный отзывъ, какой былъ данъ какъ о сочиненіяхъ С., такъ и о немъ самомъ столпами раскола протопопомъ Аввакумомъ и діакономъ Ѳеодоромъ. А именно, въ 1667 г. московскіе старолюбцы, интересуясь вопросомъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на «Слова» С. и можно ли ихъ принимать въ руководство, затребовали о нихъ отзывъ отъ пустозерскихъ узниковъ. Діаконъ Ѳеодоръ въ вышеупомянутомъ посланіи Іоанну отозвался о «Словахъ» самымъ лестнымъ образомъ. Такого же мнѣнія о сочиненіяхъ С. былъ и Аввакумъ, который вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ подписалъ этотъ отзывъ. «А богомудраго старца Спиридона преподобнаго «Слова», писанныя на еретики, пріемлите, какъ и прочихъ богословцевъ святыхъ: Григорія, Василія и Дамаскина Іоанна и иныхъ,—читали въ этомъ посланіи раскольники,—той же истинный Параклитъ глагола въ немъ. Отецъ Спиридоній и пророкъ бысть... и въ премудрости иного таковаго нынѣ нѣсть». Въ виду такой авторитетности сочиненія С. безусловно были однимъ изъ важныхъ руководствъ для ревнителей стараго благочестія и пріобрѣли вмѣстѣ съ авторомъ широкую извѣстность въ старообрядческомъ мірѣ.

Смирновъ, „Внутренніе вопросы въ расколѣ", Спб., 1898 г., стр. LXXXIV, XCIII, XCIV, CXV, CXVI, 12—13, 137.—Субботинъ, VI томъ, стр. 230—232.—А. Поповъ, „Описаніе рукоп. библ. А. И. Хлудова", М. 1872. № 351—И. А. Бычковъ, „Кат. собр. рукоп. Богданова", II, стр. 6—8.—Строевъ, „Списки іерарховъ", Спб., стр. 209.

А. Витохинъ.

Спиридонъ, *архіепископъ Новгородскій*, въ 1229 г. изъ іеродіаконовъ новгородскаго Юрьева монастыря избранъ былъ новгородскимъ вѣчемъ по жребію главою новгородскаго духовенства и сдѣлался, такимъ образомъ, попечителемъ республики, такъ какъ архіепископъ принималъ большое участіе въ дѣлахъ ея. Въ томъ же году, 17 декабря, отправился въ Кіевъ для хиротоніи. Въ слѣдующемъ 1230 г. въ сырную недѣлю, 18 февраля, митрополитъ Кириллъ посвятилъ С. въ священники, а 25 февраля «по чистѣй недѣли на сборъ», т. е. въ недѣлю Православія, хиротонисанъ въ архіепископа; 19 мая того же г., въ недѣлю 318 святыхъ, архіеп. С. прибылъ изъ Кіева въ Новгородъ и вскорѣ совершилъ постригъ надъ княжичемъ Ростиславомъ Михаиловичемъ, въ ознаменованіе того, что новгородское княженіе должно было перейти отъ отца къ сыну; такого обряда до сего времени еще не совершали надъ сыновьями новгородскихъ князей. Обрядъ состоялъ въ томъ, что архіепископъ въ Софійскомъ соборѣ по прочтеніи молитвы, въ требникѣ положенной въ послѣдованіи крещенія на постриженіе волосъ, торжественно постригъ волосы у юнаго князя. Вскорѣ послѣ этого Ростиславъ былъ оставленъ отцомъ княжить въ Новгородѣ. Въ этомъ (1230) году въ Новгородѣ былъ ужасный моръ, отъ котораго погибло множество народа; на Прусской улицѣ близъ Петропавловской церкви архіепископъ построилъ скудельницу, которую 3.030 труповъ наполнили до верха. Такъ какъ моръ продолжалъ свирѣпствовать, по волѣ архіепископа построены были еще двѣ скудельни, которыя тоже наполнены были трупами. Весною

1232 г. сильный пожаръ превратилъ въ пепелъ весь Словенскій конецъ; спасаясь отъ пламени, много новгородцевъ потонуло въ Волховѣ. Архіепископу С. пришлось много потрудиться для облегченія участи несчастныхъ гражданъ. О послѣдующей его дѣятельности въ лѣтописяхъ говорится немного. Между прочимъ, въ 1234 г. онъ оплакивалъ кончину юнаго князя Ѳеодора, старшаго сына новгородскаго князя Ярослава, погребая его въ обители св. Георгія, и въ 1244 г. онъ же и въ той же обители хоронилъ и благочестивую мать князя Ѳеодора Ѳеодосію, въ инокиняхъ Евфросинію. Архіепископъ ревностно помогалъ новгородскому князю Александру Невскому отражать ближайшихъ враговъ Новгородской земли — шведовъ: воодушевленный и молитвенно настроенный архіепископомъ С. въ Софійскомъ соборѣ въ 1240 г., Александръ Невскій наголову разбилъ шведовъ на берегахъ Невы и, какъ герой-витязь, по возвращеніи изъ похода, встрѣченъ былъ у св. Софіи тѣмъ же владыкой С. Но въ томъ же году, вслѣдствіе крамолы новгородцевъ, Александръ Невскій покинулъ Новгородъ вмѣстѣ съ матерью, супругою и со всѣми приближенными. Шведы опять стали тѣснить новгородцевъ, которые тогда поняли, кого они лишились въ лицѣ князя Александра Невскаго и, чтобы вернуть его Новгороду, архіепископъ С. долженъ былъ дважды ѣздить съ посольствомъ во Владиміръ и просить князя Ярослава отпустить въ Новгородъ своего старшаго сына. 20 лѣтъ мирно правилъ своею паствою архіепископъ С.; скончался онъ въ 1249 г. и погребенъ въ Мартиріевской соборной папертп.

Тихомировъ П., протоіерей, „Каѳедра новгородскихъ святителей со времени введенія христіанства въ Новгородѣ (въ 992 году) до покоренія его Московской державѣ (въ 1478 г.)“, т. I, Новгородъ, 1891 г., стр.125—130. —Діевъ М., прот., „Повѣрка іерархическихъ каталоговъ епархій новгородской, переяславской, полоцкой, ростовской и тобольской“ (рукопись архива Св. Синода № 1771), лл. 61 об. — 63 об. — Здравомысловъ К., „Іерархи новгородской епархіи“, Новгородъ, 1897 г., стр. 16. — Строевъ, „Списки іерарховъ“, Спб., 1877 г.—Карамзинъ, „Истор. Госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843 г., т. III, стр. 155, 156, пр. 328, 331, 369 т. IV, стр. 17, пр. 38.

А. Никольскій.

Спиридонъ, *митрополитъ Кіевскій,* (1476—1477 гг.). Въ лѣтописи подъ 1476 г. о немъ оказано: «Пріиде изъ Царяграда въ Литовскую землю митрополитъ Спиридонъ, родомъ тверитинъ, поставленъ на мздѣ патріархомъ, а повелѣніемъ турскаго царя». Избраннаго, рукоположеннаго и присланнаго цареградскимъ патріархомъ Рафаиломъ въ Литовскую церковь митрополита С. король Казиміръ не принялъ, но «посади въ заточеніе», въ которомъ митр. и оставался до 1482 года, если не долѣе. Будучи въ Литвѣ, митр. С. написалъ весьма обширное окружное посланіе или «Изложеніе о православней истинной нашей вѣрѣ». Въ предисловіи къ «Изложенію» онъ прежде всего объясняетъ, что заставило его писать: «Понеже предъ нашима очима видимъ много св. правилы отвержена, творятся въ православіи нашего христіанства, ихъ же не подобаетъ, сего ради исписахомъ отъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ 7-ми соборъ свидѣтели», упоминаетъ о своихъ страданіяхъ за правду и заканчиваетъ предисловіе словами: «радость, миръ всему православію». Въ своемъ посланіи митр. С. обращается ко всей своей духовной паствѣ безъ всякаго чувства недовольства; очевидно онъ не былъ отвергнутъ этою паствою, не повѣрившею его поставленію на мздѣ. Неизвѣстно, какъ и когда онъ успѣлъ освободиться изъ заточенія въ Литвѣ и прибылъ въ Москву.

Но и здѣсь онъ не былъ принятъ, его отправили на заточеніе въ Ферапонтовъ монастырь, гдѣ въ 1503 г. онъ написалъ по просьбѣ инока Соловецкаго монастыря Досиѳея житіе святыхъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ. Когда это житіе было представлено Досиѳеемъ новгородскому архіепископу Геннадію († 1505), то послѣдній сказалъ о С.: «Сей человѣкъ въ нынѣшняя роды бѣяше столпъ церковный понеже измлада навыче священная писанія». Митрополиту С. приписывается сочиненіе подъ заглавіемъ: «Посланіе о Мономаховомъ вѣнцѣ Спиридона Савы». Авторъ посланія называетъ себя двойнымъ именемъ: «Спиридонъ рекомый Сава глаголемый». Второе имя, вѣроятно, получено имъ при постриженіи въ схиму. Замѣтимъ, что митр. С. прозванъ былъ «за рѣзвость» Сатаною. Въ Москвѣ повѣрили, что онъ былъ поставленъ на мздѣ и въ предотвращеніе подобныхъ случаевъ на будущее время въ самую присягу епископскую внесены были слѣдующія слова: «отрицаюсь...

послѣ Исидора и Григорія Болгара и Спиридона, нарицаемаго Сатана, взыскавшаго въ Цареградѣ поставленія въ области безбожныхъ турокъ поганаго царя, такожде и тѣхъ всѣхъ отрицаюсь, еже по немъ когда случится пріити на Кіевъ отъ Рима латинскаго или отъ Царьграда турецкія державы». Слова эти находились еще въ архіерейской присягѣ при митрополитѣ московскомъ Симонѣ (1495—1511). Изъ заключительной части «Посланія о Мономаховомъ вѣнцѣ» видно, что оно писано въ княженіе Василія Ивановича и притомъ не позже 1523 г. Въ это время авторъ былъ «старостію одержимъ многою, имѣя отъ роду лѣтъ девять десять и едино». Митрополиту Макарію не было извѣстно послѣднее «Посланіе» и потому онъ говоритъ, что годъ кончины митрополита С. надобно полагать между 1503 и 1505 гг. Онъ же утверждаетъ, что въ ряду всѣхъ митрополитовъ Литовской православной митрополіи за 1458—1503 гг., т. е. за періодъ борьбы православія съ латинствомъ и неудачныхъ попытокъ къ уніи, не встрѣчается ни одного, который бы равнялся съ С. по уму и образованію, или точнѣе, оставилъ по себѣ такіе же литературные памятники своего ума и образованія.

„Исторія Русской Церкви“, митроп. Макарія, т. IX, 1900 г., стр. 63—68 —Ждановъ, Иванъ, „Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованіе и матеріалы“, 1895 г., стр. 65—69, 81—90, 589—603.—Ключевскій, „Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ“, М. 1871 г., стр. 202—202.—Яхонтовъ, „Житія сѣверно-русскихъ подвижниковъ“, стр. 17—32.—Строевъ, „Списки іерарховъ“, Спб. 1877 г.—Евгеній, „Словарь духовныхъ писателей“. - Филаретъ, „Обзоръ русской уховной литературы“.—Карамзинъ, „Исторія Госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, Спб. 1843 г., т. V, прим. 309, т. VI, пр. 629.

А. Никольскій.

Спиринъ, *Михаилъ Ѳедоровичъ*, главный врачъ варшавскаго Александровскаго госпиталя, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ, родился въ 1822 г. Медицинское образованіе получилъ на казенный счетъ въ Петербургской медико-хирургической академіи, откуда въ 1845 году былъ выпущенъ лекаремъ съ назначеніемъ въ Полтавскій пѣхотный полкъ. Получивъ въ 1850 г. степень доктора медицины, С. былъ назначенъ медицинскимъ совѣтникомъ Царства Польскаго, а въ слѣдующемъ году переведенъ старшимъ врачомъ Староингерманландскаго пѣхотнаго полка. Далѣе онъ служилъ старшимъ врачомъ пѣхотнаго принца Прусскаго и Новоингерманландскаго полковъ и старшимъ ординаторомъ замосцкаго (съ 1856 года) и варшавскаго уяздовскаго военныхъ госпиталей. Назначенный въ 1865 году главнымъ лекаремъ ловичскаго военнаго госпиталя, С. два года спустя тамъ же занялъ должность главнаго доктора. Ту же должность онъ занималъ (съ 1868 году) въ новогеоргіевскомъ военномъ госпиталѣ и съ 1876 г. въ варшавскомъ Александровскомъ военномъ госпиталѣ. Скончался въ Варшавѣ въ 1880 г., на 59 году отъ рожденія.

Л. Ѳ. Змѣевъ; „Русскіе врачи-писатели“, вып. 1-й, Спб., 1886 г., тетр. II, стр. 117.—„Медицинскій списокъ на 1860 г.“, стр. 360; на 1870 г., стр. 228.

Е. Я.

Спиро, *Петръ Антоновичъ*, профессоръ физіологіи въ Новороссійскомъ университетѣ, род. 21 сентября 1844 г. Воспитывался сначала во второй Московской гимназіи, которую окончилъ въ 1863 г. съ золотой медалью, затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, изъ котораго вышелъ со званіемъ кандидата естественныхъ наукъ. Чувствуя склонность къ медицинѣ, С. по окончаніи университета зачислился студентомъ Петербургской медицинской академіи, въ 1870 г. кончилъ курсъ со степенью лекаря и былъ оставленъ при ней для подготовки къ ученой дѣятельности. Здѣсь онъ подъ руководствомъ проф. Сѣченова занимался физіологіей и оказалъ въ этой области такіе выдающіеся успѣхи, что въ концѣ перваго же года занятій былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ въ клиническій военный госпиталь, а въ слѣдующемъ, 1871 г., приглашенъ на должность лаборанта физіологической лабораторіи при Новороссійскомъ университетѣ. Весною 1872 г. онъ ѣздилъ за границу, гдѣ нѣкоторое время занимался своимъ любимымъ предметомъ у Роллота. Въ 1874 г. С. пріобрѣлъ въ новороссійскомъ университетѣ степень магистра физіологіи и въ концѣ этого года былъ назначенъ приватъ-доцентомъ этого предмета. Въ 1877 г. онъ совершилъ вторую заграничную поѣздку, работая и на этотъ разъ подъ руководствомъ цѣлаго ряда выдающихся

спеціалистовъ, между прочимъ Гоппе-Зейлера и Людвига. По возвращеніи изъ-за границы С., по представленію проф. Мечникова и доц. Бернштейна, былъ назначенъ въ 1879 г. сверхштатнымъ доцентомъ, въ 1881 г. защитилъ въ Харьковскомъ университетѣ диссертацію и удостоенъ степени доктора медицины. Университетскій уставъ 1884 г. учредилъ въ университетѣ должность прозектора физіологіи; на нее физико-математическій факультетъ, по предложенію проф. Ковалевскаго и Зеленскаго, единогласно избралъ С., который, не оставляя чтенія лекцій, сталъ вести практическія занятія со студентами по растительной физіологіи. Наконецъ, въ 1885 г. онъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ физіологіи. Главные труды С.: «Опыты надъ измѣненіями раздражительности спинного мозга» («Мед. Журн.» 1868 г.); «Физіолого-топографическія изслѣдованія спинного мозга» («Военно-медиц. Журн.», 1870 г. и «Memoires de l'Acad. Imp. des sc. de St-Petesb.» 1870, № 4); «Къ вопросу объ инервации дыхательныхъ движеній» («Записки Новорос. Унив.» 1873 г.; рефер. въ «Arch. für Physiologie», 1873); «О кожно-мышечныхъ рефлексахъ» («Зап. Новорос. Ун.», 1875; рефер. въ «Centralblatt f. d. medicin. Wissensch.», 1875); «О молочной кислотѣ» («Zeitchr. für physiol. Chemie», 1876); «Объ образованіи желчи» («Зап. Новорос. общ. естествоисп.», 1880; «Journal für Anat. und Physiologie» v. Du Bois Reymond, 1881); «О нѣкоторыхъ явленіяхъ такъ называемаго животнаго магнетизма» (гипнотизма) («Зап. Новор. общ. естествоисп.», 1883); «О такъ назыв. мысленномъ внушеніи (Suggestion mentale)» (тамъ же, 1885); «О насильственныхъ движеніяхъ у человѣка» и «По поводу сеанса отгадыванія чужихъ мыслей» («Проток. засѣд. общ. одесскихъ врачей», 1886). Умеръ С. въ 1893 году.

„Протоколы Новорос. универс.", 1874, дек.; 1875, мартъ, сент. и ноябрь; 1879, февр., окт. и ноябрь—Маркевичъ, „Историческая записка о новорос. универ.". „Записки Имп. Новорос. Унив.", т. 53, Од. 1890,—„Энциклоп. словарь" Брокг. и Эфр., т. 31, s. v.—Большая энциклопед., т. 17, s. v.

Н. С.

Спицынъ, *Александръ Петровичъ*, адмиралъ, севастопольскій герой, бывшій керчь-еникальскій градоначальникъ, родился 24 марта 1810 г. Воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ 21 августа 1824 г., а 8 мая 1826 г. былъ произведенъ въ гардемарины и до 1829 г. на кораблѣ «Александръ Невскій» и фрегатѣ «Крейсоръ» плавалъ въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ. Произведенный 30 марта 1829 г. въ мичмана съ назначеніемъ въ Черноморскій флотъ, С. тотчасъ же попалъ на театръ военныхъ дѣйствій и на кораблѣ «Парменъ», а затѣмъ на «Пантелеймонѣ» участвовалъ во взятіи Инады и Мидіи; въ слѣдующемъ году, находясь на бригѣ «Орфей», участвовалъ въ занятіи мѣстечка Гагры. Два года спустя со С. произошелъ случай, едва не испортившій всей его карьеры: во время крупной ссоры съ аудиторомъ Михайловымъ онъ позволилъ себѣ оскорбить послѣдняго дѣйствіемъ, за что и былъ отданъ подъ судъ. Однако, благодаря его заслугамъ въ предыдущія службы и особенно въ войну съ Турціей, императоръ Николай I замѣнилъ наложенное на него судомъ наказаніе двухмѣсячнымъ арестомъ съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ по службѣ. Въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ С. плавалъ въ Черномъ морѣ послѣдовательно на транспортѣ «Александръ», фрегатахъ «Бургасъ», «Эривань» и «Варна», транспортѣ «Китъ», кораблѣ «Султанъ-Махмудъ», фрегатахъ «Месемврія», «Агатополь» и бригѣ «Паламедъ», причемъ все это время исторія съ аудиторомъ Михайловымъ мѣшала дальнѣйшему его служебному движенію. Только 16 февраля 1844 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе не считать штрафа препятствіемъ къ полученію наградъ, и 23 марта 1847 г. С. былъ произведенъ прямо въ капитанъ-лейтенанты, а въ слѣдующемъ году получилъ въ командованіе пароходо-фрегатъ «Бессарабію». Далѣе С. командовалъ корветомъ «Пиладъ» и фрегатомъ «Кагулъ», причемъ въ 1841 г. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-ой степени. Съ началомъ войны съ Турціей въ 1853 г. фрегатъ «Кагулъ» былъ назначенъ состоять въ крейсерской эскадрѣ П. С. Нахимова, который и бросился на поиски турецкаго флота. Отыскавъ непріятеля въ Синопской бухтѣ, Нахимовъ атаковалъ его и совершенно уничтожилъ. Въ этомъ сраженіи С., командиръ «Кагула», особенно отличился своимъ хладнокровіемъ и распорядительностью, за что и былъ произве-

денъ въ капитаны 2-го ранга. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ командиромъ корабля «Гавріилъ», которымъ командовалъ до потопленія его у входа въ Севастопольскую бухту, послѣ чего былъ переведенъ на линію береговой обороны въ гарнизонъ Севастополя и назначенъ 13 сентября 1854 г. командиромъ 4-го бастіона—одного изъ самыхъ важныхъ пунктовъ въ оборонительной линіи Севастополя. 5 октября союзники начали ожесточенный штурмъ 4-го бастіона, однако, С. не только отбилъ всѣ ихъ атаки, но еще сбилъ непріятельскія батареи и взорвалъ пороховой погребъ. За это дѣло онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и произведенъ (6 декабря) въ капитаны 1-го ранга. Контуженный 12 октября осколкомъ бомбы въ руку, С. бастіона все же не оставилъ, не оставилъ его и послѣ серьезной контузіи 27 іюля 1885 г. въ правое ухо. Только тяжелая рана въ голову съ обнаженіемъ черепа во время послѣдняго штурма Севастополя вынудила его покинуть свой бастіонъ всего за нѣсколько часовъ до занятія его непріятелемъ. За отличіе въ этомъ дѣлѣ С. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-ей степени съ мечами, а вообще за отличіе во время обороны Севастополя—орденомъ св. Анны 2-ой степени съ мечами и импер. короною. Оправившись отъ раны, С. тотчасъ же былъ командированъ въ Николаевъ, гдѣ принялъ дѣятельное участіе въ работахъ по приведенію города въ оборонительное положеніе, за что ему изъявлена была монаршая признательность. Въ слѣдующемъ, 1856 г., С. руководилъ перевозкой моремъ дессанта на Кавказъ, а затѣмъ 23 марта 1857 г. назначенъ керчь-еникальскимъ градоначальникомъ. Въ этой должности онъ прослужилъ почти 20 лѣтъ, причемъ 18 января 1858 г. былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, три года спустя получилъ орденъ св. Станислава 1-й степени, еще черезъ два года—орденъ св. Анны 1-ой степени съ мечами, 28 октября 1866 г. произведенъ въ вице-адмиралы, въ 1869 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-ой степени, а въ 1871 г. орденомъ Бѣлаго орла. Кромѣ того въ теченіе своей службы въ Керчи С. неоднократно получалъ еще денежныя награды и аренды, а также (съ 1866 г.) носилъ званіе почетнаго гражданина г. Керчи. Отчисленный 11 августа 1875 г. отъ должности керчь-еникальскаго градоначальника, съ зачисленіемъ по флоту, С. въ слѣдующемъ году былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и 21 мая 1878 г. произведенъ въ адмиралы. Въ теченіе своей дальнѣйшей службы онъ уже не занималъ никакихъ опредѣленныхъ должностей, но зато постоянно засѣдалъ въ нѣсколькихъ комиссіяхъ. Послѣднею наградою С. были алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго, пожалованные ему 6 мая 1884 г. Поселившись послѣ отчисленія отъ должности керчь-еникальскаго градоначальника въ г. Севастополѣ, С. прожилъ тамъ до самой своей смерти. Онъ скончался 30 іюня 1888 г, на 79 году отъ рожденія. Тѣло его погребено въ Севастополѣ же, въ Адмиральскомъ соборѣ.

„Общій Морской Списокъ“, т. XI, Спб., 1900 г., стр. 584—587.—„Кронштадтскій Вѣстникъ“, 1888 г., № 80, стр. 2.—„Русскій Инвалидъ“, 1888 г., № 150.—„Русскій Календарь“ на 1889 г., некрологъ.—„Всеобщій Календарь“ на 1889 г., некрологъ —„Новости и Биржевая Газета“ 1888 г., № 181, стр. 2.—„Крымскій Вѣстникъ“, 1888 г., № 107 и 112

Е. Ястребцевъ.

Сплавскій, *Иванъ*, «комедіантъ» на службѣ Петра Великаго, родомъ венгерецъ. На его долю выпало проведеніе въ жизнь нѣкоторыхъ преобразованій въ области театральнаго искусства при Петрѣ I. Въ эпоху, непосредственно предшествовавшую реформатору Россіи, театральное искусство находилось еще въ младенческомъ состояніи и ограничивалось постановкой сценъ изъ священныхъ событій, разыгрываніемъ мистерій, иногда историческихъ сценъ, приправленныхъ сильной дозой шутовства. Однако, во время исторической борьбы между Петромъ и Софьей театръ, лишившійся пріюта и покровительства при дворѣ, утратилъ даже и то небольшое значеніе, которое онъ имѣлъ до тѣхъ поръ, и единственнымъ мѣстомъ, гдѣ онъ еще сохранился, являлась Заиконоспасская академія, изъ учениковъ которой, «великороссійскихъ отроковъ», рекрутировались актеры какъ для мужскихъ, такъ и для женскихъ ролей. Нѣсколько позже и Московская академія послѣдовала примѣру Заиконоспасской и позволила своимъ ученикамъ «дѣлать комедіи, что зѣло полезно, къ наставленію и къ резолюціи сіе есть честной смѣлости». Если раньше наряду съ мистеріями все-таки

разыгрывались и пьесы на историческіе сюжеты, то въ періодъ «академическаго» театра дѣло ограничивается произведеніями исключительно духовнаго содержанія, вродѣ «О пиролюбцѣ и Лазарѣ», «Изображеніе второго пришествія Господня», «Божіе наказаніе гордыхъ уничижителей черезъ смиреннаго Давида», «Царство міра идолослуженія, разоренное и возстановленное христіанствомъ» и пр., и только историческая трагикомедія Ѳеофана Прокоповича «Убіеніе Ярополка братомъ Владиміромъ» представляла исключеніе. Отреченіе отъ старины, происходившее при Петрѣ I во всѣхъ областяхъ народной жизни, коснулось, хотя лишь слегка, и театра, одного изъ главнѣйшихъ органовъ общественности. Преобразованія въ этой области характеризуются переходомъ отъ пьесъ на религіозныя темы къ пьесамъ свѣтскаго содержанія, и заменой актеровъ случайныхъ, актеровъ-любителей актерами постоянными, профессіоналами, прошедшими извѣстную школу, получившими извѣстную выучку въ своей спеціальности. Попытками въ этомъ смыслѣ, хотя и не вполнѣ удавшимися, и занялся С. На русскую службу онъ поступилъ въ 1698 г., но о его дѣятельности до 1701 г., никакихъ свѣдѣній не сохранилось. Въ этомъ же году онъ по «указу государеву» отправился въ Данцигъ съ порученіемъ завербовать тамъ на русскую службу «комедіантовъ». Въ одномъ старинномъ документѣ значится, что ему «на путевые расходы было выдано 200 р., и женѣ его съ дочерью положено во время его отсутствія по 50 р. въ мѣсяцъ». Изъ Данцига С. привезъ 9 человѣкъ нѣмецкихъ «комедіантовъ» подъ управленіемъ Іоганна Куншта. Съ послѣднимъ С. заключилъ письменный договоръ, согласно которому тотъ обязывался по прибытіи съ труппой въ Москву «царскому величеству всѣми вымыслами и потѣхами угодить и къ тому всегда доброму, готовому и должному быти»... «и за все это ему, Куншту, получать ежегодно по 5.000 ефимковъ». Въ этомъ же договорѣ С. съ своей стороны обязывался построить отдѣльное театральное зданіе, пошить новые костюмы для актеровъ и сдѣлать новыя декораціи. Эти обѣщанія онъ выполнилъ, и по прибытіи труппы въ Москву для нея въ Китай-городѣ на Красной площади была построена подъ руководствомъ С. деревянная «комедіальная храмина» длиною 20 саж., шириною 12 саж. и высотою до потолка 6 саж. Такимъ образомъ съ именемъ С. связано первое по времени въ Россіи зданіе, построенное не при дворцѣ и служившее исключительно для цѣлей театра. Пока зданіе строилось, новоприбывшая труппа давала представленія на нѣмецкой слободѣ, въ д. генерала Лефорта. Выборъ труппы и ея руководителя оказался довольно удачнымъ. Какъ въ домѣ Лефорта, такъ и на сценѣ новаго театра пьесы давались исключительно свѣтскаго содержанія, и игрались онѣ достаточно удовлетворительно. Съ этихъ поръ вообще мистеріи появлялись на сценѣ лишь въ видѣ исключенія. С. обратилъ свое вниманіе также и на другую сторону дѣла—на образованіе извѣстнаго кадра русскихъ артистовъ, которые могли бы играть пьесы на русскомъ языкѣ. По его настоянію, Куншту были даны двѣнадцать молодыхъ русскихъ людей для обученія ихъ театральному искусству. Эта попытка однако потерпѣла фіаско, такъ какъ Кунштъ запутался въ своихъ дѣлахъ и вынужденъ былъ бѣжать на родину. О дальнѣйшей дѣятельности С. ничего неизвѣстно. Повидимому, онъ тоже въ скоромъ времени уѣхалъ на родину, въ Венгрію.

П. Араповъ, «Лѣтопись русскаго театра» Спб, 1861 г.—«Историческія извѣстія о Россійскомъ театрѣ», «Сѣверн. Архивъ», 1822, ноябрь, стр. 381. — П. Пекарскій, «Актеры въ Россіи при Петрѣ Великомъ», «Современникъ», 1858, № 2.—С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», изд. «Обществ. Пользы», кн. III, ст. 1350.

Сподоба, *Иванъ* (также *Ивашка*), московскій иконописецъ средины XVII в., имѣлъ отдѣльную мастерскую и держалъ учениковъ. Училъ ли онъ ихъ чему-нибудь и насколько успѣшно, остается неизвѣстнымъ, но по нѣкоторымъ, дошедшимъ до насъ, отрывочнымъ даннымъ можно судить, что обращался онъ со своими учениками довольно жестоко, и нѣкоторые изъ нихъ бѣжали отъ него до истеченія учебнаго періода. Въ московскихъ архивахъ хранится между прочимъ жалоба С. о томъ, что отданный ему въ ученье «иконному дѣлу» сынъ сторожа Ларіона Ильина сбѣжалъ отъ него до срока. Срокъ же, на который С. бралъ въ ученье подростковъ, равнялся пяти годамъ, и за это время уче-

никамъ полагалось вознагражденіе въ размѣрѣ 10 рублей, по два рубля въ годъ.

Д. Ровинскій, „Исторія русскихъ школъ иконописи до конца XVII в.", Спб. 1856, стр. 182.—Забѣлинъ, „Матеріалы для исторіи иконописи", Спб., 1856, стр. 53.

Сполоховъ, *Степанъ*, переводчикъ, воспитывался въ штурманскомъ училищѣ, по окончаніи котораго получилъ званіе штурманскаго помощника 14-го класса. Другихъ біографическихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось. Перевелъ съ англійскаго яз. «Лоцію Категата, содержащую описаніе маяковъ, промѣровъ, банокъ и мелей, вмѣстѣ съ планами разныхъ гаваней, проспектовъ и видовъ берега» (Спб., 1806, 4°, VIII+66, съ 8 листами картъ и видовъ). Книга эта являлась въ то время въ своемъ родѣ единственной и имѣла значительный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что во введеніи къ ней обстоятельно была изложена исторія гидрографіи Категата. Оригиналъ ея написанъ на датскомъ языкѣ и авторомъ является капитанъ датскаго флота Левенерпъ, на англійскій же языкъ она была переведена профес. датской морской академіи Шнейдеромъ.

Н. Г. Мартыновъ, „Русская библіографія морского дѣла за 1701 — 1882 гг. включительно", Спб., 1885.—А. П. Соколовъ, „Русская морская библіотека 1701—1851 гг.", подъ ред. Шульца, Спб., 2-е изд., 1883 г.

Способинъ, *Иванъ Ивановичъ*, писатель и одинъ изъ редакторовъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» въ 40-хъ годахъ, родился въ 1821 г. въ с. Тучковѣ (Владим. губ.), гдѣ отецъ его, носившій фамилію Ястребовъ, былъ священникомъ. Воспитывался сначала въ Муромскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ во Владимірской духовной семинаріи, которую окончилъ въ 1842 г. по третьему отдѣленію. Предстоящая дѣятельность въ качествѣ священника была С. не по душѣ, и онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его въ «свѣтское званіе»; просьба была Синодомъ удовлетворена, и С. опредѣлился чиновникомъ по судебному вѣдомству, черезъ нѣкоторое время перешелъ на службу во владимірское губернское правленіе, а съ 1843 г. сталъ редактировать «Владим. Губ. Вѣдом.», сначала только офиціальную, а затѣмъ и неофиціальную часть. Подъ его руководствомъ газета значительно оживилась, въ ней стали появляться серьезныя статьи этнографическаго и историческаго характера, большинство которыхъ принадлежало самому С. Наиболѣе важныя изъ нихъ: въ 1844 г.—«Семикъ» (№№ 21 и 22); «Крестинная каша» (№ 48); «Народныя повѣрья во Владимірской губ.» (№№ 49, 50 и 52); «Нравственныя замѣтки о Владимірскомъ краѣ» (№ 50); «Народныя слова, употребляемыя во Владимірской губ.» (№ 51); «Понятія черни о причинахъ холеры» (№ 53); въ 1845 г.—«Соборъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ» (№ 2); «Борковская пустынь въ Вязниковскомъ у.» и «Святославовъ крестъ» (№ 4); «Петръ Георгіевичъ и Константинъ Святославовичъ, князья Муромскіе» (№№ 5 и 6); кромѣ того цѣлый рядъ менѣе важныхъ статей о различныхъ монастыряхъ и ихъ древностяхъ, о нѣкоторыхъ епископахъ, мѣстно чтимыхъ святыхъ и пр.; наконецъ имъ же отыскана и напечатана цѣнная «Грамота Стефана, митрополита рязанскаго, въ Лукьянову пустынь» (1845, № 33). Многія изъ написанныхъ С. статей представляютъ не болѣе, какъ удачныя компиляціи съ болѣе обширныхъ трудовъ, но нѣкоторыя изъ нихъ являются результатомъ самостоятельныхъ изысканій и изслѣдованій и не лишены извѣстной цѣнности для исторіи края. Впослѣдствіи С. оставилъ государственную службу и перешелъ на очень выгодныхъ условіяхъ частнымъ повѣреннымъ къ петербургскому богачу Бенардаки. Скончался С. въ 1850 г.

А. В. Смирновъ, „Уроженцы и дѣятели Владимірской губ., получившіе извѣстность", Влад., 1898, стр. 87—96.

Спѣхинъ, *Иванъ Петровичъ*, распространитель грамоты среди сельскаго населенія сѣверной Россіи, крестьянинъ Архангельской губ., Холмогорскаго уѣзда, родился 30 марта 1785 г. Десяти лѣтъ оставшись круглымъ сиротою, С. случайно познакомился съ первоначальными элементами грамоты и, продолжая работать дальше самостоятельно, выучился хорошо читать и писать; нѣкоторое время былъ причетникомъ въ деревенской церкви, на тринадцатомъ году поступилъ въ мальчики къ купцу въ Верховажскомъ посадѣ, а черезъ два года переселился въ Архангельскъ, гдѣ служилъ лакеемъ у какого-то совѣтника губернскаго правленія. Поживъ послѣ этой службы нѣкоторое время въ родной деревнѣ, С. въ 1804 г. возвратился въ Архангельскъ, поступилъ въ матросы къ судовладѣльцу Ермолину и на одномъ изъ его кораблей, груженномъ пшеницей, от-

правился въ Лондонъ. Здѣсь онъ совершенно случайно былъ оставленъ уѣхавшей обратно судовой командой и очутился въ громадномъ городѣ безъ всякихъ средствъ и безъ малѣйшаго знанія языка. Послѣ нѣкоторыхъ мытарствъ, онъ попалъ въ руки нѣкоего соотечественника, который воспользовался незнаніемъ языка С. и его отчаяннымъ положеніемъ и за 10 фунт. стерлинговъ продалъ его въ матросы Остъ-Индской компаніи; С. получилъ имя «Джонъ Петерсонъ» и былъ отправленъ въ Индію. Не доѣхавъ до Индіи, онъ остался на мысѣ Доброй Надежды и поступилъ въ солдаты къ англичанамъ, воевавшимъ въ это время изъ-за Капской земли съ голландцами. Первые два года прослуживъ денщикомъ у одного офицера, у котораго изучилъ хорошо англійскій языкъ и ариѳметику, С. затѣмъ былъ переведенъ въ строевую службу и вмѣстѣ съ баталіономъ отправленъ въ Вестъ-Индію, на островъ Барбадосъ, гдѣ прослужилъ шесть лѣтъ и принималъ участіе въ стычкахъ съ туземцами. За время службы былъ повышенъ въ капралы, затѣмъ въ унтеръ-офицеры, а въ концѣ ея былъ назначенъ штуромъ въ военный госпиталь. Несмотря на просьбы начальства продолжать службу, С., соскучившись по родинѣ, въ 1815 г. вышелъ въ отставку и направился въ Россію. Русскій посланникъ въ Брюсселѣ выдалъ ему паспортъ, но ему удалось только въ 1817 г. попасть въ Петербургъ, куда онъ былъ привезенъ вмѣстѣ съ ранеными во время послѣднихъ наполеоновскихъ войнъ. Пріѣхавши въ Архангельскъ, онъ былъ отданъ подъ судъ «за самовольную отлучку» (команда судна, на которомъ онъ выѣхалъ въ Лондонъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность, показала, что С. самъ не пожелалъ возвратиться въ Россію). Судъ приговорилъ его къ десяти ударамъ плетью.

Видя вокругъ себя безпросвѣтную крестьянскую темноту, С. съ 1825 г. энергично принялся за обученіе крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. Плату за свои труды онъ назначилъ такую ничтожную, что она никого не могла стѣснять. Человѣкъ способный, къ тому же видавшій свѣтъ и виды, расширившій во время многообразныхъ скитаній свой кругозоръ, С. принялся за педагогическую дѣятельность такъ умѣло и велъ преподаваніе, вопреки обычаямъ времени, такъ ласково и мягко, что въ самомъ незначительномъ времени не имѣлъ отъ учениковъ отбоя. Бѣдныхъ учениковъ училъ и даже кормилъ изъ своихъ собственныхъ скудныхъ средствъ безплатно, ученикамъ же, далеко живущимъ, давалъ ночлегъ и похлебку—также безплатно. За время своей почти пятидесятилѣтней педагогической дѣятельности онъ обучилъ много сотенъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Умеръ онъ въ 1873 г. въ глубокой старости, почти 90 лѣтъ отъ роду.

„Архангельск. Губернск. Вѣдом.“, 1867 г. № 32; 1873 г., № 52.

Н. С—овъ.

Спренгпортенъ, *Георгъ-Магнусъ*, финляндскій генералъ-губернаторъ, родился 16 августа 1741 г. въ Финляндіи. Родители его Магнусъ С. и вторая жена его баронесса Элиза Эльфснарре принадлежали къ финскому дворянству; послѣ русско-шведской войны 1741—43 гг. они бѣжали въ Швецію, но вскорѣ были вынуждены возвратиться на родину, гдѣ въ 1748 году умеръ отецъ С. Первоначальное образованіе С. получилъ дома, подъ руководствомъ какого-то студента, а потомъ былъ отправленъ въ Швецію къ богатому дядѣ, въ домѣ котораго, однако, прожилъ весьма немного: тетка, шокированная грубыми манерами сильнаго и рослаго не по лѣтамъ мальчика, потребовала удаленія его изъ дому, и мать взяла его обратно въ Финляндію. Дальнѣйшее воспитаніе С. носитъ чисто-военный характеръ. 12-ти лѣтъ онъ попалъ, благодаря случайному стеченію обстоятельствъ, въ Стокгольмъ, въ королевскую военную школу, нахожденіе въ которой открыло ему доступъ ко двору. Въ 1756 году школа, вслѣдствіе политическихъ событій, была закрыта, и С. получилъ свободу. Служба его началась на родинѣ, именно въ Свеаборгѣ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ находился подъ начальствомъ знаменитаго строителя этой крѣпости—Эреноверда, который первый далъ военнымъ способностямъ С. надлежащее направленіе. Съ Эренсвердомъ С. участвовалъ, между прочимъ, въ Померанской войнѣ. Возвратившись около 1764 г. изъ похода, онъ женился (на Аннѣ-Елизаветѣ Глассеншернъ) и ближайшіе затѣмъ годы посвятилъ самообразованію, занимаясь тактикой, военной исторіей, словесностью, рисованіемъ и музыкой. Въ началѣ 70-хъ гг. XVIII стол.

С. снова появляется на шведской королевской службѣ и принимаетъ вмѣстѣ со своими старшими братьями дѣятельное участіе въ стокгольмскихъ событіяхъ 1772 г. Въ 1777 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Саволакской бригады въ Финляндіи, и съ этихъ поръ слухи о немъ, какъ о лихомъ командирѣ и прекрасномъ военномъ и гражданскомъ администраторѣ, начинаютъ проникать и въ Россію.

Дѣятельность С. въ Саволаксѣ въ періодъ 1775—1778 гг. создала ему широкую популярность въ кругахъ финскаго населенія. Но спокойное служебное положеніе въ провинціи не могло удовлетворить его кипучей натуры, не удовлетворяли его и возраставшая извѣстность и баронскій титулъ, пожалованный ему шведскимъ королемъ въ это время, и въ 1778 г. С. задумалъ поѣздку въ Швецію на предстоявшій сеймъ. Однако, шведское правительство, не безъ основанія подозрѣвая въ немъ яркаго защитника національныхъ интересовъ угнетенной Финляндіи, предупредило этотъ его шагъ: внезапно онъ получилъ отъ короля приказаніе отправиться въ Парижъ съ дипломатическимъ порученіемъ. Это назначеніе было явнымъ признакомъ недовольства со стороны правящихъ шведскихъ сферъ дѣятельностью С., но онъ безпрекословно подчинился и немедленно отправился во Францію. Во время этой поѣздки С. впервые побывалъ въ Петербургѣ, гдѣ и былъ принятъ какъ своего рода знаменитость. Въ Парижѣ С. повелъ настолько широкую жизнь, что въ августѣ 1781 г. ему выслали изъ Стокгольма экстренную ссуду для уплаты долговъ и вслѣдствіе такой расточительности поспѣшили отозвать его обратно. Это почти внезапное удаленіе съ поста сильно оскорбило С., и онъ подалъ королю просьбу объ отставкѣ, втайнѣ надѣясь, что она принята не будетъ. Разсчеты не оправдались: отставка была принята; обиженный вторично, онъ поселился въ Финляндіи и въ самомъ непродолжительномъ времени сдѣлался душою существовавшей среди финляндскихъ дворянъ партіи независимости. Съ этого времени начинается упорная борьба С. за идею этой партіи—идею образованія изъ Финляндіи автономнаго государства съ республиканской формой правленія.

Трудно, вообще, сказать, что именно руководило С. въ этой борьбѣ: личные ли его счеты съ шведскимъ правительствомъ или же дѣйствительная любовь къ родинѣ, но несомнѣнно одно,—что эта идея служила путеводною звѣздою ему во всей дальнѣйшей дѣятельности. Въ Финляндіи онъ жилъ на маленькой мызѣ, доставшейся ему въ наслѣдство отъ матери. Однако привычка къ широкой и разгульной жизни взяла свое, С. скоро почувствовалъ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ и снова отправился искать счастья на чужой сторонѣ. Сначала онъ поступилъ на военную службу къ голландцамъ, но тутъ пробылъ немного, въ сентябрѣ же 1786 г. онъ находился уже на службѣ у имп. Екатерины II. Русское правительство, бывшее тогда въ обостренныхъ отношеніяхъ съ Швеціей, имѣло свои виды на финляндца, стоявшаго въ самой крайней оппозиціи по отношенію къ шведскимъ властямъ, и С. сразу получилъ и чинъ ген.-маіора, и 600 крестьянъ, и 4.000 р. ежегоднаго жалованья.

Сепаратистскія стремленія С. были хорошо извѣстны въ Петербургѣ изъ того проекта финляндской республики, который былъ поданъ имъ русскому послу въ Гаагѣ—Колычеву. Теперь въ Петербургѣ онъ могъ въ совершенной безопасности сочинять проекты въ томъ же смыслѣ; мало того: эти проекты выслушивались и имъ даже давали иногда ходъ. Когда въ концѣ 1787 года была объявлена Швеціи война, С. даны были средства для военной экспедиціи въ Финляндію, долженствовавшей служить началомъ для осуществленія одного изъ такихъ проектовъ. Но несмотря на то, что въ самой Финляндіи партія независимости образовала изъ военныхъ даже особый союзъ (т. наз. Аньяльская конфедерація) съ цѣлью поддержать С., дѣло все-таки потерпѣло неудачу, а самъ С., попробовавшій разрубить запутавшійся узелъ чисто военнымъ способомъ, былъ финнами при Паросальми разбитъ и поплатился своей популярностью въ средѣ родного народа Шведы, разсѣявъ Аньяльскую конфедерацію, приговорили С. заочно къ смертной казни, какъ измѣнника отечеству (переходя на русскую службу, онъ не мѣнялъ подданства). Послѣ всѣхъ этихъ неудачъ онъ на нѣкоторое время успокоился и до самой смерти императрицы жилъ заграницей, въ государствахъ Зап. Европы.

Время правленія Павла Петровича было для С., несомнѣнно, временемъ безусловно тяжелымъ, такъ какъ этотъ государь значительно сократилъ выдаваемыя ему средства и лишь подъ конецъ своей жизни сталъ нѣсколько благосклоннѣе относиться къ нему, пожаловавъ его въ генералы-отъ-инфантеріи (чинъ ген.-лейт. С. получилъ 15 марта 1795 г.), повысивъ окладъ жалованія и давъ ему порученіе къ Наполеону, тогда еще первому консулу, относительно выкупа русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ французами на Корфу и въ Италіи.

Въ Парижѣ С. вновь завертѣлся въ вихрѣ удовольствій, и только суровое напоминаніе русскаго канцлера нѣсколько умѣрило его. Послѣ недолгихъ переговоровъ плѣнные были возвращены безъ выкупа, а С. отправилъ въ Петербургъ отчетъ о своей дѣятельности. Но отчетъ уже не засталъ Павла I въ живыхъ и былъ представленъ императору Александру Павловичу, который остался имъ очень доволенъ и въ 1802 г. далъ С. новое порученіе—объѣхать, съ цѣлью военно-стратегическаго осмотра, Азіатскую и Европейскую Россію. Въ теченіе 1802 и 1803 гг. С. побывалъ въ Сибири, на Кавказѣ, въ губ. Казанской, Саратовской, Симбирской, на Волгѣ, Черномъ морѣ, въ Калмыцкомъ районѣ, Воронежѣ, Харьковѣ, Полтавѣ и, наконецъ, пріѣхалъ въ Херсонъ. Отсюда 31 декабря 1803 г. онъ отправилъ въ Петербургъ рапортъ на имя государя съ отчетомъ о своемъ путешествіи. Поѣздка его какихъ либо важныхъ результатовъ не дала и отличалась легкимъ описательнымъ характеромъ. 1804 и 1805 гг. С. провелъ въ Крыму и Запад. Европѣ ради собственнаго удовольствія, хотя ѣздилъ туда на казенный счетъ.

Между тѣмъ подошла эпоха покоренія Финляндіи, и у С. вновь воскресли его старыя надежды и мечты. Когда въ 1808 г. русское правительство приступило къ войнѣ со Швеціей, вновь былъ поднятъ вопросъ о вліяніи въ извѣстную сторону на умы въ Финляндіи. Въ Петербургъ собрались всѣ оппозиціонные шведскому правительству элементы; первенствующее положеніе между ними занялъ С. Несмотря на то, что въ самой Финляндіи лишь одно дворянство было настроено враждебно по отношенію къ Швеціи, тогда какъ другія сословія тяготѣли къ ней, чувствуя, что Россія навсегда останется имъ чуждою, Александръ I, подъ вліяніемъ С., рѣшился начать именно съ этой стороны. Съ этой цѣлью С. былъ составленъ текстъ прокламаціи, которая и была распространена по Финляндіи наканунѣ вступленія туда русскихъ войскъ.

Очень сильное вліяніе оказалъ С. въ другомъ болѣе важномъ вопросѣ, въ вопросѣ о томъ, въ какое положеніе должна была стать покоренная Финляндія по отношенію къ Россіи. Мнѣніе его и тутъ одержало верхъ надъ другимъ, по которому Финляндія должна была бы стать обыкновенной провинціей Россійской имперіи. Самъ С. былъ назначенъ помощникомъ къ генералу Буксгевдену, главнокомандующему русскими войсками въ Финляндіи. Но Буксгевденъ и С. не сумѣли ужиться другъ съ другомъ, и 17 марта 1808 года послѣдній, съ разрѣшенія государя, возвратился въ Петербургъ.

Между тѣмъ, вопреки всякимъ ожиданіямъ, военныя дѣйствія затянулись, и это заставило въ Петербургѣ поторопиться съ вызовомъ депутатовъ отъ финскихъ сословій. Во время пребыванія этой депутаціи въ Петербургѣ С. былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи. Прежде чѣмъ принять эту должность, онъ подалъ государю записку, въ которой развивалъ мысль о необходимости созыва сейма, а также излагалъ свой взглядъ на установленіе въ Финляндіи временнаго правительства изъ туземныхъ чиновниковъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора. Этотъ проектъ былъ разсмотрѣнъ комиссіей изъ трехъ членовъ (военн. мин. Аракчеева, новаго главнокомандующаго фонъ-Кнорринга и самого С.) и 19 ноября былъ утвержденъ государемъ. Наконецъ исполнилась завѣтная мечта С., 17 марта 1809 г. самимъ государемъ были открыты засѣданія сейма въ гор. Борго, на первомъ изъ которыхъ С. выпала честь прочитать манифестъ, дарующій жителямъ Финляндіи конституціонное правленіе. Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ С. пробылъ недолго: 9 іюня 1809 года онъ вышелъ въ отставку изъ-за крупной непріятности съ новымъ главнокомандующимъ, Кноррингомъ, дошедшей до государя и нашедшей себѣ откликъ въ Высочайшемъ выговорѣ С. При отставкѣ онъ получилъ графскій титулъ и большую ежегодную пенсію, которою

пользовался до самой смерти, послѣдовавшей въ 1819 г.

Семейная жизнь С. текла, благодаря личнымъ его качествамъ, не совсѣмъ благополучно. Первая его жена умерла въ 1785 г., оставивъ послѣ себя сына Магнуса-Вильгельма, который вмѣстѣ съ отцомъ жилъ въ Россіи. Второй разъ С. женился около 1788 г., но этотъ бракъ окончился разводомъ, которой тянулся кажется, до самой смерти С.

Главнымъ источникомъ для біогр. С. служатъ его собственноруч. „Mémoires“, находящіяся въ Имп. Публ. Библ. Другія его бумаги хранятся--въ Русскомъ госуд. Архивѣ, Москов. Архивъ Иностр. Д. (въ дѣлахъ, относящихся къ шведской кампаніи 1788 г.), въ Военно-ученомъ Архивѣ Главн. Штаба за № 44166 и 29209 и пр.—Koskinen, „Finnische Geschichte“, Leipz., 1874 г.—Его же, „Jrjö Maunu Sprengportista ja suomen its enäjsyydesta“ (біогр. С-на).—Его же „Correspondance officielle de George M. Sprengporten, gouverneur général de Finlande en 1808—1809“.—Рядъ статей проф. Теперстедта въ „Finsk Tidskrift“ 1877 г. и слѣд.—Я. К. Гротъ, „Г. М. Спренгпортенъ“, „Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1885 г. №№ 1 и 5, ч.ч. CCXXXVII и CCXXXIX.—К. Ординъ, „Покореніе Финляндіи“, 2 т., Спб. 1889.—Его же, „Г. М. Спренгпортенъ“, „Рус. Архивъ“, 1887 г., апрѣль (выдержка изъ перваго большого труда).—Проф. Даніельсонъ, „Соединеніе Финляндіи съ Россійской державой“, Гельсингф. 1890 г. (отвѣтъ на книгу К. Ордина).—Храповицкій, „Дневникъ“ съ примѣч. Н. Барсукова, Спб., 1874 г.—„Записки ген Голенищева-Кутузова за 1806—1815 гг“. (Имп. Пуб. библ.).—„Описаніе войны Густава III противу Екатерины II“ (ч. 1, отд. V, Конф. при Аньялѣ. Спренг.), въ „Военн Журналѣ“, 1812 г., XVIII, XIX, ч. 4—„О письмѣ Екатерины II къ С-ну“ (объ Аньяльской конф.), „Жур. Мин. Н. П.“, 1884, № 6.—„Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общ.“, т. 45, стр. 186 и т. II, стр. 81.—„Соч. Державина“ въ изд. Грота, т. II, стр. 631.—Глинскій, „Великодушное покореніе“ въ „Ист. Вѣст.“ 1890 г., апрѣль.—Шильдеръ, Н. К., „Имп. Александръ I“, т. I. стр. 198 - 200 т. II, (стр. 58.—Шильдеръ Н. К.; „Имп, Павелъ I“, стр. 414, 415.—Эренстремъ, I. А., „Записки“.—Castrin: „Finska deputationen“.

А. де-Жоржъ.

Спѣшневы—два дворянскихъ рода; одинъ изъ нихъ восходитъ къ концу XVI в., и основателемъ его считается татарскій выходецъ *Чегода*, въ крещеніи названный *Фроломъ Васильевымъ*, сыномъ *Спѣшнева*. Въ 1616 г. за московское осадное положеніе онъ былъ пожалованъ вотчиною и грамотою на нее, позже былъ воеводою въ Новосилѣ (1632—33) и у Воцкой Засѣки (1639 г.). О его потомствѣ сохранились лишь общія свѣдѣнія, указывающія на то, что позднѣйшіе представители этого рода «несли государеву службу, были награждаемы помѣстьями» и пр., но болѣе или менѣе выдающихся или яркихъ личностей между ними, повидимому, не было. Второй дворянскій родъ С. восходитъ къ серединѣ того же XVI в., и его основателемъ и начальникомъ считается *Семенъ Григорьевичъ* С., бывшій долгое время стрѣлецкимъ головою и въ 1591 г. подъ Астраханью убитый. Большинство изъ его потомковъ въ томъ или другомъ мѣстѣ воеводствовали. *Иванъ* С. былъ воеводою въ началѣ XVII в. въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, сынъ послѣдняго, *Михайло Ивановичъ* между 1617—39 гг.—въ Данковѣ, Козловѣ, Коломнѣ и Великомъ Устюгѣ; *Осипъ Ивановичъ* воеводствовалъ въ Луху и Кокшайскѣ (1655 1657); *Григорій Силычъ*—на Корочѣ, въ Усмани и Ефремовѣ (1663—1680), до этого нѣкоторое время былъ дьякомъ; наконецъ, *Логинъ Сампсоновичъ* былъ воеводою въ Мценскѣ (1689—1692 гг.). Одинъ изъ С., *Авраамъ Ивановичъ*, отличавшійся благотворительностью, въ серединѣ XVIII в. построилъ въ г. Данковѣ красивую каменную церковь св. Димитрія Ростовскаго (1748 г.). За службу многіе изъ членовъ рода были въ различное время награждаемы помѣстьями. Изъ позднѣйшихъ его представителей одинъ изъ нихъ, *Николай Александровичъ* былъ виднымъ членомъ кружка Петрашевскаго, (о немъ см. отдѣльно), а другой — *Яковъ Тимофѣевичъ* — былъ директоромъ Петербургскаго училища глухонѣмыхъ (о немъ также отдѣльно). Роды С. внесены въ VI часть родословныхъ книгъ Воронежской, Курской, Новгородской и Тверской губерній.

„Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ Всероссійской имперіи“, т. VII, стр. 36, т. X, Спб., 1935 г., стр. 45 — Гр. А. Бобринскій, „Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ“, Спб., 1890 г., ч. 2.—„Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ“ („Бархатная книга“), ч. 2, М., 1787 г.—П. Ивановъ, „Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ“, М., 1835.—В. Н. Сторожевъ, „Тверское дворянство XVII в.,“ изд. Тверск. учен. архивн. комит, вып. III и IV, Тв. 1894—1895 гг.—М. Чернявскій, „Генеалогія дворянъ, внесен. въ родословн. книгу Тверской губ., съ 1787 по 1869 гг.“, Тв., 1869 г.—Л. М. Савеловъ, „Воронежскіе дворяне“, „Донъ“, 1897 г., № 28.—„Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. 31, s. v.

Спѣшневъ, *Николай Александровичъ*, одинъ изъ выдающихся петрашев-

цевъ, мировой посредникъ перваго призыва въ Островскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, литераторъ, первый редакторъ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», родился въ 1821 г. въ Курской губерніи, гдѣ у родителей его были крупныя помѣстья. Воспитывался сначала дома, а затѣмъ былъ помѣщенъ въ Царскосельскій лицей, гдѣ близко сдружился со своимъ одноклассникомъ М. В. Буташевичемъ-Петрашевскимъ. Обезпеченное матеріальное положеніе давало С. возможность не заботиться по окончаніи лицея о поступленіи на службу, и онъ въ 1842 г. отправился за границу. Живя въ Парижѣ, онъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые изъ знавшихъ его тогда, вступилъ въ сношенія съ польской революціонной партіей и даже будто бы довольно близко сошелся съ нею, хотя въ своей послѣдующей революціонной дѣятельности ничѣмъ не проявилъ своихъ связей съ поляками. Во время своего пребыванія за границей С. усвоилъ соціалистическіе взгляды Фурье, а также и въ религіозномъ отношеніи сдѣлался совершеннымъ атеистомъ. Возвратившись въ Россію въ 1846 г., онъ возобновилъ свое знакомство съ Петрашевскимъ и вошелъ въ фурьеристическій кружокъ Кашкина. Мечтая о политическомъ переворотѣ, С. въ 1848 г. вмѣстѣ съ Петрашевскимъ и отставнымъ офицеромъ Черносвистовымъ, служившимъ ранѣе въ Сибири исправникомъ и занимавшимся золотопромышленностью, обсуждалъ планъ народнаго возстанія на Уралѣ, Волгѣ и въ Сибири. Однако дѣло дальше разговоровъ между этими тремя лицами не пошло, тѣмъ болѣе, что по предложенію Н. Момбелли ихъ заняла другая идея—объ основаніи изъ людей передовыхъ мнѣній тайнаго общества подъ названіемъ «товарищества» или «братства взаимной помощи» съ цѣлью обновленія гражданскаго быта въ Россіи. Но и это общество не могло образоваться въ виду возникшаго несогласія среди его организаторовъ. Около этого времени, продолжая посѣщать собранія у Петрашевскаго, С. завелъ такія же собранія и у себя, а затѣмъ они начали устраиваться также у С. Дурова и А. Плещеева. Чтобы перейти отъ слову къ дѣлу, на одномъ изъ собраній у Плещеева С. предложилъ печатать запрещенныя книги за границей; когда это предложеніе было отвергнуто, на собраніи у Дурова онъ возбудилъ вопросъ объ устройствѣ тайной типографіи. Когда же и это предложеніе найдено было неосуществимымъ, С. рѣшилъ при содѣйствіи студента Филиппова устроить тайную типографію у себя. По его просьбѣ Филипповъ 21 апрѣля 1849 г. доставилъ ему шрифтъ и другія типографскія принадлежности. Оборудовать типографію ему однако не удалось. Въ ночь съ 22 на 23 апрѣля онъ былъ арестованъ и привлеченъ къ отвѣтственности за участіе «въ тайномъ политическомъ обществѣ, ставившемъ своей задачей насильственный политическій переворотъ». Началось слѣдствіе. Слѣдственная комиссія смотрѣла на С. какъ на одного изъ самыхъ важныхъ участниковъ (мнимаго) общества и неоднократно его допрашивала. Къ нему былъ предъявленъ цѣлый рядъ обвиненій: участіе въ тайномъ обществѣ Петрашевскаго, стремленіе поднять народное возстаніе на Уралѣ, Волгѣ и въ Сибири, его атеизмъ и устройство у себя тайной типографіи. Матеріаломъ для обвиненія послужило постоянное посѣщеніе собраній у Петрашевскаго по пятницамъ, чтеніе трактата объ атеизмѣ на одномъ изъ подобныхъ собраній, разговоры съ Петрашевскимъ, Черносвистовымъ и другими петрашевцами на политическія темы, типографскія принадлежности, найденныя при обыскѣ, и проч. Но главнымъ компрометирующимъ С. документомъ считалась найденная въ его бумагахъ обязательная подписка слѣдующаго содержанія: «Я, нижеподписавшійся, поступаю въ русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности: когда распорядительный комитетъ общества... рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязуюсь, не щадя себя, принять полное открытое участіе въ возстаніи и дракѣ... вооружившись огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ...; беру на себя обязанность увеличивать силы общества пріобрѣтеніемъ обществу новыхъ членовъ. Впрочемъ, согласно съ правилами русскаго общества обязуюсь самъ лично болѣе пяти афильировать..., обязываюсь съ каждаго мною афильированнаго взять письменное обязательство». По поводу этой подписки С. допрашивали нѣсколько разъ. Изъ его показаній видно, что онъ еще за границей занимался изученіемъ тайныхъ обществъ и написалъ ихъ исторію, которую

впослѣдствіи сжегъ; думая же объ учрежденіи таковыхъ въ Россіи, онъ тогда же составилъ и инкриминируемую ему подписку, почему она можетъ разсматриваться лишь какъ неосуществившійся проектъ, реальнаго же значенія не имѣетъ. Въ желаніи устроить тайную типографію С. также сознался и принималъ всю вину на себя, утверждая, что Филиппов дѣйствовалъ лишь по его указаніямъ. Вообще во время слѣдствія С. говорилъ почти исключительно про себя, про другихъ же или ничего не говорилъ, или старался ихъ выговорить. Судная коммиссія, въ которую дѣло перешло изъ слѣдственной, признала С. виновнымъ «въ злоумышленномъ намѣреніи произвести переворотъ въ общественномъ бытѣ Россіи, въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, въ покушеніи для той же цѣли составить тайное общество и произнесеніи на собраніяхъ у Петрашевскаго рѣчей противъ религіи» и приговорила его къ смертной казни разстрѣляніемъ, но тутъ же ходатайствовала о замѣнѣ ея каторжными работами на 15 лѣтъ; въ виду этого ходатайства императоръ Николай I замѣнилъ смертную казнь 10-ю годами каторги. Однако эта перемѣна наказанія не была объявлена С., и онъ вмѣстѣ съ другими петрашевцами утромъ 22 декабря 1849 г. былъ привезенъ на Семеновскій плацъ, гдѣ на эшафотѣ имъ былъ объявленъ смертный приговоръ. Здѣсь, на эшафотѣ, Ѳ. М. Достоевскій, стоявшій рядомъ съ С., передалъ ему вкратцѣ содержаніе повѣсти, написанной имъ въ крѣпости. Первые трое изъ приговоренныхъ (Петрашевскій, Момбелли и Григорьевъ) были уже привязаны къ столбу. Противъ нихъ стали солдаты и начали цѣлиться. Въ числѣ слѣдующихъ трехъ былъ и С., который вполнѣ былъ увѣренъ, что казнь совершится. Однако, вслѣдъ затѣмъ послѣдовалъ отбой, привязанныхъ къ столбамъ отвязали, снова привели на эшафотъ и здѣсь всѣмъ осужденнымъ объявили о замѣнѣ смертной казни каторжными работами. Во все время нахожденія на эшафотѣ (около ½ часа) петрашевцы были безъ верхняго платья, несмотря на 20-ти градусный морозъ, и С. простудился. Отправленный нѣсколько дней спустя въ Сибирь, онъ въ дорогѣ еще болѣе усилилъ свою простуду, такъ что у него стала развиваться чахотка, но, благодаря здоровому воздуху Восточной Сибири, болѣзнь эта не имѣла серьезныхъ послѣдствій. Пребываніе на каторгѣ для С. въ значительной мѣрѣ облегчалось покровительствомъ тогдашняго генералъ-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, вообще относившагося гуманно къ политическимъ ссыльнымъ и покровительствовавшаго С. въ виду давнишняго знакомства. Вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ императора Александра II, С. 26 августа 1856 г. былъ переведенъ изъ разряда ссыльно-каторжныхъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, причемъ ему было разрѣшено, въ случаѣ пожелаетъ, поступить на военную службу рядовымъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ съ правомъ выслуги за отличіе. Но С. не воспользовался этимъ разрѣшеніемъ. При содѣйствіи Н. Н. Муравьева онъ сначала поступилъ на службу въ Забайкальское областное правленіе, а затѣмъ переведенъ въ Иркутскъ въ главное управленіе Восточной Сибири и оставленъ въ распоряженіи военнаго губернатора Забайкальской области для занятій по дѣламъ, касающимся поселеній р. Амура. Между тѣмъ Муравьевъ задумалъ изданіе «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Выполненіе этой своей мысли онъ поручилъ С., котораго и назначилъ въ началѣ 1857 г. начальникомъ стола иркутскаго губернскаго правленія, редакторомъ «Вѣдомостей» и смотрителемъ губернской типографіи. «Иркутскія Губ. Вѣд.», въ неофиціальномъ отдѣлѣ которыхъ С. помѣщалъ свои статьи, а также статьи другихъ петрашевцевъ и даже декабристовъ, во все время редактированія ихъ С. были очень интереснымъ изданіемъ и единственнымъ въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ подобныхъ провинціальныхъ органовъ. Для настоящаго же времени номера ихъ за 1857—1859 гг. представляютъ довольно значительный научно-историческій интересъ по напечатаннымъ въ нихъ многимъ статьямъ и матеріаламъ, относящимся къ исторіи Сибири. Въ августѣ 1857 г. Н. Н. Муравьевъ вошелъ въ мин. внутр. дѣлъ съ представленіемъ о награжденіи С. чиномъ коллежскаго регистратора «внѣ правилъ», мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что «не смотря на то, что здѣсь (въ Сибири) еще не издавалось «Губернскихъ Вѣдомостей» и потому дѣло это было совершенно новое, С. занялся имъ съ такимъ усердіемъ и вниманіемъ, что съ полнымъ успѣхомъ пред-

ставилась возможность открыть это изданіе здѣсь съ мая мѣсяца настоящаго (1857) г., и продолжаетъ съ примѣрнымъ рвеніемъ занятія свои по этому новому здѣсь и потому трудному предмету». Ходатайство это уважено не было, и С. получилъ лишь право поступить на государственную службу канцелярскимъ служителемъ 4-го разряда, а генералъ-губернатору предоставлено было войти черезъ 3 года съ представленіемъ о дозволеніи С. возвратиться въ Европейскую Россію. Однако Н. Н. Муравьевъ продолжалъ хлопотать и добился въ апрѣлѣ 1859 г. производства С. въ первый чинъ. Тогда же С. оставилъ редактированіе «Ирк. Губ. Вѣд.», такъ какъ Муравьевъ назначилъ его начальникомъ своей путевой канцеляріи во время поѣздки въ Китай и Японію. По возвращеніи изъ этой поѣздки Муравьевъ снова сталъ хлопотать за С., добился возвращенія ему правъ потомственнаго дворянства, а затѣмъ и права возвращенія въ предѣлы Европ. Россіи. Пріѣхавши сюда передъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ и поселившись въ своемъ большомъ имѣніи Псковской губерніи С. вскорѣ былъ избранъ въ мировые посредники (перваго призыва) Островскаго уѣзда и вступилъ въ жестокую борьбу съ партіей помѣщиковъ-крѣпостниковъ, добивавшихся возможно меньшаго земельнаго надѣла своимъ бывшимъ крѣпостнымъ. С. приходилось испытывать изъ-за этой борьбы много непріятностей; дѣло доходило даже до сената; но только благодаря поддержкѣ двухъ другихъ мировыхъ посредниковъ уѣзда, К. И. Галенко и В. А. Изединова, ему удалось настоять на своемъ, и бывшіе крѣпостные крестьяне островскаго уѣзда получили самый большой земельный надѣлъ въ Россіи. Своимъ же крестьянамъ С. далъ въ надѣлъ по 15 десятинъ, т. е. отдалъ имъ большую часть своего огромнаго имѣнія. Вообще будучи еще до 1849 г. убѣжденнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ и притомъ съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ, С., когда это освобожденіе стало совершившимся фактомъ, употреблялъ всѣ усилія, дѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы крестьяне дѣйствительно получили возможность начать новую не только свободную, но и болѣе независимую въ матеріальномъ отношеніи жизнь. По завершеніи освободительной реформы С. оставилъ службу и жилъ то въ своемъ имѣніи, то въ Петербургѣ, гдѣ снова возобновилъ дружбу съ Ѳ. М. Достоевскимъ, вскорѣ послѣ смерти котораго онъ продиктовалъ женѣ его, А. Г. Достоевской, свои воспоминанія, представляющія большой интересъ для исторіи петрашевскаго дѣла. Воспоминанія эти однако до сихъ поръ полностью еще не напечатаны. Лишь отрывки изъ нихъ помѣщены въ написанной проф. Ор. Миллеромъ біографіи Ѳ. М. Достоевскаго, помѣщенной въ первомъ томѣ «Полнаго собранія сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго» (Спб. 1883 г.). Скончался С. въ Петербургѣ 17 марта 1882 г. на 61 году отъ рожденія. Тѣло его погребено на казанскомъ кладбищѣ въ Софіи.

«Новое Время», 1889 г., № 2181, некрологъ, стр. 3.—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. II, Спб., 1885 г., стр. 47; вып. VI, Спб., 1889 г., стр. 5. — «Современныя Извѣстія», 1882 г., № 85, некрологъ.—«Историческій Вѣстникъ», 1889 г., май, «Воспоминанія Головачевой», стр. 279. — «Голосъ», 1889 г., № 72, стр. 6 и № 74, стр. 5 (объявленія о смерти и погребеніи) —«Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго», т. I, Спб., 1883 г., ст. Ор. Миллера «Матеріалы для жизнеописанія Ѳ. М. Достоевскаго», стр. 83, 87, 90, 91, 94, 95, 97, 98, 99, 105, 106, 107, 113, 114, 115, 117, 119, 122, 123 и др. (тамъ же напечатаны отрывки изъ воспоминаній Н. А. Спѣшнева, записанныхъ А. Г. Достоевской).—«Русскій Инвалидъ», 1849 г., № отъ 22 декабря (приговоръ суда).—«Общество пропаганды въ 1849 г.», Лейпцигъ, 1875 г.—«Русская Старина», 1872 г., іюль, «Записки Липранди“; 1881 г., май, «Записки Милюкова».—«Новое Время», 1881 г., № 1790, фельетонъ.—«Молва», 1881 г., № 50, замѣтка А. Плещеева.—«Порядокъ», 1881 г., № 48, статья Вупча.—«Иркутскія Губернскія Вѣдомости», 1857—1859 гг.—«Энциклопедическій словарь» изд. Брокгауза и Ефрона, т. 23, ст. С. Венгерова: „Петрашевцы“; стр. 450—452; т. 31, ст. В. Семевскаго (біографія Н. А. Спѣшнева), стр. 316—317.—Ѳ. М. Достоевскій „Дневникъ писателя“.

Е. Я.

Спѣшневъ, *Яковъ Тимофѣевичъ*, директоръ Петербургскаго училища глухонѣмыхъ, дѣйств. статск. совѣтн. Годъ рожденія неизвѣстенъ, умеръ 9 декабря 1865 г. Директоромъ упомянутаго училища С. былъ назначенъ въ 1856 г.; при вступленіи въ эту должность онъ засталъ тамъ рутинный методъ занятій съ воспитанниками—методъ мимическій, или французскій; наоборотъ, система изустнаго преподаванія, или германская примѣнялась только какъ нѣчто вспомогательное, побочное. Такое положе-

ніе дѣлъ объяснялось прежде всего учительскимъ персоналомъ, составъ котораго рекрутировался изъ людей, взятыхъ еще дѣтьми въ училище, жившихъ при немъ до зрѣлаго возраста и въ постоянномъ общеніи съ глухонѣмыми настолько усвоившихъ мимическую систему, что, будучи впослѣдствіи назначены воспитателями, они уже не могли отказаться отъ нея и не имѣли никакой склонности перейти къ чему-либо болѣе раціональному. А между тѣмъ за границей къ этому времени мимическій методъ отживалъ свой вѣкъ и на его мѣсто выдвигалась система изустнаго преподаванія. С., убѣжденный сторонникъ послѣдней системы, тотчасъ же послѣ своего назначенія директоромъ училища положилъ ее въ основу своей дѣятельности и сталъ стремиться къ проведенію ея на практикѣ. Чтобы успѣшнѣе повести дѣло и желая опираться не только на теоретическія положенія, но и на фактическій матеріалъ, С. выхлопоталъ для себя заграничную командировку и объѣхалъ Германію и Францію, повсюду посѣщая учебно-воспитательныя заведенія для глухонѣмыхъ и изучая постановку дѣла въ каждомъ изъ нихъ. Заграничная командировка еще болѣе показала С. все значеніе германской системы, еще болѣе убѣдила его въ ея несомнѣнномъ превосходствѣ надъ системой французской, и онъ вернулся не только принципіальнымъ сторонникомъ, но и ревностнымъ и жаркимъ поборникомъ изустнаго, германскаго метода. Результаты этой поѣздки, свои наблюденія и практическія предложенія по отношенію ко ввѣренному ему училищу С. изложилъ въ обширномъ докладѣ. Докладъ произвелъ извѣстное впечатлѣніе на лицъ, отъ которыхъ ближайшимъ образомъ зависѣла судьба училища, и С. была предоставлена извѣстная свобода дѣйствій. Съ жаромъ, выдающейся энергіей и любовью къ дѣлу принялся онъ вводить въ училищѣ реформы согласно своимъ убѣжденіямъ. Училище было раздѣлено на двѣ половины—мимистовъ и изустниковъ или говорящихъ, были приглашены нѣсколько новыхъ наставниковъ и наставницъ, и, чтобы достигнуть ослабленія употребленія мимики, было рѣшено передѣлать внутренность училищнаго зданія по системѣ комнатнаго расположенія, что дало бы возможность отдѣлить говорящихъ отъ мимистовъ. Вначалѣ С. дѣйствовалъ вполнѣ свободно, и черезъ два-три года въ результатѣ его дѣятельности оказалось, что многіе воспитанники стали говорить. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ все большую оппозицію встрѣчалъ онъ на своемъ пути, сначала въ стѣнахъ училища, въ лицѣ учителей, сторонниковъ мимической системы, а затѣмъ и за предѣлами его, въ лицѣ ближайшаго начальства. Послѣднее отказало С. въ исполненіи многихъ плановъ, изложенныхъ въ его докладѣ. Что же касается учителей-мимистовъ, то онъ, несмотря на всѣ свои усилія, никакъ не могъ добиться отъ нихъ, чтобы они окончательно вывели изъ употребленія устарѣвшую систему преподаванія. Видя невозможность радикально перестроить дѣло воспитанія глухонѣмыхъ на новыхъ основаніяхъ, С. остановился на мысли по крайней мѣрѣ ограничить злоупотребленіе мимикой, указавъ для этой цѣли возможную, по его мнѣнію, границу между мимикой естественной и искусственной. Но и этотъ компромиссъ ему не совсѣмъ удался. Послѣ его смерти остался планъ и нѣкоторыя начальныя работы по мимическому словарю, который онъ предполагалъ разработать въ духѣ указаннаго компромисса. Въ 1864 г. С. вторично былъ командированъ за границу, главнымъ образомъ во Францію, съ порученіемъ изслѣдовать на мѣстѣ (въ Парижѣ), насколько были справедливы краснорѣчивыя заявленія парижскаго доктора Бланше о томъ, что обученіе глухонѣмыхъ возможно въ общихъ школахъ наравнѣ со слышащими и говорящими. Результаты своихъ изученій и наблюденій С. изложилъ въ брошюрѣ: «А. Бланше, главный врачъ парижскаго института глухонѣмыхъ и его система совмѣстнаго глухонѣмыхъ и слышаще-говорящихъ обученія въ народныхъ школахъ», (Спб., 1865 г.). Въ этой брошюрѣ помѣщены также свѣдѣнія о бывшей въ 1863 г. въ Парижѣ конференціи по этому вопросу, изъ которыхъ видно, что и во Франціи, матери мимической системы, послѣдняя почти всюду должна была уступить свое мѣсто изустной. Вмѣстѣ съ тѣмъ С. перевелъ на русскій яз. «Руководство къ обученію глухонѣмыхъ», того же Бланше. Послѣ себя онъ оставилъ нѣсколько рукописей, одна изъ которыхъ, трактующая вопросъ «Объ идіотахъ», была совершенно готова къ печати.

Г. Геннади, „Свѣдѣнія о писателяхъ, умершихъ въ 1865 г.“, „Русск. Архивъ“, 1867 г.

№№ 5—6, стр. 976.—„С. Петерб. Вѣдомости", 1865 г., № 337, некрологъ, нап. И. Слезневымъ.

Н. С—въ.

Сребрсницкій, *Григорій Федоровичъ*, граверъ рѣзцомъ, сынъ свящ., родился въ Малороссіи въ 1741 г. 17-ти лѣтъ онъ прибылъ въ Петербургъ и поступилъ въ рисовальные классы академіи наукъ. Въ 1760 г. онъ подалъ президенту академіи художествъ И. И. Шувалову слѣдующую просьбу: «Я, нижеподписавшій, черезъ одну привычку обучился рисовать и рѣзать на мѣди, потомъ, помощью нѣкоторыхъ благодѣтелей, взыскавъ случай пріѣхать въ Санктпитербурхъ, спрошлаго 759 года обучался рисовальному художеству при академіи наукъ, на своемъ коштѣ. А нынѣ по бѣдности моей, будучи не въ состояніи содержать себя, принялъ смѣлость просить объ опредѣленіи меня, нижайшаго, въ академію художествъ къ гравировальному художеству, къ коему склоннѣе являюсь». Эта челобитная является единственнымъ документомъ, сохранившимъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о ранней жизни С. Прошеніе было удовлетворено, и С. былъ зачисленъ въ гравировальный классъ Чемесова. Въ 1763 г., 30 іюня, за рисунокъ съ гипса (антикъ «Сатиръ») С. былъ награжденъ серебряной медалью и за «хорошіе успѣхи и поведеніе при первомъ конкурсѣ» получилъ шпагу. Къ этому же времени относится одна изъ лучшихъ его гравюръ: «Богоматерь». Матеріальная необезпеченность вынудила С. изыскать какой-нибудь источникъ заработка, потому что гравюры не приносили ему почти никакого дохода; съ этой цѣлью онъ обратился въ академію художествъ съ просьбой о предоставленіи ему мѣста младшаго учителя. Въ отвѣтъ на это въ 1767 г. ему было поручено учить чистописанію и рисованію младшій возрастъ за вознагражденіе въ 150 р. въ годъ, а вскорѣ былъ ввѣренъ ему и граверный классъ съ повышеніемъ жалованья до 230 р. въ годъ. Въ 1769 году онъ вышелъ изъ академіи, открылъ въ Петербургѣ небольшую граверную мастерскую и женился, какъ значится въ вѣнчальной записи, на «вольной дѣвкѣ, содержащей лютерскій законъ». Умеръ онъ 10 дек. 1779 г. Талантъ у С., несомнѣнно, былъ, хотя и небольшой, но подъ гнетомъ матеріальной нужды онъ не получилъ возможности развить его, поэтому всѣ работы его довольно небрежны и въ особенности неудовлетворительны съ технической стороны. Главнѣйшія изъ нихъ: 1) «Кн. Барятинская», по своей рѣдкости цѣнится дорого; 2) «Купецъ И. С. Чиркинъ» (1770 г.); 3) «Генералъ П. И. Яковлевъ», 8°; 4) «Св. Семейство со св. Елисаветой» (подъ этой гравюрой имѣется замѣчаніе: «Писалъ С. Бурдонъ, копировалъ съ Естампа П. Спхусена учен. Гр.ココ Сребр.»); 5) «Дочь кормитъ отца грудью» — доска нах. въ акад. худ.; 6) «Разслабленный» (внизу посвященіе:» Его высокографскому Сіятельству... П. Б. Шереметеву... отъ Гравіора Г. Сребр... съ подлин. Г. Гріоза... въ СПБ. 1770»)—въ листъ, одна изъ наименѣе удачныхъ вещей; 7) «Святый Евангелистъ Матвей»—доска въ Кіево-Печерской типографіи; 8) три аллегорическія женскія фигуры, танцующія кругомъ пальмоваго дерева, на которомъ помѣщенъ вензель Екатерины II; наконецъ, цѣлый рядъ виньетокъ. Кромѣ того Fiorillo упоминаетъ С., какъ автора гравюръ: «Римскіе христіане» по Лагрене и «Больной отецъ семейства» по Грейце.

П. Н. Петровъ, „Обзоръ движенія искусства въ Россіи".—Его-же, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Акад. Худож.", Спб. 1864 г., стр. 85, 86 и 96 и „Указатель" къ нему Юндалова.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.", Спб. 1895, стр. 633—34.—Его же, „Подробн. словарь русскихъ гравирован. портретовъ", s. v.—Nagler, „Künstler-Lexikon", Bd. 17.

А. З.

Срезневскій, *Иванъ Евсѣевичъ*, писатель, профессоръ россійскаго краснорѣчія, род. 20 февр. 1770 г. въ с. Срезневѣ Спасскаго уѣзда, Рязанской губ. Отецъ его, мѣстный священникъ Евсевій Ивановичъ, обремененный большою семьею, не былъ въ состояніи дать сыну образованіе свыше того, которое можно получить въ селѣ, и думалъ подготовить его къ занятію какой нибудь низшей духовной должности; между тѣмъ въ мальчикѣ загорѣлась жажда знаній: въ 1782 г., 12-ти лѣтъ отъ роду, онъ рѣшился уйти изъ родного села и поступилъ въ рязанскую семинарію. По окончаніи семинарскаго курса С. выхлопоталъ себѣ увольненіе изъ духовнаго званія, необходимое тогда для поступленія въ университетъ, и пѣшкомъ отправился въ Москву. Здѣсь 29 апр. 1792 г. онъ былъ принятъ въ университетскую разночинскую гимна-

зію, а 30 іюля того же года — въ число студентовъ университета на словесное отдѣленіе философскаго факультета. По поступленіи въ университетъ, не взирая на жестокую нужду, С. предался серьезному изученію классиковъ, однимъ изъ результатовъ котораго былъ стихотворный переводъ «Tristia» Овидія. Этотъ трудъ обратилъ на себя вниманіе М. М. Хераскова и въ 1795 г. былъ напечатанъ подъ заглавіемъ «Плачъ Публія Овидія Назона» съ параллельнымъ латинскимъ текстомъ, съ посвященіемъ въ стихахъ Хераскову и съ приложеніемъ «Отроческаго наставленія М. Ант. Мурета» и «Ключа къ Плачу»— хорошо составленнаго указателя собственныхъ именъ и предметовъ. Приноровленный къ учебнымъ цѣлямъ, «Плачъ» Овидія въ переводѣ С. долгое время служилъ пособіемъ для изученія латинскаго языка въ семинаріяхъ; до появленія въ 1893 г. перевода Фета онъ былъ единственнымъ полнымъ переводомъ «Tristia». Вмѣстѣ съ вышедшей въ 1794 г. «Одой пчелиной маткѣ», въ которой С. воспѣвалъ император. Екатерину II-ую (въ лицѣ пчелиной матки) и разбиралъ въ иносказательной формѣ жгучіе вопросы того времени, касавшіеся французской революціи, польскаго движенія и др.,—«Плачъ» выдвинулъ С. какъ писателя и способствовалъ сближенію его съ кружкомъ московскихъ литераторовъ. Изъ числа друзей С. въ тетрадяхъ его сохранились упоминанія о А. Ѳ. Мерзляковѣ, Андр. И. Тургеневѣ и А. Ѳ. Воейковѣ.

Въ 1796 г. С. кончилъ курсъ университета съ серебряною медалью и поступилъ домашнимъ секретаремъ къ кн. Г. П. Гагарину; затѣмъ въ 1797 г. (7 сент.) былъ принятъ баккалавромъ въ учительскій институтъ при Московскомъ университетѣ; въ 1798 г. (9 марта), послѣ представленія и произнесенія передъ профессорами разсужденія «De praecipuis characteribus et officiis optimi praeceptoris», онъ получилъ мѣсто учителя географіи и исторіи въ университетской гимназіи, гдѣ и оставался до 1804 г. Въ этотъ періодъ имъ были напечатаны: «Рѣчь о любви къ отечеству» (три раза въ 1799 — 1809 гг. безъ фамиліи автора), «Жизнь Екатерины Великой» съ приложеніемъ «Надгробной пѣсни Екатеринѣ Великой» (1801), «Протекшій вѣкъ или историческій взглядъ на важнѣйшія происшествія осьмагонадесять столѣтія» (1801—1803, 4 тт.: первые три— переводъ съ нѣмецкаго, четвертый—извлеченіе изъ Сегюра) и нѣсколько стихотвореній безъ подписи въ изданіяхъ Московскаго университета.

12 февр. 1804 г. С. былъ удостоенъ степени магистра философіи и свободныхъ наукъ и вскорѣ затѣмъ приглашенъ П. Г. Демидовымъ въ открывавшееся тогда Ярославское Демидовское вышнихъ наукъ училище на каѳедру «словесности древнихъ языковъ и россійскаго краснорѣчія» (съ 1 мая 1804 г.); при открытіи училища 29 апр. 1805 г. С. была произнесена рѣчь «О любви къ отечеству» (переработка его рѣчи 1799 г., впослѣдствіи напечат. въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1816 г.). Въ училищѣ С. преподавалъ эстетику, исторію еврейской и греческой литературы, риторику и поэтику, позже логику, занимался съ студентами чтеніемъ классиковъ и переводами на латинскій съ русскаго, наблюдалъ за библіотекой; кромѣ того съ 1805 по 1806 гг. былъ инспекторомъ, съ 1806 по 1808 гг. секретаремъ совѣта, съ 1808 по 1809 гг. главнымъ смотрителемъ благороднаго пансіона при училищѣ и, наконецъ, нѣкоторое время проректоромъ. Ученыя занятія С. въ Ярославлѣ направлялись по преимуществу на собираніе и обработку матеріаловъ для работы его по всеобщей исторіи литературы; краткое изложеніе начальной части этого труда находится въ его рѣчи «О странствованіи музъ или о нѣкоторыхъ промежуткахъ временъ, въ которые художества и науки изящныя у разныхъ народовъ процвѣтали, и о причинахъ, служащихъ для оныхъ поощреніемъ» (1807). Изъ другихъ литературныхъ произведеній за тѣ же годы извѣстны: рѣчь «О воззрѣніи мыслящаго человѣка на благотворительныя заведенія» (1808 г.), «Гимнъ благотворенію» (1810), ода вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ и супругу ея свѣтл. принцу Георгу Голштейнъ-Ольденбургскому при посѣщеніи ими Демидовскаго училища» (1810).

Въ 1812 г. послѣ смерти проф. Харьковскаго унив. И. С. Рижскаго на каѳедру россійскаго краснорѣчія и поэзіи совѣтомъ университета былъ избранъ С. Какъ видно изъ «Обозрѣній публичныхъ чтеній» Харьковскаго унив., С. преподавалъ здѣсь россійскую словесность, эстетику и начала критики (въ нѣкоторыхъ обозрѣніяхъ при-

бавлялось: «а если время позволитъ, аналитическую исторію изящныхъ наукъ и искусствъ»); въ обозрѣніи 1819—1820 г. къ этимъ курсамъ присоединился новый предметъ—славянскій языкъ. Русскую словесность С. разсматривалъ какъ одно изъ продолженій словесности древней, поэтому соединялъ ея преподаваніе съ критикой писателей греческихъ и римскихъ. Черезъ годъ по вступленіи въ число профессоровъ Харьковскаго университета С. былъ удостоенъ званія доктора свободныхъ наукъ. Помимо преподаванія С. принималъ участіе и въ административной дѣятельности университета, занимая должность члена училищнаго комитета (1813—1819), члена комитета испытаній (1815—1819), визитатора для осмотра гимназій въ Курской и Воронежской губ. (1813) и съ 1815 по 1817 должность инспектора студентовъ. Учено-литературная дѣятельность С. за харьковскій періодъ его жизни, кромѣ чтенія лекцій, выразилась въ произнесеніи нѣсколькихъ рѣчей на университетскихъ актахъ (въ 1812 и 1814 гг.), далѣе въ участіи въ трудахъ общества наукъ при Харьковскомъ унив., дѣятельнымъ членомъ котораго онъ былъ и въ которомъ состоялъ директоромъ отдѣленія наукъ словесныхъ и секретаремъ общества, наконецъ—въ сотрудничествѣ въ повременныхъ харьковскихъ изданіяхъ — «Харьковскомъ Демокритѣ» и «Украинскомъ Вѣстникѣ»; что касается до послѣдняго, то можно думать, что самая инпціатива этого изданія, руководимаго учениками С.—Гонорскимъ и Филомафицкимъ вмѣстѣ съ Квиткой, принадлежала С.; въ обоихъ изданіяхъ было напечатано много произведеній С.: въ первомъ — мелкія стихотворенія, эпиграммы, пѣсни, сатиры, во второмъ— оды оригинальныя и переводныя, переложеніе псалмовъ и статья «Славянская миѳологія или о богослуженіи русскомъ въ язычествѣ». Нѣсколько переводовъ С. за это время (три оды Горація) было напечатано и въ «Трудахъ казанскаго общ. любителей отечественной словесности», дѣйствительнымъ членомъ котораго С. состоялъ съ 1812 г. С. умеръ 12 сент. 1819 г. и похороненъ въ Харьковѣ на старомъ кладбищѣ у ц. Каплуновской Божіей матери. Памяти покойнаго были посвящены стихи одного изъ его учениковъ, Райдоровскаго, «Мысли при гробѣ наставника моего И. Е. Срезневскаго», напечатанныя тогда же въ «Украинскомъ Вѣстникѣ». Въ нихъ авторъ отмѣчаетъ какъ отличительную его черту «смиреніе» и «духъ братства и любви»; то же качество его отмѣчается и въ краткой современной запискѣ о его жизни, гдѣ говорится, что онъ «образованію юношества посвящалъ себя болѣе по доброй склонности души своей, нежели по долгу, и потому многихъ содѣялъ признательными навсегда къ истиннымъ своимъ благодѣяніямъ»; о близкихъ, дружелюбныхъ отношеніяхъ его къ студентамъ въ бытность инспекторомъ упоминаетъ и сынъ его, И. И. Срезневскій, въ воспоминаніяхъ о матери.

Въ своей литературной дѣятельности С. является съ одной стороны ораторомъ, съ другой—поэтомъ; изъ самостоятельныхъ научныхъ статей С. извѣстна только одна—«Славянская миѳологія», всѣ другія суть или переводы, или компиляціи. Что касается до его рѣчей, то онѣ несомнѣнно занимаютъ первенствующее мѣсто въ его литературныхъ работахъ; произносившіяся большею частью по обязанности, на торжественныхъ актахъ, онѣ тѣмъ не менѣе дышатъ жизнью, передаютъ дѣйствительныя убѣжденія автора, и въ этомъ отношеніи цѣнны, какъ его характеристика. «Рѣчь о любви къ отечеству»,—по мнѣнію самого автора его лучшее произведеніе,—даетъ намъ обликъ С., какъ гражданина-патріота, ставящаго цѣлью своей жизни службу родинѣ. Въ упомянутой выше латинской рѣчи онъ высказываетъ свои соображенія относительно необходимыхъ качествъ наставника юношества и свою мысль о первенствующей важности правильнаго въ дѣлѣ преподаванія метода. Вопросъ о воспитаніи, несомнѣнно болѣе всѣхъ другихъ интересовавшій С., обсуждается имъ также въ рѣчахъ «О преимуществахъ общественнаго воспитанія предъ домашнимъ» и «О любви къ отечеству». Въ нихъ С. признавалъ серьезное преимущество за «публичнымъ» воспитаніемъ, какъ въ отношеніи болѣе успѣшнаго и быстраго развитія дѣтей, такъ и въ отношеніи общественномъ, какъ средство сближенія различныхъ семействъ и прекращенія «фамильныхъ распрей», а для государства, какъ помощь къ возрожденію «духа общественности»; домашнее воспитаніе, находившееся въ то время въ рукахъ иностранцевъ, по мнѣнію С., большею частію не приноситъ пользы родинѣ, напротивъ—нерѣдко «вкореняетъ

*

отвращеніе къ добродѣтели и отечеству». Широкое развитіе просвѣщенія считалось С. насущной потребностью государства; въ связи съ этимъ онъ находилъ необходимымъ дать нормальную постановку дѣлу преподаванія, поднять значеніе учащихъ и оградить ихъ отъ притѣсненій со стороны гражданскихъ властей.

Главная масса стихотворныхъ произведеній С. суть переводы классиковъ — Овидія и Горація, далѣе Авзонія, значительно меньше Виргилія; въ числѣ латинскихъ авторовъ, которыхъ переводилъ С., можно назвать писателя XVI в. француза Muret, писавшаго по-латыни подъ именемъ Марка Ант. Мурета. Изъ переводовъ С. съ греческаго извѣстны только «Эротъ и пчелы» Ѳеокрита и начало перевода «Одиссеи». Кромѣ того въ тетрадяхъ его сохранилось нѣсколько переводовъ съ французскаго (отрывокъ изъ «L'art poétique» Буало), съ нѣмецкаго и съ англійскаго. Къ числу переводовъ слѣдуетъ отнести распространенное переложеніе «Пѣсни пѣсней» — «Бракъ Соломоновъ» и рядъ переложеній псалмовъ. Какъ особенность переводовъ С., бросается въ глаза его стремленіе къ риѳмованію: и оды Горація, и «Tristia», и «Одиссея» и др. — все переведено риѳмованными стихами. Оригинальныя стихотворенія С. чрезвычайно разнообразны и по стилю и по содержанію: здѣсь есть оды, гимны и ораторіи, поэмы, пѣсни, басни, эпиграммы, эпитафіи и пр. Русскія стихотворенія С. не обладаютъ поэтическими достоинствами; лучше другихъ его пѣсни въ псевдо-народномъ стилѣ. Къ числу оригинальныхъ стихотвореній С. надо присоединить и его латинское стихотвореніе «Reditus ad universitatem», написанное по поводу возвращенія его подъ кровъ университета послѣ частной службы у кн. Гагарина.

Формулярный списокъ. — И. И. Срезневскій, рукописная біографія И. Е. Срезневскаго. — В. И. Срезневскій, „И. Е. Срезневскій, біогр. оч. съ прил. портрета“, Спб. 1898 (изъ „Журн. Мин. Нар. Пр.“). — „Замѣтка о И. Е. Срезневскомъ“, въ „Отч. о 41 присужд. Уваровск. премій“, въ прил. къ рец. на соч. Д. И. Багалѣя „Опытъ ист. харьк. ун.“. — Райдоровскій, „Мысли при гробѣ наставника моего И. Е Срезневскаго“, „Укр. Вѣстн.“, 1819, сент. — Извѣщеніе о смерти, тамъ же. — Д. И. Багалѣй, „Опытъ исторіи харьк. ун.“ т. 1 и 2. — Д. И. Багалѣй, Н. Ѳ. Сумцовъ и В. Н. Бузескулъ, „Краткій очеркъ ист. харьк. ун.“ (1906). — С. Шевыревъ, «Исторія Имп. Московскаго ун.“, стр. 268, 336, 341. — Головищиковъ, „П. Г. Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища“ (1887). — „Объявленіе о публичныхъ ученьяхъ въ имп. моск. ун. и обѣихъ гимназіяхъ онаго“ (1799—1804). — „Объявленіе (=распоряженіе) о предметахъ ученія въ ярославск. вышнихъ наукъ училищѣ“ (1806—1812). — „Обозрѣніе публичн. чтеній, кои въ имп. харьк. ун..... имѣютъ быть представлены“(1813—1819). — Н. А. Лавровскій, „Эпизодъ изъ ист. харьк. ун. Стойковичъ“, „Чтен. въ имп. общ. ист. и др.“, 1878, 2. — „Путевыя письма“ И. И. Срезневскаго (1895), предисловіе. — „Исторія харьковскаго общ. наукъ“ въ „Трудахъ общ. наукъ“, 1817. — Н. Ѳ. Сумцовъ, „Каѳедра исторіи русскаго языка и словесн. въ императ. харьковск. универс. съ 1805 по 1905 г.“, въ „Извѣст. отдѣл. русск. яз. и словесн. акад. наукъ“, 1905 г., т. X, кн. 2. — А. Ѳ. Воейковъ, „Парнасскій адресъ-календарь“, „Русская Старина“, 1874 г., № 3.

В. Срезневскій.

Срезневскій, *Измаилъ Ивановичъ*, филологъ-славистъ и палеографъ, род. 1 іюня 1812 г. въ Ярославлѣ, гдѣ отецъ его Иванъ Евсѣевичъ, состоялъ профессоромъ Демидовскаго вышнихъ наукъ училища; при переходѣ отца профессоромъ россійскаго краснорѣчія въ Харьковъ, онъ былъ перевезенъ туда двухмѣсячнымъ ребенкомъ. Съ этихъ поръ до 1839 г. С. жилъ или въ самомъ Харьковѣ или въ другихъ мѣстахъ Малороссіи и только разъ, и то на самый короткій срокъ, въ 1829 г., уѣзжалъ въ Москву. Такимъ образомъ, молодость слила его съ Украиной, которую онъ полюбилъ со всею своею пылкостью; это была для него вторая родина, но именно вторая, такъ какъ она всегда рисовалась ему частью его общей русской родины. Послѣ смерти отца, послѣдовавшей въ 1819 г., С. остался на попеченіи своей матери Елены Ивановны (рожденной Кусковой); ея заботамъ и энергіи онъ обязанъ своимъ воспитаніемъ и образованіемъ; долгіе годы она была его ближайшимъ другомъ-совѣтникомъ и на рукахъ его умерла въ 1856 г., въ его семьѣ. Глубокая любовь къ ней С. сказалась особенно въ той любви къ семейной жизни и семейнымъ началамъ, которая была его характерной чертой, а уваженіе къ ней — въ признаніи первенствующаго значенія матери въ дѣлѣ начальнаго образованія дѣтей, какъ это онъ высказываетъ въ своихъ бесѣдахъ объ изученіи родного языка. По окончаніи пансіона въ 1826 г. С. поступилъ въ университетъ на эѳико-политическое отдѣленіе философскаго факультета. Будучи съ дѣтскихъ лѣтъ чело-

вѣкомъ энергичнымъ, умѣя серьезно относиться къ труду и вмѣстѣ съ тѣмъ зная, что на немъ, какъ на старшемъ (у С. были братъ и сестра), лежитъ долгъ помогать матери, С. съ полнымъ рвеніемъ, несмотря на свои юные годы, предался университетскимъ занятіямъ; въ 1828 г., когда было опубликовано предложеніе мин. народнаго просвѣщенія «объ избраніи студентовъ изъ университетовъ Московскаго, Петербургскаго, Казанскаго и Харьковскаго для приготовленія въ профессоры», онъ не задумался включить себя въ число тридцати кандидатовъ на посылку за границу для усовершенствованія и былъ утвержденъ попечителемъ съ пятью другими товарищами; мечта С. тогда не осуществилась, но отъ этого онъ не палъ духомъ и уже въ 1829 г. блистательно кончилъ курсъ со степенью кандидата, по представленіи диссертаціи «Объ обидѣ». Студенческія работы по юриспруденціи, несмотря на ихъ напряженность и успѣшность, не были главнымъ предметомъ научныхъ увлеченій С.: съ дѣтскихъ лѣтъ подъ вліяніемъ матери полюбивъ литературу и музыку, съ 9-ти лѣтняго возраста начавъ писать стихи, уже съ 14-ти лѣтъ онъ предался изученію народной малорусской поэзіи и работамъ надъ этнографической стариной Украины. Годы молодости С. совпали съ тѣмъ временемъ, когда въ Малороссіи начало особенно развиваться это изученіе народной старины и поэзіи, принявшее тогда особое романтическое направленіе, какъ у южно-русскихъ этнографовъ, такъ и въ остальной Россіи, и въ Западной Европѣ. Вокругъ С. въ Харьковѣ образовался небольшой кружокъ его пансіонскихъ и университетскихъ товарищей — этнографовъ-романтиковъ, любителей литературы: это были братья О. и Ѳ. Евецкіе (впослѣдствіи принимавшіе участіе въ панславистской «Денницѣ» Дубровскаго), И. В. Росковшенко (переводчикъ Шекспира), А. Г. Шпигоцкій (писатель-поэтъ), О. А. Джунковскій; въ средѣ этого кружка на страницахъ изданнаго С. и Росковшенкомъ «Украинскаго альманаха» (1831 г.) началась литературная дѣятельность С., выразившаяся тогда въ рядѣ стихотвореній, въ статьѣ «Мысли и замѣчанія» и въ первой записи малорусскихъ пѣсенъ.

Работы С. по народной словесности получили особое развитіе въ 1832—1833 гг., проведенныхъ имъ въ Екатеринославской губ. близъ Днѣпровскихъ пороговъ въ качествѣ учителя у помѣщиковъ Подольскихъ. Здѣсь онъ столкнулся съ «живыми памятниками минувшаго»—стариками-запорожцами, слушалъ ихъ разсказы о старой жизни и усердно началъ записывать думы и пѣсни. Результатомъ юношескихъ этнографическихъ работъ С., преимущественно работъ въ Екатеринославской губ., поддержанныхъ содѣйствіемъ друзей и знакомыхъ, былъ выходъ въ свѣтъ ряда книжекъ «Запорожской старины» (съ 1833 по 1838 г.)—сборника матеріаловъ по исторіи Украины отъ Гедемина до Мазепы, заключающаго въ себѣ собраніе историческихъ пѣсенъ и думъ малорусскихъ, сводъ малорусскихъ лѣтописцевъ и извлеченій изъ другихъ историческихъ документовъ, въ сопровожденіи объяснительныхъ примѣчаній и замѣтокъ о бытѣ и нравахъ запорожцевъ. «Запорожская старина» въ свое время сыграла чрезвычайно важную роль въ дѣлѣ развитія изученія украинской народной поэзіи и произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на современниковъ; въ то же время она создала первую литературную славу С., выдвинувъ его и какъ ученаго собирателя-этнографа, и какъ талантливаго писателя и пламеннаго украинца. Впослѣдствіи, въ 1870-хъ гг., это изданіе подверглось критикѣ Антоновича и Драгоманова въ предисловіи къ ихъ изданію «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» и Костомарова въ статьѣ по поводу книги Антоновича и Драгоманова; съ несомнѣнностью выяснилось, что наряду съ произведеніями дѣйствительно народными въ «Запорожскую старину» попало много поддѣльныхъ; С. не отвѣчалъ критикамъ его юношеской работы: онъ ранѣе ихъ увидѣлъ ея недостатки и понялъ, что среди его корреспондентовъ были люди и недобросовѣстные; намекомъ это онъ высказалъ еще до выхода въ свѣтъ сборника Антоновича и Драгоманова въ одномъ изъ примѣчаній къ изданной имъ переепискѣ А. Х. Востокова; промахи «Запорожской старины», можно думать, были причиной того особенно строгаго его отношенія къ изданіямъ произведеній народной словесности, которое появилось у него въ зрѣлые годы. «Запорожская старина», сдѣлавъ имя С. извѣстнымъ въ Украинѣ, обра-

тила вниманіе на молодого писателя и въ столицахъ; у него завязались сношенія съ учеными Москвы и Петербурга (И. М. Снегиревымъ, В. Г. Анастасевичемъ и др.), статьи его начали печататься въ «Сынѣ Отечества», «Сѣверной Пчелѣ», «Телескопѣ», «Московскомъ Наблюдателѣ», «Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета», затѣмъ въ «Журналѣ Мин. Народнаго Просвѣщенія». Научные интересы и занятія этнографіей сблизили С. съ новымъ кругомъ лицъ, болѣе глубоко смотрѣвшихъ на эти занятія, чѣмъ первые его товарищи и помощники; онъ близко сошелся съ А. Л. Метлинскимъ—украинофиломъ-идеалистомъ, съ раннихъ лѣтъ посвятившимъ себя изученію поэтической старины своей родины,—съ В. В. Пассекомъ, особенно благодаря изданію послѣдняго «Очерки Россіи», въ которомъ С. принималъ видное участіе; при посредствѣ Метлинскаго, съ С. сблизился Костомаровъ, подъ вліяніемъ С. развившій въ себѣ, какъ онъ самъ пишетъ, «стремленіе къ изученію малорусской народности» и при его помощи начавшій изучать малорусскій языкъ и этнографію. Въ тѣ же годы С. вошелъ въ сношенія съ Н. В. Гоголемъ, Г. Ѳ. Квиткой, В. Н. Каразинымъ, И. П. Котляревскимъ, Л. И. Боровиковскимъ и многими другими.

Изъ ряда работъ С. по украинской старинѣ и литературѣ особаго вниманія заслуживаетъ его статья-письмо къ И. М. Снегиреву—«Взглядъ на памятники украинской народной словесности» (1834); она интересна, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что въ ней авторъ высказываетъ свое мнѣніе о языкѣ малорусскомъ въ связи съ великорусскимъ; въ тѣ годы онъ признавалъ его самостоятельнымъ языкомъ, «однимъ изъ богатѣйшихъ языковъ славянскихъ», имѣющимъ полное право на литературное существованіе; этотъ взглядъ впослѣдствіи значительно измѣнился; въ 1860-хъ гг. въ отзывѣ объ исполненномъ Морачевскимъ переводѣ Евангелія на малорусскій яз., при признаніи русской словесности достояніемъ всего русскаго народа (а не великороссовъ только), онъ еще высказываетъ рѣшительное убѣжденіе въ правѣ и необходимости существованія отдѣльной малорусской словесности и говоритъ, что будущее ея «полно надеждъ»; но въ лекціяхъ 1870-хъ гг. отношеніе малорусскаго нарѣчія къ русскому языку уже приравнено къ отношеніямъ мѣстныхъ говоровъ въ литературахъ другихъ европейскихъ языковъ къ языку господствующему: «нѣтъ никакой нужды», читаемъ тамъ, «уничтожать или прекращать письменность этихъ нарѣчій, но нѣтъ необходимости дѣлать эту письменность самостоятельной, отдѣльной литературой, принадлежащей какъ бы отдѣльному народу».

Для полноты изображенія трудовъ С. по изученію Украины слѣдуетъ упомянуть, что наряду съ изслѣдованіями по малорусской народной словесности и изданіемъ ея памятниковъ онъ тогда же приступилъ и къ изданію литературныхъ произведеній современныхъ ему малорусскихъ писателей, начавъ печатаніе «Украинскаго сборника», въ которомъ помѣстилъ «Наталку-Полтавку» и «Москаля-Чаривника» И. П. Котляревскаго, въ дальнѣйшихъ книжкахъ предположивъ дать выборъ стихотвореній Артемовскаго-Гулака, Боровиковскаго, Гребенки, Шпигоцкаго, Падурры, Корженевскаго и др., сочиненія Сковороды и пр. Наконецъ нельзя не упомянуть еще объ одномъ трудѣ по изученію Малороссіи, стоящемъ особнякомъ въ ряду другихъ,—это его «Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія слободской Украины со времени ея заселенія до преобразованія ея въ Харьковскую губернію»; интересно отмѣтить, что вышедшее въ свѣтъ въ 1839 г., въ 1883 г. оно было вновь перепечатано въ «Статистическомъ листкѣ, изд. харьковскимъ стат. ком.», и именно въ цѣляхъ практическихъ,—настолько оно не утратило своего значенія.

Послѣ окончанія университетскаго курса С. поступилъ на службу въ харьковское дворянское депутатское собраніе, откуда по болѣзни былъ уволенъ въ 1832 г.; черезъ годъ (18 сент. 1833 г.) онъ вновь зачислился на службу сначала въ харьковскій совѣстный судъ, затѣмъ въ 1834 г. въ депутатское собраніе на должность библіотекаря харьковской городской библіотеки; плодомъ библіотечныхъ занятій С. былъ изданный имъ «Систематическій указатель книгъ и рукописей, находящихся въ харьковской публичной библіотекѣ, № 1» (1834 г., безъ фамиліи составителя). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ все время занимался преподаваніемъ русскаго языка и сло-

весности, исторіи и географіи въ частныхъ училищахъ и въ семействахъ. Не прерывая и юридическихъ занятій, онъ приготовлялся мало-по-малу къ магистерству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ профессурѣ—давней его завѣтной мечтѣ. Въ сентябрѣ 1835 г. онъ сдалъ экзаменъ на степень магистра политической исторіи, статистики и политической экономіи; диссертація на назначенную факультетомъ тему, «О сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ» была представлена въ факультетъ въ началѣ 1836 года и въ апрѣлѣ 1837 г. одобрена къ защитѣ. Защита состоялась 16 іюля 1837 г., утвержденіе въ званіи магистра со стороны министра послѣдовало 27 августа и 9 сентября С. былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ Харьковскаго университета по каѳедрѣ политической экономіи и статистики.

Какъ видно изъ «Обозрѣнія публичнаго преподаванія наукъ въ Харьковскомъ университетѣ» С. читалъ студентамъ 1-го курса 1-го отд. философскаго фак. теорію статистики съ приложеніемъ къ государствамъ европейской системы просвѣщенія по методу проф. кенигсбергскаго университета Шуберта, «придерживаясь, впрочемъ, своей собственной системы, изложенной въ разсужденіи о сущности и содержаніи теоріи политической», на 2-мъ курсѣ—«статистику россійскаго государства, принимая въ руководство соч. Иванова и Шуберта и дополняя собственными своими изслѣдованіями». Записокъ лекцій С. по статистикѣ не сохранилось, за исключеніемъ обработаннаго къ печати и изданнаго въ 1838 г. въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія» его «Вступительнаго чтенія въ курсъ статистики государствъ европейской системы просвѣщенія въ ихъ современномъ состояніи». Судя по разсказамъ слушателей, лекціи С. рѣзко отличались отъ лекцій другихъ профессоровъ; лекторъ блисталъ въ нихъ и новизною взглядовъ, и богатствомъ данныхъ, черпаемыхъ изъ иностранныхъ сочиненій, и мастерствомъ и живостью изложенія; аудиторія его была полна, о чтеніяхъ говорили въ городѣ; но этотъ успѣхъ С. имѣлъ и невыгодную для него сторону въ томъ отношеніи, что, повидимому, явился одной изъ причинъ недоброжелательства къ нему со стороны многихъ изъ старшихъ его товарищей; особенно сильно это недоброжелательство проявилось при сужденіи о диссертаціи С. «Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно», представленной имъ въ 1838 г. для соисканія докторской степени. Основная мысль «Опыта» была высказана въ двухъ положеніяхъ эпиграфа къ нему: 1) «Статистика, имѣя предметомъ цѣлое государство, должна сдѣлаться средоточіемъ и основаніемъ прочихъ политическихъ наукъ, изъ которыхъ каждая объемлетъ не болѣе одной части» (К. Германъ) и 2) «Политическая экономія зависитъ отъ статистики такъ, что даже могла бы не существовать какъ отдѣльная наука: статистика могла бы замѣнить ее безъ ущерба пользѣ наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освободить міръ познаній отъ суесловныхъ и часто суемудрыхъ мечтаній» (авторъ). Для сужденія о диссертаціи были собраны члены юридическаго факультета и I-го отд. философскаго; въ пользу автора высказались только два наиболѣе почтенные профессора—Лунинъ и Валицкій, другіе или уклонились отъ выраженія своего мнѣнія или высказались противъ; мысли, проводимыя диссертаціей, казались слишкомъ новыми, не согласными съ обычными, «насмѣшкою надъ наукою»; диссертація была отвергнута. Событію этому пришлось сыграть рѣшительную роль въ судьбѣ С.

Въ октябрѣ 1837 г. въ Харьковскій унив. отъ мин. народнаго просв. пришло предложеніе объ избраніи изъ среды профессоровъ лица для посылки въ заграничное ученое путешествіе по славянскимъ землямъ, съ цѣлью подготовленія къ занятію вновь учрежденной по унив. уставу 1835 г. каѳедры славянскихъ нарѣчій. Выборъ факультета, по указанію ректора Гулака-Артемовскаго, остановился на кандидатѣ словесныхъ наукъ А. П. Рославскомъ-Петровскомъ. Лично мало склонный къ занятію предлагаемой каѳедры, преимущественно интересовавшійся науками историческими, Рославскій представилъ въ совѣтъ унив. условія командировки, трудно пріемлемыя въ другое время, но въ данную минуту не возбудившія сомнѣній, и былъ избранъ. Рѣшеніе совѣта, однако, не получило утвержденія со стороны попечителя харьковскаго учебнаго округа гр. Ю. А. Головкина; съ своей стороны онъ

предложилъ послать за границу С., который, какъ онъ писалъ, «постоянно и съ успѣхомъ занимался уже изслѣдованіемъ и изученіемъ нѣкоторыхъ языковъ, составляющихъ отрасли славянскаго», Рославскому же дать возможность «выдержать испытаніе на степень магистра по предмету историческихъ наукъ, что составляло и его собственное желаніе, съ тѣмъ, чтобы потомъ онъ занялъ мѣсто Срезневскаго». Въ декабрѣ 1837 г. отъ имени совѣта университета С. былъ сдѣланъ запросъ относительно согласія его отправиться въ путешествіе въ славянскія земли для приготовленія къ каѳедрѣ славяновѣдѣнія, съ условіемъ по возвращеніи прослужить въ званіи преподавателя не менѣе 12 лѣтъ. Издавна уже знакомый съ языками польскимъ, словацкимъ, чешскимъ и сербскимъ, интересуясь западно-славянской литературой, еще въ 1832 г. со словъ словаковъ-ходебщиковъ записавшій и издавшій ихъ пѣсни, писавшій статьи о Краледворской рукописи, о чешскомъ словарѣ Юнгмана, объ уменьшительныхъ словахъ въ славянскихъ языкахъ,—С. съ большой радостью принялъ предложеніе университета; вскорѣ, впрочемъ, повидимому, въ связи съ работой надъ докторской диссертаціей, въ немъ возникли сомнѣнія и колебанія; этимъ колебаніямъ положило конецъ оскорбительное для него отверженіе университетомъ его диссертаціи. 7 янв. 1839 г. С. доложилъ университету о полномъ своемъ согласіи отправиться въ путешествіе въ славянскія земли, подчинившись всѣмъ поставленнымъ ему условіямъ, и въ сентябрѣ этого года отправился въ путь.

Отъѣздомъ изъ Харькова закончился первый періодъ литературно-научной дѣятельности С., время первыхъ литературныхъ опытовъ, юношескихъ увлеченій работами по исторіи и народной словесности Украины, занятій статистикой, первыхъ чтеній въ университетѣ, первыхъ научныхъ трудовъ. Харьковскій періодъ своимъ особымъ характеромъ работъ и научныхъ интересовъ С. рѣзко отличается отъ его послѣдующей петербургской дѣятельности. Гранью между этими двумя періодами легло его путешествіе, оказавшее рѣшительное вліяніе на его взгляды научные и житейскіе; три года его профессуры въ Харьковскомъ университетѣ по возвращеніи изъ путешествія до переѣзда въ Петербургъ по характеру своему могутъ быть отнесены уже къ новому періоду его ученой дѣятельности.

Общій планъ путешествій лицъ, избранныхъ русскими университетами для подготовленія къ занятію каѳедръ славяновѣдѣнія, былъ выработанъ въ Московскомъ университетѣ; для путешествія С. онъ былъ нѣсколько переработанъ въ Харьковскомъ университетѣ П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ, которымъ совмѣстно съ Валицкимъ кромѣ того была составлена и инструкція для путешественника. Помимо внимательнаго изученія «діалектическихъ свойствъ, отличающихъ языкъ или нарѣчіе» одной страны отъ другой, «смысла и духа» народныхъ пѣсенъ, «мелодій ихъ напѣва», записыванія преданій и сказокъ, инструкція эта указывала путешественнику систематическое подробное изученіе страны, населенной даннымъ племенемъ, ознакомленіе съ ея географіей, климатомъ, природою, совѣтовала обратить вниманіе на степень цивилизаціи ея обитателей, на развитіе промышленности и пр. Единственнымъ способомъ выполнить эти задачи для путешественника были пѣшеходныя экскурсіи. «Лѣтнее время года», говорится въ инструкціи, «онъ долженъ проводить въ путешествіи по замѣчательнѣйшимъ и наименѣе изслѣдованнымъ странамъ, входить подъ мирную кровлю поселянина, одружиться съ нимъ душою и бесѣдою и выпытать отъ него все, что только напоминаетъ въ немъ славянина, не оставляя безъ замѣчанія и чуждаго вліянія, которое стерло въ немъ черты его народнаго первообраза»; зимнее время рекомендовалось проводить въ городахъ, «пребываніе въ которыхъ могло бы быть для него поучительно: тамъ съ помощью библіотекъ, богатыхъ собраній, въ бесѣдѣ съ учеными мужами онъ повѣритъ свои наблюденія, на досугѣ приведетъ въ порядокъ и систему собранные имъ матеріалы». Какъ ни трудны были задачи, данныя С. инструкціей, онѣ оказались ему подъ силу, благодаря природнымъ дарованіямъ, опытности, пріобрѣтенной въ работахъ по украинской этнографіи, и сохранившемуся до послѣднихъ лѣтъ его жизни умѣнью легко и попросту сходиться со всякимъ, безъ различія его общественнаго положенія. Путешествіе С. длилось три года: 17-го сентября 1839 г. онъ выѣхалъ изъ Харь-

кова, 23-го сентября 1842 года — вернулся. Путь его за границу лежалъ черезъ Москву и Петербургъ, частью по необходимости служебной, частью для научныхъ занятій и подготовительныхъ работъ къ путешествію. Первую зиму за границей С. провелъ въ Берлинѣ, гдѣ подъ руководствомъ Боппа занимался санскритскимъ языкомъ, и въ Прагѣ, гдѣ основался надолго, изучая чешскій языкъ у Шумавскаго, другіе славянскіе языки подъ руководствомъ Челяковскаго, пользуясь совѣтами и указаніями Шафарика и Ганки, работая въ музеѣ и постепенно подготовляясь къ будущимъ пѣшеходнымъ странствованіямъ. Въ маѣ мѣсяцѣ начались они нѣсколькими небольшими путешествіями по Чехіи изъ Праги, потомъ уже изъ Вѣны по Моравіи; отсюда С. двинулся на сѣверъ въ Вратиславь (Бреславль), гдѣ дружески сошелся съ чешскимъ патріотомъ, профессоромъ-физіологомъ Пуркиней; изъ Вратислави онъ дѣлалъ экскурсіи для изученія нарѣчія слезаковъ, въ самой Вратислави работалъ въ библіотекѣ и изучалъ дольне-лужицкое нарѣчіе. Въ августѣ направился въ горно-лужицкія земли, въ Сгорѣлецъ (Гёрлицъ), гдѣ сблизился съ лужичанами-патріотами—Смоляромъ, при помощи котораго сталъ изучать горно-лужицкое нарѣчіе, Гауптомъ и др.; затѣмъ отправился въ Будишинъ (Бауценъ), отсюда въ Дольнія Лужицы и наконецъ поздней осенью добрался до Дрездена. Зимою 1840—1841 гг. онъ опять былъ въ Прагѣ, гдѣ закрѣпилъ свою дружбу съ Прейсомъ, потомъ въ Вѣнѣ; здѣсь онъ готовился къ путешествію въ южно-славянскія земли и работалъ надъ сербскимъ и хорватскимъ языками подъ руководствомъ Караджича. Къ веснѣ С. отправился въ путь—въ Штирію, Загребъ, гдѣ свелъ знакомство съ Гаемъ, сдружился и побратался съ Ст. Вразомъ, сдѣлавшимся его спутникомъ въ путешествіи по Крайнѣ, сошелся со многими патріотами-хорватами, дѣятелями иллирскаго возрожденія; изъ Крайны, уже безъ Враза, С. отправился въ Хорутанію, Резію, Горицу, въ Тріестъ и далѣе, вмѣстѣ съ П. И. Прейсомъ, въ Далмацію, Черногорію и обратно въ Загребъ, гдѣ на этотъ разъ познакомился съ Колларомъ; отсюда осенью 1841 г. въ одиночку онъ поѣхалъ въ Славонію и Сербію и къ зимѣ черезъ Пештъ вернулся въ Вѣну. Весной 1842 г. С. посѣтилъ хорватовъ, живущихъ въ Венгріи, и словаковъ; въ Бретиславѣ (Пресбургѣ) онъ сошелся съ К. Штуромъ, въ Тернавѣ съ знаменитымъ Яномъ Голымъ; послѣ путешествія по Венгріи въ іюлѣ С. направился въ Галичину, Краковъ, Вратиславь, Познань, Варшаву и черезъ Кіевъ въ Харьковъ.

Время путешествія С. было эпохой широкаго развитія на славянскомъ западѣ идей панславизма; путешествіе его было радостно привѣтствуемо: въ С. видѣли не только ученаго, преслѣдовавшаго научныя цѣли, но и представителя великаго русскаго племени, гражданина русской имперіи, которая, рисуясь въ то время въ глазахъ западныхъ собратій въ ореолѣ славы, казалась единственной силой, могущей объединить все славянство въ одно нераздѣльное цѣлое. С. встрѣчали и провожали съ объятіями, какъ друга и брата, о его ожидаемомъ проѣздѣ писали въ газетахъ, его дѣятельности старались придать современную, иногда политическую окраску. И какъ ни чуждъ былъ «политики» самъ С., онъ невольно поддавался вліянію окружающаго общества; считая обязанностью государственной власти уважать народность и охранять духовную самостоятельность каждаго подчиненнаго ей племени и вслѣдъ за тѣмъ своими глазами увидавъ жестокое угнетеніе славянъ и невзгоды, рушащіяся на нихъ со стороны нѣмцевъ и мадьяръ, онъ проникся ненавистью къ господствующимъ племенамъ; на ряду съ серьезной научной работой надъ языкомъ, древностями, литературой, народной словесностью и этнографіей, въ немъ бился живой интересъ къ дѣйствительной, текущей жизни славянъ, такъ привлекавшій къ нему всѣхъ, съ кѣмъ ему случалось сойтись.

Изъ заграничнаго путешествія С. вывезъ массу самыхъ разнообразныхъ литературно-научныхъ матеріаловъ; многіе изъ нихъ обработаны, но многіе лежатъ донынѣ въ его архивѣ почти не использованными; въ высшей степени цѣнные его отчеты о путешествіи были напечатаны въ «Жур. Мин. Нар. Пр.», путевыя письма къ Ганкѣ въ тѣ годы въ «Часописи Чешскаго Музея» по-чешски (въ переводѣ), недавно (въ 1907 г.) въ русскомъ оригиналѣ въ изданіи переписки Ганки (В. А. Францева), путевыя письма

къ матери—полныя жизни, сверкающія талантомъ и наблюдательностью—въ «Живой Старинѣ» 1893—1894 гг. и въ 1895 г. отдѣльной книгой съ приложеніемъ карты и маршрута.

Въ октябрѣ 1842 г. одушевленной лекціей, посвященной вопросу о необходимости изученія славянства въ Россіи, С. началъ въ Харьковскомъ университетѣ свои чтенія по исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій. Вступительный курсъ по программѣ, которую онъ обдумалъ и составилъ еще во время путешествія, заключалъ въ себѣ введеніе въ изученіе славянства и церковно-славянскій языкъ; слѣдующій курсъ обнималъ собою разсмотрѣніе главныхъ славянскихъ нарѣчій одного за другимъ въ отношеніи къ ихъ политическимъ судьбамъ, образованности, народной словесности и литературѣ, съ чтеніемъ образцовъ; заключительный курсъ былъ посвященъ объяснительному чтенію древнихъ памятниковъ русскаго языка. Программа С. была обширна, для выполненія ея не хватало времени, подробно читать оказывалось возможнымъ только какую-нибудь часть курса, все же остальное болѣе или менѣе кратко, съ указаніями на источники для самостоятельныхъ работъ студентовъ. Успѣхъ лекцій С. былъ громадный. «Новость предмета», по словамъ Де-Пуле, «бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго критическаго, не лишеннаго юмора и ироніи,—все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ, все это было такъ своеобычно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской каѳедрѣ». Свой вступительный курсъ (именно введеніе въ изученіе славянства) С. предполагалъ издать тогда же съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій, «какъ выборъ не столько лучшаго, сколько любопытнѣйшаго изъ того, что можетъ предоставить каждое нарѣчіе въ письменной литературѣ и въ народной словесности»; въ этомъ изданіи, какъ писалъ онъ Ганкѣ, онъ хотѣлъ подробно характеризовать нарѣчія и въ топографико-историческомъ порядкѣ представить рядъ отрывковъ на всѣхъ нарѣчіяхъ съ объясненіями.

Помимо лекцій и подготовительныхъ работъ къ изданію образцовъ славянскихъ нарѣчій, С. въ то же время дѣятельно трудился надъ разработкой собранныхъ имъ во время путешествія матеріаловъ. Къ этой порѣ относятся его статьи: «Публичныя чтенія о славянахъ» (1843 г.), «Жумборскіе Ускоки» (1843 г.), «Историческій очеркъ сербо-лужицкой литературы» (1844 г.), «Фріульскіе славяне» (1844 г.), цѣнная, въ свое время единственная работа по славянской діалектологіи «Обозрѣніе главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ» (1845 г.), «Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи» (1846 г.), рядъ критико-библіографическихъ замѣтокъ, между прочимъ обширная статья о сочиненіи Шафарика «Slowanský Národopis» (1843 г., перепечатанная въ 1890 г. въ «Живой Старинѣ»). Тогда же онъ выступилъ съ рядомъ статей, посвященныхъ изученію древнихъ вѣрованій славянъ,—«Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ» (1845 г.), «Архитектура храмовъ языческихъ славянъ» (1846 г.), «О языческомъ вѣрованіи древнихъ славянъ въ безсмертіе души» (1847 г.), и съ обширнымъ изслѣдованіемъ, диссертаціей на степень доктора, «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ» (1846 г.). Въ тѣ же годы постепенно начинаютъ заинтересовывать С. и работы надъ древнимъ русскимъ языкомъ, именно работы (какъ видимъ изъ писемъ къ Ганкѣ) надъ «Историческимъ лексикономъ старорусскаго языка» и «Старорусской грамматикой».

Защитой труда «Святилища и обряды языческаго богослуженія славянъ», имѣвшей мѣсто 3 дек. 1846 г., С. пріобрѣлъ (первый въ Россіи) степень доктора славяно-русской филологіи. Вскорѣ послѣ диспута С. получилъ командировку въ Петербургъ. Научные интересы его, такъ расширившіеся со времени путешествія, уже не находили въ Харьковѣ достаточно матеріаловъ. «Средствъ для должнаго усовершенствованія себя въ наукѣ (писалъ онъ Ганкѣ), пособій не только рукописныхъ и старопечатныхъ, но даже и новыхъ печатныхъ» не было почти никакихъ; «ни одного труда (читаемъ тамъ же) не могу окончить удовлетворительно»... Эта бѣдность Харькова научными пособіями еще въ августѣ 1846 года побудила С. начать хлопоты о переводѣ въ Петербургскій универ-

ситетъ, лишившійся въ маѣ 1846 года П. И. Прейса. Къ моменту отъѣзда С. окончательное рѣшеніе о переводѣ еще не состоялось, и по приказанію министра онъ былъ откомандированъ безъ обозначенія цѣли; ни самъ С., ни его харьковское начальство и сослуживцы не думали, что онъ оставляетъ Харьковъ навсегда; онъ предполагалъ провести нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ для изученія памятниковъ древне-русскаго и славянскаго языковъ—рукописныхъ сокровищъ петербургскихъ библіотекъ; какъ писалъ онъ Ганкѣ, изъ-за его отъѣзда Харьковскій унив. не только не проиграетъ, но выиграетъ, потому что по возвращеніи его въ Харьковъ найдетъ въ немъ «профессора несравненно болѣе опытнаго»; такъ думалъ С. и въ первые годы петербургской жизни. Но судьба рѣшила иначе: переѣхавъ въ январѣ 1847 г. въ Петербургъ, онъ тамъ остался до самой смерти, послѣдовавшей въ ночь съ 8 на 9 февраля 1880 г.

С. былъ допущенъ къ чтенію лекцій въ Петербургскомъ университетѣ 27 янв. 1847 г. и 28 числа прочелъ свою первую лекцію «О пользѣ изученія славянской филологіи» съ вступленіемъ о жизни и заслугахъ Прейса, «умнѣйшаго и образованнѣйшаго изъ славянскихъ филологовъ новаго поколѣнія», какъ говорилъ онъ въ лекціи, которому (какъ читаемъ въ другомъ мѣстѣ) онъ считалъ себя обязаннымъ «болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ въ отношеніи къ изученію филологическихъ задачъ и пріемовъ».

Первоначальная программа чтеній была та же, что и въ Харьковскомъ университетѣ, но въ 1848 г. оказалось необходимымъ ее переработать для представленія въ министерство. Это было время страха передъ идеей славянства и гоненія какъ на славянофиловъ, такъ и на всѣхъ лицъ, у которыхъ мелькали общеславянскія мечты, даже внѣ политики; въ III отдѣленіи было рѣшено сообщить министру нар. просв. «о предостереженіи цензоровъ, профессоровъ и учителей, чтобы не допускали разсужденій и возгласовъ полуполитическихъ и двусмысленныхъ», было рѣшено слѣдить за московскими журналами и сборниками и особенно за «Чтеніями Общества Исторіи и Древностей» и за всякими книгами славянофиловъ, Краевскаго же поощрить печатать статьи, подобныя той, въ которой онъ «опровергаетъ бредни славянофиловъ». Естественно подверглись гоненію и каѳедры славяновѣдѣнія—науки, касающейся всей совокупности славянъ, какъ единаго цѣлаго. Министерству нужно было точно опредѣлить границы этой науки, нужна была исчерпывающая предметъ программа; составленіе ея поручили С. Новая программа, по словамъ Бычкова, своей точностью и ясностью отстранила отъ славянскихъ каѳедръ грозу, которая была готова разразиться надъ ними.

Цѣлью университетскихъ чтеній, какъ читаемъ въ вступительной лекціи 1850-хъ годовъ, С. ставилъ «филологическое знаніе того племени, къ которому принадлежитъ русскій народъ, племени славянъ»; филологическое знаніе «не значитъ знаніе только языка какъ языка, нѣтъ, — языка, какъ выраженія жизни,—и слѣдовательно не исключительно языка, а вмѣстѣ и всего, въ чемъ выражается жизнь славянъ—прошедшая и современная, т. е. быта и образованности славянъ, только преимущественно съ помощью языка». Въ другомъ, болѣе позднемъ вступительномъ чтеніи въ курсъ (1860-хъ гг.) читаемъ: «. . . . Славянская филологія должна изслѣдовать славянскій языкъ, а вмѣстѣ съ нимъ и народную словесность и письменность славянъ, какъ выраженіе жизнедѣятельности славянъ, какъ источникъ для изученія судебъ славянъ и какъ пособіе для разумѣнія историческихъ фактовъ. Имѣя же въ виду, что славяне въ продолженіе своей исторической жизни принадлежали къ двумъ различнымъ степенямъ образованности—древней языческой и новой христіанской, славянская филологія должна обратить вниманіе на ту и другую въ отношеніи къ славянамъ отдѣльно, т. е. на славянскія языческія древности и на судьбы языка, словесности и письменности и вообще образованности славянъ въ христіанскіе вѣка».

Путь къ достиженію знанія славянской филологіи долженъ быть таковъ: во-первыхъ, разсмотрѣніе главныхъ чертъ слав. племени; во-вторыхъ, изученіе древностей славянъ; въ-третьихъ, изученіе судебъ ихъ образованности, языка и литературы, наконецъ въ четвертыхъ—древностей русскаго языка (изъ вступитель-

наго чтенія 1850-хъ гг.). Эти четыре подраздѣленія науки славянской филологіи легли въ основу четырехъ главныхъ курсовъ С.: «Введеніе въ славянскую филологію» (иначе «Общее филологическое обозрѣніе славянъ»), «Славянскія древности», «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» и «Древности русскаго языка и словесности». Первоначально (по программѣ 1849 г.) послѣдній курсъ носилъ названіе «Чтеніе древнихъ памятниковъ русскихъ»; вскорѣ къ нему было присоединено общее обозрѣніе русскаго языка, затѣмъ онъ былъ совершенно переработанъ. Къ этимъ четыремъ основнымъ курсамъ было присоединено два добавочныхъ: 1) «Грамматика нарѣчія старославянскаго церковнаго сравнительно съ другими нарѣчіями, преимущественно съ русскимъ, польскимъ, чешскимъ и сербскимъ» и 2) «Чтеніе замѣчательныхъ памятниковъ западно-славянскихъ нарѣчій, особенно сербскаго, польскаго и чешскаго».

«Общее филологическое обозрѣніе славянъ» заключало въ себѣ: 1) вступительную часть—о славянскомъ племени и народахъ, его составляющихъ,—въ которой кромѣ общаго этнографическаго обзора славянскаго племени (съ разсмотрѣніемъ вопроса о границахъ его въ древности и теперь), историческаго обзора славянъ въ отношеніи къ общественному быту, къ религіи и образованности (съ современными статистическими данными), было представлено «общее обозрѣніе содержанія и успѣховъ славянской филологіи, какъ науки вообще и въ примѣненіи къ нашимъ учебнымъ нуждамъ»; 2) разсмотрѣніе основныхъ чертъ славянскаго языка, заключавшее въ себѣ обзоръ его видоизмѣненій сравнительно съ другими индо-европейскими языками, фонетику его, обозрѣніе корней, формъ образованія словъ, формъ словоизмѣненія, синтаксиса; 3) характеристику славянскихъ нарѣчій (перечень «съ разборомъ мнѣній относительно отдѣленія однихъ нарѣчій отъ другихъ и систематическаго ихъ распредѣленія») и разсмотрѣніе каждаго отдѣльно по тремъ группамъ: юго-западныя,—старославянское, болгарское, сербское и хорватское, хорутанское,—сѣверо-западн.—чешское и словацкое, лужицко-сербское, балтійскія, польское,—восточныя—великорусское съ бѣлорусскимъ, малорусское. Впослѣдствіи этотъ курсъ нѣсколько видоизмѣнился и расширился: въ связи съ желаніемъ знакомить вновь поступающихъ въ университетъ студентовъ съ общими филологическими свѣдѣніями С. сталъ излагать имъ обозрѣніе состава, содержанія, главныхъ выводовъ и успѣховъ филологіи вообще; курсъ получилъ названіе—«Энциклопедическое введеніе въ славянскую филологію»; первую часть его занимало «общее обозрѣніе филологіи въ ея современномъ состояніи въ связи съ науками вспомогательными», вторая—«общее филологическое обозрѣніе славянскаго племени»—соотвѣтствовала старому курсу, но въ значительно измѣненномъ видѣ. Курсъ этотъ былъ напечатанъ въ 1870-хъ гг. по конспективнымъ записямъ слушателей.

Курсъ «славянскихъ древностей въ филологическомъ отношеніи» (такъ названъ курсъ въ программѣ 1849 г.) заключалъ въ себѣ кромѣ введенія (предметъ, источники и литература) географическое обозрѣніе древнихъ славянъ по сообщеніямъ византійскимъ, арабскимъ, западно-европейскимъ и русскимъ и этнографическое обозрѣніе быта и образованности отдѣльныхъ группъ славянскихъ племенъ—юго-западныхъ славянъ, чеховъ и словаковъ, балтійскихъ, польскихъ и русскихъ (до X в.); въ каждой группѣ отдѣльно разбирались вопросы—образъ жизни, край и народъ, переселенія, осѣдлости, пути сообщенія, промыслы и торговля, земледѣліе и ремесла, войско и вооруженіе; затѣмъ устройство семейное и общественное, законы и судъ, сословія, княжескіе роды, рабы; затѣмъ религія—языческія вѣрованія и обряды, введеніе христіанства, славянское богослуженіе и латинскіе обряды. Курсъ «славянскихъ древностей» сохранился въ литографированныхъ запискахъ слушателей, повидимому, въ сокращенномъ изложеніи.

Третій курсъ С.—«Исторія и литература славянскихъ нарѣчій»—по программѣ 1849 г. распадался на восемь отдѣленій: изъ нихъ въ 1-мъ, вводномъ, сообщались общія понятія «объ исторіи языка и исторіи словесности, какъ о части исторіи образованности и какъ объ особенномъ цѣломъ», давалось общее историко-филологическое обозрѣніе славянскаго племени, затѣмъ общее обозрѣніе исторіи славянскаго языка и литературы, обзоръ успѣховъ образованности славянъ, очеркъ исторіи славянскаго языка (три части: главныя

черты славянскаго языка, ходъ его постепеннаго измѣненія по пути превращеній и мѣстныхъ видоизмѣненій въ народѣ и письменности, вліяніе иноплеменныхъ языковъ на его измѣненія въ отношеніи къ строю и составу въ народѣ и письменности), далѣе—характеристика народной словесности и характеристика книжной литературы. Въ слѣдующихъ семи отдѣленіяхъ курса разбиралась исторія и литература славянскихъ нарѣчій каждаго самостоятельно: старославянскаго, болгарскаго, сербскаго и хорватскаго, хорутанскаго, чешскаго и словацкаго, сербо-лужицкихъ и балтійскихъ и польскаго; каждый изъ этихъ отдѣловъ заключалъ въ себѣ (съ различными видоизмѣненіями) историческій очеркъ образованности народа, употреблявшаго то или другое нарѣчіе, исторію нарѣчія, обзоръ народной словесности и письменной литературы до новаго времени. Впослѣдствіи курсъ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій былъ раздѣленъ между С. и В. И. Ламанскимъ: С. сталъ читать исторію языка, В. И. Ламанскій исторію литературы. Курсъ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій въ бумагахъ С. сохранился въ довольно полномъ видѣ, частью въ подлинной рукописи, частью въ копіяхъ; курсъ исторіи слав. языка и его нарѣчій былъ литографированъ слушателями въ 1870 гг. и сохранился съ переправками послѣдняго времени.

Четвертый курсъ С., какъ сказано выше, первоначально былъ посвященъ чтенію древнихъ памятниковъ русской письменности. При объясненіи ихъ, говорится въ программѣ 1849 г., «примѣняются, насколько нужно, западныя славянскія нарѣчія и отмѣчаются главные факты исторіи древняго русскаго языка»; вскорѣ къ этому присоединилось общее обозрѣніе исторіи русскаго языка. Курсъ былъ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ; начинался вступленіемъ (впослѣдствіи переработаннымъ въ статью «Древнія русскія книги»), затѣмъ шло обозрѣніе древнѣйшей лѣтописи, договоровъ съ греками, лѣтописныхъ сказаній болѣе поздняго времени, сочиненій Луки Жидяты, Иларіона, Іакова мниха, церковныхъ уставовъ и прочихъ памятниковъ до средины XI вѣка. Уже въ 1850-хъ гг. (сохранились программы 1856—1858 гг.) курсъ этотъ превратился въ курсъ «русскихъ древностей (или «древностей русскаго языка»), принявъ совершенно иную редакцію. Вступительная часть его заключала въ себѣ послѣ общаго обзора содержанія предмета и литературы его—палеографическое обозрѣніе памятниковъ древней русской письменности съ XI по XIV в. съ разсмотрѣніемъ ихъ списковъ, и обозрѣніе формъ древняго русскаго языка (здѣсь обращалось вниманіе на факты переходнаго состоянія языка по памятникамъ XIV в. и разбирался лексическій составъ русскаго языка). Вторая часть курса заключалась въ разсмотрѣніи памятниковъ по содержанію, съ раздѣленіемъ на два разряда—1) духовная письменность и 2) историческая письменность; первый разрядъ подраздѣлялся на книги богослужебныя, книги св. писанія и догматовъ вѣры, объяснительно-богословскія и поучительныя сочиненія—переводныя и русскія, съ именами и безыменныя (большое вниманіе было удѣлено поученіямъ противъ бѣсовскихъ игръ и пѣсенъ и противъ кумирослуженія); второй разрядъ раздѣлялся на двѣ части: 1) переводныя сочиненія—палея, хронографъ, житія святыхъ, апокрифы, повѣсти; и 2) русскія— лѣтописи (съ пересмотромъ главнѣйшихъ данныхъ русской общественной жизни, находимыхъ въ лѣтописяхъ, съ разсмотрѣніемъ главнѣйшихъ видовъ вставныхъ статей въ лѣтописяхъ, собственнаго состава лѣтописи, языка лѣтописей) и отдѣльныя сказанія и повѣсти (сюда входило разсмотрѣніе житій, историческихъ повѣстей, записокъ современниковъ о себѣ, путевыхъ записокъ, поэтическихъ словъ въ сравненіи съ соотвѣтствующими произведеніями скандинавской народной поэзіи). Первоначальная редакція курса русскихъ древностей сохранилась въ почти обработанномъ къ печати видѣ; вторая редакція постепенно перерабатывалась и только нѣкоторыя части ея были болѣе или менѣе закончены, именно въ трудѣ С., писанномъ въ послѣдніе мѣсяцы его жизни и оставшемся не завершеннымъ. Курсъ русскихъ древностей въ концѣ 1860-хъ гг. дополнился необязательнымъ курсомъ славянской палеографіи; одна изъ обработокъ этого курса была напечатана послѣ смерти С. подъ заглавіемъ «Славяно-русская палеографія». Но кромѣ этого курса, какъ видно изъ конспектовъ, были и другіе, по всей вѣроятности, никогда не излагавшіеся письменно, а передававшіеся слушателямъ устно. Таковъ курсъ, въ конспектѣ названный «Палеогра-

фическое обозрѣніе памятниковъ древней письменности русской до-татарскаго періода». Курсъ дѣлится на три части: 1) внѣшность рукописей, 2) подлинники и списки и 3) рукописи, какъ памятники образованности древней Руси. Особенный интересъ долженъ былъ представлять первый отдѣлъ; помня, какой знатокъ палеографіи былъ С. въ послѣдніе годы жизни, нельзя не посѣтовать на то, что курсъ не уцѣлѣлъ.

Кромѣ университета С. состоялъ профессоромъ главнаго педагогическаго института по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій съ самаго учрежденія этой каѳедры въ институтѣ въ 1848 г. до закрытія института въ 1859 г. Вслѣдствіе особенныхъ цѣлей, преслѣдовавшихся институтомъ, спеціально предназначеннымъ для подготовленія молодыхъ людей къ учительскимъ должностямъ, С. пришлось нѣсколько измѣнить свою университетскую программу и характеръ преподаванія, опустивъ изложеніе древностей быта и увеличивъ количество практическихъ упражненій. Позже, въ 1855 году, программа эта была принята въ руководство министерствомъ народнаго просвѣщенія и напечатана. По ней курсъ славянской филологіи распадался на два главныхъ отдѣла: 1-й, общій для всѣхъ студентовъ, подготовительный (для 1-го и 2-го курсовъ), 2-й чисто-филологическій— для студентовъ-филологовъ (3-й и 4-й курсы). Въ первый отдѣлъ входило общее филологическое обозрѣніе славянъ (1, о славянскомъ племени и народахъ, его составляющихъ; 2, основныя черты славянскаго языка; 3, филолого-литературное обозрѣніе славянскихъ нарѣчій) и практическій курсъ нарѣчій старославянскаго, сербскаго, польскаго и чешскаго. Во второй отдѣлъ входилъ курсъ древностей славянскаго языка (1, историческія припоминанія о судьбахъ славянъ въ IX—XIV вв.; 2, обозрѣніе памятниковъ языка; 3, судьбы народнаго языка и народной словесности; 4, судьбы книжнаго языка и литературы) и курсъ новой исторіи славянской литературы (введеніе, литература сербская, чешская и польская).

Записки лекцій С. сохранились далеко не всѣ въ исправномъ видѣ; старыя записки обыкновенно шли въ дѣло при новыхъ обработкахъ курсовъ, дополнялись, отбрасывались совершенно, постепенно измѣняясь въ зависимости отъ измѣненія взглядовъ и интересовъ автора; поэтому возстановить полные курсы лекцій не легко; какъ бы то ни было, но для исторіи науки славяновѣдѣнія возстановленіе это очень важно, и нужно надѣяться, что когда-нибудь оно и будетъ сдѣлано, хотя бы въ видѣ подробныхъ конспектовъ.

«Въ преподаваніи своей науки», читаемъ въ воспоминаніяхъ одного изъ учениковъ С., Л. Н. Майкова, «онъ увлекалъ живостью, ясностью и простотой изложенія, наглядными подробностями и неподдѣльнымъ воодушевленіемъ, которое отъ профессора легко сообщалось и студентамъ; и этотъ интересъ, эта сила впечатлѣнія еще возрастали въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ: онъ умѣлъ пріохотить къ занятіямъ и старался возбуждать въ своихъ слушателяхъ самодѣятельность; его критическая пытливость въ особенности оказывала развивающее вліяніе на тѣхъ, кто пользовался его руководствомъ, и если онъ бывалъ требователенъ въ разсмотрѣніи представляемыхъ ему работъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ и слово поощренія и ободренія для тѣхъ въ комъ видѣлъ способности и охоту къ научному труду». По словамъ другого ученика С., П. И. Аландскаго, «изложеніе его отличалось ясностью, точностью, опредѣленностью, безъ малѣйшаго намека на прикрасы»; «онъ не старался поражать слушателей громадностью фактическихъ данныхъ», и представлялъ имъ «не многія, но точныя данныя науки»; будучи на лекціяхъ гораздо откровеннѣе, чѣмъ въ ученыхъ печатныхъ трудахъ, говоритъ г. Краснопѣвцевъ, онъ нерѣдко сообщалъ слушателямъ и такія научныя мнѣнія, какихъ не высказывалъ въ печати, всегда при этомъ «открещиваясь отъ навязыванія, отъ пропаганды своихъ взглядовъ, всегда сообщая мнѣнія противоположныя» и предоставляя ихъ на выборъ слушателямъ. Въ одной изъ многочисленныхъ статей о С., появившихся въ печати послѣ его смерти, вспоминаются «его умныя, полныя творчества бесѣды, въ которыхъ раскрывалъ онъ свои научные взгляды и выводы, особенно въ тѣхъ областяхъ знанія, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ»; »оттого многіе», говорится тамъ же, «и готовы были признать себя его учениками, хотя и не были слушателями его лекцій».

Профессорская дѣятельность въ С.-Петербургскомъ университетѣ продолжалась въ теченіе 32 лѣтъ, съ 1847 по конецъ

1879 (1847 по 1855 гг. онъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, съ 1855 — ординарнымъ и затѣмъ — заслуженнымъ). Университетская жизнь слилась съ жизнью самого С., сдѣлалась ея неразрывной частью. Помимо научно-учебной дѣятельности, въ университетѣ у С. была и иная дѣятельность: до самой смерти онъ состоялъ деканомъ факультета, так. обр. непремѣннымъ членомъ правленія университета; въ 1861 г., въ одну изъ тяжелыхъ минутъ жизни университета, исправлялъ должность ректора; въ 1862—1863 г. состоялъ членомъ комиссіи по управленію дѣлами университета. Эта сторона дѣятельности, далекая отъ науки, связанная съ обязанностью имѣть дѣло съ ненавистнымъ С. чиновничествомъ, «приказными» (какъ онъ называлъ), «канцелярщиной», много отняла у него силъ и здоровья и значительно способствовала развитію жестокихъ нервныхъ страданій.

Въ засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ 18 дек. 1848 г. С. былъ избранъ адъюнктомъ этого отдѣленія. Русское отдѣленіе Академіи не блистало въ то время научными силами; въ немъ былъ собственно только одинъ представитель истинной учености, А. Х. Востоковъ, въ лицѣ котораго С. нашелъ себѣ неоцѣнимаго учителя и совѣтника; другіе члены, за исключеніемъ, можетъ быть, П. Г. Буткова и В. А. Полѣнова, къ наукѣ имѣли мало отношенія: это были И. И. Давыдовъ, М. А. Коркуновъ, П. А. Плетневъ, Я. И. Бередниковъ и І. С. Кочетовъ. Труды отдѣленія при вступленіи С. были посвящены составленію грамматики русскаго языка, разбору матеріаловъ для словаря областныхъ словъ и пополненію изданнаго въ 1847 г. «Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка». С. понемногу началъ вносить оживленіе въ унылую дѣятельность отдѣленія и вскорѣ на многіе годы, до самой своей смерти, сдѣлался его центромъ, главной его научной силой. Первая идея, которую онъ началъ проводить въ среду своихъ сочленовъ—это была мысль о необходимости отдѣленію приступить къ изданію періодическаго журнала, посвященнаго исключительно «наукѣ русскаго языка и знаніямъ для него вспомогательнымъ», «которое бы для всякаго образованнаго русскаго облегчало возможность слѣдить за успѣхами русской и вообще славянской филологіи» и содѣйствовало такой дѣятельности. Многихъ усилій стоило С. осуществленіе этой мысли, но все-таки, въ концѣ концовъ, онъ достигъ исполненія ея и въ 1852 г. отдѣленіе приступило къ изданію «Извѣстій»; душою ихъ, единственнымъ и безсмѣннымъ редакторомъ во все время ихъ существованія былъ С. «Извѣстія» выходили съ 1852 по 1863 г.; ихъ вышло 10 томовъ; особымъ приложеніемъ къ нимъ были «Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря» (7 том.) и «Памятники и образцы народнаго языка и словесности» (4 тетр.). Въ непосредственной связи съ этимъ изданіемъ находятся начатыя отдѣленіемъ рус. яз. въ 1854 г., также подъ ред. С., «Ученыя Записки» (прекратились въ 1863 г.). «Извѣстія» съ своими приложеніями составили замѣчательное явленіе во всей славянской наукѣ; они явились средоточіемъ дѣятельности русскихъ филологовъ, палеографовъ и историковъ литературы и дали массу цѣнныхъ статей по славяновѣдѣнію, языкознанію, литературѣ, палеографіи, обширный подборъ матеріала по народной словесности, рядъ словарей (между прочимъ замѣчательный трудъ Востокова «Словарь церк.-славянск. языка»), а въ отдѣлѣ «Библіографическія записки»—живую лѣтопись всѣхъ событій литературной и научной жизни русскаго, западнаго и южнаго славянства за обнимаемый ими періодъ времени. Годы редактированія «Извѣстій» были порой наиболѣе кипучей дѣятельности С. въ Академіи; это было время полнаго расцвѣта его силъ. Пересматривая томы «Извѣстій», приходится только удивляться работоспособности и энергіи ихъ редактора; въ обоихъ изданіяхъ отдѣленія было помѣщено до 80 изслѣдованій С. и безъ малаго 600 библіографическихъ замѣтокъ, иногда принимавшихъ размѣры крупныхъ статей. Изданія, подобнаго «Извѣстіямъ» С., не было во всемъ славянскомъ мірѣ до появленія «Архива» Ягича.

Университетъ и Академія во весь петербургскій періодъ являются двумя главными центрами жизненныхъ и научныхъ интересовъ С. Первый, близкій къ дѣйствительной жизни, нерѣдко отвлекалъ его отъ науки къ практической дѣятельности, вторая постепенно глубже и глубже погружала его въ чистую науку, съ теченіемъ времени все болѣе отвлеченную.

Въ основѣ всей научной дѣятельности этого періода лежали труды филологическіе; имъ, можно сказать, посвящена эта часть жизни С., и все, надъ чѣмъ онъ работалъ, къ нимъ велось, ихъ имѣло цѣлью. Первыя работы С. по филологіи относятся еще ко времени его путешествія по западнымъ славянскимъ землямъ и частью къ болѣе раннимъ годамъ, изъ числа ихъ слѣдуетъ припомнить «О славянскихъ нарѣчіяхъ» — характеристика хорутанскаго нарѣчія (1841 г.), «Изслѣдованіе о границахъ славянскихъ нарѣчій» (1843 г.), «Обозрѣніе сродства звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ» (1845 г.). Съ переѣздомъ въ Петербургъ, открывшимъ С. доступъ къ памятникамъ русскаго письма, филологическія разысканія его по преимуществу направились къ историческому изученію русскаго языка. Первымъ результатомъ этихъ работъ былъ замѣчательный трудъ его «Мысли объ исторіи русскаго языка» (изданы были 4 раза: два въ 1849, въ 1850 и 1887 гг.),—первоначально актовая университетская рѣчь, впослѣдствіи дополненная обширными примѣчаніями и отчасти переработанная. Начавъ собою, какъ говоритъ А. А. Котляревскій, «настоящее строго методологическое изученіе исторіи русскаго языка», эта работа можетъ быть названа однимъ изъ главнѣйшихъ этаповъ науки русскаго языка. Въ ней впервые высказывается убѣжденіе о необходимости историческаго изученія языка въ связи съ исторіей народа, впервые поднимается вопросъ о древности нарѣчій русскаго языка и времени ихъ образованія, разбираются особенности древняго русскаго языка въ его постепенныхъ измѣненіяхъ, даются указанія для работъ по подготовленію матеріала для составленія исторіи русскаго языка при посредствѣ подробнаго пересмотра древнихъ памятниковъ, изученія народныхъ нарѣчій и современнаго языка литературы и образованнаго общества. «Ни прежде, ни послѣ этого труда Срезневскаго,—говоритъ Н. В. Волковъ въ статьѣ «Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка»,—ни разу не ставилась такъ полно задача русской филологіи и не намѣчались пути ея развитія». Указавъ въ «Мысляхъ» программу дальнѣйшей работы для созиданія исторіи русскаго языка, С. самъ приступилъ къ постепенному ея выполненію путемъ изученія отдѣльныхъ памятниковъ языка, какъ старо-славянскаго, такъ и древне-русскаго, путемъ подготовительныхъ словарныхъ работъ для общаго историческаго русскаго словаря и собиранія матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка, путемъ изслѣдованій по географіи языка и собиранія памятниковъ народной словесности. Онъ осторожно велъ свои изслѣдованія, не увлекаясь поспѣшными выводами, остерегаясь давать не вполнѣ обоснованныя гипотезы, и свои мнѣнія рѣдко высказывалъ съ рѣшительностью. Но общая идея работъ была ясна для него. Люди, не понимавшіе, что за частными и мелкими на первый взглядъ вопросами, надъ разрѣшеніемъ которыхъ онъ трудился и которыми подчасъ занималъ своихъ сочленовъ по академіи, скрывается глубокій смыслъ, не уяснявшіе себѣ, что такіе вопросы являются только матеріаломъ для болѣе точнаго и правильнаго рѣшенія вопросовъ общаго значенія,—люди эти смѣялись надъ С., скучали въ засѣданіяхъ отъ его «юсовъ», но «мертвый буквоѣдъ» былъ неизмѣримо ихъ выше; это былъ мыслитель съ великими горизонтами и съ ясною вѣрою въ науку, служенію которой посвятилъ свою жизнь.

Непрерывной полосой почти черезъ всю жизнь С. идутъ его работы по собиранію лексическихъ матеріаловъ славянскихъ языковъ. Къ работамъ этимъ онъ приступилъ еще до заграничнаго путешествія, начавъ собирать матеріалы для малорусскаго словаря, который и былъ впослѣдствіи составленъ вчернѣ подъ заглавіемъ «Словарь южно-русскаго нарѣчія». Какъ одинъ изъ результатовъ путешествія въ западно-славянскія земли, былъ словарь нарѣчія горныхъ словаковъ, оставшійся въ рукописи, и нѣсколько мелкихъ словариковъ западно-славянскихъ нарѣчій. По переѣздѣ въ Петербургъ и вступленіи въ Академію С. принялъ дѣятельное участіе въ работахъ надъ областнымъ русскимъ словаремъ (редакція котораго была взята на себя А. Х. Востоковымъ); по порученію отдѣленія онъ составилъ его программу и внесъ въ него свое обширное собраніе матеріаловъ по областному языку. Длинный рядъ статей былъ посвященъ имъ вопросу лексикографіи; таковы: обширный разборъ Академич. словаря 1847 г. (1848), разборъ словарей Рейфа (1851), замѣтка о Словарѣ

литовскаго языка Нессельмана (1852), «Замѣчанія касательно новаго изданія русскаго словаря» (1853), «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей» (1854), записка о словарѣ малорусскаго нарѣчія, сост. А. Аѳанасьевымъ (1854), разборъ церк.-славянскаго словаря Востокова (1857), «Замѣтки по поводу чтенія мнѣній Я. Гримма о словарѣ» (1859), «О французскихъ словаряхъ по поводу словаря Поатвеня» (1860), «Замѣчанія о словарѣ славянскихъ нарѣчій и о трудахъ А. Шлейхера» (1866), записка о составленіи словаря русскаго языка (1866).

Работы надъ тѣмъ монументальнымъ трудомъ, который увидѣть въ печати самому ему не пришлось и который теперь еще продолжаетъ выходить выпусками подъ заглавіемъ «Матеріалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ», начаты С. издавна—съ конца 1840-хъ гг. Сначала составитель не предполагалъ ограничить его матеріаломъ письменныхъ памятниковъ древней литературы, думая внести въ него и новый языкъ; но планъ этотъ, постепенно перерабатываясь, къ концу 1860-хъ гг. вылился въ словарь древне-русскаго языка по памятникамъ до XIV в.; тогда же была сдѣлана первая проба его изданія, остановившаяся на первомъ же листѣ; причиной остановки этой былъ, конечно, сильный приливъ памятниковъ: это была пора открытій въ исторіи изученія русской письменности. Увеличивая число памятниковъ даннаго періода (до XIV в.), вносимыхъ въ матеріалъ для словаря, С. послѣ 1860-хъ гг. понемногу сталъ расширять и самый періодъ времени, изъ памятниковъ котораго онъ черпалъ матеріалы, захвативъ въ своихъ работахъ, кромѣ XI—XIV вв., XV и частью XVI вѣка. Наиболѣе трудный вопросъ при составленіи словаря заключался въ систематизаціи, т. е. въ выдѣленіи изъ всего запаса собраннаго лексическаго матеріала, включавшаго помимо древняго русскаго языка и церковно-славянскій, именно того, что представляло собою языкъ русскаго народа XI—XV вв.; этотъ вопросъ составителю словаря пришлось рѣшить, принявъ въ основу принадлежность или непринадлежность даннаго памятника къ русской письменности; отдѣленіе языка церковно-славянскаго отъ древняго русскаго онъ находилъ настолько невозможнымъ, насколько невозможно теперешній русскій языкъ отдѣлить отъ простонароднаго; и словарь свой, нужно думать, понималъ не только какъ сборникъ словъ и реченій живого народнаго языка древней Руси, но и какъ совокупность всѣхъ словъ, находящихся въ памятникахъ русскаго письма,—т. е., такимъ образомъ, и церковно-славянскихъ,—усвоенныхъ, понимаемыхъ и распространенныхъ въ образованномъ классѣ древней Руси, среди русскихъ книжныхъ людей X—XV вв. Словарь послѣ смерти С. остался въ рукописи, вѣрнѣе—въ массѣ карточекъ и рядѣ частныхъ словарей къ отдѣльнымъ памятникамъ. Значеніе словаря еще при жизни С. было оцѣнено и отдѣльными учеными, пользовавшимися его матеріалами, и сочленами С. по отдѣленію русскаго языка, хорошо знакомыми по неоднократнымъ его сообщеніямъ съ ходомъ и направленіемъ его словарной работы и принимавшими участіе въ обсужденіи ея плана; это счастливое обстоятельство сдѣлало то, что словарь не остался подъ спудомъ: Академія дала средства на его печатаніе, которое и продолжается донынѣ, начавшись въ 1890 году. Собранный С. лексическій матеріалъ громаденъ: въ настоящее время, когда приближается къ концу печатаніе буквы *У*,—словарь достигъ размѣра 285 печатныхъ листовъ или 4.550 столбцовъ; по приблизительному подсчету количество всѣхъ выписокъ достигаетъ 120.000.

Труды С. по географіи русскаго языка и по разработкѣ вопросовъ лингвистики въ связи съ этнографіей сосредоточились въ географическомъ обществѣ, въ которое онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ по этнографическому отдѣленію вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ февралѣ 1847 г. Наибольшую напряженность работы С. по отдѣленію этнографіи имѣли въ 1850-хъ гг., когда онъ состоялъ сначала (1850—1856) помощникомъ предсѣдательствующаго въ отдѣленіи Н. И. Надеждина, а затѣмъ предсѣдательствующимъ (1857—1859). Съ самаго вступленія въ общество С. приступилъ къ разработкѣ обширнаго собранія рукописныхъ матеріаловъ, поступавшихъ въ общество въ отвѣтъ на разсылаемую этнографическую программу; въ 1852 г. С. предложилъ начать изданіе разработанныхъ имъ матеріаловъ географи-

ческаго общества съ приложеніемъ своего собственнаго собранія такихъ же матеріаловъ, и въ 1853 г. приступилъ къ печатанію сборника матеріаловъ для географіи русскаго языка подъ заглавіемъ «Памятники народнаго русскаго языка и словесности»; въ 1856 г. внесъ предложеніе о необходимости изданія матеріаловъ для этнографическаго словаря русскаго языка, принявъ на себя его редакцію; оба эти предположенія С. не были, однако, приведены въ исполненіе. Въ изданіяхъ Общества С. помѣстилъ рядъ цѣнныхъ статей по географіи русскаго языка; это были: «Этнографическая карта Европы и пояснительная статья къ ней» (1849), «Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка» (1851), «Русь Угорская, отрывокъ изъ опыта географіи русскаго языка» (1852); къ этому ряду статей надо отнести еще напечатанную въ Академическихъ Извѣстіяхъ историко-географическую статью «Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв.» (1860).

Къ общимъ работамъ по русскому языку слѣдуетъ отнести тѣ, которыя были посвящены вопросамъ преподаванія языка. Онѣ явились, какъ С. самъ пишетъ, результатомъ его служебной дѣятельности: въ 1848 г. онъ былъ назначенъ для наблюденія за преподаваніемъ и испытаніями по русскому языку и словесности въ петербургскихъ гимназіяхъ, потомъ съ 1851 по 1857 г. состоялъ инспекторомъ частныхъ пансіоновъ и школъ въ Петербургѣ, съ 1856 по 1859 г. былъ членомъ ученаго комитета главнаго управленія училищъ по русской словесности. Въ ряду педагогическихъ трудовъ С. первое мѣсто занимаютъ его бесѣды «Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ»— извлеченіе изъ читанныхъ имъ въ 1860 г. публичныхъ лекцій въ пользу недостаточныхъ студентовъ; бесѣды эти донынѣ не потеряли значенія, въ свое же время возбудили оживленный обмѣнъ мнѣній (напечатаны въ «Извѣстіяхъ Ак. Наукъ» въ 1860 и 1861 гг. и отдѣльно, вновь переизданы съ нѣкоторыми дополненіями въ 1899 г.). Къ той же области относятся еще двѣ статьи С.: одна, напечатанная въ 1859 г.—«Замѣчанія о первоначальномъ курсѣ русскаго языка», другая—въ 1871 г.—«Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ средне-учебныхъ заведеніяхъ». Не мало кромѣ того замѣтокъ, принимавшихъ иногда размѣръ обширныхъ статей, отвѣтовъ на запросы попечителей округа и министровъ разсѣяно въ его бумагахъ и до сихъ поръ еще не издано.

Главную массу филологическихъ трудовъ С. представляютъ изслѣдованія памятниковъ. На первомъ мѣстѣ среди нихъ должно поставить его классическій трудъ «Древніе памятники русскаго письма и языка X—XIV вв.»—единственный до сихъ поръ повременный списокъ русскихъ памятниковъ, сжатый по формѣ, чрезвычайно богатый содержаніемъ, плодъ обширнаго труда, разнообразныхъ знаній и соображеній мелочныхъ и утомительныхъ работъ. Кромѣ перечня памятниковъ въ немъ была дана масса выписокъ изъ памятниковъ, по большей части до того времени въ печати совершенно неизвѣстныхъ. Впервые напечатанный въ «Извѣстіяхъ Ак. Наукъ» и занявшій одинъ почти весь 10-й ихъ томъ, этотъ трудъ потомъ былъ переработанъ составителемъ и изданъ, но уже безъ приложеній, послѣ его смерти. Не меньшаго вниманія заслуживаетъ его обзоръ кирилловскихъ памятниковъ юсоваго письма «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка» (1868 г.). Кромѣ обширнаго изслѣдованія о тридцати трехъ памятникахъ XI—XIV вв., изъ которыхъ только четыре были извѣстны ранѣе, въ книгѣ этой находится точное для того времени воспроизведеніе и самихъ рукописей, частью полностью, частью въ выпискахъ. Общій обзоръ юго-западныхъ памятниковъ за IX—XII вв. С. далъ въ книгѣ «Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ» (1864). Изслѣдованія о памятникахъ глаголическихъ, къ которымъ С. неоднократно возвращался въ своихъ занятіяхъ, находятся въ связи съ разрѣшеніемъ общаго вопроса о времени происхожденія глаголицы и отношенія глаголическаго письма къ кирилловскому; они были собраны въ трудѣ «Древніе глаголическіе памятники» (1866); въ немъ были напечатаны въ сопровожденіи палеографическихъ и филологическихъ изслѣдованій тексты всѣхъ тогда извѣстныхъ глаголическихъ памятниковъ—малые пол-

ностью, большіе въ извлеченіяхъ,—а также тѣ части кирилловскихъ памятниковъ, въ которыхъ есть «что нибудь глаголическое». Опредѣленнаго рѣшенія о времени происхожденія глаголицы С. не далъ; склоняясь ранѣе (въ изслѣдованіи «Древнія письмена славянскія» 1848 г.) къ мысли о составленіи глаголицы по образцу кириллицы въ Болгаріи въ IX—X в., потомъ онъ отказался отъ такого опредѣленнаго положенія, считая, что для признанія первенства за глаголицей или кириллицей еще слишкомъ мало матеріаловъ. Помимо этихъ общихъ описаній памятниковъ, С. было напечатано множество другихъ, разбросанныхъ отдѣльными статьями въ различныхъ изданіяхъ, преимущественно въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ»; еще болѣе подобныхъ работъ осталось неизданными, какъ неизданными остались и составленныя С. описанія различныхъ русскихъ библіотекъ. Въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни С. предпринялъ изданіе особаго сборника, выходившаго въ неопредѣленное время выпусками, «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ»; здѣсь были собраны изслѣдованія С. о памятникахъ литературныхъ, о рукописяхъ какъ кирилловскихъ, такъ и глаголическихъ, и греческихъ, и, наконецъ, о памятникахъ вещественныхъ. Этотъ богатѣйшій сборникъ, заключающій въ себѣ 91 изслѣдованіе, до сихъ поръ является необходимой книгой для всякаго работающаго въ области русской и славянской литературы, палеографіи и филологіи.

Къ предыдущимъ работамъ С. примыкаютъ труды историко-литературные: «Древнія жизнеописанія русскихъ князей X—XI вв.» (1853 г.), «Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ» (1853 г.), «Договоры съ греками» (1854 г.), «Повѣсть о Цареградѣ» (1854 г.), «Хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина» (1856 г.), «Задонщина великаго князя господина Дмитрія Ивановича» (1857 г.), «Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ нѣмцами» (1857 г.), «Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ» (1860 г.), «Грамота великаго князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву мон. 1130 г.» (1860 г.), «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ» (1862 г., переизданы съ дополненіемъ статьи «О повѣсти временныхъ лѣтъ» въ 1903 г.), «Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ», по поводу книги К. И. Невоструева (1873 г.), наконецъ напечатанное черезъ много лѣтъ послѣ смерти С. «Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги» (1897 г.). Нѣкоторыя изъ этихъ работъ составляютъ часть университетскаго курса русскихъ древностей; онѣ сохранились въ бумагахъ С. въ нѣсколько переработанномъ видѣ, какъ бы предположенныя для перепечатки при изданіи обзора памятниковъ X—XII вв. Другія, каковы «Хоженіе Аѳанасія Никитина» и «Повѣсть о Цареградѣ», имѣютъ характеръ ученыхъ коментаріевъ къ памятникамъ. «Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ» представляетъ наряду съ тщательнымъ палеографическимъ воспроизведеніемъ рукописи опытъ возстановленія первоначальнаго текста. Въ «Обозрѣніи кормчей» находимъ историко-юридическое изслѣдованіе памятниковъ съ обширными извлеченіями статей, имѣвшихъ церковно-правовое значеніе въ русской жизни.

Близкая къ области филологическаго и историко-литературнаго изученія древнихъ памятниковъ область вспомогательныхъ наукъ—палеографіи, археографіи и археологіи—интересовала С. издавна, хотя и болѣе или менѣе косвенно; въ 1860—1870-хъ гг., благодаря постояннымъ работамъ надъ рукописями, этотъ интересъ значительно увеличился, въ особенности къ палеографіи, которая къ концу жизни С. заняла одно изъ главныхъ мѣстъ въ его трудахъ. Съ 1850 г. по самую кончину С. состоялъ членомъ Русскаго археологическаго общества; въ 1855 г. онъ былъ избранъ управляющимъ отдѣленіемъ русской и славянской археологіи (до 1857 г.) и затѣмъ вторично съ 1859 по 1867 г.; при возникновеніи въ 1855 г. повременнаго изданія общества «Извѣстій» ему была поручена его редакція (отъ которой онъ впрочемъ отказался по выходѣ 1-го выпуска). Здѣсь, а также въ «Запискахъ Археологическаго Общества», были напечатаны его статьи: «Збручскій истуканъ» (1853 г.), «Монетъ Игоря» (1861 г.), «Пещера Ивана грѣшнаго и Ѳеофила» (1861 г), «Крута каличья» (1862 г.), «Родословное дерево русскихъ князей и царей» (1863 г.), «Навертень XVII в.» (1863 г.), «Написъ на Нередицкой церкви близъ Новгорода» (1863 г.), «Древній византійскій ковчежецъ» (1863 г.). Въ 1866 г., по порученію

*

археологическаго общества, С. принялъ участіе въ Антверпенскомъ археологическомъ съѣздѣ; тогда же ему было поручено ознакомиться съ дѣятельностью ученыхъ заграничныхъ обществъ по части славянской археологіи и войти съ ними въ сношенія. По порученію общества, С., отчасти совмѣстно съ Ѳ. Гр. Солнцевымъ, была предпринята работа по снятію копій съ фресокъ и мозаикъ Кіевскаго Софійскаго собора, и по обозрѣнію, описанію и копировкѣ на бумагу и гутаперчу предметовъ древности, хранившихся въ ризницахъ собора, лавры, Кирилловскаго монастыря, Спаса на Берестовѣ. Длинный рядъ статей по вопросамъ археологіи былъ напечатанъ С. въ недолго выходившемъ въ 1860-хъ гг. журналѣ В. А. Прохорова «Христіанскія Древности и Археологія»; здѣсь появилось его введеніе въ курсъ древностей русскаго языка—«Древнія русскія книги» (1864 г.), «Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ» (1864 г.), «Μηνολόγιον имп. Василія X в.» (1862 г.), «Каменный крестъ у церкви Благовѣщенія въ Новгородѣ» (1862 г.), «Антиминсъ 1149 года» (1862 г.). Далѣе слѣдуетъ упомянуть напечатанную въ 1867 г. въ «Древностяхъ Московскаго Археологическаго Общества» статью «Древнія изображенія в. к. Владиміра и в. к. Ольги». Позже дѣятельность С. по археологіи нашла себѣ примѣненіе въ археологическихъ съѣздахъ, однимъ изъ учредителей которыхъ онъ былъ и въ которыхъ принималъ дѣятельное и живое участіе. Въ «трудахъ» съѣздовъ появились его статьи: «Слово о значеніи съѣзда», «Нѣсколько припоминаній о современной русской археологіи» (дающая, между прочимъ, интересную характеристику современныхъ дѣятелей по археологіи), «Списокъ съ подлинника древняго глаголическаго миссала», «Св. Софія Цареградская по описанію русскаго паломника XII вѣка», «О древней глаголической рукописи Кіев. дух. академіи», «О русскихъ древностяхъ Казанской губерніи и Средняго Поволжья».

Палеографическія работы С. постоянно шли у него, какъ одна изъ частей изслѣдованія памятниковъ и далеко не всегда входили въ составъ описаній, большею частью оставаясь въ видѣ замѣтокъ и служа только какъ подготовительный матеріалъ для рѣшенія хронологическихъ вопросовъ. Имѣя обыкновеніе дѣлать съ каждой древней рукописи, побывавшей у него въ рукахъ, снимокъ ея письма, стараясь изучить особое начертаніе буквъ, С. въ 1870 гг. сдѣлался лучшимъ, авторитетнѣйшимъ и въ нѣкоторыхъ вопросахъ единственнымъ тогда знатокомъ русской палеографіи. Главнѣйшій результатъ его работъ по палеографіи—его систематическое собраніе снимковъ съ памятниковъ русскаго письма, заключающее въ себѣ болѣе 900 снимковъ—не увидѣло свѣта; лишь небольшая часть его была издана, какъ приложеніе къ «Древнимъ памятникамъ русскаго письма и языка», въ 1866 г. и позже вторымъ изданіемъ въ 1898 г. Кромѣ этого собранія въ бумагахъ С. сохранилось собраніе снимковъ съ юго-славянскихъ рукописей, памятниковъ глаголическихъ, прориси и фотографіи отдѣльныхъ статей рукописей, а также и цѣлыхъ памятниковъ (напр., Болонской псалтыри); далѣе, не малое количество снимковъ съ древнихъ каменныхъ и металлическихъ образковъ и крестиковъ на бумагѣ, гутаперчѣ и гипсѣ. Работы по русской палеографіи привели его къ занятіямъ палеографіей греческой, результатомъ которыхъ была обширная статья его «Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма» (1876 г.) и значительное собраніе снимковъ съ греческихъ памятниковъ (около 275 снимковъ).

Въ ряду трудовъ С. самостоятельное мѣсто занимаютъ его обзоры дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, ихъ біографіи, воспоминанія о нихъ, замѣтки о ихъ сочиненіяхъ, оцѣнка ихъ работъ. Много такихъ статей было напечатано при жизни С., нѣсколько—послѣ его смерти, но очень много осталось до сихъ поръ подъ спудомъ частью среди бумагъ С., частью въ архивахъ академіи и университета. Въ статьяхъ этихъ заключается цѣлая лѣтопись литературныхъ и научныхъ сношеній С., подчасъ живая и яркая, подчасъ глубокая и серьезная; здѣсь находимъ обзоръ дѣятельности Востокова, изданіе его переписки, снабженной чрезвычайно цѣнными примѣчаніями, воспоминанія о митр. Евгеніи, о Ганкѣ, Вукѣ Караджичѣ, Шлейхерѣ, А. И. Тургеневѣ, о Прейсѣ, Григоровичѣ и Бодянскомъ, Викторовѣ, Потебнѣ, замѣтки о Квиткѣ, И. П. Котляревскомъ, гр. Головкинѣ, Савельевѣ, Штурѣ, Колларѣ, Строевѣ, Надеждинѣ, Ундольскомъ, Гриммѣ, Сахаровѣ, очерки

дѣятельности Буткова, Никитенка, Дубровскаго, Бычкова, П. А. Лавровскаго, Гильфердинга, Буслаева, Бестужева-Рюмина, Веселовскаго, Горскаго, Грота, Пекарскаго, Невоструева, Носовича, Савваитова, Сухомлинова, Уварова, Цейновы, Владиславлева, Ламанскаго и много статей, посвященныхъ разсмотрѣнію отдѣльныхъ трудовъ и изслѣдованій въ области славяновѣдѣнія. Статьи эти важны и какъ характеристика ихъ автора, и какъ историко-біографическій матеріалъ для описанія жизни и трудовъ дѣятелей той эпохи, къ которой принадлежалъ С.

Съ этими статьями С. въ извѣстной соприкосновенности находится тотъ цѣнный кладъ, который остался въ его бумагахъ и до сихъ поръ почти не тронутъ — это его ученая переписка. Въ тѣ годы, когда печатное слово не было такъ доступно, когда, прежде чѣмъ облечься въ форму статьи, научная мысль долго еще вынашивалась въ умѣ писателя, письма дѣятелей науки особенно драгоцѣнны. С. былъ однимъ изъ центровъ, къ которому сходились ученыя силы Россіи и славянскихъ земель; благодаря его живому, общительному характеру, отсутствію замкнутости — обычной черты ученаго, — сношенія его были въ высшей степени обильны и разнообразны. Число писемъ къ нему, сохранившихся въ его архивѣ, можетъ считаться тысячами, число корреспондентовъ сотнями (свыше 900). Въ настоящее время въ архивѣ С. понемногу собралась и часть его собственныхъ писемъ, какъ въ копіяхъ, такъ и въ подлинникахъ; кромѣ того въ немъ сохранилось и небольшое собраніе черновиковъ писемъ С., преимущественно отъ первыхъ годовъ его дѣятельности. Когда переписка С. появится въ печати, богатѣйшій матеріалъ найдетъ въ ней будущій историкъ славяновѣдѣнія, филологіи, исторіи литературы и палеографіи въ Россіи и славянскихъ земляхъ.

С. состоялъ членомъ слѣдующихъ ученыхъ учрежденій: Имп. Академіи наукъ (адъюнктъ съ 1849 г., экстраорд. академикъ съ 1851 г., ординарный академикъ съ 1854 г.), Харьковскаго ун. (почетн. членъ съ 1869 г.), Казанскаго ун. (членъ-корресп. съ 1854 г., почетн. членъ съ 1869 г.), ун. св. Владиміра (почетн. чл. съ 1869 г.), Новороссійскаго (почетн. чл. съ 1879 г.), духовныхъ академій—Кіевской (почетн. членъ съ 1869 г.), Московской (почет. членъ съ 1875 г.), Казанской (почет. чл. съ 1877 г.), Петербургской (почетн. чл. съ 1879 г.), археографической комиссіи (дѣйств. чл.), обществъ—Одесскаго исторіи и древностей (дѣйств. чл. съ 1843 г.), Русск. географическаго (дѣйств. чл. съ 1847 г., почетн. членъ съ 1879 г.), Русск. археологическаго (дѣйств. чл. съ 1850 г., почет. чл. съ 1879 г.), любителей росс. словесности (дѣйств. чл. съ 1859 г.), Моск. археологическаго (дѣйств. чл. съ 1864 г., почетн. съ 1879 г.), древнерусск. искусства при Публичн. муз. (дѣйствит. чл. съ 1869 г.), Петербургскаго филологическаго (дѣйств. чл. съ 1869 г.), любителей дух. просвѣщенія (дѣйств. чл. съ 1870 г.), любителей древней. письм. (почетн. чл.), историческаго Нестора лѣтописца (почет. чл.), Югославянской академіи (поч. чл. съ 1867 г.), бельгійской Académie d'archéologie (чл.-корресп. съ 1867 г)., мадридской Real academia de la historia (чл.-корресп. съ 1868 г.), Музея королевства Чешскаго (почет. чл. съ 1868 г.), копенгагенскаго общ. Société royale des antiquaires du Nord (съ 1845 г.), загребскаго druztva za povèstn. и star. jugoslov. (поч. чл. съ 1850 г.), антверпенскаго Société française d'archéologie (съ 1867 г.), общ. Svatobor въ Прагѣ (почетн. чл. съ 1867 г.), Academický ctenarsky spolek (почетн. чл. съ 1874 г.), Královská ceska srolecnost náuk (чрезвыч. чл. съ 1878 г.).

I. Общіе обзоры жизни и дѣятельности.

Автобіографія (въ рукописи).—Формулярный списокъ.—В. И. Ламанскій «Измаилъ Ивановичъ Срезневскій (1812—1880)», М. 1890 (отт. изъ «Истор. записки о дѣятельности Имп. Моск. арх. общ. за первыя 25 лѣтъ его существованія»; впослѣдствіи перепечат. въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Имп. Спб. ун. 1869—1894», т. 2, 1898).—А. Ө. Бычковъ, «Отчетъ о дѣятельности второго отд. Ак. наукъ за 1880 г.» Спб. 1881 (обширная біографія съ спискомъ трудовъ и портретомъ). — И. Сокальскій, «И. И. Срезневскій» («Стат. листокъ, изд. харьк. губ.стат. ком.» 1883 г.).—А. Н. Пыпинъ, «Исторія русской этнографіи», Спб. 1890—91.— Его же, «Исторія русской литературы», Спб. 1898.—П. Н. Полевой, «Три типа русскихъ ученыхъ (Куникъ, Срезневскій, Григоровичъ)», «Ист. Вѣст.», 1899. № 4, с. 127—136, 138, 140.—А. Ө. Бычковъ, «Библіографическій списокъ сочиненій и изданій И. И. Срезневскаго», Спб. 1879.—В. С. Иконниковъ, «Опытъ русской историографіи», т. 1, кн. 1. Кіевъ 1891.— «Сонникъ современной русской литературы»,

«Русскій Архивъ», 1904 г., № 11, стр. 380. «Знакомые. Альбомъ М. И. Семевскаго», Спб. 1888, с. 59. — Объявленіе объ изданіи переписки акад. И. И. Срезневскаго, «Изв. отд. русск. яз. и сл. Ак. Н.» 1899.—Ѳ. И. Срезневская. Письмо къ А. Н. Пыпину по поводу его статьи «Обзоръ малорусской этнографіи,» Вѣстн. Евр.», 1885 № 12.—Л. Н. Майковъ. «И. И. Срезневскій» (некрологъ) «Ж. М. Н. Пр.» 1880 г.—В. И. Ламанскій. «Изм. Ив. Срезневскій», некрологъ, «С.-Петерб. Вѣд.» 1880, 11 февр. №42, «Новое Время» 1880, 11 февр.—Краснопѣвцевъ. Рѣчь, посвященная памяти проф. И. И. Срезневскаго «Празднованіе акта въ псковскомъ Сергіевскомъ реальномъ училищѣ» Островъ. 1891.—А. Н. Пыпинъ. «И. И. Срезневскій, некрологъ», «Вѣстн. Евр.» 1880, мартъ с. 447—456.—Н. З(адера)цкій. «Изм. Ив. Срезневскій», «Славян. ежегод.» вып. IV, Кіевъ, 1880, стр. 390—399.—П. И. Аландскій. Восп. о И. И. Срезневскомъ, ibid., 399—401.—М. И. Соколовъ, «И. И. Срезневскій», «Др. и Нов. Россія», 1880, т. XVI, мартъ, с. 464—476, съ портрет.—П. Гильтебрандтъ, «И. И. Срезневскій», ibid.—Я. К. Гротъ. Некрологъ (И. И. Срезневскаго) «Спб. Вѣд.» 1880, 11 февр., № 42. «Нива» 1880, № 9. Н. Ѳ. Сумцовъ, И. И. Срезневскій. «Харьк. Губ. Вѣд.», 1880. № 44. — В. Демидовъ. «И. И. Срезневскій», «Спб. Вѣд.» 1879 г. № 92.—Его же, «И. И. Срезневскій». «Спб. Вѣд.» 1880, 12 февр. № 43.—П. В. Быковъ. «И. И. Срезневскій», «Живоп. Обозр.» 1887, № 31.—Г. С. Деступисъ, «Памяти И. И. Срезневскаго». «Спб. Вѣд.» 1800, 12 февр. № 43.—П. Рождественскій. «Памяти И. И. Срезневскаго». «Церк. В.» 1880, № 11.—Сообщеніе о засѣданіи славянскаго общества (воспоминаніе К. Н. Бестужева-Рюмина), «Нов. Время» 1880, 16 февр.—Ф. Томичъ, «И. И. Срезневскій. Біографическій очеркъ», «Свѣтъ», (Ungvar), 1867. № 26. А. А. Котляревскій, «Поминка объ И. И. Срезневскомъ», «Сбор. отд. рус. яз. и слов.», т. L. (Сочин. А. А. Котляревскаго, т. IV 1895. с. 670—680).—А. А. Котляревскій, «Извлеченіе изъ отчета о дѣятельности общества Нестора лѣтописца за 1880 г.», ibid., т. L. (Сочин., т. IV, с. 681—682.—«Кіевское общество Нестора лѣтописца» (поминка о Срезневскомъ, Аландскаго и Котляревскаго), «Ист. Вѣстн.», 1880 г. № 4, с. 891—896.—«Важнѣйшіе факты изъ жизни и дѣятельности И. И. Срезневскго», «Рус. Филол. Вѣстн.», 1879. № 3.—Iáromir Hruby, «Solověv, Sresněvsky, Glinka». Nekrolog «Osvĕta» 1880. Praga, 355—360.—Извѣстіе о поминкахъ въ новорос. ун. «Нов. Вр. 1880, 23 февр.—Поминка о Срезневскомъ въ Кіевѣ, «Древ. и Нов. Россія», 1880.—Некрологи: «Рус. фил. вѣстн.» 1880, XI; Arch. f. Gl. Phil. 1880; «Голосъ», 1880 № 42; «Новости» 1880, № 39; «Новое Время», 1880, 10 февр.; «St. Petersb. Zeit.» 1880, 12 февр.; «Истор. Вѣстн.» 1880, № 3; «Правда» 1880, № 41; «Новорос. Телегр.» 1880, № 1488; «Петерб. Листокъ» 1880, № 30; «Петерб. Газета» 1880, № 31; «Казанск. Губ. Вѣд.» 1880, № 19; «Харьков. Губ. Вѣд.» 1880, № 43; «Газета Гатцука» 1880, № 7; «Москов. Вѣд.» 1880, 10 февр.; «Всемір. Иллюстр.» 1880 № 585.—«И. И. Срезневскій», «Наши дѣятели», изд. А. Баумана. Спб. 1879. с. 14—18 (съ портретомъ).—«И. И. Срезневскій» (съ портретомъ). «Нива», 1887. № 33.—«Срезневскій». Иллюстр. календарь, изд. А. Баумана. Спб. 1868, с. 206.—Предложеніе профес. Кочубинскаго объ избраніи И. И. Срезневскаго почетнымъ членомъ новороссійскаго университета, «Записки имп. новорос. унив.», 1880 г. т. XXIX, с. 96—97.—И. И. Срезневскій и празднованіе его юбилея, «Харьк. Губ. Вѣд.», 1879. № 88.—Празднованіе 50-тилѣтн. юбилея учено-литературной дѣятельн. И. И. Срезневскаго, «С. Петербур. Вѣд.», 1879, № 94. — Празднованіе 50-тилѣтн. юбилея И. И. Срезневскаго въ Варшавѣ, «Голосъ», 1879, № 100.—Извѣстія о панихидахъ: «С.Петерб. вѣд.», 1880, № 43. «Нов. Время» 1880, 12 февр.

II. Статьи о харьковскомъ періодѣ.

В. И. Срезневскій, «Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. С-го. 1831—1839», «Ж. М. Нар. Просв.» 1898, янв.—О. Огоновскій, «Исторія литературы Русской», часть IV. Львовъ, 1894.—Н. Ѳ. Сумцовъ. «О сочиненіяхъ И. И. С-го, относящ. къ южной Россіи и къ Харьк. губ. въ частности», «Харьк. Губ. Вѣд.», 1880, № 83—84.—Де-Пуле. «Къ вопросу объ украинофильствѣ», «Рус. Вѣст.», 1882, т. 157, с. 853, 862.—Д. И. Багалѣй, «Опытъ исторіи Харьк. университета», т. II. Харьковъ, 1904.—Д. И. Багалѣй, Н. Ѳ. Сумцовъ и В. Бузескулъ, «Крат. очеркъ исторіи Харьковск. университета за первыя сто лѣтъ его существованія», Харьковъ, 1906. — «Обозрѣніе преподаванія наукъ въ Имп. Харьковскомъ университетѣ» за 1837—1839 и 1844—1846 гг.—И. Б. «Воспоминанія о Полтавской гимназіи и Харьковскомъ университетѣ за полстол. назадъ», «Харьк. Губ. Вѣд.» 1870, № № 33, 36, 38.—В. И. Срезневскій, Изъ переписки И. И. С-го, 1829—1839 гг., Кіевъ, 1901 (изъ «Кіевской Стар.»)—В. И. Срезневскій. «Украинскій альманахъ» («Кіевская Стар.» 1893). —С. Р(усова), «Харьковская журналистика начала настоящаго столѣтія», «Кіевская Старина» 1892 г., № 8.—В. И. Срезневскій. «Петербургъ въ 1831—1832 гг. (по письмамъ провинціала)»—письма И. В. Росковшенка къ И. И. Срезневскому. «Рус. Стар.», 1900, № 2, с. 477—490.—Г. П. Данилевскій. «Гр. Сав. Сковорода». «Украинск. Стар.» 1866.—Д. И. Багалѣй, «Сочиненія Г. С. Сковороды». Харьковъ 1894. Біографическіе матеріалы. — Всевол. Крестовскій. «Ходатайство г. Костомарова по дѣламъ Сковороды и г. Срезневскаго», «Русское Слово», 1861, т. 8, стр. 79—87.—В. С. «Николай Васильевичъ Гоголь въ перепискѣ съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ въ 1834—1835 гг.», «Русская Старина» 1892 г., № 3. — В. И. Шенрокъ. «Къ перепискѣ Н. В. Гоголя съ Изм. Ив. Срезневскимъ», «Рус. Стар.», 1892, № 3.—С. Пономаревъ «Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ», «Сбор. отд. рус. яз. и слов.», т. 18, № 3, 1877.—Ѳ. А. Витбергъ, «Гоголь какъ историкъ», «Историческій Вѣстникъ», 1892 г. № 8.—Вл. Антоновичъ и М. Драгомановъ. «Исто-

рическія пѣсни малорусскаго народа». Кіевъ, 1874.—Н. И. Костомаровъ, «Записки о южной Руси», изд. Кулишъ, «Отеч. Зап.», 1857, т. 112.—Н. И. Костомаровъ. «Историческая поэзія и новые ея матеріалы», «Вѣстникъ Евр.» 1874 г., № 12.—В. Антоновичъ, «Буцинскій. О Богданѣ Хмельницкомъ, Харьковъ, 1882 г.», «Кіевская Старина», 1883 г., № 2.—Н. И. Костомаровъ, «Литературное наслѣдіе» (1890). Автобіографія.—А. А Корсуновъ. «Н. И. Костомаровъ». «Русск. Арх.» 1890, № 10, 208, 218—19.—Е. Гр. Гвоздиковъ, «Николай Ивановичъ Костомаровъ», «Рус. Стар.» 1890, № 4, с. 207—209.—Д. Л. Мордовцевъ. «Н. И. Костомаровъ † 7-го апрѣля 1885 г.», «Русская Старина», 1885 г., № 6—Д. Л. Мордовцевъ. «Н. И. Костомаровъ 1875—1885 гг.», «Русская Старина», 1885 г., № 12.—А. С. Грушевскій. «М. А. Максимовичъ (1804—1873). Изъ украинской исторіографіи XIX в.», «Изв. отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н.». XI. I. Спб. 1906.—В. И. Срезневскій. «Вадимъ Васильевичъ Пассекъ и его письма къ И. И. Срезневскому» (1837—1839), «Р. Ст.» 1892, тт. 78 и 79.—Т. П. Пассекъ. «Изъ дальнихъ лѣтъ». Спб. 1889.—Г. П. Данилевскій. «Г. Ѳ. Квитка-Основьяненко», «Украинск. Стар.» 1866.—В. И. Срезневскій, «Гр. Ѳед. Квитка-Основьяненко. Рѣчь И. И. С-го надъ гробомъ Г. Ѳ. Квитки и письмо И. И. С-го Н. И. Костомарову по поводу чествованія Г. Ѳ. Квитки въ 1878 г.», «Русск. Стар.», 1893 г., № 8, стр. 388—392.—В. И. Срезневскій «Знакомство И. И. Срезневскаго съ И. П. Котляревскимъ». «Кіевск. Стар.» 1899, № 1, т. 64.—В. А. «Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины со времени ея заселенія до преобразованія въ Харьковскую губернію» И. И. Срезневскаго, «Кіевская Старина», 1883 г., № 5.—А. Титовъ. «Письма П. А. Кулѣша къ О. М. Бодянскому», «Русскій Архивъ» 1892 г., № 11.—Рецензіи: на «Украинскій альманахъ»—«Телескопъ» 1831 г., т. V, с. 104—106;—на «Запорожскую старину»—«Сѣверная Пчела» 1834. № 66; 1839 г., № 32; «Молва» 1834, ч. VII; «Телеск.» 1834, т. 19, «Библ. для чтенія» 1838, т. 30. отд. VI, 13; «От. Зап.» 1839, I, отд. VII, 40; «Лит. приб. Рус. Инв.» 1838, 775—776; «Сынъ От.» 1838, т. 5, отд. 4, стр. 71;—на «Украинскій сборникъ И. И. Срезневскаго»:—«Сынъ От.» 1839, №. 9; «Сѣв. Пч.», 1838, № 69; «Отеч. Зап.» 1839, т. II; 1841 г. т. XVII; Лит. приб. 1838, № 39; — на «Украинскія были», — Лит. приб. Рус. Инв. 1838, с. 775—776;—на «Мартынъ Пушкарь», «Сеймы», «Изборники»:—Лит. приб. Рус. инв. 1838, с. 973—974;—на «Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно»—Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду 1839 г. т. II, № 11; «С. От.» 1839, X, отд. IV, 51; „Лит. приб.“ 1839, № 11, т. II.

III. Путешествіе по славянскимъ землямъ и сношенія съ зап.-слав. учеными.

«Путевыя письма И. И. С-го изъ славянскихъ земель», Спб. 1895.—А. Липовскій. «Путевыя письма Из. Ив. Срезневскаго изъ славянскихъ земель», «Ж. Мин. Нар. Просв.» 1895, № 5, стр. 235—238.—А. Н. Пыпинъ. «Новыя данныя о славянскихъ дѣлахъ», «Вѣст. Евр.» 1893, іюль, с. 281—334.—А. Н. Пыпинъ. «Русское славяновѣдѣніе въ XIX столѣтіи», «Вѣстн. Евр.» 1889, №№ 7—9.—А. Кочубинскій. «Графъ Строгановъ», «Вѣстн. Европы» 1896 г., № 8, 474—479.—А. Н. Пыпинъ и В. Д. Спасовичъ. «Исторія славянскихъ литературъ» Спб. 1879—1881.—В. А. Францевъ. «Очерки по исторіи чешскаго возрожденія». Варшава, 1902.—В. А. Францевъ. «Письма къ Вячеславу Ганкѣ изъ славянскихъ земель». Варшава, 1905.—Письма Шафарика къ С. (въ вводной статьѣ Ламанскаго къ рецензіи С—го на «Slowansky Národopis» Шафарика), «Живая Стар.» 1891. вып. 4, 167—174.—«Дневникъ Ив. Мих. Снегирева», «Рус. Арх.» 1902 г., № 12.—Н. Любовичъ. «Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, 1840 г.», «Русская Старина» 1882 г., № 7, с. 224.—Р. Р. «Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ И. И. Срезневскаго», «Русское Слово» 1861 г., т. VIII, стр. 71—79.—«Анненковъ и его друзья». Спб. 1892.—А. Кочубинскій. «Въ краю былыхъ еретиковъ», «Ист. Вѣстн.» 1882 г., № 8, стр. 364.—В. А. Францевъ. «Se nenatisnjen epigram Presernov», стихотвореніе Прешерна «Gospodu Ismajlu Sresnjevskimu v spomin velkiga tédna léta 1841», «Presernov album» Lubljan. 1900, с. 771.—«List Sresnevskeho I. E. Purkynovi», «Slovansky sbornik» v Praze 1885, 465—466.—Петричъ. «Dela St. Vraza» V, XXI, 327. Zagreb. 1877.—Glasovi o «Ogledu rjecnika» (здѣсь напечатано письмо И. И. С-го предсѣдателю Юго-славянской Академіи), «Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti», t. 45, p. 159—161.—Н. А. Поповъ. «Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель. 1835—1861.» Москва 1878.—Н. А. Поповъ. «Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара къ Н. И. Надеждину», «Русскій Архивъ» 1873 г., № 7.—Платонъ Кулаковскій. «Иллиризмъ изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія». 1894 г.—К. Я. Гротъ. «Объ изученіи славянства». Спб. 1901.—Читатель. «Колларъ и Хомяковъ, ихъ духовное родство», «Русскій Архивъ» 1897 г., № 2.—М. Горникъ (Hórnik). «Michal K. Bobrowskij a J. J. Sreznewskij wo Serbach», «Cas. Mac. Serb.», XLII, str. 43—51.—В. А. Францевъ. «Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и перв. четв. XIX ст.» Прага чешская. 1906.—И. С. Свѣнцицкій. «Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси». Львовъ 1906.—И. С. Свѣнцицкій. «Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX в.», «Изв. отд. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Н.». Т. XI, кн. 3, 1906.—П. Билярскій. «Судьбы церковнаго языка». Спб. 1848.—В. А. Францевъ. «Къ исторіи изданій Реймскаго евангелія», «Ж. М. Нар. Просв.» 1900, авг., 144, 145.—М. П—ій (Петровскій), «Григоровичъ и Прейсъ, къ исторіи славяновѣдѣнія на Руси», «Изв. отд. русск. яз. и сл.», т. II, 1897).

IV. *Университетская дѣятельность.*

Рукописныя программы лекцій.—Записки

лекцій.—Обозрѣнія преподаванія наукъ въ Имп. Харьковскомъ ун. за 1843—1847 гг.;—въ Имп. Петербургскомъ ун. за 1848—1879 гг—. Протоколы засѣданій совѣта Спб. ун. за 1869—1879 гг.—Отчеты о состояніи Спб. ун. за 1848—1861 гг.—Годичные (торжественные) акты въ Спб. ун. 1847 и слѣд. гг.—В. С. «Вступительная лекція въ курсъ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій И. И. С-го». Спб. 1893 г.—Де-Пуле. «Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій», «Вѣстн. Евр.» 1874 г. I—II.—Пашковъ. «Воспоминанія студента 1840 гг.».—В. В. Григорьевъ. «Императорскій Спб. университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія». Спб. 1870 г. —Ѳ. Устряловъ. «Воспоминанія о Спб. унив. въ 1852—1856 гг.», «Истор. Вѣстн.» 1884 г. № 7.—А. В. Кургановичъ и А. О. Круглый. «Историческая записка 75-ти лѣтія Спб. 2-ой гимназіи». — Вл. Сорокинъ. «Воспоминанія стараго студента (1858—1862 гг.)», «Рус. Стар.» 1906 г. № 11. — Ф. К. Неслуховскій. «Изъ воспоминаній», «Ист. Вѣстн.» 1890 г. № 4.—П. Д. Шестаковъ. «Студенч. волненія въ Москвѣ въ 1861 г.», «Рус. Стар.» 1888 г. № 10.—П. Н. Полевой. «Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина,», «Ист. Вѣстн.» 1897 г. № 2. В. И. Модестовъ. «Отрывокъ изъ воспоминаній», ibid., 1884 г., № 11.—А. Смирновъ. «В. В. Макушевъ», «Русскій Фил· Вѣст.» 1883 г. № 1. —П. К. Симони. «Къ начальной исторіи учено-литературной дѣятельности Л. Н. Майкова". Сборникъ памяти Л. Н. Майкова, Спб. 1902. —В. И. Срезневскій. «Письмо Л. Н. Майкова И. И. Срезневскому», тамъ же.—Скабичевскій. «Изъ воспоминаній о пережитомъ». «Рус. Бог.» 1907 г.—Б. Б. Глинскій. «Ал. Ник. Пыпинъ», «Ист. Вѣстн.» 1905 г., № 1.— А. И Старкъ. «Л. А. Мей», «Рус. Стар.» 1882 г. № 11.—М. В. Шимановскій. «Мои профессора и мое студенчество (1863—1867)», «Откликъ», 1892 г.—Б. В. Глинскій. «Характеристика В. П. Острогорскаго», «Ист. Вѣстн.» 1902 г. № 6.—С. Ашевскій. «Русское студенчество въ эпоху шестидесятыхъ годовъ», «Совр. Міръ», 1901, № 9.—И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. «Аппель. Замѣтки по древне-польскому языку» и др. (рец.), «Филологич. Записки» 1880 г. № 5.

V. Академическая дѣятельность и литературныя связи.

Я. К. Гротъ. „Очеркъ дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности за пятидесятилѣтіе отъ 1841—1891 годъ", „Сбор. отд. рус. яз. и слов." т. 53, № 1. 1892.—„Извлеченія изъ протоколовъ Имп. Акад. наукъ по отд. русс. яз. и слов." за 1852—1880, „Извѣстія Имп. Академіи паукъ по отд. рус. яз. и сл., „Записки Имп. Академіи наукъ", „Сборн. отд. рус. яз. и сл. Академіи наукъ".—П. А. Плетневъ„. Отчеты Имп. Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности за первое десятилѣтіе съ его учрежденія", Спб. 1852.—П. А. Плетневъ, И. И. Давыдовъ, А. В. Никитенко, Я. К. Гротъ. „Отчеты Императорской Академіи наукъ по отдѣленію рус. языка и словесности" за 1852—1865 гг.—А. В. Никитенко, А. Ѳ. Бычковъ, М. И. Сухомлиновъ, А. Н. Веселовскій, Я. К. Гротъ, Л. Н. Майковъ, и К. Н. Бестужевъ, Рюминъ. „Отчеты Имп. Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности за 1866—1891 гг". Спб. 1903.—В. И. Срезневскій. „Къ исторіи изданія Извѣстій и Ученыхъ Записокъ втор. отд. Имп. Ак. наукъ", „Сбор. отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. наукъ, т. LXXX. Спб. 1905.—А. А. Котляревскій. „Русское періодическое изданіе Академіи наукъ-Записки Академіи наукъ", „Сбор. отд. рус. яз. и слов." т. XLVIII (Сочин. А. А. Котляревскаго т. II), 1890. - Вводная статья къ Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. н., т. I. 1890.—Рецензія: па „Извѣстія Академіи наукъ по отдѣленію русск. языка и словесности": „Библ. для Чт.", г. 140, № 12, отд. 6; „Сынъ Отеч." 1856, № 15;— па „Ученыя Записки Втор. отд. Имп. Академіи Наукъ": „Библ. д. Чт.", т. 146, отд. VI (А. Н. П-на); „Отеч. Зап.", т. 99, отд. 3; т. 108, отд. 6; т. 112, отд. 2; „Москвитянинъ", т. Ш, № 11 и 12); „Рус. Вѣстн.", 1856, № 12; т. 3, іюнь, кн. 2, „Соврем. Лѣтопись" (статья Н. Попова); „Журн. М. Н. Пр." 1853, т. 77, отд. 6; „Вѣстн. Евр." 1866, т. I.—И. И. Давыдовъ. „О литературныхъ трудахъ академика И. И. Срезневскаго"., „Отчеты Имп. Акад. паукъ по отд. рус. яз. и слов." за 1852—1866 гг.—Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. II—III. Спб. 1896.—В. Науменко. „Ф. С. Морачевскій и его литературная дѣятельность", „Кіевск. Стар." 1903. № 1.—„Академикъ Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ. 1840—1890". „Рус. Стар." 1890, № 10.—Г. Л. И. „Аѳ. Ѳ. Бычковъ" (некрологъ) „Ист. Вѣст." 1899. № 5— „Протоколы засѣданій Филологическаго общества" (1869—1871 г.), „Филологическія Записки" 1872 г., 1873 г. т. XI т. XII.—П. П. Семеновъ „Исторія полувѣковой дѣятельности Имп. русскаго географическаго общ." Спб. 1896.— „Открытіе археологическаго съѣзда" (въ Москвѣ), „Труды перваго археолог. съѣзда въ Москвѣ", 1871.—„Протоколы засѣданій археологическаго съѣзда" (въ Москвѣ). ibid „Историческая записка о дѣятельности Имп. моск. арх. общества, за первыя 25 лѣтъ существованія", Москва, 1890.—А. В. Никитенко. „Моя повѣсть о самомъ себѣ. Записки и дневникъ (1804—1877 гг.)". Спб. 1904.—Н. П. Барсуковъ. „Жизнь и труды М. П. Погодина". т. 1, 5 и слѣд.—Н. П. Барсуковъ. „Жизнь и труды П. М. Строева". Спб. 1878.—И. В. Ягичъ „Новыя письма Добровскаго, Копитара и другихъ югозападныхъ славянъ", „Сбор. отд. рус. яз. и слов." т. 62. 1897, (здѣсь напечатаны письма И. И. Срезневскаго къ П. И. Кеппену).—В. И. Ламанскій „Письма П. И. Прейса М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836—1846"). Спб. 1892 (здѣсь напечатано письмо С. къ О. М. Бодянскому и Бодянскаго къ С.).—„Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго",. Сбор. статей, читан. въ отд. рус. яз. и слов." т. 5, в. 2, 1873 (здѣсь напечатаны письма И. И. Срезневскаго къ А. Х. Востокову).—А. В. Старчевскій. „Воспоминанія литератора", „Историч. Вѣстн." 1891 г. № 8—В. А. Васильевъ. „Приключенія одной книги" (отрывокъ изъ воспоминаній), „Историч. Вѣстникъ" 1887 г. 12.—Ц. Усовъ „Каждому свое", „Исто-

рическій Вѣстникъ" 1887 г., № 4—М. де-Пуле. Ник. Ив. Второвъ. „Воронежскіе акты", „Русскій Архивъ" 1877 г. № 8—В. В. Стасовъ. „Румянцевскій музей въ 1860—1861 г." „Русская Старина" 1883 г. № 1—О. М. Бодянскій. „Объясненіе" (по поводу статьи И. И. Срезневскаго „Обзоръ матеріаловъ для изученія Славяно-Русской палеографіи"), „Чтеніе въ общ. ист. и древ. росс. при Моск. унив." 1867. № 1.—А. Титовъ „Осипъ Максимовичъ Бодянскій въ перепискѣ съ учеными" (Письма И. И. Срезневскаго)" „Библіогр. Зап." 1892. № 7.—Письмо И. И. Срезневскаго къ А. Я. Стороженку 31 март. 1861 г. (выдержка). „Кіев Ст." 1886, 16.—„Измаилъ Ивановичъ Срезневскій академикъ и профессоръ" (два письма его къ священнику Запольскому). „Русская Старина" 1881 г. № 12.

VI. *Ученые труды петербургскаго періода.*

А. А. Котляревскій. „Древняя русская письменность, опытъ библіологическаго изложенія ея изученія „Сбор. отд. рус. яз. и слов.", т XL, (Сочиненія, т 4), Спб. 1895,—А. А. Кочубинскій. „Итоги славянской и русской филологіи", Одесса 1882,—Макушевъ. „О важнѣйшихъ трудахъ И. И. Срезневскаго по славянской филологіи". „Русск.Филол. Вѣст", 1879. - А. А. Котляревскій. „Старина и народность за 1861-й годъ", (Сочин. А. А.Котляревскаго т. I) 1889,—А. А. Котляревскій. „Uspéchy slavistiky na Rusi v poslední době", „Сбор. отд. рус. яз. и слов."т. L (Сочин. А. А. Котляревскаго, т. IV) 1895.—А. А. Котляревскій. „Обзоръ успѣховъ славяновѣдѣнія за послѣдніе три года, 1873—1875", ibid. т. XLVIII (Соч. А. А. Котляревскаго т. II).—А. А. Котляревскій. „Успѣхи славяновѣдѣнія за послѣднее время. 1876", ibid., т. XLVIII (Сочин. т. II), 1890.—Fr. Pastrnek. „Bibliographische Uebersicht über die slavische Philologie" 1876—1891,"(Archiv für slav. Phil, suppl. Band).—Ѳ. Буслаевъ. „Мысли объ исторіи русскаго языка. И. Срезневскаго." „Отеч. Зап." 1850, т. LXXII, V отд., стр. 31—58.—Другія рецензіи на то же соч.: „Сѣв. Пчела," 1850 г.,№ 30;„Сынъ Отеч"., 1850 г. т. 1, 2.—А А. Котляревскій „Опытъ исторической грамматики русскаго языка», „Сборн. отд. рус. яз. и слов".. т. XLVII (Сочин. А. А. Котляревскаго, т. I) 1889.—А. А. Котляревскій. „Сравнительное языкознаніе", ibid. XLVIII (Сочин. А. А. Котляревскаго, т. II) 1890.—А. Потебня. „Два изслѣдованія о звукахъ рус. яз.", Воронежъ. 1866.—М. Колосовъ. „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ рус. яз. съ XI по XVI столѣтіе", Варшава. 1872.—Я. К. Гротъ. „Филологическія разысканія". Спб. 1876.—И. В. Ягичъ „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка". «Сбор. отд. рус. яз. и слов».., т. XLVI, № 4.—Вл. Кочановскій. „Объ историческомъ изученіи русскаго языка",Казань, 1887.—П. В. Владимировъ, Пятидесятилѣтіе «Мыслей объ исторіи русскаго языка» (очеркъ трудовъ за 50 лѣтъ и новые матеріалы). Кіевъ 1889.—Р. Брандтъ. „Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка". Вып. I. М. 1892.—Н. В. Волковъ. „Къ исторіи русскаго языка", „Ж. Мин. Нар. Просв". 1894. № 1.—Н. В. Волковъ. „Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка" „Ж. Мин. Нар. Пр." 1894 № 12—А. С. Архангельскій. „Изъ лекціи по исторіи русской литературы. Первые труды по изученію языка", Казань 1898.—П. К. Симони. „Русскій языкъ въ его нарѣчіяхъ и говорахъ". Вып. I, часть 1. Спб. 1899.—С. Буличъ. „Русскій языкъ и сравнительное языкознаніе", «Энц. сл. Брокгаузъ и Ефронъ т. 55.—В. Стоюнинъ. „Бесѣды И. И. С-го о русскомъ языкѣ". „Сѣв. Пчела" 1860. № 69.—В. Стоюнинъ. „Необходимое дополненіе къ статьѣ «Бесѣды И. И. Срезневскаго о русскомъ языкѣ«. „Сѣв. Пчела" 1860 г. № 103.—М. де-Пуле. „Замѣчанія о первоначальномъ курсѣ русск. яз"(рец). „Моск. Вѣд". 1859. № 141.—„Матеріалы для словаря древне-русскаго языка" Срезневскаго, т. I. Предисловіе редакціи.—А. Н. Пыпинъ. „Два словаря русскаго языка", „Вѣст.Евр." 1892. № 9.—А.Н. Пыпинъ. „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, трудъ Срезневскаго, томъ 1." „Вѣст. Евр." 1894. № 1. с. 425—428—Рецензія на тотъ же трудъ:„ „Зап. наук. товар. им. Шевч." 1898. № 25. Библ. 14. Журн. Мин. Нар. Пр." 1890, № 10, «Рус. Фил. Вѣстн». 1890, № 3, „Вѣстн. Европы" 1892; № 9.—А. Степовичъ. „И. И. Срезневскій: Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ" (изъ книги „Славянск. Извѣстія" Воронежъ 1897,—отдѣльный оттискъ изъ „Филологич. Записокъ"). - А. Степовичъ „А. Дювернуа: Матеріалы для словаря древне-русскаго языка". Изъ книги „Славянскія Извѣстія". Воронежъ 1897 г. В. И. Григоровичъ. „Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка". Казань. 1852.—К. А. Неволинъ. „Замѣчанія на изслѣдованіе проф. Срезневскаго Рядная запись XIII в.", „Зап. Имп. Арх. общ." т. 3 и „Полное собр. соч. Неволина" т. VI.—К. И. Невоструевъ. „Разсмотрѣніе рецензій, явившихся на описаніе рукописей синодальной библіотеки". „Сбор. статей, читан. въ отд. русс. яз. и слов." т. 7, № 6. 1870.—V. Jagioc. „Najnovija izdanja slovinskich knjizevnich starina trudom J. J. Sreznevskoga" „Rad jugosl. akad. znan. i umjetn." t. VIII.—И. В. Ягичъ. „Stari spomenici pisma i jezika jugozapadnih slovjena od IX—XII vieka od J. Sreznjevskoga", Casop. za jezik i poviest hrvatsku i srbsku", Zagreb. 1866.—В. В. Макушевъ. „Изъ чтеній о старо-чешской письменности", „Филолог. Зап." 1877—1878 (дополненіе къ 3 чт. подъ заглавіемъ: „Мнѣніе И. И. Срезневскаго о т. н. Зеленогорской рукописи").—(М. Колосовъ). „По поводу библіографической замѣтки В. Макушева о изданіи „Чешскія глоссы въ Mater verborum". „Р. Филол. Вѣстн." 1879. № 1.—Е. Модестовъ. „О посланіи Даніила Заточника", „Ж. Мин. Нар. Пр". 1880. № 11.—И. В. Ягичъ „Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями", предисловіе. Спб. 1883.—И. В. Ягичъ. „Четыре критико-палеографическія статьи". Спб. 1884.—„Письма Вукола Михайловича Ундольскаго къ А. Н. Попову" (изъ Москвы въ Петербургъ), "Русскій Архивъ" 1886 г. № 6.—И. В. Ягичъ. „Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи", „Сбор. отд. рус. яз. и слов." т. XXXVIII, № 1. 1886.—Аск. Н. Труворовъ. „О кончинѣ царевича Симеона Алексѣевича и о саняхъ употреблявшихся при погребеніи

царствовавшихъ на Руси особъ“. „Рус. Стар.“ 1889. № 5.—Архим. Леонидъ. „О родинѣ и происхожденіи глаголицы“, „Сбор. отд. рус. яз. и слов.“ т. 53, № 3. 1891.—А. Тихвинскій. „Ярославскій списокъ Пандектъ Никона Черногорца XII—XIII в.“, „Русскій Филологическій Вѣстникъ 1892 г. № 3.—„Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги» С—го (1897 г.), предисловіе редактора.—Н. Заозерскій „Цѣнное для науки православно-каноническаго права изданіе“ („Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги И. И. Срезневскаго. „Богословскій Вѣстникъ“ 1898 г. № 10.—В. Н. Щепкинъ. „Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги“. Спб. 1899.—Е. Ѳ. Карскій „Очерки славянской Кирилловской палеографіи“. Варшава 1901.—Н. К. Грунскій. „Пражскіе глаголическіе отрывки“, „Памятники старославянскаго языка, т. I. вып. 4, Спб. 1906.—С. Шамбинаго. „Повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ“, „Сбор. отд. рус. яз. и слов.“ т. 81, № 7.—А. Лященко. „Исторія русской литературы“, Энц. слов. Брокауза и Ефрона т. 55.—Рецензіи: на статью „О договорѣ съ Греками 907 г.“, „Москвит.“ 1853. ч. II. № 5,—на „Изслѣдованіе о лѣтописяхъ новгородскихъ“, „Отеч. Зап.“ 1854, т. 92, отд. IV; на „Повѣсть о Царе-градѣ“, „Отеч. Зап.“ 1855. т. 101. отд. IV; „Соврем.“ 1855 т. LI, отд. IV; „Спб. Вѣд.“ 1855 № 115; „Сѣв. Пчела“, 1855, № 85; на „Сказаніе, о св. Борисѣ и Глѣбѣ“, „Христ. Чт.“ 1862, № 2; „Спб. Вѣд.“ 1860, № 120, „Отеч. Зап.“ 1860, № 5; на „Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-русской палеографіи: „Сбор. отд. рус. яз. и слов.“ т. L (Сочин. А. А. Котляревскаго, т. IV. 1895); на „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“, „Сборн. отд. рус. яз. и слов. т. L (Сочин. А. А. Котляревскаго т. IV, 1895), „Извѣстія Арх. Общ.“ т. 6; „Моск. Вѣд.“ 1879, № 195; на „Древніе памятники рус. письма и языка X—XIV в.“: „Arch. f. slav. Phil“. 1883, VII (И. В. Ягича); „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1883. № 5 (А. И. Соболевскаго); —на „Славяно-русскую палеографію XI—XIV вв.“, „Вѣстн. Археологіи“ 1885. № 3 (И. В. Ягича); „Русс. Филолог. Вѣстн.“ 1886, т. XV, № 1; „Новь“, 1886, т. IX, № 10; на „Палеографическій снимокъ текста „Русской Правды“. 1888: „Русскій Филологическій Вѣстникъ“. 1889. т. 21.—На „Статьи о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ (1858—1866)“, Спб. 1903, „Историч. Вѣстн.“ 1904 г. № 6.—А. А. Котляревскій. „Изображеніе калики перехожаго въ латинской рукописи XIV вѣка (письмо къ И. И. Срезневскому). „Сбор. отд. рус. яз. и слов.„ т. L. (Сочин. А. А. Котляревскаго т. IV). 1895.—„Общій отчетъ о матеріалахъ, поступившихъ въ Рус. Геогр. Общ. и разсмотрѣнныхъ отдѣломъ этнографіи съ 1 сент. 1852 по 1-е янв. 1853“. „Вѣст. И. Р. Г. О.“ 1853 ч. 8.—„Этнографическій сборникъ, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, вып. VI. 1864. (Предисловіе).—Ивановъ. „Объ основаніяхъ русс. народ. и литер. стихосложенія“. „Филолог. Зап.“ 1893. вып. I.—Е. Бобровъ. „В. Г. Варенцовъ (біограф. замѣтка)“, „Рус. Стар.“ 1903. № 12.—П. К. Симони. „Повѣсть о горѣ и злочастіи“. Спб. 1903. (перепеч. въ его же „Памятн. стар. рус. яз. и слов. Спб. 1907 в. VII, 1).—П. К. Симони „Пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619—20 гг.“, „Памятн. старин. рус. яз. и слов.“ Спб. 1907. в. II. 1.—А. А. Котляревскій. „Разборъ сочиненія А. Аѳанасьева. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“ „Сбор. отд. рус. яз. и слов.“ т. 48 (Соч. А. А. Котляревскаго т. II). 1890.—А. А. Котляревскій. „О погребальныхъ обычаяхъ славянъ“. (ibid. т. III). 1891.—А. С. Архангельскій. „Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые опыты миѳологическихъ изученій“. Казань. 1898.—Рецензіи: На „Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ“: „Москвит.“ 1848 г. ч. I, № 2; „Соврем.“ 1848 г. т. VIII; „Отеч. Зап.“ 1848 г. т. 57, отд. VI; „Библ. для Чт.“ 1848 г. т. 92, отд. VI. 1; „Archiv für wiss. Kunde Russl.“, v. Erman 1849, 8 (перев. рец изъ „Современника“); „Журн. М. Н. Пр.“ 1848 т. 59. отд. 6. (Статья А. Лаксера); „Сынъ От.“ 1848 г. № 8. т. 4. отд. 6.

Вс. Срезневскій.

Срезневскій, *Іосифъ Евсѣевичъ*, профессоръ философіи и преподаватель естественнаго права въ Казанскомъ университетѣ (дядя И. И. Срезневскаго), род. въ 1780 г. Среднее образованіе получилъ въ Рязанской духовной семинаріи (1790—1799 гг.), высшее—въ Московской духовной академіи (1799—1803 гг.). По окончаніи курса въ послѣдней онъ былъ назначенъ учителемъ въ своей родной семинаріи и оставался имъ тамъ до 1807 г., когда по собственному желанію уволился и поступилъ въ Петербургскій педагогическій институтъ. 22 іюня 1811 года С. былъ зачисленъ кандидатомъ юридическихъ наукъ въ Казанскій университетъ, гдѣ получилъ возможность готовиться къ испытанію на степень магистра правъ, каковой и былъ удостоенъ 10 іюля 1812 г. Послѣ этого и вплоть до 1814 года онъ преподавалъ въ Казанской гимназіи логику и «нравоученіе». 23 іюля 1815 г. С. былъ утвержденъ адъюнктомъ философіи и послѣ смерти доцента Лубкина замѣнилъ послѣдняго въ чтеніи лекцій и практическихъ занятіяхъ по этому предмету. Въ томъ же 1815 г. ему было поручено и чтеніе естественнаго права взамѣнъ ушедшаго профессора Неймана. 5 августа 1819 г. С., будучи уже въ званіи экстраординарнаго профессора (съ 1 іюня 1817 г.), внезапно, по «особеннымъ причинамъ», былъ уволенъ изъ университета. Увольненіе послѣдовало сейчасъ же послѣ университетской ревизіи извѣстнаго Магницкаго, которому вездѣ и во всемъ чудились «неблагонамѣренность» и «неблагонадежность» и который, кромѣ С.,

отрѣшилъ отъ ихъ должностей еще 11 казанскихъ профессоровъ. О причинахъ увольненія С. Магницкій доносилъ въ Петербургъ: «Профессоръ философіи Срезневскій, слѣдуя системѣ Якоба (Якоби), руководствуется духомъ не весьма полезнымъ и, по счастью, преподаетъ лекціи такъ дурно, что ихъ никто не понимаетъ. Просидя въ классѣ его два часа, спросилъ я студентовъ, въ чемъ лекція того дня состояла, и ни одинъ не зналъ сего. Сдѣлалъ вопросы изъ исторіи философіи, которую они прежде слушали, но и въ томъ ни отъ кого изъ нихъ удовлетворительнаго отвѣта не получилъ». Главная причина увольненія С. заключалась, однако, совсѣмъ не въ слабыхъ результатахъ его преподаванія, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ отчета Магницкій, впадая въ противорѣчіе, говоритъ, что Срезневскій «обладаетъ хорошо русскимъ языкомъ и изъясняетъ съ дарованіемъ»; крылась же она въ томъ «не совсѣмъ полезномъ духѣ», который Магницкій готовъ былъ усмотрѣть въ самыхъ невинныхъ вещахъ и на этотъ разъ усмотрѣлъ его въ произнесенной С. на одномъ изъ университетскихъ актовъ рѣчи: «Разсужденіе о разныхъ системахъ нравоученія, сравненныхъ по ихъ началамъ» (напечатана въ «Сборникѣ рѣчей, произнесенныхъ въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета 5 іюля 1817 г.» и въ «Вѣстникѣ Европы», 1817 г., № 19, 170—198). Главная и въ общемъ не совсѣмъ ясная мысль, положенная С. въ основу своей рѣчи—человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ долженъ руководствоваться исключительно нравственнымъ закономъ, къ чему толкаетъ и влечетъ его сама природа, надѣливъ его разумомъ, свободой воли, совѣстью и стыдомъ,—эта мысль послужила канвой для любопытныхъ и характерныхъ по своему времени разсужденій Магницкаго, изложенныхъ имъ въ отчетѣ министру народнаго просвѣщенія. Особенно же «ужасное» усмотрѣлъ Магницкій въ восклицаніи С.—«Неужели не довольно для насъ сихъ руководителей» (т. е. разума, свободной воли и пр.)? Эти слова въ печатномъ экземплярѣ рѣчи Магницкимъ тщательно были подчеркнуты и сопровождались такой ремаркой: «Если нравственное чувство можетъ руководствоваться только внушеніями разсудка и врожденнымъ человѣку инстинктомъ, то къ чему же служитъ законъ откровенной религіи?». Хотя С. былъ уволенъ безъ ограниченій въ дальнѣйшей профессорской дѣятельности, однако, когда онъ былъ выставленъ конференціей Петербургскаго университета въ числѣ 6 другихъ лицъ кандидатомъ на каѳедру русской исторіи, географіи и статистики въ Харьковскомъ университетѣ, то утвержденію его воспрепятствовалъ новый отзывъ Магницкаго, по которому С. «руководствуется духомъ весьма удаленнымъ отъ христіанскаго ученія и зараженъ духомъ деизма». Лишившись, такимъ образомъ, возможности продолжать свою дѣятельность въ какомъ-либо университетѣ, С. въ 1820 г. принялъ предложеніе преподавать русскую словесность, логику и краснорѣчіе въ только что открытомъ Петербургскомъ артиллерійскомъ училищѣ, въ которомъ оставался до 1824 г. 30 сентября 1827 г. онъ подалъ прошеніе митрополиту, въ которомъ писалъ, что, «познавъ тщету благъ земныхъ и даже самыхъ свѣтскихъ наукъ», онъ проситъ опредѣлить его послушникомъ въ Александро-Невскую лавру. «Ни міръ не можетъ имѣть во мнѣ нужды», писалъ онъ дальше, «ни я чѣмъ-нибудь къ нему не привязанъ». Согласіе послѣдовало. Въ 1828 г. онъ по своей просьбѣ, въ виду разстроеннаго здоровья, былъ переведенъ въ калужскую епархію, въ братство калужскаго архіерейскаго дома. Вмѣстѣ съ этимъ прекращаются свѣдѣнія о его дальнѣйшей жизни, и самый годъ его смерти неизвѣстенъ. Кромѣ упомянутой выше рѣчи, С. напечаталъ еще: «Опытъ краткой піитики или исторія поэзіи и краснорѣчія всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ и правила, руководствующія къ справедливому сужденію о всѣхъ родахъ словесности» (въ «Собраніи образцовъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ», изд. обществомъ любителей отечеств. словесности, 2-ое изд., Спб. 1821 г.); «О новооткрытомъ артиллерійскомъ училищѣ» («Сынъ Отеч.», 1821 г., ч. 69, № 18, стр. 147—156); «Замѣчаніе на критику на посланіе къ женѣ и друзьямъ, сочиненную Семеномъ Михайловичемъ Осетровымъ» (тамъ же, № 16—18); «Разсужденіе о вліяніи словесности на нравственное образованіе человѣчества»; («Труды общ. любит. отечеств. словесн.», Каз. 1817); перевелъ съ нѣм.: «Слово о выгодахъ, которыя доставляютъ государству упражненія въ наукахъ» проф. Эрдмана (Каз., 1815 г.) и

«Естественныя права» проф. Финке (Казань, 1816 г.). Помимо этого остались въ рукописяхъ: статья «Краткое изображеніе системъ философическихъ», произнесенная имъ въ казанскомъ обществѣ любителей отечественной словесности 8 іюля 1818 г. рѣчь «О необходимости преимущественно заниматься и знать языкъ отечественный» и другая рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета 5 іюля 1819 г.—«О препятствіяхъ къ распространенію народнаго просвѣщенія и о способахъ къ преодолѣнію оныхъ».

Вуличъ, „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, 1805—1819", Казань, 1891, ч. I, стр. 527—530, ч. II, стр. 89. 177, 256.—Н. Загоскинъ, „Дѣятели Казанскаго университета, 1805—1900", Казань, 1900.—Его же „Историческая записка о четырехъ отдѣленіяхъ Казанскаго университета за 1874—1827 гг.", Казань, 1899 г.—Его же, „Матеріалы для исторіи каѳедръ и учрежденій Императорск. Казанскаго университ. 1804—1826 г.", Каз., 1899 г., № 82.—Его же, „Біографическій словарь профессор. и преподавателей Императ. Казанскаго университ. 1803—1903 гг.", ч. I, Каз., 1903 г., стр. 76—77.—Ѳеоктистовъ, „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, Магницкій, стр. 38, 40, 43—46, 59.—Сухомлиновъ, „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императ. Александра I", „Журн. Минист. Народнаго Просвѣщ.", 1865 г., ч. CXXVIII, стр. 90.—„Сборникъ документовъ, относящихся къ 50-лѣтію Михайловскаго артиллерійскаго училища", Спб., 1871 г., стр. 112.—„Историческій очеркъ образованія и развитія артиллерійскаго училища, 1820—1870 г.", Спб., 1870 года, стр. 47.—„Энциклоп. словарь" Брокгауза, т. 31, Спб. 1903 года, стр. 27.

П. Гуревичъ.

Срѣтенскій, *Сергѣй Александровичъ* священникъ, одинъ изъ яркихъ представителей сибирской интеллигенціи 60-хъ гг., писатель, по преимуществу провинціальный, ум. 20 января 1880 г. Сынъ протоіерея Ачинскаго Троицкаго собора, С., по волѣ отца, также долженъ былъ готовиться къ священническому званію, для чего на 11-мъ году былъ отданъ въ Томскую духовную семинарію. Уже здѣсь въ немъ начинаетъ просыпаться литературный талантъ, который, однако, благодаря неувѣренности С. въ собственныхъ силахъ и полному отсутствію всякой поддержки со стороны, развивается лишь весьма медленно. «На семинарской скамьѣ,—вспоминалъ С. позже, — я написалъ «Бурсака» (повѣсть) и ревниво хранилъ его даже отъ товарищей... Мечталъ, не спалъ, стопы бумаги исписалъ, но все мое писаніе казалось мнѣ такъ глупо, что не захотѣлось быть посмѣшищемъ для людей... Что если бы для меня въ то время нашлась поддержка? Можетъ быть, съ семинарской скамьи пришлось бы стать въ ряды писателей» .. Окончивъ семинарскій курсъ и оставшись преподавателемъ при Томскомъ духовномъ училищѣ, С. примкнулъ къ «Искрѣ», доставляя небольшой матеріалъ для ея знаменитой «Хроники прогресса». Вскорѣ редакція журнала поручила ему веденіе цѣлаго отдѣла, «Сказки русской Шехерезады». Это заманчивое предложеніе пришло къ С., однако, слишкомъ поздно: въ 1863 г., по настоянію отца, онъ принялъ священство и былъ назначенъ настоятелемъ церкви въ с. Николаевскомъ, Ачинскаго округа. Къ священству у С. не было ни призванія, ни склонности, и не мудрено, что чувствовалъ онъ себя въ этомъ званіи всю жизнь чрезвычайно тяжело; ненормальное положеніе его еще болѣе обострялось страшно глухой средой, въ которую онъ попалъ. «Куда бѣжать?— восклицалъ С. съ отчаяніемъ въ одномъ изъ писемъ.—Я связанъ и семинарскимъ воспитаніемъ, и отцовскимъ деспотизмомъ, приневолившимъ меня надѣть рясу, и брачнымъ союзомъ, и тѣмъ подножнымъ кормомъ, который даетъ мнѣ возможность по крайней мѣрѣ не умереть съ голоду. Связанъ я, наконецъ, и закономъ, который какъ бы боится дозволить попу вступить на свѣтскій путь»... Это тяжелое настроеніе С.,—интеллигента-шестидесятника, принужденнаго вкладывать свои силы въ дѣятельность, къ которой онъ не питалъ никакой склонности, очутившагося среди безпросвѣтной глуши — и отразилось въ его «Замѣткахъ сельскаго священника», въ которыхъ наряду съ изображеніемъ чувствованій и страданій автора талантливыми штрихами очерчены также картины бытовыхъ сторонъ захолустнаго уголка Сибири. Литературная дѣятельность С. сосредоточивалась, главнымъ образомъ, въ газетѣ «Сибирь», постояннымъ сотрудникомъ которой онъ состоялъ съ самаго ея основанія. Помимо мелкихъ корреспонденцій и замѣтокъ, которыми онъ неистощимо снабжалъ редакцію, о разныхъ, требовавшихъ гласности, случаяхъ въ жизни Ачинскаго округа, помѣщалъ онъ на страницахъ газеты и серьезныя статьи, обра-

щавшія на себя вниманіе и столичной печати; таковы, напр., его очерки: «На мосты и дороги», «Золотая лихорадка», «Своимъ судомъ», «Экономическій бытъ крестьянъ въ Ачинскомъ округѣ» и др. Сотрудничалъ С. и въ спеціальныхъ духовныхъ журналахъ—«Современности» и въ «Наставленіи для сельскихъ пастырей»; въ послѣднемъ помѣщены, между прочимъ, его упомянутыя «Записки». Многія изъ произведеній С. остались ненапечатанными, отчасти изъ-за цензурныхъ условій, отчасти же оттого, что послѣ его смерти погибли въ рукахъ мѣстнаго исправника. Погибло, кажется, и лучшее изъ нихъ,—глубоко-обдуманная повѣсть С. «Сибирскіе мученики», фабула которой, впрочемъ, извѣстна. Нѣсколько крестьянскихъ семей, тихо и мирно жившихъ въ глухой сибирской деревушкѣ, смущены хвастливыми разсказами вернувшагося съ пріисковъ односельчанина о баснословной легкости наживы и обогащенія пріисковымъ трудомъ. Увлеченные блестящей перспективой и довѣрившіеся сказкамъ, крестьяне отрываются отъ кормилицы-земли и идутъ въ добровольную каторгу. Попутно авторъ обрисовываетъ и промысловый бытъ, и пріисковаго рабочаго, обогащающаго золотопромышленника, и артистическое кулачество послѣдняго, и произволъ мѣстной администраціи. Заключеніе—понятно: герои-«мученики» гибнутъ, ихъ семьи разоряются. Въ этой тенденціозности финала повѣсти сказался весь С.,—съ его идеологіей и укладомъ мысли народничества второй половины прошлаго вѣка. Музыкантъ, живописецъ, поэтъ, человѣкъ вообще богато одаренный, съ значительнымъ запасомъ научныхъ знаній, съ тонкимъ эстетическимъ чутьемъ, С. горячо любилъ русскаго крестьянина, особенно же сибиряка, и въ своей литературной дѣятельности не щадилъ мрачныхъ красокъ для характеристики тѣхъ элементовъ населенія, гнетъ которыхъ такъ или иначе отражался на крестьянинѣ. Литературный талантъ С. по своему характеру напоминаетъ творчество Помяловскаго; если же оставленные С. слѣды и не велики, то объясняется это исключительно тяжелыми условіями среды, въ которую онъ попалъ, его слабоволіемъ, не позволившимъ ему вырваться изъ нея, и полнымъ отсутствіемъ въ сибирско-провинціальной глуши кого бы то ни было, кто могъ бы благотворно влiять на С. Въ атмосферѣ столичной жизни талантъ его, вѣроятно, развился бы значительно полнѣе.

„Священ. С. А. Срѣтенскій", некрологъ Евг. Ф—а, „Сибирь", 1880 г., № 9.—Молодой Сибирякъ, „Гибнущія силы; свящ. С. А. Срѣтенскій", „Восточное Обозрѣніе", 1882 г., № 13.—„Интеллигенція далекихъ окраинъ", „Недѣля", 1882 г. № 24.

А. Заринъ.

Стааль, *Августъ Гедеоновичъ*, вице-адмиралъ, родился 12 іюня 1814 г., воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; по окончаніи курса въ послѣднемъ былъ произведенъ въ гардемарины (1831 г.), затѣмъ въ мичманы (1834 г.) и до 1838 г. въ составѣ команды транспорта «Гапсаль» и корабля «Вел. Князь Михаилъ» крейсировалъ въ водахъ Балтійскаго моря. Произведенный въ 1839 г. въ лейтенанты, С. въ лѣтнее время 1839 — 1843 гг. на фрегатѣ «Ольга» совершалъ обычныя плаванія въ русскихъ водахъ того же Балтійскаго моря, въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ на «Вел. Князѣ Михаилѣ» ежегодно ѣздилъ къ шведскимъ и датскимъ берегамъ, и въ 1848 г. на «Сысоѣ Великомъ» совершилъ переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно. 6 декабря 1849 г. онъ былъ пожалованъ въ капитанъ-лейтенанты, въ 1853 г. награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст., а въ 1854 г. принималъ участіе въ защитѣ Кронштадта отъ нападенія англо-французскаго флота. 26 августа 1856 г. С. получилъ чинъ капитана 2 ранга, черезъ два года былъ назначенъ командиромъ 1-го ластоваго экипажа, въ 1859 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга и перемѣщенъ командиромъ 2-го ластоваго экипажа, начальникомъ котораго состоялъ до 1863 г., когда экипажъ былъ расформированъ, и С. былъ ввѣренъ 7-ой флотскій экипажъ. Произведенный въ 1869 г. въ контръ-адмиралы, онъ одновременно съ этимъ былъ зачисленъ по резервному флоту, а 7 января 1874 г. вмѣстѣ съ производствомъ въ вице адмиралы былъ уволенъ отъ службы. Вѣ разное время онъ былъ удостоенъ нѣсколькихъ орденовъ: св. Анны 3-ей и 2-ой ст. (1867 г.), св. Станислава 2-ой ст. (1861 г.) и императорской короны къ послѣднему (1864 г.). Въ «Морскомъ Сборникѣ» (XXXVIII, 1858 г., № 12) напечатана статья С.: «Прямое отношеніе на-

шихъ мѣръ къ меридіану и вѣса къ линейной мѣрѣ».

„Общій морской списокъ", ч. XI, Спб., 1900 г., стр. 591—592.—И. Петровъ, „Указатель статей „Морского Сборника" за 1848—1873 гг." Спб., 1875 г., стр. 135.—Ф. Веселаго, „Очеркъ исторіи морскаго кадотскаго корпуса" Спб., 1852 г..—Дубровинъ, „Матеріалы для исторіи Крымской войны" Спб., 1871—1873 гг.

К. Рожковъ.

Стааль, *Карлъ Густавовичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, московскій комендантъ, сенаторъ, родился 30 августа 1777 г. въ Раппелѣ, въ имѣніи Кеденнахъ. Военную службу С. началъ при имп. Екатеринѣ II, подъ начальствомъ Суворова. Въ 1785 г. онъ, еще ребенокъ, по обычаямъ времени, былъ записанъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, въ 1796 г., всего 19 лѣтъ отъ роду, уже былъ капитаномъ и поступилъ въ Переяславскій конно-егерскій полкъ, а въ слѣдующемъ году, по расформированіи полка, перешелъ въ Каргопольскій драгунскій, шефомъ котораго состоялъ его отецъ. Боевое поприще С. началось въ 1799 г., въ войнѣ съ французами на территоріяхъ Австріи и Швейцаріи. Въ 1805 г. онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Аустерлицѣ и при Фридландѣ; а въ 1806—1807 гг. его военныя заслуги обратили на себя вниманіе императора Александра I. Рескриптомъ отъ 8 января 1807 г. маіоръ С. былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-ой ст. за сраженіе при Пултускѣ, гдѣ, «ударивъ храбро и неустрашимо командуемыми имъ двумя эскадронами на непріятеля, поражалъ его и способствовалъ побѣдѣ». За то же дѣло С. получилъ рескриптъ и орденъ «За заслуги» («Orden fürs Verdienst») отъ короля прусскаго Фридриха Вильгельма. Въ томъ же году за сраженіе при Прейсишъ-Эйлау и за отбитіе у непріятеля пяти орудій С. былъ удостоенъ второго Высочайшаго рескрипта на орденъ св. Владиміра и отъ короля прусскаго на орденъ «Pour le mérite». Въ 1810 г. С. произведенъ въ подполковники, съ переводомъ за отличіе въ лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ, а въ слѣдующемъ году назначенъ адъютантомъ къ наслѣднику Константину Павловичу и произведенъ въ полковники. Во время нашествія Наполеона на Россію, а затѣмъ во время преслѣдованія французскихъ войскъ до Парижа С. участвовалъ въ дѣлахъ и сраженіяхъ при Люценѣ, Бауценѣ и Дрезденѣ, въ разгромѣ французскаго корпуса подъ Кульмомъ, когда лично арестовалъ взятаго въ плѣнъ генерала Вандама, въ генеральной битвѣ подъ Лейпцигомъ, за отличіе въ которой произведенъ былъ въ генералъ-майоры и назначенъ командиромъ кирасирской бригады, въ болѣе или менѣе крупныхъ стычкахъ уже въ предѣлахъ Франціи—при Бріеннѣ, Труа, Равильонѣ, Баръ-сюръ-Объ, Фершампенуазѣ и, наконецъ, во взятіи Парижа. Продолжительный походъ съ его трудностями и лишеніями отразился на здоровьѣ С., и на родину онъ вернулся съ расшатанными силами. Назначенный въ 1818 г. ген.-интендантомъ 2-ой арміи, С. въ слѣдующемъ году принужденъ былъ оставить службу. Выйдя въ отставку, онъ поселился въ своемъ имѣніи, Полтавской губерніи, Кременчугскаго уѣзда, гдѣ и прожилъ до 1827 г., когда, вынуждаемый отчасти неблагопріятными матеріальными обстоятельствами, снова поступилъ на службу, занялъ постъ начальника одной изъ губерній южной Россіи и былъ пожалованъ въ ген.-адъютанты великаго князя Константина. Въ 1830 г. С. былъ назначенъ московскимъ комендантомъ, и въ этой должности много содѣйствовалъ прекращенію волненій во время холеры въ 1830 г. въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ, предсѣдательствуя между прочимъ въ комитетѣ, обсуждавшемъ мѣры борьбы съ эпидеміей. Въ 1840 г. С. былъ назначенъ сенаторомъ общаго собранія московскихъ департаментовъ, а въ 1844 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Скончался С. 16 февраля 1853 г. на 76-мъ году жизни и на 68 г. службы.

„Вѣдомости московской городской полиціи", 1853 г., № 51.—„Московскія Вѣдомости", 1853 г., № 29.—„Русскій Инвалидъ", 1853 г., № 56.—„Настольный словарь" Толля, s. v.—„Энциклопедическій словарь" Брокгауза и Эфрона, s. v.—„Въ память 100-лѣтняго юбилея военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія 1769—1869".

Ф. Кравецъ.

Стааль, *Ѳедоръ Гедеоновичъ*, вице-адмиралъ, братъ Августа Гедеоновича, род. 14 мая 1818 г., умеръ 29 января 1892 г., въ 1829 г. поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, изъ котораго въ 1836 г. вышелъ

въ чинѣ мичмана и былъ назначенъ на службу въ Черноморскій флотъ. Въ послѣднемъ совершая ежегодно на различныхъ судахъ обычныя плаванія и одно время состоя въ распоряженіи российской миссіи при турецкомъ дворѣ, С. служилъ до 1844 г., когда былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ. Въ водахъ Балтійскаго моря уже въ чинѣ лейтенанта, онъ плавалъ у шведскихъ и финляндскихъ береговъ, нерѣдко принималъ участіе въ проводкѣ новопостроенныхъ кораблей изъ Петербурга въ Кронштадтъ, а съ производствомъ въ капитанъ-лейтенанты (1851 г.) командовалъ сначала небольшими судами, затѣмъ корветомъ «Амфитрида» и, наконецъ, однимъ изъ лучшихъ винтовыхъ корветовъ—«Новикъ». На послѣднемъ, входившемъ въ составъ небольшой эскадры, С., вышедши въ 1857 г. изъ Кронштадта, совершилъ плаваніе на Дальній Востокъ, къ берегамъ Амура и затѣмъ въ теченіе слѣдующаго лѣта обслѣдовалъ расположеніе многихъ островов на Великомъ океанѣ. Съ Дальняго Востока въ Петербургъ С. возвратился сухимъ путемъ черезъ Сибирь. Въ 1860 г. на винтовомъ фрегатѣ «Илья Муромецъ» онъ совершилъ плаваніе по Средиземному и Адріатическому морямъ, посѣтилъ рядъ западно-европейскихъ портовъ, въ томъ числѣ Геную, изъ которой сухимъ путемъ возвратился въ Россію. Произведенный въ 1860 г. въ капитаны 2 ранга, онъ былъ назначенъ командиромъ учебно-артиллерійскаго корабля «Импер. Николай I», а послѣ—броненоснаго фрегата «Севастополь». Въ 1867 г. С. былъ повышенъ въ капитаны 1 ранга, въ 1869 г. произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ состоять членомъ артиллерійскаго отдѣла морского техническаго комитета, и въ томъ же году ему было поручено предсѣдательствовать въ комиссіи морскихъ артиллерійскихъ опытовъ. Въ вице-адмиралы С. былъ произведенъ въ 1881 г., а два года спустя назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта, въ которомъ состоялъ до самой смерти. За время своей долголѣтней службы С. былъ награжденъ орденами до Бѣлаго Орла и Александра Невскаго. Въ 1867 году ему было объявлено Высочайшее благоволеніе, въ 1868 году онъ былъ пожалованъ подаркомъ, а въ 1891 г.—ежегодной арендой въ 2000 руб. на шесть лѣтъ. О совершаемыхъ имъ плаваніяхъ С. составлялъ подробные и обстоятельные отчеты, часть которыхъ въ извлеченіяхъ была напечатана; именно: «Плаваніе корвета «Новикъ» изъ Кронштадта къ берегамъ Амура и затѣмъ по Тихому океану въ 1857—1860 гг.» («Морской Сборникъ», XXXV, 1858 г., № 6 и 7); «О плаваніи фрегата «Илья Муромецъ» въ Средиземномъ морѣ и обратно въ Кронштадтъ въ 1859—1861 гг.» (тамъ же, XLIV, 1859 г., № 12 и 1860 г., № 2). Кромѣ того С. писалъ и по техническимъ вопросамъ военно-морского дѣла; одна его статья—«О различныхъ способахъ укладыванія запаснаго рангоута на судахъ»—напечатана также въ «Морскомъ Сборникѣ» (VIII, 1852 г., № 7).

«Общій морской списокъ», ч. XI, Спб., 1900 г., стр. 593—595.—«Извѣстіе объ отрядѣ судовъ, отправившемся къ устьямъ Амура», «Морской Сборникъ», XXX, 1857 г., № 10.—«Рапорты начальника амурскаго отряда корветовъ и клиперовъ», тамъ же, 1857 г., № 10, стр. 177 180, № 11, стр. 30—37, № 12, 90—95; 1858 г., № 1, 41—45; № 2, 67—74, № 3, 171—173, № 4, 367—368, № 5, 189—190, № 7, 35—46, № 8, 116—117, № 9, 17—18, № 10, 60—69, № 11, 32—33; 1859 г., № 1, 12—13, № 2, 23—28, № 5, 228—232.—«Извѣстіе объ отправленіи изъ Кронштадта въ Средиземное море эскадры подъ начальствомъ контръ-адмир. Нордмана», тамъ же, 1858 г., № 9, 47 50.—«Рапорты начальника той же эскадры», тамъ же, 1859 г. № 10, 99—103, № 11, 80—87, № 12, 158—159; 1860 г. № 1, 48—51, № 2, 142—145, № 5, 296—297, № 6, 30—32, № 7, 72—76, № 8, 76—78, № 9, 170—173, № 10, 43—45, № 11, 140—141.—Ф. Веселаго, «Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса», Спб., 1852 г.

К. Рожковъ.

Стаалъ фонъ-Гольштейны (Stael von Golstein)—древній дворянскій и баронскій родъ, происходящій изъ Вестфаліи и имѣющій свои корни въ XII в. Въ XV в. онъ появляется въ Прибалтійскомъ краѣ. *Іоганнъ* С. фонъ-Гольштейнъ былъ посломъ отъ ливонскаго ордена для заключенія договора со Швеціей, а затѣмъ фохтомъ тевтонскаго ордена въ Везенбергѣ и Іервенѣ (1487—1609 гг.). Въ началѣ XV в. сдѣлался извѣстнымъ *Робертъ* С. ф.-Гольштейнъ, приближенный совѣтникъ Плеттенберга и депутатъ отъ рыцарскаго сословія Гаріеса и Вирланда въ судѣ, состоявшемся по обвиненію епископа Блан-

кенфельда въ измѣнѣ. Нѣкоторое время, отъ смерти Роберта и вплоть до начала XVII в., представители рода въ древнихъ историческихъ актахъ упоминаются рѣдко и только между прочимъ. Можно лишь установить, что одинъ изъ нихъ, по прозванію *Гильдебрандъ*, былъ захваченъ русскими въ плѣнъ и провелъ въ немъ семь лѣтъ, при чемъ имѣнія его въ Западномъ краѣ были почему-то конфискованы въ пользу шведской казны. Гильдебрандъ собственно и считается родоначальникомъ всѣхъ нынѣшнихъ бароновъ и дворянъ С. ф.-Гольштейнъ. Послѣ его смерти свѣдѣнія о родѣ становятся болѣе полными. Онъ оставилъ двоихъ малолѣтнихъ дѣтей, *Матвѣя* (Матіасъ), *Іоганна*, въ крайней бѣдности. Оба они должны были впослѣдствіи, чтобы добыть средства къ жизни, записаться въ мѣщане по г. Пернову и заняться торговлей. Послѣдняя доставила имъ значительное состояніе и почетъ, и старшій изъ братьевъ, Матвѣй, былъ избранъ сначала въ депутаты городского магистрата, а затѣмъ и въ бургомистры. По законамъ того времени, дворяне, вступившіе въ купеческое сословіе и занявшіеся торговлей, лишались дворянскаго званія, вслѣдствіе чего оба брата утратили права на принадлежность къ привилегированному сословію. Однако сынъ Матвѣя, *Яковъ*, получивъ послѣ отца крупное состояніе, поступилъ въ военную службу, дослужился до чина полковника, въ 1652 г. шведской королевой Христиной былъ возстановленъ въ дворянскихъ правахъ и кромѣ того получилъ всѣ раньше конфискованныя у его дѣда имѣнія. Яковъ является однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей рода. Онъ достигъ такого вліянія, что въ 1667 г. былъ избранъ лифляндскимъ ландмаршаломъ, въ 1673 г. назначенъ ландратомъ, въ томъ же году намѣстникомъ Ревеля, а черезъ нѣкоторое время занялъ постъ начальника всѣхъ военныхъ сооруженій и завѣдующаго постройкой крѣпостей во всемъ нынѣшнемъ Прибалтійскомъ краѣ. Изъ числа послѣднихъ, построенныхъ имъ, достойны упоминанія крѣпости въ Ревелѣ и Ніеншанцѣ. Въ 1674 г. онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ тридцатилѣтней войны, судился за сдачу крѣпости Поммерна, былъ оправданъ и вновь назначенъ начальникомъ артиллерійской и инженерной частей въ Западномъ краѣ. Въ одномъ изъ его имѣній впервые въ Западномъ краѣ сталъ производиться порохъ. Въ 1679 г. онъ былъ убитъ въ какой-то темной и загадочной исторіи. Послѣ него осталось 6 дѣтей; нѣкоторыя изъ нихъ переселились на Скандинавскій полуостровъ, а самый младшій сынъ, *Фабіанъ-Эрнстъ*, остался въ Эстляндіи, въ 1692—1699 гг. служилъ въ войскахъ и участвовалъ въ верхне-рейнскомъ походѣ подъ начальствомъ Людвига Баденскаго противъ люксембургскаго маршала. Въ началѣ XVII в. онъ организовалъ въ Эстляндіи отрядъ милиціи изъ 1.000 человѣкъ, сталъ во главѣ его и защищалъ страну, подвергавшуюся грабежу то одной, то другой изъ воюющихъ сторонъ въ это неспокойное время. Въ 1705 г. рыцарское сословіе края избрало его, какъ энергичнаго и стойкаго человѣка, своимъ депутатомъ, поручивъ ему защиту интересовъ и привилегій сословія противъ посягательствъ на нихъ со стороны стокгольмскаго правительства. Обязанности депутата онъ скоро сложилъ съ себя, но борьбу противъ правительства продолжалъ вести и въ качествѣ частнаго лица. Въ 1713 г. онъ былъ избранъ въ Landratscollegium, членомъ котораго состоялъ почти до самой смерти, послѣдовавшей въ 1730 г. Два его сына умерли отъ чумы, еще при его жизни; изъ дѣтей осталась только дочь, которая вышла замужъ за одного изъ жившихъ въ Швеціи представителей этой же фамиліи, переселившагося послѣ брака въ Эстляндію. Сынъ этой четы, также *Фабіанъ-Эрнстъ*, по прозванію «младшій» (въ отличіе отъ своего дѣда того же имени), жилъ не долго († 1772 г.) и всѣ свои труды вложилъ главнымъ образомъ на поддержаніе основанной имъ рыцарской школы. Такимъ образомъ, родъ С. фонъ-Гольштейнъ раздѣлился на двѣ группы: одна изъ нихъ жила на Скандинавскомъ полуостровѣ и находилась въ шведскомъ подданствѣ; другая же продолжала жить въ Западномъ краѣ и вмѣстѣ съ присоединеніемъ его къ Россіи перешла въ русское подданство. Изъ позднѣйшихъ представителей послѣдней линіи, извѣстны: баронъ *Александръ Карловичъ* (ум. 27 мая 1875 г.), генералъ-маіоръ, баронъ *Иванъ Карловичъ* (1798—1868), генералъ-адъютантъ и ген.-отъ-кавалеріи (о немъ см. отдѣльно); баронъ *Карлъ Карловичъ*, род. 10 іюня 1820 г., ум. 11 окт. 1868 г., генер.-адъютантъ; баронъ *Нико-*

лай Александровичъ, ум. въ январѣ 1887 г., генер.-лейтенантъ, и баронъ *Анатолій Александровичъ*, художникъ и граверъ; изъ его работъ извѣстна гравюра «Женская головка». Въ 1869 г. родъ С. ф.-Гольштейнъ внесенъ въ Эстляндскіе матрикулы 1746 г., и ему предоставлено право пользоваться баронскимъ титуломъ.

A. Fahne, „Geschichte der Herren Stael von Holstein", 2 Bde,Köln, 1869—71.—Russwurm, „Nachrichten über das adeliche und freiherrliche Geshlecht Stael von Holstein", ст. въ „Baltische Monatsschrift", 1873, Bd. 22, S. 444—455.—Гр. А. Бобринскій, „Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ Всероссійск. имперіи", Спб., 1890 г. ч. 1, стр. 487.—Толь, „Настольный словарь".—„Русская Старина", 1871 г., т. XL, стр. 177. *П. Лукьяновъ.*

Стааль-фонъ-Гольштейнъ, *Иванъ Карловичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, родился въ 1799 г.; образованіе получилъ въ одномъ изъ частныхъ учебныхъ заведеній. Военную службу С. началъ въ 1814 г., поступивъ юнкеромъ въ конную артиллерію; въ первый офицерскій чинъ, прапорщики, произведенъ въ 1816 г. Въ 1826 г. С., уже въ чинѣ подпоручика, былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику артиллеріи 2-й арміи и вскорѣ послѣ этого повышенъ въ поручики. За участіе въ турецкой войнѣ 1828—1829 гг. и за отличія, оказанныя подъ Силистріей, Кулевчей и Адріанополемъ, онъ былъ награжденъ орденами св. Анны 3 ст. и св. Владиміра 4 ст., оба съ бантами, произведенъ въ чинъ штабсъ-капитана и въ 1830 г. переведенъ въ лейбъ-гвардіи конную артиллерію. Во время войны 1831 г. противъ Польши С. состоялъ при начальникѣ артиллеріи дѣйствующей арміи ген.-адъют. князѣ Горчаковѣ, лично принималъ участіе въ рядѣ сраженій и за проявленную имъ доблесть въ сраженіи подъ Остроленкою произведенъ въ капитаны, а за отличіе при штурмѣ Варшавы—въ полковники. Въ 1836 г. С. былъ назначенъ командиромъ 3-й легкой батареи лейбъ-гвардіи конной артиллеріи, 1 декабря 1838 г. былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 4-й ст., въ 1839 г. произведенъ въ ген.-майоры съ назначеніемъ командиромъ 2 бригады 1-й драгунской дивизіи, а въ 1842 г. назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, которымъ командовалъ до 1847 г., когда былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Въ 1849 г. произведенъ въ ген.-лейтенанты и назначенъ начальникомъ 2 кавалерійской дивизіи, которою командовалъ до 1860 г. Въ теченіе этого времени онъ былъ награжденъ орденами св. Владиміра 2 ст., Бѣлаго Орла и нѣкоторыми иностранными, а также неоднократными денежными вспоможеніями и арендами. Въ 1860 г. С. былъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта, въ слѣдующемъ году назначенъ командиромъ 6-го армейскаго корпуса и произведенъ въ чинъ генерала-отъ-кавалеріи, а съ 1864 г. состоялъ также членомъ комитета о раненыхъ; при послѣднемъ назначеніи награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Скончался С. 11 октября 1868 года на 70 г. жизни и на 54 г. службы.

„Иллюстрированная Газета", 1868 г., № 49.—„Военный Сборникъ", 1878 г., № 12.—„Ежегодникъ русской арміи", 1870 года, ч. II.—„Оружейный сборникъ", 1865 г., № 2, отд. II, стр. 17, 30.—„Энциклопедическій словарь" Брокгауза и Эфрона, томъ 31, Спб, 1903 г.,s.v.—„Въ память столѣтняго юбилея военнаго ордена св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія", 1769—1869 гг. *Ф. Кравецъ.*

Ставассеръ, *Петръ Андреевичъ*, скульпторъ, родился въ Петербургѣ 30 октября 1816 г., умеръ въ Римѣ 25 апрѣля 1850 г. Еще въ попыткахъ С. въ раннемъ дѣтствѣ лѣпить изъ глины обнаруживались его способности къ скульптурѣ. Въ 1827 г. С. поступилъ въ число воспитанниковъ Императорской академіи художествъ. Здѣсь онъ сначала занимался архитектурой, а затѣмъ избралъ своею спеціальностью скульптуру, которой обучался у С. И. Гальберга. Послѣдній, полюбивъ С. и оцѣнивъ его несомнѣнный талантъ, удѣлялъ особенное вниманіе занятіямъ съ нимъ. Въ 1831 г., по случаю преобразованія академіи, С. попалъ въ число исключенныхъ изъ нея учениковъ, но затѣмъ, по ходатайству ректора академіи И. П. Мартоса, былъ снова принятъ въ нее. Съ теченіемъ времени успѣхи С. въ скульптурѣ становились все замѣтнѣе. Въ 1835 г. онъ получилъ малую серебряную медаль за вылѣпленную натуру, въ 1837 г.—малую такую же медаль за вылѣпленную круглую фигуру и большую серебряную—за фигуру, изображающую слушающаго юношу, въ 1838 г.—малую золотую медаль за барельефъ: «Давидъ, играющій передъ Сауломъ на арфѣ». Во всѣхъ,

даже въ обычныхъ классныхъ работахъ С. было всегда нѣчто гораздо большее, чѣмъ безукоризненное ученическое исполненіе: на всемъ лежала печать невыработаннаго, но несомнѣнно значительнаго и оригинальнаго таланта. Когда знаменитый К. П. Брюлловъ впервые увидѣлъ лѣпную работу С. въ натурномъ классѣ, то, обратясь къ дежурнымъ профессорамъ Егорову и Гальбергу, сказалъ: «Поберегите этого мальчика, онъ принесетъ честь академіи». Послѣ смерти Гальберга (въ 1839 г.) С. особенно близко познакомился съ К. П. Брюлловымъ, дававшимъ ему немало художественныхъ совѣтовъ; вступивъ затѣмъ въ дружескія отношенія съ семействомъ С. и часто бывая у нихъ, Брюлловъ и въ частныхъ бесѣдахъ не упускалъ случая говорить съ С. по вопросамъ искусства и, несомнѣнно, имѣлъ вліяніе на развитіе художественнаго таланта молодого скульптора. Въ 1839 году С. окончилъ курсъ академіи съ званіемъ художника 14-го класса и большою золотою медалью, присужденною ему за статую «Молодой удильщикъ» (бронзовый экземпляръ этой статуи находится въ Петергофѣ, на Царицыномъ островкѣ); за эту же статую ему была присуждена академіей и другая золотая медаль, установленная для отличившихся въ экспрессіи. Статуя «Молодой удильщикъ», выставленная на академической выставкѣ 1839 года, обратила на себя всеобщее вниманіе простотой идеи, граціей и жизненностью изображенія и мастерской лѣпкой, доставивъ С. значительную извѣстность. Большая золотая медаль при окончаніи курса академіи дала С. право на путешествіе за границу на казенный счетъ. Въ ожиданіи этой поѣздки, онъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ по академіи А. А. Ивановымъ исполнилъ памятникъ Ѳ. С. Щедрину (въ Сорренто) по эскизу, оставшемуся послѣ смерти Гальберга, вылѣпилъ барельефъ для церкви академіи художествъ: «Ангелъ, возмущающій воду», изготовилъ, также по эскизу Гальберга, огромную фигуру музы Кліо для памятника Карамзину въ Симбирскѣ, работалъ надъ эскизомъ фронтона для Исаакіевскаго собора: «Св. Исаакій благословляетъ императора Ѳеодосія» (обѣ послѣднія работы—также въ сотрудничествѣ съ А. А. Ивановымъ) и сдѣлалъ бюсты-портреты своей сестры, ребенка князя С. П. Голицына, графини Зубовой, г-жи Бекъ. Въ 1841г. С. отправился за границу и поселился въ Римѣ, совершая оттуда кратковременныя экскурсіи и въ другія мѣста Италіи. Въ Римѣ онъ сдѣлалъ бюсты архитектора Эпингера, генерала Раевскаго, графа Віельгорскаго, статую «Молящійся ангелъ» для князя С. П. Голицына (давшую ему въ 1845 г. званіе академика), бюстъ Капна; занимался эскизами для работъ къ храму Христа Спасителя въ Москвѣ, по порученію К. А. Тона (ангелы надъ арками и огромный барельефъ «Давидъ вручаетъ чертежъ храма Соломону»); выполнилъ фигуру русалки (мраморный экземпляръ находится въ музеѣ Императора Александра III въ Петербургѣ) и извѣстную группу «Нимфа и Сатиръ, надѣвающій ей на ногу сандалію» (тамъ же). Группа «Нимфа и Сатиръ»—лучшее произведеніе С. Въ ней съ особенною ясностью проявились положительныя черты художественныхъ произведеній С.: замѣчательная грація и благородство формъ, красота постановки фигуры, глубокая жизненность какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, плавность и мягкость линій. Эта группа окончательно упрочила за С. репутацію талантливаго скульптора. Въ Эмсѣ, куда позже отправился С., онъ сдѣлалъ бюстъ своего товарища-живописца Штернберга съ портрета (1847 г., находится въ музеѣ Императора Александра III) и небольшую фигуру вакханки (1848 г.). Произведенія С. давали основаніе ждать многаго отъ него въ будущемъ, но ранняя смерть унесла этотъ талантъ въ самомъ началѣ его развитія. Въ 1847 г., во время бывшаго въ Римѣ наводненія, С. схватилъ сильную простуду, слѣдствіемъ которой была чахотка, притомъ въ острой формѣ. Поѣздка для леченія въ Эмсъ принесла ему нѣкоторое временное облегченіе, но затѣмъ развитіе болѣзни пошло быстрыми шагами, и въ апрѣлѣ 1850 г. С. скончался, на 34 году жизни. Какъ человѣкъ, С. отличался замѣчательной мягкостью характера, глубокою впечатлительностью, прямотою, безкорыстіемъ въ житейскихъ дѣлахъ и благородствомъ во всѣхъ отношеніяхъ; во время пребыванія въ академіи художествъ онъ пользовался горячею привязанностью товарищей.

Кромѣ живописи, С. глубоко любилъ музыку, которою началъ заниматься еще въ

стѣнахъ академіи. Въ послѣдней находится бюстъ С. работы извѣстнаго Делаведза, съ которымъ С. связывала самая тѣсная дружба, начавшаяся еще на школьной скамьѣ и продолжавшаяся до самой смерти С.

В. Т-нъ, «Петръ Андреевичъ Ставассеръ», «Сѣверн. Цвѣты», 1857 г., № 3, стр. 1—7, № 5, стр. 1—4.—Н. Рамазановъ, «Петръ Андреевичъ Ставассеръ», «Русскій Вѣстникъ», 1863 г., томъ XLIII, № 1, стр. 205—252.— «Къ портрету П. А. Ставассера», «Русскій Художественный Листокъ», 1852 г., № 26.— П. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія», Спб., 1864—1866 гг.—«Рыбакъ, статуя Ставассера», «Иллюстрированная Газета», 1866 г., томъ XVIII, стр. 356—А. П. Новицкій, «Исторія русскаго искусства», М., 1899—1903 гг.—«Каталогъ художественнаго отдѣла русскаго музея Императора Александра III», Спб., 1899 г.—Энциклопедическ. словарь Брокгаузъ-Ефронъ, т. 31, Спб., 1903 г. *В. Грековъ.*

Ставицкій, *Максимъ Ѳедоровичъ,* генералъ-лейтенантъ и сенаторъ, родился въ 1778 г. въ Полтавской губ., гдѣ жилъ его отецъ, капитанъ въ отставкѣ. Шести лѣтъ С. былъ привезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ артиллерійскій и инженерный кадетскій корпусъ. Получивъ «за примѣрные успѣхи въ наукахъ и отличное поведеніе» званіе капрала, а потомъ сержанта и золотую медаль, онъ въ 1791 г. былъ выпущенъ штыкъ-юнкеромъ въ артиллерійскій батальонъ Балтійскаго гребного флота, откуда черезъ годъ перешелъ въ бомбардирскій полкъ и поступилъ въ составъ войскъ, расположенныхъ въ Польшѣ. Въ іюлѣ 1794 г. онъ вмѣстѣ съ другими былъ захваченъ возставшими поляками въ плѣнъ и содержался тамъ до вступленія въ Варшаву Суворова. Какъ одинъ изъ участниковъ разсѣянія конфедератовъ, С. по окончаніи военныхъ дѣйствій былъ награжденъ чиномъ подпоручика. Въ 1800 г., уже въ чинѣ маіора, онъ по повелѣнію Императора Павла I. сопровождалъ гр. Спренгпортена, который ѣздилъ во Францію въ качествѣ уполномоченнаго для предварительныхъ переговоровъ о мирѣ и для размѣна плѣнныхъ. Въ слѣдующемъ году С. сопровождалъ того же гр. Спренгпортена въ его поѣздкѣ съ важнымъ порученіемъ въ Оренбургскую губ. и Тобольскъ, и отсюда уже самостоятельно ѣздилъ въ Нерчинскъ и далѣе, до устья Амура, а на обратномъ пути углубился въ Киргизскія степи и осмотрѣлъ и описалъ Кавказскую и Кубанскую линіи. Наконецъ, въ 1802 г. онъ былъ по Высочайшему повелѣнію командированъ съ военною цѣлью въ Константинополь, Малую Азію и на Іоническіе острова, гдѣ русскими тогда содержался небольшой военный отрядъ. Послѣ такого почти четырехлѣтняго путешествія, богатый свѣдѣніями и наблюденіями, С. возвратился въ 1805 г. въ Петербургъ, лично представилъ Александру I отчетъ о поѣздкѣ по Амуру и Іоническимъ островамъ, былъ Императоромъ обласканъ и получилъ назначеніе на видное мѣсто бригадъ-маіора въ армію Беннигсена, выступавшую изъ Гродны въ Силезію. Вслѣдствіе полученнаго извѣстія объ Аустерлицкомъ пораженіи армія Беннигсена вернулась вскорѣ обратно, но С. за свою распорядительность въ этомъ кратковременномъ походѣ былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ Императора. Во вторую войну съ Наполеономъ С. занималъ тотъ же важный постъ бригадъ-маіора въ арміи Беннигсена и въ теченіе этой кампаніи участвовалъ лично въ кровопролитномъ авангардномъ дѣлѣ гр. Остермана при Черновѣ, въ Пултусскомъ сраженіи, за отличіе въ которомъ получилъ Георгіевскій крестъ, 4-го класса, и въ кровопролитной битвѣ при Прейсишъ-Эйлау (26 и 27 янв. 1807 г.). Съ донесеніемъ о послѣднемъ сраженіи и съ семью отбитыми у французовъ знаменами С. 29 янв. былъ посланъ Беннигсеномъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ орденъ св. Анны 2-й ст., и Императоръ лично поздравилъ его съ чиномъ полковника, хотя всего за недѣлю передъ этимъ онъ получилъ чинъ подполковника по старшинству. Возвратившись въ армію, С. участвовалъ снова въ дѣлахъ при Вольсдорфѣ (24 мая), при Анкендорфѣ (25 мая, за отличіе въ этомъ дѣлѣ награжденъ золотою медалью съ надписью «За храбрость»), подъ Гейльсбергомъ (29 мая) и подъ Фридландомъ (2 іюня), гдѣ былъ тяжело раненъ пулею въ лѣвую руку; за это дѣло получилъ Владиміра 3-й степени. Вернувшись послѣ Тильзитскаго мира въ Россію, С. получилъ повелѣніе сформировать и обучить строевой службѣ четыре резервныхъ батальона для арміи, дѣйствовавшей въ Финляндіи, что имъ и было исполнено вполнѣ успѣшно. Во время Галиційскаго похода въ 1809 г. онъ состоялъ бригадъ-маіоромъ при главнокомандовавшемъ кн. С. Ѳ. Голицынѣ, а затѣмъ въ званіи полно-

*

мочнаго комиссара велъ переговоры съ австрійцами объ уступкѣ Тарнопольской и объ очищеніи войсками другихъ австрійскихъ областей.

По возвращеніи изъ Галиціи С. былъ принятъ въ свиту государя, но, назначенный въ октябрѣ 1811 г. бригаднымъ командиромъ въ формировавшуюся въ Москвѣ 27-ю пѣхотную дивизію Невѣровскаго, вмѣстѣ съ послѣднею весною 1812 г. выступилъ опять въ походъ противъ французовъ. 4-го и 5-го августа бригада С. мужественно отстаивала Роченское предмѣстье Смоленска противъ превосходныхъ силъ непріятеля, а ночью 6-го августа, оставивъ испепеленный городъ, стала отступать къ Бородино, подъ которымъ, построенная въ батальонныя колонны, съ шестью орудіями, занимала лѣвую часть Шевардинскаго редута и 24 авг. защищала его отъ многократныхъ и ожесточенныхъ нападеній генер. Компана до тѣхъ поръ, пока не пришелъ приказъ Кутузова оставить редутъ. Въ этой битвѣ С. сильно контузило правую руку, но поля сраженія онъ не оставилъ. 26 авг., въ день Бородинской битвы, полки С. вмѣстѣ со всей дивизіей Невѣровскаго занимали вторую линію, непосредственно за гренадерскою дивизіею гр. Воронцова, и послѣ почти полнаго уничтоженія послѣдней вынуждены были, поддерживаемые конницей, пойти въ штыки; послѣ продолжительной схватки они по приказанію вышли изъ боя, въ числѣ... всего нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Въ этотъ кровавый день пуля раздробила С. кость лѣвой ноги, и онъ, получивъ чинъ генералъ-маіора, почти на цѣлый годъ долженъ былъ разстаться съ арміей. Возвратился онъ снова въ нее только въ іюлѣ 1813 г. и съ возобновленіемъ послѣ Пойшвицкаго перемирія военныхъ дѣйствій снова принялъ участіе въ цѣломъ рядѣ дѣлъ: при Кейзерсвальде (7 авг.), при Бунцлау (11 авг.), при Кацбахѣ (14 авг.), вторично при Бунцлау (17 авг., получилъ «за отличныя дѣйствія» орденъ св. Анны 1-го класса и прусскій орденъ Краснаго орла 2-й ст.), при Мейссене (22 сент.) и, наконецъ, подъ Лейпцигомъ (6 окт.), гдѣ онъ занялъ мѣсто смертельно раненнаго въ этой битвѣ Невѣровскаго и кромѣ своей 27 дивизіи командовалъ еще 10-ю полками. Въ этой битвѣ 6 окт. С. ворвался въ сѣверное предмѣстье Лейпцига и въ числѣ прочихъ трофеевъ отнялъ у французовъ знамя 140-го полка, а на другой день, раненный въ руку, но не покидая боя, онъ овладѣлъ дер. Фаффендорфъ и помогъ гр. Ланжерону взять Галльское предмѣстье Лейпцига, гдѣ каждый шагъ стоилъ потоковъ крови. По слѣдамъ бѣгущихъ французовъ С. вмѣстѣ съ остальной арміей послѣ Лейпцига направился къ Майнцу и участвовалъ въ блокадѣ этой крѣпости. За отличія въ Лейпцигскомъ сраженіи С. получилъ пожизненную пенсію.

Перейдя послѣ блокады Майнца Рейнъ (20 дек.) и вступивъ въ предѣлы Франціи, С. со своей 27-й дивизіей опять выдержалъ цѣлый рядъ схватокъ—у Войцлера (9 янв. 1814 г.), подъ Бріенномъ (17 янв., первая стычка) и подъ тѣмъ же Бріенномъ (20 янв.) — общій бой. День этого боя былъ самымъ славнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ боевымъ днемъ С. Корпусъ гр. Ливена, въ которомъ находилась его дивизія, былъ посланъ для овладѣнія селеніемъ Ла-Ротіера, дорогого Наполеону по воспоминаніямъ изъ дѣтства и защищаемаго имъ лично. Нѣсколько разъ селеніе переходило изъ одвѣхъ рукъ въ другія. С. со своей дивизіей дрался отчаянно, и только послѣ ожесточеннѣйшаго ночного боя ему удалось принудить Наполеона очистить позиціи. Преслѣдуя непріятеля за селеніе, С. былъ тяжело раненъ въ лицо. Пуля прошла насквозь, отъ одного уха къ другому, раздробивъ обѣ челюсти и зубы. Въ безсознательномъ видѣ онъ былъ вынесенъ съ поля сраженія, и хотя послѣ тщательнаго медицинскаго ухода впослѣдствіи оправился, но въ военныхъ дѣйствіяхъ болѣе ужъ никогда не принималъ участія. Александръ I удостоилъ раненнаго генерала личнымъ посѣщеніемъ, наградилъ его Владиміромъ 2-й ст., подарилъ ему 1.000 червонцевъ, а 18 сент. 1815 г. пожаловалъ ему двѣнадцатилѣтнюю доходную аренду въ Курляндской губ. Въ послѣднее время царствованія Александра I С. въ теченіе одного года (съ авг. 1823 г. по ноябрь 1824 г.) былъ предсѣдателемъ «комиссіи, учрежденной для составленія опредѣлительнаго положенія о числѣ подводъ, потребныхъ войскамъ, при передвиженіи ихъ, для подъема тяжестей». Императоръ Николай I черезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи, 6 сент. 1826 г.,

назначилъ С. сенаторомъ, пожаловалъ въ тайные совѣтники, но скоро, по просьбѣ самого С., переименовалъ его въ генералъ-лейтенанты. Будучи сенаторомъ, С. получилъ ордена—св. Анны 1-й ст. съ императорскою короною и Бѣлаго орла. Умеръ онъ въ Петербургѣ, 21 октября 1841 года.

Толль, «Настольный словарь», т. III, стр. 528.—Справочный энциклопедич. словарь», т. IX, Спб., 1885 г., s. v.—«Военная Галлерея Зимняго Дворца», т. III, Спб., 1846 г.—«Дѣянія русскихъ полководцевъ, ознаменовавшихъ себя въ войну съ Франціей 1812—1815 гг.», Спб., 1822.—Михайловскій-Данилевскій, «Описаніе второй войны Импер. Александра I съ Наполеономъ въ 1806—1807 гг.»—Его же, «Описаніе Отечественной войны 1812 г», Спб., 1839 г.—Его же, «Описаніе войны 1813 г.».—«Въ память столѣтняго юбилея военнаго ордена св. Великомуч. и Побѣд. Георгія, 1769—1869 гг.».—«Mémoires» гр. Спренгпортена (рукопись, находящ. въ Императ. Публ. библіот.). *П. Лукьяновъ.*

Ставраковъ, *Семенъ Христофоровичъ*, генералъ-маіоръ, сподвижникъ Суворова, Кутузова, Каменскаго и др. военноначальниковъ, сынъ отставного поручика, родился въ 1764 г. въ Малороссіи. На военную службу поступилъ въ 1783 г., сержантомъ въ Козловскій пѣхотный полкъ, въ рядахъ котораго находился до 1789 г., когда перевелся въ Таврическій гренадерскій полкъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ С. участвовалъ въ польской кампаніи 1794 г., сражался при Крупчицахъ (8 сентября), Кобылкѣ (15 октября) и при взятіи штурмомъ Праги (24 октября), за что былъ произведенъ въ прапорщики и награжденъ Прагскимъ золотымъ знакомъ на Георгіевской лентѣ. Спустя нѣсколько дней послѣ штурма Праги, С. былъ посланъ въ ординарцы къ Суворову, на котораго произвелъ настолько благопріятное впечатлѣніе, что тотъ взялъ его къ себѣ въ штабъ регистраторомъ, а вскорѣ сдѣлалъ его своимъ довѣреннымъ лицомъ и личнымъ секретаремъ «капитанъ-поручичьяго чина». Съ этихъ поръ С. дѣлается неразлучнымъ спутникомъ знаменитаго полководца во всѣхъ его походахъ и вмѣстѣ съ нимъ дѣлитъ иногда даже служебныя превратности: въ 1797 г. по увольненіи Суворова и расформированіи его штаба С. подаетъ въ отставку и въ теченіе двухъ лѣтъ ведетъ частную жизнь; наоборотъ, по назначеніи Суворова въ Италію, С. снова поступаетъ на службу, попрежнему дѣлается довѣреннымъ лицомъ генералиссимуса, даже его адъютантомъ, исполняетъ всевозможныя его порученія, иногда весьма важныя, ведетъ его хозяйство и письмоводство. Не ограничиваясь исполненіемъ этихъ обязанностей, С. въ теченіе всей кампаніи въ Италіи и Швейцаріи принималъ активное участіе въ цѣломъ рядѣ болѣе или менѣе крупныхъ сраженій: при Палацолѣ—12 апрѣля 1799 г., Бергамѣ—13 апрѣля, Кассанѣ—16 апрѣля, Маренго—5 мая, въ битвахъ съ Макдональдомъ, при Тидонѣ и Нурѣ—6, 7 и 8 іюня, при Александріи—11 іюля, во взятіи Серавальскаго замка—26 іюля, въ битвѣ при Нови—4 августа и за отличія получилъ ордена св. Анны 3-ей и 2-ой ст. (послѣдній съ алмазами), св. Іоанна Іерусалимскаго и благодарность отъ австрійскаго императора, а по окончаніи похода былъ произведенъ въ капитаны, почти непосредственно за этимъ въ маіоры, и Суворовъ собственноручно возложилъ на него знаки орденовъ Маріи Терезіи и св. Маврикія и Лазаря. Незадолго до смерти Суворова С. былъ отчисленъ отъ адъютантской должности, но въ 1801 г. по воцареніи Александра I назначенъ въ свиту Императора. Въ періодъ первыхъ войнъ съ Наполеономъ С., по просьбѣ Кутузова, былъ опредѣленъ къ нему бригадъ-маіоромъ, т. е. завѣдывающимъ всѣми письменными дѣлами строевой и хозяйственной части военнаго управленія, и въ этой должности совершилъ весь походъ, лично участвуя въ сраженіяхъ при Кремсѣ и Аустерлицѣ, за что въ 1806 г. былъ произведенъ въ подполковники, а вскорѣ и въ полковники. Во вторую войну съ Наполеономъ С. состоялъ бригадъ-маіоромъ при арміяхъ Каменскаго и Беннигсена, участвовалъ во всѣхъ генеральныхъ сраженіяхъ и былъ удостоенъ ордена Владиміра 3 ст. Гр. Буксгевденъ, получивъ порученіе занять Шведскую Финляндію, испросилъ назначеніе при себѣ С., и послѣдній въ теченіе всей кампаніи въ Финляндіи постоянно находился при главной квартирѣ графа и его преемниковъ—Кнорринга и Барклая де-Толли. Въ 1811 г. С. по приглашенію Кутузова отправился въ Молдавскую армію и за дѣла противъ войскъ визиря былъ награжденъ золотой шпагой. Наконецъ, при сформированіи въ 1812 г. 1-ой Западной арміи С. былъ назначенъ комендантомъ главной ея квартиры и отъ Нѣ-

мана до Тарутина, отъ Тарутина до Парижа, а также и при вторичномъ походѣ заграницу въ 1815 г. онъ занималъ эту должность при командующихъ Барклаѣ де-Толи, Кутузовѣ, Витгенштейнѣ, во время же присутствія въ арміи Императора Александра I—и при его особѣ. За участіе въ этихъ походахъ и оказанныя имъ заслуги С. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, награжденъ орденами св. Анны 1 ст., прусскимъ Краснаго Орла и Георгія 4 ст., послѣднимъ—за 25-ти лѣтнюю службу. Съ окончаніемъ наполеоновскихъ войнъ и наступленіемъ мирнаго времени С. служилъ генералъ-вагенмейстеромъ Главнаго штаба, а потомъ инспекторомъ военныхъ госпиталей. Умеръ онъ 4 марта 1819 г. За все время его продолжительной службы въ рядахъ русскихъ войскъ не было ни одного болѣе или менѣе значительнаго похода, можно сказать—даже сраженія, въ которомъ бы онъ такъ или иначе не участвовалъ, и это обстоятельство послужило причиной тому, что въ арміи его времени выработалась ходячая поговорка—«Безъ Ставракова воевать нельзя».

Данилевскій, «Сподвижники Императора Александра I» («Военная Галлерея Зимняго Дворца»).—Липранди, «Матеріалы для Отечественной войны 1812 г.»—Д. А. Милютинъ, «Исторія войны Россіи съ Франціей въ царствованіе Императора Павла I».—А. Н. Петровъ, «Война Россіи съ Турціей, 1806 1812 гг.»—Богдановичъ, «Война 1812, 1813 и 1814 гг.»—Г. А. Лееръ, «Обзоръ войнъ».-«Справочный энциклопедическій словарь», подъ ред. А. Старчевскаго, т. 9, Спб., 1855 г., стр. 546—547—Ф. Толь, «Настольный словарь»., стр. 528. *Н. С—въ.*

Ставровскій, *Алексѣй Ивановичъ*, магистръ всеобщей исторіи, заслуженный экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ всеобщей исторіи при университетѣ св. Владиміра, родился въ 1809 г. въ семьѣ священника Новгородской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ Новгородской духовной семинаріи, а высшее—въ Главномъ педагогическомъ институтѣ. По окончаніи курса въ послѣднемъ (1836 г.), С. былъ приглашенъ въ качествѣ адъюнкта по каѳедрѣ русской исторіи и статистики въ университетѣ св. Владиміра, гдѣ черезъ годъ, послѣ смерти професора Цыха, сталъ преподавать также всеобщую исторію и греческій языкъ. Удостоенный въ 1842 г. степени магистра историческихъ наукъ, С. вслѣдъ за тѣмъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи и статистики, и эту должность занималъ въ университетѣ вплоть до 1866 г., когда за выслугою лѣтъ ушелъ въ отставку съ званіемъ заслуженнаго экстраординарнаго профессора. Педагогическая дѣятельность С. была очень обширна. Помимо лекцій по всеобщей исторіи онъ почти ежегодно читалъ въ университетѣ еще какой-нибудь предметъ—русскую исторію, статистику, греческій языкъ, одновременно преподавая исторію въ мѣстномъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ (1840—1852 гг.) и въ кадетскомъ корпусѣ (1852—1857 гг.). Въ лекціяхъ всеобщей исторіи С. придерживался плана учебной книги Герена, обрабатывая фактическую часть ея по Беккеру и Бенну, а прагматическую по идеямъ своего учителя Лоренца; въ русской исторіи слѣдовалъ идеямъ своего другого учителя—Устрялова. Читалъ онъ кромѣ того особый курсъ „теоріи исторіи", а въ курсѣ статистики слѣдовалъ системѣ Бюннинга. Лекціи С. пользовались популярностью лишь въ началѣ его профессорской дѣятельности, когда онъ много работалъ надъ своимъ предметомъ; позже онъ за множествомъ постороннихъ занятій не могъ посвящать достаточно времени для того, чтобы слѣдить за успѣхами науки, хотя и обладалъ достаточными для этого дарованіями и знакомствомъ съ исторической литературой. Вмѣстѣ съ тѣмъ С. состоялъ членомъ временнаго комитета по изысканію древностей въ Кіевѣ, много работалъ надъ организаціей кіевскаго музея древностей, находившагося въ его завѣдываніи съ 1838 г. по 1854 г., принималъ дѣятельное участіе въ производившихся въ Кіевѣ и его окрестностяхъ раскопкахъ, трудился надъ описаніемъ библіотеки и архивовъ Кіево-Печерской лавры, совершалъ неоднократныя поѣздки въ губерніи Кіевскаго учебнаго округа для изученія замѣчательныхъ въ статистическомъ и историческомъ отношеніи мѣстностей и въ 1852 г. представилъ комиссіи планъ статистическаго описанія края. Особенно богаты результатами его археологическія изысканія. Въ періодъ 1858—1864 гг. С. много разъ посѣщалъ с. Рѣшетиловку (Полтавской губерніи) и въ такъ называемомъ Рѣшетиловскомъ архивѣ, принадлежавшемъ наслѣдникамъ бывшаго секретаря князя Потемкина, Попова, сдѣ-

лалъ извлеченія изъ весьма цѣнныхъ документовъ; наиболѣе важная часть ихъ была напечатана въ „Русскомъ Архивѣ" (1864 г. и 1865 г.) и „Кіевской Старинѣ". Въ отчетахъ университета св. Владиміра за 1858—1860 гг. упоминаются и другіе, найденные С., важные манускрипты: собственноручныя письма импер. Екатерины II, Павла I, Александра I; письма русскихъ вельможъ временъ Потемкина; четыре лѣтописи: о Іоаннѣ III, о Өедорѣ Іоанновичѣ, о Өедорѣ Алексѣевичѣ, и о казанскихъ событіяхъ изъ временъ само званцевъ; записки дѣйств. тайн. совѣтн. Ивана Владиміровича Лопухина о себѣ самомъ и современныхъ лицахъ во время службы его въ Москвѣ, а потомъ при дворѣ Павла I, и особенно объ обществѣ мартинистовъ въ Москвѣ; вѣдомость и географическое описаніе крѣпости св. Димитрія Ростовскаго и окрестностей ея въ 1768 г., съ планами, чертежами и картами и исторіей происхожденія казаковъ; составленную штурманомъ Ташлыковымъ въ 1769 г. карту рѣки Дона и границъ Донского войска съ показаніемъ глубинъ рѣки черезъ каждую четверть вер. и др. Всѣ эти документы, отданные вмѣстѣ съ отчетами С. о поѣздкахъ кіевскому генералъ-губернатору, остались въ портфелѣ послѣдняго и въ печать не попали. За свои археологическія изысканія С. удостоился избранія въ члены Королевскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ (1843 г.) и Императорскаго русскаго географическаго общества (1859 г.). Оригинальныхъ научныхъ трудовъ С. не оставилъ, если не считать его диссертаціи подъ загл. «Разсужденіе о значеніи среднихъ вѣковъ въ отношеніи къ новѣйшему времени» (Кіевъ, 1842 г.). Извѣстно, что въ 40-хъ годахъ онъ собирался печатать «Всеобщую политическую исторію» и «Нумизматику древней Россіи», лекціи по которой однажды читалъ въ продолженіе цѣлаго семестра. Выйдя въ отставку и поселившись въ глухомъ уѣздномъ городѣ Острѣ, Черниговской губерніи, С. отъ недостатка привычной дѣятельности скоро заболѣлъ параличемъ, который длился очень долго и 14 ноября 1882 г. свелъ его въ могилу. С. оставилъ послѣ себя большую и цѣнную коллекцію бумагъ изъ Рѣшетиловскаго архива и библіотеку, заключавшую въ себѣ до 1000 экземпляровъ, между которыми не мало цѣнныхъ и дорогихъ.

Иконниковъ, «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра», стр. 622.—Его же, «Опытъ русской исторіографіи».—Шульгинъ, «Исторія университета св. Владиміра», Спб. 1860 г., стр. 128. — Владимирскій-Будановъ, «Исторія унив св. Владиміра», Кіевъ, 1884, стр. 114, 247.—Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей».—«Кіевская Старина», 1882, т. IV, стр. 626 (некрологъ).—«Вѣстникъ Импер. Рус. Геогр. Общ.», 1853, 7 ч., стр. 29—42.—«Отчетъ унив. св. Владиміра 1858—1860 гг.», стр. 12.—«Историческій Вѣстникъ», 1881, т. IV, 707—734.—«Кіевскія Университ. Извѣстія», 1882 г., № 5, стр. 24.—Указатель статей, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ». *Ф. Кравецъ.*

Стадлеръ (Stadler), *I. С.*, граверъ аквантиной; работалъ въ Полтавѣ въ началѣ XIX ст. Болѣе подробныхъ біографическихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось. По оставшимся послѣ него работамъ можно заключить, что какъ граверъ онъ обладалъ несомнѣннымъ и даже выдающимся талантомъ. Сохранились слѣдующія его произведенія: «Портретъ Моро»; четыре вида Полтавы, гравированные по рисункамъ Кунавина, а именно: 1) «Видъ отправленія, въ 1804 г. іюня 24 дня, панихиды на могилѣ при городѣ Полтавѣ въ память воиновъ, убіенныхъ на брани 1709 г. іюня 27 дня»; 2) «Видъ полтавскаго монастыря»; 3) «Видъ Полтавы отъ Садовой площади и со двора Семена Михайловича Кочубея»; 4) «Видъ монастыря и собора полтавскихъ отъ востоку». Послѣднія гравюры составили отдѣльную серію подъ общимъ названіемъ «La Collection des Vues de la petite Russie».

Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.", Спб., 18 5, стр. 645.—Его же, „Подробный словарь русскихъ гравюръ".

Стадухинъ, *Михаилъ* (*Михалко*) якутскій служилый человѣкъ, одинъ изъ извѣстныхъ казацкихъ «землепроходцевъ» по Сибири. До 1644 г. служилъ онъ на рѣкѣ Оемоконъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ казацкій отрядъ изъ 14 человѣкъ. Отрядъ не получалъ «государова денежнаго и хлѣбнаго жалованья», долженъ былъ кормиться на свой счетъ и имѣть собственныхъ лошадей, «быть на своихъ лошадяхъ о-два-конь». Служба отряда состояла въ собираніи ясака съ туземцевъ. Производился ли этотъ сборъ слишкомъ усердно, что при неполученіи отрядомъ со-

держанія вполнѣ допустимо, или же были другія причины, но не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что отношенія къ русскимъ служилымъ людямъ со стороны ясачныхъ туземцевъ, и въ особенности со стороны «неясачныхъ ламуцкихъ тунгусовъ» были далеко не мирными. Собравшись однажды въ количествѣ 500 человѣкъ, неясачные тунгусы, повидимому, съ вѣдома и согласія ясачныхъ, сдѣлали неожиданное нападеніе на становище С., «учинили бой» и многихъ «перестрѣляли» (ранили). Положеніе С. и его подчиненныхъ было критическое, но вдругъ онъ получилъ неожиданную поддержку со стороны, откуда менѣе всего ожидалъ ее. Въ рѣшительную минуту ясачные тунгусы измѣнили своимъ соплеменникамъ и открыто стали на сторону русскихъ. «Ясачные тунгусы и якуты за насъ стояли и по нихъ (неясачныхъ) изъ луковъ стрѣляли», говоритъ объ этомъ въ своемъ донесеніи Семенъ Дежневъ, который въ это время служилъ на той же рѣкѣ Оемоконѣ. Неясачные впослѣдствіи жестоко отомстили своимъ ясачнымъ соплеменникамъ за эту измѣну. Что же касается отряда С., то потерь людьми въ немъ совсѣмъ не было, но зато очень чувствительныя потери оказались въ лошадяхъ. Оставаться въ этихъ мѣстахъ дольше было рискованно, поэтому С., отправивъ на оставшихся лошадяхъ въ Якутскъ «соболиную казну», принялся строить «кочи» (большія лодки), чтобы, по совѣту ясачнаго князька Чоны, плыть на новыя рѣки «для прінску новыхъ неясачныхъ людей». О самомъ плаваніи С. свѣдѣній нѣтъ никакихъ, но въ 1645 г. онъ находится уже на р. «Ковымѣ» (Колымѣ). Честь открытія этой рѣки принадлежитъ С. всецѣло, и не только потому, что онъ первый изъ нетуземцевъ увидѣлъ ее, но и потому, что онъ первый, хотя кратко и далеко неточно, описалъ ея берега и живущія по нихъ племена. «Колыма рѣка велика,—писалъ между прочимъ С. въ своемъ донесеніи въ Якутскъ,—съ Лену будетъ (на самомъ дѣлѣ почти въ три раза короче), идетъ въ море подъ тотъ же вѣтръ, подъ востокъ и подъ сѣверъ.... Если по Колымѣ плыть въ море, то на лѣвой рукѣ будетъ островъ; лежитъ онъ весь на виду, такъ что пади, горы снѣжныя и ручьи знатны (видны) всѣ. Островъ этотъ длиненъ, и зимой чукотскій народъ переѣзжаетъ на него оленями въ одинъ день». О «чукотскомъ народѣ», его бытѣ и промыслахъ С. пишетъ: «Живутъ по Колымѣ иноземцы, колымскіе мужики, свой родъ, оленные и пѣшіе сидячіе многіе люди, и говорятъ на своемъ языкѣ... На томъ островѣ бьютъ они морского звѣря, моржа, отъ котораго привозятъ головы со всѣми зубами, и головамъ этимъ они молятся, а изъ зубовъ дѣлаютъ концы саней. На острову соболя нѣтъ, потому что мѣста студеныя, но зато по Колымѣ водятся».

Въ томъ же 1645 г. С. поставилъ при устьѣ Колымы «острожокъ» и «зимовье»—впослѣдствіи Нижне-Колымскій острогъ, нынѣшній Нижне-Колымскъ. Основавшись въ «острожкѣ», С. сталъ «развѣдывать, нѣтъ ли звѣря какого», и собирать моржовые клыки, «что у звѣря спереди торчатъ», открывая этимъ новый важный промыселъ. Особенно важно донесеніе С., что по морскимъ и рѣчнымъ берегамъ собиралъ онъ «заморскую кость» или «рыбій зубъ», оказавшійся клыками вымершихъ мамонтовъ. «И такъ много ея на берегу,—доносилъ онъ,—что можно было нѣсколько судовъ нагрузить».

На востокъ отъ р. Колымы тянулся край, гдѣ, по словамъ С., «звѣрь не прорыскивалъ и птица не пролетывала». Ходили слухи, что «не такъ далеко есть рѣка Анадырь, что есть также рѣка Погыча или Ковыча», что «до нихъ три дни ходу по морю способнымъ вѣтромъ» и что богатства по нимъ несмѣтныя. Нашлись охотники поискать эти рѣки. Однимъ изъ первыхъ былъ С. Прежде чѣмъ рѣшиться на такое предпріятіе, С. разсудилъ сначала съѣздить въ Якутскъ, отдать въ казну собранные его отрядомъ мѣха и кость и сдѣлать якутскому воеводѣ нѣкоторыя предложенія; главнѣйшее изъ нихъ сводилось къ тому, что «если указано будетъ умножить людей и послать ихъ на Анадырь и Погычу, то можно ожидать оттуда въ казну великой прибыли». Въ іюнѣ 1647 г. С., получивъ отъ воеводы подкрѣпленіе людьми, а также наказъ «ѣхать на р. Погычу, построить при оной зимовье, привести тамошніе народы въ ясашной платежъ и провѣдать о предъявленномъ островѣ», отправился обратно на р. Колыму. Перезимовавъ по дорогѣ на р. Янѣ, въ апрѣлѣ 1648 г. онъ пошелъ

на нартахъ дальше, на седьмой недѣлѣ достигъ р. Индигирки, гдѣ построилъ «кочь» и на ней по морю доѣхалъ до Колымы. Здѣсь онъ лѣтомъ 1649 г. построилъ двѣ большихъ «кочи» и морскимъ путемъ отправился «для объисканія рѣки Погычи». По его заявленію, «бѣжалъ онъ на парусахъ семеры сутки, токмо никакой рѣки не видалъ; чего ради остановившись, посылалъ людей для приведенія языковъ; но и сіи ни о какихъ рѣкахъ не объявили; а понеже берегъ состоялъ изъ крупнаго камня, то нельзя было ловить рыбу, и для сей причины не достало припасовъ, и былъ принужденъ идти на р. Колыму назадъ». Вернувшись на Колыму, С. отъ «языческихъ народовъ» узналъ, что до р. Анадыри, которая находится будто бы недалеко отъ Погычи, можно пройти гораздо ближе сухимъ путемъ, и въ 1649 г., получивъ еще подкрѣпленіе людьми, пустился въ поиски по сухопутью и черезъ семь недѣль достигъ Анадыри. Объ этомъ путешествіи С. написалъ челобитную или «отписку», но въ ней ни однимъ словомъ не обмолвился о Семенѣ Дежневѣ, Семенѣ Моторѣ и Юріи Сильвестровѣ, которыхъ онъ засталъ уже тамъ, и первый изъ которыхъ попалъ туда, отправившись на «шти кочахъ» (шести лодкахъ), моремъ, а остальные сухопутной дорогой. Между С. съ одной стороны и ранѣе попавшими на Анадырь служилыми людьми съ другой установились чрезвычайно враждебныя отношенія, при чемъ вина главнымъ образомъ падаетъ на С. и на его корыстолюбіе, проявлявшееся въ немилосердномъ грабежѣ туземцевъ-дикарей. Жадность С. доходила до того, что онъ вмѣстѣ со своимъ отрядомъ грабилъ, «перенималъ» людей на дорогѣ и захватывалъ у нихъ все, что попадалось: кормъ, оружіе, платье и собакъ съ нартами. Со своимъ болѣе сильнымъ отрядомъ онъ однажды напалъ на отрядъ Дежнева, и безъ того голодавшій, и обобралъ дежневцевъ дочиста. Къ тому же было еще одно обстоятельство, обострявшее эти отношенія. Первые успѣхи С. вскружили ему голову, вызвали въ немъ чрезмѣрную гордость, а неудача съ открытіемъ Анадыри возгорѣла въ немъ страшную злобу, зависть и непріязнь, въ особенности къ наиболѣе счастливому изъ «открывателей» новыхъ мѣстъ, Семену Дежневу. Если прибавить къ этому еще необычайное хвастовство С., который утверждалъ, напримѣръ, что «Большой Носъ» (нынѣшній сѣверо-восточный мысъ, вытянувшійся къ американскому материку) открытъ имъ, когда онъ на самомъ дѣлѣ открытъ тѣмъ же Дежневымъ (его именемъ и названъ),— то станутъ понятными и рукопашныя схватки, и кровавыя стычки, происходившія между враждующими сторонами. Въ 1651 г. дѣло дошло до того, что Дежневъ и Мотора «убѣгали» отъ С. къ рѣкѣ Пенжинѣ, впадающей въ Охотское море, но вскорѣ вернулись. Въ особенности же вражда обострилась въ 1652 году, когда Дежневъ открылъ у устья р. Анадыри «коргу» (отмель), на которой собирались стада моржей и здѣсь теряли свою цѣнную кость. С. приписывалъ открытіе себѣ, Дежневъ опровергалъ это, съ обѣихъ сторонъ въ Якутскъ стали посылаться доносы, и въ результатѣ отъ якутскаго воеводы былъ присланъ «прикащикъ» Михайловъ для пріема моржевой кости, а также для того, чтобы произвести «строгій розыскъ по взаимнымъ ихъ челобитнымъ другъ на друга».

Съ Анадыри С. вновь пытался отыскивать р. Погычу. Свои мытарства во время предпринятаго имъ съ этой цѣлью морского путешествія онъ описываетъ въ своей челобитной: «... былъ у коряцкихъ людей, обходился безъ хлѣба и чуть съ товарищами не померъ. Съ великой нужей достали казаки лѣсу для судовъ, съ боемъ и за кровью. Какъ пошли съ Анадыри моремъ, видѣли довольно нужды и бѣдности; отъ иноземцевъ приняли много ранъ и смертнаго убойства, а отъ моря приняли много потопу». Возвратившись на Анадырь, С. узналъ, что его поиски были напрасны, такъ какъ р. Погычей называлось верховье той же р. Анадыри.

Послѣ этого извѣстія о С. обрываются. Извѣстно только, что онъ ходилъ еще на р. Пенжину, но удачно или нѣтъ—свѣдѣній не имѣется. Можно предполагать также, что впослѣдствіи онъ помирился съ Дежневымъ, такъ какъ сохранилось извѣстіе, что при поѣздкѣ послѣдняго съ челобитной въ Москву онъ отпустилъ съ нимъ своего сына.

„Записки адмир. департ.", VII, 1, 130.—„Дополн. къ акт. ист.", IV, № 47.—Миллеръ, „Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому океану и Восточному морю, съ россійской стороны учиненныхъ", въ его „Сочинені-

яхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ",'Спб, 1758, январь.—Берхъ, „Хронологическая исторія всѣхъ путешествій въ сѣверныя полярныя страны", Спб., 1821 г.—Словцовъ, „Историческое обозрѣніе Сибири", Спб., 1886; П. П. Семеновъ, „Географ.-статист. словарь Россійской Имперіи", т. 4 (слово—„р. Колыма").—Фишеръ, „Сибирская исторія",Спб., 1774г.—„Вѣстн.Евр.", 1888, № 4. Д. Садовниковъ, „Наши землепроходцы", М., 1874 г.—Н. Оглобинъ, „Семенъ Дежневъ", Спб,, 1890 г.—„Энцикл. словари", изд. Брокгауза и Эфр., а также „Гранатъ", s. v.—«Настольный словарь" Толя, s. v.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", изд. „Общ. Пользы", кн. III, стр. 584, 585.

Н. Сербовъ.

Стакельберги—см. **Штакельберги.**

Станевичъ, *Евстафій Ивановичъ,* писатель и переводчикъ съ французскаго, родился въ Нѣжинѣ въ 1775 г. Родители его, по происхожденію греки, послѣ своей смерти оставили 15-лѣтняго С. безъ всякихъ средствъ къ жизни; однако, онъ, благодаря поддержкѣ знакомыхъ, получилъ для своего времени тщательное образованіе, окончивъ курсъ въ Московскомъ коммерческомъ училищѣ и изучивъ нѣсколько иностранныхъ языковъ. Выйдя изъ училища, онъ въ 1801 г. поступилъ на службу въ канцелярію государственнаго казначейства въ Петербургѣ, гдѣ сошелся и подружился съ извѣстнымъ впослѣдствіи защитникомъ «стараго слога» Шишковымъ. Черезъ два года С. оставилъ службу, принялъ мѣсто воспитателя дѣтей помѣщика Шидловскаго и поселился въ имѣніи послѣдняго, въ Харьковской губ. Въ деревнѣ онъ пробовалъ свои силы въ писаніи стихотвореній, басенъ и проч. и перевелъ стихами съ французскаго яз. двѣ поэмы: «Сельскій житель, или георгики французскіе», Делиля (изд. М., 1803, 8°) и «Ландшафты или опытъ о сельской природѣ», Клавдія-Франсуа-Андріана Лезай-Маркезія (Спб., 1805, 4°). Въ Петербургъ С. возвратился въ 1803 г., когда вышла извѣстная книга Шишкова «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка», на почвѣ которой въ русской литературѣ возникъ ожесточенный споръ, раздѣлившій писателей на два лагеря: защитниковъ древнихъ формъ языка, или шишковцевъ, и сторонниковъ «новаго стиля», иностранныхъ словъ и иностранныхъ оборотовъ рѣчи, или карамзинистовъ. Въ этой полемикѣ С. принялъ рѣшительно сторону шишковцевъ и въ 1804 г. выпустилъ свое «Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ», содержащее между прочимъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ авторъ рѣзко отзывается объ антишишковцахъ. Книга, въ поэтическомъ смыслѣ не имѣющая почти никакой цѣнности, вызвала ожесточенныя нападки на С., въ особенности со стороны Каченовскаго въ «Вѣстникѣ Европы». С. не остался въ долгу и черезъ короткое время отвѣтилъ обширнымъ полемическимъ произведеніемъ—«Способъ разсматривать книги и судить о нихъ», а затѣмъ книгой «Разсужденіе о русскомъ языкѣ», проникнутой благоговѣніемъ къ шишковскимъ идеямъ. Несмотря на «полемическія красоты» и рѣзкія выходки по адресу противниковъ Шишкова, послѣдняя книга, по мнѣнію акад. Грота, «содержитъ часто вѣрныя мысли, разумѣется, въ границахъ тогдашнихъ филологическихъ понятій, и показываетъ въ авторѣ человѣка начитаннаго, знакомаго со многими иностранными языками». Въ отвѣтъ на обѣ книги со стороны противнаго лагеря посыпались еще болѣе ожесточенныя нападки на С.; дѣло дошло до того, что даже старикъ Державинъ счелъ своимъ долгомъ вмѣшаться въ полемику и взять подъ свою защиту С. Къ этому же бурному для С. времени относится и его стоящая особнякомъ отъ другихъ произведеній книга «Разсужденіе о законодательствѣ вообще».

Дальнѣйшая дѣятельность С., занявшаго, по приглашенію Шишкова (тогда уже государственнаго секретаря), должность помощника директора государственнаго адмиралтейскаго департамента, выразилась главнымъ образомъ въ его участіи въ «Бесѣдѣ любителей русскаго слова», (основанной въ 1811 г.) въ противовѣсъ которой возникло общество карамзинистовъ «Арзамасъ», и въ сотрудничествѣ при журналѣ «Улей» Анастасевича.

Утвердившееся въ литературѣ общее мнѣніе, повторенное даже такимъ авторитетомъ, какъ Бѣлинскій, что С. былъ бездаренъ и малоизвѣстенъ, по крайней мѣрѣ во второй своей части не совсѣмъ справедливо. Какъ поэтъ, онъ дѣйствительно не представлялъ изъ себя ничего не только выдающагося, но даже и сколько-нибудь подымающагося надъ общимъ уровнемъ своего времени. Но какъ защитника «стараго стиля», его слѣдуетъ поставить непосредственно вслѣдъ за Шишковымъ. Тѣмъ

менѣе справедливо мнѣніе о его малоизвѣстности. Одна лишь полемика, вызванная его «Сочиненіями» и «Разсужденіями», достаточно говоритъ въ пользу противоположнаго взгляда. Послѣ же выхода въ свѣтъ (1818 г.) его книги «Бесѣда надъ гробомъ младенца» широкая извѣстность его становится несомнѣнной и безусловной. Книга эта имѣетъ своеобразную исторію. Въ 1816 г. С. поступилъ на службу въ канцелярію по принятію прошеній на Высочайшее имя; канцеляріей завѣдывалъ статсъ-секретарь П. А. Кикинъ, человѣкъ въ высшей степени религіозный, съ которымъ С. подружился и подъ его вліяніемъ самъ сдѣлался глубоко-религіознымъ въ духѣ православія. Въ это же время при дворѣ и въ высшемъ обществѣ царило увлеченіе мистицизмомъ, которое, начавшись съ высшихъ классовъ, вскорѣ передалось среднимъ и сдѣлалось моднымъ и, такъ сказать, официальнымъ. Въ Петербургъ вызывались квакеры, встрѣтившіе радушный пріемъ въ великосвѣтскихъ кругахъ, основалось нѣсколько мистическихъ кружковъ, стала издаваться обширная литература по мистическимъ вопросамъ, появились спеціальные журналы, какъ, напримѣръ, «Духъ Юношества», «Духовный Годъ Жизни Христіанской», «Христіанское Чтеніе» и, наконецъ, «Сіонскій Вѣстникъ», имѣвшій въ числѣ своихъ подписчиковъ Высочайшихъ особъ и въ качествѣ обязательныхъ абонентовъ—правительственныя учрежденія, монастыри, академіи, семинаріи, училища и пр. Понятно, что при такихъ условіяхъ выступить противъ этого направленія, на сторонѣ котораго было все вліятельное и сильное, являлось дѣломъ чрезвычайно рискованнымъ и настолько опаснымъ, что даже высшее духовенство, которому это направленіе не могло быть по душѣ, такъ какъ оно рѣзко расходилось съ православіемъ,—вынуждено было хранить молчаніе. И вотъ въ такой моментъ С. издалъ упомянутую книгу, полное заглавіе которой таково: «Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души, тогда только утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи вѣры и церкви». Смерть младенца послужила С. только поводомъ для богословскихъ разсужденій объ ученіи истинной церкви и загробной жизни и—самое главное—для попутнаго опроверженія положеній мистиковъ, причемъ какъ о самомъ мистицизмѣ, такъ и о нѣкоторыхъ русскихъ представителяхъ его С. отозвался въ выраженіяхъ болѣе чѣмъ рѣзкихъ. Сама по себѣ эта книга не представляетъ ничего выдающагося, но она была направлена противъ господствовавшаго увлеченія, имѣвшаго въ числѣ своихъ сторонниковъ самого императора, и поэтому произвела сильное впечатлѣніе. Первые громы обрушились на ея цензора, ректора Петербургской духовной семинаріи, архимандрита Иннокентія. По настоянію всесильнаго тогда оберъ-прокурора синода кн. Голицына, его нѣсколько разъ допрашивали, затѣмъ ему былъ сдѣланъ Высочайшій строжайшій выговоръ, наконецъ, онъ былъ переведенъ сначала въ Оренбургъ, потомъ въ Пензу, отъ сильнаго огорченія заболѣлъ и черезъ три мѣсяца умеръ. О самой книгѣ тѣмъ же Голицынымъ былъ сдѣланъ государю докладъ, она вскорѣ была конфискована и сожжена, а С. былъ лишенъ мѣста и въ 24 часа высланъ изъ Петербурга.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ пропаганда мистицизма стала угасать, выходить изъ моды какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ слояхъ петербургскаго общества, и постепенно одно увлеченіе замѣнилось противоположнымъ. Кн. Голицынъ получилъ отставку, и постъ министра народнаго просвѣщенія занялъ въ 1824 г. Шишковъ. С. жилъ въ это время гдѣ-то въ Малороссіи, сильно нуждаясь. Вскорѣ послѣ своего назначенія Шишковъ сдѣлалъ докладъ государю о томъ, что съ книгой С. было поступлено неправильно, и въ особомъ рескриптѣ на свое имя получилъ разрѣшеніе напечатать ее на казенный счетъ. С. было дозволено возвратиться въ Петербургъ, онъ былъ пожалованъ 2.000 руб., опредѣленъ по Высочайшему указу (1825 г.) въ департаментъ народнаго просвѣщенія чиновникомъ особыхъ порученій съ окладомъ въ 3.000 руб., кромѣ того ему было уплачено единовременно жалованье за всѣ шесть лѣтъ опалы. Вскорѣ онъ получилъ назначеніе директоромъ училищъ Курской губ. и въ этой должности служилъ до 1834 г. Въ этомъ году былъ командированъ въ Курскую губ. въ качествѣ ревизора отъ учебнаго округа профес. Харьковскаго университета Архангельскій, который предло-

жилъ С. «принять къ руководству»—«правила управленія нравственной и учебной частью воспитанія учениковъ гимназій», правила, составленныя, согласно новымъ вѣяніямъ, въ узкомъ воспитательно-полицейскомъ духѣ. С. отказался руководствоваться ими въ своей дѣятельности. По настоянію Архангельскаго, была назначена слѣдственная комиссія, и С. былъ преданъ суду совѣта Харьковскаго универс. Судъ призналъ С. виновнымъ «въ неблагонамѣренномъ оставленіи имъ учениковъ гимназіи безъ всякаго за ними смотрѣнія и въ допущеніи устраненія себя отъ обязанностей директора» и представилъ С. къ устраненію отъ должности. Министръ народнаго просвѣщенія предлагалъ С. перейти на должность директора астраханской гимназіи, но онъ отказался и долженъ былъ выйти въ отставку, послѣ чего поселился въ Полтавской губерніи, гдѣ вскорѣ, именно 15 января 1835 г., и скончался.

Ярославскій, «Воспоминанія» («Сборникъ харьк. истор.-филолог. общ.», вып. I).—П. Лащенковъ, «Евстафій Ивановичъ Становичъ» тамъ же, 1897, стр. 55—92.—Филаретъ архіеп., «Обзоръ русской духовн. литературы», стр. 424.—Лонгиновъ, «Русск. Вѣстникъ», т. II, 1861, стр. 129.—Вигель, «Воспоминанія», тамъ же, 1861, т. II, стр. 148.—Скабичевскій, «Изъ исторіи русск. цензуры», стр. 195.—«Вѣстн. Евр.», 1806, 2 янв., стр. 119; 1807, 19, 1808, XVIII, стр. 115.—«Русск. Стар.», 1876, т. 15, стр. 274; 1886, мартъ, стр. 595; т. 37, стр. 160; т. 38, стр. 115.—«Энциклоп. словарь» Брокг. и Ефр., т. 31, s. v. — «Большая энцикл.», изд. тов. «Просвѣщ.», т. 17, s. v.—«Журналъ Русской Словесности», т. I, стр. 230.—А. В. Мазіеръ, «Русская словесность съ XI по XIX столѣт. включит.», Спб., 1899 г., стр. 382, 522.—Г. Домашневъ, «О стихотворствѣ», въ «Матеріалахъ для исторіи русской литературы» П. А. Ефремова, Спб., 1867 г. *Н. Заринъ.*

Станиславскій, *Антонъ Григорьевичъ*, заслуженный профессоръ Харьковскаго и Казанскаго университетовъ по каѳедрѣ русскаго государственнаго права, тайный совѣтникъ, писатель, происходилъ изъ дворянъ Кіевской губ., род. 13 іюня 1817 г. въ Ставищахъ, Таращанскаго уѣзда. Первоначальное образованіе получилъ въ частныхъ пансіонахъ и базиліанскомъ училищѣ Канева, высшее—на юридическомъ факультетѣ университета св. Владиміра, куда поступилъ въ 1834 г. Впрочемъ, курса онъ здѣсь не окончилъ, такъ какъ, будучи заподозрѣнъ въ принадлежности къ тайному политическому обществу (извѣстное дѣло эмиссара Конарскаго), въ мартѣ 1839 г., всего за нѣсколько недѣль до выхода изъ университета, вмѣстѣ съ 6 товарищами былъ переведенъ въ Казанскій университетъ, снова на 4-й курсъ; пріемъ его сюда состоялся, однако, вопреки распоряженію министра, безъ экзаменовъ, которыхъ его товарищи не избѣгли. Въ 1840 г. С. окончилъ курсъ кандидатомъ правъ. Дѣло Конарскаго не прошло безслѣдно: при выдачѣ диплома съ С. было взято обязательство не менѣе десяти лѣтъ прослужить въ великороссійскихъ губерніяхъ, и на столько же времени ему былъ воспрещенъ въѣздъ въ Царство Польское; позже этотъ срокъ былъ уменьшенъ до 6-ти лѣтъ.

Въ концѣ 1841 г. С. выдержалъ испытаніе на степень магистра гражданскаго права и 27 сент. 1842 г. защитилъ диссертацію «Объ актахъ укрѣпленія правъ на имущества». Это была первая магистерская диссертація на юридическомъ факультетѣ Казанскаго университета. Педагогическая дѣятельность С. началась въ апрѣлѣ 1843 г., когда ему, сначала въ видѣ опыта, тѣмъ же факультетомъ поручено было читать исторію римскаго права и законы о состояніяхъ. Въ 1844 г. онъ былъ утвержденъ исправляющимъ должность адъюнкта, а въ 1845, — адъюнктомъ. Въ этомъ званіи сверхъ порученныхъ ему предметовъ С. читалъ еще курсы о государственныхъ учрежденіяхъ, русскомъ полицейскомъ и международномъ правѣ. Въ 1851 г. С. получилъ степ. доктора юридическихъ наукъ. Публично защищенная имъ диссертація носила заглавіе: «Изслѣдованіе о мѣрахъ огражденія имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ по началамъ древнѣйшаго русскаго права» (Казань, 1852 г.). Въ началѣ 1852 г. совѣтомъ университета С. былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ энциклопедіи законовѣдѣнія. Эти годы были временемъ самой усиленной дѣятельности С. Онъ много работалъ надъ обѣими диссертаціями, слѣдилъ за успѣхами науки какъ на родинѣ, такъ и въ Западной Европѣ, каждое новое явленіе и каждый новый фактъ утилизировалъ для своихъ лекцій, наконецъ, не имѣя въ Казани необходимыхъ источниковъ и матеріаловъ, побывалъ въ Петербургѣ, гдѣ занимался изученіемъ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго законодательства и, параллельно, за-

конодательства литовскаго. Результатомъ этого изученія явилась замѣчательная рѣчь, прочитанная С. на университетскомъ актѣ 18 іюня 1853 г.: «О ходѣ законодательства въ Россіи и о результатахъ его современнаго направленія», вышедшая потомъ отдѣльной монографіей (Спб., 1853 г.). Въ концѣ 1853 г. С. принялъ предложеніе харьковскаго университета перейти туда на ту же каѳедру. Здѣсь въ 1857 г. былъ утвержденъ въ должности ординарнаго профессора. Въ Харьковѣ же онъ напечаталъ и главный свой трудъ—«О происхожденіи положительнаго права» (Харьк., 1853 г.). Ученикъ Неволина, что съ достаточной ясностью видно уже изъ его магистерской диссертаціи, С. въ области права тѣсно примыкалъ къ исторической школѣ; однако, въ противоположность большинству родственныхъ ему по направленію ученыхъ, замкнувшихся въ тѣсныя рамки историко-юридическихъ изысканій, зарывшихся въ архивные матеріалы, С. не терялъ изъ виду и развитія европейской мысли, особенно внимательно слѣдя за школой Савиньи. И въ своемъ трудѣ о положительномъ правѣ, помимо общей трактовки вопроса, остававшагося у насъ въ тѣни, онъ далъ обстоятельный очеркъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришли Савиньи и его ученики, и тѣхъ разногласій, которыя возникли между послѣдними съ одной стороны и представителями романской школы—съ другой. Какъ обстоятельный очеркъ научнаго движенія на Западѣ, трудъ С. заполнилъ собою довольно важный пробѣлъ въ русской юридической литературѣ, въ которой позднѣйшей работой по данному вопросу была «Энциклопедія» Неволина, между тѣмъ какъ европейская мысль съ тѣхъ поръ сдѣлала нѣсколько замѣтныхъ шаговъ впередъ и начала дифференцироваться. Въ заключеніе своей книги С. далъ попытку опредѣлить историческое вліяніе христіанства на юридическія нормы, вопросъ, который онъ подробнѣе разработалъ въ другомъ своемъ трудѣ—«О вліяніи христіанства на развитіе семейнаго права, преимущественно у римлянъ» (Харьк., 1860 г.).

Завѣтной мечтой С. было посвятить свою дѣятельность дорогому ему Кіевскому университету. Въ 1859 г. онъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ Кіевъ съ цѣлью устроить себѣ переводъ туда. Попытка, однако, не удалась, и С. опять занялъ въ Харьков. унив. свои прежнія каѳедры—по энциклопедіи законовѣдѣнія и россійскихъ государственныхъ законовъ. Въ 1862 г. онъ получилъ приглашеніе перейти на соотвѣтствующія каѳедры въ Варшавскую главную школу, но политическія событія 60-хъ гг. помѣшали этому переходу. Въ 1866 г. С. былъ утвержденъ деканомъ юридическаго факультета и по избранію университетскаго совѣта заступилъ мѣсто ректора, обязанности котораго исполнялъ до выхода въ отставку. Въ 1868 г. исполнилось 25-тіе профессорской дѣятельности С., и онъ, получивъ званіе заслуженнаго профессора, оставилъ Харьковъ и переселился въ Казань, гдѣ, по предложенію мѣстнаго университета, занялъ въ немъ каѳедру энциклопедіи права, на которой оставался 2 пятилѣтія (1869—1879 гг.), причемъ послѣдніе 4 года читалъ лекціи также и на вакантной каѳедрѣ государственнаго права. Въ 1874 г. С. былъ избранъ почетнымъ членомъ Казанскаго университета, а въ 1879 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Варшавѣ. Здѣсь онъ надѣялся еще поработать, предполагалъ посвятить себя воспитанію дѣтей, но его надломленныя силы отказались служить. Послѣ отставки С. прожилъ недолго. Каждый годъ лѣтомъ ѣздилъ онъ въ Кіевскую губернію, гдѣ и умеръ 9 августа 1883 г., въ Бѣлой Церкви.

Слѣдуетъ отмѣтить еще двѣ работы С.: «Двоякое значеніе слова право—законъ и способность лица» (Казань) и небольшую, но потребовавшую значительнаго труда брошюрку «Систематическій указатель сочиненій юридическаго содержанія, изданныхъ въ Россіи съ 1830 по 1852 г. включ.» (Спб., 1853 г.). С. не былъ чуждъ и чисто литературной дѣятельности. Еще во время своей жизни въ Харьковѣ онъ перевелъ на польскій языкъ бѣлыми стихами «Божественную комедію» своего любимаго поэта Данте; переводъ, снабженный цѣнными примѣчаніями и комментаріями самого С. и напечатанный въ Дрезденѣ подъ наблюденіемъ извѣстнаго писателя Крашевскаго, былъ очень сочувственно встрѣченъ польской критикой. Данте же С. посвятилъ 3 публичныя лекціи, прочитанныя имъ съ благотворительной цѣлью въ Варшавѣ. Написалъ онъ также нѣсколько стихотвореній, пѣсенъ и думокъ на польскомъ языкѣ; нѣкоторыя изъ нихъ

были напечатаны въ польскихъ изданіяхъ.

«Годичный актъ въ Императ. Казанскомъ университетѣ 1883 г.» (некрологъ).—«Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ.», 1868 г., кн. 10, отд. 2, стр. 89—90; т. LXXXVII, отд. VI, стр. 147—152; т. LXXXVIII, отд. VII, стр. 55.—«Отчетъ Импер. Харьковскаго университета за 1853—54 г.г.», стр. 19 и 35.—Н. П. Загоскинъ, «Біографическій словарь професс. и преподав. Импер. Казанск. универс. 1804—1904 гг.», ч. II, Каз., 1904 г., стр. 77—78,—Его же, «Исторія Казанскаго университ.».—Д. Д. Языковъ, «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. III, Спб., 1886 г., стр. 75.—«Южный Край», 1883 г., августъ.—«Klosy», 1883 г., № 948.—«Tygodnik powszechny», 1883 г., № 35.—«Энцикл. словарь», Брокгауза-Эфрона, т. 31, s. v.—«Энцикл. слов.» т-ва «Просвѣщеніе», s. v.—«Русская историческ. библіографія» за 1855 г. (Спб., 1864 г.), № 702, стр. 186; 1860 г. (Спб. 1869), № 3635, стр. 213, № 4735, стр. 272; 1861 г. (Спб., 1870 г.), № 3555, стр. 251.—„Отечеств. Записки», т. XCIX, № 4, отд. 3.—«Москвитянинъ», т. II, № 5.—«Библіотека для Чтенія», 1861 г., № 1, стр. 21—32.—«Современ. Лѣтопись» 1856 г., № 20, стр. 275—281; 1861, № 2.—«Указатель къ повремен. издан. министерства народн. просв. съ 1803—1864 г.», Спб., 1864 г.' ч. II, стр. 218.—«Русск. Вѣстн.», 1856 г., т. V, октябрь, ч. II.—«Архивъ государств. совѣта», т. I, ч. 1, Спб., 1869 г., стр. 441.

Ф. Кр—ій.

Станиславскій, *Сергѣй Кирилловичъ*, генералъ-майоръ, одинъ изъ участниковъ въ подавленіи пугачевскаго бунта, умеръ въ 1776 г. О раннихъ годахъ его военной службы никакихъ извѣстій не сохранилось; первое встрѣчающееся свѣдѣніе о немъ относится къ 1768 г., когда онъ, уже въ чинѣ генералъ-майора, былъ прикомандированъ къ Сибирскому военному корпусу. Во время пугачевскаго бунта С. состоялъ въ отрядѣ ген.-поручика Деколонга и, по приказу послѣдняго, въ іюнѣ 1773 г. съ небольшимъ отрядомъ выступилъ въ Оренбургскій край; выйдя изъ Троицкой, онъ послѣ 20-тидневнаго форсированнаго марша, сдѣлавъ за это время болѣе 800 верстъ, достигъ крѣпости Орской, откуда долженъ былъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Пугачева. Изъ немногихъ сохранившихся объ его отрядѣ свѣдѣній видно, что С. долгое время принужденъ былъ сидѣть въ этой крѣпости совершенно бездѣятельно, лишь изрѣдка высылая отсюда небольшія части для занятія другихъ мѣстностей или кому-нибудь на помощь. Бездѣйствіе С. объясняется, надо полагать, съ одной стороны, незначительностью его отряда, состоявшаго всего изъ одной полевой команды, которая ничего не могла предпринять въ виду превосходныхъ силъ противника, съ другой же стороны—неопредѣленностью получаемыхъ С. инструкцій. Въ одномъ официальномъ документѣ того времени положеніе его рисуется такъ: «Генералъ-майоръ Станиславскій въ Орской крѣпости, съ одной полевой командой, а оттоль куда слѣдовать неизвѣстно; а думать надлежитъ, что и онъ къ Екатеринбургу возвратится, а къ Оренбургу съ одной командой идти не можно». Во всякомъ случаѣ, въ концѣ ноября С. вышелъ изъ Орской и двинулся навстрѣчу Пугачеву, который въ это время находился въ Ильинской крѣпости. Не доходя 25 верстъ до послѣдней, онъ узналъ, что крѣпость сожжена, а высланный имъ раньше отрядъ подъ начальствомъ майора Заева разбитъ и взятъ въ плѣнъ; вслѣдствіе такихъ неблагопріятныхъ вѣстей С., боясь попасть въ руки самозванца, предпочелъ вернуться въ Орскую. Вскорѣ онъ получилъ приказъ Деколонга отступить къ Верхне-Яицкой крѣпости, забирая съ собою изъ лежащихъ на пути крѣпостей гарнизоны, денежную казну, артиллерію и жителей, которые изъявятъ желаніе слѣдовать съ отрядомъ, остальныхъ же снабдить продовольствіемъ. По неизвѣстнымъ причинамъ (есть смутное упоминаніе, что изъ-за какой-то вражды) приказъ, однако, С. не исполнилъ. Въ декабрѣ 1773 г. С. предполагалъ идти въ Оренбургъ на помощь губернатору Рейнсдорпу, но и этого не исполнилъ въ виду возстанія башкирцевъ. Въ мартѣ 1774 г. онъ получилъ порученіе наблюдать за движеніемъ мятежниковъ и разсылать объявленія о поимкѣ Пугачева и въ апрѣлѣ доносилъ князю Голицыну, что Пугачевъ находится на Вознесенскихъ казенныхъ заводахъ; въ отвѣтъ на это ему было приказано преградить самозванцу путь къ Верхне-Яицкой крѣпости. Послѣднее извѣстіе о С. относится къ іюню 1774 г., когда онъ со своею полевою командою находился вновь въ Троицкой крѣпости.

Я. К. Гротъ, „Матеріалы для исторіи пугачевскаго бунта“.—Н. Дубровинъ, „Пугачевъ и его сообщники“, т. II, Спб., 1884 г., стр. 71, 118, 121—122, 151, 384; т. III, Спб., 1884 г., стр. 12, 60, 76.—„Рапортъ Станиславскаго Рейнсдорпу отъ 4 декабря 1773 г.“, въ приложен. къ „Исторіи пугачевскаго бунта“, А. С. Пушкина, „Собр. сочин.“, т. VI, изд. 1881 г., стр. 318.—Отношеніе Деколонга отъ

10 декабря 1773 г., въ московск. архивѣ главнаго штаба, опись 47, VI.—Рапортъ кн. Голицына Бибикову, тамъ же, опись 47, кн. VIII.—„Русскій Архивъ", 1867 г., № 5.

Б. Лукьяновъ.

Станиславъ Владиміровичъ, одинъ изъ 12 сыновей великаго князя Владиміра, по старшинству, кажется, десятый Сохранившіяся историческія свѣдѣнія не позволяютъ сказать съ полной опредѣленностью, отъ какой именно супруги Владиміра родился С. Владиміровичъ; только лѣтописецъ Несторъ подъ 988 г. вскользь замѣчаетъ, что онъ былъ сыномъ Болгарыни; если это такъ, то его рожденіе слѣдуетъ отнести ко времени до принятія крещенія отцомъ. Древнія лѣтописи, въ томъ числѣ и Несторовская, обходятъ полнымъ молчаніемъ вопросъ о томъ, получилъ ли С. Владиміровичъ какой-либо удѣлъ; по свѣдѣніямъ болѣе же позднихъ лѣтописцевъ, ему достался въ удѣлъ Смоленскъ. Сколько времени продолжалось и чѣмъ ознаменовалось его княженіе въ Смоленскѣ, остается совершенно неизвѣстнымъ; закончилось оно, повидимому, къ тому времени, когда Ярославъ объединилъ всю Русь въ однѣ руки, т. е. около 1020 г.

Н. М. Карамзинъ, „Истор. Госуд. Россійск.", изд. Эйнерлинга, Спб., 1843, т. I, стр. 133, прим. 464, 467; т. II, стр. 14.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", изд. „Обществ. Пользы", кн. I, стр. 191.—„Лѣтопись Нестора", стр. 67, 71.—Длугошъ, „Hist. Polon", т. I, стр. 145.—„Необходим. дополн. къ настольн. словарю Толя", Спб., 1866, стр. 481.—В. Дурасовъ, „Родословн. книга всероссійск. дворянства", ч. I, Спб., 1906 г., гл. 2, стр. 5.

И. Г—въ.

Станкевичъ—историкъ первой половины XVII в. О жизни его нѣтъ никакихъ свѣдѣній. По свидѣтельству Татищева, онъ является авторомъ «Исторіи Сибири», причемъ это извѣстіе подтверждается и другими изслѣдователями съ той разницей, что трудъ его названъ «Лѣтописью о Сибири». Самый трудъ его не сохранился.

„Матеріалы для исторіи русской литературы", изд. Ефремовымъ, Спб., 1867 г., стр. 99—Н. Новиковъ, „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ", Спб., 1772 г., стр. 201.—Митропол. Евгеній, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей", М., 1845 г., стр. 176.

Станкевичъ, *Александръ*, живописецъ, уроженецъ Варшавы, умеръ около 1849 г. Художественное образованіе получилъ сначала въ родномъ городѣ, потомъ продолжительное время самостоятельно занимался живописью и, наконецъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ ней, поступилъ въ 1843 г. вольноприходящимъ ученикомъ въ Императорскую академію художествъ (съ содержаніемъ изъ Кабинета Его Величества), гдѣ былъ однимъ изъ учениковъ К. П. Брюллова. Въ 1845 г. С. получилъ отъ академіи малую и большую серебряныя медали за портреты съ натуры; въ томъ же году онъ былъ выпущенъ изъ академіи съ званіемъ художника и правомъ на 14-й классъ. Затѣмъ, по распоряженію управленія Царства Польскаго и на его счетъ, онъ отправился въ Италію, гдѣ сдѣлалъ нѣсколько копій съ знаменитыхъ картинъ великихъ мастеровъ. Въ Римѣ онъ и умеръ. Въ музеѣ Императорской академіи художествъ находится копія С. съ картины Рафаэля Санти «Коронованіе Пресвятой Дѣвы» («Madonna di Monte-Euce»).

А. Сомовъ, „Картинная галлерея Императорской академіи художествъ", II каталогъ произведеній иностранной живописи (оригиналовъ и копій), Спб., 1874 г.—Н. Н. Петровъ, «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской академіи художествъ за сто лѣтъ ея существованія», Спб., 1864—1866 гг.—Юндаловъ, Указатель къ «Сборнику матеріаловъ», s. v.

В. Г.

Станкевичъ, *Аванасій Евлампіевичъ*, заслуженный профессоръ военной исторіи Николаевской академіи генеральнаго штаба, генералъ-майоръ, род. 3 окт. 1834 г., происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ качествѣ одного изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ былъ выпущенъ въ 1853 г. поручикомъ во Владимірскій пѣхотный полкъ. Не успѣлъ С. еще прибыть къ мѣсту своего служенія, какъ наши войска, вслѣдствіе разрыва дипломатическихъ сношеній между Россіей и Турціей, были приведены на военное положеніе, и Владимірскій полкъ въ началѣ 1854 г. выступилъ изъ Москвы въ Одессу. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ дѣйствующая русская армія сосредоточилась у устья р. Альмы, впадающей въ Черное море. 8 сент. произошло первое столкновеніе между противниками, и С. вмѣстѣ со своимъ полкомъ участвовалъ въ нѣсколькихъ, ставшихъ знаменитыми, штыковыхъ атакахъ, въ одной изъ которыхъ

онъ былъ осколкомъ гранаты раненъ въ обѣ ноги, но строя не покинулъ. Въ слѣдующіе дни С. участвовалъ: 12 сент. во фланговомъ движеніи русской арміи изъ Севастополя къ Бахчисараю, 13 окт.—въ Балаклавскомъ сраженіи и во взятіи штурмомъ непріятельскихъ редутовъ и 24 окт.—въ Инкерманскомъ сраженіи. Награжденный за боевыя отличія орденомъ св. Анны 3-й ст. съ мечами, С. послѣ Севастопольской кампаніи служилъ нѣкоторое время въ рядахъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, а въ 1857 г. поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба и по окончаніи курса былъ оставленъ при ней для подготовки къ профессорской дѣятельности. За выдающіеся успѣхи въ области военной исторіи онъ еще до полученія каѳедры былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а въ 1861 г. въ капитаны и перечисленъ въ генеральный штабъ. Въ этомъ же году С. обнародовалъ свой первый трудъ: «Критическій обзоръ кампаніи 1809 г.», написанный въ качествѣ диссертаціи на званіе профессора и найденный «по критическому анализу и изученію всѣхъ факторовъ войны» образцовымъ. Въ 1862 г. С. былъ назначенъ профессоромъ по каѳедрѣ военной исторіи. Въ преподаваніи этого предмета онъ оставилъ существовавшую до него традицію ограничивать курсъ, вслѣдствіе громоздкости матеріала, изложеніемъ только общаго хода военныхъ событій и оцѣнкою тактическихъ дѣйствій войскъ; какъ въ своей диссертаціи, такъ и въ своихъ лекціяхъ онъ обращалъ вниманіе и на детали дѣла, съ виду кажущіяся незначительными, но имѣющія громадное значеніе въ военныхъ дѣйствіяхъ—на устройство тыла, обезпеченіе войскъ продовольствіемъ и боевыми припасами и пр. Глубокое и детальное изученіе предмета давало ему возможность строить вѣрные и мѣткіе выводы, и онъ вообще много способствовалъ раціональной постановкѣ изученія военной исторіи. С. работалъ и на литературномъ поприщѣ, какъ оригинальный писатель и какъ переводчикъ. Изъ его переводовъ извѣстны: «Война въ 1866 г. въ Германіи» и «О междоусобной войнѣ въ Соединенныхъ Штатахъ» Виго Руссильона. Какъ оригинальный писатель, онъ принималъ дѣятельное участіе въ многотомномъ сочиненіи, подъ общимъ заглавіемъ «Военная библіотека», изданномъ на средства Императора Александра III, тогда еще Наслѣдника. Кромѣ того С. собралъ огромные матеріалы для исторіи турецкой кампаніи 1828 и 1829 гг., приступая къ изученію которой, онъ счелъ необходимымъ познакомиться на мѣстѣ съ театромъ военныхъ дѣйствій, объѣздилъ большую его часть и осмотрѣлъ мѣста главнѣйшихъ сраженій. Незадолго до своей смерти, онъ принялъ на себя обязанности редактора по дополненію и новому изданію «Военнаго энциклопедическаго лексикона». Умеръ С. 22 іюля 1881 г. въ Дивоннѣ на югѣ Франціи.

«Русскій Инвалидъ», 1881 г., № 169.— «Русская историческая библіографія», за 1856 г., Спб., 1861 г., № 2124, стр. 156; 1858 г., Спб., 1867 г., № 2209, стр. 138; 1861 г., Спб., 1876 г., №№ 2385, 2386, стр. 135.

Станкевичъ, *Иванъ Николаевичъ*, профессоръ фармакологіи въ Харьковскомъ университетѣ, докторъ медицины, происходилъ изъ дворянъ Могил. г., католикъ, родился въ 1829 г., умеръ 2 марта 1882 г. Въ 1852 г. онъ окончилъ курсъ во 2-ой Кіевской гимназіи и поступилъ въ университетъ св. Владиміра на медицинскій факультетъ. Въ 1856 г. за сочиненіе «Объ операціи искусственныхъ преждевременныхъ родовъ» (Кіевъ, 1856 г.), написанномъ С. еще на студенческой скамьѣ, онъ былъ удостоенъ золотой медали. Этимъ широко обоснованнымъ трудомъ, изобилующимъ цѣнными свѣдѣніями, оригинальными выводами и свѣжестью мысли, авторъ его обратилъ на себя всеобщее вниманіе факультета и среди его представителей возбудилъ широкія надежды, оправдавшіяся впослѣдствіи только отчасти. Окончивъ въ слѣдующемъ году факультетскій курсъ со степенью лекаря, С. немедленно послѣ этого отправился съ научными цѣлями за границу, гдѣ пробылъ свыше года и работалъ подъ руководствомъ выдающихся западно-европейскихъ спеціалистовъ. П. возвращеніи на родину, онъ вновь поселился въ Кіевѣ и занялся частной практикой, въ то же время работая въ университетскихъ клиникахъ и изыскивая матеріалъ для своей докторской диссертаціи. Послѣдняя, подъ заглавіемъ «Гистологія сухожилій въ натуральномъ и патологическомъ состояніяхъ» (Кіевъ, 1860 г.), 14 декабря 1860 г. была представлена на медицинскій факультетъ, и авторъ, послѣ блестящей защиты, былъ удостоенъ искомой степени,—доктора медицины. Въ 1861 г. С. напечаталъ мо-

нографію по гистологіи «Изслѣдованіе о строеніи пахіоковыхъ грануляцій», предъявленную медицинскому факультету св. Владиміра въ качествѣ пробной лекціи и доставившую автору доцентуру по каѳедрѣ патологической анатоміи и патологической физіологіи. Въ Кіевѣ С. оставался до начала 1864 г., когда перешелъ въ Харьковскій университетъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ фармакологіи, лекціи по которой читалъ до конца жизни. Званіе ординарнаго профессора С. получилъ въ 1870 г. По отзывамъ бывшихъ учениковъ С., лекціи его слушались съ большимъ интересомъ. Слѣдуетъ добавить еще, что онъ, какъ практическій врачъ, особенно широкою популярностью пользовался среди низшихъ слоевъ населенія Харькова, безплатно пользуя всѣхъ обращавшихся къ нему бѣдняковъ, а въ свободное отъ занятій время объѣзжая даже деревни Харьковскаго уѣзда и всюду подавая медицинскую помощь. Кромѣ упомянутыхъ выше, С. напечаталъ еще два труда: «Критич. разборъ разсужденія Вермана «о глазномъ зеркалѣ», («Современная Медицина», 1860 г., №№ 47 и 48) и «О физіологическомъ дѣйствіи карболазотнокислаго амміака и терапевтическое его употребленіе» («Мед. Вѣстникъ», 1874 г., № 13).

„Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей Имп. универс. св. Влад.“ подъ ред. проф. В. С. Иконникова, Кіевъ, 1884 г., стр. 623.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, тетр. II, Спб., 1886 г., s. v. — „Южный Край“, 1882 г., № 409 (некрологъ, рѣчь и заявл. въ думѣ).—„Энциклоп. словарь“ Брокгауза, томъ 31, Спб.. 1900 г., s. v.—„Энциклоп. словарь“, подъ редакц. Южакова, s. v.

В. Кр—ій.

Станкевичъ, *Назаръ,* художникъ-писатель первой четверти XIX ст. Какъ художникъ онъ, повидимому, ничѣмъ особенно выдающимся себя не проявилъ, изъ его же литературныхъ трудовъ, характеризующихъ его какъ писателя въ области скульптуры и рисованія, особенно извѣстенъ и одно время пользовался даже значительной популярностью «Учебникъ рисованія», вышедшій въ 1834 г. вторымъ изданіемъ и являющійся улучшенной переработкой его же книги «Рисовальная школа или правила рисовальнаго искусства» (съ 25 рис.), появившейся въ свѣтъ въ 1812 г. одновременно на русскомъ и французскомъ языкахъ. Кромѣ того С. является авторомъ «Описанія бюста кн. Италійскаго, гр. Суворова-Рымникскаго съ изъясненіямъ аллегорическихъ медальоновъ, украшающихъ онаго подножіе» (Спб. 1812, 4°).

Станкевичъ, *Николай Владимировичъ,* основатель и центральная фигура такъ называемаго «кружка Станкевича», одна изъ крупнѣйшихъ личностей въ исторіи новѣйшей русской литературы. Родился въ 1813 г. въ селѣ Удеревкѣ, Острогожскаго уѣзда, Воронежской губерніи, принадлежавшемъ его отцу, богатому помѣщику, гдѣ и провелъ свои дѣтскіе годы. По его дѣтскимъ годамъ трудно было предвидѣть въ немъ будущаго С. съ его нѣжною, хворою организаціей души. Это былъ мальчикъ веселый, здоровый и необычайно рѣзвый; честность и прямота были его отличительнымъ свойствомъ: мелкихъ пороковъ, скрытности, притворства, лжи и лицемѣрія онъ никогда не зналъ. Десяти лѣтъ отъ роду С. поступилъ въ Острогожское уѣздное училище, гдѣ и пробылъ около двухъ лѣтъ. Въ 1825 г. отецъ переводитъ его въ Воронежъ и помѣщаетъ въ «Благородномъ Пансіонѣ» Ѳедорова. Здѣсь С., конечно, не могъ пріобрѣсти серьезныхъ знаній или хотя бы солидной подготовки; единственно, что успѣлъ онъ сдѣлать въ свои пансіонскіе годы—это сравнительно недурно изучить русскую литературу и русскихъ классиковъ. Уже въ это время характеръ его начинаетъ пріобрѣтать свои главнѣйшія черты, оставшіяся въ немъ и въ послѣдующей жизни: глубокую религіозность, нѣжность сердца и страстную, неутомимую жажду знаній и любовь къ поэзіи. Пансіонскій курсъ былъ однако же конченъ, и въ 1830 г., съ цѣлью поступленія въ университетъ, С. переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ поселился въ семействѣ извѣстнаго профессора М. Г. Павлова, много способствовавшаго развитію молодого и неопытнаго С. Въ 1830 г. онъ выдержалъ вступительный экзаменъ и поступилъ на словесное отдѣленіе Московскаго университета.

Какъ разъ въ это время Московскій университетъ доживалъ, по мѣткому выраженію А. Н. Пыпина, «архаическій» періодъ своего существованія и находился на рубежѣ рѣзкой перемѣны въ студенчествѣ и профессурѣ, которая насчитывала въ своемъ наличномъ составѣ еще не мало представителей XVIII столѣтія, абсолютно не-

способныхъ возбуждать умственную дѣятельность молодого поколѣнія. Лекціи читались по старымъ тетрадочкамъ, ничего новаго, оригинальнаго услышать изъ устъ профессора было невозможно. Самыя отношенія между студентами и профессорами носили характеръ патріархальности,—сохранились, напримѣръ, воспоминанія о встрѣчѣ профессора въ аудиторіи пѣніемъ псалма: «Се женихъ грядетъ въ полунощи» или о выпускѣ воробья во время чтенія лекцій. Но рядомъ съ педагогами такого типа, читавшими лекціи «по Пленку», такъ какъ «умнѣе-то Пленка не сдѣлаешься, хотя и напишешь свое собственное»—на каѳедрѣ университета, какъ разъ въ это время, появляется цѣлая плеяда молодыхъ профессоровъ—Павловъ, Надеждинъ, Шевыревъ, Погодинъ—тогда еще свѣжіе и не успѣвшіе выдохнуться, какъ это случилось, напримѣръ, съ Шевыревымъ, впавшимъ впослѣдствіи въ педантизмъ. И этотъ-то новый элементъ въ тогдашней профессурѣ Московскаго университета сумѣлъ внести новый духъ въ университетское преподаваніе, сумѣлъ радикально измѣнить его и, что самое важное, обратилъ главное свое вниманіе на учащуюся молодежь. Вполнѣ естественно, что подобныя измѣненія въ профессорскомъ составѣ должны были отразиться на студенческой средѣ и направить молодые умы въ новую сторону: студенчество перестаетъ уже удовлетворяться школьнической проказливостью, а то и просто буйствомъ и задираніемъ прохожихъ на улицѣ, старинная «семинарская долбежка» и «шляхетская» лѣнь начинаютъ мало-по-малу исчезать, студенчество не принимаетъ уже больше науку, какъ необходимый и скучный путь къ пріятному будущему—служебной карьерѣ, а ищетъ теперь «солнца истины», образуетъ кружки, сходящіеся уже не для пьянства и товарищескихъ кутежей, а для выясненія вопросовъ нравственныхъ, философскихъ, политическихъ. Молодежь новаго типа группировалась, главнымъ образомъ, въ двухъ кружкахъ, одушевленныхъ однимъ и тѣмъ же жаромъ высокихъ стремленій, но не имѣвшихъ между собой общенія и даже враждебно относившихся другъ къ другу, такъ какъ оба кружка являлись представителями двухъ противуположныхъ направленій. «Имъ не нравилось наше почти исключительно политическое направленіе», говоритъ одинъ изъ современниковъ, «намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считаютъ фрондерами и французами, мы ихъ сентиментталистами и нѣмцами». Кружокъ Герцена и Огарева сосредоточивалъ все свое вниманіе на вопросахъ соціальной жизни, старательно изучалъ ученіе Сенъ-Симона и французскихъ утопистовъ-соціалистовъ, съ страстнымъ напряженіемъ слѣдилъ за бурной жизнью іюльской монархіи; къ тому же кружокъ былъ полонъ еще свѣжими преданіями двадцатыхъ годовъ. Кружокъ же Станкевича, имѣя умозрительное направленіе и съ энтузіазмомъ слѣдя за мыслью Германіи, интересовался, по преимуществу, вопросами философіи, эстетики, литературы и былъ довольно равнодушенъ къ вопросамъ политическаго устройства. «Болѣзненный, тихій по характеру, поэтъ и мечтатель», говоритъ тотъ же современникъ, «Станкевичъ естественно долженъ былъ больше любить созерцаніе и отвлеченное мышленіе, чѣмъ вопросы жизненные и чисто практическіе».

Въ составъ первоначальнаго чисто студенческаго кружка С., продолжавшаго жить въ тѣснѣйшемъ духовномъ общеніи и восторженной дружбѣ и послѣ окончанія членами его университета, входили люди неодинаковой умственной и нравственной величины, неодинаковаго даже развитія. Главное значеніе въ кружкѣ имѣли: самъ С., Бѣлинскій и Аксаковъ, извѣстный впослѣдствіи публицистъ славянофильской теоріи. Болѣе второстепенное значеніе въ кружкѣ имѣли: археологъ и историкъ Сергѣй Строевъ, поэты Красовъ и Ключниковъ (— Θ —) и Невѣровъ, интимный другъ С., находившагося съ нимъ въ постоянной перепискѣ. Изъ не-студентовъ къ кружку примыкаютъ впослѣдствіи: Кольцовъ, Лермонтовъ, Михаилъ Бакунинъ, Катковъ, Василій Боткинъ и извѣстный въ исторіи русскаго университета профессоръ Грановскій. Всѣ эти люди, кромѣ различія въ умственномъ отношеніи, были людьми съ различными темпераментами, съ различной душевной организаціей. И спрашивается: что же могло служить между ними такой тѣсной связью, не прерывавшейся въ продолженіе многихъ лѣтъ и послѣ распаденія кружка. Всѣхъ ихъ сплачивало въ одно—обаяніе необыкновенно свѣтлой, «истинно-идеальной» личности С. Этотъ-то идеализмъ

дѣйствовалъ на другихъ тѣмъ сильнѣй, что соединялся съ мягкимъ чувствомъ и большимъ свѣтлымъ умомъ, способнымъ разбираться въ самыхъ отвлеченныхъ понятіяхъ, глубоко вникать въ сущность каждаго вопроса. Если же прибавить къ этому тонкое эстетическое чутье, глубокую любовь къ искусству, хорошее знакомство съ иностранной литературой, особенно нѣмецкой и французской, что ставило его по образованію много выше большей части членовъ своего кружка, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему С. одѣлался средоточіемъ своего кружка, почему живая, продуманная и часто остроумная бесѣда его дѣлалась необыкновенно плодотворной для всякаго, кто вступалъ съ нимъ въ близкое общеніе, почему всякому спору умѣлъ сообщать онъ высокое направленіе, почему все мелкое и недостойное какъ-то само собой отпадало въ его присутствіи. Однако было бы крайнимъ извращеніемъ истины считать С., въ буквальномъ смыслѣ слова, учителемъ Бѣлинскаго, Грановскаго и всѣхъ, кто тѣсно примыкалъ къ ихъ товарищескому кружку. Нѣкоторые изъ друзей были равны ему по познаніямъ, другіе, какъ напримѣръ, Бакунинъ и Бѣлинскій далеко превосходили его силой литературнаго таланта и даже діалектикой и тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ центромъ кружка. И авторитетъ С. въ кружкѣ былъ всѣми и свободно признаваемый авторитетъ, такъ что когда впослѣдствіи, въ бытность С. за границей, одинъ изъ членовъ кружка, а именно Бакунинъ, сталъ заявлять самолюбивыя притязанія на господство, Бѣлинскій рѣзко возсталъ противъ него и указывалъ при этомъ истинное превосходство С.: «Станкевичъ никогда и ни на кого не налагалъ авторитета, а всегда и для всѣхъ былъ авторитетомъ, потому что всѣ добровольно и невольно сознавали превосходство его натуры надъ своею...» Въ другомъ письмѣ тотъ же Бѣлинскій говоритъ о С., какъ о человѣкѣ геніальномъ, призванномъ на великое дѣло. Въ сущности говоря, кружокъ С. былъ центромъ, отъ котораго исходило умственное теченіе въ сороковыхъ годахъ; здѣсь черпали свое вдохновеніе поэты, здѣсь поднимались и рѣшались всѣ высшіе вопросы мышленія, велись страстные споры, шли воодушевленныя бесѣды, писались громадныя письма, замѣнявшія собою невозможныя въ то время журнальныя статьи. Почти всѣ виднѣйшіе дѣятели этой, а отчасти и послѣдующей эпохи—ученые, литераторы, профессора—вышли изъ этого кружка, а слѣдовательно такъ или иначе находились и подъ вліяніемъ С. Въ этомъ отношеніи достаточно назвать — Бѣлинскаго, Грановскаго, Кольцова, Лермонтова, Аксакова.

Личность С. дѣлается особенно ясной и рисуется еще болѣе наглядно, если внимательно прослѣдить всю его переписку, главнымъ образомъ, съ «совѣстью и поэзіей его» — Невѣровымъ. Эта же самая переписка даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ богатый матеріалъ для характеристики философско-поэтическихъ стремленій, бесѣдъ и занятій кружка. На первомъ планѣ стояли интересы литературные, которые мало-по мало развивались изъ непосредственнаго увлеченія поэтическимъ содержаніемъ до соединенія его съ философскими основаніями. Философія и поэзія поглощали всѣ ихъ интересы. «Искусство дѣлается для меня божествомъ»..., пишетъ С.: «вотъ міръ, въ которомъ человѣкъ долженъ жить, если не хочетъ стать на ряду съ животными! вотъ благородная сфера, въ которой онъ долженъ поселиться, чтобы быть достойнымъ себя! вотъ огонь, которымъ онъ долженъ согрѣвать и очищать душу!» (Къ Невѣрову, отъ 18-го мая 1833 г).

Гете, Шиллеръ, Шекспиръ были постоянно на языкѣ у этихъ восторженно пламенныхъ почитателей искусства. «Знаніе ихъ было обязательно, какъ платье». Послѣдній цѣнился превыше всего и считался предметомъ безусловнаго поклоненія; Гете, но особенно Шиллеръ подвергались различнымъ толкованіямъ, характернымъ примѣромъ которыхъ являются мнѣнія Бѣлинскаго, переходившаго отъ пламеннаго восторга предъ Шиллеромъ до настоящей и непримиримой вражды къ нему. Но рядомъ съ этими корифеями западно-европейской литературы большимъ уваженіемъ въ кружкѣ пользовался и Гофманъ. Этотъ фантастическій писатель, въ уваженіи къ которому, что является чрезвычайно характернымъ фактомъ, сходились оба кружка, возбуждая молодые умы и «способствуя увлеченію кружка эстетическими интересами, являлся вмѣстѣ съ тѣмъ для него прекраснымъ курсомъ эстетики».

Не малое мѣсто занималъ въ жизни друзей и театръ; его очень усиленно посѣщали, собранія кружка были полны разго-

ворами о Каратыгинѣ и Мочаловѣ, изъ-за нихъ велись даже долгіе споры. Но рядомъ съ серьезными требованіями, предъявляемыми къ самому театру и артистамъ, было и очень широкое пониманіе театра вообще. «Театръ», пишетъ С. въ частномъ письмѣ къ Невѣрову, «становится для меня атмосферою;.. театръ... располагаетъ мечтать о искусствѣ, о его совершенствѣ, о прелести изящнаго, дѣлать планы ефемерные, скоро преходящіе... но тѣмъ не менѣе занимательные» (отъ 20-го мая 1833 г.). О томъ-же театрѣ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» Бѣлинскій пишетъ еще болѣе восторженно: — «Театръ! любите-ли вы театръ, какъ я люблю его, то-есть всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете-ли вы не любить театръ больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? И въ самомъ дѣлѣ, не сосредоточиваются ли въ немъ всѣ чары, всѣ обаянія, всѣ обольщенія изящныхъ искусствъ?... Театръ,—о, это истинный храмъ искусства, при входѣ въ который вы мгновенно отдѣляетесь отъ земли, освобождаетесь отъ житейскихъ отношеній!... Ступайте, ступайте въ театръ, живите и умирайте въ немъ, если можете!» Театромъ, однако, не только наслаждались— въ немъ изучали и жизнь.

Музыка по тогдашнимъ воззрѣніямъ «была также необходима для эстетическаго, а слѣдовательно и для нравственнаго развитія. Любимая музыка, какъ и любимая литература, была нѣмецкая. «Философскія слѣдствія производились надъ каждымъ аккордомъ Бетховена», страшно увлекались Шубертомъ, какъ наиболѣе отвѣчающимъ тоскѣ, грусти и фантазіямъ уединеннаго и сосредоточеннаго чувства; зато къ Моцарту были снисходительны, хотя и находили его дѣтскимъ и бѣднымъ» — иронически замѣчаетъ авторъ «Былого и думъ». Но общимъ впечатлѣніемъ все-таки не довольствовались:—наоборотъ, старались отдавать себѣ полный эстетическій отчетъ, при которомъ совѣтникомъ становился опять-таки тотъ же Гофманъ.

Однако самымъ главнымъ и преобладающимъ интересомъ всего кружка было изученіе германской философіи. Въ сущности говоря, интересъ къ философіи и изученіе ея былъ преподанъ друзьямъ впервые нѣмецкой поэзіей, которая кромѣ эстетическихъ впечатлѣній расширяла пониманіе круга С. и возбуждала къ дѣятельности всѣ умственныя силы его. По мѣрѣ чтенія, которое все болѣе и болѣе расширялось, С. съ друзьями начинали чувствовать что-то общее, единое въ поэтахъ Германіи. И здѣсь-то начинается для С. мучительная работа исканія связи между этими наиболѣе яркими, наиболѣе потрясающими мыслями нѣмецкой поэзіи; въ этотъ періодъ своей жизни онъ суетливо отыскиваетъ книги философскаго содержанія, старается учредить порядокъ въ своемъ чтеніи, обращается за совѣтами къ опытнымъ людямъ, болѣе его знакомымъ съ историческимъ ходомъ германской философской мысли, обращается, напримѣръ, къ Павлову, къ Надеждину. Университетское преподаваніе того времени, конечно, въ лицѣ нѣкоторыхъ только его представителей, пошло какъ разъ навстрѣчу исканіямъ и мыслямъ кружка. Хотя самая каѳедра философіи и была закрыта съ 1826 г., но М. Г. Павловъ подъ видомъ физики и сельскаго хозяйства преподавалъ обширное введеніе къ философіи. Въ 1832 г. Надеждинъ открылъ курсъ своихъ лекціей теоріей изящныхъ искусствъ, въ слѣдующемъ году онъ читалъ исторію ихъ и въ 1834 г. закончилъ лекціи курсомъ логики. Здѣсь широкая философская точка зрѣнія была примѣнена къ вопросамъ искусства и литературы. Передъ друзьями открылся *новый* міръ—міръ Шеллинговой философіи, и какъ бы ни поверхностно, какъ бы ни смутно она была понята, но все-таки разъ было получено новое понятіе, оно уже измѣнило все существованіе С. и его кружка. «Какимъ-то торжествомъ, свѣтлымъ, радостнымъ чувствомъ исполнилась жизнь», говоритъ Анненковъ, «когда указана была возможность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому, навсегда пропасть, раздѣляющую два міра, и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи, вѣчнаго разума. Съ какою юношеской и благородной гордостью понималась тогда часть, предоставленная человѣку въ этой всемірной жизни! По свойству и праву мышленія онъ переносилъ видимую природу въ самого себя, разбиралъ ее въ нѣдрахъ собственнаго сознанія, словомъ, становился ея центромъ, судьею и

объяснителемъ. Природа была поглощена имъ и въ немъ же воскресала для новаго, разумнаго и одухотвореннаго существованія. Какъ удовлетворялось высокое нравственное чувство сознаніемъ, что право на такую роль во вселенной не давалось человѣку по наслѣдству, какъ имѣніе, утвержденное давнимъ владѣніемъ! Чѣмъ свѣтлѣе отражался въ немъ самомъ вѣчный духъ, всеобщая идея, тѣмъ полнѣе понималъ онъ ея присутствіе во всѣхъ другихъ сферахъ жизни. На концѣ всего воззрѣнія стояли нравственныя обязанности, и одна изъ необходимѣйшихъ обязанностей—высвобождать въ себѣ самомъ божественную часть міровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго, для того, чтобъ имѣть право на блаженство дѣйствительнаго существованія». Эти-то нравственныя обязанности вмѣстѣ съ «строгимъ пониманіемъ человѣческаго призванія» сближали друзей и въ ихъ личной жизни: между ними не было тайнъ; характеръ, житейскія отношенія, поступокъ опредѣлялись и подводились подъ свою категорію, вырабатывался свой кодексъ морали. «Я предъ вами открытъ», говаривалъ С. ближайшимъ друзьямъ, и дѣйствительно переписка друзей свидѣтельствуетъ о полной искренности и чрезвычайномъ довѣріи другъ къ другу.

Самимъ Надеждинымъ, возбудившимъ всѣ эти интересы въ кружкѣ, друзья, да и все тогдашнее студенчество было совсѣмъ очаровано, но очарованіе это длилось не долго. Константинъ Аксаковъ, отмѣчая впечатлѣніе, произведенное Надеждинымъ и его блестящими импровизаціями, въ которыхъ университетское юношество ловило «воздухъ мысли», удостовѣряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что «молодое поколѣніе, съ жадностью и благодарностью обратившееся къ Надеждину, скоро увидѣло, что ошиблось въ своихъ увлеченіяхъ». Надеждинъ—богословъ, историкъ, археологъ, критикъ, философъ, географъ, изслѣдователь раскола, стихотворецъ, новеллистъ и т. д.—не могъ удовлетворить серьезнымъ требованіямъ юношей, которые быстро замѣтили «сухость его словъ и собственное безучастіе къ предмету». Но если юношество разочаровалось въ Надеждинѣ, то очарованіе наукой продолжалось, и изъ-за этой-то науки студенты продолжали даже посѣщать лекціи Надеждина, хотя и слушали его безъ прежняго увлеченія. Но въ концѣ концовъ добрались и до источника истины—Шеллинга, откуда почерпалъ свои свѣдѣнія и самъ Надеждинъ. Первый принялся за чтеніе Шеллинга, конечно, С. «Съ Ключниковымъ», пишетъ онъ, «мы читаемъ одинъ разъ въ недѣлю Шеллинга: это пріемъ самый умѣренный. Мы хотимъ непремѣнно вполнѣ понять его»... Однако кромѣ наслажденія и поученія, черпаемаго изъ философіи, С. искалъ въ ней опоры и своему религіозному чувству, не покидавшему его въ продолженіе всей его жизни. «...Я поговорилъ нѣсколько о религіи», пишетъ С-чъ, «говорилъ въ общемъ смыслѣ... и укрѣпился, и просвѣтлѣлъ. О, другъ мой! Безъ нея нѣтъ человѣка! Какой свѣтъ восходитъ для души, примиряющейся съ Божествомъ посредствомъ благихъ устоевъ религіи! Вся природа обновляется; тяжелые нравственные вопросы, не разрѣшенные для ума, рѣшаются безъ малѣйшей борьбы; жизнь снова одѣвается въ радужныя ткани, становится прекрасною и высокою!» (Къ Невѣрову, отъ 18 апрѣля 1834 г.).

Между тѣмъ основная мысль круга, центромъ котораго былъ С., росла вмѣстѣ съ личнымъ развитіемъ послѣдняго и вмѣстѣ съ жизнью. Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ поэтически-восторженный идеализмъ и пантеизмъ Шеллинга вытѣсняется суровой системой Гегелевскаго міропониманія. Увлеченіе Гегелемъ въ кружкѣ было полное. «Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ,—пишетъ Герценъ—выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней... Требовали безусловнаго принятія феноменологіи и логики Гегеля. Толковали же о нихъ безпрестанно; нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ Гегелевской логики, въ двухъ его эстетики, энциклопедіи и пр., который бы ни былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимая за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности» и о ея «по себѣ бытіи». Въ кружкѣ создался въ эту эпоху даже свой собственный діалектъ. Но рядомъ съ испорченнымъ языкомъ шла и другая ошибка, но уже гораздо крупнѣй.

Въ эпоху дѣятельности С. на Западѣ уже успѣли появиться двѣ фракціи гегельянства, а въ Россіи изученіе Гегеля только что начиналось. Неудивительно поэтому, что первые русскіе гегельянцы не могли еще порядкомъ разобраться въ томъ, что было лишь смутно сознано самимъ Гегелемъ; отсюда—неизбѣжныя противорѣчія и колебанія въ опредѣленіи «разумной дѣйствительности». «Молодые философы», продолжаетъ Герценъ, «испортили себѣ... и пониманіе; отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гете въ своемъ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ. Все въ *самомъ дѣлѣ* непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобъ отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ колосомъ, и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмелькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ «гемюту» или къ трагическому въ сердцѣ»... И только какое-то особенное врожденное чутье истины спасло С. отъ большинства этихъ увлеченій Ложь надоѣдала ему прежде, чѣмъ онъ успѣвалъ открыть ее. Свойство это служило ему какъ бы преградой, воспрещавшей переступить послѣднія грани романтическаго настроенія и потеряться въ мірѣ призраковъ, что случилось съ его друзьями уже въ бытность его за границей. И оттуда, сильно пораженный переворотомъ въ идеяхъ кружка, выразившемся внѣшнимъ образомъ въ извѣстныхъ статьяхъ Бѣлинскаго, онъ выражаетъ свое недовольство «прекраснодушіемъ», овладѣвшимъ друзьями подъ вліяніемъ Бакунина, будущаго теоретика анархіи; но бороться заочно, да еще съ такимъ искуснымъ діалектикомъ, какимъ оказался послѣдній, было совершенно невозможно. Въ другомъ мѣстѣ —онъ упрекалъ Бѣлинскаго за порицаніе Шиллера въ недостаткѣ объективности и пишетъ, что въ головѣ у Шиллера «разумная дѣйствительность, *прямыя человѣческія требованія* безъ особеннаго уваженія къ натуральной дѣйствительности». Даже въ романтизмѣ Гюго, реализмѣ Бальзака и смѣси того и другого у Жоржъ-Зандъ, что должно было приводить его въ полное недоумѣніе, С. готовъ видѣть много «психически-вѣрнаго».

Самый жизненный путь С. уже былъ избранъ въ этотъ моментъ—путь этотъ представляется ему, какъ стремленіе къ добру, поэзіи, любви. «Мужество, твердость, Грановскій!,» восклицаетъ онъ, ободряя Грановскаго, предавшагося за границей «сухому отчаянію», «не бойся этихъ формулъ, этихъ костей, которыя облекутся плотію и возродятся духомъ по глаголу Божію, по глаголу души твоей. Твой предметъ—жизнь человѣчества: ищи же въ этомъ человѣчествѣ образа Божія; но прежде приготовься трудными испытаніями — займись философіей! Занимайся тѣмъ и другимъ: эти переходы изъ отвлеченной къ конкретной жизни и снова углубленіе въ себя—наслажденіе! Тысячу разъ бросишь ты книги, тысячу разъ отречешься и снова исполнишься надежды; но вѣрь, вѣрь—и иди путемъ своимъ». И самъ С. вѣрилъ. Это очень наглядно показываетъ его жизнь.

Въ 1834 г. С. покидаетъ университетъ, окончивъ курсъ со степенью кандидата, и уѣзжаетъ въ деревню. По прибытіи туда онъ твердо рѣшается держать экзаменъ на магистра и съ этой цѣлью хочетъ заняться какой-либо наукой. Выборъ его падаетъ на исторію. «Давай займусь—вотъ каковъ былъ этотъ выборъ», пишетъ С. впослѣдствіи (къ Грановскому отъ 29 сент. 1836 г.) и тутъ же добавляетъ, что «это было подражаніе всѣмъ вліяніямъ людей, которые не вѣрили теоріи, привычка къ недѣятельности ума, которая дѣлала страшнымъ занятіе философіей и изрѣдка обдавала какимъ-то холодомъ невѣрія къ достоинству ума».

Но само собой разумѣется, что, достигнувъ даже большихъ результатовъ—разобравъ Геродота, Ѳукидида, перечитавъ Одиссею и Иліаду, С. остается неудовлетвореннымъ, быстро замѣчаетъ односторонность своихъ занятій. Тогда онъ начинаетъ мечтать о практической дѣя-

тельности; съ большимъ трудомъ, путемъ долгихъ хлопотъ, добивается онъ выбора на мѣсто почетнаго смотрителя острогожскаго уѣзднаго училища, откуда ему представилось бы широкое поле для практической дѣятельности. Но болѣзнь не позволила С. заняться обязанностями смотрителя съ тою строгостью, какую положилъ онъ для себя въ началѣ. Къ тому же подмѣшались и причины сердечнаго свойства, и вотъ въ концѣ января 1835 г. С. отрывается отъ деревни и уѣзжаетъ въ Москву, гдѣ и прожилъ въ силу этихъ причинъ безвыѣздно двѣ зимы 1835—36 гг. Къ этому именно времени относится его знакомство и дружба съ Михаиломъ Бакунинымъ, тогда только что вышедшимъ въ отставку и перечитывавшимъ отъ скуки французскіе трактаты о сенсуализмѣ. С. очень быстро сходится съ нимъ и засаживаетъ его прямо съ Кондильяка за Гегеля, къ которому уже самъ въ то время перешелъ. Самъ, однако, С. не хочетъ довольствоваться только чтеніемъ Гегеля, ему хочется поѣхать самому въ Берлинъ, чтобы тамъ, въ центрѣ германской философіи, еще болѣе и ближе приложиться къ источнику философскаго знанія; съ этой поры онъ начинаетъ лелѣять мысль о поѣздкѣ за границу. Болѣзнь, между тѣмъ, постепенно увеличивалась и въ 1836 г. погнала С. на Кавказъ; но минеральныя воды еще болѣе разстроили и безъ того слабое здоровье С., да и суровая природа Кавказа произвела на него непріятное впечатлѣніе, такъ что уже въ августѣ этого же года онъ возвратился въ Удеревку, а оттуда снова въ Москву. Здѣсь положеніе его совсѣмъ ухудшилось: въ мартѣ 1837 г. онъ уже лежалъ, близкій къ смерти. Письма этого періода больного и страдающаго С. наполнены распоряженіями о паспортѣ для отъѣзда за границу, объ отставкѣ, о ходѣ этого дѣла въ Петербургѣ, страхомъ за успѣхъ его и ожиданіемъ извѣстій.

Только въ концѣ августа этого же года ему, наконецъ, удается все устроить, и, едва выждавъ обычную объявку въ газетахъ, онъ совершенно разбитый уѣзжаетъ за границу—въ Карлсбадъ, а оттуда вскорѣ и въ Берлинъ.

Новая атмосфера дѣйствуетъ на С. прекрасно. Онъ не желаетъ терять даромъ времени: беретъ частные уроки логики у Вердера слушаетъ курсъ исторіи у Ранке, философіи права у Ганса, не забываетъ даже послушать и сельское хозяйство. Общественная жизнь, публичныя собранія, бытъ нѣмецкаго народа—все это сильно привлекаетъ вниманіе С. Дома, въ Россіи—ни въ личной его жизни, ни въ общественной не было достаточно сильныхъ стимуловъ, которые могли бы его подвинуть на какое-нибудь живое дѣло. Здѣсь же, за границей, онъ начинаетъ чисто инстинктивно понимать это, чувствуетъ глубокую неудовлетворенность въ своей прожитой уже жизни. И «разладица между двумя мірами, едва замѣченная, уже лишала его покоя».

И чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ мучительнѣй становилась эта разладица: онъ осуждаетъ уже въ себѣ лишнее занятіе собой и грѣшную любовь къ спокойствію; даже самую философію онъ перестаетъ считать своимъ настоящимъ призваніемъ: «она, можетъ быть, ступень, писалъ онъ, чрезъ которую я перейду къ другимъ занятіямъ». Почти нѣтъ никакого сомнѣнія, что С. нашелъ бы выходъ изъ этого раздвоеннаго состоянія души, избралъ бы себѣ тотъ или иной путь, быть можетъ, такой же, какъ и Бѣлинскій... Но преждевременная смерть остановила его умственную дѣятельность и развитіе какъ разъ на моментѣ перелома. Онъ умеръ въ ночь съ 24 на 25 іюня по дорогѣ изъ Флоренціи въ Миланъ, въ небольшомъ городкѣ Нови, куда загнало его все увеличивающееся нездоровье. Тѣло его перевезено въ Россію и похоронено въ родовомъ селѣ Удеревкѣ.

Какъ чисто литературный дѣятель С. не представляетъ большого интереса и значенія. Небольшой томикъ его сочиненій, изданный въ 1892 г. и состоящій изъ болѣе чѣмъ посредственной драмы «Василій Шуйскій» (1830), повѣсти «Нѣсколько мгновеній изъ жизни графа Т.». («Телескопъ» 1834), небольшого числа стихотвореній («Телескопъ»1831—35,«Молва»1832—34), а также нѣсколькихъ философскихъ статей, которыя теперь совершенно забыты—слишкомъ незначительный багажъ и по качеству и по количеству для писателя. Значеніе С. нужно искать въ исторіи русской мысли и мысли преимущественно философской. Будучи главнымъ проводникомъ у насъ идей нѣмецкой философіи, С. успѣлъ пережить эпоху господства Шеллинга, проникшаго въ Россію трудами Павлова, Па-

деждина, Одоевскаго, Кирѣевскаго, Веневитинова и др., чуть не первый у насъ отнесся къ нему критически, чего совсѣмъ нельзя сказать ни о чистыхъ шеллингіанцахъ, ни о Надеждинѣ, анализировалъ его съ настоящей философской точки зрѣнія и указалъ на нѣкоторыя слабѣйшія стороны натурфилософской системы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ явился въ Россіи и однимъ изъ самыхъ раннихъ русскихъ гегельянцевъ, хотя къ систематическому изученію Гегеля и приступилъ, уже будучи раньше хорошо знакомъ съ нею, сравнительно поздно.

Восторженный идеалистъ съ свѣтлымъ умомъ, съ поэтическимъ чувствомъ, съ серьезными знаніями, С. былъ одною изъ тѣхъ нѣжныхъ, почти женственныхъ, любящихъ натуръ, которыя призваны къ тому, чтобы разливать вокругъ себя тепло и свѣтъ и угасать слишкомъ рано.

П. В. Анненковъ, «Н.В. Станкевичъ, переписка его и біографія», «Русск. Вѣств.» 1856 г., №№ 3, 4 и 7; отд. М. 1857.—Его-же, «Замѣчательное десятилѣтіе», въ «Воспоминаніяхъ и критическихъ очеркахъ», т. III, Спб. 1881 г., стр. 268—383.—А. Н. Пыпинъ, «В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка», Спб., 1876 г. т. I, гл. III—V, т. II, гл. VI.—Его-же, «Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ», Спб 1890 г. гл. IX.—Н. Добролюбовъ, «Н. В. Станкевичъ», Соч. т. II, Спб. 1876 и «Соврем.», 1858 г., № 4.—А. М. Скабичевскій, «Сорокъ лѣтъ русской критики», Сочин., т. I.—Его-же «Очерки умств. развитія нашего общества, 1825—1860», «Отечеств. Записки», 1870, I, II и III.—Н. Г. Чернышевскій, «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы», Спб. 1892.—А. Станкевичъ, «Т. Н. Грановскій», Спб. 1869 г.—Тургеневъ, «Первое собраніе писемъ.»—Панаевъ, «Литературн. воспоминанія», Соч., т. VI.—Герценъ «Былое и думы».—Протопоповъ, «В. Г. Бѣлинскій» («Біограф. библіотека» Павленкова).—Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», т т. VII—VIII—Ярмерштедтъ, «Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія Кольцова», «Вопросы Философіи и Психологіи» 1893, № 5.—М. М. Филипповъ, «Судьбы русской философіи», «Русское Богатство» 1894, ноябрь.—Л. Майковъ, «Воспоминанія И. С Тургенева о Н. В. Станкевичѣ», «Вѣстникъ Европы» 1899, № 1.—Шашковъ, «Эпоха Бѣлинскаго», ст. пятая, «Дѣло» 1877, іюль.—К. Аксаковъ, «Воспоминанія студенчества», «День» 1862, № № 39, 40.—С. А. Венгеровъ, «Эпоха Бѣлинскаго», Спб. 1905.—Его же, Примѣчанія къ I и III тт. «Полн. Собр. Соч. Бѣлинскаго» подъ его редакціей.—Энциклопедическій словарь Брокгауза, т. 31. s.v.—Большая Энциклопедія, т. 17. s. v.—Вѣтринскій, «Т. И. Грановскій и его время», М. 1897 г.—И. Лыховскій, «По поводу біографіи Станкевича», «Библіот. для Чтенія», 1858 г., № 3.—«Библіотека для Чтенія»,» 1858 г., № 3, отд. V, стр. 1—46

М. Л—ачъ.

Станкевичъ, *Осипъ Матвѣевичъ*, врачъ, писатель по медицинѣ, происходилъ изъ виленскихъ дворянъ (католикъ), родился въ 1800 г., умеръ 30 мая 1874 г., учился на казенный счетъ въ Виленскомъ университетѣ; въ 1823 г. вышелъ изъ него лекаремъ и поступилъ въ 24 артиллер. бригаду, въ томъ же году получилъ въ Виленскомъ университетѣ званіе медико-хирурга, затѣмъ служилъ старшимъ врачемъ въ саперныхъ батальонахъ (съ 1830 г.). Въ 1833 г. С. перешелъ ординаторомъ войскового госпиталя въ Варшавѣ, гдѣ съ 1837 г. получилъ также должность профессора гигіены въ католической духовной академіи. Въ 1840 г. онъ состоялъ врачемъ въ главномъ штабѣ дѣйствовавшей арміи. Въ Варшавѣ С. служилъ до 1861 г., когда вышелъ въ отставку и занялся исключительно частной практикой. С. напечаталъ 6 оригинальныхъ научныхъ работъ и нѣсколько переводовъ съ русскаго въ «Pamiçtek towarzyrtwa lekarskiego»; сочиненія его перечислены у Козминскаго.

Л. Θ. Змѣевъ, „Русскіе врачи писатели", тетр. II, Спб., 1886 г.—Ст. Козминскій, „Slownik lekarzów polskich", Варш. 1883 г. s. v.

Станюковичъ, *Александръ Михайловичъ*, журналистъ и писатель, братъ извѣстнаго автора морскихъ разсказовъ Конст. Мих. Станюковича, сынъ слѣдующаго, происходилъ изъ древняго рода смоленскихъ дворянъ, род. въ 1824 г.; образованіе получилъ во второмъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса котораго поступилъ на военную службу, но вскорѣ вышелъ въ отставку. Литературная дѣятельность С. была весьма разнообразна и своеобразна: вначалѣ онъ проявилъ себя энергичнымъ редакторомъ-издателемъ и главнымъ сотрудникомъ журналовъ, посвященныхъ преимущественно модамъ, рукодѣліямъ и домашнему хозяйству и пр.; къ таковымъ относятся: «Дамскій Альбомъ рукодѣльныхъ работъ» (1855—1856 г.) и «Сѣверный Цвѣтокъ» (съ подзаголовкомъ: «журналъ модъ, искусствъ и хозяйства», 1856—1859 гг.); потерпѣвъ неудачу на этихъ спеціальныхъ журналахъ, онъ сталъ издавать уже чисто-литературные органы: «Семейный Кругъ» (1859—1860 гг.; вышло 52 номера) и

«Петербургскій Вѣстникъ» (1860—1861 гг., 26 номеровъ). Оказавшись не болѣе счастливымъ и въ этихъ попыткахъ, С. перешелъ въ другую область, явившись авторомъ нѣсколькихъ романовъ, лишенныхъ какого-либо литературнаго значенія, затѣмъ вдругъ выпустилъ книгу, которую менѣе всего можно было ожидать изъ-подъ пера беллетриста: «Календарь для любителей карточной игры съ таблицами счастливыхъ дней для игры въ 1874 г.» (М., 1873 г.). Въ 1875 г. онъ уже оказывается, какъ ни странно, историкомъ и выпускаетъ въ свѣтъ небольшую книжку подъ загл. «Исторія Россіи отъ ея основанія до настоящаго времени, общепонятно написанная» (М., 1875 г.), а нѣсколько позже вновь возвращается къ произведеніямъ утилитарнаго характера, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить его «Школу поварского и любительскаго искусствъ» (М., 1887 г.). Для полноты характеристики нужно замѣтить еще, что С. былъ также и музыкантомъ и написалъ даже нѣсколько романсовъ. Умеръ онъ въ мартѣ 1892 г.

В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг. включ.", т. I, Спб., 1890 г., № 5053, т. V, № 50494.—То же ежегодные выпуски, 1855 г., № 1453, стр. 145; 1858 г., № 2851, стр. 174; № 4044, стр. 222; 1859 г., № 3946; 1860 г., № 4511; 1861 г., № 4501.—„Семейный Кругъ", 1860 г., № 29.—„Энциклопедич. словарь" Брокгауза-Эфрона, т. 31, Спб., 1900 г., s. v.—„Русскій календарь на 1894 г.", А. С. Суворина, Спб., 1894 г., стр., 331. *Е. К.*

Станюковичъ, *Михаилъ Николаевичъ*,—адмиралъ; воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса котораго въ 1803 г. былъ произведенъ въ мичманы и волонтеромъ командированъ въ Англію. Проплававъ въ теченіе пяти лѣтъ на судахъ англійскаго флота по Средиземному морю и Атлантическому океану и въ классической странѣ мореплаванія основательно изучивъ морское дѣло, С. въ 1809 г. возвратился на родину, гдѣ черезъ годъ былъ произведенъ въ лейтенанты и назначенъ командиромъ брига «Соболь». Въ 1813 г. онъ участвовалъ въ троекратномъ морскомъ сраженіи подъ Вейхсельмюнде и за существенныя заслуги въ этихъ сраженіяхъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. Въ теченіе 1814—1826 гг. С. на различныхъ судахъ, сначала въ Балтійскомъ, а затѣмъ въ Черноморскомъ флотѣ ежегодно совершалъ обычныя плаванія, былъ повышенъ въ капитанъ-лейтенанты, за «18 морскихъ кампаній» награжденъ орденомъ Георгія 4 кл., а между 1826—1829 гг., командуя шлюпомъ «Моллеръ», совершилъ кругосвѣтное плаваніе, во время котораго на широтѣ 25° N и долготѣ 188°0 открылъ островъ, названный имъ островомъ *Моллера*, сдѣлалъ опись значительной части береговъ Аляски и опредѣлилъ астрономическое положеніе многихъ острововъ въ Великомъ океанѣ. Еще до окончанія этого путешествія, именно въ 1827 г., онъ былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга, въ 1831 г.—въ капитаны 1 ранга, а въ 1837 г.—въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ командиромъ 2 бригады 4 флотской дивизіи. Имѣя послѣдовательно свой флагъ на кораблѣ «Импер. Екатерины II», фрегатахъ «Бургасъ» и «Агатополо», С. между 1837—1838 гг. крейсировалъ у абхазскихъ береговъ и перевозилъ войска изъ укрѣпленія Шапсухо къ устью р. Целисъ. Состоя съ 1839 г. командиромъ 2 бригады 5 флотской дивизіи, онъ на корабляхъ «Султанъ - Махмудъ» и «Силистрія» крейсировалъ у кавказскихъ береговъ и во главѣ небольшой эскадры сыгралъ выдающуюся роль въ сопротивленіи, оказанномъ горцамъ при занятіи Субаши; отрядъ его, состоявшій изъ 84-пуш. корабля «Три іерарха», 60-пуш. фрегата «Агатополо», шхуны «Смѣлая» и тендера «Нырокъ», держась на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ кавказскаго берега, картечными зарядами разрушалъ завалы горцевъ и очищалъ путь русскому сухопутному отряду ген. Анрепа отъ укрѣпленія Св. Духа до порта Навагинскаго. Въ 1842—1843 гг. С. на своей эскадрѣ перевозилъ дессантныя войска изъ Одессы въ Севастополь и обратно, въ 1844 г. былъ назначенъ командиромъ всей 5 дивизіи, въ 1848 г. произведенъ въ вице-адмиралы и въ 1852 г. получилъ постъ командира Севастопольскаго порта и исправляющаго должность военнаго губернатора въ Севастополѣ. Въ этой должности онъ пробылъ до 1855 г., когда состоялось его производство въ полные адмиралы и переводъ его изъ Севастополя въ Петербургъ съ назначеніемъ въ члены адмиралтействъ-совѣта. Умеръ С. 29 декабря 1869 г.

„Общій морской списокъ", ч. VIII, Спб.

1894 г., стр. 245—247.—А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ», Спб., 1893 г., стр. 48, 346, 438.—«Записки Ученаго Комитета Морского штаба», III, стр. 124—125.—«Записки Гидрограф. Департам.» VIII, стр. 63—75.—«Морской Сборникъ», 1850 г., № 6, стр. 547—555.—«Содѣйствіе эскадры контръ-адм. Станюковича переходу сухопутнаго отряда генер. Анрепа отъ укрѣпленія Св. Духа къ порту Навагинскому», «Морск. Сборн»., 1850, № 5, стр. 422—430.—«Высочайшій рескриптъ вице-адмир. Станюковичу», тамъ же, 1854 г.. № 6. стр. XLIX.—Ф. Веселаго, «Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ», Спб., 1852 г.—Его же, «Краткія свѣдѣнія о русскихъ морскихъ сраженіяхъ за два столѣтія» 1656—1856 гг.», Спб., 1871 г.—П. Божеряновъ, «Списокъ генер.-адмираламъ, генер.-фельдмаршаламъ и адмираламъ русскаго флота съ его основанія по настоящее время», Спб., 1872 г.

Старбусъ, оружейный мастеръ въ Россіи при Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ I (1724—1727 гг.). Исторія С. интересна для характеристики установленныхъ Петромъ Великимъ отношеній къ выписываемымъ въ Россію иностраннымъ мастерамъ. Оберъ-прокуроръ Бибиковъ, какъ видно изъ его донесенія въ адмиралтействъ-коллегію, по указу Петра Великаго отъ 19-го октября 1724 г., въ бытность свою въ Швеціи, нанялъ на русскую службу пружиннаго мастера С., съ которымъ и заключилъ контрактъ; по контракту С. было положено очень значительное для того времени жалованье—300 р. въ годъ, особая плата за отдѣльные заказы, какъ, напримѣръ, за мелкое ружье, удобная квартира съ работникомъ, 300 р. на поѣздки съ сестрорѣцкихъ заводовъ въ Петербургъ и вознагражденіе въ 50 р. за каждаго мастера, котораго онъ обучитъ своему искусству. По прибытіи въ Петербургъ Бибиковъ поручилъ С. Стаубенахту Сенявину. Вскорѣ, однако оказалось, что «понеже Старбусъ въ оружейномъ дѣлѣ не обученъ и собою править, и ковати, и собирать ни мало не умѣетъ, а тому дѣлу искусенъ былъ отецъ его, Петръ Старбусъ, а не онъ, Петръ, и о томъ мастерствѣ онъ, Старбусъ, объявилъ за собою ложно; о чемъ явно изобличается въ томъ, что когда онъ, Старбусъ, отправлялся въ Россію изъ Швеціи, тогда онъ, Старбусъ, купилъ нѣсколько фузей и пистолетныхъ готовыхъ замковъ, и, забравъ послѣ отца своего готовые стволы и ложи, привезъ съ собою на сестрорѣцкіе заводы и, назвавъ своими—своимъ мастерствомъ, положилъ письменныя на нихъ клейма, якобы оные сдѣланы при сестрорѣцкихъ заводахъ». Когда въ 1727 г. возникъ вопросъ, что дѣлать съ самозваннымъ мастеромъ, въ адмиралтействъ-коллегію отъ кабинета е. и. в. была отправлена слѣдующая характерная офиціальная бумага: «Сего мая въ 23-й день, по указу е. и. в. въ кабинетѣ опредѣлено..., чтобъ недостойнаго оружейнаго мастера Старбуса отпустить изъ службы. А понеже въ имянномъ е. и. в. указѣ, ноября 6-го въ 1723 году, написано: «которые мастера вызваны будутъ изъ другихъ государствъ освидѣтельствовать немедленно, знаютъ ли они свое дѣло, и буде не знаютъ или плохо знаютъ, тотчасъ отпустить безъ жалобъ и озлобленія, буде же годны, содержать во всякомъ довольствѣ, и ежели и контрактъ выйдетъ, а свои уже обучатся, и онъ не похочетъ ѣхать, такихъ отсюда не отпускать и содержать какъ выше писано, а буде кто самъ похочетъ, такого прежде отпуску объявить коллегіи, гдѣ его коллегіи допросить: вольно ль отъѣзжаетъ? и нѣтъ ли и не было ль ему какой тѣсноты, и доволенъ ли отъѣзжаетъ? и буде окажетъ какую противность или недовольство, или хотя не скажетъ, но видъ дастъ недовольства, то отъ коллегіи накрѣпко розыскать, и ежели тако—наказать, и тщится его гдѣ употребить, а не отпускать, буде же весьма не захочетъ жить, то отпустить съ совершеннымъ довольствомъ, дабы пріѣхавъ жалобы не имѣлъ, что ихъ худо трактуютъ, и тѣмъ бы впредь вызовъ мастеровъ непресѣченъ былъ, а ежели сіе опущено будетъ, или слабое смотрѣніе, судъ и наказаніе виновнымъ будетъ, то коллегія сама за то штрафована будетъ такъ, якобы сами они противъ сего указа сдѣлали», —того-для адмиралтейская коллегія имѣетъ учинить о Старбусѣ по силѣ онаго указу по своему усмотрѣнію, или о томъ доносить Верховному Тайному Совѣту». Въ сентябрѣ того же 1727 г. С. былъ безпрепятственно отпущенъ въ Швецію.

„Старбусъ, оружейный мастеръ, 1724—1727 гг.“, „Русская Старина“ 1870 г., томъ I, № 6, стр. 596—597; изд. 2, стр. 397, изд. 3, стр. 404—405, сообщеніе Е. П. Есаулова.—Дѣло адмиралтействъ-канцеляріи 1717 г., съ № 1 по 5, папка 63. *В. Г.*

Старицкіе, *удѣльные князья*, младшая вѣтвь князей Московскихъ, свое имя получили отъ главнаго въ ихъ удѣлѣ городка *Старицы*, нынѣ уѣзднаго города въ Тверской губерніи. Основанная въ 1237 г. кн. Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ, Старица принадлежала Тверскому княжеству до 1375 г., когда Дмитріемъ Донскимъ была присоединена къ московскимъ владѣніямъ; вскорѣ она вновь перешла къ Твери, но въ 1482 г. вторично была отнята Москвою и, по смерти Іоанна III Васильевича, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими волостями была отдана въ удѣлъ его младшему сыну, Андрею Ивановичу, который и является первымъ удѣльнымъ княземъ *Старицкимъ*. Судьба этого удѣльно-княжескаго рода чрезвычайно печальна: почти всѣ его немногіе представители,—взрослые и малолѣтніе, мужчины и женщины—погибли неестественною смертью въ царствованіе Іоанна Грознаго. Андрей Ивановичъ былъ заморенъ по распоряженію правительницы Елены Глинской, его же сынъ и малолѣтніе внуки—отравлены по приказанію Іоанна IV, въ его личномъ присутствіи. Между тѣмъ, при иныхъ обстоятельствахъ судьба ихъ могла быть совершенно другой: царское происхожденіе могло въ будущемъ, за пресѣченіемъ старшихъ линій, обезпечить потомкамъ Андрея Ивановича права на Московскій престолъ.

Андрей Ивановичъ, родоначальникъ князей Старицкихъ, былъ шестымъ и младшимъ сыномъ царя и великаго князя Московскаго Іоанна III Васильевича и супруги его Софіи Палеологъ; род. 4 или 5 августа 1490 г. О раннемъ дѣтствѣ его никакихъ свѣдѣній не сохранилось. Упомянувъ о его рожденіи, лѣтописцы отмѣчаютъ его имя въ слѣдующій разъ лишь въ 1503 г., когда онъ вмѣстѣ съ остальными дѣтьми Іоанна III сопровождалъ больного отца на богомолье въ Троице-Сергіевскій монастырь, затѣмъ въ Ростовъ и въ Ярославль. По завѣщанію въ 1506 г. скончавшагося родителя А. И. получилъ въ отчину Верею, Вышгородъ, Алексинъ, Любутскъ, Новый Городокъ и Старицу, по имени которой и сталъ прозыватся—княземъ *Старицкимъ*. Со своимъ старшимъ братомъ, Василіемъ Іоанновичемъ, унаслѣдовавшимъ Московскій престолъ, А. И. прожилъ въ полномъ мирѣ и согласіи. Осенью 1510 г. онъ сопровождалъ великаго князя въ Новгородъ, откуда послѣдній, безъ всякаго кровопролитія, исключительно путемъ переговоровъ, сопровождаемыхъ, впрочемъ, со стороны Василія Іоанновича ратными угрозами, заставилъ склонить свою выю передъ Москвою и собою Псковъ, единственный тогда городъ, въ незначительной степени сохранившій еще остатки былыхъ вольностей, принудилъ его уничтожить вѣче, снять вѣчевой колоколъ и принять государевыхъ намѣстниковъ. Къ этому акту своего брата А. И., повидимому, отнесся съ полнымъ сочувствіемъ; извѣстно, что онъ принялъ участіе въ торжественномъ въѣздѣ великаго князя въ слабый, угрожаемый московскими войсками, покорившійся и по отнятымъ вольностямъ рыдающій городъ. Въ 1514 г. великій князь ходилъ въ походъ на Смоленскъ, и А. И., единственный изъ всѣхъ братьевъ государя, оставленъ былъ въ Москвѣ съ царевичемъ Петромъ. Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ, лѣтописныя свѣдѣнія о немъ ограничиваются лишь упоминаніемъ его, какъ участника въ охотѣ и другихъ потѣхахъ, предпринимаемыхъ государемъ.

Въ 1522 г. А. И. выступаетъ какъ воевода, причемъ очень неудачно. Въ это время татарскій ханъ Махметъ-Гирей подступилъ къ Казани, безъ труда овладѣлъ ею, свергъ ставленника Москвы Шигъ-Алея, вооружилъ крымцевъ, ногаевъ, вошелъ въ союзъ съ атаманомъ литовскихъ казаковъ, Евстафіемъ Дашковичемъ и, не теряя времени, двинулся во главѣ значительныхъ силъ къ московскимъ предѣламъ. Нашествіе было столь быстрымъ и неожиданнымъ, что царь едва успѣлъ собрать кое-какую рать, которую лично вывелъ на берега Оки; самъ онъ «ускори возвратися къ Москвѣ», главнымъ же воеводою назначилъ юнаго Дмитрія Бѣльскаго, а его ближайшимъ помощникомъ и совѣтникомъ—А. И. Ханъ не замедлилъ появиться. Произошла битва. «Въ безразсудной надменности», говоритъ Карамзинъ, Бѣльскій и А. И. «не совѣтовались съ мужами опытными или не слушались ихъ совѣтовъ, стали не тамъ, гдѣ надлежало, пропустили хана черезъ Оку, сразились не вовремя, безъ устройства....» Результатомъ было полное пораженіе московскихъ войскъ и малодушное ихъ бѣгство. Эта неудача, стоившая Москвѣ, между прочимъ, жизни многихъ выдаю-

щихся воеводъ, разрослась вскорѣ въ цѣлое бѣдствіе для страны, такъ какъ побѣдитель безъ замедленія пошелъ по слѣдамъ бѣжавшихъ, подъ Коломною соединился съ полчищами другого хана, Саипъ-Гирея, явившагося съ береговъ Волги, и оба они соединенными силами стали опустошать окрестности Москвы, постоянно угрожая безпощаднымъ разгромомъ самой столицѣ. Только съ чрезвычайными трудностями и большими жертвами удалось великому князю предотвратить это грозившее несчастіе, виновникомъ котораго въ нѣкоторой степени былъ А. И. Хотя приокское пораженіе общая молва приписывала исключительно бездарности Бѣльскаго, но послѣдній слагалъ вину, притомъ, кажется, не безъ основанія, на А. И., который, по словамъ Бѣльскаго, первый показалъ непріятелю тылъ, увлекъ за собою другихъ, разстроилъ ряды московскихъ войскъ и тѣмъ далъ татарамъ ключъ къ побѣдѣ. Великій князь разрѣшилъ взаимныя пререканія виновныхъ довольно неожиданнымъ образомъ: пощадилъ и Бѣльскаго, и брата, а весь свой гнѣвъ обрушилъ на воеводу кн. Ивана Баратынскаго, опытнаго и талантливаго военноначальника, но изъ-за личныхъ счетовъ съ юнымъ Бѣльскимъ позволившаго послѣднему сдѣлать рядъ непоправимыхъ ошибокъ. Отвѣтственныхъ мѣстъ въ военныхъ дѣйствіяхъ послѣ первой неудачи А. И. ужъ болѣе не занималъ; вообще какъ участникъ походовъ онъ упоминается еще только одинъ разъ, притомъ безъ указанія опредѣленной роли,—именно въ битвѣ 1528 г. на берегахъ той же Оки съ крымскимъ ханомъ Исламомъ, потерпѣвшимъ жестокое пораженіе.

Въ 1533 г., вскорѣ послѣ рожденія у великаго князя сына Іоанна (впослѣдствіи Іоаннъ IV), А. И. женился на княжнѣ Евфросиніи Андреевнѣ, дочери кн. Андрея Ивановича Хованскаго; вѣнчаніе совершилъ (22 февраля) митрополитъ Даніилъ, въ соборной церкви, на свадьбѣ присутствовалъ великій князь съ супругою и дарилъ новобрачныхъ. Поздняя женитьба А. И. объясняется тѣмъ, что царь, будучи до тѣхъ поръ бездѣтнымъ, не позволялъ вступать въ бракъ своимъ младшимъ братьямъ, опасаясь перехода престола къ ихъ потомству. Ближайшія послѣ этого лѣтописныя упоминанія объ А. И. касаются событій малозначительныхъ. 3 сентября 1533 г. онъ называется, тотчасъ послѣ имени царя, въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ при освященіи ростовскимъ архіепископомъ Кирилломъ великолѣпнаго храма Вознесенія въ Коломнѣ, 3 ноября былъ при крещеніи второго сына Василія Іоанновича, Георгія (Юрія) и пр. Затѣмъ въ 1534 г. А. И. сопровождалъ Василія Іоанновича на охоту въ Волоколамскъ, гдѣ государь заболѣлъ, и оттуда—обратно въ Москву. 4 декабря того же года, при послѣднихъ минутахъ государя, А. И. былъ въ числѣ немногихъ лицъ, выслушавшихъ его послѣднюю волю, въ присутствіи митрополита Даніила принесъ крестное цѣлованіе на вѣрность наслѣднику Іоанну и его матери, Еленѣ Глинской, обязался жить на своемъ удѣлѣ, отъ Москвы не отзывать къ себѣ людей и противъ враговъ великаго князя и своихъ собственныхъ стоять съ нимъ «прямо вообчи за одинъ». Изъ свидѣтелей послѣднихъ минутъ государя А. И. болѣе чѣмъ кто-либо другой противился постриженію брата на смертномъ одрѣ; когда митрополитъ приготовилъ черную ризу, онъ силою пытался вырвать ее у него изъ рукъ, чѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ митрополита и былъ имъ лишенъ благословенія.

Первые дни послѣ вступленія на престолъ Іоанна IV положеніе А. И. оставалось прежнимъ. Мать царя-младенца, правительница Елена Глинская, относилась къ нему въ это время, повидимому, вполнѣ доброжелательно, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ.. Даже когда (всего черезъ нѣсколько дней по кончинѣ Василія Іоанновича), по приказу Елены, былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму другой братъ покойнаго государя, князь Юрій Ивановичъ, обвиненный въ желаніи царствовать,—А. И. остался внѣ всякаго подозрѣнія и продолжалъ спокойно жить въ Москвѣ. Въ эту пору онъ, какъ дядя государя, при дворѣ и въ совѣтѣ бояръ пользовался еще всѣми знаками уваженія; хотя въ правленіи онъ не принималъ никакого фактическаго участія, но въ сношеніяхъ съ иностранными державами ему давали даже имя перваго государственнаго попечителя. Благосклонное отношеніе (если оно не было только наружнымъ) правительницы къ А. И., при господствовавшей подозрительности и интригахъ совѣта бояръ, объясняется, надо думать, тѣмъ

что А. И., въ противоположность заключенному брату, не обладалъ ни сильнымъ и стойкимъ характеромъ, ни тѣми качествами, которыя могли бы вызвать къ нему симпатіи со стороны широкихъ слоевъ московскаго населенія, а, слѣдовательно, и подозрѣніе со стороны правящихъ лицъ. Несмотря, однако, на оказываемый ему почетъ, А. И., имѣя предъ глазами участь брата, былъ далеко неспокоенъ и, по выраженію Карамзина, трепеталъ за свою судьбу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, повидимому, относился съ неодобреніемъ къ репрессіямъ Елены Глинской по отношенію ко многимъ выдающимся лицамъ въ государствѣ и позволялъ себѣ иногда нескромныя выраженія по адресу правительницы и совѣта бояръ, о чемъ они, конечно, и увѣдомлялись разными добровольными доносчиками. Вскорѣ послѣ сорочинъ по усопшемъ великомъ князѣ, А. И. билъ челомъ новому государю и его матери и сталъ припрашивать къ своей вотчинѣ новыхъ городовъ и земель. Въ этомъ ему отказали, а взамѣнъ просимаго наградили его шубами, конями, сѣдлами и драгоцѣнными сосудами. Обиженный А. И. немедленно послѣ этого (въ мартѣ 1534 г.) уѣхалъ къ себѣ въ удѣлъ, именно въ Старицу. Здѣсь вокругъ него стали собираться многіе изъ недовольныхъ могуществомъ Глинскихъ и ихъ жестокостями. Въ этомъ кругу, центральной фигурой котораго сдѣлался А. И., часто раздавались жалобы на правительницу и окружавшихъ ее. Нашлись наушники; донесшіе въ Москву о томъ, что А. И. злословитъ Елену, а ему самому стали говорить, что правительница хочетъ его «поимати». Съ цѣлью завѣрить его въ несправедливости такихъ слуховъ изъ Москвы къ А. И. въ Старицу, по порученію Елены, ѣздилъ кн. Иванъ Васильевичъ Шуйскій, а затѣмъ и самъ А. И. въ свою очередь поѣхалъ въ Москву для личныхъ объясненій. Правительница увѣряла его, что никакой злобы къ нему не питаетъ, и предложила назвать людей, которые ихъ ссорятъ, намѣреваясь поступить съ ними такъ, чтобы «впередъ этого не было». Выдать кого-либо А. И. отказался, уклонился также и отъ указанія прямыхъ причинъ своей подозрительности, объяснивъ ее нашедшимъ на него «мнѣніемъ». Послѣ взаимныхъ и неискреннихъ увѣреній въ любви, онъ былъ отпущенъ въ Старицу съ большими почестями. Свиданіе это, однако, не положило конца недоразумѣніямъ и нисколько не измѣнило отношеній А. И. къ правительницѣ; онъ продолжалъ попрежнему питать къ ней страхъ и «въ сердцѣ гнѣвъ» за отказъ въ прибавкѣ къ вотчинѣ. Нѣкоторыя новыя его рѣзкія выраженія объ Еленѣ послужили поводомъ ко вторичному доносу, въ которомъ, между прочимъ, указывалось намѣреніе А. И. бѣжать въ Литву. Лѣтописецъ увѣряетъ, что правительница этому не повѣрила, изъ прежнихъ доносовъ будто бы убѣдившись въ ихъ неизмѣнной ложности. Такъ ли это или нѣтъ, но вскорѣ послѣ этого А. И. получилъ приглашеніе пріѣхать въ Москву, дабы подать свой совѣтъ о войнѣ съ подступившимъ къ Мурому казанскимъ ханомъ Сафа-Гиреемъ. Незадолго передъ тѣмъ (26 августа 1536 г.) умеръ въ темницѣ князь Юрій Ивановичъ. Голодная мученическая смерть родного брата привела А. И. въ ужасъ. Послѣднее обстоятельство, а также и то, что вызовъ его въ Москву былъ мотивированъ явно надуманно, ибо раньше онъ никогда не принималъ участія въ совѣщаніяхъ по государственнымъ вопросамъ,—все это заставило А. И. предположить неладное, и онъ отказался поѣхать, сказавшись больнымъ и потребовавъ къ себѣ изъ Москвы «мастера» (врача). Отправленный къ нему извѣстный врачъ Ѳеофилъ болѣзнь нашелъ легкой, какую-то болячку «на стегнѣ». Вновь были посланы изъ Москвы люди съ повторнымъ приглашеніемъ; имъ поручалось, между прочимъ, развѣдать также о истинныхъ причинахъ непріѣзда А. И. Посланные вынесли впечатлѣніе, что онъ «потому и въ постели лежитъ и больнымъ сказывается, что въ Москву ѣхать не хочетъ». Между тѣмъ правительница вновь получила доносъ о намѣреніи А. И. «одноконечно бѣжати» (отъ кн. Василія Ѳедоровича Ростовскаго); самъ же А. И. писалъ ей: «Въ болѣзни и тоскѣ (очевидно, по братѣ) я отбылъ ума и мысли. Согрѣй во мнѣ сердце милостію. Неужели велитъ государь влачить меня отсюда на носилахъ?» Въ отвѣтъ на это Елена послала въ Старицу нѣсколькихъ представителей духовенства, во главѣ съ крутицкимъ владыкою Досиѳеемъ, велѣвъ послѣднему передать А. И., что «у нихъ (Елены и Іоанна) лиха въ мысли нѣтъ никотораго»; въ случаѣ же

злыхъ умысловъ—объявить ему церковное проклятіе (мѣра довольно обыденная въ то время). Одновременно съ этимъ князья Никита Васильевичъ Хромой и конюшій Иванъ Өедоровичъ Овчина-Телепневъ Оболенскіе въ челѣ многочисленной дружины выступили въ Волоколамскъ, чтобы помѣшать бѣгству А. И., если бы увѣщанія владыки оказались безполезны; посланнаго же А. И. въ Москву для объясненій, боярина его Пронскаго велѣно было схватить и арестовать. Предупрежденный объ этихъ мѣрахъ ушедшимъ изъ Москвы боярскимъ сыномъ Сатинымъ, А. И. вмѣстѣ съ женою и младенцемъ-сыномъ немедленно покинулъ Старицу (5 мая 1536 г.). Въ 60 в. отъ нея онъ остановился въ с. Берновѣ, Новоторжскаго уѣзда. Здѣсь онъ вмѣсто обычно приписывавшагося ему намѣренія бѣжать въ Литву рѣшился на иной, гораздо болѣе серьезный шагъ: ко всѣмъ боярскимъ дѣтямъ и по погостамъ сталъ разсылать онъ грамоты, въ которыхъ (въ передачѣ донесшаго объ этомъ въ Москву кн. Василія Өедоровича Голубого-Ростовскаго) писалъ: «Князь великій малъ, а держатъ государство бояре, и вамъ у кого служити? И вы ѣдте ко мнѣ служити, а язъ радъ васъ жаловати». На грамоту откликнулись многіе изъ боярскихъ дѣтей, которыя послѣдовали призыву и составили въ общемъ довольно значительный отрядъ. Не легко съ точностью установить намѣренія А. И. въ это время. Ближайшею его цѣлью было во главѣ образовавшейся рати идти на Новгородъ, завладѣть имъ, а оттуда поступать въ зависимости отъ обстоятельствъ,—быть можетъ, даже протянуть руку къ московскому престолу. Замыслы его въ Москвѣ были, конечно, извѣстны. Никита Васильевичъ Хромой-Оболенскій получилъ оттуда приказъ поспѣшить къ Новгороду, занять его раньше прихода А. И., привести жителей къ присягѣ, укрѣпить торговую часть и сопротивляться «сколько Богъ поможетъ». Этотъ приказъ, свидѣтельствующій о томъ, что поднятому А. И. мятежу придавали большое значеніе, Оболенскимъ былъ выполненъ во-время. «И бысть въ Новѣгородѣ,—говоритъ лѣтописецъ,—отъ князя Андрея Ивановича смятеніе, бѣгали новгородцы въ осаду, да городъ обложили... а срубили городъ въ три (по инымъ свидѣтельствамъ, въ пять) дни»... Отсюда противъ А. И. былъ даже посланъ отрядъ во главѣ съ Ив. Никит. Бутурлинымъ. Съ другой стороны, фаворитъ правительницы, конюшій Ив. Өедор. Овчина-Телепневъ-Оболенскій получилъ повелѣніе двинуть свою рать въ погоню за А. И., свернувшимъ съ большой новгородской дороги на Русу (Старую). Телепневъ настигъ его около с. Тюхоли; обѣ стороны стали энергично готовиться къ бою. Неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, можетъ быть, въ виду неоправдавшихся расчетовъ на Новгородъ, А. И., однако, раздумалъ «бой поставити» и началъ переговоры (по одной изъ лѣтописей, послѣдніе начаты Телепневымъ), соглашаясь положить оружіе, если Телепневымъ будетъ ему клятвенно обѣщано, что правительница не поступитъ съ нимъ худо. Клятва была дана, и А. И. поѣхалъ съ повинной въ Москву. Глинская, узнавъ о данномъ Телепневымъ безъ ея согласія обѣщаніи, наложила на своего любимца опалу, впрочемъ, временную, а А. И. велѣла заковать, вмѣстѣ съ сыномъ и супругою посадить въ «палату» (во дворѣ Берсенева) и «наложить на него всякую тягость». Вмѣстѣ съ нимъ были схвачены и многіе изъ приближенныхъ къ нему бояръ: князья—Өедоръ Дмитріевичъ Пронскій, Ив. Андр. Оболенскій, дворецкій Юрій Андр. Пѣнинъ-Оболенскій Большій и его братъ того же имени (Меньшій), конюшій Ив. Борис. Палецкій, Ив. Ив. Умный-Колычевъ, Ив. Андр. Хованскій и всѣ тѣ, кто такъ или иначе вѣдалъ про думу А. И. Всѣхъ ихъ пытали и затѣмъ казнили торговою казнью. Принявшихъ же сторону А. И. дѣтей боярскихъ, въ числѣ 30 человѣкъ, жестоко били кнутомъ, а потомъ повѣсили по новгородской дорогѣ, на большомъ разстояніи трупъ отъ трупа. Что же касается самого А. И., то онъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего заключенія, подобно брату, умеръ насильственною смертью (10 декабря 1536 г.). Тѣло его съ большими, но лицемѣрными почестями было погребено въ церкви Архангела Михаила.

„Полное собраніе русскихъ лѣтописей". т. III, стр. 149, 200; т. IV, стр. 157, 283; т. V, стр. 90; т. VI, стр. 25, 37, 239, 250, 254, 261, 263—264, 266—267, 268, 269, 270. 272—275; т. VII, стр. 227, 230, 231, 239; т. VIII, стр. 4, 6, 7, 219, 251, 255, 269, 280, 281, 282, 283—284, 285, 286, 292—293, 294.—„Синод. лѣтопись", № 351, л. 182—186, 191; № 365, л. 543.—„Дѣла Крымскія" въ московск. архивѣ иностр. дѣлъ, № 8, л. 20—„Царствен. книга", стр. 67.—Ка-

рамзинъ, „Исторія госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, Спб., 1843, т. VI, стр. 88, 203; прим. 206, 607; т. VII, стр. 21, 26, 39, 66, 69, 96, 100—104; прим. 98, 219, 231.—С. М. Соловьевъ, „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, изд. „Обществ. Пользы“, по указателю.—„Энциклоп. словарь“ Брокгауза-Ефрона, т. 2, s. v.

Владиміръ Андреевичъ, единственный сынъ предыдущаго, двоюродный братъ царя Іоанна IV Грознаго. Нѣкоторые моменты его жизни полны глубокаго драматизма. Высокое происхожденіе и богатство природныхъ данныхъ, высокій умъ, неутомимая энергія, мужество, мягкій характеръ, не только не защитили его отъ превратностей судьбы, но именно эти свойства, при подозрительности и жестокости Іоанна, и были главными причинами трагической кончины В. А. Въ цѣломъ это одна изъ тѣхъ историческихъ фигуръ, надъ которыми съ интересомъ можетъ остановить свой взглядъ какъ изслѣдователь старины, такъ и поэтъ-художникъ. Лѣтописныя свѣдѣнія о немъ сухи и неестественно скудны. Вполнѣ вѣроятно, что лѣтописцы намѣренно обходили молчаніемъ нѣкоторые эпизоды жизни В. А., особенно же моментъ его насильственной смерти, фактъ которой лишь констатируется безъ указанія причинъ и подробностей. Повѣствовать о братоубійствѣ Іоанна, изъ страха передъ нимъ, можетъ быть, «не разверзались уста». Лишь въ хроникахъ современныхъ иностранцевъ дошли до насъ болѣе подробныя, хотя часто противорѣчивыя свѣдѣнія о жизни этого представителя князей Старицкихъ.

В. А. родился въ концѣ 1533 г. въ Старицѣ, гдѣ и провелъ первыхъ два года. Уже младенцемъ онъ перенесъ тяжелыя испытанія. Въ 1536 г. умеръ «нуждною», голодною смертью его отецъ (см. выше), не поладившій съ Еленою Глинскою. За счеты отца съ правительницею пострадалъ и безвинный 3-хъ-лѣтній В. А. Еще въ іюнѣ или іюлѣ этого года онъ былъ вмѣстѣ съ родителями заключенъ въ тюрьму, въ которой пробылъ почти цѣлыхъ три года; освобожденіе его и матери состоялось лишь въ декабрѣ 1539 г., когда при дворѣ пало вліяніе кн. Ивана Шуйскаго и верхъ взяла партія Бѣльскихъ, принявшая болѣе миролюбивое направленіе во внутренней политикѣ (въ «Царственной книгѣ» упоминается, что В. А. былъ освобожденъ по ходатайству извѣстнаго священника Сильвестра, но это извѣстіе другими первоисточниками не подтверждается; надо полагать, что Сильвестръ въ это время даже еще и не былъ въ Москвѣ). Первое время по освобожденіи В. А. и его мать жили уединенно и скромно въ своемъ московскомъ домѣ. Въ концѣ 1540 г. они были представлены молодому государю, и съ этою момента царская опала къ нимъ смѣняется милостью, выразившейся прежде всего въ возвращеніи имъ отнятыхъ у Андрея Ивановича помѣстій и въ дозволеніи имѣть свой дворъ,—бояръ, княжескихъ слугъ и пр. Всѣ свѣдѣнія о юношескомъ возрастѣ В. А. безъ всякихъ противорѣчій сходятся на томъ, что въ эту пору онъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Іоанномъ, который ласкалъ и чтилъ его, а въ государственныхъ указахъ его имя присоединялъ къ своему. «Мы уложили съ братьями и съ боярами»...—такъ обычно начинались многіе, иногда важные государевы указы въ это время, причемъ подъ братьями разумѣлись В. А. и родной братъ Іоанна, Юрій Васильевичъ. Близость В. А. къ Іоанну подтверждается также и тѣмъ, что онъ сопровождалъ молодого государя почти во всѣхъ его увеселительныхъ поѣздкахъ, на охоту, при осмотрѣ монастырей и пр. Такъ, въ 1536—1537 гг. онъ былъ съ царемъ во Владимірѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Ржевѣ, Твери, Новгородѣ, Псковѣ; бывали случаи, когда Іоаннъ отсылалъ въ Москву всѣхъ остальныхъ своихъ приближенныхъ, при себѣ же оставлялъ только В. А. и съ нимъ отправлялся въ какой нибудь монастырь. Въ 1547 г. В. А. былъ въ тысяцкихъ на свадьбѣ царя съ Анастасіей Романовной Захарьиной, а въ 1549 г., во время перваго казанскаго похода, онъ былъ оставленъ «блюсти» Москву, что свидѣтельствуетъ о высокомъ довѣріи къ нему государя. Особенная же милость царя къ В. А. выразилась въ томъ, что Іоаннъ, самъ еще не имѣя дѣтей, позволилъ ему жениться. Еще до похода «приговорилъ» царь его женить и разрѣшилъ смотрины, которыя состоялись уже послѣ похода, въ 1550 г. «Маія 24... смотрѣли царь и князь Володимеръ Андреевичъ дѣвокъ и полюбили дочь Нагова», Евдокію Александровну. Вѣнчаніе совершалъ (31 мая 1550 г.) митрополитъ Макарій, а свадьба была на дворѣ у государя. Дальнѣйшія свѣдѣнія о

В. А. относятся къ 1552 г., который онъ провелъ въ походахъ. Въ началѣ этого года онъ упоминается какъ участникъ въ совѣщаніи о походѣ на Свіяжскій городокъ, а нѣсколько позже находится въ самомъ походѣ; вслѣдъ за этимъ Іоаннъ хотѣлъ послать его противъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея, подступившаго къ Рязани, но почему-то раздумалъ. Наконецъ, въ томъ же году онъ участвовалъ во второмъ походѣ на Казань. Въ теченіе всей этой знаменитой осады онъ начальствовалъ царской дружиной и неотлучно находился при государѣ. Лѣтопись говоритъ, что В. А. «великія при взятіи Казани оказалъ государю услуги», но ближайшій характеръ ихъ не указывается. Извѣстно лишь, что онъ лично участвовалъ въ рѣшительномъ приступѣ на укрѣпленный городъ, хотя его ратные подвиги, повидимому, не ограничивались однимъ этимъ, что косвенно подтверждается многократными благодарностями ему Іоанна. Царь благодарилъ его и непосредственно послѣ взятія Казани, и въ своей рѣчи, обращенной при въѣздѣ въ Москву (8 ноября 1552 г.) къ встрѣтившему его населенію, особенно же подчеркивалъ его заслуги во время торжественнаго обѣда въ Москвѣ, даннаго въ честь побѣды. Вездѣ Іоаннъ вспоминаетъ мужество В. А., какъ одну изъ причинъ успѣха русскихъ; на обѣдѣ же сугубо честилъ его, дарилъ шубами, кубками, ковшами и пр.

Въ 1553 г. произошелъ рядъ событій, выдвинувшихъ личность В. А. на первый историческій планъ. Въ началѣ этого года Іоаннъ тяжело заболѣлъ острою формою горячки. Болѣзнь была настолько серьезна, что вызывала опасенія за исходъ, почему государь написалъ духовную; наслѣдникомъ престола онъ объявилъ въ ней своего сына, Димитрія, которому было всего нѣсколько мѣсяцевъ отъ роду. Когда дошла очередь до присяги завѣщанію, многіе изъ видныхъ приближенныхъ Іоанна отказались принести ее. Причины неповиновенія волѣ государя нужно искать въ опасеніи этихъ лицъ передъ повтореніемъ недавней эпохи, когда по малолѣтству самого Іоанна вся государственная власть сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ бояръ, злоупотреблявшихъ ею. Теперь предстояла подобная же опасность—неограниченная олигархія Захарьиныхъ, изъ рода которыхъ была супруга Іоанна, Анастасія. «Мы, государь, до твоего возраста уже испили чашу бѣдствій отъ боярскаго правленія», прямо заявили нѣкоторые изъ непокорныхъ Іоанну. Кого же хотѣли посадить на престолъ упорствовавшіе въ присягѣ? Родной братъ царя, Юрій Васильевичъ, не могъ имѣть партіи; онъ былъ, какъ извѣстно, скорбенъ главою,—«безъ ума и безъ памяти, и безсловесенъ». Единственнымъ претендентомъ на престолъ могъ быть только В. А. Царская кровь, высокія природныя данныя, гуманный для своего времени характеръ,—все это были качества, которыя импонировали весьма многимъ, особенно послѣ пережитыхъ лѣтъ бурнаго правленія бояръ. Вокругъ него образовалась значительная партія изъ вліятельныхъ лицъ. Знаменитый воевода Петръ Михайловичъ Щенятевъ, казначей Никита Фуниковъ, князья Дмитрій Курлятевъ, Иванъ Пронскій, Семенъ Ростовскій и др., наконецъ, извѣстный вліятельный священникъ Сильвестръ были въ числѣ его явныхъ или тайныхъ сторонниковъ. Даже тесть родного брата Іоанна (Юрія), кн. Дмитрій Палецкій, уже присягнувшій завѣщанію, черезъ довѣренное лицо далъ знать В. А., что если послѣдній утвердитъ свой удѣлъ за Юріемъ, то онъ, Палецкій, и всѣ его родственники признаютъ В. А. царемъ. И во дворцѣ, и на площади сторонники В. А. славили его и въ пользу его приводили доводы: «Лучше служить старому, нежели малому», «какъ же служить малому мимо стараго и раболѣпствовать Захарьинымъ?», и пр. Противъ принявшихъ столь неожиданное направленіе событій ничего не имѣлъ и самъ В. А. Сохранилось извѣстіе, что онъ и его мать лично старались вербовать приверженцевъ среди болѣе широкихъ круговъ московскаго населенія, собирая у себя въ домѣ дѣтей боярскихъ и раздавая имъ деньги. Когда узналъ объ этомъ больной государь, онъ пригласилъ къ себѣ В. А. и предложилъ ему обязаться «цѣловальною записью» на вѣрность Димитрію, но встрѣтилъ торжественный отказъ отъ присяги. Въ совѣтѣ бояръ между подчинившимися волѣ Іоанна и сторонниками В. А. на почвѣ этихъ разногласій происходили бурныя сцены; первые настаивали на непреложности царской воли, вторые указывали на предстоящее фактическое управленіе государствомъ не Димитріемъ, а Захарьиными и ихъ ближними;

противники называли другъ друга измѣнниками, властолюбцами и пр. Конецъ всему этому шатанію былъ положенъ Іоанномъ. Призвавъ непокорныхъ, онъ грозно приказалъ имъ окончить присягу. Гнѣвъ его подѣйствовалъ, и упорствовавшіе одинъ за другимъ цѣловали крестъ. Всѣми оставленный, долженъ былъ покориться, наконецъ, и В. А. 12 марта 1553 г. онъ также цѣловалъ крестъ и клятвенною грамотою съ приложеніемъ родовой печати обязался не думать о царствѣ, а во всемъ повиноваться Димитрію.

«Огневая» болѣзнь Іоанна кончилась, какъ извѣстно, его выздоровленіемъ. Какъ ни странно, но онъ, оправившись, никого изъ отказывавшихся отъ присяги бояръ опалѣ не подвергъ; наоборотъ, сталъ относиться къ нимъ едва ли не милостивѣе прежняго. Нѣкоторое объясненіе этому явленію, въ общемъ остающемуся загадкой, можно найти въ самой натурѣ Іоанна, неуравновѣшенной и сотканной изъ противорѣчій, столь широко обнаружившихся впослѣдствіи. Возможно также, что забвеніе вины было лишь наружнымъ; хотя это менѣе вѣроятно. Какъ бы ни было, но отношенія его къ В. А. нисколько не измѣнились, и послѣдній продолжалъ пользоваться ласками и почестями со стороны государя по-прежнему. Въ іюнѣ 1553 г. умеръ царевичъ Димитрій, а въ мартѣ слѣдующаго года у Іоанна родился второй сынъ (также Іоаннъ). По этому поводу государемъ была составлена новая духовная, въ которой онъ оказалъ В. А. просто необъяснимыя, особенно въ виду предыдущихъ событій, милости: объявилъ его, на случай своей смерти, опекуномъ сына-младенца и правителемъ государства, наконецъ,—что особенно важно,—объявилъ его наслѣдникомъ престола, если царевичъ скончается въ малолѣтствѣ. Съ своей стороны и В. А. далъ клятву быть вѣрнымъ долгу, не знать мести въ государственныхъ дѣлахъ, не вершить ихъ безъ вѣдома царицы, митрополита и думныхъ бояръ, у себя въ московскомъ домѣ не держать свыше 100 человѣкъ бояръ и слугъ (остальныхъ въ вотчинѣ) и даже не щадить своей матери, если она замыслитъ что-либо недоброе противъ супруги Іоанна или его сына. Все это В. А. подтвердилъ двумя цѣловальными записями, въ апрѣлѣ и маѣ 1554 г.

Послѣ этого свѣдѣнія о жизни В. А. прерываются на цѣлыхъ восемь лѣтъ, вплоть до 1562 г., подъ которымъ онъ упоминается сначала какъ начальникъ полковъ, стоявшихъ въ Южной Россіи въ виду опасенія набѣговъ со стороны крымскаго хана, затѣмъ какъ участникъ въ литовской войнѣ, въ теченіе которой находился въ Большомъ полку, далѣе—присутствующимъ въ Можайскѣ, куда собрались всѣ полки и пріѣхалъ самъ государь, наконецъ—какъ участникъ во взятіи Полоцка.

Въ 1563 г. въ судьбѣ В. А. наступилъ рѣзкій поворотъ. Одинъ изъ его дьяковъ, нѣкій Саблукъ Ивановъ, послалъ Іоанну доносъ, въ которомъ писалъ, что В. А. и его мать «многія неправды ко царю чинятъ и того для его (дьяка) держатъ въ тюрьмѣ». Царь придалъ доносу вѣры, и по указаніямъ пріѣхавшаго въ Москву Саблукова былъ произведенъ сыскъ. На основаніи результатовъ послѣдняго, Іоаннъ, призвавъ къ себѣ обвиняемыхъ, въ присутствіи митрополита и епископовъ «уличи мать и сына въ неправдѣ». Приведя это неопредѣленное выраженіе, лѣтопись обходитъ полнымъ молчаніемъ его содержаніе, почему сущность «неправды» остается неизвѣстной. Тѣмъ не менѣе этотъ инцидентъ имѣлъ весьма серьезныя послѣдствія для В. А. и его матери: послѣдняя была заключена въ Воскресенскій монастырь на Бѣлоозерѣ, вина же самого В. А. была отпущена Іоанномъ только послѣ усерднѣйшаго ходатайства духовенства. Однако прощеніе было исключительно наружнымъ, такъ сказать, оффиціальнымъ, и съ этихъ уже поръ собственно и начинается опала В. А. Хотя Іоаннъ продолжалъ относиться къ нему внѣшнимъ образомъ довольно дружелюбно, ласкалъ его, ѣздилъ къ нему гостемъ въ Старицу и Вырею, пировалъ и веселился тамъ, но характеръ истинныхъ отношеній прорывался уже и тогда; чаще всего это чѣмъ-либо прикрывалось и маскировалось, нерѣдко же было лишено и такого декорума. Такъ, всѣ бояре, стольники и дьяки В. А., безъ всякихъ видимыхъ причинъ, были взяты на государеву службу, ему же взамѣнъ дали другихъ лицъ, т. е. окружили «надзирателями», или, говоря проще, шпіонами. Чтобы нѣсколько загладить неблагопріятное впечатлѣніе отъ такой перемѣны, Іоаннъ вновь проявилъ

себя милостивымъ къ В. А., давъ ему въ Кремлѣ большое мѣсто для постройки новаго дворца, но въ то же время постарался отнять у него весь его родовой удѣлъ, прикрывъ этотъ шагъ маскою обмѣна на другія вотчины. Такимъ образомъ В. А. (въ январѣ и мартѣ 1566 г.) уступилъ царю Старицу и Новый Городище съ ихъ уѣздами, Алексинъ, Вырею, Волково, Любуцкое и Холмскія волости, получивъ взамѣнъ города Дмитровъ съ уѣздомъ, Боровскъ и Звенигородъ, Козьмодемьяновскій и Каменскій станы и городище Стародубъ-Ряполовскій. Съ новыми помѣстьями В. А. казался менѣе опаснымъ, нежели съ прежними, гдѣ хранился еще духъ древней удѣльной системы. Вскорѣ у него отобрали и часть новыхъ помѣстій, вмѣсто которыхъ ему дали Романовъ на Волгѣ. Едва ли все это могло быть слѣдствіемъ будто бы раскрытой Іоанномъ «неправды», учиненной В. А.; надо думать, что здѣсь скорѣе сказалась месть царя за воскресшую въ его памяти исторію отказа В. А. принести присягу царевичу Димитрію. Іоаннъ вѣдь умѣлъ помнить старыя вины; къ тому же это время совпало съ однимъ изъ тѣхъ періодовъ, когда онъ былъ особенно подозрителенъ и жестокъ. Опала, наложенная на В. А., несмотря на ея неявный характеръ, не могла, разумѣется, укрыться отъ бояръ и сановниковъ; опасаясь за собственную судьбу, никто изъ нихъ не рѣшался поддерживать съ В. А. дружескихъ отношеній; «только лазутчики приближались къ нему, чтобы донести царю о всякомъ нескромномъ словѣ», говоритъ Карамзинъ. Несмотря на все это, наружно отношенія царя къ В. А. сохраняли еще дружелюбный характеръ. Въ 1568 г. Іоаннъ ѣздилъ въ Новгородъ, куда сопровождалъ его и В. А. Иностранецъ Кельхъ увѣряетъ, что во время этой поѣздки В. А. намѣревался бѣжать въ Литву,—извѣстіе, другими источниками не подтверждающееся. Если оно и справедливо, то Іоаннъ, повидимому, о немъ не зналъ. У него недоставало еще повода, чтобы на его основаніи приблизиться къ развязкѣ. Лишь въ 1569 г. произошелъ маловажный самъ по себѣ случай, на который царь, однако, посмотрѣлъ иначе и, воспользовавшись имъ, кровавымъ образомъ покончилъ свои счеты съ В. А. Весною этого года въ Нижнемъ-Новгородѣ было собрано значительное войско для защиты Астрахани. Во главѣ его былъ поставленъ В. А. По дорогѣ въ Нижній онъ проѣхалъ черезъ Кострому, гдѣ населеніе и духовенство встрѣтили его съ крестами, хлѣбомъ-солью и съ «великою честью». Въ этой встрѣчѣ, обычной при пріемѣ представителей царскаго рода, Іоаннъ усмотрѣлъ, а вѣрнѣе—захотѣлъ усмотрѣть нѣчто гораздо большее; только болѣзненно развившаяся подозрительность или желаніе во что бы ни стало погубить В. А. могли побудить царя въ этомъ ничтожномъ случаѣ увидѣть измѣну, даже посягательство на московскій престолъ. Первымъ актомъ Іоанна былъ приказъ о привозѣ начальниковъ Костромы въ Москву, гдѣ всѣ они были казнены. Въ то же время царь ласково пригласилъ къ себѣ В. А. Послѣдній вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми послѣдовалъ призыву, но, подозрѣвая неладное, не осмѣлился въѣхать въ Александровскую слободу, гдѣ тогда жилъ Іоаннъ, а остановился въ 3 верстахъ отъ нея, въ деревнѣ Слотинѣ, откуда и далъ знать царю о своемъ пріѣздѣ, ожидая отвѣта. Отвѣтомъ былъ неожиданный пріѣздъ въ Слотино самого царя съ полкомъ всадниковъ, окружившихъ деревню. Къ В. А. явились Василій (Васька) Грязной и Малюта Скуратовъ и объявили ему, что онъ обвиняется въ умыслѣ на жизнь царя, именно—будто бы подкупилъ одного изъ царскихъ поваровъ и далъ ему ядъ для отравленія Іоанна. Поваръ былъ налицо и подтвердилъ свои заявленія, подкрѣпленныя и другими лжесвидѣтелями. Въ присутствіи Іоанна В. А. отрицалъ взводимыя на него обвиненія, клялся въ ихъ ложности, просилъ не вѣрить имъ, плакалъ, наконецъ, давалъ обѣщанія уйти отъ свѣта, удалиться въ монастырь, но ничто не могло спасти его отъ смерти. Намѣренія царя были непоколебимы, и онъ на всѣ доводы въ ложности обвиненія отвѣтилъ: «Вы хотѣли умертвить меня ядомъ; пейте его сами». Видя, что нѣтъ никакой надежды на спасеніе, В. А. простился съ супругою, облобызалъ и благословилъ дѣтей и твердой рукою поднесъ чашу съ ядомъ къ устамъ; вслѣдъ за нимъ то же сдѣлали его сыновья и жена (вторая, Евдокія Романовна, урожденная княжна Одоевская, въ бракѣ съ В. А. съ 28 апрѣля 1555 г.). Іоаннъ лично присутствовалъ при ихъ предсмертныхъ му-

ченіяхъ и терзаніяхъ и при самой смерти. Тогда же были разстрѣляны и повѣшены слуги и служанки погибшихъ, а вскорѣ была утоплена въ Шекснѣ и мать В. А., Евфросинія Андреевна, въ инокиняхъ Евдокія. Изложенная версія о послѣднихъ минутахъ В. А. и его семейства—наиболѣе распространенная и, какъ кажется, наиболѣе достовѣрная. Кромѣ нея существуетъ еще нѣсколько ихъ, основывающихся на показаніяхъ иностранцевъ; послѣдніе же пишутъ объ этой казни весьма разнорѣчиво; одни утверждаютъ, что В. А. и его близкіе были разстрѣляны, другіе—утоплены, третьи—зарѣзаны. Лѣтописи также далеко не согласны въ этомъ пунктѣ: въ то время какъ одна изъ нихъ опредѣленно констатируетъ фактъ убійства... «царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ уби брата своего благовѣрнаго и великаго (!) князя Владиміра Андреевича Старицкаго»... другая скромно обходитъ этотъ фактъ словами, что къ такому-то времени В. А. «въ живыхъ не стало». Значительная разница существуетъ и въ показаніяхъ о времени смерти В. А. Обыкновенно датой ея принимается декабрь 1569 г., хотя болѣе вѣроятно показаніе одной лѣтописи, въ которой прямо называется день Крещенія, 6 января того же года.

Трагическая смерть В. А. вызвала въ народѣ большую жалость: «и мнози по немъ людіе восплакашася», говоритъ лѣтописецъ. Чтобы создать впечатлѣніе, что противъ его жизни существовалъ заговоръ, руководителемъ котораго былъ В. А., Іоаннъ еще энергичнѣе принялся искать, пытать и казнить вельможъ. Такъ, въ началѣ 1570 г. отъ руки палача погибли многіе изъ приближенныхъ царя, обвиненные въ томъ, что они хотѣли его извести и на престолъ намѣревались посадить В. А.

Отъ перваго брака В. А. имѣлъ сына *Василія Владиміровича* и дочь *Евфимію Владиміровну*; о судьбѣ ихъ почти никакихъ свѣдѣній не сохранилось; извѣстно лишь, что они не были казнены вмѣстѣ съ отцомъ: первый упоминается еще въ 1579 г. (Курбскій ошибочно называетъ его въ числѣ казненныхъ дѣтей В. А.; повидимому былъ не женатъ); вторая умерла въ 1571 г., т. е. также послѣ смерти родителей. Отъ другой супруги Евдокіи Романовны, В. А. имѣлъ двоихъ сыновей — *Юрія* и *Іоанна*, погибшихъ вмѣстѣ съ отцомъ, и дочерей *Марѳу*—была пощажена и въ 1573 г. вышла замужъ за ливонскаго короля Магнуса, и *Евдокію*—род. 21 февраля 1560 г., умерла въ младенчествѣ.

„Полное собраніе русскихъ лѣтописей", т. Ш, стр. 149, 151, 152, 155, 162, 185, 253; т. IV, стр. 307, 342; т. VI. стр. 303, 304, 306 307. 308, 312, 313, 315; т. VII, стр. 239; т. VIII, стр. 293, 294.—„Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ", т. I, №№ 167, 168, 169, 187, 188.—„Никоновская лѣтопись", подъ соотвѣтств. годами.—„Александро-Невская лѣтопись", лл. 948, 960 и др; выдержка у С. М. Соловьева, т. IV, прим. 89.—„Синод. лѣтоп.", № 351, лл. 221 и 231.—„Разрядныя книги", подъ 1562 г.—„Царственная книга", стр. 321—328, 330, 338.—„Древняя россійск. Вивліоѳика", т. XIII, стр. 29, 46.—„Акты археографич. экспедиціи" т. I, стр. 238.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійск.", изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. VIII, стр. 11, 36, 54, 67, 74, 90, 95, 97. 113, 116, 118, 121. 125—130, 132, 148, 188; прим. 153, 164, 193, 194, 383, 392; т. IX, стр. 6, 15, 20, 21, 24, 26—27, 48, 82—84, 91, 154; прим. 66, 84, 86, 95, 137, 161, 177, 183, 225, 227, 263, 273, 275—277, 299, 530, 561, 849.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", изд. „Общественной Пользы", кн. II, стр. 136, 137, 138, 139, 140, 141, 171, 172.—Кельхъ, „Lifländische Hist", 280 и др.—Д. П. Головохвастовъ и архим. Леонидъ, „Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія", М., 1874 г. и „Чтенія о-ва Ист. и Др. Рос.", 1874 г., № 1.—„О синодикѣ Старицкаго Успенскаго монастыря", „Журналъ 17-го засѣданія Тверск. ученаго архивнаго комитета 3 авг. 1888 г." въ „Тверск. Губ. Вѣд.", 1888 г., № 86.—„Труды второго областного тверского археологическаго съѣзда, 1903 г.", Тверь, 1906 г, стр. 449. — „Русскій историч. сборникъ", т. II, стр. 65—66.—„Кіевскія университетск. извѣстія", 1875 г., № 8 стр. 233—244.—Иконниковъ, „Опытъ русской исторіографіи".—Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси", т. II, стр. 175, 191, 286, 316, 336.—Борзаковскій, „Исторія Тверского княжества", Спб., 1876 г.—Хмыровъ, „Алфавитно-справочный перечень государей русскихъ и замѣчательныхъ особъ ихъ крови", Спб., 1870 г.—П. Н. Петровъ, „Для немногихъ; спеціальн. замѣтки по генеалогіи, археол., истор. и искусству", Спб., 1871 г.—Его же, „Исторія родовъ русскаго дворянства", т. I, Спб., 1885 г.—В. Дурасовъ, „Родословная книга всероссійскаго дворянства", Спб., 1906 г., т. I, ч. 1-ая.—Энциклопед. словарь", Брокгауза-Ефрона, т. 6, Спб. 1892 г., стр. 645—646.

Евфросинья Андреевна, супруга кн. Андрея Ивановича, урожденная княжна Хованская, род. въ 1516 г., замужемъ съ 2 февр. 1533 г., умерла, вѣрнѣе—утоплена, по приказанію Іоанна въ Шекснѣ, въ концѣ 1569 г. или въ началѣ слѣдующаго

(есть даже опредѣленная дата—15 октября 1569 г., но точность ея сомнительна). Главнѣйшіе моменты жизни этой честолюбивой, сильной характеромъ и, несмотря на высокое положеніе, много выстрадавшей женщины уже достаточно подробно изложены въ связи съ жизнеописаніями ея мужа и ея сына, Владиміра Андреевича (см. выше); тамъ же выясняется и ходъ тѣхъ политическихъ условій, въ зависимости отъ которыхъ такъ или иначе складывалась судьба представителей князей Старицкихъ вообще и Е. А. въ частности. Здѣсь, поэтому, во избѣжаніе излишнихъ повтореній, достаточно будетъ остановиться лишь на тѣхъ немногихъ событіяхъ, которыя касаются Е. А. одной или въ которыхъ особенно замѣтна была ея роль. Изъ всѣхъ сохранившихся о ея жизни извѣстій съ положительностью можно заключить, что Е. А. составляла довольно рѣдкое исключеніе среди современныхъ ей женщинъ, даже и высшаго круга; вопреки обычаямъ, мысли ея менѣе всего были заняты теремомъ и его мелкими интересами; наоборотъ, почти исключительно она была занята интересами политическими. Особенно ярко проявилось это во время болѣзни Іоанна, когда вокругъ ея сына образовалась значительная и вліятельная партія, желавшая видѣть его наслѣдникомъ московскаго престола. Въ этомъ движеніи Е. А. была едва ли не центральной фигурой. Когда сторонники Владиміра Андреевича постепенно стали покидать его и подъ вліяніемъ угрозъ больного царя переходить на сторону послѣдняго, когда даже самъ Владиміръ Андреевичъ далъ клятву на вѣрность царевичу Димитрію, одна Е. А. все еще сопротивлялась: она ни за что не хотѣла скрѣпить цѣловальную запись сына родовою печатью, находившеюся въ ея рукахъ. Трижды ходили къ ней съ уговорами видные бояре, но каждый разъ слышали отъ нея лишь «много бранныхъ рѣчей» и возвращались безъ успѣха. Уступая силѣ и необходимости, она, наконецъ, печать выдала, но при этомъ рѣшительно заявила, что данная по неволѣ клятва ничего не значитъ и ни къ чему не обязываетъ. Это исключительное упорство Е. А. заставило Іоанна держать ее въ постоянномъ подозрѣніи. Хотя, по выздоровленіи царя, на наравнѣ съ другими участниками движенія не подверглась никакой видимой опалѣ, даже какъ будто пользовалась особыми милостями царя (напр., въ 1563 г. царь, возвращаясь изъ похода, посѣтилъ ее въ Старицѣ), но недовѣріе къ ней Іоанна все же явно и видно, напр., изъ цѣловальныхъ записей Владиміра Андреевича; въ нихъ, по настоянію царя, онъ включилъ, между прочимъ, обязательство не щадить и своей матери, если она что-либо умыслитъ противъ супруги Іоанна или его сына; царь предполагалъ, слѣдовательно, возможнымъ всякій умыселъ со стороны Е. А., и это въ то время, когда и она и Владиміръ Андреевичъ пользовались особенною его благосклонностью. Еще съ большей яркостью обнаружилось это недовѣріе послѣ предпринятаго Іоанномъ сыска и допроса Е. А. и ея сына по доносу и показаніямъ дьяка Саблукова. Въ то время, какъ Владиміръ Андреевичъ былъ все же пощаженъ, Е. А. попала въ монастырь. Лѣтописецъ говоритъ, что она сама послѣ допроса била челомъ, прося дозволенія постричься, но по всѣмъ даннымъ слѣдуетъ думать, что ея просьба какъ нельзя болѣе совпадала съ желаніями самого Іоанна, вѣроятнѣе всего явилась даже вынужденной. Обрядъ постриженія Е. А. былъ совершенъ игуменомъ Вассіаномъ 5 августа 1563 г. въ Москвѣ на Кирилловомъ дворѣ. При постриженіи ей было дано имя *Евдокіи*. По ея просьбѣ, Е. А. разрѣшили жить въ ею же сооруженномъ Бѣлоозерскомъ Воскресенскомъ монастырѣ, куда ее провожали бояре Θеодоръ Ивановичъ Умный-Колычевъ, Борисъ Ивановичъ Сукинъ и др. Въ монастырѣ Е. А. была окружена всякимъ довольствомъ, а для того, чтобы она не сносилась съ міромъ, къ ней приставили Михаила Ивановича Колычева, Андрея Θеодоровича Щепотева и подъячаго Андрюшку Щулепникова. Вмѣстѣ съ постриженіемъ прекращается всякая роль Е. А. въ политическихъ событіяхъ, но не прекращается подозрительность къ ней Іоанна; вскорѣ послѣ гибели Владиміра Андреевича, по приказанію царя была умерщвлена и она—утоплена въ Шекснѣ.

Источники тѣ же. *Н. Сербовъ.*

Старичковъ, унтеръ-офицеръ Азовскаго пѣхотнаго полка, происхожденіемъ крѣпостной крестьянинъ. Во время Аустерлицкаго сраженія, когда остатки Азовскаго полка были окружены непріятелемъ и

должны были сложить оружіе, тяжело раненому С. удалось сорвать полковое знамя съ древка и спрятать его подъ платье. Вмѣстѣ съ другими взятый въ плѣнъ и отправленный въ Брюннъ, онъ передъ смертью передалъ хранимую имъ святыню раздѣлявшему съ нимъ неволю рядовому Бутырскаго пѣхотнаго полка Чайкѣ, съ котораго взялъ торжественное обѣщаніе возвратить это знамя полку, что тотъ и исполнилъ по возвращеніи въ Россію. Императоръ Александръ I, чтобы увѣковѣчить память С., повелѣлъ хранить спасенное знамя въ Петербургскомъ арсеналѣ. Есть двѣ гравюры, изображающія подвигъ С.: первая, подъ названіемъ «Старичковъ и Чайка», относится къ 1805 г. и изображаетъ умирающаго С., который передаетъ знамя стоящему около него на колѣняхъ Чайкѣ. Снимокъ съ нея былъ пожертвованъ Николаемъ I въ военную Чесменскую богадѣльню. Вторая гравюра, подъ названіемъ «Унт.-офиц. Старичковъ, спасшій въ 1805 г. знамя Азовскаго пѣхотнаго полка», принадлежитъ рѣзцу Гретбаха.

„Памятная книжка Главнаго Штаба".—Гераковъ, „Твердость духа россіянъ".—„Военный энциклопедическій словарь" Леера, s. v.—„Энциклопедич. словарь" Брокгауза-Эфрона, т. 31, s. v. — „Настольный словарь" Толя, стр. 532.—„Справочн. энциклоп. словарь", подъ редакц. А. Старчевскаго, т. 9, s. v.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравирован. портретовъ", s. v. *Б. Л—овъ.*

Старковъ, *Алексѣй Ивановичъ,* великокняжескій чиновникъ въ государствованіе Іоанна III. Упоминается въ 1475 г., когда онъ въ мартѣ былъ посланъ отъ Іоанна къ крымскому хану Менгли-Гирею съ особымъ наказомъ, сущность котораго, въ передачѣ Карамзина, сводится къ слѣдующему: «Сказать хану—князь великій Іоаннъ челомъ бьетъ. Ты пожаловалъ насъ себѣ братомъ и другомъ, чтобы намъ имѣть общихъ пріятелей и враговъ—благодарствую за твое жалованье... Мы взаимно обязались крѣпкимъ словомъ любви по нашей вѣрѣ; не преступай клятвы; я исполню свою». Рѣчь шла о взаимныхъ обязательствахъ поддерживать другъ друга въ войнахъ съ сосѣдями. Ханъ просилъ Іоанна оказать ему помощь въ борьбѣ съ Ахматомъ, взамѣнъ чего Іоаннъ ставилъ условіемъ помочь ему въ войнѣ съ Казиміромъ. С. было поручено категорически заявить, что «одно не можетъ быть безъ другого». Кромѣ того С. велѣно было жаловаться на генуэзцевъ, ограбившихъ въ Кафѣ россійскаго посла и купцовъ, а въ случаѣ неудовлетворенія жалобы грозить расправой съ ними русскими силами. Наконецъ, ему поручалось вручить цѣнные подарки князю Исайку и втайнѣ развѣдать, сколько тысячъ золотыхъ готовитъ тотъ въ приданое за своею дочерью, которую онъ прочилъ въ невѣсты великому князю. Эти повелѣнія С., однако, исполнить не удалось, такъ какъ еще до его пріѣзда въ Крымъ тамъ совершился переворотъ, сдѣлавшій и миссію С. ненужной:—Менгли-Гирей былъ изгнанъ своимъ братомъ Айдаромъ и бѣжалъ къ генуэзцамъ. Извѣстій о дальнѣйшей службѣ С. не сохранилось, и самый годъ его смерти неизвѣстенъ.

Карамзинъ, „Истор. Госуд. Россійск.", изд. Эйнерлинга, т. VI, Спб., 1843 г., стр. 56, прим. 121, 125.—Н. П. Лихачевъ, „Разрядные дьяки", Спб., 1888 г., стр. 390.—Кн. П. Долгорукій, „Россійск. родословн. книга", часть 4, Спб., 1857 г.—„Родословн. книга по тремъ спискамъ", „Времен. Общ. Ист. и Древн. Рос.", 1851 г., кн. X, стр. 123.—„Родословн. книга князей и дворянъ россійскихъ" („Бархатная книга"), ч. II, М., 1787 г. *И. Г—въ.*

Старковъ, *Василій Павловичъ,* докторъ медицины, сынъ тайнаго совѣтника, годъ рожденія неизвѣстенъ. Воспитывался сначала въ Ярославской гимназіи, а въ 1820 г. поступилъ на казенное содержаніе въ медицинскій институтъ при Московскомъ университетѣ, курсъ котораго въ 1824 г. окончилъ со степенью лекаря 1-го отд. и былъ оставленъ при университетѣ для подготовки къ научной дѣятельности. Въ 1826 г. онъ выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины, а въ 1828 г. написалъ и подалъ въ медицинскій факультетъ диссертацію подъ названіемъ «De Encephalitide»; послѣдняя факультетомъ была одобрена, но ея защиту С. долженъ былъ отложить, такъ какъ въ началѣ 1829 г. онъ былъ посланъ врачемъ во 2-ю армію, а черезъ годъ его командировали лекаремъ въ Ладожскій пѣхотный полкъ. Широкіе планы и надежды С. были прерваны внезапной его смертью, послѣдовавшей 9 іюля 1830 г.

Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», тетр. I, Спб., 1886 г., стр. 118.—Медицинскіе списки за 1828—1830 гг.

Старковъ, *Евгеній Мануиловичъ,* инженеръ-генералъ-маіоръ, начальникъ ин-

женеровъ Московскаго военнаго округа, род. въ 1834 г. Первоначальное образованіе получилъ въ главномъ инженерномъ училищѣ, по окончаніи курса котораго въ 1852 г. произведенъ въ прапорщики полевыхъ инженеровъ; въ 1854 г. онъ окончилъ курсъ въ офицерскихъ классахъ, откуда вышелъ въ чинѣ поручика и былъ зачисленъ на дѣйствительную службу въ С.-Петербургскую инженерную команду. Отсюда онъ черезъ годъ былъ переведенъ въ Архангельско-Новодвинскую инженерную команду и получилъ порученіе обслѣдовать въ военно-стратегическомъ отношеніи прибрежные пункты Бѣлаго моря и Соловецкихъ островов и возвести укрѣпленія въ городахъ Кеми, Онегѣ, Сумскомъ посадѣ и др., что онъ вполнѣ успѣшно и выполнилъ въ теченіе лѣта 1855 г. Послѣ севастопольской кампаніи С. служилъ въ инженерныхъ командахъ Кронштадта и Оренбурга, а въ 1859 г. принялъ участіе въ экспедиціи, отправленной для рекогносцировки восточнаго берега Каспійскаго моря, подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Дандевиля. Выступивъ 5 мая изъ Гурьева, экспедиція работала вплоть до 8-го сентября того же года, и въ теченіе этихъ четырехъ мѣсяцевъ ею была произведена топографическая съемка почти всего восточнаго побережья моря, причемъ ей нѣсколько разъ приходилось вступать въ перестрѣлку съ туркменами, а 19-го августа она была вынуждена даже атаковать аулъ Чикишляръ, гдѣ собралось до 1000 челов. туземцевъ. По окончаніи работъ этой экспедиціи С. былъ командированъ въ Сыръ-Дарьинскія киргизскія степи для производства нивеллировочныхъ съемокъ съ цѣлью изыскать средства къ удобному орошенію въ бассейнахъ рѣкъ Явы-Дарья, Майнаме-Узякъ и Кувавъ. Въ этомъ рядѣ командировокъ и изысканій С. получилъ возможность обнаружить выдающіяся способности военно-полевого инженера, своей энергичной дѣятельностью обратилъ на себя вниманіе и въ 1862 г. былъ переведенъ въ Петербургскую инженерную команду, вскорѣ получилъ назначеніе помощникомъ начальника крѣпостного отдѣленія главнаго инженернаго управленія, а въ 1865 г., уже въ чинѣ подполковника, сталъ начальникомъ С.-Петербургской инженерной команды, переименованной въ 1868 г. въ «С.-Петербургское крѣпостное управленіе». Состоя въ этой должности, онъ участвовалъ въ рядѣ болѣе или менѣе выдающихся по своему значенію комиссій, между прочимъ—въ комиссіи для составленія проекта устройства пожарной части въ крѣпостяхъ. Въ 1881 г. С. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, черезъ три года награжденъ орденомъ св. Станислава 1-ой ст., въ 1885 г. получилъ назначеніе начальникомъ инженеровъ Московскаго военнаго округа и въ этой должности 6 іюля 1886 г. скончался.

„Русскій Инвалидъ" 1886 г., №№ 124 и 127.

Б. Л—овъ.

Старовъ, *Иванъ Егоровичъ*, адъюнктъ-ректоръ Императорской академіи художествъ, извѣстный архитекторъ, статскій совѣтникъ, сынъ дьякона московской епархіи, родился въ 1743 г. въ Москвѣ. Усвоивъ начатки грамоты подъ руководствомъ своего отца, въ 1756 г. онъ поступилъ въ гимназію при Московскомъ университетѣ, но тамъ пробылъ всего лишь годъ и перевелся въ гимназію, находившуюся при Петербургской академіи наукъ; въ послѣднемъ заведеніи С. оставался до 1758 г., когда былъ принятъ (однимъ изъ первыхъ по времени) въ число учениковъ Императорской академіи художествъ. Здѣсь онъ избралъ своею спеціальностью архитектуру и въ области ея оказалъ настолько выдающіеся успѣхи что, по окончаніи академическаго курса, для дальнѣйшаго совершенствованія былъ, отправленъ за границу. Живя преимущественно въ Римѣ и оттуда предпринимая поѣздки въ другіе итальянскіе города, выдающіеся своими старинными и стильными постройками, С. пробылъ всего за границей около шести лѣтъ и за это время основательно изучилъ гражданскую и особенно церковную архитектуру. По возвращеніи из родину, онъ въ 1768 г. совѣтомъ академіи художествъ былъ удостоенъ званія назначеннаго въ академики, а въ слѣдующемъ году за представленный имъ проектъ зданія шляхетскаго кадетскаго корпуса признанъ академикомъ. Педагогическая дѣятельность его въ академіи началась въ 1770 г., когда онъ былъ избранъ адъюнктъ-профессоромъ архитектуры, каковымъ пробылъ до 1785 г.; съ этого же времени и до самой смерти, послѣдовавшей въ 1808 г., онъ состоялъ ординарнымъ профессоромъ архитектуры; наконецъ, его

участіе въ направленіи художественно-воспитательной дѣятельности академіи начинается съ 1790 г., когда онъ былъ избранъ въ члены академическаго совѣта, и еще болѣе усиливается съ 1794 г.—времени назначенія его адъюнктъ-ректоромъ академіи. С. былъ энергичнымъ администраторомъ и талантливымъ профессоромъ, но вся его извѣстность, однако, создана не этими сторонами его дѣятельности, а почти исключительно работами его какъ практическаго архитектора. Въ этой области онъ является, несомнѣнно, однимъ изъ наиболѣе видныхъ русскихъ дѣятелей. Уже вскорѣ послѣ возвращенія изъ за границы, именно въ 1773 г., онъ былъ назначенъ членомъ комиссіи строенія императорскихъ дворцовъ и садовъ, въ которой достигъ такого вліянія, что рѣдко какое-либо сооруженіе обходилось безъ его непосредственнаго участія; позже онъ состоялъ членомъ цѣлаго ряда комиссій, образованныхъ для строенія храмовъ; такъ, напр., въ 1776 г. онъ Высочайшимъ указомъ былъ опредѣленъ къ сооруженію соборной церкви Александро-Невскаго монастыря, въ 1801 г.—назначенъ членомъ комиссіи, строившей церковь Казанской Божіей Матери въ Петербургѣ, и пр. С. принадлежитъ длинный рядъ построекъ въ различныхъ мѣстахъ Россіи. Самыми капитальными памятниками его архитекторской дѣятельности является Таврическій дворецъ (оконченъ постройкой въ 1782 г., съ 1906 г.—помѣщеніе для Государственной Думы) и соборъ Александро-Невской лавры (1779—1791 гг.); изъ менѣе значительныхъ сооруженій его слѣдуетъ назвать еще соборъ въ Софіи, близъ Царскаго Села, упомянутую выше церковь Казанской Божіей Матери въ Петербургѣ и дачные дворцы въ имѣніяхъ Демидова — Скворицы и Пелла, Петербургской губерніи. По смерти С. въ его домашнихъ бумагахъ и въ академіи художествъ осталось большое количество архитектурныхъ проектовъ и относящихся къ архитектурному искусству записокъ.

П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за 100 лѣтъ ея существованія“, т. I, Спб., 1864 г., по указателю Юндалова, особое изданіе.—Біографія Старова въ „Примѣчаніяхъ“ къ предыдущему „Сборнику“.—Д. Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопримѣчательныхъ людей русской земли“, М., 1836 г., s. v.—Митропол. Евгеній Кіевскій (Болховитиновъ), „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и иностранцевъ, писавшихъ въ Россіи“, 1838 г., s. v.—Словари Брокгауза, Крайя, бр. Гранатъ, т-ва „Просвѣщенія“, Толя и др.

И. Голубевъ.

Стародубскіе, *удѣльные князья,* свое имя получили отъ главнаго города въ ихъ удѣлѣ, Стародуба-Владимірскаго, или Стародуба-на-Клязьмѣ (а не Стародуба-Сѣверскаго, какъ ошибочно принимается нѣкоторыми изслѣдователями), нынѣ село Клязьмскій городокъ Владимірской губерніи, въ 12 верстахъ отъ Коврова. Въ XV и XVI вв. онъ называется то Стародубомъ-Вотскимъ, то Стародубомъ-Ряполовскимъ. О времени возникновенія этого города никакихъ свѣдѣній не сохранилось; по различнымъ косвеннымъ указаніямъ надо думать, что основанъ онъ Юріемъ Долгорукимъ. Впервые въ лѣтописяхъ упоминается подъ 1218 г. Въ эпоху нашествія татаръ Стародубъ былъ уже довольно виднымъ городомъ и принадлежалъ къ великому княж. Владимірскому. Центромъ же удѣла своего имени онъ сталъ вскорѣ по уходѣ Батыя изъ сѣверо-восточной Руси. Великій князь Ярославъ Всеволодовичъ, явившись въ оставленный татарами Владиміръ, долженъ былъ употребить не мало усилій, чтобы водворять нѣкоторый порядокъ какъ въ самой столицѣ, такъ и во всемъ княжествѣ, опустошенномъ и ограбленномъ азіатами; въ то же время онъ позаботился и о своихъ двухъ младшихъ братьяхъ,—Святославѣ и Иванѣ Всеволодовичахъ: первому далъ въ удѣлъ Суздаль, а второму—Стародубъ. Это было въ 1238 г. Съ этихъ-то поръ и начинается существованіе Стародубскаго удѣла съ самостоятельными князьями, ведущими, такимъ образомъ, свое начало отъ младшаго, именно восьмого сына великаго князя Владимірскаго Всеволода Большое Гнѣздо, Ивана Всеволодовича (отъ Рюрика колѣно X). Стародубскій удѣлъ существовалъ относительно недолго: выдѣленный изъ территоріи велик. княж. Владимірскаго въ 1238 г., онъ уже около 1360 г. былъ лишенъ Москвою почти всякой самостоятельности, а затѣмъ около половины XV вѣка былъ ею же окончательно поглощенъ и низведенъ на ступень обыкновенной, притомъ захудалой провинціи. Впрочемъ, никогда, даже въ первыя времена существованія, когда пользовался еще и независимостью, и само-

стоятельностью, какой-либо выдающейся роли этотъ удѣлъ не игралъ, да и не могъ играть—слишкомъ незначительна была для этого его территорія. Соотвѣтственно этому никакого крупнаго значенія или вліянія на текущія событія не могли имѣть, разумѣется, и его князья. Они принуждены были довольствоваться положеніемъ скромнымъ, ролью лишь второстепенной, вспомогательной. Родъ собственно удѣльныхъ князей Стародубскихъ, представители которыхъ, сидѣвшіе на главномъ столѣ удѣла, называются иногда великими князьями (конечно, въ отличіе отъ князей младшихъ и боковыхъ линій)—долженъ считаться прекратившимся вмѣстѣ съ упраздненіемъ самого удѣла. Однако князья Стародубскіе вообще въ лѣтописяхъ и другихъ первоисточникахъ продолжаютъ встрѣчаться и послѣ этого; ихъ нужно понимать уже не въ качествѣ князей удѣльныхъ, а какъ носителей утвердившейся за ними традиціей фамиліи. Едва ли какіе-либо другіе удѣльные князья такъ сильно множились и дали столько побочныхъ линій, какъ родъ кн. Стародубскихъ. Въ то время какъ старшіе его представители одинъ за другимъ занимали Стародубскій столъ, остальные получали меньшіе удѣлы, выдѣленные изъ территоріи главнаго, за ними укрѣплялись, чаще всего въ зависимости отъ названія главной волости въ ихъ удѣлѣ, новыя прозвища, и такимъ образомъ они становились родоначальниками новыхъ княжескихъ фамилій, многія изъ которыхъ впослѣдствіи достигли значительнаго вліянія. Въ XV колѣнѣ (отъ Рюрика) отдѣлились отъ Стародубскихъ роды князей *Пожарскихъ* (угасшихъ въ 1685 г.), *Ряполовскихъ* (въ свою очередь въ XVII колѣнѣ давшихъ отъ себя родъ кн. *Стригиныхъ*, а въ XVII кол. отдѣлившихъ двѣ вѣтви: старшую—кн. *Хилковыхъ*, и младшую—кн. *Татевыхъ*) и *Палецкихъ*, въ слѣдующемъ колѣнѣ (XVI) развѣтвившихся на кн. *Тулуповыхъ* и кн. *Пестрыхъ*, которые въ XVII кол. выдѣлили три линіи—старшую, среднюю и младшую—кн. *Гундуровыхъ*; въ XVI кол. отъ Стародубскихъ получаютъ начало кн. *Ромодановскіе* и кн. *Голибесовскіе*, въ слѣдующемъ колѣнѣ развѣтвившіеся на кн. *Гагариныхъ* и кн. *Небогатовыхъ*; наконецъ, въ XVII кол. основной родъ кн. Стародубскихъ даетъ сразу пять новыхъ княжескихъ родовъ: *Кривоборскихъ*, *Льяловскихъ*, *Ковровыхъ*, *Осиповскихъ* и *Неучкиныхъ*. Большинство этихъ родовъ раньше или позже угасло; до настоящаго времени дожили лишь вѣтви князей Гагариныхъ, Хилковыхъ и Ромодановскихъ-Лодыженскихъ (женская линія; мужская линія кн. Ромодановскихъ пресѣклась въ 1730 г.).

1. *Иванъ Всеволодовичъ*, восьмой и младшій сынъ велик. князя Владимірскаго и Суздальскаго Всеволода Юрьевича, по прозванію Большое Гнѣздо, внукъ Юрія Долгорукаго, первый удѣльный князь Стародубскій, родился 28 августа 1197 или 1198 г. (по Ипатьевской лѣтоп.— 1 августа 1197 г.); «и бысть радость велика во градѣ Володамери о рожденіи его», говоритъ по этому поводу лѣтописецъ. О дѣтскихъ годахъ И. В. сохранились лишь немногія извѣстія; подъ 1206 г., т. е. когда ему было всего около 9 лѣтъ, онъ упоминается въ числѣ другихъ дѣтей вел. кн. Всеволода Юрьевича, провожавшихъ до рѣки Шедашки своего старшаго брата Константина, посланнаго отцомъ на княженіе въ Новгородъ. Враждебныя дѣйствія Всеволода Чернаго Черниговскаго противъ великаго князя заставили послѣдняго прибѣгнуть къ помощи Константина, который и былъ вызванъ изъ Новгорода во Владиміръ обратно; 28 февраля 1207 г. на той же рѣкѣ Шедашкѣ встрѣчалъ его опять И. В. съ братьями Юріемъ и Владиміромъ. Участіе И. В. въ распряхъ и междоусобіяхъ князей, въ тогдашней, такъ сказать, политической жизни начинается очень рано, что, впрочемъ, для княжичей древней Руси было явленіемъ обычнымъ. Въ апрѣлѣ 1212 г., когда И. В. было не болѣе 15 лѣтъ, умеръ его отецъ, Всеволодъ Юрьевичъ; старшій сынъ послѣдняго, Константинъ, былъ, какъ извѣстно, лишенъ великокняжескаго стола, который по завѣщанію усопшаго перешелъ къ его слѣдующему (изъ живыхъ) сыну, Юрію Всеволодовичу. На почвѣ престолонаслѣдія между этими двумя старшими братьями возникла ожесточенная борьба; въ ней приняли участіе и младшіе сыновья Всеволода, раздѣлившіеся по своимъ симпатіямъ къ борющимся: Святославъ III, князь Юрьевъ-Польскій, поддерживалъ Константина, И. В. же, Ярославъ и Владиміръ приняли сторону Юрія, который во главѣ значитель-

высшей медицинской администраціи о лучшей постановкѣ въ Россіи дѣла попеченія о душевно больныхъ. Появившееся въ 1862 г. сочиненіе Ф. «Объ устройствѣ домовъ умалишенныхъ» обратило на себя вниманіе, и Ф. въ этомъ же году былъ командированъ на $1^1/_2$ года за границу для ознакомленія со всѣми подробностями устройства и администраціи психіатрическихъ заведеній. Еще до командировки онъ былъ предназначенъ какъ будущій директоръ Казанскаго «окружнаго дома умалишенныхъ», для чего былъ вызванъ въ Петербургъ и принималъ участіе въ трудахъ особой коммисіи подъ предсѣдательствомъ директора медицинскаго департамента Е. В. Пеликана. Коммисія эта имѣла задачей окончательно выработать проектъ «окружныхъ домовъ», задуманныхъ еще въ 1844 г. для замѣны печальной памяти «губернскихъ сумасшедшихъ домовъ», извѣстныхъ также подъ именемъ «желтыхъ домовъ». Проекты 8 окружныхъ домовъ были выработаны къ 1856 г., но постройка ихъ замедлилась, а къ 1862 г. проекты оказались устарѣвшими, и потребовался ихъ радикальный пересмотръ. Въ 1862 г. было окончательно рѣшено построить въ видѣ опыта первый окружной домъ въ Казани для потребностей семи смежныхъ губерній, и произведена закладка, хотя планы построекъ далеко еще не были выработаны окончательно. Въ 1864 г. Ф. былъ назначенъ директоромъ будущаго заведенія и лѣтомъ того же года прибылъ въ Казань для наблюденія за постройкой возводимыхъ зданій. Въ 1869 г. окружной домъ былъ, наконецъ, освященъ и открытъ, а затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ переименованъ въ окружную лѣчебницу во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ. Время строительной и административной дѣятельности не было однакоже потеряннымъ для цѣлей избранной докторомъ Ф. спеціальности. Въ мартѣ 1866 г. онъ былъ избранъ совѣтомъ Казанскаго университета доцентомъ психіатріи и съ этого года начинается его преподавательская дѣятельность. Въ 1872 г. онъ былъ назначенъ сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ и оставался въ этой должности до своей смерти.

Всѣ знавшіе Ф. единодушно свидѣтельствуютъ объ его энергіи, трудолюбіи и человѣколюбіи. «Это былъ человѣкъ честный, добрый и безкорыстный», говорятъ его ученики-біографы. Получая значительное содержаніе, онъ много помогалъ бѣднымъ и ничего почти не оставилъ своей семьѣ; получая въ университетѣ добавочное вознагражденіе за чтеніе лекцій юристамъ, онъ отдавалъ его цѣликомъ на нужды юридической библіотеки. Ф. былъ иниціаторомъ и горячимъ дѣятелемъ по устройству въ Казани колоніи малолѣтнихъ преступниковъ. Научная дѣятельность Ф., какъ психіатра-профессора, была переходнаго типа, какъ и сама психіатрія времени его юности. Было уже большое стремленіе войти въ область анатомо-физіологическихъ основъ душевной дѣятельности и ея патологіи, содержаніе же накопленнаго матеріала наблюденій было въ значительной мѣрѣ умозрительное и касающееся внѣшнихъ проявленій болѣзни. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ приводимаго ниже списка трудовъ Ф., онъ до конца жизни участвовалъ въ разработкѣ своей спеціальности, какъ въ русской, такъ и въ нѣмецкой литературѣ. При оцѣнкѣ этой стороны его дѣятельности нужно помнить, что главнымъ дѣломъ его жизни были общественно-административныя задачи человѣка, стоявшаго во главѣ новаго и живого дѣла. Капитальнымъ трудомъ Ф. является изданный имъ въ 1881 г. «Краткій курсъ психіатріи», изложенный въ видѣ девятнадцати лекцій и назначенный для элементарнаго ознакомленія начинающихъ съ предметомъ и задачами психіатріи. Этотъ краткій курсъ обозрѣваетъ всѣ отдѣлы психіатріи и, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи, назначенъ для того, чтобы неспеціалисты нашли въ немъ матеріалъ для пополненія «научной цѣльности» медицинскаго образованія, а будущіе спеціалисты, усвоивъ этотъ элементарный курсъ, легче могли переходить къ болѣе обширнымъ и спеціальнымъ сочиненіямъ. Кромѣ уже приведенныхъ сочиненій Ф., между прочимъ, принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: «О вліяніи менструаціи на помѣшательство», 1867; — «Къ открытію Казанскаго окружнаго дома умалишенныхъ», 1870; — «О сомнамбулизмѣ», 1871 (въ «Протоколахъ Общества врачей въ Казани»); — «Zur Theorie der Gefühle», (въ «Allgem. Zeit-

вичемъ, т. е. считаютъ сыномъ М. И., а его самого сыномъ Ивана Всеволодовича, что, повидимому, болѣе правильно. Въ связи съ этой путаницей стоитъ и разногласіе первоисточниковъ, а вслѣдъ за ними и родословныхъ относительно года смерти М. И.: Воскресенская лѣтопись, Бархатная книга и М. Г. Спиридовъ въ своихъ изслѣдованіяхъ таковымъ считаютъ 1315 г., тогда какъ Никоновская лѣтопись указываетъ 1281, который и принять почти всѣми историками, какъ болѣе вѣроятный; первая же дата считается годомъ смерти Ивана-Калистрата. И помимо этой путаницы, лѣтописныя свѣдѣнія о жизни М. И. вообще весьма скудны. Въ первый разъ онъ упоминается подъ 1277 г., въ январѣ, присутствующимъ на похоронахъ вел. кн. Василія Ярославича Ми(ѣ)зиннаго (меньшаго) въ Костромѣ. Затѣмъ лѣтописи отмѣчаютъ еще его участіе въ междоусобной борьбѣ братьевъ Дмитрія и Андрея Александровичей, послѣдній изъ которыхъ, вопреки обычаю, передававшему великокняжескій престолъ старѣйшему въ родѣ, задумалъ отнять Владимірскій столъ у своего старшаго брата, съ этой цѣлью въ 1281 г. подошелъ съ татарами къ Мурому и, объявивъ себя великимъ княземъ, потребовалъ къ себѣ князей удѣльныхъ. Въ числѣ князей, послѣдовавшихъ его призыву, былъ и М. И. Повидимому онъ участвовалъ и въ походѣ Андрея на Переяславль, удѣльный городъ Дмитрія Александровича, въ походѣ, заслужившемъ печальную извѣстность жестокостью, опустошеніями и грабежами, которымъ предавались сторонники Андрея—татары. Возможно, что именно во время этого позорища и скончался М. И.

3. *Иванъ Михаиловичъ*, по прозванію *Калистратъ*, единственный сынъ предыдущаго, третій князь на Стародубскомъ удѣлѣ, унаслѣдованномъ имъ отъ отца въ 1281 г., годъ рожденія неизвѣстенъ, умеръ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ 1315 г. Лѣтописныя извѣстія о немъ почти совершенно отсутствуютъ, если не считать разнорѣчивыхъ свѣдѣній о датѣ его смерти и о мѣстѣ, занимаемомъ имъ въ родословной князей Стародубскихъ, о чемъ см. выше, при Михаилѣ Ивановичѣ. По кончинѣ И. М. ему унаслѣдовалъ его также единственный сынъ,—

4. *Θедоръ Ивановичъ*, по прозванію *Благовѣрный*, четвертый князь Стародубскій, который и сидѣлъ на своемъ столѣ съ 1315 по 1330 г., когда былъ убитъ въ Ордѣ; только лишь по этому случаю онъ и упоминается въ лѣтописи, именно въ Никоновской, которая ограничивается констатированіемъ факта и обходитъ полнымъ молчаніемъ его причины и сопровождавшія обстоятельства. А. Экземплярскій высказываетъ предположеніе, что гибель въ Ордѣ Θ. И., какъ и многихъ другихъ современныхъ князей, совершилась «по думѣ» Ивана Калиты, который около того времени началъ сильно тѣснить удѣльныхъ князей и приносить на многихъ изъ нихъ извѣты татарскому хану. Съ другой стороны, прозваніе Θ. И. Благовѣрнымъ даетъ нѣкоторое основаніе думать, что онъ погибъ за вѣру. Впрочемъ, нѣкоторыя родословныя называютъ его *Неблаговѣрнымъ*, что подвергаетъ сомнѣнію только что отмѣченное предположеніе. Имѣлъ троихъ сыновей: *Дмитрія* (5), *Ивана* (6) и *Андрея* (7).

5. *Дмитрій Θедоровичъ*, старшій сынъ предыдущаго, пятый удѣльный князь Стародубскій, съ 1330 по 1354 или слѣдующій годъ. Въ лѣтописяхъ упоминается только одинъ разъ, именно по поводу кончины, послѣдовавшей, согласно этому указанію, въ 1354 г. «Бархатная книга», неизвѣстно по какимъ соображеніямъ и основаніямъ, датируетъ его смерть 1364 г., что является, повидимому, ошибкой, тѣмъ не менѣе повторенной позже нѣкоторыми составителями родословныхъ, въ томъ числѣ и М. Г. Спиридовымъ. Погребенъ Д. Θ. въ Стародубѣ. Онъ имѣлъ единственнаго сына, *Семена Дмитріевича*, прозваніемъ *Крапива* (8).

6. *Иванъ Θедоровичъ*, второй сынъ Θедора Ивановича (4), братъ предыдущаго, шестой удѣльный князь Стародубскій. Послѣ смерти Дмитрія Θедоровича (1354 г.) родовой удѣлъ безъ всякихъ споровъ долженъ былъ перейти немедленно къ И. Θ., какъ къ старѣйшему въ родѣ. Однако, на княженіе онъ сѣлъ только въ концѣ 1356 г. Объясняется это, по всѣмъ вѣроятіямъ, тѣмъ, что И. Θ. могъ лишь тогда осуществить свое право наслѣдства, когда на это послѣдовало разрѣшеніе хана. И дѣйствительно, по одному лѣтописному сказанію, въ концѣ 1355 г. И. Θ. ѣздилъ въ Орду; съ полнымъ основаніемъ можно ду-

мать, что эта поѣздка была всецѣло связана съ хлопотами И. Ѳ. объ утвержденіи его преемникомъ на наслѣдственномъ столѣ. Изъ Орды съ пожалованіемъ онъ вернулся зимою 1356 г., когда и начинается время его княженія (этой датѣ противорѣчитъ одинъ лишь М. Г. Спиридовъ: исходя изъ ошибки о времени смерти Дмитрія Ѳедоровича,—по его мнѣнію, 1364 г.,—онъ, стараясь сохранить хронологически непрерывную преемственность князей, начало княженія самого И. Ѳ. относитъ, конечно, также къ 1364 г.; между тѣмъ въ дѣйствительности И. Ѳ. къ этому времени уже былъ лишенъ удѣла,—см. ниже). Съ именемъ этого князя связано паденіе самостоятельности Стародубскаго удѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его владѣтелей. И. Ѳ. былъ однимъ изъ тѣхъ непокорныхъ князей, которые всячески противились явному стремленію Москвы поглотить всѣ удѣлы, а ихъ князей превратить въ послушныхъ подручныхъ, временно оставляя за ними лишь тѣнь самостоятельныхъ владѣтелей. Въ И. Ѳ. были еще живы традиціи независимости и свободы дѣйствій; въ борьбѣ за нихъ и за удѣльные интересы онъ и поплатился. Въ 1359 г., 13 ноября, скончался вел. кн. Звенигородскій и Московскій Іоаннъ II Іоанновичъ (Кроткій), и великокняжескій престолъ долженъ былъ перейти къ его девятилѣтнему сыну Димитрію (впослѣдствіи—Донской); соперникомъ послѣдняго явился князь Суздальскій, Дмитрій III Константиновичъ. Въ возгорѣвшейся между этими противниками борьбѣ И. Ѳ. принялъ сторону Дмитрія Константиновича, какъ, впрочемъ, и громадное большинство удѣльныхъ князей, которые или прямо стояли за кн. Суздальскаго или же сочувствовали ему. Подкладка этихъ симпатій ясна. Удѣльные князья, тѣснимые Московскими, въ Дмитріи Константиновичѣ не безъ основаній предполагали встрѣтить человѣка, который, достигши великокняжескаго престола, не будетъ посягать на ихъ самостоятельность и независимость, порукою чему должны были служить отчасти самый характеръ этого Дмитрія, отчасти же чувство благодарности къ своимъ сторонникамъ. Сначала судьба улыбнулась князю Суздальскому и всѣмъ стоявшимъ на его сторонѣ: съ 1359 по 1363 г. онъ былъ великимъ княземъ, живя во Владимірѣ; но въ конечномъ результатѣ борьба, какъ извѣстно, кончилась побѣдою Дмитрія Іоанновича, и онъ,—вѣрнѣе, стоявшіе за нимъ по его малолѣтству бояре,—пользуясь благопріятнымъ случаемъ, принялъ рѣшительныя мѣры противъ удѣльныхъ князей, сочувствовавшихъ его противнику. И. Ѳ., наряду съ кн. Галицкимъ (Дмитріемъ Ивановичемъ), былъ одною изъ первыхъ жертвъ, на которыя обрушилась месть Москвы. Въ 1363 г. (вѣроятно, въ концѣ) онъ былъ лишенъ удѣла и изгнанъ изъ Стародуба, послѣ чего ушелъ въ Нижній-Новгородъ къ Андрею Константиновичу, у котораго сдѣлался служебнымъ княземъ. Дальнѣйшая судьба И. Ѳ. неизвѣстна. Его считаютъ бездѣтнымъ всѣ родословныя, за исключеніемъ таковой Головина, который, безъ указанія основаній, даетъ ему сына Дмитрія и внука Василія.

7. *Андрей Ѳедоровичъ*, третій и младшій сынъ Ѳедора Ивановича (4), седьмой князь на Стародубскомъ удѣлѣ, который перешелъ къ нему въ 1363 г. послѣ изгнанія его брата, Ивана Ѳедоровича (6). Въ противоположность послѣднему, А. Ѳ. былъ вполнѣ покоренъ Москвѣ, да иначе и быть не могло, такъ какъ и удѣлъ онъ унаслѣдовалъ, конечно, не безъ согласія московскаго князя. Дѣйствительно, всѣ немногія свѣдѣнія, сообщаемыя о немъ лѣтописями, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ не только не пытался сопротивляться Москвѣ, но, наоборотъ, зачастую самъ помогалъ ей бороться съ ея противниками. Въ числѣ многихъ другихъ удѣльныхъ князей онъ ходилъ, напримѣръ, съ Дмитріемъ Іоанновичемъ въ 1375 г. къ Твери на князя Михаила (Матѳея) Александровича, а въ 1380 г. участвовалъ въ Куликовой битвѣ, распоряжаясь на правомъ крылѣ русскихъ войскъ. М. Г. Спиридовъ, который, при составленіи своихъ родословныхъ, пользовался нѣкоторыми источниками, сгорѣвшими при московскомъ пожарѣ 1812 г., говоритъ, что А. Ѳ. участвовалъ и въ другихъ походахъ Дмитрія Донского и даже прославился своею храбростью и искусствомъ въ ратномъ дѣлѣ. Несмотря на это, зависимость его какъ удѣльнаго князя отъ Москвы доходила до того, что въ его волостяхъ сидѣли и властвовали московскіе намѣстники. Княжилъ онъ въ Стародубѣ, кажется, до 1380 г., когда вѣроятнѣе всего и умеръ, около 50 лѣтъ

отъ роду,—дата его рожденія относится приблизительно къ 1330 г. А. Ѳ. единственный изъ троихъ сыновей Ѳедора Ивановича (4) является продолжателемъ рода (средній изъ нихъ умеръ бездѣтнымъ, а потомство старшаго, Дмитрія Ѳедоровича, прекратилось на его сынѣ, Семенѣ,—см. 8). Онъ имѣлъ четверыхъ сыновей: *Василія* (9)—кн. *Пожарскаго*, *Ѳедора* (10)—продолжателя рода князей собственно Стародубскихъ, *Ивана* (11)—прозвищемъ *Нагавица-Ряполовскій* и *Давида* (12)—по прозванію *Палица*. А. Ѳ. первый въ своемъ родѣ началъ дробить наслѣдственный удѣлъ на болѣе мелкія части. Еще при жизни онъ выдѣлилъ своему старшему сыну, Василію, особую волость, Погару; со смертью же А. Ѳ. каждый изъ его сыновей получилъ изъ общей территоріи удѣла отдѣльныя вотчины, чѣмъ Стародубское княжество, и безъ того не очень большое и сильное, раскрошилось и еще болѣе ослабѣло, съ теченіемъ времени и наростаніемъ потомства основного рода превратившись въ рядъ мелкихъ и мельчайшихъ волостей. Вмѣстѣ съ тѣмъ сыновья и дальнѣйшіе потомки А. Ѳ., владѣя отдѣльными вотчинами, получали обыкновенно по имени наиболѣе населеннаго пункта послѣднихъ соотвѣтственныя прозвища и становились родоначальниками новыхъ княжескихъ фамилій. Однако, не всѣ дальнѣйшіе представители рода, получившіе во владѣніе части изъ общаго удѣла, обязательно пріобрѣтали новыя прозвища; нѣкоторые изъ нихъ продолжали попрежнему называться князьями Стародубскими, хотя на главномъ удѣлѣ никогда не сидѣли; эту фамилію, удержанную по традиціи, слѣдуетъ признавать за такими князьями лишь условно, безъ эпитета удѣльныхъ. Съ другой стороны, князьми Стародубскими называются и нѣкоторые потомки А. Ѳ., совершенно не владѣвшіе какими-либо волостями. Въ той же мѣрѣ примѣнима предыдущая оговорка и къ нимъ. Поэтому даже названіе всѣхъ ихъ князьями Стародубскими въ тѣсномъ смыслѣ слова неправильно, тѣмъ болѣе неправильно наименованіе ихъ *удѣльными* князьями того же имени, что ошибочно допускается почти всѣми родословными книгами. Слѣдуетъ замѣтить также, что если о первыхъ представителяхъ рода лѣтописи и содержатъ нѣкоторыя, хотя бы и весьма краткія извѣстія, то о позднѣйшихъ изъ нихъ лѣтописныя свѣдѣнія почти совершенно отсутствуютъ; лишь родословныя содержатъ о нихъ нѣкоторыя болѣе чѣмъ лаконическія указанія. Вообще же послѣдующіе князья, выдѣлившіеся изъ основнаго рода Стародубскихъ, съ постепеннымъ измельчаніемъ удѣловъ и параллельнымъ ростомъ могущества Москвы, одни раньше, другіе позже, окончательно лишились своей самостоятельности и превратились или въ простыхъ помѣстныхъ владѣльцевъ, вотчинниковъ, или же въ слугъ московскаго государя.

8. *Семенъ Дмитріевичъ*, прозваніемъ *Крапива*, единственный сынъ Дмитрія Ѳедоровича (5), *не-удѣльный* кн. Стародубскій. Спиридовъ ошибочно называетъ его по отчеству *Ѳедоровичемъ* и считаетъ не сыномъ, а братомъ Дмитрія Ѳедоровича. Послѣ смерти отца онъ не получилъ ни главнаго стола, такъ какъ послѣдній перешелъ къ старшимъ въ родѣ, дядямъ С. Д.,—сначала къ Ивану, а позже къ Андрею Ѳедоровичамъ,—ни отдѣльной волости, ибо въ это время Стародубскій удѣлъ сохранялъ еще принципъ недѣлимости. Всѣ немногія лѣтописныя извѣстія о С. Д. сходятся на томъ, что въ 1368 г., при нашествіи вел. кн. Литовскаго Ольгерда на Москву, онъ былъ убитъ воинами послѣдняго въ одной изъ «стрѣчъ» (стычекъ) въ волости Холхнѣ (также Холохнѣ и Холохлѣ, въ нынѣшней Калужской губерніи), гдѣ, вѣроятно, начальствовалъ заставой. Дѣтей С. Д. не имѣлъ, и съ его смертью угасла старшая линія рода.

9. *Василій Андреевичъ*, князь *Пожарскій*, старшій сынъ Андрея Ѳедоровича (7)—первый изъ представителей Стародубскихъ, получившій еще при жизни отца на территоріи главнаго удѣла особую волость (Погара, отъ имени которой образовалось и прозвище), и первый же, давшій начало новому роду—князей *Пожарскихъ* О немъ самомъ, а также о его сынѣ *Даніилѣ* и внукѣ *Ѳедорѣ*, отъ правнука пятаго сына котораго произошелъ знаменитый князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій,—см. *Пожарскіе*.

10. *Ѳедоръ Андреевичъ*, второй сынъ Андрея Ѳедоровича (7), восьмой удѣльный князь Стародубскій, наслѣдственный удѣлъ получилъ около 1380 г. и владѣлъ имъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, до конца первой

четверти XV вѣка. Почему онъ явился замѣстителемъ отца на главномъ столѣ, а не его старшій братъ (см. предыдущій), остается не выясненнымъ. Можно лишь предполагать, или что Василія Андреевича ко времени кончины отца не было уже въ живыхъ, или же, что онъ, имѣя самостоятельный удѣлъ, вполнѣ имъ довольствовался. Свѣдѣній о жизни Ѳ. А. не сохранилось почти никакихъ. При немъ въ 1410 г. (надо думать, что въ это время онъ былъ живъ) татары на обратномъ пути изъ разгромленнаго и разграбленнаго Владиміра мимоходомъ взяли Стародубъ. Территорія владѣемаго имъ княжества значительно была урѣзана частями, перешедшими въ удѣлъ его братьямъ, послѣ же его смерти она еще болѣе раздробилась между его дѣтьми. Ѳ. А. имѣлъ пятерыхъ сыновей: *Ѳедора* (13), наслѣдовавшаго отцу, *Ивана* (14), прозваніемъ *Морхиня*, еще *Ивана* (15), родоначальника князей *Голибѣсовскихъ*, *Петра* (16) и *Василія* (17), давшаго начало роду князей *Ромодановскихъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ѳ. А. является продолжателемъ рода князей собственно Стародубскихъ, такъ какъ потомство всѣхъ его братьевъ носило другія фамиліи и прозвища.

11. *Иванъ Андреевичъ*, по прозванію *Нагавица-Ряполовскій*, третій сынъ Андрея Ѳедоровича (7), родоначальникъ князей *Ряполовскихъ*. Свое прозвище онъ получилъ отъ Ряполовскаго стана (въ нынѣшнемъ Суздальскомъ уѣздѣ), главнаго населеннаго пункта въ волости, данной ему въ удѣлъ. Болѣе подробно объ И. А. самомъ, о дѣтяхъ его *Иванѣ*, *Семенѣ*, прозваніемъ *Хрипунъ*, *Дмитріи* и *Андреѣ*, прозванномъ *Лобанъ*, затѣмъ о внукѣ отъ старшаго сына, *Семенѣ*, и троихъ внукахъ (старшій и два младшихъ) отъ второго сына, *Федорѣ Большемъ*, *Петрѣ и Василіи* (прозванномъ *Мнихъ*) *Семеновичахъ* — см. князья *Ряполовскіе*; о внукѣ же *Ѳедорѣ Меньшемъ*, прозваніемъ *Стрига*, родоначальникѣ князей *Стригиныхъ*—см. *Стригины*; наконецъ, о правнукахъ его, дѣтяхъ Ѳедора Семеновича Большаго, *Иванѣ*, прозванномъ *Хилокъ*, и также *Иванѣ*, прозваніемъ *Тать*—см. соотвѣтственно князья *Хилковы* и *Татевы*.

12. *Давидъ Андреевичъ*, прозваніемъ *Палица*, четвертый и младшій сынъ Андрея Ѳедоровича (7), родоначальникъ князей *Палицкихъ* или *Палецкихъ* (усвоенное названіе); извѣстенъ только по родословнымъ. Имѣлъ четверыхъ сыновей. О старшемъ изъ нихъ, *Ѳедорѣ Давидовичѣ Пестромъ*, родоначальникѣ князей того же имени — см. т. «Павелъ—Петръ», Спб., 1902, стр. 617, гдѣ отецъ его ошибочно названъ Ѳедоромъ, а не Давидомъ Андреевичемъ. Второй сынъ—*Александръ Давидовичъ*, въ родословныхъ называется Палецкимъ, но это, кажется, невѣрно; есть основаніе думать, что отдѣльнаго прозванія онъ не имѣлъ, почему его слѣдуетъ отнести къ *не-удѣльнымъ* князьямъ Стародубскимъ; умеръ бездѣтнымъ, вѣроятно, въ концѣ XV в. О третьемъ сынѣ Давида Андреевича—*Дмитріи*, по прозванію *Тулупъ*—см. князья *Тулуповы*, и о четвертомъ—*Иванѣ*, продолжателѣ рода Палецкихъ, а также о дѣтяхъ его,—*Ѳедорѣ Большемъ*, *Василіи*, *Иванѣ* и *Ѳедорѣ Меньшемъ Ивановичахъ* — см. кн. *Палецкіе* (т. «Павелъ—Петръ», стр. 142—146); наконецъ, о дѣтяхъ Ѳедора Пестраго, *Иванѣ* и двоихъ *Андреяхъ*, *Большемъ и Меньшемъ*, родоначальникахъ трехъ линій князей *Гундуровыхъ*—см. эти князья.

13. *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, старшій сынъ Ѳедора Андреевича (10), девятый князь на Стародубскомъ удѣлѣ, который унаслѣдовалъ по смерти отца приблизительно въ концѣ первой четверти XV в. Никакихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось; извѣстенъ же онъ только изъ родословныхъ. Имѣлъ семерыхъ сыновей: *Владиміра* (18), *Ивана* (19), *Константина* (20), *Андрея* (21), *Петра* (22), *Семена* (23) и еще *Ивана* (24). Отъ среднихъ пятерыхъ изъ нихъ соотвѣтственно произошли роды князей *Кривоборскихъ*, *Льяловскихъ*, *Ковровыхъ*, *Осиповскихъ и Неучкиныхъ*. Время смерти Ѳ. Ѳ. лишь весьма приближенно можно отнести къ 40-мъ годамъ XV в.

14. *Иванъ Ѳедоровичъ Большій*, по прозванію *Морхиня*, второй сынъ Ѳедора Андреевича (10), *не-удѣльный* кн. Стародубскій; на главномъ столѣ не сидѣлъ, имѣлъ отдѣльную волость (какую именно—неизвѣстно), но удержалъ обще-родовую фамилію. Изъ родословныхъ извѣстно лишь, что дѣтей онъ не оставилъ.

15. *Иванъ Ѳедоровичъ Меньшій*, прозванный лично *Лапа* и по волости *Голибѣсовскимъ*, третій сынъ Ѳедора Андрее-

вича (10), родоначальникъ кн. *Голибѣсовскихъ*. Извѣстенъ только по родословнымъ; имѣлъ двоихъ сыновей: отъ младшаго изъ нихъ, *Василія Ивановича*, прозвищемъ *Голица*, пошли князья *Небогатовы*; старшій же, *Михаилъ Ивановичъ*, въ свою очередь имѣлъ троихъ сыновей: *Василія, Юрія и Ивана*; двое первыхъ изъ нихъ были продолжателями рода, а третій, прозваніемъ *Гагара*, далъ начало многочисленному роду князей *Гагариныхъ*, существующихъ и по настоящее время.

16. *Петръ Θедоровичъ*, четвертый сынъ Θедора Андреевича (10), *не-удѣльный* кн. Стародубскій; умеръ, вѣроятно, въ дѣтскіе годы, почему за нимъ и сохранилось основное имя.

17. *Василій Θедоровичъ*, пятый и младшій сынъ Θедора Андреевича (10), прозваніемъ *Ромодановскій*, которое получилъ отъ важнѣйшаго въ его удѣлѣ селенія Ромодановки, родоначальникъ князей *Ромодановскихъ*, угасшихъ въ 1730 г. О немъ лично никакихъ свѣдѣній не сохранилось. О дѣтяхъ же его: а) окольничьемъ *Василіи* (посолъ къ крымскому хану и въ Литву, воевода въ походахъ въ Сѣверскъ, противъ шведовъ, на Казань, Литву, Лифляндію и др.), б) бояринѣ *Иванѣ* (воевода во многихъ походахъ, преимущественно противъ татаръ, и второй намѣстникъ московской трети), в) *Семенѣ* (участникъ походовъ противъ литовцевъ и лифляндцевъ), г) *Юріи* (воевода въ походахъ на Новгородъ), д) *Θедорѣ* (посолъ къ крымскому хану) и е) *Борисѣ* (участникъ въ походѣ на Новгородъ и въ битвѣ при р. Крапивкѣ 1504 г.)—см. князья *Ромодановскіе*.

18. *Владиміръ Θедоровичъ*, старшій сынъ Θедора Θедоровича (13), десятый и послѣдній удѣльный кн. Стародубскій; наслѣдственный удѣлъ получилъ послѣ смерти отца, около конца 40-хъ годовъ, и владѣлъ имъ лѣтъ десять. Съ именемъ В. Θ. связана полная потеря самостоятельности Стародубскаго удѣла, который въ серединѣ XV в. окончательно былъ поглощенъ Москвою и низведенъ на ступень обыкновенной провинціи. В. Θ. былъ бездѣтенъ, и вмѣстѣ съ его смертью угасъ родъ собственно Стародубскихъ князей. Всѣ дяди и родные братья В. Θ., за исключеніемъ Ивана (24), умершаго до него,—дали начало княжескимъ родамъ другихъ наименованій. Этимъ исчерпываются всѣ свѣдѣнія о В. Θ.

19. *Иванъ Θедоровичъ*, называется то *Большимъ*, то *Меньшимъ*, въ отличіе отъ брата того же имени (24), съ которымъ часто смѣшивается; вѣроятнѣе первый эпитетъ, и въ зависимости отъ этого И. Θ. слѣдуетъ считать вторымъ сыномъ Θедора Θедоровича (13), его же брата седьмымъ, а не наоборотъ, какъ ошибочно принимаютъ нѣкоторыя родословныя; по волости, полученной имъ въ удѣлъ отъ отца, онъ сталъ называться княземъ *Кривоборскимъ* и это имя передалъ и своимъ потомкамъ, которые вскорѣ утратили всякую самостоятельность и уже въ XVI в. встрѣчаются на службѣ у московскихъ государей, въ военно-административныхъ должностяхъ. Самъ И. Θ. извѣстенъ только по родословнымъ. Изъ четверыхъ сыновей И. Θ. старшій, *Александръ*, былъ воеводою Іоанна III, въ 1492—1500 г. участвовалъ въ разныхъ походахъ, въ томъ числѣ на Новгородъ, показанъ въ дворянахъ; второй—*Θедоръ*, прозваніемъ *Лайко*, также *Ласка*, и третій — *Семенъ*, прозвищемъ *Пріемышъ* — упоминаются воеводами въ тѣхъ же походахъ; наконецъ, четвертый, *Иванъ*— служилъ въ концѣ XV в. бояриномъ у новгородскаго архіепископа. Сынъ Александра, *Иванъ*, былъ воеводою въ первыхъ походахъ юности Грознаго (1544—1550 гг.), а его дѣти: *Андрей*—упоминается въ походѣ 1544 г., *Василій Большій*—воевода въ Астрахани 1576—1577 гг., *Иванъ*—былъ въ рындахъ, *Θедоръ*—воевода сначала при Грозномъ, а затѣмъ при Θеодорѣ и Годуновѣ, наконецъ, *Василій Меньшій*—воевода съ 1576 г., въ 1583 г. убитъ. Родъ этихъ князей существовалъ до 1600 г.

20. *Константинъ Θедоровичъ*, по прозванію *Льяло*, третій сынъ Θедора Θедоровича (13), родоначальникъ князей Льяловскихъ, вскорѣ угасшихъ. О немъ самомъ другихъ свѣдѣній нѣтъ. Единственный сынъ его, *Иванъ*, въ 1495 г. былъ посланъ въ Вильну при дочери царя Ивана III, о внукахъ ничего неизвѣстно, правнуки же *Борисъ* и *Василій Ивановичи* въ 1514 г. участвовали въ битвѣ подъ Орской, гдѣ были взяты въ плѣнъ въ Литву и тамъ умерли, не оставивъ потомства.

21. *Андрей Θедоровичъ*, по личному прозванію *Коверъ*, четвертый сынъ Θедора Θедоровича (13), родоначальникъ князей *Ковровыхъ* — см. т. «Кнаппе—Кюхельбекеръ», Спб., 1903 г., стр. 31.

22. *Петръ Өедоровичъ*, пятый сынъ Өедора Өедоровича (13), родоначальникъ князей Осиповскихъ, вскорѣ прекратившихся; его сынъ *Иванъ*, прозванный Слѣпымъ, показанъ въ дѣтяхъ боярскихъ, въ 1495 г. былъ въ новгородскомъ походѣ, а въ 1502 г.—воевода въ походѣ на Литву.

23. *Семенъ Өедоровичъ*, прозвищемъ *Бѣлая Гузица*, шестой сынъ Өедора Өедоровича (13), родоначальникъ князей Неучкиныхъ. Онъ самъ, а также его сынъ *Иванъ* и внукъ *Андрей*, на которомъ родъ пресѣкся, извѣстны только по родословнымъ.

24. *Иванъ Өедоровичъ*, прозваніемъ *Овца*, седьмой или второй (см. 19) сынъ Өедора Өедоровича (13), *не-удѣльный* князь Стародубскій; о немъ извѣстно лишь, что онъ былъ инокомъ въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ (впослѣдствіи лавра).

Литература о родѣ князей Стародубскихъ вообще: Рукописныя „Родословныя": въ Архивѣ министерства иностран. дѣлъ въ Москвѣ—№№ 84—110 (4°, гл. 22), 174—280 (F°, гл. 23), 187—296 („Родословная книга о великихъ князехъ отъ Августа Кесаря Римскаго и о великихъ князехъ великіе Россіи Московскаго государства и о удѣльныхъ князехъ", 4°), 222—383 („Родословецъ", 4°), 592—1094 („Родословецъ русскихъ великихъ князей... и удѣльныхъ князей русскихъ"); въ Моск. обществѣ исторіи и древностей россійск. — №№ 177, 178 и 179 (4°, гл. 24); въ Имп. Публичной библіотекѣ—Q, IV, №№ 47, 102, 272; тамъ же, въ отд. древнехранилища М. П. Погодина—№№ 1518 („Лѣствица велик. государей и велик. князей русскихъ") и 1604; въ библіотекѣ Импер. Академіи Наукъ—№№ 29 (4°), 31 (4°) и 37 (F°).—„Родословная книга въ трехъ спискахъ, синодальному и двухъ другихъ", издан. „Времен. Импер. моск. общ. истор. и древн. Россійск.", кн. X, М., 1851 г. - Кн. П. Долгоруковъ, „Россійская родосл. книга", т. I, Спб., 1854 г., стр. 237—238, 250; т. II, Спб., 1855 г., стр. 49, 294.—Кн. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословн. книга", 2 т.—П. Н. Петровъ, „Для немногихъ; спеціальныя замѣтки по генеалог., истор., археол. и искусству", Спб, 1871.—Его же, „Исторія родовъ русскаго дворянства", т. I, Спб., 1885 г., стр. 56, 57, 63—69, 84, 95, 109—137.—„Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ" („Бархатная книга"), ч. II, М. 1787 г., стр. 58—59, 361, 383—384, 413.—М. Г. Спиридовъ, „Сокращенное описаніе службъ благородн. россійскихъ дворянъ", М. 1810.—Т. Мальгинъ, „Зерцало россійскихъ государей", изд. 3-е, Спб. 1791 г., стр. 234 и сл.—Н. Головинъ, „Родословная роспись потомковъ велик. кн. Рюрика", М., 1851 г.—„Родословная книга великихъ и удѣльныхъ князей рода Рюрикова", въ „Запискахъ касательно Россійской исторіи", ч. V, Спб., 1793 г.—II. Жанти, „Родословная царей и князей русскихъ... съ присоединеніемъ хронологическихъ таблицъ", Тифлисъ, 1888 г.—П. Строевъ, „О родословіи владѣтельныхъ князей русскихъ", „Сынъ Отечества", 1844 г., ч. XIV и „Жизнь и труды П. М. Строева".—Л. Митонъ, „Родословн. владѣтельн. россійск. князей по росписямъ Н. М. Карамзина", Спб., 1821 г.—(Приписываемый Екатеринѣ II) „Родословникъ князей велик. и удѣльныхъ рода Рюрикова", Спб., 1793.—II. Шиловъ, „Родословныя таблицы", въ „Ключѣ, или алфавитн. указателѣ къ Исторіи Россіи Соловьева".—П. Хавскій, „О родословныхъ росписяхъ потомства вел. кн. Рюрика", „Сѣверн. Пчела", 1835 г., № 135.—Эрмеринъ, „Общій обзоръ родовъ, происшедшихъ отъ вел. кн. Рюрика".—„Родословная Стародубскихъ и Пожарскихъ князей, выписки изъ синодиковъ", „Москвитянинъ", 1852 г., т. XIX.—„Родословная Стародубск. и Пожарскихъ", „Всемірная Иллюстр.".—Гр. Бобринскій, „Русскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ".—„Общій Гербовникъ".—„Алфавитно-справочн. перечень удѣльныхъ князей русскихъ и членовъ царствующ. дома Романовыхъ", Спб., 1871 г.—В. Дурасовъ, „Родословная книга всероссійскаго дворянства", ч. I, Спб., 1906 г., отд. I, гл. II.—И. Голышевъ, „Мѣсто земного упокоенія кн. Д. М. Пожарскаго", Владим., 1885 г. (родословн. таблицы Стародубскихъ).—С. Смирновъ, „Біографія кн. Д. М. Пожарскаго", М., 1852 г. (родосл. табл.).—Ф. П. Мишюшинскій, „О родѣ кн. Пожарскихъ", „Труды рязанской учен. арх. комис.", т. X, вып. I, Ряз., 1895 г. (родосл. табл.).—Барсуковъ, „Обзоръ источниковъ и литерат. русскаго родословія".—„Полное собраніе русскихъ лѣтописей", тт. I, II, IV, V, VI, VII, VIII, XV.—„Никоновск. лѣт.", изд. Акад. Наукъ, тт. II, III, IV.—„Лаврентьевск. лѣтоп.", изд. археограф. комис., Спб., 1872 г.—„Собраніе государств. грамотъ и договоровъ", т. I, Спб., 1813.—„Акты Московскаго государства".—„Акты археогр. экспед", т. I, Спб., 1836 г.—„Разрядная книга" („Симбирскій сборникъ"), М., 1845.—„Акты историческ.", т. I, Спб., 1841, стр. 268 (о Стародубѣ); т. III, стр. 183 (о Старод.-Ряноловскомъ, что одно и то же).—С. В. Рождественскій, „Служилое землевладѣніе въ московскомъ государствѣ", Спб. 1897 г. (по указателю, о вотчинахъ кн. Стародубскихъ).—А. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 гг.", т. II, Спб., 1891 г., стр. 174—200.—Н. Карамзинъ, „Исторія Государства Россійскаго", тт. III, IV, V.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", т. III, IV.—В. Татищевъ, „Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ", т. III.—Д. Иловайскій, „Исторія Россіи", ч. 2-ая, М., 1880. *Главнѣйшія указанія объ отдѣльныхъ представителяхъ рода;* номера соотвѣтствуютъ таковымъ же въ текстѣ: 1) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I, стр. 174, 177, 181, 190. 191. 199, 200, 201. 225; т. II, стр. 152, 326, 338, т. IV, с. 33; т. VII, с. 106, 113, 117—119, 133, 143, 144, 152.—Никон. лѣт., т. II, с. 316; т. III, с. 3, 4, 19.—Лаврент. лѣт., т. I, с. 191.—Воскрес., т. II, с. 156.—Бархатн. кн., ч. I, с.

15; ч. II, с. 58.—П. Н. Петровъ, т. I, с. 137—138.—Пушкинск. лѣт., подъ 1226 г.—Татищевъ, т. III, с. 472—473.—Карамзинъ, т. III, пр. 122, 153, 154, 350, 369; т. VI, с. 5, пр. 1, 114, 152, 247, 308, 376; т. V, пр. 14.—Экземплярскій, т. II, с. 176—179.—2) П. С. Р. Л., VII, с. 175.—Никоновск., III, с. 60, 109.—Барх. кн., II, с. 58.—Петровъ, 138.—Карамзинъ, IV, 82, пр. 152, 247, 308.—Соловьевъ, т. III, родосл. табл.—Экземплярскій, II, 179—180.—3) Никоновск., III, 109.—Бархатн. кн. II, 58.—Карамзинъ, IV, прим. 247, 308; V, с. 33.—Петровъ, 137.—Экземплярскій, II, 180.—4), Никоновск., III, 155.—Карамзинъ, IV, с. 143, пр. 308.—Соловьевъ, III, пр. 524.—Петровъ, 137.—Барх. кн., ч. II, 58.—Экземплярскій, II, 180.—5) П. С. Р. Л., I, 231, VIII, 9, 16; XV, 429.—Никоновск., III, 205; IV; 21.—Карамзинъ, IV, с. 174, пр. 376.—Экземпл., II, 181.—6) П. С. Р. Л., II, 350; IV, 64; V, 229, VIII, 10.—Никон., III, 207; IV, 5.—Карамз., IV, с. 282, пр. 376; т. V, с. 2.—Экземпл., II, 181—182.—7) П. С. Р. Л., IV, 70; V, 233; VIII, 22.—Никон., IV, 42—44.—Карамз., V, с. 21, 39, пр. 33, 288.—Экземпл., II, 182—183.—8) П. С. Р. Л., I, 231; VIII, 16; XV, 429.—Никон., IV, 21.—Барх. кн., ч. II, 58.—Карамз., V, с. 9. пр. 14.—Экземпл., II, 181.—9) Карамз., XII, пр. 335.—Бархатная кн., ч. II, 58.—Экземпл., с. 183, 188—189, 190.—Петровъ, 138.—Кобеко, „О разработкѣ генеалогич. данныхъ", Спб., 1887.—К. Тихонравовъ, „Извѣстіе о родѣ кн. Пожарскихъ", „Влад. Губ. Вѣд.", 1855 г., № 39.—Родословная таблица при книгѣ Малиновскаго, „Біографич. свѣдѣнія о кн. Д. М. Пожарскомъ", М., 1817, т. I.—Ф. П. Минюшскій, „О родѣ кн. Пожарскихъ", „Труды Рязанск. учен. арх. комит.", т. X, в. 1, Ряз., 1895 г.—„Москвитянинъ", 1852 г., т. XIX; 1855 г., № 4.—„Всемірн. Иллюстр.", 1872 г., VII, № 169.—10) Тверская лѣт., л. 485.—Экземпл., II, 183—187.—Петровъ, 138.—Барх. кн., II, 59.—11) П. С. Р. Л., VI, 173—176; VIII, 107, 147.—Никон. лѣт., V, 206, 285.—Арханг. лѣт., подъ 1440 г.—Собр. Гос. Гр. и Дог., I, № 160.—Карамз., V, пр. 224, 367.—Акты археогр. эксп., I, 339.—Экземпл., II, 198—199.—Петровъ, 200—201.—„Родословіе кн. Хилковыхъ", „Всемірн. Иллюстр.", 1878 г., т. XX, № 500.—Я. И. Лудмеръ, „Родосл. кн. Хилковыхъ", на отд. листѣ, изъ „Курляндск. Губ. Вѣд.", 1895 г., № 3.—А. Хилковъ, „Ядро Россійской Имперіи", М., 1770 г.—О родѣ кн. Татевыхъ, „Русск. Энц. Слов." Березина, s. v.—„Списокъ кн. Татевыхъ", въ „Историч. описаніи Троице-Сергіевской лавры".—12) Н. Савельевъ-Ростиславичъ, „Кн. Палецкіе", Военно-энц. Лексик., X., s. v.—Лоб.-Ростовскій, изд. 1-е, т. I, s. v.—Энц. слов. Брокгауза, т. 22, s. v.—Булатовъ, „Матеріалы для генеалогіи и исторіи двор. родовъ Ростовск. у." (о кн. Гундуровыхъ).—13) Петровъ, 142.—Экземпл., II, 187.—14) Экземпл., II, 198.—15) О Голибѣсовскихъ, Энцикл. лекс., s. v.—Барх. кн., II, 59.—О Гагариныхъ: Родословіе, „Всемірн. Иллюстр.", 1870, III, № 69.—Русск. энц. слов. Березина, Энцикл. лекс., Энц. сл. Брокг., s. v.—П. Долгоруковъ, „Россійск. родосл. сборн.", ч. 3.—Его же, „Родосл. книга", ч. I.—„Списки титулов. родамъ", изд. д-та герольдіи, Спб., 1892.—М. Чернявскій, „Генеалогія дворянъ, внесенныхъ въ родословн. книгу Тверской губ.", Тверь, 1869 г.—R. J. Annuaire, „De la Noblesse de Russie...", ч. I и II.—16) Родословныя Петрова, Бархатн. кн., В. Дурасова и др.—17(Собран. Гос. грам. и догов., I, № 531.—Экземпл., II, 198—199.—Н. Савельевъ-Ростиславичъ, „Князья Ромодановскіе", „Воен.-энцикл. лекс.", s. v.—Лихачевъ, „Разрядные дьяки" (по указ.).—П. Долгоруковъ, „Родосл. книга", ч. II.—R J. Ermerin, „Annuaire...", ч. I.—Art. Kleinschmidt, „Russland's Geschichte und Politik dargestellt in der Geschichte des russischen hohen Adels".—18) Экземпл., II, 188.—19). М. Г. Спиридовъ, „Сокращенное описаніе службъ...", ч. II, с. 56, 57 и сл.—Петровъ, с. 142.—Карамзинъ, VII, пр. 201; X, пр. 435.—Древн. Рос. Вивліое., XIV, 235.—Экземпл., II, 196.—Энцикл. слов. Брокгауза, т. 16, s. v.—20) Барх. кн., II, 61—62.—Экземпл., II, 196.—21) В. Туторскій, „Историческ. замѣтки и преданія о г. Ковровѣ", „Владим. Губ. Вѣд.", 1857 г., № 47.—Экземпл., II, 196—197.—И. Токмаковъ, „Городъ Ковровъ и князья Ковровы; матеріалы для ихъ родословія", Влад., 1886.—„Духовное завѣщ. кн. Ив. Сем. Коврова", „Влад. Губ. Вѣд.", 1840 г., № 49.—Энц. слов. Брокг., т. 15, s. v.—22) Барх. кн., II, 63.—Экземпл., 197.—23) Петровъ, 137.—Барх. кн., II, 64.—Экземпл., II, 198. *Н. Сербовъ.*

Стародубскій, *Иванъ Алексѣевичъ*, раскольничій писатель, по происхожденію государственный крестьянинъ, род. въ 1709 г., ум. въ 1776 г. С. самоучкою достигъ большихъ богословскихъ знаній и, будучи членомъ поморской секты и хорошимъ ораторомъ, съ успѣхомъ боролся противъ ѳеодосіанцевъ, стародубцевъ и нѣтовцевъ. Единовѣрецъ С., Павелъ Любопытный (псевдонимъ), въ своемъ «Историческомъ словарѣ старовѣрческой церкви» характеризуетъ его слѣдующими словами: «Мужъ ученый, знатныхъ талантовъ и ревнитель благочестія, отличный членъ Поморской церкви, славный творецъ разныхъ сочиненій въ защиту Христіанской церкви и въ обличеніе враговъ ея, рѣдкій писатель старовѣрческой и поповщинской исторіи, знатный побѣдитель ѳеодосіянскихъ заблужденій и гнуснаго бракоборства, не разъ торжественно поражавшій нечестивый Никоніанизмъ и заблужденіе старообрядцевъ, не разъ сражалъ и грубую нѣтовщину... Его краснорѣчіе и разительное убѣжденіе въ предметахъ истины плѣняли всѣхъ слушающихъ и заставляли быть его послушникомъ. Онъ былъ мужъ снисходительный, миролюбивый и рѣшительный, имѣя духъ, кои славу его возвышали до небесъ»... Эта характеристика, несомнѣнно,

страдаетъ чрезмѣрной хвалебностью С. и пристрастіемъ въ его пользу, но она даетъ нѣкоторое право заключить, что С. былъ человѣкомъ недюжиннымъ и талантливымъ. Тотъ же П. Любопытный свидѣтельствуетъ, что С. «за тщательность въ благочестіи и твердость въ своихъ предпріятіяхъ претерпѣлъ доброхотно отъ міра многія тѣсноты и бѣдствія», но въ чемъ именно послѣднія заключались, остается неизвѣстнымъ. Слѣдуетъ прибавить еще, что С. «былъ рѣдкій и сладимый пѣвецъ, важный изографъ святыхъ иконъ и чистописанія уставомъ, украшавшій онымъ Москву, Стародубъ и прочія страны благочестивыхъ». Ему принадлежитъ цѣлый рядъ сочиненій, имѣющихъ значительную цѣнность для пониманія сущности и исторіи раскола. Главнѣйшія изъ нихъ: «Занимательный, ясный, убѣжденія и благочестія исполненный разговоръ съ монахомъ Ѳеодоромъ Ковашевскимъ о таинствахъ хиротоніи и брака»; «Ясное, убѣдительное и живое разсужденіе о старовѣрческой церкви и старообрядцахъ»; «Занимательная и ясная исторія о бѣгствующемъ іерействѣ старообрядцевъ»; «Пылкія, разительныя и духомъ благочестія и убѣжденія горящія опроверженія на всѣ основанія старообрядцевъ объ ихъ явныхъ заблужденіяхъ въ пріемѣ пресвитерства отъ Никоновой церкви»; «Ясное и убѣдительное показаніе о ѳеодосіанскихъ злочестіяхъ»; «Книга, именуемая Татинъ, о двуперстомъ сложеніи и триперстіи Никона патріарха»; «Книга, по разговору о существенномъ бытіи антихриста въ мірѣ и многихъ его дивныхъ происшествіяхъ, основанная на буквализмѣ откровенія и учителей Христовой церкви»; «Десять посланій въ разныя страны къ пастырямъ душъ и благочестивымъ мужамъ о назиданіи церкви и ея украшеніи»; «Рѣшительные отвѣты на вопросы старообрядцевъ или поповщины о конечности Христова священства и Евхаристіи» (1756 г.); «Разсужденіе о свойствѣ благовѣрія и церковныхъ таинствахъ» (1757 г.); «Показаніе о силѣ вѣчныхъ завѣтовъ приказаній Божіихъ» (1757 г.); «Первая и вторая апологія о ненужныхъ поповскихъ молитвахъ очищенія рождающей женѣ дѣтей» (1758 г., 20 тетрадей); «Показаніе о постриженіи въ иночество нерукоположенными мужами» (1759 г.); «Убѣдительныя предложенія и отвѣты старообрядцамъ объ ихъ заблужденіи въ священствѣ» (1762 г.); «Изслѣдованіе о Христовомъ священствѣ и опроверженія бѣгствующихъ іерейства старообрядцевъ» (1762 г.) и мн. др.

П. Любопытный, „Историческій словарь старовѣрческой церкви", М., 1863 г., стр. 24.— „Энциклопедич. словарь" Брокгауза и Эфрона, т. 31, Спб. 1900 г., s. v.

Старосельскій, *Дмитрій Семеновичъ*, генералъ-лейтенантъ, сенаторъ, происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерніи, родился 15 мая 1832 г. Воспитывался сначала въ Полтавскомъ Петровскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ учился превосходно и въ 1848 г. окончилъ курсъ первымъ, такъ что фамилія его была занесена на золотую доску. По окончаніи курса въ корпусѣ переведенъ въ Дворянскій полкъ, изъ котораго въ августѣ 1850 г. выпущенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, гдѣ служилъ шесть лѣтъ. Въ октябрѣ 1856 г., будучи въ чинѣ поручика, С. былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, но въ этой должности оставался недолго и въ декабрѣ слѣдующаго 1857 г. переведенъ адъютантомъ къ кутаисскому генералъ-губернатору барону Врангелю 2-му съ причисленіемъ, въ чинѣ капитана, къ Грузинскому гренадерскому полку. Съ этого времени собственно и начинается активная дѣятельность С., такъ какъ до того онъ только номинально считался на службѣ, лишь въ 1854 г. находясь въ составѣ войскъ, охранявшихъ Петебургскую губернію. Съ назначеніемъ барона Врангеля командующимъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, С. отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру и въ іюнѣ 1858 г. находился въ отрядѣ, возводившемъ укрѣпленія Буртуная. Въ 1859 г. подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго князя Барятинскаго было сформировано нѣсколько отрядовъ для одновременнаго дѣйствія съ разныхъ сторонъ противъ Шамиля. Наиболѣе важныя и трудныя операціи выпали на долю отряда барона Врангеля, при которомъ находился и С. Переваливая нѣсколько разъ черезъ высокіе горные хребты, совершивъ знаменитую Сагрытлоскую переправу и въ то же время преслѣдуя непріятеля, отрядъ подошелъ къ горѣ Гунибу, на которой заперся Шамиль; послѣ переговоровъ бывшій имамъ рѣшилъ сдаться. За неутомимую дѣятельность и отличіе въ

нѣсколькихъ перестрѣлкахъ съ горцами С. произведенъ былъ въ маіоры, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ и золотой шпагой съ надписью «за храбрость». Въ декабрѣ 1859 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику главнаго штаба Кавказской арміи ген.-ад. Милютину (впослѣдствіи военному министру), который, оцѣнивъ недюжинныя способности С., приблизилъ его къ себѣ и всегда старался его поддерживать. Находясь въ шапсугскомъ отрядѣ, онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ горцами и за отличіе въ этихъ сраженіяхъ произведенъ въ полковники, затѣмъ назначенъ управляющимъ канцеляріей начальника главнаго штаба Кавказской арміи (19 февраля 1863 г.), а съ покореніемъ большей части горскаго населенія и со введеніемъ гражданскаго управленія въ краѣ,—начальникомъ кавказскаго горскаго управленія.

Съ этого времени начинается административно-гражданская дѣятельность С., характеризующая его, какъ энергичнаго и гуманнаго человѣка, старавшагося проводить всѣ реформы свои мирнымъ путемъ, не прибѣгая къ оружію. И это вполнѣ отвѣчало положенію дѣлъ, требовавшему миролюбивой политики; только такая политика и могла нѣсколько успокоить крайне приподнятое настроеніе умовъ только что утратившихъ независимость горцевъ. Главнѣйшими результатами дѣятельности С. являются: обложеніе горцевъ государственной податью, урегулированіе крайне запутанныхъ аграрныхъ отношеній и уничтоженіе различныхъ родовъ рабства, купли и продажи людей. Этимъ реформамъ предшествовала долгая и трудная работа по собиранію свѣдѣній о численности горцевъ, главнымъ образомъ крестьянскаго населенія, о территоріальныхъ условіяхъ, о поземельныхъ правахъ, крѣпостномъ правѣ и вообще объ отношеніи привилегированныхъ сословій къ крестьянамъ, объ экономическомъ бытѣ послѣднихъ и пр. Съ цѣлью ближе понять нужды горцевъ и удовлетворить ихъ потребностямъ С. изучалъ ихъ исторію, характеръ, бытъ, религію. Собранныя по его порученію разнообразныя свѣдѣнія, касающіяся быта горцевъ, печатались въ особомъ спеціально для этого основанномъ С. повременномъ изданіи подъ названіемъ «Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ» (Тифлисъ, 1868—1875 гг., 8 выпусковъ), который заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ матеріаловъ по антропологіи, этнографіи и этнологіи горскихъ племенъ Кавказа. Въ этомъ отношеніи имѣетъ значеніе и составленный С. «Всеподданнѣйшій отчетъ главнокомандующаго кавказской арміей по военно-народному управленію за 1863—1869 гг.». Въ должности начальника горскаго управленія С. получилъ чинъ генералъ-маіора (8 ноября 1866 г.) и, между прочимъ, золотую медаль «за участіе въ составленіи и приведеніи въ дѣйствіе положенія объ освобожденіи зависимыхъ сословій въ горскихъ племенахъ Кавказа». 15 октября 1870 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника Терской области. Новая должность, ставившая С. въ гораздо болѣе зависимое положеніе, нѣсколько перемѣняетъ характеръ его дѣятельности; въ послѣдней не чувствуется ни широкой иниціативы, ни энергіи, столь ярко выступавшихъ въ его работѣ на предыдущемъ посту; однако и то и другое проявляется съ прежней силою, когда С. получаетъ снова самостоятельную и малозависимую должность: постъ бакинскаго губернатора (29 марта 1872 г.). Первымъ дѣломъ С. было упраздненіе жившаго до того времени разведеніемъ марены Кубинскаго уѣзда, въ которомъ слухи объ изобрѣтеніи искусственной краски вызвали паденіе цѣнъ на марену, уменьшеніе ея разведенія, а затѣмъ всеобщую безработицу, слѣдствіемъ которой явились грабежи и убійства, сдѣлавшіеся повседневнымъ явленіемъ въ уѣздѣ. Послѣ прекращенія этого рода явленій С. пришлось много работать надъ подготовкой къ реформѣ въ такомъ крупномъ дѣлѣ, какъ нефтяная промышленность: въ то время было въ принципѣ уже рѣшено передать казенныя нефтяныя земли въ частныя руки. Въ концѣ 1872 г. С. пріѣхалъ въ Тифлисъ и принималъ дѣятельное участіе въ торгахъ. Въ 1875 г., когда надъ нефтяной промышленностью разразился страшный денежный кризисъ и возникалъ вопросъ объ уничтоженіи акцизной системы, С. сталъ на сторону промышленниковъ, доказывая, что узко-фискальное отношеніе акцизнаго управленія къ этому дѣлу ставитъ послѣднее въ ненормально тяжелое положеніе. Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ впослѣдствіи, когда С. уже не былъ Бакинскимъ губернаторомъ. Два-

тельность С. по гражданскому управленію прерывается усмиреніемъ разбойниковъ на персидской границѣ, а также командировкой въ Закаспійскій край, по распоряженію великаго князя Михаила Николаевича, намѣстника кавказскаго, для осмотра войскъ тамошняго отряда и для разслѣдованія причинъ возвращенія отряда полковника Маркозова въ Хиву. По возвращеніи изъ командировки С. вновь погружается въ дѣятельность по гражданскому управленію и въ результатѣ ея является, между прочимъ, поземельное устройство крестьянъ Бакинской губерніи. Въ самомъ городѣ Баку С. открылъ женскую гимназію, а также положилъ начало изданіямъ двухъ газетъ: «Акинчи» («Пахарь») на татарскомъ языкѣ, имѣвшей цѣлью распространить въ массѣ мусульманъ здравыя понятія по сельскому хозяйству (редакція была поручена учителю мѣстнаго реальнаго училища агроному Асанъ-беку-Меликову, общій же надзоръ принадлежалъ самому С.) и газеты «Бакинскія Извѣстія» (1882 г.), преслѣдовавшей цѣль «содѣйствовать ознакомленію общества и правительства съ бытовыми и экономическими условіями края, служить органомъ для выраженія и ближайшаго обсужденія мѣстныхъ интересовъ и нуждъ». Первая изъ нихъ, однако, должна была прекратиться при преемникѣ С., нашедшемъ ея направленіе нежелательнымъ.

1 іюня 1876 г. С. былъ назначенъ на болѣе высокій административный постъ—директоромъ департамента главнаго управленія намѣстничества кавказскаго. Желая почтить дѣятельность уходящаго изъ Баку С., городская дума единогласно избрала его почетнымъ гражданиномъ Баку. На новомъ посту С., обязанный во всемъ подчиняться начальнику главнаго управленія, игралъ довольно пассивную роль, становясь энергичнымъ и дѣятельнымъ лишь въ тѣ моменты, когда замѣщалъ по какимъ либо причинамъ отсутствовавшаго начальника. 1 января 1878 г. С. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 23 августа назначенъ начальникомъ главнаго управленія намѣстника Кавказа по гражданской части, которымъ и пробылъ до уничтоженія намѣстничества на Кавказѣ.

Свои взгляды на нужды Кавказа и мѣры, которыя онъ находилъ полезными для возвышенія гражданскаго благосостоянія и духовнаго просвѣщенія населенія края, С. изложилъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1879 г. «о нуждахъ края». По его мнѣнію, государственные интересы по отношенію къ Кавказу требуютъ возможно широкаго развитія и примѣненія основныхъ началъ цивилизаціи, изъ которыхъ наиболѣе настоятельными и цѣлесообразными для преуспѣянія Кавказа и скорѣйшаго слiянія его съ Россіей представлялись ему слѣдующія: 1) проложеніе по краю желѣзныхъ дорогъ и соединеніе ихъ съ общей сѣтью таковыхъ въ государствѣ; 2) возможно большее распространеніе и упроченіе народнаго образованія между туземцами; учрежденіе въ этихъ цѣляхъ учительскихъ семинарій, а до введенія ихъ — основаніе возможно большаго числа начальныхъ училищъ съ преподаваніемъ въ нихъ на туземныхъ языкахъ; 3) расширеніе способовъ къ скорѣйшему и удовлетворительному устройству населенія въ поземельномъ отношеніи и, наконецъ, 4) улучшеніе личнаго состава и характера дѣятельности низшей администраціи. Этими взглядами опредѣляется и характеръ обширной дѣятельности С. въ качествѣ начальника главнаго управленія и ближайшаго сотрудника великаго князя Михаила Николаевича, и ими-то онъ всегда и руководствовался при своемъ прямомъ или косвенномъ участіи въ рѣшеніи вопросовъ, касавшихся гражданскаго управленія кавказскаго намѣстничества. Съ преобразованіемъ края и упраздненіемъ намѣстничества, С. былъ назначенъ сенаторомъ и въ этомъ званіи оставался до дня смерти. Скончался онъ въ Тифлисѣ, 11 марта 1884 г.

Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", вып. IV, Спб. 1889 г., стр. 83.—„Словарь кавказскихъ дѣятелей", Тифлисъ 1890 г., s. v.—„Русскій Инвалидъ", 1884 г., № 64. — „Московскія Вѣдомости", 1884 г., № 83.—„Современныя Извѣстія", 1884, № 82.—„Кавказъ", 1884 г., №№ 58, 60 и 70.—„Русскій календарь" А. С. Суворина на 1885 г., с. 270.

Ф. К.

Старцевы, *Маркъ* и *Степанъ*, два брата, костромскіе иконописцы, крестьяне, выучившіеся писать образа еще съ молодыхъ лѣтъ въ родной деревнѣ, гдѣ это занятіе являлось кустарнымъ промысломъ. Въ иконописи оба они оказали значительные успѣхи, и во второй четверти XVII в. были приглашены въ Москву, гдѣ приняли участіе въ иконописныхъ работахъ по реставрированію кремлевскаго Успен-

*

скаго собора, за что въ 1644 г. были удостоены царской награды.

Д. А. Ровинскій, „Исторія русскихъ школъ иконописи до конца XVII в.“, Спб. 1856 г., стр. 182.—Его же, „Обозрѣніе иконописанія въ Россіи до конца XVII в.“, Спб., 1903 г., стр. 164.—Забѣлинъ, „Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія“, Спб. 1856 г., стр. 9.

А. З.

Старцевъ, *Ананій Өедоровичъ*, врачъ, сынъ купца, родился въ 1798 г., воспитывался на казенный счетъ въ Петербургской медико-хирургической академіи, въ 1819 г. выпущенъ лекаремъ въ Житомірскій пѣх. полкъ и въ 1822 г. получилъ званіе штабъ-лекаря. Во время турецкой войны 1829 г. онъ работалъ въ одномъ изъ полевыхъ госпиталей. Врачебная дѣятельность С. въ строевыхъ войскахъ продолжалась до 1831 г., когда онъ перешелъ въ военный госпиталь въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ черезъ три года занялъ должность уѣзднаго врача, совсѣмъ оставивъ службу въ военномъ вѣдомствѣ. Въ 1838 г. онъ, однако, возвращается туда (въ Кіевскій военный госпиталь), а черезъ два года (1840) назначается главнымъ лекаремъ военно-временнаго госпиталя десантнаго отряда въ Турціи, гдѣ отъ султана получилъ золотую медаль. Съ 1841 г. С. служилъ въ Одесской городской больницѣ и затѣмъ въ нѣсколькихъ военныхъ госпиталяхъ, съ 1848 г. былъ старшимъ лекаремъ гусарскаго полка Паскевича, въ 1852 году уволенъ въ отставку. С. принадлежатъ слѣдующія печатныя работы: «О катаррѣ, катарральной лихорадкѣ и воспаленіи дыхательнаго горла» («Другъ Здравія», 1843 г., № 3); «Хроническое воспаленіе спинного мозга» (тамъ же, 1844 г., № 34); «Излеченіе скарлатины наружнымъ употребленіемъ сала» (тамъ же, 1855 г., № 2); «Излеченіе меркуріальнаго слюнотеченія съ гангренознымъ пораженіемъ слизистой оболочки рта у грудного дитяти» («Протоколы засѣд. общ. русск. врачей», 1857—58 гг., и въ «Medic. Zeitung Russlands», 1860); «Дитя, вылеченное отъ солитера употребленіемъ куссо» («Др. Здр.», 1858 г., № 41); «Укушеніе солдата змѣей» («Проток. засѣд. общ. русск. врачей», 1858—59 г.); «Сильное напряженіе блуждающихъ нервовъ отъ отраженія раздраженія спинного мозга въ периферическихъ отдѣлахъ нервной системы» («Др. Здр.», 1861 г., № 31).

Л. Ө. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, тетр. II, Спб. 1886 г., s. v.

Н. К—инъ.

Старцеръ, композиторъ второй половины XVIII в., родомъ изъ Пруссіи, гдѣ и получилъ музыкальное воспитаніе. При Елизаветѣ Петровнѣ С. былъ приглашенъ на русскую службу въ качествѣ придворнаго композитора и концертмейстера. Періодъ его музыкальной дѣятельности при русскомъ дворѣ совпалъ съ временемъ, когда русскій театръ вообще только-что вышелъ изъ зародышеваго состоянія и давалъ лишь первые ростки; въ частности же опера не играла еще никакой общественно-воспитательной роли и была достояніемъ исключительно придворныхъ сферъ и высшихъ аристократическихъ круговъ. Поэтому имя С. связано только съ музыкальными представленіями, дававшимися на придворномъ театрѣ. Изъ композицій С. извѣстны: прологъ «Новые лавры», написанный имъ къ одной изъ наилучшихъ оперъ того времени—«Альцестѣ» (муз. Раупаха, либретто Сумарокова), и музыка къ балету «Побѣда Флоры надъ Бореемъ», представленному на придворномъ театрѣ въ 1760 г. Кромѣ того С. управлялъ оркестромъ во время почти всѣхъ представленій, между прочимъ при постановкѣ итальянской труппой въ Зимнемъ дворцѣ (въ первые дни 1764 г.) оперы «Карлъ Великій», муз. Манфредини, соч. Лацарони. При Екатеринѣ II С. уѣхалъ на родину.

П. Араповъ, „Лѣтопись русскаго театра“, Спб., 1861 г. стр. 59, 81 и 126.—„Энциклопед. слов.“ Брокг. и Эфронъ, т. 31, s. v.

Старынкевичъ, *Николай Александровичъ*, сенаторъ, писатель и переводчикъ, род. въ 1784 года въ Шкловѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ, умеръ 1 ноября 1857 г.; свое образованіе началъ въ Шкловскомъ кадетскомъ корпусѣ, а закончилъ его въ Московскомъ университетѣ. На службу С. поступилъ въ 1801 г. въ канцелярію главноуправляющаго малороссійскими губерніями С. К. Вязмитинова, вмѣстѣ съ которымъ онъ 5 марта 1802 г. былъ переведенъ въ военную коллегію; здѣсь онъ оставался всего лишь до 3 февраля 1803 г., когда опредѣлился въ департаментъ министерства юстиціи. Въ октябрѣ 1805 г. онъ былъ командированъ за границу въ составѣ походной канцеляріи Н. Н. Новосильцова. Въ 1809 г. С. пе-

решелъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи и 20 февраля 1810 г. назначенъ правителемъ канцеляріи бѣлорусскаго военнаго губернатора герцога Александра Виртембергскаго; въ этой должности ему пришлось много бороться съ различными злоупотребленіями чиновниковъ въ Бѣлорусскомъ краѣ; особенной энергіи потребовало дѣло о неправильномъ распредѣленіи налоговъ по г. Витебску и относящейся къ нему губерніи.

Наступившая Отечественная война измѣнила родъ службы С.; въ эту годину онъ былъ директоромъ канцеляріи главнокомандовавшихъ 2-ю западною арміею, кн. П. И. Багратіона и гр. М. А. Милорадовича, а съ 25 декабря 1812 по 17 августа 1813 г. находился въ главномъ штабѣ М. И. Голенищева-Кутузова и Барклая де-Толли; кромѣ того онъ состоялъ при интендантѣ всѣхъ армій тайн. сов. Д. А. Рахмановѣ и, за болѣзнью генерала Маевскаго, замѣнялъ его при докладахъ у князя Волконскаго въ дѣйствующей арміи въ Дрезденѣ. По окончаніи военныхъ дѣйствій, С. былъ въ 1815 г. причисленъ къ военному министерству и отправленъ въ Парижъ, въ распоряженіе графа Воронцова. Этимъ назначеніемъ онъ воспользовался прежде всего для возстановленія своего здоровья, значительно расшатаннаго непрерывными походами, а затѣмъ занялся изученіемъ ланкастерской системы обученія чтенію, увлекся ею и дѣлалъ попытки примѣнить ее къ русскому языку, для чего имъ были составлены соотвѣтственныя таблицы. Впрочемъ, увлеченіе это вскорѣ было оставлено, послѣ долгихъ бесѣдъ съ посѣтившимъ его въ Парижѣ Н. И. Гречемъ. Тамъ же С. довольно близко сошелся съ гр. Михаиломъ Орловымъ, противъ котораго позже возникло дѣло о измѣнѣ; на основаніи своего знакомства съ нимъ С. сдѣлалъ важныя показанія въ его пользу, заявивъ, что Орловъ въ это время (1815—1817 гг.) совсѣмъ удалился отъ политики, интересовался искусствомъ, самъ бывалъ только у немногихъ высокопоставленныхъ русскихъ, жившихъ въ Парижѣ, и что онъ, С., видѣлъ въ Орловѣ лишь «чувство живѣйшей преданности къ особѣ Его Величества и не только не примѣтилъ замысловъ ко вреду престола и отечества, но не открылъ и помышленія о томъ». Изъ Парижа С. переселился въ Аахенъ, гдѣ одно время находился въ настолько печальныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, что его квартирная хозяйка за долги задержала его бумаги и въ ихъ числѣ рукопись еще нигдѣ ненапечатанной комедіи Фонвизина, о сохраненіи которой очень заботился А. И. Тургеневъ; въ письмахъ къ В. Жуковскому послѣдній говоритъ, что въ этой комедіи содержался родъ пророчества о французской революціи, а князь Вяземскій называетъ эту комедію «Гофмейстеръ». Съ 1819 г. С. временно былъ въ отставкѣ, но не переставалъ интересоваться дѣлами, поддерживалъ служебныя связи и принималъ иногда даже участіе въ разработкѣ разныхъ вопросовъ, напр., въ составленіи державшагося въ большомъ секретѣ доклада графа Берга о закрытіи монастырей въ Царствѣ Польскомъ. 5 окт. 1825 г. онъ вновь поступилъ на службу и первое время состоялъ въ распоряженіи гр. Новосильцева, занимавшаго постъ делегата русскаго правительства при совѣтѣ управленія Царства Польскаго, а позже, именно съ 13 декабря 1831 по 10 декабря 1834 г., былъ правителемъ канцеляріи варшавскаго верховнаго суда, «учрежденнаго для сужденія изъятыхъ изъ всепрощенія подданныхъ въ Царствѣ». Съ закрытіемъ этого суда С. былъ назначенъ членомъ правительственной комиссіи юстиціи Царства Польскаго и въ 1838 г. произведенъ въ дѣйствительные ст. совѣтники; въ февралѣ 1843 г. онъ назначается членомъ варшавскихъ департаментовъ сената, а въ 1844 г., 2 іюля,—сенаторомъ съ повышеніемъ въ тайные совѣтники.

Литературная дѣятельность С. выражается сотрудничествомъ его въ двухъ періодическихъ изданіяхъ: «Журналѣ любителей словесности», издававшемся въ началѣ XIX ст. Н. А. Остолоповымъ, и «Варшавскомъ Дневникѣ». Въ первомъ онъ напечаталъ переведенныя имъ съ англійскаго и французскаго языковъ нѣсколько незначительныхъ повѣстей; что же касается «Варшавскаго Дневника», то, послѣ преобразованія его изъ польскаго изданія въ русскій правительственный органъ, С. былъ однимъ изъ главныхъ руководителей его и помѣстилъ на его столбцахъ рядъ статей, касавшихся злободневныхъ вопросовъ объ отношеніяхъ русскихъ къ покоренному краю и нынѣ уже утратившихъ свое значеніе. Однако, литературную популярность онъ стяжалъ себѣ болѣе всего переводомъ

съ французскаго сантиментальнаго романа Амаліи Опи «Отецъ и дочь, или пагубныя слѣдствія обольщенія». Этотъ романъ, лейтмотивомъ котораго является любовь дѣвушки, ради удовлетворенія своей страсти отвергающей и кровныя узы, и семейныя обязанности, и общепринятую мораль,— романъ этотъ своими не совсѣмъ обычными въ то время идеями вызвалъ большую сенсацію, которую не могъ заглушить и его тривіальный эпилогъ: отступленіе отъ общепринятаго наказывается. Въ сравнительно короткій періодъ книга выдержала два изданія (1808 и 1815 гг.), успѣхъ для того времени выдающійся, тѣмъ болѣе, что доминирующимъ интересомъ въ эти бурные годы служила политика. Каждое изданіе было снабжено предисловіемъ С., въ которомъ онъ въ сжатыхъ выраженіяхъ давалъ характеристику романа. Въ «Дневникѣ» гр. Граббе подъ 14 марта 1858 г. имѣется любопытная характеристика С.: «Н. А. былъ однимъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени, хотя вовсе не многимъ былъ извѣстенъ. Его осторожный, скажу—робкій характеръ былъ тому причиною... Всесторонній его умъ и дружеская уживчивость были моимъ наслажденіемъ и, безъ сомнѣнія, были для меня полезны... Онъ прошелъ черезъ разнообразныя и нерѣдко тяжкія положенія, но практическій умъ его скоро выводилъ изъ нихъ. Онъ всегда умѣлъ сдѣлаться необходимымъ. Онъ въ разныя времена былъ при Сперанскомъ, Новосильцевѣ, гонимъ и посаженъ въ тюрьму цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, въ которой его и захватилъ варшавскій мятежъ. До взятія Варшавы онъ оставался въ плѣну. Князь Паскевичъ, котораго онъ по какому-то случаю училъ русской грамотѣ (и нельзя сказать, чтобы удачно), назначенный намѣстникомъ Польши, взялъ его къ себѣ и вывелъ въ сенаторы варшавскаго департамента, гдѣ онъ игралъ значительную роль, какъ замѣчательный юрисконсультъ... Удивляясь постоянному разладу его необыкновеннаго ума съ характеромъ, мнѣ случилось сказать ему: «Кабы твою голову на другія плечи, какой бы вышелъ человѣкъ!» С. умеръ холостякомъ, переживъ себя умственно и физически». Бутеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ изображаетъ С. «человѣкомъ умнымъ, веселымъ и неистощимымъ собесѣдникомъ, любившимъ жить въ свое удовольствіе». Друзья называли его «бедуиномъ, готовымъ раздѣлить послѣднее добро съ пріятелемъ, но и опорожнить его кошелекъ до дна за картами». Авторъ «Замѣтокъ изъ старой записной книжки» упоминаетъ о немъ, какъ о человѣкѣ съ изумительною памятью, цитировавшемъ цѣлыя страницы, талантливомъ собесѣдникѣ, рѣдкаго ума и даже прозванномъ «политическимъ фигаро».

„Русская Старина“ 1871 г., т. IV, стр. 347—[illegible] 1873 г., т. VIII, стр. 254; 1891 г., т. VII, стр. 197; 1893 г., т. II, стр. 346; 1902 г., т. X, стр. 160; 1903 г., т. VIII, стр. 441 (письма Тургенева и Жуковскаго); 1904 г., т. III, стр. 492 (Дубровинъ).—„Русск. Арх.“, 1871 г., стр. 268—[illegible] (Гречъ); 1873 г., стр. 853 (Граббе); 1874 г., стр. 202 („Старая записн. книжка“); 1881 г., стр. 78 (Бутеневъ); 1889 г., т. III, стр. 678—[illegible] (Гр. Граббе).—Остафьевскій Архивъ. т. II, прим. 592—593.—Госуд. Архивъ, т. XI, №1170 (личная записка С.).—„Сочин. К. Н. Батюшкова“, т. III, стр. 683.

М. Федорова.

Старынкевичъ, *Соломонъ Александровичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, братъ предыдущаго, происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Могилевской губерніи, род. въ 1803 г. Служебная дѣятельность его началась въ 1822 г., въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1828 г. онъ былъ опредѣленъ въ канцелярію гр. Новосильцева и назначенъ секретаремъ при графѣ. Находясь въ этомъ званіи, 17 ноября 1830 г., во время польскаго возстанія, С. былъ захваченъ въ плѣнъ и, подвергнутый заключенію, вынесъ довольно тяжелыя испытанія. За эту «вѣрность во время мятежа», какъ сказано въ его формулярѣ, позже, именно въ 1855 г., по Высочайшему указу, велѣно производить ему, доколѣ будетъ на службѣ, тотъ окладъ жалованья, который онъ получалъ въ 1830 г. при гр. Новосильцевѣ. По взятіи Варшавы русскими въ 1831 г., С. находился при князѣ Варшавскомъ, поручавшемъ ему исправленіе разныхъ административныхъ порученій и должностей. Въ 1839 г. С. состоялъ редакторомъ въ комитетѣ для составленія свода административныхъ законовъ Царства Польскаго и вслѣдъ за тѣмъ былъ назначенъ правителемъ канцеляріи и членомъ общаго присутствія правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ 1855 г. С. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занялъ должность старшаго чиновника въ канцеляріи статсъ-секретаріата Царства Польскаго. Назначенный вскорѣ директоромъ канцеляріи этого учрежденія, сн[illegible]

сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ министровъ статсъ-секретарей по преобразованіямъ въ Царствѣ Польскомъ и за отсутствіемъ министра неоднократно исполнялъ его обязанности. Въ послѣднее время онъ ослѣпъ на одинъ глазъ. Въ 1867 г. С. повелѣно было присутствовать въ сенатѣ: въ департаментѣ герольдіи постоянно, а въ первомъ департаментѣ— по дѣламъ, касающимся Царства Польскаго. Кромѣ того онъ исполнялъ должность статсъ-секретаря, управляющаго собственной канцеляріей Его Величества по дѣламъ Царства Польскаго. Скончался С. 7 января 1869 г.

„Иллюстрированная Газета", 1869 г., № 8. *Ф. К.*

Стасовъ, *Василій Петровичъ*, извѣстный архитекторъ, дѣйствит. статскій совѣтникъ, родился въ 1769 г., умеръ въ 1848 г. Послѣ солиднаго для своего времени домашняго образованія С. въ 1783 г. поступилъ на службу архитекторскимъ помощникомъ при московской управѣ благочинія. Въ 1794 г. онъ, по соображеніямъ, остающимися неизвѣстными, внезапно опредѣлился унтеръ-офицеромъ въ Преображенскій полкъ, но въ слѣдующемъ году вышелъ изъ него съ чиномъ поручика и вернулся къ прежней дѣятельности. Въ 1802 г. С., на средства Кабинета Его Императорскаго Величества, былъ отправленъ, для усовершенствованія въ архитектурѣ, во Францію, Англію и Италію. Насколько успѣшны были его занятія въ изучаемой имъ области искусства, видно изъ того, что въ 1807 г. онъ получилъ титулъ профессора академіи св. Луки въ Римѣ. По возвращеніи въ Россію, С. въ 1808 г. былъ опредѣленъ на службу въ собственный Его Императорскаго Величества Кабинетъ и почти непосредственно за этимъ признанъ Императорскою академіею художествъ назначеннымъ въ академики, «по извѣстнымъ его успѣхамъ въ архитектурѣ». Въ 1811 г., «по представленнымъ планамъ и фасадамъ памятника въ честь храбрыхъ россійскихъ воиновъ, скончавшихъ жизнь подъ Полтавою», С. былъ возведенъ въ званіе академика, а въ 1826 г. принятъ ею въ почетные вольные общники. Къ числу главнѣйшихъ работъ С. принадлежатъ: постройка по собственнымъ проектамъ зданія Императорскаго лицея при большомъ Царскосельскомъ дворцѣ (1811 г.), казармъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка на Царицыномъ лугу (1817 г.), зданій и церкви придворнаго Конюшеннаго вѣдомства (1817 г.), Нарвскихъ тріумфальныхъ воротъ (1827 г.), собора Спаса-Преображенія (1829 г.), Троицкаго собора въ Измайловскомъ полку (1835 г.) и Московскихъ тріумфальныхъ воротъ въ Петербургѣ. Ему принадлежитъ также созданіе Китайской деревни въ Царскосельскомъ дворцовомъ паркѣ (1818 г.), передѣлка нѣкоторыхъ частей Зимняго и Таврическаго дворцовъ (1819 г.), возстановленіе большого Царскосельскаго дворца послѣ пожара (1820 г.), довершеніе начатой Растрелли постройки собора всѣхъ учебныхъ заведеній (1835 г.), возобновленіе послѣ пожара одной половины Зимняго дворца (1839 г.) и др.

Некрологъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", 1848 г., № 105.—Некрологъ въ „Сѣверной Пчелѣ" 1848 г., № 192.—П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія", Спб., 1864—1866 гг.—Энциклопедическ. словарь Брокгаузъ—Ефронъ, s. v.—А. Новицкій, „Исторія русскаго искусства", М., 1899—1903 гг.—„Записки академика Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ", „Русская Старина", 1872 г., томъ V, № 1, стр. 16—32; № 2, стр. 159—192 и № 4, стр. 519-582.—Ю. Б. Иверсенъ, „Словарь медальеровъ и другихъ лицъ, имена которыхъ встрѣчаются на русскихъ медаляхъ", Спб., 1874 г.—„Записки Филиппа Филипповича Вигеля", изд. журнала „Русскій Архивъ", М., 1891—1893 г., томъ III, часть 5.—„Архивъ Брюлловыхъ", изд. редакціи журнала „Русская Старина", редакція и примѣчанія И. А. Кубасова, Спб., 1900 г. *В. Грековъ.*

Стафенгагенъ, *Иванъ Ивановичъ*, (Iohann-Lorenz Staffenhagen), писатель и переводчикъ, сынъ купца, род. въ 1728 г., обучался въ гимназіи при академіи наукъ латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ и рисованію «на своемъ коштѣ» и 11 апрѣля 1744 г. обратился съ просьбою о принятіи на службу при академіи; профессоръ Винсгеймъ, къ которому С. былъ посланъ для испытанія, далъ самый хорошій отзывъ о его способностяхъ и познаніяхъ (29 мая 1744), и онъ былъ опредѣленъ съ 21 апрѣля на службу копіистомъ при конференціи, а вскорѣ при архивѣ ся, получая по 48 р. въ годъ жалованья, которое 24 сентября 1746 г. было повышено до 120 р.; въ 1747 г. онъ значился «писцомъ при академическихъ профессорахъ», въ 1748 г. былъ канцеляристомъ и слушалъ лекціи проф. Штрубе по исто-

рін, въ 1751 г. назначенъ архиваріусомъ академіи, съ января 1752 г. велъ протоколы академическихъ засѣданій. Въ 1754—1758 гг. онъ переводилъ на нѣмецкій языкъ издаваемые академіею наукъ календари, въ 1760 хъ гг. принималъ участіе въ изданіи нѣмецкихъ «Академическихъ Вѣдомостей», а въ 1758 г. перевелъ прозою на нѣмецкій языкъ составленное Ломоносовымъ описаніе фейерверка, сожженнаго передъ домомъ графа Петра Шувалова; въ 1764 г. былъ изданъ (Спб.) сдѣланный имъ переводъ на нѣмецкій языкъ «Грамматики Россійской» Ломоносова (1755 г.), причемъ въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ и извѣстіяхъ о ученыхъ дѣлахъ» (1764 г., іюнь, стр. 550—551) появился похвальный отзывъ объ этомъ переводѣ «какъ по исправности онаго, такъ и по чистотѣ нѣмецкаго языка». Въ 1772 г. С. составилъ для академическаго календаря статью «Abriss einer allgemeinen Geschichte der Handlung und Schiffarth». Въ 1769—1778 гг. онъ, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, находился завѣдующимъ «вѣдомостною экспедиціей въ географическомъ департаментѣ Имп. академіи наукъ». Кромѣ указанныхъ работъ, ему принадлежитъ книга «Краткое руководство къ древней географіи, съ изъясненіемъ нынѣшняго состоянія извѣстныхъ въ древнія времена земель. Собрано изъ разныхъ авторовъ трудами имп. акад. наукъ архиваріуса Ив. Стафенгагена», изданіе академіи наукъ, съ 28 гравированными ландкартами, Спб. 1753 г.; книга эта составлена по сочиненіямъ Хр. Целлярія и Ф. Клуверія; въ 1788 г. въ Спб. вышло 2-е ея изданіе, а въ 1813 г.—3-е; всѣ изданія—въ 4°. С. умеръ въ 1784 г.

„Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ", т. VII—X.— „Протоколы засѣданій Конференціи Имп. Академіи Наукъ", т. II и III, Спб. 1899 - 1900 г.—П. Пекарскій, „Исторія Имп. Академіи Наукъ", т. II.—Билярскій, „Матеріалы для біографіи Ломоносова".—„Сочиненія Ломоносова", подъ ред. М. Сухомлинова, т. IV, Спб. 1898, прим., стр. 37, 38. — Мѣсяцословы 1770 — 1778. гг. — Митр. Евгеній, „Словарь свѣтск. писателей", т. II, стр. 178.—И. Губерти, „Матеріалы для рус. библіографіи", т. I, № 80. Я. Березинъ-Ширяевъ, „Дополнит. матер. для библіографіи", стр. 95. — „Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ.", т. 62, стр. 300.—Сопиковъ, „Опытъ росс. библіографіи" (по указат.).

Б. Гарскій.

Стафопуло, *Анастасій Николаевичъ*, контръ-адмиралъ; въ 1843 г. поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, по окончаніи курса въ которомъ (1847 г.) былъ произведенъ въ мичмана, а затѣмъ на фрегатахъ «Церера» и «Константинъ», корабляхъ «Владиміръ» и «Андрей», транспортѣ «Волга», шхунахъ «Стрѣла» и «Метеоръ» и брандвахтенномъ тендерѣ «Лебедь» между 1846—1853 гг. несъ службу и совершалъ обычныя ежегодныя плаванія въ Балтійскомъ морѣ. Произведенный въ 1853 г. въ лейтенанты, онъ на корветѣ «Наваринъ» отправился въ кругосвѣтное плаваніе, но корветъ въ Нѣмецкомъ морѣ потерпѣлъ аварію, и С. принужденъ былъ возвратиться въ Кронштадтъ. Въ 1859—1860 гг., состоя старшимъ офицеромъ на корветѣ «Волъ», С. на немъ совершилъ переходъ изъ Кронштадта въ Средиземное море и посѣтилъ рядъ западно-европейскихъ портовъ. Прикомандированный въ 1864 г. къ конторѣ С.-Петербургскаго порта, онъ усердно принялся за изученіе его хозяйства и черезъ 2 года былъ назначенъ помощникомъ капитана этого порта. Въ 1870 г. С. былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга, въ 1873 г.—въ капитаны 1 ранга. Завѣдуя между 1876—1879 гг. петербургскимъ Новымъ адмиралтействомъ, онъ ввелъ значительныя улучшенія въ этомъ учрежденіи. Въ 1885 г. С. былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и по разстроенному здоровью уволенъ въ отставку. Умеръ онъ 27 августа 1888 г. За время службы былъ награжденъ рядомъ знаковъ отличія, въ томъ числѣ орденами Анны 2-ой ст. и Владиміра 3-ей ст.

„Общій морской списокъ", ч. XI, Спб., 1900, стр. 605—606.—Ф. Веселаго, „Очерки исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ", Спб., 1852 г.

К. Р—овъ.

Стахіевъ, *Александръ Стахіевичъ*, посланникъ въ Константинополѣ, сынъ священника церкви Знаменія въ Сарской мызѣ Имп. Екатерины I, родился 5 августа 1724 г.; въ 1744 г. поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и въ 1745 г. причисленъ къ миссіи въ Стокгольмѣ, гдѣ служилъ сперва при баронѣ Люберасѣ, потомъ при баронѣ Корфѣ, а съ 1748 г.—при графѣ Н. И. Панинѣ, которому онъ и обязанъ своимъ служебнымъ опытомъ вообще и дипломатическимъ въ

частности. Въ 1758—1775 гг. былъ совѣтникомъ посольства и (съ 1764 г.)—резидентомъ въ Стокгольмѣ; 23 ноября 1775 г. былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Константинополь, гдѣ въ 1778 г. онъ едва не погибъ во время вспыхнувшихъ тамъ волненій; въ 1779 г. С. много содѣйствовалъ для подготовки присоединенія Крыма къ Россіи и добился разрѣшенія свободнаго плаванія для русскихъ судовъ по Черному морю; за эти труды Императрица Екатерина пожаловала ему (1779 г.) 1.000 душъ въ Бѣлоруссіи и орденъ св. Станислава. Отозванный изъ Константинополя 21 января 1781 г. Высочайшимъ указомъ и замѣщенный Я. И. Булгаковымъ, С. получилъ на подъемъ 4.000 р. и впредь до опредѣленія «къ другому дѣлу»—по 2.000 р. въ годъ. Булгаковъ прибылъ въ Константинополь 27 іюля, но С. выѣхалъ лишь 9 октября. Въ 1784—1793 гг. онъ числился «не у дѣлъ» въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а въ 1792 г. былъ предводителемъ дворянства въ г. Рожественѣ (нынѣ упраздненномъ) С.-Петербургской губерніи. 1-го февраля 1785 г. С., по предложенію княгини Е. Р. Дашковой, былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, каковымъ состоялъ до своей смерти, послѣдовавшей 11 или 12 апрѣля 1794 г. Съ 29 октября 1782 г. по апрѣль 1784 г. С. былъ русскимъ секретаремъ Вольнаго экономическаго общества. Много писемъ его напечатано въ трудѣ Н. Ѳ. Дубровина «Присоединеніе Крыма къ Россіи», т. I–IV, Спб. 1885—1889 г., и въ «Чтеніяхъ Моск. общ. ист. и древн. Росс.» 1876 г., кн. I.

Сынъ С. отъ брака его съ Хіоніей Григорьевной Демидовой — *Александръ Александровичъ Стахіевъ* (р. 13 іюля 1764 г.) тоже служилъ по дипломатической части, въ 1779 г. находился при отцѣ въ Константинополѣ, въ 1790 г. получилъ чинъ надв. сов. и состоялъ при чрезвычайномъ посланникѣ и полномочномъ министрѣ въ Копенгагенѣ; находясь здѣсь секретаремъ при бар. Криденерѣ, С. влюбился въ жену его, извѣстную баронессу Криденеръ, которая подъ вліяніемъ этого эпизода написала свой извѣстный романъ «Valérie», выведя въ немъ С. и исторію его увлеченія. Умеръ онъ 24-го марта 1819 г. чинѣ колл. совѣтника, который получилъ въ 1797 г.

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родосл. книга“, т. II, Спб. 1895, стр. 252.—Справ. энциклоп. словарь, подъ ред. Старчевскаго, т. IX, ч. 2, Спб. 1855, стр. 555—556. — Мѣсяцословы и Адресъ-календари.—„Сочиненія и переводы Росс. Академіи“, III, 2, 78.—М. Сухомлиновъ, „Исторія Росс. Академіи“, т. I.—А. Ходневъ, „Исторія Имп. Вольно-Экономич. Общества“, Спб. 1865, стр. 647.—Н. Ѳ. Дубровинъ, „Присоединеніе Крыма къ Россіи“, т. I—IV.—„Архивъ кн. Воронцова“, т. VII, XIII, XVI, XXVI.—Н. И. Григоровичъ, „Канцлеръ кн. Безбородко“.—„Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.“, т. 27, 47, 57, 67, 87, 118.—„Русск. Арх.“, 1885, I, 306, 307, 1890, III, 147.—„Русск. Стар.“, 1873, т. VIII, стр. 721, 722. *Б. Гарскій.*

Стаховичъ, *Михаилъ Александровичъ*, собиратель образчиковъ народнаго творчества, поэтъ и переводчикъ, происходилъ изъ старинной семьи орловскихъ дворянъ, родился въ 1819 г. въ орловскомъ имѣніи отца, богатаго елецкаго помѣщика; воспитывался первоначально дома, подъ надзоромъ гувернера-француза, затѣмъ былъ отвезенъ въ Москву, гдѣ приготовлялся для поступленія въ университетъ. Въ сентябрѣ 1837 г., выдержавъ удовлетворительно экзаменъ, онъ поступилъ на словесный факультетъ и окончилъ его кандидатомъ въ 1841 г. Послѣ этого С. вернулся къ отцу въ деревню и здѣсь прожилъ около двухъ лѣтъ, развлекаясь поѣздками въ Москву и въ Орелъ, а также занимаясь литературными опытами и музыкой, которую хорошо зналъ и очень любилъ. Въ началѣ 1844 г. ему удалось выхлопотать себѣ разрѣшеніе на поѣздку за границу. Объѣхавъ Германію, Швейцарію, Италію и проживъ въ этихъ странахъ нѣсколько лѣтъ, С., по возвращеніи въ Россію, поселился въ одной изъ своихъ елецкихъ деревень, гдѣ и жилъ до самой смерти, близко соприкасаясь съ народомъ, интересамъ котораго былъ горячо преданъ, и посвящая свободное время литературнымъ занятіямъ. Одно время онъ былъ уѣзднымъ елецкимъ предводителемъ дворянства. Смерть его, послѣдовавшая въ концѣ 1858 г., носила трагическій характеръ: онъ былъ убитъ, съ цѣлью грабежа, своимъ бурмистромъ.

Заинтересовавшись народной поэзіей и народной музыкой, С. сталъ тщательно собирать и записывать образцы этого творчества и въ 1854 г. издалъ «Собраніе русскихъ народныхъ пѣсенъ» (четыре тетради), причемъ имъ самимъ была аранжирована и музыка для фортепіано и 7-ми

струнной гитары. По поводу этой аранжировки Ап. Григорьевымъ въ «Москвитянинѣ» была помѣщена критическая статья. Въ общемъ отнесшись благосклонно къ опытамъ С., авторъ статьи, однако, указывалъ на рядъ серьезныхъ дефектовъ въ нихъ; по этому поводу С. возражалъ на страницахъ того же журнала («Москвитянинъ» за 1855 г. № 6). Тѣмъ не менѣе Ап. Григорьевъ въ 1860 г. въ статьѣ «Русскія народныя пѣсни» повторилъ свои обвиненія («Отечественныя Записки» за 1860 г. №№ 4 и 5). Какъ поэтъ С. обладалъ довольно незауряднымъ талантомъ. Первымъ напечатаннымъ его стихотвореніемъ была пьеса «12 января 1855 года», помѣщенная въ 1-ой книжкѣ «Москвитянина» за 1855 годъ. Затѣмъ въ №№ 3, 6, 7, 8 того же журнала и за тотъ же годъ были помѣщены три его стихотворенія: «Праздникъ», «Москва въ 1855 году» и «Воля», а также художественныя сцены изъ народной жизни «Ночное», пользующіяся большою и вполнѣ заслуженною извѣстностью и по сіе время. Съ 1855 г. стихотворенія С. начинаютъ появляться въ «Современникѣ», въ 3-ей и 5-ой книжкѣ котораго напечатаны «Дѣдушкинъ садъ» (лучшее изъ его произведеній) и «Пѣсня къ милой» (изъ Гёте). Стихотворенія эти, отличающіяся неподдѣльной простотой и искренностью, были тепло встрѣчены печатью, которая отмѣтила въ нихъ авторѣ несомнѣнное дарованіе. Кромѣ «Пѣсни къ милой» С. перевелъ и много другихъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ. Въ слѣдующемъ 1856 г. въ «Русской Бесѣдѣ» появились 4 новыхъ его стихотворенія: «Пѣсня», «Пѣснь юности», «Вечерняя пѣсня» и «Степи», а въ 1858 г. вышли въ свѣтъ отдѣльной книжкой 2 главы его повѣсти (въ стихахъ) «Былое», считающейся однимъ изъ наиболѣе слабыхъ его произведеній; наконецъ въ 1860 г. были напечатаны: «Ночное» (отд. изданіемъ) и сцены «Святки». Извѣстны также его воспоминанія о П. В. Кирѣевскомъ. Послѣ смерти С. осталось нѣсколько неоконченныхъ произведеній въ прозѣ и въ стихахъ. По своимъ убѣжденіямъ и дѣятельности С. принадлежалъ къ кружку такъ называемой «молодой редакціи» «Москвитянина». С. В. Максимовъ въ своихъ воспоминаніяхъ о П. И. Якушкинѣ говоритъ о С., какъ о человѣкѣ въ высшей степени добромъ и симпатичномъ.

Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, Т. XXXIa, стр. 520—521.—Большая Энциклопедія, Т. XXVIII, стр. 6.—„Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно“, сост. А. В. Мезіеръ, часть II, дополненія и поправки къ отдѣлу II, стр. 508.—„Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“, сост. Ник. Вас. Гербель, стр. 431 и 432.—„Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, біографическій очеркъ С. В. Максимова“ („Сочиненія Якушкина“), стр. XIII—XVI.

В. К.

Сташицъ, *Станиславъ*, директоръ комиссіи промышленности и искусствъ въ Царствѣ Польскомъ при Александрѣ I, писатель по государственно-экономическимъ вопросамъ и общественный дѣятель, родился въ 1755 г., въ небольшомъ городкѣ Великопольши, Пилѣ, гдѣ отецъ его былъ бургомистромъ. Матеріально довольно хорошо обезпеченный, С. въ юношескіе годы много путешествовалъ по Западной Европѣ, подолгу жилъ въ такихъ умственныхъ центрахъ, какъ Лейпцигъ и Геттингенъ, гдѣ въ мѣстныхъ университетахъ занимался естественными науками и особенно геологіею, для практическаго изученія которой предпринималъ неоднократныя экскурсіи по Альпамъ и Апеннинамъ. Изъ нѣмецкихъ государствъ онъ переѣхалъ въ Парижъ и тамъ близко сошелся съ энциклопедистами, сдѣлался горячимъ поклонникомъ Ж.-Ж. Руссо и проникся республиканскими идеями его «Общественнаго договора». Догматическій республиканизмъ творца «Contrat social» С. въ значительной мѣрѣ сохранилъ на всю свою жизнь, несмотря на то, что политическіе взгляды его впослѣдствіи измѣнились, и онъ сдѣлался сторонникомъ наслѣдственности польскаго престола, что должно было, по его мнѣнію, повести къ болѣе устойчивой государственной жизни Польши. По возвращеніи въ 1782 г. изъ-за границы, онъ попалъ въ домъ къ польскому Ликургу, Андрею Замойскому, который поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей и пригласилъ преподавателемъ французской словесности въ Замосцской академіи. Пользуясь архивомъ академіи, С. усердно занялся изученіемъ исторіи своего отечества; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ домашній учитель у Замойскаго, находясь въ постоянномъ общеніи съ сотрудниками послѣдняго по составленію кодекса, онъ заимствовалъ отъ нихъ взгляды на состояніе Польши и ближайшія ея политическія задачи. Вовлеченный въ кругъ политическихъ интересовъ своей страны, С. все передуманное имъ по этому поводу изложилъ въ аноним-

номъ памфлетѣ «Uwagi nad Zyciem I. Zamoyskiego» (Warszawa 1785 г.). Въ этомъ безпорядочно написанномъ памфлетѣ С. далъ квинтъ-эссенцію своихъ республиканскихъ, вѣрнѣе демократическихъ взглядовъ, категорически высказываясь за гражданское равноправіе, учрежденіе постояннаго сейма, уничтоженіе liberum veto и прочее; прошлое Польши, и особенно эпоху Стефана Баторія, онъ обрисовывалъ самыми радужными красками и ставилъ его въ примѣръ современникамъ. «Это возведеніе великаго, свободнаго республиканскаго прошлаго—говоритъ В. Д. Спасовичъ,—въ непрестанно созерцаемый идеалъ сообщало памфлету чарующую силу; оно выдѣляло Сташица изъ числа тѣхъ заурядныхъ революціонеровъ, которые все въ прошломъ закидывали грязью». Первое выступленіе С. на литературно-политической аренѣ имѣло шумный успѣхъ: его книга вызвала свыше 20 отвѣтовъ, породила цѣлую литературу. Вскорѣ послѣ этого собравшійся четырехлѣтній сеймъ сталъ осуществлять реформы, которыя проповѣдывалъ С. Но послѣдній не могъ принимать въ работахъ сейма непосредственнаго участія, не могъ быть выбранъ въ число членовъ его, такъ какъ принадлежалъ къ мѣщанскому званію, по законамъ же Рѣчи Посполитой только лица дворянскаго происхожденія имѣли право участія въ государственной жизни страны. Чтобы обойти это препятствіе къ активной политической дѣятельности, которой С. хотѣлъ себя посвятить, онъ принялъ санъ священника, хотя не чувствовалъ къ этому никакого призванія и даже отказался отъ предложеннаго ему прихода. Съ цѣлью оказать хоть нѣкоторое вліяніе на работы сейма, онъ въ 1790 г. выпустилъ въ свѣтъ книгу: «Prsetrogi dla Polski terazniejszych politycznych Europy zwiazkow isprav. natury wypadajace». Она представляетъ собой не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе мыслей, высказанныхъ имъ въ первомъ, анонимномъ памфлетѣ. Но въ ней его политическіе взгляды получили болѣе послѣдовательное и ясное выраженіе. Слѣдующими словами характеризуетъ эти взгляды В. Д. Спасовичъ: «Сташицъ республиканецъ, но еще болѣе патріотъ, выше всего онъ ставитъ бытіе своей націи: сперва народъ, потомъ свобода, сперва жизнь, потомъ удобства». Когда Тарговицкая конфедерація прекратила дѣятельность четырехлѣтняго сейма, С. уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ, благодаря счастливымъ финансовымъ операціямъ, составилъ себѣ значительное состояніе. Эти средства по возвращеніи С. въ Польшу дали ему возможность осуществить въ небольшомъ масштабѣ на дѣлѣ то, сторонникомъ чего до тѣхъ поръ онъ являлся въ своихъ памфлетахъ. Въ 1801 г. онъ купилъ обширную волость (Грубешовскую) въ Люблинскомъ воеводствѣ, привелъ ее въ благоустроенное состояніе и освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, подаривъ имъ всѣ помѣщичьи грунты; признавая за народнымъ образованіемъ одну изъ главнѣйшихъ основъ процвѣтанія націи, онъ устроилъ рядъ народныхъ школъ и основалъ въ Кѣльцахъ политехническій институтъ съ агрономическимъ отдѣленіемъ; не меньше вниманія удѣлялъ онъ и развитію промышленности въ странѣ: будучи хорошо знакомъ съ горнымъ дѣломъ, открылъ мѣдные рудники, устроилъ заводы—мѣдные и цинковые, мрамороломню въ Хенцинахъ, Кѣлецкой губерніи, выписалъ спеціалистовъ по горному дѣлу, проводилъ мощеныя дороги, строилъ мосты и пр. Наконецъ на его средства былъ воздвигнутъ Торвальдсеномъ за 70 тысячъ злотыхъ памятникъ Николаю Копернику въ Варшавѣ, передъ зданіемъ общества «Друзей науки». Вмѣстѣ съ тѣмъ С. высоко поднялся по лѣстницѣ государственной іерархіи. Въ эпоху Варшавскаго великаго герцогства онъ былъ назначенъ членомъ эдукаціонной палаты, состоялъ референдаріемъ и предсѣдательствовалъ съ 1808 г. въ обществѣ «Друзей науки»; былъ почетнымъ статсъ-министромъ, засѣдающимъ въ совѣтахъ государственномъ и административномъ и членомъ комиссіи просвѣщенія и исповѣданій. Когда же было организовано Царство Польское, онъ въ 1815 г. назначенъ былъ директоромъ комиссіи промышленности и искусствъ. Къ концу своей жизни, послѣ всего того, что пережила Польша во время нашествія Наполеона и Отечественной войны, С. сдѣлался панславистомъ и сторонникомъ Александра I-го, какъ возстановителя Польши; въ единеніи съ Россіей онъ видѣлъ благо польской народности, исходъ изъ ея тяжелаго историческаго положенія. Умеръ С. въ Варшавѣ, въ 1826 г.

Литературныя, а частью политическія произведенія С., за небольшими исключе-

ніями, собраны имъ и изданы въ 9-ти томахъ подъ названіемъ: «Dzila Stanislawa Staszica» (Warszawa, 1815—21 г.). Въ послѣднихъ трехъ томахъ помѣщена его дидактическая поэма «Ród ludski» (изд. также отдѣльно, Warsz., 1819—20 гг.) Изъ другихъ его трудовъ, главнымъ образомъ научныхъ, извѣстны: «Carta geologica totius Poloniae, Moldawiae, Transilvaniae, et partis Hungariae et Valachiae» (1806 г.); «Coup d'eoil pour la statistique de la Pologne» (Varsovie, 1807 г.); «O statystyci polski» (Warsz., 1870 г.), «Do sejmu» (Warsz., 1808 г.); «O siemiorodstwie gór dawnej Sarmacyi opozniej Polski» (Warsz., 1805 г.). «Do zejmu. Co sie z nami stanie» (Warsz., 1809 г.); «Po zdobyzin Krakowa przez wojska polskie w r. 1809» (Warsz., 1816 г.); «O orfografii» (Warsz., 1814 г.); «Radcy stanu szlonko dur edukacyi narod» (Lipc., 1814 г.); «Ostatnie do wspólrodaków słowo» (Warsz., 1814 г.); «O ziemiorodstwie Karpatow i innych gór i rownin Polskich» (Warsz., 1815 г.); «Zagajenia posiedzeń» (Waısz., 1816 г.), Многія его статьи и замѣтки помѣщены въ «Roeznikach Towarzystwa Pliaciól Nauk».

А. Н. Пыпинъ и В. Д. Спасовичъ, „Исторія славянскихъ литературъ", Спб., 1881 г., 2-е издан., стр. 583—586, 600 и 1105.—Брокгаузъ и Эфронъ, „Энциклопедическій словарь", полут. 62, Спб., 1901 г., стр. 536.—„Большая Энциклопедія", томъ 18, Спб., 1903 г., стр. 8.—В. Ламанскій, „Евреи и нѣмцы въ Привислинскомъ краѣ", „Русскій Вѣстникъ", 1879 г., № 3, ст. 371.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія", т. I, Спб., 1890 г., №№ 8.868, 8.869.—D-r T. L. Rieger, „Slovnik naučny", томъ 8, Praze, 1868 г. стр. 976—77.—„Ottuv slovnik naučny", т. XXIV, Praze, 1905 г., стр. 6—„Encyklopedyja powszechna", т. XXIV, Warszawa, 1866 г., стр. 14–17.—S. Orgelbrand, „Encyklopedyja powszechna", т. XIV, Warsz., 1903 г., стр. 61—62.—K. Estreicher, „Bibliografia polska, XIX stólecia", томъ IV, Kraków, 1878 г., dopoln. т. II.—T. Korzon, „Staszic, jaco historizof", „Kwart. Hist", 1887 г.—„A. Kuliczokowski, „Zarys dziejów literat. polskiej", 1884 г., стр. 284—89.—I. Wojewodski, „Stanisław Staszic", Warszawa, 1879 г.—Wlad. Zawadski, „Stanisław Staszic, szkic biograficzny", Lwów, 1860 г.—J. U. Niemcewicz, „Obraz zycia i czynow Stanisława Staszica", 1827 г.—Zupański, „Uwagi nad politycznem, naukowem i filantropijnem dzialaniem Stanisława Staszica", Poznań, 1873 г.—Jòsef Szujski, „Stanisław Staszic, jako pisarz polityczni" въ „Roztzasoniach i opowiadaniach historycznych", Kraków, 1876 г.—M. Glüksberg, „St. Staszic", въ журналѣ „Niwia", 1875 г.—K. Poromyk, „O ksiendzu Stanisławie Stazicu", Warsz., 1875 г.—I. Goldszmit, „Dobroczyńca ksiendzu St. Staszica", Warsz., 1881 г.—Fr. Gasiorowski, "Na sgon St. Staszica".

А. Заринъ.

Стеблинъ-Каменскій, *Павелъ Степановичъ*, писатель въ повременныхъ изданіяхъ, родился въ 1782 г. въ Золотоношскомъ уѣздѣ, ум. въ 1856 г. Съ 1798 г. и по 1837 г. служилъ въ Полтавѣ въ различныхъ вѣдомствахъ; былъ членомъ строительной комиссіи и въ качествѣ таковаго принималъ дѣятельное наблюденіе за всѣми постройками новыхъ казенныхъ зданій почти со времени открытія Полтавской губерніи; подъ его же ближайшемъ надзоромъ возведенъ между прочимъ «Памятникъ Полтавской побѣды»; долгое время служилъ непремѣннымъ членомъ приказа общественнаго призрѣнія. С.-Каменскій былъ лучшимъ другомъ извѣстнаго малороссійскаго поэта И. П. Котляревскаго, на могилѣ котораго на свои средства поставилъ памятникъ. Въ свое время пользовался въ Малороссіи извѣстностью, какъ авторъ многихъ болѣе или менѣе значительныхъ по содержанію и объему статей, разбросанныхъ въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ.

„Біографическій указатель уроженцевъ Полтавской губерніи" („Памятная книжка Полтавской губ. на 1865 и 1866 гг." стр. 461).

Стеблинъ-Каменскій, *Степанъ Павловичъ*, сынъ предыдущаго, полтавскій педагогъ и писатель, родился въ Полтавѣ 26 апрѣля 1814 г., умеръ тамъ же 17 декабря 1886 г. Первоначальное образованіе С.-Каменскій получилъ въ домѣ своихъ родителей, а затѣмъ воспитывался въ полтавской гимназіи. Въ декабрѣ 1832 г. онъ поступилъ на службу въ полтавскій приказъ общественнаго призрѣнія, но такъ какъ эта служба не соотвѣтствовала его наклонностямъ, онъ менѣе чѣмъ черезъ три года оставилъ ее, выдержалъ экзаменъ на званіе учителя и съ этого времени всецѣло посвятилъ себя педагогической дѣятельности, на поприщѣ которой трудился пятьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ перерывомъ. 7 августа 1835 г. С.-Каменскій былъ назначенъ учителемъ русскаго языка въ Золотоношское уѣздное училище, а въ декабрѣ 1837 г. былъ перемѣщенъ учителемъ русскаго же языка въ Полтавскую мужскую гимназію. Вскорѣ онъ пріобрѣлъ репутацію хорошаго и трудолюбиваго педагога и сталъ получать приглашенія на

уроки какъ въ частныхъ домахъ, такъ и въ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, въ сентябрѣ 1839 г. его пригласили давать уроки въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, въ которомъ онъ въ различное время преподавалъ географію, ариѳметику и русскій языкъ. Кромѣ того, онъ въ то же самое время давалъ уроки въ нѣсколькихъ частныхъ пансіонахъ (Плоховой, Дейнекиной, Гаевскаго, а нѣсколько позже у Ганнота и Оливари). Въ 1852 г. С.-Каменскій, сильно заболѣвъ, принужденъ былъ оставить службу и вышелъ въ отставку. Когда въ августѣ 1860 г. было открыто «Полтавское женское училище 1-го разряда» (переименованное въ 1870 г. въ «Маріинскую женскую гимназію»), С.-Каменскій поступилъ въ нее преподавателемъ русскаго языка и оставался въ этой должности двадцать пять лѣтъ, до новой отставки въ сентябрѣ 1885 г. Въ теченіе первыхъ шести лѣтъ (съ 1860 по 1866 гг.) онъ преподавалъ свой предметъ безвозмездно и только съ 1866 г. сталъ получать жалованье. Въ 1862 г. С.-Каменскій былъ снова приглашенъ въ институтъ благородныхъ дѣвицъ. За свои усердные педагогическіе труды онъ неоднократно получалъ награды и изъявленія Высочайшаго благоволенія. Помимо должностей преподавателя въ указанныхъ учебныхъ заведеніяхъ онъ состоялъ дѣлопроизводителемъ попечительнаго совѣта женской гимназіи, казначеемъ и смотрителемъ ея зданія (съ 1866 г.), а также казначеемъ въ мѣстномъ управленіи Россійскаго общества Краснаго Креста. Въ теченіе многихъ лѣтъ С.-Каменскій состоялъ сотрудникомъ «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ печаталъ статьи (преимущественно общественнаго и педагогическаго характера) и стихи (религіознаго содержанія или приноровленные къ опредѣленному событію). Изъ его статей, число которыхъ весьма значительно, назовемъ: «Біографическій очеркъ жизни Ивана Петровича Котляревскаго» («Сѣверная Пчела» 1839 г., № 146), «Воспоминаніе объ И. П. Котляревскомъ» («Полтавскія Губернскія Вѣдомости» 1866 г., № 45); «Столѣтній юбилей И. П. Котляревскаго» («Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости» 1869 г., № 17); «Старинный колоколъ въ Полтавѣ» (замѣтка въ «Русской Старинѣ» 1876 г., т. XVII, стр. 389—390). Въ «Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1885 г. былъ помѣщенъ рядъ религіозныхъ стихотвореній С.-Каменскаго: «Вечерняя молитва», «Благовѣщеніе», «Изъ великаго Канона», «Поклоненіе Кресту», «Похвальная суббота».

„Степанъ Павловичъ Стеблинъ-Каменскій“, біографическій очеркъ В. Д., „Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1886 г., № 4, стр. 137—148.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, выпускъ V, s. v. *В. Грековъ.*

Стевенъ, *Христіанъ Христіановичъ*, извѣстный ботаникъ, садоводъ и энтомологъ, докторъ медицины, главный инспекторъ шелководства, инспекторъ сельскаго хозяйства южной Россіи и директоръ Никитскаго сада въ Крыму, род. 19 (30) января 1781 г. въ Фридрихсгамѣ, городкѣ Выборгской губерніи, гдѣ отецъ его служилъ таможеннымъ инспекторомъ. Первоначальное образованіе получилъ въ народномъ училищѣ въ Фридрихсгамѣ, а въ 1792 г. поступилъ въ Абосскій университетъ, гдѣ занимался изученіемъ древнихъ языковъ и медицинскихъ наукъ. Въ 1795 г. С. былъ принятъ въ Петербургское лекарское училище (у Калинкина моста), впослѣдствіи присоединенное къ медико-хирургической академіи, и пробылъ тамъ два года, занимаясь медициной и ботаникой. Затѣмъ онъ отправился въ Іену (1797 г.), гдѣ слушалъ на медицинскомъ факультетѣ знаменитыхъ въ то время Гуфеланда и Людера, но въ слѣдующемъ 1798 г., вслѣдствіе повелѣнія императора Павла I, долженъ былъ вмѣстѣ съ остальными русскими студентами вернуться въ Россію и поступилъ въ С.-Петербургскій сухопутный госпиталь, гдѣ нѣсколько профессоровъ временно, до учрежденія медико-хирургической академіи, читали лекціи по медицинскимъ наукамъ. Въ 1799 г. онъ выдержалъ экзаменъ въ медико-хирургической академіи и по представленіи сочиненія: «Specilegium plantarum cryptogamarum» («О тайнобрачныхъ растеніяхъ», неиздано) былъ удостоенъ степени доктора медицины и опредѣленъ врачемъ въ С.-Петербургскій сухопутный госпиталь (12 октября 1799 года). Вскорѣ С. однако оставилъ свои занятія медициной. Еще въ Або онъ усердно занимался естественными науками, особенно ботаникой и энтомологіей, продолжая удѣлять не мало времени этимъ предметамъ въ бытность въ Германіи и затѣмъ и въ

Петербургѣ. Здѣсь онъ познакомился съ барономъ маршаломъ фонъ Биберштейномъ, главнымъ инспекторомъ шелководства на Кавказской линіи, и принялъ предложенное ему мѣсто помощника инспектора шелководства. Въ мартѣ 1800 г. онъ оставилъ свою службу въ госпиталѣ и въ апрѣлѣ, вмѣстѣ съ Биберштейномъ, выѣхалъ изъ Петербурга. Проведя нѣсколько недѣль въ Москвѣ у извѣстнаго въ то время ботаника Стефани, они отправились внизъ по Волгѣ и Тереку и, послѣ продолжительнаго путешествія, во время котораго ими были собраны значительныя ботаническія и энтомологическія коллекціи, прибыли въ Кизляръ. Въ августѣ того же года они отправились дальше и въ Георгіевскѣ встрѣтились съ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, отправившимся на Кавказъ для изслѣдованія тамошнихъ минеральныхъ источниковъ. При его содѣйствіи они обслѣдовали сѣрнистые источники въ Константиногорскѣ и источникъ Нарзанъ. Путешествіе это могло состояться лишь подъ сильнымъ конвоемъ и имѣло тѣмъ большее значеніе, что со времени Палласа (1793 г.) ни одинъ ученый не посѣтилъ этихъ мѣстъ. 3 года оставался С. на Кавказской линіи, проводя зиму въ Кизлярѣ или Георгіевскѣ, а лѣто — въ непрерывныхъ поѣздкахъ по службѣ въ различныя мѣста нынѣшней Ставропольской губерніи и къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, которыя начинали въ то время уже пріобрѣтать значительную извѣстность. 15 іюня 1803 г. состоялось назначеніе С. на ту же должность въ Грузію (незадолго передъ тѣмъ присоединенную къ Россіи), куда онъ и отправился въ апрѣлѣ 1804 г. Здѣсь онъ очутился лицомъ къ лицу передъ богатѣйшей и разнообразнѣйшей растительностью, въ научномъ отношеніи почти совершенно не изслѣдованной, несмотря на труды Турнефорта, Буксбауена, Гмелина и Гюльденштедта, скорѣе лишь указавшихъ на богатства закавказской флоры, чѣмъ изслѣдовавшихъ ее. И С. съ несокрушимой энергіей и пыломъ истиннаго ученаго отдался изученію многообразной растительности Закавказья, предпринимая частыя и сопряженныя съ большими трудностями, даже опасностями, поѣздки во всѣ уголки этого малодоступнаго края. Богатствомъ результатовъ своихъ изслѣдованій онъ оставилъ далеко позади своихъ упомянутыхъ предшественниковъ. Косвеннымъ доказательствомъ плодотворности его работъ могутъ служить многочисленные печатные труды его, помѣщенные главнымъ образомъ въ изданіяхъ «Московскаго Общества испытателей природы». Этимъ же изслѣдованіямъ въ значительной степени обязана своими достоинствами извѣстная «Flora Taurico-Caucasica» барона фонъ-Биберштейна. Въ концѣ 1805 г. С. отправился въ Петербургъ, 8 мая 1806 г. былъ утвержденъ въ своей должности и вскорѣ выѣхалъ обратно на Кавказъ, а оттуда въ Крымъ. Здѣсь онъ провелъ нѣкоторое время у Палласа, жившаго въ Судакѣ и работавшаго тогда надъ составленіемъ своей «Zoographia rosso-asiatica», и затѣмъ поселился вблизи Симферополя, совершая оттуда ежегодно поѣздки для обозрѣнія то юго-западныхъ, то юго-восточныхъ губерній. Въ 1807 г. ему было поручено устройство въ Кизлярѣ училища винодѣлія, а въ 1810 г. «для ознакомленія съ хозяйственными заведеніями жителей» онъ объѣхалъ прибрежныя каспійскія области, посѣтилъ Тифлисъ и на зиму пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ свои путевыя записки, извлеченія изъ которыхъ, содержащія преимущественно сельско-хозяйственныя свѣдѣнія, были напечатаны потомъ въ «Сѣверной Почтѣ» за 1811 г. (№№ 59—62, 64—66) подъ заглавіемъ: «Краткая выписка изъ путешествія кол. сов. Стевена по Кавказскому краю въ 1810 г.». Въ мартѣ 1812 г. С., оставаясь въ прежней должности, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ директоромъ Никитскаго сада, устроеннаго по иниціативѣ герцога Ришелье на южномъ берегу Крыма, близъ деревни Никиты, для акклиматизаціи южныхъ растеній. «Тутъ къ наблюденіямъ и теоретическимъ занятіямъ Стевена, говоритъ академикъ Кеппенъ, присоединилась и практика, которой вся южная Россія обязана разведеніемъ и распространеніемъ большого числа новыхъ болѣе или менѣе акклиматизированныхъ деревьевъ и растеній, какъ съ опадающей листвой, такъ и вѣчнозеленыхъ, а также лучшихъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ». Благодаря С., Никитскій садъ вскорѣ превратился въ прекраснѣйшій питомникъ и ботаническій акклиматизаціонный пунктъ, служившій какъ бы этапомъ при переходѣ растеній съ востока на западъ и обратно изъ Европы въ Азію.

Эти заслуги С. по устройству сада, прекрасно выясненныя акад. Кеппеномъ въ его трудѣ «Ueber Pflanzen-Acclimatisirung in Russland», побудили герцога Ришелье исходатайствовать въ 1818 г. у Имп. Александра I для трудолюбиваго ученаго 2.000 червонцевъ, которые дали С. возможность предпринять двухлѣтнее заграничное путешествіе съ цѣлью изучить и подобрать плодовыя и другія деревья, наиболѣе пригодныя для снабженія ими Никитскаго сада. Въ началѣ 1820 г. С. отправился въ Вѣну, а оттуда въ Берлинъ, гдѣ много работалъ въ мѣстномъ ботаническомъ саду, пользуясь, съ разрѣшенія профессора Линка, гербаріемъ Вильденова. Затѣмъ онъ посѣтилъ Теера и Вильгельма фонъ-Гумбольдта, побывалъ въ Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Фрейбергѣ, Нюренбергѣ и Мюнхенѣ, и оттуда черезъ Инсбрукъ и Бернскіе Альпы отправился въ Италію. Посѣтивъ и тамъ наиболѣе важные пункты, онъ возвратился въ Швейцарію и на нѣкоторое время остановился въ Женевѣ, гдѣ сблизился съ знаменитымъ Декандолемъ, занимавшимся тогда систематизаціей семейства крестоцвѣтныхъ. Зиму 1820 г. С. провелъ въ Парижѣ, гдѣ, между прочимъ, познакомился съ Кювье, Дефонтеномъ и Вихардомъ, а въ началѣ слѣдующаго года черезъ Марсель отправился въ Грецію, которой, однако, въ виду возстанія грековъ, не достигъ и, пробывъ недолго въ Константинополѣ, возвратился въ Крымъ. Поселившись вблизи Симферополя въ купленномъ имъ домикѣ съ большимъ садомъ, С. въ свободное отъ своихъ служебныхъ занятій время занялся приведеніемъ въ порядокъ своего гербарія и коллекціи насѣкомыхъ, достигшихъ къ этому времени, благодаря его трудолюбію и помощи со стороны многихъ извѣстныхъ ученыхъ, весьма значительныхъ размѣровъ. Одна изъ его коллекцій насѣкомыхъ была имъ уступлена въ 1825 г. Московскому университету, при чемъ слѣдовавшіе ему 12.000 руб. ассигн. онъ пожертвовалъ тому же университету съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала были учреждены двѣ стипендіи для недостаточныхъ студентовъ, посвятившихъ себя изученію естественныхъ наукъ. Другая, еще болѣе значительная коллекція насѣкомыхъ была пріобрѣтена у С. въ 1841 г. министерствомъ государственныхъ имуществъ для Горыгорѣцкаго земледѣльческаго училища. Незадолго до своей смерти въ 1860 г. С. подарилъ Александровскому университету въ Гельсингфорсѣ свой богатѣйшій гербарій, заключавшій въ себѣ до 2.500 видовъ. Для принятія этого гербарія нарочно прибылъ осенью 1860 г. въ Крымъ извѣстный естествоиспытатель профессоръ Нордманъ.

Дѣятельность С. за все время пребыванія въ Крыму чрезвычайно обильна результатами. Богатыя научныя познанія С. и обширное знакомство его съ флорой южной Россіи нашли здѣсь себѣ широкое практическое примѣненіе, которому вся южная Россія обязана разведеніемъ и распространеніемъ громаднаго числа новыхъ и въ большей или меньшей степени акклиматизированныхъ растеній—лучшихъ сортовъ плодовыхъ и другихъ деревьевъ, какъ лиственныхъ, такъ и хвойныхъ. Достаточно замѣтить, что на южномъ берегу Крыма нѣтъ сада, гдѣ не произрастали бы хоть нѣкоторыя изъ введенныхъ С. растеній.

Послѣ смерти барона фонъ-Биберштейна въ 1826 г. С. былъ назначенъ на его мѣсто главнымъ инспекторомъ шелководства и за неимѣніемъ времени сложилъ съ себя званіе директора Никитскаго сада, сохранивъ однако за собой главный надзоръ за этимъ учрежденіемъ. Почти все время уходило у него теперь на служебные разъѣзды, такъ какъ подвѣдомственный ему районъ простирался отъ Дуная до Волги и Каспійскаго моря. Съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ занимаемая С. должность была переименована въ должность инспектора сельскаго хозяйства южной Россіи, каковая и была поручена С. въ 1841 г., занимавшему ее въ теченіе 10 лѣтъ. По случаю исполнившагося въ октябрѣ 1849 г. 50-лѣтія его дѣятельности, Императорская академія наукъ, членомъ-корреспондентомъ которой С. состоялъ съ 1815 г., избрала его своимъ почетнымъ членомъ. То же сдѣлали Кіевскій, Дерптскій, Казанскій и Гельсингфорскій университеты, московское общество испытателей природы, финляндское общество наукъ и штетинское энтомологическое общество. Ученый же комитетъ министерства государственныхъ имуществъ назначилъ ему большую золотую медаль. Еще раньше, въ 1840 г., по случаю 200-лѣтняго юбилея финляндскаго университета онъ былъ удостоенъ званія доктора

философіи, а въ 1839 г. былъ избранъ почетнымъ членомъ Кавказскаго общества сельскаго хозяйства. Вскорѣ послѣ юбилея С. вышелъ въ отставку по разстроенному здоровью и, продолжая жить на своей дачѣ вблизи Симферополя, посвятилъ себя исключительно научной дѣятельности. Всѣ извѣстные ученые Россіи и Западной Европы, путешествовавшіе по Крыму, всегда находили у него самый радушный пріемъ и всяческое содѣйствіе. Укажемъ изъ нихъ извѣстнаго французскаго геолога и путешественника Du Bois de Montpereux, знаменитаго ботаника Ледебура, д-ра Видемана, д-ра Браунера изъ Швейцаріи и извѣстнаго лингвиста Сьегрена (въ 1836 г.), которому С. подарилъ свои весьма цѣнныя замѣтки по исторіи, этнографіи и географіи Кавказа, собранныя имъ во время его постоянныхъ поѣздокъ. Еще раньше онъ передалъ академику Лербергу свои замѣтки о кавказскихъ народахъ, а въ 1815 г. представилъ въ академію наукъ статью: «Idées sur la population du Caucase et sur l'origine des Georgiens», которая однако не была напечатана. Умеръ С. въ Симферополѣ въ ночь съ 17 на 18 апрѣля 1863 г. Свою огромную библіотеку онъ подарилъ Александровскому университету въ Гельсингфорсѣ и Ришельевскому лицею въ Одессѣ.

Въ теченіе почти 60-лѣтней ученой дѣятельности С. напечаталъ огромное число цѣнныхъ работъ по ботаникѣ, энтомологіи, шелководству, винодѣлію и прочимъ отраслямъ сельскаго хозяйства, изъ которыхъ наиболѣе важныя въ научномъ отношеніи помѣщены въ изданіяхъ Московскаго общества испытателей природы.

По ботаникѣ: 1) «Alyssi rostrati et Erodii serotini descriptio» («Mémoires de l'Académie Imperiale des sciences des St. Pétersbourg», т. III, 1810—1811, стр. 295); 2) «Decas plantarum nondum descriptarum Iberiae et Rossiae meridionalis» (Mémoires de la société Imperiale des natouralistes de Moscou», т. II, стр. 173—183); 3) «Catalogue des plantes rares ou nowelles, observées pendant un voyage autour du Caucase orientale» (ib., т. III, 1812 г., стр. 244—270). Продолженіе этой работы было напечатано подъ заглавіемъ «Stirpes rariores in itinere caucasico a 1810 lectae» (ib., edit. sec., т. IV, 1830 г., стр. 89—112; 4) «Observationes in saxifragas taurico-caucasicas» (ib., edit. sec., т. IV, 1830 г., стр. 113—122); 5) «Observationes in plantas rossicas et descriptiones specierum novarum» (ib. т. V, 1817 г., стр. 334—356; «Nouv. Mém. de la Soc. de Nat. de Mosc.» т. I (VII) 1829 г., стр. 257—279; т. III (IX), 1834 г., стр. 93—107). Послѣдняя работа напечатана также въ «Bul. de la Soc. des Natur. de Mosc.» (№ IV, 1832 г., стр. 250—269) 6) «Monographia pedicularis» («Mém. de la Soc. de Nat. de Mosc.» т. VI, 1823 г. стр. 1—60); 7) «De pinibus taurico-caucasicis» («Bull.» того же общества, 1838 г. № I, стр. 43—53); 8) «Annotationes botanicae» (ib., 1848 г., № III, стр. 267—284); 9) «Observationes in Asperifolias taurico-caucasicas» (ib., 1851 г., № II, стр. 558—609); 10) «Xiphocoma et Gampsoceras, duo genera e familia Ranunculacearum» (ib., 1852 г., № II, стр. 537—544); «Verzeichniss der auf der Taurischen Halbinsel wildwachsenden Pflanzen» (ib., 1856 г. № II, стр. 234—334; № III, стр. 121—186; № IV, стр. 339 — 418; 1857 г. № II, стр. 325—398; № III, стр. 65—160. Отд. изданіе, Москва, 1857 г., 8°). 12) «Beschreibung des Kaiserlichen Gartens zu Nikita» («Verhandlungen des Vereins zur Beförderung des Gartenbaues in den Kön. Preuss, Staat» (вып. 10, Берлинъ, 1828 г., стр. 103); 13) «Ueber den Obstbau in der Krym» (ib., вып. 29, стр. 18?) 14) «Краткое наставленіе о разведеніи плодовыхъ деревьевъ въ полуденной Россіи» (Спб., 1-ое изд. 1831 г., 3-е изд. 1850 г.); 15) «Лѣсныя породы, покрывающія Крымскія горы» («Журн. Мин. Госуд. Имущ.», т. III, отд. II, стр. 576); 16) «Краткое описаніе Императорскаго Никитскаго сада» («Украинскій Журналъ», 1824 г., № 15 стр. 141—155).

По энтомологіи: «Decas coleopterorum Rossiae meridionalis nondum descriptorum» (« Mém. de la Soc. Jmpér. des Natur. de Moscou», 1806 г., т. I, стр. 155—16?; «Description de quelques insectes du Caucase et de la Russie méridionale» (ib., 1809 г., т. II, стр. 31—42); «Notice sur quelques insectes de la collection de C. Steven» («Bull.» того же общества, 1829 г., № I, стр. 28?; «Museum historiae naturalis universitatis Caesareae Mosquensis» (Москва, 1829 г., ч. II); «Tentyriae et Opatra collectionis Stevenianae nunc in Museo Universitatis Mosquensis» («Nouv. Mém. de la Soc. Natur.

de Moscou», т. I (VII), 1829 г., стр. 81—100); «Description de l'Elater Parreyssii et de quelques nouveaux Buprestes» (ib., т. II (VIII), 1832 г., стр. 79—94 и «Bull», 1830 г., № II, стр. 153—172); «Наставленіе о шелководствѣ» (Спб., 1848 г., 8°, 2-ое изд.); «О насѣкомыхъ вредныхъ для винограда» («Земледѣльческая Газета», 1834 г., № 17).

По сельскому хозяйству: «О разведеніи марены или крапа» («Журн. Мин. Госуд. Имущ.», т. VII, отд. II, стр. 212); «Опыты надъ д'Арсетовымъ нагрѣвательнымъ аппаратомъ для шелководства» (ib., т. VII, отд. IV, стр. 45); «Состояніе разныхъ отраслей сельскаго хозяйства въ болгарскихъ и нѣмецкихъ колоніяхъ въ Бессарабіи» (ib., т. IX, отд. II, стр. 125); «Метеорологическія наблюденія въ южной Россіи» (ib., т. IX, отд. IV, стр. 1); «Хозяйство греческихъ колонистовъ Маріупольскаго округа Екатеринославской губерніи» (ib., т. IX, отд. IV, стр. 21); «Замѣчанія о каменныхъ кадяхъ, употребляемыхъ въ винодѣліи» (ib., т. IX, отд. IV, стр. 50 и 175); «Примѣчанія къ статьѣ Ю. Витте: «О сельскомъ хозяйствѣ въ Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерніяхъ» (ib., т. XIII, отд. II, стр. 58 и 101); «О состояніи разныхъ отраслей хозяйства въ южной Россіи въ 1847 г.» (ib., т. XXVIII, отд. II, стр. 112 и 173); то же въ 1848 г. (ib., т. XXXI, отд. II, стр. 193; т. XXXII, отд. II, стр. 1); «Обозрѣніе успѣховъ шелководства, винодѣлія и садоводства въ полуденныхъ губерніяхъ Россіи въ 1833 г.» («Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ» 1834 г., ч. XI, № 2); то же—въ 1834 г. (ib., 1835 г., ч. XV, № 2); то же—въ 1835 г. (ib., 1836 г., ч. XX, № 4); то же—въ 1836 г. (ib., 1837 г., ч. XXIII, № 3); то же—въ 1838 г. («Отеч. Записки», 1839 г., т. IV, отд. V); «Взглядъ на исторію новѣйшаго сельскаго хозяйства, какъ примѣръ общеполезной науки» («Записки общ. сельскаго хозяйства южной Россіи», 1862 г., іюнь, стр. 315); «О кунжутѣ» (ib. 1839 г., прибавл. къ № 8, стр. 99); «Нѣсколько словъ о киноа (Chenapodium Quinoa) ib., 1838 г., № 2, стр. 109); «Объ овечьей оспѣ, бывшей въ Крыму и о леченіи оной» (ib., 1834 г., № 8); «О кольяхъ для винограда» («Земледѣльч. Газ.», 1834 г., № 17); «О сортахъ персидскихъ шелковъ» (ib., 1840 г., № 96); «Замѣчанія о шелководствѣ» (ib., 1841 г., № 96); «Описаніе гигантскихъ деревъ въ Калифорніи» («Зап. Кавказск. общ. сельскаго хозяйства», 1857 г., стр. 514).

Alex. von Nordmann, „Christian Steven, der Nestor der Botaniker", „Bulletin de la société Impériale des naturalistes de Moscou", 1865, т. XXXVIII, № 1, стр. 101—161 и „Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland", herausg. von A. Erman, т. XXIV, Berlin, 1865, стр. 80—124; при первомъ изданіи приложенъ и портретъ Стевена.—Кёппенъ, „X. X. Стевенъ", „Таврическія Губ. Вѣдомости", 1863, № 19. — П. И. Чабавскій, „Еще нѣсколько словъ о покойномъ X. X. Стевенѣ", тамъ же, 1863, № 22.—E. R. von Trautvetter, „Einige Nachrichten über Chr. von Steven", „Bull. de la soc. Impér des natur. de Moscou", 1863, т. XXXVI, № 4, стр. 574—578.—Theodor Basiner, „Bericht über das um 12. October 1849 in Sympheropol gefeierte jubiläum des 50-jährigen Staatsdienstes Se. Exellenz Dr. Christian von Steven", тамъ же, т. XXIII, 1850, № 2, стр. 677.—Некрологи: „Записки Кавказскаго общества сельскаго хозяйства", 1863. № 1, отд. 3, стр. 18—24; „Helsingfors Tidninger", 1863, № 120; „Мѣсяцесловъ", 1864 года, прилож, стр. 80.—Статьи о юбилеѣ Стевена: „Москвитянинъ", 1850 г., ч. I, № 3, кн. 1, стр. 78—80; „Одесскій Вѣстникъ", 1850, № 3; „Спб. Вѣдомости", 1850, № 22; „St.-Petersb. Zeitung", 1850, № 20.—Геннади, „Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1863 г.". „Русск. Архивъ", 1865 г., № 1, стр. 1386 — П. П. Семеновъ, „Исторія полувѣковой дѣятельности Импер. русск. географ. общества за 1845—1895", Спб. 1896, стр. 78, 80.—Frédéric Dubois de Montpéreux, „Voyage autour du Caucase", Paris, 1839—1843, т. I—VI. (см указатель въ концѣ послѣдняго тома).—Dr. Hermann August Hagen, „Bibliotheka entomologica", т. II, Zeipzig, 1863, стр. 196—197.—Sjögren, „Manuscrits relatifs au Caucase offerts au Musée asiatique par M. Steven", „Bull. scientifique de l'Acad. Jmper. des sciences de St.-Petersb.", 1838, т. III и „Asiat. Museum" Дорна, стр. 526—528.—Акад. Кёппенъ „Ueber Pflanzen- Acclimatisirung in Russland", въ „Bulletin de la classen des sciences historiques, philosoph. et politiques de l'Académie... etc", т. XIII, №№ 20 и 21 и въ „Melanges russes", т. III, 1856—1859, стр. 171—173.—Н. И. Горбуновъ, „Историч. обозрѣніе дѣйствій и трудовъ Импер. моск. общ. сельскаго хозяйства за 25-лѣтіе, періодъ I (1848—1860), прилож. стр. 86, 125. (Москва 1870).—Василій Таировъ, „Библіографическій указатель книгъ, брошюръ и журнальн. статей по винограду и садоводству, напечатанныхъ съ 1755 по 1890 гг." Спб. 1891.—А. С. Бориневичъ, „Систематическій указатель статей, замѣтокъ и проч., помѣщенныхъ въ „Листкахъ" и „Запискахъ" Импер. общ. сельск. хоз. южн. Россіи съ 1830 по 1894 гг.", Одесса 1895.—Алфавитный указатель къ „Журналу Мин. Гос. Имущ." съ 1841 по 1856 гг., Спб.

1858 г. — Meyer's Konversations Lexikon, т. XVI, стр. 429.—Энциклопедическій словарь Брокгауза, т. 31, s. v.—Большая энциклопедія Березина, s. v.—Справочный энциклоп. словарь Крайя, подъ ред. Старчевскаго, т. 9, Спб., 1855, s. v.—Настольный словарь Толя, s. v.—Encyclopedyja powszechna, т. XXIV, Варшава, 1866, стр. 157. — Slownyk naučny, т. VIII, Прага, 1868, стр. 1021—1022.

П. Гуревичъ.

Стегеманъ (Ludwig Reinhold von Stegeman), врачъ, родился 2 марта 1770 г. въ Дерптѣ; съ 1788 г. слушалъ лекціи сначала на юридическомъ, затѣмъ на медицинскомъ факультетѣ въ Іенскомъ университетѣ, откуда перешелъ въ Вюрцбургъ, потомъ въ Геттингенъ и Берлинъ; въ 1795 г. былъ удостоенъ въ Іенѣ степени доктора медицины и нѣкоторое время послѣ этого занимался частной практикой въ Швейцаріи. Возвратившись около 1800 г. въ Россію, С. зачислился судовымъ врачемъ въ эскадру адмирала Шишкова, черезъ два года былъ назначенъ общиннымъ врачемъ въ Феллинѣ, а съ 1804 г. состоялъ уѣзднымъ врачемъ въ Ригѣ. Позже С. былъ посланъ въ Саратовъ для принятія предупредительныхъ мѣръ противъ распространенія чумы, а оттуда ѣздилъ въ Астраханскую губернію и на Кавказъ для наблюденія за карантинными пунктами. Въ 1813 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ русско-нѣмецкаго врачебнаго отряда и директоромъ походныхъ госпиталей при корпусѣ Вальмадена, затѣмъ состоялъ старшимъ врачемъ при главной квартирѣ Барклая де-Толли въ Парижѣ. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ С. прожилъ нѣкоторое время въ Дерптѣ и Вильнѣ, гдѣ занимался частной практикой, потомъ переселился въ Германію и жилъ тамъ до самой смерти, послѣдовавшей 20 іюня (1 августа) 1849 г. въ Лангеншвальбахѣ. С. принадлежатъ слѣдующія сочиненія: «Краткія свѣдѣнія о кавказскихъ минеральныхъ источникахъ» («Сѣверная Почта», 1809 г.), «Tagebuch einer Reise durch die Kosakenländer, an den Kaukasus und nach Astrachan, nebst allgemeinen Ansichten über Quarantäne-Anstalten» («Neue geograph. Ephemeriden», Bd. XIV), «Ein Schreiben aus Preussisch-Eylau über die Lage der Verwundeten und Kranken» («Truhart's Fama für Deutsch-Russland», 1807 г., Bd. II).

„Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte aller Zeiten und Völker", von Aug. Hirsch, Bd. 5, Wien und Leipz., 1887, S. 519.—Joh. Friedr. Recke und Karl Ed. Napiersky, „Allgemeines Sriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Liv-, Esth- und Kurland", Bd. IV, Mitau, 1832, pag. 274.—„Nachträge und Fortsetzungen zum „Allg. Schriftst. und Gelehrt. Lexik." unter Mitwirkung von Theod. Reise Bd. II, Mitau, 1861, pag. 209.

Стеглинъ, граверъ XVIII-го вѣка. Ему принадлежитъ выгравированный имъ въ 1777 г. портретъ царевны Софіи Алексѣевны, представленной на гравюрѣ въ царской мантіи и коронѣ. Внизу портрета имѣются на русскомъ и французскомъ яз. подписи: «Царевна Софія Алексѣевна, дочь Государя Алексѣя Михаиловича»,—«La princesse Sophia Alexiewna, fille de Tzar Alexei Michailowicz». Портретъ этотъ вошелъ въ собраніе двѣнадцати царскихъ портретовъ, изданныхъ при академіи наукъ.

„Русскій граверъ Стеглинъ", „Русскій Вѣстникъ" 1842 г., вып. III, отд. IV, стр. 28.—„Русскіе граверы, Стеглинъ и Афанасьевъ", „Московск. Губернск. Вѣдомости" 1844 г. № 11, стр. 128 130.

Стеллеръ, *Георгъ-Вильгельмъ* (*Georg Wilhelm Stoeler* или *Steller*), докторъ, адъюнктъ натуральной исторіи Петербургской академіи наукъ, знаменитый естествоиспытатель, прославившійся своими изслѣдованіями во время путешествія въ Камчатку, а также во время экспедиціи, предпринятой Берингомъ для рѣшенія вопроса о соединеніи материка Азіи съ Америкой, род. въ Виндсгеймѣ во Франконіи 10 марта 1709 г., ум. 12 ноября 1746 г. въ Тюмени. Въ нѣкоторыхъ русскихъ книгахъ его называютъ также *Штеллеромъ*, но лучше писать его фамилію *Стеллеръ*, тѣмъ болѣе что именно такъ онъ подписывалъ по-русски всѣ свои донесенія въ академію. По окончаніи гимназіи въ своемъ родномъ городѣ, С. отправился въ Виттенбергъ, гдѣ въ мѣстномъ университетѣ изучалъ богословіе, анатомію, ботанику и другія естественныя науки. Изученіе этихъ предметовъ, особенно же ботаники и медицины, онъ продолжалъ въ Лейпцигѣ, Іенѣ и Галле, занимаясь въ послѣднемъ городѣ также и преподавательской дѣятельностью. Въ 1734 г. онъ выдержалъ экзаменъ по ботаникѣ у извѣстнаго ученаго Людольфа въ Берлинѣ и вскорѣ отправился въ Данцигъ, гдѣ былъ принятъ на службу врачемъ въ находив-

шуюся тамъ русскую армію. По взятіи Данцига онъ былъ отправленъ графомъ Ласси на кораблѣ въ Петербургъ вмѣстѣ съ ранеными и больными солдатами, порученными его попеченію. Существуетъ, впрочемъ, и другое извѣстіе о томъ, какъ С. прибылъ въ Россію; согласно ему, С. по собственному желанію, внѣ всякой связи съ упомянутымъ порученіемъ, при томъ почти безъ всякихъ средствъ, пріѣхалъ въ Петербургъ искать счастья. Первый варіантъ заслуживаетъ, однако, большаго довѣрія, тѣмъ болѣе, что согласуется со свѣдѣніями о жизни С., напечатанными его братомъ Августиномъ, медикомъ герцогини саксенъ-эйзенахской, въ «Ergetzungen der vernünftiger Seele aus der Sittenlehre und der Gelehrsamkeit überhaupt» (Leipzig, 1747, т. V, стр. 362—381), подъ заглавіемъ: «Zuverlässige Nachricht von dem merkwürdigen Leben und Reisen Herrn Georg Willhelm Stöllers». Вскорѣ послѣ пріѣзда С. въ Петербургъ, разсказываетъ Гмелинъ, «для веселаго его нрава взялъ его къ себѣ въ домъ бывшій архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ (Прокоповичъ) и за пользованіе больныхъ его служителей опредѣлилъ ему годовое жалованье» (1734). Человѣкъ весьма умный и живой, С. очень понравился Ѳеофану и пользовался глубокимъ его уваженіемъ. Въ рукописяхъ новгородской семинарской библіотеки (№ 3883) имѣются даже латинскіе стихи: «In moram Stelleri medicum», написанные архіепископомъ въ честь С.

Въ 1735 г. въ помощь тремъ академикамъ, незадолго передъ тѣмъ уѣхавшимъ въ такъ называемую камчатскую экспедицію для изслѣдованія и описанія Сибири, рѣшено было отправить еще двухъ ученыхъ; когда С. выразилъ желаніе присоединиться къ этой экспедиціи въ качествѣ ботаника, Ѳеофанъ далъ ему рекомендательное письмо къ президенту Петербургской академіи наукъ, барону Корфу, и, во вниманіе къ ходатайству архіепископа, С. былъ принятъ на службу въ академію адъюнктомъ натуральной исторіи при камчатской экспедиціи съ жалованьемъ въ 660 рубл. въ годъ, что и было оформлено контрактомъ отъ 7 февраля 1737 г. Изъ приложеннаго къ контракту свидѣтельства академика Аммана видно, что С. хорошо зналъ ботанику и другіе отдѣлы естественной исторіи и что во время своего пребыванія въ Петербургѣ онъ занимался изслѣдованіемъ растительнаго и животнаго царства въ окрестностяхъ столицы. Кромѣ того, по свидѣтельству Бакмейстера, отчасти С., отчасти Гмелинымъ былъ составленъ каталогъ зоологическаго музея академіи наукъ, напечатанный въ книгѣ «Musei Imperialis Petropolitani», vol. I, pars 1 (1742) и однимъ С.—каталогъ гербаріевъ Рюйша и Аммана, напечатанный тамъ же въ 1745 г. (vol. I, pars 2). Въ концѣ 1737 г. С. вмѣстѣ съ живописцемъ Декерномъ отправился изъ Петербурга черезъ Москву въ Сибирь и осенью 1738 г. онъ былъ уже въ Томскѣ. Здѣсь онъ заболѣлъ горячкой, при томъ въ такой острой формѣ, что были серьезныя опасенія за исходъ болѣзни; однако крѣпкій организмъ взялъ верхъ, С. выздоровѣлъ, въ концѣ года отправился дальше и 20 января 1739 г. прибылъ въ Енисейскъ, гдѣ зимовали тогда академики Миллеръ и Гмелинъ. О благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на нихъ С., можно судить по отзыву Гмелина въ его книгѣ «Flora sibirica»: «Steller erat homo nullius laboris taedia et molestias fugiens, et ardui, difficillimi, summisque difficultatibus obnoxii cuiusque discriminis cupidissimus, commodorumque et de liciarum huius vitae contemptor strenuns» (стр. XC.). Въ другой своей книгѣ—«Reise durch Sibirien», тотъ же Гмелинъ характеризуетъ также съ самой лучшей стороны выносливость, нетребовательность и работоспособность С.: «Онъ вовсе не былъ обремененъ платьемъ», пишетъ Гмелинъ, «и имѣлъ одну посуду, изъ которой ѣлъ и въ которой готовились всѣ его кушанья. Ему было ничего проголодать цѣлый день безъ ѣды и питья, когда онъ могъ совершить что нибудь для пользы науки, и при этомъ его нисколько не огорчали лишенія въ жизни. Несмотря на всю безпорядочность, выказываемую имъ въ его образѣ жизни, онъ, однако, при производствѣ наблюденій былъ чрезвычайно точенъ и неутомимъ во всѣхъ его предпріятіяхъ, такъ что въ этомъ отношеніи у насъ не было ни малѣйшаго безпокойства».

Насколько Стеллеръ былъ нечувствителенъ къ различнаго рода лишеніямъ, разъ дѣло шло о разрѣшеніи какого нибудь научнаго вопроса, видно напримѣръ изъ слѣдующаго. Заинтересовавшись вопросомъ

*

о томъ, могутъ ли существовать русскіе въ Камчаткѣ, не употребляя въ пищу хлѣба, онъ «не для скупости, но любопытства ради самовольно слѣдующій опытъ учинилъ: держалъ себя отъ хлѣбнаго корма и отъ употребленія по тамошнему обыкновенію корму никакой скуки себѣ не имѣлъ. Какъ въ 1743 г. шелъ я,—пишетъ С. самъ въ одномъ изъ своихъ донесеній,—изъ Большерѣцкой въ Верхній Камчатскій острогъ пѣшъ, когда хотя хлѣбъ и имѣлъ, въ моемъ пути не ѣлъ, но рыбою, кореньями, травами и иными разными вещами питался; хотя и часто для пѣшаго ходу утружденъ бывалъ, однакожъ отъ того ни малаго силѣ моей вреда не имѣлъ и лучшаго аппетита до смерти не желаю». 5 марта 1739 г. С. выѣхалъ изъ Енисейска и 23 того же мѣсяца былъ уже въ Иркутскѣ. Въ ожиданіи окончанія всѣхъ приготовленій для поѣздки въ Камчатку онъ не терялъ даромъ времени, дѣлая небольшія экскурсіи въ Баргузинскій острогъ, въ Селенгинскъ и Кяхту и занимаясь изученіемъ всѣхъ трехъ царствъ природы тамошней мѣстности. Въ началѣ 1740 г. у Гмелина съ С. вышли непріятности изъ-за того, что первый считалъ себя въ качествѣ профессора начальникомъ С., принятаго въ академію лишь адъюнктомъ, и потому пожаловался сенату, что С. ни о чемъ ему не доноситъ и отказывается ѣхать по тому маршруту, по которому онъ (Гмелинъ) ему приказываетъ отправиться. Съ своей стороны и С. доносилъ, что Гмелинъ и Миллеръ обходятся съ нимъ, какъ съ находящимися подъ ихъ начальствомъ русскими студентами, тогда какъ въ силу заключеннаго съ нимъ контракта онъ вовсе не считаетъ себя подчиненнымъ академиковъ Гмелина и Миллера. 5 марта 1740 г. С. выѣхалъ изъ Иркутска, съ 24 мая по 15 іюня пробылъ въ Якутскѣ и 20 августа пріѣхалъ въ Охотскъ. 8 сентября онъ отправился отсюда на новопостроенномъ суднѣ «Охотскъ» къ Камчаткѣ и 21 сентября прибылъ къ устью Большой рѣки. Во время своего пребыванія въ Камчаткѣ С. не ограничивался тѣмъ, что «чинилъ ботаническія наблюденія и прочее, что касается до натуральной исторіи», но интересовался и другими вопросами, посылая сенату различные проекты о лучшемъ способѣ управленія этой областью, о мѣстахъ, въ какихъ необходимо построить еще остроги, и указывая синоду легчайшіе способы обращенія камчадаловъ въ христіанство. Въ началѣ 1741 г. онъ получилъ приглашеніе отъ Беринга сопровождать его въ морскомъ путешествіи для отысканія береговъ Америки. Принявъ это предложеніе, С. послалъ сенату подробное донесеніе, прося, чтобы его «морской вояжъ съ Берингомъ не причтенъ былъ ему въ вину». Свое намѣреніе отправиться съ экспедиціей Беринга онъ мотивировалъ тѣмъ, что въ командѣ Беринга нѣтъ человѣка, «который бы натуру земли, минералы изслѣдовать и познать могъ, незнаемые звѣри, птицы, рыбы, травы и прочее, что до натуральной исторіи касается, наблюдать и подлинное историческое описаніе сочинить могъ». «Также ежели какіе найдутся люди», писалъ онъ въ своемъ донесеніи, «то никто изъ офицеровъ (Беринга) не могъ бы ихъ натуру, возрастъ, обычай, поступки и житіе подлинно наблюсти и историческое описаніе тѣхъ народовъ сочинить, а потому твердое намѣреніе воспріять морской вояжъ возымѣлъ я, дабы не токмо минералы наблюдать, но все, что къ пользѣ государственной, чинить могъ». Оставивъ своихъ людей въ Большерѣцкомъ острогѣ, С. 10 марта отправился къ Берингу, находившемуся тогда въ Петропавловской гавани, куда и прибылъ 20 марта 1741 г. Хотя Берингъ и уговаривалъ С. отправиться съ нимъ въ экспедицію и обѣщалъ ему «всякое воспоможеніе, дабы онъ (С.) въ положенныхъ на него дѣлахъ упражняться могъ», однако пріемомъ его С. остался весьма недоволенъ. «Во всемъ принятъ я,—писалъ онъ сенату,—не такъ, какъ по моему характеру принять надлежало, но яко простой солдатъ и за подлаго отъ него, Беринга, и отъ прочихъ трактованъ былъ». 4 іюня 1741 г. экспедиція, состоявшая изъ двухъ пакетботовъ, «Св. Петра» и «Св. Павла», на первомъ изъ которыхъ находился и С., отправилась въ поиски. Послѣ тяжелаго 42-дневнаго плаванія путешественники, наконецъ, увидѣли землю (16 іюля): «Всякій легко себѣ вообразитъ, пишетъ С. въ своемъ дневникѣ, какъ велика была радость всѣхъ насъ. Со всѣхъ сторонъ обратились съ поздравленіемъ къ капитану, до котораго болѣе всѣхъ относилась честь открытія». 20 іюля пристали къ острову, названному островомъ св. Иліи, и, хотя Берингъ до отпра-

вленія экспедиціи обѣщалъ С. при каждомъ приставаніи къ берегу спускать его туда для производства различныхъ изслѣдованій, но на этотъ разъ онъ не разрѣшалъ ему высадиться и только послѣ угрозъ С. пожаловаться сенату, отпустилъ его на островъ, при чемъ приказалъ «въ насмѣшку» и «безчестія ради» трубить въ трубы, когда С. отъѣзжалъ отъ пакетбота. На островѣ С. провелъ всего 6 часовъ, однако и за это короткое время онъ успѣлъ произвести весьма цѣнныя наблюденія относительно климата, почвы и естественныхъ произведеній этого острова, при чемъ открылъ значительное число неизвѣстныхъ дотолѣ растеній и птицъ. Всѣ эти наблюденія подробно описаны въ его дневникѣ, изданномъ Палласомъ. На слѣдующій день Берингъ, опасаясь оставаться на якорѣ у открытаго берега и торопясь возвращеніемъ, приказалъ тронуться въ дальнѣйшій путь, въ виду чего С. такъ и не удалось поближе ознакомиться съ флорой и фауной новооткрытаго острова.

Дальнѣйшіе поиски Беринга были менѣе счастливы. Конецъ іюля и весь августъ мѣсяцъ прошелъ въ плаваніи между неизвѣстными тогда Алеутскими островами, а въ слѣдующіе 2 мѣсяца путешественники сильно терпѣли отъ страшныхъ бурь. Погода стояла пасмурная и холодная, волны перекатывались черезъ палубу, ванты начали лопаться, команда была изнурена и измучена. Около 20 человѣкъ лежало больными и въ числѣ ихъ и Берингъ, почти не выходившій изъ каюты; не было ни сухарей, ни вина, и даже воды недоставало. «Никакое краснорѣчивое перо не въ состояніи было бы описать нашихъ мученій», говоритъ объ этомъ времени С. «4 ноября, послѣ четырехмѣсячнаго плаванія, — пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, — увидѣли мы островъ, на которомъ намъ для зимняго времени жить, питаніе, одежду имѣть и умереть надлежало, который послѣ того имя отъ капитана командора Беринга, наивящшаго того обладателя, получилъ». На слѣдующій день пакетботъ разбился о скалы, и люди перебрались на островъ, на которомъ имъ пришлось провести въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ суровую зиму 1741 и весну и лѣто 1842 г. Берингъ умеръ въ самомъ началѣ зимовки (8 декабря 1741). Несмотря на стужу, голодъ и всевозможныя лишенія, С. не падалъ духомъ даже въ самыя тяжелыя минуты; онъ исполнялъ обязанности то пастора, то лекаря, то повара, таскалъ вмѣстѣ съ другими прибиваемый волнами лѣсъ для топлива и своей энергіей и неутомимостью поддерживалъ бодрость духа своихъ товарищей по несчастью. «Онъ не токмо болѣзни тѣлесныя, но и смущенный духъ пользовалъ, ободряя всякаго веселымъ и пріятнымъ своимъ обхожденіемъ» (Миллеръ, «Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и Восточному морю»). Въ то же время онъ не прекращалъ и своихъ научныхъ изслѣдованій, «чинилъ ботаническія наблюденія, описалъ нѣкоторыхъ незнаемыхъ понынѣ звѣрей, а именно: корову морскую (Rhytina borealis), сивучу, морскаго кота, морского бобра и оныхъ рисунки учинилъ; также сочинилъ описаніе примѣченныхъ птицъ и рыбъ, которыя на острову имѣются». На Беринговомъ же островѣ написано С. знаменитое его изслѣдованіе: «De bestiis marinis», обезсмертившее его имя въ исторіи естественныхъ наукъ. Изслѣдованіе это было напечатано уже послѣ смерти С. въ 1751 г. въ «Novis Commentariis Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae» (т. II, стр. 289—398). Краткое содержаніе этого труда напечатано также въ «Содержаніи ученыхъ разсужденій Императорской академіи наукъ» (ч. I, стр. 35—39), подъ заглавіемъ «О морскихъ звѣряхъ». «Въ этомъ сочиненіи, находимъ мы тамъ, С. описываетъ четырехъ морскихъ животныхъ съ столь великимъ раченіемъ, что едва чего больше желать возможно. Расположеніе тѣла весьма точно и живо изображаетъ, о каждомъ составѣ или членѣ, объ ихъ положеніи, величинѣ и пропорціи разсуждаетъ основательно, и только къ одному тому принадлежитъ, чтобы внѣшній видъ ясно представить. Не оставляетъ онъ и внутреннихъ частей безъ изъясненія, наконецъ объявляетъ о движеніи, натурѣ и о нравахъ оныхъ животныхъ». Наибольшую цѣнность въ настоящее время имѣетъ описаніе вымершей морской коровы (Rhytina borealis), такъ какъ послѣ С. ни одинъ ученый не видѣлъ этого животнаго живымъ и даже не имѣлъ полнаго скелета (послѣдняя морская корова убита въ 1768 г. во время экспедиціи Биллингса). Поэтому для изученія этого вымершаго вида книга С. является почти единственнымъ источни-

комъ (на нѣмецкомъ языкѣ она была издана въ 1753 г. въ Галле, подъ заглавіемъ: «Ausfürliche Beschreibung von sonderbaren Meertieren».) Во время пребыванія С. на Беринговомъ островѣ составлено было имъ также физическое и топографическое описаніе этого острова, напечатанное Палласомъ много лѣтъ спустя послѣ смерти С. въ «Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie» (1781 г., т. II, стр. 255—301), подъ заглавіемъ: «Topographische und physikalische Beschreibung der Bering-Insel, welche im östlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt». Тамъ же въ 1793 г. (т. V, стр. 129—236; т. VI, стр. 1—26) напечатанъ Палласомъ и дневникъ С. за время путешествія изъ Камчатки къ западнымъ берегамъ Америки, подъ заглавіемъ: «G. W. Stellers Tagebuch seiner Reise aus dem Petri-Pauls Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Küsten von Amerika und seiner Begebenheiten auf der Rückreise».

Почти все время пребыванія на островѣ посылались небольшія экспедиціи для развѣдокъ; но ничего положительнаго о мѣстѣ своего пребыванія несчастнымъ путешественникамъ узнать не удалось. Хотя всѣ уже были почти убѣждены, что находятся не на камчатскомъ берегу, но только въ апрѣлѣ 1742 г. надежда на это окончательно рушилась, и тогда рѣшено было сломать пакетботъ и выстроить новое небольшое судно, на которомъ 13 августа, наконецъ, всѣ и отплыли отъ негостепріимнаго острова. 26 того же мѣсяца измученные путешественники прибыли въ Авачинскую губу. По пріѣздѣ въ Камчатку, гдѣ всѣ уже потеряли надежду видѣть С. живымъ, такъ что его слуги стали даже растрачивать оставленныя имъ тамъ на храненіе вещи, С. снова принялся за свои научныя изслѣдованія. Онъ дѣлалъ частыя поѣздки по камчатскимъ острогамъ и, кромѣ того, отправился вмѣстѣ съ живописцемъ Беркганомъ на Курильскіе острова «для учиненія рисунка морскому звѣрю, называемому бобромъ, и разнымъ незнаемымъ птицамъ и травамъ». «Замѣчательно, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, что изъ предписанія С. большерѣцкой приказной избѣ 27 іюля 1743 года видно, что по его распоряженію, съ 1742 г. былъ опредѣленъ «обрѣтающійся здѣсь при казачьей службѣ Иванъ Поповъ» при Большерѣцкѣ обучать казачьихъ и иноземческихъ новокрещенныхъ дѣтей русской грамотѣ». 3 августа 1744 г. С. отправился съ Камчатки въ Охотскъ, а оттуда—въ Якутскъ, куда и прибылъ 21 октября.

Между тѣмъ въ 1744 г. въ сенатъ поступилъ на С. доносъ отъ находившагося въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ нимъ мичмана Хметевскаго. Во время пребыванія въ Камчаткѣ С. писалъ сенату, что Хметевскій не исполняетъ правительственныхъ распоряженій и притѣсняетъ туземцевъ, и вотъ въ отместку за это Хметевскій послалъ доносъ въ сенатъ, что С. самовольно, никого не спросясь, отпустилъ камчадаловъ, главныхъ зачинщиковъ бунта противъ русскихъ. Сенатъ приказалъ иркутской провинціальной канцеляріи строго допросить С. Прибывъ въ Иркутскъ, С. поэтому былъ призванъ въ канцелярію, но послѣ его объясненій иркутская провинціальная канцелярія нашла, что «винности Стеллеровой не признавается», о чемъ 30 января 1746 г. и послала донесеніе сенату. С. же отправился въ дальнѣйшій путь. 15 января 1746 г. онъ былъ уже въ Красноярскѣ, въ мартѣ—въ Тобольскѣ и Тюмени, а въ апрѣлѣ того же года—въ Соликамскѣ, гдѣ былъ вынужденъ оставить въ саду Демидова часть рѣдкихъ растеній, такъ какъ при дальнѣйшей ихъ перевозкѣ они неминуемо погибли бы. Все лѣто 1746 г. онъ провелъ за изслѣдованіемъ Пермскаго края «въ троякомъ царствѣ натуры». «Сей трудъ,— пишетъ онъ въ своемъ донесеніи академіи,—есть наиполезнѣйшій для меня. Мои за десять лѣтъ предъ симъ на догадкахъ основанныя положенія, касающіяся до растительности и до разныхъ мѣстъ плантъ, теперь сдѣлались болѣе вѣрными и неопровержимыми, ибо около половины сибирскихъ и камчатскихъ плантъ на такихъ же мѣстахъ въ Перміи паки нашлись». Въ августѣ того же года С. вернулся въ Соликамскъ и здѣсь его настигъ 16 августа сенатскій курьеръ, прибывшій по распоряженію сената съ тѣмъ, чтобы отвезти его обратно въ Иркутскъ, для производства надъ нимъ слѣдствія. Оказалось, что сенатъ получилъ извѣстіе изъ сибирскаго приказа, что С. 25 марта 1746 г. проѣхалъ черезъ Верхотурье по дорогѣ въ

Петербургъ, тогда какъ донесеніе иркутской провинціальной канцеляріи, отъ 30 января 1746 г., о невинности С. дойти до сената еще не успѣло. Получено оно было только въ августѣ 1746 г., послѣ чего сенатъ 20 августа отправилъ новаго курьера съ приказаніемъ освободить С. изъ-подъ караула. Въ Тарѣ догналъ его другой курьеръ, и С. снова отправился по дорогѣ къ Петербургу, куда доѣхать ему, однако, не суждено было: достигши Тюмени, онъ тамъ внезапно скончался, 12 ноября 1746 г. О причинѣ его смерти существуютъ различныя мнѣнія. Палласъ въ своихъ «Zuverlässige Nachrichten...» говоритъ, что «Стеллеръ при своихъ почти нечеловѣческихъ трудахъ, въ особенности на Беринговомъ островѣ, привыкъ пить и предавался этому уже слишкомъ». Еще въ Тобольскѣ у него обнаружились признаки горячки, но, несмотря на всѣ совѣты, онъ продолжалъ свое путешествіе. Бюшингъ же разсказываетъ, что, доѣхавъ до Тюмени, «Стеллеръ легъ какъ-то въ сани нетрезвый и заснулъ, а ямщикъ и провожатый, по случаю необычайно сильной стужи, отправились на постоялый дворъ. Когда они вернулись къ санямъ, то нашли Стеллера уже окоченѣвшимъ отъ холода». Послѣ смерти С. осталось много очень цѣнныхъ рукописей, заключавшихъ въ себѣ весьма интересныя свѣдѣнія, собранныя имъ во время его путешествій; къ сожалѣнію, не всѣ его замѣтки были представлены въ академію. Опись всѣхъ бумагъ, оставшихся послѣ С., составленная въ 1747 г. академикомъ Крашенинниковымъ, напечатана въ I томѣ «Исторіи императорской академіи наукъ въ Петербургѣ»—П. Пекарскаго (Спб. 1870, стр. 613—616). Двѣ работы его появились въ свѣтъ уже послѣ его смерти въ изданіяхъ академіи наукъ, а именно: «Observationes generales universam historiam piscium concernentes (De generatione piscium)· «Novi Commentarie Academiae scientiarum imperialis petropolitanae», (1753 г., т. III, стр. 405—420), и «Observationes quaedam nidos et ova Avium concernentes. Cum 4 tabulis aeri incisis» (тамъ же, 1758 г., т. IV, стр. 411—428). Краткое изложеніе этихъ работъ на русскомъ языкѣ было напечатано также въ «Содержаніи ученыхъ разсужденій Императорской академіи наукъ» подъ заглавіями: «Генеральныя наблюденія, касающіяся до всей исторіи о рыбахъ» (ч. III, стр. 33—34) и «Примѣчанія, касающіяся до гнѣздъ и яицъ птичьихъ» (ч. IV, стр. 76—78). Кромѣ того рукописями С. въ значительной степени воспользовался Крашенинниковъ, при составленіи своего «Описанія земли Камчатки» (Спб. 1755), ботаническія его наблюденія были эксплоатированы I. Г. Гмелинымъ въ его «Flora sibirica», а замѣтками по зоологіи многократно пользовались Палласъ и Тилезіусъ. Растеніями изъ гербарія С. при посредствѣ Демидова пользовался также и Линней. «И однако, всѣ эти труды, пишетъ академикъ Брандтъ, были результатомъ немногихъ лѣтъ. Чего бы ни былъ въ состояніи выполнить такой человѣкъ, если бы ему была суждена лучшая судьба». Изъ печатныхъ трудовъ С. нужно еще указать вышедшую въ свѣтъ за границей задолго послѣ его смерти книгу: «Georg Wilhelm Stellers... Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten, herausg. von I. B. S(cherer) mit vielen Kupfern» (Frankfurt und Leipzig, 1774. 8°). Книга эта, однако, по небрежности издателя, обладаетъ многими недостатками и содержитъ не мало ложныхъ свѣдѣній, особенно въ помѣщенной въ началѣ ея біографіи С., въ свое время опровергнутыхъ въ нѣмецкой печати Палласомъ, Бюшингомъ и другими.

Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, источниками для біографіи Стеллера могутъ служить: архивъ конференціи Императорской академіи наукъ, связки № 13b и № 13c Stelleriana.—П. Пекарскій, „Исторія Императорской академіи наукъ въ Петербургѣ“ (Спб. 1870, т. I, стр. 587—616). Напечатанная въ этомъ сочиненіи біографія Стеллера является самой полной изъ всѣхъ существующихъ. Она представляетъ собою тѣмъ большій интересъ, что составлена, главнымъ образомъ, на основаніи архивныхъ источниковъ, съ соотвѣтствующими ссылками на нихъ.—„Матеріалы для исторіи Имп. ак. наукъ“, Спб. 1885—1900 г., т. III—X (см. указатели къ каждому тому).—Протоколы засѣданій конференціи Императ. академіи наукъ съ 1725 г. по 1803 г., т. I, 1725—1743, т. II, 1744—1770 (Спб. 1897—98) (см. указатели къ каждому тому).—Герардъ Фридрихъ Миллеръ, „Описанія морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю, съ россійской стороны учиненныхъ“, въ „Ежемѣсячныхъ Академическихъ Сочиненіяхъ“, 1758 г., іюль, стр. 16; августъ, стр. 129, 136, 217—220, 223—224, 228, 238 245, 248, 342—343, 346, 347, 359—360.—П. Пекарскій,

„Архивныя разысканія объ изображеніи несуществующаго нынѣ животнаго Rhytina borealis“, приложеніе къ XV т. „Записокъ Императорской Академіи Наукъ“, № 1.—Соколовъ, „Сѣверная экспедиція 1733 - 43 г.“ въ „Запискахъ гидрографическаго департамента морского министерства“, 1851 г., ч. IX, стр. 194, 207, 331, 368, 370, 374, 379, 383, 386, 390, 392, 412.—„Полное собраніе путешествій по Россіи, изданное Императорской академіей наукъ по предложенію ея президента“, Спб. 1818, т. I, предисловіе, стр IX, XXVI, XXVIII—XXIX, XXXII.—И. Чистовичъ, „Өеофанъ Прокоповичъ и его время“, Спб. 1868, стр. 623—624.—Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи“, Спб. 1883 г., приложеніе, стран. CCCXXXVII—CCCXXXVIII.—Пыпинъ, „Исторія русской этнографіи“, Спб. 1891, т. I, стр. 99—103, т. IV, стр. 216, 224, 225, 259, 261, 346.—Его же, „Исторія русской литературы“, Спб. 1899, т. III, стр. 351.—„Очеркъ исторіи музеевъ Импер. академіи наукъ“; Спб. 1867, стр. 2, 8, 21, 28, 36, 38.—Путеводитель по зоологическому музею Имп. акад. наукъ, стр. 4.—Ю. Симашко, „Описаніе всѣхъ звѣрей, водящихся въ имперіи Россійской“, Спб. 1851, стр. 1042—1057.—С. Крашенинниковъ, „Описаніе рѣдкихъ травъ“ въ „Содержаніи ученыхъ разсужденій Импер. академіи наукъ“; ч. I, стр 77.—„34 е присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, 25 іюня 1865 г.“, Спб. 1866, стр. 141—142.—„Систематическій алфавитный указатель статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ Императ. академіи наукъ, а также сочиненій, изданныхъ отдѣльно со времени ея основанія по 1872 годъ включительно“, Спб. 1875, ч. I, стр. 254—255, 411; ч. II, стр. 118.—Митрополитъ Евгеній, „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, сотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи,“ Москва, 1845, ч. II, стр. 178—179.—Энциклопедическій словарь Брокгауза, s, v.—„Geschichte des Herrn G. W. Stöller“, въ „Beiträge zur Historie der Gelarheit, worinnen die Geschichte der Gelehrten unserer Zeiten beschrieben werden“, Hamburg. 1748, ч. I, стр. 111—124.—„Die heutige Historie oder der gegenwärtige Staat aller Nationen in Europa. Aus dem englischen des H. Salmon und H. von Hoch ins deutsche übersetzt“. Altona uud Leipzig., 1752, стр. 574—578.—„D. Iohann Georg Gmelins Reise durch Sibirien von dem jahr 1738 bis zu Ende 1740“; Göttingen. 1751—52, т. III, стр. 175—183, 361 - 366.—„D. Ioannus Georgius Gmelin“, „Flora Sibirica sive Historia plantarum Sibiriae“, tomus I, p. XC—XCIII, LXXXVIII.—Разборъ книги: „G. W. Stellers... Beschreibung von dem Lande Kamtschatka“ въ „Allgemeine deutsche Bibliothek“, Berlin und Stettin. 1775, т. XXV, стр. 537—543. „D. Wilhelm Michael Richter, „Geschichte der Medicin in Russland, Москва. 1817, ч. III, стр. 288—290.—„Untersuchungen über die nordische Seekuh“ въ „Mèmoires de l'Acadèmie des sciences de St. Pétersbourg, Sciences naturelles VI-me cérie. tome III, стр. 75, 76.— I. F. Brandt, „Symbolae Sirenologicae (тамъ же, VII série, tome XII, № 1).—Его же, „Versuch einer kurzen Übersicht der Fortschritte, welche die Kenntniss der thierirchen Körper den Schriften der Kaiserl. Academie der Wissenschaften zu St. Petersbourg verdankt“ въ „Recueil des actes de la séance publique de l'Académie des sciences de St. Pétersbourg, tenue le 29 Décembre 1831.—Meyer's Konversations-Lexikon, Band XVI, s. 388.—Larousse, Grand Dictionnaire universel du XIX siécle, т. XIV, стр. 1082.—Baldinger, „Russische physisch-medicinische Literatur dieses Jahrhunderts. Deutsche Aerzte und Naturforscher in Russland von Peter I, bis Catharina II“, Marburg, 1792, s. 39—Pallas. „Zuverlässige Nachrichten von den Schicksalen des Herrn Georg Wilhelm Steller“, въ „Physikalisch-ökonomische Bibliothek von J. Beckmann“, 1775, VIII. „A. F. Büsching's Wöchentliche Nachrichten“, 1774, 21. Stück, 163, 167.

П. Гуревичъ.

Стельцеръ (Штельцеръ), *Христіанъ-Юлій-Людвигъ*, профессоръ Московскаго и Дерптскаго университетовъ, правовѣдъ, спеціально криминалистъ; родился въ Зальцведенѣ (Альтмаркъ) 17 февраля 1758 г., умеръ въ Берлинѣ 8 октября 1831 г. Окончивъ курсъ наукъ въ одномъ изъ германскихъ университетовъ и выдержавъ испытаніе на званіе доктора правъ, С. занялъ должность городского секретаря въ Лембахѣ, а въ 1792 г.—юстиціара въ городкѣ Шраплау (близъ Лембаха). Въ 1795 г. онъ былъ приглашенъ на каѳедру криминальнаго права при университетѣ въ Галле, но пробылъ тамъ всего годъ, послѣ чего вновь поселился въ Шраплау. Въ 1806 г., по приглашенію попечителя Московскаго учебнаго округа М. Н. Муравьева, онъ прибылъ въ Москву, гдѣ читалъ въ университетѣ лекціи по исторіи и древностямъ римскаго права, уголовному праву на латинскомъ языкѣ и Галлеву огранологію въ примѣненіи къ уголовной психологіи на нѣмецкомъ языкѣ; приватно же читалъ пространное гражданское римское право и энциклопедію и методологію правъ на латинскомъ или нѣмецкомъ языкахъ; съ 1810 г. кромѣ того на латинскомъ языкѣ читалъ философію уголовнаго права. Во время Отечественной войны 1812 г. онъ покинулъ Москву, переѣхавъ въ Дерптъ (Юрьевъ). Здѣсь С. съ 1815 до 1817 г. былъ профессоромъ мѣстнаго университета, занимая каѳедру лифляндскаго провинціальнаго права, остававшуюся до того долгое время вакантной; въ 1816—17 академическомъ году исполнялъ обязанности ректора университета. Въ 1817 г. въ чинѣ надворнаго совѣтника оставилъ Россію и, по воз

вращеніи на родину, занималъ различныя судебныя должности въ Берлинѣ, гдѣ и скончался. По отзывамъ біографовъ, С. обладалъ обширными познаніями по своей спеціальности. Онъ состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ въ Эрфуртѣ, Москвѣ и Берлинѣ, написалъ много рецензій въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Извѣстна его рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго университета: «De apto vulnerum quantitatem definiendi modo, ad corpus delicti constituendum et imputati opem decernendam». Написалъ статью: «Ueber Theurung des Getreides und Administration des Kammer- oder Dominial-Güter als gegenwirkendes Mittel» (помѣщ. въ «Litterar. Magasin für das Gemeinwohl der Völker», Bd. I, № 1, 1804). Изъ его юридическихъ трудовъ извѣстны: «Grundsätze des peinlichen Rechts» (Erfurt, 1790); «Lehrbuch des deutschen Criminalrechts» (Halle, 1793); «Grundsätze des preussischen gerichtlichen Prozesses» (2 Theile, Leipzig und Halle, 1796); «De necessarie observanda inter vulnera et vulnerationes discintione in genere» (Mosquae, 1810); «Principia juris privati ration» (Mosquae, 1812); «Ueber den Willen,—eine psychologische Untersuchung» (Leipzig, 1817) и пр. Кромѣ юридическихъ трудовъ, С. написалъ еще драму «Montenegro» (Magdeburg, 1781) и много стихотвореній и прозаическихъ произведеній, помѣщенныхъ, въ различныхъ нѣмецкихъ ежемѣсячникахъ, главнымъ образомъ въ журналахъ «Deutsche Monatschrift» (1781—1782 г.) и «Livonia» (1815—1816 гг.).

Meusel, „Neuer Nekrolog der Deutschen“ 9 Jarg., 2 Thl., S. 892.—„Allgemeine deutsche Biographie“, 36 Band, Leipzig, 1893.—I. F. von-Recke u K. E. Napiersky, „Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Estland und Kurland“, Band IX, Mitau, 1832. — Пѣтуховъ, „Дерптскій университетъ въ первый періодъ его существованія“, „Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ.“, 1901 г., декабрь, стр. 310, 311.—Брокгаузъ и Ефронъ. „Энциклопедическій Словарь“, полутомъ 78-ой, Спб., 1903 г. — Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ графическихъ портретовъ“, томъ II, Спб., 1889 г. Имѣется гравированный портретъ С., сдѣланный R. Huber'омъ. *Н. Заринъ.*

Стемпинскій, *Андрей Ѳомичъ*, инженеръ путей сообщенія, дѣйств. ст. сов., род. въ 1834 г., ум. въ ноябрѣ 1888 г. По окончаніи курса въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія (1857 г.), онъ поступилъ на службу въ V (ярославскій) округъ путей сообщенія, гдѣ и оставался до 1866 г.; затѣмъ принималъ участіе въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ: Курско—Харьково—Азовской (1866—1870 гг.), Козлово—Воронежско — Ростовской (1870—1872 гг.) и Лозово—Севастопольской (1872—1874 гг.), исполнялъ должность участковаго инспектора при постройкѣ Оренбургской ж. д., былъ начальникомъ партіи по описанію рѣки Волги и, наконецъ, помощникомъ начальника работъ по устройству новыхъ приладожскихъ каналовъ. Въ 1880 г. С. былъ назначенъ инспекторомъ работъ по устройству Либавскаго порта, при чемъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи соотвѣтственныхъ проектовъ.

С. Житковъ, „Біографіи инженеровъ путей сообщенія“, вып. II, Спб. 1893 г., стр. 85—86. —„Списокъ лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I съ 1811 по 1882 г.“, Спб. 1883, стр. 121. *И. Г—чъ.*

Стемпковскій, *Иванъ Александровичъ*, извѣстный археологъ, керчь-еникальскій градоначальникъ, дѣйств. статск. сов., родился въ 1789 г., въ небольшомъ имѣніи отца, сельцѣ Рязановкѣ, Петровскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ саратовскомъ народномъ училищѣ и въ 1804 г. поступилъ подпрапорщикомъ въ Ладожскій пѣхотный полкъ, гдѣ своими способностями обратилъ на себя вниманіе герцога Ришелье, осматривавшаго дивизію, въ которой служилъ С. Въ 1808 г. герцогъ предложилъ ему при себѣ должность адъютанта, а затѣмъ пригласилъ его къ себѣ въ качествѣ домашняго секретаря. За отличіе при взятіи крѣпости Анны въ 1810 г. подъ главнымъ начальствомъ герцога, а также за храбрость, проявленную въ разныхъ экспедиціяхъ герцога въ 1810—1812 гг. противъ горцевъ, С. былъ пожалованъ чиномъ подпоручика и переведенъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Въ 1812 г., живя въ Одессѣ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ работахъ администраціи по прекращенію моровой язвы, распространившейся по нѣкоторымъ мѣстностямъ Новороссійскаго края, и за свои труды былъ удостоенъ Высочайшаго благоволенія. Въ 1814 г. С. сопровождалъ изъ Одессы въ Вѣну герцога Ришелье, вызваннаго туда Императоромъ Александромъ I; во время пребыванія въ Вѣнѣ онъ былъ

принятъ въ штатъ главной квартиры Его Величества и въ этомъ званіи совершилъ весь походъ 1815 г. Послѣ взятія Парижа С. былъ причисленъ къ отдѣльному корпусу, состоявшему подъ командой генералъ-адъютанта графа Воронцова, и оставленъ во французской столицѣ, гдѣ и пробылъ по 1819 г., посвятивъ это время изученію трудовъ выдающихся археологовъ (см. ниже). Произведенный въ 1816 г. въ штабсъ-капитаны, вслѣдъ затѣмъ за отличіе по службѣ въ капитаны и въ сентябрѣ 1818 г. въ полковники съ переводомъ въ 43-й егерскій полкъ, С., уже по возвращеніи на родину, въ 1820 г. былъ зачисленъ въ 38-ой егерскій полкъ, а въ слѣдующемъ году назначенъ состоять по арміи. Въ 1824 г. на него возложено было предсѣдательство въ комиссіи, учрежденной для провѣрки отчетовъ и дѣйствій Ришельевскаго лицея, а съ 1822 по 1826 г. онъ завѣдывалъ кромѣ того комиссіей по сооруженію памятника герцогу Ришелье. Расшатанное здоровье вынудило С. въ 1827 г. выйти въ отставку, но послѣдняя продолжалась недолго, и уже въ февралѣ 1828 г. онъ принялъ предложенную ему гр. М. С. Воронцовымъ должность градоначальника въ Керчи, куда и прибылъ въ мартѣ того же года. Здѣсь С. положилъ много труда для поднятія благосостоянія города, находившагося вслѣдствіе недавности существованія, незначительности торговли и малочисленности населенія въ крайне печальномъ состояніи. Въ этомъ отношеніи С. имѣлъ за собой обширный опытъ, такъ какъ, будучи адъютантомъ герцога Ришелье и «выросши (по словамъ Ф. Ф. Вигеля) вмѣстѣ съ Одессой», онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ устройствѣ этого новаго портоваго города. Въ Керчи, по иниціативѣ С., было тотчасъ же открыто уѣздное училище; онъ исходатайствовалъ изъ казны на улучшеніе города субсидію въ 50 тысячъ рублей ежегодно, которую городъ продолжалъ получать и много лѣтъ спустя послѣ его смерти; С. положилъ также основаніе керченскому городскому саду, необходимость устройства котораго создавалась крайне антигигіеничнымъ состояніемъ города. Однако, дѣятельность С. въ Керчи, хорошо наладившаяся и снискавшая ему уваженіе какъ высшей администраціи, такъ и жителей, скоро прервалась его смертью. Усиленные труды С. окончательно расшатали его и безъ того слабое здоровье, а появленіе въ 1830 г. въ Керчи холеры и связанная съ борьбой противъ нея исключительная затрата энергіи еще болѣе расшатали его организмъ и обострили таившуюся въ немъ смертельную болѣзнь,—чахотку. Онъ скончался 6 декабря 1832 г., всего на 43 году жизни. Согласно его завѣщанію, онъ былъ похороненъ на вершинѣ горы Митридата. На могилѣ его поставлена часовня; его именемъ названа одна изъ главныхъ улицъ Керчи.

Какъ археологъ, С., по словамъ В. Юргевича, «представляетъ намъ примѣръ того вліянія, какое въ состояніи производить на любознательныхъ людей памятники южно-русскаго края». Наряду съ знаменитыми Бларамбергомъ и Кёппеномъ С. оказалъ важную услугу археологіи по описанію и объясненію памятниковъ и изслѣдованію мѣстностей Новороссійскаго края. Всѣ они—первые способствовали распространенію какъ въ Россіи, такъ и за границей, болѣе подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о монетахъ, надписяхъ и сохранившихся въ разныхъ мѣстахъ черноморскаго побережья остатковъ древнихъ жилищъ. «Почва Греціи и Рима,—говорилъ С.—истощена, а богатства нашей Новороссіи неистощимы». Проникнутая необычайною любовью и обширными знаніями, дѣятельность С., какъ археолога, дала чрезвычайно богатые результаты.

Будучи адъютантомъ герцога Ришелье и живя въ южной Россіи, гдѣ участвовалъ въ экспедиціяхъ герцога, С. имѣлъ возможность часто встрѣчаться съ разнаго рода памятниками, представлявшими значительный историко-археологическій интересъ; для надлежащей ихъ оцѣнки С., однако, недоставало необходимой научной подготовки. Чтобы восполнить этотъ пробѣлъ, онъ воспользовался своимъ четырехлѣтнимъ пребываніемъ въ Парижѣ; здѣсь онъ началъ усердно заниматься соотвѣтственными науками и, получивъ черезъ герцога Ришелье доступъ въ Парижскую академію надписей и словесности, пріобрѣлъ дружбу непремѣннаго секретаря академіи, извѣстнаго корифея археологіи, Рауль-Рошетта, и черезъ его посредство былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ академіи. Въ академіи онъ просиживалъ цѣлые дни, читалъ и перечитывалъ новыхъ и древнихъ авто-

ровъ (послѣднихъ, однако, во французскомъ переводѣ, такъ какъ греческаго и латинскаго языковъ онъ не зналъ; въ этомъ отношеніи ему помогалъ А. Ѳ. Панагіадоръ-Никовулъ) и выписывалъ все, относящееся къ географіи и исторіи Новороссійскаго края. Изъ Парижа С. привезъ съ собой 6 огромныхъ томовъ in 4°, заполненныхъ выписками изъ разныхъ старинныхъ сочиненій (выписки эти, кажется, безвозвратно потеряны для науки—см. «Записки Одесск. Общ. Исторіи и Древностей россійск.» т. II, стр. 726).

По возвращеніи изъ Парижа, С. занялся изслѣдованіемъ древностей, преимущественное вниманіе удѣляя памятникамъ Босфорскаго царства. Неотъемлемая заслуга С. заключается, между прочимъ, въ томъ, что онъ первый возбудилъ мысль объ учрежденіи музеевъ и основаніи общества древностей въ Новороссійскомъ краѣ. Въ 1823 г. онъ подалъ графу М. С. Воронцову замѣчательную записку: «Note sur les recherches d'antiquités qu'il y aurait à faire dans la Russie méridionale», изданную на русскомъ языкѣ въ переводѣ Зиновьева подъ заглавіемъ: «Мысли относительно изысканія древностей въ Новороссійскомъ краѣ» (Спб., 1827 г.) и читанную въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей (сокращеніе этой статьи авторомъ было помѣщено въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1827 г., № 37). Въ этой запискѣ, въ началѣ которой подчеркивается польза археологическихъ изысканій вообще и излагаются нужныя для этой цѣли мѣропріятія, С. съ особеннымъ удареніемъ останавливался на необходимости учрежденія въ Новороссійскомъ краѣ общества, которое подъ покровительствомъ правительства поставило бы себѣ задачу изыскивать, описывать и объяснять открываемые памятники и предметы древностей, спасать отъ разрушенія ихъ остатки и предупреждать столь пагубное расхищеніе вещей, находимыхъ въ развалинахъ и гробницахъ; далѣе въ запискѣ содержатся указанія на богатство Новороссійскаго края именно такими памятниками и подробно выясняется важность ихъ изслѣдованія для исторіи и археологіи. Результатомъ этой записки было устройство двухъ археологическихъ музеевъ: въ Одессѣ (въ 1825 г.) и въ Керчи (въ 1826 г.). Мысль же С. относительно учрежденія общества древностей въ Одессѣ осуществилась только спустя 7 лѣтъ послѣ его смерти. Дѣятельность С., какъ археолога, помимо указанной заслуги, ознаменовалась также рядомъ литературно-научныхъ трудовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собой болѣе или менѣе значительное явленіе въ археологической литературѣ. Въ 1820 г. онъ участвовалъ въ сочиненіи маркиза де-Кастельно: «Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie», гдѣ въ I томѣ ему принадлежитъ глава XXIII: «Coup d'oeil sur quelques restes d'antiquités dans la nouvelle Russie», а во II томѣ глава X: «Des Menonistes colons et voisins des Nogais» и «Des Kozaks de la mer Noire». Въ 1822 г. въ Парижѣ издалъ: «Notice sur les médailles de Rhadameadis, roi inconnu du Bosphore Cimmerien, découvertes en Tauride en 1820». Рауль Рошеръ помѣстилъ его открытіе въ своихъ въ томъ же году изданныхъ «Antiquités du Bosphore»; но ошибку обоихъ, происшедшую вслѣдствіе дурной сохранности экземпляровъ медалей, доказалъ Келеръ («Serapis», I, с. 30—81). Въ 1824 г. С. сообщилъ Гелю (Gail) въ издаваемый имъ журналъ «Le Philologue» цѣнныя данныя по географіи и исторіи древняго Херсонеса и Босфора Киммерійскаго (vol. XVI); въ томъ же году онъ напечаталъ два письма къ Бларамбергу: «О мѣстоположеніи города Танаиса» («Вѣстникъ Европы», 1824 г., №№ 4 и 23), а въ 1825 г. въ «Библіографическихъ Листахъ», издав. Кеппеномъ (II, с. 337), помѣстилъ описаніе интересной находки (древнія монеты и обломки мрамора съ надписями и барельефами), сдѣланной въ 1824 г. на островѣ Тендрѣ Черноморскаго флота капитаномъ Критенемъ. Въ 1826 г. С. напечаталъ: «Изслѣдованія о мѣстоположеніи древнихъ греческихъ населеній на берегахъ Понта Евксинскаго между Тирасомъ и Борисѳеномъ, учиненныя по случаю найденныхъ въ 1823 г. остатковъ древностей въ Одессѣ, съ сравнительною картою древней и новой географіи сихъ мѣстъ», (Спб.); въ 1827 г. издалъ въ Петербургѣ «Извѣстія о древностяхъ, найденныхъ въ Одессѣ въ теченіе лѣта 1826 года». Особенно много статей помѣстилъ С. въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»; наиболѣе важныя изъ нихъ: въ 1826 г.—1) «Médaille de Mithridate III, roi du Bosphore Cimmerien et de la reine Gepaipiris» (№№ 11—22);

по причинѣ дурного сохраненія медалей этого царя ихъ относили до С. къ Савромату I; С. былъ первый, который открылъ въ этомъ случаѣ истину; 2) «Quelques idées sur les recherches d'antiquités dans le Bosphore» (№ 37); 3) «Problèmes numismatiques» (№№ 60, 61); въ 1828 г.—4) «Замѣтки о древностяхъ» (№ 100); въ 1829 г.—5) «Antiquités» (№№ 29, 39); 6) «Décrit des Arcadiens, en faveur de Leucon, prince du Bosphore» (№ 44); 7) «Palimseste, decouvert dans le Bosphore»; 8) «Médaille de Phareansès, ancien roi du Bosphore Cimmerien» (№ 75); 9) «Nouvelles découvertes numismatiques» (№ 77); въ 1830 г.—10) «Monument, élevé à l'empereur Adrién par Rhoemetalces, roi du Bosphore» (№ 93);—11) «Inscription greque, découverte dans l'île de Taman» (№ 101); въ 1832 г.—12) «Надпись временъ Тиверія Юлія Рискупорида, царя Босфора» (№ 52); 13) «Надпись царя Спартока, сына Перисадова» (№ 63). Кромѣ того С. принадлежитъ повѣсть, заимствованная изъ скиѳскихъ обычаевъ: «Радаисъ и Индаръ» («Одесскій Альманахъ») изд. 1831 г.) и статья «О трудахъ дюка де-Ришелье по части управленія въ полуденной Россіи» («Вѣстникъ Европы» 1824 г. № 16), переведенная съ французскаго А. Зиновьевымъ изъ «Journal Asiatique» (1822), гдѣ она была напечатана по желанію парижскаго азіатскаго общества.

Въ ряду многочисленныхъ археологическихъ изысканій, описанныхъ С. въ его работахъ, ему принадлежитъ честь открытія знаменитой куль-обской вазы, найденной имъ въ замѣчательной гробницѣ на горѣ, именуемой Куль-Оба (гора пепла), въ шести верстахъ отъ Керчи. Раскопки этой гробницы производились подъ надзоромъ С. въ 1830 г., т. е. въ бытность керченскимъ градоначальникомъ. Находка эта описана Ашикомъ въ его «Босфорскомъ царствѣ», въ «Древностяхъ Босфора Киммерійскаго», изданныхъ Жилемъ въ Петербургѣ въ 1854—1855 гг. и Спасскимъ въ его сочиненіи «Босфоръ Киммерійскій» («Чтенія Одесск. Общ. Ист. и Древн.», ч. XIV, ст. 38). Трудами С. собрана богатая коллекція монетъ Босфорскихъ царей, состоявшаяизъ монетъ: Фанагоріи—33, Пантикапеи—185, Босфорскаго царства—494, Херсонеса—109, Ольвіи—253, Тираса—18, разныхъ греческихъ и римскихъ—всего до 2000. Коллекція эта была завѣщана С. его другу, русскому офицеру Г. Меффреди. По смерти С. по Высочайшему повелѣнію назначена была особая комиссія для описанія и оцѣнки этой коллекціи, причемъ составленіе каталога и описаніе коллекціи, оцѣненной въ 24.000 франковъ, было ввѣрено члену комиссіи Соколову. По заключенію комиссіи, монеты пріобрѣтены были для Императорскаго с.-петербургскаго эрмитажа. Довольно значительная библіотека С. завѣщана была имъ въ Одесскую публичную библіотеку; его имѣніе Юрзуфъ, на южномъ берегу Крыма,—даръ герцога Ришелье—перешло въ собственность гр. Воронцова; дачу же, также подаренную С. герцогомъ, называемую Ришельевскою, что на Водяной балкѣ, онъ завѣщалъ г. Одессѣ.

С. состоялъ членомъ Парижской академіи надписей и словесности, парижскаго азіатскаго общества и общества сельск. хоз. южной Россіи.

„Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей", т. III, стр. 524; т. V, стр. 901—91 (некрологъ С., составленный А. Ашикомъ); т. X, стр. 391—406.—В. Юргевичъ, „Объ археологическихъ розысканіяхъ и открытіяхъ въ южной Россіи, предшествовавшихъ учрежденію Одесск. Общ. Ист. и Древн.", Ibid, т. XIV.—Его же, „Историческій очеркъ 50-лѣтія Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн.", Одесса, 1889.—„Записки Н. Н. Мурзакевича" въ „Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн.", т. XIV и въ „Русской Старинѣ", 1887 г., т. LIV, стр. 13 и слѣд. — „Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля", въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1864 г. №№ 1—12, 1865 г. №№ 1—4, 6, 9 и 12 и отд. т. 3, ч. 7, М., 1865, стр. 119—„Mémoires de l'Academie St. Pétersbourg", т. X, 1826 г. — Иконниковъ, „Опытъ русской исторіографіи", по указат.—„Одесскій Вѣстникъ" 1833 г., №№ 6 (некрологъ) и 8.—„Библіот. для Чтенія", 1835 г., т. XII, стр. 51—62.—„Journal des savants", 1835.—Словари Энциклопедическій и Малый энциклопедическій, Брокгауза и Ефрона. Большая энциклопедія, Березина, Толя, s. v.—Небольшой гравированный портретъ С. хранится въ музеѣ Одесск. Общ. Ист. и Древн. *Ф. К.*

Стенбокъ—графскій родъ, происходящій изъ Швеціи отъ шведскаго государственнаго совѣтника Іонса, жившаго въ XIII в. Изъ его потомковъ извѣстны *Густавъ* С. (ум. въ 1571 г.), который пять разъ былъ шведскимъ посломъ въ Даніи; дочь послѣдняго, *Екатерина* (1535—1621)—съ 1552 г. третья супруга шведскаго короля Густава Вазы; баронъ *Густавъ* (ум. въ 1629 г.), внукъ упомянутаго Густава С., былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ при заключеніи

мира между Швеціею и Даніею въ 1612 г. Въ 1651 г. родъ С. былъ возведенъ въ графское достоинство. Графъ *Магнусъ* С. (род. въ 1664 г.), одинъ изъ видныхъ генераловъ Карла XII, извѣстенъ своею печальною судьбою: послѣ сдачи Теннингена его увезли въ Копенгагенъ, гдѣ содержали въ какомъ-то тѣсномъ и мрачномъ подвалѣ до самой смерти (1717 г.); украдкой и на клочкахъ бумаги онъ составилъ записку о своемъ жестокомъ заключеніи, которая случайно была найдена послѣ его кончины и въ 1773 г. напечатана. Графъ *Эрикъ* С. былъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, убитъ въ 1659 г. при штурмѣ Копенгагена. Его братъ *Густавъ-Отто* былъ генералъ-адмираломъ. Потомки послѣдняго переселились въ Эстляндію и послѣ присоединенія этого края къ Россіи приняли русское подданство. Въ 1825 г. графу *Іогану-Магнусу* С., мать котораго была единственною дочерью графа В. В. Фермора, дозволено именоваться съ потомствомъ графомъ *Стенбокъ-Ферморъ*, а старшему его сыну *Якову*, женатому на единственной дочери гр. П. К. Эссена, разрѣшено именоваться графомъ *Эссенъ-Стенбокъ-Ферморъ*. Изъ позднѣйшихъ представителей рода С. слѣдуетъ упомянуть еще о гр. *Германѣ Ивановичѣ*, генералъ маіорѣ и командирѣ съ 1843 по 1848 гг. лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка и о гр. *Юліи Ивановичѣ*, (род. въ 1812 г., ум. въ 1870-хъ гг.), который въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника былъ президентомъ департамента удѣловъ. Родъ гр. С. внесенъ въ дворянскіе матрикулы Эстляндской губ., а гр. С.-Ферморъ—въ V часть родословной книги С.-Петербургской и Херсонской губерній.

v. Lieven, „Versuche histoir.-chronologischen und biographischen Abstammung des graflisch Stenboch'schen Geschlechts", Riga, 1792.—Кн. Долгоруковъ, „Россійская родословная книга", ч. II, Спб., 1856.—„Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ", ч. X.—Гр. А. Бобринскій, „Дворянскіе роды, внесенные въ Общій Гербовникъ" ч. I, Спб., 1890.—„Списки титулованнымъ родамъ и лицамъ Россійск. Имперіи", изд. департ. герольдіи правит. сената, Спб., 1892.—A Kleinschmidt, „Russland's Geschichtein der Gerchichte des russischen hohen Adels", Cassel, 1877.

Степановская, *Вѣра*, писательница, сотрудница журналовъ 1859—61 гг. Напечатала—въ «Семейномъ Кругѣ»: «Изъ прошлаго», разсказъ (1859 г., т. III); въ «Разсвѣтѣ»: „Леночка", повѣсть (1860 г., № 1 и 2); «Мачеха» (1860 г., № 8); «Всякому свое», повѣсть (1861 г., №№ 1 и 2); «Германская Швейцарія по соч. графини Доры Д'Истрія» (1861 г., №№ 1, 2 и 3).

Мезіеръ, „Русская словесность съ XI по XIX вѣкъ включ.", Спб., 1902 г., т. II, стр 386, № 17447—449a.—Николай Книжникъ (кн. Н. Н. Голицынъ), „Словарь русскихъ писательницъ", „Русскій Архивъ", 1865 г., ст. 1208.—То же, отдѣльный оттискъ, М., 1870, s. v.—Его же, „Словарь русск. писательницъ", „Варш. Дневникъ", 1864, № 7.—Его же, „Библіографич. словарь русск. писательницъ", Спб., 1889 г., стр. 237.—С. И. Пономаревъ, „Наши писательницы", Спб., 1891 г., стр. 56.

Е. К.

Степанова (2-я), *Анна Матвѣевна*, актриса и пѣвица Императорскихъ театровъ, родилась въ 1816 г. Окончивъ курсъ Петербургскомъ театральномъ училищѣ, она въ 1837 г. удачно дебютировала въ оперѣ «Бронзовый Конь», въ роли Пеки (акварельный портретъ С. въ этой роли былъ сдѣланъ художникомъ Гау), послѣ чего пѣла и играла въ водевиляхъ; въ своихъ выступленіяхъ она обнаружила красивый, звучный голосъ и несомнѣнный сценическій талантъ; однако, артистическая дѣятельность С. была въ самомъ началѣ прервана преждевременной смертью; она умерла 9 декабря 1838 г. отъ чахотки, всего 23 лѣтъ отъ роду, и погребена на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

„Записки Т. Глинки", „Русск. Стар." т. II, стр. 271, 272.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", 1889 г., стр. 1670.

В. Г.

Степанова (1-ая), *Марія Матвѣевна*, актриса С.-Петербургскаго театра, пѣвица, родилась въ 1814 г.; воспитаніе получила въ Петербургскомъ театральномъ училищѣ, гдѣ была ученицею извѣстнаго Кавоса; изъ училища вышла въ 1832 г. и затѣмъ долгое время пѣла на сценѣ. У нея былъ сильный и пріятный голосъ (высокій сопрано) и очень разнообразный репетуаръ. С. первая исполнила партію Антониды въ «Жизни за Царя» и имѣла въ этой роли значительный успѣхъ. Въ 1854 г. она покинула сцену и поселилась въ провинціи, гдѣ и жила до самой смерти, послѣдовавшей въ серединѣ 1860-хъ годовъ.

М. К(ублицкій), „Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ", М., 1874 г.—„Не-

обходимое дополнительное приложеніе" къ „Настольному словарю Ф. Толля", Спб., 1866 г., s. v. *В. Г.*

Степановъ, *Александръ Васильевичъ*, присяжный повѣренный округа тифлисской судебной палаты, родился въ 1845 г. въ Пермской губерніи, умеръ 6 іюля 1887 г. въ Манглисѣ. Окончивъ въ 1865 г. курсъ университета св. Владиміра со степенью кандидата юридическихъ наукъ, С. въ томъ же году былъ назначенъ на должность судебнаго слѣдователя въ Екатеринбургѣ, а въ слѣдующемъ переведенъ въ пермскую судебную палату для участія въ разрѣшеніи дѣлъ на правахъ члена. Съ введеніемъ судебной реформы, С., наряду со многими лучшими людьми Россіи того времени, сталъ стремиться на дѣло служенія новому суду. Покинувъ относительно видное мѣсто члена соединенной палаты, онъ въ 1868 г. зачислился въ тульскій окружный судъ кандидатомъ на судебныя должности. Въ слѣдующемъ 1869 г. онъ былъ вызванъ въ Тифлисъ, гдѣ послѣдовательно занималъ должность товарища прокурора, члена окружнаго суда, а съ конца 1870 г.—члена тифлисской судебной палаты. Несмотря на свою молодость, С. пользовался въ это время репутаціей талантливаго юриста, обладающаго солидными познаніями въ своей спеціальности и строгимъ отношеніемъ къ судейскимъ обязанностямъ. Въ 1873 г. онъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя присяжной адвокатурѣ. На этомъ поприщѣ онъ славился ораторскимъ талантомъ, безукоризненною честностью и справедливостью. Одно время онъ издавалъ журналъ «Юридическое Обозрѣніе», но вскорѣ оставилъ его вслѣдствіе недостаточности въ краѣ юридическихъ силъ, необходимыхъ для поддержанія серьезнаго спеціальнаго органа. Послѣ этой неудачи С. принялся за изданіе газеты «Новое Обозрѣніе», которая, благодаря умѣлой и талантливой редакціи, въ непродолжительномъ времени сдѣлалась одной изъ лучшихъ и наиболѣе интересныхъ провинціальныхъ газетъ.

Некрологъ въ „Новомъ Обозрѣніи", 1887 г., № 1223.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", выпускъ 7.—Ѳ. Быковъ, „Александръ Васильевичъ Степановъ", ст. въ „Новомъ Обозрѣніи", 1887 г., № 1225,—Н. Д., „Памяти А. В. Степанова", въ „Дѣлѣ", 1887 г., май, стр. 99—102. *Вл. Грековъ.*

Степановъ, *Александръ Петровичъ*, енисейскій и саратовскій губернаторъ, писатель; потомокъ стариннаго дворянскаго рода, сынъ отставного премьеръ-маіора, потомъ надв. сов., козельскаго городничаго и мещовскаго судьи Петра Семеновича Степанова (ум. 1791 г.) отъ брака его съ дочерью оберъ-церемоніймейстера Ст. Ѳедор. Капталинскаго — Пелагеей Степановной (ум. 1826); родился въ родовомъ имѣніи дер. Зеновкѣ, Калужской губ., 4 мая 1781 г., воспитывался въ домѣ отца, котораго потерялъ, будучи 9 лѣтъ, а потомъ подъ руководствомъ гувернера-итальянца, затѣмъ былъ отданъ въ пансіонъ извѣстнаго профессора Московскаго университета Б. Б. Шадена, откуда около 1793 г. былъ переведенъ въ университетскій Благородный пансіонъ. Записанный въ л.-гв. Преображенскій полкъ сержантомъ, онъ, въ началѣ царствованія имп. Павла, долженъ былъ явиться на службу, а затѣмъ былъ переведенъ прапорщикомъ въ Московскій гренадерскій полкъ, который вошелъ въ составъ войскъ, двигавшихся въ Италію подъ предводительствомъ Суворова; юноша назначался то ординарцемъ, то адъютантомъ, находился въ свитѣ у Кушникова и Багратіона, а потомъ поступилъ въ штабъ самого Суворова, который, узнавъ, что С. хорошо владѣетъ перомъ, поручалъ ему писать отвѣтъ на поздравительныя оды, которыя присылались во множествѣ въ главную квартиру, и въ шутку называлъ его «своимъ маленькимъ Демосѳеномъ»; довольный сочиненными С. словами къ одному «польскому», Суворовъ наградилъ его командорскимъ крестомъ ордена Іоанна Іерусалимскаго. Когда въ Баварію былъ посланъ Суворовымъ князь Горчаковъ съ просьбою разрѣшить нашимъ войскамъ зимовку и отдыхъ на баварской территоріи, С. былъ прикомандированъ къ свитѣ князя, будучи уже въ это время поручикомъ. По возвращеніи въ Россію, онъ получилъ назначеніе адъютантомъ къ шефу Старооскольскаго пѣхотнаго полка, генералу Быкову, влюбился въ его дочь, Екатерину Ѳедосѣевну, и обвѣнчался съ нею, несмотря на сопротивленіе этому браку со стороны его матери. Вынужденный обстоятельствами, С. въ 1801 г. вышелъ въ отставку (съ чиномъ штабсъ-капитана), а 5 декабря 1802 г., при учрежденіи министерства юстиціи, поступилъ въ департаментъ этого

министерства и въ 1804 г., уже въ чинѣ колл. асессора (съ 5 дек. 1803 г.), былъ здѣсь столоначальникомъ во 2-й экспедиціи (по губерніямъ); въ это время онъ познакомился съ И. И. Дмитріевымъ и Державинымъ. Назначенный 1 августа 1804 г. калужскимъ губернскимъ прокуроромъ, онъ получивъ въ 1809 г. чинъ колл. совѣтника пробылъ въ этой должности до 5 января 1812 г., когда вышелъ въ отставку съ намѣреніемъ вернуться въ военную службу, но сдѣлать этого ему не удалось, и онъ опредѣлился по особымъ порученіямъ къ сенатору П. Н. Каверину, занимавшемуся сперва продовольствіемъ арміи, а потомъ— приведеніемъ въ порядокъ губерній, опустошенныхъ непріятелемъ. По окончаніи войны, С. поселился въ своемъ имѣніи Ловать (Жиздринскаго уѣзда), гдѣ занимался воспитаніемъ дѣтей, а также литературными трудами; въ это время онъ написалъ свою, впрочемъ неудачную, поэму «Суворовъ», изданную позднѣе, а также рядъ стихотвореній, которыя были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Отдавъ сыновей въ Московскій университетскій Благородный пансіонъ, С. поѣхалъ въ Петербургъ искать службы и черезъ своихъ знакомыхъ—Кушникова, кн. Кочубея и гр. Милорадовича, достигъ желаемаго: съ образованіемъ въ 1822 г. Енисейской губерніи, С., съ производствомъ въ ст. совѣтники, былъ назначенъ туда губернаторомъ; онъ занималъ это мѣсто до 26 апрѣля 1831 г., будучи въ 1825 г. награжденъ чиномъ д. с. совѣтника. Живя въ Красноярскѣ, онъ неоднократно объѣзжалъ свою губернію, посылая Государю любопытные отчеты о своихъ путешествіяхъ; изъ нихъ потомъ составилась цѣлая книга. Съ 1831 г. С. числился при герольдіи и жилъ въ имѣніи умершей матери—с. Троицкомъ, гдѣ занимался хозяйствомъ, а также писаніемъ своего романа «Постоялый дворъ» (см. ниже), осенью 1834 г. пріѣхалъ въ Петербургъ для изданія его и для прінсканія мѣста, — и 5 декабря 1835 г. былъ назначенъ саратовскимъ губернаторомъ; здѣсь онъ пробылъ недолго, ибо уже 27 марта 1837 г. былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ съ назначеніемъ членомъ статистическаго комитета, но вскорѣ (25 ноября 1837 г.) умеръ въ Петербургѣ; погребенъ онъ въ с. Троицкомъ.

С. принадлежитъ къ числу довольно извѣстныхъ литераторовъ 1820--1830-хъ гг.; начавъ писать стихи съ десятилѣтняго возраста, онъ 26 февраля 1816 г. былъ избранъ въ дѣйствительные члены общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ, въ «Трудахъ» коего напечаталъ нѣсколько стихотвореній (напр. «Сила ума», «О красотѣ. Къ Доридѣ. Пѣснь лирическая»—ч. X, 1818 г., изд. 2, стр. 42—47), въ 1821 г. напечаталъ въ Москвѣ лирическую поэму «Суворовъ»; въ «Калужскихъ вечерахъ» А. А. Писарева помѣстилъ «Преданіе о городѣ Калугѣ» (ч. II, М., 1825 г.), въ «Енисейскомъ Альманахѣ на 1828 г.» И. Петрова, вышедшемъ, вѣроятно, по его же почину,— стих. «Поэзія и музыка» и «Пѣснь» (вѣроятно, ему же принадлежатъ здѣсь статьи, подписанныя буквою S: «Путешествіе въ Кяхту изъ Красноярска»— стр. 1—98; «Взглядъ на физическое положеніе Минусинскаго округа»—стр. 108—113, стих. «З—у»—стр. 71, «Отрывокъ изъ поэмы: Превращеніе наяды Менты въ мяту Прозерпиною»); въ «Сѣверной Пчелѣ» 1828 г., № 38, помѣщено его «Письмо къ издателямъ изъ Красноярска» о мѣстной природѣ и температурѣ (перепечатано въ «Bulletin du Nord» 1829 г., № 3, стр. 314—316); въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1830 г., ч. V, стр. 202—207.—«Письмо къ издателю изъ Сибири» (тоже изъ Красноярска). Въ 1835 г. С. выпустилъ въ свѣтъ свой трудъ (посвященный Имп. Николаю) «Енисейская губернія» (Спб., 2 ч., съ картою, II + 276 и II + 139 + XIV), часть котораго напечатана была также въ «Спб. Вѣдом.» 1834 г. (№№ 190 — 195) и въ «Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ» 1835 г. (ч. XVII, стр. 104 — 143 и 426 — 446); здѣсь находится всестороннее описаніе губерніи, съ которою С. хорошо ознакомился въ бытность свою губернаторомъ. Въ томъ же 1835 г. С. выпустилъ (анонимно) романъ «Постоялый дворъ. Записки покойнаго Горянова, изданныя его другомъ Н. П. Маловымъ» (Спб., 4 ч., 315, 282, 149 и 249 стр.), въ которомъ много автобіографическихъ чертъ, много вѣрныхъ наблюденій, сужденій, цѣлая картина современнаго автору общества и его нравовъ; мнѣнія критиковъ объ этомъ произведеніи раздѣлились: Бѣлинскій написалъ на него длин-

ную бранчивую рецензію, Сенковскій его расхвалилъ; и тотъ, и другой отзывы пристрастны; справедливость требуетъ мнѣнія средняго: страдая длиннотами и отступленіями нравоучительнаго характера, романъ обладалъ и достоинствами; недаромъ «въ 1830-хъ годахъ зачитывались этимъ повѣствованіемъ о вѣчномъ чиновникѣ со звѣздой (Горяновѣ), который, бросивъ блестящую карьеру, построилъ постоялый дворъ на большой дорогѣ», а «героиней романа, княжной Серпуховской, бредили читательницы»; недаромъ онъ «читался легко и охотно въ цѣлой Россіи». А. В. Дружининъ, въ своей статьѣ о Степановѣ, разобравшій его романъ съ исторической точки зрѣнія, считаетъ его замѣчательнымъ произведеніемъ, которое «должно жить и будетъ жить въ русской литературѣ», и свидѣтельствуетъ о томъ громадномъ успѣхѣ, которымъ «Постоялый дворъ» пользовался у тогдашнихъ читателей. Успѣхъ, вызванный романомъ въ широкомъ кругу любителей и любительницъ чтенія, поощрилъ С., и вслѣдъ за тѣмъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» Сенковскаго онъ помѣстилъ рядъ своихъ произведеній: «Блистательное воспитаніе» (т. VIII), «Прихоть», повѣсть (т. X), «Ветошникъ Алеша» (т. XII), «Чортовы салазки, быль XVII в.» (т. XVI), «Легенда о томъ, какъ покойный Бурмиловъ въ 30 лѣтъ собрался строить себѣ новый домъ въ деревнѣ, какъ онъ наконецъ его построилъ и что послѣ того случилось» (т. XXVI); въ «Сѣверной Пчелѣ» 1837 г. (№ 229) появился отрывокъ изъ его новаго романа «Тайна», а въ «Сборникѣ на 1838 годъ» напечатанъ былъ другой отрывокъ, весь же романъ былъ изданъ уже послѣ смерти автора (Спб., 1838, 4 ч., 223, 214, 225 и 215 стр.); одновременно былъ выпущенъ сборникъ произведеній С. «Повѣсти и путешествіе въ Маймай-Чень» (Спб., 1838, 2 ч., 224 и 171 стр.); и та, и другая книги опять вызвали противоположные отзывы Бѣлинскаго и Сенковскаго.

Въ 1815 г., будучи въ Петербургѣ, С. вступилъ въ масонскую ложу «Les amis réunis»; любопытное описаніе принятія въ ложу, сохранившееся въ бумагахъ С., напечатано въ «Русской Старинѣ» (1870 г., т. I); тамъ же помѣщено и письмо С. по этому же поводу къ дядѣ его, извѣстному московскому масону Руфу Семеновичу Степанову. Въ журн. «Русская Школа» 1891 г. (№ 1, стр. 9—27) опубликованъ любопытный отрывокъ изъ воспоминаній С. («Страничка изъ исторіи воспитанія въ Россіи конца прошлаго вѣка»), въ которомъ находятся цѣнныя сообщенія о дѣтствѣ автора, его жизни у Шадена и въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ; въ «Русской Старинѣ» 1888 г. (т. 58, стр. 698) напечатана сочиненная С. «Пѣсня» («Злые люди пусть смѣются»), сдѣлавшаяся одною изъ любимѣйшихъ сибирскихъ пѣсенъ (переводъ ея на франц. яз. напечатанъ въ «Revue des Deux Mondes» въ началѣ 1860-хъ гг.); на отдѣльномъ листѣ было напечатано его стихотвореніе «Прощаніе съ Енисеемъ», 1832 г. С. значится въ спискѣ сотрудниковъ «Энциклопедическаго лексикона» Плюшара (т. VII, стр. X); онъ былъ почетнымъ членомъ Импер. общества испытателей природы и (съ 1822 г.) членомъ московскаго общества сельскаго хозяйства, и принималъ участіе въ его трудахъ; такъ, въ «Земледѣльч. Журналѣ» за 1824 г. напечатана его статья: «О дикорастущихъ въ Сибири коноплѣ, гречѣ и льнѣ». Будучи саратовскимъ губернаторомъ, онъ содѣйствовалъ (въ 1837 г.) закрытію Иргизскаго старообрядческаго монастыря, что, между прочимъ, послужило поводомъ къ отозванію его изъ губерніи.

„Собр. соч. А. В. Дружинина", т. VII (воспоминанія о С.; ранѣе были напечатаны въ серіи статей подъ заглав. „Этюды о старыхъ и новыхъ писателяхъ" въ „Библ. для Чтенія" 1857 г., №№ 7 и 8, отд. 2, стр. 81—112 и 183—234).—„Енисейскія Губерн. Вѣдом." 1893 г., № 27 („А. П. Степановъ, первый енис. губернаторъ").—„Мѣсяцесловъ на 1839 г.", стр. 146; извлеченіе изъ форм. списка; Мѣсяцесловъ съ росп. чин. особъ.—„Моск. Вѣд." 1827 г., № 80, стр. 3197 (его имѣнія). — Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русск. родосл. книга", т. II, Спб., 1895 г., стр. 254—255. — Н. В. Сушковъ, „Моск. Унив. Благор. Пансіонъ", М., 1858 г., стр. 86—87.—„Пѣсня, сочиненная первымъ енисейскимъ губернаторомъ, А. П. Степановымъ", сообщ. М. А. Александровъ, съ прим. П. А. Степанова, „Русск. Стар." 1888 г., т. 58, № 6, стр. 699—700; тамъ же, 1891 г., т. 70, стр. 211.—„Записки барона А. Е. Розена", Спб., 1907 г., стр. 165. — С. Шевыревъ, „Исторія Импер. Московскаго университета", М., 1855 г., стр. 268.—„Жизнь и труды Погодина", Н. Барсукова, т. II, стр. 81.—„Труды Общ. Любит. Росс. словесн.", 1817 г., ч. VIII, стр. 33 и 84. — С. И. Масловъ, „Историч. обозр. Имп. Моск. общества сельск. хоз.", М., 1846 г., прилож., стр. 193, 268.—А. М. Фадѣевъ, „Воспоминанія", Одесса, 1897 г., стр. 157, 159.—Th. Koeppen, „Bibliotheca Zool. Rossica", t. II, p. 209.—Сочиненія П. А. Плетнева, II, 237—238.—Сочиненія В.

Бѣлинскаго, ред. С. А. Венгерова, т. II, III, IV.—Собр. сочин. О. И. Сенковскаго, т. IX, Спб., 1859 г., стр. 266—267.—В. И. Межовъ, „Сибирская библіографія", т. II, Спб., 1891 г., стр. 320.—„Древняя и Новая Россія", 1876 г., III, 184.—„Библ. для Чтенія", 1835 г., т. XI, № 19, отд. VI, стр. 3; т. XII, сент., отд. IV, стр. 9—10, № 21, стр. 1 и № 22, стр. 35; 1838 г., т. XXX, сент., отд. VI, стр. 19.—„Сѣв. Пчела", 1837 г., № 280.—„Сынъ Отеч.", 1857 г., №№ 31 и 37.—Реценз. на поэму „Суворовъ": „Сынъ От.", 1821 г., ч. 73, стр. 235; „Благонамѣренный", 1821 г., № 17—18, прибавленіе, стр. 4—8.—Рецензія на соч. „Енисейская губ.": „Библ. для Чтенія", 1835 г., т. 12, №№ 9—10 и 12, стр. 1—58; „Журн. Мин. Нар. Просв", 1835 г., ч. 7 № 8, стр. 413—415 (рец. В. Г.); „Литературн. прибавл. къ Русскому Инвалиду", 1835 г., №№ 79—81 и 85 (рец. К. К.); „Русск. Инвалидъ", 1835 г., №№ 188 и 189; „Сѣверн. Пчела", 1835 г., № 157 (рец. И. Медвѣдовскаго). Th. Koeppen, „Bibliotheca Zoologica Rossica", t. I, p. 67—Рец. на „Повѣсти и путешествіе въ Маймачинъ": „Литер. прибавл. къ Русск. Инвал.", 1838 г., № 9; „Современ.", 1838 г., т. 9, стр. 90—93; „Сѣв. Пчела", 1838 г., № 11; „Русск. Инвалидъ", 1838 г., № 35; „Библ. для Чтенія", 1838 г., т. 26, стр. 57.—„Самарск. Епарх. Вѣдом.", 1872—1875 гг., т. 23, стр. 688—692; 1879 г., т. 24, стр. 552—554 (объ участіи С. въ закрытіи Иргизскаго старообрядч. монастыря).

Б. Модзалевскій.

Степановъ, *Артемій*, впервые упоминается подъ 1656 г., когда онъ значится приказнымъ подъячимъ; подъ его наблюденіемъ въ это время были перевезены изъ Разряда въ Пушкарскій приказъ 12 пушекъ и 3 литавра, отбитыхъ кіевскимъ воеводой кн. Ромодановскимъ у поляковъ и доставленныхъ имъ въ Москву. Въ 1658 г. С. упоминается въ качествѣ приказнаго дьяка; за его скрѣпою грамота царя Алексѣя Михаиловича виленскому воеводѣ кн. Шаховскому, подтверждавшая права и привиллегіи, данныя виленскимъ гражданамъ великими князьями литовскими и королями польскими. 1671—74 гг. С.—дьякъ приказа тайныхъ дѣлъ; 1675—1694 гг.—дьякъ Приказа Большой казны, въ январѣ 1696 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царя Іоанна Алексѣевича, а въ декабрѣ этого года былъ дьякомъ въ Кіевѣ.

„Акты ист.", V, с. 68, 214, 353, 425.—„Доп. къ акт. ист.", VI, с. 89, 92, 332, 399; IX, с. 105, 139, 143, 145.—„Собр. Гос. Гр. и Дог.", IV, с. 32, 628, 656.—„Акты Моск. госуд.", Спб., 1894 г., т. II, с. 477.—П. С. З., II, с. 267, III, с. 102.—Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ XVII ст.", Спб. 1902 г., с. 104.

В. Корсакова.

Степановъ, *Василій*, думный дьякъ, впервые упоминается въ качествѣ московскаго дьяка Помѣстнаго приказа; въ теченіе 1555—1558 гг. стоялъ, повидимому, во главѣ этого приказа; хотя прямыхъ указаній на это и не имѣется, но такой выводъ съ достаточною вѣроятностью косвеннымъ путемъ подтверждается цѣлымъ рядомъ сохранившихся грамотъ и другихъ документовъ за это время, снабженныхъ скрѣпою С. Подпись его имѣется, напр., на 61 грамотѣ изъ Помѣстнаго приказа въ Новгородъ съ различнѣйшими распоряженіями, касающимися помѣстій и землевладѣнія (съ 31 августа 1555 г. по 24 марта 1556 г.), затѣмъ ею скрѣплена любопытная и въ историческомъ отношеніи немаловажная писцовая «Книга Торопецкая» (хранится въ архивѣ минист. иностр. дѣлъ въ Москвѣ, рукопись за № IX—2), наконецъ С. подписаны рядъ грамотъ на владѣніе помѣстьями, пожалованными разнымъ лицамъ и служилымъ родамъ (1556—1557 гг.). Въ 1558 г. онъ сидѣлъ въ Казенномъ приказѣ, а нѣсколько позже его имя встрѣчается въ документахъ Посольскаго приказа; въ 1566 г.—участвовалъ въ земскомъ соборѣ и въ 1567 г. вновь находился въ Помѣстномъ приказѣ, завѣдывая преимущественно вотчинными дѣлами Московскаго уѣзда. Благодаря своему уму и ловкости, С. занималъ довольно видное положеніе среди современныхъ ему чиновниковъ. По крайней мѣрѣ замѣтной величиною считалъ его Грозный, который по возвращеніи изъ покореннаго Пскова въ 1570 г. предалъ его слѣдствію наряду съ такими вліятельными лицами, какъ бояринъ Алексѣй Басмановъ, казначей Никита Фуниковъ, печатникъ Иванъ Висковатый и др., обвинявшимися въ «измѣнномъ дѣлѣ», въ сношеніяхъ съ новгородскимъ архіепископомъ Пименомъ и другими лицами съ цѣлью сдать Псковъ и Новгородъ литовскому королю, самого Іоанна извести, а на царство посадить Владиміра Андреевича. Въ числѣ казненныхъ по этому дѣлу былъ и С., и имя его внесено въ синодикъ.

„Полное Собран. Русск. Лѣтопис.", т. III, стр. 254—262.—„Акты Юридическіе", №№ 137, 138, 209.—Сборникъ Новгородскихъ грамотъ, часть напечатана въ „Дополн. къ Актамъ Историч.", т. I, №№ 52, 100, 111 (№№ II—V, X—XIV, XXII, XXV—XXIX, XXXI—XXXIX); 34 неизданныхъ грамотъ въ рукописяхъ находятся въ архивѣ Археографич. комис.

(№№ 85, 133, 137, 139, 141, 143, 151, 153, 154, 157, 158, 167, 183, 185—187, 189, 190, 195—197, 200—207, 209—212, 219).- „Переписная книга Посольскаго приказа 1626 г.“ (въ Московск. архивѣ минист. иностр. дѣлъ), № 2, листъ 423.—„Правая грамота по вотчинному дѣлу, производ. въ 7067 г.“, изд. А. Сандунова, М., 1830 г.—Синодикъ Московск. Богоявленскаго монастыря (рукопись Импер. публ. библ., Q., IV, № 129), листъ 125.—„Собраніе Гос. Грам. и Догов.“, т. I, стр. 553.—„Историч. Библіотека“, т. II, Спб., 1875 г., стр. 42, 97,—Н. В. Калачевъ, „Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“, кн. III, 1861 г., отд. 2, стр. 45.—Карамзинъ, „Исторія Госуд. Россійск.“, изд. Эйнерлинга, т. IX, Спб., 1843 г., стр. 91, прим. 299.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйш. временъ“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. II, стр. 175.—Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, т. II, Спб. 1895 г., стр. 253.

Н. С—въ.

Степановъ, *Василій*, одинъ изъ хлыстовскихъ учителей и «пѣснопѣвцевъ», родился около 1700 г. Отецъ его былъ полякъ. Самъ же С. еще въ молодые годы былъ взятъ казаками въ плѣнъ и проданъ въ холопы, но черезъ нѣкоторое время принялъ православіе и получилъ свободу. Въ выданныхъ ему документахъ онъ былъ названъ просто «гулящимъ человѣкомъ польскаго происхожденія». Человѣкъ въ высшей степени способный, онъ всяческими путями умудрился выучиться грамотѣ и сдѣлался замѣчательнымъ знатокомъ Священнаго Писанія. Въ началѣ 20-хъ годовъ XVIII в., живя въ Москвѣ, онъ познакомился съ нѣкоторыми наиболѣе выдающимися представителями секты хлыстовъ: Прокофіемъ Лупкинымъ, называвшимъ себя «христомъ», и «богородицами» Настасьей Карповой, Трофимовой и др. Подъ ихъ вліяніемъ онъ искренно увлекся этимъ ученіемъ, сущность котораго, согласно положеніямъ его основателей, Данилы Филиппова и Ивана Суслова, сводилась къ тому, что «божество» есть субстанція, которая въ образѣ «бога-отца» или «бога-сына» можетъ селиться въ достойныхъ людей, даже въ нѣсколькихъ одновременно, и черезъ нихъ проявлять свою волю; поэтому Христосъ является лишь исторически первымъ, но не единственнымъ «Христомъ» и пр. Вступивъ въ члены секты, страстный и впечатлительный С. не ограничился исповѣданіемъ ея догматовъ, но сталъ стремиться къ тому, чтобы найти для нихъ основаніе въ самомъ Священномъ Писаніи. Для этой цѣли онъ выбралъ изъ книгъ какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣтовъ всѣ тексты, которые, по его мнѣнію, могли бы подтвердить какъ основу ученія, такъ и различные практическіе выводы изъ него. Пылкій проповѣдникъ, искренній и страстный защитникъ идей своего ученія, фанатикъ до мозга костей и знатокъ всевозможнѣйшихъ текстовъ, С., быть можетъ, болѣе, чѣмъ кто либо иной, содѣйствовалъ распространенію секты въ первой четверти XVIII в. въ Москвѣ и окрестностяхъ ея. Онъ былъ также прекраснымъ исполнителемъ хлыстовскихъ религіозныхъ пѣсенъ, и пѣсни эти производили на него во время «радѣній» и моленій такое впечатлѣніе, что—«признавалъ онъ, Василій, приходящаго на него духа святого, чего ради въ оныя времена у него, Василья, сердце трепеталось, и бывалъ въ великой радости, и поднимало его съ лавки, подбрасывало сажени на двѣ и больше, и лежалъ безъ памяти». По приглашенію дочери коломенскаго дворцоваго садовника Марѳы Васильевой, также замѣчательной мастерицы пѣть сектантскія пѣсни, С. отправился въ дворцовое село Коломенское и основалъ тамъ отдѣльный «корабль», т. е. хлыстовскій кружокъ, въ который привлекъ много новыхъ членовъ. Въ грозный для хлыстовъ 1733 г., когда по донесеніямъ извѣстнаго бывшаго разбойника, а затѣмъ шпіона Ваньки Каина, онъ же Карауловъ, было произведено слѣдствіе по дѣлу о хлыстахъ и многіе изъ нихъ были сосланы въ Сибирь, С. успѣлъ скрыться и тайно жилъ въ окрестностяхъ Москвы. Страданія его «друговъ-товарищей» еще болѣе разожгли въ немъ мистицизмъ и фанатизмъ, и какъ только гроза преслѣдованій нѣсколько стихла, онъ снова основалъ, на этотъ разъ въ с. Братиновѣ, хлыстовскій кружокъ, членами въ который поступили очень многіе крестьяне. Кружокъ этотъ завоевалъ среди сектантовъ такую славу, что послушать исполнявшіяся въ немъ пѣсни приходили хлысты даже изъ центра секты—Москвы. О дальнѣйшей жизни С., а также о томъ, какъ онъ ее кончилъ, не сохранилось никакихъ свѣдѣній. С. сочинилъ самъ нѣсколько хлыстовскихъ пѣснопѣній: «Расплачется царь Давидъ, у пустыни стоя стоючи, горьки слезы проливаючи...», «Благодатный Богъ нашъ, упованье Божье...», «Свѣтъ, Боже! Царство небесное, царствіе блаженный рай...» и др.

„Показаніе лжеучителя Ивана Чуркина".— „Показаніе Андреяна Петрова". „Дѣло о квакерской ереси 1745—1752 г. — Н. В. Реутскій, „Люди Божьи и скопцы", М., 1872, стр. 45—50.
И. Григорьевъ.

Степановъ, *Иванъ.* Въ теченіе четверти вѣка (1650 — 75 гг.) упоминаются дьяки Степановы съ именемъ Ивана на службѣ во многихъ городахъ и въ разныхъ приказахъ. Такъ какъ ни разу не отмѣчено отчество, то невозможно разобрать, относятся ли приводимыя ниже свѣдѣнія къ одному или нѣсколькимъ лицамъ. Надо полагать, что одинъ дьякъ былъ въ городахъ, а двое въ приказахъ, хотя утверждать это съ полною опредѣленностью все же нѣтъ данныхъ. 1) Въ 1650—52 гг. С. упоминается дьякомъ въ Псковѣ; 1654—55 гг. — въ Смоленскѣ; 1663—66 гг.—въ Астрахани; 1674—75 гг.—въ Новгородѣ Великомъ.—2) Что же касается дьячества въ приказахъ, то имя одного С. начинаетъ фигурировать съ 1654 г., когда онъ отмѣченъ дьякомъ сначала въ приказѣ Большого Прихода, а затѣмъ въ Разбойномъ приказѣ, гдѣ находился тоже въ 1660—63 гг. и въ 1666 г. Въ 1655 г.—въ приказѣ Хлѣбнаго Сбора. Въ 1658 г.—въ Оружейной палатѣ. Въ 1663 г.—въ Патріаршемъ разрядѣ. Въ 1668—71 гг.—въ Холопьемъ приказѣ и въ тѣ же самые годы, повидимому, другой дьякъ С. упоминается въ приказѣ Новой Чети, переименованномъ въ 1670 г. въ Новгородскій приказъ.

„Акты ист.". IV, с. 366, 439.—„Доп. къ акт. ист.", III, с. 273, 288, 318; IV, с. 42, 43; V, с. 243, 341, 379, 433; VI, с. 31—33, 37, 333. 334.—„Акты Арх. Эксп." IV, с. 69, 70, 219.— „Др. рос. Вивл.", XX., с. 287, 387. — „Русск. Ист. Библ." VIII, с. 911, 913, 917.—„Дв. разр.", III, прилож. - Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ XVII ст.", Спб. 1902 г., с. 11, 154, 155, 185, 209.
В. Корсакова.

Степановъ, *Иванъ Григорьевичъ*—капитанъ-командоръ; 1 мая 1783 г. поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, по окончаніи курса котораго въ 1788 г. былъ произведенъ въ лейтенанты. Въ 1789 г. онъ принималъ участіе въ Элландскомъ сраженіи, а въ слѣдующемъ году, состоя на кораблѣ «Константинъ», былъ въ сраженіи подъ Выборгомъ. Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ С. совершалъ обычныя плаванія по Балтійскому морю, вплоть до 1796 г., когда былъ командированъ въ Астрахань, откуда, послѣдовательно командуя пакетботомъ «Летучій» и бригантиной «Слава», многократно ѣздилъ къ персидскимъ берегамъ. Въ 1798 г. онъ былъ отправленъ въ Казань съ порученіемъ заготовить строевой лѣсъ, что вполнѣ успѣшно исполнилъ къ 1800 г., когда переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и опредѣленъ вновь въ Балтійскій флотъ. Черезъ два года онъ опять былъ посланъ въ Астрахань, гдѣ получилъ въ командованіе фрегатъ «№ 2», затѣмъ корабль «Громъ». Въ Астрахани С. въ 1807 г. былъ награжденъ «за 18 морскихъ кампаній» орденомъ св. Георгія 4 ст., въ 1809 г. произведенъ въ капитаны 2 ранга и оттуда въ 1810 г. переведенъ въ Архангельскъ, гдѣ его командованію были ввѣрены сначала шесть канонерскихъ лодокъ, а послѣ 29-й корабельный экипажъ. Повышенный въ 1811 г. въ капитаны 1 ранга, онъ между 1812—1814 гг. на кораблѣ «Святославъ» сдѣлалъ переходъ изъ Архангельска въ Свеаборгъ, а изъ послѣдняго въ эскадрѣ вице-адмирала Кроуна ѣздилъ къ берегамъ Англіи, Голландіи и Франціи. Въ 1823 г. С. былъ назначенъ командиромъ Роченсальскаго порта съ обязанностью исправлять должности флотскаго начальника, капитана и лоцъ-капитана въ этомъ портѣ. Въ капитанъ-командоры онъ былъ произведенъ 30 августа 1824 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ начальникомъ 1-ой бригады балтійскихъ ластовыхъ экипажей, которою командовалъ до самой смерти, послѣдовавшей 15 апрѣля 1831 года.

„Общій морской списокъ", ч. II, Спб. 1887 г.—„Матеріалы для исторіи русскаго флота", ч. XIII, Спб., 1890 г., стр. 127, 450: ч. XVII, Спб., 1904 г. стр. 536—Архивъ морского министерства: „Высочайшія повелѣнія", № 90.
К. Рожковъ.

Степановъ, *Ипполитъ Семеновичъ,* отставной ротмистръ, потомокъ древняго дворянскаго рода; въ 1767 г. былъ депутатомъ отъ дворянства Верейскаго уѣзда Московской губ. въ комиссіи о сочиненіи новаго уложенія; здѣсь онъ выступилъ энергичнымъ защитникомъ привилегій для дворянства и всячески поддерживалъ соотвѣтственныя притязанія историка кн. М. М. Щербатова; въ одномъ изъ засѣданій С. выразилъ презрительный взглядъ на каргопольскихъ крестьянъ, и по этому поводу у него вышло рѣзкое столкновеніе съ гр. Г. Г. Орловымъ. За сопротивленіе

наказу онъ былъ Екатериною II сосланъ въ Камчатку, въ Большерѣцкій острогъ, откуда ему въ 1771 г. вмѣстѣ съ другими лицами, въ томъ числѣ и съ извѣстнымъ Беньковскимъ, удалось бѣжать въ Японію. Въ Макао у него вышла съ Беньковскимъ стычка, перешедшая въ открытую вражду, въ результатѣ которой при отплытіи Беньковскаго въ Кантонъ С. былъ оставленъ въ Японіи. О дальнѣйшей его судьбѣ никакихъ свѣдѣній не сохранилось; вѣроятно, что онъ въ Японіи и умеръ.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга, т. 2, Спб., 1895 г., стр. 254.—„Русская Старина", 1876 г., кн. 3, стр. 760.

Степановъ, *Левъ Степановичъ*, врачъ-писатель; сначала былъ фельдшеромъ, затѣмъ поступилъ въ Московскій университетъ, курсъ котораго окончилъ въ 1869 г. году съ званіемъ лекаря и въ томъ же году началъ службу въ качествѣ врача по министерству внутреннихъ дѣлъ. Умеръ въ Москвѣ въ 1883 г. отъ брюшного тифа, которымъ заразился во время практики. С. принадлежатъ слѣдующіе печатные труды: «Статистика предохранительной телячьей оспы» («Протoк. засѣд. физико-медицинск. общества», 1874 г., № 3); «Случай маскированной перемежающейся лихорадки, выразившейся эпилептическими приступами» («Протoк. засѣд. моск. общ. русск. врачей», 1876 г. и «Моск. Мед. Газета», 1876 г., № 41); «Два случая разрыва селезенки травматическаго происхожденія» («Врач. Вѣдомости», 1879 г., № 368); «Къ леченію іодомъ перемежающейся лихорадки» (тамъ же, 1879 г., № 397); «Случай сыпного тифа съ корeобразной выcыпью» («Прот. засѣд. Моск. общ. русск. врачей», 1880 г., стр. 81); кромѣ того въ «Медицинскомъ Обозрѣніи», въ которомъ С. состоялъ постояннымъ сотрудникомъ, онъ помѣстилъ много рефератовъ по практической медицинѣ.

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи писатели", тетр. V, Спб., 1889 г. s. v.—„Врачъ", 1883 г. № 39. *Н. Кульбинъ.*

Степановъ, *Михаилъ Ѳедоровичъ*, врачъ-писатель, докторъ медицины, родился въ Петербургѣ въ 1850 г., умеръ 24 сентября 1887 г. въ Кіевѣ. Сынъ чиновника, С. высшее образованіе получилъ въ Петербургской медико-хирургической академіи, въ которой воспитывался на казенный счетъ. Въ 1873 г. онъ окончилъ академическій курсъ со званіемъ лекаря и поступилъ на службу врачемъ въ 17-й кавказскій линейный батальонъ; въ слѣдующемъ году былъ полковымъ врачемъ донского казачьяго полка, затѣмъ въ той же должности служилъ въ 8-мъ драгунскомъ астраханскомъ (1875 г.), въ 54-мъ пѣхотномъ минскомъ (1876 г.) и въ 1877 г.—въ 7-мъ гусарскомъ бѣлорусскомъ (1877—1879 гг.) полкахъ. Въ 1880 г. С. былъ причисленъ къ клиникѣ Петербургской медико-хирургической академіи и 13 марта 1882 г. получилъ при ней степень доктора медицины. Послѣ этого онъ служилъ въ Елисаветградскомъ мѣстномъ лазаретѣ, въ 1886 г. поступилъ старшимъ врачемъ на шостенскіе пороховые заводы, а 5 марта 1887 г. былъ назначенъ младшимъ врачемъ кіевскаго кадетскаго корпуса. Изъ трудовъ С. напечатаны: «О пріемѣ новобранцевъ» («Врачебныя Вѣдомости», 1880 г., № 418); «О патологическихъ измѣненіяхъ въ тканяхъ при острой уреміи» («Военно-Медицинскій Журналъ» 1882 г., ч. CXLV, кн. 2, стр. 80—124, и отдѣльно: Спб., 1882 г., докторская диссертація); «Одиночное тюремное заключеніе въ военныхъ тюрьмахъ» («Вѣстникъ Судебной Медицины» 1884 г., т. 3, отд. III, стр. 24—42; т. 4, отд. III, стр. 34—52).

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели", вып. V, Спб., 1889, стр. 146.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", вып. VII-й, М., 1893 г., s. v. *В. Г—овъ.*

Степановъ, *Николай Александровичъ*, извѣстный карикатуристъ, сынъ писателя Александра Петровича Степанова, родился 21 апрѣля 1807 г. въ Калугѣ, умеръ 23 ноября 1877 г. въ Москвѣ. Еще въ дѣтствѣ С. обнаруживалъ любовь къ рисованію и наклонность къ карикатурѣ. Систематическаго художественнаго образованія онъ не получилъ, но имѣлъ возможность усвоить себѣ болѣе или менѣе вѣрный рисунокъ благодаря тому обстоятельству, что въ домѣ его отца постоянно жилъ какой-либо живописецъ. Въ 1821 г. С. поступилъ въ университетскій Благородный пансіонъ, гдѣ слушалъ лекціи Мерзлякова, Павлова, Давыдова, Перевощикова и другихъ профессоровъ. Въ пансіонѣ господствовало увлеченіе литературой, которое отразилось и на С., не безъ успѣха выступавшемъ со стихотворными опытами. Въ 1830-хъ гг. его стихотворенія, и среди

нихъ значительное число юмористическаго характера, стали появляться въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. При внѣшней красотѣ и звучности эти стихотворные опыты С. представляютъ собою мало оригинальнаго и страдаютъ недостаткомъ истиннаго поэтическаго чувства. Въ 1826 г. С. окончилъ пансіонскій курсъ, а въ 1827 г. былъ назначенъ на службу въ главное управленіе Восточной Сибири, съ откомандированіемъ въ Красноярскъ, гдѣ его отецъ служилъ въ то время губернаторомъ. Во время службы въ Сибири онъ впервые сталъ пробовать свои силы въ каррикатурѣ, богатую пищу для которой давали обильныя проявленія произвола и беззаконія въ мѣстной жизни. Каррикатуры эти были настолько удачны и остроумны, что обращали на себя общее вниманіе. Въ виду такого успѣха С. задумалъ было даже изданіе сатирико-каррикатурнаго журнала «Минусинскій Раскрыватель», но осуществить его въ сибирской глуши оказалось ему не подъ силу. Черезъ пять лѣтъ онъ возвратился изъ Сибири въ свое родовое имѣніе, село Троицкое, а оттуда вскорѣ отправился въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу въ департаментъ государственнаго казначейства. Въ 1836 г. онъ на нѣкоторое время занялъ должность чиновника особыхъ порученій при своемъ отцѣ, служившемъ тогда губернаторомъ въ Саратовѣ, а затѣмъ снова возвратился къ прежней службѣ въ Петербургѣ. Между тѣмъ опыты С. въ каррикатурѣ дѣлались все обширнѣе и свидѣтельствовали о его несомнѣнномъ художественно-юмористическомъ талантѣ. Частыя встрѣчи съ Глинкой, Брюлловымъ, Кукольникомъ и Я. Ѳ. Яненкой (съ первымъ изъ нихъ С. находился въ дружескихъ отношеніяхъ) дали ему пищу для серіи блестящихъ и остроумныхъ импровизацій. Еще въ 1830-хъ гг. онъ задумалъ составить и издать альбомъ каррикатуръ на Булгарина и Глинку; относительно перваго, по разнымъ причинамъ, намѣреніе пришлось оставить, а на второго онъ нарисовалъ болѣе пятидесяти остроумныхъ въ большинствѣ каррикатуръ, небезынтересныхъ для характеристики знаменитаго композитора. Интересуясь и занимаясь каррикатурами и поэзіей гораздо болѣе, чѣмъ службой, С. лишь весьма медленно подвигался на служебномъ поприщѣ, а въ 1843 г. совсѣмъ вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника.

Публично на поприще каррикатуриста С. впервые выступилъ въ «Ералашѣ» Неваховича и почти одновременно съ этимъ въ изданномъ Панаевымъ и Некрасовымъ «Иллюстрированномъ альманахѣ» «Современника» (1848 г.). Въ 1849 г. вмѣстѣ съ своимъ зятемъ, извѣстнымъ композиторомъ А. С. Даргомыжскимъ, С. затѣялъ «Музыкальный альбомъ» съ каррикатурами (изданіе Бернарда). Всѣ эти первые публичные опыты въ каррикатурѣ, несмотря на ихъ живость и остроуміе, свидѣтельствуютъ еще о малоопытности автора въ этой области, особенно о недостаткѣ техническаго навыка и о непривычкѣ къ переводу рисунковъ на дерево. Гораздо удачнѣе были его статуэтки-каррикатуры (шаржи) и бюстики. Необходимость по выходѣ въ отставку обезпечить себя въ матеріальномъ отношеніи навела С. на мысль, осуществленіе которой скоро доставило ему и средства, и извѣстность: онъ сталъ дѣлать каррикатурные бюсты извѣстныхъ дѣятелей литературы и искусства, въ которыхъ юмористическій элементъ соединялся съ замѣчательнымъ портретнымъ сходствомъ. Когда въ магазинѣ Беггрова появились первыя статуэтки работы С., ихъ стали раскупать нарасхватъ, и скоро онѣ распространились не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и во многихъ провинціальныхъ городахъ Россіи. Спросъ на такія статуэтки настолько возросъ, что С. для изготовленія ихъ долженъ былъ устроить особую мастерскую и нанять формовщиковъ. Статуэтки онъ дѣлалъ изъ воска, формовщики отливали ихъ изъ гипса, а затѣмъ онѣ раскрашивались. Среди этихъ бюстовъ-шаржей были изображенія Глинки, Брюллова, Кукольника, князя Вяземскаго, Каратыгина, князя Одоевскаго, Греча, Булгарина, графа Соллогуба, Краевскаго, Панаева, Щепкина, Айвазовскаго, Григоровича, Бенедиктова, Бѣлинскаго, Гончарова, Дружинина, Некрасова и другихъ современныхъ дѣятелей русской литературы и искусства; общее число этихъ статуэтокъ доходило до 80. Въ 1850-хъ годахъ С. было вылѣплено до 40 небольшихъ бюстовъ, въ четверть натуральной величины (некаррикатурныхъ), — Суворова, Державина, Ломоносова, Карамзина, Крылова, Озерова, Жуковскаго, Пушкина, Брюллова, Глинки и другихъ

русскихъ дѣятелей, но эти бюсты расходились значительно туже. Иногда С. принималъ заказы и на бюсты въ натуральную величину. Въ 1855 г. началъ выходить, въ изданіи Беггрова, альбомъ политическихъ каррикатуръ С.; въ 1855 г. вышло три тетради по 10 листовъ, въ 1856 г. одинъ выпускъ (къ изданію былъ приготовленъ еще одинъ выпускъ, но онъ не вышелъ въ свѣтъ по политическимъ обстоятельствамъ того времени). Главнымъ объектомъ политической сатиры С. является Наполеонъ III, и каррикатуры на него наиболѣе удачны; за Наполеономъ III слѣдуетъ лордъ Пальмерстонъ, затѣмъ адмиралъ Нэпиръ, нѣкоторые французскіе генералы и т. д. Въ періодъ появленія въ свѣтъ этихъ каррикатуръ С. надумалъ новое изданіе, которое взялъ на себя тотъ же Беггровъ,—каррикатурный альбомъ «Знакомые», который и выходилъ въ 1856—1857 и 1857—1858 гг. (всего 36 листовъ съ 195 литографированными рисунками, наибольшая часть которыхъ принадлежитъ С.). Альбомъ «Знакомые» вызвалъ къ себѣ интересъ и имѣлъ у публики успѣхъ, но особенно широкаго распространенія не нашелъ и черезъ два года прекратился. Наряду съ работой въ «Знакомыхъ» С. сотрудничалъ въ «Сынѣ Отечества» Старчевскаго, гдѣ началъ работать съ конца 1857 г. и продолжалъ до конца слѣдующаго, давши въ этомъ еженедѣльникѣ всего 168 каррикатурныхъ группъ. Въ это время талантъ С., какъ каррикатуриста, достигъ уже полнаго своего развитія, причемъ въ дѣлѣ совершенствованія немалую помощь оказали ему пріемы, усвоенные имъ у нѣкоторыхъ граверовъ, а также нѣкоторыя замѣчанія критики.

Увлекшись успѣхомъ своихъ каррикатуръ въ «Сынѣ Отечества», С. лѣтомъ 1858 г. задумалъ, вмѣстѣ съ В. С. Курочкинымъ, издавать сатирическій журналъ. Курочкинъ взялъ на себя литературную часть журнала, С. художественно-каррикатурную; нашлось не мало талантливыхъ сотрудниковъ, —и съ 1859 г. стала выходить «Искра»,—одинъ изъ лучшихъ русскихъ сатирическихъ журналовъ. Даровитые сотрудники «Искры» давали С. богатый и живой матеріалъ для каррикатуръ, которымъ онъ всегда замѣчательно умѣло пользовался. «Искра», отличавшаяся богатствомъ, разнообразіемъ и живостью содержанія, пріобрѣтала все большее и большее расположеніе читателей и достигла сравнительно широкаго распространенія (число ея подписчиковъ доходило приблизительно до семи тысячъ). Значительная часть помѣщенныхъ въ «Искрѣ» каррикатуръ 1859—1864 гг. принадлежитъ С.: еженедѣльно онъ давалъ четыре группы большихъ каррикатуръ или двѣнадцать группъ малыхъ, а иногда даже больше. «Искра» была журналомъ прогрессивнымъ и либеральнымъ; будучи органомъ сферы по преимуществу литературной, а не общественной, она тѣмъ не менѣе удѣляла видное мѣсто и вопросамъ общественной жизни, насколько это позволяли современныя цензурныя условія; она задавалась цѣлью разрабатывать общіе вопросы «путемъ отрицанія ложнаго во всѣхъ его проявленіяхъ въ жизни и искусствѣ», имѣла въ виду «сатиру въ ея болѣе обширномъ смыслѣ». Не мало мѣста занимали въ ней каррикатуры на злобы дня, на событія жизни литературной и артистической, на дѣятелей самыхъ разнообразныхъ поприщъ. Всего за пять съ половиной лѣтъ участія въ «Искрѣ» С. сочинилъ и нарисовалъ для нея около 1.600 группъ каррикатуръ. Въ 1864 г. между нимъ и Курочкинымъ произошелъ разрывъ, послѣ котораго С. оставилъ работу въ «Искрѣ». Вскорѣ онъ задумалъ новый сатирическій органъ, собралъ вокругъ себя группу литераторовъ и художниковъ и въ 1865 г. сталъ издавать журналъ «Будильникъ». Съ прежней энергіей онъ продолжалъ рисовать и за годъ далъ въ «Будильникъ» 187 большихъ и малыхъ группъ каррикатуръ; но престарѣлые годы и усталость сказывались уже въ его работахъ. «Будильникъ» далеко не имѣлъ того успѣха, на который разсчитывалъ С., и существовалъ при очень незавидныхъ матеріальныхъ условіяхъ. С. самостоятельно продолжалъ изданіе до конца 1871 г. Съ 1872 г. журналъ взялъ въ арендное пользованіе В. Леонтьевъ, соединившій «Будильникъ» съ «Искрой», затѣмъ «Будильникъ» перешелъ въ аренду къ А. Сухову, который довелъ изданіе до конца 1875 г. Въ связи съ переходомъ редакціи журнала съ 1872 г. въ Москву, С. переѣхалъ туда же на постоянное жительство. Въ 1876 г. «Будильникъ» взяла въ аренду Я. Н. Уткина, и въ этомъ же году С. прекратилъ въ журналѣ всякое участіе. Въ

послѣднее время жизни С. отдался уединенному покою. Ослабѣвъ памятью, онъ, однако, несмотря на преклонные годы, оставался физически здоровымъ и умеръ совершенно безболѣзненно. Похороненъ онъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Въ частной жизни С. былъ общительнымъ и добрымъ человѣкомъ, веселымъ собесѣдникомъ, всегда выказывалъ готовность поддержать начинающій талантъ.

С. былъ однимъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ каррикатуристовъ. Имѣя уже на своемъ поприщѣ предшественниковъ (Неваховичъ, Ѳедотовъ), онъ тѣмъ не менѣе сыгралъ видную роль въ исторіи русской каррикатуры, популяризовавъ ее, поднявъ ея общественное значеніе. Его каррикатура чужда скабрезности и пошлости, она преслѣдуетъ серьезныя общественныя задачи, бичуетъ пороки современной общественной жизни. Въ періодъ до средины 1850-хъ гг. каррикатура С. касалась исключительно явленій литературной жизни, и этотъ узкій ея характеръ въ значительной степени зависѣлъ отъ цензурныхъ условій того времени. Когда же эти условія со вступленіемъ на престолъ императора Александра II измѣнились, предъ С. открылось болѣе широкое поприще, и въ его работахъ вопросы общественной жизни стали играть весьма видную роль. Это очень замѣтно уже въ содержаніи каррикатурнаго альбома «Знакомые». С. умѣлъ выбирать сюжеты для своихъ каррикатуръ, умѣлъ подмѣчать въ людяхъ и явленіяхъ жизни типически смѣшное и находить для этого смѣшного подходящую форму; онъ умѣлъ также быстро схватить чужую мысль и дать ей образное выраженіе. Очень многія его каррикатуры С. по своей типичности и остроумію не потеряли своего интереса и до настоящаго времени, даже нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя носятъ злободневный характеръ. Въ общемъ дѣятельность С. не осталась безъ значительнаго нравственнаго вліянія на современниковъ и занимаетъ видное мѣсто въ исторіи русской сатиры.

С. С. Трубачевъ, „Каррикатуристъ Н. А. Степановъ", „Историческ. Вѣстникъ", 1891 г. №№ 2, 3 и 4.—В. О. Михневичъ, „Страничка изъ литературныхъ воспоминаній" (по поводу статьи С. Трубачева: „Каррикатуристъ Степановъ"), „Историч. Вѣстникъ", 1891 г., томъ XLIV, № 6, стр. 633.—Мих. Лемке, „Изъ исторіи русской сатирической журналистики", „Міръ Божій", 1903 г., №№ 7 и 8.—И. И. Панаевъ, „Литературныя воспоминанія" и „Воспоминанія о Бѣлинскомъ".—А. Я. Головачева-Панаева, „Русскіе писатели и артисты", Спб., 1890 г.—Воспоминанія Старчевскаго.—Некрологъ Н. К(ичеева) въ „Будильникѣ", 1877 г., № 48.—Некрологъ во „Всеобщ. Календарѣ" Гоппе на 1879 г.—„Русск. Стар." 1871 г., IV, стр. 45 и 53.—А. Ш., „Н. А. Степановъ", „Новости" 1902 г., № 329.—Письма Степанова о прекращеніи и возобновленіи „Будильника" въ „Петербургск. Листкѣ" 1871 г., № 252, въ „Голосѣ" 1871 г., № 349 и 1872 г., № 167, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1872 г., № 282.—А. Бенуа, „Исторія русской живописи", Спб., 1901—1902 гг., стр. 94—95.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в.в.", 1895 г.—„Энциклопедическ. словарь" Брокгауза-Ефрона. — „Энцикл. сл." Гранатъ. — Межовъ, „Русская историч. библіографія", т. IV, №№ 43051, 43052, 43053. *В. Грековъ.*

Степановъ, *Онуфрій*, «служилый человѣкъ», сибирскій казакъ XVII в. Его дѣятельность относится къ той эпохѣ сибирской исторіи, когда русскіе, стремясь расширить свои завоеванія и привести азіатскія племена къ покорности, вели съ послѣдними непрерывную и жестокую вражду, выражавшуюся въ безчисленныхъ болѣе или менѣе кровопролитныхъ схваткахъ, въ большинствѣ изъ которыхъ русскіе выходили побѣдителями и облагали побѣжденныхъ извѣстною данью,—ясакомъ. Съ другой стороны, непріятель, всячески противодѣйствуя укрѣпленію иноземцевъ въ издревле принадлежавшихъ ему земляхъ, держался по отношенію къ нимъ не только оборонительной тактики, но, несмотря на свое безсиліе, часто переходилъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. На этомъ-то фонѣ и прошла кратковременная дѣятельность С., одного изъ наиболѣе выдающихся дѣйствующихъ лицъ въ этой исторической борьбѣ на востокѣ Сибири. Послѣ отъѣзда въ 1652 г. Хабарова въ Москву, С. остался его замѣстителемъ съ титуломъ «приказнаго человѣка великой рѣки Амура — новой Даурской земли» и былъ начальникомъ отряда въ 500 человѣкъ, несшаго оборонительную и наступательную службу по этой рѣкѣ. На верховьяхъ Амура, гдѣ отрядъ былъ оставленъ Хабаровымъ, не было въ достаточномъ количествѣ ни хлѣба, ни лѣсу, и С. вмѣстѣ со своими людьми терпѣлъ большія лишенія. Чтобы промыслить и того, и другого, лѣтомъ 1653 г. онъ снялся съ устья рѣки Зеи и поплылъ внизъ по Амуру, къ устью рѣки Шингала (нынѣ Сунгари). Здѣсь онъ дѣйствительно досталъ, конечно, не безъ стычекъ съ ту-

земцами, хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ и, нагрузивши ими свои суда, вновь нѣсколько поднялся по Амуру вверхъ и зазимовалъ у дучеровъ, съ которыхъ собралъ значительный ясакъ. Лѣтомъ 1654 г. С. опять поплылъ къ Шингалу за хлѣбомъ, но 6 іюня встрѣтилъ «большое богдойское войско, со всякимъ огненнымъ боемъ, и на коняхъ, и на стругахъ»; въ этомъ войскѣ, по донесенію С., было болѣе 3000 китайцевъ, манчжуровъ, не считая дучеровъ и дауровъ. Произошла жаркая рѣчная схватка, изъ которой С. вышелъ побѣдителемъ; непріятель былъ разбитъ однако не окончательно, вышелъ на сушу и окопался. Русскіе повели осаду, но первый же ихъ приступъ на окопы съ большимъ урономъ былъ отбитъ, и С. вмѣстѣ съ остатками отряда, не добывъ хлѣба, «побѣжалъ вверхъ по рѣкѣ». Достигши устья рѣки Каморы, онъ остановился и здѣсь, въ полуразрушенномъ Каморскомъ острогѣ зазимовалъ вмѣстѣ съ подошедшимъ отрядомъ сотника Бекетова. Опасаясь нападенія со стороны туземцевъ, С. началъ строить «городокъ» и приводить въ исправность пришедшія въ негодность укрѣпленія: насыпалъ валъ съ четырехъ сторонъ, поставилъ «быки» (батареи), поле кругомъ усѣялъ «чеснокомъ», т. е. вонзенными въ землю остріемъ кверху и прикрытыми старой листвой копьями,—а посреди «городка» былъ сооруженъ курганъ, и на немъ установлены пушки. Вслѣдствіе сильныхъ морозовъ производить земляныя работы было чрезвычайно трудно. Всѣ эти мѣры, принятыя въ видѣ предосторожности на случай нападенія со стороны манчжурцевъ, оказались не напрасными. Незадолго предъ тѣмъ «богдойскій царь» отрядилъ 3.000 ратныхъ людей съ тѣмъ, чтобы они три года стояли около устья Шингала и не пропускали русскихъ, а также запретилъ своимъ подданнымъ сѣять по берегамъ Амура хлѣбъ. Не ограничиваясь этими пассивными мѣрами, царь весною слѣдующаго года перешелъ въ наступленіе. 13 марта 1655 г. къ городку подступили 10.000 китайцевъ со «многимъ огненнымъ снарядомъ», въ томъ числѣ 15 пушками, и «всякими пищалями». Русскихъ было всего 500 человѣкъ. Послѣ неудачнаго обстрѣливанія и нѣсколькихъ попытокъ зажечь «городокъ», 24 марта манчжуры пошли на приступъ «на всѣ четыре стѣны разомъ», но послѣдній окончился полной неудачей, въ результатѣ которой непріятель снялъ осаду и ушелъ. Послѣ этого С. отрядилъ нѣсколькихъ человѣкъ въ Москву, чтобы отвезти собранный имъ за время пребыванія на Амурѣ ясакъ, а самъ съ присоединившимся къ нему боярскимъ сыномъ Пущинымъ, дѣйствовавшимъ до тѣхъ поръ во главѣ отряда изъ 50 казаковъ противъ тунгузовъ самостоятельно, направился снова къ тому же богатому хлѣбомъ Шингалу, откуда, собравъ большое количество припасовъ, двинулся въ Гиляцкую землю, построилъ здѣсь «острожокъ» и собралъ ясаку 120 сороковъ соболей, 8 черныхъ лисицъ и 56 красныхъ. Между тѣмъ довольствоваться отряду на Амурѣ становилось годъ отъ году труднѣе, потому что туземцы, разоренные разными поборами казаковъ, оставляли мѣста своего жительства; вскорѣ С. узналъ, что дучеры и дауры, по указу богдыхана, переведены съ Амура на рѣку Кургу. Страна совершенно опустѣла, въ особенности берега Шингала. По дорогамъ попадались одни сожженные улусы; воровскія и разбойничьи шайки грабили по Амуру все, что попадалось. Положеніе русскихъ становилось критическимъ, тѣмъ болѣе, что отрядъ не былъ настолько великъ, чтобы пробиваться въ болѣе богатыя мѣста. Дабы не умереть съ голоду, людямъ С. приходилось самимъ пахать землю. При такихъ условіяхъ оставаться дольше на Амурѣ не имѣло никакого смысла, и С. только выжидалъ случая, чтобы покинуть его. 22 іюля 1656 г. онъ отправилъ новый ясакъ съ полусотней казаковъ, причемъ въ своемъ письменномъ донесеніи воеводѣ просилъ, чтобы обратно ихъ не посылали, потому что нечѣмъ кормить. Получившаяся въ это время царская грамота, въ которой С. и казакамъ выражалась благодарность за прежнюю службу и всѣ они поощрялись «и впредь вести себя храбро», только на короткое время нѣсколько повысила ихъ воинственный духъ, но сущности положенія, конечно, нисколько не измѣнила. Безвыходное положеніе вскорѣ обострилось до такой степени, что казаки массами стали разбѣгаться во всѣ стороны. Переговоры изъ Москвы съ «богдойскимъ ханомъ» положительнаго результата не дали, помощи ждать было неоткуда, вражда же со стороны туземцевъ съ каж

дымъ днемъ становилась все очевиднѣе. С. сталъ готовиться къ тому, чтобы пробиться куда либо, гдѣ условія существованія были бы болѣе благопріятны. Но 30 іюня 1658 г. онъ былъ окруженъ китайцами, пріѣхавшими на 47 «бусахъ» и достаточно снабженными пушками, пищалями и др. оружіемъ. Истощенные и упавшіе духомъ казаки не могли выдержать натиска превосходнаго непріятеля и были разбиты. Въ схваткѣ пропалъ вмѣстѣ съ 270 казаками и С. Повидимому, онъ или былъ убитъ, или повторилъ судьбу своего знаменитаго предшественника, Ермака, т. е., спасаясь отъ непріятеля вплавь черезъ Амуръ, утонулъ. Изъ отряда С. спаслись только немногіе, не больше двухсотъ человѣкъ. Весь собранный ясакъ, въ томъ числѣ 80 сороковъ соболей, много черныхъ и красныхъ лисицъ и пр., сдѣлался добычею китайцевъ. Трагическій конецъ С. и его отряда отбилъ у русскихъ властей охоту собирать ясакъ съ туземцевъ Амурской области, и «великая рѣка Амуръ» долгое время послѣ этого была внѣ русскихъ владѣній.

Д. Садовниковъ, „Наши землепроходцы", Москва, 1874г.,—„Дополн. къ Акт. Истор.", т. III стр. 523—528; т. IV, ст. 27—31; 35—37, 80—83.—„Вѣстн. Европы", 1888 г., № 4.—Фишеръ, „Сибирская Исторія", Спб., 1874.—Словцовъ, „Историческое обозрѣніе Сибири", Спб., 1886 г., 2-е изд.—„Справочный энциклопедич. словарь", подъ ред. Старчевскаго, т. 9, Спб., 1855 г., s. v.—„Энциклопедич. словарь" Брокгауза и Ефрона, т. 31, Спб., 1901 г., s. v.—Ф. Толь, „Настольный словарь", s. v.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", изд. т-ва „Обществ. Польза", кн. III, ст. 592, 593, 594.—Межовъ, „Сибирская библіографія", т. I, №№ 662, 674, 677, 685.

Н. Сербовъ.

Степановъ, *Павелъ Давидовичъ*, контръ-адмиралъ; въ 1825 г. поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, по окончаніи курса въ которомъ былъ произведенъ въ гардемарины, затѣмъ въ мичмана (1831 г.) и прикомандированъ къ Балтійскому флоту. Въ послѣднемъ С. прослужилъ до 1834 г., когда былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ, въ составѣ котораго на различныхъ судахъ ежегодно крейсировалъ у абхазскихъ береговъ. Въ 1837 г. онъ находился въ рядахъ десанта, занявшаго мысъ Константиновскій, мѣстечко Шапсухо и покорившаго Цибсланы; за участіе въ этой кампаніи былъ награжденъ орденами Станислава 4 ст. и Анны той же ст. съ надписью «За храбрость». Между 1838—1848 гг. С. въ чинѣ лейтенанта плавалъ по Черному и Средиземному морямъ, а съ 1849 г., уже капитанъ-лейтенантомъ—на транспортахъ «Ріонъ» и «Кубань» и кораблѣ «Селаднилъ» несъ службу по р. Бугу и Днѣпровскому лиману. Во время севастопольской кампаніи онъ принималъ участіе въ защитѣ Николаева, командуя Ингульской батареей и 44-мъ флотскимъ экипажемъ. По окончаніи севастопольской обороны С. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, переѣхалъ въ Петербургъ и въ теченіе 1858—1859 гг. принималъ дѣятельное участіе въ гидрографическихъ работахъ въ Финскомъ и Рижскомъ заливахъ и Балтійскомъ морѣ, въ 1860 г. былъ назначенъ командиромъ 3-го рабочаго экипажа, а въ 1863 г. командиромъ петербургскаго портоваго экипажа; наконецъ, въ 1869 г., произведенный въ контръ-адмиралы, былъ зачисленъ по резервному флоту, въ спискахъ котораго состоялъ до самой смерти, послѣдовавшей 15 января 1871 г. На службѣ С. получилъ нѣсколько орденовъ, въ томъ числѣ св. Анны 2-й ст.

„Общій морской списокъ", ч. XI, Спб., 1890 г., стр. 617—618.—„Матеріалы для исторіи русскаго флота", ч. XV, Спб., 1902 г., стр. 467.—Ф. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ", Спб., 1852 г.—Его же, „Краткая исторія русскихъ морскихъ сраженій за два столѣтія, 1656—1856 гг.", Спб., 1871 г.—А. Жандръ, „Матеріалы для исторіи обороны Севастополя", Спб., 1859 г.—Дубровинъ, „Матеріалы для исторіи Крымской войны", Спб., 1871—1873 гг.

К. Рожковъ.

Степановъ, *Петръ Александровичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, царскосельскій комендантъ, писатель, род. 28 сентября 1805 г., ум. 30 марта 1891 г. въ Царскомъ Селѣ. Сынъ енисейскаго губернатора А. П. Степанова, онъ получилъ хорошую подготовку дома подъ руководствомъ своего отца, а въ 1821 г. вмѣстѣ со своимъ братомъ, извѣстнымъ карикатуристомъ Н. П. Степановымъ, былъ опредѣленъ въ Московскій университетскій Благородный пансіонъ. По окончаніи курса въ пансіонѣ (1824 г.) онъ отправился въ Петербургъ для поступленія на военную службу, 26 января 1825 г. былъ зачисленъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, съ опредѣленіемъ на одинъ годъ въ школу подпра-

порщиковъ, и въ 1826 г. произведенъ въ первый офицерскій чинъ. Во время турецкой кампаніи 1828 г. С. вмѣстѣ съ лейбъ-егерскимъ полкомъ принималъ участіе въ осадѣ Варны и послѣ сдачи крѣпости возвратился въ Петербургъ. Въ 1831 г. во время польской кампаніи онъ находился въ арьергардѣ гвардейскаго корпуса, отступавшаго передъ превосходившими его непріятельскими силами, участвовалъ въ дѣлѣ при Длугоседло (4 мая) и въ бою при м. Рудки (8 мая), въ которомъ при атакѣ польской батареи былъ раненъ въ грудь навылетъ и замертво вынесенъ егерями съ поля сраженія. Пробывъ около полугода въ Бѣлостокѣ, а затѣмъ на кавказскихъ водахъ для поправленія своего здоровья, С. въ 1833 г. возвратился въ свой полкъ. Въ 1843 г. онъ былъ произведенъ въ полковники и командовалъ сначала 2-мъ, а потомъ 1-мъ батальономъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка, въ мартѣ 1849 г. назначенъ командиромъ бывшаго 3-го учебнаго карабинернаго полка, а въ 1851 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Когда началась восточная кампанія въ 1853—1856 гг., С. былъ назначенъ командиромъ сначала сестрорѣцкаго отряда, а затѣмъ промежуточнаго отряда между Выборгомъ и Сестрорѣцкомъ, имѣвшаго цѣлью защиту Петербурга съ суши и воспрепятствованіе высадкѣ непріятельскихъ дессантовъ союзнымъ англо-французскимъ флотомъ, появившимся на Балтійскомъ морѣ. Въ 1855 г. С. былъ назначенъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса и этотъ постъ занималъ до 1863 г. Высочайшимъ приказомъ 19 марта 1870 г. онъ былъ назначенъ царскосельскимъ комендантомъ и состоялъ въ этой должности до самой своей смерти. За время своего комендантства онъ устроилъ царскосельскій лазаретъ Краснаго Креста и выказалъ обширную дѣятельность по обезпеченію воиновъ, пострадавшихъ во время послѣдней турецкой войны. Въ 1881 г. онъ былъ произведенъ въ ген.-отъ-инфантеріи. С. извѣстенъ былъ также какъ писатель. Въ «Военномъ Сборникѣ» за 1877—78 гг. напечатаны имъ интересныя и прекрасно написанныя воспоминанія изъ его военной службы, подъ заглавіемъ: «25 лѣтъ въ лейбъ-гвардіи егерскомъ полку». Большой интересъ представляютъ также его «Воспоминанія о Михаилѣ Ивановичѣ Глинкѣ, 1825—1855 гг.» («Русск. Старина», 1871, т. IV, съ которымъ онъ находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Кромѣ того имъ напечатаны еще: «Принятіе въ массонскую ложу въ 1815 г. Разсказъ А. П. Степанова» («Русск. Стар.», 1870 г., т. I, изд. 1, стр. 150); «Рѣшеніе суда по уголовному дѣлу объ эллегіи А. С. Пушкина: «Андрей Шенье», 1828 г.» (тамъ же, 1874, т. XI, стр. 584); «М. И. Глинка и А. С. Даргомыжскій. Замѣтки по поводу отзывовъ Даргомыжскаго» (тамъ же, 1875 г., т. XIV, стр. 502); «Подъ Варною 10 сентября 1828 г. Изъ воспоминаній о лейбъ-гвардіи егерскомъ полкѣ», (тамъ же, 1876, т. XV, стр. 364—376); «Взятіе у старообрядцевъ иргизскаго монастыря въ 1836 г.» (тамъ же, 1879 г., т. XXIV, стр. 552); «Біографическія свѣдѣнія объ А. П. Степановѣ», (тамъ же, 1888 г., т. LVIII, іюнь, стр. 699); «Москва въ 1812 г., занятая французами» (тамъ же, 1890 г., январь, стр. 105—114).

„Петръ Александровичъ Степановъ", „Русская Старина", 1891 г., № 4, стр. 211—217.— Г. В. Карцовъ, „Изъ воспоминаній стараго лейбъ-егеря", „Историч. Вѣстн.", 1900 г., т. LXXXI, № 9, стр. 890, 893.—С. С. Трубачевъ, „Каррикатуристъ Н. А. Степановъ", тамъ же, 1891 г., т. XLIII, № 2, стр. 468, 471, 474, 479.—В. В. Стасовъ, „Первоначальный планъ оперы „Русланъ и Людмила", „Русск. Старина", 1871, т. III. стр. 369.— „Спб. Вѣдом." 1876 г., № 7. — Некрологи: „Развѣдчикъ", 1891, № 42, съ портретомъ Степанова; „Педагогическій Сборникъ", 1891, № 5, стр. 475; „Сѣверъ", 1891, № 14, стр. 879; „Всеміри. Иллюстр.", 1891, № 1159, стр. 252; „С.-Петербургскія Вѣдомости", 1891, № 88; „Новое Время", 1891 г. № 5420.—„Энциклоп. словарь" Брокгауза, т. 31, s. v.—В. И. Межовъ, „Русск. истор. библіографія". т. II, № 18505, т. III, № 33123, т. IV, № 46175.

П. Гуревичъ.

Степановъ, *Петръ Гавриловичъ*, актеръ Московскаго Императорскаго театра, родился въ 1806 или 1807 г. въ Москвѣ или Петербургѣ. Сынъ кассира московскаго театра Медокса, занявшагося подъ конецъ жизни торговлею, С. съ дѣтства вращался въ театральной средѣ, къ которой былъ близокъ его отецъ. Семья Степановыхъ находилась въ очень тѣсныхъ отношеніяхъ къ извѣстной актрисѣ того времени М. С. Синявской, въ домѣ которой и протекло, главнымъ образомъ, дѣтство С. до поступленія въ школу. Подъ вліяніемъ той же Синявской онъ и учился въ школѣ, и дѣлалъ первые шаги на сценическомъ поприщѣ. Значительное вліяніе имѣла на него

также его старшая сестра, Татьяна Гавриловна, чтица Семеновой, умная и начитанная дѣвушка, беззавѣтно любившая театръ. 1 іюля 1817 г. С. былъ принятъ въ Московское театральное училище, въ которомъ и провелъ восемь лѣтъ; за эти годы въ немъ развилась и укрѣпилась любовь къ театру и сформировалась привычка къ самостоятельному труду. Ближайшими товарищами его въ школѣ были извѣстные впослѣдствіи Никифоровъ и Живокини. Уже въ бытность свою въ училищѣ С. выказывалъ замѣчательную способность копировать рѣчь и манеры окружающихъ лицъ, начиная съ школьныхъ дядекъ и кончая высшимъ начальствомъ. Въ школьныхъ спектакляхъ онъ съ успѣхомъ выступалъ не только въ качествѣ актера, но и въ качествѣ костюмера и декоратора. 5 іюля 1825 г. С., окончивъ школьный курсъ, опредѣлился актеромъ драматической труппы, на крайне скудное жалованье (на первыхъ порахъ всего 200 р. въ годъ), изъ которыхъ долженъ былъ содержать семью, оставшуюся послѣ смерти отца С. почти безъ всякихъ средствъ. Въ первое время своей службы въ Московскомъ театрѣ С. игралъ самыя незначительныя роли, которыя, однако, проводилъ съ большимъ успѣхомъ и исполненіемъ которыхъ обращалъ на себя вниманіе критики (укажемъ на роли Вольтера въ комедіи князя Шаховскаго «Ты и Вы», прусскаго короля Фридриха II въ оперѣ-водевилѣ «Старый гусаръ, или пажи Фридриха II»). Всѣ, даже самыя мелкія роли онъ изучалъ съ замѣчательнымъ вниманіемъ и тщательностью, пускаясь, въ случаѣ надобности, въ детальное изученіе историческихъ данныхъ объ изображаемомъ лицѣ, если пьеса носила историческій характеръ. Кромѣ драмъ, комедій и водевилей С., обладая недурнымъ баритономъ, съ значительнымъ успѣхомъ выступалъ и въ операхъ, напр., въ «Вадимѣ», «Тоскѣ по родинѣ», «Марія или Безнадежная любовь», и даже въ балетахъ. Приблизительно черезъ пять лѣтъ послѣ выхода изъ театральнаго училища С. выступилъ въ «Горе отъ ума» и прославился замѣчательнымъ исполненіемъ почти безсловесной роли Тугоуховскаго. За оригиналъ для этой роли онъ избралъ одного изъ екатерининскихъ вельможъ (князя Юсупова). Критика единодушно признавала игру С. въ этой роли въ высшей степени художественной и правдивой. Въ теченіе сорока лѣтъ онъ являлся единственнымъ исполнителемъ этой роли, пользуясь въ ней неизмѣннымъ успѣхомъ. Этою же ролью С. обратилъ на себя вниманіе Государя Императора, пожаловавшаго ему брилліантовый перстень, оказывавшаго ему постоянно личное вниманіе. По Высочайшему повелѣнію, С. для исполненія роли Тугоуховскаго ѣздилъ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ также встрѣтилъ шумный успѣхъ; за эту поѣздку онъ получилъ тысячу рублей награды. Съ такимъ же исключительнымъ успѣхомъ выступилъ онъ на первомъ представленіи на сценѣ Московскаго театра «Ревизора» 25 мая 1836 г. въ роли судьи Тяпкина-Ляпкина. Изъ другихъ бытовыхъ ролей, въ которыхъ С. пользовался громкимъ успѣхамъ, назовемъ роли кузнеца Еремки и Гордѣя Торцова въ пьесахъ Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется» и «Бѣдность не порокъ», Яичницы и Швохнева въ пьесахъ Гоголя «Женитьба» и «Игроки». Не меньшимъ успѣхомъ пользовался онъ и въ водевиляхъ съ переодѣваньемъ, особенно въ роли Эдуарда въ водевилѣ «Артистъ», въ которомъ являлся пѣвцомъ-итальянцемъ, танцовщикомъ, капельмейстеромъ и актеромъ-трагикомъ, при чемъ въ каждой изъ этихъ метаморфозъ воспроизводилъ кого-либо изъ извѣстныхъ артистовъ, напримѣръ Мочалова и Каратыгина. Исполненію С. этой роли Бѣлинскій посвятилъ большую сочувственную статью. За болѣе чѣмъ сорокалѣтнюю службу на сценѣ С. переигралъ не меньше пятисотъ ролей. Въ большинствѣ это были роли второстепенныя, иногда даже эпизодическія. Театральная дирекція не благоволила къ С. и не давала ему возможности выступать въ болѣе значительныхъ роляхъ; только оригинальный талантъ помогъ ему, «большому артисту на маленькія роли», добиться громкой славы на ряду съ немногими «первыми» актерами. Со времени поступленія на сцену жалованье С. постепенно увеличивалось, но въ общемъ оставалось очень незначительнымъ, и чтобы улучшить свое матеріальное положеніе, онъ еще въ началѣ своего артистическаго поприща вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ А. М. Куперштидтомъ открылъ въ Москвѣ костюмерный магазинъ; это дѣло впослѣдствіи

и обезпечило его на всю жизнь. Въ 1855 г. С. принялъ на себя режиссерскія обязанности, но уже въ слѣдующемъ году отъ нихъ отказался. Въ томъ же году онъ былъ возведенъ въ званіе потомственнаго почетнаго гражданина. Обойденный вниманіемъ театральной дирекціи, С. въ концѣ своей сценической дѣятельности былъ вознагражденъ выраженіемъ признательности и вниманія со стороны публики. Среди московскихъ любителей искусства возникла мысль почтить его, вмѣстѣ съ его старымъ товарищемъ и другомъ Никифоровымъ, общественнымъ чествованіемъ по подпискѣ, въ которой приняли участіе многіе извѣстные литераторы, артисты и представители разныхъ кружковъ общества. Обоимъ артистамъ были поднесены, при шумныхъ оваціяхъ, цѣнные подарки, а затѣмъ были устроенъ въ честь ихъ торжественный ужинъ, на которомъ Островскій, Живокини и Садовскій читали рѣчи, а Вильде—стихи.

С. Т. Аксаковъ ставитъ С. «въ числѣ артистовъ, придававшихъ московской сценѣ высокое достоинство». По словамъ одного изъ современныхъ критиковъ, «Степановъ выказалъ свое необыкновенное умѣнье придавать личностямъ рельефную типичность, очерченную мастерскимъ штрихомъ вполнѣ оригинальнаго художника. Никто лучше его не способенъ былъ схватить оригинальный типъ, оригинальную или характеристическую личность и воспроизвести ихъ съ такою художественною вѣрностью, что тайна драматической иллюзіи приводитъ въ изумленіе критика, готовящагося анализировать эту удивительную игру. Степановъ носитъ на себѣ отпечатокъ классической строгости. По свойству своего таланта, онъ не способенъ къ глубокому психологическому анализу, но отъ мельчайшихъ душевныхъ движеній до мельчайшихъ подробностей внѣшней характеристики по всей его роли проходитъ быстрый и вѣрный рѣзецъ истиннаго мастера»... Одаренный острымъ умомъ и широко развитой наблюдательностью, С. много работалъ надъ каждой ролью и особенно былъ извѣстенъ умѣньемъ художественно создавать гримъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Въ частной жизни онъ былъ человѣкомъ благородныхъ душевныхъ качествъ, обладалъ веселымъ и живымъ характеромъ, отличался трудолюбіемъ, добротою, остроуміемъ. Изъ товарищей-артистовъ онъ ближе другихъ былъ къ Щепкину и Мочалову и со школьной скамьи до конца жизни—къ Никифорову, изъ петербургскихъ артистовъ былъ ближе съ извѣстнымъ И. И. Сосницкимъ. Умеръ С. скоропостижно, отъ аневризма, 12 мая 1869 г. въ Москвѣ.

А. А. Ярцевъ, „Петръ Гавриловичъ Степановъ, актеръ Московскаго театра“, біографическій очеркъ въ „Ежегодникѣ Императорскихъ Театровъ“ сезона 1896—1897 гг., 1-я книга приложеній, стр. 44 — 86. — „Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго“, „Историческій Вѣстникъ“, 1899 г., № 12.—Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона. — „Иллюстриров. Газета“, 1869 г., № 20.—Формулярный списокъ; копія сохранилась у Н. В. Рыкаловой.—С. Т. Аксаковъ, „Литературныя и театральныя воспоминанія“, М., 1858 г., стр. 111 и дал.—„Воспоминанія В. И. Живокини“, напеч. въ „Антрактѣ“ 1867 и „Московск. Вѣдом.“ 1874 г., №№ 21—27.—Рецензіи и отзывы объ исполненіи Степановымъ роли Тугоуховскаго:—„Московск. Телеграфъ“, 1830 г., №№ 12 и 13 (ст. Ушакова), 1831 гг. № 5; „Сѣверн. Пчела“, 1831 г., №№ 77 и 80, и „Москвитянинъ“, 1858 г. № 8 (ст. Апол. Григорьева, „Лѣтопись московскаго театра“), стр. 156; „Библіот. для Чтенія“, 1864 г., № 2 (ст. Александра Иванова); „Записки и письма М. С. Щепкина“, М., 1864 г., стр. 183; „Сочиненія А. С. Грибоѣдова“, изд. Евгр. Серчевскаго, Спб., 1858.—Рецензіи и отзывы о роли судьи Тяпкина-Ляпкина:—„Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго“, М., 1869, ч. 2, стр. 589, 597; „Антрактъ“, 1864 г., №№ “отъ 6 сент. и 13 ноября, 1867 г., №№ 15 № 19 (ст. А. Н. Баженова); 1865 г., № 110; Молва“, 1836 г., т. XI, стр. 260; „Москвитянинъ“, 1852 г., № 8, стр. 149, 152; „Голосъ“, 1867 г., № 14 1.—„Русск. Старина“, 1880 г., № 10.

Вл. Грековъ.

Степановъ, *Петръ Ивановичъ*, писатель-беллетристъ, родился подъ Москвой 1 марта 1812 г., умеръ 1 марта 1876 г., воспитывался въ извѣстномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, гдѣ отлично окончилъ курсъ, а затѣмъ поступилъ на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора. Въ 1831 г. С. былъ секретаремъ, а впослѣдствіи занялъ должность судьи. Будучи въ этой должности, былъ разжалованъ въ рядовые и въ 1855 г. отправленъ въ Севастополь. Во время осады этой крѣпости С. безсмѣнно состоялъ ординарцемъ при извѣстномъ севастопольскомъ героѣ, генералѣ Хрулевѣ, вниманіе котораго привлекъ своей храбростью и знаніемъ дѣла. По окончаніи кампаніи С. издалъ рядъ интересныхъ и богатыхъ историческимъ содержаніемъ записокъ-воспоминаній о Севастопольской оборонѣ, о генералъ-

губернаторѣ Голицынѣ и др. Въ 1860 г. онъ поступилъ на службу въ главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ вскорѣ создалъ себѣ репутацію энергичнаго и предпріимчиваго дѣльца. Устройствомъ въ то время обширнаго и образцоваго станціоннаго хозяйства и станціонной службы вообще главное общество желѣзныхъ дорогъ было обязано иниціативѣ именно С., его практическому уму и обширнымъ знаніямъ. Въ 1868 г. С. оставилъ службу въ главномъ обществѣ и перешолъ въ министерство путей сообщенія на должность правительственнаго комиссара желѣзныхъ дорогъ. Переходъ этотъ въ министерство путей сообщенія остается памятнымъ для желѣзнодорожныхъ обществъ, такъ какъ съ нимъ связано начало той борьбы порядка съ неурядицами обществъ желѣзныхъ дорогъ, которую и раньше имѣло въ виду министерство. Обширныя занятія на службѣ не мѣшали С. съ интересомъ слѣдить за литературой и самому принимать въ ней участіе. Многія изъ его произведеній пользовались въ свое время значительнымъ успѣхомъ. Въ 1869 г. онъ издалъ сборникъ «Правые и виноватые» (Записки слѣдователя 40-хъ годовъ), куда вошли его разсказы: въ т. I—«Кто поджигатель» (напечатано отдѣльно въ «Всемірномъ Трудѣ», 1868 г., № 1), «Кабала» («Недѣля», 1869 г., №№ 1—6), «Подневольный бракъ», «Хотѣлъ предать суду и волѣ Божіей», «Киндюшка — сынокъ-кормилецъ», «Безъ ножа зарѣзали», и въ т. II—«Сидѣлецъ», «Родимая сторонка» (отдѣльно въ «Библіот. для Чтенія», 1863 г., № 3), «Кровная обида» (тамъ же, 1865 г., №№ 5—6), «На пьедесталѣ» («Отечествен. Записки», 1866 г., № 2). Всѣ эти произведенія С., свидѣтельствуя о наблюдательности его и о извѣстномъ знакомствѣ съ народнымъ бытомъ, не обнаруживаютъ однако въ немъ крупнаго и глубокаго таланта. Въ этомъ отношеніи характерна точка зрѣнія С. на преступность и на отношеніе къ преступнику, которая болѣе или менѣе наглядно проявляется въ каждомъ изъ его судебныхъ разсказовъ «Правые и виноватые». На преступленіе онъ смотритъ съ точки зрѣнія исключительно полицейско-практической; главной и даже единственной цѣлью судебнаго слѣдствія онъ считаетъ только установленіе факта преступленія, которое затѣмъ и передается въ этой простой и ничѣмъ не обусловленной формѣ оцѣнкѣ правосудія. Сообразно съ этимъ автора мало занимаетъ внутренняя сторона преступленія, выясненіе внутреннихъ причинъ, вызвавшихъ или же допустившихъ возможность преступленія; на первомъ планѣ безсмѣнно выступаетъ его чисто-внѣшняя сторона, его фабула, къ тому же почти всегда мало оригинальная и незатѣйливая. Этимъ объясняется, при отсутствіи глубины содержанія, и нѣкоторая сухость изложенія самой фабулы въ разсказахъ С. Что касается его драматическихъ произведеній, то нѣкоторыя изъ нихъ пользовались успѣхомъ на провинціальной сценѣ. Таковы: «Дѣлежка», «Любишь кататься, люби и саночки возить», «Старшина», опытъ бытовой драмы, («Библіот. для Чтен.», 1865 г., №№ 7, 8), «Сиротскія слезы», «Голубой мужъ» и комедія въ 4 д. «На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ», переданныя имъ передъ смертью Боборыкину для напечатанія въ «Отечеств. Зап.». Не лишены интереса литературныя воспоминанія С. о Пушкинѣ, Лермонтовѣ и др.

А. В. Мезіеръ, „Русская словесность съ XI по XIX ст. включ.,“ т. 2.—„Иллюстрированная Газета“, 1876 г., № 13.—„Петербургская Газета“, 1876 г., № 47 (статья Р. „Писатель П. И. Степановъ“).—„Отечественныя Записки“, 1868 г. № 12 (библіографич. замѣтка).—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія“.—„Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Эфрона, т. 31, s. v.—„Малый энциклопедическій словарь“, s. v.
Ф. К.

Степановъ, *Руфъ Семеновичъ*, устроитель колоніи гернгутеровъ, мистикъ и массонъ первой четверти XIX столѣтія, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, которому при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ пожалованы были помѣстья по Хопру, въ Саратовской губ. Здѣсь С. основалъ близъ Сарепты первую въ Россіи колонію гернгутеровъ, бѣжавшихъ изъ Германіи отъ религіозныхъ преслѣдованій. Послѣдніе годы своей жизни онъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ игралъ видную роль среди массонъ и послѣ смерти Поздѣева сдѣлался главою массонскихъ ложъ, когда онѣ были запрещены правительствомъ. Умеръ въ Москвѣ слѣпымъ, въ 1828 г.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, „Русская родословная книга“, отд. изд., Спб., 1895 г., т. 2, стр. 254; изд. „Русск. Стар.“, Спб., 1873 г., стр. 301. —„Русск. Стар., 1870 г., кн. II (2-е изд.), стр. 226—227.
Е. Л.

Степановъ, *Семенъ*, атаманъ донскихъ

казаковъ. Въ началѣ ноября 1682 г. донскимъ казакамъ велѣно было идти противъ «измѣнника», калмыцкаго хана Аюкая-тайши. Вмѣсто того, чтобы «обослаться» съ астраханскимъ воеводой, окольничимъ Ал. Петр. Головинымъ, и съ воеводами всѣхъ понизовыхъ городовъ и идти съ ними на калмыковъ,—казаки отправились противъ астраханскихъ юртовыхъ татаръ. Они побили татаръ, разорили юрты, взяли въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей и увели скотъ. Для объясненія обстоятельствъ, побудившихъ казаковъ сдѣлать нападеніе на астраханскихъ татаръ, пріѣхали въ Москву ихъ уполномоченные: станичный атаманъ С., есаулъ Ѳеодоръ Фроловъ и 28 рядовыхъ казаковъ. 20 декабря того же 1682 г. С. съ товарищами были допрошены въ Посольскомъ приказѣ, а затѣмъ имъ прочли донесеніе астраханскаго воеводы Головина. Выслушавъ чтеніе донесенія, С. сказалъ, что Головинъ написалъ на нихъ ложно, что могутъ подтвердить «всякихъ чиновъ» астраханскіе жители. Дѣйствія казаковъ были признаны московскимъ правительствомъ правильными, такъ какъ астраханскіе татары, заодно съ калмыками, чинили надъ государевыми людьми «воровство». Послѣдовало рѣшеніе бояръ: отпустить казаковъ немедленно изъ Москвы и дать имъ государево жалованье «на пріѣздѣ и на отпускѣ противъ прежняго, а вины ихъ указали великіе государи имъ отпустить».

Доп. къ акт. ист., X, стр. 150—160.

В. К—ва.

Степановъ, *Семенъ Николаевичъ,* художникъ живописи, умеръ въ 1884 г. Былъ питомцемъ Московскаго училища живописи, ваянія и зодчества. Въ 1861—1862 гг. онъ получилъ отъ Императорской с.-петербургской академіи художествъ малую серебряную медаль за представленный имъ этюдъ съ натуры, а въ 1864 г.—такую же медаль за картину «Дѣвочка съ книгой». На академической выставкѣ 1885 г. находились слѣдующія его картины: «Голова мавра», «Подъ лаврами», «На отдыхѣ» и «Этюдъ мавра».

Ѳ. И. Булгаковъ, „Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія“, Спб., 1889—1890 гг.— П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской академіи художествъ за сто лѣтъ ея существованія“, Спб., 1864—1866 гг.

В. Г—овъ.

Степановъ, *Тихонъ Васильевичъ,* ординарный профессоръ политической экономіи въ Харьковскомъ университетѣ, писатель, родился въ 1795 г.; первоначальное образованіе получилъ въ Воронежской духовной семинаріи, по окончаніи курса въ которой поступилъ въ 1814 г. своекоштнымъ студентомъ въ Харьковскій университетъ. Въ первые два года С. успѣлъ прослушать науки по двумъ отдѣленіямъ—политическому и словесному, на третій годъ слушалъ римское право и физику. Въ 1819 г., какъ «кончившій курсъ съ отличнымъ успѣхомъ», по дѣйствовавшему тогда положенію, получилъ степень «кандидата за отличіе», но по доносу попечителя университета Карнѣева вмѣстѣ съ нѣсколькими другими студентами, удостоенными того же званія, былъ лишенъ кандидатской степени и въ 1821 г. снова подвергнутъ экзамену; въ результатѣ вторичнаго испытанія онъ былъ вновь признанъ достойнымъ званія кандидата юридическихъ наукъ. По окончаніи университетскаго курса С. нѣкоторое время состоялъ учителемъ въ частномъ мужскомъ пансіонѣ де-Роберти, а въ 1823 г. получилъ должность преподавателя всеобщей исторіи въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Въ слѣдующемъ году онъ пріобрѣлъ въ Харьковскомъ университетѣ степень магистра политической исторіи и статистики за сочиненіе «О политическомъ равновѣсіи». Еще передъ экзаменомъ на степень магистра С. было предложено ректоромъ Джунковскимъ занять при Харьковскомъ университетѣ каѳедру русскаго права; предложеніе это было имъ отклонено, частью по нежеланію заниматься этимъ предметомъ, частью изъ-за его намѣренія поступить въ гражданскую службу. Встрѣтивъ неудачу въ попыткѣ занять каѳедру политической экономіи въ томъ-же университетѣ, С. въ іюлѣ 1830 г. уволился отъ должности преподавателя въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ комисcію погашенія долговъ (помощникомъ письмоводителя). Еще въ Харьковѣ, а затѣмъ и въ Петербургѣ при всѣхъ своихъ служебныхъ занятіяхъ С. не оставлялъ однако научныхъ трудовъ и за это время напечаталъ большое число статей философскаго и, главнымъ образомъ, политико-экономическаго содержанія въ періодическихъ изданіяхъ 20-хъ и 30-хъ годовъ («Журналѣ

Мин. Нар. Просв.», «Литературн. Газетѣ», «Сынѣ Отечества» и др.). Таковы, напр., статьи: «Объ источникахъ богатства въ политической экономіи» («Сынъ Отечества» 1831 г., ч. 141, т. XX); «О теоріи и практикѣ въ политической экономіи» (ibid, т. XIX); «О непроизводительномъ классѣ въ политической экономіи» (ibid, ч. 144, т. XXII и ч. 145, т. XXIII); «Письмо о томъ, въ чемъ состоитъ богатство» («Литерат. Газета», 1831 г., т. III, № 17); «О статистикѣ вообще» (ibid, № 20); «Письмо о налогѣ вообще» (ibid, № 25); «Письмо о различіи между ученымъ и умнымъ» (ibid, № 33) и др. Статьи С., напечатанныя въ періодъ отъ 1830 до 1832 г. и были ближайшей причиной состоявшагося въ 1832 г. назначенія его экстраординарнымъ профессоромъ Харьковскаго университета, о каковомъ назначеніи ходатайствовалъ передъ министромъ народнаго просвѣщенія, кн. Ливеномъ, харьковскій попечитель В. Филатьевъ. Къ дальнѣйшимъ научнымъ трудамъ С. относятся: «Вступительная лекція въ курсъ политической экономіи», произнесенная 5 сентября 1832 г. и напечатанная первоначально въ университетской типографіи (1833 г.) и затѣмъ перепечатанная въ I ч. «Записокъ о политической экономіи»; рѣчь «О сущности, важности и назначеніи политическихъ наукъ», произнесенная въ торжественномъ собраніи университета 30 авг. 1833 г. (напечат. въ «Рѣчахъ», хар. ун. тип., 1833 г., 8°). Главный трудъ С. представляютъ его «Записки о политической экономіи» (ч. I, Спб., 1844, ч. II, Харьковъ, 1848). Ненапечатаннымъ осталось написанное имъ еще въ 1824—1826 г. сочиненіе «О началахъ философскихъ и политико-дипломатическихъ».

Университетскій курсъ С. состоялъ въ критическомъ изложеніи мнѣній важнѣйшихъ представителей политической экономіи: Ад. Смита, Рикардо, Мальтуса, Макъ-Кулоха, Сисмонди и др. С. былъ скорѣе эклектикомъ и даровитымъ публицистомъ, нежели самостоятельнымъ и глубокимъ ученымъ. Въ университетѣ онъ по справедливости считался лучшимъ знатокомъ политической экономіи, преподаваніе которой до него было поставлено крайне неудовлетворительно, и пользовался славой выдающагося, талантливаго лектора и значительнымъ вліяніемъ на своихъ слушателей. Обладая, по словамъ М. де-Пуле, «жгучимъ краснорѣчіемъ, Степановъ жилъ и дѣйствовалъ въ словѣ; въ немъ онъ былъ глубоко искреннимъ и честнымъ, а потому и производилъ громадное вліяніе, и не художественное только, а реальное, прямо относящееся къ тогдашней современности, къ соціальному безобразію и нарушенному праву, противъ чего краснорѣчивый профессоръ возставалъ самымъ смѣлымъ, самымъ пламеннымъ образомъ... Лекціи его, въ которыхъ онъ говорилъ обо всемъ, были очень полезны по своему критическому отношенію къ тогдашней дѣйствительности, какъ противовѣсъ тому позитивизму, оффиціальнымъ проводникомъ котораго, въ словѣ и дѣлѣ, являлся Артемовскій-Гуллакъ». Въ 1836 г. С. былъ произведенъ въ ординарные профессора. Онъ занималъ послѣдовательно должности синдика, декана своего факультета и проректора. Кромѣ того былъ директоромъ состоявшаго при университетѣ педагогическаго института. Скончался онъ въ 1847 г.

Проф. Д. И. Багалѣй, „Опытъ исторіи Харьковскаго университета", т. II.—Мак. де-Пуле, „Харьковскій университетъ"—Д. И. Каченовскій: „Культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ", „Вѣстникъ Европы", 1874 г. т. I, № 1 и 2.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія 1800—1854 гг.", т. III.—„Энциклопедическій словарь" Брокгауза и Эфрона, т. 31, s. v.—Адресъ-календарь 1833—1847 гг. *Ф. К.*

Степановъ, *Яковъ Спиридоновичъ*, профессоръ полицейскаго права въ Казанскомъ университетѣ, род. 22 октября 1831 года въ Яранскѣ, Вятской губ. Отецъ его, смотритель тюремнаго замка, несмотря на скудное жалованіе и вообще неприглядныя экономическія условія жизни, старался дать сыну хорошее образованіе. Изъ Яранскаго городского училища, въ которомъ С. получилъ первоначальное образованіе, онъ перешелъ въ Вятскую гимназію, а по окончаніи курса въ послѣдней поступилъ въ 1849 г. въ Казанской университетъ, гдѣ зачислился сначала по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета, но черезъ годъ перешелъ на историко-филологическій факультетъ; однако и послѣдній не пришелся С. по душѣ, и онъ перечислился наконецъ на юридическій факультетъ, курсъ котораго и окончилъ по камеральному отдѣленію въ 1855 г. со степенью кандидата. Въ 1857 г. С. поступилъ

на службу въ штатъ симбирскаго дворянскаго депутатскаго собранія, но тамъ не пробылъ и года, такъ какъ получилъ назначеніе на должность сверхштатнаго старшаго учителя законовѣдѣнія въ первую Казанскую гимназію съ прикомандированіемъ въ то же время къ Казанскому университету по каѳедрѣ государственнаго благоустройства и благочинія; 27 февраля 1861 г. онъ былъ избранъ исполняющимъ должность адъюнкта, а въ 1867 г.—доцентомъ по каѳедрѣ полицейскаго права; къ этому времени онъ былъ удостоенъ ученой степени магистра за защиту диссертаціи «О полиціи, какъ наукѣ, во Франціи» («Ученыя Записки Казанскаго Универс.», 1867 г. и отдѣльно, Казань, 1867). Подготовляя докторскую диссертацію и желая использовать для нея матеріалы, находящіеся только въ богатыхъ книгохранилищахъ, С. испросилъ себѣ командировку на три мѣсяца въ Петербургъ. Результатомъ этихъ занятій явилась диссертація: «Первые два періода самостоятельнаго существованія науки о полиціи въ Германіи» (Казань, 1869), за защиту которой С. былъ удостоенъ въ 1869 г. степени доктора полицейскаго права и въ томъ же году избранъ экстраординарнымъ профессоромъ, а 24 декабря 1870 г. утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ (1871—1873) С. находился въ заграничной командировкѣ, въ теченіе которой занимался изученіемъ полицейскаго права въ различныхъ западно-европейскихъ государствахъ. Возвратившись въ Казань, онъ продолжалъ читать лекціи по своей спеціальности, а одно время (1878—1888) состоялъ также преподавателемъ по вакантной каѳедрѣ политической экономіи и статистики. 16 іюля 1886 года онъ получилъ званіе заслуженнаго профессора. Несмотря на выслугу сроковъ, С. все-таки былъ оставляемъ въ должности профессора и на службѣ онъ и скончался—1 октября 1891 г. Съ его именемъ связано въ Казанскомъ университетѣ возникновеніе на юридическомъ факультетѣ спеціальной библіотеки, которой онъ посвящалъ въ послѣдніе годы своей жизни очень много времени и для которой онъ разыскалъ и пріобрѣлъ значительное число законодательныхъ сборниковъ различныхъ государствъ и много другихъ цѣнныхъ, а иногда и рѣдкихъ источниковъ и пособій по всѣмъ отраслямъ юридическихъ наукъ. Кромѣ упомянутыхъ двухъ диссертацій, С. принадлежатъ еще слѣдующіе труды: «О полиціи, какъ наукѣ, въ Англіи» («Учен. Записки Казанск. Универс.», 1868 и отд.—Каз., 1868); «Устройство и управленіе университетовъ въ Англіи, Франціи, Германіи и Австріи» («Учен. Зап. К. У.», 1878); «По вопросу пересмотра устава университетовъ» (Каз., 1878); «Наше законодательство о мѣрахъ противъ чумы, а также повальныхъ и заразительныхъ болѣзней вообще» («Сборникъ статей о чумѣ», издан. Казанскимъ обществомъ врачей, 1879; также «Учен. Записки Казан. Универ.», 1879); «Замѣчанія на третью главу уголовнаго уложенія» («Проток. Казанск. юрид. о-ва», 1886).

Н. П. Загоскинъ, „Біографическій словарь проф. и преподавателей Импер. Казанск. универ. 1804—1904 гг.“ (Каз., 1904), ч. II, стр. 79—81.— В. И. Межовъ, „Русск. истор. библіографія“, т. VI, № 57183.

А. З.

Степановъ, *Ѳеодоръ*, въ 1622 году дьякъ приказа Казанскаго дворца. 1623 г. приставъ при касимовскомъ царѣ Арасланѣ, во время пріѣзда его въ Москву. 1624 г. былъ посланъ съ окольничимъ Арт. Вас. Измайловымъ на «крымскую размѣну»; въ томъ же году вмѣстѣ съ другими дьяками говорилъ отъ имени царя кн. Юр. Андр. Звенигородскому, чтобы онъ былъ при пріемѣ кизильбашскаго купца рындой въ бѣломъ платьѣ: кн. Звенигородскій ссылался на болѣзнь, но былъ силою приведенъ со своего двора и въ рындахъ стоялъ. Въ 1625 г. С. числится дьякомъ въ Разрядѣ, а 1626—29 гг. былъ городовымъ дьякомъ въ Казани. Въ 1632 году находился при пріемѣ въ Москвѣ «нѣмецкихъ кормовъ» съ городовъ; въ этомъ же году видѣлъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія «государевы очи». Въ 1632—35 гг.—снова городовой дьякъ, на этотъ разъ въ Астрахани, а затѣмъ находился не у дѣлъ до 1638 г., когда упоминается дьякомъ во Владимірскомъ судномъ приказѣ. Въ 1639 г. на Тулѣ съ разрядомъ для полковыхъ дѣлъ. Въ 1641 г. приставъ датскихъ пословъ. Въ 1644 г.—у турецкаго посла. Въ 1645 г.—при отпускѣ литовскаго посла. Въ 1645—47 гг. дьякъ приказа земскихъ дѣлъ. За время служенія въ этомъ приказѣ онъ долженъ былъ, между прочимъ, наблюдать за по-

рядкомъ въ веденіи исковъ, «въ вотчинахъ или въ земляномъ владѣніи, и по записямъ, и по кабаламъ, и въ холопьихъ дѣлахъ, и по писцовымъ книгамъ, и по всякимъ крѣпостямъ»: если отвѣтчикъ не пріѣдетъ въ Москву въ указанный срокъ, то брать съ него «проѣсть» въ пользу истца, а если истецъ не пріѣдетъ, то брать съ него въ пользу отвѣтчика. На обязанности С. лежало также слѣдить за записью денегъ, взятыхъ «со всякихъ чиновъ людей» на жалованье ратнымъ людямъ. Въ 1647 г. онъ упоминается въ приставахъ у литовскихъ пословъ. Въ 1648 г.—дьякъ Костромской чети. Вмѣстѣ съ окольничимъ кн. Сем. Вас. Прозоровскимъ завѣдывалъ денежной раздачей въ Орловской десятинѣ.

Акты ист., III, стр. 116—118, 175; IV, стр. 21, 27, 29, 31.—Акты арх. эксп., IV, стр. 41.—Разр. кн., I, стр. 1040, 1106, 1250, 1356; II, 84, 188, 451, 818.—Собр. гос. гр. и догов., III, стр. 254.—Дворц. разр., I, стр. 583; II, стр. 305, 604, 659, 860; III, стр. 6, 76.—Акты Моск. госуд., I, стр. 176; II, стр. 104, 182, 237.—Др. Рос. Вивл., XX, стр. 309. — Барсуковъ „Списки городовыхъ воеводъ XVII ст." Спб., 1902, стр. 9, 87.—„Русск. Ист. Библ.", II, стр. 568; X, стр. 105, 190, 293, 294, 295, 297, 302, 381.

В. Корсакова.

Степановы—нѣсколько болѣе или менѣе выдающихся иконописцевъ. 1) *Григорій*, родомъ изъ Вологды, былъ приглашенъ для работъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ и по окончаніи ихъ въ 1644 г. пожалованъ царскою наградою. 2) *Григорій* же, по прозванію Можевитинъ, ученикъ Резанца, работалъ тамъ же и пожалованъ такою же наградою. 3) *Димитрій Григорьевичъ*, въ 1660 г. упоминается въ числѣ иконописцевъ Ростова, откуда въ 1670 г. былъ посланъ въ Москву, въ распоряженіе митрополита Іоны. 4) *Евстратій*, жилъ въ Новгородѣ и въ теченіе 1560—1573 гг. писалъ въ мѣстныхъ храмахъ. 5) *Михаилъ*, москвичъ, упоминается въ числѣ получившихъ въ 1644 г. царскую награду. 6) *Семенъ*, также москвичъ, въ 1650 г. былъ у писма въ Саввинскомъ монастырѣ, въ 1652 г. работалъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Д. А. Ровинскій, „Исторія русскихъ школъ иконописи до конца XVII в.", Спб., 1856 г., стр. 182—183.—Его же, „Обозрѣніе иконописанія въ Россіи", Спб., 1903 г., стр. 164.—И. Е. Забѣлинъ, „Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія", стр. 9, 12, 13, 18, 28, 31, 118.

Степанъ Твердиславичъ, новгородскій посадникъ, принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ новгородскихъ боярскихъ родовъ, которые въ XII—XIII вв. монополизировали въ своихъ рукахъ должность посадника; его дѣдъ, Михаилъ Степановичъ, трижды былъ посадникомъ, соперничая съ бояриномъ Мирошкой Нездиничемъ, а его отецъ, знаменитый Твердиславъ Михаиловичъ, посадничалъ не менѣе четырехъ разъ; ту же должность позже занималъ и сынъ С. Т., Михаилъ Степановичъ. Въ политической жизни Новгорода и въ борьбѣ партій С. Т. началъ принимать участіе, повидимому, около 1220 г., когда сошелъ съ исторической сцены его отецъ, постригшійся въ Аркадьевомъ монастырѣ. Во главѣ народной партіи, къ которой онъ примкнулъ, въ это время стоялъ извѣстный Внѣзда Водовикъ, и С. Т. вначалѣ имѣлъ въ ней, какъ кажется, хотя и значительное, но не рѣшающее вліяніе. Партія, включавшая въ себя разнообразные и трудно примиримые по своимъ интересамъ элементы новгородскаго населенія, вскорѣ разбилась на двѣ части, и во главѣ одной изъ нихъ, болѣе демократической, всталъ С. Т., въ то время какъ Водовикъ остался руководителемъ другой половины. Разъединившіяся группы повели ожесточенную борьбу, которая особенно обострилась ко времени, когда Водовикъ, избранный въ посадники, съ достиженіемъ власти сталъ обнаруживать свирѣпость и жестокость. С. Т. съ своей партіей выступилъ рѣшительнымъ и непримиримымъ его противникомъ: «и распрѣся Степанъ Твердиславичъ съ Водовикомъ», говоритъ по этому поводу 1-я новгородская лѣтопись. Трудно съ достаточной опредѣленностью судить о томъ, въ какой мѣрѣ личное честолюбіе противниковъ и въ какой собственно разница въ политическихъ взглядахъ вызвала сначала вражду, а затѣмъ и борьбу между руководимыми ими группами новгородцевъ. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что С. Т. многое отбросилъ изъ того, что исповѣдывалъ еще его отецъ. На почвѣ этой вражды между С. Т. и Водовикомъ въ 1230 г. среди новгородскаго населенія произошли волненія: народъ шумѣлъ на вѣчахъ, между сторонниками С. Т. и таковыми же Водовика происходили частыя кровавыя стычки, въ которыхъ перевѣсъ оставался то за тѣмъ, то за другимъ изъ противниковъ. Когда же одинъ изъ друзей С. Т. былъ Водовикомъ собственноручно убитъ,

а другой, нѣкій Иванъ Тимошкинъ, по приказанію того же Водовика, жестоко побить, то вражда и борьба достигли высшаго напряженія: большинство новгородцевъ приняли сторону С. Т., пришли въ смятеніе, набросились на домъ посадника, разгромили и разграбили его. Водовикъ принужденъ былъ уступить поле битвы,— вмѣстѣ съ лишеннымъ престола княземъ Ростиславомъ онъ бѣжалъ сначала въ Торжокъ, а оттуда въ Черниговъ. На вакантную должность посадника послѣ этого былъ избранъ С. Т. Посадникомъ онъ состоялъ безпрерывно въ теченіе 13 лѣтъ,—явленіе, далеко необычное въ тѣ бурныя и тяжелыя новгородскія времена, когда велась ожесточенная борьба партій. Посадничество С. Т., особенно начало его, совпало съ чрезвычайно тяжелымъ историческимъ моментомъ въ жизни Новгорода и въ другомъ отношеніи: полный неурожай повелъ къ страшной дороговизнѣ продуктовъ, наступилъ голодъ, разорились многія даже очень богатыя семьи, наступили болѣзни, развился моръ, пошли грабежи, участились пожары; съ другой стороны, происходила неурядица и на княжескомъ столѣ; вмѣсто изгнаннаго Ростислава С. Т., по уполномочію новгородцевъ, пригласилъ на княженіе Ярослава Всеволодовича, но послѣдній, пробывъ всего двѣ недѣли въ Новгородѣ, уѣхалъ обратно въ Переяславль и только лишь послѣ вторичнаго къ нему посольства во главѣ съ С. Т. возвратился на новгородскій столъ. Подобно своему отцу въ послѣдніе годы его политической дѣятельности, С. Т. во время своего посадничества стремился къ фактическому измѣненію одного изъ коренныхъ принциповъ народной партіи: онъ хотѣлъ видѣть на новгородскомъ столѣ сильнаго князя, неспособнаго поступаться своими правами, а тѣмъ болѣе допускать дальнѣйшее ихъ урѣзываніе. Въ этомъ отношеніи онъ достигъ значительныхъ успѣховъ; Ярославъ Всеволодовичъ и сынъ его Александръ Невскій, княжившіе въ посадничество С. Т. (первый отъ 1230 до 1236 г., второй отъ 1236 до 1253 г.), не были уже такъ послушны новгородскому вѣчу въ военныхъ дѣлахъ, какъ ихъ предшественники. Слѣдуетъ упомянуть еще, что С. Т. былъ рѣшительнымъ сторонникомъ княженія на новгородскомъ столѣ представителей владимірско-суздальской линіи, и дѣйствительно, оба упомянутые князя принадлежали къ ней. Умеръ онъ 16 августа 1243 г. и погребенъ въ одномъ изъ притворовъ Софійскаго храма, что доказываетъ большое значеніе его рода въ Новгородѣ.

„Новгородская лѣтопись", М., 1781 г., стр. 117.—„Продолженіе Древн. Россійск. Вивліоѳики", ч. II, Спб., 1786 г., стр. 496, 528.—Калайдовичъ, „Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ новгородскихъ", М. 1821, стр. 133, 134—135.—Д. Прозоровскій, „Новыя розысканія о новгородскихъ посадникахъ", „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи", вып. IX, Спб., 1892 г., стр. 107—108.—Рожковъ, „Политическія партіи въ Великомъ Новгородѣ XII—XV вв.", „Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.", 1901 г., апрѣль, стр. 265—267.—Пассекъ, „Новгородъ самъ въ себѣ", „Чтенія Общества Истор. и Древн. Россійск.", 1869, кн. IV.—Карамзинъ, „Исторія Госуд. Россійск." изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. II, стр. 1?, пр. 161, 331, 334; т IV, пр. 38.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", изд. т-ва „Обществ. Польза", кн. I, стр. 586, 600, 601.

Н. Сербовъ.

Степовой, *Михаилъ Гавриловичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1769 г.; 16-ти лѣтъ (1785 г.) поступилъ въ «корпусъ чужестранныхъ единовѣрцевъ» и, будучи еще на ученической скамьѣ, участвовалъ въ роченсальмскомъ сраженіи (1789 г.); окончивъ въ 1790 г. курсъ въ корпусѣ и произведенный въ мичманы, онъ состоялъ въ дѣйствующемъ флотѣ, въ составѣ котораго былъ въ красногорскомъ и выборгскомъ сраженіяхъ. Плавая затѣмъ по Балтійскому и Нѣмецкому морямъ, совершая частыя кампаніи изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно, а также въ различные морскіе пункты Западной Европы, участвуя въ рядѣ небольшихъ, но опасныхъ стычекъ, С. постепенно повышался по службѣ, получилъ нѣсколько знаковъ отличія и въ 1811 г. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга вмѣстѣ съ назначеніемъ инспекторомъ штурманскаго училища въ Кронштадтѣ. Послѣднее въ слѣдующемъ году, въ виду опасеній, что Кронштадтъ сдѣлается театромъ военныхъ дѣйствій, было переведено въ Свеаборгъ, куда послѣдовалъ и С. Повышенный въ 1819 г. въ капитаны 1-го ранга, а затѣмъ (1826 г.) въ капитанъ-командоры, онъ послѣ переименованія училища въ штурманскую роту былъ назначенъ ея директоромъ и это мѣсто сохранилъ и тогда, когда учрежденіе въ 1827 г. вновь было переименовано— въ первый штурманскій

экипажъ. Въ концѣ 1827 г. онъ получилъ должность инспектора корпуса штурмановъ, причемъ тогда же былъ переименованъ въ генералъ-майоры; въ генералъ-лейтенанты произведенъ въ 1835 г., а два года спустя назначенъ членомъ совѣта морского министерства, каковымъ и оставался до самой смерти, послѣдовавшей 6 декабря 1845 г.; въ теченіе долголѣтней службы получилъ рядъ орденовъ и знаковъ отличія, въ томъ числѣ —Георгія 4 степ., Анны 2-й и Владиміра 3-ей ст.

„Общій морской списокъ", ч. V, Спб., 1890 г., стр. 128—129.—„Матеріалы для исторіи русскаго флота", ч. XIV, Спб., 1893 г., стр. 289; ч. XVII, Спб., 1904 г., стр. 75, 185, 349, 371.—„Русск. Старина", 1870 г. (изд. 2-е), т. 1 стр. 257. *К. Рожковъ.*

Стерлеговъ (имя неизвѣстно), штурманъ, открывшій мысъ, названный его именемъ. По распоряженію адмиралтействъ-коллегіи въ 1734 г. была снаряжена экспедиція изъ 2 небольшихъ судовъ подъ начальствомъ лейтенанта Овцына для описанія береговъ Сибири отъ р. Оби до Енисея. С. былъ въ ней въ качествѣ подштурмана. Въ 1734 г. экспедиція достигла 70° сѣверной широты, въ слѣдующемъ году лишь 68°, въ 1736 г. даже 72°, но каждый разъ вслѣдствіе непроходимыхъ льдовъ возвращалась къ исходному пункту, устью Оби. Наконецъ въ 1737 г., когда изъ адмиралтействъ-коллегіи получилась грозная бумага, въ которой говорилось, что «безъ окончанія въ совершенствѣ оной экспедиціи возвращенія не будетъ», участники послѣдней одѣлали новую попытку и, преодолѣвая невѣроятныя трудности, достигли устья Енисея. Овцынъ, однако, былъ разжалованъ въ матросы и «для выслуги» посланъ къ Берингу, С. же вмѣстѣ съ штурманомъ Мининымъ, замѣнившимъ Овцына, получилъ порученіе произвести изслѣдованіе берега отъ Енисея до р. Хатанги, къ востоку, обогнувъ Таймурскій полуостровъ. Хотя начальникомъ экспедиціи считался Мининъ, однако руководящая роль въ ней фактически принадлежала С. Въ кампанію 1738 г. онъ достигъ 73°7′ N широты и подъ берегомъ матрика открылъ острова, которые назвалъ Сѣверо-Восточными. Затертыя льдами суда не могли двигаться дальше. Тогда С. на ялботѣ отдѣлился отъ отряда, среди густыхъ льдовъ пробрался на 40 верстъ къ сѣверо-востоку и достигъ очень высокаго берега, названнаго имъ также Сѣверо-Восточнымъ, съ котораго онъ, въ восточномъ направленіи, увидѣлъ продолженіе земли, а въ морѣ кругомъ лишь сплошные, неподвижно стоящіе высокіе льды. Въ 1739 г. зимою С. пошелъ далѣе на востокъ и 14 апрѣля 1740 г. достигъ наивысшей за всю экспедицію широты—75°26′ N. Сдѣлавъ подробную опись всего пройденнаго пути, онъ продолжать его однако не могъ и вслѣдствіе полнаго истощенія и болѣзней его самого и спутниковъ принужденъ былъ возвратиться къ устью Енисея. Крайняя точка, которой онъ достигъ, идя вдоль берега Таймурскаго полуострова, оказалась высокимъ мысомъ, названнымъ по имени того, кто его открылъ, мысомъ *Стерлегова*. Есть извѣстіе, что С. предпринялъ еще одну попытку обойти моремъ Таймурскій полуостровъ, но и она, вслѣдствіе непроходимыхъ льдовъ, потерпѣла неудачу.

А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ", Спб., 1893 г., стр. 73—74, 364.—„Записки Гидрографическаго Департам.", т. IX, стр. 281—284; X, стр. 285—287.— А. Соколовъ, „Сѣверная экспедиція 1733—43 гг.", стр. 82—86, 87—89.—Ѳ. Ф. Веселаго, „Матеріалы для исторіи русскаго флота", ч. VIII, стр. 431—432.—Н. И. Стрепцель, „Русскія экспедиціи для описанія сѣверныхъ береговъ Сибири (1734—1862)", Кроншт., 1862 г.

Стерленговъ, *Степанъ Алексѣевичъ*, контръ-адмиралъ, воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ который поступилъ въ 1803 г.; произведенный въ 1809 года въ мичманы, былъ назначенъ въ Черноморскій флотъ, гдѣ въ теченіе 1810 г. крейсировалъ по морю и на кораблѣ «Анапа» участвовалъ въ сраженіи у Пендеракліи, при взятіи въ плѣнъ турецкаго фрегата и корвета, а между 1811—1815 гг. на транспортѣ «Ріонъ» и фрегатѣ «Вопнъ» совершалъ обычныя плаванія. Будучи произведенъ въ лейтенанты, С. получилъ рядъ командировокъ—въ Черниговскую губернію за рекрутами (1816 г.), въ Херсонъ для проводки изъ него въ Севастополь корабля «Скорый» и фрегата «Евстафій» (1819 г.) и др. Въ 1821 г. онъ вышелъ въ отставку, но черезъ 2 года, матеріально стѣсненный, вновь поступилъ на службу съ тѣмъ же чиномъ и плавалъ на разныхъ судахъ Черноморскаго флота. Въ 1831 г. С. участвовалъ въ рядѣ дѣлъ про-

тивъ горцевъ и за оказанныя отличія былъ награжденъ орденомъ Владиміра 4 ст. Командуя различными, болѣе или менѣе крупными военными судами, совершая ежегодно по Черному и Азовскому морямъ кампаніи, имѣвшія цѣлью главнымъ образомъ обученіе молодежи морской службѣ, и постепенно повышаясь по службѣ, С. въ 1836 г. получилъ чинъ капитана 2 ранга, въ 1839 г.— 1-го, а въ 1849 г. былъ произведенъ въ контръ - адмиралы съ назначеніемъ командиромъ 2 бригады 5 флотской дивизіи, начальникомъ которой состоялъ около двухъ лѣтъ, послѣ чего вторично вышелъ въ отставку и вскорѣ скончался.

„Общій морской списокъ", ч. VIII, Спб., 1894 г., стр. 250—251.—Ѳ. Ф. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ", Спб., 1852 г. — Его же, „Краткія свѣдѣнія о русскихъ морскихъ сраженіяхъ за два столѣтія, 1656—1856 гг.", Спб., 1871 г.— С. Елагинъ, „Исторія русскаго флота".

Стефани, *Лудольфъ Эдуардовичъ*, археологъ и филологъ, академикъ, родился 26 марта 1816 г. въ Бейхѣ (около Лейпцига), гдѣ отецъ его былъ пасторомъ. Первоначальное образованіе получилъ дома, затѣмъ посѣщалъ школу въ Гриммѣ, а въ 1836 г. поступилъ въ Лейпцигскій университетъ на философскій факультетъ, гдѣ изучалъ филологію, главнымъ образомъ классическую литературу и древнія искусства; сильное вліяніе на него въ эту пору оказалъ извѣстный нѣмецкій ученый Готфридъ Германъ. Уже первое, болѣе крупное произведеніе С.—«Der Kampf zwischen Theseus und Minotaurus» (Лейпцигъ, 1842 г.)—обнаружило въ немъ недюжиннаго изслѣдователя старины и окончательно опредѣлило его дальнѣйшую дѣятельность, дѣятельность въ области археологіи, чему способствовали еще обстоятельства чисто внѣшней жизни. Вскорѣ по окончаніи университета онъ былъ рекомендованъ Германомъ въ качествѣ домашняго учителя къ профессору Benthylos'у въ Аѳинахъ и такимъ образомъ получилъ возможность изучать древнее искусство въ самой его колыбели. Для большей успѣшности занятій онъ передъ отъѣздомъ въ Грецію предварительно усердно поработалъ въ берлинскихъ и дрезденскомъ музеяхъ, гдѣ хранятся значительныя сокровища греческихъ древностей. Въ Аѳинахъ С. пробылъ болѣе года, объѣздилъ сѣверную Грецію—результатомъ чего явилась книга: «Reise durch einige Gegenden des nördlichen Griechenland» (Leipzig, 1843), посѣтилъ Смирну и Константинополь и побывалъ на мѣстахъ бывшей Трои. Въ концѣ 1843 г. онъ отправился въ Римъ, гдѣ прожилъ два года; изъ Рима также предпринялъ рядъ поѣздокъ съ научной цѣлью въ Неаполь, Сицилію, Флоренцію, Венецію, Миланъ, Туринъ и пр. Возвратившись въ 1845 г. на родину, С. былъ рекомендованъ Преллеромъ въ качествѣ своего замѣстителя на каѳедрѣ древнеклассической филологіи, эстетики и исторіи древняго искусства въ Дерптскомъ университетѣ. Одновременно съ этимъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, гр. Уваровъ, обратился къ Готфриду Герману съ просьбой указать достойнаго ученаго, который могъ бы замѣнить умершаго Кёллера (Köhler) по спеціальности древнеклассической филологіи и археологіи при Петербургской академіи наукъ. Германъ рекомендовалъ опять-таки С. Предъ молодымъ ученымъ, такимъ образомъ, лежалъ выборъ между двумя одинаково почтными должностями. Сомнѣнія и нерѣшительность его по этому поводу разрѣшилъ гр. Уваровъ тѣмъ, что позволилъ ему сначала занять каѳедру въ университетѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ сохранивъ для него на будущее время и мѣсто при академіи. Въ теченіе четырехъ лѣтъ (1846—1850) С. читалъ лекціи въ Дерптѣ, одновременно занимаясь обработкой собранныхъ имъ въ Греціи матеріаловъ и надписей—результатомъ явилась книга: «Titulorum Graecorum Partt, I—V» (Дерптъ 1848—1850 гг.)—и изданіемъ по порученію академіи наукъ трудовъ своего предшественника Кёллера (6 томовъ, закончено и изд. въ 1853 г.). Въ концѣ 1850 г. С. былъ избранъ въ члены академіи наукъ и переселился въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ получилъ мѣсто хранителя музея древностей при Эрмитажѣ. Въ Петербургѣ онъ проявилъ въ высшей степени продуктивную дѣятельность, которая стала еще интенсивнѣе, когда въ 1859 г. для раскопокъ и изслѣдованій южно-русскихъ древностей была образована Императорская археологическая коммиссія, и С. былъ избранъ въ ея члены, а отъ президента ея, графа Серг. Григ. Строганова, получилъ порученіе систематизировать и изслѣдовать найденные предметы. Вплоть до самой смерти еже-

годно издавалъ С. по одному тому этихъ изслѣдованій, выходившихъ на французскомъ языкѣ и носившихъ общее названіе «Compte Rendu de la Commission Imperiale archéologique pour les années 1859—1881» (21 томъ, съ атласомъ, Спб., 1860—1883 гг.). Это монументальное изданіе является его главнымъ трудомъ; на систематизированіе и обработку груды сырого матеріала онъ потратилъ болѣе 20 лѣтъ своей жизни, вложилъ въ это изданіе массу энергіи, но зато имъ онъ обогатилъ научный міръ цѣлой сокровищницею до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ древностей, которыя имѣютъ цѣнное значеніе не только для мѣстной, но и для всемірной исторіи въ ея первоначальномъ періодѣ. Кромѣ этого труда, С. принадлежитъ еще цѣлый рядъ другихъ работъ: «Разборъ сочиненія П. М. Леонтьева—«О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи» («20-ое присужденіе Демидовскихъ наградъ», Спб., 1851, стр. 285—313); «Ueber einige angebliche Steinschneider des Altertums» («Mémoires de l'Académie Imperiale des sciences de St-Pétersbourg» VI-e série, 1851, t. VIII, pag. 183—243), отд. изд., Спб., 1851; въ извлеченіи на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «О подлогѣ именъ древне-классическихъ художниковъ на разныхъ камняхъ» («Учен. Записки Импер. Акад. Наукъ», 1853 г. т. I, в. 3, стр. 275—289); «Разборъ сочиненія Беккера—«Берегъ Понта Эвксинскаго отъ Истра до Борисоена въ отношеніи къ древнимъ его колоніямъ» («21-е присужден. Демидовскихъ наградъ», Спб., 1852 г., стр. 111—114); «О мнимомъ посланіи профессора Толькена къ Императорск. академіи наукъ» («Учен. Зап. Имп. Ак. Н.», 1753 г., т. I, вып. 4, 609—615); «Der ausruhende Heracles—ein Relief der Villa Albani», mit 7 Kupfer-Tafeln (St-Pet., 1854, S. 288 и «Mémoires d. Petersb. Acad.», t. VIII); «Nimbus und Strahlenkranz in den Werken der alten Kunst» («Mémoires», VI-e sér., t. IX); на русскомъ языкѣ подъ названіемъ «Нимбъ и лучезарный вѣнецъ въ произведеніяхъ древняго искусства», напечат. въ прилож. къ «Запискамъ Акад. Наукъ» (1863 г., т. IV, вып. 1, 192 стр. и 5 лист. рис.); «Аполлонъ Боэдроміосъ, статуя музея гр. С. Г. Строганова» (тамъ же, т. III, вып. 1, прил. 1, стр. 1—73); «Путеводитель по античному отдѣленію Эрмитажа» (М., 1856 г.); «О двухъ древнихъ барельефахъ, находящихся въ Эрмитажѣ» («Зап. Ак. Наукъ», т. XII, кн. 2, стр. 143—148); «Boreas und Boreaden» («Mémoires», VII-e ser., t. XVI, № 13); «Die Antikensammlung zu Pawlowsk» (ib., 1872, t. XVIII, № 4); на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ—«Собраніе древнихъ памятниковъ искусства въ Павловскѣ» (Спб., 1872); Antiquités du Bosphore Cimmérien» (Спб., 1854), 3 тома; только небольшая часть текста принадлежитъ другимъ лицамъ; «Parerga archaeologica» («Bulletin des Antiqiutés»—изд. академіи наукъ; перепечатано въ «Melanges Greco-Romains», I—IV); «Die Vasensammlung der Kaiserlichen Ermitage» (Спб., 1869 г.); «Древнія бронзы и терракоты» (Спб., 1872 г.); «Никопольская серебряная ваза въ Эрмитажѣ» (Спб., 1873); «Керченскія древности въ Императ. Эрмитажѣ», вып. I (Спб., 1873); «Кормленіе змѣй при орфическихъ таинствахъ» («Зап. Ак. Н.», 1874 г., т. XXV, кн. 2, прил. № 3).

Какъ изслѣдователь, С. отличался чрезвычайной точностью и способностью прекрасно разрабатывать матеріалъ и пользоваться имъ для научныхъ обобщеній, причемъ одна черта является для метода его научныхъ изысканій наиболѣе характерной: когда въ какомъ-либо пунктѣ или какой-нибудь области ощущался недостатокъ въ фактическомъ матеріалѣ, С. ограничивался исключительно констатированіемъ имѣющихся на лицо фактовъ, но на основаніи односторонняго или неполнаго матеріала никогда не позволялъ себѣ дѣлать выводы, хотя бы они сами собой напрашивались или казались бы вполнѣ достовѣрными; тѣмъ болѣе избѣгалъ онъ соблазна вдаваться въ гипотезы, которыя реальностью, наличностью матеріала или фактовъ не могутъ быть провѣрены. Если же С. рѣшался формулировать какой-либо выводъ, то только въ томъ случаѣ, когда вполнѣ убѣждался, что фактическій матеріалъ лежитъ предъ нимъ въ исчерпывающей полнотѣ, и всякія новыя данныя неизбѣжно должны быть аналогичны имѣющимся, слѣдовательно, измѣнить ничего не могутъ. Благодаря такой научной осторожности и добросовѣстности С., всѣ его труды въ области археологіи имѣютъ выдающуюся цѣнность для позднѣйшихъ изслѣдователей и для науки вообще.

С. состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ: дѣйствительнымъ — Императорской археологической комиссіи, московскаго археологическаго общества и восточнаго общества въ Лейпцигѣ; почетнымъ членомъ—археологическаго института въ Ригѣ, королевской академіи наукъ въ Мюнхенѣ и почетнымъ вольнымъ общникомъ Императ. академіи художествъ. Умеръ онъ 30 мая 1887 г. въ Павловскѣ и похороненъ въ Петербургѣ на Смоленскомъ кладбищѣ.

„Allgemeine Deutsche Biographie“, Band 36 (статья Кіезерицкаго).—Д. Д. Языковъ, „Писатели, умершіе въ 1887 г.“ (въ книгѣ „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“ вып. 7, М., 1893 г., ст. 85—87).—„Историческ. Вѣстникъ“, 1887 г., кн. 9, стр. 695—696.—„Нива“, 1887 г , № 30 (съ портретомъ).—„Энциклопедич. словарь“ Брокгауза, полут. 62, Спб., 1901 стр. 634—635. *А. Заринъ.*

Стефановичъ, *Василій*, юристъ XVIII вѣка; принадлежалъ къ старинному малороссійскому роду, родился въ 1697 г., высшее образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи, а послѣ этого, долгое время путешествуя по Западной Европѣ, слушалъ лекціи въ университетахъ Германіи, Австріи и Италіи. Получивъ въ 1722 г. магистерскій дипломъ отъ Бреславльскаго университета, С. вскорѣ вернулся въ отечество, именно въ Петербургъ, и, какъ человѣкъ, въ совершенствѣ знавшій многіе иностранные языки, былъ взятъ переводчикомъ сначала къ Петру Великому, для котораго онъ кромѣ того дѣлалъ сводки изъ различныхъ документовъ и писалъ на латинскомъ языкѣ грамоты къ польскому королю, а затѣмъ также въ качествѣ переводчика и компилятора работалъ при князѣ А. Д. Меньшиковѣ. По смерти Петра I С. участвовалъ въ изданіи книги Ѳеофана Прокоповича о дѣятельности этого императора, для чего ѣздилъ въ Ревель, такъ какъ въ Петербургѣ тогда не было еще ни одной латинской типографіи. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ нѣкоторое время состоялъ профессоромъ риторики и философіи въ семинаріи Ѳеофана Прокоповича. Въ 1729 г. гетманъ Даніилъ Апостолъ вызвалъ С. въ Малороссію и предложилъ ему участвовать въ «комиссіи книгъ правныхъ»; въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ работалъ онъ въ этой комиссіи и одно время въ ней предсѣдательствовалъ. Здѣсь онъ занимался переводомъ назначенной ему части источниковъ и матеріаловъ по малороссійскому праву, въ 1831 г. принималъ дѣятельное участіе въ общемъ совѣщаніи (въ Глуховѣ), въ которомъ редактировались результаты работъ, и въ томъ же году, по порученію гетмана, ѣздилъ въ Москву съ готовымъ уже переводомъ «правъ». Въ то же время онъ былъ бунчуковымъ товарищемъ, лохвицкимъ сотникомъ (въ этомъ званіи онъ совершилъ подъ начальствомъ генерала Румянцева походъ на Хотинъ и противъ татаръ, напавшихъ на Миргородскій полкъ), участвовалъ въ главномъ комиссаріатѣ, въ которомъ несъ обязанности слѣдователя по дѣламъ въ Гадячскомъ, Миргородскомъ и Полтавскомъ полкахъ и завѣдывалъ экономической частью; наконецъ, малороссійскимъ гетманомъ, графомъ Разумовскимъ, былъ назначенъ лубенскимъ полковымъ судьею. Кромѣ того С. принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ комиссій по разграниченію спорныхъ земель между различными лицами и казацкими полками. Сохранились также отрывочныя свѣдѣнія, свидѣтельствующія о томъ, что служба С. была, повидимому, не совсѣмъ безупречна. Неизвѣстно, по какому именно поводу, но въ 1733 г. онъ былъ арестованъ, и ранѣе пожалованныя ему имѣнія въ сс. Жабахъ и Ригахъ кн. Шаховскимъ были отобраны. Умеръ С. въ 1773 г.

Статья М. В. Б., „Матеріалы для біографіи Стефановича Василія“, „Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца“, т. VII.—„Сказка о служебной дѣятельности Василія С., представленная имъ самимъ по требованію гетмана гр. Разумовскаго—14 янв. 1762 г.“ тамъ же.—„Энциклоп. словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. 30, s. v.—Н. Маркевичъ, „Исторія Малоросс.“, Москва, 1842.

Стефановскій, *Иванъ Петровичъ*, художникъ-пейзажистъ, родился въ 1850 г. Съ 1861 по 1865 г. онъ обучался въ Пензенской гимназіи, въ 1868 г. поступилъ въ Императорскую академію художествъ, гдѣ черезъ годъ спеціально сталъ заниматься въ натурномъ классѣ. Въ періодъ съ 1870 по 1873 г. онъ получилъ малую и большую серебряныя медали за рисунки и такія же двѣ медали за пейзажные этюды. Произведенія С. свидѣтельствовали о его большомъ художественномъ талантѣ, но крайняя бѣдность и болѣзненность художника не дали ему возможности развить свои дарованія и въ полной мѣрѣ проявить ихъ. Въ 1875 г.

С. вышелъ изъ академіи и долженъ былъ покинуть Петербургъ съ его неблагопріятными климатическими условіями для людей слабаго здоровья. На родинѣ, куда С. уѣхалъ, онъ попалъ не въ лучшее матеріальное положеніе, чѣмъ то, которое онъ испытывалъ въ Петербургѣ: цѣлыми мѣсяцами онъ буквально голодалъ, и кромѣ того его болѣзнь (туберкулезъ легкихъ) развивалась съ каждымъ днемъ. Запоздалая помощь академіи художествъ не спасла его, и въ 1878 г., всего 28 лѣтъ отъ роду, истощенный недугомъ и матеріальными лишеніями, онъ угасъ. Изъ работъ С. на академической выставкѣ 1877 г. былъ его «Этюдъ старика», а въ 1887 г. — «Пейзажъ» (послѣдняя картина была и на передвижной академической выставкѣ 1887 г. въ Екатеринбургѣ).

Ѳ. И. Булгаковъ. „Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академическихъ выставкахъ послѣдняго 25-лѣтія", Спб., 1889—1890 г.

В. Г.

Стефановы, отецъ и сынъ, по имени оба *Филетеръ* (*Stefanof Fileter*)—граверы пунктиромъ, первый—конца XVIII, второй—начала XIX вѣка. *С.-отецъ*, по разсказу Ѳ. И. Іордана, былъ крѣпостнымъ какого-то важнаго барина, съ которымъ онъ около 1750 г. ѣздилъ въ Лондонъ въ качествѣ камердинера. Тамъ онъ ушелъ отъ своего барина, первое время скитался по міровому городу безъ всякихъ средствъ къ жизни, но вскорѣ женился на англичанкѣ, записался въ «Общество вспоможенія художникамъ» и при поддержкѣ послѣдняго сталъ учиться гравированію пунктиромъ у извѣстнаго Барталоцци, одновременно съ другимъ русскимъ граверомъ, впослѣдствіи академикомъ, Г. И. Скородумовымъ. По смерти своей жены С. сошелъ съ ума и до самой смерти содержался въ домѣ умалишенныхъ на средства «Общества вспоможенія». Дата его смерти относится приблизительно къ 1800 г. Несмотря на то, что С. безвыѣздно жилъ въ Англіи, темы почти всѣхъ его работъ взяты изъ руской жизни. Наиболѣе выдающіяся изъ его работъ слѣдующія: «Портретъ Вас. Петр. Петрова» (чл. акад. наукъ, стихотв.), очень рѣдкій листъ, оригиналъ хранится въ академіи наукъ; «Портретъ Румянцева-Задунайскаго» («Comt Roumianzow-Sadounaiskoi, Field-Marshal of the Russian Armies»), пункт., съ медали работы Іегера, выбитой въ честь фельдмаршала въ 1775 г.; грав. въ 1778 г.; аллегорическая картина на миръ въ Яссахъ(Екатерина II, окруженная аллегорическими фигурами)—также очень рѣдкіе листы.

С.-сынъ жилъ все время въ Лондонѣ. Онъ сдѣлалъ много гравюръ для книгъ, главнымъ образомъ для «Heath Gallery of British Engravings», vol. I—IV, за 1836—1838 гг. Главныя работы: «Chacun a son gout», «Донъ-Жуанъ и Донна Анна», «The inconstant», «The rival scutors», «Dorothea», «Spirit of the Wye», «The Dilemma», «The artist love», «The Tapestried Chamber», «Love», «Clorinda», «Katharina and Baptista», «Corsar et Lara», «Giaffir and Zuleika», «Lady Grey», «Jeanne de Naples». Какъ видно изъ названій, темы для нѣкоторыхъ изъ работъ были взяты изъ произведеній Байрона.

Ѳ. И. Іорданъ, „Собраніе гравюръ".—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.", Спб., 1895, стр. 637—638. — Его же, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", т. I и II, Спб., 1886.

Стефановы,—нѣсколько русскихъ иконописцевъ: 1) *Алексѣй* (Алешка), родомъ изъ Великаго Устюга, упоминается въ 1669 г., когда въ селѣ Коломенскомъ занимался травнымъ письмомъ. 2) *Иванъ*, изъ Костромы, въ 1654 г. работалъ «у разныхъ дѣлъ» въ Москвѣ. 3) *Леонтій*, москвичъ, писалъ образа въ 1678 г.; въ соборѣ Новодѣвичьяго монастыря въ Москвѣ, на налоѣ, за стекломъ находится образъ Распятія съ подписью: «Лѣта 7186 (1678) писалъ сей образъ Леонтій Стефановъ»; икона писана отличными красками по-живописному, съ богатыми пробѣлами золотомъ; онъ же вмѣстѣ съ Леонтіемъ Зубовымъ написалъ образъ Нерукотвореннаго Спаса для церкви Спаса въ Москвѣ.

Д. А. Ровинскій, „Исторія русскихъ школъ иконописи до конца XVII в.", Спб., 1856 г., стр. 183. — Его же, „Обозрѣніе иконописанія въ Россіи", Спб., 1903 г., стр. 50, 164.—И. Е. Забѣлинъ, „Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія", стр. 9, 15, 105.

Стефанъ, *Густавъ Ѳедоровичъ*, военный инженеръ, генералъ-лейтенантъ, происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи, родился въ 1796 г., дѣтство и молодость провелъ въ домѣ родителей, гдѣ получилъ весьма солидное для своего времени образованіе. Вначалѣ онъ былъ, несмотря на молодость, учителемъ математики въ Пе-

торбургскомъ лѣсномъ корпусѣ. Его наклонности требовали, однако, другой дѣятельности, и въ 1816 г. онъ опредѣлился колоновожатымъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части, а черезъ два года былъ произведенъ за отличіе въ прапорщики; съ самаго начала поступленія на военную службу онъ зарекомендовалъ себя искуснымъ съемщикомъ и свѣдущимъ математикомъ. Производившіяся при его дѣятельномъ участіи съемки въ Финляндіи и въ окрестностяхъ Петербурга, несмотря на новизну дѣла, отличались исключительною точностью; ежегодныя денежныя награды и пожалованный ему брилліантовый перстень поощряли дѣйствительно достойнаго. Турецкая война потребовала отъ С. примѣненія его военно-топографическаго опыта на театрѣ развертывавшихся боевыхъ дѣйствій. Въ 1828 г. онъ былъ прикомандированъ къ главной квартирѣ 2-ой арміи, находившейся подъ Шумлою, и здѣсь, на пространствѣ между Варнскимъ лиманомъ и Кулевчей, а въ слѣдующемъ году подъ Силистріей, производилъ безпрестанныя и непрерывныя съемки, въ немалой степени помогая ими начальствующимъ лицамъ оріентироваться въ мѣстности и занимать болѣе удобныя положенія. Въ маѣ того же года, находясь въ авангардѣ, онъ лично участвовалъ въ дѣлѣ подъ Кулевчей, окончившемся пораженіемъ арміи верховнаго визиря, и за отличіе, оказанное въ этомъ сраженія, произведенъ въ чинъ штабсъ-капитана. Вообще, въ теченіе всей турецкой кампаніи С., производя съемки маршрута и окрестностей, въ то же время, увлекаемый личною храбростью и боевымъ пыломъ, часто откладывалъ инструменты въ сторону и становился въ ряды активныхъ воиновъ. Неоднократно участвовалъ въ разныхъ дѣлахъ, причемъ за отличіе въ дѣлѣ подъ Сливною и при взятіи этого города былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и произведенъ въ капитаны. По окончаніи турецкой кампаніи С., заявившій себя, какъ отличный офицеръ главнаго штаба, былъ назначенъ въ число офицеровъ, полагаемыхъ для особыхъ порученій въ распоряженіе военнаго министра и генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества. Въ этомъ званіи С. исполнялъ важныя порученія и командировки по части производства топографическихъ съемокъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Эти труды, а также нѣкоторыя изобрѣтенія С., напр., его системы буссоль и мензула—послѣдняя названа даже именемъ изобрѣтателя, «мензулой Стефана», и въ 1815 г. была удостоена вниманіемъ Императора Александра I,—все это вмѣстѣ взятое обратило на С. вниманіе Императорской военной академіи (нынѣ Николаевская академія генеральнаго штаба), и онъ въ 1834 г. былъ приглашенъ ею преподавателемъ военной географіи. Съ этихъ поръ С. посвятилъ всѣ свои силы этой академіи и въ продолженіе 23 лѣтъ исполнялъ послѣдовательно обязанности штабъ-офицера, завѣдывающаго обучающимися офицерами, затѣмъ вице-директора и, наконецъ, въ 1854 г., съ преобразованіемъ академіи, ея начальника. Будучи въ послѣдней должности, онъ вполнѣ правильно поставилъ въ академіи съемку и курсы высшей и низшей геодезіи; впослѣдствіи, по его ходатайству, офицеры, изучившіе высшую геодезію и астрономію по особой программѣ, прикомандировывались на два года къ Пулковской обсерваторіи. Въ теченіе 23-лѣтней дѣятельности въ академіи С. не только снискалъ себѣ уваженіе и любовь многихъ поколѣній учащейся военной молодежи, но вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпилъ за собой репутацію отличнаго знатока съемки и картографіи. Исполняя обязанности начальника академіи, С. вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія военно-ученаго комитета ген. штаба. Въ 1858 г., когда при новой постановкѣ академіи съ неограниченнымъ пріемомъ офицеровъ, управленіе ею оказалось не подъ силу С., удрученному болѣзнями и трудами, онъ оставилъ должность начальника академіи и назначенъ былъ членомъ ея совѣта, а вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ учебнаго комитета военно-учебныхъ заведеній и совѣщательнаго комитета главнаго управленія генеральнаго штаба (преобразованнаго впослѣдствіи въ военно-ученый комитетъ ген. штаба). Во время педагогической дѣятельности С. произведенъ былъ въ ген.-маіоры, ген.-лейтенанты и получилъ ордена св. Станислава I ст., св. Анны I ст. и св. Владиміра II ст., а въ 1868 г., въ день 50-ти лѣтія его службы въ офицерскихъ чинахъ, ему пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла. С. скончался 28 марта 1873 г. на 77 г. жизни.

„Русскій Инвалидъ", 1873 г., № 65.—„Эн-

циклопедія военныхъ и морскихъ наукъ", Лепера, s. v. — „Ежегодникъ русской арміи" за 1873—1874 гг., ч. II, стр. 81. — „Русская Старина", т. XXXVII, стр. 416, 426, 707 („Императорская военная академія въ 1834—1848 гг.", воспоминанія кн. Н. С. Голицына о его службѣ въ академіи).—„Оружейный Сборникъ", 1873 г., № 3, отд. III, стр. 67.—„Военный Сборникъ", 1868 г., № 5 (юбилей Стефана).—„Два года въ Турціи (съ іюля 1828—сентябрь 1830 г.). Изъ записокъ ген.-лейт. Г. Ѳ. Стефана", „Инженерный Журналъ", 1878 г., № 1, ч. неоф., отд. II, стр. 1—42, № 2, стр. 43—74.—„Въ память столѣтняго юбилея военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія, 1769 — 1869 гг."

Ф. К.

Стефанъ (а не Стефани), *Фридрихъ Христіановичъ*, видный ботаникъ, докторъ медицины, философіи и правъ, профессоръ Московской медицинской школы и Петербургской медико-хирургической академіи по ботаникѣ, медицинѣ и химіи, директоръ ботаническаго сада и лѣсного института въ Петербургѣ, род. въ 1757 г. въ Лейпцигѣ, ум. въ Петербургѣ 17 декабря 1814 г. Образованіе получилъ въ Лейденскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ; въ 1779 г. въ послѣднемъ изъ нихъ, послѣ защиты диссертаціи подъ заглавіемъ «De Raris», былъ удостоенъ степени доктора философіи и балаклавра медицины, а 25 августа 1782 г. — доктора медицины, послѣ чего пріѣхалъ въ Россію и по сдачѣ экзамена въ медицинской коллегіи получилъ право практиковать въ Россіи (19 декабря 1782 г.). Принятый на русскую службу, онъ былъ назначенъ дивизіоннымъ врачемъ во вторую дивизію, а затѣмъ въ Крымъ, въ армію кн. Потемкина. Въ 1784 г. С. былъ отправленъ въ армію графа Румянцева, а по возвращеніи оттуда 21 декабря 1786 г. назначенъ профессоромъ химіи и ботаники въ Московскую медицинскую школу. Такъ какъ въ школѣ въ это время не было ботаническаго сада, а существовавшій за Сухаревой заставой Аптекарскій садъ былъ очень запущенъ, то С. внесъ въ медицинскую коллегію предложеніе о необходимости упорядоченія сада за Сухаревой башней и разведенія тамъ «медицинскихъ растеній» для обученія медиковъ и аптекарей. 14 февраля 1796 г. садъ и бывшая въ немъ лабораторія были переданы, по приказанію медицинской коллегіи, въ полное распоряженіе С., съ тѣмъ, чтобы лишь общій надзоръ принадлежалъ медицинской конторѣ. Въ довольно короткое время С. улучшилъ садъ до неузнаваемости, учредивъ при немъ, между прочимъ, музей естественной исторіи, для котораго подарилъ гербарій изъ 1800 видовъ и коллекцію минераловъ и насѣкомыхъ. Въ Москвѣ онъ оставался до 1804 г., когда былъ переведенъ профессоромъ ботаники въ Петербургскую медико-хирургическую академію, а незадолго передъ тѣмъ ѣздилъ въ Лейпцигъ, гдѣ послѣ соотвѣтственнаго испытанія былъ удостоенъ званія доктора правъ. Въ то же время ему было поручено завѣдываніе ботаническимъ садомъ на Аптекарскомъ островѣ. Съ 1809 г. служилъ при главномъ директорѣ государственныхъ лѣсовъ «для разныхъ по лѣсной части порученій», а въ 1811 г. онъ былъ назначенъ директоромъ во вновь устроенный на Выборгской сторонѣ практическій лѣсной институтъ, образованный изъ Орловскаго и Царскосельскаго лѣсныхъ институтовъ, и занималъ эту должность до самой своей смерти. С. пріобрѣлъ значительную извѣстность своими изслѣдованіями надъ флорой Россіи, особенно занятіями надъ систематикой растеній. Однимъ изъ собранныхъ имъ гербаріевъ, хранящимся въ Берлинѣ, пользовался Вильденовъ для своего труда «Species plantarum», остальныя его ботаническія коллекціи вмѣстѣ съ частью его библіотеки были пріобрѣтены въ два пріема ботаническимъ садомъ въ Петербургѣ (1749+2560 видовъ). Тѣмъ же садомъ уже послѣ смерти С. у его наслѣдниковъ въ 1824 г. купленъ былъ еще одинъ гербарій, а также часть его библіотеки. С. много работалъ надъ изслѣдованіемъ флоры центральной Россіи; въ своихъ произведеніяхъ «Enumeratio stirpium agri mosquensis» (М., 1792), «Icones plantarum mosquensium ad historiam plantarum sponte circa Mosquam crescentium illustrandam. Decad. I et II» (М., 1795),—онъ первый въ Россіи остановилъ вниманіе на растительномъ царствѣ окрестностей Москвы. Извѣстны также еще слѣдующіе его труды: «Nomina plantarum, quas alit ager mosquensis et hortus privatus» (Спб., 1804); «Description de deux nouveaux genres des plantes» («Mém. de la Société Impériale des naturalistes de Moscou», т. I); «Plantae novae Sibiriae» (тамъ же, т. II).

E. R. von Trautvetter, „Aufzeichnungen über Chr. Fr. Stephan", „Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou", 1865, т. XXXVII, № 2, стр. 596—599.—Яковъ Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи" Спб., 1883, стр. 124, 358, 405, 406, 413, 414, 426, 588, 589.—„Историческій очеркъ развитія С.-Петербургкаго лѣсного института 1803—1903", Спб. 1903, стр. 24, 39, 42.—„Исторія Императорск. военно-медицинск. академіи за 100 лѣтъ", Спб., 1898 г., стр. 91—92, 120.—Callisen, „Medicinisches Schriftsteller-Lexikon", Copenhagen, 1834, Bd. 18, S. 382—383.—„Энциклопед. словарь" Брокгауза-Ефрона, полут. 62, Спб., 1901 г., стр. 646—647.

Е. К.

Стефанъ (*Семенъ Зелятровъ*), архимандритъ, ректоръ Тульской, Казанской и Воронежской духовныхъ семинарій, сынъ пономаря тульской епархіи; образованіе получилъ въ тульскихъ духовныхъ училищѣ и семинаріи; блестящее окончаніе курса въ послѣдней открыло ему доступъ въ Петербургскую духовную академію, куда онъ и былъ принятъ казеннокоштнымъ студентомъ въ 1821 г. Изъ академіи С. вышелъ въ 1825 г. со степенью магистра и, принявъ монашество, былъ назначенъ инспекторомъ и преподавателемъ философіи въ Смоленскую семинарію, откуда три года спустя переведенъ инспекторомъ же и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Московскую семинарію. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе какъ выдающійся педагогъ и способный администраторъ и уже черезъ годъ былъ назначенъ ректоромъ Тульской, а въ 1833 г. ту же должность занялъ въ Казанской духовной семинаріи. Въ 1841 г. С. былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священнослуженія и, по выраженію одного изъ его біографовъ, «былъ уже близокъ на пути къ архіерейству», когда неожиданное происшествіе рѣзко измѣнило взглядъ на него и намѣренія высшаго духовнаго начальства. Въ отсутствіе С. двумя воспитанниками Казанской семинаріи въ ноябрѣ 1841 г. былъ убитъ іеромонахъ архіерейскаго дома, и часть нравственной отвѣтственности за это преступленіе была возложена на С.; безъ всякаго разслѣдованія, на основаніи лишь происшедшаго, его обвинили въ томъ, что онъ будто бы «распустилъ» семинарію. Въ силу этого С. не только не былъ хиротонисанъ, но получилъ даже пониженіе на службѣ: изъ Казани, академическаго центра, онъ былъ переводенъ ректоромъ духовной семинаріи въ сравнительно захолустный городъ,—въ Воронежъ. Этого удара честолюбивый С. не вынесъ; подъ гнетомъ нависшей на него незаслуженной опалы и въ сознаніи того, что карьера его окончена онъ впалъ въ меланхолію, завершившуюся ударомъ, вслѣдствіе чего былъ уволенъ на покой въ Мценскій монастырь (Орловской епархіи), гдѣ и умеръ—9 мая 1846 г. Въ сборникѣ «Нѣкоторыя упражненія студентовъ С.-Петербургской духовной академіи VI курса» (Спб., 1825 г., ч. IV) напечатано разсужденіе С., написанное имъ еще на студенческой скамьѣ,—«О сходствѣ Ветхаго и Новаго завѣтовъ, ихъ различіи и превосходствѣ Новаго».

Благовѣщенскій, „Исторія Казанской духовной семинаріи", Казань, 1881 г., стр. 311.—Архим. Димитрій, „Ректоры Воронежской духовной семинаріи", Воронежъ, 1885 г., стр. 44.—П. Никольскій, „Исторія Воронежской духовной семинаріи", ч. 2, стр. 45—47.—Кедровъ, „Московская духовная семинарія", прилож., стр. 9.—А. Родосскій, „Біографическій словарь студентовъ первыхъ 28-ми курсовъ С.Петербургской духовной академіи, 1814—1869 г.", Спб., 1907 г., стр. 480—481.

Стефанъ *Калѣновскій* или *Калиновскій*, Новгородскій архіепископъ. Откуда онъ былъ родомъ, кто были его родители и какъ онъ назывался въ мірѣ, свѣдѣній не имѣется, но по нѣкоторымъ даннымъ рожденіе его можно относить къ 1700 г.; получилъ образованіе въ Кіевской академіи, въ Кіевѣ же около 1727 г. принялъ и монашество и жилъ въ Кіево-Братскомъ училищномъ монастырѣ въ качествѣ преподавателя риторики и философіи Кіевской академіи; въ началѣ 1732 г. былъ назначенъ префектомъ академіи, а 20 сентября того же года переведенъ на ту же должность въ Московскія славяно-греко-латинскія школы, гдѣ преподавалъ также и богословіе. 3 февраля 1734 г. онъ получилъ санъ архимандрита Спасскаго училищнаго монастыря и назначенъ ректоромъ Московской академіи; въ это же время ему было поручено Св. Синодомъ вести бесѣды съ англійскимъ пасторомъ Малярдомъ, желавшимъ принять православіе. Въ началѣ 1735 г. состоялся его переводъ въ Петербургъ, въ Александро-Невскій монастырь; вскорѣ онъ принялъ участіе въ дѣлѣ исправленія славянскаго текста Библіи, а 20 іюня 1736 г. былъ назначенъ членомъ Св. Синода. Въ 1739 г., 10 января, назначенъ епи-

скопомъ въ Псковъ съ оставленіемъ архимандритомъ Александро-Невскаго монастыря «ради той великой пользы, какую принесъ преосвященный Стефанъ для Александро-Невской семинаріи». 18 августа 1745 г. С. былъ произведенъ во архіепископа Новгородскаго. На Новгородской каѳедрѣ онъ проявилъ энергичную дѣятельность по внутреннему и внѣшнему церковному благоустроенію послѣ большого пожара церквей въ Новгородѣ въ 1745 г., въ пресѣченіи раскола, по благоустройству семинаріи, въ которой открылъ новые классы, завелъ катихизаторство и улучшилъ преподаваніе наукъ. Преосвящ. С. принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ проповѣдниковъ своего времени; хотя онъ и былъ первенствующимъ членомъ Св. Синода, но въ Петербургѣ жилъ очень мало: такъ, 27 октября 1747 г. онъ былъ уволенъ въ епархію для исправленія своихъ дѣлъ; въ декабрѣ 1748 г. и въ началѣ 1749 г. ѣздилъ со всѣмъ Синодомъ въ Москву; 13 февраля 1751 г. снова уволенъ на годъ въ епархію, въ 1753 г., 10 января, ему разрѣшено было оставаться въ епархіи. Скончался 16 сентября 1753 г. и погребенъ въ Мартиріевой папертп. Оставшаяся послѣ него громадная библіотека хранилась сначала въ архивѣ Св. Синода, а потомъ отправлена въ Новгородскую семинарію.

К. Я. Здравомысловъ, „Іерархи Новгородской епархіи отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени“, Новгородъ, 1897 г. стр. 80—84. *А. Никольскій.*

Стефанъ *Прибыловичъ*, іеромонахъ. На допросѣ, производившемся въ канцеляріи сената 24 мая 1777 г., онъ показалъ о себѣ слѣдующее: «Родомъ полякъ, родился въ польскомъ городѣ Ярославлѣ, откуда лѣтъ съ 25 тому назадъ (приблизительно въ 1692 г.) прибылъ въ Кіевъ и, по обѣщанію своему, постригся въ монахи Кіево-Печерскаго монастыря, съ именемъ Стефана.. тому будетъ лѣтъ съ семнадцать» (приблизительно въ 1700 г.). На другой годъ послѣ этого переселился въ Москву и въ продолженіе четырехъ лѣтъ состоялъ преподавателемъ философіи въ Московской академіи, былъ также префектомъ въ ней. Посвященный митрополитомъ рязанскимъ (Стефаномъ Яворскимъ?) въ іеромонахи, поселился въ Москвѣ и говорилъ въ разныхъ церквахъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ «казанія», а въ 1711 г. возвратился въ Кіевъ и жилъ попрежнему въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, откуда былъ посланъ на игуменство въ «приписной» Кіево-Печерскій Змѣевскій монастырь; однако въ 1716 г. монахами этого монастыря обвиненъ въ ереси, за что былъ отрѣшенъ отъ игуменства. Быть можетъ, этимъ бы все дѣло и кончилось, но случилось такъ, что вскорѣ послѣ этого происшествія его потребовали въ Петербургъ, вѣроятно, для перевода или исправленія церковныхъ книгъ; это обстоятельство вызвало противъ него офиціальное обвиненіе въ ереси. Кіевскій губернаторъ, князь Дм. Мих. Голицынъ, въ письмѣ своемъ къ князю Меньшикову отъ 5 февраля 1717 г. пишетъ слѣдующее: «Изволилъ писать ко мнѣ, ваша свѣтлость, дабы прислать изъ Кіева въ Петербургъ казнодѣя Прибыловича. Доношу вашей свѣтлости, такой монахъ въ печерскомъ монастырѣ есть, только человѣкъ не есть состоянія добраго, но еретичествуетъ противъ Восточныя церкви и такое учинилъ нынѣ дерзновеніе: отъ сколькихъ лѣтъ принята была въ церкви молитва Манассіи, царя іудейска, положенная въ часословѣ, вымаралъ и внушаетъ, что не должно призывать на помощь Пресвятую Богоматерь и святыхъ угодниковъ Божіихъ, и за усопшихъ творить поминовенія, и преданія церкви и соборы святыхъ Божіихъ уничтоживаетъ». 22 того же февраля письмо это было прочитано въ Сенатѣ, который постановилъ: «Того старца за крѣпкимъ карауломъ, не припуская къ нему никого, также и о его противностяхъ, о которыхъ въ письмѣ... отъ кіевскаго губернатора объявлено, подлинное извѣстіе при доношеніи прислать въ канцелярію Сената немедленно». Указъ былъ посланъ 23 февраля, а 19 апрѣля повторенъ, но С. былъ отправленъ вслѣдъ за первымъ указомъ при доношеніи, присланномъ въ Сенатъ отъ князя Голицына, въ которомъ передается содержаніе «вѣдѣній», доставленныхъ послѣднему отъ архимандрита Кіево-Печерскія лавры Іоанникія и намѣстника Змѣевскаго монастыря. 24 мая С. былъ «разспрашиванъ» въ канцеляріи Сената. На допросѣ онъ показалъ, что въ молитвѣ царя Манассіи онъ «вычерчилъ» нѣсколько словъ, противорѣчащихъ истинѣ.

отказался читать положенную въ акаѳистѣ Пресвятѣй Богородицѣ молитву «Нескверпая, неблизная», полагая, что неумѣстное въ ней слово «боголѣпно» должно быть замѣнено словомъ «благолѣпно», «иного къ противности къ церкви святой Восточной словомъ и дѣломъ и на письмѣ ничего не изъявлялъ, кромѣ диспутъ и вопросовъ, какъ водится въ ученіи философскомъ и богословскомъ», никакой ссоры съ архимандритомъ Кіево-Печерскаго монастыря Іоанникіемъ, а также съ намѣстникомъ и братіей сего монастыря у него не было, намѣстникъ же и монахи Змѣевскаго монастыря многое написали на него по наговору и по злобѣ, потому что онъ, будучи игуменомъ, смирялъ ихъ за пьянство и непослушаніе. Въ то же время С. представилъ Сенату написанные имъ собственноручно «Доводы, ради которыхъ разумѣлъ я, яко праведніи патріархи не безгрѣшны были въ живыхъ». Въ продолженіе всего слѣдствія онъ содержался въ тюрьмѣ при канцеляріи Сената. 7 іюня того же 1717 г. состоялось окончательное рѣшеніе Сената, въ силу котораго приказано было С. отправить на поселеніе въ Александро-Свирскій монастырь за карауломъ изъ двухъ драгунъ и «велѣть его въ томъ монастырѣ держать до указу за крѣпкимъ присмотромъ, дабы онъ изъ того монастыря куды не ушолъ и тѣмъ драгунамъ въ томъ монастырѣ быть при немъ, Стефанѣ, до указу, а пищу велѣть ему давать противъ его братіи». Въ этой ссылкѣ онъ пробылъ до 3 марта 1718 г., когда «по присланному отъ князя Меншикова приказу» былъ переведенъ въ Троицкій Невскій монастырь. О дальнѣйшей судьбѣ С. свѣдѣнія отрывочны. Въ 1721 г. онъ состоялъ «духовнымъ управителемъ» при Финляндскомъ корпусѣ, какъ то значится въ перечневой вѣдомости о духовныхъ управителяхъ въ новозавоеванныхъ городахъ, представленной Синоду изъ канцеляріи Невскаго монастыря. По опредѣленію Синода отъ 3 августа того же года, послѣдовавшему вслѣдствіе именного указа, «оберъ-іеромонаха Стефана Прибыловича, состоявшаго въ командѣ кн. Голицына при г. Або, въ главной эскадрѣ», велѣно было перевести «іеромонахомъ» на корабль «Ревель», а бывшаго на томъ кораблѣ іеромонаха Іосафа Маевскаго на его мѣсто оберъ-іеромонахомъ. Въ концѣ того же года, по возвращеніи Финляндскаго корпуса въ С.-Петербургъ, мѣстожительствомъ С. назначенъ былъ попрежнему Александро-Невскій монастырь. Въ 1723 г., вслѣдствіе устнаго повелѣнія государя, Синодъ поручилъ С. вмѣстѣ съ синодальнымъ совѣтникомъ архимандритомъ Гавріиломъ сочиненныя о побѣдѣ на сопротивныхъ ектеньи и молитвы исправить такимъ образомъ, «дабы были сочинены смиреннымъ прошеніемъ». Ему же Синодъ поручилъ заняться исправленіемъ прологовъ. Въ доношеніи своемъ Синоду отъ 1 августа 1723 г. С. пишетъ: «Присланъ мнѣ указъ... прологи нотовати, отъ которыхъ единъ пренотованный послалъ есмь прежде. Другій же, начинающійся отъ марта мѣсяца, прочетши таковымъ образцемъ нотовахъ и генералную нотацію сложихъ, въ которой аки чрезъ перспективу прологи видѣти мощно есть. Таже собственныя нотаціи въ прологу из маргинесахъ приложихъ. Еже всеблагоизволите . . . осмотрѣти и кая суть отъ недоумѣнія моего милостиви прикрити иже есмъ Вашего Святѣйшества нижайшій богомолецъ іеромонахъ Стефанъ Прибыловичъ». Въ 1726 г. С. уже не было въ живыхъ, какъ то видно изъ доношенія Синоду казначея Новгородскаго архіерейскаго дома Ѳеодосія о взысканіи съ архимандрита Іоны Сальникѣева забранныхъ имъ изъ помянутаго дома разныхъ вещей, въ числѣ которыхъ была лисья шуба «умершаго учителя іеромонаха Стефана Прибыловича».

С. написаны слѣдующія сочиненія богословскаго и философскаго характера: 1) «Путь, его же невѣдуще, въ царствіе Божіе внити невозможно, отъ писанія божественнаго показанный» (рукоп. Румянцевскаго музея); въ этомъ сочиненіи въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ излагается ученіе объ обязанностяхъ христіанина въ различныхъ званіяхъ и состояніяхъ; 2) «Summulae logicae», anno 1708; 3) «Tractatus phisicus», anno 1710 (рукоп. Московской духовной академіи; 4) «Росписаніе на книгу папежскую, 1720 года» (рукопись Петербургской духовной академіи); это сочиненіе написано противъ сочиненія неизвѣстнаго уніата: «Вопросы, разрѣшенные отвѣтами святыхъ отцовъ», въ которомъ ученіе Римской церкви оправдывается твореніями святыхъ отцовъ; 5) «Отвѣты на вопросы о фортунѣ, о предопредѣленіи, о промыслѣ» (рукоп. Румянцевскаго музея);

6) «Исъ пролога, напечатаннаго повелѣніемъ благочестивѣйшихъ великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Россіи самодержцевъ отъ сотворенія міра 7193 года, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1685 году, выписаны Аннотаціи» (рукопись архива Святѣйш Синода); 7) «Перспектива къ прологамъ» (тамъ же).

П. Я. Токаревъ, „Дѣло объ еретичествѣ Стефана Прибыловича (1717—1718 гг.)“, „Чтенія Общ. Ист. и Древн.“ Москва, 1888 г.—„Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода“, т. II, выпускъ 1-й, Спб., 1905 г., стр. 67—69. — П. Чистовичъ, „Өеофанъ Прокоповичъ и его время“, Спб., 1868 г., стр. 21, 214.—„Ученый южноруссъ на Вяткѣ въ XVIII в. Къ исторіи Вятской духовной семинаріи“, „Календарь Вятской губерніи на 1895 годъ“, стр. 303—309.— „Записки Ю. Юлія“, „Русскій Архивъ“, 1892 г., IX, стр. 33. — Свящ. Михаилъ Архангельскій, „С.-Петербургская епархія отъ основанія С.-Петербурга до воцаренія Анны Іоанновны, съ 1703 по 1730 годъ. Составлено на основаніи источниковъ необнародованныхъ“, „Странникъ“, 1866 г., апрѣль, II, стр. 1—48.—Д. Вишневскій, „Кіевская академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія“, Кіевъ, 1903 г., стр. 300.— Сергѣй Смирновъ, „Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи“, Москва, 1855 г., стр. 173 и 205.—Митроп. Евгеній, „Словарь о писателяхъ духовнаго чина“, s. v. — Архіепископъ Филаретъ, „Обзоръ русской духовной литературы“.—„Описаніе дѣлъ и документовъ Архива Св. Синода“, т. I, №№ 111/374, 126/217, 362/218, т. II, № 187/600, т. III, № 61/14, т. VI, № 15/96.—„Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской академіи. Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова“, Кіевъ, 1904 г., т. I, ч. 1-ая, стр. 123—124, 167. Ч. 2-ая, стр. 311 и 369.—Н. Петровъ, „Кіевская академія во второй половинѣ XVII в.“, Кіевъ, 1895 г., стр. 57.—„Описаніе дѣлъ и документовъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода“, т. XX (1740 г.), № 587.

А. Никольскій.

Стефанъ *Яворскій*, митрополитъ рязанскій и муромскій, мѣстоблюститель патріаршаго престола и первый президентъ Свят. Синода—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ іерарховъ русской церкви при Петрѣ Великомъ. С., въ мірѣ *Семенъ Ивановичъ Яворскій*, родился въ мѣстечкѣ Яворѣ въ 1658 г. Ученые до сихъ поръ не пришли къ единомыслію относительно вопроса, гдѣ находилось это мѣсто родины С.—въ Галиціи или на Волыни. Но во всякомъ случаѣ родители С., бывшіе мелкими шляхтичами, жили въ той правобережной Украйнѣ, которая по андрусовскому мирному договору 1667 г. осталась за Польшей. Люди повидимому небогатые, они, однако, послѣ этого событія, чтобы окончательно избавиться отъ гоненій на свою православную вѣру со стороны поляковъ, рѣшили переселиться на лѣвый берегъ Днѣпра, въ предѣлы Московскаго государства,—именно въ сельцо Красиловку, недалеко отъ города Нѣжина. Это сельцо для семьи Яворскихъ сдѣлалось второй родиной: здѣсь умерли родители С., и здѣсь же, въ Нѣжинѣ, впослѣдствіи служили его братья. Образованіе Яворскаго началось, конечно, еще до переселенія въ Красиловку. Теперь же онъ, по словамъ одного своего біографа, «юнъ сый, горя желаніемъ ученія», отправился въ Кіевъ, гдѣ поступилъ въ знаменитую Кіево-Могилянскую коллегію,—средоточіе тогдашней южнорусской образованности. Когда онъ прибылъ въ Кіевъ, мы съ точностью опредѣлить не можемъ, но во всякомъ случаѣ это было не раньше 1673 г., а, вѣроятно, гораздо позже. Пробылъ онъ въ Кіевской академіи до 1684 г. Здѣсь молодой Яворскій обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго кіевскаго проповѣдника, іеромонаха Варлаама Ясинскаго, впослѣдствіи бывшаго архимандритомъ кіево-печерскимъ, а затѣмъ митрополитомъ кіевскимъ. Самъ Варлаамъ былъ ученикомъ заграничныхъ іезуитскихъ коллегій, и вотъ онъ, увѣрившись въ несомнѣнныхъ дарованіяхъ Яворскаго, рѣшилъ повести его тѣмъ же путемъ, какимъ шелъ самъ, и въ 1684 г. отправилъ его за границу для довершенія духовнаго образованія. Для того, чтобы безпрепятственно слушать философію въ іезуитскихъ коллегіяхъ во Львовѣ и Люблинѣ и богословіе въ Вильнѣ и Познани, Яворскій долженъ былъ, по крайней мѣрѣ наружно, сдѣлаться уніатомъ и даже принять новое имя, — Станислава-Симона. Впослѣдствіи враги митрополита постоянно ставили ему въ вину это вынужденное вѣроотступничество, но врядъ ли справедливо: поступокъ Яворскаго былъ самымъ обыкновеннымъ въ то время; такъ поступали всѣ сколько-нибудь извѣстные южнорусскіе ученые, напримѣръ: Иннокентій Гизель и Епифаній Славенецкій. Ученіе въ католическихъ школахъ не мѣшало имъ быть затѣмъ самыми ревно-

стными борцами за православную вѣру. Какъ бы то ни было, но Яворскій въ польскихъ училищахъ «прошелъ вся ученія грамматическая, стихотворская, риторская, философская и богословская» и получилъ дипломъ, въ которомъ назывался «artium liberalium et philosophiae magister, consummatus theologus». Образованіе Яворскаго, полученное имъ въ этихъ польскихъ училищахъ, дало ему, во-первыхъ, всѣ тѣ духовныя средства, которыя были необходимы ему при его будущемъ высокомъ служеніи православной церкви, во-вторыхъ же, опредѣлило и особенности его умственнаго развитія и сильно повліяло на складъ его убѣжденій, въ основѣ которыхъ всегда лежали идеи авторитета и традиціи. Вѣроятно, отсюда же будущій митрополитъ вынесъ и особенное свое нерасположеніе къ протестантизму. Въ 1689 г. Яворскій вернулся въ Кіевъ; здѣсь онъ, конечно, немедленно отрекся отъ католицизма, и «церковь о чадѣхъ своихъ пекущися и Отцу небесному сообразная, примѣромъ блуднаго сына, Стефана приняла и властію ключей Христовыхъ простила и разрѣшила», говоритъ одна послѣдующая апологія С. Въ кіевской академіи Яворскій былъ подвергнутъ испытанію и между прочимъ обнаружилъ при этомъ испытаніи такія способности слагать стихи латинскіе, польскіе и русскіе, что кіевскіе ученые почтили его высокимъ титуломъ poeta laureatus. Въ это время Яворскій находится опять подъ покровительствомъ Варлаама Ясинскаго, который все убѣждалъ его принять монашество. Наконецъ, въ 1689 г. Яворскій принялъ иноческій чинъ, будучи постриженъ самимъ Варлаамомъ и получивъ при постриженіи имя Стефана. Въ слѣдующемъ же году покровитель и благодѣтель С. Варлаамъ былъ избранъ въ митрополиты кіевскіе, и С., проходившій до этого времени монастырское послушаніе въ Кіево-Печерской лаврѣ, былъ назначенъ въ академіи преподавателемъ риторики и витійства. Въ 1691 г. онъ былъ уже префектомъ академіи и профессоромъ философіи, а черезъ нѣсколько лѣтъ и профессоромъ богословія. Дѣятельность С. въ качествѣ академическаго преподавателя была весьма благотворна: вмѣстѣ съ нимъ въ академіи, можно сказать, утверждалось послѣднее слово латинской богословской и философской мысли. Его біографъ въ приложеніи къ «Камню Вѣры» такъ говоритъ о его дѣятельности въ академіи: «Стефану воспріемшу учительство уже не бѣ нужда малороссійскимъ юношамъ искати ученія въ чужихъ государствахъ, вся бо требуемая обрѣтахуся въ Кіевѣ, удобѣ снискаемая отъ таковаго учителя». Въ академіи С. воспитывалъ цѣлый рядъ будущихъ учителей, проповѣдниковъ и администраторовъ. Между его питомцами былъ, вѣроятно, и его будущій соперникъ, знаменитый впослѣдствіи Ѳеофанъ Прокоповичъ. Когда С. былъ уже митрополитомъ, враги обвиняли его въ томъ, что при немъ Кіевская академія сдѣлалась разсадникомъ «папежскаго ученія». Но это бездоказательное обвиненіе легко опровергается тѣмъ, что до насъ дошли богословскія лекціи С., въ которыхъ послѣдній тщательно опровергаетъ заблужденія римско-католической церкви. Впрочемъ, былъ одинъ пунктъ въ его воззрѣніяхъ, въ которомъ онъ былъ въ противорѣчіи съ церковью московской. Какъ разъ въ Москвѣ въ это время велись ожесточенные споры о времени пресуществленія св. даровъ. Сильвестръ Медвѣдевъ защищалъ мысль о томъ, что пресуществленіе св. даровъ совершается одними словами Спасителя безъ призыванія св. Духа. Это ученіе было, несомнѣнно, заимствовано имъ отъ латинской церкви. С. тоже принялъ участіе въ спорѣ, и хотя держался средняго примирительнаго пути, но все же это послѣднее обстоятельство сильно повредило ему въ глазахъ многихъ, долгое время считавшихъ его «латынникомъ».

Вмѣстѣ съ дѣятельностью ученой и преподавательской С. совмѣщалъ въ это время и дѣятельность проповѣдника. Между прочимъ, онъ произнесъ проповѣдь въ Батуринѣ при бракосочетаніи пана Іоанна Обидовскаго, нѣжинскаго полковника, племянника Мазепы; проповѣдь эта проникнута глубокимъ уваженіемъ къ гетману. Вмѣстѣ съ тѣмъ С. постоянно помогаетъ своему митрополиту въ епархіальномъ управленіи. Въ 1697 г. онъ былъ назначенъ игуменомъ Свято-Никольскаго Пустыннаго монастыря близъ Кіева на мѣсто Іоасафа Кроковскаго. На это назначеніе С. могъ смотрѣть какъ на переходную ступень къ епископству. Въ это время онъ не только «помоществовавше каѳедрѣ митрополичьей въ духовныхъ и епархіескихъ дѣлахъ», но по дѣламъ ми-

трополита бывалъ даже и въ Москвѣ. Въ январѣ 1700 г. митрополитъ Варлаамъ отправилъ его вмѣстѣ съ игуменомъ Захаріей Карпиловичемъ въ Москву съ письмомъ, въ которомъ просилъ патріарха Адріана учредить переяславскую каѳедру и назначить на нее одного изъ присланныхъ игуменовъ. Однако С. въ Москвѣ ожидало новое, совершенно для него неожиданное высокое назначеніе. Патріархъ Адріанъ, уже больной, принялъ присланныхъ игуменовъ и обѣщалъ поговорить о переяславской каѳедрѣ съ государемъ, а пока игумены жили на малороссійскомъ подворьѣ. Но тутъ случилось обстоятельство, которое опредѣлило дальнѣйшую судьбу С. Въ Москвѣ скончался знаменитый военачальникъ бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ. С. при погребеніи говорилъ надгробное слово, а въ необыкновенномъ умѣньѣ проповѣдывать ему не отказывали и его злѣйшіе враги. И вотъ проповѣдь малорусскаго игумена произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на слушателей, а среди нихъ былъ самъ государь. Петръ сразу замѣтилъ талантливаго человѣка и говорилъ патріарху, что игумена С. нужно посвятить въ архіереи на какую-нибудь изъ великорусскихъ епархій, «гдѣ прилично, не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы». С. же самому было приказано оставаться въ Москвѣ, «доколѣ же обыщется гдѣ мѣсто архіерейское праздное и приличное». Таковое открылось въ скоромъ времени въ Рязани. А между тѣмъ Москва С. встрѣтила не особенно привѣтливо: ему готовили архіерейское мѣсто, а въ то же время ничего не давали на прожитіе, такъ что онъ долженъ былъ въ февралѣ просить начальника посольскаго приказа адмирала Головина о назначеніи ему содержанія и жалованія со старцами. 15 марта ему былъ объявленъ приказъ патріарха, чтобы онъ на другой день готовился къ нареченію, но С. на другой день не явился, а уѣхалъ въ Донской монастырь, а 1 апрѣля подалъ опять Ѳ. А. Головину небольшой трактатецъ подъ названіемъ: «Вины, для которыхъ ушелъ я отъ посвященія»... Но ничто не помогло; настойчивость Петра, конечно, превозмогла, и 7 апрѣля 1700 г. С. былъ поставленъ въ рязанскіе митрополиты. Въ іюлѣ того же года онъ былъ уже въ Рязани и дѣятельно занялся дѣлами своей епархіи; однако заниматься только одной своей епархіей ему суждено было недолго. 15 октября того же года скончался патріархъ Адріанъ. Прибыльщикъ Курбатовъ, отписывая государю о кончинѣ патріарха, совѣтовалъ ему съ избраніемъ новаго патріарха повременить, а пока для завѣдыванія дѣлами патріаршаго управленія выбрать кого-нибудь изъ архіереевъ въ мѣстоблюстители. На эту должность Курбатовъ рекомендовалъ Аѳанасія, архіепископа холмогорскаго. Предложеніе Курбатова шло, вѣроятно, навстрѣчу мыслямъ самого Петра, и государь патріарха не назначилъ, согласившись на должность мѣстоблюстителя, но на нее поставилъ не Аѳанасія, а митрополита рязанскаго. Такимъ образомъ, 42-лѣтній С. въ самый короткій промежутокъ времени сдѣлался изъ простыхъ игуменовъ высшимъ лицомъ въ русской церкви. Самъ С. вовсе не искалъ этой чести; онъ тосковалъ по своей Малороссіи и опасался большихъ непріятностей на новомъ высокомъ поприщѣ. Многіе изъ москвичей, вѣроятно, были недовольны назначеніемъ С., этого «черкаса и обливанца», но, конечно, не могли открыто выражать своего неудовольствія. Былъ этимъ очень недоволенъ и іерусалимскій патріархъ Досиѳей и въ 1702 г. писалъ Петру В. письмо, въ которомъ предостерегалъ государя вообще противъ духовныхъ лицъ изъ малороссовъ и не совѣтовалъ ни въ какомъ случаѣ дѣлать С. патріархомъ. Петръ не обратилъ на письмо никакого вниманія, но самъ С. отправилъ къ патріарху оправдательное письмо. Досиѳей однако оправданіями его не удовлетворился и 15 ноября 1703 г. отправилъ митрополиту обширное письмо, въ которомъ никакъ не хотѣлъ считать С. вполнѣ православнымъ. Только преемникъ Досиѳея, патр. Хрисанѳъ, окончательно примирился съ мѣстоблюстителемъ.

Между тѣмъ новому мѣстоблюстителю предстояло много самой разнообразной работы на своемъ поприщѣ. Благодаря нововведеніямъ Петра, обострился еще раньше возникшій въ русской церковной жизни вопросъ раскольническій. Съ этимъ прежде всего и пришлось столкнуться С. Въ 1700 г. еще возникло дѣло книгописца Григорія Талицкаго, который распространялъ въ народѣ тетрадки, въ которыхъ Москва называлась Вавилономъ, а Петръ В. антихристомъ. С. долженъ былъ увѣщевать

этого фанатика; Талицкій, конечно, остался при своихъ мнѣніяхъ, и кіевскій ученый не могъ убѣдить московскаго начетчика. Однако для С. эти пренія не пропали даромъ, и въ 1703 г. онъ издалъ книжку, направленную противъ заблужденій Талицкаго,—подъ названіемъ «Знаменія пришествія антихристова и кончины вѣка». Въ этомъ сочиненіи С. заимствовалъ многое отъ испанскаго богослова Мальвенды. Въ своихъ проповѣдяхъ митрополитъ также довольно часто обращался съ увѣщаніемъ къ раскольникамъ. Епархіальные архіереи по дѣламъ раскола также сносились съ нимъ. Въ послѣдній періодъ жизни С. извѣстно еще его участіе въ одномъ дѣлѣ противъ раскола, которое однако не принесло никакой пользы православной церкви въ 1718 г. по его благословенію было напечатано «Соборное дѣяніе на еретика армянина на мниха Мартина». Соборное дѣяніе это несомнѣнно подложно, и его подложность была еще доказана старообрядцами въ ихъ «Поморскихъ отвѣтахъ». Трудно сказать, принималъ ли дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ самъ С.,—по всей вѣроятности, онъ изъ своей слабохарактерности согласился прикрыть своимъ именемъ тотъ литературный подлогъ, который былъ совершенъ извѣстнымъ Питиримомъ по приказу Петра... Кромѣ дѣлъ раскола на мѣстоблюстителя была возложена обязанность избирать кандидатовъ для пустующихъ епархій и посвящать ихъ во епископы. Изъ его ставленниковъ особенно извѣстны: священникъ Димитрій Туптало (митрополитъ ростовскій), Филоѳей Лещинскій (митрополитъ сибирскій), Іоасафъ Кроковскій (митрополитъ кіевскій) и митрополитъ ростовскій Досиѳей, впослѣдствіи казненный по дѣлу царевича Алексѣя. Кромѣ общаго надзора за дѣлами русской церкви С. приходилось управлять еще двумя большими епархіями, патріаршей и рязанской. Вслѣдствіе множества дѣлъ и частаго отсутствія изъ Рязани онъ не могъ, конечно, посвящать своей каѳедрѣ столько времени, сколько хотѣлъ. По крайней мѣрѣ въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ писемъ онъ скорбитъ о томъ, что былъ далекъ отъ своей паствы.

Кромѣ дѣлъ церковно - административныхъ на обязанности С. лежали еще дѣла духовно-учебныя, такъ какъ государь назначилъ его и протекторомъ Московской академіи. Эту академію онъ устроилъ по образцу Кіевской, «заведя въ ней ученія латинская», назначая на должность ректоровъ и префектовъ своихъ кіевскихъ учениковъ. Въ теченіе 16 лѣтъ (1706—1722) во главѣ Московской академіи находился архимандритъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, искренній и преданный его почитатель. С. принимаетъ участіе во многихъ ученыхъ предпріятіяхъ своего времени: онъ между прочимъ помогаетъ извѣстному Ѳедору Поликарпову въ изданіи послѣднимъ «Лексикона треязычнаго» (1704 г.). Онъ пользуется высокимъ ученымъ авторитетомъ въ русскомъ обществѣ. Такой замѣчательный русскій человѣкъ, какъ Посошковъ, подаетъ ему свои «писанія» и «доношенія» относительно устройства нашихъ духовныхъ школъ. С. съ этой стороны знают и за границей: по крайней мѣрѣ именно къ нему обращался въ 1712 г. съ письмомъ знаменитый германскій философъ Лейбницъ, говоря о необходимости для распространенія христіанства перевести на языки живущихъ въ Россіи инородцевъ 10 заповѣдей, Отче нашъ и Символъ вѣры.

Кромѣ всѣхъ этихъ многоразличныхъ дѣлъ и заботъ С. не забывалъ и своего проповѣдничества: онъ произноситъ свои «изрядныя предики» по случаю всякаго болѣе или менѣе важнаго политическаго или церковнаго событія: говоритъ проповѣди по поводу побѣдъ царскаго оружія,—взятіи Шлиссельбурга, Нарвы, Риги, торжественно славитъ Петра послѣ Полтавской побѣды, доказываетъ необходимость заведенія флота на Балтійскомъ морѣ и т. п. Въ 1708 г. въ Успенскомъ соборѣ вмѣстѣ съ другими іерархами онъ предаетъ торжественной анаѳемѣ Мазепу и произноситъ приличествующую этому случаю проповѣдь. Его проповѣди проникнуты вполнѣ схоластическимъ духомъ, онѣ наполнены патетическими мѣстами, аллегоріями, анекдотами и т. п. Справедливость, однако, требуетъ добавить къ этому, что иногда ревность и любовь къ церкви невольно заставляютъ С. сбросить въ своихъ проповѣдяхъ тяжелую схоластическую форму, и тогда рѣчь его пріобрѣтаетъ дѣйствительно искренній и задушевный тонъ.

Каковы же однако въ это время были отношенія С. къ Петру? Въ началѣ его мѣстоблюстительства они ничѣмъ не нарушались: Петръ весьма благоволилъ къ С.

назначилъ ему довольно хорошее жалованье, въ 1711 г. подарилъ ему на Прѣснѣ дворъ съ садомъ и прудомъ и, по словамъ самого С., часто жаловалъ ему за побѣдительныя проповѣди «овогда тысячу золотыхъ, овогда меньше». Во время своихъ походовъ царь постоянно переписывается съ мѣстоблюстителемъ, сообщая ему о своихъ трудахъ и побѣдахъ. Но С. далеко не былъ доволенъ своимъ по внѣшности блестящимъ положеніемъ: уже въ письмѣ къ его лучшему другу, св. Димитрію Ростовскому, въ 1707 г. звучатъ скорбныя нотки; онъ жалуется на «безчисленныя суеты» и «неудобостерпимое бремя», называя Москву Вавилономъ. У Петра онъ просится на кіевскую каѳедру, но тотъ его не отпускаетъ. Въ 1706 г. въ Москвѣ пронесся даже слухъ, что митрополитъ собирается принять схиму, такъ что Мусинъ-Пушкинъ было даже запретилъ всѣмъ архимандритамъ и священникамъ подъ страхомъ наказанія постригать его въ схиму. Волей-неволею С. по настоянію государя пришлось вернуться въ Москву къ своему скучному мѣстоблюстительству. Главной причиной недовольства С. было то, что онъ видѣлъ себя обладателемъ только громкаго титула «Екзарха святѣйшаго патріаршаго престола блюстителя и администратора». «При тогдашнихъ обстоятельствахъ церковной и общественной жизни», справедливо говоритъ г. Рункевичъ, «роль блюстителя патріаршаго трона представлялась двусмысленною, жалкою декораціей, за спиной которой свѣтскія власти дѣлали, что хотѣли»... Есть извѣстіе, что С. будто бы лично дѣлалъ намеки государю о патріаршествѣ, а государь, говорятъ, на это отвѣтилъ: «Мнѣ этого мѣста не ломать, а Яворскому на немъ не сидѣть». Но врядъ ли С. не могъ видѣть, что и титулъ патріарха при тогдашнихъ отношеніяхъ свѣтскаго правительства къ церкви никакой власти ему не прибавитъ. Онъ постепенно разочаровывался въ Петрѣ В.; теперь онъ видѣлъ въ государѣ человѣка не только не радящаго о церкви, но даже, пожалуй, враждебнаго ей, друга ненавистныхъ С. протестантовъ. И вотъ мѣстоблюститель постепенно, очень осторожно переходитъ изъ «Петра Великаго дѣлъ славныхъ проповѣдника» въ его обличителя. Та манера проповѣдничества, которой онъ держался, давала ему возможность дѣлать весьма прозрачные намеки на современныхъ лицъ и современныя событія. Впрочемъ, въ началѣ эти обличительные намеки остаются только на бумагѣ. Еще въ 1708 г. на день св. Іоанна Златоуста (13 ноября) С. приготовилъ проповѣдь, въ которой обличалъ отобраніе церковныхъ имуществъ и говорилъ о царѣ Валтасарѣ, пировавшемъ изъ сосудовъ церковныхъ; въ ней даже есть намекъ на петровскія ассамблеи. Однако на этой проповѣди есть отмѣтка: non dictum,—слѣдовательно, она не была произнесена. Не была произнесена и проповѣдь, въ которой говорилось о «мужѣ прелюбодѣйномъ», посхимившемъ свою жену. Но все болѣе и болѣе накоплявшееся у митрополита раздраженіе противъ Петра прорвалось наружу окончательно въ 1712 г., когда онъ 17 марта въ день именинъ царевича Алексѣя произнесъ свою знаменитую проповѣдь о фискалахъ, которые, дѣйствительно, творили большія злоупотребленія. День именинъ царевича былъ выбранъ С. не даромъ: все болѣе и болѣе отдаляясь отъ Петра, онъ долженъ былъ, какъ и многіе другіе современники, смотрѣть съ надеждой и упованіемъ на царевича, который, какъ всѣмъ было извѣстно, вовсе не похожъ на отца. Сенаторы, присутствовавшіе при этой проповѣди, нашли ее возмутительной, и сенатъ потребовалъ С. къ отвѣту. Тогда тотъ 21 марта того же года обратился къ Петру съ письмомъ, въ которомъ вновь убѣдительно просилъ отпустить его въ Донской монастырь на покой. Однако, эта выходка митрополита противъ Государя прошла ему безнаказанно; говорятъ, царь только на рукописи проповѣди въ томъ мѣстѣ, гдѣ была написана особенно рѣзкая выходка противъ «мужа законопреступнаго», сдѣлалъ помѣтку: «Первѣе одному, потомъ же со свидѣтелями», давая этимъ С. понять, что тотъ долженъ былъ сначала обличить его съ глазу на глазъ, но митрополитъ на такой смѣлый поступокъ не былъ способенъ,—въ присутствіи царя онъ робѣлъ и терялся. Въ послѣдующей перепискѣ своей съ Петромъ С. рѣдко былъ искреннимъ; подписывался на своихъ письмахъ онъ всегда весьма характерно: «Вашего царскаго пресвѣтлаго Величества вѣрный подданный, недостойный богомолецъ, рабъ и подножіе Стефанъ, пастушокъ рязанскій».

А между тѣмъ, въ это самое время этотъ «недостойный богомолецъ» осмѣлился поднять такое дѣло, которое царю было весьма непріятно, — началъ знаменитый розыскъ противъ лекаря Димитрія Тверетинова. Въ началѣ XVIII в. нѣмецкая слобода особенно разрослась, разбогатѣла и сдѣлалась центромъ протестанской пропаганды; нѣмцы старались доказать, что различія между православной церковью и лютеранствомъ facillime legitimeque uniuntur (легко и законно согласуются). Вмѣстѣ съ тѣмъ они въ Москвѣ искали себѣ адептовъ среди православныхъ. Такимъ адептомъ протестантизма и явился вольнодумецъ Тверетиновъ, который уже много лѣтъ распространялъ въ Москвѣ свои воззрѣнія. Дѣло было первоначально начато противъ школьника Ивашки Максимова, который оговорилъ Тверетинова и нѣкоторыхъ его послѣдователей. Однако лекарь и одинъ изъ его сторонниковъ, фискалъ Михайла Косой, бѣжали въ Петербургъ и тамъ нашли себѣ покровителей въ лицѣ нѣкоторыхъ сенаторовъ, враговъ С., и архимандрита Александро-Невской лавры Ѳеодосія. Здѣсь еретики были признаны православными, и 14 іюня 1714 г. сенатъ указалъ С. принять еретиковъ и объявить торжественно о ихъ правовѣріи. На этотъ разъ онъ, однако, рѣшилъ не уступать и 28 октября обратился къ государю съ обширнымъ письмомъ, въ которомъ, излагая обстоятельства дѣла, указывалъ на полную невозможность исполнить распоряженіе сената. Царю, видимо, весьма не нравилось направленіе, данное дѣлу Тверетинова митрополитомъ, и 14 декабря послѣдовалъ указъ о вытребованіи всего дѣла въ Петербургъ и о явкѣ туда же самого С. со всѣми свидѣтелями. С. на это отвѣтилъ просьбой къ царю отпустить его въ Нѣжинъ на освященіе церкви. Петръ отказалъ, и С. пришлось отправиться въ Петербургъ. Здѣсь въ мартѣ 1715 г. дѣло Тверетинова вновь разсматривалось и приняло совершенно неблагопріятный оборотъ для мѣстоблюстителя: изъ обвинителя онъ превратился какъ бы въ обвиняемаго. Дошло даже до того, что 14 мая, когда С. для слушанія дѣла пришелъ въ судебную избу, «сенаторы, какъ онъ самъ пишетъ царю, съ великимъ студомъ и жалемъ изгнали его вонъ». Недовольный и обиженный, С. усиленно проситъ отпустить его въ Москву. Наконецъ 14-го августа желанное разрѣшеніе отъ царя было получено; С. однако хочется исполнить свое давнишнее желаніе—посѣтить свой родной Нѣжинъ, но Петръ все его туда не отпускаетъ. Тогда онъ 23 января 1716 г. сочиняетъ трогательное письмо на имя двухмѣсячнаго царевича Петра Петровича, прося его «походатайствовать о немъ передъ своимъ родителемъ». Должно быть, эта послѣдняя просьба тронула суровое сердце Петра, потому что 25 іюля мы видимъ митрополита торжественно освѣщающимъ свой храмъ въ родномъ Нѣжинѣ.

Между тѣмъ не успѣли еще заглохнуть въ душѣ С. огорченія по дѣлу Тверетинова, какъ надъ головой его стряслась новая, еще болѣе крупная непріятность: 18 мая 1718 г. государь приказывалъ С. какъ можно скорѣе явиться въ Петербургъ, чтобы принять участіе въ верховномъ судѣ по дѣлу царевича Алексѣя. Раньше был отмѣчено, что С. болѣе или менѣе сочувствовалъ царевичу; однако, по нашему мнѣнію, С. М. Соловьевъ вполнѣ правъ, утверждая, что со своей скрытностью и необщительностью С. не могъ быть особенно близокъ съ царевичемъ, но несомнѣнно и то, что окружающіе постоянно твердили царевичу: «Рязанскій къ тебѣ добръ, твоей стороны и весь онъ твой». Во всякомъ случаѣ, съ тяжелымъ чувствомъ долженъ былъ мѣстоблюститель присутствовать на судѣ надъ тѣмъ человѣкомъ, на котораго онъ возлагалъ многія свои надежды. Конечно, не безъ его вліянія духовенство, спрошенное Петромъ о правѣ его казнить сына, высказалось опредѣленно за помилованіе. С. же имѣлъ мужество возстать, хотя и безуспѣшно, противъ разстриженія епископа Досѳея, замѣшаннаго въ дѣло царевича и казненнаго. Митрополитъ самъ отпѣвалъ и хоронилъ несчастнаго царевича.

Въ то самое время, когда въ Петербургѣ рѣшалось дѣло царевича, самое видное мѣсто среди іерарховъ русской церкви занялъ молодой Ѳеофанъ Прокоповичъ, противъ назначенія котораго въ архіереи С. возставалъ всѣми силами. Единомышленники и почитатели С.—ректоръ московской академіи Ѳеофилактъ Лопатинскій и преподаватель той же академіи Гедеонъ Вишневскій,—подали доношеніе, въ кото-

ромъ обвиняли Ѳеофана, тогда еще только кандидата на псковскую каѳедру, въ ереси. Къ этому обвиненію присоединился и С., соглашавшійся допустить Прокоповича къ епископству только послѣ отреченія послѣдняго отъ его протестантскихъ заблужденій. Но и тутъ его ждала та же неудача, что и въ дѣлѣ Тверетинова: государь былъ сильно разгнѣванъ на него, и ему пришлось униженно просить прощенія. Петръ поручилъ сенатору Мусину-Пушкину «свести рязанскаго съ Ѳеофаномъ». Свиданіе состоялось, и между противниками произошло видимое примиреніе, хотя Ѳеофанъ въ своихъ проповѣдяхъ и даже въ «Духовномъ регламентѣ» впослѣдствіи неоднократно позволялъ себѣ весьма непристойныя выходки противъ престарѣлаго митрополита.

Во все это время С. жилъ въ непріятномъ ему Петербургѣ и долженъ былъ поневолѣ принимать участіе во всѣхъ торжественныхъ молебствіяхъ; такъ, напримѣръ, 29 іюня 1719 г. онъ говоритъ проповѣдь въ церкви св. Троицы, 21 іюля того же года государыня приказывала ему молиться въ церквахъ объ успѣшномъ окончаніи шведской кампаніи. Вообще вездѣ, гдѣ необходимо было, такъ сказать, внѣшнее церковное представительство, С. первенствуетъ, но никакого вліянія на дѣла онъ уже не оказываетъ, — тутъ государь постоянно предпочитаетъ ему Ѳеофана Прокоповича и Ѳеодосія Яновскаго. Для насъ нѣсколько странно то обстоятельство, что именно въ это тяжелое для С. время онъ уже не просится у Петра на покой. Г. Рункевичъ объясняетъ это тѣмъ, что, видя свое отдаленіе отъ царя, митрополитъ сталъ дорожить тѣмъ мѣстомъ, отъ котораго раньше отказывался, дѣйствуя въ этомъ случаѣ по обыкновенной человѣческой психологіи: не хранить того, чѣмъ обладаемъ, и стремиться къ тому, чего лишаемся. Но, по нашему мнѣнію, возможно и другое объясненіе: С. теперь видѣлъ, что въ случаѣ ухода, онъ будетъ замѣненъ или Ѳеофаномъ, или Ѳеодосіемъ, бывшими въ его глазахъ еретиками; оставаясь же на своемъ посту, онъ могъ, хотя въ слабой степени, оказывать противодѣйствіе тому протестантскому вліянію, представителями котораго были Ѳеодосій и Ѳеофанъ. Вѣроятно, это соображеніе и заставляло престарѣлаго іерарха оставаться на постыломъ для него мѣстѣ. Между тѣмъ назрѣвала полная реформа нашего церковнаго управленія. Новыя формы этого управленія вырабатывались по предложенію государя ненавистнымъ С. Прокоповичемъ, и ему пришлось даже принять участіе въ томъ новомъ учрежденіи, которое было поставлено на мѣсто патріаршества; при учрежденіи въ 1721 г. духовной коллегіи или святѣйшаго правительствующаго Синода С., по волѣ государя, былъ назначенъ его президентомъ. Есть извѣстіе, что С. такъ говорилъ объ этомъ своемъ назначеніи: «Государь меня опредѣлялъ въ Синодъ, а я не хотѣлъ, и за то стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ подъ мечомъ». Никакой видной роли въ Синодѣ его президентъ не игралъ, по болѣзни даже и посѣщалъ его рѣдко, а если и посѣщалъ, то часто не соглашался съ мнѣніемъ синодскаго большинства: еще на одномъ изъ первыхъ засѣданій синода С. высказалъ недовольство по поводу возношенія молитвъ на ектеніяхъ объ одномъ только свят. правит. синодѣ и предлагалъ поминать на ряду съ синодомъ другихъ православныхъ патріарховъ. Синодъ однако не согласился съ этимъ особымъ мнѣніемъ своего президента. Весьма характерна подпись С. подъ этимъ мнѣніемъ: «Стефанъ недостойный митрополитъ, старецъ *немощной*». Видимо, физическіе недуги постоянно уже въ это время тяготили его. Но кромѣ болѣзней на престарѣлаго митрополита въ послѣдніе годы его жизни обрушился еще цѣлый рядъ крупныхъ непріятностей: со времени учрежденія синода онъ постоянно находился подъ какимъ-либо дѣломъ: такъ, еще въ 1720 г. судился кабальный человѣкъ Любимовъ, который написалъ акаѳистъ Алексію, человѣку Божію, надѣясь снискать милость царевича. Любимовъ говорилъ, что его произведеніе предхвалилъ и С. Ѳеофанъ и Ѳеодосій предложили митрополиту по этому поводу вопросные пункты, на которые С. пришлось отписываться. Гораздо важнѣе было дѣло, возникшее уже незадолго до смерти С.: въ апрѣлѣ 1722 г. въ Москву привезли монаха Варпензенскаго Предтеченскаго монастыря Варлаама Левина, котораго обвиняли въ томъ, что онъ называлъ Петра антихристомъ; на допросѣ Левинъ показывалъ, что его нѣсколько разъ принималъ къ себѣ митрополитъ рязанскій, который въ разговорѣ съ нимъ на-

зывалъ императора иконоборцемъ. С. вновь потянули къ допросу, причемъ начальникъ страшной тайной канцеляріи опрашивалъ государя, гдѣ допрашивать С.—въ тайной канцеляріи или въ синодѣ; государь высказался за послѣдній. Однако 6 іюля члены Синода и Сената, вслѣдствіе болѣзни С., явились къ нему на домъ для допроса, на которомъ онъ всецѣло отрицалъ извѣтъ; въ виду этого ему дали очную ставку съ Левинымъ; послѣдній стоялъ на своемъ. Левина черезъ нѣсколько дней казнили, и передъ смертью онъ просилъ прощенія у митрополита за то, что неправедно его оклеветалъ. Черезъ четыре мѣсяца послѣ допроса по дѣлу Левина С. уже не было въ живыхъ. Видимо, нравственная пытка, которой подвергали больного старика, ускорила его кончину. Митрополитъ, бывшій истиннымъ аскетомъ, смотрѣвшій на здѣшнюю жизнь какъ на юдоль плача и стенаній, уже давно готовился къ смерти и потому распорядился своимъ имуществомъ заблаговременно. Послѣдніе годы его жизни любимымъ его дѣтищемъ былъ основанный имъ на своей родинѣ Нѣжинскій Богородичный-Назаретъ монастырь; ему онъ еще при жизни отослалъ всѣ бывшія у него деньги и часть своей библіотеки. Въ своемъ «тестаментѣ» и всѣ остальныя свои «сокровища»—книги, онъ оставлялъ монастырю на вѣчное владѣніе и пользованіе. При этомъ съ удивительной заботливостью онъ опредѣлялъ правила устройства монастырской библіотеки, имѣя въ виду наилучшую сохранность книгъ. Каталогъ ихъ, имъ самимъ составленный, онъ снабдилъ трогательной элегіей на латинскомъ языкѣ: «Идите, милыя книги, прежде такъ часто находившіяся въ моихъ рукахъ! Идите, слава моя, мой свѣтъ, мое сокровище»...—писалъ умиравшій митрополитъ; элегія заканчивалась: «Вы, книги и сочиненія мои, простите! Пріобрѣтенная трудами моими библіотека, прости! Простите, братія и сожители! Простите всѣ. Прости и ты, гостиница моя, любезная мать-земля!»... Такъ прощался со здѣшнимъ міромъ этотъ замѣчательный человѣкъ.

С. скончался 27 ноября 1722 г. въ два часа ночи, въ своемъ рязанскомъ подворьѣ въ Москвѣ. Смерть его примиряла со всѣми: онъ посылалъ свое послѣднее цѣлованіе царю, такъ много причинившему ему страданій, членамъ синода, изъ которыхъ большинство были его враги, и своей любимой рязанской паствѣ. Похороны митрополита были отложены до возвращенія Петра изъ астраханскаго похода. 20 декабря въ присутствіи государя члены синода совершили отпѣваніе, и тѣло почившаго святителя было отправлено для погребенія въ Рязань, гдѣ и было предано землѣ 27 декабря въ Успенскомъ соборѣ; въ настоящее время останки митрополита покоятся въ Малоархангельскомъ рязанскомъ соборѣ.

Еще за восемь лѣтъ до кончины С. закончилъ свой крупнѣйшій научный и литературный трудъ, увидать который напечатаннымъ ему такъ и не пришлось. Онъ работалъ надъ составленіемъ своего знаменитаго «Камня вѣры», который долженъ былъ служить, по его мысли, главнымъ орудіемъ православной полемики противъ протестантизма. Прежде думали, что Петръ В. препятствовалъ появленію въ свѣтъ этого труда, но въ настоящее время, послѣ изслѣдованія протоіерея Морева, мы знаемъ, что Петръ ничего не имѣлъ противъ печатанія этого труда. Но самъ С. только въ 1717 г. послѣ многихъ исправленій рѣшилъ приступить къ печатанію «Камня вѣры». Въ письмѣ своемъ къ архіепископу черниговскому Антонію онъ просилъ послѣдняго, «аще гдѣ либо (въ его книгѣ) жестокая досада на противниковъ обрѣтается, оную надобѣ удалити или умягчити»... Однако окончательно напечатана была книга только въ октябрѣ 1728 г. Успѣхъ этого перваго изданія былъ необычайный: напечатанное въ количествѣ 1200 экземпляровъ, оно разошлось въ одинъ годъ. Изданіе было повторено въ 1729 и 1730 гг. Характерна послѣдующая судьба «Камня вѣры»: когда при Аннѣ Іоанновнѣ во главѣ правительства стали нѣмцы, распространеніе книги было воспрещено, и оставшіеся въ типографіи экземпляры опечатаны. Это запрещеніе тяготѣло надъ «Камнемъ вѣры» до воцаренія Елисаветы Петровны, когда восторжествовала русская, православная партія.

Книга, имѣвшая такой успѣхъ, дѣйствительно по своему времени представляетъ замѣчательное явленіе: это было полное систематическое изложеніе православнаго вѣроученія, главнымъ образомъ въ тѣхъ

пунктахъ, въ которыхъ оно разногласитъ съ протестантскимъ. Здѣсь находятся обширные трактаты: о св. иконахъ, мощахъ святыхъ, таинствѣ евхаристіи, призываніи святыхъ, священномъ преданіи, благихъ дѣлахъ, наказаніи еретиковъ и другихъ богословскихъ вопросахъ. Многое въ этихъ трактатахъ С. заимствовалъ изъ сочиненій знаменитыхъ римско-католическихъ богослововъ Беллярмина и Бекана; иногда въ сочиненіи встрѣчаются и мысли, не вполнѣ согласныя съ духомъ православной церкви, но все же общій характеръ книги вполнѣ оригиналенъ, изложеніе самыхъ отвлеченныхъ богословскихъ истинъ живое, увлекательное, подчасъ даже страстное, и самый трудъ имѣлъ громадное значеніе для православной церкви въ первой половинѣ XVIII в., когда ей приходилось вести упорную борьбу съ протестантской пропагандой, которой иногда содѣйствовало и само правительство... Католическая пропаганда тогда была вовсе не опасна, и нельзя обвинять С. за то, что онъ мало полемизировалъ съ католичествомъ и все свое вниманіе обращалъ на борьбу съ протестантизмомъ. Вообще, если въ отношеніи къ реформамъ Петра Великаго С. не высказалъ яснаго, опредѣленнаго взгляда, колеблясь постоянно то въ ту, то въ другую сторону, то роль и значеніе его въ исторіи православной русской церкви были безусловно плодотворны: мы еще не знаемъ, какъ бы далеко была увлечена русская церковь на путь протестантизма, если бы во главѣ ея въ началѣ XVIII в. стояли только люди въ родѣ Ѳеофана Прокоповича или Ѳеодосія Яновскаго. С. дѣятельно боролся съ этимъ опаснымъ протестантскимъ теченіемъ и создалъ цѣлую школу учениковъ и послѣдователей, которые, занимая впослѣдствіи важныя іерархическія мѣста въ русской церкви, въ тяжелыя времена владычества нѣмцевъ удержали ее отъ опасныхъ увлеченій протестантизмомъ.

Источниками для біографіи С. Яворскаго служитъ прежде всего предисловіе къ „Камню вѣры" и его сочиненія: „Проповѣди блаженной памяти Стефана Яворскаго, преосвященнаго митрополита Рязанскаго и Муромскаго, бывшаго мѣстоблюстителя престола патріаршаго". М. 1804—1805 гг., части I—III. (здѣсь же въ I-й части его жизнеописаніе)—И. Чистовичъ, „Неизданныя проповѣди митрополита Ст. Яворскаго", Христіанское Чтеніе", 1867 г., ч. I и II.—„Письма митр. Стеф. Яворскаго" въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад.", 1866 г., т. I.—С. Рункевичъ, „Архіереи Петровской эпохи въ ихъ перепискѣ съ Петромъ В.", вып. I, Спб., 1906 г. (здѣсь на стр. 139—186 напечатаны весьма интересныя письма С. къ Петру).—„Риторическая рука. Сочиненіе Ст. Яворскаго, переводъ съ латинскаго Ѳедора Поликарпова" Изд. Отд. л. Др. Письм., 1878 г.—Затѣмъ краткія біографическія свѣдѣнія о С. мы можемъ почерпнуть въ „Словарѣ историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина" митр. Евгенія, т. II, стр. 251—255; въ „Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли", Бантыша-Каменскаго, стр. 101—104 и „Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ" Новикова.—Затѣмъ біографическія свѣдѣнія о С. можно найти въ слѣдующихъ источникахъ: „Письма и бумаги Императора Петра В.", Спб., 1887 г., т. I—III.—„Дѣянія Петра В." Голикова (свѣдѣнія о С. попадаются во всѣхъ томахъ).—„Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Свят. Правит. Синодѣ за 1721 годъ" (особенно „Приложенія"; кое что, главнымъ образомъ о „Камнѣ вѣры", встрѣчается и въ описаніи послѣдующихъ годовъ). — „Исторія Нѣжинскаго Богородичнаго монастыря", М., 1815 г.—„Сборникъ писемъ И. Т. Посошкова къ митрополиту Стефану Яворскому", изд. В. И. Срезневскимъ, Спб. 1900 г.—Воздвиженскій, „Исторія Рязанской іерархіи" М. 1820 г.

Литература. Лучшей біографіей С. до сихъ поръ служитъ сочиненіе Ф. Терновскаго, „М. Стефанъ Яворскій", „Тр. Кіев. Дух. Акад.". г. I, стр. 36—70, 237—290; т. II, стр. 137—186. Дополненіемъ этой работы служатъ того же автора: „Очерки изъ исторіи русской іерархіи въ XVIII в. Стефанъ Яворскій", „Древняя и Новая Россія", 1879 г., № 8, стр. 305—320 и „Рожнецъ духовный" и „Камень вѣры". Два полемическихъ сочиненія противъ московск. еретиковъ", „Правосл. Обозр.", 1863 года, декабрь.—Важное значеніе имѣетъ до сихъ поръ сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина, „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ", М., 1880 г. („Собраніе сочиненій Ю. Ѳ. Самарина", т. V) съ обширнымъ предисловіемъ прот. и проф. Иванцова-Платонова (сочиненіе это написано еще въ 40-хъ гг. прошлаго столѣтія, но тогда могла быть напечатана только третья часть его: „Стефанъ Яв. и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники", а другія двѣ части—С. Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ богословы и какъ сановники церкви,—увидѣли свѣтъ только въ 1880 г.).—О С. Яворскомъ приходится, конечно, говорить всѣмъ историкамъ, работавшимъ надъ эпохой Петра В.; Соловьевъ, „Исторія Россіи", т. XV—XVIII (по указателю Рогожина).—Устряловъ, „Исторія Царствованія Петра В.", т. III и VI, гдѣ выяснена роль С. въ дѣлѣ Царевича Алексѣя.—А. Доброклонскій, „Руководство къ исторіи русской церкви", вып. IV, М. 1893 г.—С. Г. Рункевичъ, „Исторія русской церкви подъ управленіемъ Свят. Правит. Синода", Спб., 1900 г. стр. 62—91, 166—177 (здѣсь на основаніи новыхъ архивныхъ матеріаловъ ярко очерчена личность С. и его отношеніе къ Петру В.).—И. Чистовичъ, „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время", Спб., 1868 г. (критическій разборъ

этого сочиненія у Сухомлинова въ „Журн. Мин. Нар. Пр." за 1869 г.).—Изъ мелкихъ общихъ работъ о С. Яворскомъ извѣстны: Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни преосв. Стефана Яворскаго", „Воскресное Чтеніе", 1850—51 гг., XIV, № 26.—Свящ. Родосскій, „Стефанъ Яворскій, митроп. рязанскій и муромскій", „Странникъ", 1863 г., ноябрь. — В. Аскоченскій, „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ, Академіей", ч. I, стр. 228—229, 245 - 249.— Объ отношеніи къ С. патр. Досиѳея: Каптеревъ, „Сношенія Іерусалимскаго патр. Досиѳея съ русскимъ правительствомъ (1699—1707 гг.)", М., 1891 г.—О дѣятельности митр. С. въ роли устроителя Московской духовной академіи: С. Смирновъ, „Исторія моск. славяно-греко-латинской академіи", М., 1855.—П. Знаменскій, „Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г.", Каз., 1881 г.—Объ управленіи С. патріаршей областью: Н. Розановъ, „Исторія московскаго епархіальнаго управленія", т. I.—О С. какъ проповѣдникѣ и дѣятелѣ русской литературы: Пекарскій, „Наука и литература при Петрѣ В.", т. I и II—П. Морозовъ, „Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ писатель", Спб. 1880 г.—А. Архангельскій, „Духовное образованіе и духовная литература при Петрѣ В.", Каз., 1883 г.—П. Порфирьевъ, „Исторія русской словесности", часть II, отд. I. — А. Пыпинъ, „Исторія русской литературы", т. III.—Преосв. Филаретъ, „Обзоръ русской духовной литературы", кн. I. — „О трехъ проповѣдникахъ Петрова времени", „Журн. Мин. Нар. Пр.", 1833 г. ч. VII № 7, II, стр. 1—41. — „О церковно-ораторскихъ произведеніяхъ митр. Стефана", „Воскр. Чтеніе", 1850—51, XIV, стр. 257 — 265. — Д. Извѣковъ, „Проповѣдническая и противопротестантская литература на Руси", „Правосл. Обозр.", 1871, янв., стр. 80—90.—П. Савлучинскій, „Русская духовная литература первой половины XVIII в. и ея отношеніе къ современности", „Тр. Кіев. Дух. Ак.", 1878, апр., стр. 128—190. — Объ отношеніи С. къ расколу и сектантству: „Мѣстоблюститель патріаршаго престола митр. рязанскій Стефанъ Яворскій и Дм. Тверитиновъ", „Приб. къ твор. св. отцовъ", 1862, кн. III.—Тихонравовъ, „Московскіе вольнодумцы начала XVIII в. и Стефанъ Яворскій", „Русскій Вѣстникъ", 1870—1871 (перепечатано въ „Сочиненіяхъ", М. 1898, т. II). — Есиповъ, „Раскольническія дѣла XVIII стол.", т. I (изслѣдованы дѣла Гр. Талицкаго и Варлаама Левина). — Нѣкоторыя замѣчанія на счетъ „Камня Вѣры": И. Соколовъ, „Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вв.", М., 1880 г.—Д. Извѣковъ, „Изъ исторіи богословской полемической литературы XVIII в.", „Правосл. Обозр.", 1871, авг. — Н. Покровскій „Борьба съ протестантскими идеями въ Петровское время и кн. Михаилъ Кропоткинъ", „Русск. Вѣстн.", 1872 г., сент.—Всѣ эти изслѣдованія теряютъ свое значеніе послѣ появленія въ свѣтъ въ 1904 г. капитальнаго изслѣдованія протоіерея І. Морева, „Камень Вѣры митроп. Стефана Яворскаго, его мѣсто среди отечественныхъ противопротестантскихъ сочиненій и характеристическія особенности его догматическихъ воззрѣній" (объ этой книгѣ отзывы: Проф. Лепорскаго въ „Журн. засѣданій Сов. Спб. Дух. Акад.", 1901—02 г., стр. 167—192; проф. Пономарева, тамъ же за 1903—04 г., стр. 148—153 и въ брошюрѣ „Къ литературной исторіи „Камня Вѣры", Спб., 1905 г.)—Перу прот. І. Морева же принадлежитъ краткая статья, „Камень Вѣры", въ VIII т. „Правосл. богосл. энциклопедіи", 1907 г., стр. 187—193 и брошюра, „Митр. Стефанъ Яворскій въ борьбѣ съ протестантскими идеями своего времени", Спб. 1905 г.

Ал. Королевъ.

Стефанъ, святой, епископъ Владиміра Волынскаго, родился около 1040 г., умеръ 27 апрѣля 1094 г. Съ юныхъ лѣтъ онъ подвизался въ Кіево-Печерской лаврѣ подъ надзоромъ преп. Ѳеодосія и былъ любимымъ его ученикомъ; онъ занималъ должность доместика (начальника хора) и часто поучалъ братію по порученію преп Ѳеодосія. Въ 1074 г. Ѳеодосій, по просьбѣ братіи, передъ своею смертью поставилъ С. игуменомъ Кіево-Печерскаго монастыря, наказавъ ему свято хранить монастырской уставъ и докончить постройку уже заложеннаго большого храма. С. закончилъ вчернѣ постройку храма, перенесъ на новыя мѣста, ближе къ храму, братскія кельи, построилъ вокругъ новаго монастыря деревянную стѣну и устроилъ обширный дворъ для странпріимныхъ. Но черезъ три года—въ 1078 г.—изъ-за неизвѣстныхъ причинъ, по требованію братіи, онъ долженъ былъ сложить съ себя начальство надъ монастыремъ и удалиться, не успѣвъ окончить завѣщанную постройку. Въ томъ же году онъ основалъ новый монастырь въ честь пр. Богородицы Влахернской, на другомъ отрогѣ Печерской горы, въ урочищѣ, называемомъ Кловымъ. Щедрыя пожертвованія позволили быстро устроить новый монастырь. Около 1090 г. С. былъ поставленъ въ епископы Владиміра Волынскаго и присутствовалъ въ новомъ санѣ при перенесеніи мощей своего учителя преп. Ѳеодосія въ монастырь. Скончался онъ въ 1094 г. Память его празднуется 27 апрѣля. Описаніе его наружности см. въ иконописномъ подлинникѣ подъ тѣмъ же числомъ (Филимоновъ, с. 330).

Патерикъ печерскій.—Сергій, „Мѣсяцословъ Востока", 2-е изд.—Н. Барсуковъ, „Источники русской агіографіи", стр. 541.—„Книга, глаголемая описаніе о россійскихъ святыхъ" „Чтенія въ Общ. Ист. и Древн.", 1887 г., № 4, стр. 18.—Полное собраніе русск. лѣтописей (указ.).—„Исторія Россійской іерархіи", т. IV, стр. 532.—„Историч. словарь о свя-

тыхъ", стр. 252.—Филаретъ, „Русскіе святые" 3-е изд., т. I, стр. 552—554.—(Димитрій), „Мѣсяцословъ свв. всею русскою церковью или мѣстно чтимыхъ", 2-е изд., в. VIII, стр. 165—166.—А. Ѳ. Хойпацкій, „Очерки изъ исторіи православн. церкви и древняго благочестія на Волыни", Житом., 1878. стр. 55—60.—Е. Голубинскій, „Исторія русск. церкви" т. I, ч. 1, стр. 552.—Его же, „Исторія канонизаціи свв. русской церкви", изд. 2-е—1903 г., стр. 221.

А. Ш—въ.

Стефанъ, третій епископъ Новгородскій, былъ хиротонисанъ во епископы на новгородскую каѳедру кіевскимъ митрополитомъ Ефремомъ въ 1060 г., а по мнѣнію другихъ—въ 1061 г. изъ иноковъ Кіево-Печерской обители и управлялъ епархіею около восьми лѣтъ. При немъ въ 1067 (6575) г. удѣльный князь Полоцкій Всеславъ Брячиславичъ сдѣлалъ внезапное нападеніе на Новгородъ и выжегъ его до Неревскаго конца, многихъ увелъ въ плѣнъ и ограбилъ Софійскій соборъ. Въ 1068 г. онъ скончался на пути въ Кіевъ: «иде владыка въ Кіевъ и тамъ свои ему холопи удавиша его».

Тихомировъ, Т., протоіерей, „Каѳедра новгородскихъ святителей", т. I, Новгородъ, 1891 г., стр. 28—29.—К. Я. Здравомысловъ, „Іерархи Новгородской епархіи отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени", Новгородъ, 1897 г., стр. 7—8.—М. Діевъ, протоіерей, „Повѣрка іерархическихъ каталоговъ древнихъ Россійскихъ епархій" (описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ св. правительствующаго синода. Томъ II, выпускъ I-й. Спб. 1906 г.), № 1771.—„Никоновск. лѣтоп." (по указателю).—Карамзинъ, „Истор. Госуд Россійск.", изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. II, пр. 114.

А. Никольскій.

Стефанъ, св., епископъ, просвѣтитель вычегодскихъ и сысольскихъ зырянъ. На образѣ св. С. (XVII в.), который находится въ иконостасѣ кремлевской Спасской церкви, имѣется слѣдующая надпись: «Св. Стефанъ епископъ, родомъ бѣ великія Россіи града Устюга, сынъ клирика, соборныя церкви св. Богородицы, иже на Устюгѣ, именемъ Симеона и матери Маріи, и первый епископъ Перми бысть, иже научи вѣрѣ Христовѣ, и кресты, и грамоту по ихъ языку состави въ л. 6880. Преставися въ лѣто 6904; тѣло же его положено въ святомъ храмѣ семъ». Св. С., сынъ причетника устюжскаго собора, родился около 1345 г. Надѣленный острыми способностями отъ природы, онъ быстро и легко одолѣлъ книжную премудрость своего времени; въ годъ научился бѣгло читать, былъ допущенъ къ конарханію и чтенію въ соборѣ, а затѣмъ сдѣлался настоящимъ соборнымъ дьякомъ. Стремленіе къ самообразованію привязало его къ книгамъ, заставило поглощать всю бывшую въ его распоряженіи книжную премудрость. Скоро это сталъ большой книжникъ. Онъ представлялъ изъ себя типичное, совершенно специфическое явленіе старой Руси. «Юный дьякъ, говоритъ проф. Голубинскій, обладающій большею или меньшею ученостью, и одинъ изъ ученѣйшихъ людей въ своемъ городѣ, если только не самый первый въ немъ ученый: это не то, что всѣ наши старые дьяки и теперешніе дьячки, а необыкновенный у насъ примѣръ тѣхъ дьяковъ, которые бывали въ древней греческой церкви и къ которымъ принадлежали такіе знаменитые отцы церкви, какъ Василій Великій и Іоаннъ Златоустый, начавшіе служеніе въ клирѣ или причтѣ именно въ должности чтецовъ или, что то же, дьяковъ». Книжность не убила въ С. живого человѣка: его тянуло къ людямъ. Часто на торгу проводилъ онъ время. Устюгъ, стоящій на сліяніи рѣкъ Сухоны и Юга, былъ значительнымъ торговымъ мѣстомъ края: сюда зачастую по торговымъ дѣламъ стекалось разнообразное населеніе сѣвера—для С. открывалось обширное поле наблюденій, постепенно зрѣло его большое жизненное дѣло. Слѣдующее невинное замѣчаніе автора житія вскрываетъ, между прочимъ, передъ нами эту близость св. С. къ жизни, къ людямъ: «Знаемъ бо мы и тѣхъ, иже и прозвища ти кидаху, отнюду же нѣціи яко и храпомъ ти зваху, не разумѣюще силы и благодати Божіи, бываемыя въ тебѣ и съ тобою». Частое общеніе съ торгующимъ людомъ опредѣлило, видимо, и цѣль жизни св. С.: онъ приглядѣлся къ положенію инородческаго населенія на сѣверѣ и сталъ готовиться къ своему великому подвигу: «издавна то у него сдумано бяше». Здѣсь же, на торгу, конечно, св. С. могъ и наторѣть въ живомъ разговорномъ зырянскомъ языкѣ. Послѣ 10—12 лѣтъ службы въ устюжскомъ соборѣ онъ постригается въ монахи: «пострижеся во градѣ Ростовѣ у св. Григорія Богослова въ монастырѣ, нарицаемѣмъ Затворѣ, близъ епископьи, яко книги многи бяху ту, довольны суща ему на потребу почитанія ради». Пребываніе въ монастырѣ, продолжавшееся около 10 лѣтъ, оказалось

для св. С. очень благотворнымъ: здѣсь проходилъ онъ школу нравственнаго самоусовершенствованія, здѣсь же онъ закончилъ свое широкое по тому времени умственное образованіе. Доблестно проходилъ молодой монахъ свое иноческое послушаніе. Это былъ убѣжденный аскетъ-монахъ, одинъ изъ многихъ людей XIV вѣка, которые сознательно за монастырской стѣной въ тяжелыхъ подвигахъ искали страданія и очищенія за грѣхи и несчастія, постигшія родину. «Добрѣ потружася, говоритъ о немъ житіе, въ иноческомъ житьи, подвизався на добродѣтель постомъ и молитвою, чистотою и смиреніемъ, воздержаніемъ и трезвеніемъ, терпѣніемъ, беззлобіемъ, послушаніемъ и любовію, паче же всѣхъ вниманіемъ божественныхъ писаній»... Достойная жизнь молодого монаха снискала ему общее уваженіе: «доброму еже о Христѣ житью его дивляхуся мнози не точью иноци, но и простая чадь»; епископомъ ростовскимъ Арсеніемъ св. С. посвященъ былъ въ іеродіаконы. Пребываніе въ Затворѣ имѣло еще большее значеніе для св. С. въ умственномъ отношеніи: денно и нощно читалъ онъ книги, вдумывался въ читаемое, обсуждалъ каждую малопонятную фразу, искалъ совопросниковъ. Въ монастырѣ научился онъ и греческому языку и усердно сталъ поглощать имѣвшійся въ Затворѣ запасъ греческихъ книгъ. Авторъ житія св. С. характерно обрисовываетъ умственную пытливость молодого монаха: встрѣтивъ совопросника, вдумчивый аскетъ «съ нимъ соводворяшеся и обнощеваше и утреневаше, распытая ищемыхъ скоропытнѣ». Результатомъ умственной работы, по замѣчанію біографа, было то, что св. С. сталъ чуднымъ дидаскаломъ, исполненнымъ мудрости и разума, и сдѣлался знатокомъ всей внѣшней философіи, книжной мудрости и грамотной хитрости. Жизнь въ монастырѣ съ ея умственнымъ и нравственнымъ совершенствованіемъ не оторвала его отъ главной цѣли его жизни—миссіонерской дѣятельности среди сѣверныхъ язычниковъ-инородцевъ. Здѣсь, въ Затворѣ, онъ неустанно готовился къ своему высокому подвигу.

Получившіе впослѣдствіи имя зырянъ, вычегодскіе пермяки, принадлежа къ финскому семейству, составляли обособленную половину народа Перми и раскинулись въ предѣлахъ рѣкъ Вычегды, Выма и Сысолы (притоки Вычегды), Печоры и ея притока Ижмы и, наконецъ, верхней Мезени. Территорія, на которой обитали вычегодскіе пермяки, занимаетъ восточную половину нынѣшней Вологодской губерніи и часть Архангельской. Селеніе Усть-Вымъ, при впаденіи Выма въ Вычегду, было центромъ вычегодскихъ пермяковъ. Къ этому-то народу и были направлены помыслы св. С. Во время своихъ побывокъ въ Устюгѣ онъ продолжалъ изучать языкъ пермяковъ, приглядываться къ ихъ быту и складу. Увеличивающійся запасъ филологическихъ знаній помогъ ему разложить языкъ пермяковъ на основные звуки. Воспользовавшись, быть можетъ, рѣзами или рунами пермяковъ, св. С. составилъ азбуку, которая по своимъ квадратнымъ знакамъ напоминаетъ нѣсколько глаголическій алфавитъ. Заготовивъ переводъ необходимыхъ богослужебныхъ книгъ на языкъ пермяковъ, онъ отправился въ 1379 г. въ Москву испросить благословеніе на задуманное дѣло. Архимандритъ Михаилъ-Митяй, избранный въ преемники св. Алексію, сочувственно отнесся къ миссіонеру: поставилъ его въ іеромонахи, снабдилъ антиминсами, св. мvромъ, словомъ, всѣмъ необходимымъ въ дѣло крещенія язычниковъ и насажденія христіанства. Св. С. начинаетъ свой апостольскій подвигъ. Изъ Устюга рѣчнымъ путемъ проповѣдникъ направился въ центръ пермяковъ—селеніе Усть-Вымъ, гдѣ поселился. Съ трудомъ подвигалось его дѣло впередъ—съ большимъ недовѣріемъ и даже съ явною враждою встрѣтили его пермяки. Умный миссіонеръ, оглядѣвшись на мѣстѣ, понялъ, что ускорить дѣло возможно, если дѣйствовать внѣшне-поражающимъ образомъ на психику малоразвитаго народа. Онъ строитъ на собранныя въ Москвѣ средства сравнительно великолѣпный храмъ во имя Благовѣщенія; конечно, зырянская кумирня по внѣшности не выдерживаетъ никакого сравненія съ красивой и благолѣпной церковью. Онъ сжигаетъ устьвымскую кумирню, выдерживаетъ стойко ярость волхвовъ и кудесниковъ и спокойно доказываетъ безсиліе языческихъ боговъ. Дѣло проповѣди поставлено на твердое основаніе, и начинается спокойная методическая работа. Прекрасная личная жизнь, убѣжденность въ значеніи и правотѣ своего дѣла даютъ св. С. изумитель-

ную силу и нравственное могущество: онъ проповѣдуетъ слово Божіе, учитъ пермяковъ основамъ новой вѣры, креститъ ихъ, заводитъ школу для подготовки духовенства изъ новокрещеныхъ, строитъ еще два храма (во имя Николая Чудотворца и Архангела Михаила). Отживающая свое время языческая старина собираетъ всѣ свои нравственныя силы, чтобы оградить староотеческія преданія и дать отпоръ пришельцу. Изъ Княжь-Погоста въ Усть-Вымъ приходитъ дряхлый знаменитѣйшій изъ волхвовъ зырянскихъ Памъ-сотникъ. Житіе очень картинно рисуетъ словопреніе св. С. и языческаго авторитета. Дѣло доходитъ до испытанія огнемъ и водой, но стойкость и спокойствіе св. С. обезпечиваютъ за нимъ окончательную побѣду: «суетное буесловіе, говоритъ хвалебная стихира въ честь св. С., жестокаго и злобнаго памъ-сотника отразилъ ты и прогналъ его какъ волхва отъ Христова стада, а народъ Божій научилъ апостольски». Въ центрѣ пермяковъ, Усть-Вымѣ, христіанство было утверждено; школа св. С. изъ новокрещенцевъ подготовила будущихъ пастырей. Теперь св. С. начинаетъ свое апостольское путешествіе по странѣ пермяковъ. Неуставная проповѣдь, личный примѣръ и безкорыстіе (св. С., сжигая кумирни, уничтожалъ въ нихъ богатые мѣховые склады, представлявшіе изъ себя приношенія пермяковъ своимъ богамъ и имѣвшіе весьма значительную цѣнность), спокойствіе и знакомство съ просвѣщаемыми—сдѣлали дѣло проповѣдника очень успѣшнымъ: въ четыре года вся страна вычегодскихъ пермяковъ приняла христіанство.

Новая забота начинаетъ безпокоить миссіонера: отдаленность Москвы (слишкомъ 1200 верстъ) является большой помѣхой укрѣпленію новой вѣры; посылать въ Москву приходилось постоянно—очевидность подсказывала, что необходимо въ новой большой территоріи открыть и новую епископію. Въ 1383 г. св. С. отправляется въ Москву. Въ столицѣ его встрѣтили радушно, и митрополитъ Пименъ зимой 1383 г. посвятилъ его въ епископы зырянскіе. Самъ онъ, «не добивался владычества, ни вертѣлся, ни тщался, ни наскакивалъ, ни накупался, ни насуливался посулы: не далъ бы никомуже ничтоже и не взялъ у него отъ поставленія никтоже ничтоже, ни дара, ни посула, ни мзды». Новопоставленный епископъ по возвращеніи къ своей паствѣ сдѣлалъ, конечно, Усть-Вымъ мѣстомъ своей епископіи—церковь Благовѣщенія стала каѳедральнымъ соборомъ, а при церкви Архангела Михаила устроился большой монастырь, гдѣ и была резиденція епископа.

Подвижническая дѣятельность св. С. продолжалась еще 14 лѣтъ. Поставленный теперь совершенно самостоятельно, онъ имѣлъ возможность и время окончательно укрѣпить христіанство среди вычегодскихъ пермяковъ. Всѣ явные слѣды язычества въ новокрещеной странѣ были уничтожены, рядъ храмовъ воздвигся на мѣстѣ кумирень, приготовленъ былъ цѣлый кругъ пастырей изъ мѣстнаго населенія. Кромѣ Михайловскаго монастыря епископомъ устроено было еще два: Ульяновская Спасская пустынь, на рѣкѣ Вычегдѣ, и Стефановская пустынь, на рѣкѣ Ожинѣ, притокѣ Сысолы. Святительская дѣятельность плотно срастила пастыря съ паствой; какъ отецъ, заботился онъ о своихъ вычегодскихъ пермякахъ: онъ ходатайствовалъ передъ великимъ княземъ, чтобы устранить злоупотребленія чиновниковъ во взиманіи съ пермяковъ дани, онъ увѣщевалъ новгородскихъ ушкуйниковъ, личнымъ примѣромъ воодушевлялъ своихъ зырянъ, когда напали на нихъ вогуличи, во время голода св. С. дѣлалъ все, чтобы облегчить бѣдствіе. «Лишились мы, говорится въ плачѣ Перми о смерти С., попечителя и ходатая своего. Онъ молился о спасеніи душъ нашихъ предъ Богомъ, а князю предлагалъ жалобы наши, печаловался о льготѣ для насъ и о нашихъ пользахъ; предъ боярами и начальниками былъ усерднымъ заступникомъ нашимъ; много разъ избавлялъ онъ отъ насилій, работъ, тіунскихъ взятокъ и облегчалъ намъ подати. Даже новгородскіе ушкуйники, эти разбойники, слушались словъ его и не грабили насъ. Прежде были мы насмѣшкою для сосѣднихъ язычниковъ—лопи, вогуличей, югри и пинеги, и онъ избавилъ насъ отъ нихъ».

Въ 1396 г. св. С. прибылъ въ Москву къ митрополиту Кипріану по нуждамъ своей епархіи и здѣсь скончался, 26 апрѣля. Тѣло его погребено въ церкви Спаса на Бору. Въ 1549 г. Макарьевскимъ соборомъ онъ причисленъ къ лику святыхъ. Мощи его подъ спудомъ почиваютъ въ

Спасскомъ соборѣ. Сохранилось до нашего времени обличительное поученіе св. С., напечатанное въ „Актахъ Историческихъ“ (т. I, № 6) и въ „Памятникахъ“ Павлова (№ 25): «Сіе списаніе отъ правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ далъ владыцѣ Наугородскому Алексѣю Стефанъ владыка Перемскый на Стригольники». Это поученіе, написанное святителемъ въ 1386 г., по просьбѣ архіепископа новгородскаго Алексѣя, представляетъ изъ себя довольно искусный образецъ литературнаго произведенія: въ немъ св. С. убѣдительно доказываетъ, какъ несправедливо и незаконно было отдѣленіе стригольниковъ отъ церкви, основывавшихся при своемъ отдѣленіи на недочетахъ православнаго духовенства. Съ именемъ просвѣтителя зырянъ связывается также большой юридически-нравоучительный сборникъ, переведенный съ греческаго, «Мѣрила праведнаго», напечатанный въ «Москвитянинѣ» 1847 г., ч. I («Матеріалы», стр. 121). «Дѣло его, говоритъ профессоръ Голубинскій, опредѣляя значеніе дѣятельности св. С., отличается весьма важною характеристическою чертою, которая придаетъ ему совсѣмъ особое значеніе и достоинство. Почти всѣ другіе древняго и стараго времени наши миссіонеры, трудившіеся надъ обращеніемъ въ христіанство инородцевъ, дѣйствовали при большемъ или меньшемъ покровительствѣ и при большей или меньшей помощи гражданской власти, такъ что дѣйствовали не только подъ охраною этой власти, но и при ея настоящемъ участіи. Св. Стефанъ выступилъ на свою проповѣдь Евангелія и совершалъ ее безъ всякаго покровительства и безъ всякой помощи гражданской власти. Онъ отправился къ зырянамъ обращать ихъ въ христіанство, надѣясь единственно на помощь Божію, онъ достигъ того, что заставилъ ихъ отказаться отъ язычества и принять христіанство, единственно силою убѣжденія, безъ всякаго и малѣйшаго участія принужденія. Вообще, какъ проповѣдникъ христіанства между язычниками, св. Стефанъ является передъ нами истиннымъ новымъ апостоломъ». Житіе св. С. (ранній его списокъ восходитъ къ началу XVI в.) составлено до 1417 г. совопросникомъ просвѣтителя Епифаніемъ Премудрымъ на основаніи личныхъ наблюденій и бесѣдъ, а также по разсказамъ «старыхъ мужъ». Житіе, составленное съ пріемами образцовыхъ произведеній церковнаго витійства па славянскомъ языкѣ, очень скудно по содержанію. Это, по мѣткому выраженію Степенной книги, прекрашенное житіе: за искусственными книжными словами, за риторическими фигурами и всевозможными амплификаціями, экзегетическими отступленіями, за тремя «плачами» (пермскіе люди, пермская церковь, біографъ), словомъ за «плетеніемъ словесъ» скрывается зачастую живой и дѣятельный образъ энергичнаго миссіонера. Скудныя свѣдѣнія житія приходится поэтому пополнять лѣтописными замѣтками. Житіе С. напечатано два раза: въ 1862 г. въ IV выпускѣ «Памятниковъ старинной русской литературы» Кушелева-Безбородко, стр. 119—171, и въ 1897 г. отдѣльной книгой Археографическою комисоіею.

„Полн. Собр. Рус. Лѣт.“ (по указателю) — Г. С. Лыткинъ, „Зырянскій край при епископахъ пермскихъ и зырянскій языкъ“, Спб., 1889 г.—Голубинскій, „Исторія русск. церкви. Періодъ второй“, т. II, первая половина, М., 1900 г., стр. 262 — 296.—Филаретъ, „Русскіе святые, чтимые всею церковью или мѣстно“, кн. I, Спб., 1882 г., стр. 533 и слѣд. — П. Д. Шестаковъ, „Св. Стефанъ, просвѣтитель пермскій“, „Уч. Зап. Каз. унив.“, 1868 г., вып. I, стр. 75 и слѣд.—Макарій, „Ист. рус. церкви“, т. IV, Спб., 1887 г., стр. 323 и слѣд.; т. V, Спб., 1886 г., стр. 236 и слѣд.—А. М., „Сказаніе о жизни и трудахъ св. Стефана, епископа пермскаго“, Спб., 1856 г.—Евгеній Поповъ, „Святитель Стефанъ Великопермскій“, Пермь, 1885 г.—„Минея Четья. Книга житія святыхъ на мѣсяцъ априллій“ (26):—Н. М. Карамзинъ, „Истор. госуд. Росс.“ (изд. Эйперлинга), V, 64—66, 209, прмч. 125, 126, 137, 232, IX, 159.—Д. И. Иловайскій, „Ист. Россіи“, т. 2, М., 1884 г., стр. 403 и слѣд. — Савантовъ, „О зырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и пермской азбукѣ, изобрѣтенной св. Стефаномъ“, „Труды Перваго Археолог. съѣзда“ М., 869 г. II, 408. — „Архивъ истор. и юрид. свѣдѣній Россіи“, т. I, отд. 3.—Васильевъ и Бехтеревъ, „Исторія Вятскаго края“, Вятка, 1870 г. — С. М. Соловьевъ, „Ист. Рос.“ (изд. „Общественной Пользы“), кн. I, стр. 1310.—П. Д. Шестаковъ, „Чтеніе древнѣйшей зырянской надписи“, „Журн. Мин. Нар. Пр.“, Январь, 1871 г. — И. С. Некрасовъ, „Пермскія письмена въ рукописяхъ XV в.“, Одесса 1890 г. Лепехинъ, „Дневныя записки путешествія по разнымъ провинціямъ россійскаго государства“, III, 242 и слѣд.

А. Николаевъ.

Стефанъ, преп. Комельскій или Озерской, основатель Николаевскаго Комельскаго монастыря, родился въ «области Вологодской» во второй половинѣ XV в., умеръ 12 іюня 1542 г.; съ дѣтства наслы-

шавшись о подвигахъ пр. Діонисія Глушицкаго и о строгомъ общежительномъ уставѣ, установленномъ въ Глушицкомъ монастырѣ, онъ тайно ушелъ изъ дому въ Глушицы и въ скоромъ времени тамъ постригся. Черезъ нѣсколько лѣтъ, съ благословенія игумена, для усовершенствованія въ духовной жизни онъ отправился странствовать по монастырямъ, въ одномъ изъ которыхъ, именно въ Тихвинскомъ, и поселился. Однако большое число богомольцевъ, приходившихъ на поклоненіе мѣстной иконѣ, не понравилось С., съ дѣтства любившему уединеніе, и онъ отправился дальше на сѣверъ. На берегу озера Комельскаго, при истокѣ р. Комели, въ 35-ти верстахъ къ югу отъ Вологды, онъ построилъ для себя среди дремучаго лѣса маленькую часовню и поселился въ полномъ уединеніи. Не разъ ему зимою угрожала голодная смерть, такъ какъ запасовъ у него не было, и онъ не зналъ даже дороги къ ближнимъ селеніямъ; лишь случайно заходившіе звѣроловы поддерживали скудными приношеніями его существованіе. Черезъ три года къ нему стала мало-по-малу собираться братія. Когда собралось около десяти человѣкъ, они пожелали имѣть церковь и избрали С. своимъ начальникомъ. По просьбѣ братіи онъ отправился въ Москву къ митр. Даніилу, который посвятилъ его въ священники, возвелъ въ санъ игумена, снабдилъ благословенною грамотою и необходимою утварью для церкви, а великій князь Василій Ивановичъ далъ ему грамоту на земли и угодья для содержанія монастыря. Въ 1534 г. была устроена обитель съ храмомъ во имя чудотв. Николая. Скончался преп. С. въ глубокой старости, 12 іюня 1542 г. Въ томъ же году, послѣ разоренія обители татарами, была построена новая церковь надъ гробомъ покойнаго, а черезъ годъ инокомъ Гуріемъ, ученикомъ иконописца Андрея Рублева, по памяти были написаны два образа преподобнаго, вскорѣ же была составлена служба и установлено въ его память мѣстное празднованіе. Житіе преп. С., написанное неизвѣстнымъ, встрѣчается крайне рѣдко въ спискахъ XVII в. и вѣроятно было составлено въ концѣ XVI в.

Сергій, „Мѣсяцесловъ Востока", т. II, стр. 157.—Ѳ. Буслаевъ, „Историческіе очерки", т. II, стр. 352 (иконоп. подлинникъ).—„Книга, глаголемая описаніе россійскихъ свв.", „Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс.", 1887 г., № 4, стр. 121—122.—Барсуковъ, „Источники русской агіографіи", стр. 542.—„Житіе преп. Стефана Комельскаго", сообщ. Хр. Лопаревъ, въ „Памятн. древн. письмен. и искусства", 1892 г., № 86.—Звѣринскій, „Матеріалы для истор.-топогр. изслѣдов. о правосл. монастыряхъ", т. II, № 1208 (указана литература о м-рѣ).—„Исторія россійской іерархіи", т. V, стр. 364.—Филаретъ, „Русскіе святые", т. II, стр. 234—237 (3-е изданіе).—(Димитрій), „Мѣсяцесловъ свв., всею русскою церковью чтимыхъ" (12 іюня).—Вѣрюжскій, „Историческое сказаніе о жизни свв., подвизавшихся въ Вологодской епархіи", Вологда 1880 г., стр. 448—456.—Е. Голубинскій, „Исторія канонизаціи свв. русской церкви", изд. 2-е, 1903 г., стр. 153—154, 196—197. *А. Ш—въ.*

Стефанъ, архіепископъ Суздальскій и Торусскій, а съ 1676 г.—Юрьевскій, вступилъ въ управленіе епархіею въ 1659 г. Въ 1660 г. священникъ Суздальской соборной церкви Никита подалъ на него царю Алексѣю Михаиловичу извѣтъ. Царь повелѣлъ разсмотрѣть это дѣло освященному собору совмѣстно съ бояриномъ Петромъ Михаиловичемъ Салтыковымъ и думнымъ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ; вскорѣ за симъ С. повелѣно было находиться въ Москвѣ при Архангельскомъ соборѣ для поминовенія по усопшихъ царяхъ и великихъ князьяхъ. Послѣ 1661 г. онъ былъ въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ близъ Ростова, откуда въ 1666 г. возвращенъ на Суздальскую каѳедру, на которой оставался до самой смерти, послѣдовавшей въ 1679 г. Въ 1667 г., по грамотѣ патріарха Іосифа, онъ производилъ изслѣдованіе о чудесахъ отъ иконы Смоленскія Божія Матери, находящейся въ Шуйскомъ Воскресенскомъ соборѣ, и въ томъ же году подписалъ опредѣленіе московскаго собора; въ 1668 г. производилъ изслѣдованіе о мощахъ святителя Арсенія; въ 1672 г. участвовалъ въ чинѣ избранія въ патріархи митрополита Питирима; въ 1675 г. дѣлалъ докладъ царю Алексѣю Михаиловичу о мощахъ князя Бориса Георгіевича (сына Юрія Владиміровича Мономахова-Долгорукаго), умершаго въ 1150 г., 12 мая, и погребеннаго въ Кидешекской Борисоглѣбской церкви. Въ 1672 г. ему пожалованъ былъ саккосъ. Нелишне отмѣтить данныя имъ грамоты: въ 1669 г.—въ Юрьевскій Архангельскій монастырь объ опредѣленіи келаремъ бывшаго архимандрита Герасима съ изложеніемъ обязанностей его по сему званію и въ 1675 г.—въ тотъ же Юрьевскій мо-

настырь архимандриту Іакову о дѣйствѣ лѣтопровожденія 1-го сентября.

Акты Историческ., т. IV, стр. 500; т. V, стр. 480—481.—Дополн. къ Акт. Историч., т. V, стр. 152, 475, 478; т. VI, стр. 235; т. IX, стр. 20, 221.—Акты Археогр. Экспед., т. IV, стр. 223, 260, 279.—Іеромонахъ Іоасафъ, „Суздальскія достопамятности", „Владимірскія Губ. Вѣдомости" за 1849 г., № 8.—„Извѣстіе о Стефанѣ, архіепископѣ Суздальскомъ", тамъ же, 1856 г., № 13.—М. Діевъ, протоіерей, „Вторичная повѣрка іерархическихъ каталоговъ древнихъ Россійскихъ епархій съ лѣтописями и актами". (Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ св. правительствующаго синода. Томъ II, выпускъ 1-й. Спб., 1906 г.), № 1772.

А. Никольскій.

Стеценко (также *Стеценковъ*), *Николай Александровичъ*, вице-адмиралъ, родился въ 1817 г., умеръ 27 мая 1882 г.; воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ; 26 марта 1836 г. былъ произведенъ въ гардемарины и плавалъ въ Балтійскомъ морѣ до осени 1837 г., когда вмѣстѣ съ производствомъ въ мичманы былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ, въ составѣ котораго на фрегатѣ «Тенедосъ» плавалъ съ десантомъ между Севастополемъ и Одессою (1838 г.), на шхунѣ «Курьеръ» крейсировалъ у восточныхъ береговъ Чернаго моря, на бригѣ «Ахиллесъ» неоднократно по надобностямъ флота ѣздилъ изъ Севастополя въ Николаевъ и обратно (1839 г.), на шхунѣ «Забіяка» снималъ виды береговъ Крыма и Абхазіи и промѣрялъ глубины Чернаго моря (1840 г.) и на ней же въ кампаніи 1841—1842 гг. измѣрялъ глубины у анатолійскихъ и румелійскихъ береговъ. Произведенный въ 1843 г. въ лейтенанты, С. на различныхъ судахъ — транспортахъ «Днѣпръ» и «Снѣгъ», корабляхъ «Двѣнадцать Апостоловъ» и «Силистрія», корветѣ «Орестъ» и фрегатѣ «Браиловъ» — въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ крейсировалъ по Черному морю, преимущественно у восточныхъ его береговъ. Въ 1846 г. онъ былъ повышенъ въ капитанъ-лейтенанты и назначенъ помощникомъ начальника Камчатки и въ слѣдующемъ году на транспортѣ «Иртышъ» сдѣлалъ переходъ изъ Охотска въ Петропавловскій портъ. На Камчаткѣ С. прослужилъ до 1852 г., когда былъ переведенъ въ Петербургъ съ назначеніемъ въ 14-й флотскій экипажъ. Командуя фрегатомъ «Король Нидерландскій», въ 1855 г. онъ участвовалъ въ защитѣ Кронштадта отъ нападенія англо-французскаго флота и за отличіе въ этомъ дѣлѣ былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга. Съ 1859 г. онъ состоялъ командиромъ 21-го флотскаго экипажа и въ концѣ того же года былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Въ 1869 г. С. получилъ чинъ контръ-адмирала съ зачисленіемъ по резервному флоту, а 7 января 1874 г. былъ повышенъ въ вице-адмиралы съ увольненіемъ отъ службы. Въ различное время онъ былъ удостоенъ ряда знаковъ отличія, въ томъ числѣ ордена Станислава 2-й ст. съ Императорскою короною и креста съ надписью «За службу на Кавказѣ».

„Общій морской списокъ", ч. XI, Спб., 1900 г., стр. 629—631.—Ф. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса", Спб., 1852 г.—Дубровинъ, „Матеріалы для исторіи Крымской войны" Спб., 1871—1873 гг.

К. Р.

Стиксъ, *Мартинъ-Эрнстъ* (Martin Ernst von Styx), ординарный профессоръ Дерптскаго университета по каѳедрѣ діэтетики и гигіены, писатель, сынъ иностраннаго подданнаго, род. въ Ригѣ 19 декабря 1759 г., ум. 13 марта 1829 г. Первоначальное образованіе получилъ въ лицеѣ въ своемъ родномъ городѣ, въ 1779 г. отправился въ Іену, тамъ въ 1782 г. былъ удостоенъ степени доктора медицины и хирургіи, жилъ нѣкоторое время въ Геттингенѣ и Страсбургѣ, гдѣ работалъ въ университетскихъ клиникахъ, и затѣмъ возвратился въ Россію. Выдержавъ экзаменъ въ медицинской коллегіи въ Петербургѣ, онъ получилъ право практиковать въ Россіи (17 сентября 1783 г.) и былъ принятъ на службу уѣзднымъ врачемъ въ Гдовъ. Черезъ 6 мѣсяцевъ онъ былъ переведенъ городскимъ врачемъ въ Петербургъ, а годъ спустя назначенъ главнымъ докторомъ въ Оренбургскій областной госпиталь, въ которомъ прослужилъ около 6 лѣтъ. Затѣмъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ онъ состоялъ въ той же должности при Ревельскомъ и Рижскомъ госпиталяхъ, въ 1793 г. вышелъ въ отставку и до 1800 г. занимался частной практикой въ Ригѣ. При основаніи Дерптскаго университета С. былъ назначенъ въ немъ профессоромъ по каѳедрѣ гигіены и исторіи медицины (14 декабря 1800 г.) и занималъ эту каѳедру до 30 октября 1826 г., когда вышелъ въ отставку со званіемъ заслуженнаго профессора. Помимо этихъ главныхъ предметовъ разновременно читалъ еще анатомію, судебную

медицину, фармакологію (materia medica), діэтетику, «врачебную словесность» и физіологію, пока въ университетѣ отдѣльной каѳедры по этому предмету; состоялъ кураторіумомъ, дважды деканомъ (1802—1807 и 1814—1826 гг.), по разу былъ проректоромъ (1813 г.) и ректоромъ университета (1814 г.). Изъ его печатныхъ работъ слѣдуетъ указать: «Descriptio anatomica nervi cruralis et abturatorii, icone illustrata» (Jenae, 1782,—работа эта была его диссертаціей на степень доктора); «Ueber den Misbrauch des Aderlassens in den nördlichen Provinzen Russlands, für Leser aus allen Ständen» (Рига, 1793); «De Russorum balneis calidis et frigidis» (Дерптъ, 1802); «Ideen über populäre Arzneikunde, nebst Inhaltsanzeige der populären medicinischen Vorlesungen für die Zuhörer derselben» (тамъ же, 1802); «Handbuch der populären Arzneiwissenschaft für die gebildeten Stände in den nördlichen Provinzen Russlands, insonderheit für Landgeistliche und Grundbesitzer in Kur-, Liv- und Esthland» (тамъ же, 1803); «Rede über den geselligen Verkehr der Studirenden mit den gebildeten Ständen, gehalten bei dem feierlichen Rectoratswechsel am 15. Sept. 1814» (тамъ же, 1806); «Ueber die Heilkräfte der Wandflechte, als neuentdecktes, inländisches Substitut der Chinarinde» (тамъ же, 1817); «Beitrag zur Geschichte der verlarvten und ansteckenden Wechselfieber» въ «Pfaff's und Scheel's Nord. Archiv für Natur- und Arzneiwissenschaft» (Копенгагенъ, 1799), т. I, № 4; «Oratio de medicinae popularis necessitate et utilitate» въ «Jäsche's Geschichte und Beschreibung der Feierlichkeit bei Eröffnung der Universität zu Dorpat» (Dorpat, 1802), стр. 53—63. Кромѣ того имъ помѣщены еще статьи въ «Hufeland's Journal der prakt. Arzneiwissenschaft», «Abhandl. der livländ. ökonom. Societät», «Rheinischen Mannigfaltigkeiten» и «Salzburger medicin. Zeitung».

I. F. Recke und K. E. Napiersky, „Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Liv-, Esth- und Kurland", Mitau, 1832, Bd. IV, стр. 335—336.—Я. Чистовичъ, „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи", Спб., 1883, приложеніе, стр. CCCIII.—Meusel's „Gelehrtes Deutschland".—Е. В. Пѣтуховъ, „Возникновеніе и первоначальная организація Дерптскаго университета въ началѣ XIX в.", „Журн. Мин. Народн. Просв", 1901 г., №№ 10—12, 1902 г. № 1.—Его же, „Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ за сто лѣтъ его существованія (1802—1902)", т. I, Юрьевъ, 1902, стр. 100, 102, 103, 159, 176, 237, 307, 476.—„Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Юрьевскаго университета", подъ редакц. Левицкаго, Юрьевъ, 1903, г., т. II, стр. 185, 297.—„Gedenkblätter an das 75-jährige Bestehen der Universität Dorpat, zum 21 April 1877", Dorpat, 1877, стр. 25, 28, 48.—„Die Kaiserliche Universität Dorpat. Denkschrift zu ihrer 25-sten Feier den 12. December 1827", стр. XXV, XXVIII.—„Die Kaiserliche Universität zu Dorpat während der ersten 50 Jahre ihres Bestehens und Wirkens. Denkschrift zum Jubelfeste am 12. und 13. December 1852", Dorpat, стр. 27, 33, 38, 50.—„Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte aller Zeite und Völker", т. V, Wien und Leipzig, 1887, стр. 575—576.

И. Гуревичъ.

Стиссеръ, *Карлъ*, управляющій казенной образцовой фермой въ Луганскѣ, Екатеринославской губерніи, писатель по сельскому хозяйству и ветеринаріи. Для завѣдыванія названной фермой, устроенной министерствомъ финансовъ «для разведенія мануфактурныхъ растеній, улучшенія земледѣльческихъ орудій и самого земледѣлія и скотоводства», С. былъ приглашенъ въ 1826 г. изъ Магдебурга и вскорѣ по прибытіи въ Россію изобрѣлъ усовершенствованный плугъ, описаніе котораго нѣсколько позже, въ 1836 г., напечаталъ въ «Земледѣльческой Газетѣ» (№ 18) въ статьѣ «Луганскій усовершенствованный плугъ». Въ 1826 г. онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства и въ издаваемомъ обществомъ «Земледѣльческомъ Журналѣ» нанапечаталъ двѣ статьи: «О луганскомъ образцовомъ хозяйственномъ заведеніи» и «Объ антоновомъ огнѣ въ селезенкѣ у скота, называемомъ и сибирской болѣзнью или язвой» (1827 г., №№ 20, 21). Въ упомянутой «Земледѣльческой Газетѣ» С. помѣстилъ еще слѣдующія статьи: за 1834 г.—«Практическое руководство къ распознаванію, отвращенію и врачеванію обыкновенныхъ болѣзней скота» (№ 10), «О разведеніи торговыхъ растеній» (№ 37), «О скотскихъ болѣзняхъ» (№№ 37, 38, 40, 52), «О каткѣ» (№ 46), и за 1835 г.—«О разведеніи картофеля въ большомъ количествѣ» (№№ 21 и 22), «Отчетъ по казенной образцовой луганской фермѣ въ Екатеринославской губерніи» (№ 27) и «Польза окрашиванія земледѣльческихъ орудій» (№ 76).

С. Масловъ, „Историч. обозрѣніе дѣйствій и трудовъ Имп. моск. общ. сельск. хоз. со времени его основанія до 1846 г.", М. 1850 г., прилож., стр 193, 268. *П. Гуревичъ.*

Стоговъ, *Иванъ Петровичъ*, генералъ-лейтенантъ, членъ секретнаго комитета по преобразованію кораблестроенія, род. около 1800 г., воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ 16 января 1810 г.; черезъ три года онъ былъ произведенъ въ гардемарины, а 18 февраля 1816 г.—въ мичмана и до 1818 г. на корабляхъ «Ростиславъ», «Три Іерарха» и «Принцъ Густавъ» плавалъ и крейсировалъ по Балтійскому морю. Въ теченіе 1819—1823 гг. С. на шлюпѣ «Открытіе» подъ командой капитанъ-лейтенанта Васильева, совершилъ «кругосвѣтное плаваніе» въ Камчатку и за участіе въ немъ былъ произведенъ въ лейтенанты, удостоенъ ордена Владиміра 4 ст. и награжденъ двойнымъ жалованьемъ и «удвоенною кампаніею». Проплававъ по возвращеніи съ Камчатки 2 лѣта вновь по Балтійскому морю и «за 18 морскихъ кампаній» получивъ Георгія 4 кл., онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ вице-адмиралу Огильви и въ 1828 г. на кораблѣ «Царь Константинъ» сопровождалъ его изъ Кронштадта въ Мальту. Въ слѣдующемъ году С. былъ при блокадѣ Дарданеллъ и участвовалъ во взятіи въ плѣнъ у о-ва Кандіи турецко-египетскихъ корвета и брига. Возвратившись въ Кронштадтъ, онъ 25 іюня 1831 г. получилъ чинъ капитанъ-лейтенанта, въ томъ же году былъ прикомандированъ «для исправленія должности члена кораблестроительнаго и учебнаго комитета» и одновременно съ этимъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-интендантѣ. Награжденный орденами Станислава 3 ст., нынѣ 2-ой (1832 г.), Анны 2 ст. (1834 г.), подаркомъ изъ кабинета, и повышенный въ капитаны 2-го ранга (31 іюня 1834 г.), а затѣмъ и 1-го ранга (6 ноября 1837 г.), С. въ 1840 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность вице-директора кораблестроительнаго департамента и въ этой должности состоялъ до 1850 г., когда былъ, уже въ чинѣ генералъ-маіора (1847 г.), опредѣленъ въ члены «комитета по составленію новаго положенія объ управленіи адмиралтейскими поселянами». Въ 1854 г. С. состоялъ членомъ общаго присутствія морского интендантства, а въ 1855 г. былъ не у дѣлъ и просто числился по морскому министерству. Членомъ секретнаго комитета по преобразованію кораблестроенія С. былъ назначенъ въ 1856 г. и пробылъ имъ до 28 декабря 1859 г., когда былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и уволенъ въ отставку.

„Общій морской списокъ", ч. VIII, Спб., 1894 г., с. 252—254.—Ф. Веселаго „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса", Спб., 1852 г. *К. Р.*

Стоговъ, *Эразмъ Ивановичъ*, историкъ и бытописатель Сибири, родился въ 1797 г., воспитаніе получилъ въ Петербургскомъ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ который поступилъ въ 1810 г. По окончаніи курса въ немъ (1817 г.), онъ непродолжительное время служилъ въ г. Охотскѣ (на Камчаткѣ) начальникомъ мѣстнаго адмиралтейства, затѣмъ перешелъ на службу въ Иркутскъ, гдѣ находился до 1833 г. Въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ С. состоялъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Симбирскѣ, а начиная съ 1840 г. былъ правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора Юго-Западной Россіи, Д. Г. Бибикова. Во время службы въ Сибири С. усердно занимался въ мѣстныхъ архивахъ и въ нихъ добылъ рядъ свѣдѣній, которыя впослѣдствіи обработалъ въ литературные очерки, носящіе въ большинствѣ случаевъ форму разсказовъ, и съ 1878 г. сталъ печатать ихъ въ «Русской Старинѣ». Изъ этихъ очерковъ извѣстны: «Ссыльно-каторжные въ Восточной Сибири, 1820—1830 гг.» («Русск. Старина», 1878 г., т. XXII, стр. 301—316 и 616—632); «Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ, 1819 г.» (ibid., 1878 г., т. XXIII, стр. 499—530); «Бунтъ иркутскаго архіепископа Иринея» (ibid., 1878 г., т. XXIII, стр. 99—118); «Петръ Николаевичъ Семеновъ и Анна Петровна Бунина,—памятный день въ Иркутскѣ въ 1832 г.» (ibid., 1879 г., т. XXIV); кромѣ того ему принадлежатъ нѣсколько историко-бытовыхъ очерковъ изъ жизни Поволжья: «Жизнь и служба въ Симбирскѣ въ 1834—1839 гг.», «Бунтъ лашпанъ татаръ», «Императоръ Николай I въ Симбирскѣ («Русск. Стар.», 1878 г.) и «Волненія татаръ-поселянъ въ Симбирской губ.» (ibid., 1879 г., т. XXIV). Въ 1880 г. въ «Русской Стар.» былъ напечатанъ отрывокъ изъ «Записокъ» С. подъ заглавіемъ «Романъ Медоксъ» (т. XXVIII), а въ 1886 г., уже послѣ его

смерти, послѣдовавшей въ 1880 г., въ томъ же журналѣ его цѣнныя воспоминанія были помѣщены цѣликомъ, подъ заглавіемъ: «Записки Э. И. Стогова». Въ своихъ очеркахъ-разсказахъ С. не безъ таланта и яркости изобразилъ современные ему провинціальную жизнь и чиновничій бытъ въ Поволожьѣ.

„Записки Эр. Ив. Стогова", сообщ. его дочерью, „Русск. Стар.", т. 52, стр. 77—128 — „Поправка къ запискамъ", ibid., стр. 730.—„Указатель статей, печатавшихся въ „Русской Старинѣ" за 1885—1887 гг.", стр. 72; тамъ же приложенъ портретъ С.; другой его портретъ, гравированный Г. И. Грачевымъ, помѣщенъ въ т. 52 того же журнала (1886 г., стр. 129).— „Общій морской списокъ", ч. VIII, Спб., 1894 г. стр. 254—255. *А. Заринъ.*

Стожевскій, *Іосифъ Ивановичъ*, вице-адмиралъ, командиръ Севастопольскаго порта, умеръ 13 ноября 1837 г. въ Севастополѣ. Въ 1786 г. онъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, въ 1789 г. былъ произведенъ въ гардемарины, въ 1791 г.—въ мичманы, въ 1795 г.—въ лейтенанты, въ 1809 г.—въ капитанъ-лейтенанты, въ 1823 г.—въ капитны 1-го ранга, въ 1828 г. (за отличіе при взятіи Варны)—въ контръ-адмиралы и въ 1836 г.—въ вице-адмиралы. Въ 1789 и 1790 гг., находясь въ плаваніи, участвовалъ въ морскихъ сраженіяхъ со шведами. Въ 1798 г., состоя въ эскадрѣ адмирала Ушакова, дѣйствовавшей въ Архипелагѣ, Адріатическомъ и Средиземномъ моряхъ, онъ былъ въ сраженіи у острова Видо и крѣпости Корфу, при блокадѣ крѣпости Анконы и при взятіи крѣпостей Фана и Сенечаліи. Въ 1810 г. С. участвовалъ въ кампаніи на Черномъ морѣ для поисковъ непріятельскаго флота. Въ 1828 г. онъ съ флотомъ ходилъ къ турецкимъ крѣпостямъ Анапѣ, Варнѣ, къ мѣстечку Коварнѣ, и за содѣйствіе противъ крѣпости Анапы награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость». Въ 1829 г. крейсировалъ съ флотомъ у непріятельскихъ береговъ Чернаго моря и у Константинопольскаго пролива. Въ томъ же году онъ отправлялся въ Сизополь на смѣну отряда контръ-адмирала Скаловскаго, находясь въ непосредственномъ распоряженіи главнокомандующаго 2-ю арміею графа Дибича-Забалканскаго. Назначенный начальникомъ 3-го отряда, въ 1833 г. ходилъ изъ Севастополя въ Одессу для взятія десантныхъ войскъ, а оттуда въ Константинопольскій проливъ въ эскадрѣ генералъ-адъютанта Лазарева. За все время своей службы С. сдѣлалъ тридцать шесть морскихъ кампаній. Въ 1835 г. онъ былъ назначенъ командиромъ Севастопольскаго порта и въ этой должности оставался до самой смерти. Имѣлъ рядъ знаковъ отличія, до ордена св. Анны 1-й степ. включительно; находясь въ эскадрѣ, бывшей въ Константинополѣ въ 1833 г., онъ получилъ отъ султана золотую медаль съ алмазами.

„Вице-адмиралъ Іосифъ Ивановичъ Стожевскій", „Записки Ученаго Комитета Морского Штаба", 1838 г., часть XIV., стр. 365—369.—„Общій морской списокъ", ч. VIII, Спб., 1894 г., стр. 250—253.—„Матеріалы для исторіи русскаго флота", ч. XV, Спб., 1902 г. (по указателю).—Ѳ. Веселаго, „Очеркъ исторіи кадетскаго корпуса", Спб., 1852 г.—Его же, „Краткая исторія морскихъ сраженій за два столѣтія 1656—1856 г". Спб. 1871 г.—А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ", Спб., 1893 г. (по указателю). *В. Грековъ.*

Стойковичъ, *Аркадій Аванасьевичъ*, библіотекарь Публичной библіотеки, писатель, сынъ слѣдующаго, род. въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ., 8 мая 1814 г.; въ 1832—1836 гг. слушалъ лекціи въ Дерптскомъ университетѣ, на юридическомъ факультетѣ, и въ 1846 г. получилъ дипломъ на степень кандидата дипломатическихъ наукъ, послѣ чего въ августѣ 1846 г. поступилъ на службу въ особенную канцелярію по кредитной части; въ 1847 г. назначенъ помощникомъ столоначальника, въ 1850 г. (26 апр.) вышелъ въ отставку, съ 7 іюня 1851 по 25 апр. 1852 г. служилъ секретаремъ при директорѣ и переводчикомъ канцеляріи министерства Имп. Двора, а 26 августа 1853 г. поступилъ младшимъ библіотекаремъ въ Императорскую Публичную библіотеку, гдѣ и служилъ до выхода своего, въ 1881 г., въ отставку, въ теченіе многихъ лѣтъ состоя библіотекаремъ русскаго отдѣленія. Умеръ въ Петербругѣ, въ чинѣ дѣйств. статск. совѣтника, 11 іюня 1886 г. Въ 1846 г., въ Москвѣ, С. издалъ подъ своею редакціею книгу «Нравы, обычаи и памятники всѣхъ народовъ земного шара» (изд. А. Семена), со многими рисунками (здѣсь помѣщена его статья «Занчанскій полу-

островъ»), въ 1850—1860 гг. сотрудничалъ во многихъ журналахъ (напр., въ «Русск. Худож. Листкѣ» Тимма, гдѣ помѣщены его статьи: «Исаакіевскій соборъ въ Петербургѣ»—1858 г., № 16, 17 и 18; «Деревянный дворецъ въ с. Коломенскомъ»—1859 г., № 16 и 22); кромѣ того, съ конца 1864 г. онъ завѣдывалъ библіографическимъ отдѣломъ въ журналѣ «Книжный Вѣстникъ» (прекратился въ 1867 г.); въ «Биржев. Вѣдом.» 1864 г. (№ 155) помѣщена его статья «Вопросъ о перемѣщеніи публичной библіотеки въ другое зданіе, вмѣсто перестройки занимаемаго ею нынѣ».

Архивъ департ. герольдіи; формул. спис. 1854 г.—A. Hasselblatt und G. Otto, „Album Academicum der Kais. Universität Dorpat", Dorpat, 1889, S. 221, № 3079.—„Журн. Мин. Нар. Просв.", 1863 г., т. CXX, отд. 2, стр. 257.

Б. Г.

Стойковичъ, *Аѳанасій Ивановичъ*, профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета; происхожденіемъ сербъ, родился въ 1773 г. въ г. Румы (Сербія); образованіе свое получилъ въ Эденбургской, Сегединской и Пресбургской академіяхъ высшихъ наукъ и въ послѣдней изъ нихъ окончилъ курсъ съ отличіемъ («primus inter eminentes»), получивъ блистательныя рекомендаціи отъ тамошнихъ профессоровъ. Но и послѣ того С. продолжалъ свое образованіе и въ теченіе трехъ лѣтъ (1797—99 гг.) слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ, отъ профессоровъ котораго (Гаттерера, Тибо, Буле, Гуге, Шлецера, Эйхгорна, Лейстера, Лихтенберга и др.) получилъ также самые лестные аттестаты. Всѣ полученные С. аттестаты (числомъ 18) отмѣчаютъ его блестящія способности и огромное прилежаніе, при чемъ во всѣхъ нихъ подчеркнуто то, что онъ серьезно изучалъ не только избранный имъ главный предметъ, физику, но и цѣлый рядъ другихъ соприкасающихся съ нею наукъ. Своими выдающимися дарованіями, блестящимъ образованіемъ и энергичнымъ характеромъ С. обратилъ на себя вниманіе австрійскаго правительства, въ ту пору встревоженнаго движеніемъ среди славянскаго населенія Австріи и старавшагося избѣжать осложненій посредствомъ всякаго рода обѣщаній, исполненіе которыхъ откладывалось подъ тѣми или другими предлогами. Имѣлось въ виду дать славянамъ самоуправленіе, предполагалось образованіе отдѣльнаго министерства для завѣдыванія собственно славянскими дѣлами, преимущественно народнымъ образованіемъ и церковью. С. имѣлъ по этому поводу нѣсколько аудіенцій у австрійскаго императора; у него требовали плановъ, проектовъ, объяснительныхъ записокъ. Только отказъ его перейти изъ православія въ католицизмъ послужилъ причиной того, что онъ не былъ назначенъ, какъ это предполагалось, главой проектировавшагося министерства. По приглашенію попечителя Харьковскаго учебнаго округа, графа С. О. Потоцкаго, С., будучи докторомъ свободныхъ наукъ и философіи (степень эта получена имъ при Тюбингенскомъ университетѣ), въ 1804 г. прибылъ въ Харьковъ и занялъ каѳедру физики въ только что открывшемся тамъ университетѣ. Уже въ первый годъ своей службы въ Харьковскомъ университетѣ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ—энергіи, уму, краснорѣчію и административному таланту,—С. занялъ видное положеніе между профессорами и въ 1805 г. былъ избранъ деканомъ физико-математическихъ наукъ, членомъ состоявшаго при университетѣ училищнаго комитета и членомъ совѣта университета, а въ 1807 г.—ректоромъ. Въ 1808 и 1809 гг. онъ оставался лишь деканомъ физико-математическихъ наукъ, а послѣ смерти ректора И. С. Рижскаго, съ марта 1811 г. опять занялъ должность ректора, будучи до того нѣкоторое время проректоромъ. По представленнымъ имъ мотивамъ, основаннымъ главнымъ образомъ на его личныхъ цѣляхъ—желаніи пробыть ректоромъ и удержать власть въ своихъ рукахъ возможно большее время,—С. утвержденъ былъ въ этомъ званіи министромъ на три года. Мѣсто ректора Харьковскаго университета онъ занималъ по 1813 г., когда былъ устраненъ отъ этой должности по поводу пресловутой исторіи о торговлѣ имъ виномъ. Дѣло это, произведшее въ свое время столько шуму не только въ Харьковѣ, но и далеко за предѣлами его учебнаго округа, возникло въ декабрѣ 1812 г. по доносу профессора архитектуры Харьковскаго университета Васильева и показало одну изъ основныхъ чертъ характера С.,—страсть къ обогащенію и неразборчивость въ средствахъ для достиженія намѣченныхъ имъ въ этомъ отношеніи цѣлей. Тѣмъ не менѣе, обстоятельства дѣла, выяснившіяся на

слѣдствіи, открыли, что оно развилось, главнымъ образомъ, на почвѣ личныхъ отношеній С. съ Васильевымъ и приняло громадные размѣры усиліями враждебной ректору партіи. Дѣйствительно, оказалось, что С., подъ видомъ физическихъ инструментовъ и книгъ, выписываемыхъ имъ якобы для нуждъ университета, покупалъ венгерское вино и распродавалъ его среди своихъ знакомыхъ и другихъ лицъ, но дѣлу были приданы такіе размѣры, что заговорили даже объ ущербѣ для казны. Среди же своихъ сослуживцевъ С. со многими былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ, причиной чему являлось его слишкомъ высокое мнѣніе о себѣ, къ тому же сознаніе собственнаго достоинства и быстрое возвышеніе не позволяли ему относиться съ должнымъ вниманіемъ къ самолюбію другихъ. Подобными обстоятельствами и было вызвано сперва дѣло о его торговлѣ виномъ, а затѣмъ и паденіе С. 21 мая 1813 г. онъ получилъ отъ министра разрѣшеніе воспользоваться отпускомъ «для поправленія здоровья» на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, срокомъ на три мѣсяца, дѣло же его въ это время было прекращено. Одновременно съ разрѣшеніемъ С. отпуска, министръ сдѣлалъ распоряженіе объ избраніи новаго ректора, ссылаясь на «частыя отлучки» С., по болѣзни, изъ университета. Черезъ мѣсяцъ министръ подтвердилъ свое распоряженіе о скорѣйшемъ избраніи ректора, и въ августѣ 1813 г. таковымъ былъ утвержденъ профессоръ Осиповскій. 9 августа 1813 г. С. подалъ прошеніе объ отставкѣ и, получивъ ее, въ 1815 г. потребовалъ на просмотръ свое дѣло, которое однако дальнѣйшихъ послѣдствій для него не имѣло.

Будучи въ Харьковскомъ университетѣ, С. въ 1812 г. вмѣстѣ съ профессоромъ Х. Ф. Роммелемъ основалъ «Общество наукъ» при университетѣ, состоявшее изъ двухъ отдѣленій: естественнаго (физика, химія, математика, врачебныя и другія науки, «основывающіяся на созерцаніи и испытаніи природы») и словеснаго (эстетика, философія, археологія, древняя и новая исторія со всѣми вспомогательными науками). Общество это должно было издавать на латинскомъ языкѣ ежегодно одинъ томъ «Разсужденій», заключающихъ въ себѣ «все, что относится до распространенія наукъ и знаній, новѣйшихъ открытій членовъ общества и другихъ ученыхъ», и «Дневныя Записки» на русскомъ языкѣ, гдѣ должно было быть помѣщаемо все то, «что для какого-либо класса гражданъ въ отечествѣ полезно и извѣстно быть должно». Общество это скоро прекратило свое существованіе вслѣдствіе того, что нашествіе французовъ, взамѣнъ научныхъ, выдвинуло на первый планъ интересы политическаго характера. Обладая живымъ и практическимъ умомъ, разностороннимъ образованіемъ и представительной наружностью, С. соединялъ ловкость въ обращеніи съ умѣніемъ вліять на людей. Этими его качествами и объясняются, несмотря на молодость, выборы его въ ректоры въ то время, когда старшинство по службѣ ставилось очень высоко, и назначеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось представительство власти и интересовъ университета и округа. Послѣ И. Ѳ. Тимковскаго, онъ чаще другихъ назначаемъ былъ и для обозрѣнія народныхъ училищъ. Такъ, въ 1805 г. онъ посѣтилъ Екатеринославъ, въ 1808—Воронежъ и въ 1809—Таганрогъ и Нѣжинъ и вездѣ сумѣлъ расположить жителей къ учебному дѣлу и даже склонить ихъ къ пожертвованіямъ: при открытіи Воронежской гимназіи, напримѣръ, по его почину собрано было болѣе четырехъ тысячъ рублей, а при открытіи Таганрогской—до двухъ тысячъ. Въ подаваемыхъ имъ въ училищный комитетъ весьма подробныхъ отчетахъ о результатахъ своихъ поѣздокъ С. показалъ основательное знакомство съ училищнымъ дѣломъ и, между прочимъ, обращалъ вниманіе на настоятельную необходимость практическаго и ближайшаго ознакомленія учителей со способами преподаванія наукъ прежде отправленія ихъ на мѣсто, что и вызвало нѣкоторыя измѣненія въ формѣ чтенія лекцій въ университетѣ. Какъ профессоръ физики и вообще какъ ученый, С. не отличался самостоятельностью мысли и новизной изложенія предмета и былъ лишь искуснымъ компиляторомъ; однако, лекціи его, которыя онъ читалъ съ «жаромъ, выразительно и употребляя много славянскихъ словъ», слушались съ интересомъ. Обладая «свѣтлою логикою», которая особенно ясно выражалась на лекціяхъ при изложеніи многосложныхъ вопросовъ и теорій, С., по отзывамъ знавшихъ его, вообще былъ «находчивъ, гибокъ, смѣлъ,

рѣшителенъ и нетерпѣливъ». По выходѣ въ отставку изъ Харьковскаго университета, онъ переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, гдѣ съ 1826 г. состоялъ членомъ учрежденнаго тогда «Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій». Съ 1829 г. и до конца своей жизни онъ состоялъ для особыхъ порученій по хозяйственной части при департаментѣ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій министерства внутреннихъ дѣлъ. С. былъ членомъ многихъ ученыхъ и другихъ обществъ: съ 1809 г.—дѣйств. членъ Вольнаго экономическаго общества, съ 20 сентября 1809 г.—членъ-корреспондентъ Императорской академіи наукъ, съ 1814 г.—членъ Московскаго университета и состоящаго при немъ Общества врачебныхъ и физическихъ наукъ, съ 1816 г. — медико-хирургической академіи, съ 1827 г. — дѣйствительный членъ Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства и съ 5 мая 1828 г. — членъ Россійской академіи (по предложенію А. С. Шишкова). Изъ иностранныхъ ученыхъ обществъ С. былъ членомъ Великобританскаго королевскаго въ Геттингенѣ, Пражскаго ученаго и естественно-историческаго въ Іенѣ. Участіе въ трудахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ обществъ доставило С. много знакомствъ среди тогдашнихъ ученыхъ и писателей; бывая въ Кишиневѣ у извѣстнаго И. П. Липранди, онъ познакомился тамъ съ Пушкинымъ, на котораго произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе.

Научная и литературная дѣятельность С., открывшая ему доступъ въ столь большое число ученыхъ обществъ, выразилась, главнымъ образомъ, въ изданіи имъ руководствъ по физикѣ и статей, касающихся этого предмета. Еще въ Сербіи имъ изданы «Физика, простымъ языкомъ списана за родъ словено-сербскій» (три тома, съ фигурами; Будинъ, 1801—1803 гг.); «Сербскій секретарь» (Будинъ, 1802); «На смерть безсмертнаго мужа Іоанна Раича, архимандрита монастыря Ковиля, преставльшагося 11 декабря 1801 г.», стихотвореніе (Будинъ, 1802 г.). По пріѣздѣ въ Россію С. напечаталъ еще слѣдующія свои работы и рѣчи, читанныя имъ въ Харьковскомъ университетѣ: «О воздушныхъ камняхъ и ихъ происхожденіи» (рѣчь, Харьковъ, 1807 г.); «О явленіяхъ городовъ и прочаго въ воздухѣ, называемыхъ fata morgana» (рѣчь, тамъ же, 1808 г.); «Начальныя основанія умозрительной и опытной физики», съ фигурами (тамъ же, 1809 г.); «О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи во всѣхъ случаяхъ жизни (рѣчь, тамъ же, 1810 г.); «О причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неспособнымъ для дыханія, и о средствахъ, предохраняющихъ отъ совершенной порчи» (рѣчь, тамъ же, 1811 г.); «Начальныя основанія физической географіи» (тамъ же, 1813 г.); «Начальныя основанія физической астрономіи» (тамъ же, 1813 г.); «Система физики», двѣ книги, съ фигурами (тамъ же, 1813 г., принята была какъ руководство въ гимназіяхъ своего времени); «О саранчѣ и способахъ истребленія оной» (эта статья С. вызвала таковую же С. А. Маслова въ «Земледѣльческомъ Журналѣ» 1825 г.); «О соломенныхъ и разныхъ другихъ отводахъ молніи и града» (Спб., 1826 г.); «Теоретико-практическое наставленіе о винодѣліи» (переводъ съ книги: «Traité théor. et pratique de vinification», 1824 г.; Спб., 1830 г.); «О неблагоразумномъ и превратномъ домашнемъ воспитаніи дѣтей, въ примѣрахъ, по способу Сальцмана; книга для родителей и наставниковъ» (двѣ части, 1831 г.). Неизвѣстно, къ какому времени слѣдуетъ отнести еще сочиненія С.: «Кондоръ, или открытіе таинствъ» и «Аристидъ и Наталія». Скончался С. въ Петербургѣ, 25 августа 1832 года.

Дѣло архива департамента герольдіи Правительствующаго Сената о дворянствѣ Стойковича.—Дѣла архива минист. народн. просв., карт. 159, № 6053; карт. 156, № 5787; карт. 137, № 4091.—Д. И. Багалѣй, „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“, т. I, Харьковъ, 1893 г., стр. 211—216, 220, 301—352, 506—508.—Н. Лавровскій, „Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета“, „Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“, 1873 г., кн. II, смѣсь, стр. 1—37 и „Труды и лѣтописи“ того же общества, ч. III, кн. II, приложеніе стр. 180.—Rommel, „Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit“: „Geheime Geschichte“; въ русскомъ переводѣ Я. Балясного, „Воспоминанія профессора Роммеля“, „Южный Сборникъ“, 1859 г., № 9, стр. 1—29; № 10, стр. 43—64, № 11, стр. 103—146.—Н. Лавровскій, „В. Н. Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета“, „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 1872 г., ч. CLIX, № II, стр. 216—221.—Его же, „Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета“, тамъ же, 1869 г., ч. CXLV, № 10, стр. 246.—„Русскій Архивъ“, 1866 г., стр. 1267; 1869 г., декабрь, стр. 2018; 1887 г., январь, стр. 122.—М. И. Сухомлиновъ, „Исторія Россійской Ака-

демін", вып. VII, Спб., 1885 г., стр. 470.— Его же, „Изслѣдованія и статьи", т. I, стр. 96.— Рославльскій-Петровскій, „Объ ученой дѣятельности Харьковскаго университета въ первое 10-лѣтіе его существованія", „Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ.", 1855 г., іюль.— Л. Майковъ, „Пушкинъ", Спб., 1899 г., стр. 125.—„Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ", т. V, вып. II, Спб., 1873 г., стр. 263, 282.—К. Фойгтъ, „Историко-статистическія записки объ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ", Харьк., 1859 г., стр. 139, 140, 142 и 144. — „Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета", воспоминанія проф. Роммеля, Харьковъ, 1868 г., стр. XIV и 111. — „Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова", Берлинъ, 1870 г., т. II, стр. 429. — А. А. Кочубинскій, „Начальные годы русскаго славяновѣдѣнія", Одесса, 1887—1888 г., стр. 192, 261, XCVIII.— Л. Майковъ, „Историко-литературные очерки", Спб., 1895 г., стр. 119.—С. Масловъ, „Историческое обозрѣніе Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства", Москва, 1846 г., стр. 168, 268. — В. Шеміотъ, „Общій списокъ членовъ Императорской Академіи Наукъ со дня ея основанія", стр. 65. — Мѣсяцесловы: 1814 г., ч. I, стр. 377, 386, 464; 1816 г., ч. I, стр. 400, 417, 447; 1819 г., ч. I, стр. 477; 1829 г., ч. I, стр. 435.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи", №№ 2526, 2758, 6476, 6475, 6725, 8905, 12360, 12362, 13156. — „Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія", т. II, отд. I, 1826 г., стр. 36.—„Каталогъ русскихъ книгъ въ библіотекѣ Императорскаго С.-Петербургскаго университета", т. I. Спб., 1897 г., стр. 889, 890.—В. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг.".—„Воспоминанія Р. Сошальскаго", „Харьковск. Губ. Вѣд.", 1869 г., № 44.— Толь, „Настольный словарь", s. v.—„Энциклопедическій лексиконъ Березина", s. v. — „Энциклоп. словарь" Брокгауза-Ефрона, т. 31, s. v.

Вадимъ Модзалевскій.

Стокке (Стуккей), *Веніаминъ Ѳомичъ*, архитекторъ и выдающійся кораблестроитель, родомъ англичанинъ. Изъ скудныхъ свѣдѣній о его жизни въ Англіи можно заключить, что уже и на родинѣ онъ руководилъ постройками многихъ судовъ. Въ 1807 г. С. былъ приглашенъ на русскую службу, опредѣленъ къ Петербургскому адмиралтейству, первые два года знакомился съ постановкою у насъ судостроительнаго дѣла и работалъ надъ проектомъ по устройству Охтенской верфи, которая въ 1809 г., по его планамъ и отчасти подъ его наблюденіемъ, и была выстроена. Если относительно доли участія С. въ постройкѣ верфи въ ея цѣломъ и могутъ быть разногласія, то несомнѣнно зато, что устройство мастерскихъ и эллинговъ принадлежитъ ему исключительно. Уже въ 1810 г. С. получилъ возможность приступить къ закладкѣ нѣкоторыхъ судовъ и въ слѣдующемъ году спустилъ на воду первое дѣтище этой верфи,—16-пушечный люгеръ «Стрѣла», за что былъ награжденъ единовременной суммой въ 500 р. и производствомъ изъ чина 12-го класса непосредственно въ 9-ый. Судостроеніе на новой верфи, благодаря энергіи С., пошло быстрымъ темпомъ. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ перечень судовъ, спущенныхъ на воду С. между 1812—1821 гг. За этотъ сравнительно небольшой промежутокъ времени онъ вполнѣ закончилъ постройкою слѣдующія суда: 1) *фрегаты*: 44-пуш.—«Аргусъ», «Амфитрида», «Меркурій», «Легкій», «Автроилъ», «Проворный»; 36-пуш. — «Поспѣшный», «Гекторъ», «Александръ Невскій»; 32-хъ-пуш. — «Поллуксъ»; 28-пуш. — «Нева»; 24-пуш.—«Малый», «Уранія»; 2) *шлюпы*: 28-пуш.—«Камчатка», «Востокъ», «Аполлонъ»; 24-пуш.—«Открытіе»; 3) *бриги*: 20-пуш.—«Олимпъ», «Ида»; 16-пуш.—«Охтенка», «Св. Лаврентій»; 4) *шхуны*: 16-пуш.—«Радуга, «Опытъ»; 5) 12-пуш. *катера*: «Вѣстникъ», «Янусъ», «Хамелеонъ», «Зефиръ», «Эолъ», «Пегасъ», «Колимъ»; 6) 14-пуш. *люгеръ* «Церберъ»; 7) *яхты*: «Роченсальмъ», «Голубка», «Торнео»; 8) *транспортъ* «Полифемъ» и 9) 33 мелкихъ судна. Несмотря на напряженную дѣятельность, требовавшуюся отъ С. по составленію проектовъ и наблюденію за выполненіемъ всей этой массы судовъ на Охтенской верфи, онъ въ то же время успѣвалъ работать и на петербургскихъ верфяхъ, результатомъ чего явился спущенный на воду въ 1814 г. значительный по размѣрамъ для своего времени 74-пуш. корабль «Финляндія». За эти труды С. былъ награжденъ 1.000 руб. и производствомъ въ чинъ 8 класса. Въ 1822 г. онъ былъ командированъ за-границу, посѣтилъ Голландію, Англію и Францію, на мѣстѣ изучилъ постановку судостроительнаго дѣла въ этихъ странахъ, ознакомился съ новыми изобрѣтеніями и усовершенствованіями и, возвратившись въ срединѣ 1823 г. въ Петербургъ, былъ опредѣленъ корабельнымъ мастеромъ при Петербургскомъ адмиралтействѣ. Здѣсь дѣятельность его выразилась еще продуктивнѣе, чѣмъ на верфяхъ Охты. Въ теченіе слѣдующихъ 9 лѣтъ, между 1823—1832 гг., онъ по-

*

строилъ—*корабли*: 44-пуш.—«Александръ Невскій», «Великій Князь Михаилъ», «Арсисъ», «Бріенъ», «Березина»; 64-пуш.—«Эммануилъ»; *фрегаты*: 44-пуш.—«Княгиня Ловичъ», «Анна», «Беллона», «Паллада»; 34-пуш.—«Касторъ»; 24-пуш.—«Россія», «Надежда»; 24-пуш. же *шлюпъ* «Смирный»; *бриги*: 20-пуш. — «Охта», «Усердіе», «Телемакъ», «Улисъ», «Гекторъ», «Аяксъ», «Парисъ», «Діомидъ»; 16-пуш. — «Ревель», «Моллеръ». «Синявинъ»; 16-пуш. же *шхуну* «Градъ»; *транспорты*: «Кроткій», «Виндава»; *пароходы*: «Опытъ», «Охта», «Нева», «Геркулесъ», «Александрія»; *люгера*: «Ораніенбаумъ», «Петергофъ», «Стрѣльна»; *яхты*—«Дружба», «Нева»; *пассажботы*—«Лидія», «Муетта»; 20-весельный катеръ для Государя Императора; наконецъ—іолъ, спасательныхъ ботовъ и друг. гребныхъ судовъ, въ общемъ—538 названій. Во всей этой кипучей дѣятельности С. являлся не только простымъ строителемъ, не только даже составителемъ проектовъ почти всѣхъ перечисленныхъ судовъ, но и изобрѣтателемъ: ему принадлежитъ напр., постройка 16-ти имъ самимъ новоизобрѣтенныхъ понтонныхъ и канонерскихъ лодокъ и рядъ болѣе или менѣе важныхъ усовершенствованій на тогдашнихъ судахъ обычныхъ типовъ. Наградой С. за его энергію и успѣхи въ судостроеніи было повышеніе его сначала въ чинъ 7 кл. (1824 г.), затѣмъ—6 кл. (1826 г.), орденъ св. Анны 2 ст. и денежный подарокъ въ 3.000 р. 22 декабря 1826 г. онъ былъ переименованъ въ полковники корпуса военныхъ инженеровъ, въ 1827 г. награжденъ орденомъ св. Анны 2 ст. съ алмазными украшеніями и 2000 р., въ 1828 г.—ежегодной рентой въ 2000 р., въ 1829 г.—орденомъ Владиміра 3 ст. и драгоцѣннымъ перстнемъ, наконецъ въ 1830 г.—добавочной ежегодной арендой въ 1000 р. Разстроивъ въ значительной степени свое здоровье, С. въ 1833 г. былъ уволенъ для леченія въ заграничный отпускъ, изъ котораго возвратился въ 1835 г. и 12 августа того же года былъ назначенъ членомъ кораблестроительнаго ученаго комитета. Снова уволенный въ 1836 г. въ заграничный отпускъ для леченія, С. изъ послѣдняго ужъ больше не возвращался, подалъ прошеніе объ отставкѣ и 3 февраля 1837 г. былъ уволенъ съ русской службы. Скончался онъ въ Англіи.

«Общій морской списокъ», ч. VIII, Спб., 1894 г., стр. 256—258.—«Матеріалы для исторіи рускаго флота», т. XV, Спб., 1902 г. (по указателю).—Ѳ. Веселаго, «Списокъ русскихъ военныхъ судовъ съ 1668 по 1860 гг.», Спб. 1872 г.—«Постройка Охтенской верфи», «Морской Сборникъ», 1854 г., № 12, стр. 429—434.—«Постройка первыхъ военныхъ судовъ на Охтѣ корабельнымъ мастеромъ Стокке», тамъ же, 1855 г., № 2, стр. 130—140.—«Списокъ военныхъ судовъ, построенныхъ на Охтенской верфи съ 1811 по 1825 гг., тамъ же, 1855 г., № 2, стр. 203—207.—«Списки всѣмъ строителямъ судовъ въ портахъ Балтійскаго, Бѣлаго и Каспійскаго морей, съ 1703 по 1840 г.», тамъ же, 1872 г, № 7, стр. 13—24.

К. Рожковъ.

Столпаковъ, *Николай Алексѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился въ 1807 г. Образованіе получилъ въ инженерномъ училищѣ, изъ котораго съ чиномъ прапорщика корпуса инженеровъ (1824 г.) былъ переведенъ въ учебный саперный баталіонъ. Въ турецкую кампанію 1828 г. С. находился въ дѣйствующей арміи, исполнялъ различныя военно-инженерныя работы, участвовалъ въ нѣсколькихъ стычкахъ, за отличіе въ нихъ былъ произведенъ въ подпоручики и по окончаніи войны переведенъ въ лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ. Вторая война, въ которой С. принималъ участіе, была польская кампанія 1831 г., доставившая ему нѣсколько случаевъ для отличія и орденъ св. Владиміра 4-ой степени. Въ 1833 г. онъ перешелъ въ конно-піонерный эскадронъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка и, пройдя обычную лѣстницу повышеній, съ 1841 г., въ чинѣ полковника, былъ назначенъ командиромъ этого эскадрона. Послѣднюю должность С. занималъ до 1852 г., когда, за годъ передъ тѣмъ произведенный въ генералъ маіоры, получилъ въ командованіе 1-ю бригаду 3-ей артиллерійской дивизіи, во главѣ которой онъ участвовалъ въ турецкой войнѣ 1854 г. Въ этой кампаніи С. отличился устройствомъ черезъ Дунай (у Браилова) моста, съ успѣхомъ и своевременно наведеннаго имъ подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Это «отлично выполненное порученіе», а также «мужество и распорядительность», выказанныя С. при переправѣ войскъ черезъ Дунай и при осадѣ Силистріи, доставили ему въ награду орденъ св. Станислава 1-ой степени и золотую саблю съ надписью «За храбрость». Въ 1857 г. онъ былъ назначенъ старшимъ помощникомъ

„Московск. Вѣдом.“, 1874, № 302.—„Голосъ“, 1874, № 272.—„Правда“, 1875, № 13.—„Харьковск. Губ. Вѣдом.“, 1874, № 272.—„Кіевскій Телеграфъ“, 1874, № 150.—„Газета Гатцука“, 1875, № 48. *П. Гуревичъ.*

Стороженко, *Андрей Яковлевичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ, главный директоръ коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго; принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, съ давнихъ временъ обитавшему въ Малороссіи; родился въ 1790 г. и умеръ 4 іюля 1857 г., прослуживъ 46 лѣтъ въ разнообразныхъ должностяхъ на военномъ и гражданскомъ поприщахъ. 6 октября 1806 г. онъ былъ выпущенъ изъ 2-го кадетскаго корпуса подпрапорщикомъ въ артиллерію и менѣе чѣмъ черезъ 3 мѣсяца послѣ выпуска находился уже въ Дунайской арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, затѣмъ былъ въ войскахъ, осаждавшихъ Измаилъ, участвовалъ въ Базарджикскомъ сраженіи, за которое получилъ золотой крестъ, и послѣ этого въ кровопролитномъ штурмѣ Рущука. Въ 1810 году находился въ экспедиціи въ Сербію въ отрядѣ ген.-маіора Исаева. При началѣ войны 1812 г. С. былъ назначенъ адъютантомъ начальника артиллеріи 2-й Западной арміи. Въ этой должности, а затѣмъ въ должности старшаго адъютанта начальника артиллеріи 1-й арміи онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ, Бородинымъ, Тарутинымъ, Малымъ Ярославцемъ, Краснымъ, Люценомъ, Бауценомъ, Дрезденомъ и Лейпцигомъ. Подъ Бородинымъ раненъ былъ въ поясницу, а подъ Дрезденомъ—въ правую ногу и за всю войну награжденъ тремя послѣдовательными повышеніями въ чинахъ, золотою шпагою, орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и св. Анны 2-й степени. Возвратившись въ Россію послѣ заключенія Парижскаго мира, С. вышелъ въ отставку. Въ концѣ 1817 г. онъ вступилъ въ гражданскую службу и былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій въ особую канцелярію тогдашняго министерства полиціи, но тамъ прослужилъ менѣе года. Въ то время учреждались графомъ Аракчеевымъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи печальной памяти военныя поселенія; С. былъ рекомендованъ Аракчееву, какъ человѣкъ способный и энергичный; несмотря на его нежеланіе переходить на службу по военнымъ поселеніямъ, такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ терялись выгоды уже наладившейся гражданской службы, онъ все же былъ зачисленъ въ первый Бугскій уланскій полкъ маіоромъ. Черезъ 2 года онъ получилъ чинъ подполковника, а затѣмъ вскорѣ былъ назначенъ старшимъ военнымъ депутатомъ въ екатеринославскую межевую контору для отграниченія округовъ военнаго поселенія Бугской уланской дивизіи отъ помѣщичьихъ дачъ. Это трудное дѣло черезъ 2 года было имъ приведено къ концу, и графъ Аракчеевъ исходатайствовалъ ему за это алмазный знакъ св. Анны 2-й степени и назначилъ его дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ штабъ графа Витта, начальника военныхъ поселеній въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, въ которыхъ устраивались тогда поселенія двухъ уланскихъ и одной кирасирской дивизій и находились сверхъ того нѣсколько пѣхотныхъ баталіоновъ для строительныхъ работъ. Графъ Виттъ самъ мало занимался этимъ дѣломъ, такъ какъ, пользуясь особеннымъ благоволеніемъ Государя, часто исполнялъ другія, иногда весьма важныя Высочайшія порученія, не касавшіяся его прямыхъ обязанностей по военному поселенію; поэтому всю отчетность и отвѣтственность по дѣлу военныхъ поселеній Аракчеевъ возложилъ на С., причемъ всегда оставался очень доволенъ его расторопностью и исполнительностью. Произведенный черезъ 5 лѣтъ въ полковники, С. въ февралѣ 1832 г., по рекомендаціи графа Витта, тогда уже военнаго губернатора Варшавы, былъ назначенъ состоящимъ по особымъ порученіямъ при главнокомандовавшемъ дѣйствующей арміей и намѣстникѣ Царства Польскаго гр. И. Ѳ. Паскевичѣ-Эриванскомъ, а вслѣдъ затѣмъ исправляющимъ должность генералъ-полицеймейстера и генералъ-«гевалдигера» той же арміи съ переводомъ въ корпусъ жандармовъ и при этомъ удостоился личнаго представленія Государю. Это назначеніе было большой неожиданностью для С., о чемъ онъ подробно разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ», но, несмотря на это, онъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды и оказался очень прозорливымъ генералъ-полицеймейстеромъ. Въ 1832 г. въ Варшавѣ была учреждена Слѣдственная коммиссія, и ея предсѣдателемъ былъ назначенъ С., какъ человѣкъ, «не только хорошо знавшій польскій языкъ, но знакомый вполнѣ

съ исторіей края, съ нравами, обычаями и фамильными отношеніями поляковъ». Эту должность С. занималъ 17 лѣтъ. По усмиреніи польскаго мятежа, онъ въ теченіе 10 лѣтъ (съ 1833 по 1843 г.) исправлялъ должность оберъ-полицеймейстера Варшавы (съ сохраненіемъ всѣхъ прежнихъ обязанностей) сначала въ полковничьемъ, потомъ въ генеральскомъ чинѣ. Въ 1833 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени со звѣздой, произведенъ въ генералъ-маіоры и получилъ одновременно 10 тысячъ рублей ассигнаціями. Въ 1835 г. пожаловано ему имѣніе въ Царствѣ Польскомъ на правахъ маіората съ годовымъ доходомъ въ 1500 р. серебромъ, въ 1838 г. — орденъ св. Станислава 1-й степени и въ 1841 г.—орденъ св. Анны 1-й стпени. Здоровье его къ этому времени сильно пошатнулось, и въ 1841 г. онъ вынужденъ былъ просить увольненія отъ должностей генералъ-полицеймейстера арміи и оберъ-полицеймейстера Варшавы. Тогда фельдмаршалъ гр. Паскевичъ-Эриванскій исходатайствовалъ ему назначеніе сенаторомъ въ варшавскій департаментъ Правительствующаго Сената съ производствомъ въ тайные совѣтники и оставленіемъ попрежнему предсѣдателемъ Слѣдственной коммиссіи по политическимъ преступленіямъ; кромѣ того фельдмаршалъ постоянно возлагалъ на него важныя порученія и былъ такъ доволенъ его усердіемъ и исполнительностью, что черезъ годъ съ небольшимъ по зачисленіи въ сенаторы С. былъ награжденъ единовременно 6.000 руб. серебромъ, а 28 февраля 1843 г. назначенъ исправляющимъ должность главнаго директора, предсѣдательствовавшаго въ правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго, и членомъ совѣта таможеннаго управленія. Бунтъ въ Краковѣ въ 1846 г., обширный заговоръ внутри Царства Польскаго, хроническіе неурожаи и въ то же время реквизиціонный сборъ хлѣба отъ жителей на продовольствіе войскъ и много подобныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ для края дѣлали обязанности С. особенно трудными, но и тутъ онъ заслужилъ новыя милости Императора Николая I-го: награжденъ былъ орденами св. Владиміра 2-й степени, св. Анны 1-й степени съ короной и орденомъ Бѣлаго Орла. Физическія силы С. къ этому времени, однако, ослабѣли, и онъ просилъ увольненія, на что и было соизволено указомъ отъ 17 іюня 1850 г. Послѣ этого С. поселился въ собственномъ имѣніи Полтавской г. въ селѣ Чивильчѣ, мечтая примѣнить свои силы на другомъ поприщѣ, именно по дворянскимъ выборамъ, но это ему не удалось, такъ какъ многіе сосѣди и знакомые не долюбливали его по тѣмъ или инымъ причинамъ. Слѣдствіемъ этого было его собственное охлажденіе къ Малороссіи и стремленіе быть какъ можно рѣже среди своихъ земляковъ. Два года С. провелъ съ семействомъ въ Одессѣ, гдѣ сблизился съ архіепископомъ Иннокентіемъ, а съ сентября 1856 г. жилъ въ Кіевѣ, гдѣ и умеръ. Тѣло его было перевезено въ село Чивильчу и погребено при мѣстной церкви, имъ самимъ сооруженной.

С. извѣстенъ также какъ писатель. Между прочимъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Булгаринымъ и Гречемъ. Въ своихъ произведеніяхъ: «Записки о Царствѣ Польскомъ въ 1834, 1835, 1842 году», «Убѣжденіе», «Общій обзоръ показаній бывшаго краковскаго диктатора революціоннаго правленія Тысовскаго» и др. по вопросамъ польскихъ политическихъ дѣлъ, С. разсуждаетъ о причинахъ паденія Польши, громитъ поляковъ и ихъ духовенство за нежеланіе безропотно подчиниться русскому правительству, видитъ самое большое благо для Польши въ единеніи съ Россіей, ратуетъ за необходимость принятія рѣшительныхъ мѣръ для прекращенія тайной пропаганды въ Польшѣ и укрощенія строптиваго духа поколѣнія. Въ его произведеніи «Два мѣсяца въ дорогѣ по Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи въ 1829 году», написанномъ по случаю одной изъ служебныхъ командировокъ, путевыя наблюденія и дѣловыя замѣтки перемѣшиваются съ сантиментальными и часто до-нельзя наивными разсужденіями о «нѣжныхъ чувствахъ» и личномъ отношеніи автора къ человѣчеству. Извѣстіе о взятіи Варшавы привело С. въ неописуемый восторгъ, и онъ написалъ стихотвореніе, помѣщенное въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1831 г. Красной нитью черезъ всю дѣятельность С. проходитъ своеобразный патріотизмъ, односторонній, грубо воспринятый, непримиримый, все разрушающій и ничего не щадящій во имя интересовъ, не всегда правильно понятыхъ, господ-

ствующей національности. Съ особой яркостью это, такъ сказать, патріотическое зенстовство выразилось во время предсѣдательствованія С. въ Слѣдственной коммиссіи, далеко не всегда безпристрастно тносившейся къ дѣламъ и лицамъ, не всегда соблюдавшей справедливость, не говоря уже о гуманности, къ побѣжденнымъ. Тотъ же крайній шовинизмъ пытался С. выразить и въ упомянутомъ стихотвореніи, при чемъ о характерѣ его можно судить потому, что даже цензура нашла необходимымъ измѣнить первоначальный текстъ стихотворенія, чѣмъ С. былъ очень недоволенъ. Послѣ него осталось много рукописныхъ записокъ, проектовъ и предположеній по разнымъ интересовавшимъ его вопросамъ.

„Русскій Архивъ", 1873 г., № 6, стр. 1722—1735 („Воспоминаніе объ А. Я. Стороженко" Н. И Ушакова).—„Русскій Архивъ", 1873 г., № 9, стр. 1735—1754 („Записки А. Я. Стороженко").—„Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ", 1870 г., № 3, стр. 92—; № 4, стр. 177—207; за 1871 г., № 2, стр. —96.—„Записки по дѣламъ польскимъ съ 1833 по 1848 годъ предсѣдателя Слѣдственной коммиссіи въ Варшавѣ А. Я. Стороженко".—„Два мѣсяца въ дорогѣ по Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи въ 1829 году" А. Я. Стороженко.—Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона,, т. XXXIа стр. 710. *В. Крокосъ.*

Стороженко, *Иванъ*, полковникъ Прилуцкій. Въ концѣ 1660-хъ годовъ мы видимъ его на лѣвомъ берегу Днѣпра, поселившимся въ селѣ Ржавцѣ (Прилуцкаго полка); здѣсь началъ онъ скупать земли, а затѣмъ ему удалось получить урядъ Иченскаго сотника, каковымъ онъ упоминается въ 1687 г. Въ этомъ году былъ низложенъ Самойловичъ, и на мѣсто его выбранъ Мазепа, который тотчасъ же поставилъ С. Прилуцкимъ полковникомъ на мѣсто убитаго Лазаря Горленко. Такое быстрое возвышеніе С. можно объяснить лишь тѣмъ, что Мазепа, въ виду понесенныхъ имъ большихъ расходовъ на свое избраніе, надѣялся съ теченіемъ времени воспользоваться имуществомъ новаго полковника, который былъ лицомъ весьма состоятельнымъ. О дѣятельности С. до насъ дошло мало извѣстій; мы знаемъ лишь, что онъ со своимъ полкомъ находился въ отрядѣ, отправленномъ въ 1690 г. Мазепой противъ татаръ, направлявшихся къ Ингульцу,—съ цѣлью прогнанія ихъ и нападенія на Кизикерменъ (Бериславъ). Насколько успѣшно дѣйствовалъ въ этомъ отрядѣ С.—неизвѣстно, но уже 22 іюня 1690 г. гетманъ далъ ему въ Прилуцкомъ полку село Ржавецъ. Правилъ полкомъ С. до своей смерти, послѣдовавшей 15 февраля 1692 г.

Дѣло архива департамента герольдіи Прав. Сената о дворянствѣ рода Стороженковъ. Стороженки. Фамильный архивъ, Кіевъ, 1903.—А. Лазаревскій, „Описаніе степей Малороссіи", т. III, Кіевъ. 1902.—„Кіевская Старина", № 2, стр. 205—222; 1885 г., кн. XII, стр. 445, 1890 г. апрѣль, стр. 167—173.

В. Модзалевскій.

Сторль (Stoehrl), *Максимиліанъ-Викентій-Людовикъ*, профессоръ Казанскаго университета по каѳедрѣ греческаго языка и греческой словесности. Родился въ 1761 г., въ Прагѣ, учился въ Вѣнѣ и въ тамошнемъ университетѣ получилъ степень доктора философіи и магистра словесныхъ наукъ. До вызова въ Россію жилъ въ Дрезденѣ. Какъ видно изъ словъ С. въ одномъ изъ писемъ къ Румовскому, попечителю Казанскаго учебнаго округа, у него былъ обширный кругъ знакомствъ въ русской и польской аристократіи, съ представителями которой онъ встрѣчался при дворахъ вѣнскомъ и дрезденскомъ. Протекція графа д'Антрега, извѣстнаго совѣтника русскаго посольства въ Дрезденѣ, рекомендовавшаго С., въ качествѣ обладающаго крупными достоинствами ученаго, а въ особенности авторитетъ вліятельнаго князя Адама Чарторижскаго, попечителя Виленскаго учебнаго округа, переславшаго къ Румовскому литературные опыты С. въ греческомъ языкѣ и литературѣ, и послужили ближайшей причиной состоявшагося 30 мая 1805 г. назначенія его профессоромъ по каѳедрѣ греческаго языка и греческой словесности во вновь открытый Казанскій университетъ, куда С. и явился 11 ноября 1805 г. Въ опредѣленіи С. на русскую службу его личныя связи сыграли гораздо бóльшую роль, нежели его научныя заслуги и ученое имя, и это видно изъ того, что образчики его научныхъ работъ, представленные Румовскому, ничтожны. Это переводъ на латинскій, французскій и итальянскій языки небольшого гомерическаго гимна Вакху («Homeri carmina». Edit. Didot. 1838, p. 560—567), не снабженнаго даже комментаріями, которые свидѣтельствовали бы о знаніяхъ и критическомъ талантѣ ученаго, и небольшое «разсужденіе» на нѣмецкомъ языкѣ: «На-

чертаніе нравственнаго воспитанія по образцу Эпиктета». Насколько несерьезно смотрѣлъ С. на главное свое дѣло и какъ легко относился вообще къ принимаемымъ на себя обязанностямъ, видно изъ того, что въ свободное время онъ брался читать основанія алгебры и геометріи (безъ примѣненія однако къ инженерному искусству и артиллеріи) и даже открылъ курсъ изящной словесности (cours de belles-lettres) по языкамъ французскому, нѣмецкому, англійскому, итальянскому и испанскому. Языки, дѣйствительно, онъ зналъ въ совершенствѣ, но какъ въ математикѣ, такъ и въ литературахъ разныхъ народовъ имѣлъ лишь самыя поверхностныя познанія. Въ 1806 г., 8 ноября, онъ былъ назначенъ (первымъ по времени) библіотекаремъ Казанскаго университета, съ порученіемъ привести библіотеку въ порядокъ, раздѣлить ее по содержанію книгъ на библіотеки университетскую и гимназическую и составить для той и другой каталоги; въ помощь С. былъ данъ, со званіемъ помощника библіотекаря, студентъ И. С. Кондыревъ (впослѣдствіи профессоръ Каз. унив.). С. съ большимъ увлеченіемъ отдался этой работѣ, для которой онъ былъ среди казанской профессорской коллегіи дѣйствительно наиболѣе подходящимъ лицомъ если не какъ библіографъ, то какъ знатокъ многихъ языковъ и какъ человѣкъ съ диллетантскими, но до поразительности разнообразными свѣдѣніями. Кромѣ занятій по библіотекѣ и чтенія лекцій, къ тому же мало плодотворнаго вслѣдствіе крайней неподготовленности слушателей, отъ С. не осталось никакихъ слѣдовъ научной дѣятельности, если не считать ненапечатанныхъ упомянутыхъ его опытовъ и рѣчи: «De natura rerum sincero ac unica fonte universal aesthesis». С. умеръ на службѣ 27 января 1813 г.

„Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей имп. Казанскаго университета (1804 — 1904)“, подъ ред. Загоскина, Казань, 1904 г., т. I. — Загоскинъ, „Дѣятели Казанскаго университета (1805 — 1900 гг.“) —Н. Буличъ, „Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805—1819“), Спб. 1904. —„Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Эфрона, т. 31, s. v.
Ф. К.

Стоюнинъ, *Владиміръ Яковлевичъ*, извѣстный педагогъ, писатель, родился 16 декабря 1826 г. въ Петербургѣ въ зажиточной купеческой семьѣ. Среднее образованіе началъ въ Анненской школѣ, гдѣ пробылъ два года, а кончилъ въ 3-й Петербургской гимназіи. Уже на школьной скамьѣ обнаружилась у него склонность къ литературнымъ занятіямъ: онъ рано началъ писать стихи, въ которыхъ сказывались и искреннее чувство и зрѣлая мысль. Словесность, исторія и языки были его любимѣйшими предметами. Впрочемъ, пытливаго юношу не удовлетворяла тогдашняя школа, и онъ уже въ то время занимался любимыми науками самостоятельно, посѣщая часто Публичную библіотеку. Изъ преподавателей 3-й гимназіи особенное вліяніе имѣлъ на него учитель русской словесности А. С. Власовъ, человѣкъ съ литературной жилкой; онъ нерѣдко читалъ въ классѣ литературныя произведенія, охотно руководилъ молодыми авторами, устраивая вечернія бесѣды. Теплое воспоминаніе какъ о хорошемъ для своего времени педагогѣ сохранилъ С. и о директорѣ гимназіи, Ѳ. И. Буссе. Окончивъ въ 1846 г. гимназическій курсъ, С. поступилъ въ Петербургскій университетъ «своекоштнымъ студентомъ на философскій факультетъ, историко филологическое отдѣленіе разряда восточной словесности». «Поступая на восточный факультетъ», пишетъ онъ въ своихъ запискахъ: «я мечталъ о службѣ въ Персіи или Турціи при нашемъ посольствѣ. Служба эта рисовалась мнѣ въ привлекательныхъ чертахъ. Востокъ манилъ меня къ себѣ». Вообще въ этотъ періодъ своей жизни С. былъ полонъ мечтами и романтическимъ настроеніемъ. Усердно принялся онъ за университетскую работу, занимаясь съ особеннымъ рвеніемъ персидскимъ языкомъ; однако, избранный имъ факультетъ вскорѣ пересталъ его удовлетворять. Лекціи ряда выдающихся профессоровъ по исторіи и исторіи словесности (Устряловъ, Плетневъ, Никитенко, Манцини, талантливый лекторъ итальянской литературы) и оживленіе въ научной литературѣ (Соловьевъ, Кавелинъ, Буслаевъ) возбудили въ немъ интересъ къ поэзіи, искусству и исторіи и отвлекли его отъ изученія восточныхъ языковъ,— его стала увлекать мысль о писательствѣ. Студентомъ онъ написалъ два выдающихся сочиненія: «Вліяніе Пушкина и Крылова на русскій языкъ» и «Наука и искусство въ древнемъ и новомъ мірѣ». Вообще университетская жизнь имѣла для С. большое значеніе; въ «кружковой» жизни тогдашней моло-

дежи, занимавшейся самообразованіемъ, онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе и тамъ выработалъ и укрѣпилъ свои литературныя убѣжденія и литературные вкусы. Въ 1850 г. С. окончилъ курсъ университета со степенью кандидата. На первыхъ же шагахъ столкнулся онъ съ жизненными невзгодами. Семья его въ это время почти раззорилась,—С. пришлось оставить мечты о Востокѣ и для поддержки матери и сестеръ искать немедленнаго заработка. Два года жилъ онъ частными уроками и лишь въ 1852 г. поступилъ въ 3-ю гимназію старшимъ учителемъ русскаго языка и словесности. Первое время желанье отдаться одной литературной дѣятельности боролось въ немъ съ любовью къ педагогическому дѣлу, но его прежній наставникъ А. С. Власовъ, съ которымъ С. не прерывалъ сношеній, рѣшительно повліялъ на него, склонивъ къ педагогическимъ занятіямъ. Съ 1852 по 1871 г. работалъ С. въ качествѣ учителя русскаго языка и словесности все въ той же 3-й гимназіи. Время это, особенно конецъ пятидесятыхъ годовъ и начало шестидесятыхъ, было у насъ, какъ извѣстно, временемъ сильнаго подъема умственныхъ и общественныхъ интересовъ. Давнишнія мечты о литературныхъ занятіяхъ дѣлали С. особенно податливымъ на увлеченія общественной дѣятельностью. Въ 1859 г. онъ редактировалъ газету «Русскій Міръ», выходившую сначала разъ въ недѣлю, а потомъ два раза. Былъ онъ, впрочемъ, не только редакторомъ, но и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ. Уже въ этихъ небольшихъ бѣглыхъ газетныхъ замѣткахъ опредѣлились довольно ясно характерныя особенности С., какъ писателя и человѣка. Глубокая убѣжденность въ своихъ словахъ, прямота и откровенность, совершенное отсутствіе какой бы то ни было погони за фразой, серьезность,—вотъ отличительныя качества его газетныхъ работъ. Особенно выдаются изъ нихъ критическіе очерки о поэмѣ Никитина «Кулакъ», о «Воспитанницѣ» Островскаго и разборъ романа Гончарова «Обломовъ». Трудная житейская школа, пройденная С., имѣла для него и положительныя стороны, закаливъ его характеръ и выработавъ въ немъ серьезный, трезвый взглядъ на жизнь. Онъ задумывался надъ этой жизнью, стремился уяснить себѣ ея недостатки: это и составляло, главнымъ образомъ, содержаніе его статей. Съ его серьезнымъ, гуманнымъ взглядомъ на жизнь и неподкупной честностью слова, въ роли руководителя органа, С. былъ вполнѣ на высотѣ своего положенія; однако редакторство его, по разнымъ причинамъ, ограничилось однимъ годомъ. Зато тяготѣніе его къ педагогической дѣятельности къ этому времени уже окончательно опредѣлилось. Въ унисонъ съ общимъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ стало наблюдаться оживленіе и въ русской педагогикѣ, первый толчокъ къ этому получившей въ извѣстныхъ статьяхъ Н. И. Пирогова. С., оставившему навсегда публицистическую работу, было не трудно, при его способностяхъ и отзывчивости, занять одно изъ видныхъ мѣстъ въ этомъ движеніи. Отъ романтической мечтательности онъ отдѣлался уже давно, русскую жизнь онъ зналъ прекрасно, образованъ былъ всесторонне. Идеалистъ въ душѣ, проникнутый благородными принципами, онъ для учащейся чуткой молодежи былъ не только прекраснымъ преподавателемъ, но и воспитателемъ, наставникомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Уроки свои онъ обращалъ въ занимательныя бесѣды, въ которыхъ ученикамъ предоставлено было много самостоятельности: умѣло поставленными вопросами онъ направлялъ своихъ юныхъ собесѣдниковъ къ самостоятельно продуманнымъ выводамъ. И внѣ уроковъ С. занимался со своими учениками. Во время такъ называемыхъ «читательныхъ бесѣдъ», подъ его руководствомъ разбирались учениками художественныя произведенія, читались статьи біографическія и критическія. С. вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ въ столицѣ, какъ одинъ изъ лучшихъ преподавателей русскаго языка. Онъ былъ приглашаемъ давать уроки во многіе аристократическіе дома и, между прочимъ, преподавалъ русскую словесность великимъ князьямъ Владиміру Александровичу, Николаю Николаевичу младшему, великимъ князьямъ Лейхтенбергскимъ—Сергію, Евгенію и Юрію Максиміліановичамъ, великой княжнѣ Евгеніи Максиміліановнѣ, нынѣ принцессѣ Ольденбургской, и принцессѣ Еленѣ Георгіевнѣ Мекленбургъ-Стрелицкой. Насколько отзывчивымъ оказался С. къ оживленію, начавшемуся въ шестидесятыхъ годахъ въ области педагогики, видно изъ того, съ какимъ живымъ участіемъ относился онъ

къ различнымъ педагогическимъ собраніямъ, комитетамъ, воскреснымъ школамъ. Къ этому же времени относится и появленіе самыхъ крупныхъ его литературно-педагогическихъ трудовъ. Онъ, уже извѣстный своимъ «Высшимъ курсомъ русской граматики» (1885 г.), издаетъ книгу «О преподаваніи русской литературы», въ которой и излагаетъ свой методъ изученія исторіи литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, затѣмъ появляются его «Руководство для теоретическаго изученія литературы» и «Руководство для историческаго изученія русской литературы». Всѣ эти работы представляютъ въ высшей степени цѣнные вклады въ педагогическую литературу. Кромѣ большихъ трудовъ въ это время онъ пишетъ также цѣлый рядъ педагогическихъ статей.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ С. предложили занять каѳедру русской литературы въ Варшавскомъ университетѣ (тогда главной школѣ), а затѣмъ мѣсто инспектора Московскаго Николаевскаго сиротскаго института. Второе предложеніе ему было особенно симпатично, и онъ съ охотою ухватился за него. Несмотря, впрочемъ, на любовь учащихся и сослуживцевъ, С. не ужился въ институтѣ: не съ его прямодушіемъ было занимать такое мѣсто, гдѣ часто приходилось сталкиваться съ разными вліятельными лицами. Свою должность и Москву ему пришлось оставить. Его причислили къ канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи съ сохраненіемъ оклада и сдѣлали членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Въ это время С. сосредочиваетъ свои силы на литературныхъ трудахъ, издаетъ свой «Русскій синтаксисъ», обрабатываетъ новыя изданія прежнихъ своихъ большихъ трудовъ, редактируетъ и коментируетъ «Классную библіотеку», выпущенную Исаковымъ, и «Училищную библіотеку» Мартынова, составляетъ «Хрестоматію къ руководству для теоретическаго изученія литературы», «Русскую хрестоматію для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній», «Руководство для преподавателей по классной хрестоматіи». Въ эти же годы появляются и самые крупные и цѣнные труды его по исторіи русской литературы: о кн. Кантемирѣ («Антіохъ Кантемиръ въ Лондонѣ и Парижѣ»), о Шишковѣ и о Пушкинѣ (первыя двѣ статьи печатались въ «Вѣстникѣ Европы», послѣдняя въ «Историч. Вѣстникѣ»; затѣмъ «Шишковъ» и «Пушкинъ» вышли отдѣльными книгами). Въ это же время написаны имъ самыя вѣскія и продуманныя педагогическія статьи, большая часть которыхъ напечатана въ «Вѣстникѣ Европы»: «Мысли о нашихъ экзаменахъ» («Вѣстникъ Европы», 1870 г.), «Педагогическіе вопросы» (ib., 1875 г.), «Замѣтки о русской школѣ», три статьи (1881—1882 гг.) и «Наша семья и ея историческая судьба» (1884 г.). Одной литературной дѣятельностью С. не могъ, однако, ограничиться: попрежнему онъ являлся во всѣхъ собраніяхъ, засѣданіяхъ, комиссіяхъ, большое участіе принималъ въ дѣятельности комитета грамотности и педагогическихъ собраніяхъ въ Соляномъ Городкѣ. Въ 1879 г. супруга его задумала открыть женскую гимназію. С. отнесся къ намѣренію ея съ полнымъ сочувствіемъ, и черезъ два года, въ 1881 г., гимназія была открыта. Въ этой гимназіи С. былъ инспекторомъ и преподавателемъ русскаго языка и исторіи. Такимъ образомъ, ему удалось таки болѣе или менѣе самостоятельно заправлять живымъ педагогическимъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ женой, его бывшею ученицею, вполнѣ проникнутой его педагогическими принципами, трудился онъ послѣдніе годы своей жизни надъ организаціей собственнаго заведенія, желая на практикѣ осуществить свой завѣтный идеалъ широкаго, всесторонняго образованія. Подъ этимъ словомъ понималъ онъ не одно обученіе, но и правильное воспитаніе ума и сердца. Умеръ С. въ ночь на 4-е ноября 1888 г., не доживъ до перваго выпуска ученицъ изъ своей гимназіи, не увидавъ, такимъ образомъ, конечныхъ результатовъ своей работы надъ этимъ заведеніемъ. Педагогическія сочиненія его собраны въ одинъ томъ и изданы въ 1892 г. отдѣльной книгой. Къ ней приложенъ обстоятельный библіографическій указатель всѣхъ трудовъ С. и статей, посвященныхъ его памяти.

„В. Я. Стоюнинъ", біогр. очеркъ В. Д. Сиповскаго, „Вѣстн. Европы", 1889 г., № 3.— „В. Я. Стоюнинъ", очеркъ Б. Глинскаго, „Ист. Вѣстн.", 1889 г., № 2. — „В. Я. Стоюнинъ и молодое поколѣніе", статья Н. Арепьева, „Нар. Шк.", 1889 г., № 1.—Подроб-

ная библіографія въ „Указателѣ“ къ „Педагогическимъ сочиненіямъ В. Я. Стоюнина“, Спб., 1892 г. *В. В. Сиповскій.*

Страдомскій, *Василій Андреевичъ* — врачъ-писатель. По окончаніи въ 1855 г. курса медицинскаго факультета въ университетѣ св. Владиміра, въ которомъ былъ казеннымъ воспитанникомъ, поступилъ на службу лекаремъ въ 4-ый ластовый экипажъ, гдѣ работалъ въ продолженіе семи лѣтъ и затѣмъ въ 1862 г. былъ переведенъ младшимъ ординаторомъ въ Николаевскій морской госпиталь; съ 1866 г. исполнялъ обязанности дѣлопроизводителя при портово-медицинск. части въ Николаевѣ. Въ 1868 г. былъ назначенъ запаснымъ, затѣмъ младшимъ врачемъ Черноморской эскадры, а въ 1875 г. повышенъ въ старшаго врача, которымъ и оставался до смерти, послѣдовавшей въ срединѣ 80-хъ гг. Въ «Медицинскомъ Морскомъ Сборникѣ» были разновременно напечатаны слѣдующія сочиненія С.: «Нѣсколько словъ о Сухумѣ, климатѣ, естественныхъ произведеніяхъ и болѣзненности его» (1861 г.; раньше помѣщено въ медицинск. журн. корвета «Зубръ», 1859 г.), «Объ устройствѣ и гигіеническомъ содержаніи судна» (1865 г.), «О предохраненіи отъ сифилитическаго зараженія» (1865 г.), «Краткій обзоръ дѣятельности общества морскихъ врачей въ Николаевѣ въ теченіе 1865—1866 гг.» (1867 г.), то же за 1866—1867 гг. (1868 г.), «О предохраненіи отъ воспаленія глазъ на судахъ» (1866 г.), «Мѣстечко Очемчири» (1871 г.), «Укрѣпленія Сочи» и «Корабельный медицинскій журналъ, веденный на пароходѣ «Тамань» въ 1869—1870 гг.» (1874 г.).

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, Спб., 1866 г. в. I, тетр. 2, стр. 120.

Страмиловъ, *Дмитрій,* офицеръ. Родился въ 1812 г. Воспитаніе получилъ во 2-омъ петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда былъ принятъ по протекціи гр. Аракчеева; окончилъ корпусъ въ 1831 г. и выпущенъ офицеромъ въ конно-гвардейскую вторую роту. Съ 1832 г. служилъ кавалерійскимъ офицеромъ въ Польшѣ, но тяжелыя условія службы въ недавно усмиренномъ краѣ вынудили его просить объ увольненіи; однако, спустя два года, онъ вновь поступаетъ на военную службу, на этотъ разъ въ одну изъ артиллерійскихъ частей, расположенныхъ въ Финляндіи. Изъ нѣкоторыхъ намековъ автора краткой его біографіи въ «Военномъ Сборникѣ» можно заключить, что С. при избраніи мѣста служенія въ Финляндіи руководствовался надеждой встрѣтить въ этомъ краю болѣе свободныя, чѣмъ во всей остальной Россіи, политическія условія. Новая жизнь, повидимому, его все же не удовлетворила, ибо уже черезъ годъ, разочарованный и пессимистически настроенный, онъ просится на Кавказъ. Послѣдній въ то время являлся ареной безконечной войны съ горцами и былъ именно тѣмъ мѣстомъ, куда стремились всѣ храбрецы, желавшіе отличиться въ схваткахъ съ черкесами, и люди, охваченные байронизмомъ, люди чайльдъ-гарольдовскаго типа, желавшіе забыть и потопить свою тоску въ сѣчахъ съ дикими горцами. Къ этому именно типу разочарованныхъ въ жизни романтиковъ принадлежалъ и С. Его просьба о переводѣ на Кавказъ была удовлетворена; въ 1838 г. онъ вступилъ въ дѣйствующую армію и въ томъ же году нашелъ то, чего искалъ: въ одной изъ ближайшихъ стычекъ былъ убитъ черкесами. Обстоятельства его смерти для него чрезвычайно характерны и напоминаютъ гибель его современника, декабриста А. А. Бестужева, извѣстнаго въ литературѣ подъ псевдонимомъ Марлинскаго, горячимъ поклонникомъ котораго С. былъ. При появленіи небольшого отряда горцевъ С. вырвался изъ строя, бросился одинъ впередъ, врубился въ отрядъ и, несмотря на всю свою ловкость и громадную физическую силу, прежде чѣмъ подоспѣлъ кто-либо изъ своихъ, былъ изрубленъ буквально въ куски. Этотъ безпокойный человѣкъ, несмотря на свою неудовлетворенность и разочарованность, былъ однимъ изъ немногихъ въ то время людей, глубоко интересовавшихся литературой, цѣнившихъ и понимавшихъ ее и сочувствовавшихъ идеямъ умѣренной политической свободы. Лично онъ написалъ немного,—изложилъ лишь нѣкоторыя свои жизненныя впечатлѣнія въ формѣ дневника, опубликованнаго вскорѣ послѣ его смерти подъ заглавіемъ: «Записки одного офицера» («Военный Сборникъ», 1860, № 4). Эта небольшая вещь, написанная просто и увлекательно, нѣсколько въ духѣ Марлинскаго, но безъ его гипербол и крайностей,—изобличаетъ въ С. несомнѣнный литературный талантъ.

*

„Записки одного офицера“ (съ біографическими свѣдѣніями объ ихъ авторѣ), „Военный Сборникъ“, 1860 г., № 4. *А. З.*

Стратилатовъ, *Иванъ Александровичъ*, священникъ-писатель, братъ слѣдующаго, родился въ 1836 или 1837 г. въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его былъ протоіереемъ Исаакіевскаго собора; среднее образованіе получилъ въ Петербургской духовной семинаріи, высшее—въ Петербургской же академіи, куда поступилъ въ 1857 г. По окончаніи курса въ ней, со степенью магистра, С. въ 1861 г. былъ назначенъ преподавателемъ въ Александровское духовное училище, откуда въ концѣ 1865 г. перемѣщенъ въ семинарію на классъ гражданской исторіи и латинскаго языка; въ 1869 г. онъ оставилъ педагогическую дѣятельность и поступилъ священникомъ къ церкви Обуховской больницы, гдѣ священнослужилъ до самой смерти, послѣдовавшей 7 марта 1875 г. Въ послѣдніе годы онъ принималъ видное участіе въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, притомъ и независимо отъ ихъ дѣятельности всячески поддерживалъ наиболѣе бѣдныхъ прихожанъ, расходуя на это значительную часть своихъ личныхъ, весьма скромныхъ средствъ. С. состоялъ сотрудникомъ «Духовной Бесѣды», гдѣ напечаталъ рядъ статей религіозно-нравственнаго содержанія и наиболѣе крупныя между ними — «О сошествіи Іисуса Христа во адъ» и «О причинахъ холодности къ вѣрѣ въ нынѣшнихъ образованныхъ людяхъ» (обѣ за 1867 г.). Изданная имъ въ 1865 г. отдѣльной книгой магистерская диссертація «О древности и важности апостольскихъ правилъ» (Спб.) по тщательности редакціи приложенныхъ къ ней первоисточниковъ, вѣрности и продуманности сужденій и историческому анализу представляетъ одно изъ наиболѣе цѣнныхъ изслѣдованій въ русской духовной литературѣ по данному вопросу.

„Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи“, вып. VI, стр. 399.—Надеждинъ, „Исторія С.-Петербургской семинаріи“, стр. 331, 444.—А. Родосскій, „Біографическій словарь студентовъ первыхъ 28-ми курсовъ С.-Петербургской духовной академіи, 1814—1869 гг.“, Спб. 1907 г., стр. 481.—„Петербургскій Листокъ“, 1875 г., № 49.—„Энциклопедическій словарь“ Брокгауза-Эфрона, т. 31, s. v.—Рецензіи на „Древность и важность апостольскихъ правилъ“ въ „Книжномъ Вѣстникѣ“, 1865 г., № 3 и въ „Странникѣ“, 1865 г., № 12.

Стратилатовъ, *Константинъ Александровичъ*, проповѣдникъ и писатель, дата рожденія неизвѣстна, умеръ въ 1878 г.; образованіе получилъ въ Петербургской духовной семинаріи. Имъ напечатаны: «Священная библейская исторія Ветхаго и Новаго завѣта»; «Житія святыхъ, изданныя по руководству Четіихъ-Миней» (Спб., 1861—64 гг.); «Катехизическія бесѣды къ сельскимъ прихожанамъ» (Спб., 1867 г.); «Собраніе церковныхъ поученій для народа».

„Энциклопедическій словарь“ Брокгауза-Ефрона полут. 62, стр. 754.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія, 1862—восьмой годъ“, Спб., 1862 г., стр. 102, № 1709.—В. И. Межовъ, „Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ А. Ф. Базунова“, Спб., 1869 г., стр. 7, № 98; стр. 22, № 374; стр. 33, № 1576. *Е. К.*

Страховъ, *Борисъ Васильевичъ*, московскій благотворитель, купецъ первой гильдіи. Образованіе С. ограничивалось элементарной грамотой. Въ своей благотворительной дѣятельности онъ руководствовался исключительно глубокимъ религіознымъ чувствомъ и искреннимъ желаніемъ придти на помощь неимущему населенію при общественныхъ бѣдствіяхъ. Когда въ 1830 г. въ Москвѣ появилась холера, городъ былъ оцѣпленъ со всѣхъ сторонъ карантиномъ, продукты первой необходимости вслѣдствіе прекращенія ввоза ихъ изъ провинціи начали неимовѣрно расти въ цѣнѣ, и массы населенія кромѣ эпидеміи подверглись еще ужасающей нищетѣ и голоду,—С., имѣя крупные запасы ржаной муки и крупы, объявилъ, что продаетъ ихъ по прежней цѣнѣ, и этимъ до извѣстной степени парализовалъ безконечно вздуваемый другими торговцами ростъ цѣнъ. Не ограничиваясь этимъ, онъ въ томъ же году безплатно роздалъ наименѣе имущимъ около 5.000 пуд. муки, продалъ по половинной цѣнѣ свыше 10.000 пуд. и пожертвовалъ въ распоряженіе образовавшагося тогда «комитета для оказанія помощи голодающимъ» 1.000 пуд. муки и болѣе 3.000 руб. деньгами. Въ общей сложности помощь С. неимущимъ выразилась въ этомъ году въ суммѣ свыше 20.000 р. Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ большей частью неурожайныхъ и весьма тяжелыхъ лѣтъ С. всячески стремился не допускать чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ на продукты первой необходимости, не

устрашившись даже борьбы, которую ему пришлось вести съ другими торговцами, въ интересахъ своей выгоды противодѣйствовавшихъ его дѣятельности. И въ эти годы, какъ и раньше, С. отдавалъ хлѣбъ безплатно, продавалъ его по половинной цѣнѣ и жертвовалъ деньгами въ благотворительныя учрежденія. Когда въ Москвѣ образовался комитетъ для призрѣнія нищихъ, С., избранный въ его члены, внесъ въ его кассу единовременно 5.000 р. и затѣмъ въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ разновременно передалъ туда же не менѣе 50.000 р. изъ собственныхъ средствъ, не считая приблизительно такой же суммы, собранной имъ отъ другихъ лицъ. Сильный неурожай 1839—1840 гг. вызвалъ необходимость въ устройствѣ безплатныхъ столовыхъ, и С. одну изъ нихъ содержалъ на собственныя средства; въ 1840 г. онъ пожертвовалъ 10.000 руб. на постройку больницы для нищихъ. Съ 1831 г. и до конца жизни онъ состоялъ членомъ комитета о тюрьмахъ; здѣсь его дѣятельность направлялась на то, чтобы такъ или иначе помочь заключеннымъ, ихъ семьямъ и отбывшимъ наказаніе. Широкая благотворительность С. создала ему громкую популярность среди бѣднаго московскаго населенія, которое тѣмъ болѣе цѣнило его дѣятельность, что онъ въ сущности былъ человѣкомъ со средствами сравнительно небольшими. Умеръ С. 27 февраля 1842 г.

„Москвитянинъ", 1842, ч. 2, № 3, стр. 280—281.—„Московск. Вѣдом.", 1842, № 58.

И. Г—въ.

Страховъ, *Николай Ивановичъ*, сатирическій писатель XVIII вѣка. Свѣдѣнія о внѣшнихъ событіяхъ его жизни довольно скудны, даты рожденія и смерти неизвѣстны; воспитаніе получилъ, повидимому, въ домѣ отца. Какъ писатель и мыслитель, С. принадлежалъ къ гуманистамъ, во главѣ которыхъ долженъ быть поставленъ Н. И. Новиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ С. является однимъ изъ первыхъ русскихъ литераторовъ въ европейскомъ и нынѣшнемъ смыслѣ слова. Занятія литературой для него были не чѣмъ-то побочнымъ, не дилетантствомъ, не придаткомъ къ какой-либо иной дѣятельности, а единственной профессіею, единственной цѣлью. Онъ не занималъ никакой службы, явленіе для своего времени исключительное, былъ писателемъ и литераторомъ, только этимъ и больше ничѣмъ. Человѣкъ образованный, знавшій нѣсколько иностранныхъ языковъ, онъ внимательно слѣдилъ какъ за русской, такъ и за иностранной литературой и на литературномъ поприщѣ дебютировалъ двумя переводами:—«Вексфильскаго священника» Гольдсмита (М., 1786 г.) и «Арсасъ и Исменія» «изъ Монтескюи» (М., 1787 г.). Красной нитью черезъ всѣ его послѣдующія произведенія проходитъ обличеніе общественныхъ пороковъ и недостатковъ, сатирическій взглядъ на общество и негодованіе на безнравственность современниковъ. Въ 1791 г. появилась его «Переписка моды, содержащая письма безрукихъ модъ, размышленія неодушевленныхъ нарядовъ, разговоры безсловесныхъ чепцовъ, чувствованія мебелей, каретъ, записныхъ книжекъ» и пр. и въ 1795 г.—«Карманная книжка для пріѣзжающихъ на зиму въ Москву старичковъ и старушекъ, невѣстъ и жениховъ, молодыхъ и устарѣлыхъ дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ...». (Нынѣ эти книги составляютъ библіографическую рѣдкость; подробное содержаніе ихъ можно найти у Губерти: «Матеріалы для русской библіографіи», в. II). Уже въ этихъ произведеніяхъ С. ѣдко смѣялся надъ внѣшнимъ лоскомъ, перенятымъ у «господъ французовъ», расточительной тратой денегъ, идущихъ на удовлетвореніе нелѣпыхъ прихотей, бичевалъ «тупоуміе, праздность и скуку» господъ, весь жизненный интересъ которыхъ сосредоточивался на «наукѣ о волосоподвиваніи», раскрывалъ ихъ цинизмъ и безнравственность, съ сарказмомъ и язвительностью обрушивался на дошедшее до крайнихъ предѣловъ пристрастіе къ модѣ (его фраза, ставшая ходячей: «нынѣ одни портные выкраиваютъ и сшиваютъ достойныхъ и именитыхъ людей»), на роскошь, развратъ, картежъ, исковерканность языка на французскій манеръ, наконецъ, безпощадно относился къ продажности и подкупности чиновниковъ вообще и судей въ частности. Въ одномъ изъ этихъ же произведеній онъ, первый въ Россіи, поднялъ вопросъ о литературномъ воровствѣ, плагіатѣ, въ широкихъ размѣрахъ практиковавшемся въ то время нѣкоторыми нашими писателями изъ иностранныхъ источниковъ. По цензурнымъ условіямъ сатирическіе выпады С. были облечены въ болѣе или менѣе ино-

сказательную форму, но иногда у него прорываются отдѣльныя блестки, рѣшительно ничѣмъ неприкрытыя и попадающія прямо въ цѣль. Полная остроумія сатира доставила С. извѣстную репутацію среди просвѣщенныхъ слоевъ тогдашняго общества, современныя газеты отнеслись къ нему съ чрезвычайной похвалой, и все это создало благопріятную почву для успѣха его журнала «Сатирическій Вѣстникъ», который онъ началъ издавать въ 1790 г. Журналъ выходилъ въ неопредѣленные сроки, подъ цензурой сначала «краснорѣчія профессора» А. А. Барсова, затѣмъ — «логики и метафизики профессора» А. М. Брянцева и продолжался до 1792 г., когда появилась его IX и послѣдняя часть. Онъ имѣлъ настолько значительный успѣхъ, что разошелся до послѣдняго экземпляра, и скоро понадобилось второе изданіе, которое и вышло въ 1795 г.,— обстоятельство для того времени исключительное. Виднѣйшее мѣсто въ своемъ журналѣ С. отводилъ отрицательнымъ сторонамъ воспитанія въ тогдашнихъ высшихъ и среднихъ общественныхъ кругахъ. «Воспитаніе дѣтей своихъ начинаютъ здѣсь не съ головы, а съ ногъ», говоритъ «Сатирич. Вѣстникъ», разумѣя подъ этимъ главнѣйшее стремленіе родителей научить своихъ дѣтей прежде всего танцамъ и привить имъ внѣшній лоскъ; слѣдствіемъ этого, по мнѣнію С., было съ одной стороны то, что мужское молодое поколѣніе, «не зная счета деньгамъ», превращается въ щеголей и, немного лишь оперившись, «настраиваетъ богатыя кареты, нашиваетъ множество кафтановъ, навѣшиваетъ на себя гирлянды цѣпочекъ, головы преображаетъ въ ранжереи, волосы и пукли въ висящіе вавилонскіе сады и всю свою силу и цѣль жизни полагаетъ въ изученіи науки страсти нѣжной». Съ другой стороны, подобное же воспитаніе дѣвушекъ вело къ тому, что всѣ ихъ стремленія сводились исключительно къ заполученію «богатаго и породистаго жениха», а родители начинали для этой цѣли вывозить «сей товаръ (дочерей) зимою по большимъ городскимъ ярмонкамъ». Эти щеголи и щеголихи «увѣряютъ, что Сибирь есть городъ Костромскаго намѣстничества, а Камчатка— большое село въ Кашинскомъ уѣздѣ» и пр. Теперь объектъ сатиры С. кажется общеизвѣстнымъ, и даже избитымъ, но, сохраняя историческую перспективу, необходимо признать, что для своего времени такія сатирическія выходки были свѣжи, новы, попадали въ цѣль и имѣли значеніе. Вторымъ объектомъ сатиры С. служила принявшая эпидемическіе размѣры картежная игра, дошедшая до того, что «неупражняющіеся въ ней почитаются дураками или худо воспитанными людьми, и въ обществѣ появляется новый типъ—благовоспитаннаго шуллера, котораго ругаютъ вездѣ, но вездѣ и принимаютъ». Съ особой силой опускаетъ С. бичъ негодованія на мотовство, ставшее настолько «законнымъ и общепринятымъ», что «многіе люди тѣмъ и знамениты, что имѣютъ многія тысячи долгу», и внѣшнимъ образомъ выражавшееся между прочимъ въ томъ, что «на 5.000 дворянъ число парикмахеровъ, поваровъ, камердинеровъ, слугъ и служанокъ простирается здѣсь (въ Москвѣ) болѣе, нежели до 100.000 человѣкъ». Рѣзко бичуетъ «Сатирическій Вѣстникъ» также подкупъ и взяточничество, особенно новый видъ его, созданный введеніемъ рекрутскаго набора; иллюстраціей этому можетъ служить слѣдующая краткая выдержка изъ VI выпуска журнала: «У нѣкоего Обдиралова изъ вершковъ, недостающихъ къ росту рекрутовъ, вышло полнаго росту сто крестьянъ». Болѣе всего, конечно, достается привилегированному сословію, дворянству, служилому и помѣстному. Необразованность, грубость, отсутствіе всякихъ интересовъ, кромѣ чувственныхъ, прикрытая внѣшнимъ лоскомъ и блескомъ полуазіатская дикость, суевѣріе, утрированное крѣпостничество и жестокость къ крестьянамъ почти всѣхъ слоевъ этого сословія составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ объектовъ безпощадной сатиры С. Но самая важная историческая заслуга С. состоитъ въ томъ, что въ главнѣйшемъ вопросѣ времени, въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ, онъ занялъ позицію, рѣзко отличавшуюся отъ господствовавшаго образа мыслей. Убѣжденный противникъ всякаго рабства, въ томъ числѣ и крѣпостного, онъ въ этомъ смыслѣ съ полнымъ правомъ можетъ быть поставленъ наряду со своимъ знаменитымъ, пострадавшимъ за подобныя убѣжденія предшественникомъ,—Новиковымъ. Основной взглядъ С. на крѣпостное право сводился къ тому, что наличность этого института

унижаетъ человѣческую личность и ея до-
стоинство и разоряетъ сотни и тысячи лю-
дей по прихоти одного какого-нибудь са-
модура-«галантома». Несмотря на всѣ цен-
зурныя ограниченія и стѣсненія, онъ въ
своемъ журналѣ все-таки отдѣльными, про-
скальзывавшими отъ бдительности тради-
ціоннаго краснаго карандаша мѣстами
давалъ рѣзкую критику этой исторической
ненормальности. Въ отдѣлѣ публикацій въ
«Сатирич. Вѣстникѣ» онъ помѣстилъ од-
нажды такое извѣстіе: «Для проданія му-
жиковъ въ рекруты и раззоренія оныхъ
отбылъ въ деревню г. Моторыгинъ», а въ
въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что дворяне-
помѣщики, собирая вокругъ себя толпу
прихлебателей, шутовъ и слугъ, содержатъ
и одѣваютъ ихъ на счетъ «глада и наго-
ты несчастныхъ и грабимыхъ ими земле-
дѣльцевъ». Однако есть элементъ въ воз-
зрѣніяхъ С. на крѣпостное право, кото-
рый съ одной стороны отличаетъ его отъ
Новикова, съ другой же ставитъ его для
своего времени одинокимъ, а въ историче-
скомъ смыслѣ—первымъ мыслителемъ, под-
нявшимъ свой голосъ противъ крѣпостного
права совершенно съ иной точки зрѣнія.
Въ то время какъ Новиковъ по поводу
разительныхъ явленій крѣпостничества
выражалъ свою «гражданскую скорбь», бо-
лѣлъ чуткой человѣческой душой, С. вмѣ-
стѣ съ тѣмъ первый выдвинулъ, первый
формулировалъ и первый подчеркнулъ *эко-
номическую* сторону вопроса, громаднѣй-
шій ущербъ для государственнаго и на-
ціональнаго богатства при существованіи
крѣпостного права, пользуясь которымъ
господствовавшее сословіе цѣлую армію ра-
бочихъ рукъ отнимало отъ производительна-
го труда, заставляя нести дворовую службу,
трудъ же отъ остальной массы населенія
эксплоатировало для удовлетворенія своихъ
нуждъ на барщинѣ и тѣмъ самымъ лишало
крестьянъ всякой возможности расширять,
улучшать и интенсировать ихъ хозяйство.
Иллюстрировать эту сторону воззрѣній С.
можно хотя бы слѣдующей выдержкой, каса-
ющейся обращенія значительной части кре-
стьянъ въ слугъ, дворовыхъ и шутовъ: «Отъ
сего самаго государства и цѣлыя граждан-
скія общества лишаются такихъ людей,
коихъ ремесло состоитъ въ обрабатываніи
той земли, произведенія которой питаютъ
ихъ, поддерживаютъ ихъ дѣятельность, спо-
собствуютъ ихъ изобилію, спокойствію,
порядку, тишинѣ и цѣлому благосостоя-
нію».

Журналъ С. касался не только внѣшнихъ
проявленій общественной жизни. Не мало
вниманія онъ посвящалъ нѣкоторымъ сторо-
намъ искусства, въ томъ числѣ театру, и въ об-
ласти театральной критики высказалъ нѣ-
сколько чрезвычайно здравыхъ соображеній,
только черезъ 50 лѣтъ повторенныхъ, уже
при другихъ условіяхъ, болѣе вѣскимъ го-
лосомъ Бѣлинскаго. С. же принадлежитъ
и первый протестъ противъ различныхъ
условностей и противъ той «болѣзни», кото-
рая спустя 30 лѣтъ была фиксирована
Грибоѣдовымъ въ стихахъ о «княгинѣ
Марьѣ Алексѣевнѣ». Хотя и болѣе много-
словно, но не менѣе опредѣленно отмѣтилъ
эту общественно-психологическую черту и
С. «Что скажутъ другіе?» — пишетъ онъ:
«Сіе краткое словцо (?) столь примѣрнымъ
образомъ дѣйствуетъ надъ умами здѣш-
нихъ жителей, что нѣтъ почти ни одного
худого дѣла или приключенія, которое по-
слѣдовало бы не отъ словца: что скажутъ
другіе?»... «Что скажутъ другіе—многихъ
заставляетъ пренебрегать къ самому себѣ
собственное сказаніе совѣсти; что скажутъ
другіе—судью заставляетъ брать взятки,
дворянина — раззорять мужиковъ, дѣву-
шекъ—не по склонности жертвовать сво-
имъ сердцемъ, мужчинъ—жениться вопре-
ки своей волѣ. Что скажутъ другіе—за-
ставляетъ жить не такъ, какъ хочется, и
думать не такъ, какъ надобно... Изъ из-
лишняго уваженія людскихъ мнѣній со-
ставляется для души цѣпь невольничества,
которая творитъ сердце робкимъ къ добру
и содержитъ въ недѣйствіи разсудокъ, ве-
ликость духа и истинныя чувствованія».

Послѣ прекращенія журнала С. зани-
мался литературой менѣе интенсивно. Въ
различное время онъ написалъ еще слѣду-
ющія произведенія: «Мои с.-петербургскія
сумерки» (Спб., 1810 г.), «Разсматрива-
тель жизни и нравовъ» (Спб., 1811 г.) и
стоящее особнякомъ среди остальныхъ его
сочиненій—«Нынѣшнее состояніе калмыц-
каго народа съ присовокупленіемъ кал-
мыцкихъ законовъ» (Спб., 1810 г.).

Несмотря на то, что талантъ Н. И. Но-
викова и его произведенія должны были
оставить всякаго послѣдователя въ тѣни,
С. тѣмъ не менѣе и при такой величинѣ
сумѣлъ сохранить и свою оригинальность,
и свое значеніе,—какъ гуманистъ и сати-

рикъ онъ долженъ быть поставленъ рядомъ со своимъ знаменитымъ предшественникомъ.

Наиболѣе цѣннымъ изслѣдованіемъ о дѣятельности С. является статья Серг. Тимофеева, „Послѣдній представитель сатиры прошлаго вѣка". „Историч. Вѣстникъ", 1888 г., августъ. Кромѣ того: А. Н. Неустроевъ, „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.", Спб., 1875 г., стр. 686—690.—Н. В. Губерти, „Матеріалы для русской библіографіи", вып. II, Москва, 1881 г., стр. 395—406, „Московск Вѣдом.", 1790, № 36—отъ 4 мая.—Ф. Толль, „Настольный словарь", т. III, Спб., 1864 г., стр. 547. *А. Заринъ.*

Страховъ, *Нилъ Петровичъ*, докторъ медицины, сынъ слѣдующаго, родился 7 сентября 1824 г., умеръ 7 іюня 1875 г., учился въ Москвѣ въ гимназіи и въ университетѣ; курсъ послѣдняго окончилъ въ 1848 г. съ отличіемъ. Въ 1859 г. за защиту диссертаціи «De blenorrhoca urethrae acuta in sexuverili» (М., 1857 г.) былъ удостоенъ степени доктора медицины Московскаго университета. Съ 1852 г. служилъ въ Шлиссельбургской, а затѣмъ—въ Новоладожской городскихъ больницахъ, въ 1856 г. перешелъ въ министерство государственныхъ имуществъ и до самой смерти занималъ мѣсто окружнаго ладожскаго врача. Кромѣ диссертаціи напечаталъ «Физіологическія письма» («Русскій Міръ», 1859 г., №№ 2, 22, 59), довольно цѣнныя по сообщаемому въ нихъ фактическому матеріалу, и статью «О простыхъ тѣлахъ» («Журн. Мин. Народн. Просв.», 1859 г.).

Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели", тетр. II, Спб., 1886 г., s. v.—„Медицинскіе списки" за 1860—1875 гг. *Н. К—нъ.*

Страховъ, *Петръ Ивановичъ*, ординарный профессоръ Московскаго университета, родился въ 1757 г. въ Москвѣ. По происхожденію С. былъ дворяниномъ, но еще дѣдъ его перешелъ въ духовное званіе, а отецъ былъ псаломщикомъ при церкви Іоанна Предтечи. Хотя матеріальныя условія въ семьѣ С. были далеко не завидны, тѣмъ не менѣе отецъ его заботился объ образованіи своихъ сыновей, особенно же о младшемъ, Петрѣ, который съ дѣтства уже обнаружилъ недюжинныя способности. «Рано высказались въ немъ,— говоритъ о С. одинъ изъ его біографовъ,— дарованія, отмѣнная понятливость и способности; на осьмомъ году возраста своего онъ уже бойко и внятно читывалъ церковныя книги; вмѣсто родителя своего читалъ въ церкви часы и пареміи; рано выучился онъ писать и помогалъ отцу своему переписывать разныя лѣтописи и подобныя тому тетради и съ того времени пріохотился къ отечественной исторіи и ко всякой русской старинѣ». Въ августѣ 1768 г. онъ поступилъ въ академическую гимназію при Московскомъ университетѣ, въ которой пробылъ нѣсколько болѣе обыкновеннаго, такъ какъ въ 1771 г. занятій въ гимназіи не было. Этотъ страшный годъ, когда чума только за августъ — ноябрь унесла около 50 тысячъ московск. жителей, С. провелъ въ родной семьѣ, единственно оставшейся въ живыхъ въ цѣломъ кварталѣ. Гимназическій курсъ С. окончилъ въ 1774 г. Конференція университета затруднялась за молодостью С. принять его въ число студентовъ, тѣмъ болѣе, что въ документахъ онъ ошибочно числился двумя годами моложе. Однако, по настоянію директора М. В. Приклонскаго, на это обстоятельство не было обращено вниманія, и С. былъ принятъ въ университетъ, именно на философскій факультетъ, гдѣ особенно интересовался древней литературой и краснорѣчіемъ. Въ университетѣ въ это время процвѣталъ театръ; С. очень увлекался имъ и былъ однимъ изъ лучшихъ исполнителей сначала женскихъ, а затѣмъ, когда подросъ, и мужскихъ ролей. Въ 1788 г. онъ подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ университета и просилъ о назначеніи на какую-либо службу. Просьба его была уважена; вновь назначенный кураторъ университета М. М. Херасковъ сдѣлалъ его своимъ секретаремъ. Введенный Херасковымъ въ московскіе аристократическіе салоны, С., по его выраженію, нашелъ здѣсь «второй университетъ», университетъ «практическаго образованія». Въ тогдашнемъ обществѣ онъ былъ принятъ весьма благосклонно, въ чемъ не малую роль сыгралъ его сценическій талантъ. Подвизаясь на домашнихъ сценахъ, С. вскорѣ пріобрѣлъ репутацію лучшаго исполнителя нѣкоторыхъ ролей въ пьесахъ Сумарокова и другихъ современныхъ писателей. Патронъ С., Херасковъ, считалъ его способнымъ для всякой роли и однажды поставилъ его въ курьезное положеніе, поручивъ исполнить главную роль въ оперѣ «Добрые солдаты». Между тѣмъ, по признанію С., пѣть онъ тогда совсѣмъ не умѣлъ. Отказываться, однако, было неудобно,

и С. разыгралъ роль пополамъ съ превосходнымъ теноромъ, гимназистомъ Мошковымъ. Послѣдній распѣвалъ аріи за сценой, а «я (С.) лишь расхаживалъ по сценѣ, размахивалъ руками и молча разѣвалъ ротъ, какъ будто пѣлъ». Къ характеристикѣ слушателей слѣдуетъ добавить, что хитрость не была даже замѣчена. Въ 1785 г. онъ получилъ порученіе осмотрѣть нѣкоторые европейскіе университеты, гимназіи и другія училища и собрать «самыя вѣрныя и точныя свѣдѣнія о состояніи западно-европейскаго просвѣщенія» и о послѣднихъ успѣхахъ въ области педагогіи. Передъ самымъ отъѣздомъ за границу онъ былъ произведенъ въ экстроординарные профессора. Вмѣстѣ съ племянникомъ Хераскова, юношей Романомъ Петровичемъ, порученнымъ вниманію С., онъ объѣздилъ Германію, Богемію, Моравію, Швейцарію, побывалъ въ Женевѣ, Парижѣ и другихъ умственныхъ центрахъ Европы, познакомился съ многими выдающимися учеными, въ томъ числѣ съ филологомъ Бартолеми и астрономомъ Делаландомъ, и добросовѣстно осмотрѣлъ университеты и гимназіи, оставшись ими въ общемъ недоволенъ. Одновременно съ этимъ онъ работалъ и въ разныхъ библіотекахъ, готовясь къ занятію каѳедры краснорѣчія въ Московскомъ университетѣ, которая ему была обѣщана до его отъѣзда. Въ Москву С. вернулся въ концѣ 1786 г. и здѣсь узналъ, что обѣщанная ему каѳедра отдана уже другому лицу, проф. Х. А. Чеботареву. Пришлось на первое время удовольствоваться мѣстомъ главнаго смотрителя Благороднаго университетскаго пансіона, а съ 1787 г.—инспектора университетской гимназіи. Ожиданія С. раньше или позже занять каѳедру краснорѣчія такъ и не увѣнчались успѣхомъ, и когда въ 1789 г. ему предложено было читать по опытной физикѣ, онъ согласился, хотя физика и не была его спеціальностью. Передъ тѣмъ какъ открыть курсъ онъ представилъ въ совѣтъ университета на латинскомъ и русскомъ языкахъ сочиненіе «О движеніи тѣлъ вообще и въ особенности же звѣздъ небесныхъ», которое, несмотря на не совсѣмъ доброжелательное отношеніе къ автору судей, было признано вполнѣ удовлетворительнымъ. Первая пробная лекція С. «О свойствахъ и химическомъ сложеніи атмосфернаго воздуха и другихъ ему подобныхъ веществахъ», на которой кромѣ преподавательскаго персонала и студентовъ присутствовала и посторонняя публика, имѣла большой успѣхъ, чему не мало способствовали удачные физическіе опыты и краснорѣчіе С. Вообще онъ отличался какъ очень хорошій лекторъ. «Онъ— говоритъ кн. Долгорукій въ «Капищѣ моего сердца»,—одаренъ былъ многими способностями, особенно же красотой слова; изъяснялся велерѣчиво, говорилъ громко, сладко и краснорѣчиво. Никто такъ искусно не преподавалъ физики послѣ Роста, какъ онъ». С. отдавалъ много силъ научнымъ занятіямъ. Онъ обратилъ усиленное вниманіе на физическій кабинетъ, который обогатилъ многими новыми приборами, дѣлалъ опыты и изслѣдованія различныхъ, въ то время не совсѣмъ еще объясненныхъ физическихъ явленій. Такъ, путемъ 20-лѣтнихъ наблюденій ему удалось установить, что ртуть при обыкновенной комнатной температурѣ не испаряется, по крайней мѣрѣ замѣтнымъ образомъ. Кромѣ того онъ дѣлалъ наблюденія надъ замерзаніемъ воды и другихъ жидкостей и надъ кристаллами льда. Всѣ эти опыты и изслѣдованія были имъ изложены въ дополненіяхъ къ физикѣ Бриссона, которыя въ рукописномъ видѣ погибли при пожарѣ Москвы въ 1812 г. По распоряженію попечителя учебнаго округа А. К. Разумовскаго, С. съ 1808 по 1812 г. ежедневно дѣлалъ метеорологическія наблюденія, отчеты о которыхъ печатались въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Кромѣ лекцій студентамъ С. читалъ еще публичныя лекціи въ 1803—4 гг. по «опытной физикѣ съ показаніемъ новѣйшихъ опытовъ надъ газами, гальванизмомъ и проч.». Благодаря его усиліямъ, при университетѣ былъ организованъ превосходный хоръ, а въ вакаціонное время при его же содѣйствіи въ помѣщеніи университета устраивался театръ, гдѣ ставились комедіи и оперы. Въ 1805 г. С. былъ впервые избранъ въ ректоры университета на мѣсто Чеботарева, и эту должность занималъ также въ 1806 г. и 1807 г., когда изъ-за разстроеннаго здоровья долженъ былъ отказаться отъ нея. Въ качествѣ ректора онъ много сдѣлалъ для улучшенія университетскаго управленія. Ему удалось привести въ удовлетворительное состояніе университетскую типографію, въ результатѣ чего она стала давать вмѣсто 10 тысячъ 30 тысячъ

рублей дохода. Благодаря его поддержкѣ, продолжала существовать академическая гимназія, которую за отсутствіемъ средствъ предполагали закрыть. Біографы и современники С. самымъ лучшимъ образомъ отзываются о немъ, какъ объ администраторѣ и человѣкѣ. И. М. Снегиревъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что рѣдко видѣлъ «такого статнаго безъ принужденія, величаваго безъ напыщенности, красиваго безъ притязанія и вѣжливаго безъ манерности, какъ этотъ почтенный и благородный человѣкъ. Самый видъ внушалъ невольное къ нему уваженіе. Въ управленіи своемъ не нужно было ему прибѣгать къ наказаніямъ, угрозамъ и брани; все дѣлалось по его распоряженію въ точности, не изъ страха, но изъ опасенія огорчить его. Изъ этого можно заключить, какъ его уважали и любили». Онъ состоялъ членомъ Императорской медико-хирургической академіи и многихъ заграничныхъ ученыхъ обществъ, былъ членомъ-корреспондентомъ Петербургской академіи наукъ, Іенскаго латинскаго общества и Харьковскаго университета.

С. пользовался большимъ уваженіемъ среди русскихъ мистиковъ, особенно масоновъ, съ которыми находился въ близкихъ отношеніяхъ. Большое вліяніе имѣлъ на него Н. И. Новиковъ, по порученію котораго, еще будучи студентомъ, онъ перевелъ съ французскаго яз. книгу Сенъ-Мартена: «О заблужденіяхъ и истинѣ, или воззваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія» (Москва, 1785 г.). Первоначально книга эта была запрещена, такъ какъ архіепископомъ Платономъ она была отнесена къ числу «сумнительныхъ». Кромѣ того С. перевелъ съ французскаго языка слѣдующія произведенія: «Эмиль и Софія, или хорошо воспитанные любовники» Ж. Ж. Руссо (Москва 1779 г.), «Тысяча и одно дурачество», сказки (Москва 1780—1781 гг.), «Начальныя основы опытной физики» Бриссона (3 части, Москва 1800—1802 гг., 2-ое изд. въ 1810 г.), «Путешествіе младшаго Анахарсиса по Греціи въ половинѣ 4-го вѣка до Р. Х.» Бартеллеми (5 ч., Москва, 1803—1809 гг.). Изъ самостоятельныхъ трудовъ С. были изданы три его рѣчи: «Слово о вліяніи наукъ въ общее человѣчества благоденствіе», произнесенное въ университетѣ 30 іюня 1788 г. (Спб., 1788 г.),—возраженіе на знаменитый трактатъ Ж. Ж. Руссо; «De motu corporis» (М., 1791 г.) и «Торжество музъ въ день коронованія Александра I, 25 сентября 1801 г.», а также книга «Начертаніе краткое физики» (съ чертежами, М. 1810 г.). Многіе его труды, какъ, напр., два дополнительныхъ тома къ физикѣ Бриссона, «Записки о наблюденіяхъ теченія большой кометы, являвшейся въ сентябрѣ 1811 г.», записки о его путешествіи по Европѣ,— труды, которые онъ не желалъ издать при жизни, погибли во время пожара Москвы въ 1812 г. Незадолго до вступленія французовъ въ Москву С. уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ. Дорогой его разстроенное здоровье было еще болѣе подорвано, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда въ Нижній-Новгородъ онъ скончался— 12 февраля 1813 г.—отъ водяной грудной болѣзни, 53 лѣтъ отъ роду. С. дослужился до статскаго совѣтника и имѣлъ нѣсколько орденовъ.

В. С. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи“, Спб. 1815 г., № 3728, 6709—10, 6798, 4138, 9158, 10775.—Н. В. Губерти, „Матеріалы для русской библіографіи, 1725—1800“, Москва, 1881 г., вып. II, стр. 184—187.—„Отчетъ Московскаго публичнаго Румянцевскаго музея за 1865 г.“, стр. 7.—Митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ), „Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей“, Москва, 1845 г., стр. 180—181.—„Русскіе люди, жизнеописаніе соотечественниковъ“, Спб. и Москва, 1866 г. т. II, стр. 136—158.—С. Шевыревъ, „Исторія Императорскаго Московскаго университета“, Москва, 1855 г., стр. 208, 237, 303, 323, 333, 344, 361, 363.—„Воспоминанія И. М. Снегирева“, „Русскій Архивъ“, 1866 г. № 4 и 5, стр. 513—562, 735—60.—Кн. Долгорукій, „Капище сердца моего“, „Чтенія въ Императ. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“, 1872 г., книга 4-ая, стр. 91—92.—„Чтенія въ Императ. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“. 1870 г., книга 4-ая, стр. 218.—И. М. Снегиревъ, „Старина русской земли“, Спб., 1871 г., томъ I, кн. I-ая, стр. 185, 192—193.—В. В—въ, „Историческіе очерки русскаго масонства и его главныхъ представителей“ „Орловскія Епархіальныя Вѣдомости“, 1869 г., № 5, стр. 455.—„Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Московскаго университета“, Москва, 1855 г., стр. 442—466.—Брокгаузъ и Ефронъ, „Энциклопедическій словарь“, Спб., 1900 г. полут. 62, s. v.—„Большая Энциклопедія“, Спб., 1904 г. томъ 18, s. v.—Ф. Толль, „Настольный словарь“, т. III, Спб., 1864 г., стр. 547.

Е. К.

Страховъ, *Петръ Илларіоновичъ*, ординарный профессоръ технологіи и ветеринарной медицины и почетный членъ Мо-

сковскаго университета, докторъ медицины, родился 30 января 1798 г., умеръ 25 іюня 1856 г. Помимо безспорныхъ научныхъ заслугъ С., біографія его заслуживаетъ вниманія еще въ томъ отношеніи, что въ ней до извѣстной степени обрисовывается укладъ университетской жизни начала XIX вѣка. С. былъ типичнымъ дѣтищемъ Московскаго университета или, выражаясь точнѣе, устроителей этого университета, который самъ по себѣ въ то время еще не пріобрѣлъ собственной физіономіи и прочныхъ традицій. Отецъ С., братъ профессора физики (см. предыдущій), служилъ секретаремъ въ вотчинномъ департаментѣ. Незадолго до своей смерти, онъ, по разсказу самого С., какъ-то подозвалъ мальчика къ себѣ, далъ ему въ руки зеленую кожаную сумку съ книжкою, тетрадками и аспидной доской и сказалъ: «На, и ступай въ университетъ; и я, и твой дядя, и мои друзья, и племянники, и твои двоюродные братцы тамъ нашли свое счастье, тамъ же и твое, поди его доставай, а здѣсь безъ меня тебѣ погибель». Мальчикъ отправился, дѣйствительно, въ университетъ, гдѣ и былъ, при содѣйствіи дяди, зачисленъ въ гимназію «на штатное содержаніе». Болѣзненный отъ природы, онъ, тѣмъ не менѣе, окрѣпъ тамъ физически и сроднился съ суровой дисциплиной; наравнѣ съ другими сверстниками онъ былъ «въ послушаніи» у студентовъ, которымъ «служилъ, какъ служатъ солдаты офицерамъ»—«чистилъ имъ платье, причесывалъ имъ головы, хаживалъ съ посылками и порученіями къ ихъ роднымъ и знакомымъ» и т. д. «Все это онъ исполнялъ, по словамъ его біографа, съ покорностію и безъ ропота, ибо, нося на плечахъ формонный желтый казенный сюртукъ, почиталъ себя слугою царскимъ, а послуги студентамъ—частію своей должности». Впослѣдствіи С. даже радовался этому суровому воспитанію, которое, по его мнѣнію, помогло ему «уцѣлѣть отъ нравственной бѣды, безначальнаго своеволія». Низкій уровень и рутина преподаванія въ гимназіи вселили въ С. отвращеніе къ школьнымъ занятіямъ, и въ то же время онъ пристрастился къ ремесламъ и физическому труду, для чего пользовался лѣтними вакаціями, когда работалъ въ деревнѣ съ крестьянами, учился сѣять, косить, жать, молотить. Первые годы въ гимназіи С. «изъ скамеекъ предпочиталъ тѣ, которыя были расположены подальше отъ учителя», и уроковъ совершенно не готовилъ, довольствуясь тѣмъ, что случайно слышалъ и схватывалъ во время занятій его болѣе усердныхъ товарищей. Однако среди учителей въ старшихъ классахъ гимназіи нашлось нѣсколько хорошихъ преподавателей, съ любовью занимавшихся своимъ дѣломъ, и они-то пріохотили С. къ научнымъ занятіямъ, разбудивъ въ немъ жажду знаній. Въ 1806 г. вмѣстѣ съ остальными 30—40 учениками гимназіи онъ обязался подпиской «навсегда посвятить себя ученому званію».

Въ іюлѣ 1810 г. С. былъ «награжденъ шпагой и въ тотъ же день поставленъ камернымъ студентомъ-надзирателемъ за штатными воспитанниками старшаго возраста», а въ августѣ перешелъ въ университетъ, избравъ физико-математическое отдѣленіе, для занятій на которомъ онъ былъ подготовленъ техническими работами на нѣкоторыхъ московскихъ фабрикахъ. Во время Отечественной войны 1812 г. онъ отправился съ дядей Петромъ Ивановичемъ въ Нижній-Новгородъ, откуда возвратился весною 1813 г. При всеобщемъ московскомъ пожарѣ сгорѣли и первыя его работы по математикѣ: переводы съ французскаго «Геометріи» Лежандра и съ нѣмецкаго «Инфинитезимальнаго исчисленія». Поскихо. Полагая, что война съ французами будетъ упорной и продолжительной, и нуждаясь во врачахъ, русское правительство поспѣшило открыть въ Москвѣ только медицинскій факультетъ и пригласило къ поступленію въ него студентовъ изъ всѣхъ остальныхъ отдѣленій. Этому приглашенію, по совѣту профессора Н. Н. Сандунова, послѣдовалъ и С. и съ конца 1813 г. сталъ ревностно заниматься врачебными науками подъ руководствомъ такихъ выдающихся для своего времени профессоровъ, какъ В. М. Рихтеръ, Ѳ. А. Гильтебрандтъ, М. Я. Мудровъ, В. М. Котельницкій и Х. Г. Бунге. Въ 1817 г. онъ, вмѣстѣ съ другими студентами, былъ командированъ въ Московскій военный госпиталь для занятій тамъ ординаторской практикой и подготовленія къ докторскому экзамену и въ слѣдующемъ году награжденъ золотой медалью за студенческую научную работу. Къ этому времени относится инцидентъ,

характерный какъ для самого С., такъ и въ особености для университетской администраціи. Для ревизіи построеннаго взамѣнъ сгорѣвшаго въ 1812 г. новаго университетскаго зданія въ Москву пріѣхалъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, который нашелъ постановку медицинскаго факультета неудовлетворительной и, возвратившись въ Петербургъ, испросилъ Высочайшее повелѣніе на расширеніе анатомическаго и клиническихъ институтовъ. Составленіе проектовъ, смѣтъ и новыхъ штатовъ министръ поручилъ попечителю университета, князю А. П. Оболенскому; тотъ передалъ часть этой работы декану медицинскаго факультета проф. М. Я. Мудрову, а послѣдній въ свою очередь пригласилъ себѣ на помощь проф. В. И. Ромодановскаго, эконома университета Грѣшицева и смотрителя больницъ Полубояринова. Однако всѣ трое рѣшительно отказались отъ этой работы въ виду ея трудности. Мудровъ обратился тогда за помощью къ... студентамъ-медикамъ, въ томъ числѣ и къ С. Послѣднему досталась самая трудная часть: «примѣрные штаты клиническихъ и медицинскаго институтовъ съ смѣтами расходовъ на ежегодное ихъ содержаніе». О дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла біографъ С. разсказываетъ слѣдующее: «Въ концѣ 1818 г. Мудровъ представилъ всѣ выработанные проекты попечителю, которому изъ всѣхъ бумагъ понравились только составленныя Страховымъ, потому что, кромѣ архитекторскихъ смѣтъ, однѣ лишь онѣ подлинно и были надобны. Князь просмотрѣлъ ихъ, сдѣлалъ отмѣтки карандашемъ и съ своимъ человѣкомъ воротилъ прямо къ писавшему ихъ студенту... Самъ пріѣхалъ на задній университетскій дворъ и попавшемуся тутъ сторожу приказалъ вызвать къ себѣ на дворъ Страхова. Когда же этотъ явился, князь-попечитель повелъ его подъ руку съ собою дворомъ и сказалъ: «Спасибо за твои бумаги, пересмотри еще, гдѣ надобно пополни, да пожалуйста не убавляй, лучше просить лишка, нежели теперь поскупиться, а послѣ терпѣть недостатки и жаться, да поторопись поскорѣе отпустить меня въ С.-Петербургъ, будь увѣренъ, что труды твои не пропадутъ, я тебѣ предоставлю первыя мѣста, которыя откроются»... «Студентъ поспѣшилъ исполнить приказаніе», князь свезъ проекты въ Петербургъ, и тамъ они удостоились утвержденія.

Выдержавъ экзамены прямо на степень доктора, С. защитилъ диссертацію «De dysenteria» (М., 1821 г.) и 10 октября 1821 года былъ удостоенъ степени доктора медицины. Составленные имъ для университета проекты были приведены въ исполненіе, институты открыты, и по ходатайству «князя-попечителя», С. получилъ три должности: лектора химіи, помощника директора клиническаго института и помощника директора медицинскаго института (послѣднюю должность—безъ жалованья). 3 февраля 1826 г. онъ былъ утвержденъ адъюнктомъ и вскорѣ послѣ этого получилъ каѳедру сравнительной анатоміи и физіологіи домашнихъ животныхъ. Почти въ то же время (30 іюля) онъ былъ освобожденъ отъ должности помощника директора медицинскаго института, а черезъ $5^1/_2$ лѣтъ оставилъ, по собственному желанію, и должность помощника директора клиническаго института. Въ 1833 г., по смерти профессора Ѳ. А. Денисова, С. получилъ каѳедру технологіи, но черезъ два года, когда въ университетѣ былъ введенъ новый уставъ, и каѳедра технологіи обращена была въ каѳедру сельскаго хозяйства, С. остался безъ занятій и только 28 января 1837 г. перешелъ на каѳедру ветеринарной медицины. 18 августа 1846 г. онъ вышелъ изъ университета окончательно «за реформою», такъ какъ по новымъ дополнительнымъ штатамъ медицинскаго факультета каѳедра ветеринаріи была упразднена. Въ теченіе своей университетской службы С. занималъ рядъ должностей по выборамъ: декана и секретаря медицинскаго факультета, члена училищнаго комитета и ученаго секретаря совѣта университета, временно исполнялъ должность директора клиническаго и медицинскаго институтовъ и больницы университета; во время холерной эпидеміи онъ участвовалъ въ дежурствахъ для подаванія помощи заболѣвшимъ этой болѣзнью служащимъ въ университетѣ, при чемъ и самъ пострадалъ отъ нея. Внѣ университета онъ служилъ цензоромъ въ московскомъ цензурномъ комитетѣ, преподавалъ технологію въ Московскомъ коммерческомъ училищѣ и впослѣдствіи былъ директоромъ этого училища. Какъ преподаватель онъ,

по собственнымъ словамъ, «старался быть вразумительнымъ и существенно-полезнымъ, сообщая своимъ слушателямъ дѣйствительность, встрѣчающуюся въ пространствѣ человѣческой жизни и на службахъ общественныхъ, и не пускался въ излишнія теоретическія предположенія». Суровая дисциплина, при которой воспитывался С., принесла свои плоды, и, оцѣнивая собственныя качества, онъ восклицаетъ: «Счастливъ, почтенъ, тысячу разъ почтенъ тотъ наставникъ молодыхъ людей, который умѣетъ обуздывать юношескую геніальность (sic!) и сдружить ее неразлучно съ добродѣтелью и благонравіемъ и такимъ образомъ руководитъ къ истинному просвѣщенію и совершенству человѣческому». Подъ старость С. гордился тѣмъ, что былъ почтительнымъ и молчаливымъ передъ начальствомъ. Въ чинахъ онъ, впрочемъ, подвинулся не далѣе обыкновеннаго: достигъ только статскаго совѣтника. По отзыву Шевырева, С. дѣйствительно былъ очень добросовѣстнымъ преподавателемъ.

Помимо упомянутой диссертаціи, С. напечаталъ еще нѣсколько переводовъ и рядъ оригинальныхъ статей и брошюръ по различнымъ вопросамъ изъ тѣхъ научныхъ областей, которыми ему приходилось заниматься за время своей разнообразной профессорской дѣятельности. Таковы: «О крикѣ младенца въ утробѣ матери», Рихтера съ лат. («Мед.-Физич. Журн.», III); «О средствахъ къ познанію врачебной науки» Гильдебрандта, съ лат. (Москва, 1826 г., 4°, 29 стр.); «Наставленіе простому народу, какъ предохранять себя отъ холеры и лечить занемогшихъ сю въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ ни лекарей, ни аптекъ» (3 изд., Спб., 1831, 1832 и 1848 гг.); «Краткое наставленіе къ выгоднѣйшему курснію вина изъ картофеля» (Москва, 1831 г.); «Вѣрнѣйшій способъ узнавать по зубамъ лѣта лошади» (Москва, 1834 г.); «Услуги, кои животная медицина оказываетъ медицинѣ человѣческой» («Учен. Зап. Моск. Унив»., III); «De artificiorum fatis apud veteres Graecos et Romanos, oratio solennis» («Рѣчи и отчеты Моск. унив.» 1835 г.). Затѣмъ ему принадлежатъ: «Воспоминанія объ обхожденіи французовъ съ союзниками въ военное время и французскихъ военныхъ врачей съ трудными военно-плѣнными больными и даже французскими» «Московск. Врач. Журн.», III), нѣсколько жизнеописаній, именно М. Я. Мудрова, П. И. Страхова (дяди) и др., помѣщенныхъ въ «Біогр. слов. проф. и преп. Импер. Моск. унив.» и, наконецъ,—автобіографія (тамъ же).

„Біогр. словарь профессоровъ и преподав. Имп. Москов. унив." ч. II, Москва, 1855 г., стр. 467—476 (автобіогр.).—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писат.", тетр. II, Спб., 1886 г., —Некр. въ „Отеч. Зап.", 1856 г., т. 107, ч. IV, 20.—Некр. въ „Военно-Мед. Журн.", 1856 г., ч. 67, II.—Степ. Шевыревъ, „Исторія Имп. Москов универ.", Москва, 1855 г.—Березинъ, „Русскій энциклоп. словарь", отд. IV, т. II, Спб., 1877 г., s. v.—Ѳ. Толль, „Настольный словарь", т. III, Спб., 1864 г., стр. 517.

Страшинскій, *Леонардъ Вильгельмовичъ* (Leonard Straschinsky), историческій живописецъ, родился въ Кіевской губерніи въ 1827 г., умеръ въ Житомірѣ, въ концѣ января или въ началѣ февраля 1879 г. Съ раннихъ лѣтъ полюбивъ рисованіе, С. по окончаніи курса Кіевской гимназіи поступилъ вольноприходящимъ ученикомъ въ Императорскую академію художествъ, гдѣ обучался живописи подъ руководствомъ профессора А. Маркова. Находясь въ академіи, въ 1850 г. онъ получилъ малую серебряную медаль за «Изображеніе короля Лира» и въ 1854 г.—золотую медаль, установленную для отличившихся въ экспрессіи, за представленную картину «Смерть Риччіо». Академическій курсъ С. окончилъ въ 1855 г. съ большою золотою медалью, полученною имъ за картину: «Валленштейнъ, герцогъ Фридландскій, истреблявшій протестантовъ и уничтожившій мелкихъ феодальныхъ владѣтелей, вступаетъ побѣдителемъ въ полуразрушенный замокъ одного изъ владѣтелей протестантскихъ, съ своими солдатами», послѣ чего (въ слѣдующемъ году) былъ отправленъ на казенный счетъ за границу на шесть лѣтъ для усовершенствованія въ живописи. Въ 1862 г. С. былъ признанъ академикомъ. Въ музеѣ академіи художествъ имѣются картины С.: «Кардиналъ Мазарини» и «Кардиналъ Ришелье».

Б. К. Веселовскій, „Картинная галлерея Императорской академіи художествъ. III. Каталогъ галлереи графа Н. А. Кушелева-Безбородко", Спб., 1886 г. — П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской академіи художествъ за сто лѣтъ ея существованія", Спб., 1864—1866 гг., по указателю Юндалова.

В. Г.

Страшкевичъ, *Кондратій Ѳедоровичъ*, филологъ, доцентъ по каѳедрѣ древне-

классической словесности въ университетѣ св. Владиміра, родился въ 1816 г. въ Волынской губерніи, гдѣ отецъ его служилъ мелкимъ чиновникомъ. Среднее образованіе получилъ въ Житомірской гимназіи и уже тамъ обнаружилъ выдающіяся способности къ языкамъ. Въ 1835 г. поступилъ въ Кіевскій университетъ, гдѣ окончательно выяснилась его склонность къ серьезнымъ занятіямъ филологіей, особенно древне-классической. Успѣхи его въ этой области были настолько значительны, что въ 1838 г., будучи еще студентомъ, онъ занялъ мѣсто нештатнаго преподавателя греческаго языка во 2-ой Кіевской гимназіи. Совершенно необезпеченный матеріально, С. и въ Житомірѣ, и въ Кіевѣ, чтобы промыслить средства къ существованію, долженъ былъ много времени удѣлять репетиторскому труду, что, конечно, въ значительной степени мѣшало его собственнымъ занятіямъ, но зато выработало въ немъ привычку къ усидчивой и настойчивой работѣ. Удостоенный золотой медали за диссертацію на латинскомъ языкѣ «De Dorum et Jonum ingenio diversa, deque litterarum, quae inde profecta sit, apud utramque stirpem descrepantia», С., по окончаніи въ 1839 г. университетскаго курса, былъ назначенъ старшимъ преподавателемъ латинскаго языка въ Винницкую гимназію, но черезъ годъ возвращенъ въ ту же 2-ю гимназію въ Кіевѣ штатнымъ учителемъ греческаго языка и одновременно съ этимъ совѣтомъ университета св. Владиміра избранъ адъюнктомъ по каѳедрѣ греческой и римской словесности. Кстати замѣтить, что С. былъ первый питомецъ Кіевскаго университета, ставшій въ немъ же преподавателемъ. По свидѣтельству проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, автора «Исторіи университета св. Владиміра», С. обладалъ несомнѣнными, обширными и серьезными познаніями въ области древней филологіи и феноменальною способностью къ языкамъ вообще; кромѣ латинскаго и древнегреческаго, онъ зналъ—одни хорошо, другіе въ совершенствѣ—языки сербскій, чешскій, болгарскій, польскій, новогреческій, итальянскій, англійскій, нѣмецкій, французскій и шведскій, причемъ большинство изъ нихъ, особенно языки славянскіе, были изучены имъ практическимъ путемъ,—въ бесѣдахъ со студентами-славянами, слушавшими лекціи въ Кіевскомъ университетѣ. По свидѣтельству другого лица, къ нему, какъ спеціалисту въ классическихъ языкахъ и древности, часто обращались за разрѣшеніемъ тѣхъ или другихъ вопросовъ даже профессора университета и получали отъ него всегда удовлетворительные отвѣты. Не подлежитъ также сомнѣнію и его основательное знакомство съ литературою почти всѣхъ европейскихъ народовъ; почти все лучшее изъ иностранныхъ произведеній онъ изучилъ въ подлинникѣ, а лучшее изъ лучшаго, благодаря своей поразительной памяти, зналъ наизусть. Типичный кабинетный ученый, онъ, до 1864 г. ни разу не побывавъ заграницей, тѣмъ не менѣе иногда прямо поражалъ учившихся въ Кіевѣ студентовъ-славянъ свободнымъ объясненіемъ на ихъ языкахъ, детальнымъ знакомствомъ съ народнымъ бытомъ, съ исторіей, и особенно съ географіей славянскихъ земель, вплоть до знанія мельчайшихъ хронологическихъ датъ и наименованія и мѣстоположенія незначительнѣйшихъ деревушекъ. Несмотря на эти солидныя по тогдашнему времени и разностороннія познанія, С., однако, до самой смерти, въ теченіе долгихъ 28 лѣтъ, оставался все въ одномъ и томъ же званіи,—адъюнкта древней словесности, т. е., говоря проще,—преподавателя чуть ли не начальныхъ основаній языковъ греческаго и латинскаго; впрочемъ, изъ адъюнктовъ въ 1864 г. онъ былъ переименованъ въ штатные доценты, что нисколько не измѣнило его положенія въ университетѣ.

Познанія С. страдали, конечно, и нѣкоторыми пробѣлами, при томъ они были, быть можетъ, нѣсколько безсистемны, нѣсколько разбросаны, не совсѣмъ, такъ сказать, сконцентрированы вокругъ одного главнаго центра, но если вспомнить, съ какимъ незначительнымъ научнымъ багажемъ достигали въ то время нѣкоторые и русскіе, и иностранные университетскіе дѣятели званія ординарнаго профессора, то причины положенія С. на роли университетскаго пасынка приходится искать въ области, съ учеными достоинствами его ничего общаго не имѣющей.

И дѣйствительно, для объясненія ненормальнаго положенія С. какъ нельзя лучше подходитъ малороссійская пословица: «Паны дорутся, а у хлоповъ чубы летятъ». Въ университетѣ боролись въ это время двѣ про-

фессорскія партіи—русская и нѣмецкая, и самое приглашеніе С. въ качествѣ адъюнкта было своеобразнымъ реваншемъ со стороны первой послѣ одной изъ «побѣдъ» нѣмецкой партіи. Но такъ какъ послѣдняя въ теченіе многихъ лѣтъ въ университетѣ, по крайней мѣрѣ на филологическомъ его отдѣленіи сохраняла господствующее положеніе, и такъ какъ С. былъ ставленникомъ противной партіи, то онъ и явился жертвой этой борьбы, хотя самъ, поглощенный занятіями, при томъ человѣкъ весьма скромный, въ ней никакого участія не принималъ и даже мало ею интересовался. Не помогла ему въ смыслѣ повышенія въ экстро-ординарные профессора и степень магистра классической словесности, которою онъ былъ удостоенъ въ 1845 г. послѣ представленія и защиты диссертаціи «De historia Thucididea».

Въ университетѣ С., помимо своихъ прямыхъ обязанностей, одно время (1843 г.) состоялъ секретаремъ историко-филологическаго факультета и въ теченіе 1846—47 учебнаго года—преподавателемъ чешскаго языка; кромѣ того онъ давалъ уроки новыхъ языковъ и въ нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Кіева,—въ той же 2-ой мужской гимназіи, институтѣ благородныхъ дѣвицъ и въ Фундуклеевской женской гимназіи. Для облегченія студентамъ занятій по чешскому языку въ 1847 г. имъ была составлена «Чешская грамматика», подъ этимъ заглавіемъ изданная въ 1852 г. съ краткой хрестоматіей и словаремъ. Результатомъ работъ С. по греческой филологіи и археологіи явилось обширное (468 стр.) и во многихъ отношеніяхъ вполнѣ оригинальное изслѣдованіе—«Очерки греческихъ древностей», напечатанное въ «Кіевскихъ Университ. Извѣстіяхъ» (1863—1864 гг.), 10 лѣтъ спустя съ добавленіемъ описанія и карты древнихъ Аѳинъ вышедшее вторымъ изданіемъ и въ этомъ видѣ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія рекомендованное «какъ чрезвычайно полезное пособіе при преподаваніи греческаго языка въ гимназіяхъ, а также для ученическихъ и фундаментальныхъ библіотекъ». Въ 1865 г. С. было поручено завѣдываніе университетскимъ минцъ - кабинетомъ, значительныя сокровища котораго обрѣтались до того времени въ самомъ хаотическомъ состояніи. Со свойственною ему добросовѣстностью С. занялся изученіемъ, разборомъ и систематизаціей коллекцій монетъ и медалей. Эта работа въ томъ же году была доведена до конца, и нумизматическій кабинетъ былъ открытъ для всѣхъ желающихъ въ немъ заниматься. Составивъ подробный каталогъ всѣхъ наличныхъ предметовъ музея, С. въ то же время заинтересовался найденными протоколами осмотра представлявшихся въ университетъ для опредѣленія различныхъ древностей и на основаніи этихъ документовъ составилъ описаніе подъ заглавіемъ: «Клады, разсмотрѣнные въ минцъ-кабинетѣ университета св. Владиміра съ 1838 по 1866 г.» («Кіевск. Универс. Извѣстія», 1865 г., №№ 10—12). Вновь поступавшія въ университетъ древности онъ изслѣдовалъ лично и въ концѣ каждаго года давалъ объ этомъ подробные отчеты, печатавшіеся въ тѣхъ же «Университ. Извѣстіяхъ» (1865—1867 гг.). Преимущественное вниманіе въ своихъ занятіяхъ нумизматикой С. удѣлялъ древне-классическому міру. Въ 1867 г. онъ предпринялъ обширное изслѣдованіе въ этой области и для исчерпывающаго знакомства съ монетами древней Греціи и Рима рѣшилъ осмотрѣть лучшіе нумизматическіе кабинеты Западной Европы. Еще до этого, именно въ 1864 г., онъ ѣздилъ въ Грецію съ цѣлью ознакомиться на мѣстѣ съ руинами и развалинами древности. Результатомъ этой поѣздки были двѣ статьи: первая—«Письмо о поѣздкѣ черезъ Одессу и Константинополь въ Аѳины» («Университ. Извѣстія», 1864 г., № 8), содержащая описаніе путевыхъ впечатлѣній, и вторая—«Аѳины въ отношеніи мѣстности и памятниковъ искусства», напечатана тамъ же (1873 г., №№ 7 и 8) уже послѣ смерти С. и вошедшая потомъ во второе изданіе его «Очерковъ греческихъ древностей». Предпринятая же поѣздка С. въ Западную Европу не удалась, такъ какъ на дорогѣ туда онъ заболѣлъ и долженъ былъ возвратиться въ Кіевъ, гдѣ болѣе ужъ не оправлялся и 5 октября 1868 г. умеръ. Въ заключеніе слѣдуетъ назвать еще одну брошюру С., стоящую особнякомъ отъ обычныхъ его литературныхъ работъ—«Мысли на новый годъ второго тысячелѣтія Россія» (Кіевъ, 1863 г.).

А. И. Линниченко, „Кондратій Ѳедоровичъ Страшкевичъ, біографическій очеркъ", „Кіев-

скія Университетскія Извѣстія", 1868 г.. № 10, стр. 1—10.—В. С. Иконниковъ, „Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императ. университета св. Владиміра", Кіевъ, 1884 г., s. v.—Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Исторія Императорскаго университета св. Владиміра", Кіевъ, 1884 г., стр. 225, 433.—„Русскій Архивъ", 1870 г. № 11, стр. 2013—2043.—„Иллюстрированная Газета", 1868 г., № 106.—„Кіевлянинъ", 1868 г., № 42 (некрологъ) и 1874 г., № 106 (біографич. замѣтка).—„Московскія Вѣдомости", 1874 г., № 246.—„Церковный Вѣстникъ", 1877 г., № 15.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія", s. v. *А. Заринъ.*

Стрекаловъ, *Степанъ Өедоровичъ*, статсъ-секретарь Императрицы Екатерины II, тайный совѣтникъ, сенаторъ, происходилъ изъ стараго дворянскаго рода, выѣхавшаго изъ Литвы въ 1492 г., родился въ 1728 г. Съ 1775 г. онъ былъ членомъ Кабинета Ея Величества и дѣлопроизводителемъ учрежденнаго при Дворѣ совѣта, а въ 1784—1792 гг.—управляющимъ Кабинетомъ. Наибольшую извѣстность, въ значительной степени, впрочемъ, отрицательнаго характера, составилъ онъ себѣ какъ театральный дѣятель. Имп. Екатерина II поручила ему, по званію члена Кабинета, завѣдываніе придворнымъ театромъ, въ надеждѣ на то, что онъ, слывшій знатокомъ театральнаго искусства, подниметъ состояніе порученнаго его вѣдѣнію театра до западно-европейскаго уровня. Однако, какъ видно изъ собственноручнаго письма къ нему Императрицы отъ 1789 г., С. не оправдалъ ея надеждъ, да и не могъ оправдать: любитель удовольствій, безпечный сибаритъ, онъ едва ли былъ способенъ къ какой-либо усиленной дѣятельности, требовавшей, какъ порученная ему, выдающейся энергіи и иниціативы. Непрактичный и неразсчетливый, онъ сильно запуталъ денежную сторону театра. Статсъ-секретарь А. В. Храповицкій въ своемъ извѣстномъ «Дневникѣ» сообщаетъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ: «Стрекаловъ 17 августа 1788 г. подалъ записку о театральномъ долгѣ, простирающемся до 440900 рубл. 18 августа (Императрица) подписала поднесенный мною указъ по долгамъ театральнымъ: «онъ (Стрекаловъ) лѣнивецъ, довольно мучилась съ нимъ и съ Панинымъ (гр. Никитою Ивановичемъ) во время войны прошедшей; тогда внутреннее было замѣшательство и, подобно нынѣшнему, много встрѣчалось нужнаго»... «6 октября подписанъ гнѣвъ на Стрекалова за неплатежъ по векселямъ Симолина». Векселя Ив. Матв. Симолина, русскаго чрезвычайнаго посланника въ Парижѣ, были результатомъ выписки С. изъ Франціи актеровъ, жалованіе которымъ уплачивалось неисправно, что вызвало жалобу актера Жюльена. Резолюціей Императрицы было подтверждено, «чтобы точно заплачено было». «15 октября—продолжаетъ Храповицкій—приказано въ послѣдній разъ спросить у Стрекалова, когда подастъ театральные счеты? Онъ боленъ и не былъ въ совѣтѣ: сидя дома, пьетъ. Намѣрены разстаться съ нимъ. 19 октября за секретъ сказалъ мнѣ гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, что вчерась совѣтывались съ нимъ объ опредѣленіи меня на мѣсто Стрекалова. 8 февраля 1789 г. велѣно заготовить повелѣніе объ обставкѣ Стрекалова». Впрочемъ, къ этимъ показаніямъ слѣдуетъ относиться осторожно, такъ какъ они исходятъ отъ соперника С., тѣмъ болѣе, что до 1792 г. послѣдній продолжалъ оставаться у дѣлъ. Умеръ С. сенаторомъ въ 1805 г.

В. Строевъ.

Стремоуховъ, *Дмитрій Петровичъ*, инженеръ путей сообщенія, род. въ 1805 г. Поступивъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія въ 1820 г., онъ въ 1822 г. былъ произведенъ въ прапорщики, а въ 1824 г. назначенъ на службу въ III-ій (Московскій) округъ, гдѣ долгое время работалъ преимущественно по водянымъ сообщеніямъ: произвелъ нивеллировку рѣки Цны, составилъ планъ этой рѣки, производилъ изысканія по рѣкѣ Мологѣ, составилъ и привелъ въ исполненіе проектъ укрѣпленія ея берега и пр. Затѣмъ ему же принадлежитъ составленіе проекта устройства гавани для зимовки судовъ въ Рыбинскѣ, исправленіе набережной Волги въ Ярославлѣ, производство работъ по укрѣпленію ея береговъ, съемка и нивеллировка рѣки Которости и, наконецъ, проектъ пристани въ Нижнемъ-Новгородѣ. Кромѣ того, онъ произвелъ съемку положенія мелей отъ Ярославля до Костромы и посредствомъ фашинныхъ и плетневыхъ запрудъ углубилъ Овсянниковскій перекатъ. Въ 1834 г. С. былъ назначенъ завѣдывающимъ изысканіями, а затѣмъ и работами по Ярославскому шоссе, а съ 1843 г. и до смерти, послѣдовавшей въ іюлѣ 1845 г.,

состоялъ помощникомъ начальника Московскаго округа путей сообщенія.

С. Житковъ, „Біографіи инженеровъ путей сообщенія", вып. I, Спб., 1889 г. стр. 100.—„Списокъ лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I съ 1811 по 1882 г.", Спб., 1883 г., стр. 12. *П. Г—чъ.*

Стремоуховъ, *Петръ Николаевичъ*, директоръ азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣйствит. тайный совѣтникъ, камергеръ, родился въ 1823 г.; принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, происходившему, по сказаніямъ родословцевъ, отъ «греченина» Александра - Аѳанасія Страматороса-Стрмоухова, выѣхавшаго изъ Царь-града въ 1462 г. къ великому князю Василію Васильевичу. Высшее образованіе С. получилъ въ Александровскомъ лицеѣ, по окончаніи курса въ которомъ (1842 г.) поступилъ на службу въ азіатскій департаментъ мин. иностр. дѣлъ, гдѣ пробылъ до 1856 г. и за это время пріобрѣлъ репутацію одного изъ дѣятельнѣйшихъ чиновниковъ. Нѣкоторое время послѣ этого пробывъ генеральнымъ консуломъ въ Рагузѣ, С. въ серединѣ 1858 г. вернулся на службу въ тотъ же департаментъ, былъ вскорѣ назначенъ въ немъ начальникомъ отдѣленія, въ 1861 г. занялъ мѣсто вице-директора, и въ 1864 г.—директора его. Находясь на этомъ посту и пользуясь довѣріемъ кн. А. М. Горчакова, онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ, касавшихся нашихъ интересовъ на Востокѣ. Императоръ Александръ II очень цѣнилъ дипломатическія способности С. и въ 1863 г. пожаловалъ его званіемъ камергера Высочайшаго двора. Въ чинѣ тайнаго совѣтника, полученномъ С. еще въ 1866 г., онъ, послѣ смерти В. И. Вестмана (1875 г.), временно исполнялъ должность тов. министра иностр. дѣлъ. Въ томъ же году онъ вышелъ въ отставку съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Умеръ С. 24 апрѣля 1885 г. въ собственномъ имѣніи, селѣ Фитижъ, Льговскаго уѣзда, Курской губерніи. За время своей службы онъ былъ награжденъ рядомъ знаковъ отличія, въ томъ числѣ орденами Бѣлаго Орла и Александра Невскаго.

„С.-Петербургскія Вѣдомости", 1885 г., № 112.—„Journal de S.-Petersbourg", 1885 г., № 108, некрологъ.—„Курскій Листокъ", 1885 г., № 33.—„Новое Время", 1885 г., № 3290, некрологъ. — „Энциклопедическій словарь" Ефрона и Брокгауза, томъ XXXIа, стр. 795. *В. Крокосъ.*

Стренцель, *Иванъ Ивановичъ*, писатель по морской исторіи, родился въ 1811 г., умеръ 18 ноября 1881 г.; въ 1829 г. поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, по окончаніи курса котораго былъ произведенъ въ мичманы и назначенъ въ Черноморскій флотъ. На судахъ послѣдняго С. въ теченіе 1831—1832 гг. участвовалъ въ обычныхъ морскихъ кампаніяхъ, въ 1833 г. изъ Буюндерскаго рейда ѣздилъ съ дессантомъ въ Ѳеодосію; съ 1835 г. служилъ уже въ Балтійскомъ флотѣ, гдѣ вскорѣ получилъ чинъ лейтенанта, а впослѣдствіи маіора (1849), съ назначеніемъ въ ассесоры комиссіи военнаго суда при Кронштадтскомъ портѣ. Между 1851—1858 гг. онъ состоялъ при адмиралтействѣ, въ 1859 г., произведенный въ подполковники, былъ зачисленъ по резервному флоту, а въ 1860 г. перешелъ на гражданскую службу и назначенъ помощникомъ дѣлопроизводителя комиссаріатской части въ Кронштадтѣ; наконецъ, начиная съ 1865 г. и до самой смерти, С. служилъ начальникомъ Кронштадтскаго портоваго архива, дослужился до статскаго совѣтника и былъ награжденъ нѣсколькими орденами. Работая въ кронштадтскомъ архивѣ, С. воспользовался его совершенно неразработанными матеріалами и на основаніи ихъ написалъ нѣсколько статей, весьма цѣнныхъ для исторіи русскаго мореходства. Въ «Морскомъ Сборникѣ» за 1855—1874 гг. были помѣщены его «Историческія изысканія объ основаніи Кронштадта» и «Біографическій очеркъ жизни Ивана Николаевича Изыльметьева»; въ газетѣ «Кронштадтскій Вѣстникъ» (1867, 1873, 1877 и 1879 гг.) напечатаны его статьи: «Кронштадтъ 50 лѣтъ назадъ» (вышла также отдѣльно, Спб., 1874), «Начало общаго собранія флагмановъ и капитановъ при Кронштадтскомъ портѣ», «Начало кронштадтскаго арсенала», «Учрежденіе конференціи при главномъ командирѣ», «Біографія Ѳедора Карповича Фурсова», «Русскія экспедиціи для описанія сѣверныхъ береговъ Сибири (1734—1862 гг.)» (также отд., Кроншт., 1862 г.), «Біографія Мартина Бегаима», «Флотъ въ первое время послѣ Петра I» и «Наводненіе въ Кронштадтѣ 7 ноября 1824 г.».

„Общій морской списокъ", ч. XI, Спб., 1890 г., стр. 635—636.—„Русская библіографія морского дѣла 1701—1882 гг.", изд. Мартынова, Спб., 1885 г., стр. 19,—Ѳ. В. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса", Спб., 1852 г. *К. Рожковъ.*

Стржедзиньскій, *Андрей Осиповичъ*, ординарный профессоръ анатоміи въ Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ, род. въ 1823 г. въ Ломжинской губерніи, ум. въ 1882 г. въ Петербургѣ. По окончаніи курса въ находившемся при медико-хирургической академіи ветеринарномъ институтѣ (1850 г.), нѣкоторое время практически работалъ въ его клиникахъ и въ 1851 г. былъ назначенъ помощникомъ прозектора и преподавателемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ ветеринарныхъ предметовъ. Защитивъ въ 1855 г. диссертацію «О чесоточномъ клещѣ» и удостоенный степени магистра ветеринарныхъ наукъ, С. былъ назначенъ прозекторомъ и съ этого времени началъ преподавать одинъ изъ главныхъ предметовъ ветеринаріи—физіологическую и патологическую анатомію домашнихъ животныхъ. Въ теченіе своей дальнѣйшей службы по ветеринарному отдѣленію въ медико-хирургической академіи онъ читалъ, кромѣ того, еще фармакологію, рецептуру и экстеріеръ, а въ свободное отъ занятій время нѣсколько разъ ѣздилъ въ разныя губерніи для борьбы съ эпизоотіями. Съ 1866 по 1871 г. онъ лѣтнее время проводилъ за границей и успѣлъ хорошо ознакомиться съ анатомическими кабинетами лучшихъ университетскихъ городовъ Западной Европы. Въ 1874 г. С. былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ въ новооткрытый Казанскій ветеринарный институтъ, въ которомъ почти исключительно его личнымъ трудомъ созданъ прекрасный анатомическій кабинетъ, обставленный усовершенствованными приборами и лучшими препаратами. Свой главный предметъ, анатомію животныхъ, С. читалъ въ институтѣ до 1881 г., когда, по слабости здоровья, вышелъ въ отставку; послѣдній годъ прожилъ въ Петербургѣ. Кромѣ своей диссертаціи, напечаталъ еще: «О холерѣ птицъ» («Военно-Медицинскій Журналъ», 1859 г.), «Анатомія домашнихъ животныхъ и дворовыхъ птицъ», ч. I, и «Аппаратъ движенія» (1862 г.). За послѣднюю работу ему была объявлена благодарность отъ медико-хирургической академіи.

А. Богдановъ, „Матеріалы для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся съ нею отраслямъ знанія, преимущественно за 1850—1888 г.", т. II, л. 23 (портретъ С. на табл. XXVI 3-го тома), въ „Извѣст. Имп. общ. любит. естествозн., антропологіи и этнографіи сост. при Имп. Моск. университетѣ", т. LVII. *П. Г—чъ.*

Стржелбицкій, *Иванъ* (работы подписывалъ: *Ioannes Strzelbicki*)—кіевскій и черниговскій граверъ на мѣди начала XVIII вѣка. Свѣдѣній о его жизни не сохранилось никакихъ. Его работы, изобличающія въ немъ опытнаго мастера съ твердой и искусной рукой, къ тому же весьма изобрѣтательнаго и разнообразнаго въ аксесуарахъ и бордюрахъ, касаются духовныхъ и миѳологическихъ темъ и особенно выдаются въ области историческаго портретизма и изображеній съ натуры. Религіозныя темы затронуты имъ въ гравюрахъ «Знаменіе Богородицы» (по бокамъ—св. князья Борисъ и Глѣбъ, внизу—св. Мартинъ и ангелы, въ срединѣ—церковь), «Св. Апостолъ Петръ» (поясной, въ лѣвой рукѣ держитъ портретъ гетм. Дорошенко; чрезвычайно рѣдкая нынѣ гравюра), «Образъ живоноснаго источника, изливающагося отъ св. Троицы» и «Апостолы Петръ и Павелъ несутъ модель Почаевской соборной церкви». Лучшей работой С. на миѳологическіе сюжеты является гравюра «Пегасъ, Аполлонъ и музы», а изъ портретовъ, «Портретъ Варлаама Ясинскаго»; наконецъ, съ натуры имъ изображены «Видъ Почаевской лавры» и «Соборъ св. Архангеловъ Михаила и Гавріила» (самая выдающаяся изъ всѣхъ его работъ). С. выгравировалъ на мѣди также изображенія для двухъ книгъ небезъизвѣстнаго въ началѣ XVIII в. версификатора Максимовича, архіепископа новгородскаго и черниговскаго: 1) «Алфавитъ собранный, риѳмами сложенный, отъ святыхъ писаній, изъ древнихъ реченій, на пользу всѣмъ чтущимъ, въ правой вѣрѣ сущимъ, прежде отъ языка римскаго, а нынѣ слогомъ словенска прочіихъ напечатася во спасеніе собрася» (1705 г.); на заглавной гравюрѣ изображены Петръ Великій, Іоаннъ Алексѣевичъ и Ѳеодоръ Алексѣевичъ, въ текстѣ же рукою С. вырѣзанная анаграмма: «Государю царевичу Алексѣю Петровичу многа лѣта», причемъ слова эти расположены такъ, что ихъ можно прочесть сверху, снизу, вдоль и по-

перекъ; внизу поясненіе: «Отъ всякой буквы Г много тысящъ крати можно просто, воспять, внизъ, къ горѣ читати»; 2) «Царскій путь креста Господня» (Черниговъ, 1709); для этой книги С. сдѣлано 19 аллегорическихъ гравюръ, изображающихъ крестъ, «служащій христіанину спутникомъ во многихъ случаяхъ въ его жизни». Подпись С., датированная вообще чаще всего 1707 г., встрѣчается также подъ гравюрами на многихъ изданіяхъ черниговской типографіи.

П. Пекарскій, „Наука и литература при Петрѣ Великомъ въ Россіи", т. II, Спб., 1862, стр. 115, 203, 673—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв.", Спб., 1895 г., стр. 638.—Его же, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", Спб., 1889 г., s. v. лицъ, портреты которыхъ упоминаются въ текстѣ.—Его же, „Матеріалы для русской иконографіи".

Стржемень-Стройновскій, *Валеріанъ Бенедиктовичъ*, графъ, сенаторъ, тайный совѣтникъ, писатель, сынъ слѣдующаго, родился въ Ходашковѣ (Кременецкаго уѣзда, на Волыни), въ 1770-хъ годахъ (точная дата неизвѣстна). Образованіе получилъ въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ, послѣ чего посвятилъ себя юридической карьерѣ. Своей дѣятельностью онъ пріобрѣлъ вліяніе въ своей провинціи и пользовался довѣріемъ и милостью короля Станислава-Августа. Послѣдній велъ съ нимъ частую и оживленную переписку, наградилъ его многими орденами и званіемъ «генерала (podkomorzym) земли бусской». Будучи избранъ депутатомъ четырехлѣтняго сейма, въ многочисленныхъ своихъ рѣчахъ обнаружилъ недюжинный ораторскій талантъ и явился защитникомъ «новаго устава» (конституціи). Послѣ паденія республики, Рѣчи Посполитой, С. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вступилъ на русскую службу, при чемъ пользовался покровительствомъ Сперанскаго. За время своей служебной дѣятельности получилъ графское достоинство, званіе сенатора и дослужился до чина тайнаго совѣтника. Написалъ на польскомъ языкѣ слѣдующія юридическо-экономическія изслѣдованія, въ свое время пользовавшіяся извѣстностью: «Duch prawa, o bankrutswach i dawnosci ziemskiégo» (Luck, 1808); «O ugodach dziedziców z wloscianami» (Wilna, 1808); «Ekonomij powszechna krajowa narodów» (Warszawa, 1816). Послѣднія двѣ работы переведены В. Анастасевичемъ на русскій языкъ, первая подъ заглавіемъ «Объ условіи крестьянъ съ помѣщиками» (Вильна, 1809 г.) и вторая—«Всеобщая экономія народовъ» (Спб., 1817 г). Умеръ С. въ Петербургѣ, 12 ноября 1834 года.

S. Orgelbranda „Encyklopedija powszechna", Warszawa, 1876, tom 11, стр. 140.—„Русская Старина", 1874 г., стр. 161.—„Русскій Архивъ", 1864 г., вып., 8, стр. 319.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія", V годъ, Спб., 1868 г., стр. 119, № 2158 и VI годъ, Спб., 1869 г., стр. 131, № 2231—2233.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи", Спб., 1813—31 гг., ч. 5, стр. 64, № 12168.—„Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки А. Смирдина", Спб., 1828 г., стр. 165, № 2211, стр. 167, № 2250.—„Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки В. Плавильщикова", Спб., 1820 г., стр. 197, № 2375 и стр. 198, № 2387—.Брокгаузъ и Эфронъ, „Энциклопедическій словарь", полут. 62, стр. 824; слово „Стройновскіе-родъ".—В. В. Руммель и В. В. Голубцовъ, „Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій", Спб., 1886 г., т. 1, стр. 329. *Е. К.*

Стржемень-Стройновскій, *Іеронимъ-Бенедиктъ*, ректоръ Виленскаго университета, епископъ-коадъюторъ луцкій, докторъ богословія, писатель, родился на Волыни, въ деревнѣ Ходашковѣ, Кременецкаго уѣзда, въ 1742 г. Въ 1768 г. вступилъ въ общину піаровъ въ Подолинцѣ, потомъ преподавалъ въ Варшавскомъ конвиктѣ логику, метафизику, математику, первобытное и политическое право. Въ 1781 г. онъ принялъ предложеніе читать лекціи по первобытному праву въ Виленской академіи и эту каѳедру занималъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Слабость здоровья не позволила ему продолжать свою педагогическую дѣятельность, и онъ принужденъ былъ уѣхать въ Италію, гдѣ жилъ преимущественно во Флоренціи, Неаполѣ и Римѣ и вскорѣ выдвинулся какъ ученый. Въ 1787 г. былъ избранъ членомъ академіи наукъ во Флоренціи, а потомъ и Римской академіи. По возвращеніи на родину С. выступилъ изъ общины піаровъ, получилъ мѣсто настоятеля въ Корцѣ и санъ кіевскаго каѳедральнаго каноника, сохранивъ въ то же время за собой каѳедру въ Виленской академіи. Королемъ Станиславомъ-Августомъ пожалованъ былъ медалью—«merentibus». Въ 1799 г. назначенъ былъ членомъ коммиссіи по народному просвѣщенію, затѣмъ полу-

чилъ званіе коадъютора, виленскаго каѳедральнаго схоластика и должность настоятеля костела св. Яна при Виленской академіи. Въ 1794 г. С., послѣ смерти Пособута, избранъ былъ ректоромъ Виленскаго университета и занималъ этотъ постъ въ теченіе 7 лѣтъ, до 1806 г., когда сложилъ съ себя ректорство и посвященъ былъ въ Луцкѣ въ епископы, причемъ нареченъ былъ коадъюторомъ - епископомъ епархіальнымъ. Черезъ нѣкоторое время луцкій капитулъ избралъ его депутатомъ римско-католической коллегіи въ Петербургѣ для исполненія тамъ обязанности предсѣдательствующаго. Въ 1808 г., послѣ смерти епископа Коссовскаго, ему была ввѣрена администрація Виленской епархіи, а въ 1814 г. онъ получилъ санъ епископа. Умеръ послѣ непродолжительной болѣзни въ 1815 г., въ фольваркѣ Эльнокомпія (Elnokompiu). Имъ написано: «Nauka prawa prirodnego, politycznego i prawa narodow» (4 wyd., Warszawa, 1805). Въ переводѣ на русскій языкъ, сдѣланномъ В. Анастасевичемъ, трудъ этотъ былъ изданъ подъ заглавіемъ: «Наука права природнаго, политическаго, государственнаго хозяйства и права народовъ» (Спб., 1809 г.)

Замѣтки Iw. Rudomiin'a въ „Wizerumach naukowych", t. 5, и J. Bartoszewicz'a, въ „Tygodnik Illustrowan", 1862, № 95.—S. Orgelbranda „Encyklopedyja powszechna", Warsz., 1876 г., стр. 142, т. II. — „Русскій Архивъ", 1866 г., стр. 254. — Владимірскій-Будановъ, „Исторія Императ. университета св. Владиміра", Кіевъ, 1884 г., т. I, стр. 26 и 28. — Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", Спб., 1899 г., стр. 1682.—Брокгаузъ и Эфронъ, „Энциклопедическій словарь". полут. 11, стр. 328, слово „Вилен. унив.".—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи", Спб., 1813—1821 гг., т. 3, стр. 438, № 6642.—„Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки для чтенія А. Смирдина", Спб., 1828 г., стр. 157, № 2134. — „Роспись россійскимъ книгамъ изъ библіотеки для чтенія В. Плавильщикова", Спб., 1820 г., стр. 176, № 2097. *Е. К.*

Стригины, княжескій родъ, небольшая вѣтвь князей Ряполовскихъ, въ свою очередь происшедшихъ отъ удѣльныхъ князей Стародубскихъ, почему немногіе представители его и называются то *С.-Ряполовскіе*, то *С.-Стародубскіе*. Основателемъ этого малочисленнаго и скоро угасшаго рода былъ второй сынъ Семена Ивановича Хрипуна-Ряполовскаго, *Ѳедоръ Семеновичъ*, въ отличіе отъ своего старшаго брата того же имени названный *меньшимъ*; привившееся ему прозвище *Стриги* и дало названіе его роду. Изъ представителей послѣдняго только Ѳедоръ Семеновичъ и оставилъ по себѣ нѣкоторые слѣды въ исторіи, и только о немъ и сохранились нѣкоторыя свѣдѣнія. Нѣкоторое время онъ былъ воеводою нижегородскимъ и въ виду близости воеводства къ Казанскому царству имѣлъ частыя стычки съ татарами. Наиболѣе извѣстная изъ нихъ произошла 4 іюня 1469 г.; предводительствуя отрядомъ московской дружины, въ этотъ день, въ 40 верстахъ отъ Казани, Ѳедоръ Семеновичъ встрѣтилъ значительный и хорошо вооруженный отрядъ ханскихъ тѣлохранителей. Произошедшее сраженіе закончилось полнымъ пораженіемъ татаръ, изъ которыхъ многіе, въ томъ числѣ извѣстный князь Хозюмъ Бердей, были взяты въ плѣнъ и отосланы въ Москву. Въ 1487 г. Ѳедоръ Семеновичъ участвовалъ въ походѣ Даніила Холмскаго на Казань и первый привезъ Іоанну (III) вѣсть о побѣдѣ. Умеръ онъ въ 1498 году. Изъ потомства Ѳедора Семеновича сохранились имена его сына, *Ивана Ѳедоровича*, умершаго въ 1542 г. окольничимъ, и сына послѣдняго—*Михаила Ивановича*, упоминаемаго въ 1545—1550 гг. воеводою.

Полное собраніе русскихъ лѣтоп., т. VIII, стр. 154.—Никоновск. лѣтоп., т. VI, стр. 13.—П. Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства", т. I, Спб., 1886 г.—Карамзинъ, „Исторія Госуд. Россійскаго", изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. VI, стр. 12, 115; т. VII, стр. 201.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси", т. II, Спб., 1891 г., стр. 193.—„Родословная книга князей и дворянъ россійскихъ и выѣзжихъ" („Бархатная книга"), М., 1787 г., ч. I, стр. 214; ч. II, стр. 310, 342, 354, 372, 381, 391, 410.

Стригины-Оболенскіе, угасшій княжескій родъ, ведущій свое начало отъ князей Черниговскихъ черезъ внука извѣстнаго Всеволода Святославовича Чермнаго-Черниговскаго, Юрія Михаиловича, родоначальника князей Торусскихъ. Отъ сына Юрія Михаиловича, Константина Юрьевича, давшаго начало роду князей Оболенскихъ, въ пятомъ колѣнѣ (Иванъ Константиновичъ—Константинъ Ивановичъ—Иванъ Константиновичъ—Василій Ивановичъ—Иванъ Васильевичъ Оболенскіе) и произошелъ родъ С.-Оболенскихъ. Такимъ образомъ, онъ является вѣтвью, именно младшею, рода кн. Оболенскихъ,

и непосредственнымъ родоначальникомъ его слѣдуетъ считать младшаго представителя XVIII-го (отъ Рюрика) колѣна Оболенскихъ, Ивана Васильевича, прозваннаго *Стригою*, что въ соединеніи съ общимъ именемъ рода и дало новое названіе—*Стригины-Оболенскіе.* Немногіе представители этого рода никогда не достигали ни особенно высокаго положенія на іерархической лѣстницѣ, ни особеннаго вліянія на дѣла государства; въ большинствѣ случаевъ они несли ратную службу.

1. *Александръ Васильевичъ*, братъ кн. Ивана Васильевича *Стриги*, ум. въ 1501 г., князь собственно Оболенскій, но почему-то за нимъ утвердилось прозвище его племянниковъ, — С.-Оболенскій. Въ 1476 г. онъ находился въ числѣ бояръ, сопровождавшихъ вел. кн. Іоанна III во время перваго новгородскаго похода. Когда пришли къ Новгороду, и вел. князь распредѣлилъ, гдѣ кому стать съ воинскими отрядами, то А. В. досталось мѣсто въ монастырѣ, у Николы на Мостищахъ. Въ 1478 г., во главѣ отряда, составившагося изъ калужанъ, алексинцевъ, серпуховцевъ, хотунцевъ, москвичей, радонежцевъ, новоторжцевъ и глуховцевъ, онъ участвовалъ въ новомъ походѣ на Новгородъ и, по повелѣнію Іоанна III, шелъ между Демонской и Яжолбицкой дорогами. Въ казанскомъ походѣ 1487 г. А. В. былъ воеводой правой руки въ судовой рати. Въ 1493 г.—воевода передового полка въ походѣ къ литовскимъ городамъ, Мезецку и Серпейску, предпринятомъ съ цѣлью отнять у Литвы эти города вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ волостями, перешедшими раньше къ Москвѣ, но затѣмъ вел. кн. литовскимъ Александромъ взятыми обратно. Въ томъ же 1493 г. А. В. участвовалъ въ походѣ въ Тверь. Въ 1495 г. въ новгородскомъ походѣ былъ съ вел. кн. московскимъ. Въ 1497 г. въ казанскомъ походѣ, въ конной рати, былъ воеводой Большого полка. Въ 1501 г. онъ предводительствовалъ передовымъ полкомъ въ ливонскомъ походѣ и былъ убитъ въ темную осеннюю ночь въ сраженіи близъ Гельмета. У кн. А. В. былъ одинъ сынъ, *Василій*, принявшій монашество съ именемъ Варлаама, въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ. О немъ упоминаетъ Іоаннъ Грозный въ своемъ посланіи въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, писанномъ около 1578 г. Сравнивая прежніе монастырскіе порядки съ тѣми, которые установились впослѣдствіи, когда въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ стали дѣлать исключенія изъ общихъ правилъ для монаховъ изъ знатныхъ родовъ, Іоаннъ, между прочимъ, писалъ: «И у Троицы, при отцѣ нашемъ, келарь былъ Нифонтъ, Ряполовскаго холопъ, да съ Бѣльскимъ съ блюда ѣдалъ; а на правомъ крылосѣ Лопотало да Варламъ, невѣсть кто, а княжъ Александровъ сынъ Васильевича Оболенскаго Варламъ на лѣвомъ: ино смотрите того, коли былъ путь спасенія, холопъ съ Бѣльскимъ ровенъ, а князя доброго сынъ со страдники сверстанъ».

„Акты ист.", т. I, стр. 385.—„Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.", 1902 г., т. I, стр. 11, 12, 15, 16, 17, 19, 24.—Карамзинъ, „Истор. гос. Рос.", т. VI, стр. 191, пр. 516. — Татищевъ, „Исторія Россійская", М., 1848 г., т. V, стр. 52. — Петровъ, „Исторія родовъ русскаго дворянства", Спб., 1886 г., т. I, стр. 30—31.

2. *Александръ Ивановичъ*, шестой сынъ кн. Ивана Васильевича *Стриги*. Подъ 1507 г. упоминается намѣстникомъ Козельскимъ; въ этомъ году крымцы приходили на Бѣлевскія и на Одоевскія мѣста; противъ нихъ-то, вмѣстѣ съ князьями-воеводами Иваномъ Холмскимъ, Конст. Ушатымъ, Вас. Сем. Одоевскимъ, Ив. Воротынскимъ, отправился и А. И. Они побили крымцевъ, отняли плѣнныхъ и гнались за ними до рѣчки Рыбницы. Въ 1508, 1509 и 1515 гг. А. И. участвовалъ въ литовскихъ походахъ: въ первомъ и послѣднемъ случаяхъ былъ воеводой лѣвой руки, а въ 1509 г.—воеводой сторожевого полка. Въ 1523 г., когда ставили г. Васильсурскъ, онъ былъ воеводой правой руки. Въ 1534 г. вскорѣ послѣ смерти вел. князя Василія Ивановича, ѣздилъ въ Крымъ боярскій сынъ Челищевъ съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Іоанна III и съ порученіемъ «бить челомъ» Саипъ-Гирею о продолженіи между нимъ и новымъ великимъ княземъ той дружбы, которая существовала между ихъ предшественниками. Въ той рѣчи, съ которою вмѣнялось Челищеву обратиться къ хану, должно было упоминаться и имя А. И. въ такой связи: «Если дашь (ханъ) шертную грамоту, то большой посолъ, князь Стригинъ-Оболенскій, уже ждетъ въ Путивлѣ съ большими поминками и немедленно поѣдетъ къ тебѣ». Скоро въ Крыму возникла усобица между ханомъ Саипъ-Гиреемъ и старшимъ по немъ изъ Гире-

съ — Исламомъ, что было выгодно для Москвы, потому что силы крымцевъ раздѣлились. Исламъ обѣщалъ польско-литовскому королю Сигизмунду-Августу стоять съ нимъ заодно противъ непріятелей, слѣдовательно и противъ московскаго великаго князя, но, желая получить денегъ, послалъ въ Москву съ предложеніемъ союза. Такъ какъ Саипъ-Гирей ограбилъ Челищева и всѣхъ его людей и доказалъ этимъ свое враждебное отношеніе къ Москвѣ, то рѣшили послать «казну» Исламу. Съ нею, а также и съ «большими поминками» и приказано было А. И. ѣхать изъ Путивля къ Исламу въ Крымъ; однако, дойдя до Новогрудка-Волынскаго, А. И. остановился и оттуда написалъ Іоанну III, что Исламъ обманываетъ, называя себя царемъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ «калга». Относительно посланнаго къ вел. князю Исламомъ посредника Темеша съ ходатайствомъ о деньгахъ А. И. сообщалъ слѣдующее: «Исламъ отправилъ къ тебѣ посломъ Темеша; но этого Темеша въ Крыму не знаютъ и имени ему не вѣдаютъ; въ томъ Богъ воленъ да ты, государь: опалу на меня наложить, или казнить меня велишь, а мнѣ противъ этого Исламова посла Темеша нельзя идти». Въ результатѣ этого посланія великій князь положилъ на А. И. опалу, а въ Крымъ послалъ вмѣсто него кн. Мезецкаго. Турецко-татарскіе историки ничего не говорятъ о сверженіи Исламомъ Саипъ-Гирея, и потому слѣдуетъ думать, что А. И. былъ правъ, увѣдомляя свое правительство, что Исламъ не ханъ, а «калга», и что слѣдовательно ему не за чѣмъ ѣхать въ Крымъ, такъ какъ не къ кому править посольство.

„От. Зап.", 1830 г., ч. 44, стр. 14.—„Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.", 1902 г., т. I, стр. 37, 42, 43, 58, 59. — Карамзинъ, „Исторія госуд. Росс.", т. VII, пр. 37, ст. VIII, стр. 18.—Соловьевъ, „Исторія Россіи", т. VI, стр. 24—25.—В. Д. Смирновъ, „Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до начала XVIII в.", Спб., 1887 г., стр. 401, 403. — Петровъ, „Исторія родовъ рус. двор.", Спб., 1866 г., стр. 30—31.

3. *Андрей Ивановичъ*, въ родословной не показанъ, но можетъ быть сыномъ кн. Ивана Ивановича (5), у котораго значится только одинъ сынъ, Романъ. Въ разрядахъ объ А. И. имѣются слѣдующія свѣдѣнія: въ 1567 г. — воевода въ Мценскѣ; въ 1570 г. — намѣстникъ въ Почепѣ, затѣмъ воевода Передового и Сторожевого полка; отпущенъ «съ берега» въ Тулу, потомъ воевода въ Путивлѣ. Въ 1572 г.—воевода въ «ертоулѣ» при походѣ противъ шведовъ.

„Др. Рос Вивл.", ч. XIII, стр. 399, 405, 406, 412, 414, 423.—Тѣ же свѣдѣнія въ „Спб. Сборн." Валуева.—Петровъ, с. 30—31.

4. *Василій Ивановичъ*, прозвищемъ *Шиха*, пятый сынъ кн. Ивана Васильевича *Стриги*. Въ 1471 г. Іоаннъ III отправилъ его къ Новгороду съ большимъ войскомъ, давъ ему на помощь князей царевичевыхъ Даньяровыхъ со многими татарами; идти имъ онъ велѣлъ на Волочекъ да по Мстѣ. Въ 1486 г. казанскій царь Магметъ-Аминь сообщилъ Іоанну III, что онъ хотѣлъ «выдать ему братью свою», но казанскіе князья не дали ему воли и чуть не убили его, вслѣдствіе чего онъ бѣжалъ къ московскимъ воеводамъ; потомъ, по челобитью этихъ князей, вернулся въ Казань на царство. Получивъ это извѣстіе, Іоаннъ послалъ къ Магметъ-Аминю своихъ князей-воеводъ, Василія Тулупа, кн. Тимоѳея Тростенкова и В. И. Въ 1502 г. онъ—воевода въ правой рукѣ въ литовскомъ походѣ. Въ 1507 г. по казанскимъ вѣстямъ стоялъ въ Муромѣ; воевода въ правой рукѣ. Въ 1508 г. писалъ изъ Торопца Василію Іоанновичу кн. Вас. Юрьев. Ростовскій, что къ Торопцу пришли литовскіе люди и приводятъ торопчанъ къ крестному цѣлованію за короля литовскаго. Вслѣдствіе этого великій князь, велѣвъ кн. Дан. Вас. Щеня съ новгородскою ратью идти изъ Вязьмы къ Торопцу, отпустилъ туда же царевича Яная съ городецкими татарами, пославъ съ нимъ В. И. Въ 1515 г.—воевода въ лѣвой рукѣ въ литовскомъ походѣ. Въ 1519 г.—воевода Передового полка въ походѣ изъ подъ Дорогобужа въ Литовскую землю.

„Ник. Лѣт.", ч. VI, стр. 105. — „Царств. Лѣтоп.", стр. 412. — „Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс.", 1902, т. I, стр. 14, 31, 33, 35, 40, 59, 67.—„Русск. Родосл. Сборн." 2-е изд., т. II, стр. 41.—Петровъ, с. 30—31.—Соловьевъ, „Исторія Россіи", т. V, стр. 99.

5. *Иванъ Ивановичъ, меньшой*, прозвищемъ *Щетина*, четвертый сынъ кн. Ивана Васильевича *Стриги*, умеръ въ 1538 г. Въ 1500 г.—первый воевода правой руки. 1501 г. въ ливонскомъ походѣ къ Дерпту, Нейгаузену и Маріенбургу—воевода лѣвой руки, 1505 г.—участвовалъ въ казанскомъ походѣ. 1508 г. — въ по-

ходѣ къ г. Дорогобужу. 1514 г.—воевода лѣвой руки въ походѣ подъ Смоленскъ. Въ 1519 г. пожалованъ въ бояре и въ 1524 г. назначенъ намѣстникомъ въ Новгородѣ; къ нему пріѣзжали приближенные шведскаго короля Густава, Канутъ Эриксонъ и Біорнъ Классонъ, для подтвержденія заключеннаго съ Московскимъ государствомъ перемирія на 60 лѣтъ.

„Русск. Род. Сб.", 2 е изд. ч. II, стр. 41.—„Древн. Рос. Вивл.", ч. XX, стр. 27.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Рос.", т. VI, пр. 516; т. VII, стр. 89, пр. 9, 36, 110.—Петровъ, стр. 30—31.

6. *Петръ Александровичъ*, сынъ кн. Александра Ивановича (2), умеръ бездѣтнымъ. Въ 1501 г.—второй воевода въ Передовомъ полку. Въ 1549 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, за городомъ, былъ для береженья отъ прихода казанскихъ людей.

„Русск. Род. Сб.", ч. II, 2-е изд. стр. 41.—„Чт. Моск. Общ Ист и Др. Росс.", 1902 г. т. I, стр. 134, 139.—Петровъ, с. 30—31.

7. *Ѳедоръ Ивановичъ*, прозваніемъ *Гузѣй*, третій сынъ кн. Ивана Васильевича *Стриги*. Въ 1500 г. былъ воеводой правой руки въ походѣ въ Смоленскую область подъ предводительствомъ боярина Юрія Захарьевича (дѣда Анастасіи Романовны, первой жены Іоанна Грознаго).

„Русск. Род. Сб.", ч. II, 2-е изд., стр. 41.—Карамзинъ, „Ист. гос. Росс.", т. VI, пр. 484.—Петровъ, с. 30—31. *В. Корсакова.*

Строгановы, также Строгоновы—солепромышленники, именитые люди, бароны и графы. Историки XVIII в. производили родъ С. отъ татарскаго мурзы Золотой орды, основываясь на разсказѣ голландскаго ученаго, бургомистра Николая Витзена, автора книги «Nord- en Ost-Tartarye», который свое повѣствованіе о происхожденіи С. въ свою очередь заимствовалъ у голландскаго же географа Исаака Маасса, писавшаго о Россіи еще въ 1609 г. Согласно этой легендѣ, родоначальникъ С., близкій родственникъ татарскаго хана, по инымъ утвержденіямъ—даже его сынъ, въ XVI вѣкѣ былъ посланъ на службу къ великому князю Димитрію Донскому въ Москву, гдѣ, «прилежно разсуждая о вѣрѣ Христа Спасателя, пожелалъ принять законъ христіанскій» и при крещеніи былъ нареченъ *Спиридономъ*. Мурза вообще былъ по сердцу Димитрію Іоанновичу, «крещенія же ради великій князь паче его возлюбилъ и одарилъ по достоинству многими дары», выдавъ за него, между прочимъ, свою близкую родственницу (по одной версіи — дочь, по другой — племянницу). Тотъ же Витзенъ повѣствуетъ, что Спиридонъ первый будто бы ввелъ между русскими употребленіе татарскихъ счетовъ. Узнавъ о крещеніи мурзы, ханъ потребовалъ его возвращенія, затѣмъ выдачи, но въ обоихъ случаяхъ получилъ отказъ и, «симъ отвѣтомъ не бывъ доволенъ... послалъ на границы россійскія множество вооруженныхъ татаръ и повелѣлъ разорить россійскія заселенія огнемъ и мечомъ». Димитрій Донской выслалъ противъ нихъ «знатный отрядъ» подъ предводительствомъ Спиридона; произошла стычка, и хотя «россіяне и сильное дѣйствіе имѣли», тѣмъ не менѣе были разбиты, а Спиридонъ былъ взятъ въ плѣнъ. Сдѣлавъ безрезультатныя попытки склонить его къ принятію старой вѣры, ханъ велѣлъ «привязать его къ столбу, тѣло на немъ *изстрогать*, а потомъ, всего на части изрубя, разбросать», что и «дѣломъ было тотчасъ исполнено». Дата мученической кончины Спиридона въ составленной при Петрѣ Великомъ родословной С. отнесена къ 6903 или 1395 г. Родившійся вскорѣ послѣ его смерти сынъ его былъ нареченъ Козьмою, а по фамиліи въ память мученической кончины отца прозванъ *Строгановымъ* (отъ слова «строгать»).

Это легендарное сказаніе безъ должной критической оцѣнки было повторено историками Г. Ф. Миллеромъ и М. М. Щербатовымъ. Н. М. Карамзинъ первый высказалъ сомнѣніе въ его вѣрности, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ: признавая происхожденіе С. изъ орды, факты строганія и введенія счетовъ онъ считаетъ несомнѣнной басней. Болѣе опредѣленно и вѣско высказался по этому поводу Н. Г. Устряловъ. Гораздо вѣроятнѣе, по его мнѣнію, другое преданіе, сохранившееся въ одномъ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; согласно ему, родъ С. происходитъ отъ стародавней новгородской фамиліи Добрыниныхъ; по меньшей мѣрѣ несомнѣнно то, что въ уѣздахъ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ, старинныхъ новгородскихъ областяхъ, С. съ незапамятныхъ временъ владѣли обширными оброчными статьями. По-

слѣдующіе историки окончательно отвергли легенду о мурзѣ-родоначальникѣ и теперь большинствомъ принято, особенно на основаніи доказательствъ, приведенныхъ Ѳ. А. Волеговымъ, что С.—выходцы изъ Великаго Новгорода, родоначальникомъ же ихъ былъ дѣйствительно нѣкій Спиридонъ, жившій во времена Димитрія Донского.

Нѣсколько болѣе достовѣрныя свѣдѣнія сохранились о внукѣ Спиридона, *Лукѣ Козьмичѣ* (см. отд.), и правнукѣ *Ѳедорѣ Лукичѣ*, съ дѣтьми: *Степаномъ*, *Осипомъ*, *Владиміромъ* и *Аникою*, около 1488 г. изъ Новгорода переселившемся на новыя мѣста, именно въ Сольвычегодскъ. Вскорѣ послѣ этого, будучи уже въ преклонномъ возрастѣ, Ѳедоръ Лукичъ принялъ иночество съ именемъ *Ѳеодосія* и около 1493 г. скончался. Старшіе его три сына умерли бездѣтными и какихъ-либо замѣтныхъ слѣдовъ своею дѣятельностью не оставили по себѣ. Наоборотъ, младшій изъ нихъ, Аника (см. отд.), предпріимчивый, энергичный и умный, своими умѣлыми дѣйствіями положилъ твердое и прочное основаніе родовымъ богатствамъ, которыя еще болѣе расширились при сыновьяхъ его—*Яковѣ*, *Григоріи* и *Семенѣ* (см. отд.), ставшими родоначальниками трехъ вѣтвей рода. Старшія двѣ линіи вскорѣ угасли. Сынъ Якова Аникіевича, *Максимъ* (см. отд.), имѣлъ троихъ дѣтей, изъ которыхъ два старшихъ сына, *Владиміръ* и *Максимъ* же, умерли бездѣтными (послѣдній около 1650 г., см. отд.), а младшій, *Иванъ* (см. отд.), имѣлъ единственнаго сына *Даніила* (см. отд.), послѣдняго изъ мужчинъ этой линіи, имѣвшаго лишь двухъ дочерей, *Стефаниду* и *Анну*. Еще ранѣе угасла средняя линія, вторымъ и послѣднимъ представителемъ которой былъ единственный сынъ Григорія Аникіевича, *Никита Григорьевичъ* (см. отд.), скончавшійся холостымъ. Осталась только младшая вѣтвь, родомъ отъ Семена Аникіевича. Его второй сынъ, *Петръ Семеновичъ* (см. отд.), имѣлъ многихъ дѣтей, изъ которыхъ только одинъ сынъ, *Ѳедоръ Петровичъ* (см. отд.), достигъ зрѣлаго возраста, но мужского потомства не оставилъ; остальныя же дѣти Петра Семеновича скончались въ молодыхъ годахъ. Старшій же сынъ Семена Аникіевича, *Андрей Семеновичъ* (см. отд.), оставилъ наслѣдникомъ *Дмитрія Андреевича* (см. отд.), единственный сынъ котораго *Григорій Дмитріевичъ* (см. отд.) остался одинокимъ представителемъ всего рода и, получивъ имущественныя части отъ угасшихъ двухъ старшихъ линій, въ своихъ рукахъ объединилъ всѣ громадныя родовыя богатства.

Первоначально С. имѣли земли только въ Сольвычегодскомъ краѣ, которыя путемъ покупокъ были значительно расширены; однако самыя главныя земельныя пріобрѣтенія образовались у нихъ изъ мѣстъ, пожалованныхъ имъ многочисленными и разновременными грамотами московскихъ государей. Уже 9 апрѣля 1519 г. имъ была дана грамота на соляные промыслы, «дикіе лѣса и соль Кочаловскую въ вѣчное владѣніе» — въ Сольвычегодскомъ краѣ. Во второй половинѣ XVI в. они распространяютъ свои владѣнія и въ Перми Великой. Первая жалованная грамота на великопермскія земли была дана имъ 4 апрѣля 1558 г., вторая—2 февраля 1564 г. при жизни Аники Ѳедоровича. Этими двумя грамотами, положившими основаніе владѣній С. въ Перми Великой, имъ были пожалованы обширныя земли по берегамъ Камы, протяженіемъ въ 146 тогдашнихъ «немѣреныхъ» верстъ. Вслѣдъ за этими дарами посыпались и другіе. По вычисленію знатока исторіи рода С., Ѳ. А. Волегова, основанному на архивныхъ данныхъ, разновременно пожалованныя имъ земли составляли: въ Перми Великой—по грамотамъ 4 апрѣля 1558 г. и 2 февраля 1564 г.—3.415.840 дес.; 25 марта 1568 г. по рѣкѣ Чусовой—1.129.218 дес.; 7 апрѣля 1597 г. (при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ) по Камѣ—протяженіемъ въ 254 в. и площадью въ 586,382 дес.; 15 сентября 1615 г. (при Михаилѣ Ѳедоровичѣ), опять по Камѣ—163,280 дес.; по грамотѣ 1685 г. (при Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ) по рѣкѣ Веслянкѣ — 604.212 дес.; 29 сентября 1694 г. по рѣкѣ Лологѣ—254.741 дес. и 2 іюля 1701 г. отданы Зырянскіе промыслы въ 3.634 дес. Кромѣ того грамотой отъ 30 мая 1574 г. пожалованы имъ также обширныя земли за Уральскимъ хребтомъ — 1.225.049 дес. А всего—10.382.347 дес.

Сначала земли жаловались С. лишь

во временное владѣніе, но каждый новый государь при восшествіи на престолъ неизмѣнно подтверждалъ права С. на все прежде имъ пожалованное; всесильный же современникъ Петра Великаго, Григорій Дмитріевичъ С., исходатайствовалъ у этого государя грамоту, утверждающую его и его наслѣдниковъ въ вѣчномъ владѣніи всѣми мѣстами. Въ этихъ дарахъ правительство зашло настолько далеко, что впослѣдствіи, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв., убѣдившись въ своей ошибкѣ, само было вынуждено вести со С. въ интересахъ казны продолжительные и сложные земельные процессы, въ результатѣ которыхъ въ разное время у С. было отнято 3.743.282 десятины. При такихъ условіяхъ тягаться со С. мелкимъ чердынскимъ и усольскимъ людямъ не было никакой возможности; отсюда становится легко понятнымъ одинъ изъ способовъ ихъ утвержденія на земляхъ—способъ захватный. Есть даже свѣдѣнія, что Яковъ Аникіевичъ такимъ путемъ присвоилъ себѣ свыше $3^1/_2$ мил. десятинъ. Жалованныя С. земли офиціально считались въ большинствѣ случаевъ «пустыми», на дѣлѣ же были заселены, хотя и весьма слабо, различными инородческими племенами, которыя, относясь къ новымъ владѣльцамъ вначалѣ довольно равнодушно и пассивно, по мѣрѣ распространенія ихъ могущества и роста испытываемыхъ притѣсненій стали защищать свои древнія права часто съ оружіемъ въ рукахъ. Отсюда многочисленныя стычки, а иногда и форменныя кровопролитныя войны, происходившія между мѣстными аборигенами и первыми представителями С. и заполнившія собою вторую половину XVI и первую XVII стол. исторіи Пермскаго края. Борьба между разрозненными полудикими инородцами и С., владѣвшими дисциплинированной и удовлетворительно вооруженной военной силой, была, понятно, неравной, и каждая новая вспышка ея кончалась или уходомъ туземцевъ въ глубокія лѣсныя дебри, или же, что чаще, порабощеніемъ ихъ, въ то время какъ могущество С. параллельно съ этимъ возрастало. «Это была цѣлая эпопея въ исторіи землевладѣнія въ Перми Великой», характеризуетъ этотъ періодъ А. И. Дмитріевъ.

С. оказались прекрасными колонизаторами. Со времени ихъ утвержденія на верхней и средней Камѣ русскій элементъ въ этомъ краѣ сталъ прибывать особенно быстро. Привлекая разнаго рода льготами нетяглыхъ и безписьменныхъ людей, С. весьма успѣшно стали населять прибрежныя полосы Камы, Чусовой и др. рѣкъ. Сосѣдство безпокойныхъ туземцевъ и воинственныхъ татаръ заставило ихъ прибѣгнуть къ постройкѣ «городковъ», «острожковъ», т. е. небольшихъ крѣпостей. Въ послѣднихъ они на свой «коштъ» держали «пушкарей, пищальниковъ и воротниковъ» для «береженія отъ ногайскихъ людей и другихъ ордъ». Съ самаго переселенія на Уралъ С. начали заниматься вываркою соли, продолжая въ болѣе широкихъ размѣрахъ это дѣло и въ Перми Великой. Это былъ одинъ изъ первыхъ видовъ добывающей промышленности вообще въ Россіи, а для С. самый существенный и важный источникъ ихъ большихъ доходовъ. Также весьма важнымъ источникомъ доходовъ служила для нихъ начатая Аникою Ѳедоровичемъ и его наслѣдниками продолженная мѣновая торговля съ инородцами, жившими за Ураломъ, которая имѣла еще и то историческое значеніе, что основательнѣе познакомила С. съ бытомъ, нравами и жизнью вообще сибирскихъ жителей и зародила у нихъ мысль о возможности овладѣть Сибирью. Постоянныя угрозы со стороны сибирскаго хана Кучума, для отраженія нападеній котораго нужно было имѣть значительную вооруженную силу, заставили сына Аники, Семена, и его же внуковъ Максима Яковлевича и Никиту Григорьевича въ 1578 г. предпринять подъ угрозой царскаго гнѣва извѣстный, чреватый историческими послѣдствіями шагъ — призвать «удалыхъ людей», волжскихъ казаковъ, во главѣ съ Ермакомъ, а затѣмъ, снабдивъ ихъ необходимыми припасами, послать ихъ въ 1581 г. походомъ на Сибирь. Это одна изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи рода С. Тѣ же Максимъ Яковлевичъ и Никита Григорьевичъ много помогали московскимъ государямъ денежными средствами и ратною силою. За эти важныя заслуги они, а также и потомки Семена Аникіевича въ 1610 г. Василіемъ Шуйскимъ были пожалованы исключительно имъ присвоеннымъ особымъ званіемъ *«именитыхъ людей»* и правомъ называться и писаться полнымъ отчествомъ — съ *«вичемъ»*. Денежную и ратную помощь оказывали московскимъ государямъ и дальнѣйшіе представители

рода С., особенно въ тяжелое для Московскаго государства Смутное время, когда въ казнѣ часто не было средствъ для уплаты жалованья ратнымъ людямъ. Въ одной изъ жалованныхъ грамотъ Петра Великаго вычислено, что С. во время междуцарствія и при Михаилѣ Ѳедоровичѣ пожертвовали деньгами 841.762 руб., что на современный счетъ составитъ около 4 мил. рублей. Въ званіи особаго почетнаго сословія, именитыхъ людей, С. пользовались многими преимуществами—неподсудностью обыкновеннымъ властямъ (подлежали только личному царскому суду), правомъ строить города и крѣпости, содержать ратныхъ людей, лить пушки, воевать съ владѣтелями Сибири, вести безпошлинную торговлю съ азіатскими и иными инородцами, самимъ судить своихъ людей, льготой отъ всякихъ постоевъ, многихъ податей и денегъ, свободой отъ личной присяги и пр. Въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ вотчины С., занимавшія добрую половину Перми Великой, представляли нѣчто самостоятельное, не подвластное государевымъ намѣстникамъ и воеводамъ. Это было какъ бы вассальное государство со своими законами, установленіями, распорядками и управленіемъ. Именитые владѣтели имѣли исключительное право чуть ли не по всѣмъ дѣламъ сноситься непосредственно съ центральными государственными учрежденіями въ Москвѣ, минуя мѣстную администрацію. С. пользовались большимъ почетомъ при дворѣ. Въ «Соборномъ Уложеніи» 1649 г. Алексѣя Михаиловича права С. фиксированы были даже въ особой статьѣ (ст. 94, глава X).

Григорій Дмитріевичъ былъ послѣднимъ «именитымъ человѣкомъ». Его трое сыновей *Александръ*, *Николай* и *Сергѣй* (см. отд.) Петромъ Великимъ за заслуги предковъ въ 1722 г. были возведены въ *баронское* достоинство. Они первые въ родѣ поступаютъ на государственную службу и начинаютъ вести придворный образъ жизни. Старшій изъ нихъ мужского потомства не оставилъ. Родовая линія, прошедшая отъ Сергѣя Григорьевича, имѣла всего лишь три поколѣнія: *Александръ Сергѣевичъ* (см. отд.), первый *графъ* въ родѣ, возведенный въ это достоинство австрійской императрицей Маріей Терезіей въ 1761 г., а затѣмъ въ то же достоинство Россійской имперіи Павломъ I въ 1798 г., его сынъ гр. *Павелъ Александровичъ* (см. отд.), извѣстный участіемъ въ засѣданіяхъ «Негласнаго комитета» при Императорѣ Александрѣ I и военными подвигами, и сынъ Павла Александровича, *Александръ Павловичъ* (1795 — 1814), рано убитый въ битвѣ подъ Краономъ. Средній сынъ Григорія Дмитріевича, Николай Григорьевичъ, имѣлъ многочисленное потомство, представители котораго живы и понынѣ. Изъ его трехъ сыновей, старшій, *бар. Григорій Николаевичъ* (1731–1777), тайн. сов., умеръ бездѣтнымъ; второй, *бар. Сергѣй Николаевичъ* (1738—1777), бригадиръ, имѣлъ единственнаго сына, гофмаршала *Александра Сергѣевича* (1771–1815), потомства не оставившаго. Третій изъ нихъ, *баронъ Александръ Николаевичъ* (ум. 13 марта въ 1789 г.), дѣйств. тайн. сов., имѣлъ сына *Григорія Александровича* (1770 – 1857, см. отд.), впослѣдствіи графа и члена Государственнаго Совѣта. Дѣти послѣдняго, *Николай* и *Алексѣй Григорьевичи*, умерли молодыми. *Валентинъ Григорьевичъ* (1801 — 1833) дослужился до штабъ-ротмистра кавалергардскаго полка и умеръ бездѣтнымъ, четвертый изъ нихъ, *гр. Сергѣй Григорьевичъ* (1794—1882, см. отд.), женившійся на дочери Павла Александровича С. и отъ него унаслѣдовавшій графскій титулъ; наконецъ, пятый сынъ Григорія Александровича, *гр. Александръ Григорьевичъ* (1795—1891, см. отд.), также былъ членомъ Государств. Совѣта. Изъ сравнительно недавно умершихъ представителей рода С. слѣдуетъ назвать еще сына Сергѣя Григорьевича, извѣстнаго нумизмата гр. *Александра Сергѣевича* (1818—1864 г., см. отд.), и сына Александра Григорьевича, шталмейстера *Григорія Александровича* (1824—1879), быв. женатымъ на вел. княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

„Строгановская Сибирская лѣтопись", изд. Г. И. Спасскимъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ", 1821 г., и отд., Спб., 1821 г.—„Кунгурская лѣтопись Ремизова", изд. Арх. ком.—„Акты Историческіе", т. III, стр. 316, 352, 457; т. V, стр. 34, 42, 52, 58, 132, 134, 182, 245, 345.—„Дополненіе къ Актамъ Историч.", т. II, стр. 89—145; т. IV, стр. 310; т. VI стр. 178, 261—267; т. VIII, стр. 77, 79, 136; т. IX, стр. 188.—„Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи", т. III, стр. 78–79.—„Полное Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ", т. II, стр. 386–387.—

„Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи“ (упоминанія и отдѣльные акты, касающіеся рода С., встрѣчаются почти въ каждомъ томѣ, особенно же часто въ первыхъ 50-ти).—А. А. Дмитріевъ, „Пермская старина“, сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ; вып. I, Пермь, 1889 г.: „Вотчины Строгановыхъ и монастыря Пыскорскаго въ Перми Великой въ XVI и началѣ XVII вв.“, стр. 95—131; „Поступное письмо братьевъ Якова, Григорія и Семена Аникіевичей Строгановыхъ Пыскорскому монастырю“, стр. 195—197; вып. 2, Пермь, 1890 г.: „Великопермскія вотчины Строгановыхъ въ XVII в.“; вып. 4, Пермь, 1892 г.: „Строгановы и Ермакъ“; вып. 5, Пермь, 1894 г.: „Первоначальныя отношенія русскихъ къ Сибири и постепенное утвержденіе въ ней русской власти“, стр. 109—207; вып. VI, Пермь, 1895 г.: a) „Отношенія преемниковъ Іоанна Грознаго къ Строгановымъ“, стр. 57—69; b) „Пермскій край въ Смутное время“, стр. 70—123; c) „Библіографическія замѣчанія о первой жалованной Строгановымъ грамотѣ 1558 г. на земли Перми Великой“, стр. 125—128; d) „Строгановскія грамоты въ числѣ 21-й XVI—XVII вв.“, стр. 129—174; e) „Выписка изъ Сольвычегодскаго синодика Строгановыхъ“, стр. 175—184; g) „Выписка изъ Орловскаго синодика“, стр. 184—186; вып. 7 и 8: разрозненныя свѣдѣнія въ отдѣльныхъ статьяхъ.—Его же, „Изъ прошлой статистики солеваренія въ Соликамскомъ уѣздѣ“, „Пермск. Губернск. Вѣдом.“, 1882 г., № 71.—Его же, „Библіографическія замѣтки къ сочиненію Ѳ. А. Волегова: „Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ“, ibid., 1882 г., № 81.—Его же, „Матеріалы для исторіи рода Строгановыхъ“, ibid., 1882 г., № 83.—Его же, „Раздѣлъ вотчиннаго имѣнія и соляныхъ промысловъ братьевъ Строгановыхъ въ 1747 и 1749 гг.“, ibid., 1883 г., №№ 45, 47, 51—53.—Его же, „Раздѣлъ имѣній гг. Строгановыхъ въ бассейнѣ р. Чусовой въ 1784 г.“, ibid., 1883 г., № 68.—Его же, „Историческій очеркъ поземельныхъ отношеній на Уралѣ съ половины XVIII в. въ районѣ бывшихъ имѣній Григорія Дмитріевича Строганова“, ibid., 1883, №№ 73—79.—Его же, „Соликамскія лѣтописи“, ibid., 1883 г., №№ 80—82, 84—90; 1884 г., №№ 6—17.—Его же, „Ѳ. А. Волеговъ, какъ историкъ Строгановыхъ“, ibid., 1884 г., №№ 30-31, 36—38 и отд., Пермь, 1884 г.—Его же, „Критическія замѣтки по исторіи Перми Великой XVI в.“, „Труды Пермской Учен. Архивн. Коммис.“, 1892 г., вып II, и отд., Пермь, 1893 г.—Подъ его же ред., „Переписная книга воеводы Прокопія Елизарова по вотчинамъ Строгановыхъ въ 1647 г.“, ibid., вып. II.—Его же, „Родословная гг. Строгановыхъ, составленная Ѳ. А. Волеговымъ“ (А. Дмитріеву принадлежатъ исправленія), въ сборникѣ „Пермскій край“, вып. III, Пермь, 1895 г.—Его же, „Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири“, „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1894 г., №№ 1 и 2. Его же, „Матеріалы къ исторіи рода Строгановыхъ за послѣднія два столѣтія“, Пермь, 1883 г.—Подъ его же редакціей, „Усольская лѣтопись Ѳ. А. Волегова“, „Пермск. Губ. Вѣд.“, 1882 г., №№ 96—97 и отд., Пермь, 1882 г.—Ѳ. А. Волеговъ, „Историко-статистическія таблицы на пермскія имѣнія гг. Строгановыхъ со времени пожалованія ихъ, т. е. съ 1558 по 1850 годъ—за 292 года“, „Памятная книжка Пермской губерніи на 1889 г.“—Его же, „Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ“, „Пермск. Губ. Вѣд.“, 1876 г., №№ 89—102; 1877 г., №№ 1—6.—Неизвѣстный авторъ, „Исторія о родословіи, богатствѣ и отечественныхъ заслугахъ знаменитой фамиліи гг. Строгановыхъ, сочинен. въ 1761 г.“, ibid., 1880 г., №№ 89—101, 103—106; 1881 г., №№ 1, 7, 13—15, 17, 19, 25, 27—29, 31, 34, 38, 40 43, 45, 47, 66, 70, 73, 75, 77, 79.—Д. Д. Смышляевъ, „Источники и пособія для изученія Пермскаго края“, Пермь, 1876 г.—Его же, „Матеріалы для исторіи Пермскаго майоратнаго имѣнія гр. Строгановыхъ“, въ сборн. „Пермскій край“, т. II, Пермь, 1893 г.—И. В. Вологдинъ, „Матеріалы для исторіи Пермскаго заповѣднаго имѣнія гр. Строгановыхъ“, ibid., вып. III, Пермь, 1895 г.—Ѳ. В. Мичуринъ, „Матеріалы къ исторіи Пермскаго края (грамоты Строгановымъ)“, „Пермск. Губернск. Вѣд.“, 1881 г., №№ 53—55, 59, 61, 64, 65, 67, 69, 71, 73, 75, 78.—Н. А. Роговъ, „Матеріалы для исторіи Пермскаго заповѣднаго имѣнія гр. Строгановыхъ“, Пермь, 1892 г.—„Строгановы и ихъ роль въ занятіи русскими Прикамскаго и Зауральскаго края“, „Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Географич. Общ.“, кн. XV.—Н. М. Колмаковъ, „Домъ и фамилія Строгановыхъ“, „Русская Стар.“, 1887 г., № 3, стр. 575—602; № 4, стр. 71—94.—Н. Г. Устряловъ, „Строгановы—именитые люди“, Спб., 1842 г.—Его же, „Именитые люди Строгановы“, „Сѣверная Минерва“, 1843 г., т. 43, № 171.—„Строгановы и Сольвычегодскъ“, „Нижегородск. Биржев. Листокъ“, 1882 г., № 57.—Nik. Wythsen, „Noord- en Ost-Tartarye“, Amsterd., 1705, p. 512.—„Recueil des voyages de la Compagnie des Indes“, v. I, p. 157.—Н. Н. Новокрещенныхъ, „Участіе Строгановыхъ въ поступательномъ движеніи Русскаго государства на востокъ въ XVI в.“, „Пермск. Губ. Вѣд.“, 1892 г., №№ 40, 41, 45, 50, 51, 53, 55, и отд., Пермь, 1892 г.—И. Савваитовъ, „Строгановскіе вклады въ Сольвычегодскій Благовѣщенскій соборъ, по надписямъ на нихъ“. Спб., 1886 г.—В. Коровинъ, „Краткій историческій очеркъ дома Строгановыхъ, пріобрѣтеніе ими правъ и послѣдовательность ихъ на обладаніе людьми и землями“, „Пермск. Губ. Вѣд.“, 1862 г., №№ 25-27 и „Горный Журналъ“, 1862 г., № 7.—„Синодикъ и родительскій лѣтописецъ Строгановыхъ“, съ прим. и предисл. Н. С. Тихонравова, „Чтен. Общ. Ист. и Др. Рос.“, 1884 г., т. I и отд., М., 1884 г.—В. Н. Шишонко, „Къ исторіи Строгановыхъ“, Пермь, 1872; 2-ое изд. 1880 г.—Подъ его же ред., „Пермская лѣтопись съ 1263 по 1881 г.“, 7 тт., Пермь, 1881—1889 гг.—Ф. А. Прядильщиковъ, „Пермская старина“, „Перм. Губ. Вѣд.“, 1877 г., №№ 1, 3, 6.—„Строгановы—имянитые люди Соли Вычегодской“, „Вологг. Губ. Вѣд.“, 1880 г., № 28; перепечат. въ „Нивѣ“ и „Русск. Вѣдом.“ за 1880 г.—Н. П.

Лихачевъ, „Новая строгановская именная икона съ приложеніемъ вкладной (8 іюля 1829 г.) въ Пыскорскій монастырь“, „Археолог. Извѣст. и Замѣтки“, 1894 г., №№ 8—9.—„Открытіе Самоѣдіи и возвышеніе по сему случаю фамиліи Строгановыхъ“, „Сѣверн. Минерва“, 1832 г., т. 4, № 15.—Юдицкій, „Строгановы и Сольвычегодскъ“, „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1852 г., „Волог. Губ. Вѣдом.“, 1852 г., № 1 и „Журн. для чтенія воспитан. военно-учебн. заведеній“, 1853 г., т. 102, № 408.—„Къ исторіи заселенія Сибири“, „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1893 г., № 4. — „Переписная книга Ив. Игн. Яхонтова“, съ прим. В. Н. Шишонко, „Пермск. Губ. Вѣд.“, 1878 г., №№ 82—104.—Г. Ф. Миллеръ, „Описаніе Сибирскаго царства“, Спб., 1787 г., стр. 179—180.—Карамзинъ, „Исторія Госуд. Россійскаго“, изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. IX, стр. 219, 221—223, 224—226, 233—235, 270; прим. 221, 618, 644, 651, 652, 653—656, 661, 664—668, 670, 671, 703, 704; т. X, стр. 140; т. XII, стр. 84, пр. 341.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществ. Пользы“ (по указателю).—Д. Иловайскій, „Исторія Россіи“, М., 1884 г.—К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, „Рус. исторія“, Спб.. 1872 г.—Шлецеръ, „Краткое начертаніе Сибирской исторіи“ (отзывы и поправки: „Вѣстн. Европы“, 1804 г., ч. 17, № 19; ч. 18, № 24 и „Россійскій Магазинъ“, ч. I, стр. 67).—„Родословіе Строгановыхъ“, „Всемірн. Иллюстрація“, 1871 г., № 117.—„О происхожденіи Строгановыхъ“, „Русск. Энциклоп. Словарь“ Березина, s. v.—„Списокъ Строгановыхъ“, „Петербургскій Некрополь“ Саитова.—„Родословная Строгановыхъ“, ст. А. А. Дмитріева въ сборн. „Пермскій край“, т. III.—П. Н. Петровъ, „Для немногихъ; замѣтки по генеалогіи, исторіи и пр.“, Спб., 1871 г, ч. 2.—Его же, „Русскіе дворянскіе роды“, ч. I.—A. Kleinschmidt, „Russlands Geschichte und Politik, dargestellt in der Geschichte des russischen hohen Adels“, Cassel, 1877, S. 379—388.—„Списки титулованнымъ родамъ и лицамъ Россійской имперіи“, изд. департамента герольдіи Правительствующ. Сената, Спб., 1892 г.—Кн. П. В. Долгоруковъ, „Россійская родословная книга“, ч. 2, Спб., 1855 г., стр. 209—214.—А. Бобринскій, „Дворянскіе роды“, Спб., 1890 г., ч. I.—„Общій Гербовникъ дворянскихъ родовъ“, ч. I, Спб., 1797 г., и ч. X, Спб., 1836 г., № 12.—Л. И. Штиглицъ, „Списки населенныхъ мѣстъ Пермской губ.“, Спб., 1810 г. стр. CLIX, CLXXV.—Н. К. Чупинъ, „Географическій и статистич. словарь Пермской губ.“, Пермь, 1873 г.—„Матеріалы къ исторіи пермскаго майоратнаго имѣнія гр. Строгановыхъ“, сборн. „Пермскій Край“, т. II, стр. 90—158.—Н. А. Роговъ, „Матеріалы для исторіи пермскаго заповѣднаго имѣнія гр. Строгановыхъ“, Пермь, 1892 г.—И. Н. Словцовъ, „Пыскорскій Преображенскій монастырь“ „Пермск. Епарх. Вѣд.“, 1867 г., №№ 12—15, 21, 24, 25, 27, 28, и отд., Пермь, 1869 г.—Александръ Луканинъ, „Церковно-историческое описаніе гор. Соликамска“, Пермь, 1882 г., стр. 123—125.—В. Н. Берхъ, „Путешествіе изъ г. Чердынь въ Соликамскъ“, Спб., 1821 г.—И. Ф. Германъ, „Историческое начертаніе горнаго производства въ Россійск. имперіи“, ч. I, Екатеринбургъ, 1810 г., стр. 3—4.—Пѣтуховъ, „Горный городъ Дедюхинъ“, Спб., 1864 г., гл. I, стр. 1—25.—И. Тыжновъ, „Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири второй половины XVI в“.—Е. П. Карновичъ, „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“.—„О фамильныхъ документахъ Строгановыхъ въ Петербургѣ“, „Журн. Мин. Нар. Просв.“, ч. XLVI.—Н. Д. Чечулинъ, „Города Московскаго государства въ XVI в.“, Спб., 1889 г.—Небольсинъ, „Покореніе Сибири“.—Катанаевъ, „О Ермакѣ и его сибирскомъ походѣ“, „Записки Зап.-Сибирск. Отдѣла Имп. Рос. Геогр. О-ва“, кн. XV, Омскъ, 1893 г.—С. Адріановъ, „Къ вопросу о покореніи Сибири“, „Журн. Мин. Нар. Пр.“, 1893 г., № 4.—Д. А. Ровинскій, „Обозрѣніе иконописанія въ Россіи до конца XVII в.,“, Спб., 1903 г., стр. 28—30, 32—34, 37—39.—„Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Ефрона, полут. 62, Спб., 1901 г., s. v.—„Малый энциклопед. словарь“ т. 11—12, Спб., 1901 г., s. v.—„Справочн. энциклопед. словарь“ Крайя-Старчевскаго, т. IX, Спб., 1855 г., s. v.— II. фонъ-Винклеръ „Русская геральдика“, вып. III, Спб., 1894 г., № 849.

Н. Сербовъ.

Строганова, графиня *Марья Яковлевна*, урожденная Новосильцева, вторая супруга именитаго человѣка Григорія Дмитріевича С., статсъ-дама Екатерины I Алексѣевны и Анны Іоанновны, кума Петра Великаго, род. въ 1678 г. Замужъ за Григорія Дмитріевича вышла въ 1697 г., 19-ти лѣтъ, и вмѣстѣ съ нимъ почти ежегодно ѣздила изъ Москвы въ пермскія вотчины, гдѣ знакомилась съ хозяйствомъ и солевареніемъ. По смерти мужа (1715 г.) за малолѣтствомъ оставшихся трехъ сыновей (Александра, Николая и Сергѣя) С. единолично управляла всѣми обширнѣйшими родовыми владѣніями до 1720 г., когда старшій ея сынъ вступилъ въ совершеннолѣтіе. Въ 1724 г. она била челомъ Императр. Екатеринѣ I: «Пожалованы мы... въ комнату государыни цесаревны. А я, раба ваша, не свѣдома, какимъ порядкомъ себя между другими вести; также и сыновья мои чину себѣ никакого не имѣютъ, а указомъ Вашего Величества всему гражданству опредѣлены различные чины и мѣста по своимъ рангамъ, чтобъ всякъ между собою свое достоинство вѣдалъ. Просимъ, дабы я пожалована была мѣстомъ, а дѣти мои чинами ради приходящаго всенароднаго торжества» (коронованія Императрицы). Отвѣтомъ на эту челобитную было званіе статсъ-дамы, которое С. сохранила и при Импер. Аннѣ Іоанновнѣ. Пользо-

(по)льзовалась она благосклонностью и Петра Великаго, любившаго угощаться у нея хлѣбнымъ виномъ и анисовой водкой; отъ него въ подарокъ получила богато украшенный бриліантами его портретъ, который она всегда носила на голубомъ бантѣ; Петръ былъ ея кумомъ, принявъ отъ купели ея средняго сына, Николая, родившагося въ Воронежѣ. С. отличалась благочестіемъ и благотворительностью, направляемой преимущественно на церкви и монастыри; не мало, впрочемъ, удѣляла она изъ своихъ огромныхъ средствъ бѣднымъ и сиротамъ. Въ изданной Академіей Наукъ въ ея память книгѣ «Умозрительство душевное», между прочимъ, говорится о ней: «Рука ея была, яко приснотекущій источникъ неоскудной милостыни, домъ ея прибѣжищемъ былъ обидимымъ, покровъ странствующимъ вдовицамъ и сиротамъ утѣшеніе». Часто она брала къ себѣ въ домъ оставшихся сиротами дѣвушекъ-дворянокъ, воспитывала ихъ и затѣмъ выдавала замужъ съ значительнымъ приданымъ изъ собственныхъ средствъ. На пожертвованныя ею суммы, между прочимъ, выстроены тріумфальныя врата у Тверской заставы въ Москвѣ. Умерла С. 9 ноября 1734 г., 56 лѣтъ отъ роду, и погребена при ц. Николая Чудотворца въ Москвѣ, рядомъ съ останками мужа.

П. Ф. Карабановъ, „Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII стол." „Русск. Стар.", 1870 г., № 11, стр. 478.—Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго", т. IX, подъ 1721 г. — Ѳ. А. Волеговъ, „Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ", „Пермск. Губ. Вѣдом.", 1877 г., №№ 5 и 6.—„Исторія о родосл., богатствѣ о отечеств. заслуг. знамен. фамил. гг. Строгановыхъ", неизв. автора, „Пермск. Губ. Вѣд.", 1881 г., №№ 28, 29 и 38.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древн. временъ", изд. т-ва „Общ. Польза", кн. IV, стр. 780, 781, 1610; кн. V, стр. 1132.—„Памятная книжка и адр.-календарь Пермской губ. на 1889 г.", стр. 24.

Строганова, графиня *Софья Владиміровна*, супруга Павла Александровича С., урожденная княжна Голицына, родная сестра московскаго генералъ-губернатора кн. Дмитрія Владиміровича Голицына,—родилась въ 1774 г. Въ молодости она со своею матерью много путешествовала по Западной Европѣ; это обстоятельство въ извѣстной степени отразилось на ея воспитаніи: получивъ вообще блестящее и самое разностороннее образованіе, она въ то же время лишь весьма плохо владѣла русскимъ языкомъ, что, впрочемъ, для того времени было довольно обычнымъ явленіемъ въ высшихъ кругахъ русскаго общества. Впослѣдствіи С. потратила не мало труда, чтобы сгладить этотъ пробѣлъ, и достигла настолько благопріятныхъ результатовъ, что даже перевела на русскій языкъ, и притомъ довольно хорошо, вторую часть знаменитой трилогіи Данте—«Божественной комедіи». Въ 1794 г. она вышла замужъ за гр. Павла Александровича С. и повела великосвѣтскій образъ жизни придворной статсъ-дамы. Своими внѣшними и духовными качествами, тонкимъ умомъ и прекраснымъ образованіемъ она обращала на себя въ придворныхъ сферахъ всеобщее вниманіе; красота С. побудила Державина посвятить ей особое стихотвореніе, въ которомъ, между прочимъ, находятся такія строки: «О, сколь, Софія, ты пріятна въ невинной красотѣ твоей, какъ чистая вода прозрачна, блистая розовой зарей». Со временемъ С. весьма тѣсно сдружилась съ Императрицей Елизаветой Алексѣевной, съ которой переписывалась до ея послѣднихъ дней, и не мало содѣйствовала сближенію между нею и Императоромъ Александромъ I. Исключительныя качества графини цѣнились не только въ придворныхъ кругахъ: ея салонъ служилъ средоточіемъ, кромѣ высшаго петербургскаго общества, также и всѣхъ наиболѣе выдающихся современныхъ ученыхъ, поэтовъ и литераторовъ вообще.

Въ іюнѣ 1817 г. скончался ея мужъ, гр. Павелъ Александровичъ, и С. вступила въ полновластное владѣніе громадными наслѣдственными имуществами. Съ этихъ поръ вся ея дѣятельность сосредоточивается почти исключительно на управленіи и упорядоченіи запущеннаго хозяйства. 11 августа 1817 г. Высочайше былъ утвержденъ майоратный актъ на пермскія владѣнія, о чемъ незадолго до смерти началъ ходатайствовать еще гр. Павелъ Александровичъ. Этимъ актомъ былъ положенъ конецъ дальнѣйшему дробленію родовыхъ имуществъ.

Въ теченіе 27 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ С. единолично управляла своими громадными имѣніями. «Женщина необыкновеннаго ума, соединеннаго съ широкимъ образованіемъ и мягкимъ сердцемъ»,—говоритъ о ней одинъ изъ видныхъ историковъ Пермскаго края, Д. Д. Смышляевъ,—«она ста-

вила выше всего благосостояніе своихъ крѣпостныхъ людей, являя въ то же время въ высшей степени замѣчательныя административныя и хозяйственныя способности. Вступивъ въ управленіе (пермскимъ заповѣднымъ) имѣніемъ, обремененнымъ долгами, она привела его, послѣ многихъ лѣтъ неусыпнаго труда, въ блестящее состояніе во всѣхъ отношеніяхъ. Въ то время, когда въ Россіи никому на мысль не приходило ничего подобнаго, въ ея имѣніи существовали выборные суды, взаимное страхованіе отъ огня, страхованіе скота, крестьянская «ссудная касса», благоустроенные школы и госпитали». Вся администрація въ ея имѣніяхъ состояла изъ мѣстныхъ уроженцевъ, бывшихъ ея крѣпостныхъ или ихъ потомковъ. Лица, назначавшіяся на должности, требовавшія спеціальныхъ познаній, предварительно обучались въ основанныхъ самой же графиней школахъ (напр., въ Петербургѣ, Москвѣ и с. Марьинѣ, Новгородск. губ.) и за счетъ ея посылались даже въ высшія учебныя заведенія Западной Европы. Насколько хорошо и широко было поставлено преподаваніе предметовъ въ строгановскихъ школахъ, видно, напр., изъ того, что многіе изъ бывшихъ въ нихъ воспитанниковъ, даже не получившіе дальнѣйшаго образованія, впослѣдствіи оставили по себѣ память цѣнными научными трудами по мѣстной археологіи, исторіи, этнографіи, сельскому хозяйству и лѣсоводству. Мѣропріятія С. въ области управленія своими вотчинами поистинѣ замѣчательны, и не только для своего времени—кромѣ историческаго, они въ значительной своей части имѣютъ самодовлѣющій интересъ даже и для настоящаго времени. Вскорѣ по кончинѣ своего мужа, она дала довѣренность на управленіе пермскими имѣніями своему крѣпостному Волегову (впослѣдствіи извѣстному историку Строгановскаго рода), которому главнѣйшей обязанностью поставила «больше всего заботиться о благосостояніи крѣпостныхъ людей и уже затѣмъ о доходахъ съ имѣнія». Въ 1819 г. она выслала тому же Волегову составленное ею «Положеніе о третейскомъ судѣ» съ предписаніемъ немедленно ввести его въ жизнь. Этимъ «Положеніемъ» совершенно упразднялся судъ надъ крѣпостными со стороны вотчинной администраціи, и взамѣнъ его вводилось въ дѣйствіе постоянное судебное учрежденіе, въ которое входили трое судей изъ крестьянъ, избираемыхъ каждые три года всѣмъ населеніемъ Пермскаго заповѣднаго имѣнія; недовольные же рѣшеніемъ этого «суда совѣсти», дѣйствовавшаго безъ всякихъ писанныхъ законовъ, могли апеллировать въ главную петербургскую контору, на имя графини. Въ концѣ 1820 г. графиня послала письменное распоряженіе о введеніи въ сельскихъ обществахъ выборнаго начала; суть его заключалась въ томъ, что отъ каждыхъ десяти дворовъ долженъ былъ избираться одинъ уполномоченный; послѣдніе составляли для отдѣльнаго поселенія сельскій сходъ, рѣшавшій большинствомъ голосовъ всѣ мірскія дѣла; въ качествѣ исполнительнаго органа сходъ выдѣлялъ изъ своей среды при земскихъ избахъ «словесные суды», а въ заводахъ—«заводскія расправы»; и тѣ и другія каждую треть года должны были доставлять владѣлицѣ вѣдомости о рѣшенныхъ дѣлахъ. 18 марта 1821 г. С. учредила «ссудную сумму». «Имѣя возможное попеченіе о благосостояніи моихъ крестьянъ», писала она своему повѣренному, «и желая въ случающихся денежныхъ ихъ оборотахъ сдѣлать имъ необходимо-нужное пособіе къ поддержанію ихъ состоянія, опредѣляю на сей конецъ для Пермскаго моего имѣнія единовременно 50.000 рубл., изъ которыхъ выдача ссуды на одного домохозяина не должна превышать 300 рубл., каковыя ссуды выдавать за 4 проц. въ годъ, или за 2 проц. на полгода». Вмѣстѣ съ этимъ повѣренному были препровождены «Правила о ссудной суммѣ». «Признавая, что пожары въ селахъ и деревняхъ сильно подрываютъ благосостояніе жителей, и чтобы облегчить участь погорѣльцевъ и поддержать ихъ», писала графиня въ 1822 г., «предписываю учредить въ с. Ильинскомъ «Страховую комиссію»; при этомъ она послала составленное ею и состоявшее изъ 52 пунктовъ «Положеніе на составленіе страховой суммы», согласно которому страхованіе строеній было добровольнымъ, платежъ же премій въ «страховую кассу» по одному проценту въ годъ съ суммы оцѣнки строеній былъ для всѣхъ обязательнымъ. С. часто брала изъ своихъ пермскихъ деревень наиболѣе способныхъ мальчиковъ и опредѣляла ихъ то въ горный корпусъ,

то въ земледѣльческую школу Московскаго общества сельскаго хозяйства. Въ 1823 г. же она основала въ Петербургѣ собственную «Частную горнозаводскую школу», которая черезъ 11 лѣтъ была переименована въ «Школу земледѣлія, горныхъ и лѣсныхъ наукъ».

Живя преимущественно въ Петербургѣ, вдали отъ своихъ пермскихъ вотчинъ, С. не имѣла фактической возможности лично удостовѣриться въ томъ, насколько точно проводятся и цѣлесообразно примѣняются ея предписанія на мѣстѣ, а также и въ томъ, каковы хозяйственныя условія жизни ея крѣпостныхъ. Письменныя сообщенія управляющихъ и словесные ихъ доклады во время пріѣзда въ Петербургъ графиню не удовлетворяли, почему она въ 1823 г. поручила вполнѣ довѣренному лицу, своему зятю кн. Сергѣю Васильевичу Голицыну, обозрѣть пермскія имѣнія и ознакомиться съ нуждами крестьянъ. Прибывъ на мѣсто, князь нашелъ, что благосостояніе крестьянъ, вслѣдствіе неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ, значительно поколебалось, доходъ съ имѣнія уменьшился, недоимки же за крестьянами, наоборотъ, чувствительно увеличились. Интересенъ тотъ способъ, къ которому, съ согласія графини, прибѣгъ кн. Голицынъ для выясненія крестьянскихъ нуждъ и изысканія мѣръ къ ихъ удовлетворенію: онъ обратился ко всѣмъ «вѣдомствамъ» (волостямъ) съ предложеніемъ избрать по два депутата отъ каждаго мірского общества; избранные 63 человѣка вмѣстѣ съ членами упомянутаго выше третейскаго суда и нѣкоторыми административными лицами Ильинскаго управленія составили «совѣтъ», который и занялся выясненіемъ нуждъ и обсужденіемъ необходимыхъ для ихъ удовлетворенія мѣръ. «Совѣтъ» имѣлъ четыре засѣданія, на которыхъ и былъ вынесенъ рядъ постановленій, касавшихся разныхъ денежныхъ, натуральныхъ и оброчныхъ повинностей и существенно облегчавшихъ положеніе крестьянъ, особенно бѣднѣйшей части ихъ. С. В. Голицынъ не только утвердилъ всѣ эти постановленія, но и лично отъ себя сдѣлалъ еще рядъ льготъ, совсѣмъ уничтоживъ нѣкоторыя повинности и значительно увеличивъ плату за обязательныя караванныя работы по перевозкѣ соли.

Въ 1825 г. С., заботясь объ улучшеніи земледѣлія у своихъ крестьянъ, основала въ своемъ имѣніи Марьинѣ (Новгор. губ.) земледѣльческую школу, въ которую изъ пермскихъ вотчинъ были присланы 50 крестьянскихъ сиротъ; черезъ два года она составила «Положеніе объ управленіи Пермскимъ нераздѣльнымъ имѣніемъ», которое вскорѣ было введено въ дѣйствіе и по которому всѣ обширныя владѣнія были раздѣлены на пять округовъ; при административномъ пунктѣ каждаго изъ нихъ были основаны новыя школы, библіотеки и пр.; нужно вообще замѣтить, что школы С. учредила чуть не во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ поселеніяхъ майората, а во многихъ изъ нихъ также и подобіе нынѣшнихъ врачебныхъ пунктовъ, для обслуживанія которыхъ посылала изъ Петербурга врачей-иностранцевъ. Въ 1833 г., по предложенію графини, впервые состоялся въ с. Ильинскомъ съѣздъ окружныхъ управляющихъ ея имѣній «для рѣшенія и разсмотрѣнія общихъ дѣлъ»; работы съѣзда оказались настолько полезными, что съ тѣхъ поръ онъ ежегодно одинъ разъ собирался въ томъ же селѣ. Въ февралѣ 1837 г. С. свое «Положеніе объ управленіи Пермскимъ нераздѣльнымъ имѣніемъ» значительно видоизмѣнила и дополнила весьма важнымъ пунктомъ о томъ, что служащіе-крѣпостные по истеченіи извѣстнаго служебнаго срока пріобрѣтаютъ право на полученіе свободы безъ всякаго выкупа; срокъ выслуги въ зависимости отъ рода дѣятельности служащаго былъ опредѣленъ въ 20—30 лѣтъ; увольненіе дается съ женами и малолѣтними дѣтьми. 28 ноября 1841 г. графиня утвердила «Правила о пенсіяхъ» служащимъ и мастеровымъ, состоявшія изъ 52 пунктовъ, а 12 іюня слѣдующаго года ввела въ дѣйствіе «Уставъ о застрахованіи скота»; «Правила о пенсіяхъ» въ 1844 г. были дополнены въ томъ смыслѣ, что право на пенсію было распространено также и на мастеровыхъ и лоцмановъ соляныхъ каравановъ; наконецъ, въ 1843 г. она учредила при главной конторѣ въ Петербургѣ особую коммисію изъ довѣренныхъ лицъ для разбора и рѣшенія наиболѣе запутанныхъ дѣлъ по своимъ пермскимъ владѣніямъ. Только послѣдовавшая на 70 г. отъ рожденія, именно 5 марта 1845 г., смерть положила конецъ неутомимой и благотворной дѣятельности этой энергичной, воодушевленной человѣколюбіемъ замѣчательной женщины.

Дошедшіе до насъ отзывы современниковъ характеризуютъ С. съ самой лучшей стороны. Н. И. Гречъ въ своихъ запискахъ не разъ упоминаетъ о ней «какъ о женщинѣ необыкновеннаго ума и сердца», а графиня Эделингъ отзывается о ней въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Будучи очаровательно умна, она никогда не давала чувствовать свое превосходство; потребно много искусства, дабы скрыть такое обиліе прелестей и добродѣтелей. Что до меня, то я восхищалась охотно и потому я любила гр. Строганову и полагаю, что невозможно встрѣтить столько совершенствъ въ одномъ лицѣ». По смерти С. всѣ ея имущества вмѣстѣ съ графскимъ титуломъ перешли къ Сергѣю Григорьевичу Строганову, женившемуся на старшей дочери С.—Натальѣ Александровнѣ.

Н. М. Колмаковъ, „Домъ и фамилія гр Строгановыхъ“, „Русск. Стар.“, 1887 г., № 3.— Велик. кн. Николай Михаиловичъ, „Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ. Историч. изслѣдов. эпохи импер. Александра I“, т. I, Спб., 1903, стр. 37, 83, 183, 191, 219—221, 364, 365; т. II, стр. 364, 373, 375, 399, 407, 419, 421, 422; т. III, стр. 152, 154, 175, 176, 178, 189, 194, 199, 205, 206, 207, 212, 217, 256, 260, 269, 301. — „Матеріалы къ исторіи Пермскаго майоратнаго имѣнія графовъ Строгановыхъ; Положеніе для учрежденія третейскаго суда и др.“ (Сборникъ подъ ред. Д. Д. Смышляева „Пермскій край“, т. II, стр. 90—158).—Н. А. Роговъ, „Матеріалы для исторіи Пермскаго заповѣднаго имѣнія гр. Строгановыхъ“, Пермь, 1892 г.—И. Вологдинъ, „Къ матеріаламъ для біографіи гр. Сергѣя Григорьевича Строганова“, „Пермск. Губ. Вѣд.“, 1882 г., №№ 59—63.—А. И. Ходневъ, „Исторія Императорскаго вольно-экономическаго общества съ 1765 по 1865 г.“, Спб., 1865 г., стр. 656.—П. Ф. Карабановъ, „Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора“, „Русск. Стар.“, 1870 г., т. 3, № 4.— Бернаскони, „Практическая школа земледѣлія и ремеслъ въ Марьинскомъ имѣніи, Новгор. губ.“, „Библіотека для Чтенія“, 1843 г., мартъ.— „Извѣщеніе о школѣ сельскаго хозяйства и горнозаводскихъ наукъ, учрежденной графиней С. В. Строгановой“, „Земледѣльческій Журналъ“, издав. Императ. Московск. общ. сельск. хоз., 1825 г., № XIV, стр. 277—294.— „О школахъ земледѣлія, ремеслъ и горнозаводскихъ наукъ гр. С. В. Строгановой“, ibid., 1836 г., № 1, стр. 151—157.—С. Масловъ, „Обзоръ школы земледѣлія и горнозаводскихъ наукъ гр. С. В. Строгановой и земледѣльческ. училища для удѣльныхъ крестьянъ“, ibid., 1837 г., № 3, стр. 323—342.—„Московск. Вѣд.“, 1845 г., № 32, стр. 215.—„Русскій Архивъ“, 1865 г., стр. 399, 1319; 1904 г., № 1, стр. 278.— „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи“, т. XXXIV, стр. 471—474.—„Воспоминанія“ Н. И. Греча, Спб., 1886 г.

Строгановъ, баронъ *Александръ Григорьевичъ*, тайный совѣтникъ, генералъ-поручикъ, старшій сынъ послѣдняго въ родѣ именитаго человѣка Григорія Дмитріевича, родился 2 ноября 1698 г. въ родовой вотчинѣ Гордіевкѣ, недалеко отъ Нижняго-Новгорода. Послѣ смерти отца остался малолѣтнимъ, почему имуществами нѣкоторое время управляла его мать, Марія Яковлевна, урожденная Новосильцева. Въ 1720 г. онъ ѣздилъ въ пермскія и сольвычегодскія вотчины, гдѣ въ продолженіе полугода знакомился съ состояніемъ хозяйства вообще и солеваренія въ частности; убѣдившись въ убыточности сольвычегодскихъ промысловъ, онъ съ согласія матери и младшихъ братьевъ, Николая и Сергѣя, ликвидировалъ эти промыслы, остальные же значительно улучшилъ, построивъ новыя и исправивъ обветшавшія варницы. Въ 1722 г. С. и его братья, за заслуги предковъ, оказанныя русскому государству, Петромъ Великимъ были возведены въ баронское достоинство. Въ томъ же году, когда государь съ арміей отправился въ персидскій походъ, С. сопровождалъ его отъ Москвы до Симбирска и въ Нижнемъ-Новгородѣ принималъ его у себя въ домѣ; здѣсь Петръ отпраздновалъ день своего тезоименитства; эта оказанная С. честь свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ расположеніи къ нему царя. Изъ Симбирска, несмотря на всѣ просьбы С. дозволить ему идти дальше, онъ былъ «съ честью» отправленъ обратно въ Москву. Въ 1723 г. женился на дочери князя Василія Петровича Шереметева, Татьянѣ (у П. Долгорукова названа Доминикой Васильевнѣ, причемъ Петръ Великій былъ посаженымъ отцомъ и «довольно на томъ бракѣ изволилъ веселиться купно съ государынею Императрицею, ихъ высочествами принцессами и прочими знатными особами, а особливо съ его свѣтлостью голштинскимъ герцогомъ Фридерикомъ». Татьяна Васильевна въ бракѣ прожила всего три года, въ 1726 г. скончавшись. Восемь лѣтъ спустя С. женился во второй разъ, на дочери контръ-адмирала Василія Дмитріевича Мамонова, Еленѣ Васильевнѣ; но и эта супруга прожила недолго; значительно позже С. вступилъ въ третій бракъ, съ Маріей Артамоновной Загряжской (род. 25 марта 1722 г., ум. 8 апрѣля 1788 г. А. Г. первымъ не только изъ братьевъ,

но и вообще изъ рода С—ыхъ, былъ зачисленъ на службу. По просьбѣ его матери Имнер. Екатерина Алексѣевна пожаловала его въ 1725 г. дѣйствительнымъ камергеромъ, хотя званіе это было только номинальнымъ, такъ какъ онъ въ придворныхъ церемоніяхъ никакого участія не принималъ и жалованья не бралъ; позже онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики и тайные совѣтники. Умеръ 7 ноября 1754 г., 55 лѣтъ, наслѣдниковъ мужского пола не оставивъ. Отъ второго брака имѣлъ дочь *Анну* (род. 7 февр. 1739 г., ум. 22 апр. 1816 г.), отъ третьяго—*Варвару* (род. 2 дек. 1748 г., ум. 29 окт. 1823 г.). Всѣ имѣнія его были унаслѣдованы вдовою. Анна Александр. въ 1757 г. вышла замужъ за кн. Мих. Мих. Голицына (сына ген.-адм., также Мих. Мих.) и получила половину состоянія. Остальная же половина перешла къ кн. Борису Григор. Шаховскому, за которымъ была замужемъ вторая дочь С. По отзывамъ современниковъ, С. былъ большимъ благотворителемъ, человѣкомъ добрымъ и для своего времени весьма образованнымъ; зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, много читалъ и перевелъ нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ съ франц. «О истинѣ благочестія христіанскаго» Гуго Троцля и съ англ. «Потерянный рай» (въ перев. названъ «Погубленный рай») Мильтона.

Дѣятельность А. Г. какъ солепромышленника и собственника громадныхъ родовыхъ владѣній неотдѣлимо связана съ дѣятельностью его братьевъ, *Николая* и *Сергѣя* Григорьевичей. Братья всегда составляли какъ бы одно юридическое лицо и въ своихъ требовавшихся обстоятельствами дѣйствіяхъ выступали неизмѣнно съ общаго согласія, почему ихъ дѣятельность въ этомъ отношеніи, во избѣжаніе излишнихъ повтореній, и излагается здѣсь вмѣстѣ. Съ ихъ именемъ связанъ прежде всего постепенный, но неуклонный упадокъ пермскаго солеваренія, достигшаго при ихъ отцѣ высокаго расцвѣта и сдѣлавшагося одною изъ самыхъ значительныхъ областей тогдашней русской промышленности. Менѣе всего виновны въ этомъ сами С—вы: причины, способствовавшія упадку, лежали внѣ сферы ихъ вліянія; это были—неблагопріятныя правительственныя мѣропріятія, экономическія условія (на первомъ планѣ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ) и, наконецъ, открытый источникъ болѣе дешевой добычи соли—Эльтонское озеро.

Отъ отца С—вы унаслѣдовали нѣсколько соляварениыхъ промысловъ, наиболѣе богатыми и доходными изъ которыхъ были Новоусольскіе, Ленвенскіе и Зырянскіе. Съ каждой варницы, при 1 поварѣ, 1 подваркѣ, 2 дрововозахъ, 1 мѣшкодержателѣ и 2 «унимальщикахъ», они получали въ сутки 100—120 пуд. соли, что въ общемъ составляло свыше 3 мил. пуд. ежегодной добычи. Вся вывареная соль, согласно условію, заключенному еще ихъ отцомъ съ правительствомъ, ставилась за опредѣленную плату въ казну, причемъ С—вы обязаны были доставлять ее въ Нижній-Новгородъ. Эта операція производилась на особыхъ судахъ, «лодьяхъ» и «межеумкахъ» (по 100—120 тыс. пуд. на каждомъ), которыя внизъ по Камѣ шли сплавомъ, а вверхъ по Волгѣ до Нижняго бичевой. Нагрузка, сплавъ и транспортированіе бичевой требовало, конечно, значительнаго рабочаго состава,—на каждое судно отъ 160 до 250 чел., а на всѣ (около 30)—отъ 5 до 7 тыс. человѣкъ (не говоря уже оваркѣ соли, которая, впрочемъ, производилась обыкновенно своими крѣпостными). Найти такую массу людей при тогдашней слабой населенности пермскихъ и сосѣднихъ съ ними земель было дѣломъ не легкимъ. Тѣмъ не менѣе С—вы, поставлявшіе въ казну сначала 2 мил., а съ 1731 по 1742 г. даже 3 мил. пуд. соли ежегодно и бывшіе не только самыми крупными, но почти единственными поставщиками этого продукта, — до 1742 г. справлялись со своей задачей вполнѣ удовлетворительно, вербуя контингентъ рабочихъ изъ бродяжническихъ, безписьменныхъ и т. п. элементовъ. Но въ этомъ году вдругъ вышелъ указъ, запрещавшій держать на работахъ людей даже съ писанными паспортами и дѣлавшій исключеніе только для обладателей паспортовъ печатныхъ, что по отношенію къ Пермской области было почти равносильно полному запрету вести какое-либо крупное предпріятіе. С—выхъ же этотъ указъ поставилъ въ совершенно безвыходное положеніе, и съ этихъ поръ начинаются ихъ, такъ сказать, промышленныя мытарства и рядъ столкновеній съ Сенатомъ. Съ послѣднимъ впрочемъ и раньше, еще при Петрѣ I, у С—выхъ вышло одно столкновеніе. Около 1724 г. кто-то до-

несъ Сенату, что поставка соли въ казну даетъ братьямъ будто бы громадные барыши. Не входя въ подробное разсмотрѣніе вопроса и даже не допросивъ С—выхъ, Сенатъ принялъ сообщаемыя въ доносѣ свѣдѣнія на вѣру и намѣревался въ этомъ смыслѣ и разрѣшить дѣло. Но имъ заинтересовался самъ Петръ, который, детально разсмотрѣвъ всѣ его обстоятельства, вынесъ совершенно обратное убѣжденіе и на представленной ему Сенатомъ вѣдомости по этому вопросу положилъ резолюцію: «Къ прежней провозной цѣнѣ прибавить по 3 деньги на пудъ».

Чтобы хоть отчасти выйти изъ затрудненій, созданныхъ указомъ 1742 г., С—вы принуждены были теперь отнять хорошихъ работниковъ отъ варницъ и поставить ихъ къ «лодьямъ», вслѣдствіе чего пришлось сократить добычу соли въ лѣтнее время. Этимъ, однако, положеніе улучшилось не на много. Попытки, сдѣланныя С—выми въ 1742 г. съ цѣлью склонить Сенатъ на разрѣшеніе имѣть имъ людей хотя бы съ писанными паспортами, успѣха не имѣли, наоборотъ, вызвали рѣзкую резолюцію Сената —«Бароновъ Строгановыхъ къ поставкѣ соли до Нижняго принуждать неослабно, не пріемля отъ нихъ представленіевъ». Въ 1743 г. затрудненія братьевъ еще болѣе обострились, притомъ по причинѣ уже стихійнаго характера; въ этомъ году Волга и Кама настолько обмелѣли, что сплавлявшіяся по нимъ суда съ солью остановились. Народу грозилъ соляной голодъ. С—вы подали въ Сенатъ доношеніе, въ которомъ просили правительство помочь имъ людьми изъ государственныхъ крестьянъ Приволжскихъ и Прикамскихъ губерній, нужно же было въ виду необходимости часто стаскивать сѣвшія на мель суда не менѣе 9000 душъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ и торговъ Сенатъ согласился поставить за счетъ С—выхъ половину этого количества, а для найма «лодейныхъ» людей командировалъ ген.-маіора А. Юшкова и ассесора соляной конторы Домашнева. Послѣдніе, однако, при всемъ стараніи могли найти всего лишь 10 чел. съ печатными паспортами. Повидимому, сплавъ въ концѣ концовъ былъ по молчаливому соглашенію произведенъ безпаспортными рабочими, но С—вы въ этомъ году потерпѣли во всякомъ случаѣ свыше 60 тыс. руб. убытковъ. Въ началѣ 1744 г. братья повторили свою просьбу о разрѣшеніи имъ имѣть людей безъ печатныхъ паспортовъ. Сенатъ отказалъ. На это С—вы отвѣтили въ маѣ рѣшительной челобитной, въ которой, ссылаясь на понесенные въ предыдущемъ году убытки, на полную невозможность находить удовлетворяющихъ требованіямъ указа рабочихъ и на отсутствіе у нихъ денегъ для завершенія текущей соляной кампаніи, а тѣмъ болѣе для приготовленій къ завару слѣдующаго года,— просили Сенатъ принять ихъ промыслы за соотвѣтственное вознагражденіе въ казну. Вопросъ былъ сложный, и Сенатъ предпочелъ отмалчиваться. Только осенью С—вымъ было заявлено, что просьба ихъ не подлежитъ удовлетворенію, они же въ случаѣ несвоевременной доставки соли будутъ штрафованы. Ничего не добившись отъ Сената, братья обратились съ челобитной о снятіи съ нихъ соляныхъ заводовъ въ казну къ самой Импер. Елизаветѣ Петровнѣ, до разрѣшенія же дѣла обѣщали «сколько возможности есть, исполненіе чинить».

Въ слѣдующемъ 1745 г. повторилась старая исторія, рельефно вскрывающая одну изъ главныхъ бѣдъ Россіи XVIII в.—недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Въ январѣ Сенатъ донесъ государынѣ, что имъ опредѣлено выдать С—вымъ заимообразно 30 тыс. рублей, но они, не желая входить въ долги, денегъ не берутъ; въ февралѣ С—вы заявили Сенату, что соль готова, рабочихъ же для спуска ея по рѣкамъ найти не могутъ; предлагаемыхъ денегъ не берутъ, такъ какъ не надѣются ихъ возвратить, притомъ эта сумма помочь имъ не можетъ въ виду необходимости имѣть не менѣе 200 тыс. руб.; не вознаградитъ ихъ и сдѣланная Сенатомъ прибавка по 1 коп. провозной платы съ пуда; самое же главное— подрядчики за ненахожденіемъ рабочихъ съ печатными паспортами отказываются отъ всякихъ сдѣлокъ, почему они, С—вы, поставку соли ни за какое вознагражденіе выполнить не въ состояніи. Сенатъ вновь прибѣгъ къ старому средству,—командировалъ тѣхъ же Юшкова и Домашнева вербовать рабочихъ и далъ губернаторамъ и воеводамъ сѣверо-восточныхъ губерній приказъ подъ страхомъ отвѣтственности высылать на работы (опять-таки за счетъ С—выхъ) государственныхъ крестьянъ. Помимо этого командированнымъ велѣн.

было сенатомъ въ теченіе года прожить на промыслахъ С. и опредѣлить, во что обходится послѣднимъ выварка и доставка соли (это порученіе было вызвано новымъ доносомъ о большихъ прибыляхъ, будто бы получаемыхъ С.). Разслѣдованіе обнаружило, что сама выварка дастъ прибыль, но отъ перевозки въ Нижній получается громадный убытокъ, значительно превышающій выгоды отъ добычи соли. Къ 1 апрѣля, по донесенію С—выхъ, не было еще ни одного рабочаго, позднѣе же кое-кто былъ найденъ, но и тѣ, уже обзадаточенные Юшковымъ, большею частью не явились или возвратили задатокъ, или же вмѣсто себя прислали малолѣтнихъ и увѣчныхъ, о чемъ братья снова жаловались въ Сенатъ. Послѣднему, повидимому, наскучили постоянныя жалобы С—выхъ, почему онъ опредѣлилъ: впредь С—вымъ о соляныхъ дѣлахъ представлять и рѣшенія требовать отъ соляной конторы, которая уже сама въ нужныхъ случаяхъ будетъ обращаться въ Сенатъ. Однако и для него вскорѣ стало яснымъ, что жалобы С—выхъ не были пустыми; въ непродолжительномъ времени таковыя посыпались и отъ мелкихъ пермскихъ солепромышленниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, напримѣръ, Григорій Демидовъ, совсѣмъ отказались варить соль, и отъ промышленниковъ Астраханской губ. Осенью 1745 г. С—вы опять доносили, что не въ состояніи продолжать дѣла, указывая на этотъ разъ кромѣ обычныхъ причинъ еще и на недостатокъ въ дровахъ, которыхъ на выварку болѣе чѣмъ 2.700 тыс. пуд. (вмѣсто требуемыхъ 3 мил.) не хватитъ. Сенатъ отвѣтилъ: во что бы то ни стало выварить всѣ 3 мил. пуд., такъ какъ въ противномъ случаѣ, вслѣдствіе разсоренія мелкихъ промышленниковъ, грозитъ соляной голодъ. На это лѣтомъ 1746 г. послѣдовало доношеніе С—выхъ: Высочайшей резолюціи на ихъ просьбу еще не послѣдовало, Сенатъ принуждаетъ ихъ дѣло продолжать, а они пришли въ такую несостоятельность, что платить лодейнымъ работникамъ «капиталу у себя не имѣютъ», понадобится же не менѣе 100 тыс. руб., о займѣ которыхъ они и просятъ. Такихъ денегъ въ распоряженіи Сената не оказалось, и онъ ассигновалъ лишь 42,399 руб.,—все, что было въ наличности въ соляной конторѣ. Въ концѣ 1746 г. С—вы заявляли о недостаткѣ въ дровахъ, въ маѣ слѣдующаго года снова жаловались на свое «изнеможеніе», указавъ еще на убытки, причиненные имъ пожаромъ въ Твери, гдѣ у нихъ сгорѣли домъ и амбары съ солью; въ іюнѣ было констатировано, что они не доварили милліона пудовъ соли, на что Сенатъ отвѣтилъ указомъ съ «крѣпкимъ подтвержденіемъ» недостатокъ пополнить во что бы то ни стало. С—вы отказались. Сенатъ опредѣлилъ—выварить и поставить 3 мил. пуд. «безъ разсужденіевъ». Въ 1748 г. С—вы не доварили 2 мил. пуд. Послѣдовалъ указъ Сената съ «крайнимъ подтвержденіемъ». Въ отвѣтъ на это братья просили сложить съ нихъ обязательство безплатной поставки 100 тыс. пуд. соли, взятое на себя еще отцомъ ихъ за уступку ему бывшихъ казенныхъ Зырянскихъ промысловъ, съ теченіемъ времени истощившихся. Сенатъ путемъ публикаціи попытался найти лицъ, согласныхъ взять на себя эти промыслы на тѣхъ же условіяхъ. Отозвался лишь Пыскорскій монастырь, но и тотъ поставилъ такія дополнительныя условія, что Сенатъ предпочелъ отказаться отъ его услугъ и о просьбѣ С—выхъ доложилъ Императрицѣ, на что и послѣдовало ея согласіе. Наконецъ, въ 1750 г. Елизавета Петровна съ цѣлью положить конецъ всѣмъ неурядицамъ въ соляномъ дѣлѣ повелѣла провозную плату увеличить С—вымъ на 3 коп. съ пуда соли, доставленную въ Нижній, перевозку же въ верховые города, наиболѣе убыточную, производить за счетъ казны. Для послѣдней и Сената всѣ затрудненія разрѣшились довольно неожиданно—увеличеніемъ эксплоатаціи Эльтонскаго озера, соль котораго постепенно вытѣснила добываемую въ другихъ мѣстахъ. Въ 1752 г. С—вымъ разрѣшено было ставить только 2 мил. пуд., а вскорѣ всего 1 мил. С—вымъ же соль Эльтонскаго озера причинила непоправимый вредъ, такъ какъ отняла всякую надежду на переходъ ихъ промысловъ въ казну, ближайшимъ же слѣдствіемъ этого была необходимость сократить производство и закрыть многія варницы. Такимъ образомъ, цвѣтущіе и доходные когда-то промыслы постепенно потеряли свое былое значеніе, а вмѣстѣ съ этимъ пало и значеніе С—выхъ какъ единственныхъ почти солепромышленниковъ въ Россіи.

Въ 1740 г. бароны С—вы подѣлили меж.

ду собою находившіяся до того въ общей собственности владѣнія въ Москвѣ и подъ Москвою, состоявшія изъ деревень и домовъ, а въ 1749 г. былъ произведенъ раздѣлъ также и пермскихъ вотчинъ и соляныхъ промысловъ. Съ этой цѣлью всѣ ихъ имущества были переписаны и раздѣлены на три равныя части, а затѣмъ брошенъ жребій. Каждому изъ братьевъ досталось по третьей части Новоусольскихъ, Ленвенскихъ, Зырянскихъ и Чусовскихъ соляныхъ промысловъ, кромѣ того Александръ Григорьевичъ получилъ 6 селъ по Камѣ, 2 по Чусовой, 4 по Сылвѣ и по 1 на Косвѣ и Яйвѣ; Николай Григ.—Орелъ-городокъ, с. Косвинское, 3 села по Инвѣ, 8 по Обвѣ и еще 1000 душъ крестьянъ; Сергѣй Григ.—сс. Романово и Булатово, с. Слудское на Камѣ, 5 селъ по Инвѣ, 8 по Обвѣ, въ томъ числѣ Очерскій острожокъ, и с. Никольское на Яйвѣ.

Въ заключеніе остается упомянуть о дѣятельности бароновъ С—выхъ въ качествѣ металлозаводчиковъ. Еще предкамъ ихъ, а затѣмъ при Петрѣ Великомъ въ 1721 г. и имъ самимъ было дано разрѣшеніе искать руду и, если окажется, разрабатывать ее. Занятые все время солевареніемъ, они долгое время не обращали почти никакого вниманія на новую отрасль промышленности. Въ 1723 г. на ихъ земляхъ были построены четыре казенныхъ мѣдно-плавильныхъ завода—Ягошихинскій, Пыскорскій, Висимскій и Мотовилихинскій, а вскорѣ и они сами построили небольшой мѣдно-плавильный заводъ для собственныхъ нуждъ. Послѣ раздѣла 1749 г. каждый изъ братьевъ уже болѣе внимательно относится къ выплавкѣ металловъ. Александръ Григорьевичъ построилъ заводы Югокамскій и Нытвинскій съ 2 доменными печами; его третья супруга—заводъ Хохловскій; Николай Григ.—мѣдноплавильные Томанскій и Пожевскій и желѣзоплав. при р. Кыпу; Сергѣй Григ.—мѣднопл. Вилимбеевскій на р. Добрянкѣ съ 2 доменными печами и 2 молотами и желѣзопл. Очерскій и Саткисаткинскій. Пока построенные казною заводы ею же и эксплоатировались, никакихъ недоразумѣній у С—выхъ съ администраціей заводовъ не возникало; но въ 1757 г. они были подарены гр. Роману Иллар. Воронцову и гр. Ив. Гр. Чернышеву, которые, особенно послѣдній, повели дѣло хищническимъ образомъ, расширяя свои владѣнія за счетъ земель С—выхъ. (О судьбѣ дара гр. Чернышеву см. томъ «Чаадаевъ - Швитковъ»). Съ ними, а также съ гр. Петромъ Шуваловымъ и Акинфіемъ Демидовымъ у С—выхъ въ послѣдніе годы ихъ жизни возникаетъ рядъ земельныхъ недоразумѣній, часто переходящихъ въ длительные и сложные судебные процессы и тяжбы.

„Исторія о родословіи, богатствѣ и отечеств. заслугахъ знаменит. фамиліи гг. Строгановыхъ", неизв. автора, „Перм. Губ. Вѣд.", 1881 г.: о бар. Ал., Ник. и Серг. въ №№ 27, 28, 29, 31, 34, 38, 40, 43, 70, 73, 75, 77, 79, 81, 83, 85.—А. Дмитріевъ, „Полюбовное соглашеніе братьевъ Строгановыхъ въ 1749 г.", ib., 1883 г., № 37.—Его же, „Раздѣлъ вотчиннаго имѣнія и соляныхъ промысловъ въ 1749 г.", ib., 1883 г., №№ 45, 47, 51—53.—Его же, „Историч. очеркъ поземельныхъ отношеній на Уралѣ съ половины XVIII в. въ раіонѣ бывш. имѣн. Григ. Дмитр. Строганова", ib., 1883 г., №№ 73—79.—„Родословіе гг. Строгановыхъ", составлен. Ѳ. А. Волеговымъ, исправл. А. Дмитріевымъ, сборникъ „Пермскій Край", т. III, Пермь, 1895 г.—Германъ, „Историческ. начертаніе горнаго производства въ Росс. Имперіи", ч. I, Екатеринб., 1810 г., стр. 3—4.—Вел. кн. Николай Михаиловичъ, „Графъ Пав. Алекс. Строгановъ", т. I, Спб., 1903 г., стр. 3—7, 9—10.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", изд. т-ва „Общ. Польза", кн. IV, стр. 780, 781, 784; кн. V, стр. 254, 255, 256, 331—334, 394, 395, 452, 497, 498, 700, 701, 793.—Журналы Сената, 1744 г., отъ 29 мая, 12 сент., 6 ноября; 1745 г., отъ 1 и 5 февр., 24 мая, 18 и 25 іюня, 31 іюля, 4, 20, 27 и 28 сент., 12 ноября; 1747 г., отъ 22 января.—Кн. П. Долгоруковъ, „Россійская родословная книга", ч. II. Спб., 1855 г., стр. 210.—„Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи", т. I, стр. 24; т. II, стр. 818, 953; т. VI, стр. 724; т. VII, стр. 72, 200, 201, 297, 298, 399, 400, 453, 454, 805, 806; т. VIII, стр. 530, 531, 880, 937, 938, 959, 993; т. IX, стр. 106, 134—136, 294, 418, 484—486, 488, 798; т. X, стр. 203, 244, 422-424; т. XI, стр. 806; т. XII, стр. 304—307, 336, 337, 339, 451, 478, 579, 882, 833, 885, 886; т. XIII, стр. 46, 184, 239, 296—305, 403, 518, 651, 900, 945; т. XIX, стр. 367; т. XXVI, стр. 130, 859, 869; т. XXIX, стр. 836.—Объ одномъ Алекс. Григорьев. упомин. тамъ же: т. V, стр. 488, 599; т. VII, стр. 335, 336; т. VIII, стр. 18; т. IX, стр. 132, 484; т. XI, стр. 952; т. XII, стр. 305; т. XV, стр. 982.—О Николаѣ Григ. тамъ же, т. VIII, стр. 18—19.—О Сергѣѣ Григ. тамъ же, т. XIV, стр. 490,

Строгановъ, *Александръ Григорьевичъ*, графъ, генералъ-адъютантъ, членъ Госуд. Совѣта, родился въ 1795 г., умеръ въ 1891 г. Воспитаніе получилъ въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, по окончаніи курса котораго поступилъ въ лейбъ-гвардіи артиллерійскую бригаду. Нахо-

дился въ рядахъ войскъ, преслѣдовавшихъ отступавшаго изъ Россіи Наполеона, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, Кульмомъ, Лейпцигомъ и былъ при занятіи Парижа; въ 1831 г. участвовалъ въ усмиреніи польскаго возстанія. Въ 1834 г. С. былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, каковымъ пробылъ до 1836 г., когда получилъ постъ генералъ-губернатора черниговскаго, полтавскаго и харьковскаго, а съ 1839 г. по 1841 г. управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Членомъ Государственнаго Совѣта состоялъ съ 1849 г. Пробывъ годъ (1854) военнымъ губернаторомъ Петербурга, онъ потомъ былъ около 9 лѣтъ новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ бытность въ Одессѣ С. интересовался дѣятельностью тамошняго общества исторіи и древностей Россійскихъ, былъ его президентомъ и сдѣлалъ много цѣнныхъ пожертвованій въ его музей. Въ 1857 г. онъ представилъ Государю свой проектъ о преобразованіи Ришельевскаго лицея въ Новороссійскій университетъ съ двумя факультетами, юридическимъ и агрономическимъ, но по финансовымъ соображеніямъ осуществленіе проекта было тогда отложено. После отставки отъ должности новороссійскаго генералъ-губернатора С. былъ избранъ почетнымъ гражданиномъ Одессы, въ которой на покоѣ и провелъ послѣдніе годы жизни. Громадная его библіотека, согласно завѣщанію, досталась Томскому университету.

Строгановъ, гр. *Александръ Сергѣевичъ*, оберъ-камергеръ, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, президентъ Императорской академіи художествъ, директоръ Публичной библіотеки, первый графъ въ родѣ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся русскихъ меценатовъ въ широкомъ и лучшемъ значеніи этого слова, единственный сынъ барона Сергѣя Григорьевича С., род. 3 января 1733 г. Получивъ въ домѣ отца подъ руководствомъ лучшихъ учительскихъ силъ блестящее по тому времени образованіе, для довершенія его С. въ 1752 г. въ сопровожденіи француза Антуанъ (Antoine) отправился за границу. Посѣтивъ Берлинъ, гдѣ онъ радушно былъ принятъ генераломъ, впослѣдствіи фельдмаршаломъ Кейтомъ, раньше бывшимъ на русской службѣ, и гдѣ осмотрѣлъ картинныя галлереи, библіотеки и дворцы, С. чрезъ Ганноверъ, Ганау, Франкфуртъ-на-Майнѣ и Страссбургъ въ концѣ года достигъ Женевы, осматривая по дорогѣ всѣ достопримѣчательности въ области искусства, науки и промышленной техники. Въ Женевѣ онъ пробылъ два года и это время посвятилъ преимущественно слушанію лекцій тамошнихъ выдающихся профессоровъ, особенно историка Вернета, съ которымъ остался въ дружественныхъ отношеніяхъ на всю жизнь. Южный городъ съ его разнообразной жизнью и разноплеменнымъ населеніемъ настолько понравился С., что онъ просилъ дозволенія у отца остаться въ немъ и дольше, но получилъ отказъ въ этомъ и въ сентябрѣ 1754 г. переѣхалъ въ Италію, гдѣ въ теченіе зимы этого и всего слѣдующаго года, облегчая себѣ путь рекомендательными письмами гр. М. И. Воронцова къ владѣтельнымъ особамъ и академика Миллера къ ученымъ лицамъ, осмотрѣлъ художественныя сокровища Турина, Милана, Вероны, Болоньи, Венеціи и Рима. Не оставивъ безъ вниманія почти ни одного музея, сдѣлавъ всюду цѣнныя покупки, послужившія основаніемъ собранныхъ имъ впослѣдствіи богатѣйшихъ коллекцій, и завязавъ знакомства съ выдающимися учеными и особенно художниками, С. изъ Италіи направился въ Парижъ, въ которомъ пробылъ также два года, предаваясь свѣтскимъ удовольствіямъ и въ то же время изучая физику, химію, металлургію и посѣщая фабрики и заводы. Особенно замѣчательно, что для него, располагавшаго громадными денежными средствами и болѣе чѣмъ прекрасными для блестящей карьеры связями, это изученіе разныхъ научныхъ отраслей было не пустой фразой, не простой ширмой для прикрытія широкой свѣтской жизни, а дѣйствительнымъ трудомъ и даже любимымъ занятіемъ; за время своего путешествія онъ вполнѣ усвоилъ нѣмецкій и италіянскій языки, не говоря уже о французскомъ, который былъ ему не менѣе, если не болѣе роднымъ, чѣмъ русскій.

Кончина отца заставила С. вернуться въ 1757 г. въ Петербургъ, гдѣ онъ, по желанію Елизаветы Петровны, вскорѣ женился на дочери гр. М. И. Воронцова, Аннѣ Михайловнѣ. Въ день обрученія, на которомъ присутствовала сама Императрица, онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, вмѣстѣ съ этимъ вступивъ въ

придворную службу. Желая выказать С. свое расположеніе, государыня въ октябрѣ 1760 г. командировала его въ Вѣну для принесенія привѣтствій австрійскому двору по случаю бракосочетанія эрцгерцога Іосифа; тамъ онъ отъ вдовствовавшей императрицы Маріи-Терезіи получилъ 29 мая 1761 г. взамѣнъ унаслѣдованнаго баронскаго титула титулъ графа Римской имперіи, данный ему, какъ сказано въ дипломѣ, «въ ознаменованіе къ нему истиннаго благоволенія».

Послѣдовавшія въ скоромъ времени политическія событія разрушили семейное счастье С. Вмѣстѣ съ низверженіемъ Петра III палъ и графъ Воронцовъ, который въ качествѣ канцлера игралъ первую роль въ государствѣ. Супруга С. вмѣстѣ съ отцомъ была безусловной сторонницей павшаго Императора, самъ же С. находился въ числѣ приверженцевъ воцарившейся Екатерины II. Этотъ разладъ въ политическихъ воззрѣніяхъ сказался и въ семейныхъ отношеніяхъ: между супругами возникъ расколъ, завершившійся въ 1764 г. возвращеніемъ супруги С. въ домъ отца. Начатое вслѣдъ за этимъ дѣло о разводѣ тянулось вплоть до 1769 г., когда Анна Михайловна внезапно скончалась. Насколько извѣстно, во всемъ этомъ дѣлѣ С. велъ себя въ высшей степени корректно.

Елизавета Петровна относилась къ С., который былъ ея постояннымъ собесѣдникомъ, чрезвычайно благосклонно. Не менѣе милостиво было отношеніе къ нему и Екатерины II, въ первый же годъ своего царствованія пожаловавшей его въ камергеры, въ 1770 г. чиномъ тайнаго, а черезъ 5 лѣтъ—дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенаторомъ. И при этой Императрицѣ онъ былъ однимъ изъ ея постоянныхъ собесѣдниковъ и даже партнеровъ въ модной тогда игрѣ бостонъ, сопровождалъ ее въ путешествіяхъ по Финляндіи, Бѣлоруссіи, въ Ригу и Крымъ. Особенно цѣнила государыня С. за его остроуміе, о которомъ свидѣтельствуютъ также многіе его современники, и за то, что онъ въ качествѣ человѣка совершенно независимаго и равнодушнаго къ служебной карьерѣ держался непринужденно, свободно и безъ всякаго подобострастія даже съ наиболѣе могущественными царедворцами и почти никогда не вмѣшивался въ политику и въ придворныя интриги. Въ 1767 г. въ его домѣ собрались депутаты, избранные въ коммисію по составленію проекта новаго уложенія. Будучи самъ членомъ послѣдней, онъ особенно настаивалъ на устройствѣ школъ для крестьянъ. Около этого же времени, когда была составлена особая комиссія изъ духовныхъ лицъ для приведенія въ извѣстность всѣхъ незаписанныхъ раскольниковъ, С. всѣми силами старался— и въ стараніяхъ успѣлъ—избавить отъ возврата владѣльцамъ тѣхъ изъ нихъ, которые работали какъ въ его, такъ и въ чужихъ промышленныхъ заведеніяхъ.

Въ началѣ 1771 г. С. женился во второй разъ, на извѣстной въ свое время красавицѣ, княжнѣ Екатеринѣ Петровнѣ Трубецкой, и тотчасъ же послѣ свадьбы уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ пробылъ свыше семи лѣтъ и сдѣлалъ цѣнныя пріобрѣтенія картинъ и разнаго рода рѣдкостей. ВъПарижѣ 7 іюня 1772 г. родился его единственный сынъ, Павелъ Александровичъ. По возвращеніи въ 1779 г. въ Петербургъ С. во второй разъ пережилъ семейную драму: его вторая жена увлеклась бывшимъ фаворитомъ Екатерины II, Корсаковымъ, и вслѣдъ за нимъ уѣхала въ Москву. Къ этому событію С. отнесся чисто порыцарски: онъ предоставилъ въ распоряженіе ушедшей супруги домъ въ Москвѣ, ежегодную значительную сумму и, сверхъ того, одно изъ своихъ подмосковныхъ имѣній, село Братцево; самъ же, нѣсколько оправившись отъ этого нежданнаго несчастья, отдался воспитанію сына, придворной жизни, покровительству талантамъ и дальнѣйшему собиранію произведеній искусства. Сохранились также отрывочныя свѣдѣнія о томъ, что около этого же времени онъ принималъ участіе въ массонскихъ и мартинистскихъ ложахъ и подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ ученій усвоилъ отличительный для массоновъ нравственный кодексъ, человѣколюбивыя правила котораго сказывались особенно въ отношеніи С. къ своимъ крестьянамъ, которыхъ у него въ однихъ пермскихъ владѣніяхъ было свыше 18.000 человѣкъ: въ письмахъ къ главноуправляющему онъ неоднократно писалъ, что желаетъ быть «больше ихъ (крестьянъ) отцомъ, чѣмъ господиномъ».

Красной нитью черезъ всю жизнь С. проходитъ его страсть къ собиранію выда-

ющихся произведеній и рѣдкостей въ области живописи, ваянія и отчасти литературы. Для этой цѣли онъ никогда не жалѣлъ ни средствъ, ни труда. Уже въ 1793 г. въ его галлереѣ находилось 87 картинъ наиболѣе знаменитыхъ художниковъ различныхъ школъ—флорентинской, римской, ломбардской, венеціанской, испанской, голландской и др. Тогда же онъ лично составилъ и издалъ въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ описаніе своей коллекціи подъ заглавіемъ: «Catalogue raisonné des tableaux, qui composent la collection du comte A. de Stroganoff» (74 стр.). Его же собранія эстамповъ, камней, медалей и особенно монетъ, которыхъ у него было свыше 60.000 экземпляровъ, не имѣли себѣ равныхъ въ Россіи; лучшею изъ всѣхъ бывшихъ тогда въ Россіи считалась и его библіотека, особенно богатая цѣнными рукописями. Владѣя такими сокровищами и въ такое время, когда въ Россіи еще почти совершенно не было ни музеевъ, ни значительныхъ общественныхъ книгохранилищъ, С. любезно предоставлялъ пользоваться всѣмъ имъ собраннымъ всякому, серьезно интересовавшемуся той или другой областью искусства или литературы; его домъ, по выраженію историка академіи художествъ П. Н. Петрова, «былъ въ то время средоточіемъ истиннаго вкуса» и посѣщался почти всѣми видными художниками и писателями. Въ числѣ лицъ, которыя пользовались дружбой, а иногда и матеріальной поддержкой С., были художники Варнекъ, Егоровъ, Ивановъ, Шебуевъ, Левицкій, Щукинъ, писатели Державинъ, посвятившій ему нѣсколько посланій, переводчикъ «Иліады» Гнѣдичъ, Богдановичъ, Крыловъ, скульпторы Мартосъ, Гальбергъ, композиторъ Бортнянскій, архитекторъ Воронихинъ, вышедшій изъ его дворовыхъ людей, и др. Въ виду исключительной страсти къ произведеніямъ искусства, тонкаго пониманія въ его разнообразныхъ областяхъ и широкой популярности среди художниковъ, С. въ 1800 г. былъ назначенъ президентомъ академіи художествъ, почетнымъ членомъ которой онъ состоялъ съ самаго момента ея основанія. При его президентствѣ, въ которомъ онъ оставался до самой смерти, академія достигла пышнаго расцвѣта, сдѣлалась истиннымъ разсадникомъ искусства и дала рядъ выдающихся талантовъ, для поддержки которыхъ и для доставленія имъ возможности продолжить свое образованіе за границей С. никогда не жалѣлъ и собственныхъ средствъ.

Насколько С. былъ нейтраленъ въ разнаго рода политическихъ дѣлахъ, особенно въ концѣ своей жизни, и насколько эта нейтральность цѣнилась, видно хотя бы изъ того, что онъ, несмотря на свою долголѣтнюю дружбу съ Екатериной II, при новомъ царствованіи не только остался въ числѣ приближенныхъ лицъ Императора Павла I, но и получилъ новыя милости: тотчасъ по восшествіи на престолъ Императ. произвелъ его въ оберъ-камергеры и пожаловалъ орденомъ Іоанна Іерусалимскаго, 21 апрѣля 1798 г. возвелъ его въ званіе графа Россійской имперіи, назначилъ, какъ уже упомянуто, президентомъ академіи художествъ и, кромѣ того, директоромъ Публичной библіотеки, при которой С. позже организовалъ группу лицъ, занявшихся проектомъ ея расширенія, и общество для печатанія книгъ и переводовъ; наконецъ, этимъ же Императоромъ С. была поручена постройка Казанскаго собора. Такою же благосклонностью пользовался онъ и при Александрѣ I: онъ былъ назначенъ членомъ главнаго управленія училищъ, ему же поручалось управленіе Петербургскимъ учебнымъ округомъ, во время отсутствія попечителя. Состоя въ теченіе 27 лѣтъ (съ 1784 г.) петербургскимъ предводителемъ дворянства, С. въ 1803 г. участвовалъ въ депутаціи къ государю для объясненія сенатскаго дѣла о срокѣ службы дворянъ, въ 1806 г. былъ въ числѣ депутатовъ, поднесшихъ отъ имени сената Александру I благодарственный адресъ по случаю изданнаго 30 авг. этого года манифеста о предстоящей съ Франціей войнѣ, на веденіе которой имъ было пожертвовано 40.000 рублей; наконецъ, при учрежденіи Государственнаго Совѣта—былъ назначенъ въ числѣ первыхъ его 27 членовъ.

Послѣднія 10 лѣтъ своей жизни С. почти всецѣло посвятилъ постройкѣ Казанскаго собора. Несмотря на старческій возрастъ, онъ не щадилъ ни силъ, ни здоровья, вникая самъ во всѣ детали постройки, взбираясь на лѣса и лично дѣлая разнообразныя указанія. Къ работамъ были привлечены С. исключительно русскія силы, во главѣ которыхъ сталъ упомянутый выше архи-

текторъ Воронихинъ. 15 сентября 1811 г. соборъ былъ освященъ. Въ этотъ день вслѣдствіе дурной погоды С. жестоко простудился. Произнесенныя имъ евангельскія слова — «Нынѣ отпущаеши раба твоего, владыко, съ миромъ», съ которыми онъ подошелъ подъ благословеніе къ митрополиту во время освященія собора, оказались пророческими: 27 октября онъ скончался. К. Н. Батюшковъ въ письмѣ къ Гнѣдичу образно и довольно мѣтко охарактеризовалъ С.: «Былъ русскій вельможа, острякъ, чудакъ, но все это было приправлено рѣдкой вещью—добрымъ сердцемъ».

Постройка собора, роскошный образъ жизни, широкое гостепріимство, устройство одной изъ лучшихъ въ Россіи картинныхъ галлерей, собраніе цѣнныхъ рѣдкостей, благотворительныя дѣла, наконецъ, покровительство талантамъ и вообще роль мецената въ хорошемъ смыслѣ слова—все это значительно разстроило даже его громаднѣйшія богатства, состоявшія въ земляхъ, лѣсахъ, крѣпостныхъ, соляныхъ варницахъ, заводахъ и пр. Сыну С., помимо имуществъ, достался громадный долгъ, на сумму около 3 милл. рублей, для погашенія котораго оказалось необходимымъ обратиться къ правительственной ссудѣ.

П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императ. академіи художествъ“, т. I, Спб., 1864 г., стр. 364, 408, 409, 419, 422, 435, 472, 484, 488, 508, 509, 510, 512, 570 592; т. II, Спб., 1865 г., стр. 1, 3, 34; „Примѣчанія“ къ „Матеріаламъ etc.“, стр. 624—626.—Велик. кн. Николай Михаиловичъ, „Графъ Пав. Александр. Строгановъ“, т. I, Спб., 1903 г., стр. 1, 3—7, 9—12, 14, 16—34, 37, 38, 41, 42, 45, 46, 48, 53—56, 58, 63, 64, 70, 71, 73, 75, 77, 79, 118, 179, 180, 185, 220, 222—231, 233, 235, 237, 263, 305, 345; прилож., 237—253, 361—366; т. II, стр. 407, 410, 418; т. III, стр. 176—178, 358.—„Le comte Alexandre Stroganoff“, par Baron de Koehne, „Revue de la numismatique belge“, t. 3, 4-e série, Bruxelles, 1865; русскій перев. подъ заглав. „Графъ А. С. Строгановъ“, „Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Россійск.“, т. 6, отд. 3, стр. 487—489.—„Liste alphabétique des portraits russes“, par A. Wassiltschikoff, t. 2, S.-Petersb., 1875.—Н. М. Колмаковъ, „Памяти А. С. Строганова“, Спб., 1844 г.—Кн. Ив. Мих. Долгорукій, „Капище моего сердца“, „Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Россійск.“, 1872, № 3 и отд., М., 1874, подъ 18 января, стр. 16—18.—А. А. Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“, М., 1869 г.—„Дневникъ Порошина“.—„Записки кн. Дашковой“.—„Записки Ипполита Оже“, „Русск. Арх.“, 1877 г., т. I и II.—„Архивъ Государств. Совѣта“, т. I, ч. 2, Спб., 1869 г., стр. 729.—Е. П. Карновичъ, „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“, Спб., 1874 г., гл. 11.—„Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля“, т. II, М., 1865 г., ч. 3, стр. 178. — „Госпожа Виже-Лебренъ въ Россіи, 1795—1801 гг.“, „Древн. и Новая Россія“, 1876 г., т. 3, № 10, стр. 190.—„Картинная галлерея гр. Строгановыхъ“, „Всемірн. Иллюстрація“, 1869 г., т. 5, № 128.—„Надгробное слово, произнесенное надъ прахомъ А. С. Строганова архим. Филаретомъ въ Казанской церкви въ Спб., 3 октября 1811 г.“, „Вѣст. Евр.“, 1812 г., ч. 61, № 1, стр. 3—16.—„Сѣверная Почта“, 1811 г., №№ 78 и 80.—„Современникъ“, 1843 г., т. 31, стр. 121—142.—„Иллюстрир. Газета“, 1866 г., № 24.—„Справочн. энцикл. словарь“, подъ ред. Старчевскаго, т. 9, s. v.—„Энциклоп. словарь“ Брокгауза, s. v.—„Записки Храповицкаго“ (прилож. къ „Русск. Архиву“, 1864 г.), стр. 230, 277.—„Русск. Арх.“, 1864 г., № 4, стр. 352, 373, 377, 378, 469—471; № 5 и 6, стр. 587—590.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, издан. т-ва „Обществ. Польза“, кн. VI, стр. 195, 196, 365, 366. — „Историческ. Сборникъ“, т. VII, стр. 395 (письмо Екатерины II къ гр. Воронцову). — Н. М. Колмаковъ, „Домъ и фамилія гр. Строгановыхъ, 1752—1887 гг.“, „Русская Старина“, 1887 г., № 3. — „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи“, т. XXIII, стр. 239, 240; т. XXVIII, стр. 11, 21, 858, 861, 1133.

Строгановъ, *Александръ Сергѣевичъ*, графъ, флигель-адъютантъ, егермейстеръ Двора Его Величества, род. въ 1818 г., ум. въ 1864 г.; окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, много путешествовалъ, затѣмъ поступилъ на военную службу. Позже былъ полковникомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и первымъ командиромъ вновь учрежденнаго перваго Гвардейскаго стрѣлковаго батальона. С. извѣстенъ какъ собиратель средневѣковыхъ и ново-европейскихъ монетъ; онъ былъ однимъ изъ основателей Петербургскаго археологическаго общества исторіи и древностей Россійскихъ.

Н. М. Колмаковъ, „Домъ и фамилія гр. Строгановыхъ“, „Русская Старина“, 1887 г., № 4, стр. 83.—Велик. кн. Николай Михаиловичъ, „Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ. Историческое изслѣдованіе эпохи Императора Александра I“, т. I, Спб. 1903 г., стр. 223.—„Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Ефрона, полут. 62, s. v.

Строгановъ, *Андрей Семеновичъ* и братъ его *Петръ Семеновичъ*, именитые люди, сыновья Семена Аникіевича, извѣстны денежной и ратной помощью Московскому государству въ трудные дни Смутнаго времени. Сообща владѣя долею родовыхъ имуществъ, въ своихъ дѣлахъ братья всегда выступали какъ одно лицо, имена

ихъ почти вездѣ фигурируютъ рядомъ, для нихъ обоихъ пишутся и разные государственные акты, — почему и здѣсь, во избѣжаніе повтореній, дѣятельность ихъ разсматривается вмѣстѣ. А. С. родился въ 1581 г., П. С.—въ 1583 г. Унаслѣдовавъ послѣ смерти отца, въ 1608 г., его часть имущества, они остались жить въ Сольвычегодскѣ, гдѣ продолжали заниматься хлѣбопашествомъ, варкою соли и оттуда управлять доставшимися имъ владѣніями въ Перми Великой. Къ этимъ обширнымъ землямъ въ 1820 г. была присоединена еще половина владѣній Никиты Григорьевича С., умершаго бездѣтнымъ (другая половина перешла къ дѣтямъ престарѣлаго Максима Яковлевича). О богатствахъ братьевъ въ это время даетъ понятіе произведенная въ 1623—1624 гг. наряженнымъ изъ Москвы чиновникомъ Кайсаровымъ перепись, изъ которой видно, что у нихъ въ общемъ владѣніи въ одной Пермской губерніи состояло: 4 слободы, 28 деревень, 75 починковъ, 5 церквей, 1 монастырь, 9 варницъ, 17 лавокъ, 5 мельницъ, около 700 дворовъ и свыше 1000 взрослыхъ душъ мужского пола. Эти-то громадныя средства и позволяли братьямъ неоднократно выводить московское правительство изъ затруднительнаго денежнаго положенія въ эпоху смуты, въ то время, когда государственная казна совершенно изсякла, когда страна терзалась на части литовцами, поляками и самозванцами и нечѣмъ было платить жалованья войскамъ. Выяснить въ цифрахъ точные размѣры оказанной ими государству денежной помощи не представляется теперь возможнымъ. По сохранившимся актамъ можно опредѣленно установить немногіе лишь отдѣльные, притомъ незначительные случаи такой помощи. Такъ, напр., по просьбѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго отъ 24 марта 1610 г. о займѣ ему денегъ на жалованье ратнымъ людямъ, братья послали 2000 р., уплата которыхъ вмѣстѣ съ «большими и богатыми милостями» была обѣщана имъ изъ поморскихъ доходовъ. Однако изъ одной позднѣйшей грамоты, данной на имя внука Андрея, Григорія Дмитріевича, видно, что ссуды братьевъ государству простирались до двухсотъ тысячъ рублей, что по тому времени составляло громадную сумму. Особенно большія деньги были даны ими воеводамъ кн. Дмитрію Тимофеевичу Трубецкому, кн. Дмитрію Михайловичу Пожарскому и Прокопію Ляпунову.

Грамотой царя Шуйскаго отъ 29 мая 1610 г. П. С. былъ удостоенъ званія имянитаго человѣка. «Будучи у Соли Вычегоцкія»—говорится въ ней—«онъ, Петръ, въ междоусобную брань и во вражью смуту намъ (государю) служилъ и прямилъ во всемъ, и отъ Московскаго государства не отступилъ, и къ польскимъ, и къ литовскимъ людямъ, и къ русскимъ ворамъ не приставалъ..., а противъ воровъ стоялъ крѣпко, безъ всякаго позыбанія, и ратниковъ многихъ на нашу службу посылалъ, и Поморскіе, и Пермскіе, и Казанскіе городы отъ шатости укрѣплялъ; да у него жъ иманы у насъ на Москвѣ и по инымъ городамъ многія деньги и даваны служилымъ людямъ на жалованье. И за тѣ его службы и радѣніе мы Петра Семеновича пожаловали, велѣли писати ему изо всѣхъ приказовъ и въ нашихъ грамотахъ и въ паказахъ съ *вичемъ*...» (т. е. полнымъ отчествомъ). Въ той же грамотѣ боярамъ, намѣстникамъ, воеводамъ, дьякамъ и приказнымъ людямъ повелѣвается «его, Петра, и дѣтей, и племянниковъ, и людей его, и крестьянъ не судить ни въ чемъ; а кому будетъ до нихъ дѣло, и ихъ сужу язъ, царь»... А. С. того же званія, «именитаго человѣка въ родѣ», и права писаться съ полнымъ отчествомъ былъ удостоенъ нѣсколько позже, именно въ 1612 г., также особой грамотой, въ которой, между прочимъ, писалось, что съ того, кто его обезчеститъ, взыщется по суду «какъ за безчестіе, противъ московскаго лучшаго гостя вдвое, сто рублей». За «службу и ссуды» братьевъ «во время бывшаго мятежа по многимъ городамъ» Шуйскій въ концѣ 1610 г. повелѣлъ приказнымъ людямъ выдать С—вымъ изъ четвертныхъ доходовъ денегъ, «сколько имъ понадобится». Въ одной изъ позднѣйшихъ грамотъ есть прямое указаніе, что отъ этихъ денегъ они отказались. «А что при царѣ и вел. кн. Василіи Ивановичѣ у прочихъ гостей деньги иманы—говорится тамъ,—то выданы имъ въ томъ изъ казны заклады жемчугомъ и золотомъ и сосудами серебреными, и изъ нихъ нижегородцы, посадскіе люди, тѣ свои деньги изъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ взяли назадъ, а прадѣды и дѣды его, Строганова (Григорія Дмитріевича, на имя котораго

дана грамота), изъ нашей казны закладовъ и тѣхъ своихъ денегъ не имали и въ томъ прибыли себѣ не искали, а служили и работали великому государю и всему Московскому государству вѣрою и правдою во всемъ». Изъ времени недолгаго царствованія Шуйскаго сохранилось еще извѣстіе, что въ томъ же 1610 г. царь обратился къ братьямъ съ просьбой объявить по своимъ городамъ и деревнямъ «о новомъ достоинствѣ» золотыхъ денегъ, извѣстныхъ подъ именемъ «московокъ» или «новгородокъ», и постараться ввести ихъ въ употребленіе.

Въ началѣ 1613 г. сольвычегодскія укрѣпленія братьевъ испытали жестокую и упорную осаду со стороны литовцевъ; именно въ январѣ литовцы (сольвычегодскій лѣтописецъ говоритъ, что то были «черкасы» и русскіе подъ видомъ литовцевъ) въ числѣ 3000 человѣкъ напали на Сольвычегодскъ; жители послѣдняго, чтобы удержать непріятеля, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ порубили на рѣкѣ ледъ, а въ городѣ поставили пушки. Принятыя мѣры, однако, особенной пользы не принесли, и произошедшая 22 января схватка кончилась полнымъ пораженіемъ сольвычегодцевъ, которые послѣ этого поспѣшили запереться въ «ограду», т. е небольшую крѣпостцу, принадлежавшую С—вымъ. Здѣсь надъ ними принялъ начальство А. С., которому сильнымъ пушечнымъ огнемъ удалось принудить непріятеля къ отступленію. Крѣпостца осталась невредимой, но остальная часть города значительно пострадала и подверглась грабежу.

Избранный въ 1613 г. на царство Михаилъ Θеодоровичъ грамотой отъ 30 іюля 1614 г. подтвердилъ въ полной силѣ всѣ прежде дарованныя С—вымъ земли и льготы, а 15 сентября слѣдующаго года пожаловалъ братьямъ «пустыя мѣста» вверхъ по Камѣ, отъ р. Ошана до р. Тулвы, протяженіемъ на 35 верстъ и площадью въ 163,280 десятинъ, въ вѣчное владѣніе, съ правомъ ставить остроги и варить соль и съ десятилѣтней льготой отъ платежа всякихъ повинностей. За годъ до этого А. и П. С—чи съ одной стороны и ихъ двоюродный братъ Максимъ Яковлевичъ съ другой подѣлили на равныя части оставшійся послѣ раздѣла 1584 г. въ общемъ владѣніи небольшой участокъ съ желѣзной рудой. Въ 1616 г. они вмѣстѣ съ тѣмъ же Максимомъ Яковлевичемъ и Никитой Григорьевичемъ С—выми, во главѣ значительнаго отряда изъ своихъ и наемныхъ людей, разбили возмутившихся татаръ, которые, соединившись съ черемисами, вотяками, башкирцами и др. инородцами, напали на Казань, Оссу и Сарапуль и грозили опустошить и разграбить строгановскія вотчины.

Въ 1624 г. братья вновь получили отъ царя Михаила Θеодоровича подтвердительную грамоту на всѣ прежнія владѣнія и льготы; въ числѣ послѣднихъ особенно существенны:—право не быть судимыми на мѣстахъ, а лишь въ Москвѣ, въ день Благовѣщенья, затѣмъ право «не быть у вѣры», т. е. при присягѣ взамѣнъ себя ставить своихъ людей, наконецъ, свобода отъ всякихъ мѣстныхъ налоговъ и платежъ государственныхъ не мѣстнымъ сборщикамъ, а непосредственно въ московскіе Казанскій и Мещерскій дворцы или приказы.

Денежную помощь братья оказывали и Михаилу Θеодоровичу, который на нихъ за ихъ заслуги и богатство смотрѣлъ даже какъ на особое исключеніе среди подданныхъ государства. Такъ, напр., когда въ 1633 г. по всей странѣ были разосланы чиновники съ требованіемъ отъ всѣхъ, «никого не обходя, съ животовъ пятую часть на укрѣпленіе государства и на дачу жалованья ратнымъ людямъ», одни С—вы составили исключеніе изъ этого правила. Взамѣнъ этого Михаилъ Θеодоровичъ 14 марта 1633 г. послалъ къ нимъ особую грамоту, въ которой сообщалъ, что онъ, «ихъ жалуючи», къ нимъ для «сбору пятинныхъ денегъ послати есми никого не велѣлъ, а велѣлъ писати», чтобы они, «памятуя Бога, для избавленія отъ враговъ, на жалованіе ратнымъ людямъ» прислали денегъ «по ихъ сопзволенію, токмо неоскудно и не пощадя себя, какъ и прежде сего давали». «И тою дачею—заканчивается грамота—не намъ (государю), а Самому Богу въ руки дадите, для избавленія отъ нашихъ христіанскихъ враговъ, отъ польскихъ и литовскихъ людей». Извѣстно, что братья отозвались на эту грамоту посылкой «многотысячной суммы». Въ противоположность другимъ подданнымъ, которые пятинныя деньги давали какъ общую повинность, С—вымъ за ихъ взносъ были обѣщаны особыя милости. Въ началѣ 1639 г. А. и П.

С—чи еще болѣе расширили свою часть владѣній, выкупивъ заложенныя ихъ племянникомъ, Иваномъ Максимовичемъ имѣнія и часть ихъ присоединивъ къ своимъ.

П. С. скончался 24 марта 1639 г., 56 лѣтъ отъ роду, оставивъ послѣ себя сына *Ѳедора* и дочь *Анну* (1616—1644), вышедшую замужъ за кн. Алексѣя Юрьевича Звенигородскаго. Кромѣ нихъ онъ имѣлъ еще четырехъ сыновей—*Петра, Дмитрія, Владиміра, Григорія* и двухъ дочерей—*Марѳу* и *Марью*, но всѣ эти дѣти умерли въ молодыхъ еще годахъ. Жена П. С., *Матрена Ивановна*, скончалась въ 1649 г., 67 лѣтъ отъ роду, будучи въ иночествѣ подъ именемъ *Марьи* въ одномъ изъ московскихъ монастырей.

Вскорѣ послѣ смерти брата А. С. билъ челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу и въ челобитной просилъ дозволить ему и сыну умершаго, Ѳедору Петровичу, подѣлить между собою всѣ владѣнія. Получивъ разрѣшеніе, они въ 1641 г. полюбовно раздѣлили поровну всю недвижимость, а въ слѣдующемъ продолжали раздѣлъ «всякаго живота: денегъ, платья, хлѣба, съѣстныхъ запасовъ, сосудовъ, образовъ, снастей, крестовъ золотыхъ и разныхъ книгъ». Въ концѣ 1642 г. А. С. принялъ иночество, съ именемъ *Авраамія*. Сохранившійся и понынѣ надгробный памятникъ въ Сольвычегодскѣ свидѣтельствуетъ, что А. С. скончался 17 іюля 1649 г., 67 лѣтъ отъ роду. Имя жены его—*Татьяна Дмитріевна*; послѣ себя оставилъ сына *Дмитрія* и дочь *Ирину*.

„Акты Историч.“, т. II, стр. 163, 165, 223, 254, 299—300, 324; т. III, стр. 361.—„Дополн. къ Акт. Историч.“, т. II, стр. 89—145 (раздѣльные и другіе акты на имѣнія); т. IV, стр. 262, 267.—„Акты Археограф. Экспедиц.“, т. II, стр. 190, 200; т. III, стр. 2, 4, 7, 105—106, 165—166.—С. М. Соловьевъ, „Истор. Россіи“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. II, стр. 888, 1367.—Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей“, ч 5, М., 1839 г., стр. 112—113.—„Исторія о родословіи, богатствѣ и отечественныхъ заслугахъ знаменитой фамиліи гг. Строгановыхъ“„ „Пермск. Губ. Вѣд.“ 1880 г., №№ 105, 107.—Ѳ. А. Волеговъ, „Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ“, ibid., 1876 г., №№ 98, 99, 100, 101.—Его же. „Хозяйствен. таблицы имѣній гг. Строгановыхъ“, „Памятн. книжка Пермск. губ. на 1889 г.“—Карамзинъ, „Исторія Госуд. Россійск.,“ изд. Эйнерлинга, т. XII, Спб., 1843 г., стр. 84, прим. 341.—„Русскій Вѣстн.“, 1808 г., ч. 4, стр. 326 329.—„Начало великопермскихъ вотчинъ Строгановыхъ“, сборн. „Пермск. старина“, А. Дмитріева, вып. I, Пермь, 1889 г., стр. 124—126.—„Кунгурскія писцовыя книги татаръ и остяковъ“, Мих. Кайсарова, изд. В. Шишонко, Пермь, 1872 г., стр. 119—150.—„Пермскія Лѣтописи“, изд. Шишонко, т. II, стр. 61.—„Полное Собр. Гос. Грам. и Договор.“, т. II, стр. 386—387. См. также литературу при опис. рода Строгановыхъ.

Строгановъ, *Аника* (*Іоанникій*, въ иночествѣ *Іоасафъ*) *Ѳедоровичъ*, распространитель солеваренія въ Сольвычегодскѣ и Перми Великой, колонизаторъ прикамскихъ земель, младшій изъ четырехъ сыновей Ѳедора Лукича С., родился въ 1488 г. въ Новгородѣ, откуда его отецъ со всей семьей около этого же времени переселился на новыя мѣста, въ Сольвычегодскъ. По смерти своихъ старшихъ братьевъ, Стефана, Іосифа и Владиміра, не оставившихъ потомства, и отца, скончавшагося въ иночествѣ, А. Ѳ. остался единственнымъ представителемъ рода и владѣтелемъ значительныхъ земельныхъ помѣстій, нѣсколькихъ соляныхъ варницъ и пр. Ближайшей его заботой было продолжить и улучшить начатую еще отцомъ разработку соли въ Сольвычегодскѣ; принятыя имъ мѣры оказались «предпрежнимъ дѣйствительнѣе», варницы онъ привелъ въ «лучшее прибыточное состояніе» и въ непродолжительномъ времени сталъ получать отъ нихъ «знатную прибыль». Когда же подросли его сыновья, Яковъ, Григорій и Семенъ, и въ Сольвычегодскѣ для дѣятельности всѣхъ стало тѣсно, онъ, усмотрѣвъ въ Кольской губѣ богатыя солью мѣста, построилъ и тамъ варницы, которыя въ теченіе долгихъ лѣтъ считались самыми доходными и обильными.

Въ началѣ царствованія Іоанна IV А. Ѳ. была выдана грамота, которой онъ былъ уполномоченъ наблюдать за тѣмъ, чтобы проѣзжіе изъ Архангельска въ Москву англійскіе и иные иноземные купцы не смѣли продавать свои товары въ розницу, а лишь оптомъ, чтобы они не покупали пеньки и изъ нея не вили канатовъ, и далѣе, чтобы земскіе люди «желѣзодѣлаемыхъ домницъ» не имѣли и иностранцамъ не продавали желѣза; на него возложена была также обязанность ежегодно отправлять въ Москву составленныя имъ вѣдомости о томъ, сколько и какого именно корабельнаго лѣсу куплено англичанами и какими вообще они торгуютъ товарами; наконецъ, ему было по-

ручено изъ привозныхъ «нѣмецкихъ» товаровъ «что надлежало по вольной цѣнѣ покупать и ко двору въ Москву посылать». Аккуратное и добросовѣстное исполненіе имъ этихъ порученій засвидѣтельствовано тремя грамотами отъ 1552, 1555 и 1560 гг. Кромѣ торговыхъ дѣлъ, поручались С. и другія, что видно, напр., изъ грамоты 18 мая 1562 г., въ которой ему предписывалось собирать съ сольвычегодскихъ посадскихъ и др. людей оброчный хлѣбъ и для его береженія построить особыя житницы.

Свои обширные доходы С. получалъ не столько отъ соляныхъ промысловъ, сколько отъ торговли съ иностранными купцами, приходившими къ нему съ «заморскими» товарами, и съ туземными инородцами, отъ которыхъ онъ въ обмѣнъ часто на разныя бездѣлки пріобрѣталъ «мягкую и дорогую рухлядь», т. е. мѣха. Прослышавъ о томъ, что эти товары въ большомъ изобиліи имѣются у жителей за Уральскимъ хребтомъ, С. снарядилъ экспедицію изъ десяти человѣкъ и отправилъ ее въ Сибирь, поручивъ ей завязать торговыя сношенія съ тамошнимъ населеніемъ и, кромѣ того, наказавъ ей подробно и «съ крайнимъ прилежаніемъ провѣдать о всѣхъ обстоятельствахъ», касавшихся сибирскихъ инородцевъ, а возвратясь—«обстоятельно ему о томъ сказать». Когда же посланные пришли обратно «во всякой цѣлости, съ радостными извѣстіями и не малымъ прибыточнымъ товаромъ», С. сообразилъ всѣ открывающіяся выгоды отъ торговли съ зауральскими туземцами и въ слѣдующемъ году отправилъ къ нимъ нѣкоторыхъ изъ своихъ родственниковъ и довѣренныхъ лицъ съ разнымъ мелочнымъ товаромъ и съ приказаніемъ, чтобы они «внутрь той земли жительство ихъ (инородцевъ) еще далѣе провѣдать старались». Перейдя за Уральскій хребетъ, новые посланные встрѣтили на Оби остяковъ и другихъ туземцевъ и, «весьма дружелюбно поступая и лаская ихъ», вымѣняли у нихъ на свои дешевые товары дорогіе мѣха соболей, лисицъ и пр. Завязанныя такимъ образомъ торговыя сношенія съ зауральскимъ населеніемъ еще болѣе увеличили и безъ того значительныя богатства С. и дали ему возможность расширить свои владѣнія путемъ покупки земель въ Печезерскомъ и Колоторскомъ уѣздахъ, въ цѣломъ рядѣ волостей и приходовъ на Устюгѣ и другихъ мѣстахъ; онъ построилъ также нѣсколько церквей, въ томъ числѣ великолѣпный храмъ въ Сольвычегодскѣ, и сдѣлалъ значительныя пожертвованія по монастырямъ.

Голландцы Исаакъ Маасса и Николай Витзенъ въ своихъ повѣствованіяхъ о Россіи (1609 и 1666 гг.) утверждаютъ, что А. Ѳ. первый изъ русскихъ открылъ путь для торговыхъ сношеній съ Сибирью, но это едва ли вѣрно въ буквальномъ смыслѣ; несомнѣнно, что и до него мѣновая торговля съ сибирскими инородцами практиковалась отдѣльными лицами, но послѣдніе вели ее втайнѣ и всячески старались скрыть, боясь соперничества; С. же, «не въ примѣръ другимъ», не только не сдѣлалъ изъ этого тайны, но въ 1557 г. поѣхалъ въ Москву и объявилъ при царскомъ дворѣ о выгодахъ этой торговли, а также о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя ему удалось добыть о сибирскихъ инородцахъ и о Сибири вообще. Тотъ же Витзенъ говоритъ, что А. Ѳ. ѣздилъ въ Москву съ вѣстью о «новой, имъ открытой землѣ», приписывая ему, такимъ образомъ, открытіе Сибири, что, конечно, ошибочно, ибо Сибирь, во всякомъ случаѣ ея отдѣльныя части, были извѣстны еще значительно раньше и Новгороду, и Московскому государству, а нѣкоторыя земли даже писались въ титулѣ московскихъ государей. Объ относительной важности добытыхъ имъ свѣдѣній, повидимому, не заблуждался и самъ С., нисколько не претендуя на такое важное открытіе; по крайней мѣрѣ, анонимный историкъ рода Строгановыхъ, повѣствующій о дѣяніяхъ его представителей въ панегирическомъ тонѣ, конечно, не преминулъ бы подчеркнуть эту заслугу А. Ѳ., найди онъ на это хотя бы какія-либо данныя въ старинныхъ фамильныхъ документахъ, которыми онъ преимущественно пользовался. Однако, онъ скромно говоритъ о поѣздкѣ С. съ цѣлью донести лишь объ открытіи имъ возможности вести торговыя сношенія съ Сибирью. Во всякомъ случаѣ, сообщеніямъ С. при дворѣ было придано важное значеніе, и вскорѣ послѣ этого въ Сибирь стали посылаться купцы и послы.

Доносеніе свое С. сдѣлалъ, однако, далеко не безкорыстно, выпросивъ себѣ за него «не малое награжденіе», именно—громадную

площадь сравнительно малообитаемой, но «всѣмъ изобильной и къ поселенію весьма способной» земли по Камѣ въ Перми Великой. Въ поданной объ этомъ просьбѣ онъ писалъ, что по правой сторонѣ Камы противъ Пыскорской курьи и по обѣ стороны ея до рѣки Чусовой есть «мѣста пустыя, лѣса черны и озера дикія, острова и наволоки пустые на 14 верстъ; а прежде на томъ мѣстѣ пашни не пахиваны, и дворы не ставливаны, и въ царскую казну пошлина никакая не бывала, и въ писцовыхъ, купчихъ и въ правежныхъ книгахъ тѣ мѣста ни за кѣмъ не записаны»; получивъ земли, онъ обѣщаетъ поставить тамъ городокъ, а «на городкѣ пушки и пищали учинить для бережья отъ ногайскихъ и иныхъ ордъ... и по рѣкамъ до вершинъ, и по озерамъ лѣсъ сѣчи, и пашни расчистя пахати, и дворы ставити, и людей называть неписьменныхъ и нетяглыхъ, и росолу искать, и варницы ставить, и соль варить». Убѣдившись изъ разспросовъ бывшаго тогда въ Москвѣ пермскаго жителя Кадаула въ томъ, что просимыя С. земли дѣйствительно необитаемы *), Іоаннъ грамотою отъ 4 апрѣля 1558 г. на имя средняго сына А. Ѳ., Григорія, пожаловалъ ихъ, общею сложностью 3.415.840 дес., въ пользованіе роду С., причемъ сверхъ просимыхъ льготъ далъ владѣльцамъ еще право въ теченіе ближайшихъ 20 лѣтъ безпошлинно вести торговлю, но ограничилъ ихъ въ «дѣланіи рудъ»: «буде найдутъ руду серебряную, или мѣдную, или оловяную, ихъ не дѣлать», а тотчасъ отписывать объ этомъ государевымъ казначеямъ. Проф. Фишеръ предполагаетъ, что главнымъ побудительнымъ мотивомъ для С. при испрошеніи этого дара было его желаніе расширить хлѣбопашество, которое онъ велъ и раньше въ значительныхъ размѣрахъ у Сольвычегодска, но въ его увеличеніи былъ ограниченъ недостаткомъ пригодной земли.

Получивши грамоту, С. тотчасъ возвратился въ Сольвычегодскъ, откуда, оставивъ на мѣстѣ младшаго сына, Семена, самъ съ двумя старшими дѣтьми, Яковомъ и Григоріемъ, въ непродолжительномъ времени переѣхалъ на новыя земли, взявъ туда для поселенія часть крестьянъ и вольныхъ людей. На новомъ мѣстѣ онъ прежде всего высмотрѣлъ удобное мѣсто для поселенія, и, нашедши пригодную для этого горку на правомъ берегу Камы, при впаденіи въ нее рѣчки Верхней Пыскорки, построилъ тамъ городокъ Камгортъ или Канкоръ, укрѣпилъ его и оборудовалъ пушками и пищалями съ цѣлью защиты отъ кочующихъ ордъ. Въ 1560 г. въ одной верстѣ ниже Камгорта былъ начатъ постройкой монастырь во имя Преображенія Господня, существующій и понынѣ подъ названіемъ Пыскорскаго, которому послѣ пожертвовалъ для поминовенія царскаго рода «ближнія мѣста» къ нему— земли отъ р. Лысьвы до р. Нижней Пыскорки съ разными угодьями и нѣсколькими варницами. Въ 1564 г. С. нашелъ болѣе удобное мѣсто для поселенія, въ 20 верстахъ отъ прежняго по теченію Камы, къ тому же богатое соляными залежами, и основалъ тамъ другой городокъ, который тогда же царской грамотой былъ записанъ за его старшимъ сыномъ, Яковомъ; наконецъ, въ томъ же 1564 г. на правой сторонѣ Камы, на Орловскомъ мысу былъ отчасти имъ, а главнымъ образомъ Григоріемъ, возведенъ и третій городокъ, также снабженный «боевымъ снарядомъ» и названный Каргеданомъ,—названіе, впрочемъ, не привившееся и народной молвой замѣненное другимъ— Орелъ. Двадцатилѣтняя льгота отъ всякихъ повинностей и другія вольности, данныя С. для болѣе успѣшной колонизаціи края, привлекли туда многихъ безземельныхъ, нетяглыхъ и особенно неписьменныхъ и бѣглыхъ людей, которые быстро стали заселять почти безлюдныя мѣста, начали расчищать изъ-подъ дремучихъ лѣсовъ земли, запахивать ихъ и работать на вновь открываемыхъ С. соляныхъ варницахъ. Грамотой отъ 16 августа 1566 г. С. были даны новыя льготы: вмѣстѣ «съ дѣтьми, городками и промыслами» онъ былъ взятъ въ опричнину, или въ «собственную его величества протекцію», что означало освобожденіе отъ земскаго вѣдѣнія и давало право по всѣмъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ, быть судимымъ только государемъ или особо

---

*) Изслѣдованіями послѣдняго времени установлено, что эти земли на самомъ дѣлѣ были въ достаточной степени обитаемы,—на нихъ жили и ими владѣли различные инородцы,—и Кадаулъ, по всей вѣроятности С. подкупленный, далъ Іоанну несомнѣнно ложныя свѣдѣнія.

имъ назначенными лицами. Черезъ два года послѣ этого ему вновь были пожалованы обширныя земли внизъ по Камѣ отъ устья р. Чусовой, протяженіемъ всего на 20 верстъ, «съ рѣками, падунами и озерами, рыбными и звѣриными ловлями»; новыя мѣста были получены С. на тѣхъ же льготныхъ условіяхъ, какъ и прежнія, почему и ихъ колонизація пошла также успѣшно.

Въ построенныхъ по Камѣ городкахъ С. сталъ въ обширныхъ размѣрахъ вываривать соль, которую отправлялъ вверхъ и внизъ по Камѣ, Чусовой и Волгѣ—въ Казань, Нижній-Новгородъ и другіе, болѣе мелкіе города, а также сбывалъ ее на мѣстѣ «вольною и договорною цѣною» пріѣзжавшимъ къ нему изъ разныхъ мѣстъ купцамъ. Имѣя право на безпошлинную торговлю и въ качествѣ чуть ли не единственнаго, по крайней мѣрѣ крупнаго, солеварителя устанавливая «вольныя» цѣны, С. отъ этого дѣла нажилъ весьма «знатную пользу». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и на новыхъ мѣстахъ не только не прекратилъ, но еще болѣе расширялъ торговлю съ сибирскими инородцами, главнымъ образомъ съ вогуличами, пріобрѣтая у нихъ задаромъ дорогіе собольи, куньи и лисьи мѣха. При такихъ условіяхъ богатство его быстро росло, и слава о немъ ширилась...

Упомянутый выше анонимный историкъ рода Строгановыхъ приписываетъ А. Ѳ., первому изъ русскихъ, мысль о покореніи Сибири. «Аникій велъ на мысли своей,—говоритъ онъ,—великое намѣреніе: не возможно ль ему, какимъ было образомъ, столь близко лежащую отъ россійскихъ границъ землю Сибирскую или часть оной... присовокупить къ Россійской державѣ и тѣмъ бы принесть знатную услугу государю и отечеству, и о семъ тайно разговаривалъ и разсуждалъ съ дѣтьми своими, какимъ бы образомъ сыскать онъ могъ способъ къ сему предпріятію...; но толь великое славное дѣло сіе начать онъ не могъ, ниже дѣти его»...

С. былъ женатъ два раза; первая жена, *Мавра*, умерла въ 1544 г. еще въ Сольвычегодскѣ; вторая (имя неизв.)—въ Камгортѣ въ 1567 г. (род. 1510 г.). Послѣ кончины второй жены С., уже глубокій старикъ, оставилъ Каму и переѣхалъ въ Сольвычегодскъ къ младшему сыну, Семену, но, поживъ у него недолгое время и почувствовавъ «тягость старости своей и въ силахъ своихъ умаленіе», принялъ иночество подъ именемъ *Іоасафа*. Въ монастырѣ онъ вскорѣ заболѣлъ и въ 1570 году умеръ, 80 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ отъ роду.

„Дополненія къ Актамъ Историческ.", т. I, стр. 172—175.—„Исторія о родословіи, богатствѣ и отечественныхъ заслугахъ знаменитой фамиліи гг. Строгановыхъ", „Пермск. Губернск. Вѣдом.", 1880 г., № 89, 90, 91.—„Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ, собранныя Ѳ. А. Волеговымъ", ibid., 1876 г., № 89, 90.—Карамзинъ, „Ист. Гос. Россійск.", изд. Эйнерлинга, т. IX, Спб., 1843 г., стр. 221, прим. 651.—Кн. Щербатовъ, „Исторія Россіи".—Фишеръ, „Сибирская исторія".—Миллеръ, „Описаніе Сибирскаго Царства", Спб., 1750 г., стр. 85.—„Описаніе Пермской губерніи", ч. III, стр. 120.—Ѳ. А. Волеговъ, „Усольская лѣтопись", изд. А. Дмитріева, „Пермск. Губернск. Вѣд.", 1882 г., №№ 96, 97.—Его же, „Историко-статистическія таблицы на имѣнія Строгановыхъ", „Памятная книжка Пермской губ. на 1889 г.", стр. 1—49.—„Справочн. энциклопедическій словарь", подъ ред. Старчевскаго, т. IX, Спб., 1855 г., стр. 570—571.—Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятн. людей русск. земли", ч. 5, М., 1836 г.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", изд. т-ва „Обществ. Польза", кн. II, стр. 310.

Строгановъ, *Григорій Александровичъ*, баронъ, затѣмъ графъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, членъ Государственнаго Совѣта, родился 13 сентября 1770 г., умеръ 7 января 1857 г. Получивъ подъ руководствомъ француза де-Мишеля солидное домашнее образованіе, онъ закончилъ его длительной заграничной поѣздкой, предпринятой имъ совмѣстно съ своимъ воспитателемъ и двоюроднымъ братомъ, гр. Павломъ Александровичемъ С., подъ общимъ наблюденіемъ воспитателя послѣдняго, извѣстнаго впослѣдствіи дѣятеля французской революціи Жильбера Ромма. Въ 1786 г. С. побывалъ въ Женевѣ, гдѣ слушалъ лекціи у мѣстныхъ профессоровъ и откуда предпринималъ небольшія образовательныя поѣздки по Альпамъ; изъ Женевы въ началѣ 1789 г. онъ переѣхалъ во Францію, гдѣ въ это время происходили выборы въ генеральные штаты, и поселился въ Парижѣ. Тамъ, однако, пришлось пробыть ему недолго, такъ какъ въ апрѣлѣ того же года онъ получилъ извѣстіе о кончинѣ отца, барона Александра Николаевича, и немедленно выѣхалъ въ Россію. Въ 1796 г. С. былъ

пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и назначенъ присутствующимъ въ бергъ-коллегіи. Въ день коронаціи Императора Николая I, 22 августа 1826 г., возведенъ въ графское достоинство вмѣстѣ съ семействомъ (за исключеніемъ старшаго сына, Сергѣя Григорьевича, къ которому графскій титулъ еще раньше перешелъ отъ Павла Александровича С., посредствомъ женитьбы на дочери послѣдняго). Позже С. долгое время служилъ по дипломатической части, былъ посломъ въ Швеціи, Испаніи и Турціи. Въ бытность посломъ въ Контантинополѣ онъ много содѣйствовалъ улучшенію положенія Сербіи. Женатъ былъ дважды: на княжнѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Трубецкой (8 мая 1765 г.—21 октября 1824 г.) и графинѣ Юліи Петровнѣ да-Ега, урожденной д'Альмейда, изъ фамиліи графовъ Огенгаузенъ (1783 г.—2 ноября 1864 г.), статсъ-дамѣ, большой благотворительницѣ и учредительницѣ нѣсколькихъ дѣтскихъ пріютовъ.

„Архивъ Государственнаго Совѣта", т. II, Спб., 1888 г., стр. 185.—Велик. кн. Николай Михаиловичъ, „Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ. Историческое изслѣдованіе эпохи Александра I", т. I, Спб., 1903 г., стр. 54, 57, 59, 61—62, 223, 287, 295, 298, 327, 337, 354; письма, стр. 329—331.—Н. М. Колмаковъ, „Домъ и фамилія гр. Строгановыхъ, 1752—1887 гг.", „Русская Старина", 1887 г., № 4, стр. 82.—П. Долгоруковъ, „Русск. родословн. книга", ч. 2, стр. 211.—„Энциклоп. словарь" Брокгауза-Ефрона, т. 31, s. v.

Строгановъ, *Григорій Аникіевичъ*, второй сынъ Аники Өедоровича, вмѣстѣ съ нимъ и старшимъ братомъ *Яковомъ* переселившійся изъ Сольвычегодска въ Пермь Великую весною 1559 г. Годъ рожденія неизвѣстенъ. Впервые упоминается въ грамотѣ 1556 г., данной Іоанномъ IV его отцу; въ ней, между прочимъ, говорится: «Велѣлъ есми сыну твоему, Григорію, на Устюгѣ, въ Перми и въ иныхъ нашихъ городахъ искать руды мѣдныя, и ты бы (Аника) его на то дѣло отпустилъ». Сохранились свѣдѣнія, что Г. А. потратилъ не мало труда и времени сначала въ Сольвычегодскѣ, а затѣмъ и на Камѣ для того, чтобы найти руду и тѣмъ угодить царю, желавшему имѣть мѣдь русскаго производства, но поиски его, по незнанію свойствъ искомой руды и отсутствію опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей, успѣха не имѣли. Незадолго до переѣзда на Каму, именно въ 1558 г., Г. А. вмѣстѣ съ отцомъ ѣздилъ въ Москву и тамъ 4 апрѣля этого года получилъ на свое имя грамоту, которой ему жаловалась громадная площадь земли по обѣ стороны Камы отъ р. Лысвы до Чусовой, протяженіемъ на 146 верстъ, и по притокамъ Камы справа и слѣва, общей площадью въ 3.415.840 десятинъ, со всѣми угодьями, лѣсами и ловлями; на мѣстѣ «крѣпкомъ и осторожливомъ» ему было позволено поставить «городокъ», всюду, гдѣ окажется возможнымъ, разрѣшено строить соляныя варницы и основывать слободы съ правомъ призывать въ нихъ разнаго рода званія людей, и дана была 20-лѣтняя льгота отъ неплатежа податей, оброковъ и земскихъ повинностей; сверхъ того, онъ самъ и всѣ его люди на этихъ мѣстахъ были освобождены отъ суда и вѣдомства пермскихъ намѣстниковъ («вѣдать и судить своихъ слобожанъ во всемъ Григорію»); «кому же будетъ дѣло до него, тотъ прежде испроситъ управную грамоту, и тогда Григорій явится въ Москву безприставно на судъ царскій». Грамота эта подписана окольничимъ Өед. Ив. Умного, извѣстнымъ любимцемъ Іоанна Алексѣемъ Өедор. Адашевымъ, казначеемъ Өед. Ив. Сукинымъ и Хозяиномъ Юрьевичемъ Тютинымъ. Въ 1564 г. за Г. А. былъ записанъ построенный имъ совмѣстно съ отцомъ городокъ Орелъ. Пока на Камѣ жилъ Аника, Г. А. вмѣстѣ съ братомъ Яковомъ, хотя и принимали участіе въ постройкѣ острожковъ и городковъ и во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ, но въ общемъ играли подчиненную роль. Только послѣ отъѣзда отца въ 1567 г. къ младшему сыну Семену, они, оставшись въ Перми Великой стали полновластными распорядителями и иниціаторами дальнѣйшихъ мѣропріятій по колонизаціи края. Въ 1568 г. на пожалованныхъ Якову земляхъ братья поставили по Чусовой, Сылвѣ и Яйвѣ рядъ острожковъ, въ томъ числѣ Чусовскій городокъ съ крѣпостцей, снабдили ихъ «всякимъ военнымъ скорострѣльнымъ снарядомъ», завели ратную дружину, поставили слободы и соляныя варницы и, привлекая всякими льготами людей, обѣщая, по выраженію Карамзина, «богатые плоды трудолюбію, добычу смѣлости», успѣшно и довольно быстро населили пустынныя до тѣхъ поръ мѣста. Вскорѣ по смерти отца (1570 г.) Г. А. и Яковъ сдѣлали крупныя

пожертвованія землями за поминовеніе царскаго рода и усопшихъ представителей своего рода въ разные монастыри, особенно въ Пыскорскій, которому были отданы и нѣкоторыя весьма доходныя соляныя варницы. Незадолго до этого пермскія владѣнія С—выхъ стали подвергаться систематическимъ нападеніямъ со стороны вогуличей и остяковъ, почему Г. А. и Яковъ, имѣя въ сравненіи съ обширностью своихъ земель недостаточное количество оборонительныхъ средствъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, въ 1570 г. обратились къ Іоанну съ просьбой о разрѣшеніи построить новые городки,—«ради пресѣченія опасности съ вогульцами сосѣдства и для приведенія ихъ подъ Россійскую державу», и по полученіи соотвѣтственной грамоты тотчасъ возвели два «крѣпкихъ острожка»—Яйвенскій и Сылвенскій, — «чтобы имъ (вогульцамъ) къ государевымъ пермскимъ городамъ пути не было». Однако опасность вскорѣ стала угрожать и съ другой стороны, именно отъ окрестныхъ татаръ и черемисъ, которые въ качествѣ исконныхъ владѣльцевъ пожалованныхъ Г. А. въ 1558 г. земель, постепенно вытѣсняемые и ограничиваемые въ своихъ правахъ на звѣриныя и рыбныя ловли, стали все чаще показывать признаки своего недовольства; въ 1572 г. среди нихъ вдругъ вспыхнуло возстаніе, къ которому присоединились и нѣкоторыя другія племена, или въ настоящемъ чувствовавшія тягость новаго сосѣдства или опасавшіяся ея въ ближайшемъ будущемъ. Сначала они мелкими отрядами стали нападать на русскихъ купцовъ, шедшихъ къ С. по торговымъ дѣламъ, убивали ихъ и «животы грабили», а затѣмъ соединенными силами обрушились и на владѣнія братьевъ, убили 487 человѣкъ, многихъ взяли въ плѣнъ, сожгли и ограбили нѣсколько деревень и починковъ. Застигнутые врасплохъ, Г. А. и Яковъ не могли оказать имъ повсюду рѣшительнаго сопротивленія, но это возстаніе побудило ихъ просить у царя позволенія не только защищаться въ случаяхъ нападенія на нихъ, но и самимъ, когда окажется нужнымъ, идти наступательнымъ походомъ противъ инородцевъ съ цѣлью «приводить ихъ подъ царскую руку». Получивъ разрѣшеніе, братья избрали «голову добра», дали ему «охочихъ козаковъ», присоединили къ отряду многихъ мирныхъ остяковъ и вогуличей и въ свою очередь напали на успокоившихся уже «бунтовщиковъ», совершенно для нихъ неожиданно; въ результатѣ—«тѣхъ измѣнниковъ скоро повоевали, жилища ихъ раззорили, многихъ убили, а оставшихся—мирными учинили». Этотъ походъ, сопровождавшійся со стороны туземцевъ большими жертвами, надолго усмирилъ всѣхъ окрестныхъ инородцевъ.

Вскорѣ послѣ смерти отца между Г. А. и Яковомъ съ одной стороны и младшимъ ихъ братомъ Семеномъ, жившимъ въ Сольвычегодскѣ—съ другой, возникла острая вражда, причины которой остаются неизвѣстными. Дѣло дошло до царскаго суда, которымъ Семенъ въ 1573 г. былъ признанъ виновнымъ и старшимъ братьямъ «выданъ головой» (см. Семенъ).

1573 годъ былъ особенно богатъ событіями въ жизни Г. А. и Якова. Лѣтомъ этого года въ ихъ владѣніяхъ по неосторожности нѣкоего келейника Трифона, жившаго отшельникомъ въ лѣсныхъ дебряхъ, вспыхнулъ грандіозный пожаръ, уничтожившій огромную площадь лѣса и крупный запасъ дровъ; на ихъ земли напали орды сибирскаго хана Кучума, который, встревоженный слухами о томъ, что С—вы возводятъ укрѣпленныя поселенія все ближе къ Сибири, послалъ своего брата Маметкула, поручивъ ему развѣдать о новыхъ укрѣпленіяхъ по Камѣ, сжечь ихъ, если возможно, и истребить жителей. Предводительствуя значительнымъ отрядомъ изъ татаръ, зауральскихъ остяковъ, вогуличей и пр., Маметкулъ 2 іюня внезапно обрушился на чусовскій городокъ Кангоръ, здѣсь особеннаго успѣха не имѣлъ, но въ окрестностяхъ его умертвилъ многихъ изъ покорившихся русскимъ туземцевъ, многихъ плѣнилъ, въ томъ числѣ и случайно схваченнаго «государева посланника» Третьяка Чебукова. Узнавъ же о большомъ отрядѣ, высланномъ противъ него Г. А. и Яковомъ изъ Чусовской крѣпости, Маметкулъ повернулъ обратно и ушелъ за Уралъ. Братья двинулись по его слѣдамъ; по дорогѣ они напали на поселенія тѣхъ остяковъ и вогуличей, которые или присоединились передъ тѣмъ къ отряду Маметкула, или такъ или иначе помогали послѣднему, — многихъ жителей побили, «женъ и дѣтей въ полонъ побрали, жи-

лища въ пеплъ обратили». Отъ р. Утки, или Межевой, опасаясь въ виду «многолюдства татарскаго» идти дальше, С—вы пошли обратно, въ разныхъ пунктахъ завоеванныхъ и усмиренныхъ земель оставляя небольшіе отряды. Жалуясь на это внезапное нападеніе татаръ государю, Г. А. и Яковъ просили у него разрѣшенія самимъ ходить войною при благопріятныхъ обстоятельствахъ, на этотъ разъ уже противъ сибирскаго хана. По поводу этой просьбы (по другимъ свѣдѣніямъ—по чьему-то враждебному доносу, что, кажется, ошибочно) въ началѣ 1574 года Г. А. и Яковъ вызывались въ Москву. Здѣсь Іоаннъ имѣлъ съ ними нѣсколько продолжительныхъ бесѣдъ, подробно разспрашивая ихъ о разныхъ обстоятельствахъ, связанныхъ съ взаимоотношеніями Прикамскихъ земель и Сибири, и внимательно выслушивая ихъ мнѣніе о мѣрахъ, необходимыхъ съ цѣлью обузданія татаръ и сибирскаго хана Кучума. Что именно предлагали Г. А. и Яковъ, въ точности остается неизвѣстнымъ, но, по свѣдѣніямъ древнихъ актовъ, царь съ ними во всемъ согласился, предложенныя ими, повидимому, рѣшительныя мѣры вполнѣ одобрилъ, а 30 мая 1574 года пожаловалъ ихъ весьма важной грамотой, которой не только расширилъ ихъ владѣнія новыми землями по ту сторону Урала, но и облекъ братьевъ особыми правами, связанными съ обороной, упроченіемъ и дальнѣйшимъ поступательнымъ развитіемъ восточной окраины государства. Соотвѣтственное мѣсто грамоты гласитъ: «Его царское величество, государь, царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ имъ, Строгановымъ, всѣ тѣ мѣста за Югорскимъ Камнемъ, въ Сибирской Украйнѣ, между Сибирью, Нагай и Тахчей и Тоболъ рѣку съ рѣками и озерами съ устья до вершинъ, гдѣ собираются ратные люди салтана Сибирскаго; на тѣхъ земляхъ позволено имъ принимать всякихъ чиновъ людей, города и крѣпости строить, и на оныхъ держать пушкарей и пищальниковъ, а ясашныхъ остяковъ и вогуличей отъ нападокъ и разъѣздовъ татарскихъ защищать, *да и въ самомъ царствѣ Сибирскомъ покореніемъ онаго подъ Россійскую Державу имѣть стараніе*; также по р. Иртышу и по Оби Великой людей населять, и пашни пахать, и угодьями владѣть». Пожалованныя братьямъ за Уральскимъ хребтомъ мѣста состояли изъ Ваграпскихъ земель, Туринской пустоши, Заозерской дачи и въ общей сложности составляли площадь въ 1.225.040 десятинъ, не считая большихъ сосѣднихъ пространствъ, которыя въ грамоту хотя и не были вписаны, но фактически вошли во владѣнія братьевъ. Кромѣ важнаго права вести, въ случаѣ надобности, наступательныя войны и всѣми мѣрами укрѣпляться на берегахъ Тобола, за ними той же грамотой были обезпечены еще нѣкоторыя льготы, напримѣръ,—самимъ выдѣлывать, если найдутъ, желѣзо, мѣдь, олово, свинецъ и сѣру, что запрещалось на прежде пожалованныхъ мѣстахъ, и безпошлинно вести торговлю съ киргизами и даже бухарцами. Во время пребыванія Г. А. и Якова въ Москвѣ, гдѣ они оставались до начала 1575 года, Іоаннъ сдѣлалъ имъ и нѣкоторыя личныя порученія, весьма характерныя для того времени: купить для царя соболей, одинцовъ дорогихъ (грамота 12 дек. 1574 г.), купить 1500 ширинокъ, шитыхъ золотомъ, за 3000 рублей (грам. 2 февр. 1575 г.), лучшаго гусинаго пуху 5 пуд. за 200 руб. (благодарств. грам. 1 ноября 1575 г.).

Получивъ разрѣшеніе на наступательныя военныя дѣйствія, Г. А. и Яковъ по возвращеніи начали запасать оружіе, пушки, «шеломы», «жамы», панцыри, кольчуги и готовиться къ серьезному походу. Однако, имъ пришлось ограничиться лишь запасаніемъ боевыхъ матеріаловъ,—выступить открыто противъ сибирскаго хана имъ не довелось; главнымъ и даже единственнымъ препятствіемъ къ этому служилъ недостатокъ въ людяхъ, годныхъ для серьезныхъ походовъ. Прирожденныя богатства—пушной звѣрь, обиліе рыбы и «угодіе» земли подъ хлѣбопашество—привлекли и на старыя и на новыя мѣста многихъ нетяглыхъ и безписьменныхъ людей, которыхъ братья снабжали всѣмъ необходимымъ для веденія хозяйства, селили по городкамъ и деревнямъ, позволяли имъ самимъ выбирать удобные для поселенія уголки,—но эти пришлые элементы были весьма мало пригодны для образованія изъ нихъ значительныхъ боевыхъ кадровъ. Только безшабашное вольное казачество во главѣ съ Ермакомъ дало Строгановымъ возможность осуществить свои намѣренія; но призывъ вольницы совершился уже

по смерти Г. А. и Якова, при дѣтяхъ ихъ.

Вывариваемую въ большомъ количествѣ соль С—вы на крупныхъ и малыхъ судахъ отпускали для продажи вверхъ по Камѣ—къ Чердыню и дальше, внизъ по ней—къ Казани и Нижнему-Новгороду, и вверхъ по Окѣ—до Калуги и Коломны, поставивъ, такимъ образомъ, сбытъ этого продукта еще шире, чѣмъ онъ былъ при ихъ отцѣ, и почти совершенно освободивъ торговлю отъ всякихъ пошлинъ; такъ, напримѣръ, только С—вы не платили денегъ при проѣздѣ ихъ судовъ мимо Касимова, гдѣ въ то время жилъ татарскій ханъ Шихъ-Алей, имѣвшій право на поборы со всѣхъ провозившихся по Окѣ товаровъ.

Г. А. умеръ, вѣроятно, въ 1575 году; въ позднѣйшихъ документахъ, напримѣръ, въ грамотѣ, данной въ 1576 г. на имя сына его Никиты и племянника Максима Яковлевича, онъ уже не упоминается.

Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей земли Русской“, ч. 5, М., 1836 г., стр. 106–108.—Карамзинъ, „Истор. Госуд. Рос.“, изд. Эйнерлинга, т. IX, Спб., 1843 г., стр. 210, 221—223; прим. 618, 644, 651, 653—656, 661.—„Исторія о родословіи, богатствѣ и отечественныхъ заслугахъ знаменитой фамиліи гг. Строгановыхъ“, „Пермск. Губ. Вѣд.“, 1880 г., №№ 91, 92, 93, 94, 95, 96.—Г. Ф. Миллеръ, „Исторія Сибирскаго царства“, стр. 68, 76—80, 87—90.—„Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ“, собранныя Ѳ. А. Волеговымъ, „Пермск. Губ. Вѣд.“, №№ 90, 91, 92, 94.—„Таблицы“ Ѳ. А. Волегова, „Памятная книжка Пермской губерніи на 1889 г.“—Н. Н. Новокрещенныхъ, „Участіе Строгановыхъ въ поступательномъ движеніи Русскаго государства на востокъ въ XVI ст.“, Пермь, 1892 г., стр. 3—4.—„Поступное письмо Пыскорскому монастырю“, въ сборн. А. Дмитріева „Пермская старина“, в. I, стр. 195--198.—Штиглицъ, „Списокъ населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи“, стр. CLIX.—„Дополненіе къ Актамъ Историческ.“, т. I, стр. 168—169, 172–175.—„Соликамскія лѣтописи“, изд. А Дмитріева, „Пермск. Губ. Вѣд.“, 1883 и 1884 гг.; отд., Пермь, 1884 г.—В. Н. Берхъ, „Путешествіе изъ г. Чердынь въ Соликамскъ“, Спб., 1821 г.—„Акты Археографич. Экспедиціи“, т. I, стр 277.–С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. II, стр. 308, 309, 310–312, 316, 339, 340.—Н. Н. Загоскинъ, „Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи“, Казань, 1891 г.—Гаринскій, „Краткій обзоръ медицины въ древней Россіи“, „Медицинскій Сборникъ“, Тифлисъ, 1880 г. (послѣдн. два указанія относятся исключит. къ Якову Аник.).

Строгановъ, *Григорій Дмитріевичъ*, именитый человѣкъ, единственный сынъ Дмитрія Андреевича С., единоличный владѣлецъ всѣхъ огромныхъ родовыхъ богатствъ, помогавшій Петру Великому денежными средствами,—родился въ 1656 г. Въ старинныхъ актахъ его имя впервые упоминается подъ 1672 г., когда онъ по уполномочію отца ѣздилъ въ Москву съ подарками и поздравленіями царю Алексѣю Михаиловичу по случаю рожденія царевича Петра. Въ 1673 г. умеръ его отецъ, и С. унаслѣдовалъ его имущественную часть, составлявшую третью долю всѣхъ родовыхъ вотчинъ и земель. Вскорѣ послѣ этого, именно 1 іюня 1673 г., Алексѣемъ Михаиловичемъ выдана ему грамота, подтверждавшая его права на унаслѣдованныя владѣнія. Эта грамота, которая какъ бы резюмируетъ всѣ прежде данныя его предкамъ и въ сжатыхъ чертахъ рисуетъ заслуги рода, оказанныя имъ Московскому государству, является однимъ изъ важнѣйшихъ документовъ для исторіи рода С. Перечисливъ услуги разныхъ представителей рода, оказанныя ими Московскому государству въ Смутное время ратными людьми и денежной помощью въ видѣ добровольныхъ дачъ и «пятинныхъ», «десятыхъ», «шестнадцатыхъ», оброчныхъ, запросныхъ и др. денегъ, «гривенныхъ соляныхъ» пошлинъ, остановившись затѣмъ на роли предковъ Г. Д. въ покореніи Сибири и на усмиреніи ими возстаній различныхъ инородцевъ—татаръ, остяковъ, чувашей, вогуличъ, черемисы, башкирцевъ,—эта важная грамота (подлинныя цитаты изъ нея см.—Андрей и Петръ Семеновичи, Никита Григорьевичъ и Максимъ Яковлевичъ С—вы) подтверждаетъ за Г. Д. всѣ льготы, когда-либо полученныя его предками: 1) ему писаться и къ нему писать съ «вичемъ»; 2) не судить его кромѣ татьбы; 3) людей своихъ судить ему самому; 4) у вѣры (присяги) вмѣсто себя ставить по желанію своихъ людей; 5) обезчестившіе его подвергаются штрафу въ 100 руб. и царской опалѣ; 6) всякое питье разрѣшается ему держать безъявочно; 7) постоя къ нему никакого не ставить; 8) не брать съ него дорожныхъ, мостовыхъ, подводныхъ и т. п. податей; 9) ему самому и его людямъ во время пути вездѣ ставиться безъявочно; 10) «А кто нашей грамоты

не послушаетъ, и тѣмъ отъ насъ быти въ великой опалѣ, безъ всякія пощады».

Въ 1681 г. С. перешла вторая треть всѣхъ имуществъ, бывшая во владѣніи старшей линіи рода (происходившей отъ Якова Аникіевича) и за прекращеніемъ мужского поколѣнія находившаяся въ последнее время въ рукахъ дочери Данилы Ивановича С., Анны Даниловны, которая въ этомъ году вышла замужъ. Полученная С. дарственная запись обязывала его кормить до кончины мать Анны Даниловны, ей самой выдать денежное приданое и уплатить нѣкоторые долги ея отца, что имъ и было исполнено. Для офиціальнаго утвержденія перехода этихъ вотчинъ изъ рукъ въ руки въ 1682 г. прибылъ изъ Новгородскаго приказа подъячій Александръ Ѳеофановъ, которымъ и была составлена подробная опись переходящихъ имуществъ, датированная 30 ноября 1682 г. Въ томъ же году стольниками Овцынымъ и Поярковымъ произведена перепись сольвычегодскихъ владѣній, на которыя былъ наложенъ оброкъ въ размѣрѣ 241 р. 51 к. въ годъ.

Такимъ образомъ въ 1681 г. Г. Д. владѣлъ уже двумя третями огромныхъ родовыхъ имуществъ. Остальная треть находилась въ это время въ рукахъ вдовы Ѳедора Петровича Строганова, не оставившаго мужского потомства—Анны Никитишны. Но въ 1688 г. по завѣщанію послѣдней отъ 18 января 1686 г. онъ получилъ и эту долю съ условіемъ пожертвовать въ Пыскорскій монастырь 5.000 рубл., и въ дѣвичьемъ Подгорскомъ монастырѣ построить церковь, кельи и ограды. Съ этихъ поръ Г. Д. сталъ единоличнымъ обладателемъ всѣхъ родовыхъ вотчинъ и имуществъ, которыя со времени его предка Аники находились во владѣніи то трехъ, то двухъ родовыхъ линій. По подсчету О. А. Волегова, во всѣхъ трехъ объединенныхъ доляхъ состояло къ этому моменту 9.519.760 десятинъ земли, 20 городковъ, свыше 200 деревень, около такого же числа починковъ, болѣе 3.000 дворовъ и свыше 15 тыс. взрослыхъ мужскихъ душъ, не считая туземныхъ инородцевъ. Эти огромнѣйшія вотчины еще болѣе были расширены путемъ присоединенія къ нимъ вновь пожалованныхъ земель. Грамотой отъ 1685 г. С. получилъ мѣста по рѣкѣ Веляной въ Чердынскомъ уѣздѣ съ лѣсами и угодьями, площадью въ 604.212 десятинъ, съ платой 2 рублей въ годъ оброка, а по грамотѣ отъ 29 сентября 1694 г. ему были пожалованы земли по рѣкѣ Лологъ, въ томъ же уѣздѣ, для «дровяной сѣчки» и для расчистки лѣса подъ пашни и покосы — площадью въ 254.741 дес. и съ уплатой оброка также въ 2 рубля; наконецъ ему были переданы на особыхъ условіяхъ (см. ниже) казенные Зырянскіе соляные промыслы и въ 1700 г. пожалованы еще нѣкоторыя земли. Въ общей сложности все это составило 10.382.347 дес. земли, на которой состояло по ревизіи Воронцова въ 1715 г. дворовъ: 5.945 жилыхъ и 5.324 пустыхъ, мужскихъ душъ—22.105 «на-лицо» и 16.893 «въ бѣгахъ и въ мірѣ скитающихся», а черезъ 10 лѣтъ число мужскихъ душъ первой категоріи достигло 44.669, второй же 33.235 въ однихъ только великопермскихъ владѣніяхъ. Если же принять во вниманіе еще зауральскія, сольвычегодскія, устюжскія, нижегородскія и подмосковныя имѣнія Г. Д, то его, безъ сомнѣнія, должно назвать однимъ изъ богатѣйшихъ людей своего времени.

Эти огромныя средства давали С. возможность оказывать значительную помощь Петру Великому, особенно во время Сѣверной войны. Еще 28 мая 1682 г. Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи писали ему, чтобы онъ далъ кн. Барятинскому на жалованье московскимъ стрѣльцамъ денегъ съ тѣмъ, что онѣ будутъ ему возвращены, когда «царская казна будетъ въ сборѣ». Такими временными ссудами онъ неоднократно выводилъ государственную казну изъ затруднительнаго положенія. Но самая важная его заслуга въ смыслѣ оказанія помощи государству состоитъ въ поддержкѣ молодого флота какъ денежными средствами, такъ и путемъ пожертвованія судовъ. Когда Петръ Великій въ 1700 г. дѣятельно работалъ въ Воронежѣ надъ сооруженіемъ военныхъ судовъ, столь нужныхъ въ предстоящей войнѣ съ Турціей, Г. Д., находясь также въ Воронежѣ, при государѣ, на собственныя средства построилъ здѣсь два фрегата, которые были принесены въ даръ Петру и послѣднимъ приняты съ великой благодарностью. Одновременно съ этимъ С. построилъ еще два военныхъ судна при Архангельскомъ адмиралтействѣ, также пожертвованныхъ флоту. Всѣ главнѣйшія работы на этихъ постройкахъ были испол-

*

нены спеціально для этой цѣли выписаннымп иностранными мастерами, а вооруженіе судовъ, особенно желѣзныя пушки, было исключительно заграничнаго производства.

Широкая помощь С. государству и казнѣ не оставалась безъ отвѣта и со стороны государей. Сначала оба государя Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, а затѣмъ Петръ I одинъ, въ свою очередь щедро осыпали его своими милостями. Выше уже указывалось на пожалованныя ему въ разныхъ мѣстахъ земли. Въ 1685 г., по челобитной С., велѣно было всѣ дѣла, касающіяся какъ его самого, такъ и его людей, вѣдать исключительно въ Новгородскомъ приказѣ, куда и передать ихъ изъ другихъ палатъ. Грамотой 1688 г., которой были вновь подтверждены права С. на прежнія, а также въ этомъ лишь году унаслѣдованныя земли (см. выше), онъ былъ пожалованъ помѣстнымъ и денежнымъ окладами. «Для вѣчнаго мира—говорится въ грамотѣ—который учинился у насъ (государей) съ королемъ польскимъ, за многія прародителей его денежныя пожертвованія и за его службу... и для того, что Строгановы изстари знатные именитые люди и въ Уложеніи объ нихъ имѣнно сказано»...—жалуется Григорій Дмитріевичъ помѣстнымъ окладомъ въ 1000 четей и денежнымъ въ 150 р. Послѣдняя сумма въ 1698 г. была увеличена даже до 170 р., «вдвое противъ лучшаго московскаго гостя». Всѣ земли, при прежнихъ государяхъ жалованныя предкамъ С., отдавались имъ лишь во временное пользованіе на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, почему при восшествіи на престолъ новаго государя требовались каждый разъ особыя подтвердительныя грамоты. Г. Д. же, пользуясь особымъ расположеніемъ Петра Великаго, первый исходатайствовалъ грамоты на вѣчное владѣніе прежде пожалованными мѣстами; важнѣйшей изъ нихъ является грамота отъ 25 марта 1692 г., которой утверждены были права вѣчнаго владѣнія Строгановыхъ на столь обширныя земельныя пространства, что впослѣдствіи само правительство нашло ихъ чрезмѣрными и послѣ ряда сложныхъ судебныхъ процессовъ кое-что вновь возвратило казнѣ. Что Г. Д. пользовался уваженіемъ при дворѣ и высокой степенью въ «государственномъ чиносостояніи», видно, напр., изъ того, что ему посылалось спеціальное извѣщеніе при каждомъ выдающемся придворномъ событіи. Такъ, 25 сентября 1695 г. цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи извѣщали его о рожденіи царевны Прасковьи Іоанновны; такое же извѣщеніе было послано ему и 29 октября 1698 г. по случаю рожденія княжны Екатерины Іоанновны. Когда же во время пребыванія Г. Д. вмѣстѣ съ супругою въ Воронежѣ у него родился второй сынъ, Николай, воспріемникомъ новорожденнаго былъ никто иной, какъ самъ Петръ I, который одарилъ своего крестника истинно по-царски: обширными землями по рр. Обвѣ, Иньвѣ и Косвѣ и ихъ притокамъ, «съ погостами и волостьми, деревнями и починками, и въ нихъ со крестьяны»—всего 16 погостовъ, нѣсколько сотъ мелкихъ деревушекъ, а въ нихъ—3443 двора и 14.000 человѣкъ.

Въ концѣ XVII в. у С. было тяжебное дѣло съ Пыскорскимъ монастыремъ и нѣкоторыми лицами изъ-за соляныхъ промысловъ. Монастырь, нѣкогда получившій отъ предковъ Г. Д. большія земельныя угодья и соляныя варницы, постепенно расширилъ свое солевареніе, повысивъ ежегодное добываніе соли до милліона пудовъ. Сбывая этотъ продуктъ въ «верховые города», куда продавалась и соль, добытая на варницахъ С., монастырь тѣмъ самымъ составлялъ послѣднему чувствительную конкуренцію и причинялъ значительные убытки. Несмотря на это, противъ конкурренціи самого монастыря С. ничего не имѣлъ и относился къ ней терпимо. Но монастырь, вопреки заключенному въ дарственныхъ записяхъ условію, лишающему его права полученныя имъ въ даръ отъ Строгановыхъ владѣнія дарить, закладывать или продавать, нѣкоторыя свои земли сталъ сбывать частнымъ лицамъ. Купцы Василій и Алексѣй Филатьевы и Василій Шустовъ пріобрѣли отъ него значительныя угодья, увеличили ихъ землями, захватнымъ путемъ присвоенными изъ окраинныхъ владѣній С., поставили варницы, начали добывать соль и ею снабжать тѣ же рынки, куда до тѣхъ поръ ставилъ ее лишь С., чѣмъ наносили ему «помѣшательство и притѣсненіе». По поводу неправильныхъ дѣйствій монастыря и купцовъ С. обратился съ жалобою въ Москву. Въ сентябрѣ 1696 г. оттуда былъ присланъ стольникъ кн. Гря-

горій Васильевичъ Тюфякинъ съ порученіемъ установить межевыя границы. При возстановленіи границъ по писцовымъ книгамъ и почти совершенно исчезнувшимъ межевымъ знакамъ къ владѣніямъ С. были отнесены, между прочимъ, кое-какіе участки, въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ находившіеся въ пользованіи крестьянъ. Считая эти участки по праву давности владѣнія своею личною собственностью, крестьяне запротестовали; когда же протесты остались безъ вниманія, они взбунтовались, пошли на воеводскій домъ, самого воеводу избили и ударили въ набатъ. Уваженъ ли былъ ихъ протестъ или противъ нихъ были предприняты какія-либо крутыя мѣры—остается неизвѣстнымъ. Извѣстно лишь, что по возстановленнымъ Тюфякинымъ межамъ къ С. перешли въ полную собственность всѣ основанныя упомянутыми купцами предпріятія — 44 варницы, 21 разсольная труба, 21 амбаръ и проч., на что С. была выдана правая грамота отъ 22 февраля 1697 г.

Въ 1679 г. гостемъ Никитниковымъ были основаны Зырянскіе соляные промыслы, въ царствованіе Алексѣя Михаиловича перешедшіе въ казну. Веденіе дѣла чиновными людьми было настолько небрежно, что оно давало казнѣ одинъ лишь убытокъ, между тѣмъ какъ промыслы сами по себѣ были достаточно богаты и при другихъ условіяхъ могли давать хорошій доходъ. С. обратился въ Москву съ предложеніемъ передать ему эти промыслы на извѣстныхъ условіяхъ. Вслѣдствіе ихъ убыточности казна легко согласилась на это предложеніе. Весною 1697 г. изъ Москвы былъ высланъ стряпчій Кузьма Цезыревъ, которому было поручено Зырянскіе промыслы съ варницами, цыренами, принадлежащими къ нимъ селами, деревнями, починками, крестьянами и бобылями, пашнями, сѣнокосами, лѣсами и пр. угодьями «переписать и съ завару 7205 (1697) года отказать за его, именитаго человѣка Григорія Дмитріевича, въ вѣчное владѣніе», при условіи ежегодной безплатной поставки 100,000 пудовъ соли въ Москву и единовременнаго платежа пошлинъ за остальную соль; «ему же самому пошлины взыскивать съ купцовъ», которымъ соль будетъ продана. По переписи оказалось, что къ С. перешло 2 села, 1 сельцо, 16 деревень и 11 починковъ съ тремя промыслами, состоявшими изъ 40 варницъ; кромѣ того за нимъ было приписано 333 двора и 1116 душъ мужского пола. Условіе о единовременномъ платежѣ С. соляныхъ пошлинъ и о взысканіи ихъ послѣ съ покупающихъ соль купцовъ повело къ ряду недоразумѣній, заключавшихся въ томъ, что съ купцовъ, уже однажды уплатившихъ пошлины С., несмотря на многократные приказы изъ Москвы, взыскивали ихъ вторично на мѣстахъ розничной продажи соли; понятно, что уплаты двойныхъ денегъ отбивали всякую охоту у купцовъ брать продуктъ у С., почему послѣдній вскорѣ обратился въ Москву съ просьбой отмѣнить возложенную на него обязанность быть посредникомъ по уплатѣ пошлинъ, на что и получилъ согласіе. Въ 1700 г. было отмѣнено также и другое условіе, поставленное при передачѣ промысловъ— не наряжать и безъ отягощенныхъ тяглами крестьянъ на новыя работы; когда выяснилось, что пришедшія въ ветхость варницы требуютъ капитальнаго ремонта, С. было позволено для этой цѣли использовать приписанныхъ къ промысламъ крестьянъ.

Первые годы С. жилъ преимущественно въ Нижнемъ - Новгородѣ, гдѣ имъ была заложена соборная церковь Пресвятой Богородицы, за которой сохранилось названіе «Строгановской» (окончена при женѣ его, въ 1719 г.); въ 1703 г. онъ переселился въ Москву. Какъ изъ Новгорода, такъ и изъ Москвы онъ почти ежегодно, ко времени отправленія каравановъ съ солью ѣздилъ въ свои пермскія владѣнія, пользуясь этими побывками для надзора за веденіемъ хозяйства. Послѣднее онъ не только привелъ въ лучшее и болѣе «прибыточное» состояніе, чѣмъ оно было при его предкахъ, но и значительно расширилъ главную и наиболѣе доходную часть его—солевареніе, построивъ новыя и исправивъ старыя соляныя варницы. Отъ выворочной соли, которую С. продавалъ какъ на мѣстѣ ея производства пріѣзжимъ купцамъ, такъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, онъ получалъ громадные прибытки, пока продажа производилась совершенно свободно. Но въ 1705 г. была введена государственная монополія на соль, и по Высочайшему указу весь добытый продуктъ С. обязанъ былъ представлять въ Нижній-Новгородъ и продавать исключительно въ казну. Согласно договору, заключенному между нимъ и думнымъ дьякомъ Автамо-

номъ Ивановымъ, казна уплачивала по 5 коп. съ пуда соли да по 4 коп. за провозъ ея до Нижняго. Плата была достаточная, и хотя новый порядокъ значительно урѣзалъ прежніе доходы С., все же онъ съ нимъ примирился. Случилось, однако, нѣсколько разъ, что подрядчики, развозившіе соль уже изъ Нижняго вверхъ и внизъ по Волгѣ и ея притокамъ, въ большинствѣ оказались неисправными, вслѣдствіе чего казна отказалась отъ ихъ услугъ и всю эту доставку предложила С. Указныя провозныя цѣны за перевозку были настолько незначительны, что С. грозилъ несомнѣнный убытокъ, и онъ это предвидѣлъ, но въ виду отношеній къ нему государя предложеніе принялъ. Разсчеты его вполнѣ оправдались—онъ несъ значительные убытки, особенно когда «по нѣкоторымъ навѣтамъ и другимъ обстоятельствамъ» изъ поставочной указной цѣны, и безъ того низкой, «учинена была убавка». По разсчетамъ нѣкоего безымяннаго историка рода Строгановыхъ, С. получалъ меньшую попудную плату, чѣмъ въ свою очередь платилъ мелкимъ подрядчикамъ. Однако онъ «нанесенную ему обиду до будущаго разсмотрѣнія сносилъ терпѣливо».

Характерно для своего времени отношеніе С. къ своимъ крѣпостнымъ—мягкое и внимательное. Въ предписаніи его отъ 12 іюля 1706 г. чусовскимъ приказчикамъ говорится: «А всякіе платежи съ крестьянъ нашихъ сбирать съ великимъ разсмотрительствомъ: на комъ мочно все вдругъ взять, и на тѣхъ всякіе платежи имать что доведется, а кои скудныя и заплатить вдругъ нечѣмъ и вамъ бы съ нихъ поборы имать въ годъ и въ два, а не вдругъ, смотря по ихъ исправѣ, чтобъ крестьянамъ нашимъ отъ того тягости и раззоренія не было, понеже нынѣ стали великія государевы подати. Также смотрѣть накрѣпко, чтобы имъ ни отъ чего обидъ и тягости не было, и въ обиду ихъ и разореніе никому не давать и во всемъ оберегать». Въ свою очередь и онъ пользовался широкою популярностью среди населенія Пермскаго края, даже у людей отпѣтыхъ. Незначительное обстоятельство очень хорошо иллюстрируетъ эту популярность. С. имѣлъ обыкновеніе ежегодно весною посылать съ людьми на Новоусольскіе промыслы значительныя денежныя суммы для расходовъ и расплаты съ наемными рабочими. Въ 1712 г. туда было послано 50.000 руб. У Сольвычегодска къ строгановскимъ людямъ присоединился еще приказчикъ московскаго купца Евреинова съ 10 тыс. руб. Подымаясь на «стругахъ» по рѣкѣ Келѣтмѣ, посланные встрѣтились со «славнымъ воромъ» Коньковымъ, у котораго была «воровская шайка» въ 60 человѣкъ. Коньковъ послѣ небольшой перестрѣлки, жертвою которой пало двое изъ строгановскихъ людей, забралъ остальныхъ въ плѣнъ и отнялъ всѣ деньги. Узнавши однако, что люди и деньги принадлежатъ С., «славный воръ» тотчасъ всѣхъ освободилъ, возвратилъ деньги, «весь шкарбъ до малѣйшей вещи» и заявилъ: «Намъ ли батюшка нашего, Григорія Дмитріевича, обидѣть?». Деньги же Евреинова оставилъ у себя.

Умеръ С. 21 ноября 1715 г. въ Москвѣ и погребенъ при церкви Николая Чудотворца, что въ Котельникахъ. Въ молодости онъ женился на Вассѣ Ивановнѣ Мещерской, а по ея смерти сочетался вторымъ бракомъ съ Марьей Яковлевной Новосильцевой, бывшею позже первою статсъ-дамою при Дворѣ; отъ нея онъ имѣлъ сыновей: *Александра* (род. въ 1699 г. въ с. Городѣевкѣ ок. Нижняго), *Николая* (1700 г. въ Воронежѣ) и *Сергѣя* (1700 г. въ Москвѣ); имѣлъ и другихъ дѣтей, но тѣ умерли еще въ дѣтствѣ. С. славился своимъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ; домъ его въ Москвѣ былъ широко открытъ «не токмо друзьямъ его, но и всякаго чина людямъ»; со всѣми онъ былъ «добръ и ласковъ, а бѣднымъ былъ старатель». Большой любитель церковнаго пѣнія, въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ завелъ прекрасный хоръ, слава о которомъ дошла до Москвы. Въ апрѣлѣ 1689 г. цари Іоаннъ и Петръ и царевна Софья писали С. «Какъ извѣстно, у тебя есть кіевскаго пѣнія спѣваки, то прислалъ бы изъ нихъ въ Москву двухъ лучшихъ баспстовъ и двухъ же самыхъ лучшихъ альтистовъ, и за сіе ожидалъ бы царской милости», а грамотой отъ 2 іюня того же года цари дали знать Г. Д., что присланные имъ «спѣваки» приняты въ Новгородскій приказъ, а за присылку они его «жалуютъ, милостиво похваляютъ». Въ Москвѣ С. съ успѣхомъ занимался собираніемъ рукописныхъ сокровищъ; изъ обращенной къ нему просьбы святителя Ди-

митрія, митрополита ростовскаго, выслать ему книгу, «глаголемую Хронографъ или Лѣтописецъ», видно, что С. принадлежалъ одинъ изъ двухъ вообще существовавшихъ въ то время экземпляровъ этой рукописи. Отъ Петра Великаго онъ имѣлъ особую награду—портретъ государя съ короной, который всегда носилъ въ петлицѣ кафтана.

„Акты Историч.", т. V, стр. 181, 499.—„Дополн. къ Актамъ Историч.", т. VI, стр. 261—267; т. VIII, стр. 133, 334; т. IX, стр. 69, 70; т. X, стр. 406.—„Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи", т. III, стр. 64, 305, 306, 439, 440; т. IV, стр. 22, 23, 279, 309, 342, 348, 471, 640—642, 666, 710, 746—748, 836; т. V, стр. 18, 35, 99, 152, 478, 488; т. IX, стр. 418; т. XII, стр. 300.—„Исторія о родословіи, богатствѣ и отечествен. заслугахъ знаменит. фамиліи гг. Строган.", „Пермск. Губ. Вѣд.". 1880 г., № 105; 1881 г. №№ 7, 13, 14, 15, 17, 19, 25.—Ѳ. А. Волеговъ, „Историч. свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ", ibid., 1876 г., № 92; 1877 г., №№ 2, 3, 4.—Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго", т. II, Спб., 1837 г., стр. 28.—Н. Новокрещенныхъ, „Поступательн. движеніе русскихъ на востокъ", стр. 17—23,—„Усольскія лѣтописи", изд. А. Дмитріева, „Пермск. Губ. Вѣд.", 1882 г., № 96, 97.—„Историко-статистич. таблицы Ѳ. А. Волегова", „Памятная книжка Пермск. губ. на 1889 г."—„Сборникъ Русск. Историч. Общ.", т. III, Спб., 1876 г., стр. 723.—Миллеръ, „Описаніе Сибирскаго царства", Спб., 1810 г., стр. 86, 87—90.—Д. М. Пѣтуховъ, „Горный городъ Дедюхинъ и окольныя мѣстности", Спб., 1869 г., т. I, стр. 21—25.—Н. Полевой, „Опытъ историч. разсказа о Петрѣ Велик.", „Сын. Отеч.", 1833 г., янв., стр. 32.—С. М. Соловьевъ. „Исторія Россіи", изд. т-ва „Обществен. Пользы", кн. III, стр. 776, 777; кн. IV, стр. 674.—Н. М. Колмаковъ, „Домъ и фамилія гр. Строгановыхъ, 1752—1887 г.", „Русск. Стар"., 1887 г., № 3.

Строгановъ, *Даніилъ Ивановичъ*, именитый человѣкъ, дѣлавшій большіе денежные взносы въ государственную казну при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, единственный сынъ Ивана Максимовича С. Еще при жизни отца и дяди Максима Максимовича, которые не совсѣмъ умѣлымъ веденіемъ хозяйства значительно разстроили его и впали въ долги, онъ около 1639 г. взялъ управленіе въ свои руки и сталъ фактическимъ распорядителемъ всей этой части вотчинъ. Это видно и изъ сохранившихся оффиціальныхъ документовъ того времени. Такъ, напр., произведенная въ 1641 г. чиновникомъ Чемезовымъ перепись строгановскихъ земель и имуществъ записываетъ ихъ за нимъ, а не его родителемъ и дядей, которые въ это время еще были живы. То же повторилось и при переписи Прокопья Елизарова въ 1647 г. Послѣ отца и дяди оставшись полнымъ владѣтелемъ вотчинъ, всего въ общей сложности одной трети всѣхъ состоявшихъ во владѣніи рода земель, С. своимъ энергичнымъ управленіемъ не только привелъ это достояніе въ цвѣтущій видъ, но и расширилъ его путемъ покупки разныхъ населенныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ села Воскресенскаго, что на Кишарти, пріобрѣтеннаго у Андрея и Бориса Елисѣевыхъ. По переписи Чемезова (1641 г.) онъ владѣлъ 3 городками, 50 деревнями, 8 починками, 420 дворами и 1500 душами мужского пола; въ 1647 г. (перепись Елизарова) городковъ было 5, деревень 60, починковъ 19, дворовъ 535 и мужскихъ взрослыхъ душъ около 2 тысячъ; наконецъ, въ 1678 г., нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его смерти, въ оставленныхъ имъ вотчинахъ состояло уже 6 городковъ, 73 деревни, 83 починка,, свыше тысячи дворовъ и свыше 5 тысячъ мужскихъ душъ (не считая инородцевъ); кромѣ того, много дворовъ и лавокъ въ Москвѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскѣ.

Эти значительныя средства С. позволяли ему откликаться щедрыми денежными взносами, а также и ратной помощью на всякую просьбу царя Алексѣя Михаиловича. Изъ позднѣйшей грамоты 1673 г. на имя Григорія Дмитріевича Строганова видно, что Д. И. вмѣстѣ съ двумя другими современными ему представителями рода другой линіи, Дмитріемъ Андреевичемъ и Ѳедоромъ Петровичемъ, между 1650—1673 гг. внесъ разновременно въ государственную казну болѣе 418 тысячъ рублей; отдѣлить данную именно имъ сумму не представляется возможнымъ, но она не составляла менѣе одной трети общаго взноса; кромѣ того ему, несомнѣнно, принадлежитъ извѣстная, хотя также не поддающаяся опредѣленію часть въ общей суммѣ ссудъ, сдѣланныхъ Строгановыми до 1650 г. и составляющихъ 423,706 руб. Что же касается оказываемой имъ государству ратной помощи, то объ этомъ свидѣтельствуетъ грамота Алексѣя Михаиловича отъ 12 марта 1661 г., въ которой царь благодаритъ его за присылку въ Москву на службу «даточныхъ людей» (рекрутовъ) съ запасами. При дворѣ С. пользовался большимъ почетомъ; его извѣщали о всѣхъ важныхъ событіяхъ при-

дворной жизни. Проживая обыкновенно въ одномъ изъ родовыхъ городковъ въ пермскихъ владѣніяхъ, онъ часто наѣзжалъ въ Москву и во время обѣдовъ у царя или патріарха сидѣлъ за однимъ столомъ съ боярами. Умеръ С. около 1668 г., не оставивъ мужского потомства; вмѣстѣ съ его смертью угасла мужская линія, происходившая отъ старшаго сына Аники Строганова—Якова Аникіевича, призвавшаго Ермака. Всѣ вотчины достались его женѣ *Агафьѣ Тимофеевнѣ*, урожденной Елизаровой, и двумъ дочерямъ—*Стефанидѣ* (впослѣдствіи замужемъ за кн. Петромъ Семеновичемъ Урусовымъ) и *Аннѣ*. Агафья Тимофеевна не надолго пережила мужа, и по ея кончинѣ во владѣніе имуществами вступила младшая дочь, Анна; въ 1681 г. она вышла замужъ за боярина Сергѣя Ивановича Милославскаго, а всѣ имущества передала именитому человѣку Григорію Дмитріевичу, который съ своей стороны обезпечилъ ее солиднымъ приданымъ и уплатилъ нѣкоторые долги ея покойнаго отца. Въ нѣкоторыхъ актахъ упоминается еще имя Даніила *Дмитріевича* С., но такого лица, какъ кажется, совсѣмъ не существовало, и по всѣмъ признакамъ рѣчь идетъ именно о Даніилѣ Ивановичѣ С.

„Дополн. къ Актамъ Историч.", т. VI, стр., 262, 263—265; т. IX, стр. 70; т. X, стр. 406.—„Акты Археограф. Экспед.", т. I, стр. 378, 411 т. IV, стр. 186.—„Исторія о родословіи, богатствѣ и отечественн. заслугахъ знам. фамил. гг. Строгановыхъ", „Пермск. Губ. Вѣд.", 1880 г. № 105; 1881 г., № 1.—Ѳ. А. Волеговъ, „Историч. свѣд. о гг. Строган." ibid., 1876 г., № 102. С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи" кн. II, стр. 634.—См. также литературу при описаніи рода Строгановыхъ.

Строгановъ, *Дмитрій Андреевичъ*, и двоюродный братъ его *Ѳедоръ Петровичъ*, именитые люди, дѣти Андрея и Петра Семеновичей С—ыхъ, извѣстны значительными денежными взносами въ государственную казну при царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михаиловичѣ; дата рожденія перваго неизвѣстна, второго же относится къ 1628 г. Оба вступили во владѣніе доставшихся имъ по наслѣдству родовыхъ вотчинъ въ 1641 г., когда отецъ Ѳ. П. скончался, а родитель Д. А. принялъ монашество. 31 января 1641 г. царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ дана была Д. А. грамота, подтверждающая его права на владѣемую имъ часть прежде пожалованныхъ земель и вотчинъ въ нынѣшней Пермской губерніи, а нѣсколько позже подобная же грамота была получена и Ѳ. П.; наконецъ, еще одной грамотой отъ того же 1641 г. за ними были утверждены бывшія владѣнія именитаго человѣка Никиты Григорьевича во всемъ ихъ объемѣ. Такимъ образомъ Д. А. и Ѳ. П. владѣли двумя третями всѣхъ родовыхъ вотчинъ и земель, остальная же треть находилась въ пользованіи старшей линіи рода, происходившей отъ Якова Аникіевича. По переписи Чемезова (1641 г.) въ ихъ вотчинахъ состояло: 7 городковъ, 113 деревень, 15 починковъ, 844 двора и 3050 душъ мужского пола; по слѣдующей переписи Елизарова (1647 г.)—9 городковъ, 119 деревень, 37 починковъ, 1067 дворовъ и свыше 4 тысячъ мужскихъ душъ; наконецъ, въ 1678 г. (перепись князя Бѣльскаго)—городковъ 12, деревень 103, починковъ 70, около двухъ тысячъ дворовъ и около восьми тысячъ взрослыхъ мужскихъ душъ. Помощь Д. А. и Ѳ. П. государственной казнѣ выразилась въ значительныхъ денежныхъ взносахъ (не менѣе 200 тыс. рублей), главнымъ образомъ для уплаты жалованья ратнымъ людямъ. Помогая московскимъ государямъ «многотысячными суммами», они въ то же время неоднократно давали имъ и ратниковъ изъ числа своихъ людей, а иногда и сами, собственными силами, оказывали успѣшное сопротивленіе безпокойнымъ инородцамъ сѣверо-восточной окраины Руси,—особенно уфимскимъ татарамъ и башкирцамъ, которые одно время повели формальную войну и успѣли раззорить или подвергнуть осадѣ рядъ городовъ въ Прикамскомъ краѣ—Уфу, Сарапуль, Кунгуру, Стефановъ-городище и др. Терпя отъ такого безпокойнаго сосѣдства всякія неудобства, Д. А. и Ѳ. П. собрали своихъ и наемныхъ людей и по собственному почину напали на татаръ и башкирцевъ, которые послѣ ряда кровавыхъ стычекъ были совершенно разбиты. Однако полнаго спокойствія среди инородцевъ не наступило, время отъ времени возникали новыя возмущенія, благодаря чему С—вы должны были быть постоянно настороже и въ теченіе многихъ лѣтъ содержать «на своемъ коштѣ» ратныхъ людей.

Исключительныя услуги государству и богатство С—выхъ поставили весь родъ

также въ исключительное положеніе, которое при жизни Д. А. и Ѳ. П. было закрѣплено даже въ наиболѣе важномъ государственномъ актѣ,—«Уложеніи» Алексѣя Михаиловича. Въ этомъ «Уложеніи» С—вымъ была посвящена отдѣльная статья,—именно 94, глава X,—которая гласила: «А кто обезчеститъ именитыхъ людей Строгановыхъ, а по суду или сыску сыщется про то до прямя, и имъ правити за безчестье 100 рублей человѣку». Благодаря тѣмъ же обстоятельствамъ, Д. А. и Ѳ. П. пользовались большимъ почетомъ какъ при царскомъ, такъ и при патріаршемъ дворѣ. При коронованіи Алексѣя Михаиловича они поднесли царю «власти и чины»—«кубокъ серебренъ, золоченъ, атласъ на серебреной землѣ, камку кызылбашскую и 40 соболей». Ихъ же всегда извѣщали о всякихъ важныхъ событіяхъ придворной жизни; напр., 31 марта 1661 г. на ихъ имя была послана спеціальная грамота Алексѣя Михаиловича съ извѣстіемъ о рожденіи царевича Ѳедора Алексѣевича. Точно также высокимъ почетомъ пользовались они и при различныхъ торжествахъ, если находились въ Москвѣ; такъ, въ описаніи обѣда у патріарха въ день Петра 1667 г. говорится: «Обѣдъ у патріарха былъ въ Крестовой палатѣ... въ кривомъ столѣ съ боярами сидѣли именитые люди Строгановы—Дмитрій и Данило».

Д. А. умеръ въ 1673 г., въ глубокой старости и погребенъ въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, у полуденныхъ вратъ Соборной церкви; онъ былъ женатъ дважды: первый разъ на кн. *Аннѣ Васильевнѣ Волконской* и второй—на кн. *Аннѣ Ивановнѣ Злобиныхъ*; послѣ себя оставилъ дочь *Пелагею* (умерла вскорѣ послѣ отца и погребена подлѣ него) и сына, извѣстнаго именитаго человѣка *Григорія Дмитріевича*. Ѳ. П. скончался въ 1681 г. и наслѣдниковъ мужского пола не оставилъ (единственный его сынъ *Алексѣй* умеръ еще ребенкомъ). Ему наслѣдовала жена, *Анна Никитишна*, и двѣ дочери—*Екатерина* и *Марѳа Ѳедоровны* (вышли замужъ: первая за Алексѣя Петровича Салтыкова, вторая—за Михаила Тимофеевича Лихачева). Анна Никитишна какъ вотчины, такъ и соляные промыслы содержала въ «весьма хорошемъ присмотрѣ», значительно расширила площадь пахотной и сѣнокосной земли, построила много новыхъ варницъ, замѣнила обветшавшія «росольныя» трубы новыми и привела нѣсколько запущенные промыслы въ лучшее состояніе. «Мужескимъ, а не женскимъ разумомъ пользы свои наблюдала—говоритъ лѣтописецъ—и тѣмъ своимъ добрымъ смотрѣніемъ учинила во всемъ часть свою лучшею». Около 1688 г. двѣ трети своихъ владѣній она передала упомянутому Григорію Дмитріевичу С—ву, который вскорѣ получилъ и остальную треть и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался единоличнымъ владѣльцемъ всѣхъ родовыхъ вотчинъ и имуществъ.

„Дополн. къ Актамъ Историческ.", т. II, стр. 112, 113, 123, 134, 142—144, 145; т. VI, стр. 262—264; т. X, стр. 135.—„Акты Археограф. Экспедиц.", т. IV, стр. 186.—„Исторія о родословіи, богатствъ и отечествен. заслугахъ знаменит. фамиліи гг. Строгановыхъ", „Пермск. Губ. Вѣд.", 1880 г., № 105.—Ѳ. А. Волеговъ, „Историческ. свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ", ibid., 1876 г., №№ 100, 101, 102.—„Журн. Минист. Народн. Просв.", 1839 г., стр. 69. См. также литературу при описаніи рода Строгановыхъ.

Строгановъ, *Иванъ Максимовичъ*, именитый человѣкъ, сынъ Максима Яковлевича, родился въ концѣ XVI вѣка. Имя его вездѣ, гдѣ оно упоминается, встрѣчается рядомъ съ именемъ его младшаго брата *Максима Максимовича*, почему и здѣсь, во избѣжаніе дословныхъ повтореній, о братьяхъ приходится говорить вмѣстѣ. Въ 1620 г. они получили половину владѣній Никиты Григорьевича С., не оставившаго потомства, а спустя годъ или два наслѣдовали также и отцу, который за старостью около этого времени совершенно устранился отъ хозяйственныхъ дѣлъ. Изъ произведенной въ 1623—1624 гг. посланнымъ изъ Москвы чиновникомъ Кайсаровымъ переписи видно, что во владѣніи братьевъ въ это время была ровно половина всѣхъ родовыхъ вотчинъ и имуществъ (другой половиной владѣло потомство Семена Аникіевича), въ которой состояло 2 городка, 45 деревень, 32 починка, 3 церкви, 14 соляныхъ варницъ, 14 лавокъ, 84 мельницы, 525 дворовъ и около 800 взрослыхъ душъ мужского пола, не считая инородцевъ. Неизвѣстно по какимъ причинамъ, но управленіе своими вотчинами братья повели совершенно неудовлетворительно и уже вскорѣ по смерти отца настолько запустили хозяйство, что около 1626 г. принуждены были заложить часть своихъ

земель за 4600 руб. купцамъ Василью Шорвику, Якиму Патокину и Никитникову. Такъ какъ послѣ они не оказались въ состояніи внести залоговой суммы, то за нихъ въ 1639 г. земли были выкуплены дѣтьми Семена Аникіевича, Андреемъ и Петромъ, которые часть, доставшуюся И. М. и Максиму отъ Никиты Григорьевича С., присоединили къ своимъ владѣніямъ, имъ же оставили лишь вотчины, унаслѣдованныя отъ отца. Съ этихъ поръ главное мѣсто по управленію имѣніями занимаетъ сынъ И. М., Даніилъ, своей энергичной дѣятельностью вскорѣ вполнѣ возстановившій пошатнувшіяся дѣла, братья же отступаютъ на задній планъ. Есть извѣстіе, что И. М. будто бы построилъ Орловъ городокъ и Очерскій острожокъ, но оно ошибочно, такъ какъ оба поселенія были основаны еще при ихъ двоюродномъ дядѣ, Никитѣ Григорьевичѣ, первое, впрочемъ, даже при дѣдѣ—Яковѣ Аникіевичѣ. Максимъ Максимовичъ умеръ около 1650 г., не оставивъ потомства. Вся его имущественная часть перешла къ племяннику, Даніилу Ивановичу, который вскорѣ наслѣдовалъ и И. М., скончавшемуся въ 1654 г.

„Акты Историческіе“, т. III, стр. 361.—„Дополн. къ Актамъ Историч.“, т. II, стр. 89—145; т. VI, стр. 266.—„Исторія о родословіи, богатствѣ и отечественныхъ заслуг. знамен. фамиліи гг. Строгановыхъ“, „Пермск. Губ. Вѣд.“, 1880 г., №№ 103, 104.—Ѳ. А. Волеговъ, „Историческ. свѣдѣн. о гг. Строган.“, ibid., 1876 г., № 99, 100.—„Начало великопермскихъ вотчинъ Строгановыхъ и ихъ административная обособленность“, сборн. „Пермская старина“, А. Дмитріева, вып. I, Пермь 1889 г., стр. 126—130.

Строгановъ, *Лука Козьмичъ*, жившій въ XV в., внукъ родоначальника С—выхъ, Спиридона. Изъ «судейскаго списка», напечатаннаго въ «Актахъ Археограф. Экспед.» (т. I, стр. 74), видно, что онъ пользовался правомъ оброка съ большей части Двинской земли, принадлежавшей московскимъ государямъ, и при Іоаннѣ III отыскивалъ свои права на двинскихъ боярахъ, которые, по всей вѣроятности, во время новгородскихъ смутъ присвоили его оброчныя земли, въ составъ которыхъ входили, между прочимъ, Холмогоры, Падринъ Погостъ, Матигорская лука, о. Куръ (родина Ломоносова), Нелокса и др. Въ исторіи удѣльной Руси имя Л. К. связано съ выкупомъ изъ татарскаго плѣна велик. кн. Василія Васильевича Темнаго. Въ грамотѣ, данной 24 марта 1610 г. царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ потомкамъ Л. К., Максиму Яковлевичу С. съ двоюродными братьями, говорится, что одинъ изъ ихъ предковъ,—по позднѣйшимъ изслѣдованіямъ никто иной, какъ Л. К.,—выкупилъ Василія Темнаго «по великому къ нему усердію, знатною суммою денегъ, не жалѣя своихъ пожитковъ». Данныя лѣтописей о времени этого событія не совсѣмъ согласны: большинство ихъ относятъ его къ 1446 г., меньшинство—къ 1445. Остается неизвѣстнымъ, выкупилъ ли С. великаго князя единолично на свои средства или же лишь участвовалъ въ этомъ выкупѣ, который, по выраженію лѣтописца, дорого стоилъ всему московскому государству. Карамзинъ и А. В. Экземплярскій склонны принять первое предположеніе. Точно также расходятся лѣтописи и относительно размѣровъ внесенной суммы. Въ «Никоновской лѣтописи» говорится, что Василій Темный подъ крестнымъ цѣлованіемъ обѣщалъ въ видѣ выкупа дать «сколько можетъ»; въ «Новгородской лѣтописи» указывается: «Царь Махметъ взя на немъ (Василіи) окупа 200.000 рублевъ, а иное Богъ вѣсть»; въ «Псковской»—«Князь великій окупъ посулилъ отъ злата и сребра, и отъ портища всякаго и отъ коней, и отъ доспѣховъ 29.500 руб.» Послѣ себя Л. К. оставилъ единственнаго сына *Ѳедора*.

„Полное Собран. Русск. Лѣтопис.“, т. III, стр. 141; т. IV, стр 213; т. V. стр. 268; т. VI. стр. 172, 277; т. VIII, стр. 114.—Карамзинъ, „Ист. Госуд. Россійск.“, Спб., 1843, изд. Эйнерлинга, т. IX, стр. 222, прим. 652.—А. В. Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси въ татарскій періодъ“, т. II, Спб., 1891 г., стр. 330, прим. 889.—„Акты Археограф. Экспедиціи“, т. I, стр. 74.—„Исторія о родословіи, богатствѣ и отечествен. заслугахъ знаменитой фамиліи гг. Строгановыхъ, сочин. въ 1761 г.“ (неизв. автора), „Пермск. Губ. Вѣдом.“, 1880 г., № 89.—„Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ“, собр. Ѳ. А. Волеговымъ, „Пермск. Губ. Вѣд.“, 1876 г., № 89.—Мальгинъ, „Зерцало россійскихъ государей“, М., 1794 г., стр. 362.—„Ярославск. Губ. Вѣдом.“, 1852 г., № 28.—„Справочн. энциклопед. словарь“ Крайя, т. IX.—„Энциклоп. слов.“ Брокгауза-Ефрона, s. v.—„Русск. энциклоп. словарь“ Березина, т. II, отд. IV, стр. 74.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. II, стр. 307.

Строгановъ, *Максимъ Максимовичъ*—см. вмѣстѣ съ *Иваномъ Максимовичемъ С.*

Строгановъ, *Максимъ Яковлевичъ*— см. вмѣстѣ съ *Никитой Григорьевичемъ С.*

Строгановъ, *Никита Григорьевичъ*, и двоюродный братъ его *Максимъ Яковлевичъ*, дѣти Григорья и Якова Аникіевичей, первые въ родѣ «именитые люди», извѣстны, главнымъ образомъ, тѣмъ, что призвали къ себѣ на службу волжскихъ казаковъ во главѣ съ Ермакомъ и снабдили ихъ средствами для похода въ Сибирь. При жизни родителей они играли подчиненную роль, послѣ же ихъ смерти продолжали совмѣстно управлять пермскими землями вплоть до 1579 г., когда вмѣстѣ съ дядей, *Семеномъ Аникіевичемъ*, жившимъ въ Сольвычегодскѣ, рѣшили подѣлить всѣ имущества, находившіяся до тѣхъ поръ у нихъ въ общемъ владѣніи. По ихъ просьбѣ, для утвержденія раздѣла и уверстанія каждой части оброкомъ, изъ Москвы былъ присланъ «сотной писецъ» Иванъ Яхонтовъ, впервые приведшій въ нѣкоторую извѣстность для московскаго правительства строгановскія владѣнія. Изъ его описи, извѣстной подъ именемъ «Сотной книги» (подлинникъ ея въ 1626 г. сгорѣлъ во время пожара въ Новгородѣ, сохранились лишь списки, частью опубликованные, но едва ли полные и вполнѣ сходные съ оригиналомъ), видно, что къ этому времени въ пермскихъ владѣніяхъ С—выхъ состояло 4 городка, 11 деревень, 28 починковъ, 1 мельница, 352 двора, людей взрослыхъ мужского пола 758 душъ, земли пахотной 4329 четвертей, лѣсу пашеннаго 677 четв., сѣна—17,669 «копенъ» («копна»—земельная мѣра, равная $^1/_{10}$ десятины). Всего же земли, на основаніи жалованныхъ грамотъ, къ этому моменту во владѣнія С—выхъ числилось свыше 8 милліоновъ десятинъ. По этому раздѣлу двѣ части имущества поступили въ общее владѣніе и пользованіе Семена и М. Я; они получили: земли по Камѣ протяженіемъ свыше 100 в., по Чусовой — 20 в., по Сылвѣ — 40 в. и др., 3 городка, 2 острожка, 8 деревень, 21 починокъ, 1875 десят. пахотной земли и свыше 10 тысячъ «копенъ» сѣна; остальная треть досталась отдѣльно Н. Г. и состояла изъ земель, лежавшихъ главнымъ образомъ по той же Камѣ, отъ р. Пыскорки до рр. Инвы и Косвы, протяженіемъ на 74 в., съ городкомъ Орелъ, 3 деревнями, 4 починками и пр.; подобнымъ образомъ были подѣлены и сольвычегодскія владѣнія. Послѣ раздѣла М. Я. поселился въ Чусовскомъ городкѣ, Н. Г.— въ Орлѣ, а Семенъ продолжалъ оставаться въ облюбованномъ имъ Сольвычегодскѣ.

Сольвычегодскія владѣнія С—выхъ, находясь въ относительно мирномъ уголкѣ Россіи, были въ сравнительной безопасности отъ нападеній и грабежей со стороны полудикихъ инородцевъ. Наоборотъ, пермскія ихъ земли въ этомъ отношеніи были поставлены въ гораздо болѣе неблагопріятныя условія; окруженныя со всѣхъ сторонъ инородцами, даже въ значительной степени населенныя ими, обрѣтаясь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ неспокойной Сибирью, онѣ неоднократно подвергались уже и раньше набѣгамъ какъ со стороны ближайшихъ туземныхъ племенъ, которыхъ С—вы постепенно вытѣсняли и ограничивали въ пользованіи природными богатствами края, такъ и со стороны людей сибирскаго хана Кучума, который близость С—выхъ и возводившіяся ими укрѣпленія могъ разсматривать какъ угрозу цѣлости его владѣній. Надъ обезпеченіемъ безопасности пермскихъ земель М. Я. и Н. Г. должны были серьезно призадуматься. Въ ихъ распоряженіи были значительные запасы боевыхъ средствъ, заготовленные еще ихъ родителями, но ощущался большой недостатокъ въ людяхъ, способныхъ къ ратному дѣлу. И вотъ въ концѣ 1578 г. братья прослышали, что по Волгѣ и Хвалынскому (Каспійскому) морю подвизается шайка казаковъ, своими грабежами иностранныхъ и русскихъ купцовъ, даже царскихъ пословъ (напр., русскаго посла въ Персію—Карамышева) навлекшая на себя гнѣвъ Іоанна и подвергавшаяся вслѣдствіе этого преслѣдованію царскихъ воеводъ. М. Я. и Н. Г. задумали воспользоваться для своихъ цѣлей услугами именно этой шайки. Весною 1579 г. они послали на Волгу къ Ермаку Тимофеевичу, Ивану Кольцо, Никитѣ Пану, Якову Михайлову, Матвѣю Мещеряку и др. главарямъ атаманства «вѣрнѣйшихъ своихъ служителей» съ предложеніемъ поступить къ нимъ, С—вымъ, на «службу честную». Въ посланной ими казакамъ «ласковой» грамотѣ, датированной 6 апрѣля 1579 г., М. Я. и Н. Г. убѣждали ихъ «быть не разбойниками, а воинами царя Бѣлаго и... примириться съ Россіей». «Имѣемъ крѣ-

пости и земли — писали они дальше—но мало дружины; идите къ намъ оборонять Великую Пермь и восточный край христіанства» (Карамзинъ, т. IX, стр. 224). Какъ извѣстно, казаки приняли это предложеніе и осенью того же года, «на самомъ рѣкъ заморозьѣ», подымаясь вверхъ по Волгѣ, Камѣ и Чусовой, прибыли къ С—вымъ въ числѣ 540 человѣкъ. Число это, впрочемъ, въ лѣтописныхъ указаніяхъ весьма сильно варьируетъ: въ то время какъ Есиповская и Строгановская лѣтописи въ полномъ согласіи называютъ 540, Ремезовская повышаетъ его до 6000 челов., что совсѣмъ невѣроятно. Точно также лѣтописныя указанія, а вслѣдъ за ними и мнѣнія изслѣдователей расходятся и по вопросу о томъ, былъ ли Ермакъ дѣйствительно приглашенъ С—выми или же, убѣгая отъ преслѣдованія царскихъ воеводъ, самъ пришелъ къ нимъ. Извѣстное основаніе для второго предположенія можно найти въ той же Есиповской лѣтописи, въ которой повѣствуется: «Побѣгоша казаки (преслѣдуемые царскими воеводами) вверхъ по Волгѣ... и дойдоша до Камы, и Камою до устья Чусовой, на ней же Строгановы вотчины и русскія люди живуще»... Противоположное предположеніе опирается на упомянутую въ текстѣ «ласковую» грамоту, въ его же пользу опредѣленно высказывается Строгановскій лѣтописецъ, наконецъ въ царской грамотѣ на имя одного изъ позднѣйшихъ представителей рода С—выхъ прямо сказано: «Предки его призвали съ Волги атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарыщи, въ свои вотчины»... Возможно, что М. Я. и Н. Г., призывая опальныхъ казаковъ и боясь гнѣва Іоанна, старались держать этотъ поступокъ по возможности втайнѣ, почему онъ, можетъ быть, и остался для нѣкоторыхъ лѣтописцевъ неизвѣстнымъ. Что дѣлали казаки у С—выхъ въ первый годъ по прибытіи, не вполнѣ ясно. Нѣкоторые источники утверждаютъ, что они будто бы сражались съ вогуличами, напавшими на пермскія земли С—выхъ, но это совершенно невѣроятно, такъ какъ разумѣющееся здѣсь нападеніе произошло уже послѣ отплытія Ермака въ Сибирь. Историкъ Миллеръ полагаетъ, что въ теченіе перваго года они занялись распашкой необработанныхъ земель, приведя въ годное для хлѣбопашества состояніе одинъ изъ береговъ Чусовой на протяженіи 70 верстъ. Это предположеніе, по крайней мѣрѣ во всемъ его объемѣ, также слишкомъ гипотетично и маловѣроятно.

Лѣтомъ 1580 г. Ермакъ, снабженный со стороны М. Я. и Н. Г. стругами, пушками, пищалями, порохомъ и пищевыми припасами, по рѣкѣ Чусовой открылъ свой походъ на Сибирь. Большинство изслѣдователей сходятся на томъ, что первая попытка Ермака дойти до Сибири была неудачна; вслѣдствіе отсутствія опытныхъ проводниковъ, онъ запутался и заблудился въ дебряхъ рѣки Чусовой и ея притоковъ, долженъ былъ перезимовать на рѣкѣ Сылвѣ, а ранней весною возвратился къ С—вымъ въ Чусовскій городокъ. Второй разъ, уже удачно, онъ выступилъ въ походъ тою же весною. Какъ бы то ни было, начало похода пріурочивается обыкновенно къ 1581 г. Вопросъ о томъ, принадлежала ли иниціатива похода М. Я. и Н. Г. или самому Ермаку, остается въ исторической литературѣ до извѣстной степени спорнымъ. Анонимный авторъ обстоятельнаго очерка о родѣ С—выхъ на основаніи разныхъ семейныхъ документовъ категорически утверждаетъ, что М. Я. и Н. Г., храня еще завѣты своего дѣда Аники и будучи отлично освѣдомлены о шаткомъ положеніи дѣлъ въ Сибири, объ относительной беззащитности страны и плохомъ вооруженіи жителей, — не только были иниціаторами похода, но даже, встрѣчая будто бы противодѣйствіе если не со стороны Ермака, то его нѣкоторыхъ товарищей, принуждены были настойчиво убѣждать казаковъ въ необходимости и пользѣ этого дѣла. Мнѣніе, что именно С—вы пришли къ этой мысли, раздѣляется и Карамзинымъ, который пишетъ, что они, «испытавъ бодрость, мужество и вѣрность казаковъ, узнавъ разумъ, великую отвагу и рѣшительность главнаго вождя», организовавъ еще собственную дружину изъ русскихъ, татаръ, литвы и ливонцевъ, наконецъ, изготовивъ всѣ необходимые припасы,—«объявили походъ, Ермака воеводою и Сибирь цѣлью». Такое заключеніе вполнѣ вѣроятно, особенно если принять во вниманіе происшедшій въ 1573 г. набѣгъ брата Сибирскаго хана Кучума—Маметкула, постоянную угрозу цѣлости владѣній со стороны зауральскаго сосѣда и естественное желаніе С—выхъ уничтожать зло въ корнѣ. Сторонники обратнаго мнѣнія указываютъ главнымъ образомъ

на то, что М. Я. и Н. Г. нужна была защита на мѣстѣ, и помышлять о далекомъ походѣ, когда собственныя земли оставались безъ защиты, они не могли. Такъ или иначе, были ли С—вы иниціаторами похода или нѣтъ, но заслуги ихъ въ этомъ дѣлѣ и безъ того чрезвычайно велики, ибо они, обезпечивъ Ермака необходимыми продуктами и давъ ему многихъ людей, такъ какъ казаковъ для серьезнаго похода было недостаточно, тѣмъ самымъ осуществили чрезвычайно важныя условія, безъ которыхъ немыслимъ никакой военный успѣхъ. Помимо вооруженія въ видѣ пушекъ, пищалей и пр., М. Я. и Н. Г. къ 540 казакамъ Ермака присоединили еще 300 собственственныхъ ратниковъ (по инымъ свѣдѣніямъ, даже 1096 человѣкъ), выдали на всѣхъ свыше 60 пудовъ пороху и свинцу, 2500 пудовъ ржаной муки, 1600 пудовъ крупъ и толокна, 800 пудовъ сухарей, 200 пудовъ масла коровьяго, 400 «полтей» ветчины, дали толмачей, проводниковъ, знамена, наконецъ средства передвиженія по водному пути—большіе «струги». Все снаряженіе имъ обошлось по тогдашнему счету около 20,000 рублей, что было подъ силу только имъ и поставило бы въ затрудненіе даже московское правительство. Фактическая сторона приведенныхъ указаній подтверждается и упомянутой выше царской грамотой, гдѣ говорится, что М. Я. и Н. Г. «на помощь ему, Ермаку въ товарищи, ратныхъ многихъ людей наймовали и всему войску помощь чинили, и деньги, и платье, и боевое ружье, и порохъ, и свинецъ, и всякій запасъ къ воинскому дѣлу изъ своихъ пожитковъ давалъ и дворовыхъ людей съ ними посылали, и тою службою, радѣніемъ и посылкою Сибирское государство взяли и татаръ и остяковъ и вогуличъ подъ нашу (царскую) высокую руку привели». Посылка опальныхъ казаковъ въ Сибирь была совершена безъ вѣдома государя, за что послѣ М. Я. и Н. Г. получили отъ него гнѣвную грамоту, хотя формально они были правы, такъ какъ по даннымъ еще предкамъ ихъ грамотамъ они могли ходить войною на сибирскихъ владѣтелей безъ особаго на каждый разъ царскаго разрѣшенія.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Ермака, осенью того же 1581 г. на пермскія владѣнія С—выхъ было совершено неожиданное нападеніе со стороны пелымскаго князька Бехбелея Ахтанова, который, предводительствуя значительнымъ отрядомъ вогульцевъ, сжегъ и разорилъ нѣсколько деревень и починковъ. Указанная ниже грамота отъ 16 ноября 1583 г. утверждаетъ, что Бехбелей не встрѣтилъ никакого сопротивленія, но большинство изслѣдователей принимаетъ за доказанное, что на обратномъ пути его настигли М. Я. и дядя его Семенъ, разбили его толпы, многихъ изъ его людей забрали въ плѣнъ и чуть не захватили самого Бехбелея. Въ этой погонѣ Н. Г. почему-то участвовать отказался, за что на него М. Я. и Семеномъ была принесена царю жалоба; въ результатѣ ея получилась изъ Москвы грамота, въ которой Н. Г. дѣлается строгій выговоръ и повелѣвается на будущее время не оставлять въ такихъ случаяхъ родичей безъ помощи. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Москвы же былъ посланъ въ Чердынь намѣстнику Перми Великой князю Елецкому приказъ высылать, по требованію С—выхъ, на помощь имъ служилыхъ людей, а нѣсколько позже (20 декабря 1582 года) старостамъ, цѣловальникамъ и земскимъ людямъ въ Перми Великой и Усольѣ Каменномъ разослано посланіе не препятствовать С—вымъ набирать охочихъ и вольныхъ казаковъ для обороны края. Въ 1582 году Бехбелей съ отрядомъ остяковъ и вогуличей повторилъ свой набѣгъ; обрушившись сначала на Орелъ-городокъ, но не будучи въ состояніи сломить его сопротивленія, онъ отступилъ и сталъ грабить окрестности, причемъ захватилъ «добычу не малую». На этотъ разъ къ ратникамъ Семена и М. Я. присоединилъ своихъ людей и Н. Г., и всѣ они соединенными силами настигли Бехбелея въ какомъ то ущельѣ. Произошелъ ожесточенный бой, длившійся цѣлый день; результатомъ было полное пораженіе Бехбелея, который и самъ попалъ въ плѣнъ, гдѣ отъ полученныхъ тяжелыхъ ранъ вскорѣ скончался.

Призывъ С—выми Ермака и его походъ въ Сибирь, а также двукратный набѣгъ вогуличей стали извѣстны въ Москвѣ только лѣтомъ 1583 г.; объ этомъ донесъ туда чердынскій воевода, Василій Пелепелицынъ, освѣтивъ все дѣло съ самой неблагопріятной стороны для

С—выхъ, обвинивъ ихъ въ самовольныхъ дѣйствіяхъ. Вслѣдствіе этого доноса на имя М. Я. и Н. Г. Іоанномъ была послана гнѣвная грамота отъ 16 ноября 1583 г. Упоминая, со словъ Пелепелицына, о томъ, что С—вы, давъ Ермаку своихъ людей, оказались будто бы не въ состояніи защищаться отъ нападеній Бехбелея и позволили ему многое разорить, пожечь и разграбить, Іоаннъ продолжаетъ: «... И то сдѣлалось вашею измѣною: вы вогуличей, и вотяковъ, и пелымцевъ отъ нашего жалованія отвели, и войною на нихъ приходили; да тѣмъ задоромъ съ сибирскимъ салтаномъ ссорили насъ; а волжскихъ атамановъ къ себѣ призвавъ, воровъ наняли въ свои остроги, безъ нашего указу... Ермакъ съ товарыщи пошли воевать вогуличь, и остяковъ, и татаръ, а Перми ничѣмъ не пособили, и то все сталося вашимъ воровствомъ и измѣною; и вы бъ тѣхъ казаковъ въ тѣ поры въ войну не посылали, а послали ихъ и своихъ людей нашія земли пермскія оберегать»...; когда же вернутся казаки изъ похода, «вы бы ихъ тотчасъ въ Чердынь послали, а у себя ихъ не держали». Если же этого не будетъ—заканчивается грамота—то «въ томъ на васъ опалу положимъ большую, а атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшати».

Эта гнѣвная грамота, по свидѣтельству лѣтописца, сильно напугала М. Я. и Н. Г. Но почти непосредственно вслѣдъ за нею они получили отъ Ермака, который имѣлъ уже нѣсколько удачныхъ сраженій, самыя утѣшительныя извѣстія о походѣ и съ ними поѣхали въ Москву оправдываться. Тамъ они изложили Іоанну исторію похода «во всѣхъ подробностяхъ», разсказали объ успѣхахъ и завоеваніяхъ Ермака и просили «взять подъ высокую руку» новыя земли. Къ тому же времени подоспѣлъ въ Москву и посланный Ермакомъ Иванъ Кольцо. Слѣдствіемъ блестящихъ и неожиданныхъ успѣховъ похода «на Москвѣ веселіе было зѣло». На помощь Ермаку былъ посланъ съ ратниками воевода кн. Семенъ Дмитріевичъ Болховской, котораго С—вы въ началѣ 1584 г. снабдили пищей и ладьями для перевозки людей. Для «истинныхъ же виновниковъ столь важныхъ пріобрѣтеній» (Карамзинъ), т. е. для С—выхъ, за ихъ «службу и радѣніе» гнѣвъ былъ смѣненъ на милость, и они, въ ея доказательство, были пожалованы правомъ безпошлинной торговли во вновь завоеванныхъ земляхъ.

Въ 1584 г. М. Я. и его дядя Семенъ подѣлили между собою находившіяся со времени раздѣла 1579 г. въ ихъ общемъ владѣніи земли и имущества. М. Я. получилъ мѣста по правому берегу Чусовой, оба берега Камы, выше устья Чусовой, правый ея берегъ, ниже Чусовой, оба берега Яйвы и расположенные на этихъ земляхъ городки, острожки, деревни, починки, соляныя варницы и пр. Семенъ получилъ во всемъ остальную половину, составившуюся, главнымъ образомъ, изъ лѣваго берега Чусовой, лѣваго берега Камы ниже Чусовой, обоихъ по р. Сылвѣ и пр. Вмѣстѣ съ этимъ они раздѣлили и сольвычегодскія имѣнія, а также «верстали казака противъ казака», т. е. подѣлили между собою поровну населявшихъ ихъ владѣнія людей. Въ общемъ пользованіи племянника и дяди остался только небольшой участокъ, при которомъ находились «пожни» и руда,—уже въ это время они занимались плавкой желѣза въ размѣрахъ, необходимыхъ для удовлетворенія хозяйственныхъ надобностей. Письменное условіе этого раздѣла сохранилось и донынѣ и носитъ названіе «дѣловой» или «полюбовнаго соглашенія».

Около 1588 г. у Н. Г. былъ отнятъ Орелъ-городокъ, чрезъ который проектировалось провести большую дорогу на Сибирь, но грамотой 1591 г. онъ былъ отданъ Н. Г. обратно. Нѣкоторыя выраженія этой грамоты даютъ поводъ думать, что городокъ былъ взятъ не столько для государственныхъ надобностей, сколько потому, что Н. Г. въ это время, неизвѣстно по какимъ причинамъ, находился въ опалѣ.

Вступившій въ 1584 г. на престолъ Өеодоръ Іоанновичъ не только подтвердилъ грамоты, данныя С—вымъ его отцомъ, но за услуги, оказанныя ими при покореніи Сибири, 7 апрѣля 1597 г. пожаловалъ Н. Г. обширными землями «ниже Великія Перми (т. е. Чердыни)..., по Камѣ-рѣкѣ (правой сторонѣ) полтретьяста верстъ, и отъ казаки полосемаста верстъ», съ притоками, островами, лѣсами и пр., площадью всего въ 586,380 десятинъ, разрѣшивъ ему строить тамъ острожки, варить соль и давъ 15-лѣтнюю льготу отъ платежа всякихъ повинностей. На р. Очерѣ Н. Г. построилъ

ерскій острожокъ, основалъ селеніе Охань (нынѣ г. Оханскъ) и монастырь подъ именемъ «Оханской Богородской пустыни», сталъ населять новыя земли «неписьменными» и «нетяглыми» людьми, а также плѣнными инородцами, приводя послѣднихъ въ христіанство, а въ 10 верстахъ отъ Орла, найдя богатыя соляныя залежи, поставилъ соляныя варницы и положилъ основаніе городку Новое Усолье. 12 марта 1599 г. всѣ пожалованныя С—вымъ грамоты были подтверждены царемъ Борисомъ.

Еще въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича М. Я. и Н. Г. стали принимать участіе своими вооруженными силами въ поддержаніи престижа Московскаго государства не для своихъ личныхъ цѣлей, а по просьбамъ изъ Москвы: такъ, напр., М. Я., по полученіи грамоты отъ 28 мая 1591 г., принялъ мѣры предосторожности противъ «злоумышленниковъ Нагого», а Н. Г., исполняя просьбу, выраженную въ грамотѣ отъ 5 іюня 1598 г., отправилъ къ воеводѣ Никитѣ Трахaніотову 50 пѣшихъ и 50 конныхъ ратниковъ для присоединенія ихъ къ силамъ, готовившимся противъ сибирскаго князя. Но истинно неоцѣнимыя услуги какъ ратными людьми, такъ и особенно денежными средствами оказали двоюродные братья государству въ смутную эпоху. Въ это время, когда въ «казнѣ царской деньгами такой недостатокъ былъ, что займованы были деньги какъ въ Москвѣ, такъ и по городамъ, у разнаго чина людей, и дано было изъ казны, подъ образомъ закладу, золотая и серебряная посуда, жемчугъ и др. вещи»,—М. Я. и Н. Г. «деньгами и пожитками своими государю служили и помоществовали своими людьми, куда онъ, государь, послать въ помощь укажетъ».

Грамотой отъ 19 іюня 1608 г. Шуйскій просилъ М. Я. и Н. Г. кромѣ данныхъ уже раньше 1000 руб. выслать еще, обнадеживая ихъ царскимъ словомъ, что деньги будутъ возвращены, «радѣніе» же С—ыхъ забыто не будетъ, и въ доказательство этого другой грамотой отъ того же года жаловалъ ихъ, - «ни ихъ самихъ, ни дѣтей ихъ, ни крестьянъ ихъ ни въ чемъ не судить... безъ царскаго указа, не ставить къ нимъ постояльцевъ во дворы», позволилъ «питье про себя держать безъявочно, у вѣры (присяги) имъ самимъ не ставиться и во всѣхъ городахъ и по ямамъ подводъ у нихъ не имать». Около этого времени на имя М. Я. было получено письмо отъ знаменитаго боярина Скопина-Шуйскаго, въ которомъ послѣдній писалъ: «... Ратнымъ людямъ иноземцамъ наемнымъ дать нечего, въ государевой казнѣ денегъ мало, а государь отъ воровъ на Москвѣ сидитъ въ осадѣ... и вы, Строгановы, на наемъ ратныхъ людей къ нему въ полки денегъ бы послали скоро...», а вслѣдъ за этимъ отъ самого царя получилась на имя братьевъ грамота съ просьбой дать еще взаимообразно денегъ и съ обѣщаніемъ возвратить ихъ и «великую царскую милость» оказать. На оба посланія С—вы отвѣтили посылкой значительной суммы, въ то же время извѣстивъ великопермскихъ воеводъ, что они вооружаются и «государевы доходы у себя съ посаду и уѣзду сбираютъ и государю царю и великому князю посылаютъ». По просьбѣ царя Шуйскаго отъ 26 января 1609 г. М. Я. и Н. Г. послали отрядъ изъ своихъ людей въ Даниловскую слободу для обороны отъ новаго Лжедимитрія. Изъ челобитной устюжанъ видно, что въ томъ же году С—вы вошли съ ними въ соглашеніе стоять противъ самозванцевъ. За эту «службу и радѣніе» царь Василій Ивановичъ въ грамотѣ отъ 4 августа 1609 г. изъявилъ братьямъ благодарность съ обѣщаніемъ пожаловать ихъ особо, «когда гнѣвъ Божій въ государствѣ минется». Наконецъ въ 1610 г. отъ того же царя была вновь получена грамота, въ которой подробно мотивируется просьба денегъ. «Всемірнаго ради грѣха—говорилось въ ней,—а по заводу литовскихъ людей воры русскіе люди, совокупясь съ литовскими людьми... многіе города и волости смутили... и многимъ людямъ разореніе и грабежи, и убійства, и плѣнъ, и расхищеніе учинили, а которые бояре и дворяне, всякіе служивые люди въ осадѣ сидѣли и всякую нужду и голодъ претерпѣвали... и наше имъ жалованье давано деньгами, золотыми, и жемчугомъ, и платьемъ, и рухлядью, и въ томъ наша казна истощила,—а какъ сія наша грамота придетъ, и вы бъ памятовали къ себѣ наше жалованье и свою прежнюю службу и радѣніе, насъ ссудили, дали намъ въ заемъ денегъ, чѣмъ бы намъ служивыхъ людей пожаловать, чтобъ.... бояръ нашихъ и дворянъ, и служивыхъ людей къ намъ пря-

мою службою и вашимъ споможенiемъ литовскихъ людей и русскихъ воровъ одолѣли; какiя милости отъ Бога сподоблены будете и отъ насъ великое жаловапье прiймите, и отъ всѣхъ людей похвалу получите... а вы только ссудите не малыми деньгами—тысячъ съ десять». И на эту грамоту братья отвѣтили посылкой «многотысячной суммы». Что богатство С—выхъ въ это время могло служить источникомъ для внутреннихъ, такъ сказать, займовъ, видно, между прочимъ, изъ отзыва англiйскаго посла Флетчера, который еще нѣсколько раньше писалъ, что «между купцами славились богатствомъ одни братья Строгановы, имѣя до 300,000 (около 2¼ мил. по нынѣшнему счету) рублей наличными деньгами, кромѣ недвижимаго состоянiя; что у нихъ было множество иноземныхъ мастеровъ на заводахъ, нѣсколько аптекарей и медиковъ, десять тысячъ людей вольныхъ и пять тысячъ крѣпостныхъ, употребляемыхъ для варенiя и развоза соли, рубки лѣсовъ и воздѣлыванiя земли; что они ежегодно платили царю 23,000 рубл. пошлины, но что правительство, требуя болѣе и болѣе, то подъ видомъ налога, то подъ видомъ займа, раззоряло ихъ безъ жалости».

27 декабря 1610 г. Шуйскiй пожаловалъ Н. Г. и М. Я. (и сына умершаго Семена—Петра) важной грамотой. За «вѣрныя и непоколебимыя службы» и за то, «что во время Московскаго раззоренiя и смуты... отъ государя не отступили и во всемъ ему, великому государю, служили и прямили, многихъ ратныхъ людей на государеву службу противъ измѣнниковъ посылали, къ нимъ не приставали, а Поморскiе, Пермскiе и Казанскiе городы отъ шаткости укрѣпляли», наконецъ, за то, «что отъ нихъ въ Коломнѣ, и Рязани, и Владимiрѣ, взято въ казну много денегъ»,—за все это царь (увѣдомляя ихъ, что онъ въ Москвѣ здравствуетъ, и бояре и всѣ московскiе люди служатъ ему вѣрно) пожаловалъ ихъ званiемъ *именитыхъ людей* и правомъ писаться и называться полнымъ отчествомъ, съ *вичемъ* (окончанiе, какъ знакъ достоинства присвоенное въ то время только боярамъ и окольничимъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ ко всѣмъ приказнымъ людямъ на Уралѣ было разослано повелѣнiе выдать С—вымъ на нужду солеваренiя денегъ, «сколько имъ будетъ надобно».

Въ 1616 г. неожиданно разразилось возмущенiе среди казанскихъ татаръ; съ приставшими къ нимъ чувашами, черемисами, вотяками и башкирцами они, «собравшись великимъ скопомъ», напали на Казань, Сарапуль и Оссу, многихъ жителей избили и въ плѣнъ забрали. Опасаясь, чтобы и ихъ люди не послѣдовали примѣру возставшихъ, М. Я. и Н. Г., вмѣстѣ съ дѣтьми Семена—Андреемъ и Петромъ, организовали изъ своихъ и наемныхъ людей сильный отрядъ и, не дожидаясь царскаго разрѣшенiя, двинулись навстрѣчу толпамъ возставшихъ. Послѣ ряда кровопролитныхъ стычекъ взбунтовавшiеся были разбиты, причемъ многiе изъ нихъ попали въ плѣнъ. За подавленiе мятежа особой царской грамотой С—вымъ была выражена царская благодарность. Въ числѣ плѣнныхъ оказались многiе инородцы, числившiеся въ качествѣ людей С—выхъ, и за нихъ вины послѣднiе весьма жестоко расправились со всѣми тѣми племенами, къ которымъ принадлежали плѣнные, разоривъ ихъ жилища и многихъ казнивъ.

Въ 1620 г. умеръ Н. Г., не оставивъ потомства (не былъ женатъ). О немъ слѣдуетъ еще упомянуть, что, будучи очень набожнымъ человѣкомъ, онъ построилъ много церквей и нѣсколько монастырей, которымъ далъ земли и часто дарилъ богатую утварь. Его часть имущества была раздѣлена на двѣ равныя части, одна изъ которыхъ поступила въ общее владѣнiе дѣтей Семена (Андрея и Петра), а другая досталась сыновьямъ М. Я. (также Максиму и Ивану). Самъ М. Я. ко времени смерти Н. Г. или вскорѣ послѣ этого за старостью почти совершенно устранился отъ веденiя хозяйства. Впрочемъ, будучи уже не у дѣлъ, онъ высмотрѣлъ на р. Чусовой очень богатое солью мѣсто и велѣлъ поставить тамъ варницы. Когда онъ умеръ, въ точности неизвѣстно, вѣрнѣе всего—между 1621—1623 гг., хотя въ нѣкоторыхъ изслѣдованiяхъ указывается даже 1638 г. Ему наслѣдовали сыновья *Иванъ* и *Максимъ*; третiй сынъ, *Владимiръ*, умеръ еще при его жизни.

„Акты Историч.", т. II, стр. 144, 163, 165, 223, 254, 299—300, 324; т. III, стр. 63, 86, 166, 361, 457—458.—„Дополн. къ Акт Историч.", т. I, стр. 182—185, 230—231; т. II, стр. 89, 145; т. VI, стр. 262.—„Акты Археогр. Экспедиц.", т. I, стр. 422; т. II, стр. 190, 200, 206; т. III, стр. 2, 4, 7, 105—106, 113.—„Полное Собр. Го-

уд. Грамотъ и Договоровъ“, т. II, стр. 385—87.—„Исторія о родословіи, богатствѣ и отечествен. заслугахъ знаменитой фамиліи гг. Строгановыхъ“, „Пермск. Губ. Вѣдом.“, 1880 г., №№ 97, 98, 99, 100, 101.—Ѳ. А. Волеговъ, „Историческ. свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ“, ibid., 1876 г., №№ 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99.—Его же, „Истор.-статистич. таблицы на пермскія имѣнія гг. Строгановыхъ съ 1558 по 1850 г.“, „Памятная книжка Пермской губ. на 1889 г.“.—Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей“, ч. 5, М., 1839 г., стр. 109—112.—Карамзинъ, „Истор. Госуд. Росс.“, изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. IX, стр. 219, 224—226, 233—235, прим. 664—668, 670, 676, 703, 704; т. X, стр. 140.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Общ. Польза“, кн. II, стр. 315—319, 335—344, 632, 639.—Щербатовъ, „Исторія Россіи“.—Г. Ѳ. Миллеръ, „Сибирская исторія“, Спб., 1787 г., стр. 94—Эйріе, „Живописное описаніе Азіи“, пер. Корша, Спб., 1839 г., т. 2, стр. 43.—Jdes, Voyages au Nord“, v. VIII, p. 24.—Протопоповъ, „Топографич. описаніе города Соль-Вычегодска“, изд. 1813.—„Пермскія лѣтописи“, изд. В. Шишонко, т. I, стр. 120—121.—„Писцовыя книги Мих. Кайсарова“, изд. 1872 г. Шишонко.—„Ермакъ на Бузанѣ-островѣ“, Русск. Вѣстн.“, 1808 г., ч. 4.—А. И. Дмитріевъ, „Пермская старина“, вып. 1, Пермь 1889 г.: „Поступное письмо Якова, Григорія и Семена Аникіевичей Строгановыхъ Пыскорскому монастырю“.—Его же, „Великопермскія вотчины Строгановыхъ“, ibid., вып. 2, Пермь, 1892 г.—Его же, „Строгановы и Ермакъ“, ibid., вып. 5, Пермь, 1894 г.—Его же, „Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири“, Журн. Мин. Народн. Просв.“, 1894 г., №№ 1 2.—Н. Г. Устряловъ, „Строгановы—именитые люди“, Спб., 1842 г.—Н. Н. Новокрещенныхъ, „Участіе Строгановыхъ въ поступательномъ движеніи Русскаго госуд. на востокъ въ XVI в.“, Пермь, 1892 г.—„Сибирскія лѣтописи“, изд. В. Г. Спасскимъ, Спб., 1821 г.—„Ремезовская (Кунгурская) лѣтоп.“, арх. компт. — Небольсинъ, „Покореніе Сибири“.—Катанаевъ, „О Ермакѣ и его сибирскомъ походѣ“, „Записки Зап.-Сибирск. отд. Импер. Рос. географ. о-ва“, кн. XV, Омскъ, 1893 г.—„Энциклоп. слов.“ Крайя, т. , стр. 573—574.—„Русск. энц. словарь“ Березина, т. II, отд. IV, стр. 316.—„Энциклоп. словарь“ Брокгауза-Ефрона, полут. 62., s. v.

Строгановъ, *Николай Григорьевичъ*, баронъ, тайный совѣтникъ, второй сынъ именитаго человѣка Григорія Дмитріевича С., родился 2 октября 1700 г. въ Воронежѣ, гдѣ въ это время находились его родители, а также и Петръ Великій, наблюдавшій за постройкой флота. Воспріемникомъ мальчика былъ самъ царь, который сдѣлалъ новорожденному щедрый подарокъ въ видѣ обширныхъ земель по р. Обвѣ, Иньвѣ и Косвѣ. Въ 1724 г. вышелъ указъ Петра I о томъ, чтобы помѣщики, въ вотчинахъ которыхъ находятся бѣглые крестьяне, поспѣшили возвратить ихъ прежнимъ владѣльцамъ, подъ угрозой платежа послѣднимъ пожилыхъ денегъ за всѣ годы проживанія у нихъ чужихъ крѣпостныхъ. Такъ какъ въ вотчинахъ Н. Г. и его братьевъ Александра и Сергѣя нашли пріютъ себѣ не мало бѣглыхъ отъ другихъ помѣщиковъ, и новый указъ грозилъ большими денежными проторями, то С., по совѣту съ братьями, рѣшилъ поѣхать въ пермскія владѣнія, чтобы самолично произвести ревизію въ данномъ отношеніи. Туда онъ прибылъ въ 1725 г. со свойственникомъ Аѳанасіемъ Извѣковымъ. По неопытности или другимъ причинамъ, но С., послѣ тщательной переписи крестьянъ, детальнаго домашняго слѣдствія, сличенія устныхъ показаній съ документами, разспросовъ свѣдущихъ лицъ и старожиловъ и пр., нашелъ бѣглыхъ помѣщичьихъ людей всего нѣсколько душъ (вообще гораздо больше, но почти всѣ они были признаны государственными крестьянами, за которыхъ помѣщики отвѣтственности не подвергались). Впослѣдствіи оказалось однако, что ихъ на самомъ дѣлѣ было значительно больше, но они или были утаены администраціей имѣній или же сами скрывали имена своихъ прежнихъ господъ, возвращаться къ которымъ не имѣли никакой охоты, тѣмъ болѣе, что у С—ыхъ крестьянамъ въ общемъ жилось довольно сносно. Какъ бы то ни было, С—ымъ пришлось уплатить за нихъ «не малыя деньги». Въ 1726 г. Н. Г. женился на Прасковьѣ Ивановнѣ Бутурлиной. Въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ супругой и тѣмъ же Извѣковымъ вновь ѣздилъ въ пермскія вотчины для установленія денежныхъ и хлѣбныхъ оброковъ съ крестьянъ, урегулированія промысловыхъ работъ и вопроса о расположеніи при селахъ владѣльческихъ пашни и сѣнныхъ покосовъ; все это было имъ исполнено «точію со льготами» для крестьянъ. Елизавета Петровна пожаловала его сначала въ «штатскіе», затѣмъ въ тайные совѣтники, а также орденами Александра Невскаго и св. Анны. Скончался С. въ іюнѣ 1758 г., оставивъ трехъ сыновей, *Григорія*, *Александра* и *Сергѣя*, и трехъ дочерей: *Марію*, вышедшую замужъ за графа Мартына Карловича Скавронскаго и тѣмъ самымъ породнивъ С—выхъ съ царствующимъ Домомъ,

Анну (род. 2 іюня 1734, ум. 1 марта 1813 г.), за кн. Михаиломъ Ивановичемъ Долгоруковымъ, и *Софію* (род. 29 сентября 1736 г., ум. 12 октября 1790 г.), за ген.-поруч. Степаномъ Матвѣевичемъ Ржевскимъ. О дѣятельности С. какъ солепромышленника, связанной съ дѣятельностью его братьевъ Александра и Сергѣя Григорьевичей,— см. при жизнеописаніи перваго изъ нихъ.

Н. М. Колмаковъ, „Домъ и фамилія гр. Строгановыхъ“, „Русская Старина“, 1887 г., № 3.—Великій кн. Николай Михайловичъ, „Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ. Историческое изслѣдованіе эпохи импер. Александра I“, т. I, Спб., 1903 г., стр. 3, 9.—„Исторія о родословіи, богатствѣ и отечественныхъ заслугахъ знаменитой фамиліи гг. Строгановыхъ“, „Пермскія Губерпск. Вѣдом.“, 1881 г., №№ 28, 34, 40, 43, 70, 73, 75, 77, 79 — С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи“, изд. т-ва „Обществ. Польза“, кн. IV, стр. 780, 781; кн. V, стр. 394, 395, 452, 497, 498, 700, 701, 793.

Строгановъ, гр. *Павелъ Александровичъ*, генералъ-лейтенантъ, генералъ-адъютантъ, сенаторъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ «негласнаго» или «неофиціальнаго комитета» при Александрѣ I, родился 7 іюня 1772 г. въ Парижѣ, гдѣ въ то время жили его родители—гр. Александръ Сергѣевичъ, впослѣдствіи президентъ академіи художествъ, и Екатерина Петровна, урожденная княжна Трубецкая, извѣстная красавица. Крестнымъ отцомъ новорожденнаго былъ Императоръ Павелъ I, тогда еще наслѣдникъ, пребывавшій въ то время также въ Парижѣ. Въ 1779 г. семилѣтній С. вмѣстѣ съ родителями переѣхалъ въ Петербургъ, куда вскорѣ прибылъ и его воспитатель, знаменитый впослѣдствіи монтаньяръ Жильберъ Роммъ. Такъ какъ къ этимъ годамъ мальчикъ совершенно не говорилъ по-русски, то первой заботой его воспитателя было самому научиться языку и научить ему и своего воспитанника. Вскорѣ между родителями С. произошла размолвка, кончившаяся отъѣздомъ въ Москву его матери, увлекшейся извѣстнымъ фаворитомъ Екатерины II, Корсаковымъ. Чтобы скрыть отъ мальчика семейную драму, Роммъ вмѣстѣ съ нимъ отправился въ продолжительное путешествіе по Россіи. Во время этой первой поѣздки, относящейся къ 1784 г., они посѣтили Олонецкую губернію, Ладожскій каналъ, Финляндію, Москву, Нижній-Новгородъ, Казань, оттуда направились въ Пермскую губернію, гдѣ у отца С. числилось до 23 тысячъ крестьянъ, ѣздили дальше къ Алтаю и Байкалу. Въ слѣдующемъ, 1785 г., было предпринято второе путешествіе—въ Валдай, Новгородъ, Москву и Тулу, а весною и лѣтомъ 1786 г. оно было продолжено—въ Малороссію, Новороссію и Крымъ. По возвращеніи изъ него, С. осенью того же года былъ назначенъ поручикомъ въ Преображенскій полкъ, въ спискахъ котораго числился съ самаго рожденія, и зачисленъ адъютантомъ къ кн. Потемкину. Адъютантская служба дала ему возможность получить разрѣшеніе на заграничную поѣздку для окончанія своего образованія, куда онъ и отправился въ 1787 г. вмѣстѣ съ Роммомъ, своимъ двоюроднымъ братомъ Гр. Александр. Строгановымъ (позже членъ госуд. совѣта) и съ извѣстнымъ впослѣдствіи академикомъ архитектуры и строителемъ Казанскаго собора въ Петербургѣ А. К. Воронихинымъ (изъ крѣпостныхъ С.). Заграничная жизнь С., длившаяся свыше пяти лѣтъ, сыграла выдающуюся роль какъ въ его образованіи вообще, такъ и въ выработкѣ политическихъ убѣжденій въ частности. Пробывъ короткое время въ Ріомѣ, гдѣ его воспитатель посѣтилъ свою старуху-мать, С. въ ноябрѣ 1787 г. поселился въ Женевѣ, гдѣ у натуралиста Сосюра учился ботаникѣ, у пастора Вернета богословію, слушалъ лекціи у химика Тенгри и физика Пикте, изучалъ нѣмецкій языкъ, упражнялся въ фехтованіи, верховой ѣздѣ и пр., а въ каникулярное время совершалъ поѣздки въ горы, практически знакомился съ минералогіей, осматривалъ заводы, фабрики, копи и др. промышленныя предпріятія. Послѣ $1^1/_2$ лѣтъ пребыванія въ Швейцаріи, въ началѣ 1789 г. онъ переѣхалъ въ Парижъ, куда прибылъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда по всей Франціи происходили выборы въ Національное собраніе. Въ Парижѣ въ виду разгоравшихся событій по настоянію Ромма С. перемѣнилъ свою фамилію, назвавшись Павломъ Очеромъ (Paul Otcher. Очеръ — названіе одного изъ заводскихъ поселеній въ пермскихъ владѣніяхъ Строгановыхъ). Нахлынувшія событія французской революціи 1789 г. увлекли какъ воспитателя, такъ и воспитанника въ водоворотъ политической жизни. «Съ нѣкоторыхъ поръ мы не пропускаемъ ни одного засѣданія въ Версали—записываетъ

Роммъ въ своемъ дневникѣ.—Мнѣ кажется, что для Очера это превосходная школа публичнаго права. Онъ принимаетъ живое участіе въ ходѣ преній. Мы безпрерывно бесѣдуемъ о томъ. Великіе предметы государственной жизни до того поглощаютъ наше вниманіе и все наше время, что намъ становится почти невозможнымъ заниматься чѣмъ-либо другимъ». Въ началѣ 1790 г. С. однимъ изъ первыхъ записался въ члены основаннаго Роммомъ клуба «Друзей закона» («Amis de la loi»). Здѣсь происходили предварительные дебаты по вопросамъ, которые стояли въ порядкѣ дня Національнаго собранія, главнымъ образомъ по вопросу о свободѣ печати и деклараціи правъ. С. принималъ дѣятельное участіе въ преніяхъ, знакомился съ представителями революціоннаго движенія всѣхъ оттѣнковъ и скоро сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія на всѣхъ собраніяхъ, поражая многихъ своею красивою внѣшностью. Въ видѣ «патріотической контрибуціи» онъ внесъ въ Національное собраніе какую-то драгоцѣнность (boucles d'argent). Въ клубѣ «Друзей закона» онъ состоялъ даже должностнымъ лицомъ,—библіотекаремъ, и тамъ же познакомился съ извѣстной своими революціонными рѣчами при взятіи Бастиліи и предводительствомъ процессіи парижскихъ женщинъ въ Версаль,—красивой куртизанкой Теруань-де-Мерикуръ, съ которой, какъ кажется, былъ въ интимной связи. Вскорѣ затѣмъ С. вступилъ въ члены якобинскаго клуба, о чемъ свидѣтельствуетъ выданный ему, датированный 7 августа 1790 г. дипломъ за подписью предсѣдателя клуба, Барнава. Образъ жизни С. вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ въ Петербургѣ, куда еще въ іюлѣ 1790 г. русскимъ посольствомъ въ Парижѣ было послано особое донесеніе объ этомъ. Екатерина II повелѣла отцу С. немедленно потребовать отъ сына возвращенія въ Россію и вмѣстѣ съ тѣмъ запретила въѣзжать туда Ромму. Въ результатѣ ряда тревожныхъ, но въ высшей степени деликатныхъ писемъ отъ отца С. къ воспитателю его сына съ просьбой покинуть Парижъ, Роммъ вмѣстѣ съ воспитанникомъ уѣхалъ въ Овернь. Здѣсь случилось незначительное обстоятельство, имѣвшее неожиданныя послѣдствія. Въ Оверни умеръ слуга молодого графа, и послѣдній сочинилъ и вмѣстѣ съ трупомъ закопалъ эпитафію слѣдующаго содержанія: «Францъ-Іосифъ Клеманъ, швейцарецъ изъ кантона Вадтъ, 15 лѣтъ служилъ Павлу Очеру, графу Строганову... Положенные здѣсь Евангеліе и катехизисъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ свидѣтельствуютъ о его религіозныхъ и общежитейскихъ убѣжденіяхъ... Пусть тѣ, кому попадутся эти строки, почтятъ память человѣка..., любившаго выше всего свободу и добродѣтель». Внизу въ числѣ другихъ была и подпись Павла Очера. Похороны были совершены безъ участія духовенства. Случайно содержаніе этой эпитафіи, въ сущности довольно невинной, но раскрывающей псевдонимъ С., появилось въ газетахъ. Изъ послѣднихъ, а также изъ новыхъ донесеній русскаго посольства въ Парижѣ объ этомъ происшествіи узнали въ Петербургѣ. Что произошло по этому поводу между Императрицей и отцомъ С., въ точности неизвѣстно, но письмо послѣдняго, адресованное Ромму, начиналось такъ: «Я давно противился той грозѣ, которая надняхъ разразилась... Признано крайне опаснымъ оставлять за границей и, главное, въ странѣ, обуреваемой безначаліемъ, молодого человѣка, въ сердцѣ котораго...» и т. д. Этимъ письмомъ молодой графъ послѣ почти 12-тилѣтней жизни съ Роммомъ разлучался съ послѣднимъ. Въ другомъ письмѣ на имя С. ему категорически предписывалось немедленно возвратиться въ Россію, куда и привезъ его спеціально съ этой цѣлью посланный во Францію родственникъ С.—Н. Н. Новосильцевъ (впослѣдствіи предсѣдатель Государственнаго Совѣта).

Недовольная поведеніемъ С. во Франціи, Екатерина II приказала послать его на жительство въ подмосковное с. Братцево, гдѣ онъ оставался до 1796 г. Переименованный изъ поручиковъ гвардіи въ камеръ юнкеры, онъ здѣсь вскорѣ женился на княжнѣ Софьѣ Владиміровнѣ, урожденной Голицыной. Въ 1795 г. у нихъ родился первый ребенокъ, сынъ Александръ. Въ концѣ царствованія Екатерины II С. было разрѣшено переѣхать въ Петербургъ. При Императорѣ Павлѣ I онъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры (1798 г.), а нѣсколько раньше познакомился и сблизился съ тогдашнимъ наслѣдникомъ Александромъ Павловичемъ, съ которымъ въ періодъ царствованія его отца очень часто

видѣлся и велъ продолжительныя бесѣды на политическія темы. Своимъ убѣжденнымъ либерализмомъ и своей таинственной жизнью въ Парижѣ С. произвелъ на наслѣдника самое выгодное впечатлѣніе. Уже 27 сентября 1797 г. будущій Императоръ въ письмѣ къ своему воспитателю Лагарпу пишетъ, что онъ, если придетъ его чередъ царствовать, намѣренъ дать странѣ свободу, и что въ эту мысль посвящены лишь три близкихъ ему лица: Н. Н. Новосильцевъ, кн. А. А. Чарторижскій и С. Въ моментъ воцаренія Александра I изъ всѣхъ его молодыхъ друзей въ Петербургѣ находился лишь С., остальные же, будучи въ негласной опалѣ, занимали тѣ или другія должности вдали отъ двора. С., такимъ образомъ, «пришлось быть первымъ изъ друзей Александра, который удостоился слышать его мысли о предстоящихъ преобразованіяхъ». Вскорѣ въ Петербургъ пріѣхали Чарторижскій изъ Неаполя, Новосильцевъ изъ Лондона, графъ В. П. Кочубей изъ Дрездена и Лагарпъ изъ Парижа, и эти лица образовали тѣсную группу вокругъ молодого Императора. Самымъ радикальнымъ изъ нихъ по убѣжденіямъ былъ С., который съ наиболѣе близкими себѣ по духу Чарторижскимъ и Новосильцевымъ образовалъ нѣчто въ родѣ тріумвирата. Откровенныя бесѣды о предстоящихъ преобразованіяхъ, которыя С. велъ съ Императоромъ еще до пріѣзда друзей, убѣдили его, что мнѣнія Александра I, вполнѣ искреннія и исполненныя добрыхъ намѣреній, все же страдали значительной неопредѣленностью и расплывчатостью; поэтому С., желая выйти изъ сферы неопредѣленныхъ разговоровъ и перейти на болѣе реальную почву, 9 мая 1801 г. подалъ Императору записку, въ которой предлагалъ учредить негласный комитетъ изъ сторонниковъ государственныхъ преобразованій для предварительнаго обсужденія таковыхъ и руководства при введеніи ихъ въ жизнь. Положенія записки сводились къ слѣдующему: 1) комитетъ учреждается для обсужденія мѣръ, имѣющихъ цѣлью устраненіе *порочнаго* управленія и замѣну его законами, «долженствующими остановить дѣйствіе существующаго произвола»; 2) засѣданія ведутся секретно, дабы съ одной стороны «щадить умы отъ нежелательнаго предубѣжденія противъ реформъ», съ другой же—«понять настолько настроеніе общества, чтобы не возбуждать неудовольствія напрасно»; 3) чтобы избѣжать «опасности увлеченія теоріей», въ комитетъ приглашаются свѣдущіе люди, хорошо знающіе различныя отрасли управленія.

Такимъ образомъ, идея знаменитаго «негласнаго комитета» всецѣло принадлежитъ С. Положенія записки, по разсмотрѣніи ея Императоромъ, были имъ одобрены, и комитетъ, подъ предсѣдательствомъ самого государя, въ составѣ четырехъ лицъ—В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцева, А. А. Чарторижскаго и С., уже 24 іюня 1801 г. имѣлъ свое первое засѣданіе, на которомъ, при горячемъ участіи С., точно и ясно формулировалъ свои задачи: «Прежде всего узнать дѣйствительное положеніе дѣлъ, затѣмъ реформировать различныя части администраціи и, наконецъ, обезпечить государственныя учрежденія конституціею, основанною на истинномъ духѣ русскаго народа». Историческая роль комитета извѣстна. Въ сотрудничествѣ четырехъ довѣренныхъ лицъ государь самъ высказывался и внимательно прислушивался къ откровеннымъ мнѣніямъ своихъ друзей по наиболѣе важнымъ государственнымъ вопросамъ. Изъ этого кружка, въ которомъ обдумывался «планъ систематической реформы безобразнаго зданія государственной администраціи», исходили всѣ преобразованія первыхъ лѣтъ царствованія Александра I (до Тильзитскаго мира): большинство указовъ и льготъ, обнародованныхъ въ связи съ коронаціей, были выработаны и редактированы въ комитетѣ; здѣсь же разрабатывался проектъ «Всемилостивѣйшей грамоты, русскому народу жалуемой», т. е. проектъ конституціи, сущность которой С. опредѣлялъ какъ «законное признаніе правъ народа и тѣхъ формъ, въ которыхъ онъ можетъ осуществить эти права», причемъ права должны быть обезпечены и гарантированы, ибо безъ этого «они теряютъ свою историческую прочность».

Изъ всѣхъ членовъ комитета С., по выраженію Чарторижскаго, былъ «самымъ пылкимъ», къ тому же лучше всѣхъ другихъ умѣлъ вліять на государя. Съ послѣдней цѣлью онъ составилъ даже цѣлую программу: признавая, что Александръ I вступилъ на престолъ съ наилучшими намѣреніями въ смыслѣ преобразованій, но что на дорогѣ имъ стоитъ его «неопытный, мягкій и лѣнивый характеръ», С., чтобы

«поработить этотъ характеръ», предлагалъ своимъ друзьямъ все обсуждаемое стараться по возможности сводить на голый принципъ, что всегда болѣе захватываетъ Императора, и представлять ему рельефную картину недостатковъ въ управленіи. Засѣданія комитета происходили довольно правильно въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ одномъ изъ нихъ, 18 ноября 1801 г., С. произнесъ замѣчательную рѣчь, въ которой обнаружилъ весьма правильное пониманіе положенія дѣлъ въ тогдашней Россіи.

Отчасти по содержанію этой рѣчи, отчасти же по другимъ документамъ и разнымъ моментамъ дѣятельности С. можно установить почти съ полной точностью его отношеніе къ наиболѣе важнымъ вопросамъ времени. Прежде всего по наиболѣе жгучему изъ нихъ, крестьянскому вопросу, онъ былъ безусловнымъ противникомъ крѣпостного права и свои отрицательные взгляды на этотъ институтъ, кромѣ упомянутой рѣчи, изложилъ въ особой запискѣ, въ которой, оспаривая взгляды Лагарпа, Мордвинова и Новосильцева, доказывалъ, что правительству даже при самомъ радикальномъ рѣшеніи крестьянскаго вопроса совершенно не слѣдуетъ опасаться волненій ни со стороны освобождаемыхъ, ни со стороны класса помѣщиковъ. Интересенъ его взглядъ на современное дворянство. «Въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ,—говорилъ С. въ засѣданіи комитета 18 ноября 1801 г.—заинтересованы два элемента: народъ и дворянство; неудовольствіе и волненіе относятся, очевидно, не къ народу. Что же такое наше дворянство? Каковъ его составъ? Каковъ его духъ?... Дворянство сельское не получило никакого воспитанія; ни право, ни справедливость—ничто не можетъ породить въ немъ идеи даже о самомалѣйшемъ сопротивленіи. Это классъ общества самый невѣжественный, самый презрѣнный, по духу своему самый тупой»... Высшіе его слои, получившіе нѣсколько болѣе тщательное воспитаніе, будутъ, по мнѣнію С., сочувствовать идеѣ освобожденія, и лишь немногіе ограничатся «неопасною болтовнею». Громадное же большинство дворянъ, состоящее на государственной службѣ, преслѣдуетъ лишь личныя выгоды и на сопротивленіе совершенно неспособно. Совсѣмъ иначе смотрѣлъ С. на крестьянъ. Послѣдніе, по его убѣжденію, изъ всѣхъ сословій того времени заслуживали наибольшаго вниманія. «Большинство ихъ одарено большимъ умомъ и предпріимчивымъ духомъ, но, лишенные возможности пользоваться тѣмъ и другимъ, они осуждены коснѣть въ бездѣйствіи и тѣмъ лишаютъ общество трудовъ, на которые способны. У нихъ нѣтъ ни правъ, ни собственности. Нельзя ожидать ничего особеннаго отъ людей, поставленныхъ въ такое положеніе»...«Къ помѣщикамъ, своимъ природнымъ притѣснителямъ, они относятся враждебно, съ ненавистью». И какъ выводъ изъ этихъ предпосылокъ,—освобожденіе крестьянъ С. считалъ необходимостью, хотя обусловливалъ его различными оговорками, «щадящими интересы помѣщиковъ». Разныя «оговорки» въ разрѣшеніи политическихъ и экономическихъ вопросовъ первостепенной важности вообще являются характерной чертой для С., и ее вѣрно подмѣтила гр. П. А. Головина, которая въ своихъ «Запискахъ» дѣлаетъ такое, хотя и ѣдкое, но вполнѣ мѣткое замѣчаніе: «Графъ П. А. Строгановъ былъ однимъ изъ тѣхъ объевропеявшихся русскихъ аристократовъ, которые умѣли какъ-то связывать въ своемъ умѣ теоретическіе принципы равенства и свободы со стремленіями къ политическому преобладанію высшаго дворянства». Во всякомъ случаѣ, изъ всѣхъ сотрудниковъ Александра I только С. рѣшительно высказался за освобожденіе крестьянъ и даже пришелъ къ заключенію, что «если въ этомъ вопросѣ есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи, а въ удержаніи крѣпостного состоянія». Въ самомъ комитетѣ, однако, онъ въ этомъ вопросѣ не пользовался почти никакой поддержкой, и его идеи какой-либо серьезной практической цѣли не достигли.

По народному просвѣщенію С. предлагалъ и отстаивалъ въ комитетѣ (23 декабря 1801 г.) французскую систему учебныхъ заведеній, по которой низшія заведенія носятъ общеобразовательный характеръ, образованіе же спеціальное пріобрѣтается въ непосредственно примыкающихъ къ нимъ высшихъ школахъ, куда принимаются лица, уже получившія общее образованіе и готовящіяся къ извѣстному поприщу общественной дѣятельности: морской службѣ, артиллеріи, инженерному дѣлу, правовѣдѣнію. Нѣсколько позже С. принялъ энергичное участіе въ работахъ соз-

данной по рѣшенію негласнаго комитета «коммиссіи училищъ» и былъ дѣятельнымъ помощникомъ П. В. Завадовскаго.

При обсужденіи вопроса объ учрежденіи, взамѣнъ бывшихъ коллегій, министерствъ, С. рѣшительно высказывался за то, чтобы всѣ важнѣйшія государственныя дѣла обсуждались въ совѣтѣ, состоящемъ изъ всѣхъ министровъ, однако всячески боролся противъ предоставленія каждому изъ нихъ исключительной власти, настаивая на принципѣ отвѣтственности отдѣльныхъ министровъ, а не ихъ совѣта (какъ проектировалось) передъ государемъ. Мнѣніе его въ этомъ случаѣ было вполнѣ уважено, и манифестъ 8 сентября 1802 г. объ учрежденіи министерствъ не устанавливалъ комитета министровъ, какъ опредѣленной и самостоятельной инстанціи съ рѣшающимъ значеніемъ; послѣдняго комитетъ достигъ позже. Кромѣ того, С. принималъ живое участіе въ обсужденіи вопросовъ объ отношеніи къ иностраннымъ державамъ, о Грузіи, о тайной полиціи, о московскомъ университетѣ, о реформѣ сената, военномъ образованіи и пр.

Несомнѣнно, что С. предавался преобразовательнымъ идеямъ по глубокому убѣжденію, въ которомъ сказывались положительныя начала, заложенныя въ его душѣ воспитателемъ Роммомъ. Никто, можетъ быть, изъ сотрудниковъ Александра I не относился ко всему обсуждаемому такъ серьезно, какъ С. Это видно по той тщательности, съ которой онъ велъ для себя журналъ засѣданій комитета. Возвращаясь домой изъ засѣданія, С. добросовѣстнѣйшимъ образомъ записывалъ все говорившееся каждый разъ по тому или другому изъ обсуждавшихся вопросовъ, кромѣ того по всѣмъ изъ нихъ, даже самымъ мелкимъ, составлялъ подробныя записки, также сохранившіяся въ его бумагахъ. Совокупность этихъ документовъ, раскрывающихъ иногда до мельчайшихъ подробностей ходъ подготовки разнообразныхъ реформъ, которыми «неофиціальный комитетъ» надѣялся совершенно обновить государственный строй Россіи, составляетъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики исторической эпохи первыхъ годовъ царствованія Александра I.

Одновременно съ учрежденіемъ министерствъ С. получилъ чинъ тайнаго совѣтника и былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, помощникомъ гр. В. П. Кочубея. Со свойственными ему увлеченіемъ и рвеніемъ принялся онъ за исполненіе своихъ обязанностей. Въ его вѣдѣніи были третья экспедиція департамента внутреннихъ дѣлъ и медицинское вѣдомство, которымъ онъ управлялъ болѣе трехъ лѣтъ. Въ 1804 г., по случаю отъѣзда Новосильцева, онъ состоялъ докладчикомъ по дѣламъ, Высочайше ввѣреннымъ Новосильцеву, и отправлялъ за него обязанности попечителя Петербургскаго учебнаго округа. Къ этому же времени относится его знакомство со Сперанскимъ (тогда игравшимъ еще подчиненную роль), къ которому онъ относился чрезвычайно дружественно и довѣрчиво. Дѣятельность С. какъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ была непродолжительна. Всецѣло связанная съ идеями, воодушевлявшими «негласный комитетъ», и съ его существованіемъ, вмѣстѣ съ прекращеніемъ послѣдняго пресѣклась фактически и она, хотя номинально товарищемъ министра С. продолжалъ состоять еще нѣкоторое время. Послѣ возвращенія Александра I изъ Мемеля, гдѣ происходило его свиданіе съ прусскимъ королемъ, комитетъ сразу потерялъ свое былое значеніе; въ 1803 г. онъ имѣлъ лишь четыре засѣданія; вмѣстѣ съ возвратомъ ко двору Аракчеева его занятія прекратились на цѣлыхъ полтора года; наконецъ, 20 ноября 1803 г. состоялось послѣднее его засѣданіе (всего было 40), а 9 декабря онъ совершенно прекратилъ свое существованіе. Половинчатость и незаконченность реформъ, колебанія Александра I, наконецъ возраставшее вліяніе новыхъ лицъ съ совершенно инымъ направленіемъ, все это убѣдило С. въ тщетности его усилій довести начатое дѣло до конца. Поэтому, какъ только представился случай, онъ перешелъ въ другую сферу дѣятельности, которая не столь рѣзко сталкивалась съ его убѣжденіями. Въ 1805 г. С. сопровождалъ Императора въ походѣ противъ Наполеона и исполнялъ уже текущія дѣла по дипломатическимъ сношеніямъ съ вѣнскимъ, берлинскимъ и лондонскимъ дворами. Во время этого похода онъ былъ свидѣтелемъ Аустерлицкаго пораженія, и это обстоятельство послужило окончательнымъ толчкомъ къ другого рода дѣятельности. Кровавое пораженіе поселило въ С. пылкую ненависть къ Наполеону,

и въ теченіе всей послѣдующей жизни онъ, сначала въ качествѣ дипломата, а послѣ съ оружіемъ въ рукахъ стоялъ въ рядахъ его непримиримыхъ противниковъ.

Въ началѣ 1806 г. С., по порученію государя, уѣхалъ въ Лондонъ съ дипломатической миссіей. Ближайшей цѣлью ея были переговоры съ британскимъ кабинетомъ о сближеніи Россіи и Англіи для противодѣйствія Наполеону; въ общемъ же полученныя имъ изъ Петербурга инструкціи были довольно неопредѣленны и расплывчаты. 15 іюля 1806 г. С. отослалъ всеподданнѣйшій рапортъ, въ которомъ излагалъ свое мнѣніе по поводу неудачнаго трактата, заключеннаго съ Наполеономъ русскимъ уполномоченнымъ Убри; изложенныя въ этомъ рапортѣ мысли, въ высшей степени здравыя и какъ нельзя лучше отвѣчавшія тогдашнему международному положенію дѣлъ, рисуютъ дипломатическія способности С. съ самой лучшей стороны. Переговоры, имѣвшіе цѣлью сближеніе съ Англіей, шли довольно гладко, но вскорѣ въ Петербургѣ наступили новыя вѣянія. Князь Чарторижскій, личный другъ С., покинулъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, и на его мѣсто былъ назначенъ баронъ Будбергъ, не любившій С. Положеніе его при такихъ обстоятельствахъ стало труднымъ, и онъ вскорѣ покинулъ Англію и вернулся въ Петербургъ. Хотя государь и весьма лестно отозвался о результатахъ дѣятельности С. въ Лондонѣ, но на самомъ дѣлѣ его миссія при измѣнившихся обстоятельствахъ не принесла почти никакой пользы.

Въ Петербургѣ С. скоро послѣ пріѣзда просилъ освободить его отъ обязанностей, вѣрнѣе лишь званія товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ соглашеніемъ на это онъ былъ назначенъ сенаторомъ. Въ 1807 г., съ открытіемъ второй кампаніи противъ Наполеона, С. былъ приглашенъ сопровождать государя въ главный штабъ, причемъ ему было поручено веденіе кое-какихъ дѣлъ дипломатическаго свойства, въ общемъ неопредѣленнаго характера. Опасаясь, однако, что его дипломатическими способностями воспользуются для переговоровъ съ Наполеономъ, противъ сближенія съ которымъ онъ всегда боролся, С. предпочелъ окончательно отказаться отъ дипломатической дѣятельности и перейти на военную службу. Въ мартѣ 1807 г. онъ просилъ у государя освободить его отъ прежнихъ обязанностей и разрѣшить ему поступить въ ряды войскъ. Просьба его, хотя и неохотно, была уважена. Имѣя чинъ тайнаго совѣтника и будучи сенаторомъ, С. поступилъ въ армію простымъ волонтеромъ,—случай исключительный въ лѣтописяхъ служилаго русскаго дворянства. Съ этого момента начинается третій періодъ дѣятельности С. Оставивъ позади неудавшуюся попытку воздѣйствовать на Императора въ смыслѣ проведенія въ жизнь коренныхъ государственныхъ преобразованій (первый періодъ) и не болѣе удачную дипломатическую службу (второй періодъ), онъ, наконецъ, посвятилъ свои силы военной службѣ, на которой, если и не нашелъ полнаго удовлетворенія, то принесъ значительную пользу своей родинѣ.

Атаманъ Платовъ, относившійся къ С. съ большимъ уваженіемъ, тотчасъ по вступленіи его въ ряды войскъ, поручилъ ему командовать однимъ изъ казачьихъ полковъ, находившихся въ авангардѣ. 24 мая 1807 г. С. получилъ боевое крещеніе: командуя ввѣреннымъ ему полкомъ, онъ перешелъ вплавь р. Алле и атаковалъ обозы корпуса маршала Даву. Несмотря на упорное сопротивленіе и численное превосходство, непріятель былъ смятъ и вынужденъ былъ отступить, оставивъ на полѣ битвы до 300 чел. убитыми и ранеными, свыше 500 плѣнными (въ томъ числѣ 47 офицеровъ) и весь обозъ; добычей русскихъ сдѣлались также канцелярія и всѣ вещи Даву. Этотъ первый подвигъ С. обратилъ на его военныя способности вниманіе какъ Платова, такъ и Беннигсена, которые стали ему поручать отвѣтственныя дѣла. Въ теченіе всей этой кампаніи С. почти все время пришлось дѣйствовать въ авангардѣ, въ рядахъ котораго онъ принималъ дѣятельное участіе, между прочимъ, также въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ. 25 іюня 1807 г. былъ заключенъ Тильзитскій миръ, и кампанія закончилась. С. за авангардное дѣло 24 мая былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 ст. и изъ тайныхъ совѣтниковъ переименованъ въ генералъ-маіоры.

27 января 1808 г. С. былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гренадерскаго полка. Въ войнѣ со шведами ему былъ порученъ сперва резервъ арміи, затѣмъ онъ посту-

пилъ въ корпусъ кн. Багратіона и съ пятой колонной этого корпуса обошелъ по льду островъ Большой Аландъ, занявъ проходъ между его западнымъ берегомъ и о. Сигнальскере съ намѣреніемъ отрѣзать непріятелю путь къ отступленію. 6 марта онъ имѣлъ здѣсь стычку со шведами, кончившуюся полнымъ разстройствомъ рядовъ послѣднихъ, а его подчиненный Кульневъ преслѣдовалъ непріятеля до шведскихъ береговъ. Послѣ заключенія мира 8 марта 1809 г. С. со своимъ отрядомъ совершилъ обратный путь также по льду.

Въ непосредственно слѣдовавшей за шведской кампаніей войнѣ съ турками С. былъ прикомандированъ къ главнокомандовавшему южной арміей кн. Багратіону и уѣхалъ на Дунай. Находясь со своимъ полкомъ сначала въ корпусѣ ген. Маркова, онъ совершилъ опасную переправу черезъ Дунай, недалеко отъ Галаца, и принималъ участіе въ осадѣ крѣпости Мачина, подъ которой командовалъ всѣмъ лѣвымъ крыломъ осаждающихъ, а послѣ ея сдачи сражался въ авангардѣ Платова и съ нимъ 30 августа 1809 г. занялъ Кюстенджи. Въ сраженіи подъ Рассеватомъ С. велъ съ казаками нѣсколько удачныхъ атакъ на центръ турецкой арміи, въ значительной степени способствовавшихъ конечной побѣдѣ, и послѣ битвы преслѣдовалъ турокъ до Силистріи; за это дѣло онъ былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «За храбрость». При осадѣ Силистріи, начавшейся 23 сентября, С. находился въ отрядѣ Платова. Въ этотъ день великій визирь двинулся со своими главными силами для освобожденія обложенной русскими крѣпости, но былъ встрѣченъ Платовымъ, который выставилъ въ первую линію шесть казачьихъ полковъ подъ начальствомъ С., подкрѣпивъ ихъ конными и пѣхотными частями. Не выдержавъ стремительной атаки, турки бѣжали и на протяженіи 15 верстъ были преслѣдуемы казаками, которые захватили въ плѣнъ одного пашу и свыше сотни другихъ чиновъ. Наградой С. за эту атаку былъ орденъ св. Анны 1 степени. Въ началѣ октября, при вторичной попыткѣ визиря освободить Силистрію, С. пришлось принять участіе въ Татарицкой битвѣ, опять кончившейся пораженіемъ турокъ и доставившей С. орденъ Владиміра 2 ст. При новомъ главнокомандующемъ Дунайской арміей, гр. Н. М. Каменскомъ (2-омъ), С. участвовалъ во всѣхъ бояхъ лѣта (іюнь—іюль) 1810 г., сражался при взятіи Силистріи, особенно отличился въ жаркой битвѣ подъ Шумлой, за которую получилъ алмазные знаки на орденъ св. Анны, послѣ командовалъ пятью полками и артиллерійской ротой, но съ самимъ главнокомандующимъ, обладавшимъ неуживчивымъ характеромъ, ладилъ мало, вслѣдствіе чего принужденъ былъ покинуть армію и уѣхать въ Петербургъ.

Въ 1811 г. С. былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, но тогда же (въ сентябрѣ) умеръ его престарѣлый отецъ, оставивъ послѣ своей широкой барской жизни громадное состояніе въ совершенно разстроенномъ видѣ. С. принужденъ былъ прибѣгнуть къ ссудѣ въ 5 милл. рублей изъ государственнаго заемнаго банка, чѣмъ вновь возстановилъ нормальное положеніе обширнаго имущества. Но хлопоты и заботы по личнымъ дѣламъ С. тотчасъ же отложилъ, когда надвинулась Отечественная война. Уже въ началѣ ея онъ отправился на западную границу и принялъ командованіе сводной дивизіей, входившей въ составъ 3-го корпуса ген.-лейт. Тучкова 1-го. Въ битвѣ подъ Бородинымъ на долю дивизіи С. выпала одна изъ самыхъ тяжелыхъ задачъ — удержать у деревни Утицы натискъ французовъ, что С. вполнѣ успѣшно и выполнилъ, съ большими потерями защищая позиціи вплоть до полученія подкрѣпленія, съ помощью котораго ему удалось совсѣмъ оттѣснить непріятеля. За Бородино онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. По смерти въ этой битвѣ Тучкова, С., какъ старшій послѣ него генералъ, занялъ его постъ по командованію 3-мъ корпусомъ, съ которымъ онъ вмѣстѣ съ арміей 11 октября вышелъ изъ Тарутина по направленію къ Малоярославцу, въ битвѣ подъ которымъ также принималъ дѣятельное участіе. Особенно значительны были заслуги его въ битвѣ подъ Краснымъ (5 ноября), гдѣ онъ помогъ ген. Милорадовичу совершенно истребить корпусъ маршала Нея. Послѣ кратковременнаго отпуска въ Петербургъ для леченія, С., взявъ съ собою своего 18-лѣтняго сына Александра, снова отправился въ армію, которую настигъ уже въ предѣлахъ Германіи. Въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, находясь въ арміи Беннпг-

сена, онъ проявилъ выдающееся мужество, за что былъ удостоенъ ордена св. Александра Невскаго. Въ дальнѣйшій періодъ кампаніи 1813 г. С., командуя дивизіей въ арміи наслѣднаго принца шведскаго, оперировалъ въ Гановерѣ, гдѣ ему удалось взять крѣпость Штаде и очистить устье Эльбы и Везера отъ французовъ, затѣмъ помогалъ Беннигсену при блокадѣ Гамбурга, гдѣ затворился Даву, а въ началѣ февраля 1814 г. поступилъ подъ начальство ген. Винцингероде, присоединился къ войскамъ, дѣйствовавшимъ въ предѣлахъ Франціи, и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Шампоберомъ, Монмирайлемъ и Вошаномъ. 23 февраля въ битвѣ подъ Краономъ, гдѣ С. стоялъ въ резервѣ, онъ получилъ страшное извѣстіе о гибели его единственнаго сына, которому ядромъ снесло голову. Хотя С. послѣ этого еще участвовалъ въ Лаонскомъ сраженіи и даже находился въ самомъ адскомъ огнѣ, но силы его подъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты были подкошены; ни живое сочувствіе окружавшихъ, ни полученный имъ орденъ Георгія 2 ст. не могли его утѣшить, и онъ съ разрѣшенія государя вскорѣ съ прахомъ сына уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ 18 августа 1814 г. былъ назначенъ членомъ комитета для вспомоществованія неимущимъ увѣчнымъ воинамъ.

Возстановить надломленныя силы С. оказалось невозможнымъ,—въ его груди стала развиваться и быстро прогрессировать чахотка. Въ февралѣ 1817 г. онъ, по настоянію врачей, въ сопровожденіи супруги, выѣхалъ заграницу для леченія, но по дорогѣ ему стало хуже, и 10 іюня 1817 г. онъ скончался недалеко отъ Копенгагена. Тѣло его было привезено въ Петербургъ и похоронено въ Александро-Невской лаврѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти С. составилъ маіоратный актъ, по которому всѣ его имущества въ уѣздахъ Пермскомъ, Оханскомъ, Соликамскомъ, Кунгурскомъ и Екатеринбургскомъ, Пермской губ., всего 45.875 душъ мужского пола, въ Балахнинскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. и въ Петербургѣ и его уѣздѣ, во избѣжаніе дробленія вошли въ общій составъ подъ именемъ нераздѣльнаго имѣнія. Этотъ актъ, однако, былъ Высочайше утвержденъ уже послѣ его смерти, 11 августа 1817 г., и по нему вступила во владѣніе имуществами уже его жена, Софья Владиміровна (см. отдѣльно). Кромѣ безвременно погибшаго сына *Александра* С. имѣлъ еще 4 дочерей: *Аглаиду*, замужемъ за кн. Голицынымъ, *Елизавету*—за кн. Салтыковымъ, *Ольгу*—за гр. Ферзеномъ и *Наталью* (старшая)—за родственникомъ, барономъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ, которому принесла въ приданное майоратъ и графскій титулъ.

Велик. кн. Николай Михаиловичъ, „Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ. Историческое изслѣдованіе эпохи Александра I", 3 тома, Спб., 1903 г.; т. I содержитъ главнымъ образомъ біографическія свѣдѣнія; въ тт. II и III помѣщены цѣнные документы и матеріалы, касающіеся какъ всей эпохи вообще, такъ и дѣятельности гр. С. въ частности.—„Архивъ Государственнаго Совѣта", т. III, Спб., 1878 г, ч. I, стр 7, 215, 261, 462; ч. II, стр. 302, 550, 1100, 1149; т. IV, Спб., 1897 г., ч. III, стр. 150.—„Сборникъ постановленій министерства народн. просвѣщ.", т. I и II.—„Memoires du prince Adam Czartoryski", 2 v. Paris, 1887 г.—„Архивъ князя Воронцова", 40 тт., М., 1870 г.—„Жизнь и приключенія Андрея Болотова", т. IV, Спб., 1873 г., ч. 22, стр. 55.—Державинъ, „Полное собраніе сочиненій", изд. акад. Грота, тт. VIII и IX,—Кн. Ив. Мих. Долгорукій, „Капище моего сердца", М., 1891 г.—Ѳ. Мартенсъ, „Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами".—А. Пыпинъ, „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I", Спб., 1900 г.—С. Середонинъ, „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ", Спб., 1902 г.—С. В. Рождественскій, „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, 1802—1902 гг.", Спб., 1902 г., стр. 32, 33, 34, 35, 39, 44, 78, 79, 95, 96, 176, 187.—Лалаевъ, „Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній" ч. I, Спб., 1880 г.—Сухомлиновъ, „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I", Спб., 1866 г., гл. 1-ая.—H. Taine, „Les origінis de la France contemporaine", 4 v., Paris, 1876. — Marc. de Vissac., „Un conventionnel du Puy de Dome Rome Montagnard", Clermont-Farrand, 1883.—C. Robinet, „Dictionnaire de la Revolution et de l'Empire", 2 v., Paris.—„Memoires de Langeron", Paris, 1902. — Дубровинъ, „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ", 4 т., Спб., 1871 г.—М. Богдановичъ, „Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время", 6 т, Спб., 1869 г.—Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе" (по указателю).—Е. Карновичъ, „Цесаревичъ Константинъ Павловичъ", Спб., 1899 г. — С. Соловьевъ, „Императоръ Александръ I, политика и дипломатія", М., 1877 г.—И. Щербининъ, „Біографія ген.-фельдмарш. кн. М. С. Воронцова", Спб., 1858 г.—„Жильберъ Роммъ и гр. Пав. Александр. Строгановъ", „Русскій Архивъ", 1887 г., № 1.—„Записки Ив. Ив. Дмитріева", М., 1866 г.—Михайловскій-Данилевскій, „Военная галле-

рея Зимняго дворца", т. I, Спб., 1849 г.—С. Ушаковъ, „Дѣянія русскихъ полководцевъ", Спб., 1822 г. — П. Щукинъ, „Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 г.", 7 т., М., 1896 г. — П. К. Щебальскій, „Матеріалы для исторіи русской цензуры, 1805—1825 гг.", „Бесѣды въ О-вѣ Любит. Россійск. Словесн.", вып. 3, 1871 г., стр. 9. — „Выдержки изъ записокъ Н. И. Греча", „Русск. Арх.", 1871 г., № 6. — „Историческая записка о первой Казанской гимназіи", ч. III, стр. 249. — „Духъ Журналовъ", 1817 г., ч. 21, № 31, стр. 209—232. — „Русскій Вѣстн.", 1817 г., № 13, стр. 29—33.—„Русск. Инвалидъ", 1817 г., № 168.— П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Акад. Худож.", т. II, Спб., 1865 г., стр. 58. — „Справочн. энциклоп. словарь", подъ ред. Старчевскаго, т. 9, Спб., 1855 г., стр. 571—572.—„Энциклоп. словарь" Брокгауза, т. 31, Спб., 1903 г.—„Военный энциклоп. словарь", т. XII, Спб., 1853 г.—„Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ" Леера, т. VII, Спб., 1894 г., стр. 322—323. — „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи", т. XXI, стр. 67; т. XXII, стр. 413, 1046; т. XXV, стр. 42, 309; т. XXVI, стр. 316, 317, 396; т. XXVII, стр. 250, 323, 599, 600; т. 28, стр. 545, 1073, 1209—1210; т. XXIX, стр. 465, 466, 902; т. XXXI, стр. 388, 868; т. XXXII, стр. 785, 876; т. XXXIV, стр. 471—474, 764; т. XXXIX, стр. 58, 59; т. XL, прил., стр. 47.—Н. Н. Буличъ, „Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенію", т. I, Спб., 1902 г., лекціи 1—3. — Архивъ министерства народн. просвѣщенія", картонъ 1044, дѣло № 39276.—„Журналъ Главнаго управленія училищъ", 1805 г., 2 и 23 марта, 18 мая; 1807 г., 28 февр., 14 марта. — „Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія", т. I.

Строгановъ, *Петръ Семеновичъ*— см. вмѣстѣ съ *Андреемъ Семеновичемъ С.*

Строгановъ, *Семенъ Аникіевичъ*, младшій изъ трехъ сыновей Аники Ѳедоровича. Дата его рожденія неизвѣстна, но несомнѣнно, что къ 1559 г. онъ былъ уже совершеннолѣтнимъ. Въ этомъ году его отецъ вмѣстѣ съ старшими сыновьями, Яковомъ и Григоріемъ, переѣхалъ изъ Сольвычегодска на пожалованныя земли въ Перми Великой, и С. А., оставшись въ сольвычегодскихъ владѣніяхъ, самостоятельно и съ полнымъ успѣхомъ продолжалъ вести обширное хозяйство, управлять землями и варить соль, лишь изрѣдка навѣщаемый отцомъ. Послѣдній въ 1567 г. вновь поселился у С. А., но за старостью въ дѣла сына не вмѣшивался, къ тому же прожилъ здѣсь недолго, вскорѣ принявши иночество. Въ 1570—1571 гг., уже послѣ смерти Аники, между С. А., съ одной стороны, и его старшими братьями, Яковомъ и Григоріемъ, съ другой—возникла вражда, которая съ теченіемъ времени настолько обострилась, что въ 1573 г. была доведена до царскаго суда. Каковы были вызвавшія ее причины, остается невыясненнымъ, но по царскому указу отъ 29 іюня того же года С. А. былъ признанъ виновнымъ и «за воровство» выданъ братьямъ головой «со всѣми животами, людьми и запасами» на управляемой имъ части родового имѣнія. По однимъ свѣдѣніямъ, онъ вслѣдъ за этимъ былъ даже устраненъ отъ управленія сольвычегодскими имуществами, по другимъ—послѣ царскаго рѣшенія смирился, братья же вполнѣ удовлетворились осужденіемъ его, помирились съ нимъ и оставили его въ Сольвычегодскѣ при прежнихъ полномочіяхъ. Что онъ все же оставался въ немилости при дворѣ, видно изъ того, что обширныя пространства жалованныхъ роду земель царскими грамотами записывались исключительно на имя Якова и Григорія, С. А. же постоянно обходился. Во всякомъ случаѣ, когда въ 1579 г., послѣ смерти старшихъ братьевъ, состоялся раздѣлъ фамильныхъ имуществъ, онъ участвовалъ въ немъ какъ полноправный членъ и получилъ законную долю. Въ призваніи Ермака и снабженіи его средствами для похода въ Сибирь роль С. А. не совсѣмъ выяснена. Въ царской грамотѣ отъ 16-го ноября 1583 г. говорится, что въ снаряженіи и посылкѣ казаковъ участвовали только его племянники, Никита Григорьевичъ и Максимъ Яковлевичъ, С. А. же не упоминается; наоборотъ, въ Строгановской лѣтописи при повѣствованіи объ этомъ событіи имя С. А. стоитъ даже впереди именъ племянниковъ; наконецъ, въ одной изъ позднѣйшихъ грамотъ С—вымъ вся помощь Ермаку приписывается С. А. исключительно. Слѣдуетъ думать, что собственно въ призваніи Ермака С. А. не игралъ никакой роли, но не можетъ быть, кажется, сомнѣній въ томъ, что въ обезпеченіи похода матеріальными средствами онъ принималъ участіе, хотя и въ менѣе значительныхъ размѣрахъ, чѣмъ племянники, ибо отдаленность его мѣстожительства, Сольвычегодскъ, препятствовала оказанію болѣе широкой помощи; громоздкіе же продукты собирались и съ его части владѣній въ Перми; кромѣ того извѣстно, что изъ Сольвычегодска имъ были высланы три пушки. Во всякомъ случаѣ, когда

выяснились результаты похода Ермака, С. А. былъ награжденъ не менѣе щедро, чѣмъ племянники,—Большой и Малой солью. Умеръ онъ 22 октября 1608 г. и похороненъ въ Сольвычегодскѣ. Былъ женатъ дважды, во второй разъ на *Евдокіи Нестеровнѣ* († въ 1640 г. въ иночествѣ подъ именемъ *Ефросиньи*) и оставилъ двухъ сыновей—*Андрея* и *Петра Семеновичей*. Незадолго до смерти, по просьбѣ царя Василія Ивановича, собралъ значительный отрядъ ратниковъ съ «копьями, пищальнымъ и всякимъ ратнымъ боемъ» и отправилъ его въ Вологду. Объ участіи С. А. въ подавленіи возстаній инородцевъ и въ раздѣлѣ родовыхъ вотчинъ—см. *Никита Григорьевичъ С.*,

„Кунгурскіе Акты", Спб., 1888 г., стр. 32—34. — „Акты Историческіе", т. IV, стр. 46, 548—„Дополнен. къ Актамъ Историческ.", т. I, стр. 182 — 183; т. VI, стр. 381, 384, 390.—„Собраніе государств. грамотъ и договоровъ", т. II, стр. 385.—„Исторія о родословіи, богатствѣ и отечественныхъ заслугахъ знаменитой фамиліи гг. Строгановыхъ", „Пермскія Губернск. Вѣдомости", 1880 г., №№ 97—101.—„Историческія извѣстія о гг. Строгановыхъ", ibid., 1876 г., №№ 93—95.—Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей земли русской", ч. V, М., 1836 г., стр. 109—112.—Карамзинъ, „Исторія государства Россійскаго", изд. Эйнерлинга, Спб., 1843 г., т. IX, стр. 380—399; т. X, стр. 219, 224, 226, 233—235, 245, 246; прим. 664—668.—С. М. Соловьевъ, „Исторія Россіи", изд. т-ва „Обществ. Польза", кн. II, стр. 315—319, 320, 321, 335—344, 632, 649.—В. К. Андріевичъ, „Исторія Сибири", чч. I и II.—„Подробности похода покорителя Сибири Ермака", „Тобольскія Губерн. Вѣдом.", 1858 г., №№ 32—38 – П. Словцовъ, „Историческое обозрѣніе Сибири", Спб., 1886 г.

Строгановъ, *Сергѣй Григорьевичъ*, баронъ, дѣйствительный камергеръ, генералъ-лейтенантъ, младшій сынъ именитаго человѣка Григорія Дмитріевича, род. 20 августа 1707 г. въ Москвѣ. Въ 1735 г. женился на Софьѣ Кирилловнѣ Нарышкиной. Имѣлъ большія связи при Дворѣ, пользовался благосклонностью Императрицы Елизаветы Петровны; въ ея царствованіе былъ пожалованъ званіемъ дѣйствительнаго камергера, орденами Александра Невскаго и св. Анны 1 ст., а также чиномъ генералъ-лейтенанта въ день рожденія велик. кн. Павла Петровича, 20 сентября 1754; состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ семейству Воронцовыхъ, одинъ изъ которыхъ въ это время былъ вице-канцлеромъ. По сохранившимся извѣстіямъ, С. былъ человѣкъ добрый и отличался рѣдкою благотворительностью; въ «Академическихъ Вѣдомостяхъ» по поводу его кончины было сказано, что онъ «око былъ слѣпыхъ, нога хромыхъ и всѣмъ былъ другъ»; любилъ пышность, велъ жизнь вельможи, много принималъ; состоялъ всегда въ свитѣ Императрицы, сопутствовалъ ей во всѣхъ путешествіяхъ или, какъ тогда говорили, «былъ въ походѣ»; онъ, между прочимъ, построилъ извѣстный дворецъ въ Петербургѣ на Невскомъ просп. (у Полицейскаго моста), сооруженный по плану и подъ руководствомъ знаменитаго архитектора гр. Растрелли, строителя Зимняго дворца. Интересуясь искусствомъ, С. тратилъ значительныя средства на пріобрѣтеніе рѣдкихъ художественныхъ произведеній, которыми положилъ основаніе извѣстной Строгановской картинной галлереѣ, впослѣдствіи одной изъ богатѣйшихъ въ Россіи. Послѣ смерти супруги (7 мая 1737 г.), много заботился о воспитаніи своего единственнаго сына, Александра Сергѣевича, бывшаго позже президентомъ академіи художествъ. Имѣлъ еще дочь Марію, вышедшую замужъ за Николая Устиновича Новосильцева. Скончался С. 30 сентября 1756 г. и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ. Дѣятельность его какъ солепромышленника тѣснѣйшимъ образомъ связана съ дѣятельностью старшихъ братьевъ его, Александра и Николая Григорьевичей, при жизнеописаніи перваго изъ которыхъ и разсматривается. Тамъ же приводится и литература предмета.

Строгановъ, *Сергѣй Григорьевичъ*, баронъ, затѣмъ графъ, генералъ-отъ-кавалеріи, генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта, старшій сынъ барона Григорія Александровича С., посла въ Швеціи, Испаніи и Турціи, родился 8 ноября 1794 г. 15-ти лѣтъ отъ роду поступилъ въ институтъ путей сообщенія и тотчасъ по окончаніи курса въ немъ зачислился на военную службу. Произведенный въ офицеры (1811 г.), участвовалъ въ рядѣ стычекъ и боевъ 1812 г., отличился въ Бородинскомъ сраженіи, затѣмъ въ рядахъ русской арміи совершилъ походъ во Францію, откуда возвратился только въ концѣ 1815 г. Въ продолженіе этого похода онъ хорошо ознакомился съ Западной Европой,—всюду, гдѣ только представлялась возможность, посѣщалъ различныя ученыя и особенно художественныя учрежденія, а

долговременное пребываніе въ Парижѣ использовалъ для обстоятельнаго изученія наиболѣе выдающихся художественныхъ произведеній, привезенныхъ туда Наполеономъ въ видѣ трофеевъ изъ различныхъ покоренныхъ имъ странъ, болѣе всего изъ Италіи. Хотя С. до конца жизни считался на военной службѣ, но собственно въ военныхъ дѣлахъ и походахъ ему пришлось принимать участіе, помимо войны съ Наполеономъ, еще только два раза,—именно въ турецкую войну 1828 г., когда онъ былъ въ дѣлахъ подъ Шумлою и Варною, и въ севастопольскую кампанію 1854—1855 гг. Главнѣйшимъ же и тѣснѣйшимъ образомъ многолѣтняя дѣятельность его связана съ исторіей и съ судьбами русскаго просвѣщенія, въ области котораго онъ является однимъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей.

Высочайшимъ рескриптомъ отъ 14 мая 1826 г. былъ учрежденъ «комитетъ устройства учебныхъ заведеній», извѣстный подъ болѣе короткимъ именемъ—«комитета 14 мая». Незадолго передъ тѣмъ пожалованный въ флигель-адъютанты, С. былъ назначенъ членомъ комитета въ моментъ его образованія. Задачи, поставленныя на разрѣшеніе комитета, явившагося продуктомъ реакціи въ правительственныхъ сферахъ послѣ возстанія декабристовъ, были навѣяны опасеніемъ предъ повтореніемъ подобныхъ событій, являлись ярко тенденціозными и имѣли цѣлью суженіе компетенціи народнаго просвѣщенія. Хотя общій смыслъ ихъ былъ формулированъ довольно невинно—«обсужденіе мѣръ, необходимыхъ для введенія единства и единообразія, на коихъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и ученіе», тѣмъ не менѣе, изъ данной комитету детальной инструкціи съ достаточной ясностью просвѣчивали его широкія полномочія и регрессивныя тенденціи. Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ, членами его состояли, помимо С., ген.-лейт. кн. К. А. Ливенъ, М. М. Сперанскій, С. С. Уваровъ и др. Вмѣстѣ съ Шишковымъ и Сперанскимъ С. образовалъ такъ называемую славянскую партію, или славянскій тріумвиратъ въ комитетѣ, неизмѣннымъ членомъ котораго остался во все время его существованія. Говорить о дѣятельности С. въ эту пору значитъ говорить о работахъ комитета, въ засѣданіяхъ котораго онъ принималъ самое дѣятельное участіе. Чтобы быть краткимъ, остановимся лишь на главнѣйшихъ моментахъ дѣятельности этого учрежденія съ указаніемъ тѣхъ вопросовъ, по которымъ С. или расходился во взглядахъ съ большинствомъ, или держался особаго мнѣнія. Пока во главѣ комитета стоялъ А. С. Шишковъ, работы его шли довольно медленно, но послѣ отставки адмирала отъ должности министра народнаго просвѣщенія и назначенія на таковую, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдателемъ комитета кн. Ливена занятія стали подвигаться значительно быстрѣе. Въ январѣ 1828 г. былъ законченъ составленіемъ уставъ среднихъ и низшихъ училищъ, въ началѣ апрѣля былъ готовъ проектъ устава Главнаго педагогическаго института, затѣмъ работы сосредоточились на выработкѣ новаго университетскаго устава, который въ 1835 г. былъ законченъ и введенъ въ университетахъ Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Дерптскомъ, а также въ Демидовскомъ и Нѣжинскомъ лицеяхъ. Дальнѣйшія занятія комитета коснулись нѣкоторыхъ привиллегированныхъ учебныхъ заведеній, училищъ на западной и восточной окраинахъ, вопроса о новомъ раздѣленіи учебныхъ округовъ, предположеній о Бѣлорусскомъ университетѣ или лицеѣ въ Оршѣ, возобновленія при Московскомъ университетѣ пансіона и др. Въ періодъ наиболѣе интенсивной дѣятельности комитета,—первыя 7 лѣтъ его существованія,—почти всѣ вопросы народнаго просвѣщенія, требовавшіе законодательнаго разрѣшенія, проходили черезъ его разсмотрѣніе или даже возбуждались по его иниціативѣ. Когда возникъ проектъ создать Новороссійскій учебный округъ, С. вмѣстѣ съ Сперанскимъ высказался противъ столь обширныхъ рамокъ для административно-учебной единицы, и вопросъ былъ суженъ, въ результатѣ чего явился Одесскій округъ, въ который вошли не всѣ губерніи Новороссіи, а лишь Херсонская и Таврическая и часть Бессарабской области. Еще въ 1827 г. проф. Парротъ представилъ въ комитетъ записку («Memoire sur les universités de l'intérieur de la Russie»), предлагая командировать молодыхъ русскихъ ученыхъ для усовершенствованія въ наукахъ сначала въ Дерптъ на 5 лѣтъ, потомъ заграницу на 2 года, съ тѣмъ, чтобы послѣ этихъ 7 лѣтъ они замѣнили собою

на всѣхъ каѳедрахъ и во всѣхъ университетахъ старыхъ профессоровъ. Вмѣстѣ съ Шишковымъ и Сперанскимъ С. рѣшительно высказался противъ этого проекта, не находя даже нужнымъ входить въ подробное обсужденіе его въ виду той коренной и обстоятельствами далеко не оправдываемой ломки, которая являлась слѣдствіемъ предложенія. Тѣмъ не менѣе, противоположное мнѣніе, представленное большинствомъ комитета,—кн. Ливеномъ, гр. Уваровымъ, Блудовымъ и др.—одержало верхъ, и 14 октября того же года состоялась первая командировка 20 лучшихъ воспитанниковъ въ Дерптскій университетъ на 2 года. 7 октября 1829 г. комитетомъ была выдѣлена изъ своей среды комиссія для редактированія университетскаго устава; С. былъ однимъ изъ ея 4 членовъ. Изъ всѣхъ работъ комитета самой сложной и крупной былъ уставъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. С. былъ однимъ изъ 3 членовъ особой комиссіи, избранной для разсмотрѣнія проекта этого устава. На одномъ изъ засѣданій комиссіи онъ внесъ предложеніе учредить въ каждомъ губернскомъ городѣ совѣты «для усовершенствованія училищной части», образуемые изъ губернатора, губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, почетнаго попечителя гимназіи, директора ея и городского головы. С. поддержали Сперанскій и Крузенштернъ, противъ высказались кн. Ливенъ, гр. Уваровъ и даже Шишковъ, резолюціей же государя предложеніе было одобрено. Ни задачи, поставленныя комитету, ни эпоха, къ которой относятся его работы, не позволяли кому-либо изъ его дѣятелей придерживаться либеральныхъ воззрѣній. И дѣйствительно, назвать С. либераломъ нельзя. Однако онъ не принадлежалъ и къ реакціонному крылу членовъ комитета. Въ смыслѣ нѣкоторой иллюстраціи къ его взглядамъ въ эту пору можетъ служить слѣдующій инцидентъ, разыгравшійся между С. и кн. Ливеномъ. Въ числѣ другихъ предметовъ разсмотрѣнію комитета подлежалъ и вопросъ объ учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ. Между прочимъ, предполагалось издать новое руководство для учителей по дидактикѣ взамѣнъ стараго, вышедшаго въ свѣтъ еще при Екатеринѣ II. Къ составленному проф. Кошанскимъ и комитетомъ одобренному «Наставленію учителямъ, заключающему въ себѣ общія правила для руководства ихъ», кн. Ливенъ распорядился написать «Введеніе», въ которомъ «изъясняются обязанности учителей отъ побужденій вѣры». Въ XCV засѣданіи комитета С. возсталъ противъ духа этого «Введенія», заявивъ, что оно «облечено въ формы неупотребительныя для такого рода сочиненій, напоминающія собою языкъ того времени, когда подъ покровомъ религіи скрывалось гоненіе на просвѣщеніе и науки», и выразилъ опасеніе, какъ бы это «Введеніе» не было принято «отголоскомъ помянутой эпохи». Государь призналъ уважительность доводовъ С., и «Введеніе» не удостоилось утвержденія. Въ общемъ работы комитета имѣли свои и положительныя и отрицательныя стороны, что наиболѣе ярко сказалось въ уставѣ среднихъ училищъ 1828 г. и университетскомъ 1835 г. Если послѣдній уничтожилъ автономію университетовъ, обезпечивавшуюся уставомъ 1804 г., и оставилъ слишкомъ много власти въ рукахъ попечителей учебныхъ округовъ, зато въ одномъ отношеніи представлялъ шагъ впередъ—болѣе точной регламентаціей правъ и обязанностей онъ ставилъ высшія учебныя заведенія въ болѣе нормальныя условія существованія и исключалъ возможность повторенія такихъ персональныхъ явленій, какъ Магницкій и Руничъ. Во всякомъ случаѣ и теперь учебное дѣло было подчинено политическимъ соображеніямъ, и теперь власть попечителя была слишкомъ широка, поэтому весьма многое въ успѣшности дѣла народнаго просвѣщенія зависѣло отъ лицъ, занимающихъ этотъ постъ въ отдѣльныхъ учебныхъ округахъ. Въ наиболѣе важный и отвѣтственный изъ нихъ, въ Московскій учебный округъ, попечителемъ въ 1835 г. былъ назначенъ С.; въ это время онъ былъ въ званіи генералъ-адъютанта, а незадолго до того, съ 1831 по 1834 г. исполнялъ обязанности военнаго губернатора въ Ригѣ и Минскѣ.

С., какъ никто другой, подходилъ для роли попечителя въ такомъ умственномъ центрѣ, какъ Москва. Человѣкъ въ матеріальномъ отношеніи независимый, къ служебной карьерѣ равнодушный, европейски просвѣщенный, въ высшей степени толерантный къ убѣжденіямъ другихъ, онъ былъ, по выраженію автора статьи о немъ въ «Журн. Министерства Народн. Просв.», «идеальнымъ попечите-

лемъ». Время управленія С. Московскимъ учебнымъ округомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старѣйшимъ университетомъ для послѣдняго представляло блестящую эпоху процвѣтанія, навсегда памятную въ анналахъ университета и даже именуемую именемъ С.—«строгановскимъ временемъ», «строгановскою эпохою», — синонимъ «золотого» времени. Не надо, конечно, забывать, что еще за 3 — 4 года до вступленія С. на постъ попечителя, Московскій университетъ доживалъ, по выраженію А. Н. Пыпина, «архаическій» періодъ своего существованія и находился на рубежѣ рѣзкой перемѣны въ студенчествѣ и профессурѣ. Рядомъ съ педагогами, совершенно неспособными возбуждать умственную дѣятельность молодого поколѣнія, на университетской каѳедрѣ появились уже такіе профессора, какъ Павловъ, Шевыревъ, Надеждинъ, Погодинъ; рядомъ съ бурсачествомъ, молодечествомъ и ничегонедѣланіемъ въ средѣ студенческой молодежи существовали уже извѣстные кружки Н. В. Станкевича и А. И. Герцена. Переломъ въ жизни университета, такимъ образомъ, совершился еще до назначенія С. попечителемъ, но тѣмъ болѣе чуткости и просвѣщенности нужно было со стороны административнаго лица, чтобы не губить эти нѣжные ростки, а дать имъ возможность къ дальнѣйшему развитію. Главнѣйшей заботой С. было обезпечить университетъ достойнымъ и вполнѣ отвѣчающимъ научнымъ задачамъ профессорскимъ персоналомъ. Дѣйствительно, какъ никто другой, онъ умѣлъ находить способныхъ людей, которымъ всячески оказывалъ въ нуждѣ и поддержку и покровительство. Грановскій, Кавелинъ, Бодянскій, Шевыревъ, Соловьевъ, Кудрявцевъ, Буслаевъ— таковы только наиболѣе крупныя имена, которыя С. сумѣлъ отыскать и выдвинуть. Обратилъ С. свое вниманіе и на отсутствіе въ университетѣ нѣкоторыхъ весьма важныхъ каѳедръ, напр., каѳедры славянской. Задумавъ учредить ее, онъ уже вскорѣ послѣ назначенія попечителемъ обратился съ теплымъ и любезнымъ письмомъ къ знаменитому Шафарику, предлагая ему открыть лекціи по славяновѣдѣнію въ Московскомъ университетѣ. По причинамъ личнаго, политическаго и патріотическаго характера Шафарикъ долженъ былъ отклонить предложеніе; тогда С., не любившій останавливаться на полудорогѣ, сталъ искать подходящее лицо среди русскихъ ученыхъ; остановивъ свой выборъ на молодомъ, но подававшемъ большія надежды ученомъ, членѣ кружка Станкевича, О. М. Бодянскомъ, онъ исходатайствовалъ для послѣдняго двухлѣтнюю командировку въ славянскія страны и для этой командировки выработалъ подробный планъ, который послужилъ образцомъ и для университетовъ Дерптскаго и Харьковскаго, пославшихъ для изученія славянскихъ нарѣчій, первый—Прейса, второй—И. И. Срезневскаго. Оживленіе въ университетѣ при С. достигло небывалой степени; достаточно вспомнить публичныя лекціи Грановскаго, собиравшія въ стѣны университета весь цвѣтъ просвѣщеннаго московскаго общества; при исключительномъ оживленіи протекали также публичныя защиты диссертацій и годичные университетскіе акты. Близко къ сердцу принималъ С. нужды и интересы студентовъ, много хорошаго сдѣлалъ также для улучшенія гимназій и низшаго образованія, составивъ въ 1839 г. «Положеніе о городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ», имѣвшее цѣлью расширить средства первоначальнаго образованія для мѣщанъ и ремесленниковъ; это «Положеніе», примѣру котораго вскорѣ послѣдовалъ и Петербургъ, увеличило число училищъ въ Москвѣ, усилило ихъ матеріальныя средства и созданіемъ должностей смотрителя и почетныхъ блюстителей въ извѣстной степени открыло возможность нѣкотораго надзора со стороны общества за веденіемъ училищнаго дѣла. Человѣкъ просвѣщенный, сильный характеромъ, С. не боялся идти, когда этого требовали его убѣжденія, противъ общаго мнѣнія правительства. Въ декабрѣ 1840 г. министръ народн. просв. обратился къ попечителямъ учебныхъ округовъ съ секретнымъ циркуляромъ, въ которомъ пространно и витіевато излагалъ свои соображенія о необходимости ограничить доступъ въ университеты лицамъ низшихъ сословій, ибо «сіе возбуждаетъ въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній, практическое приложеніе коихъ, впослѣдствіи весьма часто не подтверждаясь успѣхомъ, обманываетъ надежды недостаточныхъ родителей и мечтательное ожиданіе юношей», и въ заключеніе предлагалъ попечителямъ представить свои соображенія о «мѣрахъ къ достиженію вышеуказанной цѣли и о

существѣ распоряженій, которыя надлежало бы сдѣлать со стороны правительства.» Попечители учебныхъ округовъ—Петербургскаго (А. М. Дондуковъ-Корсаковъ), Дерптскаго (А. Б. Крафтстремъ), Одесскаго (Д. М. Княжевичъ) и Харьковскаго (гр. Ю. А. Головкинъ)—согласились съ основною мыслью министра и для достиженія намѣченной имъ цѣли предложили рядъ косвенныхъ мѣръ—возвышеніе платы за ученіе, требованіе отъ поступающихъ въ университетъ свидѣтельствъ о матеріальномъ обезпеченіи, уничтоженіе для лицъ изъ податныхъ сословій служебныхъ привиллегій по образованію, воспрещеніе пріема такихъ лицъ на казенныя стипендіи и пр.; попечитель Казанскаго округа, М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, хотя высказался противъ ограниченій, но сдѣлалъ это въ блѣдной и уклончивой формѣ. И только С., приславшій свое заключеніе послѣднимъ, рѣшительно, даже рѣзко возсталъ какъ противъ основной мысли министра, такъ и противъ пользы какихъ бы то ни было ограниченій. «Всякія стѣснительныя мѣры къ остановленію юношества отъ вступленія въ университеты—писалъ С.—повлекутъ за собою вредныя послѣдствія для распространенія у насъ народнаго просвѣщенія и едва ли будутъ согласны съ общественнымъ мнѣніемъ. Конечно, университеты наши опустѣютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, можно смѣло сказать, уничтожатся всѣ начатые успѣхи въ дѣлѣ народнаго образованія». Мотивированное возраженіе С. тѣмъ не менѣе нисколько не измѣнило предвзятаго взгляда министерства; сословно-политическія соображенія къ этому времени совершенно оттѣснили на задній планъ учебныя цѣли; въ началѣ декабря 1844 г. докладная записка министра о средствахъ «умѣрить приливъ юношества въ учебныя заведенія высшаго разряда», мотивированная тѣмъ, что для «молодыхъ людей, рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, высшее образованіе безполезно и составляетъ излишнюю роскошь»,—удостоилась утвержденія. Будучи попечителемъ Московскаго учебнаго округа, С. обратилъ свое вниманіе и на крайне стѣснительныя для русскаго просвѣщенія цензурныя условія. Ненормальность положенія была очевидна: кромѣ общей цензуры, находившейся тогда въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, право просматривать и одобрять или запрещать къ печатанію книги принадлежало еще 4 министрамъ (Двора, финансовъ, военному и внутреннихъ дѣлъ) и цѣлому ряду вѣдомствъ и даже отдѣльныхъ учрежденій. Въ 1845 г. С. писалъ министру, что «при точномъ исполненіи всѣхъ (цензурныхъ) правилъ.... писатели наши до крайности стѣсняются въ изданіи своихъ сочиненій; тѣмъ самымъ нерѣдко благонамѣренныя и полезныя для общей образованности статьи или остаются ненапечатанными или выходятъ въ свѣтъ совершенно несвоевременно». Предложеніе С. облегчить цензурныя условія успѣха, конечно, не имѣло. Наоборотъ, первыя извѣстія о революціонномъ пожарѣ 1848 г. послужили предлогомъ къ новымъ цензурнымъ строгостямъ, а 2 апрѣля 1848 г. былъ образованъ особый Верховный комитетъ для «высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ за духомъ и направленіемъ книгопечатанія»; гнета этого комитета не выдержалъ даже министръ народн. просв., гр. С. С. Уваровъ, безуспѣшно пытавшійся отдѣлить отъ своего министерства цензуру. Однимъ изъ членовъ этого комитета былъ назначенъ С.,—назначеніе, остающееся въ виду общаго характера убѣжденій С. до извѣстной степени загадкой.

Попечителемъ Московскаго учебнаго округа С. оставался до 1847 г., когда вышелъ въ отставку вслѣдствіе разлада съ министромъ С. С. Уваровымъ. Ближайшимъ поводомъ ея было напечатаніе въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россіи» одобреннаго С. перевода сочиненія Флетчера, трактующаго о Россіи временъ Грознаго и царя Бориса. Разумѣется, это былъ лишь внѣшній поводъ, на самомъ же дѣлѣ причины отставки скрывались глубже,—въ несогласіи С. съ тѣми принципами и пріемами, которые характеризуютъ область народнаго просвѣщенія въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Импер. Николая I. Назначенный членомъ Государственнаго Совѣта, С. до начала новаго царствованія въ сущности оставался не у дѣлъ; продолжая жить въ Москвѣ, онъ все свободное время посвящалъ своимъ любимымъ занятіямъ—археологіи, нумизматикѣ и собиранію художественныхъ сокровищъ. Въ концѣ 1859 г., уже при новомъ царствованіи, С. былъ

назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ; въ этой должности онъ пробылъ всего 5 мѣсяцевъ.

Кратковременное генералъ-губернаторство С. объясняется тѣмъ, что въ серединѣ 1860 г. онъ былъ приглашенъ ко Двору въ качествѣ главнаго руководителя воспитаніемъ наслѣдника Николая Александровича. По строго обдуманному плану С. составилъ для своего высокаго воспитанника своеобразный университетскій курсъ изъ наукъ юридическаго и филологическаго факультетовъ и военной академіи генеральнаго штаба, а въ преподаватели пригласилъ профессоровъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Лѣтомъ 1861 г. онъ сопровождалъ наслѣдника въ путешествіе на нижегородскую ярмарку и въ Казань.

Съ 1860 г. вновь начинается дѣятельность С. въ области народнаго просвѣщенія, которая принимаетъ еще болѣе интенсивный характеръ послѣ преждевременной кончины цесаревича Николая Александровича (1865 г.). На разработку текущихъ вопросовъ С. вліяетъ теперь въ качествѣ члена законодательнаго учрежденія, Государственного Совѣта, и члена, а зачастую и предсѣдателя, разнообразныхъ комиссій. Въ теченіе ряда лѣтъ онъ состоялъ членомъ особой комиссіи для разсмотрѣнія отчетовъ министра народнаго просвѣщенія, что тѣснѣйшимъ образомъ связывалось тогда съ обсужденіемъ мѣръ противъ непрекращавшихся студенческихъ волненій и безпорядковъ. Хроническій характеръ послѣднихъ явленій побудилъ правительство пересмотрѣть прежній университетскій уставъ; въ 1862 г. былъ опубликованъ новый его проектъ, который, вопреки обыкновенію, былъ отданъ на авторитетный судъ общественной критики и многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Извѣстно, какое небывалое оживленіе вызвалъ этотъ проектъ своимъ новымъ, болѣе свободнымъ духомъ. Послѣ всесторонняго обсужденія его въ университетскихъ совѣтахъ и ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, усиленномъ компетентными представителями науки и общественной дѣятельности, вновь переработанный проектъ перешелъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ и былъ разсмотрѣнъ въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ С. 18 іюня 1863 г. этотъ проектъ, возвратившій университетамъ принципъ автономіи, вошелъ въ законную силу.

Наступила эпоха дѣятельности гр. Д. А. Толстого, и въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія вновь начались преобразованія, на этотъ разъ съ особенной энергіей въ области средней школы съ цѣлью подраздѣленія ея на два рѣзко отличающихся типа—реальной и классической, и усиленія въ послѣдней древнихъ языковъ. Выработанные министромъ проекты уставовъ сначала гимназій, а затѣмъ и реальныхъ училищъ, воспитанники которыхъ, какъ предполагалось, должны были готовиться къ технической и промышленной дѣятельности, въ 1870 г. перешли для обсужденія въ особую комиссію, 27 марта этого года образованную подъ предсѣдательствомъ С. изъ членовъ Госуд. Совѣта Валуева, Тройницкаго и др. С. явился убѣжденнымъ сторонникомъ предпринятой гр. Толстымъ реформы и много содѣйствовалъ тому, что въ комиссіи оба проекта не встрѣтили серьезныхъ возраженій и не подверглись существеннымъ измѣненіямъ. Значительно иной пріемъ встрѣтили намѣренія гр. Толстого въ Особомъ присутствіи, на правахъ департамента выдѣленнаго изъ Государственнаго Совѣта. С. и здѣсь былъ предсѣдателемъ. Несмотря на всю его энергію, значительное меньшинство присутствія (6 членовъ изъ 15) рѣшительно высказалось противъ рѣзкаго раздѣленія средней школы на два типа—реальной и классической. Совсѣмъ несочувственный пріемъ встрѣтили проекты Толстого въ печати, гдѣ ихъ поддерживалъ почти лишь одинъ Катковъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», противъ же возстала вся столичная пресса во главѣ съ «Голосомъ». Подобное же отношеніе встрѣтила, наконецъ, реформа и въ общемъ засѣданіи Государственнаго Совѣта, который въ своемъ большинствѣ (29 членовъ противъ 18) высказался противъ нея. Вѣрный своему убѣжденію, С. голосовалъ съ меньшинствомъ, мнѣніе котораго, какъ извѣстно, удостоилось Высочайшаго утвержденія.

С. извѣстенъ какъ долговременный, въ теченіе болѣе чѣмъ 30 лѣтъ (съ 29 апрѣля 1837 г. по 1874 г.), предсѣдатель въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Ему удалось исходатайствовать этому обществу титулъ *Императорскаго* и по-

стоянную субсидію, благодаря которой для общества явилась возможность значительно расширить свою дѣятельность вообще и поставить на прочныя основанія свои изданія, въ частности. Археологія была любимой наукой С., которой онъ посвящалъ всѣ свои досуги. Имъ основана, между прочимъ, Археологическая комиссія, которая въ 1859 г. произвела богатыя результатами раскопки на югѣ Россіи, пролившія яркій свѣтъ на древности Боспора Киммерійскаго и его скиѳскихъ окраинъ; въ теченіе долгихъ лѣтъ С. былъ президентомъ и главнымъ двигателемъ этой комиссіи; даже помѣщеніе на цѣлыхъ 23 года онъ отвелъ для нея въ своемъ домѣ. Императорскій Эрмитажъ обязанъ С. сокровищами керченскаго и скиѳскаго собраній, которыя удивляютъ и возбуждаютъ зависть у всего ученаго міра. Подъ руководствомъ С. великолѣпно изданы «Древности Россійскаго государства» (М., 1839—1853 гг.), на его иждивеніе напечатаны многіе труды Григ. Ив. Спасскаго; напечаталъ онъ и лично двѣ работы по археологіи: «О серебряныхъ вещахъ, найденныхъ во Владимірѣ и Ярославской губерніи въ 1837 г.» («Русск. Историческ. Сборн.», М., 1840 г., т. IV, кн. 2—3) и замѣчательную книгу—«Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, строенный съ 1194 по 1197 гг.». (Спб. 1849 г.). Кстати замѣтить, что древности собора, описаннаго въ этой книгѣ, реставрированы С. на собственныя средства. Извѣстенъ С. и какъ исключительный знатокъ въ области русской нумизматики, вмѣстѣ съ А. Д. Чертковымъ значительно поднявшій интересъ къ этой научной отрасли и составившій богатѣйшую коллекцію русскихъ монетъ. Интересовался всегда горячо онъ также живописью и скульптурой. Обладая изящнымъ и развитымъ вкусомъ и обширной эрудиціей въ этой области, онъ значительно пріумножилъ извѣстную фамильную галлерею цѣнными произведеніями итальянскихъ и голландскихъ мастеровъ, которыя собиралъ во время своихъ неоднократныхъ путешествій по Западной Европѣ. Въ скульптурѣ онъ былъ особенно тонкимъ цѣнителемъ древне-классическаго искусства. Наконецъ, С. славился какъ знатокъ въ старинной архитектурѣ, болѣе всего византійской и древне-русской, и въ иконописи; во время долголѣтняго пребыванія въ Москвѣ онъ составилъ богатѣйшую коллекцію старинныхъ иконъ. Свои воззрѣнія на русское искусство С. выразилъ въ критическомъ разборѣ сочиненія В. Віолле «О русскомъ искусствѣ» (вышелъ отдѣльной книгой въ 1878 году подъ заглавіемъ: «Русское искусство: В. Віолле де-Дюкъ и архитектура въ Россіи отъ X до XVIII стол.»). Любовь С. къ искусству выразилась также въ томъ, что въ 1825 году онъ на собственныя средства основалъ въ Москвѣ первую рисовальную школу, въ 1842 г. перешедшую въ вѣдѣніе министерства финансовъ и нынѣ извѣстную подъ именемъ Императорскаго Строгановскаго художественно-промышленнаго училища.

С. былъ женатъ на своей дальней родственницѣ Наталіи Павловнѣ Строгановой, старшей дочери графа Павла Александровича С.; вслѣдствіе этой женитьбы къ С. перешелъ графскій титулъ отъ его тестя, мужского потомства не оставившаго, а позже также и извѣстное заповѣдное имѣніе въ Пермской губерніи, въ которомъ къ этому времени насчитывалось 45.375 наличныхъ крестьянъ мужскаго пола. Къ этому маіорату онъ присоединилъ еще владѣнія, доставшіяся ему отъ отца и одного изъ братьевъ; при введеніи уставныхъ грамотъ и освобожденіи крестьянъ число душъ въ нераздѣльномъ имѣніи вмѣстѣ съ присоединенными частями достигало 95 тысячъ, а количество земли, за вычетомъ пошедшей на надѣлъ крестьянъ, простиралось до $1^1/_2$ мил. десятинъ; выкупныя деньги въ пользу С. опредѣлились въ 7.750 тыс. рублей; изъ этой суммы, по утвержденію выкупныхъ сдѣлокъ, онъ уступилъ крестьянамъ около $2^1/_2$ мил. руб. Въ доставшемся ему имѣніи С. значительно реформировалъ центральное управленіе. Онъ много заботился о крестьянахъ, объ улучшеніи ихъ хозяйства, о развитіи среди нихъ разныхъ промысловъ, о распространеніи грамотности. Въ мартѣ 1881 г. онъ внесъ въ Пермское отдѣленіе госуд. банка около 150 тыс. рублей, назначивъ проценты съ этой суммы на пособіе рабочимъ заводовъ и промысловъ въ Пермскомъ имѣніи.

Скончался С. въ пасхальную ночь, 28 марта 1882 г. въ Петербургѣ и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ; за нѣсколько лѣтъ до смерти онъ сломалъ

ногу и послѣдніе годы ходилъ съ костылемъ. Некрологи и воспоминанія, посвященныя кончинѣ С., изобилуютъ самыми лестными для его памяти выраженіями; «высокообразованный аристократъ», «величавый образъ русскаго душой», «истинно-именитый человѣкъ», «истинный gentleman»—даже не наиболѣе яркія изъ нихъ; конечно, объ умершихъ слѣдуетъ говорить только хорошее или ничего не говорить, поэтому всѣ эти отзывы не заслуживали бы особаго вниманія, тѣмъ болѣе что при жизни многіе считали С., въ виду его поразительной скупости на слова, эгоистомъ, «сухаремъ», человѣкомъ безъ сердца; но на ряду съ этими отзывами существуетъ мнѣніе о С. человѣка, котораго никакъ нельзя заподозрить въ благоволеніи ни къ С., ни къ той правительственной системѣ, слугою которой онъ былъ. Это отзывъ Герцена, который въ одномъ мѣстѣ своихъ «Дневниковъ» называетъ С. «однимъ изъ самыхъ лучшихъ магнатовъ, исполненнымъ личнаго благородства.

„Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія“, т I, №№ 601, 603, 605, т. II, ч. 1, №№ 11, 12. 15, 48, 53, 57, 63, 371, 549, 642, 682, 726; ч. 2, №№ 27, 172, 269, 304—306, 372, 399, 466; т. IV, № 536; т. V, №№ 25, 74, 196.—Журналъ комитета устройства учебныхъ заведеній и Высочайшія резолюціи, въ архивѣ министерства нар. просв., карт. 2839, дѣла 8, 24, 87, 96, 97, 100, 817.—Разные докум. въ томъ же архивѣ, карт. 3110, дѣло 15.955; карт. 3.823, д. 153.783; карт. 4.308, д. 139.848; карт. 4.294, д. 165.271.—„Сборникъ распоряженій по министерству. народн. просв“, т. I, №№ 270, 319, 320, 325, 462; т. II, №№ 105, 127, 166, 192, 306, 334, 362, 383, 384, 386, 389, 398, 405, 436, 447, 462, 467, 470, 476, 488, 492, 673, 720, 721, 759, 807, 823,—С. В. Рождественскій, „Историческій обзоръ дѣятельности министерства. народнаго просвѣщенія, 1802—1902 г.“, Спб., 1902 г., стр. 179, 184, 187, 191, 194, 196, 222, 243, 255, 284, 336, 337, 364, 398, 415, 427, 446, 493, 518, 519. 524, 547, 597.—Шмидъ, „Исторія средне-учебныхъ заведеній“, въ разн. мѣст. стр. 224—272, 280—290 и 503.—„Журналъ Минист. Народ. Просв.“, 1867 г., ч. 133, 134; 1871 г., ч. 155. 156, 158; 1872 г., ч. 164; 1873 г., ч. 169; 1882 г., № 4 и ч. VII.—В. И. Межовъ, „Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи“, т. III, стр. 181 и дал. (полемика о реформѣ гр. Толстого).—Катковъ, „Наша учебная реформа“, М., 1890 г., сборникъ статей, печатавш. въ „Моск. Вѣдом.“ и „Русск. Вѣстникѣ“.—Скабичевскій, „Очерки по исторіи русской цензуры“, гл. 12—18 — „Историч. свѣдѣнія о цензурѣ“.—В. В. Григорьевъ, „Императ. С.-Петерб. университетъ“, Спб., 1870 г., прил., стр. 38, 80 и V.—Марковичъ, „25-лѣтіе Императ. Новороссійскаго университета“, „Записки Императ. Новорос. унив“, т. 53.—Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и Труды М. П. Погодина“.—„Записки гр. Корфа“, „Русск. Старина“, 1899—1900 гг.—„Воспоминанія Ѳ. И. Буслаева“, „Вѣстникъ Европы“. 1891 г., № 5. стр. 192—214; № 11, стр. 139—141, 153—159; 1892 г., № 2, стр. 569—573, 580—596; № 3, стр. 160—163, 184—185, 188—191.—Н. И. Веселовскій, „Исторія Императ. Русскаго Археологич. общества“, Спб, 1900 г.. стр. 8, 28—30, 36, 114—117, 143, 289, 341. „Русскій Архивъ“, 1890 г., № 4, стр. 550—552; 1892 г., № 7, стр 347—359; 1896 г., № 7, стр. 450—452; 1904, т. 1, стр. 113, 293, 419, 441, 451, 452; т. II, стр. 225, 236, 430, 565; т. III, стр. 384; 1905 г. томъ II, стр. 290; т. III, стр. 457, 585 —„Русская Старина“, 1890 г., кн. II, стр. 386—387.—Вл. Качеповскій, „По поводу кончины графа Сергѣя Григорьевича Строганова“, „Московскія Вѣдом.“, 1882 г, №№ 94 и 96.—Тамъ же, №№ 87—89, объявленіе и телеграммы о смерти и некрологъ.—„Газета Гатцука“, 1882 г., № 14.—„Соврем. Извѣстія“, 1889 г., №№ 89 и 91.—„Свѣтъ“, 1882 г., № 70.—„Русскій Инвалидъ“, 1882 г., № 72.—„Нива“, 1882 г., № 22.—„Новое Время“, 1882 г., № 92, статья „Воспоминанія студента Московск. университета о С. Г. Строгановѣ“ (перепечатано въ „Моск. Вѣдом.“, 1882 г., № 94).—„Правительств. Вѣстникъ“, 1882 г., № 94, содержаніе рѣчи, произнесенной А. А. Васильчиковымъ въ Обществѣ любит. древн. письмен. въ память С. Г. Строганова.—„Историч. Вѣстникъ“, 1882 г.. кн. 5, стр. 476—477.—„Художеств. Журналъ“, 1882 г., кн. 4, стр. 260.—„Русскій Календарь“ А. С. Суворина, 1883 г., стр. 279.—„Чтенія Московск. общества Исторіи и Древн. Росс.“, 1882 г., ч. II.—„Изъ разсказовъ гр. С. Г. Строганова“, „Русскій Архивъ“, 1896 г., кн. 6, стр. 291—292.—Ив. Вологдинъ, „Къ матеріаламъ для біографіи гр. С. Г. Строганова“, „Пермскія Губернск. Вѣдом.“, 1882 г., №№ 59—63.—Вел. кн. Николай Михаиловичъ, „Графъ Павелъ Александр. Строгановъ“, т. I, стр. 223, 224.—Колмаковъ, „Домъ и фамилія гр. Строгановыхъ, 1752-1887 гг.“, „Русская Старина“, 1887 г., №№ 3, 4.—„Изъ записной книжки чиновника-москвича. Гр. С Г. Строгановъ и П. А. Тучковъ“, „Русск. Архивъ“, 1905 г., № 1, стр. 70—85.—А. А. Кочубинскій, „Графъ С. Г. Строгановъ. Изъ исторіи нашихъ университетовъ 30-хъ годовъ“, „Вѣстникъ Европы“, 1896 г., № 7, стр. 165—196; № 8, стр. 471—490.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, вып. 2, Спб., 1885 г., стр. 47—48; вып. 3 и 6, s. v.—„Циркулярное извѣщеніе окружныхъ управляющихъ о смерти графини Софьи Владим. Строгановой и о вступленіи гр. С. Г. Строганова въ управленіе имѣніемъ“, „Пермск. Губ. Вѣдом.“, 1882 г., № 59.—А. Герценъ, „Дневникъ“, стр. 84, подъ 14 февр. 1843 г.—„Переписка“ Погодина, т. II, стр. 185. — „Русскій энцикл. слов.“ Березина, т. II, отд. IV, Спб., 1877 г., стр. 316. — „Большая энциклопедія“ т-ва „Просвѣщеніе“, т. 18, стр. 74. — „Энциклопед. словарь“ Брокгауза-Ефрона, полут. 62, Спб., 1901 г., стр. 804.

Строгановъ, *Яковъ Аникіевичъ*, старшій сынъ Аники Θеодоровича, годъ рожденія неизвѣстенъ. Въ 1559 г. вмѣстѣ съ отцомъ и старшимъ братомъ Григоріемъ переселился изъ Сольвычегодска въ Пермь Великую. Грамотой отъ 25 марта 1568 г. ему, по просьбѣ его, мотивированной опасностью, которой подвергались пермскія владѣнія отъ близкаго сосѣдства съ воинственными племенами, и необходимостью ближе къ послѣднимъ возвести укрѣпленія,—были пожалованы огромныя пространства по обѣимъ сторонамъ Чусовой почти на всемъ ея пространствѣ и по ея притокамъ, общей площадью въ 4.129 200 десятинъ. Земля пожалована Я. А. на тѣхъ же условіяхъ, какъ и десятью годами ранѣе данная брату его Григорію (см.), съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что льготное время на свободу отъ всякихъ податей и повинностей по ней сокращено до 10 лѣтъ. Въ «Латухинской степенной книгѣ» повѣствуется о томъ, что въ 1574 г., во время пребыванія Я. А. и Григорія въ Москвѣ, кто-то изъ нихъ, повидимому именно Я. А., съ большимъ успѣхомъ «цѣлилъ» Годунову раны, нанесенныя ему Іоанномъ при одной изъ своихъ гнѣвныхъ вспышекъ. Точному опредѣленію достовѣрность этого факта не поддается, но связанныя съ нимъ дальнѣйшія свѣдѣнія того же документа о томъ, что царь, узнавъ объ искусствѣ Я. А., будто бы наградилъ его званіемъ «именитаго человѣка» и повелѣлъ ему называться и писаться полнымъ отчествомъ, съ «вичемъ»,—несомнѣнно вымышлены или подогнаны post factum, за неимѣніемъ у автора другихъ объясненій. Изъ вполнѣ надежныхъ источниковъ извѣстно, что указанный титулъ полученъ Строгановыми лишь въ 1610 г. при Василіи Шуйскомъ. Обычно дату смерти Я. А. относятъ къ 1575—1576 гг., что ошибочно, такъ какъ еще 18 мая 1578 г. ему была дана грамота на разработку желѣзныхъ рудъ, отысканныхъ имъ въ болотахъ Содромской волости; слѣдовательно въ это время онъ былъ еще живъ; наоборотъ, въ 1579 г., когда бывшія до тѣхъ поръ въ общемъ владѣнія всего рода имущества подверглись раздѣлу, имя его уже не упоминается; вѣроятно, незадолго до этого онъ и скончался, оставивъ единственнаго сына — *Максима*. О колонизаторской дѣятельности Я. А., неразрывно связанной съ дѣятельностью его брата, Григорія Аникіевича,—см. при жизнеописаніи послѣдняго; тамъ же приведена и литература.

Строгановъ, *Θедоръ Петровичъ*—см. вмѣстѣ съ *Дмитріемъ Андреевичемъ С.*

Н. Сербовъ.

Строевъ, *Владиміръ Михайловичъ*, братъ двухъ слѣдующихъ, журналистъ и переводчикъ, родился 22 февраля 1812 г. умеръ 6 іюля 1862 г. Сотрудничалъ преимущественно въ «Сѣверной Пчелѣ», гдѣ въ 30-хъ годахъ, подписываясь иниціалами *В. В. В.*, помѣстилъ рядъ театральныхъ рецензій и особенно много фельетоновъ юмористическаго характера, впослѣдствіи собранныхъ имъ въ отдѣльныя книги; таковы—«Сцены изъ петербургской жизни» (Спб., 1835—1837 гг.), «Парижъ въ 1838—1839 гг.» (1842 г.), «Тысяча анекдотовъ, остротъ, каламбуровъ, шутокъ, глупостей и пр.» (1856 г.), «Бесѣда дяди съ племянникомъ» (1859 г.). Юморъ въ этихъ сборникахъ произведеній С. въ общемъ довольно грубоватъ, хотя иногда блещетъ красивыми искорками неподдѣльнаго веселья. Въ свое время С. считался однимъ изъ лучшихъ переводчиковъ съ французскаго и нѣмецкаго. Переводилъ онъ главнымъ образомъ Евгенія Сю и Александра Дюма, мелодраматическіе романы которыхъ находили тогда широкій сбытъ. Изъ романовъ перваго въ переводѣ С. были напечатаны «Вѣчный жидъ» (Спб., 1844 г.), «Паула Монти» (1846), «Тереза Дюнайе», «Маркизъ Леторьеръ» и «Мальтійскій командиръ» (1847), а изъ произведеній Дюма—«Графъ Монте-Кристо» (Спб., 1846), «Похожденія марсельскаго охотника», «Корсиканское семейство» (1847), «Женская война» и «Виконтъ де-Бражелонъ» (1848). Въ «Библіотекѣ путешествій» А. А. Плюшара за 1854 г. появились слѣдующіе переводы С. съ нѣмецкаго: «Путешествіе по Японіи, или описаніе Японской имперіи» Ф. Зибольда (т.т. II и III), «Разсказы о кораблекрушеніяхъ» (т.т. VI и VII) и «Эпизоды путешествія Бурчеля во внутренности Африки» (т. VIII). Наконецъ, С. принадлежитъ нѣсколько популярно написанныхъ очерковъ по исторіи; таковы—«Историко-юридическое изслѣдованіе уложенія, изданнаго царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ

чемъ въ 1649 г.» (Спб., 1833 г.), «Исторія Петра Великаго для дѣтей» (1845) и «Разсказы изъ русской исторіи для дѣтей» (1851).

Г. Геннади, „Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1862 г.". „Русскій Архивъ", 1864 г., вып. 5—6, стр, 276.—„Воспоминанія В. П. Бурнашева", „Заря", 1871 г., № 4, стр. 14, 21—22, 44.—Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды П. М. Строева", Спб., 1878 г., стр. 213, 241, 298, 354, 400, 401.—Карцовъ и Мазаевъ, „Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей", Спб., 1891 г., стр. 24.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія на 1862 г.", Спб., 1872 г., № 2063, стр.122.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 г.г.", т. I, Спб., 1882 г., № 3912.—Его же, „Исторія всеобщей и русской словесности", Спб., 1872 г., стр. 281, 447.—Его же, „Систематическій каталогъ книгамъ Базунова", Спб., 1869 г., № 2471, стр. 147, № 30502, стр. 180, № 50976, стр. 411, № 10860, № 798.—„Русская Старина", 1874 г., стр. 593, 610.—Некрологъ въ „Сѣверной Почтѣ", 1862 г., № 48.—Ф. Толь, „Настольный словарь для справокъ", Спб., 1863 г., s. v.

Строевъ, *Павелъ Михайловичъ*, археографъ, родился въ Москвѣ 27 іюля 1796 г. Сынъ помѣщика Михаила Александровича С. и Варвары Николаевны, урожденной Мельгуновой, дочери гвардіи поручика, онъ воспитывался сначала въ частномъ пансіонѣ эмигранта Виллерса, а затѣмъ поступилъ въ Московскій университетскій благородный пансіонъ,—одно изъ лучшихъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній Россіи, изъ котораго вышло много видныхъ дѣятелей. Объ обоихъ учебныхъ заведеніяхъ С. до конца жизни сохранилъ добрую память. Еще въ пансіонѣ онъ сталъ заниматься русской исторіей. Въ 1812 г. онъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ вслѣдствіе нашествія французовъ сталъ слушать лекціи только съ слѣдующаго года. Здѣсь на С. оказали особенное вліяніе послѣдователь Шлецера Р. Ѳ. Тимковскій и основатель скептической школы Каченовскій; самъ будущій археографъ придавалъ особенное значеніе вліянію на него перваго, которому онъ считалъ себя обязаннымъ своими критическими пріемами. Эти два профессора дали С. извѣстный взглядъ на исторію, какъ науку, и убѣжденіе, что писать русскую исторію для насъ еще слишкомъ рано, а надо собрать для нея сначала матеріалы. Этимъ собираніемъ матеріаловъ для будущаго зданія русской исторіи С. и занимался всю жизнь. Въ 1814 г. въ Москвѣ онъ выпустилъ первый свой трудъ по русской исторіи; эта была «Краткая россійская исторія въ пользу россійскаго юношества», посвященная обществу исторіи и древностей Россійскихъ (въ 1819 г. вышло 2-е изданіе). Для своего времени это былъ довольно удовлетворительный учебникъ, который продержался до 30-хъ годовъ, т. е. до времени появленія учебниковъ Устрялова и Погодина. Въ то же время С. начинаетъ выступать и въ журналахъ, сначала въ «Сынѣ Отечества», издававшемся тогда Н. А. Гречемъ. Здѣсь были имъ помѣщены статьи: «О художникѣ Парамшинѣ» (№ отъ 5 февр. 1814 г.), «О родословіи владѣтельныхъ князей русскихъ» (ibid.), «Родословный чертежъ владѣтельныхъ князей русскихъ» (1815 г.), подробный разборъ вышедшей въ 1814 г. въ Харьковѣ первой части «Исторіи донского войска» и др. Затѣмъ въ мартѣ 1815 г. С. начинаетъ издавать собственный журналъ — «Современный Наблюдатель Россійской словесности», гдѣ въ своихъ «Письмахъ къ дѣвицѣ Д.» о «Россіадѣ», поэмѣ Хераскова, очень рѣзко напалъ на это произведеніе, разбирая его съ точки зрѣнія историка, съ которой оно и не выдерживало критики. Рѣзкая критика С. пріобрѣла ему много литературныхъ враговъ, и его журналъ, отчасти вслѣдствіе этого, не просуществовалъ и полугода, прекратившись въ іюнѣ того же 1815 г. Статьи С. по русской исторіи въ «Сынѣ Отечества» обратили на себя вниманіе извѣстнаго любителя русской исторіи и русскихъ древностей канцлера Н. П. Румянцева, и онъ пригласилъ С. занять мѣсто главнаго смотрителя въ коммиссіи печатанія государственныхъ договоровъ и грамотъ. Тутъ С. впервые столкнулся съ другимъ извѣстнымъ собирателемъ матеріаловъ по русской исторіи — К. Ф. Калайдовичемъ, съ которымъ онъ и раньше былъ знакомъ, но здѣсь у нихъ впервые начинается соперничество въ работѣ, которое кончилось побѣдою С. Въ своей новой должности С. принималъ участіе въ изданіи 2-ой и 3-й части «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ». Въ 1817 и 1818 гг. онъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ, по порученію Румянцева, совершилъ продолжительную поѣздку съ цѣлью осмотрѣть и изучить библіотеки монастырей московской

епархіи. Эта работа опредѣлила всю послѣдующую научную дѣятельность С. Во время этой знаменитой первой археографической поѣздки по Россіи было сдѣлано множество открытій исключительной исторіографической важности; такъ были найдены: «Изборникъ Великаго Князя Святослава» отъ 1073 г., «Похвала Когану Владиміру», «Поученіе Кирилла Туровскаго», «Всемірный Хронографъ» и «Законы Великаго Князя Іоанна III», извѣстные до того времени только изъ записокъ Герберштейна. Кромѣ того С. составилъ неизданные каталоги посѣщенныхъ имъ монастырскихъ библіотекъ,—первые на русскомъ языкѣ библіографическіе труды. Въ 1819 г. онъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ издалъ «Законы Великаго Князя Іоанна Васильевича» и «Судебникъ Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича съ дополнительными указами» (М., въ типографіи Семена Селивановскаго, 4); въ томъ же году вышла и 2-ая часть упомянутаго «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ», въ изданіи которой С. принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ главнаго смотрителя. Съ 1819 по 1822 г. онъ работалъ надъ изданіемъ «Софійскаго Временника», при чемъ открылъ одинъ изъ источниковъ нашей начальной лѣтописи—«Хронику» Георгія Амартола. Правда, С. авторомъ «Хроники» считалъ сначала Кедрина, но подъ вліяніемъ Румянцева быстро исправилъ свою ошибку. Это изданіе С., по отзыву И. И. Срезневскаго, не потеряло цѣнности и до сихъ поръ. Въ предисловіи къ «Софійскому Временнику» выражено мнѣніе для того времени новое и еретическое, а именно, что лѣтописи представляютъ не что нибудь цѣльное, а рядъ историческихъ сборниковъ самаго разнообразнаго матеріала,—мысль, ставшая теперь, послѣ трудовъ Сухомлинова и Бестужева-Рюмина, общепризнанной. Въ 1822 г. С. вслѣдствіе столкновеній съ руководителями коммиссіи печатанія грамотъ вышелъ въ отставку, а 12 апрѣля 1823 г. былъ избранъ въ члены Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, гдѣ 14 іюня произнесъ свою знаменитую рѣчь объ археологической экспедиціи. Основой этой рѣчи послужила мысль о томъ, что невозможно писать русской исторіи, не списавъ всѣхъ матеріаловъ, разбросанныхъ въ различныхъ монастыряхъ, библіотекахъ и архивахъ имперіи, гдѣ они съ каждымъ годомъ гибнутъ все болѣе и болѣе. Для этого, по мнѣнію С., обществу необходимо было снарядить по всей Россіи археографическую экспедицію на 7 лѣтъ, прилично ее обезпечивъ (рѣчь эта напечатана въ «Сѣверномъ Архивѣ» за 1823 г.). Общество отнеслось скептически къ предложенію С. и рѣшило снарядить только нѣсколько экспедицій, въ библіотеки отдѣльныхъ монастырей. С. отправили въ Софійскую библіотеку въ Новгородъ, гдѣ онъ пробылъ 5 дней, почти не осмотрѣвъ ее. Такимъ образомъ идея С. потерпѣла сначала полное фіаско.

Въ 1823—1825 гг. С. собралъ для В. Д. Сухорукова огромную массу матеріаловъ по исторіи Войска Донского (болѣе 700 актовъ), которые впослѣдствіи большей частью пропали безслѣдно, такъ какъ самое предпріятіе Сухорукова потерпѣло неудачу, благодаря событію 14 декабря, въ которомъ тотъ былъ замѣшанъ.

Состоявшаяся въ 1825 г. женитьба С. (на Олимпіадѣ Петровнѣ, урожд. Ставровской) и въ связи съ наростившей семьей (всего 4 сына и 2 дочери) возникшія новыя заботы, обостряемыя очень ограниченными средствами, не помѣшали археографу продолжать съ прежней энергіей свои любимыя занятія. Въ этомъ году имъ составлены цѣнныя историческія примѣчанія къ извѣстнымъ «Думамъ» К. Ѳ. Рылѣева и тогда же, послѣ значительнаго перерыва, возобновилась его дѣятельность въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, въ которое онъ вновь вошелъ съ цѣлымъ рядомъ предложеній, между прочимъ съ счастливой мыслью объ изданіи хронографовъ, тѣмъ не менѣе отвергнутой. Наконецъ, къ тому же 1825 г. относится одно изъ капитальнѣйшихъ изданій С., обработанное имъ вмѣстѣ съ Калайдовичемъ,—«Описаніе славяно-россійскихъ рукописей библіотеки гр. Ѳ. А. Толстого», въ которой археографъ занималъ мѣсто библіотекаря. Въ послѣдующіе годы эту солидную работу С. дополнилъ двумя прибавленіями. Въ 1826 г. за этотъ трудъ его избрала своимъ членомъ-корреспондентомъ Императорская академія наукъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ С. не прекращалъ и своей журнальной дѣятельности, работая преимущественно въ издававшемся Булгаринымъ и Гречемъ «Сѣ-

верномъ Архивѣ», гдѣ помѣстилъ рядъ статей, изъ которыхъ особенно цѣнна—«О византійскомъ источникѣ Нестора» (ч. 21, № 11), т. е. о Георгіи Амартола.

Мысль объ осуществленіи археографической экспедиціи никогда не покидала С., и въ 1828 г. онъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, началъ усердно хлопотать объ ея осуществленіи. По нѣкоторымъ извѣстіямъ можно думать, что въ этомъ отношеніи ему помогла великая княгиня Марія Павловна, заинтересовавшаяся его проектомъ. Какъ бы то ни было, С. написалъ оффиціальное письмо къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія С. С. Уварову, въ которомъ изложилъ подробно планъ археографической экспедиціи, въ общихъ чертахъ тотъ же самый, какъ и въ 1823 г., и указывалъ средства для его осуществленія. Письмо вмѣстѣ съ протекціей Маріи Павловны оказало свое дѣйствіе. Императорская академія наукъ отправила С. въ археографическую экспедицію, отпустивъ на нее ежегодно по 10.000 рублей. Такъ осуществилось завѣтнѣйшее желаніе С. и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе полезное для русской исторіи его дѣло, которымъ онъ гордился всю свою жизнь. 29 марта 1829 г. археографическая экспедиція выѣхала изъ Москвы. По выработанному плану было рѣшено изслѣдовать сначала Сѣверную Россію. С. съ жаромъ принялся за работу. Въ теченіе года было снято около 700 листовъ копій съ древнихъ грамотъ и актовъ. Въ своей работѣ С. приходилось бороться со всевозможными непріятностями, съ недовѣріемъ, недоброжелательствомъ, а зачастую и съ невѣжествомъ монастырскаго начальства, съ плохими дорогами и распутицей, сыростью и холодами въ неотапливаемыхъ десятки лѣтъ монастырскихъ архивахъ. Два спутника С. не выдержали перваго года работы, заболѣли и уволились, а самъ онъ трудился такъ неутомимо, что кромѣ этой работы въ продолженіе 1829 г. успѣлъ напечатать «Описаніе старопечатныхъ книгъ библіотеки графа Ѳ. А. Толстого» (М., 1829)—одно изъ первыхъ описаній подобнаго рода—и нѣсколько статей въ журналахъ, гдѣ онъ критиковалъ трудъ Карамзина, указывая на его неточности и поэтическія преувеличенія. Послѣ долгихъ поисковъ С. наконецъ удалось найти себѣ подходящаго и талантливаго помощника,—это извѣстный впослѣдствіи издатель лѣтописей Бередниковъ. Съ нимъ археографъ отправился опять въ экспедицію, и, несмотря на всѣ препятствія, ему удалось довести до конца осмотръ архивовъ Сѣвера, сѣвернаго Поволжья, Озерной области, Московской области, Вятской и Пермской губерній. Это стоило С. массы энергіи и полнаго разстройства здоровья. Было собрано огромное количество крайне важныхъ матеріаловъ, особенно по исторіи Сѣвера Россіи. Въ это же время, работая въ Москвѣ и тамъ осматривая архивы, С. нашелъ въ сундукѣ съ ненужными дѣлами, предоставленномъ въ его полное распоряженіе ризничимъ Синодальной библіотеки, все знаменитое дѣло о судѣ надъ патріархомъ Никономъ. За все время 1828—34 гг. археографическая экспедиція осмотрѣла до 200 библіотекъ и архивовъ въ монастыряхъ, губернскихъ правленіяхъ и казенныхъ палатахъ. Было собрано и спасено до 3000 историко-юридическихъ актовъ за 1340—1700 гг., множество лѣтописей, житій, поученій и пр. Весь матеріалъ былъ сгруппированъ на два отдѣла: 1) собраніе древнихъ грамотъ судебнаго характера и вообще актовъ историко-правового характера и 2) каталоги рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ, съ выписками изъ рукописей и критическою оцѣнкою послѣднихъ, послужившіе С. для составленія «Библіографическаго словаря» или указателя сочиненій и переводовъ, извѣстныхъ въ литературѣ нашей въ XVIII столѣтіи (былъ изданъ уже послѣ смерти археографа А. Ѳ. Бычковымъ). С. собирался уже ѣхать на западъ Россіи, гдѣ его ожидали богатые архивы Польши и Литвы, какъ вдругъ археографическая экспедиція, по приказанію С. С. Уварова, была внезапно прекращена, и для обработки матеріаловъ, собранныхъ ею, назначена археографическая комиссія подъ предсѣдательствомъ кн. Ширинскаго-Шихматова, типичнаго чиновника того времени. Вслѣдствіе своего независимаго характера С. былъ отстраненъ отъ работъ въ комиссіи; онъ вышелъ въ отставку. Ему была назначена пенсія въ 2.000 рублей ассигнаціями, а такъ какъ его здоровье сильно пошатнулось вслѣдствіе усиленныхъ занятій во время экспедицій, то въ послѣдующіе годы онъ занимался почти исключительно библіографическими трудами и работой въ

московскихъ архивахъ. Онъ работалъ въ это время надъ своимъ «Библіографическимъ словаремъ», окончилъ и издалъ въ 1836 году на счетъ Императорской академіи наукъ обработанный имъ вчернѣ еще въ 1828 году «Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго» (географическій и личный алфавитный указатель) съ полными родословными таблицами князей. Этотъ трудъ С., потребовавшій много усидчивости и самой кропотливой работы, значительно облегчилъ для большой публики пользованіе трудомъ знаменитаго исторіографа. Въ 1836 г. С. издано «Описаніе старопечатныхъ славяно-россійскихъ книгъ, находящихся въ библіотекѣ московскаго первой гильдіи купца Н. И. Царскаго». Для археографической комиссіи онъ обработалъ акты соликамскаго и кунгурскаго архивовъ, вывезенные имъ изъ археографической экспедиціи. Такъ какъ безъ С. чиновникамъ, засѣдавшимъ въ археографической комиссіи, трудно было обойтись, то въ 1839 г. его назначили членомъ этой комиссіи, поручивши ему доставлять ей матеріалы изъ московскихъ архивовъ, но отъ изданія лѣтописей, въ которомъ онъ хотѣлъ принять участіе, его опять рѣшительно отстранили. Послѣдующіе годы С. занимался тщательнѣйшимъ осмотромъ московскихъ архивовъ, особенно архива старыхъ дѣлъ, гдѣ онъ разыскалъ множество губныхъ и тарханныхъ грамотъ. Все, что археографъ находилъ здѣсь интереснаго, онъ сообщалъ въ комиссію. Въ 1841 г. имъ были изданы «Записки артиллеріи маіора М. В. Данилова, написанныя имъ въ 1771 году». Въ архивѣ Московской Оружейной палаты онъ обратилъ особенное вниманіе на выходныя и расходныя книги, въ результатѣ чего было его классическое изданіе: «Выходъ русскихъ царей и великихъ князей: Михаила Θеодоровича, Алексѣя Михаиловича и Θеодора Алексѣевича» (М., 1844 г., 4°),—драгоцѣнный матеріалъ для изученія быта первыхъ государей изъ дома Романовыхъ. Съ 1841 г. С. принималъ болѣе дѣятельное и живое участіе въ работахъ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. На средства этого общества онъ напечаталъ въ этомъ же году свой важный трудъ: «Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ», служащее дополненіемъ къ описаніямъ старопечатныхъ книгъ библіотекъ графа Θ. А. Толстого и купца Царскаго. Въ этомъ же году онъ былъ избранъ библіотекаремъ общества, а въ 1844 г. выпустилъ «Каталогъ библіотеки Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ». Когда въ обществѣ заговорили объ измѣненіи устава, онъ внесъ проектъ преобразованія его въ отдѣленіе археографической комиссіи, но это предложеніе провалилось, а самъ С., вслѣдствіе своего небрежнаго отношенія къ библіотекарству, былъ уволенъ отъ должности и вышелъ изъ Общества въ 1847 г. Въ томъ же году онъ былъ избранъ въ экстра-ординарные академики. Въ 1848 г. С. выпустилъ свой послѣдній и самый цѣнный библіографическій трудъ (огромный томъ, почти въ тысячу страницъ): «Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія купцу Царскому. Разобраны и описаны П. М. Строевымъ М., 1848». Этотъ трудъ былъ встрѣченъ хвалебными отзывами Погодина («Москвитянинъ», 1849 г., № 2) и «Современника» (1849 г., т. XIII, «Смѣсь», стр. 208). Императорская академія наукъ за этотъ трудъ избрала С. въ ординарные академики въ 1849 г. Съ этого же времени С., по порученію археографической комиссіи, сталъ составлять указатель къ 6 томамъ выпущенныхъ ею лѣтописей, но, видя непосильность работы для своихъ старыхъ силъ, отказался. Тогда князь Ширинскій-Шихматовъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, заставилъ его продолжать трудъ, какъ говорилъ самъ ученый впослѣдствіи, «эксцентричнымъ, тогда возможнымъ, но нынѣ едва вѣроятнымъ способомъ». Въ 1861 г. С. представилъ его въ археографическую комиссію, исполнивъ его, по собственному признанію, крайне неудовлетворительно, вслѣдствіе крупныхъ недостатковъ изданія лѣтописей археографической комиссіи, такъ что даже предлагалъ возратить деньги, выданныя ему за работу. Однако комиссія приняла этотъ указатель съ благодарностью. Послѣднія 15 лѣтъ своей жизни С., совершенно больной, все-таки сохранялъ сношенія со старыми сотоварищами-археографами и до конца жизни работалъ надъ осуществленіемъ своей завѣтной мысли—составить «Списокъ іерарховъ и настоятелей Россійской Церкви». Скончался С. 5 января 1876 г. послѣ долгой агоніи,

80 лѣтъ. «Списки іерарховъ и настоятелей Россійской Церкви» были изданы археографической коммиссіей уже послѣ его смерти, въ 1877 г.

Дѣятельность С. была крайне полезна для русской исторической науки. Какъ историка его нельзя высоко ставить: онъ не ушелъ во всю жизнь дальше взглядовъ Тимковскаго и Каченовскаго, его первыхъ учителей, и обо всемъ судилъ сообразно съ ними. Новые взгляды онъ рѣшительно отказывался понимать и смотрѣлъ на новыхъ историковъ съ предубѣжденіемъ, радуясь ихъ малѣйшей археологической ошибкѣ. Но въ практической дѣятельности С. былъ рѣшительно новаторомъ. Его планъ археографической экспедиціи, принесшей такую неизмѣримую пользу русской наукѣ, показался такимъ смѣлымъ, такимъ фантастичнымъ, что даже Калайдовичъ, болѣе талантливый историкъ, чѣмъ С., и тотъ пытался его умѣрить (засѣданіе Общества ист. и древн. росс., 14 іюня 1823 г.). Всѣ его широкіе планы были всегда практичны и удобоисполняемы и, конечно, только благодаря этому, С. удалось осуществить идею объ археографической экспедиціи. Результаты дѣятельности С. заключаются, не перечисляя его печатныхъ трудовъ, въ слѣдующемъ: въ теченіе 40 лѣтъ работы въ архивахъ, въ теченіе 5-тилѣтней археографической экспедиціи С. найдены и спасены тысячи актовъ и грамотъ, безъ которыхъ ни одинъ современный историкъ не можетъ обойтись, и которые безъ С. пропали бы. При князѣ Ширинскомъ - Шихматовѣ археографическая комиссія представляла собой простую канцелярію, служащимъ которой не было ни малѣйшаго дѣла до науки, и лишь одинъ С. собиралъ и доставлялъ матеріалы для нея въ это время, лишь одинъ онъ отдавалъ всѣ свои силы на пользу науки вполнѣ безкорыстно. Въ частной жизни С. былъ человѣкъ крайне рѣзкаго и жесткаго характера; онъ съ каждымъ изъ своихъ друзей, а особенно съ Погодинымъ ссорился очень часто и безъ всякой уважительной причины. До самой смерти онъ не любилъ Калайдовича, потому что ему казалось, что по милости послѣдняго умаляются его заслуги. Для семьи С. былъ очень тяжелъ и даже не хотѣлъ было давать образованія своимъ дѣтямъ. Очень характерно, что когда умиралъ у него въ домѣ его братъ, С. М. Строевъ, онъ въ это время велъ серьезнѣйшія археографическія разсужденія съ заѣхавшимъ къ нему археографомъ. По своему общественному и политическому міросозерцанію это былъ крайній консерваторъ и крѣпостникъ, хотя, правда, относившійся мягко къ своимъ крестьянамъ. Отмѣтимъ еще, что подъ вліяніемъ своего патрона Румянцева онъ всегда питалъ большую симпатію къ французамъ и возмущался тѣмъ, что во время франко-прусской кампаніи наше правительство не поддержало Франціи. Но всѣ его политическія и общественныя убѣжденія отступали на второй планъ передъ научными интересами.

Н. П. Барсуковъ, „Жизнь и труды П. М. Строева“, Спб, 1878 г. (тамъ приводится и подробная литература предмета). — Его же, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, 12 тт., passim. — П. Н. Милюковъ, „Главнѣйшія теченія русской исторической мысли“, т I, М., 1898 г. — Бумаги С., входящія и исходящія, въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ.

В. Строевъ.

Строевъ, *Сергѣй Михайловичъ*, талантливѣйшій представитель такъ называемой исторической скептической школы, родился въ 1815 г., учился въ Московскомъ университетѣ въ блестящій періодъ господства скептической школы, которая довела до крайностей критическіе пріемы Шлецера, и былъ ученикомъ главнаго представителя ея—Каченовскаго. Свою критическую дѣятельность С. началъ нападками на М. П. Погодина, поборника оффиціальной народности и оффиціальнаго историческаго православія. Противъ послѣдняго были направлены его первыя статьи и брошюры: «О недостовѣрности древней русской исторіи и лживости мнѣній касательно древностей русскихъ лѣтописей» (Спб., 1834 г.); «Критическій взглядъ на статью подъ заглавіемъ «Скандинавскія саги» (М., 1834 г.); «О мнимой древности, первобытномъ состояніи и источникахъ нашихъ лѣтописей» (Спб., 1835 г.); «Кто писалъ нынѣ намъ извѣстныя лѣтописи?» («Сынъ Отечества», 1834 г., №№ 49—50); «О первобытномъ видѣ и источникахъ нынѣ намъ извѣстныхъ лѣтописей» ibidem; 1835 г., № 11); «Послѣдній отвѣтъ защитнику Погодина» (ibidem, ч. CLXXVI). Эти статьи сразу привлекли всеобщее вниманіе, вызвавъ восторженное вос-

хищеніе молодежи (между прочимъ, Бѣлинскаго) и страстныя нападки стариковъ и карамзинистовъ. Не меньшій успѣхъ имѣли его статьи: «О пользѣ изученія русской исторіи въ связи съ всеобщей» («Учен. Записки Импер. Москов. Унив.», 1833 г., №№ 4—7, и «Телескопъ», 1834 г., т. XXX) и «О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси» («Сынъ Отечества», ч. LI). Въ своихъ статьяхъ, подписанныхъ неизмѣннымъ псевдонимомъ «Сергѣй Скромненко», С. развивалъ основныя положенія скептической школы: 1) необходимо освободить русскую исторію отъ той фантастичности и баснословія, которыя въ ней теперь находятся, источникомъ же этого баснословія являются лѣтописи, подлинность которыхъ и подвергалась сомнѣнію скептической школой, утверждавшей, что лѣтописи возникли позже, чѣмъ обыкновенно думали; 2) фантастическіе факты, находящіеся въ нихъ, нужно признать добросовѣстнымъ заблужденіемъ составителей лѣтописи; 3) лѣтописи должно подвергнуть строгой формальной и реальной критикѣ. Критеріемъ же при оцѣнкѣ фактовъ, ими сообщаемыхъ, должно служить согласіе ихъ съ общими законами развитія даннаго государства и народа («О недостовѣрности древней русской исторіи и ложности мнѣнія касательно древности русскихъ лѣтописей»). С. раздѣлялъ многія явно ошибочныя мнѣнія Каченовскаго, считая, напримѣръ, Русскую Правду составленной позже XIII вѣка, Остромирово Евангеліе позднѣйшей передѣлкой и т. д. Однако, наряду съ этимъ, онъ значительно опередилъ своего учителя положеніями, заимствованными изъ германской философіи и впервые приложенными къ русской исторіи. О задачахъ исторіи онъ говорилъ, что она должна найти общіе законы, по которымъ развивалось человѣчество, что она должна быть представленіемъ жизни въ дѣйствительности («Критическій взглядъ на статью: «Скандинавскія саги»). Поэтому работы С. принесли много пользы русской исторіи, положивъ основаніе настоящей критикѣ источниковъ и давъ много вѣрныхъ руководящихъ историческихъ идей. Въ 1835 г. С. былъ назначенъ секретаремъ археографической коммиссіи, гдѣ работалъ вплоть до 1837 г., когда былъ посланъ за границу разыскивать въ архивахъ относящіяся до Россіи свѣдѣнія. Результатомъ этой поѣздки явилась книга: «Описаніе памятниковъ славяно-россійской литературы, хранящихся въ публичныхъ библіотекахъ Германіи и Франціи» (М. 1841 г.), удостоенная Императорской академіей наукъ Демидовской преміи; она вышла уже послѣ его смерти, хотя отрывокъ изъ нея появился въ «Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщ.» въ 1838—1840 гг. Послѣ 1835 г. имъ были еще напечатаны «Библіотека полезныхъ свѣдѣній о Россіи» (ч. I, Спб., 1836 г.), сборникъ статей по русской исторіи для юношества, посвященныхъ, главнымъ образомъ, старинному русскому быту («Русскія древности», «Соколиная охота» и пр.) и статья «О торговлѣ нѣмецкихъ купцовъ съ Россіею до конца XIV вѣка («Журн. Мин. Нар. Пр.», ч. XXII). С. скончался 25-ти лѣтъ отъ чахотки (21 мая 1840 г.) Въ лицѣ этого такъ рано умершаго таланта русская наука потеряла крупную силу, обладавшую прилежаніемъ истиннаго работника и широкимъ историческимъ кругозоромъ, что недоставало его брату, знаменитому археографу Павлу Михайловичу. Къ сожалѣнію, смерть унесла С. раньше, чѣмъ онъ испыталъ свои силы на какой-нибудь крупной исторической работѣ.

Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина", т. IV и V.—Милюковъ, „Главнѣйшія теченія русской исторической мысли".—Иконниковъ, „Скептическая школа".

В. Строевъ.

Стройниковъ, *Александръ Семеновичъ*, контръ-адмиралъ, родился 30 мая 1824 г. Въ 1839 г., 8 іюня, произведенъ въ гардемарины Черноморскаго флота, съ 1839 по 1841 г. на кораблѣ «Память Евстафія» крейсировалъ у восточнаго берега Чернаго моря и участвовалъ—въ 1839 г. при занятіи мѣстечка Псезуапе, а въ 1840 г.—мѣстечка Туапсе. 25 іюня 1843 г. произведенъ въ мичманы съ переводомъ въ Балтійскій флотъ, на судахъ котораго, сначала на кораблѣ «Арсисъ», потомъ на фрегатѣ «Екатерина», крейсировалъ до 1845 г., когда былъ командированъ къ работамъ по описи и промѣрѣ глубинъ Балтійскаго моря. Въ слѣдующемъ году С. возвращенъ былъ въ Черноморскій флотъ, гдѣ сначала плавалъ на транспортѣ «Ріонъ» между Николаевымъ и Севастополемъ, а потомъ (1847 г.) крейсировалъ на кораблѣ «Три Святителя». Въ 1848 г. на парахо-

дѣ «Силачъ» онъ находился въ составѣ Дунайской гребной флотиліи флагъ-офицеромъ при контръ-адмиралѣ Мессерѣ. Слѣдующія пять лѣтъ на корабляхъ «Три Святителя», «Три Іерарха», «Ягудіилъ», фрегатахъ «Флора» и «Мидія» С. крейсировалъ у восточнаго берега Чернаго моря, на кораблѣ «Парижъ» участвовалъ въ синопскомъ сраженіи, за которое получилъ орденъ Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ. 2 марта 1850 г. назначенъ адъютантомъ 5 бригады 5 флотской дивизіи, а 23 апрѣля произведенъ въ лейтенанты. Въ 1854 г. на кораблѣ «Три Святителя» С. былъ на севастопольскомъ рейдѣ, а съ 10 сентября по 11 октября состоялъ въ гарнизонѣ Севастополя. Въ слѣдующемъ году онъ командовалъ яхтой «Оріанда» при Николаевскомъ портѣ, въ 1856 г. былъ въ кампаніи на Одесскомъ рейдѣ, 26 августа назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба командира Севастопольскаго порта, а 8 сентября произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1860 г. онъ былъ переведенъ въ 3-ій сводный флотскій экипажъ, въ которомъ командовалъ транспортомъ «Килія» и корветомъ «Волкъ», плавая на нихъ по черноморскимъ портамъ, причемъ въ 1864 г.. за труды, оказанные при перевозкѣ моремъ дессантныхъ войскъ кавказской арміи и при высадкѣ ихъ у мыса Адлеръ, награжденъ орденомъ св. Станислава 2 ст. съ Импер. короною. 1 января 1866 г. С. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, пожалованъ крестомъ за службу на Кавказѣ, а 10 февраля слѣдующаго года назначенъ исправляющимъ должность николаевскаго полицеймейстера. 1 января 1870 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга. 6 сентября 1873 г. зачисленъ въ составъ 2-го черноморскаго герцога Эдинбургскаго экипажа, въ которомъ и находился до отставки, послѣдовавшей 2 августа 1882 г. вмѣстѣ съ производствомъ въ контръ-адмиралы. Скончался С. 21 мая 1886 г., на 62 г. жизни.

„Общій морской списокъ“, вып, XI.

Ф. К.

Стройниковъ, *Николай Семеновичъ*, контръ-адмиралъ, старшій братъ предыдущаго, родился 10 января 1813 г., умеръ 14 апрѣля 1872 г.; будучи произведенъ 2 марта 1829 г. изъ кадетовъ морского корпуса въ гардемарины Черноморскаго флота, онъ на кораблѣ «Іоаннъ Златоустъ» крейсировалъ у анатолійскихъ и румелійскихъ береговъ, участвовалъ при сожженіи подъ Пендеракліей турецкаго корабля и подъ Акчесарой—корвета и за отличіе въ этихъ дѣлахъ получилъ чинъ мичмана. Между 1832—1833 и 1835—1837 гг. С. на различныхъ судахъ дважды сдѣлалъ переходъ въ Константинополь, а оттуда въ Архипелагъ и Средиземное море, за первый изъ которыхъ былъ удостоенъ ордена Владиміра 4 ст. и чина лейтенанта, и въ теченіе слѣдующихъ трехъ лѣтъ (1838—1841) несъ сторожевую службу у абхазскихъ береговъ. Получивъ 23 февраля 1847 г. чинъ капитанъ-лейтенанта, онъ черезъ три года впервые былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго судна, брига «Орфей». Незадолго до начала Севастопольской кампаніи, именно въ сентябрѣ 1853 г., С., состоя командиромъ корвета «Андромаха» и входя въ составъ эскадры вице-адмирала П. С. Нахимова, участвовалъ въ замѣчательной перевозкѣ дессанта изъ Севастополя на кавказскій берегъ, а въ октябрѣ того же года былъ въ отрядѣ вице-адмирала Серебрякова при двухчасовой бомбардировкѣ укрѣпленія Св. Николая, занятаго турками, причемъ его корветъ «Андромаха» понесъ серьезныя поврежденія, а команда—небольшія потери. Послѣ недолгаго стоянія на Севастопольскомъ рейдѣ, С. 13 сентября 1854 г. былъ переведенъ въ гарнизонъ осаждаемой крѣпости, въ которой находился до 8 августа 1855 г.; раненый 10 декабря 1854 г. въ голову и контуженный въ плечо, онъ тѣмъ не менѣе оставался и дальше на своемъ посту и за рядъ отличій былъ пожалованъ Владиміромъ 4 ст., Анной 2 ст. съ Императорской короною и мечами и произведенъ въ капитаны 2 ранга. Съ производствомъ въ капитаны 1 ранга (2 октября 1858 г.) С. былъ отчисленъ въ запасъ, но послѣ непродолжительнаго перерыва вновь поступилъ на дѣйствительную службу съ прикомандированіемъ къ Черноморской штурманской ротѣ, въ которой состоялъ до 1867 г., когда былъ причисленъ къ Черноморскому экипажу. Въ контръ-адмиралы С. былъ произведенъ 1 января 1868 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ зачисленъ по резервному флоту. Кромѣ упомянутыхъ имѣлъ еще слѣдующіе знаки отличія: ордена—Анны 3 ст. (1850 г.) и

Георгія 4 кл. «за 18 морскихъ кампаній» (1855 г.) и крестъ «за службу на Кавказѣ» (1860 г.).

„Общій морской списокъ", ч. XI, Спб. 1900 г., стр. 638—640.—А. Кротковъ, „Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ", Спб., 1893 г., стр. 394, 479.—Ѳ. В. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса", Спб., 1852 г.—Жандръ, „Матеріалы для исторіи обороны Севастополя", Спб., 1859 г. стр. 57—66.—Дубровинъ, „Матеріалы для исторіи Крымской войны", Спб., 1871—73 гг.—„Морской Сборникъ", 1853 г., т. X, с. 44—48, т. XII, с. 153—155. *К. Р.*

Строкинъ, *Алексѣй Николаевичъ*, протоіерей, сынъ священника вологодской епархіи, родился въ 1825 г., высшее образованіе получилъ въ Петербургской духовной академіи (куда поступилъ въ 1845 г.) и въ 1849 г. по окончаніи курса со степенью магистра былъ оставленъ при ней «въ званіи адъюнктъ-профессора», а въ 1850 г. рукоположенъ во священника къ церкви Дворянскаго полка (нынѣ Константиновское училище) съ назначеніемъ на должность законоучителя. Ту же должность съ 1852 г. С. занималъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1854 г. былъ переведенъ священникомъ и законоучителемъ въ Александровскій лицей, гдѣ, кромѣ закона Божія, преподавалъ психологію и логику. Въ 1855—1856 г. онъ несъ должность законоучителя также въ институтѣ принцессы Ольденбургской и въ земледѣльческомъ училищѣ. Въ санъ протоіерея возведенъ въ 1864 г. Обладая блестящимъ даромъ слова и обширными познаніями въ области церковной исторіи и догматическаго богословія, С. былъ выдающимся проповѣдникомъ и законоучителемъ и съ этой стороны явился достойнымъ замѣстителемъ въ лицеѣ извѣстнаго протоіерея Іоакима Семеновича Кочетова. Въ лицеѣ онъ прослужилъ до самой смерти, послѣдовавшей 21 іюля 1870 г. Незадолго до кончины былъ отпразднованъ юбилей его 20-лѣтней педагогической и церковнослужительской дѣятельности, и по этому поводу С. удостоился получить изъ Кабинета Его Величества золотой наперсный крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями. Въ «Духовной Бесѣдѣ» (1861 г., № 44) напечатано его «Слово по случаю 50-лѣтняго юбилея Императорскаго Александровскаго лицея».

„Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи", вып. VI, ч. 2, стр. 212.—„Памятная книжка Императорск. Александровскаго лицея на 1886 г.", Спб., 1886 г., стр. 80 — 82; прилож., стр. 30. — „Псковскія Епархіальн. Вѣдом.", 1870 г. (надгробное слово, произнесенное преосвящен. Павломъ).—А. Родосскій, „Біографическій словарь первыхъ 28-ми курсовъ С.-Петербургской духовной академіи, 1814 — 1869 гг.", Спб., 1907 г., стр. 482. — И. А. Бычковъ, „Описаніе рукописей П. И. Саввантова", вып. 2, стр. 39; въ этомъ трудѣ содержится указаніе на набросокъ „Некрологической статьи о законоучителѣ А. Н. Строкинѣ", принадлежащій перу П. И Саввантова и вмѣстѣ съ другими рукописями хранящійся нынѣ въ Императорской Публичной библіотекѣ.—Н. Селезневъ, „Историческій очеркъ Импер., бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго лицея", Спб., 1866 г., стр. 334, 449.—„Былое". *А. З.*

Строкинъ, *Михаилъ Порфирьевичъ*, духовный композиторъ, сынъ кронштадтскаго протоіерея, родился въ 1832 г., умеръ 7 іюня 1887 г. въ Кронштадтѣ. Воспитывался сначала въ Петербургской духовной семинаріи, откуда въ 1859 г. перешелъ въ Петербургскую же духовную академію, курсъ которой въ 1864 г. окончилъ со степенью кандидата. Уже на студенческой скамьѣ С. интересовался духовною музыкою и этому предмету посвятилъ свое выпускное сочиненіе—«Исторія церковнаго пѣнія въ Россіи», удостоенное лестной профессорской оцѣнки. Вскорѣ по выходѣ изъ академіи, въ январѣ 1864 г., С. былъ назначенъ преподавателемъ логики и психологіи въ Смоленскую духовную семинарію, а въ 1865 г., по собственной просьбѣ, переведенъ псаломщикомъ къ православной придворной церкви въ Штуттгартъ, откуда въ началѣ 1870-хъ гг. перешелъ въ Петербургскую духовную семинарію на должность учителя нѣмецкаго языка и церковнаго пѣнія, преподаваніемъ послѣдняго предмета занимаясь одновременно и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга,—Маріинскомъ институтѣ и училищахъ Человѣколюбиваго общества. Наконецъ, въ 1882 г. онъ оставилъ педагогическую дѣятельность и перешелъ въ Кронштадтъ на гражданскую службу по морскому вѣдомству. Глубокій знатокъ и тонкій цѣнитель духовной музыки и церковнаго пѣнія, С. еще въ бытность въ академіи руководилъ ея хоромъ, а позже основалъ цѣлый рядъ частныхъ любительскихъ кружковъ пѣнія. Какъ духовный композиторъ онъ находился подъ вліяніемъ свѣтской музыки, особенно итальянской школы,

и былъ не особенно плодовитъ. Однако, то немногое, что написано имъ, обнаруживаетъ несомнѣнное музыкальное творчество, прошедшее хорошую школу. Главнѣйшія черты, которыми проникнута его музыка — строгое единство, вполнѣ отвѣчающее своему предмету, и чуждость какихъ-либо крайностей; мелодіи его спокойны, торжественны, иногда грустны и часто трогаютъ сердце. Изъ духовныхъ его композицій извѣстны: «Зряще мя безгласна», «Нынѣ отпущаеши» (на 4 мужскихъ голоса), «Богородице Дѣво», «Хвалите Имя Господне» (на 2 хора), «Херувимская», «Милость міра», «Тебѣ поемъ», «Хвалите Господа небесъ» и др.; большинство этихъ произведеній вошло въ сборникъ «Духовно-музыкальныя сочиненія Строкина», изданный въ 1889 г., уже послѣ смерти автора, хоромъ городскихъ церквей въ Кронштадтѣ. Еще при его жизни былъ напечатанъ популярный свѣтскій дуэтъ «Бѣлѣетъ парусъ одинокій».

Надеждинъ, „Исторія С.-Петербургской духовной семинаріи“, стр. 570. — „Духовный Вѣстникъ“, 1897 г., № 11, стр. 217.—„Церковный Вѣстникъ“, 1889 г., № 43.—А. Родосскій, „Біографическій словарь студентовъ первыхъ 28-ми курсовъ въ С.-Петерб. духовной академіи, 1814—1869 гг.“, Спб., 1907 г., стр. 483.— „Энциклопед. словарь“ Брокгауза-Ефрона, т. 31, s. v. *П. Г.*

Стромиловъ, *Алексѣй*. Писалъ въ 1424 г. третью духовную грамоту великаго князя московскаго Василія Дмитріевича о раздѣлѣ, по смерти его, движимаго и недвижимаго имѣнія между его сыномъ, княземъ Вас. Вас., и женой его Софіей Витовтовной. Подлинная грамота подписана по-гречески (послѣ подписи С.) митрополитомъ московскимъ и всея Руси Фотіемъ.

„Собр. Гос. Гр. и Дог.“ I, 85.—„Др. Рос. Вивл.“, VIII, с. 352. — Карамзинъ, „Исторія госуд. Рос.“, V, пр. 227. — Соловьевъ, „Исторія Россіи“, IV, с. 50.—Руммель и Голубцовъ, II, с. 419.—„Русск. историч. альбомъ“, изд. М. Погодинымъ, М., 1853 г., л. 1-ый, № 7.

Стромиловъ, *Иванъ Николаевичъ*, вице-адмиралъ, родился 27 января 1817 г., воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ который поступилъ въ 1832 г.; черезъ 2 года былъ произведенъ въ гардемарины, въ 1836 г. повышенъ въ мичмана и судахъ Балтійскаго флота, «Орлѣ», «Арсисѣ», «Не тронь меня», «Надеждѣ», «Прозерпинѣ» и «Александрѣ», совершая болѣе или менѣе отдаленные переходы, плавалъ по Балтійскому морю вплоть до 1838 г., когда былъ прикомандированъ къ офицерскимъ классамъ. Произведенный въ 1839 г. въ лейтенанты, С. изъ Балтійскаго флота перешелъ въ Черноморскій, на судахъ котораго «Адріанополь« и «Орестъ» крейсировалъ у крымскихъ и восточныхъ береговъ Чернаго моря. Въ 1841 г., состоя въ эскадрѣ контръ-адмирала Станюковича, С. принималъ участіе въ бомбардированіи кавказскаго берега отъ укрѣпленія Св. Духа до порта Навагинскаго, предпринятаго съ цѣлью разрушить завалы горцевъ и очистить путь пѣхотному отряду ген. Аврепа. На бригѣ «Паламедъ» С. въ теченіе 1842—1843 гг. перешелъ изъ Одессы въ Константинополь, а оттуда въ Архипелагъ и обратно, послѣ чего былъ возвращенъ въ Балтійскій флотъ. За участіе въ тушеніи пожара въ Килѣ (1845 г.) онъ получилъ отъ датскаго правительства орденъ «Данеброга» и отъ русскаго—св. Анны 3-й ст. Между 1847—1853 гг. онъ на различныхъ судахъ крейсировалъ въ Балтійскомъ морѣ и въ 1850 г. былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1854 г., командуя батальономъ шхерной гребной флотиліи, С. находился при защитѣ г. Або отъ нападенія англо-французскаго флота и за оказанныя имъ въ этой кампаніи заслуги былъ награжденъ орд. св. Анны 2-й ст. Въ лѣтнее время 1855—1857 гг., командуя корветомъ «Князь Варшавскій», совершалъ плаванія со сторожевыми цѣлями въ Финскомъ заливѣ, а въ 1858—1859 гг. на винтовомъ корветѣ «Гридень» совершилъ продолжительное плаваніе въ Тихій океанъ. По возвращеніи въ Кронштадтъ, С. 8 сентября 1859 г. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, а 17 марта слѣдующаго года назначенъ начальникомъ гидрографической части въ Архангельскѣ, гдѣ пробылъ до 18 декабря 1861 г., когда былъ возвращенъ въ Кронштадтъ съ назначеніемъ командиромъ 4-го флотскаго экипажа. Повышенный въ 1862 г. въ капитаны 1-го ранга, онъ командовалъ винтовымъ корветомъ «Ретвизанъ», затѣмъ «Цесаревичъ», съ 1863 г.—5-мъ флотскимъ экипажемъ, съ 1865 г.—11-мъ и съ 1866 по конецъ 1870 г.—2-мъ флотскимъ экипажемъ. 1 января 1871 г. С. былъ пожалованъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ вторымъ комендантомъ Кронштадта, черезъ 3 года будучи повышенъ въ первые

коменданты той же крѣпости. Наконецъ, 1 января 1881 г. онъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы, а 27 мая 1885 г. зачисленъ по флоту съ отставленіемъ отъ должности коменданта. Въ теченіе своей долголѣтней службы, кромѣ упомянутыхъ орденовъ, получилъ еще рядъ знаковъ отличія до орденовъ Бѣлаго Орла и Александра Невскаго включительно.

„Общій морской списокъ", ч. XI, Спб., 1900 г., стр. 641—643.—Ѳ. В. Веселаго, „Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса съ приложеніемъ списковъ воспитанниковъ за 100 лѣтъ", Спб. 1852.—Его же, „Краткія свѣдѣнія о русскихъ морскихъ сраженіяхъ за два столѣтія, 1656—1856 г.г.", Спб., 1871 г.—„Морской Сборникъ", 1850 г., № 5, стр. 422—430; № 6, стр. 547—555. *К. Рожковъ.*

Стромиловъ, *Юрій Яковлевичъ*, ум. 24 февраля 1629 г. Въ 1610—14 гг. второй воевода въ Березовѣ; первымъ воеводой былъ Степ. Ив. Волынской. За время ихъ воеводства сохранилось нѣсколько царскихъ грамотъ, касающихся, главнымъ образомъ, остяковъ: 1) дозволяется остякамъ Муалымскаго городка, на устьѣ Иртыша, платить ясакъ не въ Березовѣ, который отдаленъ отъ нихъ, а въ Сургутѣ; 2) подгородніе остяки освобождаются отъ рыбной подати, а старые, увѣчные и малолѣтніе—отъ платы ясака; 3) запрещается новокрещеннымъ остякамъ и русскимъ служилымъ людямъ раскапывать могилы березовскихъ остяковъ-язычниковъ и воровать зарытыя въ нихъ вещи; 4) дозволяется хоронить березовскихъ остяковъ, за измѣну казненныхъ въ 1607 и 1608 гг. черезъ повѣшеніе и продолжающихъ находиться на висѣлицѣ.—Предшественникъ С., березовскій воевода кн. Черкасскій, получилъ царское приказаніе строить вновь городъ (разумѣется—крѣпостца) Березовъ; Волынской и С., осмотрѣвъ городъ, донесли, что онъ можетъ простоять еще лѣтъ десять или больше, а если строить новый городъ ясашными людьми, то нельзя будетъ собирать съ нихъ соболиной казны. Вслѣдствіе этого донесенія постройка новаго города отмѣнена и велѣно только расширить острогъ, который они находили тѣснымъ. Въ 1616 г. С. былъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ отъ Неглинной до Яузы, а въ 1619 г. объѣзжимъ головой въ Китаѣ-городѣ. Въ 1617 г. судья во Владимірскомъ Судномъ приказѣ. Въ 1619—20 гг.—воевода въ Устюгѣ; сохранилась составленная имъ переписная книга.

„Разр. кн.", I, 198, 408, 409, 664.—„Дв. разр.", I, с. 154, 234, 428.—„Рус. Ист. Библ.", II, с. 172, 173, 175, 199, 200, 202, 203, 213; XII, с. 494, 496, 556, 579, 581, 930.—Руммель, II, с. 426—27.—Миллеръ, „Описаніе Сибирскаго царства", Спб., 1750 г., гл. III, с. 210.—Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ", Спб. 1902 г., с. 14, 260.—„Др. Рос. Вивл.", III, с. 123.—„Древн. Росс. Вивл.", ч. VI, стр. 191.—„Акты Археогр. Экспед.", т. II, № 7, стр. 45.—„Времен. Импер. Моск. Общ. исторіи и древн. Рос.", кн. 3, М., 1849 г., стр. 135.—„Вкладная книга ризницы св. Троице-Сергіев. лавры 1673 г.", № 3, гл. 138. *В. Корсакова.*

Стромиловъ, *Ѳедоръ*, дьякъ *введенный* Іоанна III. Въ XV и первой половинѣ XVI вв. такъ назывались дьяки, входившіе въ составъ Боярской думы и впослѣдствіи переименованные въ думныхъ дьяковъ. Въ 1497 г., когда Іоаннъ III намѣревался объявить наслѣдникомъ великокняжескаго престола внука своего Димитрія, сына умершаго Іоанна Молодого (отъ перваго брака Іоанна III съ княг. Марьей Тверской), сторонниками Софіи Палеологъ, второй жены Іоанна III, и князя Василія, родившагося отъ этого брака, явилось нѣсколько дѣтей боярскихъ и дьяковъ. Они набрали и другихъ соумышленниковъ и тайно привели ихъ къ крестному цѣлованію. Во главѣ заговора стоялъ С., какъ видно—наиболѣе приближенный къ Василію человѣкъ, такъ какъ въ лѣтописи сказано, что Василій узналъ отъ «дьяка своего», С., о намѣреніи Іоанна III назначить своимъ наслѣдникомъ Димитрія. Приближенные Василія совѣтовали ему уѣхать изъ Москвы, захватить государеву казну въ Вологдѣ и на Бѣлоозерѣ, а надъ кн. Димитріемъ «израду учинить». Слухъ о заговорѣ дошелъ до великаго князя, и сдѣланъ былъ розыскъ. Къ кн. Василію приставлена стража, а Софія подверглась гнѣву Іоанна за то, что къ ней приходили «бабы съ зеліемъ». Послѣ обыска этихъ бабъ приказано было ночью утопить въ Москвѣ-рѣкѣ, а главные виновники заговора казнены 27 декабря 1497 г. на Москвѣ-рѣкѣ, на льду: дьякамъ С. и Гусеву и дѣтямъ боярскимъ кн. Палецкому-Хрулю и Щавью Скрябину-Травину—отсѣкли головы; Еропкину отсѣкли руки, ноги и голову, а Поярку—руки и голову.

„Ник. Лѣт.", VI, 151.—„Софійскій Временникъ", II, с. 257, 353.—Экземплярскій, „Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси", I,

270.—Карамзинъ, „Исторія госуд. Рос.“, VI, с. 171, пр. 444.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, V, 3-е изд., с. 84—85.—Лихачевъ, „Разрядные дьяки“, с. 181.

В. Корсакова.

Стронинъ, *Александръ Ивановичъ*, соціологъ, писатель, род. 20 февраля 1826 г. въ слободѣ Ракитиной, Хотмышскаго уѣзда, Курской губерніи, умеръ 29 января 1889 г. въ Ялтѣ. Прадѣдъ его, родомъ, вѣроятно, полякъ, еще при Екатеринѣ II поселился въ слободѣ Ракитиной, принадлежавшей князю Юсупову, и послѣ всеобщей переписи, самъ не зная какъ, очутился въ числѣ крѣпостныхъ князя. Отецъ С., простой крѣпостной, бывшій казначеемъ въ главномъ Ракитинскомъ правленіи имѣній князя Юсупова, былъ человѣкъ умный и въ своей средѣ выдающійся. Научившись у дьячка элементарной грамотѣ, онъ до того пристрастился къ чтенію, что, за неимѣніемъ средствъ для пріобрѣтенія книгъ, все особенно нравившееся въ нихъ попросту цѣликомъ переписывалъ и даже срисовывалъ встрѣчавшіеся среди текста рисунки. Такимъ образомъ онъ переписалъ поэмы Пушкина, сочиненія Жуковскаго, отрывки изъ Карамзина, рядъ трудовъ по исторіи, архитектурѣ, сельскому хозяйству, физикѣ и т. д. Каково было вліяніе отца на С., видно изъ дневника послѣдняго, гдѣ, касаясь собственнаго воспитательнаго вліянія на учениковъ, онъ говоритъ: «Справедливость, безкорыстіе, безпристрастіе были всегда одинаковы: тутъ мѣры мнѣ не надо было искать, она была готова давно—изъ дому». Естественно, что при такой страсти къ книгамъ и такомъ складѣ своего характера, отецъ С. не могъ оставить своего сына безъ образованія и въ этомъ отношеніи сдѣлалъ все, что было въ его силахъ; спачала онъ отдалъ его въ Прилукское уѣздное училище, а затѣмъ, не довольствуясь этимъ, въ награду за свое усердіе и честность добился у князя Б. Н. Юсупова для своего сына вольной и помѣстилъ его во 2-ю Кіевскую гимназію. Гимназическій курсъ С. окончилъ въ 1844 г. и поступилъ на словесный факультетъ Кіевскаго университета, откуда въ 1848 г. вышелъ со степенью кандидата и какъ казеннокоштный студентъ былъ опредѣленъ младшимъ учителемъ исторіи въ Каменецъ-Подольскую гимназію, а черезъ годъ—переведенъ преподавателемъ русскаго языка въ Немировъ. Въ концѣ 1852 г. за столкновеніе съ инспекторомъ С. по распоряженію начальства былъ перемѣщенъ въ Константиноградское уѣздное училище, въ ноябрѣ 1853 г. перешелъ въ Новгородсѣверскую гимназію, а въ 1855 г.—въ Полтавскую гимназію старшимъ учителемъ исторіи. «Это было самое лучшее время изъ моей педагогической карьеры», пишетъ С. въ своемъ дневникѣ, «и въ то же время и послѣднее въ этой карьерѣ. Здѣсь я пробылъ цѣлыхъ семь лѣтъ—и при томъ какихъ лѣтъ: отъ 1855 до 1862 г., т. е. всѣ первые годы новаго царствованія»... Вскорѣ С. сталъ извѣстенъ, какъ чрезвычайно опытный и талантливый педагогъ, и за нимъ утвердилась блестящая педагогическая репутація. «Мнѣ это тѣмъ пріятнѣе», пишетъ онъ, «что всѣмъ я обязанъ единственно себѣ, своему собственному разумѣнію. Никакихъ семинарій или педагогическихъ курсовъ тогда не было, никакихъ педагогическихъ или дидактическихъ книгъ я не читалъ, никакихъ примѣровъ хорошаго преподаванія не видѣлъ. Все же, что приходилось дѣлать для облегченія передачи знаній, надо было изобрѣтать самому, своимъ собственнымъ умомъ, такъ что только впослѣдствіи и случайно узнавалъ я, что тотъ или другой пріемъ, казавшійся мнѣ моимъ собственнымъ, давно уже рекомендованъ Дистервегомъ, Песталоцци и др.». Время службы С. въ Полтавѣ совпало съ эпохой общественнаго подъема 60-хъ годовъ. Будучи человѣкомъ энергичнымъ и страстно убѣжденнымъ въ необходимости для народа грамотности, С. принялъ самое дѣятельное участіе въ устройствѣ воскресныхъ школъ для народа и въ руководствѣ ими; онъ настолько отдался этому дѣлу, что составилъ и напечаталъ даже спеціальный учебникъ, «Азбуку для Полтавской воскресной школы» (Полтава, 1861 г.), при которой приложена также программа воскресныхъ чтеній по естественнымъ наукамъ и литературѣ «для людей всякаго званія и пола». Принималъ онъ также дѣятельное участіе въ открытіи женской гимназіи въ Полтавѣ, причемъ вмѣстѣ съ другими учителями согласился преподавать въ ней безвозмездно. Въ свободное отъ занятій время С. любилъ путешествовать, причемъ въ одну изъ поѣздокъ въ Западную Европу посѣтилъ, между прочимъ, Лондонъ, гдѣ жилъ тогда Герценъ. Благодаря этому, вѣроятно, въ Полтавѣ вскорѣ разнесся слухъ, что С.

состоитъ корреспондентомъ Герценовскаго «Колокола». Такъ какъ вообще высшая мѣстная администрація косо смотрѣла на общеполезную дѣятельность полтавской гимназіи, то вскорѣ у С. былъ сдѣланъ обыскъ, причемъ были найдено нѣсколько неразрѣшенныхъ, впрочемъ, среди читающихъ круговъ обильно распространенныхъ брошюръ и рукописныя выдержки изъ разныхъ заграничныхъ изданій. Педагогическая дѣятельность С. послѣ этого, конечно, не могла продолжаться; 24 іюня 1862 г., по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, онъ былъ уволенъ отъ службы, а 3 сентября того же года арестованъ «за распространеніе возмутительныхъ сочиненій и брошюръ», отвезенъ въ Петербургъ и посаженъ въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ пробылъ до начала 1863 г. На основаніи найденныхъ у него при обыскѣ бумагъ и переписки съ также арестованными учителемъ Шевичемъ и капитаномъ Лободой, ему было предъявлено обвиненіе «въ дѣятельномъ участіи въ образованіи кружковъ для возбужденія, подъ видомъ общества грамотности, неудовольствія народа къ правительству, съ цѣлью отдѣленія Малороссіи». Такимъ образомъ его дѣятельность въ обществахъ грамотности, воскресныхъ школахъ, комитетахъ по устройству народныхъ библіотекъ и народныхъ лекцій, наконецъ, намѣреніе издавать газету—все это было принято за проявленіе пропаганды сепаратизма Малороссіи. Однако, за отсутствіемъ болѣе вѣскихъ доказательствъ, подтверждавшихъ бы обвиненіе, суду онъ не былъ преданъ, а послѣ многократныхъ допросовъ передъ особой слѣдственной коммисіей, сосланъ на жительство въ Архангельскую губернію. Въ январѣ 1863 г. С. прибылъ въ Мезень и прожилъ тамъ до [illegible]ы, когда былъ назначенъ дворянскимъ засѣдателемъ въ Пинежскій уѣздный судъ, [illegible]тое явленіе, что за отсутствіемъ въ глухихъ краяхъ интеллигентныхъ людей административно-ссыльные принимались на службу въ правительственныя учрежденія. Затѣмъ, по распоряженію суда, онъ исправлялъ обязанности судебнаго слѣдователя г. Пинеги и его уѣзда. 1 марта 1867 г. С. былъ перемѣщенъ дворянскимъ засѣдателемъ въ Архангельскій уѣздный судъ, а 26 мая того же года допущенъ къ исправленію должности уѣзднаго судьи Шенкурскаго уѣзднаго суда. Въ маѣ 1869 г. онъ получилъ извѣстіе объ освобожденіи его отъ надзора и возвращеніи ему права повсемѣстнаго жительства; онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь служилъ съ 30 ноября 1869 г. при Государственномъ контролѣ, а съ 3 августа 1871 г. до 13 іюля 1873 г. состоялъ присяжнымъ повѣреннымъ Петербургскаго судебнаго округа. 27 іюня 1873 г. онъ былъ назначенъ мировымъ судьей въ Лепельскій уѣздъ Витебской губерніи, а 3 марта 1876 г. перемѣщенъ председателемъ съѣзда мировыхъ судей 1-го округа Люблинской губерніи. Въ 1877 г. С. былъ причисленъ къ министерству путей сообщенія, а 1 мая 1878 г. назначенъ юрисконсультомъ по этому министерству. 1 апрѣля 1879 г. онъ получилъ чинъ дѣйствит. статскаго совѣтника, 16 января 1887 г. былъ назначенъ членомъ совѣта министерства путей сообщенія, съ оставленіемъ въ должности юрисконсульта, а 4 октября того же года уволенъ въ отставку по болѣзни, послѣ чего поселился въ Ялтѣ, гдѣ и скончался. Таковы въ общихъ чертахъ внѣшнія событія въ жизни человѣка, нѣкогда обвинявшагося въ государственномъ преступленіи, а позже дослужившагося до виднаго чиновнаго поста.

Извѣстность С., какъ соціолога, основана, главнымъ образомъ, на трехъ его большихъ трудахъ — «Исторія и методъ» (Спб., 1869), «Политика какъ наука» (Спб., 1872) и «Исторія общественности» (Спб., 1885),—охватывающихъ собою всю совокупность соціологіи и составляющихъ по этой наукѣ полный и законченный трактатъ, раздѣленный на три части: о методѣ и общихъ принципахъ, о строеніи общества и о развитіи общества. Увлеченіе естествознаніемъ, охватившее тогда русское общество, появленіе историческихъ трактатовъ Бокля и Дрепера, громадное впечатлѣніе, произведенное на весь образованный міръ ученіемъ Дарвина — все какъ бы соединилось для того, чтобы указать С. пути для задуманной имъ перестройки исторической науки. Стремленіе сблизить, обобщить и даже отождествить обществознаніе съ естествознаніемъ составляетъ отличительное свойство трудовъ и основу системы С.

Нужно отмѣтить, что работы С. появились одновременно съ первыми трудами

Герберта Спенсера, выдвинувшими вопросъ объ органическомъ строеніи общества, и раньше соціологическаго трактата Шеффле, исходившаго изъ того же принципа. С., слѣдовательно, собственнымъ мышленіемъ дошелъ до той же органической теоріи, проведенной имъ со страстною парадоксальностью сильнаго и оригинальнаго ума. Въ первомъ изъ вышеупомянутыхъ трудовъ, именно въ «Исторіи и методѣ», С. вложилъ самыя основы своего соціологическаго міросозерцанія. Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ трудахъ онъ является прежде всего позитивистомъ и послѣдователемъ Огюста Конта, но въ своемъ отношеніи къ послѣднему онъ представляетъ изъ себя новатора, рѣзко отличающагося отъ тѣхъ приверженцевъ знаменитаго французскаго соціолога, которые «съ сектантской нетерпимостью, остановившись на «Курсѣ положительной философіи», отвергаютъ все то, что не согласуется съ этимъ евангеліемъ, и объявляютъ себя едва ли не единственными хранителями настоящаго ученія Конта». Для созданія соціологіи, по мнѣнію С., необходимо прибѣгнуть къ тому роду дедукціи, который еще не примѣнялся въ обществовѣдѣніи, именно къ аналогическому методу, состоящему въ перенесеніи въ обществовѣдѣніе законовъ и аксіомъ, признанныхъ въ другихъ сферахъ знанія. Подобныя заимствованія изъ одной науки для другой давали всегда весьма цѣнные результаты и вели къ величайшимъ открытіямъ, освѣщая и объясняя сразу цѣлые ряды явленій или фактовъ, связь которыхъ между собою или съ этими законами и не подозрѣвалась. При этомъ аналогичность законовъ пропорціональна близости родства между науками, въ ряду которыхъ, по классификаціи Конта, первое мѣсто занимаетъ математика— наука пространства и времени, а послѣднее — соціологія. Каждая предыдущая наука, будучи трансцедентальнѣе и проще, входитъ своими законами въ каждую изъ послѣдующихъ. Увлекшись желаніемъ примѣнить математику къ соціологіи, С. создалъ своеобразную механическо-геометрическую теорію общества. Согласно этой теоріи, строеніе общества высшаго порядка, т. е. государства—чисто пирамидальное съ заостреннымъ концомъ или верховной властью, сосредоточенной въ одномъ лицѣ, съ верхнимъ небольшимъ тетраэдромъ, населеннымъ «природовладѣльцами» (обладателями силъ природы), изъ которыхъ выходятъ законодатели, судьи и т. п., средней сферической трапеціей—буржуазіей, владѣющей капиталомъ, и нижнимъ широкимъ основаніемъ — пролетаріатомъ (обладателями живой мускульной силы). Свою теорію С. старается доказать на основаніи законовъ механики—динамики и статики. Согласно первой, пирамидальная форма наиболѣе пригодна для разсѣченія пробѣгаемой среды, т. к. тѣло должно быть обращено въ сторону движенія наименьшей своей поверхностью, а согласно второй, безъ широкаго и неподвижнаго основанія внизу нѣтъ устойчивости. Прочнѣйшая и совершеннѣйшая форма общества, по мнѣнію С.,—федеративная, совмѣщающая самое большое разнообразіе съ единствомъ.

Система С. подняла цѣлую бурю, такъ какъ аналогическій методъ въ обществовѣдѣніи и органическая теорія общества еще никѣмъ не была доведена до такого крайняго выраженія и проведена съ такой крайней послѣдовательностью и парадоксальностью, какъ это сдѣлалъ онъ. «Никто изъ другихъ аналогистовъ и органицистовъ», пишетъ одинъ критикъ, «не осмѣлился быть до такой степени послѣдовательнымъ и не дерзнулъ сдѣлать всѣ выводы изъ доктрины, уподобляющей общество организму, а законы общественнаго прогресса—законамъ прогресса органическаго». Почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ появился рядъ болѣе или менѣе рѣзкихъ критическихъ отзывовъ о трудахъ С., быстро создавшихъ ему громкую извѣстность. Изъ этихъ критическихъ разборовъ особенно слѣдуетъ отмѣтить статьи Михайловскаго, де-Роберти, Спасовича и Карѣева. Уже одни эти имена, выступившія противъ С., показываютъ съ несомнѣнностью большое историческое значеніе сочиненій С. Послѣдній изъ вышеупомянутыхъ трехъ трудовъ С., именно «Исторія общественности», надъ которой онъ работалъ почти 12 лѣтъ, не есть исторія въ строгомъ смыслѣ этого слова, «она не изображаетъ движенія человѣчества въ послѣдовательныхъ смѣнахъ поколѣній и эпохъ, въ преемственности народовъ и цивилизацій». С., напротивъ, раздѣляетъ «общественность» на ея «элементы» и начертываетъ форму эволюціи каждаго элемента,

сравнивая для этого факты изъ исторіи всѣхъ эпохъ, народовъ и цивилизацій, ибо каждый элементъ, по его мнѣнію, имѣетъ свою эволюцію.

Въ отвѣтъ на многочисленные отзывы о его сочиненіяхъ С. напечаталъ «Комментарій» къ «Политикѣ какъ наукѣ», помѣщенный въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за 1873 г. (№№ 128 и 133). Значительный интересъ представляютъ и многочисленныя газетныя и журнальныя статьи С. «Каждая изъ нихъ,—пишетъ онъ въ предисловіи къ предполагавшемуся имъ отдѣльному изданію этихъ статей,—развиваетъ какую-нибудь страницу моей «Исторіи», моей «Политики», моего «Метода», а потому и издаются онѣ какъ дополненіе тѣхъ». Такъ какъ списка этихъ статей нигдѣ нѣтъ, то приводимъ ихъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ: «Циркуляръ 19 октября 1870 г.» («Спб. Вѣд.», 1870 г., № 324); «Классицизмъ и реализмъ« (ibid., 1871 г., № 123); «Уголовная адвокатура» (ibid., 1871 г., № 156); «Гражданская адвокатура» (idid., № 159): «Три рѣчи и три адвоката» (ibid., № 199); «Pro paupero« (ibid., № 152); «Теорія доказательствъ» (ibid., 1872 г., № 136); «Дуэль» (ibid., № 229); «Г. Сергѣевичъ» (ibid., 1873 г., № 182); «Сѣверо-Западный край» (ibid., №№ 306 и 324); «Сцены у мирового судьи Витебской губерніи» («Кіевскій Телеграфъ», 1873 г., № 304; 1875 г., № 74); «Судебная реформа въ Царствѣ Польскомъ» («Новое Время», 1876 г., №№ 288 и 300); «Князь Чарторыжскій и гр. Платеръ» и «Вольтеръ о военномъ вопросѣ и русская болѣзнь» (ibid., 1877 г.); «Свершилось», подъ псевд. «Алеко» («Собесѣдникъ», 1877 г., № 16); «Столица и провинція», подъ тѣмъ же псевдонимомъ (ibid., № 31); «О книгѣ г. Лесевича» (ibid., № 38); «Польскій кризисъ» («Сѣверн. Вѣстникъ», 1877 г., № 80); «Новаторъ въ публицистикѣ» («Биржевыя Вѣдомости», 1877 г., № 317); «Некрасовъ и его критики» («Сѣверный Вѣстн.», 1878 г., № 58); «Роскошь въ инстанціяхъ» («Москва», 1879 г., № 146); «Status in Statu» («Молва», 1879 г., № 247); «Нашъ консерватизмъ» («Русская Правда», 1879 г., № 52); Причина радикализма» (ibid., № 59); «Совмѣщеніе должностей» (ibid., №№ 69 и 74), «Ультрафилантропія» (ibid., № 88); «Либеральный и консервативный» (ibid., № 90); «Ретроградство» (ibid., № 103); «Наше гостепріимство» (ibid., № 105); «Общинное землевладѣніе и Блунчли» (ibid., № 137); «Положеніе» (ibid., 1880 г., 1 марта); «Обратная сторона» (ibid., 4 марта); «Заговоры» (ibid., 6 марта); «Средній уровень международный» (ibid., 13 марта); «Гдѣ виноватый?» (ibid., 14 марта); «Центръ и окраины» («Восточн. Обозрѣніе», 1882 г. № 31); «Центральная и провинціальная пресса» (ibid., № 5); «Провинціализмы» (ibid., № 8); «Внутренній восточный вопросъ» (ibid., № 10); «Тактика мирной борьбы» (ibid., № 24); «Колонія и метрополія» (ibid., 1884 г., № 36); «Судебная ошибка» («Судебная Газета», 1885 г., № 3). Кромѣ того, въ «Nordische Presse» (1870 г., № 256) С. напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ статью «Развитіе кризиса во Франціи». Въ томъ же 1870 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ двѣ брошюры на злобу дня, именно: «Франція или Германія?» и «Миръ или война?» (Спб.), въ 1877 г. издалъ «Анекдотическую исторію текущей войны», въ которой имъ были собраны всѣ лучшія корреспонденціи о войнѣ, а въ 1886 г. напечаталъ сборникъ переведенныхъ имъ стихотвореній Байрона подъ заглавіемъ «Байронъ въ переводахъ Алеко» (Спб.) Переводы С. превосходно схватываютъ мотивы знаменитаго англійскаго поэта и отличаются точностью передачи мысли, образностью и поразительной сжатостью стиха; книга разбита на 4 рубрики: «Еврейскія мелодіи», «Наполеонъ по Байрону», «Семейныя стихотворенія» и «Байронизмъ, какъ форма»; къ послѣдней группѣ отнесены стихотворенія, въ которыхъ наиболѣе отразился внутренній міръ поэта (см. отзывъ Д. Мордовцева въ «Новостяхъ», за 1886 г., апрѣль).

Остается еще сказать о дѣятельности С., какъ популяризатора. Ему принадлежатъ нѣсколько удачныхъ популярныхъ книжекъ по естествознанію, напечатанныхъ подъ псевдонимомъ «Ивановъ» и разошедшихся въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ. Его «Разсказы о землѣ и небѣ», которымъ авторъ сумѣлъ придать такой живой интересъ, что ими буквально зачитывались въ деревнѣ, вышли въ 1902 г. 7-мъ изданіемъ. Его четыре другихъ брошюры для народа, нѣсколько

уступающія, впрочемъ, первой, именно: «Разсказы о силахъ земныхъ», «Разсказы о жизни земной», «Разсказы о человѣческой жизни», «Разсказы о царствѣ Бовы-королевича» (всѣ—Спб., 1873 г.), вышли въ 1902 г. 2-мъ изданіемъ. Послѣдняя книжка, между прочимъ, представляетъ единственную попытку изложить въ популярной, тѣмъ не менѣе вполнѣ литературной формѣ понятія экономическаго и юридическаго характера.

Въ Императорской Публичной библіотекѣ хранится дневникъ С., веденный имъ съ 1848 г., т. е. со времени поступленія его на службу, до самой своей смерти. Дневникъ этотъ имѣетъ слѣдующій эпиграфъ: «Исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, когда писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе. Исповѣдь Руссо имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что онъ читалъ ее своимъ друзьямъ» (Лермонтовъ). Многія мѣста изъ этого дневника представляютъ большой интересъ, особенно за время ареста С., пребыванія его въ Алексѣевскомъ равелинѣ и въ ссылкѣ. Интересны также тѣ части дневника, въ которыхъ С. касается своихъ литературныхъ трудовъ, цензурныхъ препятствій и т. д. Въ Публичной библіотекѣ же находятся и оставшіеся въ рукописи переводы «Божественной Комедіи» Данте, «Донъ-Жуана» Байрона, матеріалы для неизданныхъ работъ—«Теорія личности», «Историческая діагностика и прогностика Россіи» и переписка С. съ его братомъ.

Главнымъ источникомъ для біографіи С. являются рукописные матеріалы, находящіеся въ Императорской Публичной библіотекѣ, особенно же его дневникъ. Полный перечень этихъ рукописныхъ матеріаловъ помѣщенъ въ „Отчетѣ Императорской публичной библіотеки" за 1891 г., гдѣ напечатана и краткая біографія С. Кромѣ того, нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія даютъ некрологи: въ „Южномъ Краѣ", 1889 г., 10 февраля; „Сѣверномъ Вѣстникѣ", 1889 г., № 3; „Историческомъ Вѣстникѣ", 1889 г., т. XXXVI, № 4, стр. 252; „Недѣлѣ", 1889 г., № 6; „Новомъ Времени", 1889 г., № 4613; „Всемірной Иллюстраціи", 1889 г., № 1047, стр. 126; статья Потапова, „Памяти А. И. Стронина" въ „Варшавскомъ Дневникѣ" за 1899 г., 31 января, а также многочисленные критическіе отзывы о сочиненіяхъ Стронина: 1) „Исторія и методъ"—„Спб. Вѣдомости", 1869 г., № 196 и 220; „Библіографъ", 1869 г., т. I, № 1, стр. 31—34; „Отечеств. Записки", 1869 г., т. 185, № 7, стр. 1—53 (Н. К. Михайловскій, „Аналогическій методъ въ общественной наукѣ"). Послѣдняя статья напечатана въ „Полномъ собраніи сочиненій Михайловскаго", Спб., 1896 г., т. I, стр. 333—390. 2) „Политика, какъ наука"—Спасовичъ, „Опытъ построенія соціологіи", „Вѣстникъ Европы", 1873 г., № 4, стр. 700—753; статья Евг. де-Роберти въ „Спб. Вѣдомостяхъ", 1873 г., №№ 3, 4, 19, 33, 58 и 125; „Спб. Вѣдомости", 1872 г., № 330; „Недѣля", 1873 г., январь; „Судебный Вѣстникъ", 1872 г., декабрь; „Дѣло", 1872 г., декабрь; „Отечеств. Записки", 1872 г., ноябрь и слѣд. №№ (ст. Н. К. Михайловскаго); „Сіяніе", 1872 г., № 45; „Гражданинъ", 1873 г., № 28. 3) „Исторія общественности"—Н. Карѣевъ, „Чѣмъ должна быть теорія прогресса?", „Русское Богатство", 1886 г., № 1, 2, 3; „Новости", 1885 г., № 300. 4) „Анекдотическая исторія текущей войны"—„Сѣверн. Вѣстн.", 1877 г., № 140; „Голосъ", 1877 г., № 227; „Биржевыя Вѣдомости", 1877 г., № 251; „Journal de St. Pétersb", 1877 г., № 281; „Новое Время", 1877 г., № 556. 5) „Разсказы" — „Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, составленный учительницами Харьковской частной воскресной школы", т. I, Спб. 1888 г., стр. 365—366, 380, 456, 757—758; „Книжный Вѣстникъ", 1866 г., № 1, стр. 3; „Народная Школа", 1873 г., № 10, стр. 89; „Учитель", 1866 г., стр. 519. 6) „Франція или Германія?" — „Спб. Вѣдомости", 1870 г., № 293. *П. Гуревичъ.*

Стронскій, *Василій Григорьевичъ*, контръ-адмиралъ, начальникъ Батумскаго порта, родился 7 марта 1821 г., умеръ 2 ноября 1879 г.; воспитаніе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго въ 1835 г. былъ выпущенъ гардемариномъ и назначенъ во флотъ Чернаго моря, гдѣ плавалъ у крымскихъ береговъ и крейсировалъ у восточныхъ. Въ 1839 г. вмѣстѣ съ производствомъ въ мичманы С. былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ, въ которомъ находился до 1843 г., когда, получивъ чинъ лейтенанта, возвратился въ Черноморскій флотъ. Въ 1849—1850 гг. на бригѣ «Неаркъ» онъ перешелъ изъ Одессы въ Константинополь, оттуда въ Архипелагъ и Средиземное море, въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ находился въ Азовскомъ морѣ, а въ 1854 г. на кораблѣ «Три Святителя» стоялъ на Севастопольскомъ рейдѣ. Во время Севастопольской обороны С. съ 13 сентября по 30 декабря 1854 г. состоялъ въ крѣпостномъ гарнизонѣ командиромъ 4 бастіона; 4 декабря онъ былъ контуженъ осколкомъ бомбы въ ногу, плечо и лѣвый бокъ, но бастіона не оставилъ, а 12 декабря былъ раненъ въ голову. За

оказанныя имъ при защитѣ крѣпости отличія онъ былъ удостоенъ орденовъ Анны 3 ст. и Владиміра 4 ст. съ бантомъ и получилъ чинъ капитанъ-лейтенанта. Въ слѣдующемъ году, командуя пароходомъ «Скромный», С. ходилъ между Николаевымъ, Херсономъ, Очаковымъ и Измаиломъ. Послѣ однолѣтняго служебнаго перерыва С. снова зачислился на дѣйствительную службу, въ 1-ый сводный черноморско-флотскій экипажъ, черезъ 2 года былъ повышенъ въ капитаны 2-го ранга и назначенъ начальникомъ учебно-артиллерійской команды и учебно-артиллерійскаго корвета «Буйволъ». Награжденный крестомъ «За службу на Кавказѣ» и произведенный въ 1866 г. въ капитаны 1-го ранга, онъ получилъ новое назначеніе—командиромъ 1-го, а черезъ годъ 2-го черноморскаго экипажа. Въ 1875 г. ему Высочайше было разрѣшено во всѣхъ случаяхъ носить фуражку вмѣсто шляпы. Въ контръ-адмиралы С. былъ произведенъ 1 января 1878 г., а командиромъ Батумскаго порта былъ назначенъ 4 декабря того же года и въ этой должности состоялъ до самой смерти.

„Общій морской списокъ“, ч. XI, Спб., 1900 г., стр. 644—646.—Ѳ. В. Веселаго, „Очеркъ исторіи кадетскаго корпуса“, Спб. 1852 г.—Жандръ, „Матеріалы для исторіи обороны Севастополя“, Спб., 1859 г.—Дубровинъ, „Матеріалы для исторіи Крымской войны“, Спб., 1871—73 гг.

К. Р.

Струбе (Штрубе) - де - Пирмонъ, *Фридрихъ-Генрихъ*, профессоръ правъ, академикъ, писатель, родился въ 1704 г. въ Ганноверѣ, умеръ въ 1790 г.; учился въ Галле. Съ 1730 г. служилъ въ качествѣ секретаря при германскихъ посольствахъ въ Вѣнѣ, Англіи, Польшѣ; долгое время состоялъ секретаремъ курляндскаго герцога Бирона, съ которымъ и переѣхалъ въ Россію. Въ 1732 г. вышло въ свѣтъ первое его произведеніе на французскомъ языкѣ—«L'examen des reflexions d'un patriote allemand au sujet de la garantie de la pragmatique impérial» (Амстердамъ), а черезъ годъ появилась его новая работа—«La réponse à la lettre de l'auteur des réflexions d'un patriote allemand impartial» (Раттисбонъ, 1733 г.) въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. На основаніи этихъ-то сочиненій, а впрочемъ по причинамъ, съ наукою ничего общаго не имѣющимъ (какъ секретарь Бирона), 4-го сентября 1738 г. онъ былъ принятъ Спб. академіей наукъ въ число ея членовъ, причемъ получилъ званіе «профессора юриспруденціи и политики». Первый трудъ, который С. представилъ въ академію наукъ, былъ—«Recherche nouvelle de l'origine et des fondements du droite de la nature» (S.-Pétersbourg, 1740). Въ маѣ 1740 г. на него возложено было порученіе «сочинить (подъ наблюденіемъ академика Гольдбаха) настоящую исторію» изъ реляцій и вѣдомостей о польскихъ и турецкихъ воинскихъ дѣйствіяхъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Но порученіе это не было имъ исполнено, такъ какъ въ 1741 г. онъ уже какъ секретарь гр. П. Чернышева, вмѣстѣ съ послѣднимъ уѣхалъ въ Копенгагенъ, а оттуда въ 1743 г. въ Берлинъ. Изъ Берлина С. писалъ совѣтнику академической канцеляріи, Шумахеру, что имъ написано для помѣщенія въ академическихъ «Комментаріяхъ» три работы: «De actionibus et passionibus animae», «De la raison de la guèrre et du droit convenience» (въ качествѣ диссертаціи подъ этимъ заголовкомъ издана была еще въ 1734 г., а потомъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ помѣщена въ «Sammlung ausländischen Juristen», Leipzig, 1768, № 2) и «Refléxion sur la nature et les principes de goût et de la beauté». Въ бытность за границей С. напечаталъ тамъ также «Anmerkungen von den Thun und Leiden der Seele». Онъ охотно занимался составленіемъ малоосуществимыхъ проектовъ; въ Государственномъ архивѣ сохранилось его письмо (отъ 5 іюля 1746 г.) къ неизвѣстному лицу, котораго онъ титулуетъ «Monseigneur», при письмѣ приложены два такихъ проекта: первымъ изъ нихъ предлагается ввести въ Россіи бумажныя деньги вмѣсто русскихъ пятикопеечныхъ монетъ и вторымъ—сдѣлать обязательнымъ употребленіе въ Россіи мужской одежды особаго образца, болѣе будто бы соотвѣтствующей нашему климату, менѣе дорогой, чѣмъ французское платье, притомъ съ условіемъ, чтобы носящіе эту одежду платили извѣстную пошлину. По возвращеніи изъ-за границы С. въ іюлѣ 1746 г. назначенъ былъ непремѣннымъ секретаремъ академіи, и ему же поручено было переводить на французскій языкъ все, что укажетъ канцелярія академіи; по порученію послѣдней, онъ и перевелъ въ 1747 г. съ латинскаго на французскій «Предисловіе» къ «Атласу россій-

скому». Съ цѣлью привлеченія публики къ ознакомленію съ правовѣдѣніемъ имъ въ слѣдующемъ году была напечатана «Программа, въ которой равную пользу военной и судебной науки показываетъ и купно желающимъ упражняться въ основательнѣйшемъ ученіи на свои лекціи призываетъ Ф. Г. Штрубе, именуемый академіи профессоромъ»; оригиналъ программы написанъ на латинскомъ языкѣ, съ котораго и сдѣланъ русскій переводъ. Въ январѣ 1749 г. С. предложилъ свои услуги академической канцеляріи для составленія описанія, или, какъ это тогда называли, «исторіи» статей, помѣщенныхъ въ I-омъ томѣ «Комментаріевъ», если только онъ будетъ произведенъ въ «дѣйствительный чинъ конференцъ-секретаря». Въ резолюціи, представленной по этому поводу президенту графу Разумовскому, Шумахеръ писалъ: «Если кто помянутую исторію сочинять хочетъ, тотъ долженъ искусенъ быть въ наукахъ, а въ оныхъ г. Штрубе не упражнялся»; на основаніи этого отзыва С. вовсе лишенъ былъ званія секретаря академіи. Въ томъ же году однако на него было возложено другое порученіе — вмѣстѣ съ Мюллеромъ и Модерахомъ разобрать и составить опись оставшихся послѣ Меньшикова бумагъ. Въ 1749 г. С., по порученію академіи, сталъ писать на французскомъ языкѣ изслѣдованіе по исторіи русскаго права, законченное имъ черезъ годъ; оно не было одобрено академіей, такъ какъ содержало въ себѣ только перечень всевозможныхъ законодательныхъ памятниковъ Россіи и пространныя выдержки изъ нихъ. Въ рукописномъ видѣ это изслѣдованіе въ переводѣ на русскій языкъ, сдѣланномъ В. Лебедевымъ, хранится въ библіотекѣ академіи, подъ заглавіемъ: «Штрубе, краткое руководство къ россійскимъ правамъ» (помѣч. 1750 г.). Въ 1754 г. С. назначенъ былъ однимъ изъ 8 членовъ учрежденной при сенатѣ по представленію гр. Петра Шувалова коммисіи для разсмотрѣнія дѣйствующаго законодательства. 24 августа 1754 г. сенатъ опубликовалъ выработанный этой комиссіей «Планъ къ сочиненію новаго уложенія». Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Мюллеру С. утверждаетъ, что планъ этотъ составленъ имъ; авторство его въ данномъ случаѣ подлежитъ однако сомнѣнію. Въ 1754 г. ему поручено было перевести похвальное слово Петру Великому Ломоносова. 6 сентября 1756 г. С. на торжественномъ собраніи академіи наукъ произнесъ рѣчь «Sur l'origine et les changements des lois russiennes», которая была тогда же напечатана академіей на французскомъ и на русскомъ языкахъ, — на послѣднемъ въ переводѣ Семена Нарышкина и подъ заглавіемъ: «Слово о началѣ и перемѣнахъ россійскихъ законовъ» (Спб., 1756 г.). Рѣчь эта замѣчательна, какъ первая попытка изслѣдовать исторію русскаго законодательства. Въ концѣ 1756 г. С. было предложено завѣдывать изданіемъ газеты на французскомъ языкѣ при академіи. Сначала онъ отказывался, заявляя, что чувствуетъ себя больнымъ и не въ силахъ будетъ выполнить такого порученія. Потомъ онъ въ особой запискѣ заявилъ о согласіи принять на себя изданіе газеты, но лишь въ томъ случаѣ, если ему будетъ увеличено жалованіе, назначенъ помощникъ, издано будетъ именное повелѣніе о возложеніи на него этого дѣла и предоставятъ ему право выбора по своему усмотрѣнію статей для газеты, такъ какъ онъ не желаетъ быть простымъ переводчикомъ. Президентъ академіи, графъ Разумовскій, отказалъ ему въ его требованіяхъ и предложилъ, въ случаѣ нежеланія исполнять возложенныя на него обязанности, выйти въ отставку. С. вначалѣ подчинился, но вскорѣ вновь отказался отъ завѣдыванія газетой. Академическая канцелярія вслѣдствіе этого уволила его 12 сент. 1757 г. изъ академіи; С. подалъ на дѣйствія канцеляріи жалобу въ сенатъ, но она была оставлена безъ послѣдствій. Послѣ ухода изъ академіи С. принятъ былъ на службу совѣтникомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и въ іюлѣ 1775 г. получилъ статскаго совѣтника по случаю празднованія заключенія мира съ Турціей. За время своей службы въ иностранной коллегіи онъ не оставлялъ своихъ научно-литературныхъ занятій. Въ 1760 г. онъ напечаталъ: «Lettres russiennes», содержащія въ себѣ полемику съ Вольтеромъ относительно высказаннаго послѣднимъ взгляда, что государственное правленіе Россіи — деспотическое, и въ 1774 г. — «Catéchisme de la nature, ou l'on a taché de mettre dans un plus grand jour les foudemens de la jurisprudence naturelle, de la morale strictement dite et de la politique privée. Nouvelle édition revue et accompagnée

d'une lèttre à M. L. C. G. V. sur les principes de la morale renouvellés en nos jours» (Спб.). Съ 1779 г. С. занимался вопросомъ о происхожденіи русовъ, результатомъ чего былъ его трудъ: «Dissertation sur les anciens Russes» (S.-Pétersb., 1785; изданъ и на русскомъ языкѣ въ переводѣ Льва Павловскаго подъ заглавіемъ «Разсужденіе о древнихъ россіянахъ», Спб., 1791 г.). Изслѣдованіе это съ научной стороны является наиболѣе цѣннымъ изъ всего написаннаго С.; позже этимъ трудомъ пользовались многіе русскіе историки.

П. Пекарскій, „Исторія Импер. академіи наукъ въ С.-Петербургѣ", Спб., 1870 г., т. 1, стр., 357, 476 и 671—689.—J. G. Meusel, „Lexikon der vom Jahre 1750 bis 1800 verstorbenen deutschen Schriftsteller", Bd. XIII, S. 494, 495.—H. L. C. Backmeister, „Russische Bibliotheke, zur Kentniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland", Bd. III, S 557; Bd. V, S. 494, 495.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи", Спб., 1813—91 гг., часть 4, стр. 287—88, № 9565 и стр. 434, № 10720; часть V, стр. 119, № 12663.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—76 гг.", Спб., 1890 г., т. II, стр. 65, № 15407.

Е. К.

Струве, *Бернгардъ Васильевичъ*, дѣйствит. статск. совѣтникъ, астраханскій и пермскій губернаторъ, сынъ слѣдующаго; образованіе получилъ въ Александровскомъ лицеѣ и по окончаніи курса въ немъ въ 1847 г. поступилъ на службу въ Восточную Сибирь, гдѣ генералъ губернаторомъ тогда былъ извѣстный Н. Н. Муравьевъ. По пріѣздѣ въ Иркутскъ, С. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій къ Муравьеву, причемъ послѣдній вскорѣ поручилъ ему управленіе всѣми инородческими дѣлами, особенно же попеченіе о бурятахъ Иркутской губерніи. Въ 1849 г. С. сопровождалъ Муравьева по рѣкѣ Ленѣ до Якутска, а оттуда черезъ Охотскъ въ Камчатку, въ качествѣ управляющаго путевой канцеляріей и начальника экспедиціи, а въ слѣдующемъ году былъ командированъ Муравьевымъ въ Петербургъ, чтобы доставить министру финансовъ отзывъ по вопросу объ устройствѣ продажи вина въ Восточной Сибири и дать въ случаѣ надобности устныя объясненія. Въ декабрѣ 1851 г. онъ былъ посланъ генералъ-губернаторомъ въ Якутскую область для открытія тамъ новыхъ областныхъ учрежденій, а нѣсколько раньше ему было поручено составленіе проекта положенія о прекращеніи обязательныхъ отношеній крестьянъ къ поссесіоннымъ заводамъ вблизи Иркутска. Въ 1848—1849 гг. онъ завѣдывалъ провіантскимъ дѣломъ, а съ 1850 г. управлялъ Иркутской губерніей. Прослуживъ въ Восточной Сибири почти 8 лѣтъ въ качествѣ виднаго и близкаго сотрудника Муравьева, С. въ 1855 г. вышелъ въ отставку, но черезъ годъ послѣ оставленія имъ службы въ Сибири былъ назначенъ вице-губернаторомъ Астраханской губерніи, а въ 1857 г.—исправляющимъ должность астраханскаго губернатора. Эту должность онъ занималъ до 1861 г., когда вторично вышелъ въ отставку. Наконецъ, въ 1865 г. онъ былъ назначенъ пермскимъ губернаторомъ, но послѣ надѣлавшей много шуму ревизіи сенатора Клушина вышелъ въ отставку въ третій и послѣдній разъ. Умеръ С. въ 1889 г. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1888 г. напечатаны его «Воспоминанія о Сибири» (кн. 4, 5, 6, 10, 11), представляющія весьма богатую новыми фактами характеристику дѣятельности гр. Муравьева-Амурскаго. Кромѣ того въ «Русской Старинѣ» онъ помѣстилъ статьи: «Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій. Изъ воспоминаній о его дѣятельности». (1885 г., т. 48), «Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій въ 1849 году. Эпизодъ изъ его жизни» (1883 г., т. 40) и «Къ исторіи раскола и упраздненія крѣпостного права въ Пермской губерніи. Адріанъ Пушкинъ и его ученіе» (1884 г., т. 43).

„Новое Время", 1889 г., № 4657.—„Всемірная Иллюстрація", 1889 г. — „Дореформенная губернія", „Вѣстникъ Европы", 1871 г., октябрь, стр. 629—659.—„О ревизіи Пермской губерніи сенаторомъ Клушинымъ", „Московскія Вѣдомости", 1871 г., №№ 12 и 13.

П. Гуревичъ.

Струве, *Василій Яковлевичъ* (Friedrich-Georg-Wilhelm) - знаменитый астрономъ, устроитель и первый директоръ Пулковской обсерваторіи; родился 15 (4) апрѣля 1793 г. въ Альтонѣ, гдѣ отецъ его, видный филологъ и математикъ, былъ въ это время директоромъ мѣстной гимназіи Христіанеумъ. Въ этой гимназіи будущій астрономъ и получилъ свое среднее образованіе, въ старшихъ классахъ подъ руководствомъ отца занимаясь преимущественно филологіей. Къ 15-ти годамъ онъ былъ уже вполнѣ подготовленъ для поступленія въ университетъ. Старшій братъ его Карлъ

въ это время жилъ въ Дерптѣ, въ качествѣ учителя гимназіи и университетскаго приватъ-доцента. Частью вслѣдствіе этого, частью же изъ желанія избѣгнуть треволненій военнаго времени (онъ было попалъ въ руки французскимъ вербовщикамъ, отъ которыхъ спасся только случайно) С. избралъ Дерптскій университетъ, въ который послѣ соотвѣтственнаго и блестяще выдержаннаго пріемнаго экзамена и поступилъ осенью 1808 г. Съ этого момента Россія становится для него болѣе родной, чѣмъ страна происхожденія: здѣсь онъ живетъ, здѣсь трудится, для нуждъ русской страны и на ея средства производитъ рядъ изслѣдованій и только изрѣдка, да и то большей частью въ связи съ различными командировками, посѣщаетъ германскія государства. Главнымъ объектомъ занятій С. въ университетѣ было изученіе той же филологіи, которое шло настолько успѣшно, что написанное имъ въ 1810 г. разсужденіе на тему «De studiis criticis et gramaticis apud Alexandrinos» было удостоено золотой медали и напечатано на счетъ университета,—явленіе довольно незаурядное. Матеріальная необезпеченность принудила его вскорѣ послѣ поступленія въ университетъ искать заработка,—онъ взялъ мѣсто воспитателя въ семьѣ лифляндскаго магната - помѣщика Берга; старшій сынъ послѣдняго (Ѳедоръ Ѳедоровичъ), впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ, графъ и намѣстникъ Польши, былъ первымъ воспитанникомъ С. Университетскій курсъ онъ окончилъ въ 1811 г.

Такимъ образомъ, свое вниманіе будущій астрономъ въ гимназическіе и университетскіе годы сосредоточилъ не на математикѣ, не на физикѣ, тѣмъ менѣе астрономіи, а на филологіи; предпочтеніе этой научной сферѣ объясняется преимущественно филологическимъ направленіемъ гимназіи, гдѣ С. получилъ среднее образованіе, естественнымъ желаніемъ его идти по стопамъ отца и старшаго брата, наконецъ, повидимому, прямымъ совѣтомъ отца избрать именно эту область, какъ наиболѣе въ тѣ времена «хлѣбную». Однако, математическая жилка, заложенная въ способностяхъ С., сказывалась уже и тогда, и свои досуги онъ посвящалъ математикѣ и родственнымъ ей наукамъ, а на послѣднихъ курсахъ университета, отчасти подъ вліяніемъ ректора Паррота, сталъ слушать лекціи по астрономіи и физикѣ и постепенно увлекся этими сферами знанія. Тѣмъ не менѣе, когда вскорѣ по выходѣ изъ университета ему предложили занять въ Дерптской гимназіи мѣсто старшаго учителя словесности, онъ безъ особыхъ размышленій и колебаній хотѣлъ дать согласіе; этому помѣшалъ тотъ же Парротъ; предугадывая въ молодомъ ученомъ исключительныя способности къ другой научной области, онъ убѣдилъ С. отказаться отъ карьеры филолога и посовѣтовалъ серьезно заняться математикой и астрономіей, а чтобы создать для этого матеріальную возможность, исхлопоталъ ему изъ университетскихъ суммъ ежегодную стипендію въ 300 руб. Вслѣдствіе этого С. отклонилъ предложеніе совѣта гимназіи, оставилъ даже мѣсто воспитателя въ домѣ Берга и всецѣло отдался изученію математики, физики, астрономіи и практическимъ наблюденіямъ на университетской обсерваторіи. Долголѣтнія занятія филологіей, теперь оставленныя, все же сослужили С. нѣкоторую службу; они дали ему прекрасное знаніе латинскаго языка, языка ученыхъ въ то время, и развили въ немъ то краснорѣчіе, которымъ онъ позже такъ очаровывалъ своихъ слушателей. Профессоръ Гутъ, занимавшій ординарную каѳедру астрономіи, самъ мало интересовался наблюденіями, но всячески содѣйствовалъ С. въ его первыхъ шагахъ. Значительную помощь въ этомъ отношеніи оказывалъ ему и тогдашній обсерваторъ, докторъ Паукеръ (отецъ бывшаго министра путей сообщенія). Въ 1813 г. С. защитилъ диссертацію «О географическомъ положеніи Дерптской обсерваторіи» и получилъ степень доктора философіи. Въ этой работѣ заключаются его первыя астрономическія наблюденія, изъ которыхъ онъ вывелъ широту и долготу обсерваторіи гораздо точнѣе, нежели это было извѣстно раньше. Астрономъ - наблюдатель Паукеръ вскорѣ перешелъ учителемъ гимназіи въ Митаву, и С. занялъ его мѣсто, одновременно будучи избранъ въ экстраординарные профессора. Прежде чѣмъ приступить, однако, къ профессорской дѣятельности, 20-лѣтній ученый, желая къ ней серьезно подготовиться, уѣхалъ за границу, гдѣ посѣтилъ всѣ наиболѣе выдающіяся обсерваторіи, изучилъ ихъ устройство, инструменты, методы наблюденія, завязалъ знакомство со многими выдающимися учеными и пр.

Университетская обсерваторія, когда она перешла въ вѣдѣніе С., была обставлена довольно убого; въ ней отсутствовали даже наиболѣе необходимые инструменты и приборы, да и тѣ, которые были въ наличности, по словамъ А. Н. Савича, «могли заставить призадуматься даже опытнаго астронома, какую съ ними предпринять работу для пользы науки»... Собственно для наблюденій имѣлись лишь большой пассажный инструментъ Доллонда и 5-футовая ахроматическая труба Троутона, причемъ первый не былъ даже установленъ, и С. не мало пришлось поработать какъ надъ изученіемъ инструмента, такъ и надъ его установкой, что безъ помощи опытнаго механика было дѣломъ не легкимъ. Несмотря на крайнюю скудость инвентаря обсерваторіи, С. съ юношескимъ пыломъ отдался работѣ, избравъ выполнимую при данныхъ наблюдательныхъ средствахъ, но тѣмъ не менѣе важную задачу—наблюденіе пассажнымъ инструментомъ прямыхъ восхожденій около - полярныхъ звѣздъ и относительнаго перемѣщенія свѣтилъ въ нѣкоторыхъ звѣздныхъ системахъ. Результаты этихъ изслѣдованій, успѣшность которыхъ не замедлила сказаться уже въ ближайшемъ времени, С. публиковалъ въ имъ же основанныхъ въ 1814 г. «Лѣтописяхъ Дерптской Обсерваторіи». Эти занятія астронома продолжались безпрерывно до 1816 г., когда, по выраженію одного біографа, «обстоятельства заставили его отвести глаза отъ неба и обратить ихъ на землю». Лифляндскому экономическому обществу понадобилась топографическая карта губерніи, и оно предложило С. произвести геодезическо-тригонометрическое измѣреніе края. Отсутствіе знающихъ помощниковъ и удовлетворительныхъ инструментовъ сильно тормазили и затрудняли операціи, тѣмъ не менѣе работу С. удалось исполнить настолько точно, что спеціалистами она была признана одною изъ лучшихъ среди работъ подобнаго рода. Для С. же она имѣла то значеніе, что зародила въ немъ впослѣдствіи осуществленную имъ мысль объ измѣреніи дуги меридіана. Окончательная обработка матеріаловъ этой тріангуляціонной работы дана имъ въ «Resultat der in den Jahren 1816—1819 ausgeführten astronomisch - trigonometrischen Vermessung Livlands» (Спб., 1844).

Въ 1818 г. умеръ проф. Гутъ, и черезъ нѣкоторое время С. былъ избранъ на его мѣсто — ординарнымъ профессоромъ астрономіи и директоромъ университетской обсерваторіи. Въ 1819 г. въ его распоряженіе были предоставлены новые инструменты, а бывшіе подверглись усовершенствованію. Къ ахроматической трубѣ Траутона С. придѣлалъ тогда же филярный микрометръ и началъ главный трудъ своей жизни—измѣреніе двойныхъ звѣздъ. Мало-по-малу ему удалось обставить обсерваторію первоклассными инструментами, для заказа которыхъ онъ ѣздилъ нѣсколько разъ за границу. Лѣтомъ 1822 г. былъ установленъ меридіанальный кругъ работы Рейхенбаха, и уже вскорѣ послѣ этого С. обнародовалъ свой первый каталогъ двойныхъ звѣздъ: «Catalogus 795 stellarum duplicium ex diversorum astronomorum observationibus congestus in specula Dorpatensi». Когда же въ концѣ 1824 г. обсерваторія обзавелась 14-тифутовымъ рефракторомъ работы Фраунгофера и Уцшнейдера съ объективомъ въ 9 дюймовъ—лучшій и наибольшій въ то время инструментъ,—С. отдался работѣ съ энтузіазмомъ. Начался періодъ наиболѣе кипучей и плодотворной его научной дѣятельности, продолжавшійся слишкомъ 13 лѣтъ. Раньше С. довольствовался отысканіемъ и измѣреніемъ уже извѣстныхъ (со временъ Гершеля) двойныхъ звѣздъ, съ пріобрѣтеніемъ же превосходныхъ наблюдательныхъ средствъ отъ изслѣдованія уже открытыхъ свѣтилъ онъ перешелъ къ самостоятельному пересмотру всѣхъ звѣздъ до 9-ой величины между сѣвернымъ полюсомъ и 20° южнаго склоненія, причемъ попутно открылъ около 3000 новыхъ двойныхъ звѣздъ, большинства ихъ опредѣливъ положеніе, изучивъ движеніе и всѣ особенныя свойства. Результаты этихъ многолѣтнихъ настойчивыхъ наблюденій обнародованы имъ въ «Catalogus novus stellarum duplicium et multiplicium» (1827), въ которомъ, обычно именуемомъ первыми двумя словами, дано описаніе 3112 парныхъ звѣздъ. Разумѣется, С. не игнорировалъ и наблюденій надъ планетами, ихъ спутниками и появлявшимися кометами, но главнымъ образомъ его вниманіе было поглощено двойными звѣздами. Дальнѣйшія изслѣдованія С., опредѣленіе точнаго положенія и описаніе болѣе чѣмъ 2710 небесныхъ тѣлъ и произведенныя имъ свыше 11.000 измѣреній,—все

это легло въ основаніе его другой классической работы—«Stellarum duplicium et multiplicium mensurae micrometricae per magnum Fraunhoferi tubum annis a 1824 ad 1837 in specula Dorpatensi institutae» (Спб., 1837, F⁰). Грандіозность этой работы выступитъ особенно рельефно, если сказать, что знаменитый Вильямъ Гершель, положившій прочный фундаментъ звѣздной астрономіи, въ теченіе своихъ многолѣтнихъ трудовъ описалъ только 500 двойныхъ звѣздъ. Предисловіе къ «Mensurae micrometricae» (обычное сокращенное названіе этого знаменитѣйшаго труда) содержитъ много интересныхъ, весьма цѣнныхъ подробностей работы, различныя замѣчанія, которыя остаются полезными и для наблюдателей настоящаго времени, изслѣдованія о собственномъ и орбитальномъ движеніи звѣздъ и т. д. Изъ этихъ наблюденій С. попутно опредѣлилъ параллаксъ звѣзды α Lyrae и тѣмъ самымъ разстояніе ея отъ земли—вторая по времени (послѣ Бесселя) удачная попытка въ этомъ отношеніи. Параллельно съ измѣреніемъ двойныхъ звѣздъ и какъ логическое продолженіе этой работы С. началъ на меридіанальномъ кругѣ, сначала одинъ, а затѣмъ въ сотрудничествѣ съ Прейсомъ и Делленомъ, опредѣленіе точныхъ положеній на небесномъ сводѣ всѣхъ двойныхъ звѣздъ. Слѣдствіемъ этого труда явился не менѣе цѣнный каталогъ, въ которомъ даны положенія 2874 звѣздъ для 1830 г.—«Stellarum fixarum imprimis duplicium et multiplicium *positiones mediae* pro epocha 1830 deductae ex observationibus meridianis annis 1822 ad 1843 in specula Dorpatensi institutis» (Спб., 1852, F⁰; курсивныя слова—сокращенное наименованіе работы). Эти три труда С., «Catalogus novus», «Mensurae micrometricae» и «Positiones mediae», другъ друга дополняя, составляютъ одно цѣлое и содержатъ все, что въ тѣ времена было извѣстно о двойныхъ звѣздахъ; для послѣдующихъ поколѣній астрономовъ они представляли и представляютъ прочный фундаментъ для уширенія и углубленія изслѣдованій въ этой научной сферѣ.

Въ 1827 г. Петербургская академія наукъ занялась выработкой плана новой обсерваторіи. Къ участію въ этихъ предварительныхъ работахъ былъ привлеченъ и С. Хотя въ Петербургѣ онъ бывалъ рѣдко и свои мнѣнія сообщалъ чаще всего черезъ своего друга, академика Паррота (бывшаго ректора Дерптскаго университета), но теченіемъ работъ и судьбою обсуждавшагося проекта интересовался въ высшей степени. Проектъ, впрочемъ, попалъ подъ сукно и тамъ пролежалъ до 1830 г., когда о немъ снова вспомнили. С., какъ наиболѣе авторитетному астроному въ Россіи, предложено было съѣздить за границу для ближайшаго ознакомленія съ оборудованіемъ наилучшихъ обсерваторій. По возвращеніи, онъ получилъ Высочайшую аудіенцію, во время которой изложилъ государю результаты своихъ наблюденій. Сооруженіе обсерваторіи рѣшено было окончательно, С. заранѣе былъ опредѣленъ ея директоромъ, а для разработки ея устава и плана постройки назначена особая комиссія, въ которую вошли: предсѣдателемъ—адмиралъ Грейгъ и членами—Шубертъ, Парротъ, Фуксъ и С. Хотя С. въ комиссіи былъ лишь однимъ изъ четырехъ членовъ, но, какъ будущій директоръ проектируемаго учрежденія, какъ лицо наиболѣе компетентное въ теоретической и прикладной астрономіи, онъ игралъ руководящую роль; созданіе обсерваторіи, можно сказать, принадлежитъ ему всецѣло; «въ то время какъ остальные работали, — говоритъ одинъ изъ его біографовъ,—онъ былъ душою дѣла». Для новаго учрежденія былъ отведенъ участокъ земли въ 20 дес. на горѣ Пулковой (въ 19 верст. отъ Петербурга и 8 отъ Царскаго села). Это мѣсто, указанное государемъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало цѣли. Обширной горизонтъ съ діаметромъ въ 70 верстъ, сосѣдство садовъ и луговъ, обусловливающее отсутствіе препятствующей наблюденіямъ пыли, рѣдкіе туманы, удаленность отъ столицы, отъ ея шума и дыма и вмѣстѣ съ тѣмъ относительная близость къ ней, дающая возможность безъ особеннаго труда пользоваться ея обширными научными средствами,—все это были условія первостепенной важности. 21 іюля 1835 г. состоялась закладка зданія; оно построено архитекторомъ Брюловымъ по идеѣ, указаніямъ и подъ главнымъ наблюденіемъ С. Стиль и внѣшняя красота были принесены въ жертву необходимымъ внутреннимъ удобствамъ. Въ своемъ объемистомъ трудѣ—«Description de l'observatoire central de Poulkova» (1845)—С. самъ далъ подробную исторію этого замѣчательнаго

научнаго учрежденія, детальное описаніе его постройки, внутренняго плана и установленныхъ въ немъ инструментовъ.

Еще въ 1832 г. С. былъ избранъ въ действительные академики (членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ онъ состоялъ съ 1822 г. и почетнымъ членомъ—съ 1826 г.) съ предоставленіемъ права жить въ Дерптѣ по неимѣнію пока въ Петербургѣ хорошей обсерваторіи. Однако, ближайшія 7 лѣтъ, протекшія до открытія Пулковской обсерваторіи, С. жилъ въ Дерптѣ не болѣе того, сколько это отъ него требовалось чтеніемъ лекцій и учеными занятіями, остальное время находясь то въ Петербургѣ, гдѣ его присутствіе было необходимо въ связи съ наблюденіемъ за ходомъ работъ и съ различными хлопотами въ этомъ отношеніи, то за границей—въ Гамбургѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ, Лондонѣ,—куда онъ ѣздилъ по порученію государя для заказа необходимыхъ инструментовъ, «самыхъ лучшихъ, какіе только могли приготовить лучшіе мастера». Въ апрѣлѣ 1839 г. онъ окончательно переселился въ Петербургъ, а 7 августа того же года была открыта обсерваторія. Цѣлый рядъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, академія въ полномъ составѣ, высшіе сановники, послы иностранныхъ державъ, блестящее свѣтское общество—присутствовали на этомъ торжествѣ, открывшемся пріуроченной къ данному случаю рѣчью С. 26 сентября того же года обсерваторію посѣтилъ государь и въ теченіе двухъ часовъ съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ объясненія ея директора.

Вся остальная жизнь С. всецѣло связана съ Николаевской главной обсерваторіей въ Пулковѣ. Высочайше утвержденнымъ 19 іюня 1838 г. уставомъ обсерваторіи научныя цѣли ея были формулированы въ трехъ пунктахъ: «1) производство постоянныхъ и, сколь можно, совершеннѣйшихъ наблюденій, клонящихся къ преуспѣянію астрономіи; 2) производство соотвѣтственныхъ наблюденій, необходимыхъ для государственныхъ предпріятій въ имперіи и для совершаемыхъ ученыхъ путешествій; 3) содѣйствіе всѣми мѣрами усовершенствованію практической астрономіи въ приспособленіяхъ ея къ географіи и мореходству, и доставленіе возможности къ практическимъ упражненіямъ въ географическомъ опредѣленіи мѣстъ». Дѣятельность С. и направлялась въ этихъ трехъ направленіяхъ, къ которымъ слѣдуетъ прибавить еще труды его, какъ педагога, какъ образователя кадра астрономовъ и топографовъ. Въ области наблюдательной астрономіи С. вполнѣ сознательно ограничилъ дѣятельность обсерваторіи опредѣленными рамками. Въ этомъ отношеніи онъ взялъ за образецъ Гринвичскую обсерваторію, которая изъ всѣхъ существовавшихъ достигла наибольшихъ результатовъ вслѣдствіе того, по убѣжденію С., что не разбрасывалась по многочисленнымъ областямъ астрономіи, а поставила себѣ опредѣленную цѣль—изученіе движенія луны и планетъ—и на этой цѣли сосредоточила всѣ силы. Совершенно также и С. пришелъ къ рѣшенію не растрачивать силъ, а преслѣдовать одну, хотя бы и относительно не широкую задачу, именно—измѣрительную звѣздную астрономію. Географическое положеніе Пулкова, удаленность его отъ экватора, невозможность вести наблюденія круглый годъ вслѣдствіе краткости лѣтнихъ ночей и др. неблагопріятныя условія исключали мысль о сосредоточіи дѣятельности обсерваторіи на планетной астрономіи. Планеты, какъ и другія небесныя тѣла, кромѣ звѣздъ, должны были занимать пулковскихъ астрономовъ лишь постолько, посколько это безусловно необходимо было для науки вообще, посколько Пулковская обсерваторія, какъ членъ въ семьѣ подобныхъ ей учрежденій, обязана оказывать содѣйствіе наукѣ своими наблюденіями въ данномъ пунктѣ земного шара. Отъ этой посильной помощи С. не отказывался и съ цѣлью обмѣна свѣдѣніями завязалъ самыя тѣсныя сношенія съ рядомъ астрономовъ, преимущественно германскихъ, — Аргеландеромъ въ Боннѣ, Ганзеномъ въ Готѣ, Шумахеромъ въ Альтонѣ и др. По плану С., пассажный инструментъ и вертикальный кругъ опредѣляли положеніе яркихъ фундаментальныхъ звѣздъ, а меридіанальный кругъ служилъ для каталога всѣхъ звѣздъ до 6-й величины. 15-тидюймовый рефракторъ, долгое время лучшій въ мірѣ, былъ приспособленъ для измѣренія двойныхъ звѣздъ. Работа обсерваторіи пошла быстрымъ темпомъ. Каждый изъ помощниковъ С.,—а способныхъ людей онъ умѣлъ находить,—зналъ свой опредѣленный инструментъ и спеціализировался на опре-

дѣленной сферѣ наблюденія. Это проведенное С. раздѣленіе труда оказалось весьма полезнымъ для успѣха дѣла. Самъ С. въ эту пору занимался преимущественно наблюденіями пассажнымъ инструментомъ въ первомъ вертикалѣ. Результатомъ этихъ работъ было цѣнное опредѣленіе величины абберацiи, изложенное имъ въ трудѣ «Sur le coefficient constant dans l'abérration des étoiles fixes deduit des observations exécutées à Poulkova» (1843). Очень извѣстна также работа С. общаго характера—«Etudes d'astronomie» (1847), теоретическая часть которой—о строеніи вселенной и о распредѣленіи звѣздъ—устарѣла, но историческая представляетъ большой интересъ и понынѣ.

Въ сферѣ прикладной астрономіи первой работой С. въ Пулковѣ было точное опредѣленіе положенія обсерваторіи. Затѣмъ имъ была опредѣлена разница въ долготахъ и широтахъ между Пулковымъ и Альтоной и между послѣдней и Гринвичемъ. При этихъ грандіозныхъ хронометрическихъ экспедиціяхъ (1843—1844) впервые былъ соблюденъ принципъ смѣны наблюдателей для исключенія ихъ личной ошибки. Результатъ этого сложнаго труда опубликованъ С. въ двухъ книгахъ—«Expedition chronometrique entre Poulkova et Altona» (1844) и «...... entre Altona et Greenvich» (1846). Къ этой работѣ непосредственно примыкаютъ многочисленныя экспедиціи въ разныя мѣста внутри Россіи для опредѣленія ихъ положенія; въ теченіе ряда лѣтъ были опредѣлены почти всѣ наиболѣе важные пункты имперіи, при чемъ С. выработалъ болѣе легкій и практичный методъ этой операціи (посредствомъ пассажнаго инструмента), значительно впослѣдствіи облегчившій работу военно-топографическому отдѣлу генеральнаго штаба по опредѣленію географическихъ мѣстъ и составленію точной карты Россіи. Къ этой же области относятся и работы С. по большому Русско-скандинавскому градусному измѣренію. Еще производя тріангуляціонныя операціи въ Лифляндіи, С. замѣтилъ, что Прибалтійскія провинціи представляютъ большія удобства для измѣренія дуги меридіана на протяженіи $3^1/_2$ градусовъ, осуществленіе же такой мысли дало бы возможность нѣсколько подвинуть впередъ разрѣшеніе вопроса о фигурѣ и величинѣ земли. Въ 1819 г. онъ представилъ правительству подробный планъ задуманнаго научнаго предпріятія. При содѣйствіи тогдашняго попечителя Дерптскаго университета кн. Ливена онъ добился въ 1820 г. утвержденія этого плана и ассигнованія соотвѣтственныхъ средствъ и послѣ кратковременной поѣздки за границу для покупки необходимыхъ инструментовъ принялся за работу. Въ виду другихъ сложныхъ занятій С. послѣдняя сильно затянулась. Только въ 1827 г. онъ получилъ, наконецъ, возможность всецѣло посвятить все вниманіе измѣренію дуги меридіана и въ томъ же году, при ближайшемъ содѣйствіи барона Вильгельма Врангеля, блестяще его закончилъ. Результаты работы были представлены сначала вниманію Дерптскаго университета къ моменту 25-лѣтія послѣдняго, а въ 1831 г., дополненные таблицами и вычисленіями, опубликованы въ книгѣ «Beschreibung der Breitengradmessung in den Ostseeprovinzen Russlands» (2 тт., Дерптъ). Удачный исходъ этого труда привелъ С. къ новой мысли, которую онъ никогда не покидалъ,—измѣрить дугу меридіана черезъ всю Европу. Пока С. былъ въ Дерптѣ, думать объ осуществленіи подобной идеи не приходилось,—слишкомъ крупныя матеріальныя средства, слишкомъ значительный контингентъ сотрудниковъ для этого были необходимы. Совсѣмъ иныя перспективы открылись передъ С. въ Пулковѣ, гдѣ оба условія были налицо. Дѣло облегчалось еще и тѣмъ, что одинъ изъ бывшихъ учениковъ С., Теннеръ, самостоятельно занялся тѣмъ же вопросомъ и успѣлъ измѣрить дугу меридіана въ предѣлахъ Литовскихъ провинцій. Такимъ образомъ, западная часть русской равнины была уже покрыта сѣтью треугольниковъ, другими словами—значительная доля искомой дуги была опредѣлена; оставалось продолжить работу къ югу и къ сѣверу. Въ 1844 г., когда наиболѣе горячая пора по оборудованію и устройству обсерваторіи минула, С. и вернулся къ своему плану. Командировавъ нѣсколькихъ довѣренныхъ учениковъ для производства геодезическихъ операцій въ Финляндію, онъ лично присоединился къ Теннеру, съ которымъ и продолжилъ измѣренія отъ Днѣпра черезъ Бессарабію до Дуная. Когда въ предѣлахъ Россіи работа была завершена, С. отправился въ Стокгольмъ и тамъ побудилъ

шведскихъ и норвежскихъ астрономовъ продолжить ее къ сѣверу отъ Торнео, до берега Ледовитаго океана. Окончательная обработка совокупности матеріаловъ и результатовъ этого продолжавшагося съ перерывами почти 40 лѣтъ труда С., извѣстнаго подъ именемъ Русско-скандинавскаго градуснаго измѣренія дуги меридіана, дано имъ въ классической 2-хъ-томной работѣ— «Arc du méridien de 25° 20′ entre le Danube et la mer glaciale, mesuré depuis 1816 jusqu'en 1856» (1857—1860, съ чертежами),—которая во многихъ отношеніяхъ не имѣетъ себѣ равной. Къ этому же времени относится и другая работа С., заключающаяся въ сравненіи между собою единицъ измѣренія, употребляемыхъ въ различныхъ странахъ при геодезическихъ операціяхъ. Къ самостоятельнымъ научнымъ предпріятіямъ С. тѣсно примыкаетъ и та помощь, которую обсерваторія, слѣдовательно, главнымъ образомъ, ея директоръ оказывали спеціальнымъ изслѣдованіямъ, предпринимаемымъ разными государственными учрежденіями и частными лицами. Всевозможные совѣты и услуги, спеціальное сотрудничество, иногда прямое содѣйствіе онъ оказывалъ и военно-топографическому отдѣленію генеральнаго штаба при составленіи точной карты Россіи, и гидрографическому департаменту при водныхъ работахъ, и русскому географическому обществу при организаціи экспедицій на Уралъ, въ Восточную Сибирь и на китайскую границу, и департаменту горныхъ и соляныхъ промысловъ при составленіи имъ подробной карты уральскихъ горныхъ округовъ, и министерству государственныхъ имуществъ при геодезическихъ работахъ въ алтайскихъ горныхъ округахъ, наконецъ, многимъ виднымъ ученымъ—Вронченко, Теннеру, Ходзько и др.

Еще въ Дерптѣ С. обучалъ практической астрономіи и геодезіи многихъ топографовъ и флотскихъ офицеровъ, которыхъ для этой цѣли командировало къ нему правительство. Гораздо болѣе расширилась данная сторона его дѣятельности въ Пулковской обсерваторіи; однимъ изъ пунктовъ ея устава прямо было вмѣнено въ обязанность предоставленіе молодымъ ученымъ возможности пройти въ ней практическій курсъ астрономіи и образованіе будущихъ руководителей геодезическими работами въ Россіи. Довольно замѣтный контингентъ практикантовъ при обсерваторіи составляли лица, окончившія университетскій курсъ (изъ нихъ многіе впослѣдствіи заняли каѳедры астрономіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ), не мало было и молодыхъ ученыхъ, русскихъ и иностранныхъ, уже зарекомендовавшихъ себя разными работами, но наиболѣе численную категорію составляли офицеры флота, главнаго штаба и корпуса топографовъ; число ихъ особенно повысилось съ тѣхъ поръ, какъ при Николаевской академіи генеральнаго штаба открылось геодезическое отдѣленіе, всѣ офицеры котораго завершали свое образованіе двухлѣтнимъ практическимъ курсомъ въ Пулковѣ. Для нихъ пришлось построить новыя зданія и организовать спеціальныя учебныя приспособленія. Въ обсерваторіи не существовало ни лекцій, ни экзаменовъ,—была дружная товарищеская работа, и она давала прекрасные результаты. Долгое время С. вездѣ лично руководилъ занятіями практикантовъ, но когда общая работа по обсерваторіи сильно увеличилась и усложнилась, онъ принужденъ былъ отъ нихъ отказаться, поручивъ это дѣло старшему астроному обсерваторіи, В. К. Деллену. Лица, знавшія С. лично, отзываются о немъ, какъ о преподавателѣ и руководителѣ, въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ. Такъ, напр., его бывшій ученикъ А. Н. Савичъ говоритъ по этому поводу: «Какъ профессоръ и руководитель въ занятіяхъ, Струве пользовался большою популярностью... Всѣ ученики любили и уважали его, они помнятъ его ясное во всѣхъ отношеніяхъ, привлекательное изложеніе и его неутомимое стараніе заставить ихъ усвоить пріобрѣтенныя знанія. Это былъ не только учитель, но первый другъ и защитникъ своихъ учениковъ и въ то же время самый строгій и взыскательный судья». Эта характеристика, относящаяся къ дерптскому періоду жизни С., въ полной мѣрѣ примѣнима и къ его педагогической дѣятельности въ Пулковѣ, съ тою лишь поправкою, что здѣсь его отношенія съ учениками были еще сердечнѣе, еще интимнѣе, чѣмъ въ Дерптѣ.

Въ Пулковѣ С. основалъ замѣчательную библіотеку, въ которую собралъ почти все, что было печатнаго во всемірной литературѣ по астрономіи, не говоря уже о цѣнныхъ манускриптахъ, напр., рукописяхъ Кеплера, которыми пользовался позже проф.

Фришъ въ Штуттгартѣ для изданія сочиненій великаго реформатора астрономіи. Съ 1840 г. С. издавалъ періодическіе отчеты о дѣятельности обсерваторіи. «Bulletin physico-mathématique» академіи наукъ за 1840—1855 гг. полонъ разными его трудами, сообщеніями о новыхъ научныхъ открытіяхъ и экспедиціяхъ, ихъ результатахъ и т. п.

До 1857 г. С. неизмѣнно пользовался самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ, въ этомъ же году впервые стали обнаруживаться тревожные признаки; его неутомимая дѣятельность, его несокрушимая административная энергія начинаютъ ослабѣвать, постепенно онъ утрачиваетъ былую страсть руководить и распоряжаться, все менѣе удѣляетъ вниманія работамъ другихъ, все болѣе сосредоточивается на собственныхъ трудахъ. Разнообразіе обязанностей стало его утомлять; во многихъ отрасляхъ сложнаго управленія его началъ замѣнять старшій сынъ Отто. Лѣтомъ 1857 г., по совѣту друзей, С. взялъ отпускъ и уѣхалъ за границу съ намѣреніемъ отдохнуть; однако отдыхать при своей кипучей натурѣ онъ органически не могъ и свою поѣздку использовалъ для сношеній и переговоровъ съ иностранными учеными по вопросу о градусномъ измѣреніи дуги отъ Астрахани до Атлантическаго океана (позже конечные пункты были измѣнены: Ирландія — Орская крѣпость, Оренбургской губ.). С. задумалъ планъ грандіознаго научнаго предпріятія—соединить въ одно цѣлое произведенныя въ различныхъ странахъ отдѣльныя геодезическія измѣренія, дополнить ихъ тамъ, гдѣ это оказалось бы необходимымъ, и на основаніи полученныхъ результатовъ окончательно разрѣшить вопросъ о формѣ и величинѣ земли. Къ этому дѣлу онъ и старался привлечь ученыхъ Англіи и континента и заинтересовать высокопоставленныхъ лицъ съ цѣлью получить отъ нихъ необходимыя для осуществленія задуманнаго плана средства. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи С. всюду сопутствовалъ успѣхъ, но исполненія самого предпріятія ему не удалось дождаться. Въ 1858 г. у него обнаружился злокачественный нарывъ, который скоро вызвалъ разстройство спинного и головного мозга, а затѣмъ душевную болѣзнь. Пребываніе въ Висбаденѣ и въ Алжирѣ, старанія врачей и заботливый уходъ домашнихъ нѣсколько возстановили его силы, но ученая дѣятельность была кончена,— у него настолько ослабѣла память, что онъ забывалъ иногда даже наиболѣе яркія событія жизни какъ своей, такъ и окружающихъ. С. этого, по свойству болѣзни, конечно не замѣчалъ и въ 1859 г. пытался было возобновить свою административную дѣятельность въ обсерваторіи, но скоро убѣдился въ тщетности своихъ усилій и въ началѣ 1861 г. попросилъ окончательное увольненіе отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей, послѣ чего поселился въ Петербургѣ, только лѣтніе мѣсяцы проводя въ Пулковѣ, гдѣ мѣсто директора обсерваторіи занялъ его старшій сынъ Отто. Послѣдніе годы своей жизни, несмотря на болѣзнь, С. продолжалъ работать, готовя къ печати новое сочиненіе — сводъ ученія о двойныхъ звѣздахъ; оно осталось незаконченнымъ и даже въ отрывкахъ не было напечатано, ибо, написанное ученымъ въ періодъ угасанія духа, оказалось его недостойнымъ. Осенью 1863 г. онъ праздновалъ 50-лѣтній юбилей своей научной дѣятельности, затѣмъ дождался послѣдняго радостнаго для своей жизни — 25-лѣтія своего дѣтища, Пулковской обсерваторіи (19 августа 1864 г.); 11 ноября 1864 г., въ 4 часа утра, онъ скончался.

С. занималъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ среди астрономовъ первой половины XIX столѣтія, когда развивалась астрономія «положенія». Онъ не былъ геніемъ, открывающимъ, подобно Копернику, Ньютону и Кеплеру, наукѣ новые пути, но нельзя его считать и просто труженикомъ, хотя бы и всепреодолѣвающимъ; онъ былъ, такъ сказать, замѣчательный, первостепенный талантъ въ астрономіи. Своимъ острымъ творческимъ умомъ онъ открылъ многіе новые методы наблюденій и значительно улучшилъ старые пріемы, своими классическими трудами положилъ прочный фундаментъ для дальнѣйшаго научнаго строительства и въ цѣломъ,— далеко раздвинулъ горизонты любимой науки. С. первый показалъ необходимость строгаго изученія какъ инструментальныхъ погрѣшностей, такъ и вліянія личныхъ ошибокъ наблюдателя. Въ области измѣрительной звѣздной астрономіи его имя несомнѣнно стоитъ рядомъ съ Бесселемъ и непосредственно за Вильямомъ Гершелемъ. Слова С. о послѣднемъ какъ нельзя

болѣе подходятъ къ нему самому: «Онъ поставилъ себѣ задачей основать знанія звѣзднаго міра на точныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ съ помощью могучихъ инструментовъ по обдуманному плану, и исполнилъ эту задачу съ настойчивостью, безпримѣрною въ лѣтописяхъ астрономіи». Изслѣдованія же С. собственно о двойныхъ звѣздахъ далеко оставили позади соотвѣтственные труды всѣхъ его предшественниковъ и долго еще будутъ предметомъ изученія и исходной точкой работъ послѣдующихъ поколѣній астрономовъ. Важное значеніе имѣетъ также формулированный имъ математически законъ распредѣленія звѣздъ въ 30-градусной полосѣ неба, извѣстной подъ именемъ «млечнаго пути»—разстоянія между смежными звѣздами идутъ въ прогрессіи, возрастающей по мѣрѣ удаленія отъ средней плоскости млечнаго пути. С. первый пытался опредѣлить математически погашаемость свѣта пространствомъ, онъ въ значительной мѣрѣ подготовилъ почву для рѣшенія вопроса о поступательномъ движеніи совокупности солнечной системы; очень цѣнны его изысканія надъ опредѣленіемъ земной рефракціи, надъ эллиптическимъ видомъ Юпитера, надъ размѣрами поперечника Сатурна и его колецъ, надъ оцѣнкою разстояній звѣздъ отъ земли, надъ движеніемъ кометъ и пр. Внѣ всякихъ сомнѣній стоятъ также первостепенной важности заслуги С. въ области прикладной астрономіи, въ измѣреніи дуги меридіана отъ Дуная до Ледовитаго океана, настолько точномъ, что ошибка всей длины дуги (2645 верстъ 67⁵/₇ саж.) оказалась ничтожной, около 6 саж. Наконецъ, неизгладимую память по себѣ оставилъ С. превосходнымъ устройствомъ и постановкой дѣла въ Пулковской обсерваторіи. Онъ сумѣлъ обставить ее такими инструментами, которые долго служили типами и образцами; въ короткое время онъ довелъ обсерваторію до всемірнаго признанія ее «астрономической столицей земного шара». Виднѣйшіе ученые всѣхъ странъ пріѣзжали изучать ея организацію, ея инструменты. Эри, директоръ Гриничской обсерваторіи, писалъ Шумахеру: «Я убѣжденъ, что безъ прилежнаго и внимательнаго изученія всѣхъ сокровищъ, находящихся въ Пулковѣ, никакой астрономъ не можетъ считать себя вполнѣ знакомымъ съ практической стороной нашей науки въ томъ совершенствѣ, какого она теперь достигла; занятія астрономовъ и ихъ точные способы наблюденій тамъ столь же поучительны, какъ и самое устройство зданій, выборъ и свойства инструментовъ»; американскій же астрономъ Ньюкомбъ, обозрѣвавшій обсерваторію, выразился: «Когда мнѣ въ Америкѣ разсказывали о чудесномъ устройствѣ Пулковской обсерваторіи, я смѣялся, потому что не могъ повѣрить всему этому; теперь же, когда я пріѣду и буду въ свою очередь разсказывать о томъ же, мои слушатели будутъ смѣяться, также находя все это невѣроятнымъ»... Одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди обсерваторій всего міра Пулково сохраняетъ и донынѣ; этимъ оно въ высокой степени обязано тому, что въ обсерваторіи сохраняется научный духъ и завѣты ея знаменитаго основателя.

Обстоятельной біографіи С. до сихъ поръ нѣтъ ни на одномъ языкѣ; намъ извѣстно намѣреніе С., сына Отто, замѣнившаго его въ должности директора Пулковской обсерваторіи и послѣдніе годы живущаго за границей, написать такой трудъ, но изданъ ли онъ,—сказать не можемъ. На русскомъ языкѣ въ отдѣльномъ изданіи существуетъ лишь одинъ біографическій очеркъ,—„В. Я. Струве. Его жизнь и ученая дѣятельность" (изъ серіи „Біографической Библіотеки" Ф. Павленкова, Спб., 1893 г.), популярно составленный Е. Ѳ. Литвиновой на основаніи воспоминаній А. Н. Савича, Аргеландера и нѣкоторыхъ свѣдѣній, собранныхъ авторомъ очерка у знавшихъ С. лично. Данныя, относящіяся къ дѣятельности С. въ качествѣ директора Пулковской обсерваторіи, можно найти прежде всего въ его собственныхъ трудахъ: „Fondation de Poulkova" и „Description de l'observatoire central de Poulkova" (Спб., 1845 г.), а свѣдѣнія о научной дѣятельности даютъ опять таки его многочисленныя собственныя произведенія, каталоги двойныхъ звѣздъ, „Etudes d'astronomie stellaire" (Спб., 1847 г.), „Arc du meridien..." и др., затѣмъ рядъ работъ Отто Струве и общія сочиненія по астрономіи и ея исторіи: R. Wolff, „Geschichte der Astronomie" (1877).—Argelander, „Untersuchungen über die Eigenbewegungen von 250 Sternen", „Bonner Beobachtungen", 1869, Bd. VII.—Safford, „Catalogue of mean declination of 2018 stars", „U. S. Geographical Surveys", 1879.—А. Д. Путята, „Космологія".—Его же, „Кантовскія и антикантовскія идеи о звѣздныхъ системахъ".—О статьяхъ и рѣчахъ, посвященныхъ памяти С. вслѣдъ за его смертью—см. „Историческое обозрѣніе трудовъ Императорской академіи наукъ", спб., 1865 (рѣчь произнесенная К. А. Веселовскимъ, 29 декабря 1864 г.); „Торжественное собраніе академіи наукъ 29 декабря 1864 г.", Спб., 1865 г. (портретъ С.); „Memoirs of the Royal Astronomical Society", vol. XXXIV,

London, 1866; „Monthly notices of the Royal Astronom. Soc.“, vol. XXV, pag. 83—98; „Vierteljahrschrift der Astronomischen Gesellschaft“, Leipzig, 1866 („Vortrag zum Gedächtniss verstorbenen Mitglied“, S. 26—52).—Сочиненія С. указаны въ библіографическихъ трудахъ: Houzeau et Lankastere, „Bibliographie générale de l'Astronomie“, 1887; Boersch, „Geodätische Literatur“, Berlin, 1889; Gor, „A Bibliography of Geodesy“; „Librorum in bibliot. specul. Pulkovensis catalogus systematicus“, 1860 и 1870, и въ указателяхъ къ изданіямъ академіи наукъ.—Подробныя свѣдѣнія біо- и библіографическаго характера даются у J. F. Recke und K. E. Napiersky, „Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Liv-, Esth- und Kurland“, Mittau, 1832, у Beise, „Nachträge...“ (къ этому словарю), Bd. II, Mittau, 1861, S. 216—225, у Lübker-Schroeder, „Lexikon Schleswig-Holsteinischer Schriftsteller“; и въ Meusel's „Gelehrtes Deutschland“.—Краткія свѣдѣнія—въ словаряхъ и изданіяхъ біографическаго характера: „Энциклоп. словарь“ Брокгауза-Ефрона, полут. 62, Спб., 1901 г., стр. 830—832.—„Малый энциклоп. словарь“, т. 11—12, Спб., 1901 г., стр. 1377.—„Русск. энциклоп. словарь“ Березина, т. II, отд. IV, Спб., 1877 г., стр. 319.—Brockhaus' „Konversation-Lexikon“, Bd. 15, Berlin und Wien, S. 446.—„Encyclopedyja powszechna“, t. 24, Warszawa, 1866, стр. 237—239.—S. Orgelbranda „Encyclop. powszechna“, t. XIV, Warsz., 1903, стр. 129—130.—„Slovnik naučny“, t. 8, Prage, 1868, стр. 1089.—„Allgemeine Deutsche Biographie“, Bd. 36, Leipzig, 1893, S. 693—698.—„Портретная галлерея русскихъ дѣятелей“, изд. А. Мюнстеромъ, т. II, Спб., 1869 г.—Геннади, „Краткія свѣдѣнія о рускихъ писателяхъ и ученыхъ“, „Русскій Архивъ“, 1867 г., №№ 5—6.—О студенческихъ годахъ и дерптскомъ періодѣ жизни С. болѣе или менѣе цѣнныя указанія можно почерпнуть въ слѣдующихъ трудахъ: „Die Kaiserliche Universität zu Dorpat. 25 Jahre nach ihrer Gründung“. Dorpat, 1827.—„Das erste Jubelfest der Kaiserl Universität Dorpat“, Dorpat, 1828.—Dr. Fr. Busch, „Der Fürst Karl Lieven und die Kaiserliche Universität Dorpat“, Leipzig, 1846.—A. von Bunge, „Das zweite Jubelfest der Kaiserlichen Universität Dorpat“, 1853.—Th. Beise, „Die Kaiserl. Univers. Dorpat während der ersten 50 Jahre ihres Bestehens und Wirkens“, Dorpat, 1852.—M. X(отинскій), „Очеркъ исторіи Импер. Дерптск. универс.“, „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1853 г., №№ 2 и 8.—Л. Штрюмпель, „Обзоръ дѣятельности Импер. Дерптск. унив.“, русск. и нѣмецк. изданія, Дерптъ, 1866.—L. Meyer, „Ueber die Personalgeschichte der Univers. Dorpat“, Dorpat, 1875.—G. von Rummel, „Album academicum der Kaiserlichen Univers. Dorpat“, Dorpat, 1852.—Г. Пфаффъ, „Статистическіе матеріалы для опредѣленія общественнаго положенія лицъ, получившихъ образованіе въ Дерптскомъ университетѣ“, Спб., 1862 г.—A. Gasselblatt und G. Otto, „Album academicum der Kaiserl. Univers. Dorpat,“ Dorpat, 1889.—Ихъ же, „Von den 14.000 Immatriculirten“, Dorpat, 1891. — Е. В. Пѣтуховъ, „Императ. Юрьевскій, бывшій Дерптскій университетъ за 100 лѣтъ его существованія“, Юрьевъ, 1902 г.—„Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей Юрьевскаго унив.“, подъ ред. Левицкаго, Юрьевъ, 1903 г.

Струве, *Генрихъ -(Христофоръ-Готфридъ) Антоновичъ*, дѣйств. тайный совѣтникъ, дипломатъ, писатель по минералогіи, род. въ Регенсбургѣ (Германія), 28 декабря 1770 г.; изучалъ право въ Эрлангенѣ. Въ 1795 г. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ служилъ сначала при различныхъ иностранныхъ посольствахъ, затѣмъ перешелъ на русскую службу и въ 1815 г. былъ назначенъ русскимъ консуломъ въ Гамбургѣ, а 1843 г. занялъ должность чрезвычайнаго посла при Ганзейскихъ городахъ. Умеръ въ Гамбургѣ, 28 декабря 1850 г. Имѣется его портретъ, гравированный Мюллеромъ. Имъ напечатаны на нѣмецкомъ языкѣ двѣ работы по минералогіи: «Mineralogische Beiträge» (Gotha, 1807) и «Beiträge zur Mineralogie und Geologie des nördlichen America» (Hamburg, 1822).

„Энциклопедическій словарь“ Брокгауза-Ефрона, полут. 62, стр. 830, s. „Струве-родъ“.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Спб., 1889 г., т. II, стр. 859.—Orgelbranda „Encyklopedija powszechna“, т. II, Warszawa, 1876, стр 142.—„Мѣсяцесловъ“ на 1852 г., стр. 209.

Струве, *Карлъ (-Людвигъ) Яковлевичъ*, доцентъ Дерптскаго университета, поэтъ, братъ знаменитаго астронома В. Я. Струве, родился въ Ганноверѣ 2 мая 1785 г. Сдавъ въ 1801 г. блестяще выпускной экзаменъ, въ Альтонской гимназіи, онъ поѣхалъ въ Геттингенъ, съ цѣлью изучать въ мѣстномъ университетѣ филологію и теологію, гдѣ своими необыкновенными способностями онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Въ 1802 г. за сочиненіе, написанное на конкурсъ, «De doctrina Graecorum et Romanorum philosophorum de statu animarum post morem» — онъ былъ удостоенъ золотой медали. Изъ Геттингена, гдѣ пробылъ годъ, С. перебрался въ Киль, гдѣ занятія его шли такъ успѣшно, что въ декабрѣ 1803 г., когда ему еще не было полныхъ 19-ти лѣтъ, онъ выдержалъ испытаніе на званіе доктора филологіи послѣ защиты диссертаціи на тему: «Observationum et emendationum in Propertium edendum specinem». Въ 1804 г. онъ занялъ мѣсто домашняго учителя у нѣ-

коего г. Мейнера, жившаго въ России, въ 40 верстахъ отъ Дерпта. Черезъ посредство проф. Дерптскаго унив. Гаспари, родного дяди С., онъ познакомился со многими профессорами этого университета и особенно близко сошелся съ профессоромъ политической экономіи Фридр. Ромбахомъ, которому поручено было основать въ Дерптѣ гимназію. Ромбахъ, высоко цѣнившій способнаго молодого ученаго, пригласилъ его мѣсто преподавателя греческаго языка и литературы въ гимназіи. Въ 1805 г., послѣ защиты диссертаціи «Pro venia legendi de elementis Empedoclis», С. былъ приглашенъ Дерптскимъ унив. въ доценты по каѳедрѣ древне-классической филологіи. Въ качествѣ преподавателя гимназіи и приватъ-доцента университета С. читалъ о Гомерѣ, Софоклѣ, Геродотѣ, Ювеналѣ, Гораціи, о римскихъ и греческихъ древностяхъ, о исторіи и миѳологіи, греческой и латинской грамматикѣ. Въ Дерптѣ онъ написалъ большую часть своихъ трудовъ, составившихъ ему имя въ ученомъ мірѣ. Особенно широкую извѣстность доставила ему рѣчь, произнесенная имъ въ гимназіи, въ день коронованія Императора Александра I, 15 сентября 1812 г. подъ названіемъ: «Der Feldzug des Darius gegen die Scythen» (издана трижды на нѣмецкомъ яз., въ 1812, 1813 и 1822 гг., и переведена на латинскій и на русскій — «Сынъ Отеч.», 1812 г., ч. 4). Постояннымъ желаніемъ С. было занять ординарную каѳедру въ университетѣ, и дѣйствительно, онъ былъ избранъ совѣтомъ въ качествѣ профессора исторіи, но по неизвѣстнымъ причинамъ не получилъ утвержденія. Слѣдствіемъ этой неудачи было его рѣшеніе сдѣлаться пасторомъ. Въ 1813 г. онъ выдержалъ испытаніе при Дерптскомъ университетѣ на степень кандидата теологіи и занялъ мѣсто пастора въ одномъ приходѣ, недалеко отъ Дерпта, гдѣ пробылъ всего лишь годъ, въ теченіе котораго успѣлъ научиться эстонскому языку. Вскорѣ черезъ посредство проф. Бурдаха и своего дяди Гаспари онъ получилъ предложеніе занять мѣсто директора старой городской гимназіи въ Кенигсбергѣ, на что согласился и послѣ 9-лѣтняго пребыванія въ Дерптѣ уѣхалъ въ Кенигсбергъ (1814 г.). Подъ его болѣе чѣмъ 24-хъ-лѣтнимъ руководствомъ Кенигсбергская гимназія пришла въ цвѣтущее состояніе; въ Кенигсбергѣ, онъ и умеръ—5 іюня 1838 г.

С. оставилъ послѣ себя на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ рядъ цѣнныхъ работъ по филологіи, миѳологіи, исторіи древняго міра и даже по математикѣ, подробный перечень которыхъ можно найти въ первомъ изъ нижеуказанныхъ источниковъ. Извѣстенъ С. нѣсколько и какъ поэтъ. Первоначально его стихотворенія помѣщались въ различныхъ нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ, затѣмъ они были собраны и изданы отдѣльной книгой подъ заглавіемъ «Gelegenheitsgedichte» (Königsberg, 1815).

J. F. von-Recke und K. E. Napierske, „Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Liv,- Esth- und Kurland“, Mitau, 1832, Bd. IV, S. 324—328.—Lübker und Schröder, „Lexikon der Schl.-Holst. Schriftsteller“, 1829, S. 601—604. — Beise, „Nachträge“, Bd. II, S., 22, 26. — J. Th. Struve, „Opuscula selecta Caroli Ludovici Struvii“, Lipsia, 1854.— „Kön.-Preuss. Staatzeitung“, Königsberg, 1838, № 135.—„Allgemeine Deutsche Biographie“, Bd. 36, Leipzig, 1893, s. v. *Е. К.*

Струве, *Людвигъ - Августъ* (Struve, Ludwig-August), ординарный профессоръ терапіи въ Дерптскомъ университетѣ, членъ-корреспондентъ королевскаго датскаго медицинскаго общества въ Копенгагенѣ, род. въ Альтонѣ 18 августа (нов. ст.) 1795 г., ум. 15 апрѣля 1828 г. Образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, служилъ въ 1812—1813 гг. врачемъ въ военныхъ госпиталяхъ въ Ригѣ и затѣмъ отправился въ Киль, гдѣ въ 1815 г. получилъ степень доктора медицины и хирургіи. Поселившись въ Эльмсгорнѣ, онъ занялся частной практикой, а въ февралѣ 1824 г. былъ приглашенъ въ Дерптскій университетъ въ качествѣ ординарнаго профессора по каѳедрѣ терапіи. С. принадлежитъ нѣсколько цѣнныхъ работъ по медицинѣ, изъ которыхъ наиболѣе важны: «Ueber die Aussatzartige Krankheit Holsteins, die Marschkrankheit genannt. Ein Beitrag zur Kenntniss der pseudosiphilitischen Uebel» (Altona, 1820), «Ueber Diaet-, Entziehungs- und Hungercur in eingewurzelten chronischen, namentlich siphilitischen und pseudo - siphilitischen Krankheiten» (ibid., 1822), «Commentatio de phlegmasia alba dolente, quindecim observationes practicas continens» (Tubingae, 1826), «Ueber die Erkenntniss und

Cur acuter und chronischer Krankheiten» (Riga und Dorpat, 1827), «Beobachtungen über die aussatzartigen Krankheiten Holsteins» («Rust's Magazin für die gesammte Heilkunde», т. VIII, ч. 3, стр. 377—439). Кромѣ того имъ помѣщенъ цѣлый рядъ статей въ «Schleswig-Holsteinschen Provincial-Berichten». Въ 1826 г., во время университетскаго торжества по случаю коронованія Импер. Николая I, С. прочелъ написанное имъ въ формѣ оды стихотвореніе «Vergangenheit und Zukunft», вошедшее въ книгу «Zur Feier der Krönung Sr. Maj. Nikolais I Pawlowitsch» (Dorpat). Уже послѣ смерти С. былъ напечатанъ его трудъ—«Uebersicht der Hautkrankheiten nach ihren Classen, Gattungen, Arten und Varietäten» (Berlin, 1829).

I. F. Recke und K. E. Napiersky, „Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon des Provinzen Liv-, Esth- und Kurland", Mitau, 1832, Bd. IV, Ss. 328—330.—„Nachträge und Fortsetzungen zum Lexikon", Mitau, 1859, Bd. I, S. 226.—„Liter. Begl. zum Provincialblatte für Kur-, Liv- und Esthland", 1828, № 6.—Meusel's „Gelehrtes Deutschland", Bd. XX, S. 685.—A. Hasselblatt und G. Otto, „Album Academicum der Kaiserlichen Universität zu Dorpat", Dorpat, 1889, S. 48, № 693.—Е. В. Пѣтуховъ, „Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій университетъ за 100 лѣтъ его существованія (1802 — 1902)", т. I, Юрьевъ, 1902, стр. 404, 454.—„Historisches Bericht über die Leistungen des medicinischen Klinikums", Dorpat, 1827.—„Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte aller Zeiten und Völker", Bd. V, Wien und Leipzig, S. 571.

П. Гуревичъ.

Струве, *Θедоръ Аристовичъ* (Struve Jakob-Theodor), докторъ классической филологіи, профессоръ римской словесности и древностей въ Казанскомъ университетѣ и классической филологіи въ Новороссійскомъ университетѣ, по происхожденію датчанинъ, род. въ Фленсбургѣ 12 мая 1816 г., ум. въ Ригѣ 22 декабря 1885 г. Въ дѣтствѣ вмѣстѣ со своимъ дядей К. Я. Струве переселился въ Дерптъ; позже (1832—1837 г.) въ мѣстномъ университетѣ слушалъ лекціи, окончивъ его курсъ со степенью кандидата, и въ мѣстной же гимназіи съ 1840 г. былъ преподавателемъ. Въ декабрѣ 1843 г. за диссертацію «Emendationes et observationes in Quinti Smyrnaei Posthomerica» онъ получилъ въ Петербургскомъ университетѣ степень магистра философіи и въ началѣ слѣдующаго года былъ переведенъ учителемъ латинскаго языка въ первую гимназію Казани, гдѣ въ маѣ былъ допущенъ къ временному преподаванію и въ университетѣ сначала латинскаго языка, а затѣмъ римскихъ древностей и римской литературы съ разборомъ авторовъ. 15 марта 1846 г., по защитѣ въ Петербургскомъ университетѣ диссертаціи «De argumento carminum epicorum quae res ab Homero in Iliade narratas longius prosecuta sunt» (Спб., 1846 г. и «Учен. Записки Казан. Унив», 1850 г., кн. 2), онъ получилъ степень доктора философіи и классической филологіи, вскорѣ послѣ чего былъ избранъ въ старшіе учителя, а въ 1851 г.—адъюнктомъ Казанскаго университета по каѳедрѣ римской словесности; съ слѣдующаго года онъ былъ уже экстраординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ и съ 1855 г.—ординарнымъ профессоромъ и назначенъ деканомъ историко-филологическаго факультета. Вслѣдствіе столкновенія со студентами, предложившими ему оставить каѳедру, С. въ концѣ 1860 г. прекратилъ чтеніе лекцій, а возобновленіемъ ихъ съ января 1861 г. вызвалъ новый протестъ со стороны студентовъ, за которымъ послѣдовало приказаніе министра исключить главныхъ зачинщиковъ и предложеніе попечителю «поставить на видъ профессору Струве отсутствіе благоразумія и такта въ его дѣйствіяхъ». Вскорѣ послѣ того С. былъ уволенъ отъ службы (въ октябрѣ 1862 г.) съ полной пенсіей и назначенъ преподавателемъ латинскаго языка въ третью Петербургскую гимназію, гдѣ онъ оставался до 1865 г., когда былъ назначенъ профессоромъ по каѳедрѣ греческой филологіи въ только что открытый Новороссійскій университетъ. Здѣсь онъ сталъ читать греческій языкъ на всѣхъ 4 курсахъ, а для спеціалистовъ еще греческія древности и греческую литературу. Лекторомъ онъ считался однако не изъ лучшихъ, и аудиторія его нерѣдко вмѣщала въ себѣ всего 2—3 человѣка, но за доброе отношеніе къ студентамъ его любили. Съ 1 іюня по 1 октября 1868 г. онъ былъ командированъ совѣтомъ Новороссійскаго университета въ Аѳины, Парижъ, Римъ и Германію, главнымъ образомъ для установленія ученыхъ сношеній съ представителями археологіи за границей, съ цѣлью всесторонняго изученія остатковъ древнегреческой цивилизаціи на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря — задача, ближе

всего касавшаяся Новороссійскаго университета. Кромѣ того, ему было поручено пріобрѣтеніе различныхъ предметовъ для университетскаго музея древностей и изящныхъ искусствъ. Путешествіе свое С. описалъ въ своихъ «Путевыхъ замѣткахъ», напечатанныхъ въ «Запискахъ Императ. Новороссійскаго Университета» за 1868 г. (т. III, стр. 463—516), подъ заглавіемъ: «Отчетъ ордин. профессора Ѳ. А. Струве о командировкѣ его въ Аѳины, Римъ, Парижъ и Германію». Въ 1870 г., по окончаніи 25-лѣтняго срока его службы, онъ былъ избранъ совѣтомъ университета еще на 5 лѣтъ, но лишь незначительнымъ большинствомъ. Обиженный этимъ, С. не согласился остаться въ университетѣ и 3 августа 1870 г. былъ назначенъ завѣдывающимъ гимназіей при историко-филологическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Должность эту онъ занималъ до 1877 г., когда вышелъ въ отставку и поселился въ Ригѣ, гдѣ и скончался, 22 декабря 1885 г. Кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ диссертацій и «Путевыхъ замѣтокъ», С. принадлежатъ еще слѣдующія работы: «Замѣтки по поводу отчета Новоселова» («Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.», ч. CXVII, отд. V, стр. 19); «Новыя надписи Ольвійскія» (Одесса, 1866 г. и «Записки Одесск. Общ. Исторіи и Древностей», 1867 г., т. VI); «Археологическія розысканія въ южной Россіи, по отчетамъ Импер. Археол. коммиссіи» (ibid.), «Археологическія замѣтки по поводу посѣщенія Аккермана въ 1866 г.» (ibid.), «Объ изданіи греческихъ и латинскихъ авторовъ съ русскими примѣчаніями» («Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.», 1868 г., ч. 137, № 1), «О двухъ новооткрытыхъ классическихъ надписяхъ въ Закавказьѣ», «Зап. Одесск. Общ. Исторіи и Древностей», 1868 г., т. VII, стр. 282), «Pontische Briefe an F. Ritschl» («Reinische Museum, 1870 г., Bd. XXV—XXIX), «Наши классическія гимназіи» («Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.», 1870 г., ч. 149, № 5, стр. 1), «Новости изъ припонтійскаго края. Транскрипція и объясненіе новонайденной Воспорской надписи» («Труды Моск. Археол. Общ.», т. III, стр. 60), «О новооткрытыхъ надписяхъ въ Танаисѣ» (Тамъ же, т. III, стр. 71). Несмотря на неуспѣхъ лекцій С., страдавшихъ сухостью и какою-то жесткостью изложенія, его труды тѣмъ не менѣе заслуживаютъ серьезнаго вниманія археологовъ; ими интересовались и ихъ цѣнили такіе авторитетные спеціалисты какъ Ричль, Кэхли, Шнейдеръ, Бергкъ и др.

А. И. Маркевичъ, „Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Новороссійскаго университета", Одесса, 1890 г., стр. 280—283, 566, 612.— Н. П. Загоскинъ, „Дѣятели Императорскаго Казанскаго университета, 1805—1900 г.", Казань, 1900 г., стр. 52, 163.— Подъ его же редакціей, „Біографическій словарь професс. и преподав. Импер. Казанск. универс.", Казань, 1904 г.—„Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat", Дерптъ, 1889 г., стр. 225.— „Памятная книжка гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, 1870 — 1895 г.", Спб., 1895 г., стр. 20, 21, съ портретомъ С.—Н. Аничковъ, „Историческая записка 50-лѣтія 3-ей С.-Петербургской гимназіи", Спб., 1873 г., стр. 130—131, прил. I, стр. 6.—Некрологъ въ „Рижскомъ Вѣстникѣ", 1885 г., № 282.—В. В. Григорьевъ, С.-Петербругскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія", Спб., 1870 г., прилож., стр. XIV и XV. — П. Прозоровъ, „Систематическій указатель книгъ и статей по греческой филологіи", Спб., 1898 г.—Указатель статей, помѣщенныхъ въ I—XX томахъ „Записокъ Императ. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей", Одесса, 1898 г. В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг."

П. Гуревичъ.

Струговщиковъ, *Александръ Николаевичъ*, поэтъ и переводчикъ, родился 31 декабря 1808 г. Воспитаніе получилъ въ Петербургскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ іюнѣ 1827 г. Служилъ въ военномъ министерствѣ. Первое его стихотвореніе напечатано въ 1835 г. въ «Библіотекѣ для Чтенія». Кромѣ этого журнала, онъ сотрудничалъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ», «Современникѣ», «Всемірномъ Трудѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», а въ 1869 г. самъ редактировалъ критико-библіографическій журналъ «Библіографъ» (вышло всего 3 №№—октябрь, ноябрь и декабрь). Во «Всемірномъ Трудѣ» помѣщено его оригинальное стихотвореніе «Складчина» (1874 г., стр. 707), переводныя—«Рыцаря Курта свадебный поѣздъ», изъ Гете, (1868 г., № 9), «Королева Помарэ», изъ Гейне (1868 г., № 10) и статья «Два фазиса мыслящаго Гете» (1868 г., №№ 9, 10 и 11). Въ «Русской Старинѣ» напечатаны его «Воспоминанія о М. И. Глинкѣ» (1874 г., №№ 4 и 5). С. извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ переводчикъ нѣмецкихъ классическихъ поэтовъ, особенно Гете. Его переводъ «Фауста», отрывки котораго

печатались въ 40-хъ годахъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», затѣмъ цѣликомъ былъ помѣщенъ въ 1856 г. въ «Современникѣ», наконецъ частью вошелъ въ «Русскую хрестоматію» А. Филонова, одно время считался лучшимъ. О переводахъ С. литературные критики того времени, въ ихъ числѣ и В. Г. Бѣлинскій, отзывались очень хорошо. Изъ отдѣльно изданныхъ, оригинальныхъ и переводныхъ работъ С. извѣстны: «Римскія элегіи» (Спб., 1840 г.), «Стихотворенія» (Спб., 1845 г., ч. I),—большая часть ихъ переводы, преимущественно изъ Гете, «Переводы. Статьи въ прозѣ», (Спб., 1845 г.), «Страданія молодого Вертера, романъ В. Гете, съ опытомъ монографіи» (Спб., 1865 г.). Нѣсколько переводовъ С. изъ знаменитаго нѣмецкаго поэта помѣщено и въ «Собраніи сочиненій В. Гете», изданномъ П. И. Вейнбергомъ. Умеръ С. въ Петербургѣ, въ 1878 г.

„Энциклопедическій словарь", Брокгауза-Ефрона, полут. 62, стр. 835.——Приложеніе къ I тому „Настольнаго Словаря" Ф. Толля, Спб., 1865 г., стр. 485.—„Энциклопедическій всенаучный словарь", В. Клюшникова, Спб., 1882 г., ч. II, стр. 808.—М. И. Семевскій, „Альбомъ Знакомые", Спб., 1888 г., стр. 48.—И. И. Панаевъ, „Литературныя воспоминанія", Спб., 1888 г., стр. 290.—Мезіеръ, „Исторія русской словесности съ IX по XIX вѣкъ включ.", Спб., 1902 г., т. II, стр. 389, № 17575 и 17576.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—76 г.г., Спб., 1882 г., т. II, стр. 14, № 11113: стр. 151, № 18502 и 18503; т. IV, стр. 221, № 41351—41353; стр. 318, № 43388; стр. 362, № 44077[158]; стр. 369, №44121[1]; т. VI, стр. 406, № 64912, (1, 7, 10, 12) и 64513; стр. 407, № 64914.—Его же, „Исторія всеобщей и русской литературы", Спб., 1872 г., стр. 403, № 11071; стр. 561, № 14630 и 14632 —„Русскій Архивъ", 1869 г., стр. 1043.—Н. П. Смирновъ, „Библіографическіе матеріалы", Спб., 1898 г.; стр. 157, № 431; стр. 201, № 582. *Е. К.*

Струговщиковъ, *Александръ Степановичъ*, писатель и переводчикъ по философіи конца XVIII и начала XIX столѣтія, сотрудникъ журналовъ. Отдѣльно напечаталъ—«Основанія или существенныя правила философіи, политики и нравственности», ч. I, соч. Вейса, перев. съ франц. языка (Спб., 1807 г.). Изъ журнальныхъ статей его назовемъ: «Насмѣшка» и «Ошибка» («Петербургскій Меркурій», 1793 г., ч. II, май, стр. 142), «Краткое извѣстіе о Новой Голландіи», изъ записокъ Гунтера, перев. (ibid., 1793 г., ч. III, іюль, стр. 41), «Разумъ и безуміе», (ibid., 1793 г., ч. IV, октябрь, стр. 86), «О Бонапартѣ» («Сынъ Отечества», 1812 г.) и «Познаніе человѣка» (ibid., 1818 г., № 24 и 25).

„Энциклопедическій словарь", Брокгауза-Ефрона, полут. 62, стр. 835.—„Извѣстія о жизни и твореніяхъ писателей, труды которыхъ помѣщены въ изданіяхъ Н. И. Греча", Спб., 1812 г.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1800—1854 гг.", Спб., 1856 г., т. II, стр. 15, № 10183.—„Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина", Спб., 1828 г., стр. 79, № 1046.—„Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки В. Плавильщикова", Спб., 1820 г., стр. 140, № 1621.—В. Сопиковъ, „Опытъ россійской библіографіи", Спб., 1813—1821 гг., т. 4, стр. 99, № 7933.—А. Н. Неустроевъ, „Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.", Спб., 1874 г., стр. 744 и 745.

Струговщиковъ, *Степанъ Борисовичъ*, ст. сов., директоръ народныхъ училищъ Петербургской губерніи, родился 21 марта 1738 г., умеръ 15 марта 1804 г.; онъ много способствовалъ введенію удобнаго и простого элементарнаго образованія по системѣ Янковича де-Миріево. Имѣется его портретъ въ семейной галлереѣ А. И. Струговщикова.

„Энциклопедическій всенаучный словарь", В. Клюшникова, ч. II, стр. 808.—Д. А. Ровинскій, „Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ", Спб., 1889 г., т. II, прилож., стр. 234 и 292.

Стружкинъ (сценическое имя, настоящее—**Куколевскій**), *Николай Сергѣевичъ*, артистъ и поэтъ, умеръ 8 февраля 1889 г. въ Москвѣ. Сынъ мелкопомѣстнаго помѣщика Воронежской губерніи С. И. Куколевскаго, онъ получилъ первоначальное образованіе въ Орловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Уже во время пребыванія въ корпусѣ стали проявляться въ немъ литературные и артистическіе задатки: еще съ младшихъ классовъ онъ сталъ писать стихотворенія, а позже чуть ли не каждый праздникъ устраивалъ вмѣстѣ съ товарищами ученическіе спектакли, для которыхъ нерѣдко самъ же писалъ и пьесы. По выходѣ изъ корпуса С. поступилъ на военную службу, но скоро вышелъ въ отставку. Убѣдившись на многочисленныхъ любительскихъ спектакляхъ въ своихъ сценическихъ способностяхъ, онъ въ февралѣ 1864 г. дебютировалъ на сценѣ Воронежскаго театра и скоро занялъ видное мѣсто въ его труппѣ. Псевдонимъ «Стружкинъ», подъ которымъ онъ всю жизнь выступалъ какъ на сценѣ, такъ и въ литературѣ,

путь для доставки илецкой каменной соли отъ мѣста ея разработки прямо до Самары. Въ 1816 г. онъ былъ переименованъ въ дѣйствит. статскіе совѣтники и назначенъ управляющимъ Илецкимъ солянымъ промысломъ; согласно Высочайшей волѣ, онъ устроилъ управленіе этого промысла. Въ 1840 г. С. вышелъ въ отставку послѣ службы, продолжавшейся болѣе 60 лѣтъ. Онъ былъ лично извѣстенъ Императору Александру I, посѣтившему въ 1824 г. Илецкую Защиту и выразившему ему свою благодарность. Наиболѣе осязательнымъ слѣдомъ дѣятельности С. является крѣпость Илецкая Защита: не только сама крѣпость, но и соляной промыселъ, и прекрасная каменная церковь въ греческомъ вкусѣ, и общественный паркъ, и многое другое, все это обязано своимъ устройствомъ исключительно энергіи и дѣятельности С.

„Некрологія Г. Н. Струкова", „Русскій Инвалидъ", 1846 г., № 279, стр. 1113—1114.— М. Ф. де-Пуле, „Отецъ и сынъ. Опытъ культурно - біографической хроники", „Русскій Вѣстникъ", 1875 г., т. 117, стр. 499—503.

В. Грековъ.

Струмѣнскій, *Евгеній Степановичъ,* протоіерей каѳедральнаго собора въ Каменецъ-Подольскѣ, родился въ 1828 г., умеръ въ Каменецъ-Подольскѣ 3 декабря 1885 г. Сынъ священника села Горынки Кременецкаго уѣзда, онъ учился въ Волынской духовной семинаріи, по окончаніи курса которой перешелъ въ Кіевскую духовную академію, гдѣ былъ товарищемъ по курсу сербскаго митрополита Михаила. Изъ академіи С. вышелъ со степенью магистра и былъ назначенъ профессоромъ словесности въ Подольскую духовную семинарію. Въ 1855 г. опредѣленъ членомъ историко-статистическаго комитета по описанію Подольской епархіи. 7 февраля слѣдующаго года онъ былъ посвященъ въ іерея къ Каменецкому каѳедральному собору, съ оставленіемъ въ должности профессора при семинаріи, и въ февралѣ 1857 г. назначенъ членомъ Подольской духовной консисторіи. Съ октября 1861 г. ему было поручено исполненіе обязанностей редактора «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». По избранію духовенства С. въ періодъ 1867—1871 гг. состоялъ членомъ правленія и педагогическаго собранія семинаріи. Въ апрѣлѣ 1867 г. онъ былъ посвященъ въ санъ протоіерея; по случаю введенія новаго штата для консисторій, въ 1869 г. уволенъ отъ должности члена консисторіи. Съ преобразованіемъ въ 1867 г. наравнѣ съ другими и Подольской семинаріи С. сталъ преподавать въ ней вмѣсто словесности литургику и исторію церковнаго проповѣдничества, а съ 1869 г.— основное и догматическое богословіе. Въ 1870 г. онъ, по прошенію, былъ уволенъ отъ должности преподавателя семинаріи и опредѣленъ законоучителемъ Каменецъ-Подольской мужской гимназіи. Съ 1871 по 1872 г. онъ состоялъ благочиннымъ каменецъ-подольскихъ городскихъ церквей, отъ каковой должности былъ уволенъ по собственному прошенію, съ 1874 г.—цензоромъ проповѣдей, съ января 1875 г.— штатнымъ членомъ Подольской духовной консисторіи и цензоромъ для разсмотрѣнія статей, предполагавшихся къ напечатанію въ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Въ теченіе 20-ти лѣтъ, со времени основанія Каменецкаго православнаго Іоанно-Предтеченскаго братства и до самой своей смерти, онъ былъ его членомъ и нѣсколько разъ избирался въ составъ его совѣта. Талантливый ораторъ, онъ любилъ говорить и часто говорилъ проповѣди, производившія всегда сильное впечатлѣніе на слушателей. Знавшіе лично С. отзываются въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ какъ объ его характерѣ, такъ и объ отношеніяхъ его къ паствѣ. Состоя редакторомъ «Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», С. напечаталъ въ нихъ слѣдующія свои работы: «Историко-статистическое описаніе мѣстечка Ладыжина, Гейсинскаго уѣзда» (1862 г. № 21), «Нѣкоторые обычаи православныхъ христіанъ передъ праздникомъ Рождества Христова и во время святокъ въ Подоліи» (1863 г. № 1), «По поводу статьи: «Народныя училища въ Юго-Западномъ Краѣ»(1863 г., № 16) и въ «Странникѣ» «Краткое жизнеописаніе преподобнаго Іова, игумена почаевскаго» (1864 г., книга 11).

„Протоіерей Евгеній Степановичъ Струмѣнскій", некрологъ въ „Прибавленіи къ Подольскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ", 1885 г., № 50, стр. 1013—1022.—„Протоіерей Е. С. Струмѣнскій", некрологъ въ „Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ", 1886 г., № 1—2, стр. 37—38.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", вып. V, s. v.

Стрыевскій, *Константинъ,* генеральный бунчучный и Переяславскій пол-

ковникъ. Вслѣдъ за поставленіемъ въ гетманы Демьяна Многогрѣшнаго, Дорошенко, желая его низложенія съ цѣлью захвата подъ свою власть и лѣваго берега Днѣпра, началъ непріязненныя дѣйствія противъ новаго гетмана. Для этого онъ выслалъ противъ Многогрѣшнаго войско, которое было встрѣчено отрядомъ во главѣ съ С., имѣвшимъ титулъ наказного гетмана и посланнымъ самимъ гетманомъ съ городовыми казаками и двумя кампанейскими полками Кіяшки и Ворошила. Встрѣтивъ войско Дорошенка подъ Рогинцами, С. его разбилъ и отошелъ къ Ромнамъ, гдѣ и находился со своимъ отрядомъ, имѣя частыя столкновенія съ мелкими партіями противниковъ. Получивъ извѣстіе о пораженіи своихъ казаковъ, Дорошенко призвалъ къ себѣ на помощь орду и отправилъ ее съ Гамалѣею на помощь своему войску. С. не зналъ о томъ, что съ Гамалѣею пришла орда, вышелъ ему на встрѣчу и въ происшедшей затѣмъ битвѣ (въ первыхъ числахъ сентября 1669 г.) близъ Глинска, подъ Новою-Греблею, несмотря на помощь Кіяшки, удержавшаго при себѣ часть войска и обоза,—былъ разбитъ и, «поражкою войска своего престрашенній будучи, ушелъ безвѣстно отъ него и отъ настоявшея ему бѣди, самъ и тамъ тулаючися, спаслъ гоноръ свой гетманскій титуломъ школярскимъ». Неудача эта однако не помѣшала С. быть въ 1671 г. генеральнымъ бунчучнымъ, урядъ котораго онъ перемѣнилъ въ концѣ этого же года на Переяславское полковничество, будучи поставленъ сюда Многогрѣшнымъ на мѣсто заключеннаго въ тюрьму, по подозрѣнію въ измѣнѣ, Родіона Дмитрашка. Однако, полковникомъ Переяславскимъ С. пробылъ недолго. Когда, въ мартѣ 1672 г., Многогрѣшный былъ схваченъ и отправленъ въ ссылку, московское правительство послало въ Малороссію ратныхъ людей «для провѣдыванія всякихъ вѣстей», и посланные донесли, между прочимъ, что въ числѣ лицъ, коими недовольны казаки, находится и С. Недовольство это выразилось, въ концѣ концовъ, тѣмъ, что С. былъ «скинутъ» съ полковничества, и на его мѣсто вновь былъ поставленъ Дмитрашко, занимавшій этотъ урядъ уже въ мартѣ 1672 г., т. е. тотчасъ же послѣ паденія Многогрѣшнаго. Лишившись полковничества, С. переселился, повидимому, въ Черниговъ, гдѣ мы видимъ его въ 1677 г. носящимъ званіе лишь «знатнаго войскового товарища» и присутствующимъ при показаніяхъ извѣстнаго нѣжинскаго протопопа Семена Адамовича по дѣлу о заговорѣ его противъ гетмана Самойловича. Впослѣдствіи С. удалось получить урядъ Черниговскаго полкового судейства, при чемъ, когда полковникомъ въ Черниговѣ былъ Яковъ Лизогубъ (1687—1698), онъ получилъ отъ него въ Седневской сотнѣ села Камку и Хотуничи, коими и владѣлъ до своей смерти, послѣдовавшей около 1705 г.

„Лѣтопись Величка" т. II, стр. 223—224.—А. В. Стороженко, „Очерки Переяславской старины", Кіевъ, 1900, стр. 141.—„Мотыжинскій Архивъ", Кіевъ, 1890, стр. 119.—А. М. Лазаревскій, „Обозрѣніе Румянцевской описи", Черниговъ, 1866, стр. 89,—Соловьевъ, „Исторія Россіи", кн. III, стр. 427, 434.

В. Модзалевскій.

Стрѣлковскій, *Петръ Антоновичъ*, видный врачъ, преподаватель латинскаго языка и исторіи медицины въ Петербургской медико-хирургической академіи, писатель, родился въ 1804 г., умеръ въ 1872 г. Сынъ бѣднаго мѣщанина, въ дѣтствѣ онъ по какому-то недоразумѣнію былъ приписанъ къ духовному званію, что впослѣдствіи дало ему возможность получить семинарское образованіе, но зато послужило источникомъ многочисленныхъ затрудненій при осуществленіи имъ своего стремленія къ образованію врачебному. Семинарскій курсъ С. окончилъ, при томъ блестяще, въ Черниговѣ. Къ этому времени появилось распоряженіе правительства о допущеніи лучшихъ воспитанниковъ семинарій къ слушанію лекцій въ Петербургской и Московской медико-хирургическихъ академіяхъ. Весною 1823 г. С. вмѣстѣ съ 13-ю товарищами по курсу послалъ соотвѣтственное прошеніе въ Москву, которое было удовлетворено. Изъ Московской медико-хирургической академіи, онъ перевелся въ Петербургскую. Въ академіи С. былъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ и въ 1828 г. окончилъ ея курсъ со званіемъ лекаря I отдѣленія и съ серебряною медалью. Тогдашній глава академіи и главный военно-медицинскій инспекторъ, баронетъ Виллie, строго держался правила, чтобы всѣ лучшіе студенты академіи и медицинскихъ факультетовъ опредѣлялись въ гвардію, почему С. и былъ назначенъ врачемъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Въ 1831 г.

онъ получилъ званіе штабъ-лекаря, а въ 1836 г. должность старшаго лекаря Красносельскаго военнаго госпиталя и званіе медико-хирурга. Въ іюнѣ 1839 г. С. былъ удостоенъ степени доктора медицины и хирургіи. Съ 1837 г. онъ служилъ старшимъ врачемъ госпитальнаго отдѣленія (въ домѣ купца Егермана), въ 1839 г. Вилліе взялъ его къ себѣ чиновникомъ для особыхъ порученій, а черезъ два года былъ назначенъ старшимъ ординаторомъ Петербургскаго 1-го военно-сухопутнаго госпиталя и врачемъ при провіантскомъ департаментѣ военнаго министерства. Съ 1842 по 1850 г. С. вмѣстѣ съ Тарасовымъ и Леемъ издавалъ «Энциклопедическій медицинскій лексиконъ», составленный ими по матеріаламъ изданія, давно уже задуманнаго обществомъ русскихъ врачей въ Петербургѣ; трудъ этотъ былъ удостоенъ почетнаго отзыва Петербургской академіи наукъ. Съ 1843 по 1849 г. С. состоялъ сотрудникомъ и отчасти распорядителемъ редакціи «Записокъ по части врачебныхъ наукъ» Дубовицкаго. Должность преподавателя латинскаго языка въ Петербургской медико-хирургической академіи онъ занялъ въ 1844 г.; подъ его руководствомъ студенты III класса писали сочиненія, IV классъ упражнялся въ чтеніи древнихъ медицинскихъ классиковъ (Гиппократа, Цельза, Сиденгама и др.), а V классъ занимался диспутами на латинскомъ языкѣ на темы чисто врачебнаго содержанія. Изъ участниковъ диспута одинъ былъ защитникомъ (defendens), а двое опровергали его положенія (opponentes),—постановка дѣла, оказавшаяся очень практичной и давшая хорошіе результаты; выработка этой системы принадлежала С. лично; при его предшественникѣ преподаваніе ограничивалось «латинской словесностью». Нѣсколько позже С. было поручено читать V курсу исторію медицины на латинскомъ языкѣ. С. былъ страстнымъ любителемъ древне-римской поэзіи. Въ карманѣ у него постоянно лежалъ миніатюрный томъ какого-нибудь латинскаго поэта; прозаиковъ онъ, наоборотъ, не жаловалъ. «Книжка моя—другъ мой», говаривалъ онъ, и чтеніе было его главнымъ удовольствіемъ. Онъ собралъ большую коллекцію изданій древне-классической литературы и обширную библіотеку современныхъ книгъ, кромѣ русскаго, на французскомъ и англійскомъ языкахъ, которыми владѣлъ прекрасно, не говоря уже о латинскомъ. При исключительной памяти С. обладалъ обширнѣйшими познаніями, по поводу которыхъ одинъ изъ его біографовъ говоритъ, что ихъ «могло бы достать для десяти записныхъ ученыхъ»; несмотря на это, С. не любилъ обнаруживать свои преимущества и при случаяхъ предпочиталъ оставаться въ тѣни. Въ 1850 г. онъ оставилъ академію, по болѣзни глазъ, въ 1852 г. былъ назначенъ гофъ-медикомъ VII придворнаго округа, прослуживъ въ этомъ званіи до 1865 г., когда уволился изъ военнаго вѣдомства. Въ теченіе слишкомъ 40 лѣтъ С. принималъ живое участіе въ дѣятельности общества русскихъ врачей въ Петербургѣ, почти никогда не пропуская его засѣданій. Помимо соредакторства въ «Энциклопедич. медицинск. лексиконѣ» и дѣятельнаго сотрудничества въ «Запискахъ по части врачебныхъ наукъ», С. принималъ выдающееся участіе въ «Pharmacopoea Castrensis Ruthenica», изданной Вилліе, и отдѣльно напечаталъ «De trepanatione» (дисс. на степ. д-ра мед.; Спб., 1839 г.).

„Протоколы засѣданій общ. русск. врачей въ Петербургѣ", 1875—76 гг., вып. I, стр. 144—156.—„Исторія Императ. военно-медиц. академіи за 100 л.", сост. коммиссіей, по поруч. конфер. академіи, Спб., 1898 г., стр. 401—402. —Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели", тетр. II, Спб., 1886 г., s. v. *Н. Кульбинъ.*

Стрѣльникова (съ 1760 г. по мужу Таулато), *Авдотья Тимоѳеевна*, одна изъ первыхъ танцовщицъ русскаго балета, родилась въ 1739 г., умерла послѣ 1800 г. Считалась одною изъ лучшихъ солистокъ русскаго балета, устроеннаго Фузано и позже Ланде, ученицей которыхъ она была. С. участвовала, между прочимъ, въ многихъ балетахъ Локателли и Сакко (какъ, напримѣръ, «Орфей и Евридика», «Фоксалъ въ Лондонѣ», «Аполлонъ и Дафна» и др.). Въ своихъ танцахъ она не уступала многимъ иностраннымъ «танцовщицамъ» и была одною изъ тѣхъ, чей успѣхъ прославилъ Ланде, какъ танцмейстера. На службѣ Императорскихъ театровъ С. состояла съ 1748 г.; въ 1877 г. она была уволена за старостью лѣтъ, и ей, по Высочайшему повелѣнію, была назначена пенсія.

„Архивъ дирекціи Императорскихъ театровъ", Спб., 1892 г.—А. Плещеевъ, „Нашъ балетъ. Балетъ въ Россіи до начала XIX ст. и балетъ въ Петербургѣ до 1896 г.", Спб.,

1899 г., стр. 36, 39.—В. О. Михневичъ, „Пляски на Руси въ хороводѣ, на балу и въ балетѣ“ („Историческіе этюды русской жизни“, т. II), стр. 315, 316, 334.—?(А. Скальковскій), „Танцы, балетъ, ихъ исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ“, Спб., 1886 г., стр. 152.

Стрѣльниковъ, *Василій Степановичъ*, генералъ-маіоръ, военный прокуроръ Кіевскаго военно-окружнаго суда, род. въ 1838 г. Въ 1857 г. окончилъ курсъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ, былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ, нѣкоторое время служилъ въ арміи, затѣмъ прослушалъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба и въ офицерскихъ классахъ при аудиторскомъ училищѣ военнаго министерства, по выходѣ изъ которыхъ недолго состоялъ на службѣ въ Главномъ штабѣ, наконецъ поступилъ на юридическій факультетъ Петербургскаго университета, окончивъ его курсъ въ 1869 г. Незадолго передъ этимъ С. перевелся въ военно-судебное вѣдомство, получивъ назначеніе товарищемъ военнаго прокурора Петербургскаго военно-окружнаго суда и профессоромъ военной академіи по каѳедрѣ судопроизводства. Уже въ Петербургѣ онъ выдвинулся участіемъ какъ обвинитель въ извѣстномъ дѣлѣ Квитницкаго. Въ 1873 г. С. былъ произведенъ въ полковники и назначенъ военнымъ прокуроромъ (сначала исправляющимъ должность) при Кіевскомъ военно-окружномъ судѣ. Солидныя юридическія познанія и выдающіяся способности скоро доставили ему видное и вліятельное положеніе въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, а участіе въ качествѣ обвинителя въ рядѣ политическихъ процессовъ (партіи «Народной воли»), которыми были такъ богаты 80-е годы, создали его имени широкую извѣстность. Рѣчи С., всегда безукоризненныя въ ораторскомъ отношеніи, были однако не всегда безпристрастны, слишкомъ отражая въ себѣ его индивидуальныя убѣжденія ярко консервативнаго характера. Въ 1881 г. онъ выступилъ обвинителемъ въ первомъ процессѣ по поводу еврейскихъ безпорядковъ, причемъ его рѣчь, проникнутая и пропитанная чувствомъ ненависти къ евреямъ, встрѣтила самыя оживленныя рукоплесканія въ реакціонной печати, съ «Московскими Вѣдомостями» во главѣ, и довольно рѣзкія по тому времени нападки въ петербургскихъ газетахъ лѣваго лагеря. Въ послѣдніе годы бытности въ Кіевѣ С., произведенному въ генералъ-маіоры (1880), было поручено руководить дознаніемъ и производствомъ по важнѣйшимъ политическимъ дѣламъ. Лѣтомъ 1881 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для участія въ работахъ комиссіи Каханова по выработкѣ положенія о государственной охранѣ, затѣмъ получилъ спеціальную командировку для производства дознанія по нѣкоторымъ важнымъ государственнымъ преступленіямъ въ Юго-Западномъ и Южномъ краѣ. Прибывъ въ Одессу, онъ особенно энергично велъ разслѣдованія по обнаруженію подпольныхъ организацій. Хотя его дѣятельность тамъ документально еще не можетъ быть охарактеризована, но въ томъ, что она была богата результатами, сомнѣваться нельзя; доказательствомъ этого служатъ многочисленные произведенные имъ аресты. Исполнительный комитетъ остатковъ партіи «Народной воли», опасаясь дальнѣйшихъ арестовъ и репрессій со стороны С., намѣтилъ его какъ одну изъ жертвъ своего террора. 18 марта 1882 г., когда С. спокойно прогуливался по Николаевскому бульвару, сзади къ нему подошелъ нѣкто, позже назвавшійся Острогорскимъ, и выстрѣломъ въ затылокъ убилъ его наповалъ. Убійца и его сообщникъ, пытавшіеся уѣхать на приготовленной заранѣе пролеткѣ, были схвачены, судимы и приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

„Одесскій Листокъ“, 1882 г., № 82.—„Московскія Вѣдомости“, 1882 г., № 82 (объ убійствѣ С.), № 84 (новыя подробности), № 86 (о погребеніи С.), № 88 (объ убійцѣ С.).—„Голосъ“, 1882 г., № отъ 20 марта.—„Русскій Инвалидъ“, 1882 г., № 66.—„Правительственное сообщеніе“ объ убійствѣ С. напечатано во всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ отъ 24—25 марта 1882 г.—Степнякъ (Кравчинскій), „Подпольная Россія“, заграничн. и русскія изданія.

Стрѣльцовъ, *Зосима Ивановичъ*, докторъ медицины, доцентъ Харьковскаго унив. по каѳедрѣ эмбріологіи, авторъ цѣнныхъ въ научномъ отношеніи изслѣдованій о развитіи костной и другихъ тканей, родился въ Славяносербскѣ, Екатеринославской губерніи, 17 апрѣля 1831 г., умеръ въ Харьковѣ 15 мая 1885 г. Среднее образованіе получилъ въ Екатеринославской гимназіи, по окончаніи курса въ которой, 16-ти лѣтъ, поступилъ на медицинскій факультетъ Харьковскаго университета, изъ котораго вышелъ въ 1854 г.

со званіемъ лекаря и тотчасъ занялъ мѣсто окружнаго врача въ Славяносербскомъ, Бахмутскомъ и Ростовскомъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи. Но С. не удовлетворяло то медицинское образованіе, которое было имъ получено въ университетѣ, гдѣ въ тѣ времена царила схоластика и рутина. Скопивши за время своей службы окружнымъ врачемъ нѣкоторыя средства, онъ отправился въ Западную Европу, побывалъ въ Вюрцбургѣ, гдѣ занимался патологической анатоміей, въ Парижѣ и въ Монпелье, гдѣ совмѣстно съ патолого-анатомомъ Астромъ произвелъ экспериментальную работу по вопросу о водянкахъ, доставившую ему званіе дѣйствительнаго члена мѣстнаго медицинскаго общества и члена-корреспондента Парижской медицинской академіи. По возвращеніи въ Россію въ 1857 г., С. поселился въ Екатеринославѣ, гдѣ занялся частной практикой, вмѣстѣ съ тѣмъ въ разное время состоя врачемъ при мѣстной семинаріи, тюрьмѣ и женской гимназіи. За время своей почти 17-лѣтней дѣятельности въ Екатеринославѣ онъ пріобрѣлъ среди мѣстнаго населенія обширнѣйшую практику и славу весьма опытнаго и серьезно относящагося къ своему дѣлу врача. Тѣмъ не менѣе, С. въ сущности не любилъ прикладной медицины; его увлекали научные труды и идеи Ферстера, Вирхова и Можанди, положившіе новое основаніе въ врачебной наукѣ. Въ 1859 г. онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ слушалъ патолого-анатома Руднева, физіолога Сѣченова, затѣмъ, начиная съ 1860 г., совершилъ рядъ поѣздокъ за границу, оставаясь тамъ иногда годами и спеціально изучая гистологію. Заграницей онъ написалъ (на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ) нѣсколько изслѣдованій, которыми сдѣлалъ цѣнный вкладъ въ изучаемую имъ область медицины. Академія наукъ въ Монпелье приняла его въ 1864 г. въ число своихъ членовъ за сочиненіе «Recherches expérimentales sur le mécanisme de la production des hydropisies» (Montpellier, 1864 г.). Въ это время С. уже хорошо знали въ медицинскомъ мірѣ Западной Европы и высоко цѣнили. Въ Россіи же, за исключеніемъ Екатеринослава, онъ былъ мало извѣстенъ, хотя нѣкоторые его труды о гистогенезѣ костей—результатъ работъ въ лабораторіи професс. Эберта—были уже опубликованы. Въ нихъ, на основаніи микроскопическаго изученія костеобразовательныхъ процессовъ, главнымъ образомъ у птицъ, С. далъ новую теорію развитія костей, которую онъ особенно подробно развилъ въ изслѣдованіяхъ—«Zur Lehre von der Knochenentwickelung» («Centralblatt fur die medic. Wissenschaft», 1873, № 8), «Ueber die Histogenese der Knochen» («Untersuchungen aus dem pathologischen Institut su Zürich», Heft 1. Leipzig, 1873) и «Genetische und topographische Studien des Knochenwachsthums (ibid., Heft 2 1874). По словамъ проф. В. Крылова, эти работы С. «причинили не мало хлопотъ такимъ корифеямъ науки, какъ Келликеръ и Вирховъ... Лѣпная работа природы... замѣнилась непрерывнымъ развитіемъ, опредѣляющимъ однажды навсегда видовую индивидуальность отдѣльныхъ костей скелета въ духѣ общей морфологіи, основанной на теоріи Дарвина...» Виднѣйшіе ученые въ области гистологіи и эмбріологіи возражали С., его ученіе послужило стимуломъ для многочисленныхъ научныхъ изысканій и предметомъ продолжительной полемики. Тѣмъ не менѣе основное положеніе С.—самостоятельное развитіе прихрящевой и внутрихрящевой костной трубки было признано въ концѣ концовъ безспорнымъ и оно цѣликомъ вошло даже въ учебники гистологіи. Въ 1870 г. С. сдалъ при Петербургской военно-медицинской академіи экзаменъ на званіе доктора медицины, а въ 1874 г. получилъ предложеніе вступить въ составъ преподавателей Харьковскаго университета, на что и далъ свое согласіе. Для полученія права преподаванія въ университетѣ ему предстояло выполнить формальность и защитить диссертацію, что было имъ выполнено въ томъ же году (дисс.—«Объ интерстиціальномъ ростѣ костей», Харьковъ, 1874 г.), послѣ чего получилъ мѣсто штатнаго доцента по каѳедрѣ эмбріологіи при медицинскомъ факультетѣ. Преподавательская его дѣятельность началась съ 1875 года. По отзыву одного изъ его сослуживцевъ, С., «какъ преподаватель, заботился не столько о томъ, чтобы обременять память своихъ слушателей массой присущихъ всякой наукѣ мелочныхъ подробностей, которыя, при всей своей важности для спеціалиста, начинаю-

щему приносятъ одинъ только вредъ, мѣшая ему обратить вниманіе на суть дѣла, —сколько обращалъ вниманіе на выясненіе общихъ законовъ развитія. Для желающихъ заниматься самостоятельными научными изслѣдованіями онъ не жалѣлъ ни времени, ни средствъ». Параллельно съ лекціями онъ ввелъ практическія упражненія по эмбріологіи—чуть ли не единственный примѣръ въ методѣ преподаванія этой науки. Черезъ нѣкоторое время С. былъ назначенъ исправляющимъ должность экстро-ординарнаго профессора Харьковскаго университета, но званія профессора онъ не получилъ, по причинамъ, съ наукой ничего общаго не имѣющимъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ много работалъ надъ большимъ трудомъ—«Исторія развитія», закончить который ему не удалось. Какъ диллетантъ, но далеко не поверхностный, С. интересовался также музыкой, которую зналъ и понималъ настолько, что могъ аккомпанировать, и живописью: для себя и близкихъ ему лицъ имъ было написано масляными красками нѣсколько картинъ, а эмбріологическому кабинету университета онъ подарилъ 20 большихъ масляныхъ картинъ эмбріологическаго содержанія.

Помимо упомянутыхъ, извѣстны еще слѣдующія его работы на нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ: «О дѣйствіи эѳировъ на человѣческій организмъ и о внутреннемъ его употребленіи» («Современная Медицина, 1860 г.), «Sur l'influence de l'inanition à la circulation du sang» (читано на съѣздѣ французскихъ ученыхъ обществъ въ засѣданіи 2 апрѣля 1869 г., напечатано въ «Memoire communique au congrés des sociétés savantes à Paris»), «Beiträge zur normalen Knochenbildung» («Centralblatt für die medic. Wissenschaft», 1872, № 29), «Ueber die Krappfütterung» (ibid., 1873, № 47), «О ростѣ костей у молодыхъ животныхъ» (сообщено въ медицин. секціи общества опытныхъ наукъ при Харьковскомъ университетѣ, протоколы засѣданія 18-го мая 1874 г.), «Ueber Knochenwachsthum» («Archiv für medicinische Anatomie», 1874) и «Ungleichmässiges Wachsthum der Knochen» («Berliner klinische Wochenschrift», 1875, № 34).

„Русская Медицина“, 1885 г., № 20.—„Врачъ“, 1885 г., №№ 21—22.—„Харьковскія Губернскія Вѣдомости“, 1885 г., № 128.—„Южный Край“ (Харьковъ), 1885 г., №№ 1507, 1509, 1513.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія“, Спб., 1890 г., томъ VI, № 60,254. — D-r A. Hirsch, „Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte aller Zeiten und Völker“, Wien und Leipzig, 1886, Bd. 5, S. 556.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, тетр. II, Спб., 1886 г., стр. 121.—„Энциклопедич. словарь“ Брокгауза-Ефрона, полут. 62, стр. 848.—А. Богдановъ, „Матеріалы для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся съ нею наукамъ“, т. III, листъ 33 (на таблицѣ XXXVI—портретъ С.) въ „Извѣстіяхъ Императ. общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ универс.“, т. LXX.

Стрѣшневъ, *Василій Ивановичъ*, ум. въ 1661 г. Служба его прошла, главнымъ образомъ, въ Москвѣ: онъ былъ близокъ при царскомъ дворѣ, завѣдывалъ нѣсколькими приказами и велъ дипломатическіе переговоры съ иноземными посланниками. Въ теченіе слишкомъ 40-лѣтней службы онъ ни разу не былъ назначенъ въ городовые воеводы и только дважды участвовалъ въ военныхъ походахъ: былъ въ Тулѣ по крымскимъ вѣстямъ и подъ Смоленскомъ во время войны 1653—1655 гг. съ польскимъ королемъ Яномъ-Казиміромъ. Первое извѣстіе о немъ относится къ 1613 г. Въ этомъ году онъ подписался за себя и за стряпчаго Ѳеодора Толочанова подъ грамотой объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. Отъ отца, думнаго дворянина Ивана Филипповича, умершаго въ 1613 г., С. унаслѣдовалъ нѣсколько вотчинъ, между прочимъ, с. Телешево, въ Вологодскомъ уѣздѣ, куда онъ въ октябрѣ этого же года и отправился, вѣроятно, для хозяйственныхъ распоряженій, а также для поминовенія родителя въ Прилуцкомъ монастырѣ. Въ 1614 г. С. былъ повышенъ изъ стряпчихъ въ комнатные стряпчіе; въ теченіе января этого года ему пожалованы: терликъ изъ гладкаго червчатаго бархата, на соболяхъ, съ золотой нашивкой, цѣною 45 р. 15 алт. 1 деньга, рукавицы на лисьемъ мѣху, опушенныя соболемъ, 10 арш. камки кармазину червчатой, 4 арш. сукна лундышу багроваго, $^1/_2$ арш. чернаго гладкаго бархата, а въ февралѣ ему даны двѣ пары соболей. Въ теченіе 1614 г. С. неоднократно передавалъ приказанія царя о выдачѣ вещей изъ Казеннаго приказа въ государевы хоромы или для пожалованія

разнымъ лицамъ. Въ 1616 г. онъ былъ «стряпчимъ съ платьемъ»; помѣстный окладъ ему 600 чет. Въ 1618 г., дек. 3, посланъ царемъ въ Троице-Сергіевъ монастырь съ государевымъ жалованнымъ словомъ и съ порученіемъ спрашивать о здоровьѣ боярина кн. Дан. Ив. Мезецкаго и окольничаго Артемія Измайлова, возвращавшихся изъ посольства въ Польшу. Въ томъ же году, сент. 19, на свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича съ княжной Маріей Влад. Долгоруковой, несъ государеву свѣчу вмѣстѣ со стольникомъ Мих. Вас. Олферьевымъ. Въ 1618—1619 гг. находился въ Москвѣ во время осады ея польскимъ королевичемъ Владиславомъ, а въ 1626 г. получилъ за это «осадное сидѣнье» 250 чет. въ вотчину. Въ 1624—1626 гг. въ торжественныхъ случаяхъ стоялъ у государева стола; между прочимъ 21 декабря 1624 г., въ день св. Петра-митрополита, когда былъ столъ у патріарха Филарета Никитича, С. вмѣстѣ съ кн. Сулешевымъ исправлялъ должность крайчаго. Въ 1626 г., февр. 5, на второй свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича съ Евд. Лукьян. Стрѣшневой, С. былъ вмѣстѣ со стольникомъ Як. Мих. Толочановымъ свѣчникомъ у государыниной свѣчи, вѣсу въ которой было 2 пуда. Жена его Ирина Прокофьевна была во время этой свадьбы «въ комнатѣ», а при выѣздѣ царицы въ Вознесенскій монастырь уѣхала за ней въ «саняхъ». Въ 1626—1629 гг. С. былъ, повидимому, дворецкимъ царицы Евд. Лукьяновны, такъ какъ неоднократно принималъ въ хоромы царицы разныя ткани, напримѣръ камку для церковныхъ облаченій и объярь для пожалованія комнатнымъ боярынямъ, соболи, жемчугъ, золотые угорскіе. Въ 1629 г., іюня 16, С. роздалъ 380 руб. государева жалованья постельницамъ, мастерицамъ, ученицамъ, портомоямъ и комнатнымъ, по случаю рожденія царевича Алексѣя Михаиловича. Ему же царица поручала посылать золотые «обѣтные» образа, между прочимъ въ Соловецкій монастырь. Вѣроятно къ этому времени относится письмо С. отъ старцевъ находившагося въ Москвѣ подворья Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Изъ письма ясно, что С. пользовался большимъ значеніемъ при дворѣ, и что «старцы», обращаясь къ нему, были увѣрены въ исполненіи ихъ просьбы. Приводимъ письмо цѣликомъ: Государю Василью Ивановичю Кирилова монастыря съ Кириловскаго подворья старцы четырнадцать человѣкъ Бога молимъ и челомъ бьемъ. Умилостивися, государь Василій Ивановичъ: была Государыня Благовѣрная Царица и Вел. Кн. Евдокія Лукьяновна на Кириловскомъ подворьѣ, молилася Богу и пречистѣй Богородицѣ и преп. Кириллу Чудотворцу и пожаловала кормъ на братью; а діяки говорятъ дворцовые: приказу де намъ не бывало. Пожалуй, государь Василей Ивановичъ, доложи Государынѣ о томъ и прикажи намъ дати милостыню, или кормъ пожаловати, пожалуй, государь Василей Ивановичъ». Въ 1629—1634 гг. С. завѣдывалъ приказомъ Золотого дѣла (иначе Золотымъ приказомъ), составлявшимъ, повидимому, отдѣленіе Казеннаго двора. Объ этомъ приказѣ нѣтъ свѣдѣній въ статьѣ «Московскіе старинные приказы» («Древн. Рос. Вивл.», XX, с. 277—421), но онъ упоминается въ «Описаніи записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725 гг.», составленномъ Викторовымъ. Этотъ приказъ, точно такъ же, какъ и Серебряный, существовалъ недолго, можетъ быть даже кромѣ С. никто другой и не завѣдывалъ имъ. Это предположеніе является вѣроятнымъ изъ сопоставленія такого рода упоминаній о «новой шапкѣ», сдѣланной для «большого наряда» царя Михаила Ѳеодоровича: «1633 г., апрѣля 14, въ приказъ прихода Большой казны снесена отъ государя сверху новая золотая шапка, съ каменьемъ и съ жемчугами, что въ *приказѣ Золотого дѣла* у стольника у Василія Ивановича Стрѣшнева». Впослѣдствіи, когда на царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ бывалъ «нарядъ Большой казны» («большой нарядъ»), про шапку говорилось такъ: «шапка, что дѣлана въ приказѣ при окольничемъ при Василіи Ивановичѣ Стрѣшневѣ» (въ окольничіе пожалованъ въ 1634 г.). Съ 1642 г. упоминается при «большомъ нарядѣ» шапка съ «перепелы», дѣланная тоже «въ приказѣ у Стрѣшнева». Какъ видно, съ теченіемъ времени понятіе о Золотомъ приказѣ слилось съ именемъ С. Черезъ его руки проходили крупныя суммы; такъ, напримѣръ, 25 января 1630 г. изъ государевой Мастерской палаты, по указу царя Михаила Ѳеодоровича, было передано С. 4000 золотыхъ угорскихъ; на другой день онъ «государевымъ словомъ» при-

казалъ, велѣлъ тѣ золотые отнести въ Большую казну. На него же возлагалась иногда раздача бѣднымъ «поручно» денегъ; такъ, напримѣръ, 28 марта 1632 г. онъ роздалъ у дворца бѣднымъ «для многолѣтняго здравія царевича Алексѣя Михаиловича» 29 р. 12 алт. 4 д. С. пользовался расположеніемъ не только царя Михаила Θеодоровича, но и его отца, патріарха Филарета Никитича, который 9 ноября 1631 г. благословилъ его иконой Пресв. Богородицы съ Ростовскими чудотворцами, «окладъ поля басменъ съ трубами, вѣнцы съ финифты сканные». Въ февралѣ 1633 г. царь Михаилъ Θеодоровичъ рѣшилъ отправить въ Пермь Великую, «для сыску золотой руды», нѣсколько человѣкъ дворянъ и гостя Надѣя Андр. Свѣтешникова, подъ начальствомъ С. Въ то время поѣздка изъ Москвы въ Пермь представляла, конечно, не мало трудностей: надо было взять съ собой не только достаточное количество одежды и съѣстныхъ припасовъ, но и всякаго рода лекарствъ, на случай болѣзни въ теченіе пути или даже на мѣстѣ назначенія. Съ С. былъ отправленъ «англійскій лекарь» Матвѣй Кинфинъ; ему выданы изъ приказа Большой казны впередъ кормовыя мѣсячныя деньги и подмога, а изъ Аптекарскаго приказа отпущены мази, масло разныхъ сортовъ, пластыри, опіумъ, скипидаръ и т. д. С. находился въ отсутствіи изъ Москвы около года. Золотой руды въ Перми не оказалось, но его «радѣньемъ» разыскана у Соли-Камской мѣдная руда и устроенъ заводъ. Въ награду за понесенные труды Михаилъ Θеодоровичъ произвелъ его 6 янв. 1634 г. въ окольничіе, а 8 апрѣля того же года пожаловалъ ему шубу соболью, крытую зеленымъ атласомъ, кубокъ и 600 чет. вотчины въ Ростовскомъ у., село Прусино съ деревнями; денежный окладъ ему учиненъ 370 р. Въ томъ же 1634 г. С. участвовалъ въ слѣдственной комиссіи по дѣлу о неудачной осадѣ Смоленска бояриномъ Шеинымъ и окольничими кн. Прозоровскимъ, Измайловымъ и Бѣлосельскимъ. 28 апр. онъ и другіе члены этой комиссіи Шеину съ товарищи «воровство и измѣну, и казнь оказывали у приказа Сыскныхъ дѣлъ, что прежъ сего была Нижегородская четь». Въ 1634 г. С. назначенъ завѣдующимъ Оружейной палатой и съ этого же года сталъ исполнять дипломатическія порученія: 5 августа онъ былъ, съ титуломъ намѣстника суздальскаго, въ отвѣтѣ со шведскими послами, а въ декабрѣ заключилъ договоръ съ Голштиніей о дозволеніи купеческой голштинской компаніи провозить товары въ Персію черезъ Московское государство; при заключеніи договора онъ имѣлъ титулъ намѣстника новоторжскаго и былъ вторымъ лицомъ послѣ боярина кн. Б. М. Лыкова. Въ 1635 г., янв. 4, С. «являлъ» Михаилу Θеодоровичу литовскихъ пословъ Песочинскаго, Сапѣгу и Веживица. Въ 1639—1641 и въ 1644 гг. былъ въ отвѣтѣ съ голштинскими купцами и съ кизильбашскимъ и датскимъ послами. Въ 1636 г. С. былъ судьей въ Новой чети. Въ 1638 г., апр. 15, послѣдовалъ царскій приказъ идти по крымскимъ вѣстямъ на Тулу. Главнокомандующимъ былъ кн. Черкасскій, а товарищами у него кн. Ал. Мих. Львовъ и С.; они должны были стоять въ самой Тулѣ и дозирать устроенныя близъ нея засѣчныя крѣпости. Въ томъ же году С. былъ вмѣстѣ съ кн. Ив. Бор. Черкасскимъ душеприказчикомъ у думнаго дьяка Ив. Тарас. Грамотина. Въ 1639 г. въ янв. С. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Ивана, а въ апрѣлѣ—при гробѣ царевича Василія Михаиловичей. Въ 1640 г. во время богомольнаго похода царя Михаила Θеодоровича въ Вязники—оставался въ Москвѣ у царицъ. С. былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Михаилу Θеодоровичу лицъ, что можно заключить, напримѣръ, изъ слѣдующаго обстоятельства: въ началѣ іюня 1643 г. у царя сдѣлалась рожа, и лекарь Крамеръ произвелъ ему кровопусканіе. Доктора Артманъ Граманъ и Яганусъ Бѣлово присутствовали при кровопусканіи въ мыленкѣ (банѣ) и передали С., для доклада государю, роспись кушаній и напитковъ, которыя можно и которыя не слѣдуетъ употреблять вскорѣ послѣ кровопусканія. 13 іюля 1645 г. скончался Михаилъ Θеодоровичъ, а 18 августа того же года—его супруга, Евдокія Лукъяновна; заботы по приготовленію къ погребенію царицы пали на С.: 18 августа онъ принялъ въ хоромы къ государю Алексѣю Михаиловичу 16 арш. камки бѣлой куфтерю на саванъ и 18 арш. чернаго бархату на покрышку на «выносныя сани». Справивъ «сорочины» послѣ кончины своей матери, Алексѣй Михаиловичъ вѣнчался на царство, 28 сент. 1645 г., и пожаловалъ въ этотъ день С. въ бояре.

Въ это же время послѣдовало назначеніе посольства въ Польшу для переговоровъ о союзѣ противъ Крыма, для поздравленія короля Владислава по случаю его брака съ Людовикой-Маріей Мантуанской и для подтвержденія Поляновскаго мира. Во главѣ посольства стоялъ С. съ титуломъ намѣстника вологодскаго; членами посольства были окольничій, намѣстникъ шацкій, Степ. Матв. Проѣстевъ, думный дьякъ Волошениновъ и дьякъ Шипулинъ. Выѣхали они изъ Москвы въ январѣ 1646 г., а 10 марта представились королю Владиславу, который, по болѣзни, лежалъ на постели, обложенный подушками. Послы высказали неудовольствіе, что король «противъ государева имени» не всталъ и поднять себя не велѣлъ. Тогда король подозвалъ ихъ къ постели и объяснилъ, что не въ состояніи приподняться, такъ какъ не владѣетъ ни руками, ни ногами. Послы успокоились и отправились къ молодой королевѣ, которая спрашивала о здоровьѣ государя, стоя. Въ переговорахъ съ панами рады послы подняли снова дѣло объ умаленіи титула царя, но паны просили оставить этотъ вопросъ, обѣщая строго наказать виновныхъ, если бы впредь случилась ошибка въ титулѣ царствующаго государя. Относительно самозванца Лубы, выдававшаго себя за сына Лжедимитрія и называвшагося московскимъ царевичемъ, паны обѣщали содержать его въ большой крѣпости, а если окажется, что Луба дѣйствительно продолжаетъ называть себя московскимъ царевичемъ, то казнить его смертью. Для союза противъ крымцевъ они обѣщали прислать особое посольство. С. возвратился въ Москву съ подтвержденіемъ Поляновскаго договора и записи пана Стемпковскаго относительно самозванца Лубы. Вѣроятно, царь остался доволенъ посольствомъ С., потому что послѣдовало увеличеніе его денежнаго оклада: съ этого года онъ сталъ получать 500 р. Въ 1648 г., янв. 16, на свадьбѣ царя съ Марьей Ильинишной Милославской, С. вмѣстѣ съ думнымъ дьякомъ Ѳедоромъ Елизаровымъ «строилъ поѣздъ», т. е. отъ него завпсѣлъ весь распорядокъ. Въ 1649 г. въ ноябрѣ онъ сопровождалъ Алексѣя Михаиловича въ Можайскъ, а въ 1651 г., во время особенно торжественнаго шествія царя въ с. Покровское, ѣхалъ передъ нимъ у кареты. Въ 1653 г. С. участвовалъ въ походѣ противъ польскаго короля Яна-Казиміра: вмѣстѣ съ кн. Мих. Мих. Темкинымъ-Ростовскимъ, онъ былъ воеводой Сторожевого полка. Въ 1655 г. отпущенъ, вслѣдствіе болѣзни, въ Москву, гдѣ, во время его отсутствія, изо всей его дворни уцѣлѣлъ отъ моровой язвы только одинъ мальчикъ; насколько многочисленна была его дворня, можно заключить изъ того, что въ 1648 г., на выѣздѣ противъ литовскихъ пословъ, было выставлено С. 80 человѣкъ.

Мы не имѣемъ извѣстій о дальнѣйшей службѣ С., и остается сказать лишь нѣсколько словъ о его земельныхъ владѣніяхъ. У С. были помѣстья и вотчины въ *четырнадцати* уѣздахъ, и онъ находился, по величинѣ своихъ владѣній, на *десятомъ* мѣстѣ, приближаясь въ этомъ отношеніи къ старымъ боярскимъ родамъ, какъ Морозовы, Романовы и Шереметевы. Въ Москвѣ у него былъ загородный дворъ у Николы въ Плотникахъ. Въ 1674 г. Алексѣй Михаиловичъ пожаловалъ своему тестю, боярину Кир. Полуект. Нарышкину съ дѣтьми, дворъ С., но не знаемъ, этотъ ли самый дворъ или какой-нибудь другой.

„Древн. Рос. Вивл.“, т. XX, стр. 26, 115.—„Разр. кн.“, т. II, стр. 449.—„Дворц. разр.“, т. I, II и III.—„Акты Истор.“, т. III, стр. 108, 329, 333, 388, 473—474.—„Акты, Археогр. Экспед.“, т. III, стр. 382, 471, 491 495.—„Акты юрид.“, стр. 85, 392.—„Собр. Гос. Гр. и Догов.“, т. I, 638; т. III, стр. 280, 288.—„Рус. Ист. Библ.“, т. III, VIII, IX, X.—„Акты Моск. госуд.“, т. I, стр. 141, 205, 624, 654; т. II, стр. 73, 97, 172, 203, 238.—„Полн. Собр. Зак.“, т. I, стр. 265, 437; т. II, стр. 665.—„Опис. Моск. Арх. мин. юст.“, т. I, № 258.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. IX, стр. 325; т. X, стр. 133—138, 361, 371.—Лихачевъ, „Разрядные дьяки“, стр. 219—220.—Викторовъ, „Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старин. дворцов. приказовъ 1584—1725 гг.“, М., 1877 г., вып. 1, стр. 34, 104, 105, 245, 247—250, 262, 308, 309.—Голиковъ, „Дѣянія Петра Велик.“, т. XIII, стр. 6.—С. В. Рождественскій, „Служилое землевладѣніе въ Моск. госуд. XVI в.“, стр. 228—230.—„Пермская лѣтопись“. II-й періодъ (1613—1645 гг.)“, сост. Шишонко, Пермь, 1882 г., стр. 342—343.—П. С. Строевъ, „Выходы царей“, М., 1844 г., указатель, стр. 106.—Ивановъ, „Описаніе Государств. разр. архива“, М., 1842 г., стр. 7.—Забѣлинъ, „Домашній бытъ рус. царей“, 3-е изд., стр. 242, 392, 668.—Его же, „Домашній бытъ рус. царицъ“, стр. 323, 372, 591, 648; матеріалы, стр. 71, 72, 75, 76, 79, 81, 82.—Его же, „Опыты изученія русск. древностей и исторіи“, М., 1873 г., т. II, стр. 282.

В. Корсакова.

Стрѣшневъ, *Иванъ Степановичъ*, родной дядя царицы Евдокіи Лукъяновны. Въ 1613 г., между 28 апрѣля и 2 мая,

предсѣдатель Боярской Думы, засѣдавшей въ Москвѣ, бояринъ кн. Ѳед. Ив. Мстиславскій «съ товарищи» писалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, пребывавшему тогда на пути въ Москву въ Ярославлѣ, что будто литовскіе люди покидаютъ Смоленскъ и идутъ въ Польшу. Съ вѣстями объ этомъ присланъ изъ Мещовска С. Въ 1614 г. С. былъ головой у обоза, и сторожи ставилъ, и дозиралъ въ походѣ къ Смоленску. Въ 1618 г.—воевода въ Алексинѣ; въ 1626—1628 и 1631 гг.—на Мезени и въ Кевроли. Въ 1626 г., февраля 8-го, на четвертый день послѣ свадьбы Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіей Лукъяновной, С. обѣдалъ у царя вмѣстѣ съ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ; обѣдалъ также 5 марта, когда вмѣсто 1 марта справлялись именины царицы Евдокіи Лукъяновны. Въ 1635 г.—воевода въ Сѣвскѣ, въ 1644 г.—воевода въ Курскѣ, откуда сообщалъ воеводамъ въ Ливны и въ Мценскъ о переправѣ 10.000 татаръ черезъ рѣку Ворсклу и о приходѣ ихъ въ Рыльскій и Путивльскій уѣзды.

„Дворц. разр.", т. I, стр. 141, 346, 743, 788, 846, 1026.—„Рус. Ист. Библ.", т. IX, стр. 390.—„Акты Моск. госуд.", т. II, стр. 3, 132, 135, 139, 140. — Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ XVII ст.", Спб., 1902 г., стр. 3, 98, 99.—Его же, „Родъ Шереметевыхъ", томъ III, стр. 62. *В. Корсакова.*

Стрѣшневъ, *Иванъ Ѳедоровичъ большой*, двоюродной братъ царицы Евдокіи Лукъяновны. Въ 1636—1654 гг.—стольникъ; 17 марта 1654 г. пожалованъ въ окольничіе, а въ 1676 г. въ бояре. Какъ видно, онъ былъ комнатнымъ стольникомъ, потому что 4 іюня 1643 г., послѣ кровопусканія царю Михаилу Ѳеодоровичу (когда у него была рожа) «въ полдни руда (т. е. кровь) вѣшана, вѣсомъ стало фунтъ безъ четверти: и тое руду, при бояринѣ при Ѳед. Ив. Шереметевѣ, Ив. Ѳед. Большой Стрѣшневъ, выкопавъ въ саду противъ комнаты ямку, положилъ въ землю». Это порученіе показываетъ, что С. пользовался большимъ довѣріемъ и что не опасались отъ него какого-нибудь «дурна». Въ 1644 г. за «приносъ» золотыхъ ширинокъ Михаилу Ѳеодоровичу и царевичу Алексѣю Михаиловичу онъ получилъ изъ государевой мастерской палаты 260 руб. Находиться въ «подносщикахъ», т. е. принимать для подношенія царю, царицѣ, царевичамъ и царевнамъ подарки разныхъ лицъ — было весьма выгодно, такъ какъ подносщикамъ было назначено государево жалованье: за золотой по рублю, а за ширинку по пяти рублей.

Въ 1645 г., сентября 28, въ день вѣнчанія на царство Алексѣя Михаиловича, С. исполнялъ должность чашника. Въ 1654 и 1656 гг. онъ участвовалъ въ походахъ противъ польскаго короля Яна-Казиміра. Въ промежуткѣ между двумя походами онъ перенесъ большую непріятность: въ московскомъ домѣ его среди «челяди» появилась моровая язва. Нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ, напр., мать окольничихъ Ивана и Матвѣя Милославскихъ, не только не дала знать, что у нея въ домѣ были больные моровой язвой, но утаила даже тогда, когда слухъ объ этомъ дошелъ до царицы Марьи Ильиничны, которая очень встревожилась при появленіи въ Москвѣ этой страшной эпидеміи. Царь Алексѣй Михаиловичъ велѣлъ объявить Милославскимъ строгій выговоръ и, считая ихъ заслуживающими смертной казни за утайку, ограничился тѣмъ, что изъ окольничихъ велѣлъ написать ихъ по московскому списку, т. е. разжаловалъ въ московскіе дворяне. Въ указѣ объ этомъ читаемъ между прочимъ: «А у которыхъ въ домахъ та болѣзнь съ язвами объявилась и они про ту болѣзнь государынѣ царицѣ извѣщали, окольничій кн. Иванъ Ромодановскій, Иванъ Стрѣшневъ, и иные многіе, и имъ то поставлено въ похвалу, и указано имъ ѣхать въ деревни свои». Въ 1658—1662 гг. С. былъ въ Монастырскомъ приказѣ. Въ 1659 г. вѣдалъ иногда Москву, въ товарищахъ у боярина И. В. Шереметева. Въ 1660 г.—именной указъ ему о выдачѣ изъ Галицкой чети стольникамъ, стряпчимъ и прочимъ, которымъ велѣно быть на службѣ, жалованья по 20 р. на человѣка. Въ 1664 г. на него была возложена забота о сборѣ для Вязьмы и для Дорогобужа съ помѣщиковъ Нижегородскаго, Арзамасскаго и Галицкаго уѣздовъ вмѣсто хлѣба деньгами: вмѣсто 1 четверика ржи и 1 четверика сухарей велѣно взять по 4 гривны съ двора и по полтинѣ взамѣнъ подводы. Эта замѣна хлѣбнаго сбора денежнымъ была дозволена потому, что подрядчики просили за провозъ хлѣба по 2 рубля съ двора и даже дороже. Въ 1668 г. С. дана жалованная грамота на с. Можары въ Рязанскомъ у. Въ 1674 г.

онъ участвовалъ въ крестномъ ходѣ въ Москвѣ и въ этомъ же году, во время богомольнаго похода царя по монастырямъ, оставленъ у большихъ царевенъ. Въ 1676 г., іюня 18, принималъ участіе въ торжествѣ вѣнчанія на царство Ѳеодора Алексѣевича: онъ несъ царскій скипетръ съ Казеннаго двора въ Грановитую палату къ царю Ѳеодору Алексѣевичу, а оттуда въ Успенскій соборъ; послѣ молебна находился въ числѣ тѣхъ лицъ, которыхъ патріархъ Іоакимъ послалъ къ царю сказать, что все готово къ вѣнчанію; во время вѣнчанія царь далъ ему держать державное яблоко. Въ томъ же 1676 г. С. сопровождалъ царя Ѳеодора Алексѣевича въ Кашинъ, въ Троице-Сергіевъ монастырь, въ Александровскую слободу, въ Переяславль Залѣсскій и въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь.

„Древн. Рос. Вивл.", т. XX, стр. 110, 336.— „Акты Ист.", т. III, стр. 388; т. IV, стр. 294.— „Доп. къ Акт. Ист.", т. V, стр. 387—389.— „Акты Арх. Эксп.", т. IV, стр. 143, 161.—„Дв. разр.", т. III, стр. 18, 403, 413, 953, 987; прилож., стр. 42, 51, 193, 364, 388; т. IV, стр. 14, 15, 20.—„Полн. Собр. Зак.", т. I, стр. 371, 510. 586; т. II, стр. 47, 48, 50, 57, 63. „Акты Моск. госуд.", т. II, стр. 624, 625, 647.—„Оп. Моск. арх. мин. юст.", т. II, стр. 109, 111.—Кн. П. В. Долгорукій, „Род. кн.", т. IV, стр. 412.—Забѣлинъ, „Домашній бытъ русскихъ царей", изд. 3-е, стр. 721. *В. Корсакова.*

Стрѣшневъ, *Иванъ Ѳедоровичъ меньшой*, двоюродный братъ царицы Евдокіи Лукьяновны. Въ 1631 г.—стольникъ; въ 1645 г. былъ въ «подносчикахъ» царю и царевичу; получилъ 389 р. за приносъ золотыхъ. Въ 1654 г. участвовалъ въ польскомъ походѣ и былъ посланъ царемъ съ вѣстью о взятіи Дорогобужа къ патріарху Никону, къ царицѣ Марьѣ Ильинишнѣ и къ царевичу Алексѣю Алексѣевичу. Въ 1656 г.—окольничій; во время похода царя Алексѣя Михаиловича къ Смоленску былъ оставленъ у царевенъ. 23 мая царь писалъ своимъ сестрамъ изъ Вязьмы: «А грамоты кому изволите, тому и велите писать; а подьячему и дьяку писать непригоже; а окромѣ бы тѣхъ, которые оставлены у васъ, никто бы не писалъ». 2 сентября того же 1656 г., по государеву указу, велѣно было выдать изъ Разряда списки «всякимъ чиномъ служилымъ людемъ» тѣмъ окольничимъ, которые назначены быть у «городового дѣла». Сотенные списки всѣхъ стольниковъ и московскихъ дворянъ велѣно отдать С. и дьяку Семену Землину. Въ 1674 г., сентября 18, С. присутствовалъ при пріемѣ царемъ астраханскаго мурзы Маметь-Делія; окт. 4 былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которыхъ царь жаловалъ водкой. Въ 1675 г. ѣхалъ за большими царевнами во время «похода» на Воробьевы горы.

„Древн. Рос. Вивл.", т. VI, стр. 321; т. XX, стр. 112.—„Двор. разр.", т. III, стр. 418, 426, 1032, 1063, 1408.—„Доп. къ III т.", стр. 41. - „Акты Москов. госуд.", т. II, стр. 541.—Забѣлинъ, „Домашній бытъ русск. царей", 3-е изд., стр. 721. *В. Корсакова.*

Стрѣшневъ, *Иванъ Филипповичъ*, ум. въ 1613 г. Въ царствованіе Іоанна Грознаго былъ разрядный дьякъ Иванъ С.; при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и при Борисѣ Годуновѣ онъ, по выраженію Н. П. Лихачева, «какъ-то стушевывается», а при Дмитріи Самозванцѣ выдѣляется думный дьякъ Иванъ Филипповичъ, пожалованный затѣмъ въ думные дворяне и бывшій въ Смутное время воеводой въ Устюгѣ Великомъ. Основываясь на предположеніи Н. П. Лихачева, что дьякъ Иванъ С. и думный дворянинъ Иванъ Филипповичъ С. одно и то же лицо, приводимъ всѣ свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать объ этомъ лицѣ или лицахъ за время съ 1577 по 1613 г.

Въ 1577 г., въ Ливонскомъ походѣ, С. былъ дьякомъ «у розряду» вмѣстѣ съ Василіемъ Щелкаловымъ. Въ 1578 г. въ числѣ другихъ дьяковъ сопровождалъ государя въ Ливонскомъ походѣ. 7 іюня 1579 г. скрѣпилъ грамоту отъ царя изъ Новгорода, посланную воеводамъ въ Маріенбургъ, и въ томъ же году былъ отправленъ царемъ въ Дорогобужъ вмѣстѣ съ дворяниномъ Воейковымъ, чтобы встрѣтить тамъ Лопатинскаго, посланнаго Баторіемъ съ грамотой, и привезти эту грамоту, такъ какъ бояре считали, что царю «невмѣстно» принять самого Лопатинскаго. Въ 1580 г. С. сидѣлъ въ Разрядѣ вмѣстѣ съ дьякомъ Курбатомъ Грамотинымъ и выполнялъ между прочимъ особое порученіе царя, касающееся государственныхъ оброчныхъ рыбныхъ ловель. Сопровождая Грознаго въ военныхъ и богомольныхъ походахъ, въ качествѣ разряднаго дьяка, С. рѣшился осенью 1580 г., во время пребыванія съ царемъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, сдѣлать самовольное распоряженіе относительно мѣста стоянки воеводъ. Выясни-

лось это при разборѣ трехъ мѣстническихъ дѣлъ, возникшихъ изъ-за жалобъ обиженныхъ. Тогда же о немъ возникло и другое дѣло—о самовольной посылкѣ грамотъ. Когда бояринъ кн. Ѳед. Мих. Трубецкой съ товарищами распрашивалъ С., по государеву ли приказу или по боярскому приговору онъ писалъ изъ Троице-Сергіева монастыря грамоту въ Москву боярину Петру Вас. Морозову, С. повинился: «Какъ государь пошелъ съ Москвы къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь, и пришли ко государю съ Москвы отъ бояръ грамоты вѣстовыя—не упомню къ Троицѣ, не упомню въ Тимоѳеевской, и язъ по тѣмъ вѣстямъ такову грамоту отъ государя къ Москвѣ къ бояромъ писалъ вскорѣ, а государя доложити не успѣлъ, а писалъ такову грамоту для промыслу—въ томъ вѣдаетъ Богъ да государь». Какъ доказывали заинтересованныя въ дѣлѣ лица, С. писалъ самовольную грамоту, «дружа» Михаилу Безднину, съ которымъ былъ въ свойствѣ и котораго «величалъ, какъ хотѣлъ». Изъ позднѣйшаго мѣстническаго дѣла, бывшаго между Романомъ Алферьевымъ (изъ рода Безднинныхъ) и кн. Григоріемъ Засѣкинымъ, выяснилось, что «государь за тѣ грамоты на Ивана кручинялся и велѣлъ бы ему за то и *руку отсѣчь*, то вѣдомо всѣмъ бояромъ...» Угроза эта, однако, не была приведена въ исполненіе, и неизвѣстно, подвергся ли С. какому-нибудь взысканію за самовольства. Чему приписать милостивое отношеніе Іоанна IV къ *дьяку* С. въ то самое время, когда, больной и раздражительный, онъ не зналъ удержу своему гнѣву и предавалъ смертной казни бояръ,—трудно рѣшить. Можно лишь сдѣлать предположеніе, что онъ цѣнилъ его, какъ дѣльца, необходимаго въ Разрядѣ.

Въ 1581 г. пріѣзжалъ въ Московское государство Антоній Поссевинъ, посолъ папы Григорія XIII. Іоаннъ находился въ это время въ Старицѣ, и при немъ былъ С., что видно изъ помѣты, сдѣланной на грамотѣ царя приставу Волохову: «пріѣздъ Истомы Шевригина взять у дьяка у Ивана Стрешнева». Это значитъ, что посольскіе дьяки отмѣтили полученіе отъ С. документовъ о пріѣздѣ Шевригина, ѣздившаго гонцомъ въ Римъ къ папѣ и въ Прагу къ цесарю Рудольфу. 31 августа, послѣ второго пріема Антонія Поссевина царемъ въ Старицѣ, въ государевой «избѣ»,—происходилъ пріемъ его въ дьяческой посольской избѣ, гдѣ ему отвѣчали думные дворяне Вас. Гр. Зюзинъ и Романъ Мих. Пивовъ, да дьяки Андрей Щелкаловъ, Афанасій Демьяновъ и С. Въ 1583 г. пріѣзжалъ въ Москву англійскій посолъ Еремѣй Баусъ, чтобы испросить у царя исключительное право торговли во всѣхъ «колмогорскихъ» пристаняхъ и жалованную грамоту англійскимъ купцамъ на безпошлинную торговлю. При пріемѣ царемъ Бауса, въ «другой» встрѣчѣ, противъ угла Золотой палаты, былъ въ числѣ другихъ лицъ и С. Въ предшествіи «встрѣчниковъ», Баусъ прошелъ въ столовую избу, гдѣ сидѣлъ государь. Послѣ краткаго пріема, приставы провели посла въ набережную золотую палату, а когда столъ былъ готовъ, тѣ же самые «встрѣчники» встрѣтили его въ сѣняхъ и шли съ нимъ въ столовую избу. За обѣдомъ послу было указано сидѣть въ кривомъ столѣ, а противъ былъ посаженъ С. вмѣстѣ съ Ѳ. А. Бутурлинымъ; оба они подчивали посла и послѣ стола. Баусъ провелъ въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и на одномъ изъ пріемовъ у царя, когда велись переговоры о сватовствѣ Іоанна къ племянницѣ англійской королевы Елизаветы, Маріи Гастингсъ С. былъ въ числѣ немногихъ лицъ, присутствовавшихъ при этомъ.

Затѣмъ о С. въ теченіе болѣе 20 лѣтъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Можно было бы предположить, что онъ умеръ, если бы въ 1605 г. снова не появился разрядный дьякъ Иванъ С. при разборѣ мѣстническихъ дѣлъ. Въ этомъ году онъ участвовалъ въ судѣ «въ отечествѣ» между Гавр. Гр. Пушкинымъ и кн. Ѳеод. Андр. Звенигородскимъ; за его же приписью выдана Тимоѳ. Сем. Пушкину «невмѣстная» грамота на князей Юр. Мещерскаго, Ивана Мезецкаго и Сем. Вяземскаго. Въ 1606 г. С. сказано думное дворянство. Съ 1608 г. до мая 1610 г. С. былъ воеводой въ Устюгѣ Великомъ. Въ царствованіе Шуйскаго, когда большинство русскихъ людей колебалось, не зная, за кого стоять и кому служить, когда не только отдѣльныя лица, но и цѣлые города присягнули Тушинскому вору,—сѣверныя области Московскаго государства собирали ратныхъ людей на помощь царю Василію Ивановичу. Устюгъ, Пермь, Вятка, Сольвычегодскъ

и другіе города «обсылались» грамотами, обмѣниваясь извѣстіями, получаемыми изъ разныхъ мѣстъ. Въ концѣ ноября 1608 г. С. сообщалъ вычегодцамъ о разореніи Ростова литовскими людьми, о плѣненіи митрополита Филарета, о присягѣ Ярославля, Вологды и Тотьмы второму Лжедмитрію, о рѣшительномъ намѣреніи всѣхъ устюжанъ не измѣнять царю Василію Ивановичу и просилъ прислать выборныхъ людей изъ Усольской земли для принятія мѣръ противъ мятежниковъ. «А наша мысль то—говорится между прочимъ въ отпискѣ С.:—будетъ вы къ намъ пріѣдете и стоять съ нами заодинъ похотите, и намъ вамъ въ томъ крестъ цѣловати, что намъ съ вами, а вамъ съ нами и ожить и умереть вмѣстѣ». Увѣдомляя вычегодцевъ о полученіи въ Устюгѣ изъ Вологды крестоцѣловальной записи на вѣрность Тушинскому вору, о разореніи тушинскаго лагеря кн. Скопинымъ-Шуйскимъ, о походѣ Шереметева изъ Астрахани къ Москвѣ съ многими воинскими людьми и объ усердіи галичанъ и костромичей къ царю, С. просилъ поспѣшить присылкою отписки, чью сторону держатъ усольскіе города, и убѣждалъ ихъ не спѣшить присягою самозванцу. «Пожалуйте, помыслите съ міромъ крѣпко, а не спѣшите креста цѣловати: не угадать на чемъ совершится». Въ началѣ декабря 1608 г. С. писалъ тѣмъ же вычегодцамъ, чтобы они собрали ратныхъ людей и прислали бы ихъ съ головами въ Устюгъ и въ Тотьму; имъ же онъ поручалъ сообщить объ этомъ на Вымь, Вятку и Пермь Великую. Сколько успѣли собрать ратныхъ людей въ Устюгѣ—тѣхъ С. немедленно отправилъ въ Вологду. Въ половинѣ мая 1609 г. онъ сообщилъ въ Пермь, что устюжане отправили въ Ярославль въ половинѣ апрѣля пятую рать, состоящую изъ 500 человѣкъ, и что продолжаютъ и еще собирать. При такомъ ревностномъ отношеніи къ дѣлу, С. больно было видѣть, что нѣкоторые города медлятъ съ высылкой ратныхъ людей. Въ отпискѣ къ пермичамъ онъ не удержался по этому случаю отъ укора. «А напередъ сего мы къ вамъ писали многажды о ратныхъ людяхъ, чтобъ вы посылали къ государю на помощь; и отъ васъ всего объявилось ратныхъ людей 82 человѣка, а больше того ратныхъ людей не объявливалось, и вы то дѣлаете мысля, дѣлайте, смотря по нынѣшнему времени, помня души, на чемъ крестъ цѣловали». Вслѣдствіе просьбы вятчанъ о помощи С. послалъ туда людей съ Устюга; пошли ратные люди и изъ Соли-Вычегодской; только Пермь попрежнему не особенно спѣшила съ отправкой подмоги; это можно заключить изъ отписки С. пермичамъ въ декабрѣ 1609 г.: «А вѣдаете, господа, и сами: только, по грѣхамъ, воры Вятцкою землею завладѣютъ, а Устюжская и Усольская земля и Поморскіе городы подошли отъ нихъ близко и крѣпостей немного; и вамъ бы, господа, Вяткѣ и намъ помогати. А ко государю мы о томъ и въ полки къ государевымъ болярямъ и воеводамъ, ко кн. Мих. Вас. Шуйскому съ товарищи, писали о большомъ указѣ: и вамъ бы' насъ и Вятчанъ, до большого государева указу, воромъ не подати и стать съ нами заодинъ; а мы вамъ челомъ бьемъ». Въ февралѣ 1610 г. въ Устюгѣ было получено извѣстіе о смерти Тушинскаго вора и объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ московскихъ отрядовъ. С. распорядился отслужить по этому поводу благодарственный молебенъ и послалъ пермскому и верхотурскому воеводамъ отписку кн. Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго, поручивъ имъ переслать ее въ спискѣ во всѣ сибирскіе города. Одновременно съ этимъ С. отправилъ на Верхотурье хлѣбные запасы, собранные съ Устюга, съ посада и со всего Устюжскаго уѣзда.

Въ концѣ февраля 1611 г. С. подписался подъ грамотой московской Боярской Думы, данной посламъ—ростовскому митрополиту Филарету и кн. Вас. Вас. Голицыну съ товарищами, отправленнымъ къ королевичу Владиславу. Въ томъ же году С. назначенъ былъ вмѣстѣ съ кн. Григ. Петр. Ромодановскимъ въ Судную избу на Москвѣ судить русскихъ людей съ литовскими и чинить между ними расправу. Это извѣстіе является послѣднимъ о его дѣятельности.

„Др. Рос. Вивл.“, XIV. стр. 325, 350; т. XX, стр. 78, 88.—„Акты Ист.“, т. II, стр. 139, 160, 163, 221,252,254,325,334—335, 337—338, 383; т. III, стр. 125.—„Доп. къ Акт. Ист.“, т. I, стр. 181—182.—„Акты Арх. Эксп.“, т. I, стр. 389; т. II,стр. 179—182, 184—186, 201—202, 269.—„Рус. Ист. Сб.“, изд. Погодина, М. 1842 г., т. II, стр. 94—96 и т. XVI.—„Памятники дипломат. сношеній“, т. X, стр. 74, 75, 111—113, 123, 124, 134, 146, 151, 170, 188, 195, 235, 248, 267 282, 285, 295.—„Архив. ист.-юр. свѣд.“, т. II

пол. I, стр. 132.—„Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.“, 1907 г., II, стр. 34, 40, 76, 78; III, стр. 106, 116, 204, 221.—„Сб. Имп. Рус. Ист. Общ.“, т. XXXVIII, стр. 82, 83, 104, 129.—Щербатовъ, V, кн. XIII, стр. 163.—Карамзинъ, IX, стр. 254, прим. 516, 518, 621.—Лихачевъ, „Разрядные дьяки XVII вѣка“, Спб., 1888 г., стр. 218—222.—Его-же, „Дѣло о пріѣздѣ въ Москву Антонія Поссевина“, Спб., 1903 г., стр. XXII, XXIV.—„Древніе акты, относящіеся къ исторіи Вятскаго края“, Вятка, 1881 г., стр. 60, 64, 86, 88, 90. *В. Корсакова.*

Стрѣшневъ, *Илья Аѳанасьевичъ*, внучатный дядя царицы Евдокіи Лукъяновны. Въ 1615 — 1616 гг. осадный голова въ Мещовскѣ; въ 1621 — 1625 гг. воевода тамъ же. Въ 1625 г. іюня 2 дневалъ и ночевалъ на государевѣ дворѣ. Въ 1626 г. на свадьбѣ царя Мих. Ѳед. съ Евд. Лукъян. Стрѣшневой шелъ за санями: въ томъ же году обѣдалъ за царскимъ столомъ въ именины царицы. Въ 1626—1629 гг. воевода въ Арзамасѣ. Въ 1637—1640 гг. дворянинъ московскій. Въ 1632—1634 гг. воевода въ Перми; въ 1634 г. царская грамота ему, чтобы вольные, гулящіе люди, охочіе, нетяглые и непашенные, записывались бы на житье въ Верхотурье. Въ 1636 — 1638 гг. воевода въ Калугѣ. Сохранилась пріемная опись его, сколько въ Калугѣ наряду, зелья, свинцу и пушечныхъ запасовъ, сколько денегъ въ казнѣ, хлѣба въ житницахъ и дѣлъ въ съѣзжей избѣ. Въ 1638 г. онъ писалъ изъ Калуги тульскому воеводѣ кн. Ив. Бор. Черкасскому, что калужскіе ямщики не могутъ выставать подводъ сверхъ тѣхъ 80, которыя, по отпискѣ кн. Черкасскаго, посланы въ Алексинъ. С. получилъ изъ Ямского приказа грамоту объ отправкѣ 300 подводъ подъ вяземскихъ стрѣльцовъ, а калужскіе ямщики говорятъ: «хотя де насъ замучь на правежѣ, и намъ де дать опричь того нечего: лошадей де у насъ больше нѣтъ». Въ томъ же году С. посылалъ людей, съ лошадьми и телѣгами, для помощи при постройкѣ Дубенской засѣки. Въ 1640 г. онъ поступилъ въ монастырь и принялъ постриженіе.

„Дв. разр.“, т. I, стр. 243, 701, 732, 777, 790.—„Разр. кн.“, т. I, стр. 78, 189, 760, 870, 884, 922, 1029, 1117, 1118, 1217, 1331; т. II, стр. 62, 167, 688. — „Рус. Ист. Биб.“, т. II, с. 678; т. IX, 391, 455, т. X, с. 4, 51, 107, 129.—„Акты Ист.“, т. III, стр. 325.—„Акты Моск. госуд.“, т. I, стр. 242, 243, 275, 276, 281; II, стр. 59, 86.—Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ XVII ст.“, стр. 5, 91, 135, 177. *В. Корсакова.*

Стрѣшневъ, *Лукьянъ Степановичъ*, ум. въ 1650 г., отецъ царицы Евдокіи Лукъяновны; упоминается впервые въ Разрядной книгѣ подъ 1614 г., во время похода подъ Смоленскъ Вас. Петр. Шереметева, когда онъ и братъ его Иванъ Степановичъ «были головами у обозу, и сторожи ставили и дозирали» вмѣстѣ съ Ал. Сем. Лодыженскимъ; здѣсь оба С—вы названы «мѣщанами», что нужно понимать, конечно, не въ смыслѣ сословія, а въ томъ смыслѣ, что братья «служили по городу Мещовску», въ уѣздѣ котораго у нихъ были помѣстья. Назначеніе братьевъ вмѣстѣ съ Лодыженскимъ показываетъ, что они не принадлежали къ особенно захудалому роду, потому что старшій братъ Ал. Сем. Лодыженскаго былъ въ 1598 г. воеводой въ Брянскѣ. По мнѣнію кн. П. В. Долгорукаго, С. былъ бѣднымъ «городовымъ дворяниномъ, темнаго происхожденія», при помощи нѣсколькихъ крѣпостныхъ собственноручно обрабатывавшій свою землю. Послѣ брака его дочери Евдокіи съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, — повѣствуетъ далѣе кн. Долгоруковъ, — С. сдѣлался важнымъ сановникомъ, но имѣлъ «благородство души сохранять въ шкафу, въ теченіе всей жизни, свое скромное одѣяніе землепашца, чтобы, какъ онъ говорилъ, не впасть въ гордость». Но эти заявленія князя Долгорукаго, неизвѣстно на чемъ основанныя, не вполнѣ могутъ быть согласованы съ вышеприведенными свидѣтельствами Разрядной книги. При бракосочетаніи Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіей Лукъяновной «сѣнникъ» устраивали, подбивали коврами золотными, стлали постелю на снопахъ ржаныхъ и для береженья были у сѣнника: бояринъ Ѳеод. Ив. Шереметевъ, окольничій Левъ Ив. Далматовъ-Карповъ и С. Вѣроятно онъ не отличался особенными дарованіями, такъ какъ въ теченіе четверти вѣка (1626—1650 гг.) не занималъ никакой государственной должности. Онъ былъ пожалованъ сначала въ окольничіе, а затѣмъ въ бояре только потому, что былъ тесть царя. Окольничество сказывалъ ему думный разрядный дьякъ Ѳедоръ Лихачевъ 6 января 1630 г., а боярство думный дьякъ Гавреневъ 1 марта 1634 г. въ день именинъ царицы Евдокіи Лукъяновны. При пожалованіи въ бояре, у сказки стоялъ родной его братъ, окольничій Ѳедоръ Степановичъ. Судя по

отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя попадаются о С. въ разрядахъ, онъ сопровождалъ иногда царя Михаила Ѳеодоровича въ его загородныхъ и богомольныхъ походахъ, обѣдалъ за царскимъ столомъ въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напр., въ четвертый день послѣ свадьбы, т. е. 8 февр. 1626 г., на новосельѣ въ Москвѣ послѣ пожара 1626 г., за родильнымъ столомъ по случаю рожденія царевны Ирины въ 1627 г., въ Коломенскомъ на новосельѣ въ 1640 г. и т. д. Онъ исполнялъ иногда порученія своей дочери, царицы Евдокіи; напр., 10 іюля 1628 г. отвозилъ отъ нея въ церковь Николая Явленнаго на Арбатѣ 2 р. и слушалъ тамъ «обѣтный» молебенъ. 28 августа 1631 г. патріархъ Филаретъ Никитичъ пожаловалъ ему въ день рожденья царевны Марѳы Мих. 10 арш. камки адамашки свѣтлозеленой по 26 алт. 4 д. аршинъ; патріарху эта камка была поднесена въ день рожденья царевны Анны Мих. Послѣ пожалованія въ бояре С. оставался иногда на Москвѣ, въ числѣ товарищей главнаго боярина, «вѣдавшаго» Москву въ отсутствіе царя. Въ 1645 г., сент. 28, въ день вѣнчанія на царство Алексѣя Михаиловича, С. шелъ съ царскою шапкою и въ соборѣ снималъ ее съ государя и держалъ. Мелкій и незнатный мещовскій дворянинъ, С. сдѣлался съ теченіемъ времени однимъ изъ самыхъ богатыхъ лицъ Московскаго государства: у него были имѣнія въ семи уѣздахъ, и онъ занялъ среди землевладѣльцевъ *девятое* мѣсто по количеству угодій. Кромѣ вотчинъ онъ владѣлъ обширнымъ дворомъ въ Московскомъ Кремлѣ, занимавшимъ болѣе половины Житницкой улицы и почти половину Троицкой улицы. Дворъ этотъ принадлежалъ въ послѣдней четверти XVI в. Богд. Як. Бѣльскому, а при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ князю Ив. Вас. Голицыну, родному брату кн. Вас. Вас. Голицына, знаменитаго дѣятеля Смутнаго времени. Послѣ смерти кн. Ив. Вас. Голицына, въ 1617 г. въ Вяткѣ, куда онъ былъ сосланъ за ослушаніе царскаго указа, — дворъ его, по указу патріарха Филарета Никитича, былъ проданъ С. за очень значительную по тому времени сумму, за 1.238 р. 30 алтынъ, «по цѣновной памяти цѣновщиковъ и аглинскихъ нѣмецъ, полатнаго каменнаго дѣла мастера Ивана Самойлова съ товарищи, съ подмастерьи, по ихъ смѣтѣ и цѣнѣ». Деньги эти были уплачены изъ государовой казны.

„Разр. кн.“, т. II, стр. 448, 518.—„Дв. разр.“, т. I, с. 141, 854, 856; т. II, стр. 108, 365; т. III, стр. 16.—„Акты Арх. Эксп.“, т. III., с. 247.—„Собр. Гос. Гр. и Дог.“, т. III, стр. 278, 287.—„Акты Москов. госуд.“, т. I, с. 280, 282, 284; т. II, с. 170, 176, 238.— „Др. Рос. Вивл.“, XX, с. 95, 106, 288.—„Рус. Ист. Биб.“, т. III, с. 955; т. IX, с. 396, 404, 426, 432, 437, 440, 445, 453, 463, 472, 475, 486, 489, 491, 501, 511, 514, 547, 553, 558; т. X, с. 124, 214, 226, 255, 257, 295, 472.—„Опис. Моск. арх. мин. юст.“, т. I, № 45.—Викторовъ, „Описаніе зап. кн. и бум. старин. дворц. приказовъ“, М., 1877 г., т. I, с. 200, 341.—Pr. P. Dolgorukow, „Mémoires“, Génève, 1867 г., I, pag. 101—102.—С. В. Рождественскій, „Служилое землевладѣніе въ Моск. госуд. XVI в.“, М., 1897 г., с. 228, 229. — Забѣлинъ, „Домашній бытъ рус. царицъ“, с. 317, 372, 507.—Его же, „Домашн. бытъ рус. царей“, 3-е изд., с. 669. — Его же, „Исторія г. Москвы“, М., 1902 г., I, стр. 385, 387. *В. Корсакова.*

Стрѣшневъ, *Максимъ Ѳедоровичъ*. Въ 1614 г. присланъ изъ Дорогобужа отъ стольника и воеводы Вас. Петр. Шереметева съ отписками къ царю въ Москву Въ 1625 г. дневалъ и ночевалъ на государевѣ дворѣ въ числѣ другихъ дворянъ; въ слѣдующемъ—на свадьбѣ царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой шелъ за санями; въ томъ же году, а также въ 1627, 1628, 1637 и 1641 гг. нѣсколько разъ обѣдалъ за царскимъ столомъ. Въ 1627—1628 гг.—воевода въ Козмодемьянскѣ. Въ 1632 г. въ день Свѣтлаго Воскресенія Христова видѣлъ государевы очи. Въ 1633—1634 гг.—воевода въ Юстюгѣ Великомъ; получилъ царскую грамоту, чтобы брать съ Троице-Гледенскаго монастыря взносы за ржаную муку и всякія другія подати наравнѣ съ мірянами безъ надбавокъ, какъ предполагали сдѣлать въ 1631 г. Въ 1644—1648 гг. воевода на Верхотурьѣ; за это время сохранилось нѣсколько царскихъ грамотъ къ нему. 1) Не отправлять казну и гонцовъ въ Соль-Камскую отъ 1-го сентября до зимняго пути, а въ Туринскъ отъ 25 марта до вскрытія рѣкъ, такъ какъ во время бездорожицы верхотурскимъ служилымъ людямъ приходилось нанимать подводы, и это для нихъ было разорительно. 2) Доставить по смѣтѣ лѣсъ, брусья, доски, тесъ и драпь для постройки келій въ верхотурскомъ Покровскомъ монастырѣ и воздвигнуть тамъ новую церковь, обнести ее оградой и устроить ворота. 3) Запретить перезываніе въ сибир-

скіе города тяглыхъ и крѣпостныхъ людей изъ поморскихъ городовъ. 4) Строго слѣдить за правильнымъ сборомъ таможенныхъ пошлинъ таможенными головами, съ рубля по деньгѣ, и поручить выдачу проѣзжихъ грамотъ тоже таможеннымъ головамъ, а не воеводамъ. Большое вниманіе обратили въ Москвѣ на находку въ Невьякской и въ Ирбитской волостяхъ Верхотурскаго у. мѣдной руды. Для сыску руды С. посылалъ въ эти волости своихъ сыновей Григорія и Петра; все, что было найдено, Григорій отвезъ въ Москву, гдѣ и произведены изслѣдованія. Изъ Москвы С. было приказано и впредь стараться о розыскѣ руды, и посланы съ Соли-Камской на Верхотурье плавильщики, которымъ назначены мѣсячные оклады. «А что ты, воевода нашъ Максимъ Стрѣшневъ—сказано въ грамотѣ—и дѣти твои Григорій и Петръ о мѣдной рудѣ радѣли и промышляли, и мы тебя Максима съ дѣтьми похваляемъ». Въ 1646 г. былъ присланъ изъ Тобольска на Верхотурье таможенный голова Андрей Скерінъ для сыска о злоупотребленіяхъ С., но такъ какъ извѣтъ, сдѣланный по доносу таможеннаго головы Гогунина, не оправдался, то послѣдній былъ посаженъ въ тюрьму, а С. продолжалъ оставаться на воеводствѣ еще два года, до 1648 г.

„Древн. Рос. Вивл.“, III, стр. 174.—„Акты Ист.“, III, стр. 393, 403, 407; IV, стр. 19—22, 32—33, 35.—„Доп. къ Акт. Ист.“, II, 264.—„Разр. кн.“, I, 1358; II, 827.—„Дв. разр.“, I, 161, 701, 741, 777, 790, 827, 828, 857, 971, 1004, 1010, 1011.—„Рус. Ист. Библ.“, IX, 396, 404; X, 95, 227, 229, 260, 313; XII, 197.—Шишонко, „Пермская лѣтопись“, Пермь, 1884 г., III й періодъ, стр. 13—23, 48—55, 71.—Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ XVII в.“, с. 42, 107, 260. *В. Корсакова.*

Стрѣшневъ, *Никита Константиновичъ*—правнучатный (четвероюродный) братъ царицы Евдокіи Лукъяновны. Въ 1645—1647 гг. воевода въ Ефремовѣ; въ 1661—1663 гг. въ Вологдѣ. Такъ какъ въ Вологдѣ не было крѣпости и боевыхъ снарядовъ, а служилыхъ людей только 62 человѣка, то С. просилъ дозволенія у царя Алексѣя Михаиловича построить крѣпость и оставить въ Вологдѣ часть мушкетовъ и пороху, привезенныхъ изъ Архангельска и лежавшихъ тамъ временно на складѣ. Въ прежніе годы были заготовлены запасы на городовое каменное строеніе, но значительная часть ихъ была уже взята на церкви и дома. Послѣдовала царская грамота, чтобы никому не выдавать изъ оставшихся строевыхъ запасовъ, а тѣ запасы, которые куда-либо перевезены, хотя бы и по государевой грамотѣ, — велѣно перевозить обратно на старыя мѣста. Что въ прежнее время кому дано, о томъ велѣно сыскать въ Съѣзжей избѣ, переписать и донести государю. Въ маѣ 1663 г. С. упоминается въ связи съ двумя его распоряженіями: 1) вызвать въ Вологду изъ нѣкоторыхъ монастырскихъ вотчинъ скорняковъ и портныхъ, съ женами и дѣтьми, для отправленія ихъ въ Москву, и 2) собрать по монастырямъ свѣдѣнія относительно содержащихся въ нихъ польскихъ и литовскихъ плѣнниковъ. Въ 1679 г. С. былъ окольничимъ и сопровождалъ иногда царя Ѳеодора Алексѣевича въ село Коломенское и въ Троице-Сергіевъ монастырь; 12 іюня этого года онъ обѣдалъ у царя за именниннымъ столомъ. Въ 1682 г.—подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества; въ этомъ же году пожалованъ въ бояре. Въ 1683—1685 гг.—воевода на Двинѣ. 25 янв. 1683 г. прежній двинскій воевода, бояринъ кн. Никита Сем. Урусовъ, и дьякъ Ѳеодоръ Микулинъ сдали С. и дьяку Максиму Бурцову городовые ключи, нарядъ, «зелье» (порохъ), свинецъ и всякіе пушечные запасы Архангельска и Холмогоръ. За время воеводства С. на Двинѣ сохранилось нѣсколько царскихъ грамотъ къ нему: 1) Велѣно доставить безденежно изъ Архангельска въ Преображенскую Пертоминскую пустынь матеріалы на строеніе каменной церкви Преображенія Господня, трапезы, хлѣбни и погребовъ; за провозъ матеріаловъ платить вольнонаемнымъ ямщикамъ изъ доходовъ двинскихъ таможеннаго и кружечнаго дворовъ, а не сдавать подрядчикамъ, такъ какъ отъ этого бываютъ большіе убытки казнѣ. Съ исполненіемъ этого царскаго указа предстояло С. не мало хлопотъ, потому что надо было доставить въ Преображенскую пустынь 500 тыс. кирпичу, 2 тыс. бѣлаго камня аршиннаго и полуаршиннаго, 1500 бочекъ извести, 1000 пудовъ желѣза добраго связнаго и 5 тыс. тесу. 2) Съ богомольцевъ, ѣдущихъ въ Соловецкій монастырь, берутъ въ Архангельскѣ и въ Холмогорахъ «поголовщину» за пропускъ въ монастырь, а тѣхъ, у ко-

торыхъ нѣтъ средствъ заплатить за пропускъ, поворачиваютъ назадъ. Царь велитъ пропускать всѣхъ богомольцевъ безъ задержки, не брать съ нихъ поголовныхъ денегъ и прислать въ Новый приказъ отписку, по какому именно царскому указу берутся деньги и по скольку съ человѣка. 3) Строитель Козьма-Николаевскаго Корельскаго монастыря въ Холмогорскомъ у. подалъ челобитную, что стрѣлецкій караулъ сведенъ съ Пудожемскаго устья Двины и поставленъ за 15 верстъ отъ прежняго мѣста, подлѣ монастырской деревни на Лицкой Двинѣ. Заморскія суда не доходятъ туда, вслѣдствіе тѣсноты пути; дѣла у стрѣльцовъ нѣтъ, а потому они «чинятъ всякое деревенское разоренье», грабятъ проѣзжихъ богомольцевъ и работныхъ людей и не допускаютъ ихъ въ монастырь. Царь велитъ С. сдѣлать справку, по чьему указу перемѣщенъ караулъ, и если окажется, что не по государевой грамотѣ изъ Новаго приказа, то снова перевести его на Пудожемское устье. 4) Велѣно С. принять мѣры, чтобы иноземные купцы, торгующіе въ Архангельскѣ, не испытывали притѣсненій и обидъ при сборѣ съ нихъ оброка.

„Акты Арх. Эксп.", IV, с. 168—170, 190.—„Доп. къ Акт. Ист.", IX, 114; X, 298, 300, 302, 309; XI, с. 109, 127, 131, 183.—„Собр. Гос. Гр. и Дог.", IV, 408.—„Дв. разр.", IV, 84, 105.—„Рус. Ист. Библ.", X, с. 309, 347.—Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ XVII в.", с. 48, 66, 76. *В. Корсакова.*

Стрѣшневъ, *Петръ Евстафьевичъ*, внучатный дядя царицы Евдокіи Лукьяновны. Въ 1627—1629 гг. дворянинъ московскій. Воевода: въ 1626—1629 гг. въ Бѣлевѣ, въ 1631—33 гг. въ Одоевѣ, въ 1636 г. въ Алатырѣ. Ко времени его воеводства въ Бѣлевѣ относятся царскія грамоты къ нему: 1) велѣно собрать дѣтей боярскихъ и быть готовымъ на государеву службу въ Волуйку; 2) выслать къ сроку на Елецъ бѣлевскихъ дѣтей боярскихъ и бобриковскихъ казаковъ.

„Разр. кн.", I, с 1318, 1339; II, с. 51, 70, 152, 177, 336, 725, 930.—„Рус. Ист. Библ.", IX, с. 409, 421, 446, 461, 494. Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ XVII столѣтія", стр. 30. *В. Корсакова.*

Стрѣшневъ, *Родіонъ Матвѣевичъ*, ум. въ 1687 г. Въ 1634 г. онъ былъ стольникомъ и ночевалъ на государевомъ дворѣ, когда царь Михаилъ Ѳеодоровичъ ходилъ на богомолье на Угрѣшу. Лѣтомъ 1636 г. сопровождалъ изъ Москвы до Нижняго, по рѣкамъ Москвѣ и Окѣ, голштинскихъ пословъ Филиппа Крузе и Отто Бругманна, секретаремъ при которыхъ находился извѣстный Олеарій; во все время пребыванія посольства въ Нижнемъ С. состоялъ при немъ приставомъ. Въ 1645 г. онъ участвовалъ въ посольствѣ въ Польшу. Въ 1648 г.—былъ въ числѣ поѣзжанъ на свадьбѣ царя Алексѣя Михаиловича съ Марьей Ильиничной Милославской. Въ 1653 г. ѣздилъ въ Малороссію для объявленія гетману Богдану Хмельницкому, что царь «принимаетъ его подъ свою высокую руку». Съ нимъ было отправлено государево жалованье, т. е. подарки, гетману и всей казацкой старшинѣ. Долгое время С. пришлось ждать въ Чигиринѣ возвращенія гетмана изъ обоза; послѣ пріема гетманомъ С. былъ отпущенъ въ Москву, и ему врученъ былъ «листъ», въ отвѣтъ на царскую грамоту, съ обѣщаніемъ пребывать въ непоколебимой вѣрности. По возвращеніи въ Москву С. получилъ отъ царя кубокъ серебряный, золоченый, съ «кровлею» (крышкою), шубу соболью, крытую золотымъ атласомъ, два сорока соболей и прибавку къ прежнему окладу: 250 чет. и 80 р.; сверхъ того думный дьякъ Алмазъ Ивановъ объявилъ ему государево «благоволеніе» за усердное исполненіе возложеннаго на него порученія. Въ 1654—55 гг. С. участвовалъ въ походѣ противъ польскаго короля Яна-Казиміра. Въ 1657 г. получилъ отъ царя 264 р. за «приносъ» золотыхъ и ширинокъ и въ томъ же году пожалованъ въ окольничіе. Въ теченіе слѣдующихъ 5 лѣтъ онъ часто упоминается сидящимъ въ торжественныхъ случаяхъ за царскимъ столомъ. Въ 1659 г.—находился въ числѣ лицъ, которыхъ Алексѣй Михаиловичъ назначилъ дѣлать въ Москвѣ земляной городъ и острогъ, для укрѣпленія отъ нападенія крымцевъ. Въ началѣ 1661 г. С. сидѣлъ въ приказѣ Большого Прихода, а затѣмъ въ этомъ же году и въ 1662 г.—въ Вологодской и въ Галицкой чети. Съ 1663 до 1680 г.—завѣдывалъ Сибирскимъ приказомъ.

Въ 1659—1669 гг., во время распри царя съ патріархомъ Никономъ, а затѣмъ ссылки послѣдняго, Алексѣй Михаиловичъ неоднократно посылалъ къ нему съ разными порученіями С. Послѣ церковнаго

суда надъ патріархомъ Никономъ, когда было рѣшено отправить его въ Ѳерапонтовъ монастырь, С. принесъ ему отъ Алексѣя Михаиловича деньги и мѣха и просилъ благословенія царю, царицѣ и всему царскому семейству. Никонъ не принялъ подарковъ и не далъ благословенія, несмотря на усиленныя просьбы С. Въ другой разъ, въ 1669 г., послѣ кончины царицы Марьи Ильинишны, С. ѣздилъ къ Никону въ Ѳерапонтовъ монастырь съ деньгами отъ царя на поминъ ея души. Никонъ опять не взялъ денегъ, но обѣщалъ поминать государыню «за многую ея милость прежнюю» и просилъ С. быть за него «ходатаемъ» передъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, чтобы онъ смилостивился надъ его участью. Изъ этого можно заключить о безпристрастіи С., сумѣвшаго не возстановить противъ себя Никона и въ то же время расположеннаго къ извѣстному расколоучителю протопопу Аввакуму, которому онъ въ 1662 г., наряду съ царемъ, царицей и царскимъ духовникомъ, оказывалъ денежную помощь: всѣ они посылали Аввакуму, бывшему тогда въ ссылкѣ, по 10 р.

Въ «Исторіи Россіи» Соловьевъ приводитъ одинъ случай, показывающій, что С. отличался стойкостью и независимостью характера: царь Алексѣй Михаиловичъ, почувствовавъ облегченіе отъ кровопусканія, предложилъ придворнымъ послѣдовать его примѣру. Всѣ, волей-неволей, согласились, кромѣ С., который отказался, подъ предлогомъ старости. Царь вспылилъ: «Развѣ твоя кровь дороже моей? что ты считаешь себя лучше всѣхъ?» Дѣло не кончилось словами; но когда гнѣвъ прошелъ, то царь пожаловалъ С. богатые подарки, чтобы загладить обиду и заставить позабыть побои.

Въ 1676 г., іюня 18, при вѣнчаніи на царство Ѳеодора Алексѣевича, С. несъ царскій вѣнецъ въ Успенскій соборъ и держалъ его на золотомъ блюдѣ во время чтенія Евангелія и передъ мѵропомазаніемъ. Чрезъ двѣ недѣли послѣ этого онъ объявилъ Артам. Серг. Матвѣеву царскій указъ о назначеніи его на воеводство въ Верхотурье. Въ томъ же 1676 г. С. пожалованъ въ бояре. Съ 1679 до 1685 г. онъ былъ дядькой при царевичѣ, а затѣмъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, и въ качествѣ дядьки принималъ участіе въ торжествѣ вѣнчанія его на царство въ 1682 г.

„Др. Рос. Вивл.“, XIV, стр. 75; XX, стр. 113, 288, 291, 299.—„Доп. къ Акт. Ист.“, тт. III—X.—„Собр. Гос. Гр. и Дог.“, т. III, стр. 481, 493, 503; IV, стр. 126, 142, 188, 214, 225, 337, 407.—„Акты Арх. Эксп.“, т. IV, стр. 144, 149, 196.—„Акты Моск. госуд.“, т. II, стр. 426. — „Рус. Ист. Библ.“, т. IX, стр. 565; т. X, стр. 370, 544.—Кн. П. В. Долгоруковъ, „Русск. родосл. кн.“, т. IV, стр. 413.—„Опис. Моск. арх. мин. юст.“, т. I и II.—„Дворц. разр.“, т. III, прил. къ III и IV тт.—„Полн. Собр. Зак., т. I, стр. 581, 602, 611, 673, 726, 752; т. II, стр. 7, 47, 48, 62, 63, 421, 426.—Соловьевъ, „Исторія Россіи“, т. X, стр. 316, 318—321; т. XI, стр. 322, 342, 344, 359, 370, 376, 383, 386—390; т. XII, стр. 337, 338, 352, 353.—Забѣлинъ, „Домашній бытъ рус. царей“, 3-е изд., стр. 180, 620, 722.—Барсуковъ, „Родъ Шереметевыхъ“, т. III, стр. 185; т. IV, стр. 275; т. VIII, стр. 222, 223, 228, 352, 455, 496, 506, 509.—„Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ“, М., 1872 г., т. I.—Гиббенетъ, „Историч. изслѣдованіе дѣла патріарха Никона“, Спб., 1882 г., стр. 33, 36, 167, 225; т. II, стр. 57, 117, 120, 374, 619.

В. Корсакова.

Стрѣшневъ, *Семенъ Лукьяновичъ*, единственный родной братъ царицы Евдокіи Лукьяновны. Въ 1626 г., въ годъ бракосочетанія царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіей Лукьяновной, ему было лѣтъ десять, а можетъ быть и того меньше. Онъ былъ взятъ въ стольники къ царицѣ, и въ томъ же 1626 г. къ празднику Рождества ему сшили два богатыхъ кафтана,—одинъ праздничный, изъ турецкаго золотнаго атласа, украшенный на груди восемью «образцами» (родъ запонокъ), низаными жемчугомъ, стоимостью, по оцѣнкѣ Мастерской палаты, въ 34 р. 22 алтына (на нынѣшній счетъ около 350 р.), кромѣ «образцовъ», пожалованыхъ государемъ изъ хоромъ, и другой кафтанъ будничный, сшитый изъ червчатаго киндяка на лисьемъ мѣху бурыхъ лисицъ съ нашивкою (застежками), тканою въ кружки изъ серебра съ шелкомъ, и съ воротникомъ изъ золотнаго атласа по червчатой землѣ. На государевой службѣ С. впервые является 17 мая 1631 г. при пріемѣ шведскаго посла Антона Монира. Шесть лѣтъ спустя, 21 мая 1637 г., С. женился на княжнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Лыковой, быть можетъ по сватовству самого царя. Такъ какъ по дворцовому обычаю для ближнихъ людей государя женихъ и будущій тесть должны были заранѣе звать государя на свадьбу, то 15 мая съ этимъ зовомъ явились С. и стольникъ кн. Алексѣй Ѳеодоровичъ Лыковъ. Имъ обоимъ государь пожаловалъ подарки, а на другой день послѣ свадьбы

22 мая, когда новобрачный пріѣхалъ ударить челомъ государю, то получилъ отъ него, кромѣ даровъ, образъ Благовѣщенія Пр. Богородицы въ благословеніе. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, несмотря на столь близкое къ нимъ родство, С. не занималъ выдающагося служебнаго положенія — въ 1635 и 1644 гг. онъ, на-ряду съ другими стольниками, былъ чашникомъ за царскими обѣдами, данными литовскимъ посламъ, персидскому послу и датскому королевичу Вольдемару, жениху царевны Ирины Михаиловны. Возвышеніе С. начинается вскорѣ по вступленіи на престолъ царя Алексѣя Михаиловича (приходившагося ему племянникомъ), который повидимому очень любилъ его и относился къ нему съ довѣріемъ. Послѣ кончины родителя, послѣдовавшей 12 іюля 1645 г., царь Алексѣй Михаиловичъ рѣшилъ, не откладывая дальше, выяснить вопросъ: желаетъ ли датскій королевичъ Вольдемаръ принять православную вѣру, чтобы жениться на царевнѣ Иринѣ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, царь послалъ къ Вольдемару С. сказать, что въ такомъ случаѣ предполагавшійся бракъ не можетъ состояться. 13 августа королевичъ съ послами были на отпускѣ у царя, а такъ какъ, по случаю траура по царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, во дворцѣ не могло быть торжественнаго обѣда, то кушанья и напитки были доставлены королевичу на домъ «стольникомъ изъ комнаты» — С. Ровно черезъ мѣсяцъ, 13 сентября, С. впервые исправлялъ весьма важную и отвѣтственную должность крайчаго, въ трапезѣ Троице - Сергіева монастыря, во время богомольнаго путешествія туда царя. 28 сентября того же 1645 г., въ день вѣнчанія на царство Алексѣя Михаиловича, С. былъ пожалованъ въ «крайчіе съ путемъ», т. е. съ извѣстными доходами по этой должности, причемъ ему былъ данъ въ пользованіе городъ Гороховецъ. Должность эта требовала постояннаго присутствія при государѣ, а между тѣмъ 3 января 1646 г., по вѣстямъ о нашествіи на Москву крымскаго хана, С. былъ назначенъ въ Мценскъ, въ «прибылыхъ воеводахъ», въ помощь главному воеводѣ кн. А. Н. Трубецкому. Назначеніе это, удалявшее С. отъ царя, показываетъ, что положеніе его при дворѣ стало колебаться. Благополучно вернувшись изъ похода, такъ какъ татары безъ боя ушли въ Крымъ, С. продолжалъ быть крайчимъ, но послѣ 6 іюня 1647 г. внезапно былъ отставленъ отъ этой должности. По извѣту въ волшебствѣ, онъ былъ сосланъ въ Вологду, причемъ «честь» у него отнята, т. е. онъ разжалованъ въ дворяне, но «животы, помѣстья, отчины и дворы» были оставлены. Можно предполагать, что ссылка С. произошла не безъ содѣйствія дядьки молодого царя, Б. И. Морозова, старавшагося удалить ближайшихъ къ государю людей, въ особенности его родственниковъ, чтобы они не мѣшали его вліянію на царя. Такъ какъ удаленіе С. отъ двора произошло вскорѣ послѣ печальнаго событія въ личной жизни царя—разстройства его брака съ избранной имъ невѣстой Евфиміей Всеволожской, то весьма вѣроятно, что волшебство, приписанное С., относится именно къ этому событію. С. находился въ опалѣ 4 года, такъ что не присутствовалъ на бракосочетаніи Алексѣя Михаиловича съ Марьей Ильиничной Милославской, бывшемъ 16 января 1648 г. Онъ получилъ прощеніе 30 марта 1651 г., въ праздникъ Пасхи, при чемъ пожалованъ изъ дворянъ прямо въ окольничіе.

До польской войны, начавшейся въ 1653 г., С. упоминается только въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ царя въ его богомольныхъ и торжественныхъ выѣздахъ, а 2 іюня 1652 г., когда во время похода въ Троице-Сергіевъ монастырь, въ Москвѣ произошелъ большой пожаръ, С. былъ отпущенъ съ дороги въ Москву для необходимыхъ распоряженій къ прекращенію пожара. Въ началѣ польской войны, 5 октября 1653 г. С. получилъ назначеніе собираться съ ратными людьми во Псковѣ, въ товарищахъ съ главнымъ воеводой В. П. Шереметевымъ, который, собравъ войско въ Новгородѣ, долженъ былъ идти на рубежъ для военныхъ дѣйствій противъ Польши. Во время пребыванія въ Псковѣ С. получилъ отъ царя Алексѣя Михаиловича увѣдомленіе о рожденіи сына, царевича Алексѣя Алексѣевича (род. въ февр. 1654 г.) и о присоединеніи къ Московскому государству Малороссіи. Понятно чувство радости, охватившее и царя, и С. Первенецъ, царевичъ Дмитрій, родившійся 22 октября 1649 г., умеръ, будучи двухъ лѣтъ отъ роду; въ царской семьѣ были лишь двѣ дочери, а потому не только родители, но и всѣ близкіе, несомнѣнно, желали рожде-

нія наслѣдника престола. С. съ дворянами и со всѣми служилыми людьми Пскова отслушалъ въ Троицкомъ соборѣ молебенъ за всю царскую семью. Въ отвѣтъ на увѣдомленіе о рожденіи царевича Алексѣя Алексѣевича С. отправилъ царю пространное и въ духѣ того времени витіеватое посланіе, доказывающее, что онъ въ значительной степени владѣлъ «книжной мудростью». Частныя письма въ половинѣ XVII в. представляютъ весьма рѣдкое явленіе, а потому считаемъ нелишнимъ передать содержаніе посланія С. и привести изъ него нѣкоторыя, болѣе характерныя мѣста въ подлинникѣ. Начинаетъ С. свое посланіе обращеніемъ къ царю, составляющимъ нѣкоторую разновидность обыкновеннаго обращенія къ царю въ челобитныхъ. Вотъ это начало: «Благочестивому и Богомъ избранному Поборнику Церькви Соборныя, Православныя, Восточныя вѣры ни въ чесомъ несумнѣнныя, Авраамскія, Апостольскія, Отческія побор-ателю, Царю, Государю и Великому Князю Алексѣю Михаиловичу, всеа Великія и Малыя Россіи Самодержецъ, Восточные и Западные и Сѣверные странамъ отчичъ, и дѣдичъ и наслѣдникъ и многихъ Государствъ Государь и Обладатель! Худѣйшій холопъ твой Государевъ, Сенька Стрешневъ челомъ бьетъ». Царевича Алексѣя Алексѣевича онъ называетъ «примирителемъ всѣмъ людемъ отъ верхняго чина и до нижняго». Относительно присоединенія Малороссіи С. говоритъ, что оно совершилось «по теплой вѣрѣ» царя и «по молитвѣ способника твоего Государева, по духу отца и богомольца Великаго Государя, Святѣйшаго Никона Патріарха Московскаго и всеа Великія и Малыя Россіи»... Далѣе, вслѣдствіе назначенія своего въ Псковъ, для войны съ польскимъ королемъ Яномъ-Казимиромъ, С. выражаетъ готовность служить царю и, за его къ себѣ милость, кровь свою проливать. «Воистинно не все, Государь, своего точею спасенія творини попеченіе, но маловѣрныхъ подъ тобою Государемъ учиненныхъ милостію своею въ тоже промышленіе, сподобитись истины мудрованію, благоразумію руководити, а я худѣйшій холопъ твой за твою пресвѣтлую къ себѣ милость, како тебя Государя могу прославити, или кую похвалу тебѣ Государю принести? преславный, и вселелѣнный, и благочестивый и православный Помазанникъ Божій—Царь и Государь и Великій Князь всеа Великія и Малыя Россіи! И еже жезломъ истины прелесть одолѣваеши и прогоняеши, вземляй мѣдъ яко пчела по цвѣтцемъ, берый цвѣты Пророческіе, росу Апостольскую, жизнь Евангельскую, и еже сѣдиши присно на Престолѣ Царьствія своего, въ совѣтѣхъ добродѣтели пребывая, и всѣхъ на молитву и на любовь утверждая, и еже противу нечестивыхъ крѣпко вооружатися направляеши: добрый и вѣрный рабъ Христовъ, Помазанникъ Божій, яко Аврамъ и другъ Божій наречеся, и яко Іосифъ въ чистотѣ и цѣломудріи прославися, и яко Апостольскимъ проданіемъ многое нечестіе сотре, а вѣрные люди правѣ укрепи. Богъ же нашего упованія и утѣшенія да сохранитъ тя подъ кровомъ крылъ своея Божественныя благодати, Той насъ сподобитъ видѣти ваши Царьскіе пресвѣтлые очи, и желаю воспріяти съ веселіемъ отъ тебя Государя премногую милость: воистину—ей, Христовъ и твой, и отъ Христа Бога научишася: чужихъ не слушати, ниже послѣдовати чужимъ, да подъ твоею Государевою десницею всегда хранимъ буду».

С. проявилъ военныя способности и немало содѣйствовалъ успѣху Польской войны въ то самое время, какъ его домашнія дѣла переживали страшный кризисъ. Въ 1654 г. въ Москвѣ свирѣпствовала моровая язва, жертвами которой явились «дворовые» люди С.: изъ 130 человѣкъ осталось въ живыхъ только 30. Въ теченіе полутора мѣсяца, лѣтомъ 1654 г. С. взялъ города Дисну, Друю, Озерище и Усвять. Въ февралѣ 1655 г. (по январскому лѣтосчисленію) онъ былъ отозванъ въ Москву, куда возвратился изъ похода на время и самъ царь. 11 марта, передъ тѣмъ какъ снова отправиться на войну, Алексѣй Михаиловичъ, идучи къ молебну, былъ въ Золотой палатѣ, пожаловалъ тамъ С. въ бояре и назначилъ его въ свой государевъ полкъ. Подробностей о службѣ С. въ этомъ походѣ не сохранилось; извѣстно только, что мѣсяцъ спустя по возвращеніи въ Москву, 12 января 1656 г., въ день именинъ царевны Татьяны, къ царскому столу были приглашены, кромѣ грузинскаго и сибирскихъ царевичей, главный воевода польскаго похода кн. А. Н. Трубецкой и съ нимъ С., да окольничій кн. С. Р. По-

жарскій. 29 апрѣля того же года, послѣ стола Столовой въ избѣ С., какъ и многимъ другимъ воеводамъ, участвовавшимъ въ этомъ походѣ, были пожалованы отъ царя шуба, атласъ золотной, кубокъ серебряный и придача къ прежнему денежному окладу. 5 мая того же 1656 г., на другой день послѣ пріема цесарскихъ пословъ, С. и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, по порученію государя, ѣздили къ посламъ спросить ихъ о здоровьѣ,—«и послы на государевѣ милости били челомъ и его государскую милость восхваляли». 15 мая царь предпринялъ походъ противъ шведовъ въ Ливонію и въ числѣ другихъ близкихъ бояръ взялъ съ собой и С. Когда въ началѣ іюня явился въ Смоленскъ посолъ отъ курляндскаго герцога Іакова, то для веденія переговоровъ съ нимъ были назначены бояре Н. И. Одоевскій и С.,—послѣдній съ титуломъ намѣстника нижегородскаго. 31 іюля самъ царь осадилъ и взялъ Динабургъ, о чемъ поспѣшилъ сообщить С., посланному незадолго передъ тѣмъ въ Куконосъ. Двѣ недѣли спустя, 14 августа, С. тоже посчастливилось: онъ взялъ Куконосъ въ присутствіи царя; 17 августа онъ былъ награжденъ за это: царь пожаловалъ ему шубу, крытую золотнымъ атласомъ, кубокъ, атласъ золотный, два сорока соболей и сто рублевъ денегъ. На возвратномъ пути домой, по прекращеніи военныхъ дѣйствій, царь получилъ въ Полоцкѣ 31 октября извѣстіе, что его избрали польскимъ королемъ и великимъ княземъ литовскимъ; съ этой радостной вѣстью онъ послалъ къ царицѣ, къ сыну своему царевичу Алексѣю Алексѣевичу и къ патріарху Никону С. Когда въ 1657 г. былъ учрежденъ приказъ Великаго Княжества Литовскаго для завѣдыванья завоеванными литовскими и бѣлорусскими городами, то начальникомъ какъ этого приказа, такъ и другого значительнаго приказа, «Устюжской четверти», былъ назначенъ С. и ими управлялъ до самой своей кончины, т. е. до 1666 года.

Въ 1662 г., въ самый разгаръ распри между царемъ и патріархомъ Никономъ, въ Москву пріѣхалъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, человѣкъ умный и высоко образованный. По порученію царя, С. представилъ Паисію списокъ, заключавшій 30 вопросовъ относительно различныхъ дѣяній Никона, прося дать рѣшительные отвѣты на эти вопросы. Послѣдній, тридцатый вопросъ, касался уже самого С., на котораго патріархъ Никонъ наложилъ церковное проклятіе за то, что будто бы С. у себя на дому, назвався патріархомъ, творилъ благословеніе по-патріаршн и кромѣ того научилъ свою собаку сидѣть и передними лапами благословлять, какъ патріархъ, при чемъ будто бы называлъ собаку патріархомъ Никономъ. Паисій принялъ сторону царя и на всѣ вопросы далъ отвѣты въ осужденіе Никона. Хотя С. былъ затѣмъ разрѣшенъ Никономъ отъ клятвы и получилъ отъ него прощальную грамоту, тѣмъ не менѣе дѣло о проклятіи разбиралось на соборѣ вселенскихъ патріарховъ, и было утверждено, что проклятіе было наложено на С. неправильно и совершенно понапрасну.

Повидимому, С. былъ большой знатокъ церковной книжности и любилъ бесѣдовать о ней съ знающими людьми. Это можно заключить изъ «Посланія» Ивана Бѣгичева, который пользовался сначала милостью и расположеніемъ С., а потомъ навлекъ на себя его гнѣвъ и былъ названъ имъ отступникомъ вѣры христіанской. Оправдывая себя, Бѣгичевъ разсказываетъ въ своемъ «Посланіи», какъ въ 1643 г., во время пути изъ вотчины С. «Черная Грязь», они бесѣдовали о томъ, что когда Богъ восхотѣлъ дать Моисею законъ, то явился ему во плоти. По поводу этого у С. и Бѣгичева вышло разногласіе, и Бѣгичевъ приписываетъ этому разногласію немилость и «клевету» на него С.

С. скончался утромъ 3 іюля 1666 г., вскорѣ послѣ того, какъ царь Алексѣй Мих. выѣхалъ на соколиную охоту въ луга подъ селомъ Коломенскимъ. Узнавъ о кончинѣ своего дяди, царь вернулся къ обѣду въ Москву и распорядился относительно погребенія, которое, по тогдашнему обычаю, состоялось въ тотъ же день. Похоронили С. въ Чудовомъ монастырѣ съ большимъ почетомъ. На погребеніи были митрополиты: новгородскій, казанскій, ростовскій, крутицкій, газскій (Паисій), сербскій, амосійскій. Поминки происходили въ монастырской трапезѣ, гдѣ царь раздавалъ поминовенныя деньги всѣмъ владыкамъ и меньшему духовенству.

Не безынтересны подробности о «дворовыхъ» владѣніяхъ С. въ Московскомъ Кремлѣ. У него было два двора: одинъ

находился между Патріаршимъ дворомъ и Троицкимъ подворьемъ и примыкалъ къ зданіямъ Царскаго Хлѣбеннаго двора; другой былъ противъ этого двора, черезъ Троицкую улицу, и достался ему по наслѣдству отъ отца. Своею обширностью этотъ дворъ превосходилъ всѣ другіе въ этой мѣстности Кремля, кромѣ двора кн. Трубецкихъ, занимая больше половины Житницкой улицы и почти половину Троицкой улицы и немного не доходя до улицы Никольской. Въ 1677 г. на бывшихъ дворахъ С. царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ указалъ построить хоромы для царицы Натальи Кирилловны и для царевича Петра, но такъ какъ Наталья Кирилловна не согласилась выѣхать изъ стараго дворца, то на стрѣшневскомъ мѣстѣ построили новый Запасный дворецъ. Въ 1730 г. императрица Анна Іоанновна велѣла построить себѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше находился дворъ С., новый деревянный дворецъ, который и былъ возведенъ по проекту оберъ-архитектора графа Растрелли и наименованъ «Анненгофомъ».

„Дворц. разр.", Ш, 15, 25, 63, 64, 447, 460, 462; прилож. къ III-му т., с. 22, 50, 57, 61, 63, 65, 68, 70, 71, 98, 99, 115, 226, 236, 279, 364.—„Акты Ист.", IV, 263; V, 59.—„Доп. къ Акт. Ист.", Ш, 510; IV, 58—68; V, 9, 210, 310; VI, 246—248.—„Собр. Гос. Гр. и Дог.", IV, 121—124.—„Др. Рос. Вивл.", XX, 118, 329, 405.—„Рус. Ист. Библ.", X, 357; XII, 392, 398.—„Оп. Моск. арх. мин. юст.", II, 68, 72.—„Акты Моск. госуд.", II, 399, 479, 510, 517, 518, 523, 524, 527, 531.—„Полн. Собр. Зак.", I, 295, 387, 388, 390, 532; II, 853.—Соловьевъ, „Исторія Россіи", XI, с. 271, 317, 319 321, 353, 389.—„Исторія о невинномъ заточеніи боярина А. С Матвѣева", с. 162.—Ивановъ, „Описаніе государств. разр. архива", М., 1842 г., с. 361—365—Барсуковъ, „Родъ Шереметевыхъ", IV, с. 35, 247, 258, 283, 284, 289, 291, 293, 296.—Забѣлинъ, „Домашній бытъ русскихъ царицъ", с. 251.—Его же, „Исторія города Москвы", М., 1902 г., ч. I, с. 387—398. *В. Корсакова.*

Стрѣшневъ, *Сергѣй Степановичъ*, родной дядя царицы Евдокіи Лукьяновны. Въ 1615—1616 гг. воевода въ Алексинѣ. Въ 1620 г. составлялъ платежную книгу помѣстныхъ и вотчинныхъ земель въ восьми станахъ на Тулѣ. Въ 1626 г., марта 5, когда справлялись именины царицы Евдокіи Лукьяновны, обѣдалъ за царскимъ столомъ. Въ 1626 — 1627 гг. воевода въ Воронежѣ, гдѣ и умеръ; на его мѣсто посланъ воеводой Степ. Ѳед. Стрѣшневъ.

„Рус. Ист. Библ.", т. IX, с. 448.—„Оп. моск. арх. мин. юст.", т. I. № 2667. — „Разр. кн." т. I, с. 77, 1235, 1343. — Барсуковъ, „Списки городов. воеводъ XVII ст.". „Двор. разр.", т. I, с. 241, 736, 790 *В. Корсакова.*

Стрѣшневъ, *Тихонъ Никитичъ*, одинъ изъ представителей русскихъ государственныхъ людей «переходного времени» отъ московскихъ порядковъ XVII в. къ «новшествамъ», заводимымъ Петромъ Великимъ, — родился въ 1649 году Дальній родственникъ царя и «свой человѣкъ» въ придворномъ царскомъ обиходѣ, С. воспитывался въ старинномъ укладѣ московской жизни, но въ силу близости къ Петру, съ дѣтства привыкшему видѣть его около себя и очень его любившему, считалъ своимъ нравственнымъ и служебнымъ долгомъ исполнять всѣ велѣнія царя, каковы бы они ни были,—и въ этомъ отношеніи С. примирялся со всѣми «заморскими» нововведеніями Петра, хотя многимъ изъ нихъ и не могъ сочувствовать въ глубинѣ души.

Въ 1666 г. С. былъ стряпчимъ, а въ 1668 г. произведенъ въ стольники. По изысканіямъ Погодина, онъ въ чинѣ думнаго дворянина, былъ приставленъ вмѣстѣ со своимъ внучатнымъ дядей, бояриномъ Род. Матв. Стрѣшневымъ, дядькой къ царевичу Петру Алексѣевичу, вскорѣ послѣ его рожденія. При вѣнчаніи на царство Іоанна и Петра Алексѣевичей въ 1682 г. С. велъ царевича Петра подъ руки, а на другой день былъ пожалованъ въ окольничіе. Въ качествѣ дядьки Петра, онъ завѣдывалъ покупкой и починкой игрушекъ, заказывалъ одежду и распоряжался, въ какіе дни и что именно изъ одежды подавать въ царскія хоромы. Принимая живое участіе въ домашней жизни юнаго царя, въ его ученьѣ и забавахъ, С. держался въ сторонѣ отъ политической дѣятельности. Онъ приходился дальнимъ родственникомъ Петру со стороны его отца (былъ, какъ называлось въ старину, праправнучатнымъ братомъ царя Алексѣя Михаиловича) и, опасаясь быть оттѣсненнымъ изъ семейнаго царскаго круга послѣ женитьбы Петра, естественно желалъ, чтобы выборъ царской невѣсты произошелъ подъ его вліяніемъ. Воспитатель Петра, кн. Б. А. Голицынъ, намѣтилъ въ жены ему свою родственницу, княжну Трубецкую, и если бы этотъ бракъ состоялся, то усилились бы Голицыны и Трубецкіе. Если вѣрить показанію кн. Бор. Ив. Куракина,

выборъ Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной въ жены Петру былъ сдѣланъ по совѣту С., и царь будто бы впослѣдствіи не могъ ему этого простить и даже не долюбливалъ его. Кн. Куракинъ отзывается о С. какъ о «человѣкѣ лукавомъ, злого нрава, ума гораздо средняго и дворцовомъ интриганѣ» и считаетъ его «первымъ злодѣемъ» Лопухиныхъ послѣ женитьбы Петра на Евдокіи Ѳедоровнѣ. Справедливость этого отзыва сомнительна, объясняется же онъ, по всему вѣроятію, тѣмъ, что кн. Куракинъ имѣлъ со С. личные счеты на почвѣ родственныхъ недоразумѣній. Совершенно иначе отзывается о С. секретарь нѣмецкаго посольства Корбъ, бывшій въ Москвѣ въ 1698 — 99 гг.: «Стрѣшневъ служитъ образцомъ ненарушимой вѣрности, и слава его въ этомъ отношеніи столь велика, что часто при публичныхъ пиршествахъ, во время торжественныхъ заздравныхъ чашъ, подъ именемъ Стрѣшнева разумѣютъ всѣхъ вѣрныхъ царю: именемъ Тихона Никитича ознаменовывается память вѣрнѣйшихъ министровъ».

Привыкнувъ съ дѣтства смотрѣть на С. какъ на одного изъ самыхъ близкихъ ему людей, Петръ обращался съ нимъ, какъ видно изъ сохранившейся обширной ихъ переписки, почтительно-шутливо, называя его «Min Her Heilige Vader», или «Святый Отецъ», вѣрилъ въ его преданность и готовность неустанно служить ему и отечеству и очень часто поручалъ ему, наряду съ важными дѣлами, даже весьма мелкія, обыденныя. Насколько царь уважалъ С., видно, между прочимъ, изъ того, что онъ позволилъ ему носить бороду; кромѣ него только одинъ бояринъ не подвергся брадобритію—кн. Мих. Алегуков. Черкасскій, вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ.

Въ 1688 г. С. былъ пожалованъ въ бояре. Въ 1689 г. онъ производилъ розыскъ по дѣлу кн. Вас. Вас. Голицына, и въ его присутствіи были прочитаны на дворцовомъ крыльцѣ «вины» кн. Голицына, при громадномъ стеченіи народа. Въ 1690 г. Петръ поручилъ С. завѣдываніе Разряднымъ приказомъ, которому подчинялись девять областныхъ разрядовъ. Эта должность ставила С. во главѣ всего тогдашняго военнаго управленія въ Московскомъ государствѣ. Въ 1694 г. С. участвовалъ въ «потѣшномъ» кожуховскомъ походѣ, будучи капитаномъ у стольниковъ. Въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ онъ, повидимому, никогда не былъ, но это не мѣшало ему вникать въ военные распорядки и здраво судить о пригодности того или другого веденія дѣла. Нагляднымъ тому примѣромъ можетъ служить слѣдующее обстоятельство: въ 1695 г., при началѣ азовскихъ походовъ, военнымъ совѣтомъ было рѣшено, что дивизія Гордона, назначенная въ авангардъ, соберется въ Воронежѣ, по Дону спустится въ Черкасскъ, соединится тамъ съ казаками и направится подъ Азовъ, чтобы не допустить до него никакого подкрѣпленія. Въ ожиданіи закрытія рѣкъ царь поѣхалъ въ Переяславль-Залѣсскій, для выбора орудій въ пѣхотную артиллерію, а Гордонъ представилъ С., какъ начальнику Разряда, что ближе и удобнѣе идти его отряду сухимъ путемъ, нежели водою. С. вполнѣ раздѣлилъ его мнѣніе, и царь, по возвращеніи изъ Переяславля, одобрилъ этотъ планъ. Въ концѣ іюля 1695 г. С. получилъ отъ царя увѣдомленіе о побѣдахъ надъ татарами и свою радость по этому случаю излилъ въ письмѣ, показывающемъ его начитанность въ тогдашнихъ церковныхъ книгахъ. Приводимъ это письмо цѣликомъ, такъ какъ почти всѣ остальныя письма С. къ Петру отличаются дѣловымъ характеромъ и составляютъ лишь точные и подробные отвѣты на его приказанія. «Владыко мой и царю мой милостивый! Во благомъ совѣтѣ серца своего благоволилъ печаль мою (смерть матери С.) радостію подписать іюня въ 29 день всемирную радость подати, яже извѣстити присному своему рабу о всякомъ благоденствіи и о всепобѣдномъ успѣваніи всемилостиваго государя моего и царя: бо рабъ всегда радъ слышати радость господа своего, якоже и азъ слышу нынѣ чрезъ всемилостивое писаніе государя моего и свѣта, вѣщающа къ рабу своему радость велію, еже побѣду и одолѣніе на бусурманы и воспріятіе каланчей. Той же и всегда непремѣнно Всевидящее Око надежду нашу, тебя государя, да сохранитъ и соблюдетъ, яко зеницу ока, и подастъ помощь и силу побѣдити враги, разорити стѣны, который на сіе и возбудилъ твое серце, да тако возможемъ, отложивши всяку печаль, во всякой радости радость нашу, яко побѣдителя, радостно срѣтати. Таковыя всемирныя радости и

и побѣды усердный желатель, холопъ твой Тишка Стрешневъ челомъ бьетъ».

Въ 1696 г., въ особенности при поѣздкахъ Петра въ Воронежъ, для «корабельнаго дѣла», С. долженъ былъ скоро и точно исполнять разнообразныя порученія царя. Такъ, собираясь въ этомъ году въ Воронежъ, Петръ приказалъ С. послать на Донъ и на «Каланчу» (Азовъ) людей для варки пива, но они опоздали, и царь разстроился такой неисполнительностью. «А какъ мы увѣдали про мѣшкоту ихъ — писалъ С. царю,—и того жъ часа послали нарочна, велѣли ихъ распросить и сказать имъ смертную казнь за мѣшкоту и будетъ впредь станутъ мѣшкать». Заготовка пива въ тѣхъ казацкихъ станицахъ, гдѣ намѣревался быть Петръ, повидимому сильно озабочивала С., и онъ лѣтомъ того же 1696 г. письменно спрашивалъ Петра, въ какихъ мѣстахъ сдѣлать заготовку, на что и получилъ отъ него соотвѣтствующій приказъ съ галеры «Принципіумъ». Вскорѣ по прибытіи въ Воронежъ, въ томъ же году, Петръ писалъ С. относительно высылки ясеневыхъ бревенъ на весла и такъ закончилъ письмо: «За симъ желаемъ вашей святынѣ всякаго блага. А мы, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой». С. отвѣтилъ на это: «Пишетъ ваша милость, что пребываете, по приказанію Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего кушаете хлѣбъ свой: и то вѣдаемъ, что празденъ николи, а всегда трудолюбye быть имѣешь, и то не для себя, а для всѣхъ православныхъ христіанъ». Почти обо всѣхъ своихъ «викторіяхъ» царь немедленно сообщалъ С. и получалъ отъ него поздравленія. Вотъ какъ заканчиваетъ С. одно изъ поздравительныхъ писемъ: «А у Преображенскова князя (т. е. кн. Ю. Ѳ. Ромодановскаго) были мы вчерашнего дня, и стрѣльбы было пушечной и изъ мелкова ружья довольно, также питіемъ и ѣствою были издоволены..., такъ что иные и спали тамъ».

Во время своего путешествія въ 1697 г. въ западно-европейскія государства въ свитѣ великаго посольства, царь ввѣрилъ правленіе Московскимъ государствомъ князю Ю. Ѳ. Ромодановскому, прозванному «князь-кесарь», и С., а помощниками къ нимъ назначилъ Л. К. Нарышкина, князя Б. А. Голицына и кн. П. И. Прозоровскаго. За время своего заграничнаго путешествія Петръ продолжалъ вести оживленную переписку съ С., который въ бытность Петра въ Амстердамѣ просилъ его прислать хоть одного мельничнаго мастера для постройки мельницъ на Яузѣ и на Воронежѣ. Изъ Лондона царь писалъ въ 1698 г. Л. К. Нарышкину и С., а также духовнику своей жены, царицы Евдокіи Ѳедоровны, чтобы они склонили ее къ добровольному постриженію. Всѣ доводы не привели ни къ чему; духовникъ же, по выраженію С., какъ человѣкъ «малословный», не рѣшался настойчиво говорить; вслѣдствіе этого С. совѣтовалъ Петру «ему (т. е. духовнику) письмомъ подновить, то онъ больше станетъ прилежать въ томъ дѣлѣ». Вскорѣ Евдокія Ѳедоровна была, какъ извѣстно, пострижена въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ подъ именемъ Елены; но она сохранила къ С. добрыя чувства и надѣялась на его заступничество передъ Петромъ, что видно изъ позднѣйшаго письма невольной инокини, писавшей въ 1703 г. С.: «Тихонъ Никитичъ, здравствуй на множество лѣтъ! Пожалуй умилосердися надо мною бѣдною, попроси у Государя милости: долго ли мнѣ такъ жить, что его, Государя, ни слышу, ни вижу, ни сына своего. Ужъ моему бѣдству пятой годъ, а отъ него, Государя, милости нѣтъ. Пожалуй, Тихонъ Никитичъ, побей челомъ, чтобы мнѣ про его, Государево, здоровье слышать. Пожалуй и о сродникахъ моихъ попроси, чтобы мнѣ съ ними видѣться. Яви ко мнѣ бѣдной милость свою, побей челомъ ему, Государю, чтобы мнѣ пожаловать жить; а я на милость твою надѣюся, учини милостиво. А мнѣ нечѣмъ тебѣ воздать: такъ тебѣ Богъ заплатитъ за твою милость; а мнѣ, оприщенъ милости твоея, некому толкать. Пожалуй, милостію заступи!»

Во время стрѣлецкаго возстанія 1698 г. стрѣльцы собирались побить кн. Ромодановскаго и С. за то, что они посылаютъ ихъ по службамъ и тѣмъ мучатъ. Для розыска надъ стрѣльцами царь велѣлъ учредить 14 застѣнковъ и председателемъ одного изъ нихъ назначилъ С. Мы не знаемъ, каково было отношеніе С. къ стрѣльцамъ, но жены стрѣлецкія, провожая ихъ изъ монастырскихъ тюремъ въ Преображенское, громко говорили: «Не одни стрѣльцы пропадаютъ, плачутъ и

царскія сѣмена. Царевна Татьяна Михайловна жаловалась государю-царевичу на боярина Стрѣшнева, что онъ ихъ поморилъ съ голоду: «еслибъ-де не монастыри насъ кормили, давнобы мы померли». А царевичъ ей сказалъ: «Дай-де мнѣ сроку, я-де ихъ приберу».

Въ 1698 г., когда С. завѣдывалъ приказомъ Большого Дворца, была сдѣлана книга волостямъ и селамъ, которыя вѣдомы въ этомъ Дворцѣ. Желая устроить флотъ, Петръ, какъ извѣстно, привлекъ къ кораблестроенію всѣхъ именитыхъ и состоятельныхъ людей и раздѣлилъ ихъ на «кумпанства». На средства С. былъ построенъ датскими мастерами 26-ти-пушечный корабль, названный «Три рюмки». Осенью 1699 г. С. долженъ былъ позаботиться о посылкѣ въ Воронежъ 500 или 600 солдатъ для охраны строившихся тамъ кораблей, а весной 1700 г. находился въ числѣ свиты царя, поѣхавшаго туда присутствовать при спускѣ кораблей.

Съ самаго начала войны царя Петра съ Карломъ XII на долю С., какъ стоявшаго во главѣ Разряднаго приказа, выпало еще болѣе заботъ и хлопотъ. Въ 1701 г., послѣ нарвскаго пораженія, царь послалъ С., съ званіемъ «судьи воинскихъ дѣлъ» въ Новгородъ, для военнаго управленія и укрѣпленія Пскова и Новгорода на случай нашествія непріятеля. С. пробылъ въ Новгородѣ до конца іюня 1702 г. и, по дорогѣ въ Москву, уже въ Клину, получилъ письмо царя о заготовкѣ въ Новгородѣ большого количества подводъ для Шереметева къ осеннему и зимнему походамъ. Пріѣхавъ въ Москву, С. узналъ, что послѣ его отъѣзда начался падежъ лошадей въ Новгородѣ, Псковѣ и Клину, и это весьма затруднило исполненіе возложеннаго на него порученія. Въ сентябрѣ 1702 г. царь приказалъ С. приготовить къ веснѣ 1703 г. 4 тысячи, а въ крайнемъ случаѣ 3 тысячи драгунъ и одну тысячу солдатъ для пополненія полковъ. Полтора мѣсяца спустя онъ писалъ С.: «Не изволь плошиться», причемъ требовалъ уже не одну тысячу, а 4—5 тысячъ солдатъ, прибавляя: «что больше, то лучше!» Въ теченіе 1703—1707 гг. царь неоднократно писалъ С. изъ разныхъ городовъ о присылкѣ солдатъ, драгунъ, начальныхъ людей, работниковъ, оружія, денегъ и лошадей, причемъ требовалъ иногда немалое количество «цуговъ, четверней и паръ» и предписывалъ, чтобъ «на возницахъ хотя и не нарядно, однакожъ бы чисто и приборно все было, и чтобъ не промѣшано было старова платья». Относительно невозможности вести войну при недостаточномъ количествѣ войска Петръ такъ писалъ С.: «Того для не добро голову чесать, когда зубы выломаны изъ гребня». Лѣтомъ 1705 г. Петръ опасался нападенія шведовъ на Новгородскую область, а потому велѣлъ С. разослать плѣнныхъ шведскихъ начальныхъ людей по городамъ въ крѣпкія мѣста, а рядовыхъ перековать и послать на работы. С. же долженъ былъ назначить воеводу и отправить съ нимъ солдатъ къ Новгороду: «Для Бога сей походъ скоро и хорошо управь, чтобъ съ Божіею помощью непріятель намъ не насмѣялся, и людей сколько возможно больше сыщи и пошли» — писалъ царь С. Въ 1706 г. наборъ солдатъ и отправленіе начальныхъ людей въ Смоленскъ причиняли много тревогъ С., какъ это видно, напримѣръ, изъ письма его къ Ѳ. А. Головину: «Печаль мнѣ о зборѣ салдацкомъ; на смотрѣ было не безо много тысяча человѣкъ, а выбрано меньши 400 человѣкъ. Приводятъ много, да люди плохи... Не вѣдаю, что и дѣлать». Иногда Петру казалось, что С. недостаточно скоро высылаетъ солдатъ, и онъ писалъ и гр. Головкину, и Головину, чтобы они поторопили его, или же самъ писалъ ему: «Зѣло удивительно, что по ся поры ваши новые полки драгунскіе сюды еще не только пришли, но ни слуху о ихъ походѣ есть. Того для, какъ возможно скоряя сіе исправляйте, ибо зѣло нужно». Вѣроятно, С. обидно было получить незаслуженный упрекъ въ медлительности, и онъ отвѣтилъ царю: «И я доношу вашей милости: истинно по указомъ, государь, и по писмамъ твоимъ о дѣлохъ исправляю со усердіемъ, сколко могу скоро, и сверхъ писемъ что надобно дѣлаю, и вѣдаю, что надобно къ нынѣшней войнѣ драгунскіе полки». Вслѣдъ затѣмъ С. получилъ приказаніе ѣхать вмѣстѣ съ Автамономъ Ивановымъ въ Смоленскъ для сбора и отпуска рекрутовъ; но не успѣлъ еще двинуться въ путь, какъ произошло измѣненіе, и вмѣсто Смоленска онъ долженъ былъ отправиться въ Кіевъ, куда поѣхалъ и самъ царь. С. не могъ, вслѣдствіе нездоровья, возвратиться изъ

Кіева вмѣстѣ съ Петромъ и писалъ ему потомъ съ дороги, изъ Нѣжина, относительно проживавшаго въ Кіевѣ рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго. Какъ извѣстно, послѣ смерти въ октябрѣ 1700 г. патріарха Адріана, Стефанъ Яворскій былъ назначенъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, но, тяготясь своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ въ Москвѣ, отпросился у царя въ Кіевъ и надѣялся навсегда тамъ остаться. Будучи въ 1706 г. въ Кіевѣ, Петръ потребовалъ однако его возвращенія въ Москву, несмотря на мольбы Стефана о дозволеніи жить въ Кіевѣ. Послѣ отъѣзда царя, С. неоднократно былъ у Стефана Яворскаго и уговаривалъ его не противиться царскому приказанію. «И такъ скланился—писалъ С. царю—поѣхалъ псъ Кіева; толька у меня былъ, а никаму не сказался, и въ томъ монастырѣ, гдѣ жилъ, не вѣдали. Толка прасилъ, чтобъ гнѣву твоего не была за многое его прашенія; и я ему сказалъ: твое многое была прашенія, а государево изволенія: велѣна ѣхать, и патаму ты учинилъ, и гнѣву государева на тебя нѣтъ, и милость государева къ тебѣ по прежнему не умалитца. И естьли, государь, пожалуешь, изволишь, чтобъ писмомъ ево отъ милости твоей обнадежить на Москвѣ». По возвращеніи въ Мосву, С. получилъ отъ Петра приказаніе немедленно навести справки въ московскихъ приказахъ, какая сумма останется на 1707 г., за выдачею жалованья войскамъ и за покрытіемъ всѣхъ остальныхъ расходовъ. Вслѣдствіе увеличенія войска требовалось большее количество провіанта въ Петербургъ и въ Азовъ, а потому С. долженъ былъ позаботиться о зимней отправкѣ провіанта въ Петербургъ и о заготовкѣ для Азова въ теченіе двухъ лѣтъ, сверхъ обычнаго годового запаса, 150.000 четвертей ржи, предварительно построивъ для зимнихъ складовъ городъ на рѣкѣ Айдарѣ или въ иномъ мѣстѣ.

Въ теченіе 1703—1707 гг. одновременно съ усиленнымъ пополненіемъ войска, сборомъ денегъ и заготовкой провіанта, царь поручалъ С. то прислать изъ Москвы въ Прибалтійскій край докторовъ, то отправить изъ Измайлова въ Азовъ садовниковъ и клубничныхъ корней, или въ Петербургъ цвѣтовъ, а главнымъ образомъ калуферу, мяты и прочихъ душистыхъ травъ. Въ 1707 г. Петръ приказалъ С. прислать вѣдомость относительно выдачи шведскимъ плѣннымъ офицерамъ и солдатамъ корма и впредь выдачу такового имъ прекратить, потому что русскимъ плѣннымъ въ Стокгольмѣ ничего не дается. Въ августѣ этого же года С. получилъ повелѣніе выбрать исподволь къ зимѣ изъ недорослей «ребятокъ добрыхъ въ школу (математическую) человѣкъ до ста, или больше».

С. долженъ былъ неукоснительно, по приказу царя, карать то бѣжавшихъ подводчиковъ (бывшихъ у солдатскихъ и артиллерійскихъ подводъ), то бѣглыхъ солдатъ. Царь велѣлъ, сыскавъ подводчиковъ, «всѣхъ бить кнутомъ и уши рѣзать, да сверхъ того пятаго съ жеребья съ ними сослать на Таганрогъ, коли будутъ, для того чтобы не разбѣжались въ Польшу». Солдатъ, за побѣгъ изъ полковъ, Петръ велѣлъ подвергать такого рода наказанію: изъ трехъ человѣкъ, по жеребью, одного повѣсить при томъ полкѣ, изъ котораго бѣжалъ, а двухъ бить кнутомъ и сослать въ вѣчную каторгу. Тѣхъ же солдатъ, которые добровольно вернулись изъ бѣговъ, бивъ кнутомъ, сослать въ каторгу въ Азовъ на пять лѣтъ, а затѣмъ возвратить на службу въ полки попрежнему, «чтобы впредь инымъ такимъ съ службы изъ полковъ бѣгать было неповадно». Насколько Петръ былъ увѣренъ не только въ исполнительности С., но и въ его знаніи людей, видно изъ слѣдующаго его письма, писаннаго 6 мая 1707 года изъ Дубны: «Min Her! Кн. Александръ Черкасскій ѣдетъ въ прочія государства европейскія для ученія навигаціи и прочаго, что къ тому надлежитъ, просилъ меня, дабы въ отлученіи его приказать ему домъ свой одному изъ старыхъ дворянъ, которые уже не годятся въ службу, кому онъ можетъ повѣрить, и чтобъ того съ Москвы никуда не посылать, и вы по его прошенію сіе учините».

Въ 1708 году, при раздѣленіи Московскаго государства на губерніи, С. былъ назначенъ московскимъ губернаторомъ, но это не мѣшало Петру попрежнему давать ему разнаго рода спѣшныя порученія, какъ, напримѣръ, прислать въ Петербургъ тысячу холщевыхъ мѣшковъ съ шерстью, величиною, «какъ человѣка

колѣнахъ стоящаго, въ вышину и ирину закрыть можетъ», 150.000 обыновенныхъ кульковъ, 6.000 желѣзныхъ патокъ, 2000 кирокъ и мотыгъ.

Въ 1711 г., при учрежденіи сената, С. лъ назначенъ въ число сенаторовъ. Въ 15 г. на потѣшной свадьбѣ Никиты ойсеевича Зотова онъ былъ одѣтъ католическимъ архіепископомъ и, вмѣстѣ съ лтыковымъ и Батуринымъ находясь въ кестрѣ, игралъ на большомъ рогѣ. Въ 18 г. участвовалъ въ судѣ надъ царечемъ Алексѣемъ Петровичемъ и въ слѣ другихъ подписалъ смертный ему иговоръ.

С. умеръ 15 января 1719 г. въ новой етровской столицѣ—«Санктъ Питербур»; погребеніе его состоялось 17 января, Петръ не только присутствовалъ на пѣваніи, но и шелъ въ траурѣ за громъ до самаго Невскаго монастыря.

П. С. З., т.т. II—IV.—Голиковъ, „Дѣянія етра Великаго“, изд. 2-е (см. указатель).—стряловъ, „Исторія царствованія Петра Векаго“, т.т. I—IV и VI.—Брикнеръ, „Исторія етра Великаго“, ч. I—III и V.—„Письма етра Великаго“, Спб. 1887—1907 гг. , т.т. -V.—„Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ магъ о Петрѣ Великомъ“, М. 1872 г.—„Арвъ кн. Куракина“, Спб., 1890 г., кн. I.—нтышъ-Каменскій, „Словарь достопамятхъ людей земли русской“, т. V, стр. 104—6.—Корбъ, „Дневникъ“, М. 1868 г., стр. 1—312.—Кн. Долгоруковъ, „Родосл. книга“, IV, стр. 413. *В. Корсакова.*

Стрѣшневъ, *Яковъ* (*меньшой*) *Аѳоасьевичъ*, внучатный дядя царицы Евдоіи Лукъяновны. Въ 1611 г. городовой ворянинъ по городу Мещовску; значился отпуску; помѣстный окладъ 650 ч., деежный изъ чети 20 р. Въ 1625—1626 гг. адный воевода въ Масальскѣ. Въ 1626 г., нт. 17, обѣдалъ у царя на новосельѣ ослѣ пожара; въ томъ же году при подѣ въ с. Рубцово (Покровское) для освяенія церкви былъ за государыней, въ слѣ дворянъ; въ богомольномъ походѣ Троице-Сергіевъ монастырь сопровоалъ царя. Въ 1627 — 1628 гг. воевода Каргополѣ и въ Турчасовѣ. Въ 1628 г. рисутствовалъ на крестинахъ царевны елагеи Михаиловны. Между 1628 и 634 г. былъ воеводой въ Воротынскѣ, неизвѣстно въ теченіе скольхихъ лѣтъ. 11 іюля 1634 до 1641 г. воевода въ еремышлѣ.

„Разр. кн.“, т. I, с. 1118, 1225, 1362; т. II .—„Дв. разр.“, т. I, с. 735, 860, 1010.—„Рус. Ист. Библ.“, IX, стр. 426, 438, 563, 567; т. X, стр. 4, 12, 107, 222. — „Акты Моск. госуд.“, т. I, стр. 81.—Кн. Долгоруковъ, т. IV, с. 412—Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ XVII ст.“, с. 94, 141. *В. Корсакова.*

Стрѣшневъ, *Яковъ Максимовичъ.* Въ 1664 г. воевода въ Колѣ. Въ январѣ 1670 г. дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Алексѣя Алексѣевича. Въ 1676—1680 гг. воевода въ Олонецкѣ. Ко времени воеводства его въ Колѣ относится одна царская грамота, въ которой ему приказывалось произвести судъ между лопарями Семиостровскаго и Еконскаго погостовъ по дѣлу о самовольномъ захватѣ лопарями послѣдняго погоста рыбныхъ ловель на рѣкѣ Арзинкѣ у лопарей погоста Семиостровскаго, платившихъ за свои права на эту рѣчку дань въ государеву казну. Вслѣдствіе сосѣдства Олонецка съ Новгородомъ, С., будучи олонецкимъ воеводой, посылалъ иногда отписки новгородскимъ воеводамъ: въ концѣ 1677 г. онъ увѣдомлялъ кн. Урусова, что оброчныя деньги съ ладожскихъ рыболововъ будутъ доставляемы въ Новгородъ; два года послѣ этого (въ концѣ 1679 г.) онъ писалъ кн. Одоевскому о запрещеніи государя новгородскимъ посыльщикамъ брать безденежно подводы у олонецкихъ подгороднихъ крестьянъ. Въ 1678 г., марта 5, изъ Новгородскаго приказа были разосланы во всѣ подвѣдомственные этому приказу города указы относительно доставленія въ Москву всего негоднаго и лишняго оружія. Такое распоряженіе получилъ и С., но въ Олонецкѣ не только не оказалось излишняго или негоднаго оружія, а напротивъ того, ощущался недостатокъ въ оружіи, потому что были только мушкеты и притомъ въ весьма ограниченномъ количествѣ. Донося объ этомъ въ Новгородскій приказъ, С. просилъ прислать изъ Москвы ружей, такъ какъ вслѣдствіе близости Олонецка къ шведскому рубежу надо наблюдать большую осторожность. Въ 1678 г., мая 3, С. получилъ царскую грамоту о запрещеніи головѣ кружечнаго двора Олонецкаго у., Шунгскаго погоста, ѣздить съ продажнымъ питьемъ въ Файмогубскую волость на мѣдные заводы иностранцевъ Марселиса и Бутенанта фонъ-Розенбоша. Грамота была вызвана челобитьемъ этихъ иностранцевъ: они жаловались, что вслѣдствіе пьянства ихъ мастеровыхъ стали происходить дра-

ки, воровство и убійства. Это—послѣднее извѣстіе, въ связи съ которымъ упоминается имя С.

„Др. Рос. Вивл.", XIV, с. 76. — „Разр. кн.", т. I, с. 1336. — „Акты Ист.", т. V, с. 28, 41, 58, 61, 214. — „Доп. къ Акт. Ист.", IV, 380; т. VIII, с. 30—31, 84, 253; IX, с. 90.—Барсуковъ, „Списки городовыхъ воеводъ XVII ст.", с. 78, 100. *В. Корсакова.*

Стрѣшневъ, *Ѳедоръ Степановичъ*, родной дядя царицы Евдокіи Лукъяновны, ум. въ 1647 г. Въ 1615—17 гг. — осадный голова въ Лихвинѣ; литовцы полка Лисовскаго и самъ Лисовскій неоднократно приступали къ Лихвину. «Воевода же лихвинскій Ѳеодоръ Стрѣшневъ — какъ сказано въ «Новомъ Лѣтописцѣ» — съ малыми людьми изшедъ изъ града, біяшеся съ Лисовскимъ и не припусти его ко граду».—Въ 1619 г. онъ упоминается воеводою въ Калугѣ. Въ 1623—1626 гг. воевода на Черандѣ. Въ 1628—1634 гг. дворецкій царицы Евдокіи Лукъяновны, управлялъ ея Мастерской палатой. На его обязанности лежало не только завѣдываніе вещами царицы, но и заказъ молебновъ по ея порученію, а также раздача милостыни. Въ 1630 г., недѣли двѣ спустя послѣ рожденія царевны Анны Михаиловны, С. ѣздилъ по разнымъ церквамъ: былъ въ монастырѣ Ивана Предтечи на Кулишкахъ, у Никиты Мученика на Яузѣ, у Николы Явленнаго на Арбатѣ, всюду заказывая молебны о здравіи царицы Евд. Лукъяновны и новорожденной царевны Анны; за молебны царица велѣла ему дать по рублю въ церковь, да въ богадѣльню на Кулишкахъ раздать милостыню нищимъ 6 алт. 4 д. Въ 1634 г., послѣ кончины патріарха Филарета Никитича, по немъ въ теченіе «сорочинъ» ежедневно раздавалась нищимъ милостыня отъ царицы; раздавалъ милостыню во дворцѣ «поручно» С. Въ 1630 г., во время завѣдыванья С. Мастерской палатой царицы, произошелъ большой переполохъ: 10 августа были переданы изъ государевой Мастерской палаты въ царицыну «большія», т. е. парадныя, постели. Когда стали ихъ принимать, то было «осмотрѣно у одѣяла, у большого, на гривѣ (родъ каймы) на правой сторонѣ близко угла въ двухъ мѣстѣхъ проторчи (дыры) невелики, одна проторчь зашита, а другая не зашита. Того жъ часу начальникъ Мастерской палаты Ѳ. С. Стрѣшневъ, да постельничій государя Степ. Лукъян. Хрущовъ извѣщали о томъ государя, и государь того одѣяла въ царицыныхъ хоромахъ осматривалъ». Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло, и былъ ли розыскъ, т. е. допрашивали ли тѣхъ, кто шилъ одѣяло, кто его сохранялъ, кто убиралъ имъ постель и т. д. Въ 1634 г., февраля 2, С. пожалованъ въ окольничіе; сказывалъ ему окольничество думный дьякъ Иванъ Гавреневъ. Въ 1635 г. С. сказывалъ боярство кн. П. А. Репнину. Въ 1634 г., когда были оставлены на Москвѣ бояре кн. И. А. Голицынъ и А. В. Хилковъ, С. былъ у нихъ въ товарищахъ. Въ 1639 г. онъ дневалъ и ночевалъ при гробѣ царевича Ивана Михаиловича. Въ 1645 г., сент. 30, пожалованъ въ бояре по случаю вѣнчанія на царство Алексѣя Михаиловича.—У С. были имѣнія въ восьми уѣздахъ; по степени богатства, онъ находился среди землевладѣльцевъ на восемнадцатомъ мѣстѣ.

„Др. Рос. Вивл.", т. XX, с. 96, 104.—„Разр. кн.", т. I, с. 78, 189, 400, 655, 929, 1036, 1152, 1248; т. I, с. 243, 293, 421.—„Дв. разр.", т. II, с. 360, 467, 516, 855, 869; т. III, с. 19.—„Акты Моск. госуд.", т. I, с. 136. — „Новый Лѣтописецъ", с. 170.—„Рус. Ист. Библ.", т. IX, с. 485, 547, 550, 553.—А. П. Барсуковъ, „Списки городов. воеводъ XVII ст.", с. 91, 127. — С. В. Рождественскій, „Служилое землевладѣніе", с. 228, 229.—Забѣлинъ, „Домашній бытъ рус. царицъ", с. 320, 346, 372, 591.—Его же, „Домашній бытъ рус. царей", изд. 3-е, с. 263, 265, 699, 770. — Барсуковъ, „Родъ Шереметевыхъ", т. III, с. 315. *В. Корсакова.*

Стубилевичъ, *Степанъ Зеноновичъ*, докторъ философіи и экстраординарный профессоръ физики Виленскаго университета, родился въ Волыни въ 1762 г., среднее образованіе получилъ во Владимірѣ-Волынскомъ, а въ 1786 г. поступилъ въ Виленскій университетъ, на философскій факультетъ, гдѣ спеціально изучалъ физико-математическія науки. Университетскій курсъ окончилъ въ 1790 г. съ званіемъ доктора философіи и тотчасъ послѣ этого былъ назначенъ преподавателемъ физики въ Виленской гимназіи, а въ 1793 г. вице-профессоромъ (адъюнктомъ) физики же въ Виленскомъ университетѣ. Въ 1802 г. С. университетомъ посланъ былъ въ заграничную командировку для ознакомленія съ новѣйшими успѣхами физики и постановкой преподаванія ея въ западно-европейскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. С. побывалъ въ Австріи, Германіи, шесть

ѣсяцевъ провелъ въ Италіи, а затѣмъ лгое время прожилъ въ Парижѣ, гдѣ знакомился со многими выдающимися ранцузскими учеными, осмотрѣлъ музеи, бораторіи, библіотеки, физическіе кабиты, слушалъ лекціи лучшихъ профессовъ и пр. Въ ученомъ мірѣ Парижа С. лъ принятъ очень хорошо: парижское льваническое общество и академія наукъ иняли его въ число своихъ членовъ-рреспондентовъ (membres correspondens). Вильну С. вернулся въ 1804 г. и по ѣздѣ открылъ въ университетѣ публичй курсъ физики. Какъ лекторъ онъ отчался краснорѣчіемъ, живымъ и доступмъ изложеніемъ своего предмета, умѣемъ производить опыты, которыми иллюрировалъ свои лекціи; онъ положилъ ого стараній на улучшеніе университетаго физическаго кабинета, обогативъ его югими новыми приборами и пособіями. 1807 г. С. получилъ званіе экстраорнарнаго профессора, которымъ и осталcя до самой смерти, послѣдовавшей 17 рѣля 1814 г. Изъ его немногочисленныхъ ботъ, главнымъ образомъ по физикѣ, иболѣе извѣстны: «Sbior kratki pochatkòw yki» и «Wplyw elektryczności na ekonoija zwiezzeka czyli teoryczny wykład świadczeń i postrzezeń nad elektrycznoia»; обѣ изданы уже послѣ смерти С., рвая въ 1816 и вторая—въ 1819 г.

„Рапортъ Стубилевича Виленскому унирситету о своихъ занятіяхъ за границей“, ерiодическое сочиненie“, 1804 г., № 5, стр. —„Encyklopedyja powszechna“, Warszawa, 67 г., s. v.—S. Orgelbranda „Encyklopedyja wszechna“, Warszawa, 1903 r. s. v.—lowrnik naučny“, Praze, 1868 г.—K. Estreier, „Bibliografia polska XIX stólecia“, Kraków, 78 г., tom IV.—St. Kosminski, „Slownik lerzów polskich“, Warszawa, 1883 г., стр. 485.—ѣсяцесловъ“ на 1805 г., стр. 251.—„Адресъ-лендарь“ на 1806 г., т, II, стр. 389.

Е. К.

Студен(т)скій, *Николай Ивановичъ*, рофессоръ хирургіи въ Казанскомъ унирситетѣ, сынъ протоіерея, родился въ 1845 г., умеръ въ Казани 17 сентября 91 г. Среднее образованіе онъ получилъ Пензенской духовной семинаріи, курсъ которой окончилъ въ 1864 г. и вслѣдъ тѣмъ поступилъ было въ Казанскую ховную академію, но въ томъ же году решелъ въ университетъ. По окончаніи рса въ послѣднемъ съ званіями лекаря уѣзднаго врача въ 1869 г., С. до осени 1874 г. былъ ординаторомъ хирургическаго отдѣленія госпитальной клиники. Степень доктора медицины онъ получилъ весной 1873 г. въ Петербургской медико-хирургической академіи и послѣ этого ненадолго ѣздилъ за границу съ научной цѣлью. 8 іюня 1874 г. онъ былъ удостоенъ званія приватъ-доцента десмургіи и ортопедіи въ Казанскомъ университетѣ, а въ августѣ 1876 г. избранъ штатнымъ доцентомъ по той же каѳедрѣ. Осенью 1876 г. былъ командированъ на театръ славяно-турецкой войны, а въ 1877—1878 гг. находился при дѣйствовавшей Балканской арміи. Въ октябрѣ 1881 г. онъ баллотировался въ экстраординарные профессора по каѳедрѣ теоретической хирургіи, но избранъ не былъ и ушелъ изъ университета; однако, уже въ слѣдующемъ году вновь началъ читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцента десмургіи и ортопедіи, а нѣсколько позже и оперативную хирургію, съ 1 ноября же 1884 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ послѣдняго предмета; наконецъ, 30 апрѣля 1887 г. перемѣщенъ на каѳедру госпитальной хирургической клиники. Параллельно съ занятіями въ университетѣ С. завѣдывалъ хирургическимъ отдѣленіемъ казанской ремесленной больницы, гдѣ руководилъ и клиникой для студентовъ. Ему принадлежитъ длинный рядъ въ научномъ отношеніи часто весьма цѣнныхъ работъ по оперативной и госпитальной хирургіи, напечатанныхъ въ «Дневникѣ Общества Клиническихъ Врачей», «Медицинскомъ Вѣстникѣ» и другихъ специальныхъ изданіяхъ (его работы перечислены у Змѣева).

Н. П. Загоскинъ, „Къ столѣтней годовщинѣ Казанскаго университета. Дѣятели Имп. Казанскаго университета 1805—1900 гг.“, Казань, 1900 г.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели“, тетр. V, Спб. 1889 г.—„Врачъ“, 1891 г., № 39. *Н. Кульбинъ.*

Студитскій, *Александръ Ефимовичъ*, журналистъ 1840—50 годовъ и переводчикъ; печаталъ главнымъ образомъ статьи литературно-критическаго и библіографическаго характера. Наиболѣе дѣятельное участіе принималъ въ «Москвитянинѣ» Погодина, гдѣ различныя статьи и замѣтки помѣщены въ слѣдующихъ книгахъ: за 1842 г.—№№ 9 и 10 (стр. 243 и 522); за 1844 г.—№ 10 (стр. 17 и 392); за 1845 г.—№№ 5 и 6 (стр. 208); за 1846 г.—

*

№ 3 («Русская словесность въ 1845 г.»); за 1848 г.—№ 5 (стр. 1—19); за 1849 г.—№№ 17 и 23 (стр. 1, 53 и 61); за 1850 г.—№ 4 (стр. 111—120); за 1855 г.—№ 9 (стр. 129—149). Сотрудничалъ также въ «Отечественныхъ Запискахъ» (напр., 1858 г., т. 117, № 3, отд. 2, стр. 1—20) и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1857 г., № 203, о Салтыковѣ). Отдѣльно издалъ нѣсколько учебныхъ руководствъ:— «Начальныя основанія русской этимологіи» (М., 1844 г.), «Лексикологія русскаго языка» (М., 1845 г.), «Опытъ ариѳметическаго рѣшенія нѣкоторыхъ астрономическихъ вопросовъ» (М., 1854 г.). Въ свое время цѣнились его стихотворные переводы сонетовъ Шекспира и нѣкоторыхъ поэмъ Байрона.

Брокгаузъ - Ефронъ, „Энциклопедическій словарь“, полут. 62, стр. 851.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія за 1855 г.“, Спб., 1861 г., стр. 137, № 1398.—Мезіеръ, „Русская словесность съ IX по XIX вѣкъ включит.“, Спб., 1902 г., т. II, стр. 359, № 16369 и стр. 581, № 22967.—В. И. Межовъ, „Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ книжн. магаз. А. Ф. Базунова“, Спб., 1869 г., стр. 134, № 2258,$_2$; стр. 212, № 3515,$_3$; стр. 324, № 5048,$_1$; стр. 380, № 6547,$_6$; стр. 390, № 5744,$_2$; стр. 424, № 6132,$_1$; стр. 514, № 7383,$_4$; стр. 635, № 9129,$_1$; стр. 635, № 9134,$_1$; стр. 674, № 9663; стр. 849, № 11671,$_5$. *Е. К.*

Студицкій, *Владиміръ Андреевичъ*, хирургъ-писатель, сотрудникъ и другъ Скобелева, убитъ 21 іюня 1880 г. Воспитывался въ Московскомъ университетѣ, въ 1875 г. окончилъ его курсъ по медицинскому, факультету за сочиненіе «Перевязочные снаряды для леченія перелома костей» получилъ золотую медаль и опредѣленъ врачемъ сначала при лечебницѣ Московскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета, а затѣмъ — Московскаго воспитательнаго дома. Хирургомъ С. былъ по призванію; живой, увлекающійся и безстрашный военный врачъ уживался въ немъ съ наблюдательнымъ и вдумчивымъ ученымъ. Во время войны за освобожденіе славянъ онъ отправился съ учрежденіями московскаго Краснаго Креста въ качествѣ хирурга и успѣшно работалъ въ Черногоріи, Сербіи и Болгаріи. Громадная текущая работа, выпавшая на его долю въ дѣйствовавшей арміи, не помѣшала ему собрать на театрѣ войны обширный матеріалъ для многочисленныхъ и цѣнныхъ научныхъ работъ по хирургіи и военной гигіенѣ. Въ своихъ статьяхъ и письмахъ онъ далъ замѣчательные очерки санитарнаго состоянія Сербіи и Черногоріи и находившихся въ нихъ войскъ. Таковы его «Матеріалы для санитарнаго очерка Сербіи во время войны 1876 г.» («Протоколы засѣданія Московск. общ. врачей», 1877 г.; «Московск. Медиц. Газета», 1877 г., №№ 11—12; отд. отт., М. 1877 г.), «Письма о Черногоріи» («Протоколы...», 1877 г., №№ 36, 39, 42 и «Медиц. Обозрѣніе», 1878 г., октябрь) и «Матеріалы для военно-санитарнаго очерка Черногоріи въ послѣднюю войну», («Протоколы...», 1878 г.). Своей неутомимой дѣятельностью, искусствомъ практика и обширными познаніями въ хирургіи онъ уже тогда обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Вернувшись въ Россію, С. опубликовалъ новый рядъ статей и докладовъ, въ которыхъ съ большимъ знаніемъ дѣла описалъ постановку военно-полевой медицины во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг., высказалъ свои мнѣнія о необходимыхъ улучшеніяхъ санитарной стороны и далъ многочисленныя наблюденія надъ интересными въ научномъ отношеніи случаями хирургическихъ заболѣваній и операцій. Къ работамъ послѣдняго рода принадлежатъ — «О методахъ леченія ранъ во время последней славяно-турецкой войны» («Протоколы...», 1878 г.), «О распредѣленіи раненыхъ и больныхъ воиновъ въ послѣднюю... войну» (ibid., №№ 11, 13—17, 19—21), «Нѣсколько случаевъ порохового ожога», «Къ діагностикѣ огнестрѣльныхъ ранъ» и рядъ статей, трактующихъ объ отдѣльныхъ въ томъ или иномъ отношеніи замѣчательныхъ случаяхъ пораненій и заболѣваній. Всѣ эти работы онъ почти всегда предварительно сообщалъ въ засѣданіяхъ Московскаго общества русскихъ врачей, въ «Протоколахъ» котораго онѣ потомъ и печатались.

Во время Ахалъ-текинской экспедиціи С. снова работалъ въ отрядѣ московскаго Краснаго Креста и состоялъ при М. Д. Скобелевѣ, съ которымъ его связывала тѣсная дружба, основанная на взаимномъ уваженіи. С. былъ окруженъ опасностями, которыя дѣйствовали очень сильно даже на М. Д. Скобелева. «Никто не можетъ сомнѣваться въ моей храбрости, говорилъ Скобелевъ: mais ces attaques nocturnes me font l'éffet, comme si j'avais bu de l'eau de Kis-

singen». Иллюстраціей къ этимъ опасностямъ можетъ служить слѣдующій мартирологъ, приводимый участникомъ экспедиціи, д-ромъ Ф. Гейфельдеромъ: Въ небольшомъ походѣ три врача и одинъ фельдшеръ убиты, два врача ранены, два врача и сестра (милосердія) контужены, одинъ врачъ умеръ отъ удара, семь врачей заболѣли тяжелымъ тифомъ, изъ которыхъ умеръ одинъ; расплачиваясь, такимъ образомъ, кровью и здоровьемъ, санитарный персоналъ переносилъ всѣ трудности походной жизни». Скобелевъ сдѣлался очень «нервознымъ по отношенію къ тѣмъ опасностямъ, которыя угрожали врачамъ»... Во время этого похода погибъ и С., причемъ косвенной причиной его смерти общее мнѣніе считало самого Скобелева. Вотъ что послѣдній самъ передавалъ тому же Гейфельдеру объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ гибель С. «При рекогносцировкахъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1880 г., противъ Геокъ-Тепе, меня сопровождалъ мой другъ докторъ Студицкій, въ качествѣ врача Краснаго Креста. Опытъ раньше и впослѣдствіи показалъ, что ученыя и гражданскія лица, разъ попавши на войну и находясь въ сѣдлѣ, увлекаются и нерѣдко, утрируютъ своимъ рыцарствомъ; это самое случилось и со Студицкимъ. Около Хаджамъ-Кале, гдѣ почва уже поднимается, и гдѣ путь по причинѣ попадающихся скалъ и кустарниковъ уже не безопасенъ, палъ отъ пули солдатъ въ тылу колонны. Отрядъ продолжалъ путь, но въ свитѣ поднятъ былъ вопросъ, была ли пуля текинская, непріятельская или же измѣнника туркмена-проводника? Если пуля имѣлась бы въ рукахъ, то вопросъ этотъ можно было бы быстро разрѣшить. Студицкій предложилъ возвратиться и вырѣзать пулю у покойника. Я снабдилъ его конвоемъ въ 15 или 20 казаковъ...» На С. и его конвой вскорѣ напали текинцы. С. «ихъ преслѣдовалъ, и такъ какъ его лошадь была лучше другихъ, то онъ вскорѣ оставилъ конвой далеко за собой... Тогда вдругъ со всѣхъ сторонъ показались непріятельскіе всадники и окружили Студицкаго съ нѣсколькими казаками... Численный перевѣсъ непріятеля подавлялъ нашихъ, а помощь была далека. Такъ кончилъ жизнь бѣдный Студицкій, и долго еще на камняхъ была видна кровь, гдѣ докторъ и его храбрый конвой погибли».

„Русская Старина", 1887 г., апрѣль, стр. 217. — О. Ф. Грейфельдеръ, „Воспоминанія врача о М. Д. Скобелевѣ". — Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели", тетр. V, Спб., 1889 г. (здѣсь приводится и полный перечень работъ С.). - „Медицинскій Вѣстникъ", 1880 г., № 28. — „Врачебныя Вѣдомости", 1880 г., № 427.—„Врачъ", 1880 г., № 29.

Н. Кульбинъ.

Стуковъ, *Константинъ Константиновичъ*, протоіерей-миссіонеръ и писатель по сибирской этнографіи, родился въ 1809 г., умеръ 20 декабря 1883 г. въ селѣ Оекѣ, Иркутской губ. Образованіе С. получилъ въ Иркутской духовной семинаріи, по окончаніи курса которой (1830 г.) былъ назначенъ учителемъ въ иркутскомъ приходскомъ училищѣ; въ 1831 г онъ былъ рукоположенъ во священники къ Воскресенской церкви въ Иркутскѣ, а въ 1832 г. опредѣленъ смотрителемъ Нерчинскаго духовнаго училища и учителемъ въ немъ древнихъ языковъ. Преподаваніемъ этихъ предметовъ С. занимался съ исключительнымъ успѣхомъ, за что неоднократно получалъ благодарности отъ архіерея и даже отъ мѣстной консисторіи, съ которой вообще не ладилъ, главнымъ образомъ изъ-за того, что онъ съ церковной каѳедры часто изобличалъ, иногда въ весьма рѣзкой формѣ, ненормальныя условія жизни, созданныя безумной погоней наѣзжихъ въ Нерчинскъ промышленниковъ и мѣстныхъ жителей за легкой наживой, погоней за золотомъ, находимымъ въ окрестныхъ розсыпяхъ и рудникахъ. Въ 1836 г. С. былъ назначенъ настоятелемъ собора, первоприсутствующимъ членомъ нерчинскаго духовнаго правленія и удостоенъ сана протоіерея. Къ нерчинскому же періоду жизни С. относится его знакомство съ нѣкоторыми изъ сосланныхъ туда декабристовъ; частыя бесѣды съ ними оказали значительное вліяніе на образъ его мыслей; при ихъ же помощи онъ основательно изучилъ польскій, французскій и нѣмецкій языки. Послѣ кратковременнаго священства при иркутской Преображенской церкви (1841—1842 гг.), С. въ 1843 г. былъ назначенъ миссіонеромъ къ хоринскимъ монголо-бурятамъ, среди которыхъ работалъ въ теченіе 8 лѣтъ, вплоть до 1851 г., когда былъ опредѣленъ протоіереемъ въ Читу. За время миссіонерства онъ въ совершенствѣ усвоилъ монгольскій и бурятскій языки, пристрастился къ чтенію монгольской

литературы и основательно, по первоисточникамъ, изучилъ одну изъ самыхъ распространенныхъ религій—буддизмъ, что давало ему, какъ миссіонеру, сильное оружіе въ преніяхъ съ ламами и въ высокой степени способствовало успѣху его дѣятельности.

Протоіерейство С. въ Читѣ продолжалось всего два года (1851—1853) и закончилось для него печально. Колонизаторская дѣятельность въ этомъ молодомъ краѣ администраціи, во главѣ которой стоялъ ген.-лейт. графъ Запольскій, атаманъ Забайкальскихъ войскъ, велась слишкомъ прямолинейно, почти грубо; преслѣдуя въ сущности единственную цѣль, разработку золотыхъ розсыпей, она совершенно не считалась съ остальными обстоятельствами, менѣе всего съ той рабочей силой, которая употреблялась для эксплоатаціи рудниковъ и розсыпей—съ арестантами нерчинской каторги. Обращеніе съ ними было въ высшей степени жестокое; въ особенности прославился этимъ карійскій купецъ Разгильдяевъ, который по словамъ С., пользуясь покровительствомъ администраціи, «чтобы заполучить чинъ и промыть 100 пуд. золота, въ одно лѣто закопалъ въ могилу тысячи несчастныхъ каторжниковъ и тѣмъ возбудилъ моровую язву». Противъ этихъ жестокостей и возвысилъ свой голосъ С. Первые его протесты повели къ тому, что его перестали принимать въ мѣстномъ обществѣ, засыпали всякими предписаніями, замѣчаніями, придирками и пр. Тогда С. во время одного изъ богослуженій, на которомъ присутствовала вся мѣстная знать, произнесъ рѣзкую обличительную проповѣдь. Послѣдствіемъ ея былъ вызовъ С. въ Иркутскъ и отстраненіе его отъ должности безъ всякаго суда и слѣдствія. Оставшись безъ всякихъ средствъ къ жизни и съ большой семьей на рукахъ, С. поселился въ Иркутскѣ и съ жаромъ отдался литературной дѣятельности, сотрудничая въ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», «Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», въ «Запискахъ Сибирскаго отдѣла русскаго географич. общ.» и др. изданіяхъ. Въ теченіе этого 13-тилѣтняго періода (1853—1866 гг.) исключительно литературной дѣятельности С. былъ избранъ въ члены Императорскаго русскаго географическаго общества (1862 г.), въ дѣйствительные члены Иркутск. губ. статистическаго комитета (1863 г.), удостоился получить Высочайшую благодарность за поднесенное Императору сочиненіе на монгольскомъ языкѣ, въ 1865 г. за труды по «отечественному землевѣдѣнію» былъ награжденъ серебряною медалью отъ географическаго общества, послѣднимъ былъ неоднократно командированъ въ различныя мѣста для собранія этнографическихъ свѣдѣній и, наконецъ, написалъ рядъ работъ, наиболѣе цѣнными изъ которыхъ являются: «Разборъ сочиненія (еписк. Нила): Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири» («Ирк. Губ. Вѣд.», 1859 г., №№ 9—24), «О затмѣніяхъ солнца и луны по понятіямъ сѣверныхъ буддистовъ» («Амуръ», 1860 г., № 7), «Нѣсколько словъ о ламайской медицинѣ» (ib., 1861 г., №№ 37—38), «Замѣтки о музеумѣ, состоящемъ при сибирскомъ отдѣлѣ Имп. русск. географ. общества» (ib., 1862 г., № 34), «Возраженіе противъ статьи: О буддизмѣ» («Ирк. Епарх. Вѣдом.», 1863 г., № 39), «Изъ поденной записки, веденной на Братской степи, что въ Забайкальской области» («Сибирск. Вѣстн.», 1864 г., № 19), «Изъ дневника, веденнаго на Братской степи» («Ирк. Епарх. Вѣд.», 1866 г., №№ 26—28) и «Очерки монголо-бурятъ, кочующихъ въ Восточной Сибири»—главный трудъ («Записки сибирск. отдѣла Имп. русск. геогр. общ.», 1865 г., кн. VIII).

Въ 1866 г. С., «какъ человѣкъ, къ прохожденію миссіонерской должности очень способный и въ познаніи монгольскаго языка весьма свѣдущій» (изъ формуляра), былъ снова назначенъ миссіонеромъ, на этотъ разъ въ Тункинскій край, откуда, послѣ двухлѣтней работы, перевелся настоятелемъ Покровской церкви въ Иркутскѣ. Разстроенное здоровье С. заставило его просить о переводѣ въ деревушку, гдѣ онъ могъ бы отдохнуть, слѣдствіемъ чего въ 1871 г. явилось назначеніе его священникомъ въ с. Оеку. Въ 1874 г. онъ вышелъ въ заштатъ. Характерной чертой въ дѣятельности С., какъ миссіонера, является то, что проповѣди христіанскаго ученія онъ предпосылалъ, такъ сказать, проповѣдь осѣдлости, ибо свойственный многимъ племенамъ Азіи кочевой образъ жизни служилъ неодолимымъ препятствіемъ для успѣшности ре-

лигіозной проповѣди; наоборотъ, осѣдлый образъ жизни, а въ связи съ нимъ и земледѣліе являлись благопріятными условіями для достиженія той же цѣли. Благодаря такому образу дѣйствій, С. имѣлъ, какъ миссіонеръ, значительный успѣхъ и вполнѣ заслужилъ консисторское опредѣленіе: «къ прохожденію миссіонерской должности очень способный».

Владим. Ларевъ, „Протоіерей Константинъ Стуковъ", „Иркутск. Епарх. Вѣдом.", 1884 г., прилож. къ № 13.—Д. Д. Языковъ, „Писатели, умершіе въ 1881, 1882 и 1883 гг.", въ книгѣ „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", прилож. къ 4-му вып., Спб., 1888 г., стр. 18—19.—„Энциклопед. слов." Брокгауза-Ефрона, т. 31, s. v.

Ступинъ, *Александръ Васильевичъ*, живописецъ, академикъ, основатель художественной школы въ Арзамасѣ, родился 13 февраля 1776 г. въ дворянской семьѣ *Борисовыхъ*, но вскорѣ послѣ рожденія, по семейнымъ обстоятельствамъ родителей, былъ отданъ на воспитаніе арзамасской мѣщанкѣ Ступиной, которая впослѣдствіи усыновила его и записала въ арзамасскіе мѣщане подъ своей фамиліей. Мальчикъ очень рано обнаружилъ рѣдкую любознательность и, несмотря на неблагопріятныя условія среды, къ 6-ти годамъ познакомился съ первыми начатками грамоты. Когда ему исполнилось 10 лѣтъ, пріемная мать отдала его въ мальчики къ одному мѣстному торговцу, а нѣсколько позже пользовалась имъ въ той же роли въ собственной небольшой лавочкѣ. Уже въ эти годы С. пристрастился къ рисованію и посвящалъ ему всѣ досуги, своими дѣтскими и незрѣлыми опытами испещряя всякій подвернувшійся лоскутокъ бумаги, иногда дѣловые документы и стѣны лавки, за что нерѣдко бывалъ битъ. Уступая настойчивымъ просьбамъ мальчика, Ступина вскорѣ отдала его на три года въ обученіе мѣстному иконописцу, у котораго С., однако, ничему не научился, такъ какъ постоянно пьяный «наставникъ» его менѣе всего заботился о томъ, чтобы чему-либо научить своего ученика, пользуясь имъ только для выполненія разныхъ домашнихъ работъ. Въ періодъ пребыванія у этого иконописца С. урывками посѣщалъ вновь открывшееся около того времени арзамасское народное училище, гдѣ пріобрѣлъ нѣкоторый навыкъ въ чтеніи и письмѣ. Отбывъ у иконописца положенный срокъ, С. сталъ самъ поправлять старые и писать новые образа, но опыты эти успѣха не имѣли, и онъ забросилъ ихъ, поступивъ въ ученье къ дьячку. У послѣдняго удалось пробыть ему недолго, такъ какъ черезъ короткое время попалъ въ полицейскіе десятскіе. Отбывъ эту повинность, С. нанялся къ одному мастеру золотить иконостасъ, но и здѣсь постигла его неудача,—вскорѣ былъ объявленъ рекрутскій наборъ, и, чтобы избѣжать солдатчины, С. принужденъ былъ оставить Арзамасъ и скрыться неподалеку отъ него, въ с. Выѣздномъ, гдѣ онъ пріютился у мѣстнаго дьякона, нанявшись писать образа за рубль въ недѣлю. Когда память о наборѣ сгладилась, и всякая опасность миновала, С. возвратился въ Арзамасъ и поступилъ въ помощники къ одному дьякону, слывшему за искуснаго живописца. Здѣсь онъ могъ надѣяться получить хорошую школу, но и эта его мечта не осуществилась: въ его судьбу вмѣшались родные, пріемная мать и родная сестра, пожелавшія видѣть его чиновникомъ; по ихъ настоянію онъ женился и отправился въ Нижній-Новгородъ, гдѣ, при содѣйствіи рекомендательныхъ писемъ, былъ вскорѣ принятъ на службу подканцеляристомъ въ мѣстное губернское правленіе, въ отдѣленіе совѣтника Ребендера. Этотъ послѣдній обратилъ С. чуть ли не въ своего лакея, постоянно поручая ему различныя хозяйственно-малярныя и иного рода работы, не имѣвшія, конечно, никакого отношенія къ службѣ. Такой лямки С. вынести не могъ и вскорѣ вышелъ въ отставку. Пріобрѣтя къ этому времени уже значительный навыкъ въ писаніи образовъ, С. въ сентябрѣ 1797 г. открылъ въ Арзамасѣ собственную мастерскую и сталъ принимать учениковъ, что дало ему возможность брать на себя болѣе значительные живописные заказы (преимущественно образа). Работы его имѣли успѣхъ и доставляли ему хорошій заработокъ, такъ что въ скоромъ времени онъ получилъ возможность построить въ Арзамасѣ собственный домъ, куда и перешелъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ и учениками. Понимая, однако, что безъ спеціальнаго образованія онъ никогда не сдѣлается настоящимъ художникомъ, С. рѣшился на серьезный шагъ: оставивъ семью, мастерскую и учениковъ, онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ, по со-

вѣту проживавшаго тамъ своего родственника В. Турина, въ началѣ 1800 г. поступилъ вольноприходящимъ ученикомъ въ Императорскую академію художествъ. Въ академіи онъ обучался подъ руководствомъ И. А. Акимова, Г. И. Угрюмова и В. К. Шебуева, особенно же способствовалъ его успѣхамъ въ рисованіи А. Е. Егоровъ. Уже въ слѣдующемъ 1801 г. С. получилъ малую серебряную медаль за рисунокъ съ натуры, затѣмъ, по представленію президента академіи, былъ исключенъ изъ мѣщанскаго сословія, а въ 1802 г. окончилъ академическій курсъ съ званіемъ художника 1-ой степени и возвратился домой, въ Арзамасъ. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга С. высказалъ нѣкоторымъ лицамъ намѣреніе расширить свою мастерскую въ Арзамасѣ и преобразовать ее въ художественную школу; эта мысль была встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ. Государыня Императрица, расположеніе и сочувствіе которой С. успѣлъ пріобрѣсти за время своей жизни въ Петербургѣ, пожаловала ему на дорогу домой 200 рублей, академія подарила ему для школы двѣ статуи и нѣсколько бюстовъ, а профессора предоставили въ его распоряженіе большой запасъ книгъ, картинъ, чертежей, рисунковъ и гипсовъ, такъ что у С. образовалось богатое собраніе изъ 6.500 художественныхъ предметовъ и изъ 2.000 томовъ сочиненій, главнымъ образомъ по части изящныхъ искусствъ. Пріѣхавъ въ Арзамасъ, С. дѣйствительно расширилъ свою мастерскую, преобразовавъ ее въ художественные классы. Имѣя значительный научно-художественный инвентарь, онъ получилъ возможность поставить дѣло на прочную почву. Преподавая самъ правила живописи, онъ пригласилъ въ свою школу особаго наставника для преподаванія его ученикамъ Закона Божія, русскаго языка, ариѳметики, исторіи, географіи и чистописанія. Скоро школа С. пріобрѣла довѣріе арзамасскихъ обывателей и стала привлекать большое число желающихъ обучаться въ ней. Въ нее стали поступать не только лица свободныхъ состояній, но и крѣпостные, которыхъ помѣщики опредѣляли туда для образованія домашнихъ живописцевъ. Большое количество заказовъ, поступавшихъ къ С., увеличивало его матеріальныя средства, и это дало ему возможность въ 1808 г. перевести свою школу во вновь купленный имъ и вполнѣ приспособленный для данной цѣли домъ, кромѣ помѣщеній для классныхъ занятій учениковъ заключавшій въ себѣ еще двѣ галлереи,—картинную, въ которой находились предметы рисованія и живописи, и античную, въ которой было помѣщено собраніе статуй, бюстовъ и гипсовъ. Въ 1809 г. С. поѣхалъ въ Петербургъ и подалъ въ совѣтъ академіи художествъ прошеніе, въ которомъ, изложивъ исторію своего художественнаго образованія и возникновенія его школы, просилъ академію принять послѣднюю подъ свое покровительство, а въ доказательство ея успѣховъ при прошеніи представилъ образцы работъ своихъ учениковъ. Успѣхъ этой просьбы превзошелъ всякія ожиданія со стороны С. Признавъ серьезное культурное значеніе школы С. для мѣстнаго края, совѣтъ академіи вынесъ слѣдующее постановленіе: «Какъ сей художникъ дѣйствительно показалъ, какъ онъ пишетъ, что онъ горитъ любовію къ художествамъ; ибо не только оставя домъ свой, жену, дѣтей, пріѣхалъ въ началѣ въ Петербургъ и на своемъ содержаніи искалъ усовершенствовать себя въ академіи и по успѣхамъ своимъ заслужилъ аттестатъ 1-й степени: но и по возвращеніи въ домъ свой въ городъ Арзамасъ засвидѣтельствовалъ усердіе свое къ художествамъ тѣмъ, что завелъ у себя рисовальную школу: то за одно уже сіе онъ въ силу 29-й дополнительной статьи къ уставу академіи имѣетъ право назначеннаго (академика). Какъ же представленные имъ учениковъ его рисунки и писанныя красками картины показываютъ весьма хорошіе ихъ въ столь короткое время успѣхи, то въ силу 27-й и 28-й статей совѣтъ полагаетъ въ одобреніе ихъ и поощреніе другихъ къ подобному рвенію лучшихъ изъ нихъ наградить серебряными медалями отъ академіи, въ представленныхъ же имъ аттестатахъ (слѣдуетъ перечисленіе этихъ аттестатовъ) свидѣтельствуется вездѣ одобреніе и благодарность какъ за заведеніе и хорошее содержаніе сей школы, такъ и за наблюдаемое въ оной благочиніе, благонравіе и во всемъ исправность: что все справедливо можетъ отнестись къ чести самой академіи, примѣру которой онъ подражать во всемъ тщится. И какъ сіи труды его, Ступина, такого рода, что они не могутъ ожидать себѣ уваженія и награды какъ только отъ академіи, и заве-

деніе сіе есть самое первое и дѣло въ томъ краю необыкновенное, почему заводитель тѣмъ болѣе заслуживаетъ особливаго и примѣрнаго награжденія, для поощренія другихъ ему подобныхъ къ подраженію его примѣру; званіе же назначеннаго не приноситъ собственно ему никакой выгоды, то представить въ меморіи его сіятельству господину президенту (графу А. С. Строганову), не угодно ли ему будетъ его, Ступина, яко перваго заводителя дѣла еще необыкновеннаго, удостоить званія академика». Графъ Строгановъ одобрилъ предполагаемую награду какъ въ ознаменованіе заслугъ С., такъ и для того, чтобы ободрить его къ «дальнѣйшимъ подвигамъ». Вмѣстѣ съ этимъ было постановлено, «принявъ его (С.) подъ покровительство академіи, предписать ему, чтобы онъ продолжалъ начатое имъ заведеніе... и доставлялъ въ академію ежегодно какъ о состояніи, прекращеніи или упадкѣ его заведенія, такъ и объ успѣхахъ обучающихся въ ономъ рапорты, присылая также ихъ рисунки и другія работы, дабы академія могла бы усматривать приносимую симъ заведеніемъ его пользу». Съ этого времени С. сталъ вести свое дѣло подъ покровительствомъ и руководствомъ академіи художествъ; кромѣ нея и С.-Петербургское общество поощренія художествъ приняло въ заведеніи С. участіе и изъявило готовность оказывать ему содѣйствіе. Академія постоянно присылала затѣмъ С. оригиналы и гипсы для копированія учениками его школы, а также поощрительныя медали для выдачи лучшимъ изъ его учениковъ, С. же съ своей стороны отвѣчалъ доставленіемъ въ академію подробныхъ свѣдѣній о состояніи школы и образцовъ работъ своихъ учениковъ. Въ 1822 г. С. сообщилъ, между прочимъ, академіи, что онъ съ сыномъ своимъ «занимался на нижегородской ярмонкѣ росписаніемъ стѣнъ внутри новой соборной церкви, которая работа пріобрѣла имъ похвалу отъ публики и со стороны строительнаго комитета, учрежденнаго при сей ярмонкѣ, по именному Высочайшему повелѣнію одобреніе и благодарность», и что на вырученныя за эту крупную работу деньги куплено имъ «для школы слишкомъ до 200 учебныхъ, перспективныхъ и историческихъ эстамповъ и двѣ оригинальныя баталическія картины». Въ 1834 г. С. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени «за отличныя заслуги по учрежденію собственнымъ иждивеніемъ въ 1802 г., въ Арзамасѣ, художественной школы». Въ 1836 г. онъ, по старости, передалъ преподаваніе въ школѣ своему зятю (бывшему своему ученику) Н. Алексѣеву, продолжая однако личное завѣдываніе школой. Въ концѣ 1842 г. домъ и школа С. очень серьезно пострадали отъ пожара, при чемъ было уничтожено огнемъ почти все художественное имущество. По ходатайству С., ему было отпущено изъ казны 5000 руб. на возстановленіе сгорѣвшаго. Въ 1845 г. С. опять совершилъ поѣздку въ Петербургъ, гдѣ, по представленію академіи художествъ, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени «за распространеніе живописи въ отечествѣ и за сорокалѣтнее существованіе его школы»; въ Петербургъ онъ ѣздилъ и въ 1854 г., имѣя уже 78 лѣтъ отъ роду, и на этотъ разъ былъ обласканъ тамъ тогдашнимъ президентомъ академіи художествъ, великой княгиней Маріей Николаевной. Умеръ С. въ своемъ родномъ городѣ, на 85-мъ году отъ рожденія. Вскорѣ послѣ его смерти школа вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ была закрыта. Исторія русскаго искусства не можетъ не признать за С. выдающейся общественной заслуги. Его школа была первымъ и въ теченіе продолжительнаго времени единственнымъ частнымъ учрежденіемъ подобнаго рода внутри Россіи. Просуществовавъ около полувѣка, она дала художественную подготовку многимъ молодымъ людямъ, поступившимъ затѣмъ въ академію художествъ и выдвинувшимся на художественномъ поприщѣ (напримѣръ Н. Алексѣевъ, И. Горбуновъ, В. Раевъ), также образовала большое число учителей рисованія и живописцевъ, которые своими трудами способствовали распространенію въ провинціи художественныхъ познаній и любви къ искусству.

И. Ремезовъ, „Арзамасскій мѣщанинъ-иконописецъ Александръ Васильевичъ Ступинъ“, Спб., 1901 г., изд. 3-е.—„Иконописецъ Ступинъ и его Арзамасская школа живописи“, „Грамотѣй“, годъ 8-й, № 2, стр. 1—12.—П. Н. Петровъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской академіи художествъ за сто лѣтъ ея существованія“, т.т. I и II, Спб., 1864 и 1865 гг. (по указателю Юндалова).—Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона, т. 32, s. v.

Вл. Грековъ.

Ступишинъ, *Ростиславъ Дмитріевичъ*, писатель, родился въ 1836 г. въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Съ внѣшней стороны жизнь его чрезвычайно скудна событіями: окончивъ въ 1853 г. курсъ въ 1-й Казанской гимназіи, онъ поступилъ на государственную службу, сначала въ алатырскую удѣльную контору, потомъ въ томское губернское правленіе, но вскорѣ вышелъ въ отставку и занялся службою въ частныхъ учрежденіяхъ, состоя контролеромъ на двухъ желѣзныхъ дорогахъ и позже — по надзору за табачными фабриками въ Кіевской губерніи. Въ 1884 г. онъ совсѣмъ оставилъ службу и поселился въ Москвѣ, гдѣ въ январѣ 1885 г. и умеръ. Литературная дѣятельность С. началась въ 1863 г. Онъ напечаталъ рядъ романовъ, повѣстей, очерковъ и различныхъ статей по современнымъ вопросамъ, главнымъ образомъ, въ «Сынѣ Отечества», «Сѣверной Пчелѣ» Старчевскаго, «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Кіевлянинѣ» и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ «Сынѣ Отечества» имъ были помѣщены: повѣсти—«Бѣлица», «Семейная тайна», «Падчерица«, «Карьера», «Пылкая любовь», «Двѣ доли», «Катя», разсказы—«Приказчикъ», «Поваръ», «Ямщикъ», «Маша», «Двѣ жертвы», романы—«Сила воли» и «Мечтатели и практики»; въ «Сѣверной Пчелѣ»: романъ «Дѣти времени», повѣсть «Разбитое счастье» и комедія «Бракъ по разсчету». Отдѣльно имъ изданы—«Мареа Посадница, или покореніе Новгорода», трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ (Спб., 1870 г.), «Избраніе на царство Михаила Өеодоровича Романова», драма въ 6-ти картинахъ, въ стихахъ (ibid., 1870 г.), «Полный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ» (Кіевъ, 1879 г.) и «Конекъ-Горбунокъ», сказка для дѣтей, подражаніе сказкѣ Ершова (Кіевъ, 1880 г.).

Некрологъ П. В. Быкова въ „Библіографѣ", 1886 г., № 12, стр. 183—184.—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", вып. 5-й. — „Всеобщая Газета", 1885 г., № 5, стр. 117.

В. Грековъ.

Стурдза, *Александръ Скарлатовичъ*, дипломатъ, писатель по политическимъ и религіознымъ вопросамъ, тайный совѣтникъ, сынъ молдавскаго боярина, родился въ Яссахъ, въ Молдавіи, 18 ноября 1791 г. Отецъ его за приверженность Россіи принужденъ былъ послѣ Ясскаго мира оставить отечество и въ началѣ 1792 г. переселился въ Россію. Большое вліяніе на С. имѣла его кормилица, съ ранняго дѣтства воспитавшая въ немъ религіозное чувство. Образованіе онъ получилъ сначала домашнее, затѣмъ слушалъ лекціи въ нѣсколькихъ германскихъ университетахъ, потомъ довольно долго жилъ въ Вѣнѣ и Флоренціи; нѣкоторое время послѣ этого служилъ офицеромъ у князя Константина Мургузы, послѣ чего поселился въ Константинополѣ, но тамъ прожилъ недолго и вскорѣ переѣхалъ въ Россію. Значительное вліяніе на складъ міровоззрѣнія С. оказалъ въ Москвѣ греческій архіерей Никифоръ Өеотокисъ и въ Петербургѣ Евгеній Булгарисъ, съ которымъ былъ близокъ отецъ С. Въ 1809 г. послѣ предварительнаго, притомъ довольно строгаго испытанія С. вступилъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ, первоначально будучи опредѣленъ писцомъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ членъ Государственнаго Совѣта гр. Румянцевъ поручилъ ему составить на основаніи архивныхъ матеріаловъ комментарій дипломатическихъ сношеній Россіи съ Мальтійскимъ орденомъ, начиная съ 1768 г. до вступленія на престолъ Александра I. Успѣшно исполнивъ эту работу, С. назначенъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій, а въ 1811 г.—драгоманомъ (переводчикомъ), такъ какъ говорилъ на шести языкахъ: греческомъ, латинскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и молдавскомъ. Къ этому времени относится составленный имъ проектъ о вознагражденіи инвалидовъ, успѣха не имѣвшій. Въ 1812 г. онъ получилъ мѣсто секретаря и переводчика при главнокомандующемъ Дунайской арміей, П. В. Чичаговѣ, и участвовалъ въ походѣ въ Литву противъ Наполеона, предпринятомъ этой арміей. Вернувшись въ Петербургъ, С. пробылъ здѣсь недолго, такъ какъ въ 1814 г. былъ опредѣленъ къ россійскому посольству въ Вѣну, гдѣ услуги его какъ прекраснаго знатока языковъ понадобились во время засѣданій Вѣнскаго конгресса. Въ 1815 г. С. вмѣстѣ съ гр. И. А. Каподистріа, въ качествѣ секретаря послѣдняго, уѣхалъ въ Парижъ. Тамъ имъ была написана первая работа по вопросамъ церкви—«Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'Eglise orthodoxe», въ 1816 г. опубликованная на французскомъ языкѣ въ

Штуттгартѣ. Въ ней С. пытался въ сжатыхъ чертахъ изложить основы православія, причемъ объ исполненіи этой задачи самъ былъ настолько высокаго мнѣнія, что экземпляры книги съ прибавленіемъ толкованій на греческомъ языкѣ послалъ даже святѣйшимъ патріархамъ — Кириллу константинопольскому и Поликарпу іерусалимскому. Впослѣдствіи произведеніе это, которымъ авторъ преслѣдовалъ до извѣстной степени агитаціонныя цѣли, переведено было на нѣмецкій и англійскій языки. Въ январѣ 1816 г. С. вернулся въ Петербургъ и продолжалъ свою службу уже при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ началѣ 1818 г. кн. А. Н. Голицынымъ, бывшимъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія, онъ былъ привлеченъ къ участію въ трудахъ и совѣщаніяхъ управленія училищъ и назначенъ членомъ ученаго комитета, причемъ на его долю пришлась цензура учебныхъ книгъ, преимущественно по древнимъ языкамъ. Въ то время въ центральныхъ учрежденіяхъ министерства народнаго просвѣщенія дѣятельно обсуждалась реформа школьнаго образованія, преслѣдовавшая задачу ликвидировать тѣ начала либерализма, которыя по уставу 1804 г. легли въ основу средняго образованія въ первой половинѣ царствованія Александра I. Въ согласіи съ этими новыми вѣяніями, С., по порученію министра, написалъ особую инструкцію для ученаго комитета, въ которой высказывался противъ общеобразовательнаго, энциклопедическаго характера программъ средне-учебныхъ заведеній 1804 г., настаивая на преподаваніи наукъ гуманитарныхъ и религіозныхъ. Инструкція цѣлью дѣятельности комитета ставитъ достиженіе «постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрой, вѣдѣніемъ и властью, или, другими выраженіями, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ»; относя на этомъ основаніи всѣ вѣтви просвѣщенія къ тремъ основнымъ началамъ,—къ Богу, человѣку и природѣ, — С. предлагаетъ даже особую «классификацію» учебной системы: «подраздѣленіе наукъ на теологическія, антропологическія и физико-математическія». Инструкція эта оказала значительное вліяніе на ходъ занятій ученаго комитета. Одновременно съ нею С. представилъ проектъ цензурнаго устава, который, по мнѣнію Сухомлинова, гораздо гуманнѣе и даетъ большій просторъ печати, чѣмъ проектъ Магницкаго,—похвала, впрочемъ, весьма условная.

Во время Аахенскаго конгресса 1818 г. С. поѣхалъ за границу и тамъ, по порученію государя, написалъ для членовъ конгресса «Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne». Въ этой запискѣ онъ особенно подробно останавливался на германскихъ университетахъ, считая ихъ разсадниками революціоннаго духа и атеизма, почему, по мнѣнію С., необходима коренная реформа университетскихъ уставовъ, и прежде всего— уничтоженіе всѣхъ средневѣковыхъ привилегій университетовъ и подчиненіе ихъ руководству іерархическихъ судилищъ и строгому надзору полиціи; въ противномъ случаѣ, всей Европѣ грозитъ распространеніе революціоннаго движенія, выразившагося въ Германіи въ убійствѣ Коцебу и различныхъ студенческихъ демонстраціяхъ. Записка С. Аахенскому конгрессу первоначально напечатана была только для членовъ конгресса въ количествѣ 50 экземпляровъ, но противъ воли конгресса и самого С. она въ концѣ 1818 г. попала въ «Times», а оттуда была перепечатана нѣмецкими газетами (между прочимъ въ «Europaische Annalen», 1819, Bd. I). Понятенъ тотъ шумъ, который поднялся по этому поводу въ нѣмецкихъ государствахъ, населеніе которыхъ такъ гордилось и такъ дорожило свободою своихъ университетовъ. С. принужденъ былъ удалиться сначала въ Дрезденъ, но тамъ студентъ изъ Вестфаліи, графъ Бухгольцъ, вызвалъ его на дуэль. Вызова С. не принялъ, покинулъ Германію и возвратился въ Россію, гдѣ и поселился въ своемъ имѣніи, такъ какъ принужденъ былъ заняться леченіемъ глазъ. Неудачная миссія С. на Аахенскомъ конгрессѣ, тѣмъ не менѣе, въ согласіи съ тогдашними вѣяніями въ правительственныхъ сферахъ, была сочтена за заслугу, и онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра, а дѣятельность его настолько цѣнили, что во время пребыванія въ деревнѣ ему даже прислали изъ министерства въ помощники особаго чиновника. Занятія С. въ деревнѣ состояли въ составленіи политическаго обзора за 1819 годъ. Въ 1820 г. имъ были, по предложенію правительства, письменно изложены конгрессу государей въ Троппау замѣчанія о

возстаніяхъ въ Испаніи и Неаполѣ и о внутреннихъ дѣлахъ Вѣны. Принималъ онъ также дѣятельное участіе и въ дѣлахъ конгресса въ Лейбахѣ. Къ этому же времени, между прочимъ, относятся и нѣкоторыя предложенія С., касавшіяся внутреннихъ вопросовъ; таковы переданный государю проектъ объ учрежденіи въ Москвѣ центральнаго духовнаго попечительства съ обязанностью заботиться объ обращеніи въ православіе находящихся въ Россіи подданныхъ не-православныхъ исповѣданій, его предложеніе ввести преподаваніе молдаванскаго языка въ начальныхъ училищахъ Бессарабской области и др. Въ октябрѣ 1821 г. С. пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью испросить безсрочный отпускъ, получивъ который, надолго поселился въ Одессѣ, откуда нѣсколько разъ ѣздилъ лечиться за границу. Съ большимъ интересомъ слѣдилъ С. за событіями въ Греціи и вмѣстѣ со своей сестрой, графиней Роксандрой Эделингъ, помогалъ бѣглецамъ изъ Константинополя. По поводу происходившихъ событій имъ написана была «La Grèce en 1821 et 1822» (Leipzig, 1822) и опубликовано открытое письмо аѳинскому митрополиту Неофиту («Аѳинская Газета» и «Евангельская Труба» за 1826 г.). Ему приписывается также составленіе прошенія временнаго греческаго правительства Веронскому конгрессу. Въ апрѣлѣ 1828 г. С. посланъ былъ въ Бухарестъ для завѣдыванія походной канцеляріей министра иностранныхъ дѣлъ за время турецкой войны. Вмѣстѣ съ президентомъ полномочныхъ посланниковъ совѣта Молдавіи и Валахіи онъ трудился надъ административнымъ преобразованіемъ этихъ княжествъ. Послѣ Адріанопольскаго мира вслѣдствіе разногласій какъ съ дѣятелями министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ и народнаго просвѣщенія, С. вышелъ въ отставку въ чинѣ тайнаго совѣтника и окончательно поселился въ Одессѣ, лишь изрѣдка предпринимая поѣздки за границу. По выходѣ въ отставку онъ посвятилъ себя литературной, общественной и благотворительной дѣятельности. Въ качествѣ депутата онъ присутствовалъ въ одесской комиссіи для борьбы съ чумой, былъ въ числѣ учредителей общества исторіи и древностей Новороссіи, способствовалъ основанію Архангельскаго женскаго монастыря въ Одессѣ, при его содѣйствіи тамъ же основана въ 1850 г. община сестеръ милосердія, наконецъ, въ теченіе 12 лѣтъ состоялъ вице-президентомъ общества земледѣлія южной Россіи.

Въ своей литературной дѣятельности С. стремился къ распространенію правильныхъ свѣдѣній о православной церкви въ Западной Европѣ и велъ постоянную полемику съ защитниками другихъ христіанскихъ исповѣданій. Когда въ 1847 г. папа опубликовалъ на греческомъ языкѣ посланіе Восточной церкви, С. отвѣтилъ на него памфлетомъ «Le double parallel» (Аѳины, 1849); затѣмъ онъ перевелъ на русскій языкъ «Окружное посланіе Восточной апостольской церкви» (Спб., 1849 г.), представлявшее собою отвѣтъ на папскую энциклику, и издалъ оба эти посланія со своими комментаріями на французскомъ языкѣ («Les deux Encycliques, traduites du grec par le docteur D. Dallas et précédés d'un avertissement par A. Stourdza», Paris, 1850). Изъ другихъ его многочисленныхъ произведеній по разнымъ вопросамъ, главнымъ же образомъ религіозно-философскимъ и политическимъ, напечатаны были при его жизни: «Опытъ о таинственномъ, служащій введеніемъ къ теоріи таинственныхъ чувствъ» (1810 г.); «Опытъ объ основныхъ законахъ природы человѣка и общества» (1811 — 1812 гг.); «Опытъ учебнаго предначертанія для преподаванія россійскому юношеству греческаго языка» (Спб., 1810); «Разсужденіе о частныхъ и общихъ занятіяхъ благотворительностью» и «О любви къ отечеству» («Записки Имп. человѣколюбиваго общества», 1818 г.); «О вліяніи земледѣльческихъ занятій на нравственное и умственное состояніе народовъ» (тамъ же, 1820 г.); «Памятникъ трудовъ православныхъ благовѣстниковъ русскихъ»; «Вѣра и вѣдѣніе, или разсужденіе о необходимомъ согласіи между богооткровенной религіей и наукой въ дѣлѣ преподаванія въ народныхъ школахъ» (Одесса, 1832 г.); «Notice biographique sur le comte J. Capodistrias» (Paris, 1832); «Аллегоріи и басни» (Одесса, 1834 г.); «Missions du Kamtchatka, quelques faits autentiques sur le progrès de l'eglise de Russie dans les îles et parages de l'Amérique russe»; «Очеркъ христіанской жизни и смерти»; «Письма о должностяхъ священнаго сана» (Одесса, 1841 г.); «Идеалъ и подражаніе въ изящныхъ искусствахъ» (Москва, 1844 г.);

«Воспоминанія о замѣчательныхъ современникахъ: Е. Булгарисъ и Н. Ѳеотокисъ» (Москва, 1844 г.); «Нѣчто о христіанской философіи» (Москва, 1844 г.); «Нѣчто объ этимологіи и эстетикѣ по отношенію къ исторіи и наукѣ древностей» (Москва, 1844 г.); «Воспоминанія о Карамзинѣ» («Москвитянинъ», 1846 г., № 9—10); «О настоящемъ состояніи церкви въ Сиріи и Палестинѣ» («Одесскій Вѣстникъ», 1847 г., 31 декабря); «Ручная книга православнаго христіанина», перев. съ молдавск. языка (Одесса, 1848 г.); «О духовной жизни на Востокѣ и о духовной филологіи» (Москва, 1849 г.); «Бесѣда любителей русскаго слова и Арзамасъ въ царствованіе Александра I» («Москвитянинъ», 1851 г., ч. VI, №№ 11 и 21) и др.

Умеръ С. въ Манзирѣ 13 іюня 1854 г. Послѣ его смерти въ Парижѣ издано было собраніе его сочиненій и оставшихся послѣ него рукописей подъ названіемъ: «Oeuvres posthumes réligieuses, historiques, philosophiques et littéraires» (1858—1861 гг.). Кромѣ того послѣ его смерти напечатаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ слѣдующія его произведенія: «О судьбѣ русской православной церкви въ царств. Александра I» (напеч. проф. Н. И. Барсовымъ въ «Русской Старинѣ» за 1876 г.); «Воспоминанія о М. Л. Магницкомъ», сообщено Н. В. Неводчиковымъ («Русскій Архивъ», 1866 г., № 6, стр. 926); «Сравненіе православнаго ученія съ лютеранствомъ и папизмомъ» («Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости», 1861 г.); «Архимандритъ Макарій, подвижникъ и благовѣстникъ слова Христова» («Странникъ», 1860 г., т. II, № 4, стр. 117); «Напутствіе», стихотвореніе (тамъ же, 1891 г., январь). Послѣ него остались въ рукописи его воспоминанія: «L'histoire de mon enfance et de ma première jeunesse, écrite pour ma soeur». Письма его къ Иннокентію, архіепископу херсонскому, изданы Барсовымъ (1888 г.).

Некрологи за 1854 годъ: „Москвитянинъ", № 14, стр. 144; „Одесскій Вѣстникъ", №№ 65, 117, 119, 120; „Сѣверная Пчела", №№ 151 и 186; „Эонъ", №№ 1484 и 1492.—Брокгаузъ и Эфронъ, „Энциклопедическій словарь", полут. 55, стр. 723; полут. 62, стр. 856. — В. Клюшниковъ, „Всенаучный энциклопедическій словарь", Спб., 1878 г., т. II, стр. 809.—Ф. Толль, „Настольный энциклопедическій словарь", Спб., 1864 г., т. III, стр. 553. — С. В. Рождественскій, „Историческій обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія", Спб., 1902 г., стр. 110, 111, 115—117, 119, 127, 133, 161, 186.—М. Погодинъ, „Н. М. Карамзинъ по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ", Москва, 1866 г., ч. 2. — „Русская родословная книга", изд. „Русской Старины", Спб., 1875 г., т. II, стр. 175, № 58. — Кн. А. Б. Лобановъ Ростовскій, „Русская родословная книга", Спб., 1895 г., изд. 2, т. II, стр. 263. — М. Сухомлиновъ, „Изслѣдованія и статьи по исторіи просвѣщенія въ Россіи", Спб., 1889 г., т. I, стр. 181, 478 и 479.—Митроп. Филаретъ, „Обзоръ русской духовной литературы", Черниговъ, 1863 г., изд. 2-ое, кн. 2, стр. 273 — 274, № 145.—„Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля", Москва, 1865 г., ч. 6, стр. 57, 58, 128. — „Справочный энциклопедическій словарь", Спб., 1855 г., т. 9.—Н. Неводчиковъ, „Знакомство и переписка А. С. Стурдзы съ Филаретомъ, митрополитомъ московскимъ", „Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости", 1868 г., № 1, стр. 14; № 2, стр. 58; № 3, стр. 83. — „Православное Обозрѣніе", 1862 г., апрѣль, стр. 166. — „Русскій Архивъ", 1874 г., кн. 1, стр. 123. — „Переписка Иннокентія, архіепископа Херсонскаго, съ А. С. Стурдзой", „Прибавленія къ „Херсонскимъ Епарх. Вѣдомостямъ", 1861 г., №№ 1, 8 и 9.—„Письмо о. Константина Икономоса къ А. С. Стурдзѣ", тамъ же, 1861 г., № 6. — „Изъ бумагъ Н. И. Греча", „Русскій Архивъ", 1869 г., № 3, стр. 599.—„Записки графини А. Д. Блудовой", тамъ же, 1875 г., № 3 и 4.—„Странникъ", 1864 г., № 4, стр. 5—58.—„Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ", 1864 г., № 2, стр. 194; 1875 г., № 1, стр. 144.—„Русскій Инвалидъ", 1855 г., №№ 31 и 32. — „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія", 1855 г., ч. LXXXV, стр. 40. — „Духовная Бесѣда", 1876 г., № 47, стр. 481; № 48, стр. 513; № 49, стр. 530. — „Одесскій Воскресный Листокъ", 1876 г., №№ 3, 4, 6, 7, 12, 13, 15 и 26.—„А. С. Стурдза и кн. А. Н. Голицынъ", „Русскій Инвалидъ", 1858 г., № 272.—„Извѣстія Русскаго Археологическаго Общества", т. 8, вып. 5, стр. 552. — В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1800—1854 гг.", Спб., 1890 г., т. II, стр. 236, №№ 17546—17551.—„Москвитянинъ", 1855 г., т. I, № 4, стр. 45—80.—„Одесскій Вѣстникъ", 1855 г., №№ 1, 2 и 3.—В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865 — 1876 гг.", Спб. 1881—1890 гг., т. I, стр. 22, № 931; стр. 96, № 2944; стр. 130, № 3613; стр. 137, № 3801 — 3802; стр. 142, № 3880; стр. 148, № 3924; ч. 6; т. II, стр. 219, № 20119,8; стр. 270, № 21316; стр. 381, № 23880 — 23881; стр. 407, № 24494; т. III, стр. 15, № 26432; стр. 371, № 35892,3; т. IV, стр. 105, № 39393,6; т. V, стр. 215, № 50074; т. VIII, стр. 215.—Его же, „Исторія русской и всеобщей словесности", Спб., 1872, стр. 249, № 5513; стр. 289, № 8084; стр. 398, № 10949; стр. 399, № 10970; стр. 448, № 12072—12077; стр. 483, № 12852; стр. 494, № 13008; стр. 496, № 13071; стр. 506, № 13283; стр. 572, № 14905.—П. и Б. Ламбины, „Русская историческая библіографія" за 1857 г., Спб., 1867 г., стр. 64, № 1003; то же за 1864 г., Спб., 1884 г., №№ 3513 и

3725 — 3726. — Мезіеръ, „Русская литература съ IX до XIX в. включ.“, Спб., 1884 г., ч. II, стр. 84, № 6716а; стр. 132, № 8416; стр. 165, № 9700а; стр. 174, № 10059; стр. 330, № 15308а; стр. 546, № 22495. — „Meyer's Hand-Lexikon“, Leipzig und Wien, 1891, Bd. 5, 2 Hälfte, S. 1281.—S. Orgelbranda, „Encyklopedyja powszechna“, Warszawa, 1903, tom XIV, стр. 108. — „Oppositions Blatt oder Weimarische Zeitung“, 1819, №№ 1 — 7. — Prof. Krug, „Auch eine Denkschrift über den gegenwärtigen Zustand von Deutschland“, Leipzig, 1819.— „Ueber deutschen Universitäten und Studenten, eine Wort gegen Stourdza's Urtheil ueber dieselben“, Leipzig, 1819. — Graf H. W. A. Kalckreuth, „Gründliche allgemeine und vorläufige Wiederlegung jedes gesamten Schreibens und Urtheilens, wovon die Schrift des Herrn von-Stourdza nur eine einzelne, vorübergehende Erscheinung ist“, Leipzig, 1819.—„Das Stantz-Lexikon von Rottek und Welcker“, Altona 1847; tom 6, p. 144.— „Revue des deux mondes“, 1854 an., t. 7, pag. 678.—Schmidt, „Kritische Geschichte der Neugrichischen und der Russischen Kirche“, Mainz, 1840, pag. 232.—D-r Rinks, „Ueber den Revolutionengeist auf den deutschen Universitäten“, München, 1834.

Стурдза, *Михаилъ Григорьевичъ*, министръ финансовъ при графѣ Киселевѣ, а потомъ господарь Молдавіи, происходилъ изъ древняго рода молдавскихъ бояръ, родился въ 1795 г. въ Молдавіи. Во время оккупаціи послѣдней русскими войсками, С. назначенъ былъ министромъ финансовъ и членомъ законодательнаго комитета по выработкѣ органическаго статута. Здѣсь онъ пріобрѣлъ большое вліяніе, былъ главнѣйшимъ редакторомъ статута и по окончаніи работъ коммиссіи въ 1831 г. вмѣстѣ съ другими лицами уполномоченъ былъ представить выработанный проектъ статута русскому правительству. Когда въ 1834 г. прекращена была оккупація Молдавіи русскими войсками, С. былъ выбранъ молдавскимъ господаремъ и утвержденъ Россіей и Турціей. Правилъ онъ, особенно послѣ Адріанопольскаго мира, подъ вліяніемъ Россіи, приверженность къ которой онъ всегда обнаруживалъ и до своего господарства. Первыя семь лѣтъ своего управленія княжествомъ С. провелъ въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ нѣкоторыми враждебными ему боярскими домами, завидовавшими столь быстрому его возвышенію. Въ 1839 г. въ Молдавіи на почвѣ экономическихъ неудовольствій вспыхнуло крестьянское возстаніе, во главѣ котораго стоялъ Василій Поповичъ, по происхожденію болгаринъ. С. быстро, не останавливаясь передъ крайними и жестокими мѣрами, подавилъ вспышку. Но въ общемъ правленіе его замѣчательно въ томъ отношеніи, что въ теченіе 14 лѣтъ онъ сумѣлъ управлять господарствомъ мирно и безъ потрясеній, руководясь во всѣхъ случаяхъ органическимъ статутомъ. Несмотря на враждебное отношеніе къ нему многихъ боярскихъ домовъ, С. умѣло руководилъ представительнымъ собраніемъ княжества, заставляя его принимать всѣ свои предложенія. Обладая значительными административными способностями, онъ немало сдѣлалъ для Молдавіи. Въ 1844 г., по его предложенію, собраніемъ принятъ былъ проектъ освобожденія цыганъ Монастырскаго вилайета; вмѣстѣ съ тѣмъ С. принялъ рядъ мѣръ къ улучшенію путей сообщенія и много заботился о лучшей постановкѣ народнаго образованія. Лѣтомъ 1848 г., подъ вліяніемъ событій въ Западной Европѣ, обнаружилось революціонное движеніе въ Молдавіи, равно какъ и въ сосѣдней Валахіи. Молдавскіе либералы на своихъ собраніяхъ выработали проектъ новой конституціи, въ которомъ, между прочимъ, требовали свободы печати и отвѣтственности министровъ, и поднесли его С. Несмотря на свое обѣщаніе удовлетворить ихъ требованія, С. слово нарушилъ, вожаковъ возникшаго движенія арестовалъ и выслалъ за предѣлы господарства. Недовольство С. и броженіе въ странѣ продолжались, и въ 1849 г. онъ принужденъ былъ отказаться отъ господарства и покинуть предѣлы Молдавіи. Извѣстно, что С. былъ корыстолюбивъ, торговалъ правосудіемъ и общественными должностями. За время своего правленія С. составилъ себѣ богатство, поставившее его въ ряду крупнѣйшихъ магнатовъ Европы. Больше онъ къ политической дѣятельности не возвращался. Умеръ С. въ 1884 г.

Брокгаузъ и Эфронъ, „Энциклопедическій словарь“, полут. 62, стр. 856; полут. 53, стр. 271—272, слово „Румынія“.—В. Клюшниковъ, „Всенаучный энциклопедическій словарь“, Спб., 1878 г., т. II, стр. 616. — Orgelbranda, „Encyklopedyja powszechna“ Warszawa, 1903, т. XIV, стр. 108. - С. Н. Палаузовъ, „Румынскія господарства Валахія и Молдавія въ историческо-политическомъ отношеніи“, Спб., 1859 г., стр. 219, 230—242.—Князь А. Б. Лобановъ Ростовскій, „Русская родословная книга“, Спб., 1895 г., изд. 2-е, т. II, стр. 264.— „Русская родословная книга“, изд. „Русской Старины“, Спб., 1875 г., т. II, стр. 175, № 59.— В. И. Межовъ, „Русская историческая библіографія за 1865—1876 гг.“, Спб., 1880—1892 гг.,

т. V, стр. 215, № 50074; т. VIII, стр. 215; т. I, стр. 148, № 3925,3.—„Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля“, Москва, 1865 г., ч. 6, стр. 128—129.—„Michel Stourdza et son administration“, Bruxel, 1848. — „Michel Stourdza ancien prince règnaute de Moldavie“, Paris, 1874.—„Русскій Архивъ“, 1866 г., стр. 1227, 1243.

Субботинъ, *Викторъ Андреевичъ*, ординарный профессоръ по каѳедрѣ гигіены, медицинской полиціи, медицинской географіи и статистики въ университетѣ св. Владиміра, сынъ смотрителя уѣзднаго училища, родился 1 марта 1844 г. въ г. Прилукахъ, Полтавской губ. Первоначальное образованіе получилъ въ одной изъ кіевскихъ гимназій; въ 1861 г., 17-ти лѣтъ, поступилъ на медицинскій факультетъ Кіевскаго университета, курсъ котораго въ 1867 г. окончилъ со степенью лекаря и былъ оставленъ при факультетѣ для подготовки къ ученой дѣятельности: спустя два года защитилъ тамъ же диссертацію подъ заглавіемъ «Матеріалы для физіологіи жировой ткани» («Университетск. Извѣстія», 1869 г., IV, стр. 1—71, и отд., Кіевъ, 1869), былъ удостоенъ степени доктора медицины и званія привать-доцента по каѳедрѣ гигіены и командированъ за границу, гдѣ занимался преимущественно терапіей и патологіей въ лабораторіяхъ Петтенкофера и Фойта въ Мюнхенѣ и Вюрца въ Парижѣ. Февраль и мартъ 1871 г. С., съ разрѣшенія прусскаго правительства, провелъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, посвятивъ это время уходу за ранеными и осмотру ряда госпиталей и лазаретовъ въ Эперне, Реймсѣ и С.-Кентенѣ. По возвращеніи изъ-за границы медицинскимъ факультетомъ университета св. Владиміра онъ былъ избранъ штатнымъ доцентомъ по каѳедрѣ гигіены, медицинской полиціи, медицинской географіи и статистики. Годъ спустя, онъ снова былъ командированъ съ ученой цѣлью на два мѣсяца за границу; въ 1873 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ, а черезъ недолгое время и ординарнымъ профессоромъ по упомянутой каѳедрѣ; наконецъ въ 1884 г. избранъ въ деканы факультета. Умеръ С. въ началѣ 1891 г. Кромѣ диссертаціи ему принадлежатъ еще слѣдующія работы на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: «Einiges über die Wirksamkeit des übermarganzsaueren Kalis auf Albuminkörper» («Chemisches Centralblatt», 1865 г., № 38), «Употребленіе пепсина въ медицинской практикѣ» («Соврем. Медиц.», 1867), «Zur Frage über die Anwesenheit der Peptone im Blut und Chylusserum» («Zeitschrift für rationale Medicin», 1868, Bd. XXX), «Beiträge zur Physiologie des Fettgewebes» («Zeitschrift für Biologie», 1870, Bd. VI), «Трудъ, отдыхъ и мясная пища» («Кіевлянинъ», 1869 г., іюль), «Mittheilung über den Einfluss der Nahrung auf den Kämoglobingehalt des Blutes» («Zeitschrift für Biologie», 1870, Bd. VII), «Ueber die physiologische Bedeutung des Alcohols für den thierischen Organismus» (ib., 1870, Bd. VII), «Отчетъ о занятіяхъ заграницей» («Кіевск. Универс. Извѣст.», 1871 г.), «Народныя кухни въ Берлинѣ» («Арх. Судебн. Медиц.», 1871 г., т. 4, III), «Третій международный медицинскій конгрессъ въ Вѣнѣ въ 1873 г.» («Сборн. сочин. по судебн. медиц.», 1874 г., т. 2, II; 1875 г., т. 2, II), «Канализація и очищеніе городовъ» (тамъ же, 1875 г., т. 1), «О дезинфекціи кожъ животныхъ, павшихъ отъ чумы» (тамъ же, 1878 г., т. 3), «Значеніе марганцевокислаго кали какъ дезинфецирующаго средства» («Здор.», 1878 г., № 101 и 102), «Порча воды въ прудахъ и рѣкахъ свеклосахарными заводами Кіевской губ.» («Сборн. сочин. по судебн. медиц.», 1881 г., I), «О расширеніи преподаванія гигіены въ русскихъ университетахъ» («Здоровье», 1882 г., № 10), «Объективные признаки плохихъ санитарныхъ условій» («Научно-Санитарн. Новости», 1884 г., № 1—2), «Самоочищеніе рѣчной воды» («Русск. Медиц.», 1884 г., № 6). Перевелъ съ нѣмецкаго и напечаталъ: «О примѣненіи закона сохраненія силы въ органической природѣ», Гельмгольца («Св. Мед.», 1863 г., № 28), «Холерная эпидемія въ Индіи», Петтенкофера («Извѣст. Кіевск. Университ.», 1872 г., IX—XI; 1873 г., III—IV, и отд., Кіевъ, 1872) и «Основы физіологіи человѣка», Ранке (вмѣстѣ съ П. П. Сущинскимъ;—М., 1873).

„Biographisches Lexikon der hervorragenden Aerzte aller Zeiten und Völker,“ von Aug. Hirsch, Wien und Leipzig, Bd. 5, 1887, S. 576.—„Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра“, стр. 634.—Л. Ѳ. Змѣевъ, „Русскіе врачи-писатели съ 1863 г.“, Спб., 1889 г., тетр. 5, стр. 152.—„Энциклопедич. словарь“ Брокгауза и Ефрона, полут. 62, Спб., 1892 г., стр. 873.

Суворина, *Анна Ивановна* (рожден. *Баранова*)—писательница для дѣтей, первая жена извѣстнаго журналиста и издателя А. С. Суворина, род. въ 1840 г., умерла въ 1874 г. въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ Е. I. Лихачевой, съ которой ее связывала тѣсная дружба, она перевела и составила рядъ популярныхъ книгъ для дѣтскаго чтенія: «Путешествіе къ центру земли», Ж.-Верна, перев. съ фр., съ приложеніемъ статьи: «Очеркъ происхожденія и развитія земного шара, съ рисунками первобытныхъ растеній и животныхъ» (Спб., 1865 г.); въ этой статьѣ, въ основу которой были положены данныя, добытыя наукой, цензура усмотрѣла признаки «вреднаго вліянія» на дѣтей, и циркуляромъ по Московскому учебному округу было запрещено пріобрѣтать всю книгу для библіотекъ казенныхъ учебныхъ заведеній; «Исторія французской революціи», Минье, перев. съ франц., съ предислов. К. К. Арсеньева и приложеніемъ нѣсколькихъ главъ изъ «Исторіи революціи», Эдгара Кине,—2 тома (Спб., 1865—1866 гг.); «Слуги желудка», Массе, перев. съ франц. (Спб., 1866—1867 гг.; 2-ое изд., Спб., 1870 г.); «Для чтенія. Сборникъ повѣстей и разсказовъ, стихотвореній и популярныхъ статей для дѣтей» (Спб., 1866 г.); «Великія явленія и очерки природы» (Спб., 1866—1867 гг.; 2-е изд. 1874); «Австралія. Исторія открытія и колонизаціи», пер. съ нѣм. (Спб., 1871 г.). Сборникъ «Для чтенія», принятый печатью въ общемъ одобрительно и сочувственно, со стороны одной ея части встрѣтилъ рѣзкія нападки и былъ окрещенъ «нигилистическимъ». Отпоръ этимъ неосновательнымъ придиркамъ С. вмѣстѣ съ Лихачевой дала въ своемъ отвѣтѣ издат. «Современной Лѣтописи» («Спб. Вѣдом.», 1866 г., № 123).

Кн. Н. Н. Голицынъ (Книжникъ), „Библіографич. словарь русскихъ писательницъ", Спб., 1889 г., стр. 150—152 и 239.—„Русское Слово", 1864 г., № 12.—„Современникъ", 1865 года, №№ 1, 11 и 12.—„Книжный Вѣстникъ", 1864 г., № 24; 1865 г., № 23; 1866 г., № 3.—„Русскій Инвалидъ", 1865 г., № 9.—„Учитель", 1865 г., № 5; 1879 г., №№ 23—24.—„Отечеств. Записки", 1865 г., іюнь, кн. 2 (ст. В. Водовозова, „Обзоръ руководствъ и книгъ для общаго образованія"); 1868 г., т. 178, № 5, отд. 2; 1871 г., № 2.—„Голосъ", 1866 г., № 63; 1867 г., № 247; 1873 г., № 355.—„С.-Петерб. Вѣдом.", 1866 г., № 123; 1871 г., № 1; 1873 года, № 350.—„Вѣстн. Европы", 1866 г., № 2; 1871 года, № 2; 1874 года, № 1.—„Современная Лѣтопись", 1866 года, № 41 (ст. „Нигилистическій сборникъ для дѣтскаго чтенія"). — „Циркуляры по Московскому учебному округу", 1867 года, № 3, стр. 13.—„Дѣтское Чтеніе", 1870 г., № 10.—„Русскій Лѣтописецъ", 1871 г., № 2.—„Дѣтскій Садъ", 1871 г., № 2.—„Недѣля", 1871 г., № 8.—„Природа", 1874 г., № 1.—„Одесскій Вѣстникъ", 1874 г., № 2.

А. З.

